ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ).

Istoričeskaja Hristomatija
vago perioda ruskoi slovesnosti
A. Galahov

zdanie šestoe

S. Peterburg 1891

ОМАТІЯ

СТИ.

Historical Chrestomathy
of the New Period of Russian
Literature
(editor) A Galahov
St Peterburg 1891
6th edition (Russian)

:НА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1891.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ I.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО КАРАМЗИНА).

Составилъ А. Галаховъ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

ОТЪ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

ОТЪ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

то въ его договорѣ, чтобъ его изъ воды вынуть. Piter.

3. Гр. Өедору Алексѣевичу Головину, изъ Петербурга (7 апрѣля 1706).

Господинъ Адмиралъ!

Понеже будущаго мѣсяца въ первый день будетъ великое солнечное затмѣніе, того для нѣкоторыя трубки и инструменты надобны: изволь прислать ихъ (по вложенной грамоткѣ англинскихъ математиковъ къ ихъ товарищу) сюды немедленно; также изволь сіе поразславить въ нашихъ людѣхъ, что оное будетъ, дабы въ чудо не ставили: понеже когда люди про то вѣдаютъ, не есть чудо (²).

4. Меншикову, изъ Петербурга (11 сентября 1706) (³).

Min Bruder!

По отъѣздѣ отъ васъ, пріѣхали въ Нарву 4 число сего мѣсяца, а во флотъ прибыли 7-ое число, а въ 8-е сюда, гдѣ, слава Богу, покой отъ дороги получили (которая зѣло чувствуется во всемъ тѣлѣ, однакожъ по малу забываемъ). Каменное строеніе въ городѣ совершится отъ сего дня меньше двухъ недѣль и зѣло изрядно; казармы отъ половины Никиты Моисеевича (а) больверка едва не до самаго Гаврилы Ивановича (б) выгорѣли, но паки все сдѣлано. Правда, что явною милостію Божіею и заступленіемъ патрона своего сей городъ спасся, ибо по обѣимъ фасамъ Гаврила Ивановича болѣе 200 бочекъ пороху въ казармахъ было, и ежели бы добралось, то чаю, чтобъ едва не вся крѣпость взлетѣла; и для чего держали столько лишняго пороху, не знаю, и нынѣ велѣлъ развезть, который за погребами остался. Кронверкъ (в) былъ бы готовъ сего лѣта, ежели бы не помѣшала сія препона, которая отняла работниковъ. Крѣпость Св. Александра также въ совершенство приходитъ, и уже казармы дѣлаютъ и прочія жилища солдатамъ; впрочемъ, милостію Вышняго, все добро, и какъ возможно, Богу помогающу, тщимся на предлежащій намъ подвигъ съ радостію; точію едина (о чемъ самъ знаешь), которое всегда прескожаетъ (г) нашему веселію. За симъ, вручая васъ Господу всѣхъ, пребываемъ. Пожалуй всѣмъ вышнимъ и нижнимъ офицерамъ и рядовымъ отдай поклонъ.

Изъ парадиза (д) или Санктпетербурга въ 11 день сентября 1706 г.

Третьяго дня вѣтромъ вестъзюйдъ-вестомъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверхъ

а) Зотова.

б) Головкина (больверки именовались по фамиліямъ приближенныхъ къ царю особъ).

в) Укрѣпленіе, имѣющее два бастіонныхъ фронта съ крыльями.

г) Искажаетъ, препятствуетъ.

д) Рая: такъ Петръ I нерѣдко называлъ С.-Петербургъ.

полу 21 дюймъ, а по огороду и на другой сторонѣ по улицѣ ѣздили въ лодкахъ; однакожъ не долго держалась, меньше 3-хъ часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но и бабы; однакожъ хотя и зѣло велика была, но бѣды великой не сдѣлала.

P. S. Съ Волги водою привезли въ суднѣ 80 стерлядей.

5. *Къ И. А. Толстому, изъ Жолквы* (*27 апрѣля 1707*) ([4]).

Господинъ Губернаторъ!

Рыбу, присланную отъ васъ, принялъ, за который подарокъ благодарствую. Такожъ предлагаю, по управленіи нужныхъ дѣлъ, изволь постараться, чтобъ на Таганъ-Рогѣ (а) въ удобныхъ мѣстахъ (а лучше за городомъ) насадить рощи дубоваго или инаго какого дерева, привезши съ Дону немалое число маленькихъ деревцовъ въ осень (по листопадѣ). Такожъ подалѣ отъ города въ удобныхъ же мѣстахъ нѣсколько десятинъ посѣять желудковъ для лѣсу жъ; такожъ при вышеописанныхъ рощицахъ виноградъ умножить и цвѣтники хорошіе завесть. Съ великимъ желаніемъ желалъ бы я самъ тамъ быть вскорѣ, но еще время не допускаетъ. Господину Савѣ Рагузинскому въ его торговомъ дѣлѣ чини всякое вспоможеніе. Piter.

а) Прежде Троицкъ, построенный 1698 и обращавшій на себя вниманіе Петра.

6. *Конону Никитичу Зотову, изъ Воронежа* (*25 февраля 1709*)([5]).

Господинъ Зотовъ!

Книгу о Фортификаціи манера Блонделева, которую вы перевели, мы оную прочли; и разговоры зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить Фортификацію дѣлать, также въ табелѣ мѣра не именована, футы ль или тоузы, то зѣло темно и непонятно переведено; который листъ переправя, вклеили въ книгу, а старый, вырѣзавъ, при томъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе или невнятность; и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остеречься въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ, какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію, сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть.

Piter.

7. *Меншикову, изъ Петербурга* (*25 февраля 1710*) ([6]).

Объявляемъ вамъ, что мы третьяго дня сюда здорово пріѣхали и здѣсь, слава Богу, все благо обрѣли. Препарація къ обоимъ походамъ, зимнему и вешнему, каждая къ своему времени готова будетъ; ни въ чемъ остановки нѣтъ и только лошадей (которыя положены съ государства для сего похода) еще тихо приводятъ, однакожъ надѣемся исполнену и семъ быть. Въ хлѣбѣ хорошо исправляются: и сухари, и крупа, все

готово; впрочемъ, когда больше осмотрюсь и что здѣсь опредѣлено будетъ, писать къ вамъ не оставлю. Только желаю, дабы Господь Богъ ваше дѣло какъ наискорѣе управилъ, и васъ бы намъ здѣсь видѣть, дабы и вы красоту сего парадиза (въ которомъ добрымъ участникомъ трудовъ былъ и есть), въ заплату трудовъ своихъ, съ нами купно причастникомъ былъ; чего отъ сердца желаю, ибо сіе мѣсто, истинно какъ изрядный младенецъ, что день—преимуществуетъ. За симъ васъ и домашнихъ вашихъ предаемъ въ милость и сохраненіе Господне. Наши домашніе вамъ и домашнимъ вашимъ кланяются.

Прошу, кому надлежитъ, мой отдать поклонъ.

8. Императрицѣ Екатеринѣ I, изъ Грейфсвальда въ Штетинъ (2 августа 1712) ([7]).

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Мы, слава Богу, здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо я лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь.

Петръ.

P. S. Корабль нашъ Святаго Петра сего дня сюды пришелъ, а двухъ ждемъ скоро; я чаю, скоро поѣду въ датскій флотъ, однакожъ долго мѣшкать тамъ не чаю.

9. Ей же, оттуда же и туда же (8 августа 1712) ([8]).

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешь, а и мнѣ не безкучножъ; однако можешь разсудить, что дѣла на скуку мѣнять не надобно. Я еще отсель ѣхать скоро себѣ къ вамъ не чаю, и ежели лошади твои пришли, то поѣзжай съ тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно итить въ Анкламъ; только для Бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на ста саженъ не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ Гафѣ (а) и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя. Петръ.

10. Ей же, изъ Берлина въ Грейфсвальдъ (2 октября 1712) ([9]).

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что я третьяго дни пріѣхалъ сюды и былъ у Короля, а вчерась онъ поутру былъ у меня, а въ вечеру я былъ у Королевы. Посылаю тебѣ сколько могъ сыскать устерсовъ, а больше сыскать не могъ для того, что въ Гамбургѣ, сказываютъ, явился пестъ (б), и для того тотчасъ заказали всячину оттоль сюды возить. Я сего моменту отъѣзжаю въ Лейпцигъ. Петръ.

11. Царевичу Алексѣю Петровичу (11 октября 1715) ([10]).

Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ, которые не только

а) Заливъ.
б) Моровая язва.

ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцомъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ ихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискуства въ войнѣ претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышереченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобилися видѣть что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено. Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линію наслѣдства, едва неравная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ самовольно непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ. Ибо хотя не весьма крѣпкой природы; обаче не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышати хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равномѣрныхъ намъ грековъ. Не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены? и желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ некончаемую работу тираномъ отдалъ. Аще кладешь во умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять, но сіе воистинну не есть резонъ; ибо всякъ смотритъ на начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть. Ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, и нынѣ оружіе, хотя кому до обѣихъ дѣла нѣтъ. И до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ. А отъ чего отвращается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, кольми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь оружіе) оставятъ. Къ тому жъ, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши, и какъ доброму доброе воздать, и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? но и сіе не резонъ: ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить

не можетъ. Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить самъ на досужихъ лошадяхъ; но, имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очьми имѣлъ, чего для никогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій (а), который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театрумъ и школою свѣта назвали. И не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ. Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая, ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное оставлю? Тому иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ). Еще же и сіе воспомяну, какого злаго нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ, къ тому жъ сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою, но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, толькобъ дома жить и имъ веселиться. Однакожъ всего лучше, всего дороже безумный радуешься своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать! (истину Павелъ святый пишетъ, како той можетъ церковь Божію управить, иже о домѣ своемъ не радитъ). Не точію тебѣ, на и всему государству, что все я, съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ (б) тебѣ написать, и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный (в), и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ (г) и что я сіе только въ устрастку пишу: воистинно (Богу извольшу) исполню. Ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю; то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный. Петръ.

B. ВОИНСКІЙ УСТАВЪ (1716).

1. *Обнародованіе его* (д).

Понеже всѣмъ есть извѣстно, коимъ образомъ отецъ нашъ, бла-

а) Людовикъ XIV.

б) Завѣщаніе, увѣщаніе.

в) Членъ, пораженный антоновымъ огнемъ.

г) Писано до рожденія Петра Петровича (т. е. до 28 октября 1715).

д) Обнародованъ 30 марта 1716, нап. 1717.

женныя и вѣчнодостойныя памяти, въ 1647 году началъ регулярное войско употреблять и уставъ воинскій изданъ былъ, и тако войско въ такомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ Польшѣ показаны и едва не все польское королевство завоевано было; также купно и съ шведами война ведена была. Но потомъ оное не токмо умножено при растущемъ въ наукахъ свѣтѣ, но едва и не весьма оставлено, и тако что послѣдовало потомъ? не точію съ регулярными народы, но и съ варварами, что ни противъ кого стоять могли, яко о томъ свѣжая еще память есть (что чинилось при Чигиринѣ и Крымскихъ походахъ, умалчивая старѣе); и не только тогда, но гораздо недавно, какъ съ турки при Азовѣ, такъ и съ начала сея войны при Нарвѣ. Но потомъ, когда войско распорядили, то какіе великіе прогрессы съ помощію Вышняго учинили, надъ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ! и тако всякъ можетъ разсудить, что ни отъ чего инаго то послѣдовало, токмо отъ добраго порядка. Ибо всебезпорядочный варварскій обычай смѣху есть достойный, и никакого добра изъ онаго ожидать возможно. Того ради, будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо изобрѣли сію книгу—воинскій уставъ учинить, дабы всякій чинъ зналъ свою должность, и обязанъ былъ своимъ званіемъ, и невѣдѣніемъ не отговаривался. Еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено. Совершено же въ Данцигѣ, 1716 году, марта въ 30 день.

2. О Генералиссимусѣ.

Сей чинъ коронованнымъ главамъ и великимъ владѣющимъ принцамъ только надлежитъ, а наипаче тому, чье есть войско. Въ небытіи же своемъ оный команду даетъ надъ всѣмъ войскомъ своему генералъ-фельдмаршалу либо самовластно по случаю поступать, какъ онъ за благо изобрящетъ и государю своему въ томъ отвѣтъ дать можетъ, или съ воинскимъ совѣтомъ (что всегда надлежитъ чинить), или по данной ему инструкціи чинилъ, и кромѣ оной онъ ничего важнаго съ помянутымъ войскомъ предпринять могъ, но чинилъ бы прежде о томъ доношеніе своему государю и военному совѣту, и, не получа ихъ въ томъ благоизобрѣтенія и позволенія, главныхъ дѣлъ собою не чинилъ. Однакожъ, ежели чего въ инструкціи и не изображено, а увидитъ, что надежно возможно авантажъ получить, то съ воинскаго совѣта конечно чинить, и такого случая не пропускать. Впрочемъ первое главное дѣло есть, егда генералиссимусъ войну предпріять хощетъ, то надлежитъ имѣть попеченіе военному совѣту, дабы въ пропитаніи и содержаніи войска чрезъ устроенные порядочные магазейны въ способныхъ мѣстахъ, и во всемъ таковое учрежденіе учинить, дабы войско не токмо благовременно во всѣхъ потребностяхъ удовольствовать, но

дабы оное, елико возможно, достаточно было, и чтобъ всѣ войска охотны къ службѣ были и причины къ плохой службѣ не имѣли.

В. МОРСКОЙ УСТАВЪ (1720) ([11]).

1. *Предисловіе* ([12]).

Хотя всѣмъ есть извѣстно о монархіи Россійской и ея початіи, и что далѣе дѣда князя Владиміра (а) правдивой исторіи не имѣемъ; но, оставя сіе историкамъ, возвратимся къ состоянію. Оный вышереченный Владиміръ какъ владычествовалъ и храбростію своею зѣло славенъ былъ, но паче прославился приведеніемъ своего отечества отъ тьмы идолопоклонства къ свѣту Христовой вѣры. Но, основавъ оную, вмѣсто назиданія и укрѣпленія, яму къ паденію учинилъ, егда сынамъ своимъ на 12 частей сію монархію раздѣлилъ, отчего плодъ сего насажденнаго зла еще при животѣ своемъ видѣлъ, когда Святополкъ двухъ своихъ братьевъ, а его дѣтей, убилъ. Потомъ варвары, видя сію махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю подъ свою область привели. И ежелибъ милосердый Господь не воздвигъ великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы въ идолатство пришли или бусурманство; который Владимірово вредное дѣло исправилъ и расточенную махину паки въ гору собралъ и, яко новымъ крещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ вышереченныхъ варваровъ свободилъ и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ, котораго сынъ короною утвердилъ и, храбро владычествовавъ, отъ оныхъ варваровъ весьма безопасно сочинилъ. Но потомъ, когда сія линія пресѣклась злодѣйствомъ Годунова, тогда черезъ смятеніе едва паки къ паденію не пришла, которую дѣдъ нашъ подобными первыхъ дѣлъ трудами очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ (б) на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. Но хотя тогда и не воспослѣдовало, однакожъ страннымъ образомъ отъ вышеупомянутаго начинанія, яко отъ сѣмени, нынѣшнее морское дѣло произошло такимъ образомъ: когда намѣрено дѣлать кораблепла-

---

а) Т. е. прежде Игоря.

б) Село рязан. губ., на Окѣ, въ 25 верстахъ отъ Коломны.

ваніе на Каспійскомъ морѣ, тогда вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компаніею мастеровыхъ и матросовъ, которые, сдѣлавъ корабль именемъ Орелъ и яхту или галіотъ, и сплыли въ Астрахань; но въ то время забунтовалъ Разинъ и, яко противникъ всякаго добра, оные разорилъ, капитана убилъ, а прочіе ушли въ Персиду и оттоль въ Индѣйскую компанію. А двое изъ нихъ, лѣкарь Иванъ Тормонтъ и корабельный плотникъ и констапель Кастерсъ Брантъ, по усмиреніи бунта, возвратились къ Москвѣ, и лѣкарь присталъ къ доктору Симону Зомеру, а Капитенъ Брантъ кормился столярною работою, даже до нашего времени.

2. *О качествѣ власти адмиральской.*

Генералъ-адмиралъ или аншефъ командующій есть репрезентація своего государя, которому должны быть всѣ послушны во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя къ пользѣ государя и государства касаются, съ достойнымъ респектомъ его персоны. Ему подобаетъ быть храбру и добраго кондуита (сирѣчь всякія годности), котораго бы квалитеты (или качества) съ добродѣяніемъ были связаны. Ибо командующій, не точію твердыми указы людей въ добрый порядокъ приводитъ, но паче образомъ своего житія, ежели благо поступитъ. Его храбрость сочиняетъ всѣхъ храбрыхъ. Его справедливость страшитъ всѣмъ поползновеніе, умножаетъ послушаніе. Его ревность сочиняетъ всѣхъ ревнительныхъ. Единымъ словомъ, вышній командиръ какъ душа въ тѣлѣ человѣка, безъ которой никакой удъ двигнутися не можетъ. Ему надлежитъ къ подчиненнымъ быть яко отцу, пещися о ихъ довольствѣ, жалобы ихъ слушать и во оныхъ правый судъ имѣть. Также дѣла ихъ накрѣпко смотрѣть, добрыя похвалять и награждать, а за злыя наказывать. Онъ долженъ репортовать о всемъ своего государя и воинскую коллегію, и за все отвѣтъ дать.

Указы всѣ не точію о какой надъ непріятелемъ экспедиціи, но и въ своей командѣ, ежели что важное, долженъ давать на письмѣ, а не на словахъ, дабы кто что противно учинитъ, яснѣе обличенъ, а исполнитель указа оправданъ быть могъ; равно же и репорты принимать.

Главныя дѣла и воинскія начинанія никогда не дерзаетъ чинить безъ консиліи письменной, развѣ нечаянно атакованъ будетъ отъ непріятеля, и сіе нападеніе не отъ его оплошки, но отъ законныя причины пріидетъ, яко въ ходу случается при подыманіи долговременно бывшаго тумана, или сему подобнаго, подъ лишеніемъ чина.

Такожде надлежитъ частыя консиліи имѣть, сколько время и случай допуститъ, о управленіи дѣла врученнаго ему, и о порядкѣ лю-

дямъ, подъ штрафомъ вычету полумѣсячнаго жалованья.

Такожъ надлежитъ ему смотрѣть, дабы воинскіе суды право отправлялись, не маня кому, ниже посягая на кого. И когда какой неправый судъ учинится, тогда оныхъ судей судить надлежитъ. Ежели же оный сіе пренебрежетъ, то самъ достоинъ будетъ такого наказанія, какъ тѣ винные.

И понеже корень всему злу есть сребролюбіе, того для всякъ командующій аншефъ долженъ блюсти себя отъ лихоимства. И не точію блюсти, но и другихъ отъ онаго жестоко унимать и довольствоваться опредѣленнымъ, ибо многіе интересы государственные чрезъ сіе зло потеряны бываютъ. И такой командиръ, который лакомство великое имѣетъ, немного лучше измѣнника почтенъ быти можетъ, понеже онаго непріятель (хотя оный и вѣренъ) постороннимъ образомъ подарить и съ прямаго пути свесть легко можетъ: того ради всякому командиру надлежитъ сіе непрестанно въ памяти имѣть и отъ онаго блюстися. Ибо можетъ таковымъ богатствомъ легко смерть, или безчестное житіе купить.

Еще же другое зло случается, равное вышеписанному, то есть похлѣбство. Ибо оное многіе не только за худое дѣло, но и за добродѣтель вмѣняютъ, ставя въ милосердіе еже винныхъ легко судить, или по случаю иныхъ и весьма свободныхъ отъ суда имѣть, дабы тѣмъ отъ людей любовь получить. Но таковый храмину свою на песцѣ созидаетъ безъ твердаго основанія и всегда готову къ паденію, понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда, которой примѣръ суть дѣти въ волѣ, безъ наказанія и страха возращенныя, которыя обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родителямъ пагубу приносятъ. Тако и въ войскѣ командующіи суть отцемъ оныхъ, которыхъ надлежитъ любить, снабдѣвать, а за прегрѣшеніе наказывать, какъ прежде писано. А когда ослабитъ, то тѣмъ по времени въ непослушаніе оныхъ приведетъ, и изъ добрыхъ злыхъ сочинитъ и нерадѣтельныхъ, и въ своемъ званіи оплошныхъ. И тако самъ себѣ гробъ ископаетъ, и государству бѣдство приключитъ. Чего такожде всякому командующему весьма отгребатися и яко смерти достойнаго страха опасатися надлежитъ.

[1]) Петръ изучалъ кораблестроеніе въ Амстердамѣ, на славнѣйшей изъ голландскихъ верфей — Остъиндской. Здѣсь, 9 сентября, заложилъ онъ фрегатъ во имя Св. Апостолъ Петра и Павла. Въ письмѣ къ патріарху Петръ показываетъ причину трудовъ своихъ. Адріану, вмѣстѣ со многими другими, не нравились ни пребываніе Царя за границей, ни то, что онъ работалъ, какъ простой работникъ.

[2]) Такъ какъ война съ Карломъ XII была тогда въ самомъ разгарѣ, и народъ, по суевѣрію своему, считая все ему непонятное чудомъ, могъ выдумывать разные толки и

подвергаться пустому страху, то Петръ письмами къ начальствующимъ въ Польшѣ и Россіи предписывалъ поразславить о затмѣніи. Такимъ образомъ, говоритъ кн. Щербатовъ, Петръ все предвидѣлъ и на все учреждалъ способы. — При этомъ письмѣ приложено письмо англійскихъ математиковъ къ ихъ товарищу Фергарсону, преподавателю въ Московской Навигаціонной школѣ (бывшему профессоромъ математики въ Абердинскомъ университетѣ и прибывшему въ Россію, по приглашенію Петра).

[3]) Изъ Кіева, по заложеніи крѣпости (15 августа), Петръ выѣхалъ 20-го, прибылъ въ Нарву 4-го сентабря, отсюда во флотъ, стоявшій у Котлина острова, и наконецъ въ Петербургъ.

[4]) 15 декабря (1706) Петръ изъ Нарвы отправился къ войску въ Кіевъ, куда пріѣхалъ 24-го. Изъ Кіева прибылъ, 28-го, въ Жолкву, гдѣ находились Шереметевъ, Меншиковъ и другіе генералы и министры русскіе, равно и нѣсколько польскихъ сенаторовъ. Въ Жолквѣ оставался по 30-е апрѣля 1707. Отсюда писалъ къ азовскому губернатору Толстому, не забывая, среди военныхъ трудовъ и безпокойствъ, заботиться объ устройствѣ внутреннемъ. Читая подобныя письма Петра I, необходимо припомнить слова о немъ Неплюева: „На что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ“.

[5]) Петръ прибылъ въ Воронежъ 14 февраля 1709 г. изъ Бѣлагорода. Книга, о которой говорится въ письмѣ, есть переводъ съ франц. и напечатана 1711, подъ названіемъ: „Б[л]онделева новая манера укрѣпленіи городовъ“. (*Сопик. II*, 2270; *Смирд.* 42[.]). Она показана и Голиковымъ, въ спискѣ книгъ изданныхъ при Пе[тр]ѣ: „Блондіева новая манера укр[ѣ]пленію городовъ“ (*Дѣянія*, *IX*). Переводчикъ ея — флота капитанъ Кононъ Зотовъ, сынъ Никиты Моисеевича. — Письмо это любопытно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно показываетъ неутомимую дѣятельность Петра, который, во время борьбы съ Карломъ XII, находилъ досугъ не только просматривать, но даже исправлять переводъ; во вторыхъ, изъ него видно ясное понятіе Петра о томъ, какъ должно переводить съ иностраннаго: „Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію, сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть“.

[6]) Выѣхавъ изъ Москвы 17 февраля (1710), Петръ прибылъ въ Петербургъ 21. Князя же Меншикова изъ Москвы отправилъ къ Ригѣ, для осмотра мѣста между Ригою и Динаминдъ-шанцемъ. Чтобы удобнѣе перенимать съ моря непріятельскія суда, велѣно было ему на Двинѣ укрѣпить бревна съ цѣпями и, сдѣлавъ нѣсколько прамовъ (поромовъ), поставить на нихъ пушки.

[7]) Получивъ извѣстіе, что короли: датскій (Фридрихъ IV) и польскій (Августъ II), воевавшіе съ шведами въ Помераніи, вели тайные переговоры съ Карломъ XII, для заключенія отдѣльныхъ съ нимъ трактатовъ, Петръ I рѣшился самъ отправиться въ Померанію. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 12 іюня и прибылъ въ Нарву 20, куда пріѣхала также Екатерина. Изъ Кеслина Екатерина продолжала путь прямо къ арміи, стоявшей у Штетина, а государь въ Ландсбергѣ (21 іюля) видѣлся съ Августомъ. 24-го. въ мѣстечкѣ Гарцахъ, встрѣтилъ его Меншиковъ, а при лагерѣ у Штетина царевичъ Алексѣй Петровичъ. Отсюда Петръ ѣздилъ въ Анкламъ, гдѣ стоялъ датскій флотъ, къ датскому вице-адмиралу Сегестету, и просилъ у него артиллеріи для дѣйствія противъ Штетина, который,

вмѣстѣ съ Стральзундомъ, принадлежалъ еще Карлу XII; всѣ же прочія мѣста шведской Помераніи заняты были союзными войсками. Вице-адмиралъ соглашался исполнить желаніе Петра не прежде, какъ прибудетъ саксонская артиллерія. Тогда Петръ велѣлъ министру своему при Августѣ просить его о немедленной присылкѣ артиллеріи. Въ ожиданіи отвѣта, онъ отправился въ Грейфсвальдъ. Письма, писанныя имъ отсюда, показываютъ крайнее его сожалѣніе о потерѣ времени вслѣдствіе медленнаго дѣйствія союзниковъ, равно какъ и о надлежащемъ выполненіи ими договоровъ. 2-го августа пришелъ корабль Св. Петръ, а 11-го и два другіе изъ Архангельска, съ капитаномъ Рейсомъ. Письмо изъ Грейфсвальда отправлено къ Екатеринѣ въ Штетинъ, гдѣ она оставалась.

[8]) Петръ I оставался въ Грейфсвальдѣ до 14 августа и въ этотъ день прибылъ въ Вольгастъ. Отсюда писалъ онъ къ Екатеринѣ два письма: однимъ (14-го авг.) извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ; другимъ (17-го авг.) приглашалъ къ себѣ. Екатерина пріѣхала въ Вольгастъ 23-го авг.

[9]) Изъ Вольгаста Петръ I, вмѣстѣ съ Екатериной, прибылъ въ Грейфсвальдъ 24 авг.; выѣхалъ въ Карлсбадъ, для пользованія водами, 28 сентября. На пути, 30 сентября, пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ конференціи съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I и отъ куда, 2 октября, отправился въ Лейпцигъ. Въ Карлсбадъ пріѣхалъ 8. Началъ пить воды 10-го, какъ видно изъ письма къ Екатеринѣ, отъ 11-го: „Мы вчерашняго дня зачали пить воду въ сей ямѣ". Леченіе продолжалось 16 дней: „Курсъ кончилъ вчерась; воды, слава Богу, дѣйствовали изрядно: какъ будетъ послѣ" (письмо отъ 27-го). Выѣхалъ въ обратный путь 31-го.

[10]) Писано по смерти супруги царевича и отдано ему въ самый день ея погребенія.

[11]) Въ указѣ, при обнародованіи Морскаго Устава (13 января 1720), изображено: „Учиня уставъ воинскій сухопутный, нынѣ, съ помощію Божіею, приступаемъ къ Морскому, которое такожъ прежде сего начинаемо было, а именно при блаженной и вѣчно достойной памяти Его Величества Государя Отца Нашего, для мореплаванія въ Каспійскомъ морѣ; но тогда чего ради тому не исполнитися, и на насъ сіе бремя воля Вышняго правителя возложить изволила, оное оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. И понеже сіе дѣло необходимо нужное есть государству (по оной пословицѣ, что всякій потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ), того ради сей Воинскій Морской Уставъ учинили, дабы всякій зналъ свою должность, и невѣдѣніемъ никтобъ не отговаривался. Которое выбрано изъ пяти морскихъ регламентовъ, и къ тому довольную часью прибавили, что потребно, еже все чрезъ собственный Нашъ трудъ учинено и совершено въ Санктпетербургѣ, 1720 года генваря въ 13 день (*Собр. Рос. Зак. т. VI, № 3485*). При составленіи Морскаго Устава вмѣстѣ съ Государемъ занимался контръ-адмиралъ Госселеръ (*Жизнеоп. рос. адмираловъ Берха, т. I*).

[12]) При изданіи Морскаго Устава, предисловіе значительно измѣнено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который многое исключилъ, а многое прибавилъ (*Ист. Петра I, Устрялова, II, 397*).

II.

БАСНИ ЕЗОПА (1700) (1).

1. *Старый человѣкъ и Смерть.*

Старый человѣкъ, насѣкши нѣкогда дровъ, несяше далече; истомившижеся великими трудами, положи дрова на нѣкоемъ мѣстѣ и нача смерти призывать. Егда же смерть, пришедши, вопрошаше, для чего призываше ея, внезапу ужаснувшися старикъ, отвѣща, яко того ради призываше, чтобы дровъ помогла ты мнѣ нести.

Прилаганіе (а).

Притча знаменуетъ, яко всякому человѣку любезный есть животъ, аще же нищъ и окаяненъ бываетъ.

2. *Курица, несящая золотыя яица.*

Нѣкая жена имѣяше курицу, несящую золотыя яица. Мняше же, яко внутрь полна есть золота; убивши же курицу, обрѣте тако, яко и въ прочіихъ курѣхъ. И тако, имѣюще упованіе много обрѣсти богатства, и малаго лишилася.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ, яко нужда есть настоящими довольствовать, а ненасыщенныя похоти богатствъ блюстися.

а) Смыслъ, нравоученіе басни (affabulatio).

3. *Лисица и Левъ.*

Лисица, никогда не видяше льва, по случаю же егда срѣтеся съ нимъ, ужасеся, сице яко аки мертва бысть. Потомъ вторицею узрѣ, убояся, обаче же не тако. Третіе егда видѣ его, съ великимъ дерзновеніемъ приступивши къ нему, бесѣдоваше съ нимъ.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ, обыкновеніемъ (б), яже страшна суть, доступна бываютъ.

4. *Тати и Пѣтель.*

Тати въ домъ нѣкій внидоша; ничесо же не обрѣтши, кромѣ кура (в), восхитивши того поидоша. Егда же убити его хотяша, проси ихъ да пустятъ его жива; сказываше имъ яко потребный и полезный есть людемъ, въ нощи будитъ ихъ труждатися. Они же отвѣщаша: того ради наипаче убіенъ будеши, егда убо ихъ будиши, — намъ красть не даешь.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ, яко сія лукавымъ людемъ суть тщетна, яже благимъ полезно.

5. *Волкъ и Журавей.*

Волку егда кость увязе въ

б) Привычкою.
в) Пѣтуха.

горлѣ, обѣща мзду жоравію, аще, вложивши главу, кость изыметъ. Онъ же, яко долгошій, изтя (а) кость и нача мзды просити. Онъ, посмѣваяся и остря зубы, рече: годѣ (б) тебѣ есть та едина мзда, яко отъ устъ волковыхъ здраву главу свою изъялъ еси.

Прилаганіе.

Притча на тыхъ людей, которіи, отъ бѣдъ избавлены своимъ благодѣтелемъ, сице воздаютъ.

6. Жена и Рабыни.

Жена вдова, и многотрудная (в), едва имѣяше рабыни, о пѣвняхъ (г) въ нощи возбуждаше ихъ къ дѣлу. Оны же, утруждены непрестанною работою, уставиша домоваго пѣвня убити, иже въ нощи возбуждаше госпожу. Приключися имъ, егда сіе содѣлаша, въ горшее впадоша зло: госпожа убо, егда не вѣдяше куровъ часа, ранѣи въ нощи ихъ возбуждаше.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ: многимъ людемъ совѣтъ виною есть всяческа зла.

7. Хвастунъ.

Человѣкъ нѣкій, бывши въ чужой земли пришельцемъ, егда возвратися въ свою землю, хвастался предо всѣми, яко многа на многихъ мѣстѣхъ мужественно творяше; во градѣ же Родѣ (д) изрядно скакаше, и никто же тамо не умѣяше тако скакати. Къ тому сказываше, яко и послухи имать, которіи тамо быша и видѣша. Нѣкто же отъ стоящихъ тамо отвѣща ему: аще сія истина суть, къ чему же тебѣ послуси и свидѣтеле? се Родъ, се скаканіе.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ: аще нѣсть скораго вещи показанія, вся словеса праздна и суетна суть.

а) Извлекъ.

б) Достаточно.

в) Трудолюбивая.

г) Съ пѣніемъ пѣтуховъ.

[1]) «Притчи Эссоповы, на латинскомъ и русскомъ языкѣ, ихъ же Авіеній (е) стихами изобрази. Совокупно же брань жабъ и мышей Гомеромъ древле описана со изрядными въ обоихъ книгахъ лицами (ж) и съ толкованіемъ». (Въ Амстердамѣ напеч. у Ивана Андреева Тессинга, 1700). Въ книжкѣ 47 гравюръ. Первая представляетъ Езопа въ нѣмецкомъ платьѣ, окруженнаго звѣрями. Боги во французскихъ кафтанахъ. Ватрахоміомахія переведена Ильею Копіевскимъ, но съ пропусками. Первый извѣстный русскій переводъ Езопа сдѣланъ Гозвинскимъ 1609 г. съ греческаго; второй (1675) приписывается симбирскому ротмистру Каминскому.

д) Родосѣ.

е) Авіанъ, латин. баснописецъ V-го в., смѣшивается нерѣдко съ Авіеномъ, латин. стихотворцемъ IV в.

ж) Картинками.

III.

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ (1703) (1).

ВѢДОМОСТИ.

На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мортировъ вылито 400.

Тѣ пушки, ядромъ по 24, по 18 и по 12 фунтовъ, гаубицы бомбами пудовыя и полупудовыя, мортиры бомбами девяти, трехъ и дву-пудовыя и меньше. И еще много формъ готовыхъ великихъ и среднихъ къ литью пушекъ, гаубицъ и мортировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, больше 40,000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскія школы (а) умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили.

Въ математической штурманской школѣ (б) больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ.

На Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

Изъ Персиды пишутъ: индѣйскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды; изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отчего чаютъ немалую быть прибыль Московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ: въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ Олонца пишутъ: города Олонца, попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу и разбилъ свѣйскія ругозенскую, и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую заставы, а на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и шпагъ, фузей и лошадей довольно, а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ попъ, и тѣмъ удовольствовалъ солдатъ своихъ, а достальные пожитки и хлѣбные запасы, коихъ не могъ забрать, все пожегъ. И соловскую мызу сжегъ, и около соловской многія мызы, и деревни дворовъ съ тысячу пожегъ же. А на вышеописанныхъ заставахъ, по сказкѣ языковъ, которыхъ взялъ, конницы шведской убито 50 человѣкъ, пѣхоты 400 человѣкъ; ушло ихъ конницы 50, пѣхоты 100 человѣкъ, а изъ попова войска только ранено солдатъ два человѣка (2).

а) Славяно-греко-латинская академія.

б) Навигаціонной, помѣщавшейся въ зданіи Сухаревой башни.

Изо Львова пишутъ декабря въ 14 день: Силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются; вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать, и чаютъ, что и тѣмъ городомъ овладѣетъ, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войсками, и уже сказываютъ, что соединился, и будетъ ихъ всего войска 12,000 человѣкъ (³). Литовскій польскій гетманъ ѣдетъ къ своему войску подъ литовскую Бресть, войско шведское по сказкѣ секретаря Орухо частію въ Казимирѣ, частію въ Сандомирѣ стоитъ, и сказываютъ, что чрезъ великую Польшу въ прусскую землю пойдетъ. Подъѣздъ нашъ вновь отъ шведовъ собранныхъ волоховъ большую часть снесли, и нѣсколько въ ихъ платьѣ въ польскомъ обозѣ повѣсили (⁴).

Отъ Архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его Царское величество войска свои въ различныхъ кораб-ляхъ на Бѣлое море запровадилъ, оттолѣ далѣе пошелъ, и корабли паки назадъ къ Архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15,000 человѣкъ солдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нареченной, ежедневно 600 человѣкъ работаютъ (⁵).

На Москвѣ 1703 генваря въ 2 день.

¹) «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто отъ Христа 1703, отъ генваря, а окончены декабремъ сего же года». Вѣдомости 1703 года печатались въ Москвѣ, въ 8 д. л., церковнымъ шрифтомъ. Полное изданіе состоитъ изъ 39-ти нумеровъ, выходившихъ въ неопредѣленные сроки, вѣроятно по мѣрѣ накопленія статей, и различающихся какъ объемомъ (отъ 2 до 7 листковъ), такъ иногда числомъ и длиною строкъ. Печатались вѣдомости въ числѣ 1000 экземпляровъ, что даетъ понятіе о потребности, которую ощущали современники въ изданіи подобнаго рода; а степень его занимательности для нихъ подтверждается рукописными того времени сборниками, въ которые составители ихъ очень часто переписывали отдѣльныя нумера газетъ. Свѣдѣнія, относящіяся до Россіи, помѣщались прежде извѣстій иностранныхъ, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ двухъ газетъ, которыя получала тогда посольская канцелярія: «Breslauer Nouvellen» и «Reichs-Post-Reuter». Кромѣ того графъ Матвѣевъ, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Голландіи, присылалъ царю не только отдѣльные нумера газетъ, издававшихся въ Голландіи, но также любопытныя выписки изъ выходившихъ въ другихъ государствахъ. Все это вполнѣ или въ извлеченіяхъ помѣщалось въ вѣдомостяхъ, и въ нѣкоторыхъ нумерахъ передъ иностранными извѣстіями напечатано: «Вѣдомости изъ Гаги». Изложеніе извѣстій, особенно когда они касались Россіи, безпристрастное и вмѣстѣ довольно полное, обличаетъ искуснаго составителя — можетъ быть графа Ѳедора Алексѣевича Головина, о которомъ А. Ѳ. Малиновскій въ своихъ рукописныхъ библіографическихъ свѣдѣніяхъ говоритъ, что онъ «завелъ изданіе газетъ». Многія изъ

отечественныхъ извѣстій сохраняютъ и до сихъ поръ полную занимательность; таковы: свѣдѣнія о числѣ вылитыхъ въ Москвѣ пушекъ, объ успѣшномъ ходѣ обученія въ московскихъ школахъ, объ отысканіи мѣдной руды по рѣкѣ Соку, объ открытіи такой же руды въ Олонецкомъ, квасцовъ, купороса и сѣры въ Козельскомъ уѣздѣ, объ основаніи Петербурга, о военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, и проч. Вѣдомости писаны довольно правильнымъ языкомъ, близкимъ къ разговорному того времени, но нерѣдко погрѣшаютъ противъ правописанія, не вполнѣ установившагося, и еще болѣе противъ употребленія знаковъ препинанія и удареній.

Полныхъ экземпляровъ Вѣдомостей 1703 г. сохранилось только два и оба они принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ, начальство которой издало ихъ 1855 г. и посвятило Московскому Университету въ день празднованія столѣтняго его существованія (Первыя русскія вѣдомости и пр. Нов. изд. 1855).

[2]) Шведы, въ числѣ 600, стояли на рубежѣ Карельскаго уѣзда. Окуловъ, на четырехъ заставахъ: Рутозейской, Гиппонской, Сумерской и Керикурской, побилъ до 400 человѣкъ непріятельскаго войска.

[3]) Въ бытность Петра I-го подъ Канцами (Нейшанцемъ), 1702 г., пріѣзжали къ нему литовскіе послы съ просьбою о помощи, деньгами и войскомъ, противъ шведовъ. По ихъ же прошенію посланъ указъ къ гетману Мазепѣ, чтобъ онъ „о возвращеніи отъ Палѣя Бѣлой церкви и о успокоеніи тамошнихъ бунтовъ чинилъ великое стараніе, и Палѣя къ тому пристойными способы приводилъ, и престерегалъ бы того, чтобъ подданные къ Россіи принадлежащіе казаки къ тому бунту не приставали“ (*Журналъ П. В.*, *I*, 68—69).

[4]) Относительно расположенія шведскихъ войскъ на зимнихъ квартирахъ (1702 г.), въ Журналѣ сказано: „Когда наступила зима, то король шведскія войска свои разставилъ въ Варшавѣ, Яновцѣ, Казимирѣ и Сендомирѣ и около тѣхъ мѣстъ“. Въ шведскомъ войскѣ находились Волохи. Журналъ описываетъ, какъ однажды, заставивъ маневрировать роту Волоховъ, Карлъ XII жестоко расшибся (I, 49).

[5]) Получивъ извѣстіе, что шведскій флотъ готовится къ нападенію на Архангельскъ, Петръ I въ третій разъ отправился туда съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и съ пятью баталіонами гвардіи. По пріѣздѣ укрѣпилъ онъ устье рѣки Двины батареями и шанцами, а на взморьѣ заложилъ новую крѣпость, назвавъ ее Новою Двинкою (*Голикова*, *Дѣянія Петра Великаго*, *II*, *77; Жур. I*, 49).

IV.

АРИѲМЕТИКА МАГНИЦКАГО ([1]).

1. Изъ стиховъ на гербъ.

Ону волю мы въ тебѣ зряще ([2]),
и паче всѣхъ тя быти мняще,
Въ тойже ревности есмы суще,
и нѣчто наукъ тѣхъ имуще,
Едину отъ всѣхъ тѣхъ избрахомъ,

*

ариѳметику написахомъ.
Люботрудно ся въ ней потщавше,
изъ многихъ разныхъ книгъ собравше:
Изъ грецкихъ убо и латинскихъ,
нѣмецкихъ же и италійскихъ ([3]).
Чинъ (а) и порядокъ избирахомъ,
и вся странства (б) ихъ изыскахомъ.
Елико же въ нихъ изобрѣтохомъ,
въ достойныхъ мѣстѣхъ приплетохомъ,
Сличіемъ (в) добрымъ и изряднымъ,
еже мнится намъ быть пріятнымъ.
Тѣмъ сличіе то объявлено,
въ двѣ книги просто раздѣлено.
Въ первой общая вся гражданства
коего либо государства.
Ариѳметика обычайная,
въ купецкихъ дѣлѣхъ случайная (г).
Цѣну товаровъ обрѣтати,
и достойною исчисляти.
А не точію тому чину (д),
но и всѣмъ людемъ требна выну (е):
Ремесленникомъ и художнымъ,
подданнымъ всякимъ и вельможнымъ.
Яко бы рещи—всѣмъ обильно
творитъ всякія пользы сильно.
И сія паки раздѣлена,
и на пять частей разложена.
Сихъ перваяесть въ числѣ цѣломъ,
ясно явлена самымъ дѣломъ.

а) Связь.
б) Особенности.
в) Сличеніемъ, соглашеніемъ.
г) Случающаяся.
д) Сословію.
е) Во всякое время.

Аще бо кто и безъ учителя,
творится въ ней обучителя.
Мню яко ни чимъ той погрѣшитъ,
токмо усердно да прилежитъ.
О ней же въ цѣлыхъ первой части,
умыслихъ ино что прикласти.
Деньги и вѣсы вѣковъ данныхъ,
великихъ царствъ и докторъ славныхъ.
Единой вещи сей примѣньше,
въ подобство зернамъ вся приведше.
Ради сего въ томъ есть способность
обрѣсти древнихъ мѣръ подобность
Желаему намъ, такожде и вѣсовъ,
равнѣ и всѣхъ рудъ безъ примѣсовъ.
Цѣлыхъ и чистыхъ просту тягость,
и между ими праву разность.
Аще бо кто вѣсть руды мѣру,
знаетъ и ину по примѣру,
По тягости тѣхъ величество,
а чрезъ то вѣсовъ количество.
Есть какъ и примѣсъ познавати,
колько чего въ чемъ исчисляти (ж).
Таже ина часть яже въ дробныхъ,
зѣло въ наукѣ сей пригодныхъ,
Равнымъ тщаніемъ учреждена,
чинно и явно положена (з).
А о правилѣхъ яже о трехъ,

ж) Говорится о содержаніи 1-ой части Ариѳметики—политики.
з) Содержаніе 2-ой ч. (о дробяхъ) той же Ариѳметики.

въ третіей части быть усмотрѣхъ.
А въ ней не токмо о томъ тройномъ,
но съ пятернымъ и о семерномъ.
Лѣпотно она вся разчиниxъ,
и такъ третію часть окончихъ.
Ейже восхотѣхъ то приложить,
что тремя частьми мочно творить.
Купецкая вся и иная,
яже въ мірѣ, къ тѣмъ сочиняя,
Сирѣчь вся дѣйства въ насъ сущая,
права правила имущая.
И колько могохъ вся изыскахъ,
и добрымъ чиномъ здѣ написахъ,
Еже бы всяко знать коварство,
что имать обще все гражданство (а).
Во четвертой же части ина
положена суть ради чина
И разности дѣйствъ оныхъ правилъ,
якоже обычай ихъ уставилъ.
Чинъ неправильно содѣвати,
егда что кому обрѣтати.
А ради правилъ сихъ косвенныхъ,
четвертой части присвойственныхъ,
Вся фальшивая часть назвася,
отъ нихже древле та издася.
Сей же части чинъ инъ изъискахъ,
зѣло кратокъ и тутъже вписахъ.
Еже отняти трудъ великій,
хотящимъ разумъ взять толикій.

а) Содержаніе 3-ьей ч. (о тройныхъ правилахъ).

Яко да и всякъ тщится паче
въ наукѣ той по сей издачѣ (б).
Радиксовъ же всѣхъ чинъ пріятный,
въ пятой части есть всѣмъ понятный.
Они бо вси суть многогубы,
яко квадраты такъ и кубы.
Сѣ своимъ ихъ дѣйствомъ объявлены
преясно и всѣмъ предложены (в).

2. Изъ Ариѳметики Практической.

Что есть ариѳметика?

Ариѳметика, или числительница, есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопоятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явльшихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное.

Что есть аддиціо?

Аддиціо, или сложеніе, есть дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень (г) совокупленіе.

Что есть субстракціо?

Субстракціо, или вычитаніе, есть, имъ же малое число изъ большаго вычитаемъ и излишнее объявляемъ.

Что есть умноженіе?

Умноженіе есть, имъ же что въ числахъ умножаемъ, или количимъ вещемъ по множеству иныхъ

б) Содержаніе 4-ой ч. (о правилѣ фальшивомъ).

в) Содержаніе 5-ой ч. (о квадратахъ и кубахъ).

г) Сумма, итогъ.

вещей раздаемъ, и количество ихъ числомъ показуемъ.

Что есть дѣленіе?

Дѣленіе есть, имъ же большее число, или перечень, на равныя части меньшимъ раздѣляемъ, отъ нихъ же едину числомъ же показуемъ.

Вопросная.

Единъ человѣкъ выпьетъ кадь питія въ 14 дней, а со женою выпьетъ тое же кадь въ 10 дней, и вѣдательно есть (а), въ колико дней жена его особно выпьетъ тое же кадь.

Единъ корабль пловяше отъ града въ домъ, а можетъ преплыти въ 4 дни. А иный корабль поплы отъ дому во градъ, а можетъ преплыти въ 3 дни. А поплыли оба та корабля отъ мѣстъ своихъ во единъ и тойже часъ, и вѣдательно есть, въ колико время сойдутся оба корабля.

Вопроси нѣкто учителя нѣкоего, глаголя: повѣждь ми, колико имаши учениковъ у себе во училищи, понеже имамъ сына отдати во училище; и хощу увѣдати о числѣ учениковъ твоихъ. Учитель же, отвѣщавъ, рече ему: аще придетъ ми учениковъ толико же, елико имамъ, и полтолика, и четвертая часть, еще же и твой сынъ, и тогда будетъ у мене учениковъ 100.

[1]) „Ариѳметика, сирѣчь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ на словянскій языкъ переведенная учителемъ математики Леонтіемъ Магнитскимъ“. Она напечатана славянскими буквами. Виньетка, на первомъ листѣ, изображаетъ храмъ. Въ срединѣ храма, надъ которымъ написано по еврейски имя Божіе, сидитъ женщина въ коронѣ, съ ключемъ въ рукѣ: это Ариѳметика. Къ ея трону ведутъ пять ступеней: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Портикъ храма съ надписями, на одной сторонѣ: *тщаніемъ*, на другой: *ученіемъ*, поддерживается семью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторской (навигаціей), географіей и архитектурой. Внизу написано: „Ариѳметика что дѣетъ, на столбахъ то все имѣетъ“. Кромѣ виньетки находится гербъ, изображающій крестъ, двуглаваго орла, Архимеда и Пиѳагора. За оглавленіемъ слѣдуетъ обширное предисловіе „къ трудолюбивому и миролюбивому читателю“: здѣсь авторъ разсуждаетъ о превосходствѣ человѣка предъ другими животными, исчисляетъ его внѣшнія и внутреннія качества. Данныя отъ Бога свойства человѣкъ обязанъ украшать: украшеніе ума составляютъ науки—„царственное удобреніе человѣческаго естества“. Отъ наукъ вообще предисловіе обращается къ Ариѳметикѣ въ особенности, указывая на ея приложеніе къ жизни. Въ заключенія Магницкій говоритъ о своей книгѣ, собранной изъ многихъ иностранныхъ и старопреводныхъ славянскихъ книгъ.

Ариѳметика Магницкаго раздѣлена на двѣ части: Ариѳметику Политику и Ариѳметику Логистику. Первая есть собственно Ариѳметика, содержащая въ себѣ пять отдѣловъ: о числахъ цѣлыхъ, о числахъ ломаныхъ, о правилахъ подобныхъ (тройныхъ), о правилахъ фальшивыхъ или гадательныхъ и о правилахъ радиксовъ квадратныхъ и

а) Требуется знать.

кубическихъ. Вторая подраздѣляется на три отдѣла: объ алгебраческихъ дѣйствіяхъ и дѣйствіяхъ геометрическихъ, о нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ землемѣрію и мореплаванію. Послѣ каждаго правила помѣщены стихи, въ которыхъ приносится благодареніе Богу за уразумѣніе пройденнаго, или выражается упрекъ лѣнивому ученику, или хвалится ученикъ прилежный. По источникамъ, которыми Магницкій (1699—1739) пользовался при составленіи своего труда, можно судить о его знаніяхъ. Уважая эти знанія, Петръ I оказывалъ ему много милостей: благословилъ его образомъ, пожаловалъ деревнями и приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ. Есть извѣстіе, что, бесѣдуя съ нимъ часто о математическихъ наукахъ и восхищенный его свѣдѣніями и привлекательнымъ разговоромъ, царь прозвалъ его „магнитомъ“ и приказалъ писаться „магнитскимъ“. Какую фамилію носилъ онъ до того времени—неизвѣстно. Тредьяковскій, знавшій Магницкаго лично, называетъ его „сущимъ христіаниномъ, добросовѣстнымъ человѣкомъ, въ немъ же лести не было“. Ариѳметика Магницкаго, какъ первое наше математическое руководство, возбудившее любознательность Ломоносова, долгое время употреблялась въ школахъ; впослѣдствіи смѣнила ее ариѳметика Курганова (нап. 1757). (*Словарь свѣтскихъ писателей*; *Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ*, *Берха*, *ч. 1; см. также Ист. Рус. Слов.*).

[2]) Волю или желаніе Петра В. просвѣщать свой народъ, основывать училища, вводить науки и искусства.

[3]) Къ этимъ источникамъ Ариѳметики Магницкаго прибавлены, въ предисловіи, *старопреводныя славянскія*. Какими именно сочиненіями пользовался авторъ, неизвѣстно. Между рукописями покойнаго академика Бередникова находится Ариѳметика (1645), приписываемая Василію Бурцову (Обзоръ Духовной Литературы, Филарета). Въ 1672 перевелъ Ариѳметику Николай Спафарій, переводчикъ посольскаго приказа и потомъ посланникъ въ Китаѣ. Въ рукописяхъ XVII вѣка (*Опис. ркп. Румянц. музеума*, *№ XII*, *и Опис. ркп. гр. Толстаго*, *отд. II*, *№ 188*) содержится Книга, глаголемая по гречески Ариѳметика, а по нѣмецки алгоризма, а по русски цыфирная счетная мудрость. Тая мудрость едина изъ большихъ изъ седми мудростей мудрость пятая (первыя четыре мудрости — грамматика, геометрія, астрономія, музыка). Одна рукопись Румянц. муз. конца 17 или начала 18 в. (№ CCXLII) заключаетъ въ себѣ „Курсъ математики, писанный, повидимому, въ Венеціи, съ италіанскаго какого-нибудь руководства“. Ариѳметика, или счисленіе, состоитъ изъ трехъ книгъ: 1) начальныя четыре правила, 2) познаніе фрактъ (дробей), 3) регула трехъ (тройное правило). Въ концѣ, послѣ правилъ о радиксѣ квадрата или о корнѣ четверокомъ, сказано слѣдующее: „Есть и иные многіе регулы въ сей наукѣ, которыхъ употребляютъ больше на Москвѣ, чая себѣ къ повышенію великой своей науки, но мы всѣ оставляемъ, для того, что по тѣхъ регулахъ никакія помощи ни въ чемъ не сыщетъ никто, и всѣ тѣ бездѣльные регулы, фальшивые по ихъ зовутся, родятся изъ сихъ же настоящихъ фундаментовъ, и кто хорошо вызнаетъ всѣхъ регулъ фундаменты, можетъ самъ тѣхъ бездѣлицъ дѣлать сколько похочетъ. Только мы своимъ ученіемъ не позволяемъ. Лучше голову ломать о дѣлѣ, неже о бездѣльѣ“. Эти слова какъ будто направлены противъ Фергарсона, Магницкаго и другихъ учителей навигаторской школы. Въ 1682 г. издано въ Москвѣ „Считаніе удобное, которымъ всякій человѣкъ, купующій

или продающій, зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи" (*Опис. книгъ Толстаго, отд. 1, № 165*). Между рукописями Царскаго, подъ № 289, находится Пасхалія съ прибавленіями (17-го в.) — „курсъ математическихъ и другихъ знаній грамотѣевъ 16 и 17 столѣтій". По замѣчанію Строева, Копіевичъ напечаталъ въ Амстердамѣ, 1699, Руковведеніе во Ариѳметику.

V.

ПРИКЛАДЫ, КАКО ПИШУТСЯ КОМПЛИМЕНТЫ (1708).

1. Поздравительное писаніе въ день рожденія.

Послѣ титла (а).

Вашъ моего господина счастливо возсіявшій день рожденія возбуждаетъ меня къ должности моей и повелѣваетъ мнѣ вамъ поздравлять. Богъ, иже наши дни сочитаетъ и оные счастливо въ свою книгу вписалъ, да умножитъ оные, дабы вы, мой господине, сіе вашъ день рожденія во многочисленные годы во умноженной радости видѣти, между тѣмъ же Богу и свѣту полезныя услуги учинити, и ему особливо къ славѣ отечествія и любезнымъ вашимъ ко утѣшенію отдаленно отъ всѣхъ противностей здраво и удовольно жити могли, съ которымъ вѣрносердечнымъ желаніемъ я сіе окончаю, и себя вашей непремѣнной склонности сердечно вручаю и пребываю, вашъ.

а) Титула, обращенія къ лицу, къ которому пишутъ.

Отвѣтъ.

Вамъ не могу я довольно благодарствовати за особливую склонность, юже вы мнѣ при объявившемся нынѣ дни моего рожденія объявили. Я не желаю болѣе, яко онымъ въ вашемъ услуженіи зачати и продолжати, дабы я удовольствованіемъ объявленной вамъ должности моей единожды могъ радости сообщитися. Богъ же да сохранитъ васъ при всякомъ благополучіи, и вашу жизнь да украситъ честію и славою, и все ваше христіанское желаніе да исполнитъ, въ егоже милостивыя руцѣ я васъ симъ смиренно вручаю.

2. Поздравительное писаніе къ женскому полу въ день ея именинъ.

Моя госпожа,

Понеже я не сумнѣваюся, что вы въ сей радостный день, который ваше высокодрагое имя представляетъ, на многіе изустные поздравительные комплименты от-

вѣщать имѣти будете, но я тако бесчастенъ есмь, что ради отлученія моего поздравленія прочимъ не могу присовокупить, однако же уповаю, что вамъ не непріятно будетъ, егда я письменно объявлю, како меня увеселилъ вашъ дорогой день тезоименитства, и притомъ должнѣйшее мое поздравленіе къ вамъ въ сихъ малыхъ строкахъ чрезъ почту посылаю. Богъ да подастъ, дабы вы еще многократно таковаго достойнопамятнаго дня при всегда умножающемся счастіи дожити сподобились, и егда оный паки случится, что бъ намъ тогда васъ отъ нѣкотораго изряднаго любезнаго обязану видѣти; нынѣ же я, яко вашъ преданный слуга, дерзаю васъ мою госпожу, чрезъ присланный при семъ малый поминокъ перевезать, въ той надеждѣ, что вы сицевое склоннымъ сердцемъ воспріимете, и меня впредь пріязни своей рекомендованна быть допустите, якоже и я противъ того при всѣхъ данныхъ случаяхъ себя въ дѣлѣ изъявити не оставлю.

Вашъ моей госпожи
послушный.

3. Поздравительное писаніе нѣкотораго студента къ отцу своему при начатіи новаго года.

Высокопочтенный господинъ отецъ.

Во исполненіе моей чадской должности не могу оставить, при начатіи Божіею милостію новаго года, вамъ всякаго блага желать, да подастъ милость всемогущаго, дабы вы, господинъ отецъ, не точію сей, но и многіе послѣдствующіе годы и съ госпожею матерью моею, въ добромъ здравіи и во всемъ пожеланномъ благополучіи препроводить, такожде за положенныя къ моему и моихъ любезныхъ братей и сестеръ рачительному воспитанію, и за показанныя неоцѣненныя благодѣянія всякую честь и радость дожить, и за оное тысящекратное благословеніе получить могли, якоже я, что ко мнѣ принадлежитъ, никакого прилежанія не оставлю мои науки съ Божіею помощію сице продолжати, дабы о мнѣ положенное доброе упованіе могли исполнитися и дабы я моего представленнаго намѣренія достигнуть могъ. Впрочемъ предаю васъ, господина отца, и весь нашъ домъ Божіему защищенію, и пребываю во всю жизнь свою моего высокопочтеннаго господина отца—послушный сынъ:
N. N.

„Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, то есть писанія отъ потентатовъ къ потентатомъ поздравительные и сожалѣтельные и иные; такожде между сродниковъ и пріятелей“. Тредьяковскій, въ Разговорѣ о правописаніи, выражается о гражданскихъ буквахъ этой книжки такимъ образомъ: „Прекрасна была сія первая печать: круглая, мѣрная, чистая, словомъ совершенно уподоблена такой, какова во французскихъ и голландскихъ типографіяхъ употребляется“. — „Приклады“ считались первою книгою, напечатанною гражданскимъ шрифтомъ

но теперь извѣстно, что первою гражданскою книгою нашею была „Геометрія, славенски землемѣріе“, напеч. въ мартѣ 1708 г. Приклады суть не что иное, какъ Письмовникъ, т. е. сборникъ образцовъ писемъ на разные случаи. Они переведены съ нѣмецкаго, а нѣмцы того времени о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ писали напыщенно и темно: эти качества явились и въ русскомъ переводѣ. Изданіе Прикладовъ показываетъ, что Петръ В. желалъ и въ домашнюю переписку своихъ подданныхъ ввести поскорѣе пріемы и обычаи европейскихъ народовъ (*Пекарскаго*: *„Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“*, *т. 2-ой*).

VI.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ (1708).

1. О плодоносіи и недородіи.

Богу молися и трудися.

Кто прилежно Богу молится, и притомъ свои руцѣ прилежно къ работѣ прилагаетъ, у того благословеніе Божіе будетъ, якоже сіе и пророкъ Давидъ въ 127 псалмѣ глаголетъ: труды плодовъ твоихъ снѣси, блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ.

Нѣсколько годовъ имѣли мы благословеніе Божіе богато, но пріятно ли оное благословеніе отъ всякаго съ благодареніемъ, о томъ сумнѣваюсь я зѣло. Сего ради въ сумнѣніи есмь, дабы Господь Богъ у насъ хлѣба, неблагодарства ради рода человѣческаго, не умалилъ.

Однакожъ въ началѣ апрѣля обрящутся изрядные теплые дни, ихъ же земледѣльному человѣку пренебрещи не подобаетъ.

Въ іюлѣ и августѣ воздухъ мнится непокоенъ быть, со многими жестокими вѣтры, великими молніи и громами, и ливнымъ дождемъ, еже все хлѣбной жатвѣ помѣшательно будетъ.

Богъ же всевышній можетъ все предъявленное зло (егда мы токмо прилежно ему помолимся) отъяти и насъ своимъ благословеніемъ паки милостиво обратити.

2. О здравіи и болѣзняхъ.

Астрономъ замѣчаетъ небесные бѣги, аспекты (а), и изъ того чаянныя инфлуенціи (приключенія) въ нижнемъ воздухѣ можетъ изъ того по чаянію провѣщати, болѣе ли воздухъ къ благу или злу склоняется. Но понеже инфлуенція дѣйствуетъ инако въ высокихъ нагорныхъ, инако въ равныхъ и лужныхъ мѣстахъ, инако въ жаркихъ, инако въ студеныхъ существахъ, инако которые добрый порядокъ въ житіи держатъ, инако которые во обжирствѣ, въ пьянствѣ и непостоянствѣ живутъ, сице невозможно астроному купно многимъ землямъ,

---

а) Положеніе небесныхъ свѣтилъ.

и толь невозможнѣе купно многимъ человѣкамъ подлинное провѣщаніе учинити; но онъ признаваетъ охотно, еже въ Книгѣ премудрости въ девятой главѣ, въ шестомъ-надесятъ стихѣ стоитъ: Мы едва разумѣваемъ иже на земли, и яже въ рукахъ—обрящемъ съ трудомъ, а яже на небеси кто изслѣди, волю же Божію кто увѣдѣ (а).

Боже, пріиди къ намъ съ милостію, избави насъ отъ всякаго зла, подаждь намъ, во удобное время и часъ, христіанскую блаженную кончину. Аминь.

„Календарь или мѣсяцословъ христіанскій. По старому штилю или исчисленію. На лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709. Отъ міробытія же 7127. Напечатанъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, лѣта Господня 1708. Декабря въ 28 день“. Небольшая книжка въ — 4 гражданской печати. Содержаніе ея слѣдующее: знаки мѣсячные, знаки дней седьмичныхъ, хронологія важнѣйшихъ событій, святцы, о затмѣніяхъ, о началѣ года, о четырехъ временахъ года, о войнѣ и мирскихъ дѣлахъ, о плодоносіи и недородіи, о здравіи и болѣзняхъ, о кровопусканіи (т. е. въ какіе дни каждаго мѣсяца пускать кровь). „Обозрѣніе русскихъ календарей или мѣсяцеслововъ“, г. Перевощикова, см. въ 3 т. „Магазина землевѣдѣнія, изданнаго Н. Фроловымъ“. Составъ календарей, безъ сомнѣнія, извѣстенъ былъ намъ въ 17-мъ в.: въ одномъ изъ хронографовъ (Опис. рукоп. Румянц. муз., № CCCCLVII) помѣщена „повѣсть о Махметѣ, о началѣ ученія его и кончинѣ“ изъ нѣмецкаго календаря (на 1684) Ягана Фохта, математика и философа свейскаго (шведскаго) королевства.

а) По исправленному переводу Библіи: «И едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ; а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? волю же Твою кто позна?

VII.

АПОѲЕГМАТА (1712).

1. Платонъ.

Ученія его сія суть:

Всякія мудрости основа терпѣніе.

Злые нравы портятъ добрыя дѣла.

Терпѣливъ быть не можетъ, дондеже воли своей не одолѣетъ.

Повѣда (б), яко душа его о трехъ вещехъ скорбѣла: о богатомъ тщивомъ, въ нищету пришедшемъ; о разумномъ, разума лишенномъ; и о честномъ, въ безчестіе приведенномъ.

Гордаго презирай, дондеже гордости лишится.

Месть всегда зла есть и вредительна.

Подобаетъ начальнику быти инакому отъ людей; аще бо однаковъ будетъ, ни во что его вмѣнятъ люди.

б) Платонъ.

Аще не вдастъ отецъ сына учитися отъ юности добрыхъ нравовъ, таковъ не имать наслѣдити достоянія отца своего.

Великосердъ есть, иже нищетою тяготы не пріемлетъ.

Лучше по смерти непріятелю имѣніе свое оставить, неже въ животѣ у пріятеля чего просить.

2. Аристотель.

Той вопрошаемый: какая бы ему была прибыль отъ философіи? отвѣща: азъ то творю охотою, что прочіи творятъ, опасаясь жестокаго закона.

Онъ же, обличаемый, яко даде милостыню злому человѣку, рече: не ему дахъ, но его человѣчеству.

Вопрошенъ, каковымъ намъ подобаетъ быть къ друзьямъ своимъ, отвѣща: таковымъ, каковыхъ хочетъ имѣти ихъ къ себѣ.

Часто пріятелемъ своимъ и друзьямъ говаривалъ также и ученикамъ:

Якоже зракъ пріемлетъ свѣтъ, тако человѣкъ отъ ученія.

Повѣда(а), яко ученія корень горекъ, но гроздъ и плодъ сладокъ.

Всякое ученіе принимать досадно; а, научась, на свою красоту употребляти и къ общему благу—вещь есть зѣло благопріятна.

Вопрошенъ, чѣмъ разнится умный отъ глупаго, отвѣща: яко живый отъ мертваго.

Въ бесѣдахъ глаголаше: ученіе въ счастіи человѣку красота, въ несчастіи прибѣжище.

Также вопрошенъ: что есть пріятель? отвѣща: есть едина душа въ двухъ тѣлесѣхъ.

Онъ же повѣда, яко нѣцыи суть тако скупи, аки бы имъ здѣ вѣчно жить, а иніи же щедри, аки бы имъ утре умереть.

Хотящимъ отъ него вѣдати, что есть надежда, на то отвѣщалъ: ничто же ино есть, токмо сонъ человѣка неспящаго.

а) Аристотель.

Апоѳегмата, то есть: Краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей. Книги три, въ нихъ же положены различные вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и разговоры различныхъ древнихъ философовъ. Преведены съ польскаго на славенскій языкъ. Повелѣніемъ же Царскаго Величества напечатаны въ Москвѣ лѣта Господня 1712 въ февралѣ". — Этотъ сборникъ, появившійся первоначально на польскомъ языкѣ въ началѣ XVII вѣка, былъ, въ томъ вѣкѣ, переписанъ съ польскаго подлинника русскими буквами, подъ титуломъ: „Краткыхъ и веналоватыхъ повіесцѣ всіе книги" (рук. Пуб. Б.). На русскій языкъ переведенъ также въ XVII в.: „Апоѳегматъ, сіе есть соплетенныхъ краткихъ повѣстей книга I". Во 2-ой—словеса царей, королей, воеводъ, сигклитикъ и иныхъ старѣйшинъ; въ 3-й — повѣсти Лакедемоновъ; въ 4-ой—гадательство честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ не простыхъ (рук. П. Б.). Послѣдняя часть не помѣщена въ печатныхъ изданіяхъ 1711 и 1722 г.

VIII.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ПРИЧИНАХЪ ВОЙНЫ СЪ КАРЛОМЪ XII, СОЧ. ШАФИРОВА (1717 г.).

Хотя при начатіи сея войны межъ имперіемъ (а) Россійскимъ и Короною Шведскою съ обѣихъ странъ многія декларацiи (б), манифесты и универсалы (в) письменные выдаваны суть; однакожъ, понеже оные токмо по каждой страны интересу и по состоянiю времени, и по потребности всегда коньюнктуръ (г), а особливо со стороны Его Царскаго Величества, токмо въ краткихъ опредѣленiяхъ были сочинены; и большая часть оныхъ въ отвѣтъ на многiе съ шведской страны ругательные, и Его Царскаго Величества собственной высокой особѣ и всего Россiйскаго народа чести и славѣ съ поношенiемъ касающiеся, манифесты и универсалы, къ возмущенiю Его Царскаго Величества подданныхъ, противъ всѣхъ христiанскихъ и политичныхъ (д) народовъ обычаю выдаванныхъ, учинены и публикованы суть. И того ради въ оныхъ токмо ко опровержeнiю тѣхъ калумнiй (е) и поносовъ (ж), и ко очищенiю обруганной славы Его Царскаго Величества, и его оружiя, и къ содержанiю подданныхъ его въ вѣрности писаны. И тако того, что ко объявленiю правыхъ и законныхъ причинъ сей войны надлежало, во оныхъ пространно не содержано, къ тому же оныя всѣ объявительныя грамоты и письма для народа Россiйскаго, на россiйскомъ языкѣ, и въ оныхъ земляхъ выдаваны, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ въ Польшѣ, и на польскомъ языкѣ писанныхъ. И тако въ прочихъ краяхъ европейскихъ мало или и весьма о оныхъ неизвѣстно. Противъ того же со стороны шведской, оныя всѣ письма большая часть на нѣмецкомъ языкѣ штилизованы (сочинены), и потомъ на иные языки, въ Европѣ употребляемые, нарочно для внушенiя всѣмъ переложены, и дивулгованы (разглашены), дабы тѣмъ Его Царское Величество, яко начинателя противъ Короны шведской войны, предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ, въ тотъ концептъ или мнѣнiе привесть, будто Его Величество оную войну безъ правильныхъ и законныхъ причинъ началъ и оную

а) Имперiей.

б) Объявленiе иностраннаго двора по какому-нибудь случаю.

в) Циркуляръ одного двора ко всѣмъ другимъ.

г) Обстоятельствъ (conjoncture).

д) Образованныхъ.

е) Клеветъ.

ж) Поруганiй, поношенiй.

безпримирительно продолжаетъ: внеся въ оные многія несносныя и межъ потентаты (а) христіанскими необыкновенныя клеветы. Отъ чего, а особливо, понеже всегда натурально есть человѣкомъ о бѣдствующихъ сожалѣніе, а на благополучіе имѣющихъ зависть имѣти, не смотря на причины, кто тѣмъ бѣдствамъ, которые первый терпитъ, виновенъ, якоже всѣмъ извѣстно есть, многіе, особливо же тѣ, которые за отдаленіемъ отъ сихъ обѣихъ Сѣверныхъ Коронъ о древнихъ и новыхъ ихъ исторіяхъ основательнаго извѣстія не имѣютъ, по тѣмъ шведскимъ внушеніямъ въ томъ мнѣніи и донынѣ пребываютъ, что сія война, на его королевское величество свейское (б), не токмо отъ Его Царскаго Величества одного, но и отъ всѣхъ сѣверныхъ высокихъ союзниковъ, безъ праведныхъ причинъ, для единаго токмо властолюбія, начата есть, и для его конечнаго опровerженія непримирительно продолжается. Того ради побужденъ нѣкоторый вѣрный патріотъ (отечества сынъ) изъ россійскаго народа, для оправданія своего Всемилостивѣйшаго Самодержца и правдолюбиваго Царя и Государя, въ начатіи сея войны отъ такихъ неправедныхъ клеветъ и шведскихъ внушеній, испросилъ у высокопомянутаго Его Величества Всемилостивѣйшее соизволеніе, сіе разсужденіе на свѣтъ выдать и тѣмъ оному показать:

1) Правыя, важныя и законныя древнія и новыя причины, которыхъ ради Его Царское Величество, яко христіанскій монархъ и истинный отецъ отечества своего, не токмо долженъ, но и необходимо принужденъ былъ начать сію войну противъ Короны Шведской, яко изъ древнихъ лѣтъ и непремѣнно, даже и до счастливаго государствованія его, имперію россійскому непримирительной, враждебной преслѣдовательницы.

2) И что толь долговременному продолженію сей войны, и пролитію многой крови человѣческой, и разоренію земель, весьма не Его Царское Величество, но никто иной, кромѣ самого его королевскаго величества шведскаго, вина и причина есть.

3) Что со стороны Царскаго Величества во время сей войны со всякою умѣренностію, христіанскимъ милосердіемъ, и отъ большей части по обычаю всѣхъ политичныхъ христіанскихъ народовъ поступлено, а ежели какая жестокость гдѣ и показана, то болѣе для отмщенія шведской жестокости къ Его Царскаго Величества и войскамъ и вѣрнымъ подданнымъ учинено. Противъ тогожъ съ шведской страны оная война съ начала и до сего времени была не по обычаю политичныхъ народовъ, но со всякою суровостію, нелюдкостію и досадительствы ведена. И уповаемъ,

а) Владѣтельныя особы.

б) Шведское.

что мы все сіе съ такимъ основаніемъ и истиною докажемъ, что всякъ безпристрастный не можетъ укорить и доказать, чтобъ въ семъ объявленіи что обрѣтено было мимо самой истины, или по пристрастію и по злобѣ къ шведскому народу, писанное.

„Разсужденіе, какія законныя причины Его Величество Петръ Первый, царь и повелитель Всероссійскій, и проч., и проч., и проч., къ начатію войны противъ Короля Карла 12 Шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ потентатовъ, во время сей пребывающей войны, болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показывалъ, и кто въ продолженіи оной съ толь великимъ разлитіемъ крови христіанской и разореніемъ многихъ земель виновенъ, и съ которой воюющей страны та война по правиламъ христіанскихъ и политичныхъ народовъ болѣе ведена 1717“. Сочиненіе посвящено наслѣднику престола царевичу Петру Петровичу. Въ приношеніи, или дедикаціи, исчисляются безсмертныя дѣла Петра Великаго, который, по выраженію автора, „сочинилъ изъ Россіи самую метаморфозисъ, или претвореніе“; это — краткое похвальное слово преобразователю нашего отечества. Разсужденіе, написанное въ опроверженіе сочиненія одного ученаго шведа о Кареліи и Ингерманландіи, раздѣлено на 3 частя: въ 1-ой разсматриваются причины, по которымъ Петру I слѣдовало начать войну съ Карломъ XII; во 2-ой доказывается, что долговременному продолженію войны причиною былъ король шведскій, а не Петръ I; 3-я показываетъ, что со стороны Россіи война ведена была съ умѣренностію, по образцу просвѣщенныхъ народовъ. Заключеніе содержитъ въ себѣ пространный отвѣтъ на возраженіе нѣкоторыхъ: „не лучше ли бы было вмѣсто продолжительной и тягостной войны заключить миръ, хотя и съ уступкою“? Нѣкоторыя мѣста этого отвѣта написаны самимъ Петромъ, а заключеніе (отъ словъ: „тако, любезный читателю“) все принадлежитъ его перу. Къ концу книги приложено пять документовъ, относящихся къ сношеніямъ Россіи съ Швеціею. Авторъ ея—баронъ Шафировъ, вице-канцлеръ, пользовавшійся большою довѣренностію Петра.

IX.

ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО (1717).

Впервыхъ наипаче всего должны дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ во окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ въ сторонѣ стоять,

подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ ничего своимъ именемъ не повелѣвать, но именемъ отца или матере; отъ челядинцевъ просительнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бываютъ, для того, что обычайно служители и челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ. А окромѣ того, часто происходятъ ссоры и великіе между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ, такъ что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежитъ.

2. Дѣти не имѣютъ безъ именнаго приказу родительскаго никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вѣжливо и учтиво.

3. У родителей рѣчей перебивать не надлежитъ, и ниже прекословить, и другихъ ихъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать (а), но ожидать пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять; на столъ, на скамью, или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валяется, но стоять должны прямо.

4. Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ и ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумасброды. Но все, что имъ говорить, имѣетъ быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтивыхъ словахъ предлагать, подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокимъ лицемъ говорить случилось, дабы они въ томъ тако и обыкли.

5. Неприлично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсти. А вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны тихо и смирно, прямо, а не избоченясь сидѣть.

6. Когда родители или кто другіе ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣщать тотчасъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: «что изволите, государь батюшка», или: «государыня матушка», или: «что мнѣ прикажете, государь»; а не такъ: «что, чего, што, какъ ты говоришь, чего хочешь?» И не дерзостно отвѣщать: «да, такъ», и ниже вдругъ наотказъ молвить: «нѣтъ»; но сказать: «такъ, мой государь, слышу, государь; я выразумѣлъ, государь, учиню такъ, какъ вы, государь, приказали.» А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презирая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ, но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать.

7. Когда имъ говорить съ

а) Вмѣшиваться.

людьми, то должно имъ благочинно, учтиво, вѣжливо, разумно, а не много говорить; потомъ слушать, и другихъ рѣчи не перебивать, но дать все выговорить и потомъ мнѣніе свое, что достойно, предъявить. Ежели случится дѣло и рѣчь печальная, то надлежитъ при такихъ быть печальну и имѣть сожалѣніе; въ радостномъ случаѣ быть радостну, и являть себя весела съ веселыми. А въ прямомъ дѣлѣ и въ постоянномъ быть постоянну, а другихъ людей разсудковъ (а) отнюдь не презирать и не отметать, но ежели чье мнѣніе достойно и годно, то похвалять и въ томъ соглашаться; ежели же которое сумнительно, въ томъ себя оговорить, что въ томъ ему разсуждать не достойно. А ежели въ чемъ оспорить можно, то учинить съ учтивостію и вѣжливыми словами и дать свое разсужденіе на то, для чего. А ежели кто совѣту пожелаетъ, или что повѣритъ, то надлежитъ совѣтовать сколько можно, и повѣренное дѣло содержать тайно.

8. Съ духовными должны дѣти вездѣ благочинно, постоянно, учтиво и вѣжливо говорить, а глупости никакой не предъявлять, но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ или духовные вопросы предлагать.

9. Никто себя самъ много не хвали и не уничижай (не стыди) и не срамоти, и ниже, дѣла своего возвеличивая, расширяй болѣ, нежели какъ оное въ подлинномъ дѣйствѣ состоитъ, и никогда роду своего и произванія безъ нужды не возвышай, ибо такъ чинятъ люди всегда такіе, которые не вдавнѣ токмо прославились. А особливо въ той землѣ, гдѣ кто знакомъ, весьма не надлежитъ того дѣлать, но ожидать, пока съ стороны другіе похвалятъ.

10. Съ своими или съ посторонними служители гораздо не сообщайся. Но ежели оные прилежны, такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того что они, грубы и невѣжи (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отшедши прочь на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прилежно, когда что хощешь о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ дознаться было неможно, потому что такіе люди много приложить и прибавить искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ, хвали, а въ присутствіи ихъ почитай, и въ нуждѣ ихъ имъ служи, также и о умершихъ никогда зла не говори.

12. Всегда время пробавляй въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не бывай, ибо отъ того случается, что нѣкоторые живутъ лѣниво, не бодро,

---

а) Разсужденій, мнѣній.

а разумъ ихъ затмится и иступится, потомъ изъ того добра никакого ожидать можно, кромѣ дряхлаго тѣла и червоточины, которое съ лѣности тучно бываетъ.

13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбивъ, прилеженъ и безпокоенъ (а), подобно какъ въ часахъ маятникъ, для того что бодрый господинъ ободряетъ и слугъ, подобно яко бодрый и рѣзвый конь учиняетъ сѣдока прилежна и осторожна; потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радѣніе слугъ, признать, како правленіе котораго господина состоитъ и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: *каковъ игуменъ, такова и братія.*

Како младый отрокъ долженъ поступать, когда оный въ бесѣдѣ съ другими сидитъ.

Когда прилучится тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу:

Въ первыхъ обрѣжь свои ногти, да не явится яко бы оные бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первый въ блюдо, не жри какъ свинія и не дуй въ ушное (б), чтобъ вездѣ брызгало, не сопи егда яси. Первый не пій, будь воздерженъ и бѣгай пьянства; пій и яждь сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложатъ, то возьми часть изъ того; прочее отдай другому и возблагодари ему. Руки твои да не лежатъ долго на талеркѣ (в), ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ пить, не утирай (рта) губъ рукою, но полотенцемъ, и не пей пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовъ и не грызи костей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь; хлѣба приложа къ грудямъ не рѣжь, ѣшь что предъ тобою лежитъ, а индѣ не хватай. Ежели передъ кого положить хощешь, не примай перстами, какъ нѣкоторые народы нынѣ обыкли, надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, и головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже. Когда яси яйцо, отрѣжь напредь хлѣба и смотри, чтобъ при томъ не вытекло, и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти и не облизывай перстовъ, около своей талерки не дѣлай забора изъ костей, корокъ, хлѣба и прочаго. Когда престанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лице, и выполощи ротъ.

„Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ“. Здѣсь содержатся: изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ, печатныхъ и рукописныхъ; слози двописьменніи и триписьменніи;

а) Постоянно дѣятеленъ.

б) Уха, въ смыслѣ супа вообще.

в) Тарелка (нѣм. Teller).

нравоученія отъ Священнаго Писанія по алфавиту избранныя; числа церковныя (славянскія), ариѳметическія (арабскія) и римскія; зерцало житейскаго обхожденія. Книжка эта, изданная по повелѣнію Петра I, пользовалась въ свое время почетомъ. Историкъ Татищевъ рекомендуетъ ее сыну своему, въ духовномъ завѣщаніи: „Малая букварь, или юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе служить можетъ". Любопытно, въ правилахъ житейскаго обхожденія, употребленіе пословицъ, которыя императоръ Петръ I любилъ. „Зерцало" принадлежитъ къ одному разряду руководствъ для юношества съ „Домостроемъ", „Вождемъ по жизни" и проч. Подлинникъ его, вѣроятно, нѣмецкій: на этомъ языкѣ, въ началѣ XVIII в., часто издавались сочиненія подъ заглавіемъ: „Spiegel für der Bildung", „Der goldne Spiegel" и др. (*Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ I*).

X.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, САМУИЛА ПУФФЕНДОРФА, ПЕРЕВ. БУЖИНСКАГО (1718).

Филиппъ II, король испанскій.

Подъ Филиппомъ Вторымъ королемъ необычное монархіи Ишпанской величество умалятися начатъ. Ниже къ тому возможно бяше вся государства прилучити, понеже бракъ Филипповъ, состоявшійся съ Маріею, королевою британскою, не токмо недолголѣтній, но и безплодный бысть. И сіе убо въ первыхъ по моему разсужденію зѣло ишпанскія силы оскорбило (а), яко, отдавши Фердинанду (б) брату страны нѣмецкія, послѣ Кароль (в) императоромъ его огласити повелѣлъ. Которою вещію не токмо силы народа своего сломанныя и разрушенныя сотворилъ, но и достоинство императорское отъ ишпановъ отъято. Аще же и хотяше послѣ, дабы Фердинандъ Филиппа наслѣдникомъ кесарства огласилъ, обаче сіе не восхотѣлъ сотворити, наипаче совѣтомъ Матѳея сына подтвержденъ, дабы полученное при себѣ задержалъ. Онъ въ началѣ господамъ нѣмецкимъ доброхотенъ былъ и любимъ, Филиппъ же ненавидимъ, понеже каковъ ни былъ, весь ишпанъ былъ и ниже языка нѣмецкаго умѣлъ. Прочее же Фердинандъ, и которые вскорѣ по немъ были наслѣдники, зѣло доброхотны были, ниже таки ишпановъ слушаху, но паче часто о намѣреніи и воли ихъ небрежаху. Наипаче же силы ишпанскія разорены суть бунтами бельгійскими, которые, аки неуврачеванная язва, яже ракъ именуемая, расширишися, яко частію безвременно завладѣти Ишпаніею имѣлъ препятіе, и небрежаше своимъ присутствіемъ зло оное воспятити, донелѣже зѣло

в) Ослабило.
б) Фердинандъ I.
в) Карлъ V (Carolus).

умножися, подобнѣ яко и отецъ его сотворилъ былъ, иже хотящи Гандаву (а) градъ единый усмирити, Францишкови, тяжчайшему своему непріятелю, подъ власть и послушаніе не усумнѣлъ датися; частію же, егда хотяше жестоко на бунтовщикахъ мститися, князя Албанскаго (б), человѣка жестоконравнаго, надъ белгами, отдревле подъ милостивымъ владѣніемъ жити пріобыкшими, поставилъ, который въ отчаяніе бѣдныхъ приведе: наипаче егда изъявлено бысть отъ истязателей святыхъ вопросовъ (в), яко не токмо бунтовщики и иконоборцы должны главою казнены быти, но и самые каѳолики, которые имъ не сопротивлялися. Тѣмъже нѣкій начальникъ испанскій, именемъ Антоній Варгасъ, зѣло красно по латинѣ, аще Богомъ угодно, изрече (haeretici fraxerunt templa, boni nihil faxerunt contra, ergo omnes debent patibulare; сіе есть: еретики раззориша храмы, а сопротивъ ничтоже доброе сотвориша, убо всѣхъ подобаетъ повѣшати). Но еще неимовѣрно ишпановъ ненавидяху белги не точію ради обычаевъ несогласія, но такожде что оные у Кароля 5, подобнаго имъ, зѣло въ великой чести бяху, противнымъ же образомъ Филиппъ токмо ишпановъ своихъ почиталъ, которые, нестерпимою гордостію вознесшіеся, хотяху белгомъ, которыхъ невоенныхъ мняху, сопротивитися. Такожде и о семъ скорбяху, яко белги вещи новыя замышляли, понеже едино сіе имъ бысть желаніе, дабы король преславныя и древнія Белгскія отринувши привилегіи, превеликое оное государство, ни которыхъ законовъ имущее, воспріялъ. И тако брань, въ иномъ мѣстѣ начавши, съ котораго французовъ и британовъ побѣждати возмогли бы, ишпанскую монархію къ превеликой чести и славѣ вознести хотяху. Но белги свободу свою сердечно защищаху, ниже сего хотяху попустити, дабы они въ сравненіи съ народами побѣжденными были. Егда убо Филиппъ, отъѣзжаючи изъ Белгіи, хотя усмирити ненависти, ишпанскія помощи и силы оставити хотяше, князя Авріатскаго и комита Эгмонданскаго (г) надъ ними поставити тщашеся, но они весьма сопротивишася, глаголюще: яко аще сицевымъ игомъ обтягчены будутъ, то не миромъ, но бранію подъ иго должны завоеваны быти; пограничные такожде, и въ первыхъ Елисавета, королева англiская, видя сицевыя смятенія, никакимъ образомъ хотяще сего случая опустити, дабы ишпанскія силы и богатства могли смирити; протестанты тожъ нѣмецкіе, ишпановъ зѣло ненавидящіе и смятеніемъ ихъ рады, помощь Авріатскому великую подаваху; императоры же токмо своя празднованія цѣло сохраняти и како нѣмцомъ угодити паче тщахуся, нежели како помоществовати ближнимъ. И по тому

а) Гентъ.
б) Герцогъ Альба.
в) Инквизиторы.
г) Принцъ Оранскій и графъ Эгмонтъ.

убо случаю бунтовъ бельгійскихъ, брань между Филиппомъ и Елисаветою королевою началася, которою не токмо всякими образы, имиже можаше, белгомъ номоществоваше, но такожде, половивши корабли Индіи западной превеликіе, ишпаномъ убытки сотворила. Драконъ (а), такожде преславный мужъ, самыя полуденныя Америки страны опустошаше. Филиппъ же, своими деньгами въ Гиберніи (б) бунтовщиковъ содержаши, много королеву оскорбляше. Наконецъ Филиппъ Британію въ конецъ разорити хотяше: сего ради чрезъ многія лѣта флотъ созидаетъ, который именованъ бысть непобѣдимый (в), и даже до того времени нигдѣже флотъ равный тому обрѣташеся: состояшеся во стѣ и пятидесятъ корабляхъ, на которыхъ было пушекъ мѣдныхъ 1600, желѣзныхъ 1050, корабельниковъ 8000, воинства 20000, кромѣ благородныхъ и самовольныхъ (г). Къ содержанію же флота того, на всякъ день 30000 золотыхъ выходило, которые всѣ счисливши, сто двадесятъ кратъ сто тысящей издержано. Сикстъ же, папа римскій, проклявши Елисавету, королевство Филиппу присудилъ. Но въ ничто обратися пріуготовленіе толь великое, егда велія часть флота онаго ово отъ англичанъ и батавовъ (д), ово бурею и непогодами на океанѣ нѣмецкомъ погублена, тако, яко зѣло мало кораблей въ Ишпанію возвратишася. И не бяше сицевый домъ благородный, въ немъ же по своихъ погибшихъ гласы плачевные не слышахуся. Обаче удивитися мощно неудобовѣрному Филиппа великодушію, иже, неутѣшную воспріявши вѣсть, никаковаго скорби и печали на себѣ изъявилъ знаменія, токмо единъ сей глаголъ изрече: кое зло съ вѣтрами и волнами брань творити имъ повелѣ? лѣта 1588. Оттуду англичане, батавовъ въ союзство пріявши, флотъ ишпанскій при Гадесахъ (е) побѣждаютъ, кораблей, премного всякимъ припасомъ и вещами исполненныхъ, уловляютъ, и самый градъ плѣняютъ, который разоренный комитъ Эссексинскій (ж), вождь аглинскій, съ великимъ безчестіемъ оставилъ, и аще бы сего не сотворилъ, веліе бы тамо пораженіе ишпаномъ могло быти, лѣта 1596.

а) Дракъ, англ. мореплаватель.
б) Ирландія.
в) Армада.
г) Волонтеры.
д) Голландцы.

„Введеніе въ Гисторію Европейскую, чрезъ Самуила Пуфендорфія на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, также чрезъ Іоанна Фридерика Крамера на латинскій преложенное, нынѣ же повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Перваго, Всероссійскаго Императора на Россійскій съ латинскаго переведенное. Печатано въ Санктпетербургѣ, 1718, декабря въ 5 день“. Переводчикъ, Гавріилъ Бужинскій, посвятилъ свой переводъ Петру I, по возвращеніи его, въ 1717 г., изъ заграничнаго путешествія. Въ предисловіи выражается радость о возвращеніи Госу-

е) Кадиксъ.
ж) Графъ Эссексъ.

даря, который возвелъ Россію на такую степень величія, что всѣ европейскіе народы принуждены измѣнить о ней свое мнѣніе и признать ея могущество. Какой же видимый знакъ душевнаго веселія принести отцу отечества? переводчикъ приноситъ ему переводъ, уподобляя даръ свой чашѣ воды, предложенной персидскимъ поселяниномъ своему государю, который принялъ ее „паче всѣхъ пребогатыхъ дарованій". Слѣдуетъ потомъ описаніе пользы историческихъ книгъ и примѣры великихъ людей, любившихъ заниматься исторіею. Далѣе говорится о самомъ переводѣ, который сдѣланъ съ латинскаго Крамерова перевода, а не съ подлинника, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, котораго Бужинскій не зналъ. Въ заключеніе переводчикъ снова обращается къ Петру. Книга Пуфендорфа (историка и юриста, 1632—1694), „сладостно отъ всѣхъ чтомая", была, какъ и другія его сочиненія, въ великомъ уваженіи: „мнози князи и начальницы учителемъ чадъ своихъ книгу сію толковати повелѣваху, наставляюще ихъ и поучающе отъ исторіи благаго правленія". Достоинство ея предисловіе полагаетъ въ томъ, что она кратко, разумно и въ порядкѣ излагаетъ дѣянія государствъ, чуждаясь „фабулъ, басенъ и забабоновъ" (вадорныхъ, нелѣпыхъ росказней). Продажа этой книги, запрещенная при Аннѣ, разрѣшена при Елисаветѣ.

XI.

О ДОЛЖНОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА, САМУИЛА ПУФФЕНДОРФА, ПЕРЕВ. БУЖИНСКАГО (1726).

Изъ главы 2-й: о правилѣ дѣйствъ человѣческихъ или о законѣ общемъ и о правдѣ.

1. Понеже дѣйствія человѣческая отъ воли происходятъ; воли же каждаго человѣка не всегда себѣ подобныя, но разныхъ въ разная идутъ: того ради для благочинія и изрядства въ родѣ человѣческомъ потребно было правилу нѣкоему быти, которому бы оныя воли согласовалися. Инако бо, аще бы въ таковой свободности воли, и въ такой приклонности (а) и хотѣніи различности, всякъ безъ разсужденія ко извѣстному правилу, еже бы хотѣлъ — творилъ, невозможно было бы не быти великому смѣшенію и безчинію въ родѣ человѣческомъ.

2. Правило оное именуется законъ, который есть декретъ, или установленіе, которымъ начальствующій подчиненнаго своего обязуетъ, дабы по оному уставу свои дѣйствія согласовалъ.

3. Сіе правила опредѣленіе дабы лучши уразумѣлося, вѣдати надобно: что есть обязательство? и откуду происходитъ? кто пріяти обязательство, и кто тоежде другому наложити можетъ? обще убо глаголется обязательство союзъ права (б), которымъ по нуждѣ

а) Наклонности.

б) Т. е., обязательствомъ называется союзъ права (vinculus jurim).

привязуемся повелѣнное исполняти: то есть, налагается чрезъ оное аки нѣкая узда свободности нашей, что хотя бы весьма воля наша чего ни захотѣла и разнствовала, обаче онымъ обязательствомъ, аки внутреннимъ движеніемъ, познаваетъ, что аще положенному уставу дѣйствіе ея не будетъ согласно, то оное не добрѣ учинила; и тако аще кое отъ того зло человѣку приключится, то праведно себѣ оное долженъ вмѣнять. Ибо аще бы правило сохранялъ, могъ бы отъ онаго зла ухранитися.

4. А яко къ воспріятію обязательства человѣкъ способенъ, двоякая сего вина есть. Первая: что человѣкъ волю имѣетъ, которая къ разнымъ вещамъ склонна есть, того ради и къ правилу можетъ пристати. Вторая: понеже человѣкъ отъ власти начальствующаго не свободенъ есть; ибо гдѣ дѣлающаго силы по естеству къ единообразному нѣкоему дѣйствію суть привязаны, тамъ не свободное есть дѣйствіе: и таковому всуе полагать правило, который онаго ниже познати, ниже къ оному пристати можетъ. А когда кто не имѣетъ надъ собою начальствующаго, то для того самаго никто таковъ сыскатися не можетъ, кто бы ему обязательство правильно могъ наложити: ибо хотя онъ въ дѣйствіяхъ правильно поступать будетъ и отъ нѣкоторыхъ дѣйствій постоянно воздержится, однакожъ оное не по обязательству нѣкоему, но собственнымъ изволеніемъ своимъ тое дѣлаетъ. Слѣдуетъ отъ сего, что оный къ обязательству есть способенъ, кто имѣетъ начальствующаго, и правило предложенное можетъ разумѣти, и волю къ различнымъ вещамъ имѣетъ приклонную, которая, познавши правило, отъ начальствующаго предложенное, поразумѣетъ, что неправильно отступаетъ отъ онаго. И таковъ по естеству своему есть человѣкъ.

5. Налагается же обязательство умамъ человѣческимъ собственно отъ начальствующаго, то есть таковаго, который не токмо имѣетъ власть нѣкое бѣдство противляющимся содѣлать, но который имѣетъ праведныя причины, для чего, по мнѣнію своему, воли нашея свободности хощетъ употребляти (а). Таковая бо власть аще въ которомъ есть, тогда аще изволеніе свое объявитъ, то подобаетъ, дабы умъ человѣческій со страхомъ и почтеніемъ къ тому присталъ: со страхомъ для власти, а съ почтеніемъ разсуждая причины, которые бы и безъ страха подвизать должны ко исполненію и воспріятію воли его. Кто бы ни единой причины показать не можетъ, для чего мнѣ, и не хотящу, обязательство хощетъ наложити, кромѣ единаго насилія; той менѣ устрашити можетъ, дабы зла вящшаго удаляяся, ему повиновался. Но когда страхъ минуетъ, тогда все могу паче по

а) Ограничить (circumscribere).

моей волѣ, нежели по его дѣлать. Противнымъ же способомъ (а) кто причины имѣетъ, для чего оному я долженъ повиноватися, а силы не имѣетъ бѣдствіе нѣкое мнѣ учинить, онаго повелѣнія безбѣдно могу пренебрещи: развѣ сильнѣйшій кто за честь его пренебреженную вступится. Причины же, для которыхъ кто праведно требовать можетъ, дабы другой былъ ему подчиненъ, сія суть: аще отъ того сему великія благодѣянія явлены; аще явится, что той благожелаетъ ему и о немъ смотрѣніе вящшее имѣетъ, нежели бы онъ о себѣ моглъ имѣть; такожде аще самымъ дѣломъ подъ его правленіемъ долженъ быть, и егда самъ себе добровольно подчинилъ и подъ правленіемъ тѣмъ быть восхотѣлъ.

„О должности человѣка и гражданина по закону естественному. Книги двѣ, сочиненныя Самуиломъ Пуфендорфомъ, нынѣ же на россійскій съ латинскаго переведенныя повелѣніемъ благочестивѣйшія великія государыни Екатерины Алексіевны, императрицы и самодержицы всероссійскія, благословеніемъ же святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода“. Спб. 1726. Переводчикъ (Гавріилъ Бужинскій) посвятилъ свой переводъ Екатеринѣ I. Въ посвященіи объяснено, что книга эта должна бы была показаться „на россійскомъ горизонтѣ“ — украшенною именемъ Петра, но кончина его тому воспрепятствовала; затѣмъ исчислены заслуги преобразователя Россіи — въ военномъ искусствѣ, по внутреннему устройству и особенно по изданію книгъ; потомъ разсказано, какъ Петръ, узнавъ, что во многихъ академіяхъ „аки алфавитъ употребляютъ въ наученіи юношъ книгу преславнаго юристы Пуфендорфа“, пожелалъ видѣть ее на русскомъ языкѣ, вручилъ ее синоду для скорѣйшаго перевода, во время котораго нетерпѣливо спрашивалъ, скоро ли онъ будетъ оконченъ; что, не дожидаясь конца его, пожелалъ видѣть нѣкоторыя части и, получивъ 10 главъ 1-й книги (всѣхъ главъ 35), во многихъ мѣстахъ самъ исправлялъ ихъ и лично отдалъ въ типографію для печатанія; что при собраніяхъ сенаторовъ, во дворцѣ, на асамблеяхъ восхвалялъ эти 10 главъ, называя автора мудрымъ юрисперитомъ (законознателемъ). За посвященіемъ слѣдуетъ „Правдолюбивому россійскому читателю“: здѣсь кратко говорится о Пуфендорфѣ и его книгѣ и о переводѣ. Переводчикъ отклоняетъ отъ себя упреки читателя за темноту нѣкоторыхъ мѣстъ: „егда чтый увидиши что неудобопонятное или реченіе кое примрачное, вѣждь, яко сему въ переводѣ потрудившійся не виновенъ есть; но трудности оныя суть вины, яко въ малую сію книгу авторъ толико вещей собралъ, яже въ превеличайшихъ волюминахъ (книгахъ) едва вмѣститися могутъ“. Далѣе предложенъ реестръ реченій неудобно прелагаемыхъ съ лат. на русск. яз.; напр. spontaneitas — самоволіе, imputatio — вмѣненіе, norma — правило, injuria—безправіе или обида, hypothetica—виновныя или подпричинныя, conditio—прилогъ, cognatio—средство, agnatio — свойство, factio — согласіе злое, interregnum — междугосударство, и проч.

а) Напротивъ.

XII.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.

А. СЛОВА И ПРОПОВѢДИ (¹).

1. Слово о побѣдѣ подъ Полтавою въ 1709 г.

Вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ (Марк. XI, 24).

Радуйтеся и веселитеся, Христоименитые люди! Ликуй и торжествуй Церковь Христова и православная великороссійская держава! Се нынѣ время благополучно и благопріятно: уже бо лютая зима прейде, скорбное преста безведріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непріятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася, стужа жестокая, печали и воздыханія мимо идоша; цвѣты же радостей и веселія явишася въ земли нашей великороссійской. Нива державы Россійскія угобзися, класы побѣдные благополучно собраны; плевелы же нечестивыхъ шведовъ лютѣ пожаты, и иніи въ снопы связаны, а иніи сожжены. Процвѣте скипетръ державнѣйшаго Государя и плодъ принесе не сторичный, но безчисленный, коимъ всю свою державу насытилъ есть и вселенную всю безсмертною славою наполнилъ. Радуется убо Россійская держава, яко таковую Господь посла милость свою и побѣду Монарху нашему, какової отъ начала міра не было. исполнилъ есть Господь во благихъ желаніе царево — членовныя (а) льву шведскому сокрушилъ есть. Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ; яко обѣща намъ, тако и сотвори, рече: просите и дастся вамъ, вся елика аще молящеся просите (Марк. XI, 24). Сіе исполни обѣщаніе: призрѣ на моленіе церкви своей святѣй, стенаніе и воздыханіе убогихъ услыша, яко хвалитесь ей съ Давидомъ Святымъ: растерзалъ еси вретище (б) мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ, спасе мя отъ устъ львовыхъ (Псал. XXIX, 12)... Лютый оный звѣрь левъ, король шведскій, рыскаше и зіяше устами своими, хотя проглотити Россію; но прехрабрый Сампсонъ нашъ, Государь Царь, заградилъ есть уста тому льву, паче же растерза льва шведскаго. Побѣдилъ есть отъ колѣна Іудова побѣдитель Христосъ чрезъ Христа нашего Царя. Се большая сила орла царскаго, неже львова! Горняя сей мудрствуетъ, а не земная. Орелъ — царь есть воздушныхъ, левъ же земныхъ; орелъ отъ вышнихъ всѣхъ вышши воз-

а) Члены тѣла вообще; здѣсь же въ особенности челюсти.

б) Одежда изъ грубой ткани.

вышается, левъ паки по земли ползаетъ; орелъ свѣтло очи своя и зѣницы къ солнцу всегда обращаетъ, несмеженно на лучи солнечные смотритъ, а наипаче къ присносіяющему солнцу, еже есть Христосъ: Азъ есмь свѣтъ міру; левъ по пустынямъ, по вертепамъ крыется. Яко орелъ, Государь нашъ покры гнѣздо свое, царство свое, Церковь Христову, льва же растерза. Яряшеся левъ сей, гордяшеся и хваляшеся Церковь святую и государство наше поглотити, но Господь, гордымъ противящійся, сокруши челюсти его. Тіи спяти (а) быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся (Псал. XIX, 9).

Хваляшеся прегордый онъ Голіаѳъ на новаго Божія Израиля и глаголаше: мечъ мой снѣсть мяса. Утну (б) мечемъ моимъ, пообладаетъ ихъ рука моя; не возвращуся, дондеже скончаются: но прехрабрый Царь Петръ, яко кроткій Давидъ, пращею Духа Святаго и каменемъ Христомъ, побѣдилъ есть. Мечи ихъ сломи, оружія сокруши, щиты сожже, иже имать мечъ исходящій отъ устъ своихъ Христосъ. Святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ: и видѣхъ изъ моря звѣрь исходящь, имущь главъ седмь, и роговъ десять: а на главахъ его имена хульна, и звѣрь, его же видѣхъ, бѣ подобенъ рыси, и нозѣ его, яко медвѣдя, и уста его, яко уста львова: и даде ему змій силу свою, и видѣхъ едину отъ главъ его, яко заколену въ смерть (Апок. XIII, 1—3).

Звѣрь изъ моря есть король шведскій, имѣяй главъ седмь главнѣйшихъ генераловъ, который пройде Польшу, Литву, разорилъ домы Божія и обнажилъ, и дерзнулъ окаянный внити въ державу Государеву; но Господь, сокрушаяй брани, левъ отъ колѣна Іудова, побѣдоносный орелъ сокруши главы морскаго звѣря того, и самого уязви язвою смертоносною, еже пребудетъ неисцѣльна на вѣки.

Но и той съ клевреты своими, который поклонился тому звѣрю, пріиметъ казнь и погибель свою, сице глаголетъ писаніе: иже аще кто поклонится звѣрю, и иконѣ (в) его, и пріиметъ начертаніе на челѣ своемъ, или на руцѣ своей, и той имать пити отъ вина ярости Божія, вина нерастворенна въ чаши гнѣва его, и будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ предъ Ангелы святыми, и предъ Агнцемъ, и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходити (Апок. XIV). Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко тако будетъ.

Звѣрь той, иже хотяше пожерти (г) жену, то есть невѣсту Христову, Церковь святую, ятъ будетъ. Скорѣйшій орелъ, нежели звѣрь левъ, постигнетъ ихъ и

а) Низвергнуты.
б) Поражу.
в) Образу.
г) Пожрать.

поперетъ ногами, главы сокрушитъ гордыя, роги сотретъ. Святый пророкъ глаголетъ: видѣхъ нечестиваго превосносящася и высящася, яко кедры Ливанскіе, и мимоидохъ, и се на бѣ, и взыскавъ его, и не обрѣтеся мѣсто его (Псал. XXXVI, 35).

И сей лютый звѣрь, паче же бездѣльный, превозносяшеся, яко кедры Ливанскіе, и крѣпляшеся, аки дубъ; но, противляяйся гордымъ, Господь низложи гордыню его, посѣче тыя гордые кедры, сломи дуба мнящагося быти крѣпка и непреодолѣнна. Се исполнися Іоанново прореченіе: всякое древо не творящее плода и пр. (Іоан. XV, 2). Образъ сего предивный зѣло и вельми страшный видѣлъ во снѣ Навуходоносоръ, царь вавилонскій: видѣхъ бо, и се дубъ среди земли, высота досязаше до небесъ, и кореніе его въ концѣхъ всея земли, листвіе его красно, и плодъ его многъ, и пища всѣхъ въ немъ, и подъ нимъ веселяхуся вси звѣріе дивіи (а), и въ вѣтвѣхъ его живяху вся птицы небесныя, и отъ него питашеся вся земля. Веліе воистину и пречудное сіе древо! но егда только вознесся, абіе смирися, ибо видѣ Ангела вопіюща: посѣцыте дубъ, и обейте вѣтвія его, и обрушите листвіе его, и разсыплите плодъ его. Оле (б) паденія великаго, превысокаго древа до небесъ! Что исполнилося на самѣмъ же Навуходоносорѣ (Дан. IV).

Не тако ли и сей Навуходоносоръ шведскій гордяшеся и возношашеся до небесъ? но сѣкирою, о ней же Іоаннъ: се уже и сѣкира при корени древа лежитъ и пр. (Мат. III, 10), то есть силою Божіею и побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго Монарха посѣченъ есть. Обиты вѣтви, то есть генералы и полководцы; обрушены и побиты листвія, то есть оружницы; разсыпаны плоды, побраны корысти, знаменія, воинскія потребы. Се коль великое дуба сего паденіе, намъ же востаніе! Тіи спяти быша и падоша. Вопрошенъ бысть нѣкто отъ риторовъ: что Богъ на небеси дѣетъ? Отвѣщавъ, рече: играетъ съ тварію своею, гордыя смиряетъ, смиренныя возвышаетъ. Но не играетъ то Богъ, о риторе! но Правдолюбецъ правду дѣетъ, о ней же Петръ святый: Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать (I Петр. V, 5). Сице гордящагося Голіаѳа смири и погуби чрезъ Давида смиренна, который каменемъ побѣди. Сице смири гордость Филистиновъ чрезъ Сампсона, Мадіама чрезъ Гедеона, Гаваониты чрезъ Финееса и Іисуса Навина, который побѣди пять царей амморейскихъ со многими тысящами. Славна та бысть побѣда, яко въ то время на прошеніе и моленіе Іисуса Навина ста солнце и мѣсяцъ среди небеси, и пособствоваше сіяніемъ своимъ побѣдити пять оныхъ царей. Но

а) Дикіе.
б) О!

славнѣйшая здѣсь побѣда надъ шведами. Тамо безсловесныя свѣтила повелѣніемъ Божіимъ стали и помогали; здѣсь же мысленныя свѣтила: самъ Христосъ Спаситель, иже есть солнце, и луна—пресвятая Дѣва Марія, стали и пособствовали побѣдити гордаго сего. Тамо только солнце и мѣсяцъ стояли, а здѣсь и звѣзды, то есть россійстіи чудотворцы и апостоли святіи и вси святіи помогали. Благополучное убо сіе есть время—мѣсяцъ іюнь, въ онь же дарова побѣду Господь: въ семъ бо мѣсяцѣ солнце входитъ въ знаменіе дѣвицы. Солнце Христосъ вниде во знаменіе Дѣвицы, юже видѣлъ Святый Іоаннъ въ Апокалипсисѣ; знаменіе веліе явися на небеси: жена облеченна въ солнце и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двоюнадесяти. Сладко воспѣваше со сверстницами своими сестра Моисеева Марія, восклицающи съ гусльми и тимпаны и иными мусикійскими органы, егда Моисей пройде море и погрузи въ немъ Фараона со всѣмъ воинствомъ; несравнительно сладкіе нынѣ гимны Марія—Церковь святая и Россія, егда скипетродержавецъ нашъ погрузи аки въ морѣ въ ихъ же крови шведа, воспѣваютъ и славятъ, глаголя: славою и честію вѣнчалъ еси, Господи, Царя нашего, и покорилъ еси подъ нозѣ его вся востающіе на ны, и будутъ величати и прославляти сицевую побѣду, сицевый подвигъ, донелѣже рѣки въ море плыти будутъ.

Кіими убо вѣнцы похвальными вѣнчаемъ Тя, Манархо нашъ Петре? Недоумѣемъ. Се самъ Царь небесный, вѣнчавый Тя за труды твоя толикіе, безсмертною вѣнчаетъ тя славою и честію, глаголя: достоинъ еси пріяти славу, и честь, и силу. Побѣждаяй не имать вредитися отъ смерти: побѣждающему и соблюдающему дѣла моя до конца дамъ ему власть надъ языки, и упасетъ я жезломъ желѣзнымъ, и яко сосуды скудельничи сокрушатся; побѣждающаго сотворю столпъ, и дамъ сѣсти со мною на престолѣ моемъ, яко же азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его. И дамъ ему ясти отъ манны сокровенныя (Апок. II). О которомъ благополучіи благодаряще мы, сынове россійстіи, Господа, церковь святую долженствуемъ непрестанно молити, да сохранитъ тя, Государя нашего, цѣла, покоритъ всю силу вражію льва, расширитъ государство и миромъ оградитъ на вѣки. Аминь.

В. КАМЕНЬ ВѢРЫ (1728) (²).

Изъ увѣщанія къ архіереямъ, іереямъ и міряномъ.

Что есть Церковь Святая?

Церковь Христова есть градъ Царя великаго, въ немъ же и ты живеши. Почто убо о семъ градѣ попеченія не имаши? И въ градѣ

убо вещественномъ егда видиши огнь домы поядающъ, абіе мятешися, и ярость огня бурнаго всячески тщишися угасити, да и не тебе пламень постигнетъ. Почто убо сицеваго благодѣянія граду Царя великаго, въ немъ же обиталецъ еси, не твориши?

Церковь Христова есть корабль, въ немъ же и ты плывеши въ пристанище небесное. Чесо ради убо о семъ корабли твоемъ душеспасительномъ не брежеши? И аще случится вѣтромъ и волнамъ на корабль устремитися, почто о семъ не радиши? О сокровищахъ твоихъ всячески промышляеши, но и тыя, кораблю погибающу, погибнутъ, аще не прежде о корабли попечительство воспріимеши.

Церковь есть тѣло Христово, его же и ты еси членъ. И аще убо тѣлу сему случится какой либо недугъ, почто врачевства не ищеши? О цѣлости тлѣннаго тѣла своего всячески попечительство имаши; а о тѣлѣ Христовомъ, отъ него же всю силу духовную воспріемлеши, не радиши.

Церковь есть мати твоя, яже тя духомъ породи, въ крестильной купѣли и млекомъ догматовъ православныхъ воспита. Таже и твердыя пищи тѣла и крове Христовы тебѣ вкусити даде, и нынѣ тя на лонѣ своемъ пѣстуетъ матерски, донелѣже при сосцахъ ея сладчайшихъ, яко любимое чадо, сномъ блаженнымъ уснеши. Почто убо аще случится досада нѣкая и безчестіе матери твоей, ты о семъ не радиши? О безчестіи плотскія матери твоея гнѣвомъ разъяряешися, о досадахъ же и укоризнахъ духовныя матере твоея (оле неблагодарствія!) подобныя ревности не имаши.

Церковь Христова есть домъ Божій, его же и ты еси домашнимъ: долженъ убо еси о семъ домѣ твоемъ всячески радѣніе имѣти, и отъ татей, подкопывающихъ и крадущихъ того, опасно хранити.

Церковь есть невѣста Христова, женихъ ея есть Христосъ. Мы яко слузи тѣхъ есмы. Предлежитъ убо намъ честь господей нашихъ всячески хранити, и на сицево дѣло трудовъ и здравія не щадити.

[1]) Проповѣди Стефана Яворскаго, 3 ч. Москва. 1804—1805 г.г. Похвальное слово по случаю полтавской побѣды, выражая чувство радости, почти все состоитъ изъ сравненій, которыми показывается превосходство Петра I предъ Карломъ XII. Оно исполнено символовъ. Король шведскій изображенъ въ видѣ льва, Голіаѳа, морскаго апокалипсическаго звѣря, дуба, видѣннаго во снѣ Навуходоносоромъ. Семь главъ звѣря и вѣтви дуба суть шведскіе генералы, листья — воины, плоды разсыпанные—знамена и воинскіе доспѣхи. Императоръ Петръ I представленъ въ видѣ орла, которымъ разстерзанъ левъ, новаго Давида, поразившаго Голіаѳа, сѣкиры, посѣкающей гордое древо.

[2]) „Камень Вѣры православнымъ Церкве Святыя сыномъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на востаніе и исправленіе". Въ началѣ книги помѣщено „Сказаніе о творцѣ книги" — небольшая біогра-

фія Яворскаго; потомъ идетъ „Вина и случаи писанія книги“ — появленіе, 1713 г., въ Москвѣ, между нѣкоторыми Русскими послѣдователей кальвинизма. Далѣе слѣдуетъ „Предисловіе къ читателю“: здѣсь объясняется смыслъ изреченій Св. Писанія, въ которыхъ Спаситель называется камнемъ Вѣры, камнемъ созиданія, и въ то же время камнемъ претыканія, камнемъ соблазна. Христосъ и Божественныя словеса Его были камнемъ претыканія роду іудейскому, еллинамъ (язычникамъ), еретикамъ древнимъ и новѣйшимъ. Въ исчисленіи главнѣйшихъ ересей говорится особенно о Лютерѣ. Отсюда объясняется названіе книги и вытекаетъ ея содержаніе и раздѣленіе: состоитъ она въ разсмотрѣніи различныхъ догматовъ, и каждый догматъ дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ въ первой „писано отъ камня Вѣры и созиданія духовнаго на утвержденіе православнымъ, а во второй обнаруживается камень претыканія на опасеніе и сохранное блюденіе правовѣрнымъ“.

XIII.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

А. СЛОВА И ПРОПОВѢДИ.

1. Изъ Слова въ день рожденія в. к. Петра Петровича (1716) (¹).

(Сравненіе древней Россіи съ новою).

. . . . Здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣ устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній: воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далече за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ недолгаго времени, и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хврастія—дивные вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію (а), каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительскія? новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный (б), желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статьи и книги судейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь! Уже и свободныя ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху; уже

а) На самомъ дѣлѣ.

б) Неподкупный.

ариѳметическія, геометрическія и прочія философскія искусства, уже книги политическія, уже обоей архитектуры (а) хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довлѣетъ. Аще и самое то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но разсуждати подобаетъ, отъ коликихъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы воистину никіи же мастеры совершити сего, всуе бо было тектонское (б) искусство и труды, аще бы не предстала здѣ монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ таковому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый промыслъ, откуду бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати и свести матерію; аще бы не явила себѣ здѣ велелѣпная щедрость, еже бы не жалѣти толикихъ иждивеній; аще бы не произошло здѣ незыблемое великодушіе, еже бы не устрашитися толикаго и толь труднаго, а еще новаго дѣла; аще бы не воспланулося (в) здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и въ семъ не попустити отъ иныхъ прочихъ быти упослѣжденну. И, да многая минувше, единоглавнѣйшее изречемъ, на таковый сей трудный, новый, преславный заводъ не довольно было никоеже имѣніе, ни лѣсы дубравые, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле теченію ихъ подобающее: инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ Россійской подобало простретися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ, самая правда на бреги Ингріи (г) и Кареліи хищеніетъ льва свѣйскаго давно отъятые; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдительная и прогна далече звѣря онаго полунощнаго, протяже владѣніе свое на моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и островы; державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію: се уже единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничто же было прочее, единъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества.

А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора (д) твоего? идѣже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ стран-

а) Воинской и гражданской
б) Строительное.
в) Воспламенилось.
г) Ингерманландія.
д) Основатель.

ныхъ (а) здѣ пришедъ и о самой истинѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіесть, тщательствомъ Монарха нашего испразднися оная древняя пословица сарматская (б): не разомъ Краковъ будовано (в). Или великое бо время къ таковому строенію пятьнадесятолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: «кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю». А нашему Пресвѣтлѣйшему Монарсѣ тщета была бы, а не похвала, сіе пригласити (г); исповѣсти (д) бо воистину подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ, и внутреннимъ видомъ украси; зданіи, крѣпостьми, правилми и правителми, и различныхъ ученій полезныхъ добротою.

А еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій (аще и тако уже того минути мы не возмогли), и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако невозможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикермень (е), разруши Азовъ и дракона асійскаго (ж) устраши, возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Ингріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Кареліи, въ Финляндіи и въ чуждихъ гнѣздахъ крыющася обрѣте, въ Митавѣ Курляндской, и въ Елбингѣ Прусскомъ, и на мѣстахъ прочихъ; дерзнувша же встрѣтися на полѣ ратномъ преславно побѣди подъ Калишемъ, на Черной Напѣ (з), подъ Пропойскомъ (и), подъ Полтавою. Единымъ ли сіе едино воспомяновеніемъ прейти довлѣетъ? Не довлѣютъ воистину преславной оной викторіи (і) тысяща устъ риторскихъ, и не престанутъ славити вѣки многіе, донелѣже міръ стоитъ. Но и иныя побѣды прочая пространныхъ проповѣдей достойныя суть: обаче здѣ единымъ ихъ точію, яко же рѣхъ, воспоминаніемъ удоволяемся. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было бы, аще бо кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то чтожъ есть викторіями исполнити?

А что въ первыхъ воспомянути подобало и что всей толикой славѣ основаніе есть регула (к) воин-

---

а) Иностранцевъ.

б) Польская.

в) Не вдругъ построенъ Краковъ.

г) Произнести.

д) Исповѣдать, признать.

е) Каза или Кизы-кермень, турецкій городъ, взятый въ 1695 г.

ж) Турцію.

з) Рѣчка въ Литвѣ. Побѣда одержана кн. Голицынымъ 1708 г. августа 29.

и) Мѣстечко, гдѣ Меншиковъ, 1708 г., разбилъ шведовъ, послѣ сраженія при деревнѣ Лѣсной.

і) Побѣда.

к) Правило.

ская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ. Чрезъ сіе дѣло, что либо и гдѣ либо россійскимъ оружіемъ достохвальное содѣвается, содѣвается Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо; за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.

И таковыхъ-то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всихъ, аще и краткое именованіе есть свѣтлое и извѣстное россійскаго счастія свидѣтельство; минувше бо многія оттуда происшедшія пользы домашнія, да помыслитъ всякъ, коликую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ; не буде бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ: бѣхомъ у политическихъ (а) мниміе варвари, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желательная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганны. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче было мнѣніе таковое, и изобличила была то неединократно Россія своимъ оружіемъ, но не довольно и не совершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла пресвѣтлый нашъ Монархъ? то, что которые насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которые безчестили—славятъ, которые грозили—боятся и трепещутъ, которые презирали—служити намъ не стыдятся; многія въ Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотны, но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе: отмѣнили мнѣніе, отмѣнили прежніи свои о насъ повѣсти, затерли исторійки своя древнія, инако и глаголати и писати начали: вознесла главу Россія свѣтлая, красная, сильная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ сильнымъ, но истиннымъ словомъ все сіе: зависть славою Россійскою побѣжденна есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣры уже въ свѣтѣ не обрящетъ, точію имать грызти персты своя и утробою снѣдатися.

а) Образованныхъ.

2. Изъ слова въ недѣлю осьмуюнадесять (*1717*) ([2]).

(Польза путешествія для человѣка вообще и для Царя въ особенности).

Якоже бо рѣка, далѣй и далѣй проводя теченіе свое, больше и больше растетъ, получая себѣ прибаву изъ припадающихъ потоковъ, и тако походомъ (б) своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чегожъ много прибавляетъ?

б) Шествіемъ, теченіемъ.

тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ, прочіимъ убыточно есть. Чего же иного? того, еже есть и собственному и общему добру основаніе—искусства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллинскій Оміръ въ началѣ книгъ своихъ, Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса, вождя греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа, многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая: многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ. Отсюду умножается главная оная мудрость, еже отъ твари познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или паче Божіе: невидимая его отъ созданія міра твореньми видима познаемая суть (а) и присносущная сила его и Божество (Рим. I, 20). И сію-то философію свою сказалъ быти Антоній Великій, егда вопрошающимъ его языческимъ философамъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и реклъ: сія есть книга моя. Молю же (б): той ли книгу сію чтетъ лучше, которому гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти? или той, который, странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество? Что есть ли бы не иную какую давано пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокія, которымъ вѣдѣніе лучше всякаго сокровища стяжется. Но отъ сего познанія твари восходитъ мысль, яко же рѣхъ, къ познанію Творца, и толико выше къ познанію Бога восходитъ, елико множайшая созданія познаетъ. О единомъ плаваніи морскомъ, что глаголетъ Псаломникъ: Исходящіи на (в) море въ корабляхъ, творящіи дѣланія въ водахъ многихъ. Тіи видѣша дѣла Господня и чудеса его во глубинѣ. Рече, и ста духъ буренъ, и вознесошася волны его. Восходятъ до небесъ, и нисходятъ до безднъ (Пс. CVI, 23—26). Аще же отъ единаго сего дѣла чудная Божія познаются, кольми паче показуетъ то странствіе, обоихъ путей (г) искусившее.

Сверхъ того перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тая лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію, обычаи и поведенія народовъ; егда тое жъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ историческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити: не мало бо и ложнѣ повѣствуется; много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно

а) Въ исправл. переводѣ Библіи: помышляема видима суть.

б) Спрашиваю же.

в) Исправл. переводъ: «Сходящіи въ...

г) На землѣ и на морѣ.

познаемъ, какъ егда самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе — то, самымъ искусствомъ увѣдавъ, древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ таковое къ познанію исторій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стихотворцевъ и историковъ книги добрѣ уразумѣти, посѣти и обыди Пелопонесъ и Аттику, что нынѣ Мореею нарицають. А къ лучшему уразумѣнію ветхозаконныхъ исторій, не вѣмъ какъ то свѣтъ велій подаетъ осмотрѣніе Іудеи и Сиріи кольми паче все то яснѣе познается, егда странствующе не на голыя только древнихъ дѣлъ мѣста смотримъ, но и самыя народовъ дѣла и дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правительства образы ясно видимъ. Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія, и учится кротости; видитъ вины благополучій, и учится правила; видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегательства; зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя, и своего народа, и исправленія и недостатки: сами бо себе въ самѣхъ же насъ (не вѣмъ какъ то) не ясно познаемъ; и такъ аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи, странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтняя старость.

Особенно же дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ странствованіе. Молю, да не въ грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспоминати дерзаю. Ниже бо учительско сказую, но точію, поелико и простый догадъ постизаетъ, нѣчто воспоминаю, твердое разсужденіе искусныхъ въ томъ оставляя. Кому же, и легко сіе разсуждающему, не явѣ есть? аще бо географическія карты много къ походу военному пользуютъ, кольми паче свѣдати самыя страны, и грады, и народы. Не видимъ на картѣ, какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оной надежда и въ чемъ боязнь, каковое искусство людей и каковыя сего и онаго народа сердца; не видимъ на картахъ, которыя угодныя и которыя трудныя мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталей, и прочая симъ подобная. Странствованіе едино все тое какъ на дланѣ показуетъ и живую географію въ памяти написуетъ, такъ что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы, на воздусѣ летая, имѣлъ оныя предъ очима.

3. Изъ похвальнаю слова о флотѣ Россійскомъ (*1720*) ([3]).

(Необходимость заведенія флота).

Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная, моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довлѣли бы на сіе рѣки и источники, а

*

не толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневіи) (а), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное другоюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды житію нашему потребныя произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оные на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ, едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понеже невозможно было людемъ имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда; видимъ, что всякъ, сего не любящій, не любитъ добра своего и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.

Но обще о пользѣ флота много бы глаголати, но не нужно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно россійскому государству нужный и полезный есть морской флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей (б), не имѣть бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ (в) нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жить и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?

а) Шестодневъ, или о шести дняхъ творенія.

б) Южными и сѣверными морями обладающей.

в) Вымыслахъ.

Земный непріятельскій приходъ издалече слышанъ и нескоръ: есть время приготовиться и предварить его. Не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиши его, въ томъ же и надѣйся пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, — узрѣвше ихъ, немощно бы уготовить трактаментъ (а) для нихъ. Какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія (б), единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи города, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли, разоренни, не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія; однакожъ, настращавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не чаешься, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами.

Такъ же то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго (в) духа ко устроенію флота и ко обученію морскаго плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но только раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждивеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испразднилася бы слава толикихъ викторій; не меньшая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Ингріи, Кареліи, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же что? наготствуетъ, скудѣетъ и гладъ терпитъ. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разоре-

а) Угощеніе, пріемъ.

б) Смятеніе.

в) Тщательнаго.

ніе; и вмѣсто того, чтобы имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждее себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не вельми счастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего: не только бо готова и сильна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона, которой бы не имѣла еси не имущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны.

4. Слово на погребеніе Петра Великаго (1725) ([1]).

Что се есть! до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или, паче рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи россійстіи сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и состава крѣпости многолѣтно еще жить имущаго вси надѣялися: противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалехъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ, жить нѣчто (а) начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы Тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть; видяй же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окамененъ есть. Но что намъ умножать жалости и сердоболія, которыя утолять, елико возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже есть ли великіе его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистинну толь печальной траты развѣ бы летаргомъ (б) нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ сномъ забыть намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго и коликаго лишилися?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ могъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явльшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и сдѣлалъ по имени своему каменную, адамантову (в); засталъ воинство въ дому вредное и въ полѣ некрѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ

а) Только что.

б) Усыпленіемъ.

в) Крѣпкую, какъ адамантъ.

земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же возстающія на насъ разрушалъ, купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и, заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное: новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленія всея селенныя, и отверзе тебѣ путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ океана, до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ; власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала (а) правды и яко нерѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясные—свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій сигклитъ (б) и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ и къ обличенію свирѣпыхъ? Воистину оставилъ намъ сумнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальный: или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобызаемъ; или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не довольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная и многимъ подданнымъ вліянная и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнутрь и отвнѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ: его дѣло—правительство синодальное, его попеченіе—пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго! коликія ревности на суевѣрія, и лестническіе (в) притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго

а) Ограды, стѣны.

б) Собственно собраніе, верховное правительство, здѣсь сенатъ.

в) Обманчивые.

въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія и изряднѣйшаго во всемъ исправленія.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ обымемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезить и стенать понуждающая. Негли (а) со временемъ нѣчто (б) притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтеляхъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ, слышателіе, видимъ, бѣдніи мы и несчастливіи, кто насъ оставилъ и кого мы лишилися.

Не весьма же, о Россіяне, изнемогаемъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную, славная и быть не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, подобонравнаго владѣтеля по смерти его, Тебя, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быть подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и различныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣть тебѣ ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣяться, что сдѣланная отъ него утвердишь, недодѣланная сотворишь, и все въ добромъ состояніи удержишь? Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣть нестерпимую сію болѣзнь твою, аще и усугубилась она въ тебя отъятіемъ любезнѣйшей дщери (в) и аки жестокая рана но-

а) Развѣ.
б) Немного.
в) Натальи.

вымъ уязвленіемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудахъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися такова же быть и въ прегорькомъ семъ лишеніи.

Вы же, благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана сынове россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте Государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несомнѣннымъ познаваніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отшелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да, яко Богъ щедротъ и отецъ всякія утѣхи, ея величеству самодержавнѣйшей Государынѣ нашей и ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ и всей высокой фамиліи отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

Но, о Россіе, видя, кто и каковый тебе оставилъ, виждь — и какову оставилъ тебѣ. Аминь.

В. ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ (1720) (5).

Объ ученіи.

Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, и надчаяніе (а) велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его царское величество Петръ Первый, обучилъ оное изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ, и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ.

И наипаче тоежъ разумѣть о управленіи Церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію, и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ.

Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей (б); ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентиновъ, Манихеовъ, Каѳаровъ, Евитовъ (в), Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Ириней, Епифаній, Августинъ, Ѳеодоритъ и иные, — наши же русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иныя; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ

а) Свыше чаянія.

б) Ханжа Критонъ, въ 1-ой сатирѣ Кантемира говоритъ: «расколы и ереси науки суть дѣти».

в) Евхитовъ.

писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ премѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины, противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія своего имѣли они силу сочинять софизмы, сіесть коварные мудрованій своихъ доводы: обаче кто бы сіе зло восписывалъ просто ученію, тотъ бы понужденъ былъ говорить, что когда и врачъ опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть; и когда ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское. И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спесивились такъ епископи до четыресотнаго лѣта, какъ послѣ возгордѣлися, наипаче константинопольскій и римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы и запрещали бы инымъ учиться; а то видимъ, что и учились вси древніи наши учители не токмо Священнаго Писанія, но и внѣшней (а) философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а именно: Василій Великій въ словѣ своемъ ко учащимся младенцамъ, Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Іуліана Апостата (б). Но много бы говорить, аще бы о единомъ семъ нарочное слово было.

Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкве, аки корень и сѣмя и основаніе. Но сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобъ было ученіе доброе и основательное.

Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе.

Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онсица (в)? И когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, — за единыя тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не всѣ добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою: кольми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусенъ.

Вѣдати же подобаетъ, что отъ пятисотнаго до четыренадесятьсотнаго году, то есть чрезъ девять сотъ лѣтъ, во всей Европѣ вся почитай ученія въ великой скудости и неискусствѣ были, такъ

а) Свѣтской.

б) Отступника.

в) Такой-то.

что у самыхъ лучшихъ авторовъ, во оныя времена писавшихъ, остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ. По четыресотномъ надъ тысящу годѣ почали проявлятися любопытнѣйшіе и потому искуснѣйшіе учители, и помалу многія академіи гораздо великую и почитай отъ древнихъ оныхъ Августовыхъ лѣтъ большую силу возъимѣли: многія обаче училища въ прежней тинѣ остались, такъ что у оныхъ реторики, и философіи, и прочихъ ученій имена точію суть, а дѣло не тое. Причины того. различныя суть, которыя здѣ за краткость не воспоминаются.

Таковаго же, тако рещи, привидѣннаго (а) и мечтательнаго ученія вкусившіи человѣцы глупѣйшіе бываютъ отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что-либо знать мощно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учитися. Когда вопреки прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ.

Се же вельми бѣдно, что именованные неосновательные мудрецы не только неполезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и Церкви; предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ; и если кто во ученіи похваляемь есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія. Когда богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобъ не показать себѣ, что не все знаютъ. А мудріе мужи сіе между собою утвердили пословіе: мудраго человѣка свойство есть отмѣнять мнѣніе.

а) Призрачнаго, пустаго.

[1]) Произнесено 28 октября 1716 г., напеч. 1717. Послѣ краткаго вступленія, проповѣдникъ выражаетъ *предложеніе* рѣчи: сыны царскіе не для однихъ родителей своихъ раждаются, но для всего народа своего, для всего отечества; на нихъ утверждаются надежды наши; отъ нихъ ожидаемъ того, чего не имѣемъ, отъ нихъ надѣемся продолженія, умноженія и утвержденія того, что имѣемъ. Рѣчь *дѣлится* на двѣ части. Первая разсматриваетъ, „коликое счастіе есть отъ царскаго чадородія государствамъ чина монаршескаго, наипаче же тѣмъ, въ которыхъ по наслѣдію переходитъ скипетръ, а не по избранію предается, и сіе какъ Россіи, такъ и всѣмъ монархіямъ подобнымъ есть общее“ (*выгоды наслѣдственной монархіи*). Вторая показываетъ, „коликое благополучіе монархіи, егда не коего либо царя, но царя по сердцу Божію, царя храбраго, премудраго, добраго и всякими государственными

талантами украшеннаго получаетъ отъ Бога наслѣдіе“ (*Счастіе отечества, основанное на наслѣдникѣ Царя Великаго*). — Слова и рѣчи Прокоповича, отдѣльно печатавшіяся, изданы вмѣстѣ въ 3 ч. (1760—1765).

²) Слово въ недѣлю осьмуюнадесять произнесено 23 октября 1717 г. въ присутствіи Петра 1-го, по долгомъ странствованіи возвратившагося (10 окт. 1717), на текстъ: „якоже преста глаголя, рече къ Симону: поступи во глубину“ (Лук. V, 4). Проповѣдникъ объясняетъ смыслъ этого велѣнія Господа. Поступить во глубину озера значило не держаться Апостоламъ въ одной Іудеѣ, какъ при брегѣ, но идти во глубину всего міра, странствовать въ далекихъ краяхъ, проповѣдать Евангеліе всей твари. Отсюда переходъ къ Императору Петру, не безъ смотрѣнія Божія носящему имя Верховнаго Апостола: „Не у брега мѣшкаетъ и твой Петръ, Россіе, но во глубинѣ ищетъ корыстей твоихъ; такъ устремленъ къ странствованію, аки бы ему речено было: поступи во глубину. Колика же его польза, коликая прибыль народу нашему, и легко разсудивши, всякъ познаетъ“.

³) Слово произнесено 8 сентября 1720 г., въ присутствіи Императора, по случаю морской побѣды, одержанной 27-го іюля кн. Голицынымъ при островѣ Грентамѣ, надъ шведской эскадрой. Оно дѣлится на двѣ части: въ первой показывается „милостивое къ намъ Божіе смотрѣніе, водныхъ викторій виновное“, т. е., что благовременнѣ подвигнулъ Богъ державнѣйшаго Государя нашего къ устроенію морскаго флота (*похвала русскому флоту*); вторая — изображаетъ самую побѣду.

⁴) Произнесено 1-го марта 1725 г. Оно выражаетъ чувство скорби, поразившей все отечество, и величіе народной утраты. Здѣсь нѣтъ полнаго изчисленія талантовъ и дѣяній Петра: „краткимъ словомъ нельзя обнять безчисленной его славы, а распространяться не допускаетъ печаль, заставляющая только проливать слезы и испускать стенанія“. Поэтому слово ограничивается краткими и отрывочными похвалами, въ которыхъ просвѣтитель Россіи сравнивается съ Сампсономъ, Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ, Константиномъ.—Утѣшеніемъ въ печали служитъ то, что великій Монархъ и отецъ оставилъ насъ не совершенно нищими и сирыми: при насъ безмѣрное богатство силы и славы—Россія, которую онъ сдѣлалъ любимою, грозною и славною; при насъ его супруга, искушенная, какъ злато въ горнилѣ, сообществомъ его мудрости, трудовъ и бѣдствій.

⁵) „Регламентъ, или Уставъ Духовныя коллегіи, по которому оная знать долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, такожъ и мірскихъ лицъ, поелику оныя управленію духовному подлежатъ, и притомъ въ отправленіи дѣлъ своихъ поступать имѣетъ“. 1720. Раздѣляется на 3 части, по числу трехъ духовныхъ нуждъ, вѣдѣнія достойныхъ и управленія требующихъ: 1) описаніе и важныя вины таковаго правленія, 2) дѣла управленію сему подлежащія, 3) самыхъ управителей должность, дѣйство и сила. Основанія управленію: Законъ Божій, въ Св. Писаніи предложенный, каноны или правила соборныя святыхъ отцевъ, и уставы гражданскіе, Слову Божію согласные.—Чтеніе Духовнаго Регламента слушалъ Императоръ Петръ I: онъ разсуждалъ о немъ и исправлялъ его 1720 февраля 11; потомъ, февраля 23 того же года, слушали, разсуждали и исправляли архіереи, архимандриты и сенаторы.

XVI.

ПОСОШКОВЪ.

КНИГА О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ (1724) ([1]).

Изъ главы о купечествѣ: важность его; торговля должна быть производима одними купцами; мѣры противъ обмановъ купеческихъ.

И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никаковое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы ни малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди—купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой человѣкъ не потребенъ былъ бы.

И такъ купечество годствуетъ (а) блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество ихъ иночинные (б) люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать торгъ имъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами полнились и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.

Егда бо торгъ данъ будетъ русскому купечеству свободный, чтобъ не токмо иночинцы, но и иноземцы въ торгу русскимъ людемъ помѣшательства нималагобъ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи (в). Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлины будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ разночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ оставить и записаться въ купе-

---

а) Подобаетъ.
б) Другихъ званій, сословій.
в) Счисленіе, число.

чество, и промышлять уже прямымъ лицемъ, а не пролазомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлинъ и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купеческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы предъ Богомъ не грѣшить и предъ Царемъ въ винѣ не быть; и какъ жить, такъ надлежитъ и слыть: аще воинъ, то воинъ и да будетъ, и аще инаго званія человѣкъ, то всякъ бы свое званіе и да хранилъ бы цѣло.

Самъ Господь Богъ рекъ, глаголя: единъ рабъ не можетъ дву господинамъ служити (Матѳ. VI, 24). Тако и воину и инаго чина человѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати: аще бо кому къ купечеству прильпнутися, то въ военномъ дѣлѣ солгать будетъ. Самъ же Спаситель рекъ, глаголя: яко идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. А святый Павелъ апостолъ глаголетъ (II, 41): яко ни кто воинъ, обязуйся куплями, угоденъ будетъ воеводѣ. А по простонародному реченію есть глаголъ (а) приличенъ сему, еже глаголется: одно взять — либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечествовать не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписатися надлежитъ.

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчиныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству невозможно, и собранію пошлинной казны умножиться не отъ чего будетъ.

А еще Господь Богъ у насъ въ россійскомъ царствѣ устроитъ сице: еже судьи и вси правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, но токмо ихъ отъ обидниковъ защищать; также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатомъ, въ купечество не вступати же, и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пещися о своемъ дѣлѣ военномъ; такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлѣхъ, а въ купечество отнюдь бы не вступали жъ; а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣльемъ, а въ купечество и ти не вступались бы; такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянинъ можетъ рублевъ на сто торговать, тотъ бы чей ни былъ крестьянинъ, Государевъ ли, или Царицынъ, или митрополій, или монастырскій, или сенатскій, или дворянскій, или какого званія ни былъ, а торгу на сто рублевъ имѣетъ, то бы записался

а) Поговорка.

въ купечество. И аще и тамъ повелѣно будетъ имъ жить на сторонѣ (а), а уже пахоть ему не пахати и крестьяниномъ не слыть, но слыть купеческимъ человѣкомъ, и надлежитъ уже быть подъ вѣдѣніемъ магистратскимъ, и съ торгу своего пошлина платить, въ мелочные сборы, или по окладу своего торгу уколомъ (б), то такъ тому и платить неизмѣнно.

А дворяне ради себя паслибы своихъ крестьянъ не отложно, и прикащикамъ своимъ и старостамъ наказалибъ накрѣпко, чтобъ крестьяне его ни мало къ торгу не прикасались бы, и никогда бы даромъ, ни лѣтомъ, ни зимою не гуляли, но всегдабъ были въ работѣ, а къ купечеству ни малымъ торгомъ отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никаковому торгу не касались бы. А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши нанималъ, да хлѣбомъ засѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибыту своего не покупалъ бы; а буде купитъ хотя одну осьмину, а кто свой братъ-крестьянинъ или и тотъ, кто продалъ, пришедъ въ таможню, извѣститъ, то у того торгаша взято будетъ штрафу сто осьминъ, а кто о томъ донесетъ, дать десять осьминъ. А буде кто купитъ для продажи десять четвертей, то взято будетъ на немъ штрафу тысяча четвертей, а кто доведетъ, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадетъ охота къ купечеству чѣмъ бы онъ ни былъ, явился бъ въ магистратѣ и сказалъ, что могу я торговать на сто рублевъ или на двѣсти или и вящше, то указомъ Его Императорскаго Величества взять будетъ въ купечество.

Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія человѣкъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество и такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству. А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ или вящше.

Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безпошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имены множество провозятъ безпошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралася, да и собрать ее не мочно аще не оставить во всемъ (в) торгу отъ господъ и отъ служивыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ, похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ

а) Въ друг. спискахъ, по старинѣ.

б) Отъ «колоть, отколоть», какъ въ Рус. правдѣ—«присопъ» отъ «присыпать».

в) Вовсе...

вступятся и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники (а) и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти (б) имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ ни по деньгѣ.

И если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится.

А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ.

Товары яко иноземцы, тако и русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены или содѣланы плохи, а иные товары и самые плохіе, да, закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъянятъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправаго порядка незнающимъ людемъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ продаютъ, и въ убожество вящшее приходятъ, и тако вси отончеваютъ.

А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а излишніябъ цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивалибъ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывалибъ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ.

И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ; и въ коей лавкѣ сидитъ сотскій, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать сице: сотскій; такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямо ль отвѣсилъ или обмѣрилъ, и товаръ добрый или плохой, и настоящую цѣну взялъ.

А буде взялъ цѣну не противо настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетьми, чтобъ впредь такъ не дѣлалъ; а буде въ другой разъ также учинитъ, то доправить штрафу сугубо и наказаніе учинить сугубоежъ.

А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ

а) Присяжные продавцы, сборщики казенныхъ пошлинъ.

б) Шести.

требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то таковому жесточае чинить наказаніе, и штрафъ противо товарныя цѣны взять десятирично.

А буде въ такой неправости помирволитъ продавцу сотскій, или пятидесятскій, или десятскій, то взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятникамъ инструкціи съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они за своими десятками смотрѣли неоплошно, дабы они никаковому десятнику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ, и чтобы десятскіе и по лавкамъ досматривали, чтобы никакого товару худаго добрымъ не закрашивали, но каковъ кой есть, таковъ бы продавали, добрый за добрый, середній за середній, а плохой бы за плохой, и вѣсили бы и мѣрили самою правдою, а излишнія цѣны ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоитъ, того бы и просили, а и заморскіе товары, сукна и камни и прочія парчи мѣряли бы и продавали съ перваго конца, а не съ задняго. И какой купецъ ни пришелъ, богатъ или убогъ, аще разуменъ или ничего не смыслящъ, всѣмъ единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублевъ единыя копѣйки не имали и не припрашивали бы.

А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафу, и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе, не отлагая до инаго дня; когда кто провинится, тогда бы и платили; и, принявъ штрафу, записывалибъ въ закрѣпленную книгу, и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую, а со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія командира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ сторично: за всякій взятый рубль по сту рублевъ, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ.

И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе, съ воли командира своего, по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было.

„Книга о скудости и о богатствѣ сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается“. Въ ней девять главъ: о духовенствѣ, о военныхъ дѣлахъ, о правосудіи, о купечествѣ, о художествахъ (о промышленности мануфактурной) о разбойникахъ (объ уголовномъ

дѣлѣ), о крестьянствѣ, о дворянствѣ и землѣ, о царскомъ интересѣ.

Содержаніе главы „о купечествѣ" слѣдующее: „Важность купечества; необходимо его поддерживать и защищать; торговля должна быть занятіемъ только купцовъ; мѣры противъ обмановъ купеческихъ; какъ поступать съ иностранцами и какъ опредѣлять цѣну нашимъ товарамъ; какъ принудить иностранцевъ принять установленныя цѣны; необходимость нашихъ товаровъ; описаніе иностранныхъ товаровъ и ихъ негодности; о тарифѣ; о цѣнѣ денегъ; противъ роскоши; необходимость разрядовъ въ одеждѣ по званіямъ, о щегольствѣ монашескомъ; объ употребленіи иностранныхъ винъ; о табакѣ; о торговыхъ товариществахъ".

XV.

ГР. А. А. МАТВѢЕВЪ (1).

А. ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ГАГИ ВЪ ПАРИЖЪ (1705) (2).

Представленіе Матвѣева Людовику XIV.

Въ 28 день (а) посолъ обослался изъ Парижа въ Фонтенебло чрезъ дворянина Зотова, тогда въ Парижѣ обрѣтавшагося, королевскаго величества французскаго съ статскимъ министромъ, секретаріемъ королевскимъ чужестранныхъ дѣлъ, съ господиномъ съ маркизомъ де Торціемъ (б), требуя прилежно королевскаго дозволенія и указа, когда на пріѣздъ и гдѣ у его высокопомянутаго величества быть господину послу. Тотъ министръ по обсылкѣ его посольской учинилъ отповѣдь черезъ дворянина Зотова, что король, его государь, во время своего бытія въ Фонтенебло не забавляется въ дѣлахъ звычайныхъ (в), развѣ въ самыхъ нужныхъ совѣтахъ войны или своего государства; къ тому жъ за нѣкоторою его большою болѣзнью времени не достаетъ. И этотъ пріятный совѣтъ имѣетъ господинъ посолъ за нѣкоторый видъ королевской воли, хотя онъ (г) и собою говоритъ, что его превосходительству не есть случай нынѣ пріѣхать въ Фонтенебло.

По возвращеніи королевскомъ изъ Фонтенебло до Версаліи и по обсылкѣ посольской вновь съ маркизомъ де Торціемъ, назначена ему, послу, яко инкогнито присланному, отъ короля аудіенція приватная сего октября въ 25 день въ Версаліи. По назначенію тому прибылъ посолъ изъ Парижа въ Версалію и введенъ былъ отъ вышепоименованнаго статскаго секретарія къ королю въ самый

а) Сентября 1705 г.

б) Торси (Torçy), министръ иностранныхъ дѣлъ.

в) Необычайныхъ.

г) Торси.

его королевскій внутренній кабинетъ, гдѣ его величество, кромѣ принцевъ высокихъ и посла, никому приватныхъ аудіенцій по тотъ часъ не давывалъ и гдѣ всегда отъ него, короля, тайные совѣты отправляются. То введеніе послу было отъ него статскаго секретарія безъ всякихъ публичныхъ церемоній, для того, что онъ, посолъ, присланъ былъ къ королю инкогнито.

Въ кабинетѣ его королевское величество стоялъ при столѣ у окна, въ кафтанѣ французскомъ суконномъ темно-лимоннаго цвѣту, шитомъ мѣстами золотомъ, безъ шляпы. Вшедши и учиня его величеству посолъ по чину европейскому три обычайные поклона въ поясъ, отправлялъ послѣдующую рѣчь, въ которое время король стоялъ. По отправленіи посольской рѣчи, Его Царскаго Величества грамоту присланную выслушавъ, не только почтенно, но зѣло пріятельски къ себѣ присланную грамоту у посла изъ его рукъ принялъ съ прямымъ дружескимъ видомъ. Потомъ его королевское величество изволило само ему, послу, говорить, что отъ Его Царскаго Величества та къ нему его, посла, присылка зѣло есть угодна и что онъ все учинитъ къ царской угодности такъ, что въ его возможности будетъ. Также и особѣ посольской особливо сказалъ король себя быть весьма удовольствованна.

При той аудіенціи, во время рѣчей королевскихъ, титла достойная Его Царскаго Величества съ высокимъ почтеніемъ всегда упоминалась и въ отвѣтахъ маркиза де Торція. Также этотъ министръ при самой бытности королевской въ ту аудіенцію послу давалъ въ своихъ и отъ короля въ словахъ почтеніе превосходительства, какъ то посламъ публичнымъ отдается безъ всякой разности, хотя онъ, посолъ, присыланъ тогда инкогнито.

Король есть великаго роста, дебелости изрядной и умѣренной, глазъ остроту и въ словахъ зѣло ласковъ, учтивъ и пріятенъ; говоритъ громко и склонности много. Имѣлъ тогда 67 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, однако гораздо еще бодраго состоянія въ здравіи своемъ находится. Великое воздержаніе въ яствахъ и питіѣ имѣетъ и всегда для осторожностей состоянія своего на вся мѣсяцы принимаетъ лѣкарства; также и для обученія плоти повседневно ѣздитъ на свои охоты и забавы въ ближайшія селы.

Онъ, король, приписуетъ себѣ именованіе Людовика Великаго за свои счастливыя дѣла, преславныя побѣды и чрезвычайныя благополучія въ дѣлахъ при правленіи монархіею, какъ въ его королевствѣ, такъ и по всей Европѣ.

В. ИСТОРІЯ СТРѢЛЕЦКАГО ВУНТА, 1682 г. (¹).

Въ 15 день іюня мѣсяца (а), оба братья, Государи Цари Іо-

а) 1682 г.

*

аннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ рукою Іоакима, патріарха московскаго, по древнему чину царскому, въ соборной великой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, царскимъ вѣнцемъ были вѣнчаны.

Бунтовое-жъ то время человѣкоугодницы придворные скрывая, называли смутнымъ временемъ. Въ ту же пору онъ вышеименованный бояринъ Милославскій (а), прозорливыми усмотря очами внутренняго коварства изъ придворнаго въ немъ лютаго коварства съ общниками своими, яко перводѣйствительный сочинитель всего того стрѣлецкаго воровства и онаго бунта, и всегда остротою совѣсти безпокойной своей пронзенъ былъ, отъ сего въ высокомъ кабинетѣ злоконечно предостерегалъ себя, ради необходимаго впредь ожидаемаго ему въ Россійской Имперіи и въ будущихъ со временемъ новыхъ перемѣнъ въ неукоснительномъ времени по его злой заслугѣ воздаянія. Умыслилъ при томъ же еще бунтѣ отъ всего того прежняго учиненнаго вышеупомянутаго стрѣльцами соединенія въ сторону уклоняяся, тайно представилъ ей царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ, чтобъ тогда все правленіе то стрѣлецкое поручить бывшимъ боярамъ: князю Ивану Андреевичу и сыну его князю Андрею Ивановичу Хованскимъ, изъ которыхъ первый всенародно «Тараруемъ» называемъ былъ тою причиною, что онъ, гдѣ при полкахъ воеводою ни служилъ, вездѣ непостоянствомъ и безумною трусостію не токмо благополучный случай къ находкѣ надъ непріятелями бывшими, а именно надъ поляками и шведами, упускалъ, но и разныхъ россійскихъ людей рядомъ вездѣ-жъ терялъ. Вышепоименованный же сынъ его сомнительный былъ человѣкъ, токмо по фамиліи своей княжеской всякаго властолюбія суетнаго желалъ, но высокоумно безосновательную голову имѣлъ. Вмѣсто же ожидаемаго впредь большаго имъ себѣ благополучія, они оба до горшаго сами себя злосчастія и великой погибели довели, о чемъ на своемъ мѣстѣ покажется.

Какъ подобно мудраго изъ старыхъ философа Езопа притчѣ, всегда нижеименованный Милославскій вельми хитрымъ своимъ пронырствомъ во всемъ сходно то учинилъ, и по сущему его Езопову примѣру, когда обезьяна пожелала каштана, то есть нѣкотораго плода съ древесъ меньше грецкаго орѣха, вкусомъ гороховымъ, испекши, изъ горячихъ углей выбрать и въ снѣдь свою употребить; тогда, поймавъ та обезьяна кошку и взявъ лапы ея кошачьи въ свои руки, скоро оный плодъ выбравъ, въ желаемую себѣ сладость получила и ими удовольствовалася. Такъ точно съ тѣмъ же дѣйствіемъ онъ господинъ Милославскій людей тѣхъ, безразсудливыхъ Хованскихъ князей, равно

а) Иванъ Михайловичъ, врагъ Нарышкиныхъ.

какъ обезьяна, въ свои лукавыя руки, яко кошекъ помкнулъ (а) и сдѣлалъ участниками гнусныхъ тѣхъ прежде бывшихъ своихъ дѣлъ. И то все правленіе велѣно вѣдать имъ боярамъ князьямъ Хованскимъ и стрѣлецкій приказъ, которую власть они съ лѣпотою любочестія своего приняли, ко многому себѣ яко бы почтенію со всемѣрнымъ удовольствіемъ. Отъ чего они князья Хованскіе со дня на день въ славѣ и той ихъ стрѣлецкой радости превосходить начали, и во всемъ имъ стрѣльцамъ больше отъ безумія своего любительно снисходили и слѣпо угождали, что уже стрѣльцы его стараго князя Хованскаго, лукаво любя, «батюшкомъ» своимъ называли, и завсегда за нимъ ходили и бѣгали въ безчисленномъ множествѣ, и куда онъ ни ѣхалъ, во всѣ голоса передъ нимъ и за нимъ кричали: «большой, большой»! И въ такой великій кредитъ тѣмъ своимъ безумнымъ поведеніемъ они князья Хованскіе къ нимъ стрѣльцамъ вошли, что они стрѣльцы всѣхъ бывшихъ полковъ въ собственной ихъ князей Хованскихъ волѣ и во власти были. Въ ту жъ пору старый князь, за жестокими угрозами, по убіеніи думнаго дьяка Ларіона Иванова, въ самомъ краткомъ времени принудилъ жену его, вдову, за себя замужъ идти; сынъ же его князь Хованскій такъ высоко разгордился, что многимъ особамъ знатнымъ публично ими стрѣльцами смертнымъ убійствомъ угрожалъ. Тогда за такимъ великимъ страхомъ ихъ стрѣлецкимъ имъ князьямъ Хованскимъ ничего вопреки никогда прямо говорить никто не смѣлъ. И такимъ порядкомъ оное время еще при той скоропостижной и тщетной власти въ Москвѣ продолжалося. Держава же ея царевны Софіи Алексѣевны внутренно у выборныхъ и сильныхъ стрѣлецкихъ тѣхъ полковъ людей повсемѣрно и сильно приростала, и во всемъ укрѣплялася, и тайные выходы и сношенія и совѣты съ ними непрестанно умножалися. Хотя она жъ царевна ихъ Хованскихъ князей властію тою стрѣлецкаго правленія ради вышепомянутыхъ причинъ повысила тогда, наибольше за видностную токмо особую ихъ фигуру, но до времени вѣдала, что ихъ Хованскихъ князей правленію слабому и природному долгостоятельному быть не можно.

Тогда-жъ они князья Хованскіе, угождая стрѣльцамъ, многія суммы денегъ изъ царской казны имъ роздали, какъ бы заслуженное; тако-жъ, побитыхъ бояръ и иныхъ чиновъ пожитки забравъ, продавали, а деньги имъ-же стрѣльцамъ въ раздачу раздавали, хотя быть ими любимыми и чрезъ ихъ вышнюю честь охраненіе тѣмъ получить.

Содержалъ же онъ старый князь Хованскій тайно у себя Капитонскаго (б) еретическаго раскола ста-

а) Схватилъ.

б) Послѣдователи Капитона, монахи самопостриженники.

рыхъ раскольниковъ, Аввакума, бывшаго протопопа Казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ городѣ въ Москвѣ, и сообщниковъ его распопъ (а), такихъ же раскольниковъ, которые уже за этотъ свой расколъ и ересь давно прокляты отъ Восточныя святыя церкви, и въ Пусто-озерскій острогъ въ земляныя тюрьмы заточены, и потомъ за великія на царскій домъ хулы сожжены были.

Тогда-жъ объявилися въ стрѣльцахъ многіе раскольники. Получа своему зломыслію угодное (б) время, начали совѣтовать, «какъ бы имъ расколъ свой паки вновь утвердить, и православную церковь, ихъ еретичеству противную, разорить и правовѣрныхъ побить». Того ради избрали они себѣ предводителемъ князя Хованскаго, и въ ту же злополучную пору явившагося Никиту распопа, прозваніемъ Пустосвята, и чернцовъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ. Оный же Никита, отъ той своей ереси преждеотступникъ, уже было покаялся подъ лицемѣріемъ, какъ давній неистовый Арій, и на свои прежнія блевотины (в), тому же подобно, возвратился. И вмѣстѣ они мятежники капитоны начали общему народу на площади и по улицамъ свою проповѣдь чинить: «чтобъ въ церковь не ходили, святаго креста и святыхъ иконъ новописанныхъ не почитали, и всѣхъ таинствъ церкви Восточной совершаемыхъ гнушались бы и не принимали, книгъ же новоисправныхъ не чли, а держали бы старую, ими называемую капитонскую вѣру». Оные же, недавно пришедшіе премногіе простецы мужики, не зная совершенно древняго устава въ законѣ, чарованьми (г) лютыми у лжеучителей своихъ наученые, по лѣсамъ временному и вѣчному огню себя безразсудно на сожженіе предавали, страждуще горше проклятаго Арія, не вѣдая ни писанія, ни истины Божія. И по челобитью тому-жъ раскольничью, чрезъ помощь его князя Хованскаго, уже подущено было о всемъ томъ, и пренію у нихъ стрѣльцовъ и капитоновъ лжеучителей о вѣрѣ съ самимъ святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ и со архіереи соборно въ грановитой палатѣ положено быть.

Мѣсяца іюля въ 5 день, собралися въ грановитую благочестивые Государи Цари, и благовѣрныя Царицы, благовѣрныя Царевны, святѣйшій патріархъ со освященнымъ соборомъ, царскій синклитъ и прочіе правовѣрные народы: въ то-жъ время пришли и мятежники тѣ стрѣльцы, со всѣми лжеучители капитоны и прочимъ своимъ прельщеніемъ, и съ прельщающимъ богопротивнымъ сонмищемъ, любомятежнымъ, нося предъ собою свѣщи возженныя и налой; многіе же отъ нихъ вошли напившися вина, чтобъ имъ или неистово тогда по своему злому

а) Разстриженный попъ.

б) Удобное.

в) Гнусности (выраженіе, взятое изъ 2-го Посл. ап. Петра, II, 22).

г) Чарованьями.

умыслу возмутиться, или дерзновенно на побіеніе неповинныхъ устремляться, ибо едва не у всѣхъ пазухи каменіемъ были наполнены.

По прочтеніи поданнаго отъ нихъ буесловнаго, а не благословеннаго письма, просто зовомыя челобитныя, патріархъ и архіереи начали по чину обличать ихъ отъ Божественнаго писанія, показывая древнія книги во свидѣтельство. Но они, ни мало тѣмъ не вразумляяся, тотчасъ въ смятеніе пришли, какъ пьяные, великимъ воплемъ восшумѣли, свои безумныя, необыкновенному ихъ бунту приличныя рѣчи на воздухъ испущать дерзали.

При томъ же соборѣ былъ одинъ изъ архіереевъ Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій и важскій (а), мужъ слова и разума зѣло доволенъ, прежде придержащійся оныхъ расколовъ; разсмотрѣвъ же опасно ихъ лживые и безумные забабоны, того ради отъ оныхъ къ Восточной церкви обратися, явился крѣпкій православія защитникъ, и тотчасъ началъ ихъ капитоновъ лживыя изобрѣтенія и уничтоженные забабоны изобличать и яко стрѣлами уязвлять.

Они же, не могшіе истиннаго изобличенія его стерпѣть, на него устремилися неистово убить его. Увидѣвъ же все то благочестивые Государи Цари, таковой неукротимый раскольниковъ на людей, паче же на церковь святую мятежъ, встали и со гнѣвомъ изъ палаты вышли, зѣло скорбя о такомъ возмущеніи междоусобномъ. Тогда-жъ прочіе стрѣльцы, не имѣвшіе раскола, познавъ самую неправду раскольниковъ, выслали ихъ изъ Кремля тотчасъ. Нечестивый Пустосвятъ, идучи яко бы съ побѣдою и вышедши изъ воротъ Спасскихъ, какъ новый Симонъ волхвъ, всенародно діаволомъ на землю пораженъ былъ. И съ той поры они стрѣльцы свою братію почали отъ раскола того по-малу усмирять. Послѣ того же вскорѣ онаго Пустосвята отдали церковному суду, и на утрѣ онъ казненъ былъ смертію на Болотѣ; а тѣ чернцы, бродяги пять человѣкъ, разосланы по разнымъ епархіямъ, въ вѣчное заточеніе. Прочіе же стрѣльцы подъ совѣстію своею, и не хотя умолкнули, безпомощне остася; но изъ сердецъ злобы той своей отнюдь не искоренили.

а) Вага (Шенкурскъ). До построенія Архангельска и до учрежденія въ немъ епархіи, архангелогородскіе архіереи именовались холмогорскими и важскими.

[1]) Графъ А. А. Матвѣевъ, сынъ знаменитаго боярина Артемона Сергѣевича, въ 1699 г. былъ отправленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ въ Голландію, гдѣ и оставался до 1712 г. Въ это время Петръ I вызвалъ его въ Дрезденъ и назначилъ полномочнымъ министромъ при ав стрійскомъ дворѣ. По возвращеніи въ Петербургъ (1715) возведенъ въ графское достоинство Римской Имперіи. Кромѣ Записной книги всякимъ вѣдомостямъ (1700—1702), т. е. донесеніямъ Петру I о тогдашнихъ политическихъ событіяхъ (рукопись въ

И. П. Б.), есть „Дневникъ его“, веденный имъ въ 1705 на пути изъ Гаги въ Парижъ, куда онъ былъ отправленъ для заключенія торговаго договора съ Франціею. Онъ же написалъ Исторію стрѣлецкаго бунта 1682 г. (Ркп. Румянц. Муз., №№ CLXXVIII и CLXXIX), изданную Туманскимъ въ 1 ч. „Собранія разныхъ записокъ“ (1785) и Сахаровымъ въ „Зап. Рус. людей“.

[2]) Торговый договоръ, для заключенія котораго отправленъ былъ гр. Матвѣевъ въ Парижъ, не состоялся. Людовикъ XIV дозволилъ только нашимъ купеческимъ кораблямъ свободный въѣздъ во французскія гавани. Содержаніе „Дневника“ слѣдующее: объясненіе причинъ поѣздки, описаніе мѣстъ, лежащихъ на пути къ Парижу, описаніе Парижа, аудіенція у Людовика въ Версали, о высшемъ французскомъ обществѣ, о воспитаніи, занятіяхъ и пр. См. ст. Пекарскаго: „Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ (Соврем. 1856, № 6).

[3]) Содержаніе отрывка слѣдующее: Коронованіе государей (Петра и Іоанна Алексѣевичей); Милославскій упрашиваетъ Царевну Софію ввѣрить Хованскимъ управленіе стрѣльцами; характеры Хованскихъ; потворство стрѣльцамъ; старый Хованскій укрываетъ у себя раскольниковъ; Никита Пустосвятъ возмущаетъ народъ; преніе патріарха Іоакима въ Грановитой палатѣ съ раскольниками; Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій; стрѣльцы изгоняютъ изъ палаты раскольниковъ; казнь мятежниковъ.

XVI.

ЗАПИСКИ НЕПЛЮЕВА ([1]).

Отправленіе Неплюева резидентомъ въ Царьградъ.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ (а) для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ за столовъ встали; и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ Государь сидѣлъ еще за столомъ. Государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ: что ему потребенъ человѣкъ съ итальянскимъ языкомъ послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ (б) отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ (в) говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда: этому помочь можно скоро; но кто тотъ такой? Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: вотъ онъ за тобою стоитъ. Да ихъ стоитъ за мною много, сказалъ Государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: твой хваленый, что у галернаго строенія. Онъ оборо-

а) Большой обѣдъ во дворцѣ.

б) Второй сынъ Канцлера гр. Г. И. Головкина († 1760).

в) Генералъ-адмиралъ, гр. Апраксинъ.

тился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть. Я поклонился Государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня въ оную посылку назначить, и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ Государю. Я упалъ ему Государю въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Буде хорошъ будешь—не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою. Въ началѣ Богъ, а при Немъ и я долженъ буду не оставить. Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: кого жъ я возьму на его мѣсто? и съ тѣмъ словомъ отпустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную, и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой, Григорій Петровичъ (а), меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова.

25 генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать во оную для посылки резидентомъ ко двору Султана турскаго въ Константинополь. 26 генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ Государь тысячу рублей; а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26 числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступить со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію, и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться. О разговорахъ, притомъ бывшихъ, не описую, потому что запамятовалъ съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ таковымъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ, съ нимъ Государемъ прощаясь. Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ; былъ я так-

а) Генералъ-аншефъ гр. Чернышевъ. Неплюевъ называетъ его благотворителемъ, потому что Чернышевъ рекомендовалъ его и Куракина, какъ такихъ гардемариновъ, которые достойны управлять галерою.

же у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича (а) просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности. Онъ мнѣ на сіе только сказалъ: дуракъ! Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ тоже слово—дуракъ! На что я уже не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: «съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? вѣдь имъ только что по міру ходить. Для чего ты не просилъ Государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованье?» Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ, а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: потому-то ты и дуракъ. Да добро—помиримся и простимся съ тобою! коли будешь хорошо служить, такъ Государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, то бъ ко мнѣ за всѣмъ присылала; сколько ей будетъ надобно, я и деньгами ссужать буду. Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. Ну такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генералъ-адмиралъ: я всякую ей помощь сдѣлаю. Простясь съ нимъ, для того жъ пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву. Сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію, а прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ (б) у Государя въ отмѣнности, а я де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ, и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать. А сверхъ того и такое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень замосковныхъ Ерополецъ былъ отданъ въ рекруты во флотъ одинъ крестьянинъ, именемъ Аѳанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка во всемъ могу положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который принялъ меня также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истинѣ и не думалъ.

Изъ Санктпетербурга выѣхалъ

а) Матвѣй Измайловичъ, вице-адмиралъ.

б) По сношеніямъ съ иностранными державами.

я и при мнѣ сынъ мой, Адріанъ, бывшій тогда по 9-му году, марта 9-го числа 1721 года, и заѣхалъ въ деревню мою въ сельцо Поддубье, и тутъ, 2 дни пробывъ, оставилъ жену мою и сына моего Ивана и дочъ Марью, самъ отправился въ путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Мароу, коя умерла вскорѣ. Пріѣхавъ въ Москву, получилъ я пожалованныя деньги и закупилъ потребное, и тутъ я увидѣлъ, какимъ проворнымъ и усерднымъ человѣкомъ наградилъ меня Григорій Петровичъ.

1721 года сентября 8-го числа прибылъ я въ Царьградъ и октября 17-го числа имѣлъ купно съ прежнимъ посланникомъ Даниловымъ аудіенцію у султана турецкаго Ахмета, на коей о себѣ подалъ вѣрющую грамоту, и прежде были на аудіенціи у визиря его Ибрагима. Тогожъ году октября 22 числа Его Царское Величество Петръ Первый Самодержецъ Всероссійскій изволилъ воспріять императорскій титулъ и съ того времени начали писать во всѣхъ письмахъ «Императоромъ». 1722 года октября 31-го дня отправилъ я сына моего Адріана и при немъ дядькою вышеписаннаго Аѳанасія Ерпольскаго чрезъ Мальту и Францію въ Голландію для науки, а въ Голландію рекомендовалъ его послу князю Куракину.

Того же года Его Императорское Величество Петръ Первый изволилъ ходить съ войсками въ Персію противъ персидскихъ бунтовщиковъ Лезвовъ за учиненныя отъ нихъ убивства и убытки россійскимъ купцамъ въ Шамахѣ; тѣмъ походомъ взятъ городъ Дербентъ. Въ началѣ 1723 году прислано ко мнѣ отъ Его Императорскаго Величества полная мочь трактовать съ Портою о персидскихъ дѣлахъ подъ медіаціею (а) французскаго посла марки де Бонака, по причинѣ начатой Его Величествомъ войны въ Персіи, по случаю которой посланъ отъ Порты ко двору россійскому посланникъ Капиджи-Паша никли Мехметъ Ага. Тогожъ года мѣсяца іюля умеръ сынъ мой Иванъ 7 лѣтъ отъ роду. Въ семъ же году взятъ персидскій городъ Баку. Сентября 12 числа тогожъ году Его Величество заключилъ трактатъ съ персидскимъ шахомъ Тахмасебомъ; въ слѣдствіе вышеписаннаго полномочія происходили съ турецкими министрами Рейсъ Эфендіемъ Мегметомъ, да Хаджи Мустафою Эфендіемъ многія конференціи, и наконецъ 1724 году іюня 27 дня заключилъ я, Неплюевъ, подъ медіаціею того посла марки де Бонака, о персидскихъ дѣлахъ трактатъ, а тѣми размѣнялся съ самимъ визиремъ Ибрагимъ Пашею, при чемъ визирь подарилъ мнѣ шубу соболью да лошадь съ уборомъ.

Съ онымъ трактатомъ послалъ я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытіи въ Петербургъ, велѣлъ я оному и

а) Посредничество.

мою реляцію подать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ отправилъ письмо къ моему благодѣтелю Григорью Петровичу Чернышеву, также и къ Андрею Ивановичу Остерману слѣдующаго содержанія:

Милостивый ко мнѣ Государь
Григорій Петровичъ!

Ваше превосходительство—первая причина моего благополучія, и я по милостивому вашему предстательству пожалованъ чиномъ и награжденъ мѣстомъ сверхъ моего достоинства; нынѣ же нахожусь, что, отпуская сего курьера, и во ожиданіи, какъ мои дѣла приняты будутъ, въ безмѣрномъ страхѣ; и если оныя къ несчастію моему неугодны окажутся Его Императорскому Величеству, то по истинѣ я жить болѣе не желаю, но вамъ до послѣдней минуты жизни съ совершеннымъ благодарнымъ высокопочитаніемъ пребуду.

Милостивый Государь
Андрей Ивановичъ!

При отъѣздѣ моемъ милостиво меня обнадежить изволили не оставлять меня вашею протекціею; а какъ нынѣ, при полученіи сего курьера, вамъ, Милостивый Государь, къ тому есть пространный случай, то о показаніи вашея ко мнѣ милости и прошу покорно. Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать Его Императорскому Величеству угодное, но какъ принято будетъ и могъ ли я предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и сіе меня мучитъ смертельно, и доколѣ не возъимѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь, и потому васъ, Милостивый Государь, покорно прошу оказать ко мнѣ и ту милость—увѣдомить меня не умедля, ибо коллежское отправленіе такъ быть не можетъ (а), а я за все то инымъ ничѣмъ воздать не имѣю, какъ славить вашу милость и до послѣдняго издыханія пребыть со искреннѣйшею благодарностію и высокопочитаніемъ.

Августа 25 числа получилъ я отъ Андрея Ивановича Остермана письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь мой
Иванъ Ивановичъ!

Не имѣлъ я желаннаго случая оказать вамъ мои услуги по причинѣ присланной піесы (б) вашей съ господиномъ Мальцевымъ, потому что пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярные распечатаны въ коллегіи тогожъ дня въ присутствіи Императора; я только предварительно васъ могу увѣдомить и поздравить, что Его Императорское Величество не токмо въ томъ поступокъ вашъ апробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи

а) Увѣдомленіе изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не можетъ откровенно и подробно изъяснить, доволенъ ли государь или нѣтъ.

б) Трактатъ съ персидскимъ шахомъ.

вашей жалованьемъ соизволилъ. Позвольте-жъ мнѣ васъ со всѣмъ тѣмъ поздравить, а себѣ испросить у васъ время ко оказательству услугами моими самымъ дѣйствіемъ того почтенія, съ коимъ я есмь и пребуду навсегда при должномъ почтеніи.

Сіе письмо получилъ я будучи на асамблеи у цесарскаго министра, и съ сего часа начало проходить мое уныніе, въ которомъ я былъ съ самаго дня заключенія трактата. Августа 29 числа получилъ я указъ, что Его Императорское Величество, выслушавъ присланныя письма съ Мальцевымъ, апробовать мой поступокъ въ томъ изволилъ и меня пожаловалъ: 1) капитаномъ морскимъ 1-го ранга; 2) деревнями въ Устюжно Желѣзопольскомъ уѣздѣ 400 душъ; 3) женѣ и дѣтямъ моимъ производить отъ адмиралтейской коллегіи жалованье полное по морскому моему чину; 4) сыну моему Адріану, находящемуся въ Голландіи, жалованья по 300 рублей на годъ съ повелѣніемъ обучаться ему математическимъ и прочимъ наукамъ. Съ ратификаціею на оной трактатъ къ Портѣ присланъ генералъ-майоръ Александръ Ивановичъ Румянцовъ (а).

„Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, имъ самимъ описанная". (Рус. Архивъ 1871, № 4 и 5, съ предисловіемъ и съ примѣчаніями Л. Н. Майкова). — И. И. Неплюевъ (р. 1693, ум. 1773) взятъ на службу 1715 г. и учился сначала въ Москвѣ; потомъ переведенъ въ петербургскую школу, которую содержалъ французъ Баро, и за тѣмъ отправленъ на корабль, въ Ревель, гардемариномъ. Въ числѣ 30 гардемариновъ онъ посланъ былъ учиться мореплаванію въ Венецію и Францію. Изъ Венеціи пріѣхалъ въ Испанію: здѣсь, въ Кадиксѣ помѣщенъ былъ въ Военную Академію для изученія артиллеріи и другихъ предметовъ. Воротился въ Петербургъ 1720 г. Выдержавъ экзаменъ въ присутствіи Государя и начальниковъ: гр. Чернышева и Зміевича, назначенъ былъ смотрителемъ надъ строившимися судами. Петръ I, узнавъ его способности и усердіе, отправилъ его резидентомъ въ Царьградъ, гдѣ онъ оставался до 1735 г. Въ 1739 г. Неплюевъ управлялъ кіевскою губерніею, а потомъ и всею Малороссіею. При вступленіи на престолъ Елисаветы, былъ отставленъ за близкія отношенія къ Остерману; оправданный (1742), получилъ начальство надъ оренбургской экспедиціей. Болѣзнь заставила его выдти въ отставку, въ которой онъ и оставался до 1760, а въ этомъ году пожалованъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. При восшествіи Екатерины II на престолъ, когда она съ войскомъ двинулась въ Петергофъ, Неплюеву было ввѣрено управленіе Петербургомъ. Послѣдніе годы жизни (съ 1764 по 1773) провелъ въ деревнѣ. Неплюевъ былъ истый воспитанникъ Петра I, проведенный имъ, какъ онъ самъ говоритъ, „сквозь огнь и воду". Когда Екатерина II не соглашалась уволить его отъ службы, прежде чѣмъ онъ не представитъ ей, вмѣсто себя, другаго съ такими же достоинствами, Неплюевъ отвѣчалъ ей: „Нѣтъ, Осударыня, мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя,

---

а) Отецъ Петра А. Румянцова, фельдмаршала.

а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться". Записки Неплюева обнимаютъ всю его жизнь. Послѣднія двѣ страницы (о болѣзни и смерти) написаны кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ къ нему. (Словарь достоп. людей Русск. земли, Бантышъ Каменскаго, т. 2, и Русскіе мемуары XVIII в., Пекарскаго, въ Соврем. 1855, № 4).

XVII.

ЗАПИСКИ КРЕКШИНА.

Изъ Предисловія.

Егда же благоволи Богъ изъ тьмы возсіяти свѣту, и возсіяти въ сердцахъ сыновъ россійскихъ, даровалъ свѣту Петра Великаго, посади на престолѣ блаженной Россіи, на престолѣ отецъ его, вѣнча славою и честію, разумомъ просвѣщеннымъ, премудростію, вѣдѣніемъ, помаза миромъ, милостію и щедротами, запечатлѣвъ печатію дара Духа Святаго, царя великаго въ царяхъ честныхъ, посади того по имени и величеству блаженныхъ дѣлъ перваго въ царяхъ великаго россійскаго, въ вѣкъ обѣща ему милость свою: ненавидящихъ уничтожить, враговъ истребить, злые ихъ совѣты аки прахъ возмести, да видятъ всѣ живущія на земли, яко самъ Вышній благословилъ Россію. И тогда даде начало славы, начало побѣдъ, начало блаженствъ.

Той отецъ нашъ Петръ Великій Вышняго святою волею положилъ основаніе всѣхъ благъ блаженной Россіи, на томъ основаніи Вышняго строителя зиждетъ и исполняетъ, еже жела сердце Петра Великаго. Той отецъ нашъ Петръ Великій всякое невѣдѣніе и неразумѣніе просвѣти, и всякое суевѣріе истреби, надѣли премудрымъ знаніемъ, здравымъ совѣтомъ, политическимъ обхожденіемъ, кроткимъ нравомъ, воскреси Россію полумертвую, воздвиже спящую, слабую въ силѣ, малочувственную по имени своему сотвори камени (а) подобную, возведя отъ тьмы ко свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ безчестія къ славѣ. Бысть на землѣ колеблема сила наша, а нынѣ она и на морѣ крѣпка, аки стѣна. Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго. Сей великій императоръ многое, чудное и

а) «Петръ» на греч. яз. значитъ «камень».

великое руками своими создалъ на четырехъ моряхъ флоты великіе кораблей и галеры, состроилъ великія гавани, создалъ каналы, аки рѣки великія и многополезныя, содѣлалъ чины, и степени, и порядки, и благочиніе семейнаго обхожденія, и благопріятные обычаи въ Россіи насадилъ, и прочими безчисленными благодѣяніями обогатилъ и прославилъ.

И аще мы толикое его въ Россіи явленное благодѣяніе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ обличенію каменносердечія нашего, что толикое время благодѣтеля своего не возблаговѣствовали и данные намъ отъ него таланты на ѳеатронъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не изнесли, и коснимъ яко черепокожніи въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго.

Чуждіи народы и не суть присніи (а) рабы, и тіи блаженныя дѣла его, елико возмогли собрать, печати предали, и тіи блаженныя дѣла его прославляютъ и преславнымъ дѣяніямъ его удивляются; мы же не точію присніи раби его, но отеческою къ намъ щедротою сыны любезные нареченные быхомъ, а благодарствія сыновня не воздахомъ. Съ воздыханіемъ сердецъ возглаголемъ: «отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣніи, и отъ всѣхъ порицаеми невѣждами, ничтоже имущи, ничтоже знающи, ничтоже вѣдущи, кромѣ истинныя Вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ (б), мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицаютъ первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было наше мνро благовонное, благоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи».

Не въ насъ ли всѣ дѣянія его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженные труды его? Не его ли трудами вся Россія обновлена и престолъ царскій короною императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимся — всюду труды и блаженныя дѣла отца нашего, Петра Великаго. Аще въ насъ и предъ очію нашу Великій Петръ основа и созда, то для чего благодѣтелю своему за благодѣяніе благодаренія не воздадимъ? Или хощемъ уподобиться роду іудейску, не возблагодарившему благодѣтеля своего? Гдѣ не скажутъ, что дотолѣ Россія толикаго государя не имѣла? Гдѣ не засвидѣтельствуютъ, что отъ того славный и высокоименитый содѣялся народъ россійскій? Богъ, дивный судьбами своими, благословилъ державнымъ Петромъ Россію и просвѣти разумомъ просвѣщеннымъ, знаніемъ премудрости, мужествомъ, крѣпостію, регулами и прочими блаженствами.

а) Близкіе, всегдашніе.

б) Правило, уставъ.

Малыя капли дождя наводняютъ великія рѣки, а рѣки великія моря: тако и сношеніемъ дѣлъ Петра Великаго самое море великое преславныхъ дѣлъ его собратися можетъ. Азъ рабъ сего благочестиваго Императора, мній всѣхъ, но милость его на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, и что могъ собрать отъ дня рожденія его, то есть отъ 1672 по 1696 годъ, та блаженныя дѣла его, то въ сей первый томъ къ общему сношенію написахъ. Прошу не вмѣнить мнѣ сіе въ продерзость, яко сіе по долгу рабства воздаю.

Петръ Никифоровичъ Крекшинъ (род. 1684, ум. 1763) былъ коммиссаромъ въ Кронштадтѣ, смотрѣвшимъ за производившимися тамъ работами и принимавшимъ казенныя вещи по подрядамъ. Лѣтъ 20 трудился онъ надъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петра I, наполнилъ 200 тетрадей разными выписками и извлеченіями и въ 1742 поднесъ императрицѣ Елисаветѣ 1-ый томъ, содержащій въ себѣ описаніе событій отъ рожденія Петра (1672) по 1706 г. Часть этого тома (съ 1672 по 1696) напечатана, но съ исключеніемъ многихъ мѣстъ, г. Сахаровымъ, въ „Запискахъ русскихъ людей“ (1841). Отсюда взятъ отрывокъ въ Хрестоматію. Г. Вороблевскій издалъ „Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на престолъ Петра Великаго“ (1787): это начало 1-ой части (всѣхъ частей въ 1-мъ томѣ четыре) сочиненія Крекшина (здѣсь разсказъ доведенъ до 1683 г.). Тоже издано г. Туманскимъ въ 1-мъ т. „Собранія разныхъ записокъ“. Въ государственномъ архивѣ, говоритъ Устряловъ, хранятся только три первыя части, съ поправками Крекшина: событія въ нихъ доведены до 1706 г.; отрывокъ изъ 4-ой ч., въ видѣ подробнаго журнала 1709, есть въ Акад. Наукъ. Въ Библіотекѣ для чтенія (1849, № 10) помѣщенъ журналъ Крекшина, заключающій въ себѣ 1709 г.: это такъ называемая 28-ая книга Записокъ Крекшина (всѣхъ рукописныхъ его Записокъ о Петрѣ извѣстно было 27 книгъ). Посвящая свои Записки императрицѣ Елисаветѣ, Крекшинъ пишетъ: „Азъ рабъ того благочестиваго Императора (Петра I), мній всѣхъ, милость того на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, того ради, по долгу рабства и любви, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзаю. Не буде то въ дерзновеніе моему худоумію, яко недостоинъ отрѣшити и ремень сапога его, и не имамъ толикаго разума, но собрахъ яко малѣйшія крупицы отъ великія трапезы, или яко почерпнувъ единъ водоносецъ отъ великаго моря, или отъ всемірнаго дождя капли павшія на главу мою, тако и отъ дѣлъ сего благочестиваго Государя Петра Великаго елико могъ собрать, и что видѣхъ и вспомянухъ, то и написахъ, по слову блаженнаго пророка: „той заповѣда отцемъ нашимъ сказати я сыновомъ своимъ, яко да познаетъ родъ ихъ и сынове родящіеся, и возстанутъ и повѣдятъ сыновемъ своимъ“.

XVIII.

ЯДРО РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ, А.* МАНКѢЕВА (1715).

О родѣ, санѣ, поступкѣ Гришки Отрепіева, лживаго Димитрія.

Изъ русскихъ служивыхъ города и уѣзду галицкаго, или Галича, въ Великой Руси, дворянскій сынъ Замятня Отрепіевъ имѣлъ двухъ сыновъ: одинъ звался Смирной, другой Богданъ. Богдану родился сынъ Георгій или Юрьи Отрепіевъ, который остался по смерти отца своего молодъ, съ матерію своею, и отъ ней наученъ былъ грамотѣ. Потомъ отшелъ отъ матере своей и жилъ на Москвѣ, гдѣ чрезъ игумена вятскаго города Хлынова успенскаго монастыря совѣтъ постригся, бывши старъ лѣтъ четырнадцати; въ иноцѣхъ именованъ Григорій. Постригшись, отошелъ въ суздальскій монастырь Евфиміевъ Святаго Спаса, а потомъ къ Спасу на Куксу въ томъ же уѣздѣ. Оттоль, по многихъ монастырехъ волочившись, воротился къ Москвѣ и, живши въ Чудовѣ монастырѣ, по изволенію тамъ бывшаго архимандрита Пафнутія, поставленъ въ діаконы рукоположеніемъ патріарха московскаго Іова, и у него жилъ за книгописателя. Чрезъ такой случай и свое происканіе такъ онъ писала (а) и грамотѣ научился, что каноны и прочія службы, къ церковному дѣлу сличные (б), славенскимъ языкомъ складывалъ. Что ему быть было мучителю и начальстволюбному кровопроліятелю, Іона, митрополитъ ростовскій, который въ одно время на Москвѣ случился и Гришку видѣлъ, по лицу его и поступкѣ (в) узналъ напредъ и предрекъ, что онъ есть самого діавола сосудъ; о чемъ какъ патріарху было донесено, а отъ патріарха царю Борису Годунову, царь на Соловки осудилъ Гришку послать, чтобъ ему тамъ жить вовсе. Розстрига, то свѣдавъ, ушелъ въ Галичъ на желѣзный борокъ, а оттоль по времени воротился паки къ Москвѣ въ Чудовъ монастырь и, тамъ нѣсколько времене поживъ, перешелъ въ обитель Николы на Угрѣшѣ, гдѣ онъ будучи, думать началъ, какъ бы ему царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ назваться, и лице его и санъ на себя взять. А о убіеніи царевича Димитрія очень прилежно провѣдывалъ отъ другихъ своихъ братей чернцовъ, и часто въ разговорѣхъ то имя себѣ (Димитрія царевича сіесть) присвоялъ,

а) Перо, здѣсь же письмо, умѣнье писать.

б) Приличные, согласные.

в) Поступь. Слово «поступка» означало также и «поведеніе», и просто «поступокъ».

чему товарищи его, смѣявшись, плевали и ему бѣшенство приписывали. Пришедши Гришка Отрепіевъ изъ монастыря Николы на Угрѣшѣ къ Москвѣ въ году отъ Р. Х. 1601, въ великій постъ, на другой недѣлѣ во вторникъ, сговоряся съ двумя чернецами, Мисаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ, изъ иконнаго ряду, пошли за Москву рѣку, и нанявъ подводы до Болхова, изъ Болхова до Карачева, а оттоль до Новогородка Сѣверскаго, и тамъ взявъ вождя Ивана Семенова, пошли въ Стародубъ, а оттоль въ Кіевъ, гдѣ въ Печерскомъ монастырѣ жили 3 недѣли. Оттуда пошедъ, пришли въ городъ Острогъ на Волынѣ къ тамошнему князю Василію Острожскому, и тамъ все лѣто пробыли. А какъ осень пришла, и князь Василій Острожскій чернцовъ Мисаила и Варлаама въ свой древлянскій монастырь Живоначальныя Троицы послалъ, тогда Гришка Отрепіевъ поѣхалъ въ городъ Гощею къ польскому одному господину, зовомому Готскій, гдѣ, скинувъ чернеческое платье, мірское вздѣлъ, и въ школѣ грамоты и языка польскаго учиться сталъ. Научася польскаго языка, Гришка свободнѣе поступать началъ, и послѣ пасхи былъ въ городѣ Брачинѣ у князя Адама Вишневецкаго, гдѣ онъ притворился быть боленъ и, призвавъ попа римскаго будто къ исповѣданію, просилъ того, чтобъ, какъ умретъ, погребенъ былъ по царски, зане онъ самъ есть сынъ царя Ивана Василіевича московскаго царевичъ Димитрій. Попъ, то услышавъ, думаючи вещь быть велику и удивленія достойну, не медливъ то князю Вишневецкому донеслъ, который, бывши простоуменъ, удобь тому повѣрилъ и, принявъ Розстригу честно, возилъ его по иныхъ великихъ людехъ въ богатыхъ каретахъ и на конехъ, ведучи и почитаючи его какъ сына царскаго. Въ Вишневцѣ у того князя Гришка Отрепіевъ лѣтовалъ и зимовалъ. На другое лѣто князь Вишневецкій повезлъ Розстригу въ Краковъ къ королю польскому Зигизмунду, гдѣ, пришедъ Гришка передъ короля, зѣльно плакалъ и доводилъ про себя, что онъ подлинный царевичъ Димитрій, и Богъ его сохранилъ отъ измѣнниковъ, которые были присланы его убить; что они иного вмѣсто его убили, и такъ онъ дивнымъ Божіимъ провидѣніемъ отъ ихъ рукъ спаслся. Притомъ королю свидѣтельствовали и клялися о томъ, что онъ есть прямой царевичъ Димитрій Углицкій, пять братовъ Хрипуновы, Петрушка Истоминъ да Ивашка, который былъ вожатый, и посадскіе люди кіевляне, по которому ихъ свидѣтельству король повѣрилъ тому дѣлу быть праведну и обѣщался Гришкѣ помогать; а за то Гришка королю обѣщалъ уступить изъ русской державы подъ польскую Смоленскъ и Сѣверскую землю всю. Простившись у короля, Розстрига лживый Димитрій и князь Виш-

невецкій поѣхали въ городъ Самборскъ къ воеводѣ сендомирскому Юрью Мнишку. Межъ тѣмъ временемъ пришелъ къ королю польскому чернецъ Варлаамъ, который съ Отрепіевымъ купно съ Москвы самой пошелъ, и хотячи толь великому смятенію, какого изъ того чаять было можно, забѣжать (а), королю Зигизмунду доносилъ, что тотъ, который королю царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ быть сказался, не есть царевичъ, но чернецъ, его товарищъ, именемъ Григорій, прозваніемъ Отрепіевъ; и притомъ же обличалъ Гришку въ томъ же дворянинъ Яковъ Пыхачевъ, и королю также доводилъ. Король однакъ и сигклитъ польскій, тому не повѣривъ, послали съ письмомъ къ воеводѣ сендомирскому и Гришкѣ Отрепіеву того Варлаама старца и Пыхачева, въ которомъ письмѣ все на Гришку Розстригу обличеніе было описано. То письмо выразумѣвъ Гришка и тѣхъ обличителей увидѣвъ, отвѣчалъ: сіи люди присланы сюда отъ царя Бориса Годунова съ тѣмъ, чтобъ меня не признать за царевича и убить меня. А самъ тотчасъ Якова Пыхачева казнить велѣлъ; но Пыхачевъ ажъ до самой смерти не пересталъ обличать Розстригу. Чернецъ Варлаамъ роздѣтъ съ платья старческаго и бывши битъ и мученъ, окованъ по его приказу, въ тюрьму посаженъ. Потомъ съ воеводою сендомирскимъ сдѣлалъ договоръ такой, что воевода Розстригѣ долженъ будетъ помогать въ доступленіи короны московской людьми, деньгами и совѣтомъ; а противъ того, когда Гришка престолъ улучитъ московскій, долженъ будетъ отдать Воеводѣ Сендомирскому весьма (б) во владѣніе городы русскіе, Новгородъ и Псковъ, со всѣми къ нимъ належащими пригородки и волостьми, взять за себя въ жену воеводину дочь Маринку. И сіи статіи письмами на обѣ стороны подтвердилъ. Послалъ также Розстригу къ папѣ римскому просить, дабы папа помогъ ему достичь московскій престолъ, а онъ воздаятельно за то обѣщался принять со всею русскою землею вѣру римскую. На то обѣщаніе склонившись, папа лживому Димитрію Гришкѣ прислалъ много золота и денегъ. Кіевляне и казаки запорожскіе и донскіе тому повѣривъ, приложилися къ Отрепіеву и къ нему пришли въ Польшу. Король польскій Зигизмундъ, видѣвши, что лживаго Димитрія счастіе растетъ, и подлинную правду то быть подумавъ, войска польскаго, сколько Розстригѣ быть надобно казалося, далъ. И такъ Гришка Отрепіевъ, польскія войска съ казацкими совокупивъ, пошелъ прямо къ рубежамъ русскимъ двѣма дорогами: одна часть войска его шла на Кіевъ, а другая по крымской дорогѣ. Въ году отъ Р. Х. 1604, ноября въ 26

а) Предупредить.

б) Непремѣнно, вовсе.

*

день, Гришка Отрепіевъ, пришедъ подъ Морынь городъ, послалъ грамоты лестные отъ себя въ Черниговъ, въ Курскъ и въ иные къ воеводамъ и приказнымъ, посадскимъ и всякимъ служивымъ и чернымъ людемъ, называючи себя царевичемъ Димитріемъ, законнымъ ихъ государемъ, полагаючи измѣну на Бориса Годунова и обѣщаючи имъ, когда его пріимутъ, всякою милостію ихъ взыскать. Граждане въ тѣхъ городѣхъ помянутыхъ, Черниговѣ, Морынѣ, Рыльскѣ, Стародубѣ, Курскѣ и въ Комарицкихъ волостяхъ тому повѣривъ и чаявъ то быть правду, къ нему приклонилися и поддалися; а иные городы, то слышавъ, вороты свои ему отворяли, съ покореніемъ и дарами его встрѣчаючи. Войску его, которое по крымской дорогѣ шло, всѣ русскіе городы сдавалися съ уѣздами, селами и деревнями. Отрепіевъ, пріятное себѣ счастіе видѣвъ, упрямымъ сердцемъ съ войски своими пошелъ къ Новогородку Сѣверскому, гдѣ сидѣли воеводы русскіе, князь Никита Романовичъ Трубецкой и Петръ Басмановъ, которые, обѣщавши ему поддаться и вороты градскіе отворивъ, его обманули, зане, вооруженныхъ людей въ городѣ у воротъ поставивъ, противиться войскамъ Отрепіева стали, и до четырехъ тысячъ людей его убито.

„Ядро Исторіи Россійской ко угожденію проискательныхъ“, рукопись начала 18 в. Оно издано въ 1770 г. Миллеромъ, приписавшимъ его князю Андрею Яковлевичу Хилкову, ближнему боярину и стольнику царскому, который 1770 г. былъ посланъ резидентомъ въ Швецію, съ самаго открытія войны съ Карломъ XII содержался подъ крѣпкою стражею и ум. въ городѣ Вестерасѣ, на Меларѣ, 1718 г. По найденнымъ въ послѣдствіи древнимъ спискамъ, въ которыхъ посвященіе подписано буквами А. М., и по статьѣ кн. Оболенскаго: „Свѣдѣнія объ авторѣ Ядра Россійской Исторіи“ (Библіограф. Записки 1858, № 2) оказалось, что сочинитель книги — Алексѣй Ильичъ Манкѣевъ, секретарь или переводчикъ, проведшій въ шведскомъ плѣну 18 лѣтъ и состоявшій при кн. Хилковѣ съ 1704 по 1716 г. Манкѣевъ былъ происхожденія польскаго (настоящая его фамилія Манкевичъ) и род. въ Ярославлѣ. По освобожденіи изъ плѣна, онъ поступилъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; въ 1720 г. ѣздилъ съ А. П. Румянцовымъ въ Стокгольмъ, въ 1721 г. на нейштатскій конгрессъ, а въ 1722—23 г.г. съ полномочными коммиссарами на рубежъ, для разграниченія земель между Россіей и Швеціей; ум. въ 1723 г. „Ядро Россійской Исторіи“ состоитъ изъ 7 книгъ; каждая книга дѣлится на главы. Послѣдняя (седьмая) глава 7-ой книги неполная и оканчивается возведеніемъ на престолъ Іоанна Алексѣевича. Въ другомъ спискѣ, принадлежащемъ также Румянц. Музею, есть 8-ая глава: „Самоначальство царя Петра Алексѣевича“, доведенная до 1712 г.; изложеніе событій весьма краткое.

XIX.

ТАТИЩЕВЪ.

А. ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ ([1]).

Польза Исторіи.

О пользѣ Исторіи не потребно бы толковать, которую всякъ видѣть и ощущать можетъ; однакожъ какъ нѣкоторые не обыкли о вещахъ внятно и подробно разсматривать и разсуждать, много кратъ отъ поврежденія ихъ смысла полезное вреднымъ, а вредное полезнымъ поставляютъ, слѣдственно въ поступкахъ и дѣлахъ погрѣшаютъ, какъ то мнѣ такихъ о безполезности Исторіи не безъ прискорбности разсужденія слышать случалось: и для того я заполезно разсудилъ о томъ кратко изъяснить.

Въ началѣ разсудя то, что Исторія не иное есть, какъ воспоминовеніе бывшихъ дѣяній и приключеній добрыхъ и злыхъ, потому все то, что мы предъ давнимъ или недавнимъ временемъ чрезъ слышаніе, видѣніе или ощущеніе искусились и вспоминаемъ, есть сущая Исторія, которая насъ ово отъ своихъ собственныхъ, ово отъ другихъ людей дѣлъ учитъ о добрѣ прилежать и зла остерегаться. Напримѣръ, какъ я вспомню, что я вчера видѣлъ рыбака, рыбу ловяща и не малую себѣ тѣмъ пользу пріобрѣтша, то я конечно имѣю въ мысли нѣкоторое понужденіе равномѣрно о такомъ же пріобрѣтеніи прилежать; или какъ я видѣлъ вчера татя или другаго злодѣя, осужденнаго тяжкому наказанію или смерти, то меня конечно страхъ отъ такого дѣла, подверженнаго погибели, удерживать будетъ. Равномѣрно всѣ читаемыя нами исторіи такъ: дѣла древнія иногда такъ чувствительно намъ воображаются, какъ бы мы собственно то видѣли и ощущали.

Посему можно кратко сказать, что никаковъ человѣкъ, ни единъ станъ (а), промыслъ, наука, ниже кое либо правительство, меньше (б) человѣкъ единственный безъ знанія оной совершенъ, мудръ и полезенъ быть не можетъ. Напримѣръ, о наукахъ взявъ, первая и вящшая есть Богословіе, т. е. знаніе о Богѣ, его премудрости, всемощности, еже единственно къ будущему блаженству насъ ведетъ и проч., но не можетъ никакой богословъ мудрымъ назваться, ежели онъ не знаетъ древнихъ дѣлъ божескихъ, объявленныхъ намъ въ Письмѣ Святомъ, якоже когда, съ кѣмъ, о чемъ въ догматахъ или исповѣданіи преніе было, чимъ что утверждено или опровергнуто, для чего древней церкви нѣкоторые уставы или порядки примѣнены,

а) Состояніе.
б) Тѣмъ меньше.

отставлены и новые введены; слѣдственно имъ исторія божественная и церковная, а къ томужъ и гражданская, необходимо нужны, о чемъ Гуецій (а), славный французскій богословъ, достаточно показалъ.

Вторая наука—юриспруденція, которая учитъ благонравію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ, слѣдственно къ пріобрѣтенію спокойности души и тѣла; то не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, естьли не знаетъ прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ. И какъ можетъ судья право дѣла судить, естьли древнихъ и новыхъ законовъ и причинъ премѣненіямъ неизвѣстенъ? для того ему нужно исторію о законахъ знать.

Третія—медицина, или врачевство, которая наука въ томъ состоитъ, чтобъ здравіе человѣка сохранить, а утраченное возвратить, или по малой мѣрѣ болѣзни умножаться не допустить. Сія вся зависитъ отъ Исторіи, ибо должно ему отъ древнихъ знаніе получить, отъ чего какая болѣзнь приключается, какими лѣкарствами и какъ пользована, какое лѣкарство какую силу и дѣйство имѣетъ, чего собственнымъ испытаніемъ и дознаніемъ никто бъ ни во сто лѣтъ познать не могъ. А опыты надъ больными дѣлать есть такая опасность, что можетъ душею и тѣломъ погибнуть, хотя то у нѣкоторыхъ невѣждъ нерѣдко случается. О многихъ прочихъ частяхъ философіи не упоминаю, но кратко можно сказать, что вся философія на Исторіи основана и оною подпираема, ибо все, что мы у древнихъ правыя или погрѣшныя и порочныя мнѣнія находимъ, суть исторіи къ нашему знанію и причина къ исправленію.

Политика жъ въ трехъ разныхъ качествахъ состоитъ, яко въ правительствѣ внутреннемъ, или экономіи, разсужденіяхъ внѣшнихъ и дѣйствахъ воинскихъ. Всѣ сіи три не меньше Исторіи требуютъ и безъ нея быть совершенны не могутъ; яко въ экономическомъ правительствѣ нужно знать, какіе отъ чего прежде вреды приключились, какимъ способомъ отвращены или уменьшены, какія пользы и чрезъ что пріобрѣтены и сохранены, по которому о настоящемъ и будущемъ мудро разсуждать можетъ. Для сея-то мудрости древніе латины короля ихъ Януса съ двума лицы изобразили, понеже о прошедшемъ обстоятельно зналъ и о будущемъ изъ примѣровъ мудро разсуждалъ.

Иностранныхъ дѣлъ правительству необходимо нужно знать не токмо о своемъ, но и о другихъ государствахъ, въ какомъ которое прежде состояніе было, отъ чего въ какую перемѣну пришло, и въ какомъ нынѣ состояніи находится, съ кѣмъ, когда, какое преніе или войну о чемъ имѣло, какими договоры о чемъ поставлено и утверждено, и потому благоразумно

а) Huet (1630—1721).

могутъ въ настоящихъ свои поступки учредить.

Военнымъ вождямъ весьма нужно знать, какимъ кто устроенiемъ или ухищренiемъ великую непрiятельскую силу побѣдилъ или отъ побѣды отвратилъ и пр., какъ то видимъ Александръ Великiй книги Омеровы о войнѣ Троянской въ великомъ почтенiи имѣлъ и отъ нихъ поучался. Для сего многiе великiе воеводы дѣла свои и другихъ описали; между всѣми знатнѣйшiй прикладъ (а) Юлiй Кесарь: свои войны описавъ, оставилъ, дабы по немъ будущiе воеводы могли его поступки военные въ примѣръ употреблять, въ чемъ многiе сухопутные и морскiе знатные воеводы писанiемъ ихъ дѣлъ послѣдовали. Многiе великiе государи, если не сами, то людей искусныхъ къ писанiю ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобъ ихъ память со славою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ показать прилежали. Что собственно о пользѣ Русской Исторiи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области знанiе своей собственной исторiи и географiи весьма нужнѣе, нежели постороннихъ; однакожъ должно и то завѣрно почитать, что безъ знанiя иностранныхъ своя не будетъ ясна и достаточна: 1) что пишущему свою исторiю въ тѣ времена, какъ то дѣлалось, все помогающее или препятствующее отъ постороннихъ извѣстно быть не могло; 2) писатели за страхъ нѣкоторыя весьма нужныя обстоятельства настоящихъ временъ принуждены умолчать, или премѣнить и другимъ видомъ изобразить; 3) по страсти, любви или ненависти, весьма иначе, нежели суще дѣлалось, описываютъ, а у постороннихъ многократно правильнѣе и достаточнѣе находится. Какъ здѣсь о древности русской за недостаткомъ тѣхъ временъ писателей сiя первая часть изъ иностранныхъ большею частiю сочинена, а въ прочихъ частяхъ неясности и недостатки тако-жъ отъ иностранныхъ изъяснены и дополнены. И хотя насъ европскiе историки тѣмъ порицаютъ, яко бы мы исторiй древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того, что они о томъ, какiя мы исторiи имѣемъ, неизвѣстны, а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткiя или какое-либо обстоятельство перевели, то другiе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: сему нѣкоторые наши невѣдующiе согласуютъ, а нѣкоторые, не хотя въ древности потрудиться и не разумѣя подлиннаго сказанiя, яко бы для лучшаго изъясненiя, но паче для потемненiя истины, басни сложа, внесли и сущую правость сказанiя древнихъ закрыли; какъ-то: о построенiи Кiева, о строенiи Новаграда Славеномъ и проч. Но я еще точно и ясно скажу, что всѣ европскiе преславнѣйшiе истори-

а) Примѣръ.

ки, сколько бы о русской исторіи ни трудились, о многихъ древностяхъ правильно знать и сказать безъ читанія нашихъ не могутъ; напримѣръ, о прославившихся въ здѣшнихъ странахъ въ древности народахъ, яко Амазонахъ, Аланехъ, Гунахъ, Аварахъ, Кимбрахъ и Киммерахъ; яко же о всѣхъ Скиѳахъ, Сарматѣхъ и Славянѣхъ, ихъ родѣ, началѣ, древнихъ жилищахъ и прехожденіяхъ, славныхъ въ древнихъ великихъ градѣхъ и областѣхъ Есседоновъ, Архипеевъ, Комановъ и проч., гдѣ они были и какъ нынѣ зовутся, ни мало не знаютъ, развѣ отъ Исторіи Русской изъясненной неоспоримую истину обрѣсти могутъ. Наипаче же нужна сія Исторія не токмо намъ, но и всему ученому міру, что чрезъ нея непріятелей нашихъ, яко польскихъ и другихъ, басни и сущія лжи къ поношенію нашихъ предковъ вымышленныя, обличатся и опровергнутся.

Сія-то есть петребность Исторіи. Но что всякому человѣку нужно знать, то можно легко уразумѣть, что въ Исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмышленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ: изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать.

В. ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ (1733) (²).

1. Главнѣйшее есть Вѣра, въ которой ты хотя часто разговорами пространнѣе отъ меня наставливанъ; но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ Законѣ Божіи поучатися день и нощь, и съ ревностію о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего: зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и сребра и каменія драгоцѣнна, еже ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: аще бы не законъ Твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ. Для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать Письмо Святое, то есть, Библію и Катехизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго, также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за Катехизисъ (а), а малая Букварь, или Юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе слу-

---

а) Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича: «Букварь славенскій съ толкованіемъ заповѣдей, символа вѣры, молитвы Отче нашъ и блаженствъ евангельскихъ (1724).

жить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно.

—

Потомъ, когда довольно въ Законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныхъ нашей Восточной Церкви книги лютерскія, кальвинскія и папижскія читать для того, что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до Вѣры принадлежащіе, входимъ; и если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь, а особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ ихъ духовныхъ, остерегаться; и невѣдущему довольно Закона съ ними въ такіе разговоры вступать не безопасно для того, что они въ нѣкоихъ церковныхъ признаніяхъ, и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо же въ призываніи святыхъ, въ поклоненіи иконамъ и въ постахъ кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдущіе Закона Божія легко обманываются.

2. Весьма нужно тебѣ поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее — право и складно писать; за тѣмъ ариѳметика, геометрія, артиллерія и фортификація и прочія части математики, такожде нѣмецкій языкъ, что тебѣ необходимо нужно для извѣстія о состояніи государства нашего (а); исторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь, и къ оной примѣчанія и дополненія изъ чужестранныхъ книгъ, выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать, и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить; географія русская, которую всему шляхетству (б) русскому знать нужно; ее никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончить не надѣюсь: ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ учиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу знать.

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества: и для того конечно въ младости надобно тебѣ Уложенье и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не однова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и посторонних дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, яко же и толкова-

---

а) Нѣм. языкъ въ то время имѣлъ большое значеніе. Иностранныя вѣдомости приходили преимущественно изъ Германіи; въ нихъ печатались извѣстія и о нашемъ отечествѣ.

б) Дворянство.

нію законовъ, не меньше же и коварства ябеднические познавать, а не дѣлать, но учиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ.

3. Почтеніе родителей есть первое въ любви ближняго по закону Божію, яко въ десяти заповѣдяхъ положено: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли; а злоречай родителей смертію да умретъ. И далѣ: проклятъ есть, кто отца или матерь злоречитъ. Соломонъ учитъ: сыне, послушай наказанія отца твоего и не преслушай повелѣнія матере твоея; сынъ премудръ веселитъ отца, а безуменъ печаль матери. Сирахъ цѣлую главу о должности дѣтей написалъ; паче же отъ Христа и Апостолъ о томъ довольно повелѣнія имѣемъ. И если бъ ты видѣлъ въ родителяхъ какіе пороки, не долженъ ты быть Хамомъ, презрѣвшимъ должность, и посмѣяться родительницѣ; но буди, яко Симъ, прикрывая твоею одеждою наготу слабости ея. И если ты понадѣешися на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству неудобно; то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды родителей безъ отмщенія не оставитъ, какъ то пагуба Авессалома сына Давидова тебя удостовѣриваетъ; и то еще сказано: не презри отца и заступи въ старости его.

4. А къ службѣ Государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ, такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной прилежать, и Государю, яко отъ Бога постановленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать; яко и Господь самъ учитъ: воздаждь Богу божіе, а Царю царево. А потомъ Павелъ повелѣваетъ: властямъ повиноватися такъ за очи, какъ во очи, равно какъ самому Богу; Петръ же еще и то повелѣваетъ: раби должны повиноватися властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Посему, если на тебя случится гнѣвъ Государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по невинному оклеветанію отъ кого терпишь, и пріемли съ благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи, яко той же Павелъ поучаетъ: рабовь въ онь же звани бысте во единомъ тѣлѣ и благодарны бывайте. И хотя сіи слова апостольскія всякому безъ сомнѣнія принять за законъ непоколебимый должно, ибо словеса Христовы суть, яко самъ рекъ: слушаяй васъ мене слушаетъ (а о твердости словесъ своихъ сказа: небо и земля мимо идетъ, словеса же мои не прейдутъ); однакожъ мы иногда по слабовѣрію нашему лучше на другихъ прикладахъ видимыхъ,

нежели на Законѣ утверждаемся; и для того я тебѣ въ примѣръ мое собственное искусство представляю. Родитель мой въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не назывались. И когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ. Равно же и надъ другими видѣлъ. Что же къ вѣрности и ревности въ службѣ къ Государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ всѣхъ плутовъ, хищниковъ и прихотьми преисполненныхъ ненависть и клеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ: какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великимъ гоненіемъ невинно гнѣвъ Ихъ Величествъ претерпѣлъ напрасно; однакожъ напослѣдокъ отъ Его Величества вѣчно достойныя памяти Петра Великаго не токмо довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ, а оклеветатели посрамились. И для того, въ томъ не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразсудно вѣрность храни, и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь Государя до послѣдней капли крови защищай, съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть Монарха уменьшить никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ.

5. Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкій, ктобы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва имѣлъ-ли кто; однакожъ, не взирая на то, елико возможно прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь.

А притомъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчикамъ въ честь показываться, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ; и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь

подать и великій вредъ отвратить.

Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы.

Наипаче же всего хранися секретарей и подъячихъ подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствамъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили и не ввергнули бъ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотъ часъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или тоже самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что исполнить да пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ ложью распознать: изъ нихъ рѣдкій, ктобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастіе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ. Соперниковъ въ миру склонять и посредствовать; естьли не склонятся, то не одного изъ людей искусныхъ въ знаніи законовъ въ совѣтъ признать должно; токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того не потребно имена объявлять, естьли дѣло не всѣмъ извѣстное. Когдажъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненный, не алчный и справедливый человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отмѣннымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, естьли товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварный, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно съ начала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обманутъ быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно удер-

живаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеваніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, наединѣ, или когда безстыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай; а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать не очень прилично: лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать.

6. Прошу тебя, не имѣй съ богомерзкими и жадными подлецами обхожденія: какого бы они чина и званія ни были, знай, что всякому честному человѣку въ поношеніе и во вредъ всегда бываютъ. Поучаетъ насъ Божественное Писаніе: благіе нравы тлятъ бесѣды злы; не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе, не вѣси кому соберетъ я.

Друзей старайся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду и хранятъ присягу, хотя бъ они и низкой породы были; справедливый человѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ одинаковъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ; только такихъ адамантовъ и фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда надобность тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ требуй отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ полезно, хотябъ ты и знатный господинъ былъ. Сихъ честныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ кромѣ добраго порядка въ отечествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и обольстить ничѣмъ нельзя: они богатство презираютъ, о чинахъ поклоновъ не теряютъ, одну только рожденную свою честь, вѣрность, правду и присягу хранятъ.

[1]) „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная“, состоитъ изъ 5 книгъ. Содержаніе первыхъ четырехъ книгъ: а) извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ: Скиѳовъ, Сарматовъ и Славянъ, до 860 г.; б) сводъ лѣтописныхъ извѣстій отъ 860 г. до нашествія Татаръ; в) отъ нашествія Татаръ до Іоанна III; г) отъ Іоанна III до царя Михаила. Подлинная рукопись сгорѣла. Сынъ автора подарилъ Москов. Университету неисправный ея списокъ, который поручено было Миллеру, исправивъ, напечатать. Первая книга напечат. 1768—69; вторая 1773; третья 1774; четвертая, оканчивающаяся 1462 г. издана, уже не Миллеромъ, въ 1784 г. Пятая книга, открытая Погодинымъ, помѣщена, съ предисловіемъ г. Бодянскаго, въ 4, 5 и 9 кн. „Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. Рос.“ (годъ 3): она оканчивается 1577-мъ г.; за тѣмъ слѣдуетъ жизнь царя Ѳеодора Іоанновича, написанная патр. Іовомъ. Остались неизданными Записки о царствованіи Годунова, Лжедимитрія, царей Михаила и Алексѣя, хранящіяся въ Москов. Главн. Архивѣ Минист. Иностран. дѣлъ. О значеніи Исторіи Татищева см. статью С. Соловьева: Русскіе Историки 18 в., во 2 т. „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“.

[2]) „Духовная“ Татищева (р. 1686, ум. 1750) сыну его Евграфу Васильевичу, сочиненная въ 1733 г., издана 1773 г., Сергѣемъ Васильевичемъ Дру-

ковцовымъ, авторомъ многихъ экономическихъ книгъ, сыномъ Друковцова, который былъ секретаремъ у Татищева. Она содержитъ въ себѣ, кромѣ введенія, 12 статей: о Вѣрѣ, о изученіи наукъ и языковъ, о почтеніи къ родителямъ, о женитьбѣ, о разныхъ родахъ службы, о жизни въ отставкѣ, объ устройствѣ деревенскаго хозяйства. Въ Хрестоматіи помѣщены отрывки изъ статей: о Вѣрѣ, объ изученіи наукъ, о почтеніи къ родителямъ, объ обязанностяхъ службы, о выборѣ друзей. Новое, болѣе близкое къ подлиннику изданіе „Духовной" сдѣлано А. Н. Островскимъ 1885 г. въ Казани. Въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія (1886, апрѣль) нап. предсмертное „увѣщаніе Татищева сыну", по своему содержанію имѣющее много общаго съ „Духовной". О значеніи Татищева см. рѣчь Н. А. Попова (Ученые и литер. труды Т—ва, Ж. М. Н. Пр. 1886, іюнь).

XX.

ЗАПИСКИ КН. Н. Б. ДОЛГОРУКОЙ (ПИСАНЫ 1767 г.).

Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло (а), которыя мнѣ казались навѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, ктобъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились. Господи! дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бъ не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нонѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала. Государь нашъ (б) скончалъ животъ свой; паче чаянія моего сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать; отняли милостиваго государя, и великъ былъ плачъ въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу, у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно

а) Сговора. До этого отрывка, описывающаго переворотъ въ судьбѣ Долгорукихъ, «Записки» говорятъ о жизни Н. Б. въ родительскомъ домѣ и о ея сговорѣ.

б) Петръ II.

было. Хотя я и знала, что государь боленъ, и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было, не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ, пропала, пропала! Не слышно было инаго ничего отъ меня, что пропала. Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачь мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому хотя мой женихъ и любимъ государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя, но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ (а) былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть. А въ то время правда, что одинъ женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то несклонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли это совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу (б). Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое раз-

а) Неприкосновенъ.

б) Выраженіе изъ книги Іова (II, 10).

сужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или, можетъ быть, меня жалѣли. Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; притомъ разсказывалъ объ смерти жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ и съ нимъ прощался. И такъ говоря, плакали оба и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече мене сташа; всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ стрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучшебъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ (а).

Тутъ (б) мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако не такъ случилось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ, все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, когда намъ надобно ѣхать. Людей намъ дали для услуги десять человѣкъ, а женщинъ на каждую персону по человѣку, всего пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мнѣ отговорили; для себя включили въ то число свою, а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ: ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала: пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ я хорошо собралась: ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла оная моя воспитательница при себѣ денегъ, мнѣ отдала: сумма не очень была велика, шестьдесятъ рублевъ, съ тѣмъ

а) Послѣ этого описаны: похороны Петра II, вшествіе Анны Іоанновны въ Москву, приказъ ѣхать въ дальнія деревни, выѣздъ изъ Москвы, прибытіе въ деревню А. Г. Долгорукаго (отца Ивана Алек.), гдѣ объявлено Долгорукимъ мѣсто ихъ ссылки—Березовъ.

б) Въ первомъ городѣ, гдѣ остановились Долгорукіе на пути въ ссылку.

я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна или ѣхали; недалеко рѣка была отъ нашего дома; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я въ свой каютъ; увидѣла какъ онъ прибранъ: сколько можно было помогала моему бѣдному состоянію. Пришло мнѣ вдургъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе; тутъ же и прощаться, что я ее уже въ послѣдній разъ вижу: ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я къ каютѣ, или въ чуланѣ: лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ. Я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, думаю—еще хотя разъ увижу: ниже мѣста того знать, далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ: знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было—не до него; жизнь тратится—такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ: буря на рѣкѣ, громъ, молнія—гораздо звончѣе на водѣ нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ; какъ громъ грянетъ, такъ и попадаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась: та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе; принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна проводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла; мы поплыли въ путь свой и такъ мы три недѣли ѣхали водою. Когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою—вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его: онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною. А когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться: тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положатъ на вѣтру, и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ лежу, покамѣстъ погода утихнетъ, и покроютъ меня шубою: на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла: все тошнилось.

Однажды что съ нами случилось. Погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто бъ зналъ гдѣ глубь, гдѣ мель; и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ. А такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ; а темно уже становится, ночь близко, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ. Якорь бросили середи рѣки въ самую глубь—якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ на верхъ: боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ не за-

давили. Люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло. Я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы: никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ. На одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рощѣ не очень густой. Стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько саженъ опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ къ верху подыметъ, и въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго. Думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самою частію земли вода: надобно думать, что озеро. Когда бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно бъ намъ въ томъ озерѣ быть; вѣтеръ преужасный тогда былъ; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когда бъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать и землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды—выѣхали на свѣту на свой путь, изъ залива въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ; однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на большія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ (а).

Доѣхали до провинціальнаго города (б) того острова (в), гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою, и тутъ будетъ перемѣна: офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гарнизона офицеру, съ командою двадцати четырехъ человѣкъ солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣсть исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: теперь-то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ. И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать.—Какъ исправились съ судномъ, новый командиръ повелъ насъ на судно. Процессія изряд-

а) Затѣмъ описывается прибытіе въ городъ, изъ котораго до Тобольска надобно было ѣхать сухимъ путемъ.

б) Губернскаго (Тобольска).

в) Березовъ.

ная была: за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками; я уже шла внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла: великая разница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое. Такъ по имени нашему и судно; хотя бы на другой день пропасть: тогда мы назывались арестанты, инаго имени не было—что уже въ свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли, насквозь дыры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрипѣть. Оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное: никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать—какое случилось, такое и дали. А можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться. Всѣ способы искали, какъ бы его приласкать—не могли найти. Да въ комъ и найтить? Дай Богъ горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глупый офицеръ былъ! Изъ крестьянъ да выслужилъ чинъ капитанскій. Онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спесью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, туфли на босу ногу; и такъ съ нами сидитъ. Я была всѣхъ моложе и невоздержна: не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру. Онъ, это видя, что ему смѣюсь—или то удалось ему примѣтить—говоритъ, смѣяся: «теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ». Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому было препоручено, чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда бъ мы что намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша: думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая (р. 1714, ум. 1771), дочь знаменитаго сподвижника Петрова, гр.

Б. П. Шереметева, лишилась отца на 6, а матери на 15-мъ г. и жила съ старшимъ своимъ братомъ. Она вышла за мужъ за кн. Ивана Алексѣевича Долгорукаго, любимца Петра II. При обрученіи, 1729 г., которое совершалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, присутствовали: императорская фамилія, иностранные министры, придворные чины и весь генералитетъ. За такимъ блистательнымъ и повидимому счастливымъ началомъ судьбы наступило совершенно другое время. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны Долгорукіе пострадали. Они сосланы были въ Березовъ, тобольской губ., слишкомъ за 4000 верстъ отъ Петербурга. Наталья Борисовна не оставила своего мужа: она отправилась съ нимъ въ мѣсто ссылки, твердо перенося всевозможныя лишенія и бѣдствія. Черезъ 8 лѣтъ жизни въ Березовѣ (въ 1739), мужъ ея, вмѣстѣ съ другими его родственниками, былъ привезенъ въ Новгородъ и казненъ. Наталья Борисовна три года не знала его участи. Императрица Елисавета возвратила ее въ Петербургъ (1742 г.), гдѣ она поселилась въ домѣ брата, гр. П. Б. Шереметева, вмѣстѣ съ двумя сыновьями, Михаиломъ и Дмитріемъ, прижитыми ею въ Березовѣ. Въ 1757 г., когда подросъ ея младшій сынъ, она оставила свѣтъ и постриглась во Фроловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, принявъ имя Нектаріи и облекшись потомъ схимою. По желанію сына своего, Михаила, она, въ 1767 г., написала записки, которыя начинаются разсказомъ о жизни въ домѣ родителей и оканчиваются извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Березовъ. Вѣроятно, дальнѣйшія событія были такъ тяжелы ея сердцу, что она, при всей душевной твердости, не могла говорить о нихъ. Записки эти, по просьбѣ И. В. Лопухина, доставлены были ему внукомъ Нат. Борисовны, извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ кн. И. М. Долгорукимъ, и напеч. въ Другѣ юношества (1810, № 1). Въ примѣчаніи къ нимъ, Лопухинъ говоритъ: „Много я наслышался объ ней (Н. Б. Д—ой) отъ моей матери, которая имѣла честь быть ея другомъ, жившп нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ, гдѣ отецъ мой былъ въ должности губернатора. Помню особенно разсказъ о томъ, въ какой борьбѣ христіанскаго великодушія съ нѣжностью сердечной страсти, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житья въ монастырѣ, наканунѣ постриженія, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ было еще одно драгоцѣнное—она бросила въ Днѣпръ обручальное кольцо свое". „Я не знала", пишетъ въ запискахъ своихъ Н. Б. Д-ая, „что счастіе мною поиграетъ.... Благополучіе мое продолжалось отъ декабря 24 (*дня сговора*) по 18 день января (*день смерти Петра II*). За 26 дней благополучныхъ 40 лѣтъ по сей день страждү. За каждый день по два года придетъ безъ малаго: еще шесть дней надобно вычесть. Да кто можетъ знать предбудущее? можетъ быть они и дополнятся, когда продолжится страдательная жизнь моя". Вполнѣ съ подлинной рукописи Записки напеч. въ Рус. Арх. 1867 г. Козловъ изобразилъ судьбу знаменитой страдалицы въ стихотворной повѣсти: Н. Б. Долгорукая. См. еще: Словарь достоп. людей, т. II; Записки кн. И. М. Долгорукова (въ Собр. его сочиненій) и Отеч. Зап. 1858, № 1, по поводу вышедшей въ 1857 г. въ Лондонѣ книги: „The life and times of Nathalia Borissovna, Princess Dolgorookov.

XXI.

СТРАНСТВОВАНІЯ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА, БАРСКАГО (1723—1747).

О Патмѣ, островѣ прослутомъ.

Патмосъ по Гречеcку, а по Русску Патмъ, есть островъ меншій отъ предреченнаго (а), и древесами, и овощами и винограды оскуднѣйшій, обаче (б) честію и славою богать и прослуть, не токмо тамо вь окрестнихъ странахъ, но и вь далечайшіи западніи, понеже тамошніи жители сутѣ искусніи въ купечествѣ, имуть своя корабля и отпливають въ Венецію, вь Римъ и вь иніи латинскіи страни, и суть искусни въ бесѣдѣ разнихъ языковъ. Обикоша облачатися въ одежди тонкіе и лѣпіе, найпаче же жени, иже вси, отъ мала до велика натирають твари (в) бѣлиломь, отъ древняго обичая; не токмо же жени безчестни, но и честни то творять, сице бо вкоренися оное злое обикновеніе яко аще и отъ многихь учителей наказовахуся многажди, но не исправишася. Мужіе облачатся обще вси, яко же и въ инних островахъ морскихъ, въ краткихъ одеждахъ съ завивалы (г) на главахъ; нѣціи же отъ нихъ облачатся въ одѣянія долга, съ калпаками на главахъ, яко же есть обичай и въ нашихъ странахъ; жени же носять фартухи, яко пядію и выше отъ земля, краткіи, на главахъ же завивала баволняніи (д) и шелковіи, зѣло тонкіи и распространенніе округъ зѣло широко, яко болше обімуетъ кругъ главній, нежели плещи. На оному островѣ ни единъ агарянинъ или иновѣренъ или еретикъ не обрѣтается, точію единовѣрни православни христіяне; не имуть же различнихь весей, но вси вкупѣ въ единомь селѣ обитають, еже есть великое, яко градъ, и стоить на мѣстѣ прекрасномъ, на единой високой горѣ, посредѣ острова, идѣже многіи церкви прекрасни съ главами каменнозданни и внутрь лѣпо иконописанни, и всякь храмь имать звонь единь или два, и звонять на всякь денъ вь время пѣнія церковнаго, якоже и во иныхъ христіянскихъ странахъ. Суть же числомъ церковь въ жителствѣ ономь яко 50; еще же при горахъ сѣмо и овамо, на распутіяхь и холмѣхь, на виноградѣхь и вертоградѣхь. Повѣствують, яко вь всемь островѣ ономь обрѣтаються церковь, малихъ же и великихъ, яко близъ 300 и вящше, понеже всякь свою имать церковь, или отъ прародителей своихь оставл-

а) Леро.
б) Однако.
в) Лица (словарь Даля).
г) Чалмы.
д) Хлопчато-бумажные (отъ нѣм. baumwollen).

шую, или своимъ коштомъ зданную, храмолюбни бо суть дозѣла. Суть же нѣкіи богатіи домовладики, отъ нихъ же нѣціи имутъ по 5 и по 10 храмовъ зданнихъ отъ рода въ родъ; но мало суть храмовъ великихъ, точію всюду мали и простозданіи. Обикоша же тамо здати церкви на разнихъ мѣстѣхъ: на распутіяхъ, въ садѣхъ, въ виноградѣхъ, на нивахъ, на поляхъ, на горахъ, на островахъ, на брегахъ морскихъ, на холмѣхъ, въ пещерахъ, и вездѣ, камо либо кто приходитъ, храми разніи на пути мимоходитъ. Обаче тіи храми суть мали зданіемъ, яки часовнѣ или каплицы, якоже обичай есть Россомъ именовати. И въ тихъ малихъ и далече отъ веси отстоящихъ не часто литургія биваетъ, токмо единою или дважди въ мѣсяцъ; цѣлое же пѣніе не совершается, развѣ единожди въ годъ, по случаю праздника коегождо храма, или аще кто по случаю сотворитъ обѣтъ отъити на поклоненіе, и сице вземши съ собою единаго отъ священникъ, и шедъ, медлитъ отъ вечера до утра; даже сотворши цѣлое пѣніе церковное и препочивши, возвращается въ домъ. Сіи убо храми, на распутіяхъ, далече отстоящіи, не имутъ ни звоновъ, ни клепаловъ (а). Внутръ же веси церкви суть лѣпотни отъвнѣ и отъвнутръ, каяждо съ единимъ или двома колоколи, отъ нихъ же суть многи съ главами сверху, и со иконописаніемъ внутръ по стѣнамъ, отъ главы до ногъ. Есть она весъ велика, стояща посредѣ гори острова, на високой горѣ, на прекрасномъ мѣстѣ, отонюду же всюду окрестъ зрится море, и ини различніи острови, и кораблѣ, издалече пловущіи. Бистъ же тамо домовъ яко 500, иже суть лѣпи и крѣпки зданіемъ, найпаче же внутръ украшенни многими сосуди, зерцали и иконами, якоже тамо обичай есть. Отъвнутръ суть чисти и бѣли, отъвнѣ же суть черни, но не отъ нечистоти, но отъ черна естествомъ каменя, отъ него же суть здании, понеже весъ островъ черній раждаетъ каменъ. Тамо иной вѣри не обрѣтаются людіе, точію христіяны благочестиви, и вся, яже къ христіянству прилично, свободно и невозбранно совершаютъ. Ибо аще и подъ Турецкою властію суть и данъ ему обичную даютъ, обаче, Божіимъ изволеніемъ, агаряне (б) тамо не обикоша обитати. Есть бо островъ нагъ, мало поля имущъ, точію все гори каменіи, сухіи и безъдревніи и мало отъ древа, садовнаго и отъ сѣменъ раждаетъ, прочія же вся приносятся отъ инныхъ, окрестъ обстоящихъ островов. Еще же озлобляютъ (в) частѣ и отъ пиратовъ, сиесть отъ разбойниковъ морскихъ, обаче мало что страждутъ, ибо въ время гоненія заключаются въ монастиръ, иже стоитъ посредѣ веси, иматъ стѣни тверди и врата

а) Клепало (било)—доска, въ которую ударяли, созывая христіанъ на молитву.

б) Магометане.

в) Причинять зло, оскорбить.

желѣзомь покровенни, (о немъ же послѣди), и сице не могуще что сотворити, разбойницы отпливають на море, христіане же паки возвращаются въ доми своя. Обаче пирати не часто приходятъ, понеже островъ неплоденъ есть, къ тому же боятся, да отъ агарянъ да уловленни будутъ. Островъ же весь окружаетъ осмнадесять стадій, или верстъ, якоже повѣствуется. Раствореніе воздуха здраво есть; води текущой мало тамъ обрѣтается, точію кладяжна и дождевна, юже обще вси піютъ, понеже есть здрава и чиста, отъ кробовь домашнихъ (а) и церковнихъ собираема. Улицы же тамо суть тѣсни и полни смѣтія (б), якоже обичай въ весехь, понеже суть многа свинія, свободно ходящія; сего ради въ лѣтѣ множество блохъ тамо раждается. Островь весь окрестъ иматъ многа мѣста удобна къ пристаницу, обаче едино началнѣйшое пристанище иматъ великое, и широкое, и глубокое, и безмолвное, къ востоку зрящое, идѣже обще обикоша приплибати корабля. Мужіе тамо ино дѣло не имутъ, точію, въ различніи странни по морю отпливающе, куплю дѣютъ; жени же вси отъ (в) баволна панчохи (г) и шкарпѣтки сплѣтаютъ и приходящимъ тамо отъинуду купцемь продають, къ тому же суть искусни къ вишиванію квѣтъ (д) на платнѣ; ихъ же одежди суть честніи, съ долгими фартухами, албо лѣтниками (е), и со закровеніемь персей и вый, точію главы суть нелѣпо зрачніи, понеже до избитка великіи завивала носятъ, яко множае большая глава зрится отъ плещей ихъ. Завивала же суть тонкіи шелковіи, драгоцѣнны, хитони (ж) же обикоша многими шелковими квѣтами вишивати и оздобляти (з), твари же натпраютъ, якоже предрекохь; обаче подвижни суть къ постомь и къ церковному пѣнію. Сицеви убо суть жени, мужіе же кратко облачайтся, якоже и вь инниxь островахъ; суть же нѣціи отъ богатихъ, облачащіися въ долгіи одежди.

а) Домовыхъ кровель.
б) Соръ, нечистота.
в) Изъ.
г) Чулки.
д) Цвѣтовъ.

„Пѣшеходца Василія Григоровича—Барскаго—Плаки—Албова, уроженца кіевскаго, монаха антіохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г., имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніи кн. Г. А. Потемкина для пользы общества изданное въ свѣтъ, подъ смотрѣніемъ В. Рубана. Спб. 1778". Григоровичъ (род. 1701, у. 1747) обучался въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ львовской. Изъ Львова отправился (1724) на востокъ для обозрѣнія св. мѣстъ. Послѣ 10-ти лѣтняго странствованія по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи, былъ постриженъ въ Дамаскѣ въ монахи (1734) и по собственному его желанію уволенъ для продолженія наукъ на островъ Патмосъ, гдѣ и пробылъ 6 лѣтъ. Въ 1743 г. вызванъ въ Константинополь русскимъ резидентомъ Вешняковымъ, у котораго прожилъ цѣлый годъ. Потомъ отпра-

е) Легкая одежда подъ платьемъ.
ж) Нижняя мужская одежда).
з) Украшать.

вился снова на Аѳонъ, гдѣ около года занимался описаніемъ монастырей и другихъ достопримѣчательныхъ предметовъ. Отсюда ходилъ въ греческія области и въ 1746 г. воротился въ Царьградъ, гдѣ уже не засталъ въ живыхъ Вешнякова; преемникъ его, Неплюевъ, неблагосклонно принялъ Григоровича, который по приказанію его воротился въ отечество. Во время путешествія, Григоровичъ часто мѣнялъ свое названіе, называясь иногда „Барскимъ", по волынскому городу Бару, гдѣ жили его предки, иногда „Кіевскимъ" по родинѣ, иногда по гречески „Плакою" или по латинѣ „Альбовымъ" (отъ фамиліи Бѣляевъ). Рубанъ приложилъ къ изданію своему предисловіе, съ краткой біографіей Барскаго и обзоромъ его путешествія, извѣстія изъ иностранныхъ путешественниковъ, пополняющія его сказанія, и переводъ грамматъ, данныхъ ему въ разныхъ мѣстахъ. Митр. Евгеній справедливо обвиняетъ издателя за исключеніе изъ подлинника многихъ разсказовъ потому только, что таковыя находятся въ другихъ книгахъ. Путешествіе Барскаго издавалось неоднократно, какъ любимое чтеніе многихъ классовъ публики. Въ настоящее время „Странствованія" Барскаго издаются Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, подъ редакціею Н. П. Барсукова. Изданіе это, котораго вышло уже 27 выпусковъ, производится по подлинной рукописи, принадлежавшей покойному графу А. С. Уварову. Мѣста, измѣненныя и исключенныя въ прежнихъ изданіяхъ, восполняются по спискамъ принадлежащимъ Археографической Коммиссіи, Михайловскому Златоверхому монастырю и Казанскому университету. Обстоятельная біографія Барскаго написана Н. П. Барсуковымъ и издана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ въ 1885 году.

XXII.

САТИРЫ КАНТЕМИРА (1729—1739) [1].

I. НА ХУЛЯЩИХЪ УЧЕНІЕ (КЪ УМУ СВОЕМУ) (1729) [2].

(*По печатной редакціи*).

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

(*Изъ начальной редакціи сатиръ*).

Не столько обычаю, сколько нуждѣ послѣдуя, предувѣщаніе сіе пишу. Потребно мнѣ быть показалося, прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебѣ, съ какимъ намѣреніемъ они писаны. Ни зависть, ни злоба хулить, охота (а) принудили меня осмѣять осмѣющихся (б) ученіемъ; но излишество времени почти понудило къ тому. И такъ все, что я тутъ написалъ, въ забаву писано; между тѣмъ, хотя многіе могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и нравы изображенные, вѣдали бъ, что я никогда партикулярно не представлялъ себѣ, когда писалъ, характеры, въ сей сатирѣ содержащіе (в), и слушая злонравіе—

а) Ни охота.
б) Смѣющихся надъ ученіемъ.
в) Содержащіеся.

не примѣчалъ злонравнаго. Прочіе, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ ихъ не читалъ; а кто за нихъ меня хулить станетъ, то помнилъ бы, что дурной лицемъ николи зеркала не любитъ.

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцемъ (а) не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы (б) проклали
Девять сестръ (в). Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится (г),
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ (д) надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ (е) славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
  Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,—
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,

а) Авторомъ.
б) Бѣдния.
в) Музы.
г) Чуждается.
д) Петръ II, которому было только 14 лѣтъ.
е) Монарха, почитающаго свиту Аполлона (музъ), т. е. науки.

Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишню чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ подлыхъ (а) то есть дѣло;
Знатнымъ полно (б) подтверждать иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силы и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хоть грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять (в) хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года

а) Людей не дворянскаго рода.
б) Достаточно.
в) Яти—взять.

Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично (а) людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали (б),
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга: на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору:
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ (в).
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки (г);
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу:
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ (д) двухъ денегъ Виргилій не стоитъ;
Рексу (е), не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;

а) Прилично.

б) Человѣкъ созданъ для общежитія.

в) Предъидущіе пять стиховъ подражаніе Горацію (книги 1-й посланіе 5-е).

г) Предъидущіе четыре стиха подражаніе Овидію (7-я элегія).

д) Сапожникъ въ Москвѣ.

е) Портной въ Москвѣ.

Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши (а)
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ, такъ бы то быть должно;
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ томужъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя (б),
Исчелъ иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.

а) Клуша (польское сл.)—галка.
б) Краткости ради.

Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою;
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти ([3]).
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а на нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ (в) съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,

в) Парикъ.

Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы (а);
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство — мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то (б), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать (в), разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ (г) пѣсни три играетъ,

а) Перебирать, читать множество дѣлъ
б) Невѣжество.
в) Играть въ карты.
г) Косая флейта (flûte traversiére), которая была въ великой модѣ и всѣ молодые люди учились играть на ней.

Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая высша степень—мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ:
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ (д) не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ (е),
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ (ж),
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме! не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится

д) Толкованіе Евангелія, Златоуста.
е) Не командуетъ.
ж) Что онъ не судья.

Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
195. Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую (а),
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

2. НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯНЪ ЗЛОНРАВНЫХЪ (1729). (1).

Предисловіе къ читателю.

(*По начальной редакціи*).

Надѣюся, что между прочими читателями будутъ и такіе, которые, лишь прочтутъ титулъ сатиры, возбунтуются на бѣднаго сатирика. «Чтоже? скажутъ»: ужъ враль сей мѣръ своихъ не знаетъ. Недовольно было того, что сначала хулилъ тѣхъ, которые до наукъ не охотники; теперь еще безъ панцыря противъ дворянъ наступаетъ; напослѣдокъ онъ намъ ничего не оставитъ, чтобъ по его мнѣнію можно бы правильно сдѣлать. Кто его поставилъ надъ нами судьею»? У таковыхъ читателей покорно прошу, чтобъ терпѣливо выслушали короткіе мои резоны, которые я имъ представить имѣю: неправеденъ бо судъ, гдѣ отвѣтчику потакаютъ, а челобитчика не слушаютъ.

Въ первой сатирѣ моей если я кого хулилъ, то подлинно такихъ, которые по всему хулы достойны, и нимало я не вышелъ изъ правды предѣловъ; защищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но которые ничего знать не хотятъ и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что оно не только не полезно, но и вредно народу. Согрѣшилъ ли я въ томъ? чаю, нѣтъ. Если убо тогда одну добродѣтель защищая, не согрѣшилъ, виноватъ ли я теперь, когда всѣ вмѣстѣ защищаю? ибо я не благородіе хулить намѣреваюся, но устремляюся противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самымъ всякое благонравіе защищаю. Въ сей сатирѣ говорю, что преимущество благородія честно, и полезно, и знаменнто, ежели благородный честные имѣетъ поступки и добрыми украшается нравами, что темнотою злонравія всякаго благородства блистаніе помрачается и что не тому достоинства вышнія приличны, чіе прозвище въ лѣтописцахъ за нѣсколько лѣтъ поминается, но котораго имя праведно въ настоящихъ временахъ хвалено бываетъ; потомъ показываю, что гордость неприлична дворянству и что гнусно дворянину завидовать благополучію подлѣйшихъ себя, коли оные чрезъ добрыя свои дѣла въ честь и славу происходятъ, что должны сами не въ играхъ и уборахъ время свое препровождать, но потомъ и мозольми въ пользу отечества до-

а) Пользу.

ставить себѣ славу; напослѣдокъ насмѣваюся обычаямъ неполезнымъ, которые однакожъ не мѣшаютъ, если къ добродѣтели соединены. Кто за вся сія можетъ на меня правильно гнѣваться? Развѣ тотъ, кто тѣми злонравіями опятнанъ, которыя обличаю. Горацій, описуя разные виды злонравныхъ людей, сими словами періодъ кончаетъ: omnes hi metuunt versis, odere poëta—всѣ сіи боятся стиховъ,ненавидятъ стихотворцевъ(а). Имъ непріятна добродѣтелей похвала и противна хула злонравій: имъ убо и сатириковъ имя ненавистно. Для того я больше сожалѣю тѣхъ, которые на меня сердитовать станутъ, нежели плачу о себѣ, что въ ихъ гнѣвъ впасть имѣю. На послѣдній ихъ вопросъ, которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьею поставилъ, отвѣтствую: что все, что я пишу—пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ. Не для того такую ревность въ себѣ показываю, якобы въ сожалѣніе я пришелъ, видя своего дворянства непорядочное житіе. Не буди того! Но, предуспѣвая злому, то дѣлаю: столь бо гнусными и противными красками описавъ портретъ злонравнаго человѣка дворянина, всякій, чаю, всѣми способами стараться станетъ, чтобъ никое съ нимъ сродство не имѣлъ, отбѣгать всего того будетъ, что можетъ его подобна тому учинить. Напослѣдокъ, желая изъяснить мнѣніе мое о преимуществѣ благородства, предъявляю, что не только оное не презираю, но почитаю и хвалю, яко способъ преизрядный для побужденія къ добродѣтели: ибо мужества, благоразумія, ревности и вѣрности воздаяніемъ обыкло быть благородство. Рѣдко въ наши вѣки добродѣтель за внутреннюю ея самой красоту любятъ; коли добро дѣлаютъ—ждутъ воздаянія, а когда не дѣлаютъ—боятся наказанія; для того имя благороднаго нужно и полезно, ибо такимъ (благородія именемъ) способомъ воздаяніе за добродѣтель продолжается отъ предковъ къ потомкамъ ихъ и отъ настоящихъ къ будущимъ вѣкамъ, и потому безпрестанно тою же дорогою тожъ себѣ проискивать и прочихъ одобряетъ.

а) Книги 1-й сатира 4-ая.

Филаретъ и Евгеній.

Филаретъ.

1. Что такъ смутенъ, дружокъ мой? щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати ([5])?
5. Цугомъ ли ([6]) запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова:

Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? ужъ ли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдно и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальные», крича, «ясно свѣчи
Горятъ», кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ, на высоку степень всирыгнувши, блистаетъ (а);
А благородство мое во мнѣ унываетъ
И не сильно принести мнѣ никакой польги (б).
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги (в)
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы:
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы (г).
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду (д) обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ: какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.

а) Намекъ на кн. Меншикова.
б) Пользы.
в) Жены Игоря.
г) Брали приступомъ города.
д) Наказаніе, гнѣвъ.

Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги
И, шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что ни день рано съ утра крестова (а) набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости; иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ ни вскину!

Филаретъ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты—
Лесть, похлѣбство не люблю; но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ то, сей вымолвитъ ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.
Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна).
Но тщетно имя оно (б), ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣсенью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель (в).
Презрѣвъ покой (г), снесъ ли ты самъ труды военны?

а) Горница, гдѣ были иконы и кресты и гдѣ отправлялись молитвы.

б) Дворянство.

в) Стихъ Ювенела: Nobilitas sola est atque unica virtus (сатира 8).

г) Слѣдующіе 14 стиховъ—подражаніе Буало (5-ая сатира).

Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредъ воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счеться Гектору иль Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Маложъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша (а), таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему, отречется трожжи (б);
Знаетъ онъ, что пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣжъ кости.
Буквы, къ нашимъ именамъ придаиныя (в), злости
Нашей не могутъ прикрыть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ;
Но бѣдно блудитъ (г) нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, есть ли сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу (д).
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли,
И черпать вольно тебѣ; но нужно, чтобъ были

а) Генералъ-маіоръ, пріятель Кантемира, великій охотникъ до пива.

б) Трижды.

в) Титла князя, графа и проч.

г) Заблуждается.

д) Хилу.

И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу: сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та (а) надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Естьлибъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ, роптати,
Что за другими тебя и въ пару (б) не знати.
Потрись на оселку, другъ; покажи, въ чемъ славу
Крови собой и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ: тогда войско выводили
На поле предки твои (в); а ты подъ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь. Когда дни пребѣгутъ двѣ доли—
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, ожидая

а) Слава.

б) Въ поту.

в) Подражаніе 8-й сатирѣ Ювенала.

Пойла, что шлетъ Индія иль везутъ съ Китая (г);
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину:
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты (д),
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть (е), часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ (ж). Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу,
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу (з).
Не столько стоитъ народъ римлянovъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:

г) Кофе или чай.

д) Тупей.

е) Волосы, на вискахъ завитые.

ж) Пучекъ, который назади закладывался въ мѣшокъ.

з) Богатый кафтанъ, стоящій цѣлой деревни.

*

Пора, мѣсто и твои разсмотрѣны годы (а),
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситомъ подшиты,
Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты;
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, что полъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И, глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя:
Тотъ же полкъ лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки).
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ (б) не спускаешь,
И мечешь горстью, твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скоплено, добро. Деревня со скотомъ
Не первая ужъ пошла въ бережную руку

а) Правила щегольства обращали вниманіе на время года и возрастъ: человѣку за 20 лѣтъ не позволялось употреблять матерію краснаго, и особенно розоваго цвѣта.

б) Карты.

Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу,
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опирать щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій день (а) и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы
Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ не малый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назвать черту, что, копая,
Воинъ предъ собой ведетъ (б), укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ грозно, разсѣдшися, земля вдругъ пожрала (в);
Къ чему тутъ войска одна часть въ четверобочникъ (г)
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужъ превосходны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили.
Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы

а) Остальное время сутокъ.
б) Траншея.
в) Гдѣ стѣна разрушена ядрами или взорвана подкопомъ.
г) Въ каре.

И много разныхъ искусствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты (д),
О обильности въ своемъ таборѣ (е) печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ;
Не спѣшитъ дѣло начать; начавъ, производитъ
Смѣло и скоро: не столь бѣгло Перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишься ты знаній,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.

д) Замыслы.
е) Лагерѣ.

Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь: гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нея доска, толста пальца лишь въ четыре (а):
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть (б) тебя дрожать заставляетъ.
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужно жъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужняй тѣ ему, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, нежь на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ неоскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе, лучами своими
Свѣтила небесныя—желѣзце, не многу
Отъ дивнаго камня взявъ силу—намъ дорогу
Надежную въ безднѣ водъ показать удобны (в);
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцевъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержать, вступя въ бой удобный—
Трудъ не малый. На морѣ, какъ на замлѣ, тѣже
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снились трубы и компасъ, нежъ строй и осада.
За краснымъ судить сукномъ Адамлевы чада
Иль править достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнью склонно, и рѣчиста (г)
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны; предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа

а) Предъидущіе 4 стиха — подражаніе Ювеналу (сатира 12).

б) Изображенная на картинѣ.

в) Два способа направлять корабль: наблюденіе надъ небесными свѣтилами и компасъ.

г) У лакомыхъ судей деньги всякаго довода сильнѣе и потому названы рѣчистыми. *К-ръ.*

Равны въ судѣ, и одна правда превосходна.
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подъячей,
Чтобъ, чрезъ руки прошедъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну
Уставить жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизусть онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою,
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арабскаго языка права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны.
Есть ли въ тѣ чины не гожъ, скажешь мнѣ, я чаю—
Не хуже Клита носить ключъ золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остороженъ, свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей (а) дружбу весть не рдится (б),
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,

а) Простыхъ, которые дослужились знатныхъ чиновъ.

б) Не краснѣетъ.

Идучи упрямо въ цѣль; Клиту счастье служитъ,
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно;
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ (а).
Короткій языкъ, лице и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спеси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды, не поблѣднѣвъ, всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо.
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала.
Еще бъ можно извинить, есть ли знатный тужитъ
Видя, что счастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Коего сколь теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,

а) Сатирикъ уподобляетъ государя солнцу, а неловкаго придворнаго Икару, который поднялся къ солнцу на восковыхъ крыльяхъ.

Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Чтожъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Тулліѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудомъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древніе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить греки.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ сталася,
Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллій былъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ—
Простыхъ землѳдѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

[1]) Всѣхъ Кантемировыхъ сатиръ извѣстно теперь девять: восемь изданы 1762 г. (Сатиры и другія стихотворческія сочиненія кн. Антіоха Кантемира съ историческими примѣчаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни); девятая, открытая Н. С. Тихонравовымъ, помѣщена въ 3 № Библіогр. Записокъ 1858 г. Изъ нихъ первыя пять, написанныя въ Россіи, въ теченіи 1729—31 г.г., пріобрѣли тогда же заслуженную извѣстность и ходили во многихъ спискахъ между любителями литературы; другія три сочинены въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ Кантемиръ находился посланникомъ; когда явилась девятая — неизвѣстно. Сатиры и другія стихотворенія Кантемира напечатаны со списка, исправленнаго самимъ авторомъ за границей и присланнаго имъ Ѳеофану Прокоповичу 1743 г., какъ видно изъ „Письма стихотворца къ пріятелю“ (т. е. Прокоповичу): „За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ, и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность (*посланника при лондонскомъ дворѣ*), времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсенъ, басенъ и другихъ малыхъ твореній составить; но, усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя, до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли, въ люди вышли, принялся сіи исправить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ

отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ, и могу сказать, что почти всѣ снова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить больше для исправленія, нежели для прочитанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно“. Такимъ образомъ существуютъ двѣ редакціи первыхъ пяти сатиръ: одна, начальная, не преданная печати; другая, вторичная или исправленная, напечатанная 1762 г. Онѣ различаются между собою и текстомъ, и примѣчаніями. Рукописи сатиръ начальной редакціи уцѣлѣли до нашего времени во многихъ библіотекахъ: Императорской Публичной, Новгородской Софійской, Московск. Глав. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ, Ѳ. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, А. Н. Аѳанасьева. Послѣдній, въ ст.: „Сатиры Кантемира въ первоначальномъ видѣ“ (Библ. Зап. 1858 №№ 19—21), сличилъ обѣ редакціи, рукописную и печатную, представивъ изъ первой обширныя выписки.

²) Это — первая сатира, направленная противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки; почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: „На хулящихъ ученіе“. Но это названіе, заимствованное отъ содержанія, замѣнено потомъ другимъ: „Къ уму своему“, взятымъ отъ формы. Во внѣшнемъ отношеніи Кантемиръ видимо подражалъ девятой сатирѣ Буало: „A son esprit“, въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самого себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные пріемы сообщаютъ сатирику ловкій способъ изображать людскіе пороки: онъ какъ бы умываетъ руки въ изрекаемыхъ имъ приговорахъ и уликахъ. Сатира начинается обращеніемъ къ „недозрѣлому уму, плоду недолгой науки“. Авторъ проситъ его успокоиться, не понуждать къ перу руки: ибо авторство—самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ „нетрудными путями“. За введеніемъ слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ. Прежде всѣхъ говоритъ ханжа Критонъ, невѣжда и суевѣрный: онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. Завистливый (Сильванъ, старинный дворянинъ), который думаетъ только о доходахъ съ имѣнія, вооружается противъ науки, какъ такого предмета, который не приноситъ никакой матеріальной пользы. Третій хулитель ученія, пьяница Лука, говоритъ, что наука разрушаетъ содружество людей, удаляетъ ихъ отъ общества. Наконецъ выведенъ щеголь Медоръ, представитель того класса людей, которые только по внѣшности усвоили себѣ образованіе, а въ сущности остались невѣждами. Послѣ сужденій невѣждъ, авторъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы, ободряетъ похвала; а если вмѣсто того и другаго терпишь хулу, тогда не стоитъ трудиться. Возраженіе ума, что щеголь, скупецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчи ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому что слова злобныхъ владѣютъ умными. Притомъ же четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ число весьма велико. Они преслѣдуютъ знанія не одними словами, но и дѣйствіями. Поэтому въ заключеніи авторъ, снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе и знать про себя пользу наукъ.

³) Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ

Д*** (Георгіемъ Дашковымъ, архіепископомъ ростовскимъ, въ 1731-мъ г. лишеннымъ сана и посланнымъ въ заточеніе въ вологодскій Спасокаменскій монастырь), который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ. *Кантемиръ.*

[4]) Вторая сатира: „На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ" имѣетъ разговорную форму. Разговоръ происходитъ между Аретофилосомъ (въ печ. ред. Филаретомъ: оба имени означаютъ *любителя добродѣтели*) и дворяниномъ (въ печ. изд. Евгеніемъ, т. е. *благороднымъ*). Цѣль ея — осмѣять тѣхъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ званіемъ и завидуютъ счастію другихъ, которые своими заслугами входятъ въ знать. Она — подражаніе 8-й сатирѣ Ювенала, или 5-ой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу.

[5]) Извѣстно есть всѣмъ высокомысліе бывшаго архіепископа Р*** (ростовскаго, Георгія Дашкова), который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнымъ церкви россійской (въ *печ. ред.* прибавлено: „а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ"); но по обыкновенію тѣхъ, которые высокаго ищутъ того не доставъ, въ заточеніи жизнь провождать принужденъ былъ.

Кантемиръ.

[6]) Знатное дворянство и безъ нужды, будто для чести, впрягаютъ въ каретахъ своихъ по шести лошадей, что, ежелибъ запрещено было, многимъ изъ нихъ было бъ не безъ печали, за нѣкакій знакъ своего надъ прочими преимущества то себѣ вмѣняя. Въ Спб. цугомъ ѣздить отъ Петра Великаго запрещено было.

К—ръ.

XXIII.

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

А. ѢЗДА ВЪ ОСТРОВЪ ЛЮБВИ (1730) ([1]).

Изъ предисловія къ читателю.

На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я онную (а) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскій у насъ есть языкъ церковный; а сія книга мірская. Другая: языкъ славенскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ, и многіе его наши читая не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради

а) Книгу.

всѣмъ должна быть вразумительна. Третія, которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ словенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать.

Ежели вамъ, доброжелательный читателю, покажется, что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить, а коли же не учинилъ, то безсиліе меня не допустило, и сего, видится мнѣ, довольно есть къ моему оправданію.

Я много самъ въ себѣ молча славлюсь и для того только, что я могъ какъ нибудь оную перевесть: ибо она хотя не велика, да мудра, и въ томъ могутъ мнѣ всѣ тѣ повѣрить, которые чли ея на французскомъ, а наипаче оные, которые для справки похотятъ ее отвѣдать перевесть. Къ томужъ, въ чемъ со мной всякъ не можетъ не согласиться, переводя вирши французскіе на наши, великую я трудность имѣлъ: ибо надлежало не потерять весьма разума французскаго сладости и силы, а всегда имѣть русскую риѳму. Можетъ статься, что вы не будете довольны разумомъ моихъ виршей; того ради, прошу, хотя оныхъ риѳмы за благо принять, ибо они весьма во всемъ прямыя русскія, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ Спасскаго моста стихотворцевъ (а), даромъ что они немного мнѣ могутъ пользы учинить чрезъ свое освидѣтельствованіе въ мѣрѣ стопъ, въ количествѣ слоговъ, въ пресѣченіи и въ родѣ стиховъ, для того, что они, излагая свои рацеи, на тѣ правила не смотрятъ, а чтобы сказать да не солгать, можетъ быть и не знаютъ. Но я уповаю, что знающіе имѣютъ мнѣ въ томъ справедливость учинить.

Теперь, доброжелательный читателю, сами извольте разсуждать, чего мой трудъ достоинъ, и по тому смотря, ласково или съ презрѣніемъ его принять; а лучше бы было, воспріемлю смѣлость мое мнѣніе вамъ предложить, ежелибъ желали вы видѣть оный благопріятнымъ окомъ: ибо тѣмъ, безъ сумнѣнія, имѣете меня ободрить на другое полезнѣйшее дѣло взяться, а учтивостію вашею всегда хвалиться.

В. ОДА НА СДАЧУ ГОРОДА ГДАНСКА (1734) ([2]).

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ къ славной причинѣ?
Чистое Парнасса убранство,
Музы! не васъ ли я вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;

а) Преподавателей и воспитанниковъ Заиконоспасскихъ школъ.

Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры! молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.
Въ своихъ пѣсняхъ въ вѣчность преславныхъ,
Пиндаръ, Горацій несравненны
Взнеслися до звѣздъ въ небѣ явныхъ,
Какъ орлы быстры, дерзновенны.
Но судебъ ревности сердечной,
Что имѣетъ къ Аннѣ жаръ вѣчной,
Моея гласъ лиры сравнился;
То бы самъ и Орфей ѳракійскій,
Амфіонъ купно бъ и ѳивійскій,
Сладости ея удивился.
Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну, то есть, благополучну,
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну.
О ея и храбрость, и сила!
О всѣхъ подданныхъ радость мила!
Страшитъ храбрость все побѣждая:
Въ дивный восторгъ радость приводитъ,
Печальну и мысль намъ отводитъ,
Всѣ наши сердца расширяя.
Не самъ ли Нептунъ строилъ стѣны,
Что при близкомъ толь горды морѣ (а)?
Нѣтъ ли троянскимъ къ нимъ примѣны (б),
Что хотѣли быть долго въ спорѣ,
Съ оружіемъ въ дѣйствѣ пресильнымъ,
И съ воиномъ въ бои неумильнымъ?
Всѣ Вистлою нынѣ рѣкою
Не Скамандръ ли называютъ (в)?
Не Идѣ ль имя налагаютъ
Стольценбергомъ тамо горою (г)?
То не Троя басней причина:
Не одинъ Ахиллесъ воюетъ;
Всякъ Ѳетидина воинъ сына
Мужественнѣе тутъ штурмуетъ.
Чтожъ чуднымъ за власть шлемомъ блещетъ?
Не Минерва ль копіе мещетъ?
Явно, что отъ небесъ посланна,
И богиня со всего вида,
Страшна и безъ щита эгида (д)?
Императрица есть то Анна.
И воинъ то россій на мало
Окружилъ Гданскъ городъ противный;
Марсомъ кажда назвать пристало,
Въ силѣ жъ всякъ паче Марса дивный;
Готовъ и кровь пролити смѣло,
Иль о Аннѣ побѣдить цѣло:
Счастіемъ Анны всѣ крѣпятся.
Анна токмо надежда тверда;

а) Аполлонъ и Нептунъ построили троянскія стѣны при царѣ Лаомедонѣ.

б) Какъ греки не вошли въ Трою, такъ и Данцигъ не хотѣлъ впустить русскихъ.

в) Висла, при устьѣ которой Данцигъ, уподобляется Скамандру (Ксанѳу), близъ Трои.

г) Стольценбергъ уподобляется горѣ Идѣ, близъ Трои.

д) Щитъ Минервы.

И что Анна къ нимъ милосерда,
На ея враговъ больше злятся.
Европска неба и азійска
Солнце красно, благопріятно!
О Самодержица россійска!
Благополучна многократно!
Что тако подданнымъ любезна,
Что владѣешь толь имъ полезна!
Имя ужъ страшно твое свѣту,
А славы не вмѣститъ вселенна,
Желая ти быть покоренна,
Красоты вся дивится цвѣту.
Но что вижу? не льститъ ли око?
Отрокъ Геркулеса противу,
Подъемля бровь гордо высоко,
Хочетъ стать всего свѣта къ диву!
Гданскъ, то есть, съ помысломъ не умнымъ,
Будтобъ упившись питьемъ шумнымъ,
Противится, и уже явно,
Императрицѣ многомочной;
Не видитъ бездны, какъ въ тмѣ ночной,
Разсуждаючи неисправно.
Въ нутръ самый своего округа,
Ищущаго дважды корону (а),
Станислава (б) беретъ за друга;
Уповаетъ на оборону
Чрезъ поля льющася Нептуна;
Но, бояся жъ росска перуна,
Ищетъ и помощи въ народѣ,
Что живетъ при брегахъ Секваны (в);
Тотъ въ свой проигрышъ барабаны,
Сѐ Вексельминды (г) бьетъ въ пригодѣ (д).

В. НОВЫЙ И КРАТКІЙ СПОСОБЪ КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ СТИХОВЪ (1735) ([3]).

1. Два предмета въ поэзіи.

Въ поэзіи вообще двѣ вещи надлежитъ примѣчать. Первое: матерію или дѣло, каковое піита предпріемлетъ писать. Второе: версификацію, то есть способъ сложенія стиховъ. Матерія всѣмъ языкамъ въ свѣтѣ общая есть вещь, такъ что нѣкоторый оную за собственную токмо одному себѣ почитать не можетъ: ибо правила поэмы эпическія не больше служатъ греческому языку въ Гомеровой Иліадѣ и латинскому въ Виргиліевой Энеидѣ, какъ французскому въ Вольтеровой Генріадѣ, итальянскому въ Избавленномъ Іерусалимѣ у Тасса, и аглинскому въ Мильтоновой поэмѣ о потеряніи рая. Но способъ сложенія стиховъ весьма есть различенъ по развитію языковъ. И такъ авторъ славенскія Грамматики, которая обще называется большая и Максимовская ([4]), желая наше сложеніе стиховъ подобнымъ учинить греческому и латинскому, такъ свою про-

а) При Петрѣ I, какъ соперникъ Августа II, и при Аннѣ, какъ соперникъ Августа III.

б) Лещинскій, тесть франц. короля Людовика XV.

в) Сена. На помощь Станиславу, находившемуся въ Данцигѣ, была отправлена франц. эскадра.

г) Иначе Мюнда, крѣпость.

д) Потреба, польза, какъ безгода — несчастіе, бѣдствіе.

содію количественную смѣшно написалъ, что, сколько разъ за онную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтобъ не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокритомъ непрестанно. Ежелибъ онъ тогда разсудилъ, что свойство нашего языка того не терпитъ, никогдабъ таковыя просодіи не положилъ въ своей грамматикѣ.

Другіе въ сложеніи нашихъ стиховъ донынѣ правильнѣе поступали, нѣкоторое извѣстное число слоговъ въ стихѣ полагая, пресѣкая оный на двѣ части и приводя согласіе конечныхъ между собою слоговъ (а). Но и таковые стихи толь недостаточны быть видятся, что приличнѣе ихъ называть прозою, опредѣленнымъ числомъ идущею, а мѣры и паденія, чѣмъ стихъ поется и разнится отъ прозы, то есть отъ того, что не стихъ, весьма не имѣющею. Того ради за благо разсудилось, много прежде положивъ труда къ изобрѣтенію прямыхъ нашихъ стиховъ, сей новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ издать, которые и число слоговъ свойственное языку нашему имѣть будутъ, и мѣру стопъ съ паденіемъ пріятнымъ слуху, отъ чего стихъ стихомъ называется, содержать въ себѣ имѣютъ. Будежъ каковой недостатокъ и въ семъ найдется; то покорно просятся благоразумные и искусные люди, чтобъ объявить то Россійскому Собранію (б), которое всячески потщится или сомнѣнія ихъ, въ разсужденіи стиховъ, разрѣшить, или недостатки, находящіеся въ сихъ новыхъ, исправить, съ возможнымъ за таковое ихъ пріятство благодареніемъ.

А понеже въ сложеніи россійскихъ стиховъ также двѣ вещи должно знать, то есть свойственное званіе при стихѣ употребляемое и способъ какъ слагать, или сочинять стихъ; того ради свойственныя при стихѣ званія опредѣленіями объявятся, а на способъ къ сложенію стиха кратчайшія и ясныя правила положатся.

2. *Свойства новаго стихосложенія.*

Нѣкоторые, но нѣсколько, или, лучше, весьма неосновательно, толькожъ съ хитрою насмѣшкою, предлагали мнѣ, что, буде, поднявъ брови и улыбаяся говорили, сочетаніе стиховъ не будетъ введено въ новое твое стихосложеніе; то новое твое стихосложеніе не совсѣмъ будетъ походить на французское. Сіи господа знать конечно думали, что я сіе новое стихосложеніе взялъ съ французскаго; но въ томъ они только далеко отстоятъ отъ истины, коль французское стихотвореніе отстоитъ отъ сего моего но-

---

а) Говорится о стихосложеніи силлабическомъ.

б) Учреждено 1735 г., при Ак. Н., президентомъ Корфомъ. Тр—ій произнесъ рѣчь въ первомъ его засѣданіи (14 марта 1738).

ваго. Я, что сіе праведно говорю, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые французское стихотвореніе знаютъ: оные могутъ всѣмъ засвидѣтельствовать, что французское стихосложеніе ничѣмъ, кромѣ пресѣченія и риѳмы, на сіе мое новое не походитъ.

Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо, по истинѣ, всю я силу взялъ сего новаго стихотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго; и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, то поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ неискусства слагающихъ; но сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой эксаметръ и пентаметръ оныхъ выше объявленныхъ двосложныхъ тоническихъ стопъ.

Подлинно, почти всѣ званія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи; но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей оной простыхъ людей поэзіи. И такъ всякъ разсудитъ, что не можетъ, въ семъ случаѣ, подобнѣе сказаться, какъ только, что я французской версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всѣми тысячью рублями. Однако Франціи я долженъ и за слова; но искреннѣйше благодарю россіанинъ Россію за самую вещь.

Отъ вышереченнаго не можно заключить, что понеже въ стихосложеніи нашемъ нельзя быть сочетанію стиховъ, то, слѣдовательно, и смѣшенно риѳмѣ: ибо риѳма въ стихѣ, какова бъ рода и каковъ бы стихъ ни былъ, состоитъ только въ ладѣ звона, который можетъ положиться подобенъ первому чрезъ стихъ, или чрезъ два. Поляки, у которыхъ стихотвореніе во всемъ сродное нашему, кромѣ паденія и стопъ, часто и красно употребляютъ смѣшенную риѳму въ своихъ стихахъ, которую уже и я употребилъ въ одѣ моей о сдачѣ города Гданска и въ другихъ многихъ стихахъ.

Г. МНѢНІЕ О НАЧАЛѢ ПОЭЗІИ И СТИХОВЪ ВООБЩЕ (1752) (5).

Различіе между поэзіею и стихотворствомъ.

Какъ живописна картина, такъ поэзія: она есть словесное изображеніе. Преизрядно, послѣ Горація (a), уподобляется поэзія живописи; но стихъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись. Что изображено краскою, весьма есть различно отъ нея; равно и поэзія всеконечно есть не стихъ: сей есть какъ краска, а поэзія какъ изображенное ею. Чего ради, нѣкто Эризій Путеанскій

a) Въ его Ars poëtica.

написалъ основательно: иное быть піитомъ, а иное стихи слагать. Но много есть мнѣній о первоначаліи поэзіи, а о началѣ стиха почитай нѣтъ ни единаго: ибо многіе, пишучи о первоначаліи поэзіи, иногда сливали ее съ стихами. Нашъ языкъ весьма сему подверженъ, когда поэзію называетъ стихотвореніемъ, хотя впрочемъ прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ творить, вымышлять и подражать. Твореніе есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, то есть не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ или долженствуютъ; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то: твореніе, вымышленіе и подражаніе есть душа и жизнь поэмы (a); но стихъ есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ; а стихъ токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія стихами. Первое сдѣлалъ Іоаннъ Барклай въ своей Аргенидѣ и Фенелонъ въ Телемакѣ; а другое Луканъ въ описаніи Фарсалическія брани: посему первые оба піиты, хотя и прозою писали, но послѣдній есть токмо стихотворецъ, даромъ что онъ пѣлъ стихами. Сіе разумѣніе есть Аристотелево; онъ въ своей Поэзіи, переведенной Александромъ Павійскимъ, въ главѣ 7 опредѣляетъ: «Стихъ и проза не различаютъ историка съ піитомъ: ибо хотя Геродотова исторія и стихами будетъ сочинена, однако она всегда будетъ, какъ и прежде, исторіею. Но симъ они между собою разнятся, что историкъ дѣянія какъ были, а піитъ, какъ оныя быть могли—предлагаетъ».

Отъ сего, что піитъ есть творитель, вымыслитель и подражатель, не заключается, чтобъ онъ былъ лживецъ. Ложь есть слово противъ разума и совѣсти, то есть когда или разумъ прямо не знаетъ, такъ ли есть то, что языкъ говоритъ, или когда совѣсть точно извѣстна, что то не такъ, какъ уста говорятъ. Но піитическое вымышленіе бываетъ по разуму, то есть какъ вещь могла быть или долженствовала. Піитъ также есть и не мастеровой человѣкъ: всякій художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ піита. Творить по піитически есть подражать подобіемъ вещей возможныхъ, истинныхъ образу. Но другія художества рукомесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состояніи находились. «Возможность піитическая есть возможность философская, разумомъ доказываемая; но возможность художническая есть возможность равно какъ историческая, коя

a) Поэтическаго произведенія.

повѣствуется, а отъ художниковъ, будто какъ истиннымъ повѣствованіемъ, механически производится и истинно представляется». Впрочемъ, піиты называются еще и прорицателями. Древніе предали, что они о будущемъ предвозвѣщали, бывши наполнены иногда божественнымъ духомъ.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что иное есть поэзія, а иное совсѣмъ стихосложеніе. Но той и другому было между человѣками начало. Видно по всему, что поэзія родилась съ человѣками, или въ нѣкоторыхъ влита свыше по мѣрѣ ихъ силъ. Чего ради Цицеронъ въ словѣ за Архія піита утверждаетъ, говоря, «что піитъ отъ самаго естества силу себѣ получаетъ, дѣйствіемъ ума возбуждается и какъ нѣкоторымъ божественнымъ одушевляется духомъ»: ибо каждый, какъ животное разумное, можетъ творить, вымышлять и подражать, всежъ то иной способнѣе, а иной не столько. Но видно и сіе, что стихъ есть человѣческое изобрѣтеніе въ различіе обыкновенному ихъ слову. Къ сему могли найтись многія побужденія, а между прочими и отмѣна отъ всѣхъ прочихъ вѣщанія.

Д. Предъизъясненіе объ ироической піимѣ (1766) ([6]).

Сему (а) вообще надлежитъ имѣть смѣлые узоры реченій и цѣлыхъ рѣчей; быть благолѣпну и различну образами, ясну, пламенну, стремительну, сильну, сразмѣрну чувственностямъ изображаемымъ, то есть съ скорымъ дѣйствомъ вещей спѣшну, а съ медленнымъ косну; иногда грозну, иногда любезну, всегда сладостну, и нѣчто такое содержащу въ знакахъ мыслей и въ мысляхъ самихъ, которое однимъ токмо естествомъ преподается. Никогда оно да не будетъ преизбыточно надменное, напыщенное прелишно, идущее какъ на ходуляхъ, или какъ гигантовское и колоссальное, подобящееся стуку тимпанному или сонмищному крику, но да восклицаетъ рѣзкою трубы проразностію (б), или какъ лебединымъ, ярко напряженнымъ, гласомъ. Должно ему имѣть обиліе не обременяющееся чрезмѣрностію, ни непрерывнымъ нанизываніемъ сложныхъ и пресложныхъ, какъ полтора и полтретья аршинныхъ, существительныхъ именъ и прилагательныхъ, да и не упадать никогда въ повторенія; а предлагающу тѣ жъ самыя вещи, не представлять отнюдь тѣхъ же самыхъ видовъ, и еще меньше тѣми жъ самыми знаменованіями. Всѣмъ его періодамъ или округамъ надобно слухъ наполнять, при опредѣленномъ ономъ числѣ стопъ, плавнымъ, гладкимъ и сцѣпляющимся паденіемъ, преносящимъ же иногда смыслъ изъ

а) Гексаметру.

б) Рѣзкій звукъ отъ слова «проражать, проразить».

стиха въ стихъ, да и прелагающимъ, свойственно языку, чинъ сочиненія изъ мѣста въ мѣсто, изъ начала въ средину и въ конецъ, изъ средины въ конецъ и начало, и изъ самаго конца въ началю и средину цѣльныя рѣчи. Притомъ, ничего бъ въ немъ досаждающаго, жестокаго и притворственнаго не было; но да течетъ описуемое сіе слово не единственныя словесности (а) ради, ниже просто для угодности токмо: каждой бы рѣчи заставлять мыслить, а мыслямъ всѣмъ клониться бъ только къ содѣланію насъ добрыми.

Вкратцѣ, съ начала самаго до конца, достоитъ теченіе слова ироическаго литься всеконечно непресѣкаемымъ нигдѣ и ни отъ чего потокомъ. Оно есть рѣка, но рѣка подобная Волгѣ: сперва несется струею, потомъ ручіемъ, потомъ рѣчкою, вскорѣ послѣ рѣкою; возрастая жъ впадающими съ сторонъ водами, влечетъ уже токъ свой быстрый, глубокій, обширный, полный превеликимъ и предолгимъ Ниломъ, даже до самаго своего устія въ море, то есть до окончанія. Сей многотечный Евфратъ иногда есть видомъ кристальный и прозрачный, чистый и свѣтлый, а иногда шумящій, пѣнящійся и возносящійся выспрь; въ обоемъ же случаѣ, многажды, отъ осіянія зареносныхъ лучей, распещряющійся въ капляхъ своихъ радужными всепріятными различно цвѣтами, но всегда непрерывно къ предѣлу катящійся: ничто его удержать не можетъ, ни самые катаракты, или пороги, сквозь и на днѣ, и на срединѣ, и на верху проницаемые отъ струй онаго; нигдѣ не застаивается, не плѣснѣетъ, ни горкнетъ, всегда и всюду протекаетъ, отъ всего чистится, и всякаго медвенною своею и млечною сладостію напаяетъ. И да на отрѣзъ скажу, теченіе слова въ ироической піимѣ долженствуетъ быть всеконечно и всемѣрно бахарское (б).

Кому жъ изъ читателей, свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ силу, не чувствительно, что стихи, оканчивающіеся риѳмами, отнюдь не способны къ произведенію такого, какое теперь описано, теченія въ словѣ? Риѳмическіе стихи, состоящіе впрочемъ и стопами двусложными, отнюдь не могутъ продолжать непрерывнаго такого шествія, каковаго требуетъ ироическая піима, кольми жъ паче стихи не имѣющіе стопъ, кромѣ риѳмы, какъ то италіанскіе, аглинскіе, ишпанскіе, французскіе и польскіе. Ибо каждый стихъ сего состава, не терпя переносовъ изъ предъидущаго стиха въ слѣдующій, на концѣ своемъ вдругъ переламывается и чрезъ то останавливается вдругъ же. Такіе стихи суть не рѣка, текущая съ верху въ низъ, непрестанно и безпреломно,

---

а) Выраженія.

б) Отъ «бахарь» (разсказщикъ)—повѣствовательное, эпическое.

*

къ удаленному своему предѣлу: они студенецъ нѣкій, бьющій съ низу въ верхъ и дошедшій до своея близкія высоты, пресѣкается и обращается стремглавъ въ низъ паки; такъ что всякій стихъ свой порогъ собственный имѣетъ, и шумитъ на ономъ. Коль бы стихи съ риѳмами ни гремѣли, въ началѣ своемъ и срединѣ, мужественною трубою; но на концѣ пищатъ токмо и врещатъ дѣтинскою сопѣлкою. Согласіе риѳмическое отроческая есть игрушка, недостойная мужескихъ слуховъ. Вымыслъ сей оледенѣлый есть готическій (а), а не еллинское и латинское, благораствореннымъ жаромъ блистающее и согрѣвающее окончательство.

Е. ТИЛЕМАХИДА (1766) (7).

1. Описаніе пещеры, или входа въ адъ (8).

Въ сей тугѣ (б) предпріялъ сойти онъ въ Тартаръ подземный
Славномъ при храмѣ, не бывшемъ весьма отдаленномъ отъ стана.
Именованіе мѣсту тому Ахеронтіа (в) было,
Тѣмъ что самая страшная тутъ находилась пещера,
Изъ которыя сходъ на брега лежалъ Ахеронта,

а) Средневѣковой и нѣмецкій.

б) Горесть.

в) Городъ въ Апуліи, расположенный на горѣ; при подошвѣ ея находилась пещера, въ которую вливался Ахеронъ и которую поэты называли входомъ въ адъ.

Коей боги рѣкой заклинаться сами боялись.
Храмъ стоялъ на горѣ дикокаменный, очень высоко,
Какъ орлино гнѣздо на вершину древа взнесено.
При подошвѣ горы тоя пещера зіяла,
Къ коей страшливы смертные тамъ приближаться не смѣли.
Пастыри тщались всегда отвращать оттуду въ даль стадо.
Сѣрная мгла изъ Стигійскаго блата (г), дыша непрестанно,
Чрезъ отверстіе то весь воздухъ вдругъ заражала.
Окрестъ же не расло ни былинки, ни травочки малы;
Не было тамъ никогда зефирныхъ вѣяній сладкихъ,
Ни благолѣпностей новыхъ тѣхъ, что весна возраждаетъ,
Ни богатыхъ даровъ, подаемыхъ отъ есени (д) плодны.
Гнусной на сухости тамъ земли ничего не родилось:
Видимъ былъ нѣгдѣ рѣдкій кустарникъ терновника гола,
Да кипарисики, тамъ и тутъ, смертоносные зрились,
И въ дали кругомъ не давала богиня Гимитра (е)
Потнымъ оратаямъ жатвъ обильныхъ златоспѣлыхъ.
Всуе Вакхъ плоды всегда свои обѣщаетъ:

г) Озеро или рѣка (Стиксъ), которой ядовитая вода умерщвляла всѣхъ, ее пившихъ.

д) Осень.

е) Церера.

Кисти гроздовъ засыхали тамъ, а не созрѣвали,
Чистыми не текли струями водъ бѣдны Наяды:
Волны ихъ всегда ліются и горьки и мутны.
Птички притомъ никогдажъ не поютъ на землѣ той безплодной
И не находятъ рощицъ себѣ къ убѣжищу на ночь:
Пѣть отлетаютъ любовь свою подъ небо кротчайше.
Краканій голосы слышимы тутъ отъ врановъ единыхъ,
Да отъ совъ еще зывыванія страшно плачевны.
Тамъ и трава горька всегда, и стада, ту ядущи,
Не имѣли того никогда веселія сладка,
Кое приводитъ ихъ къ утѣшнымъ по зелени скокамъ.
Самъ телецъ отъ телицы бѣжалъ; а смущенный воловикъ (а)
Позабывалъ цѣвницу свою и сопѣль рѣзкогласну.

Изъ пещеры тоя исходилъ, временамъ-то по разнымъ,
Черный дымъ и густой, содѣвавшій нощь посредѣ дня.
Ближніе жители жертвы тогда тамъ усугубляли,
Да утолить тѣмъ возмогутъ они гнѣвъ божествъ преисподнихъ.
Но тутъ многажды люди, сущіе юности въ цвѣтѣ,
Тѣмъ божествамъ бываютъ пожерты язвой тлетворной.

а) Волопасъ, пастухъ.

2. Изображеніе Плутона и другихъ адскихъ предметовъ.

Былъ Плутонъ на престолѣ сѣдяй изъ чернаго древа;
Блѣденъ зракъ его и суровъ, сверкающи очи,
Тѣжъ и впадши еще, а чело и браздисто и грозно.
Видѣть ему человѣка жива такъ ненавистно,
Какъ досаждаетъ свѣтъ глазамъ всѣхъ оныхъ животныхъ,
Кои изъ логовищъ не исходятъ, какъ нощію токмо.
Посторонь отъ него сидѣла тамъ Персефона (б),
Коя взоры его одна на себя привлекала,
И, казалось, нѣсколько сердце его умягчавша,
Новую та всегда красоту на лицѣ стяжавала;
Но къ пріятностямъ божескимъ тѣмъ придавша, являлась
Нѣчто жестокое, что воспріяла она отъ супруга.
Тамъ на низу, при престолѣ, стояла смерть цвѣтоблѣдна,
Дивище мозгло (в), мослисто (г), и глухо, и нѣмо, и слѣпо;
Та въ рукахъ имѣла свою преострую косу,
Кою еще изощряла оселками всю непрестанно.
Окрестъ ея летали черны и мрачны Печали;

б) Прозерпина.
в) Хилое, болѣзненное.
г) Костисто, отъ «мосолъ», «мослякъ».

Лютыя и Недовѣрности (а); кровь истощающи Мести,
Тѣжъ изранены всѣ; и Ненависть несправедлива;
И Сребролюбіе, кое само себя угрызаетъ;
И Отчаянность, рвуща себяжъ своими руками;
И Любочестіе со Властолюбіемъ гордымъ безумно,
Кои ниспровергаютъ все и преобращаютъ;
Тутъ и Предательность хитрая, сильно жаждуща крови,
А не могуща себѣ получить ни малыя пользы;
Зависть притомъ свой смертный ядъ изблевающа гнусно
И въ бѣсноту приходяща, вредить что не возмогаетъ;
Се и Нечестіе пропасть себѣ бездонну копаетъ,
Само въ котору стремглавъ низвергается, ставъ безъ надежды;
Мерзки страшилища и весьма привидѣнія страшны,
Мертвыхъ собой представляющи, да живыхъ испужаютъ;
Тщетныя и сновидѣнія и безсонницы люты,
Тожъ по толику, сны по колику опечаляютъ.
Сіи смертельны призраки всѣ окружали Плутона
И наполняли палату, въ которой онъ обитаетъ.

а) Недовѣріе, сомнѣніе.

[1]) „Ѣзда въ островъ любви". Переведена съ французскаго на русскій, чрезъ студента Василія Тредіаковскаго. Напечатана 1730. Подлинникъ ея — Voyage de l'île d'Amour, ou la Clef des coeurs, 1663", 2 ч. стихами и прозой. Это — аллегорическое сочиненіе, описывающее прелести и опасности любви. Здѣсь являются миѳологическія божества и олицетворенныя отвлеченныя понятія: любовь, разумъ, чувство, почтеніе, предосторожность, безпокойство и проч. Островъ Любви помѣщенъ близь береговъ Африки, на Атлантическомъ океанѣ. Главное дѣйствующее лице — Аминта. Авторъ книжки — Paul Tallemant, сочинившій ее на 19-мъ г. отъ роду, выбранъ былъ за то въ члены французской академіи, куда не поступали еще ни Лафонтенъ, ни Расинъ (уже авторъ нѣсколькихъ трагедій), ни Буало (уже авторъ семи сатиръ): такъ сильно былъ развитъ вкусъ къ аллегорическимъ повѣствованіямъ. Поэтому Тредьяковскій въ предисловіи говоритъ, что книжка „учинила великую своему творцу славу, которая всѣмъ охотникамъ и въ мою бытность (*въ Парижѣ, 1728—30 г. г.*) была памятна". Переводъ посвященъ кн. Куракину, посланнику нашему во Франціи, которому Тредьяковскій былъ много одолженъ.

[2]) Посвящена Бирону. Къ ней приложено Разсужденіе объ одѣ вообще, заимствованное значительною частію изъ сочиненія Буало: „Discours sur l'ode". Написанная силлабическими стихами, она въ послѣдствіи переложена на тоническій размѣръ, и въ этомъ видѣ явилась въ Сочиненіяхъ и переводахъ Тред-го, 2 ч. (1752). Стихотвореніе это—близкое подражаніе одѣ Буало: Sur la prise de Namur; нѣкоторыя строфы (1, 2, 3 и 4)—почти чистый переводъ. Гданскъ—Данцигъ, осажденный русскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Миниха, во время польской войны, сдался 19 іюня 1734 г.

[3]) „Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ знаній. Спб. 1735". Тред—ій, первый,

далъ правила тоническаго стихосложенія.

„Способъ“ начинается различеніемъ двухъ предметовъ въ поэзіи: матеріи (или дѣла) и версификаціи. За тѣмъ слѣдуютъ опредѣленія, содержащія въ себѣ свойственное званіе при стихѣ употребляемое (т. е. объясненіе общихъ принадлежностей стиха), и правила, излагающія способъ къ сложенію стиховъ русскихъ; далѣе о вольности стихотвореній, о риѳмѣ и о сочетаніи стиховъ. Въ заключеніи помѣщены примѣры на новые стихи. Впослѣдствіи Тред—ій значительно передѣлалъ свое сочиненіе, которое и напеч. въ 1-мъ т. Сочиненій и Переводовъ (1752).

4) Грамматика Мелетія Смотрицкаго (1619), изданная также въ Москвѣ 1648 г. Максимовскою называется она потому, что въ концѣ московскаго изданія приложено издателями разсужденіе Максима Грека о пользѣ грамматики, реторики и философіи. Смотрицкій, какъ извѣстно, хотѣлъ ввести къ намъ древнее греколатинское (метрическое) стихосложеніе.

5) Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ, помѣщенное въ 1-мъ т. Сочиненій и переводовъ, Тред—ій называетъ своимъ, хотя въ немъ есть выписки изъ Фонтенеля и Ролленя.

6) „Предъизъясненіе объ ироической піимѣ“, помѣщенное передъ Тилемахидой и содержащее въ себѣ господствовавшую въ то время теорію героическаго эпоса, есть почти чистый переводъ франц. сочиненія: „Discours sur poëme épique“, которое печаталось передъ Телемакомъ въ нѣкоторыхъ его изданіяхъ. Написано оно Рамсаемъ (Ramsay), членомъ лондонскаго королевскаго общества, шотландцемъ, который, прибывъ во Францію, перешелъ, по совѣту Фенелона, изъ англиканизма въ католицизмъ и съ тѣхъ поръ сдѣлался жаркимъ поклонникомъ творца „Телемака“ и былъ издателемъ его сочиненій. Сообразно тогдашнимъ воззрѣніямъ, Рамсай ставитъ Телемака, за его нравственно-христіанское направленіе, эшвы поэмъ Гомера. Но разсужденія объ эксаметрѣ или принадлежитъ самому Тред—му или заимствованы имъ изъ другихъ источниковъ.

7) Содержаніе (или „перечневую силу“) Тилемахиды Тред—ій изложилъ слѣдующимъ образомъ: „Тилемахъ, возбужденный любовію къ отечеству и отцу, отбылъ изъ дому, и отправился моремъ искать невозвратившагося отъ брани троянскія своего родителя, коего отсутствіе было причиною многихъ и великихъ несчастій домочадству его и царству. Подвергается путешествующій сынъ всякороднымъ бѣдствіямъ; отмѣняетъ себя и въ славу приводитъ ироическими добродѣтелями; да и отрицается отъ царствованія, и отъ престоловъ знаменитѣйшихъ придворнаго. Въ томъ проходя многія незнаемыя и чужія земли, научается всему, что потребно къ державствованію нѣкогда по благоразумію Одиссееву, по благочтивости Еніевой, и по мужеству обоихъ, какъ мудрому политику, государю боголюбивому, и какъ ирою совершенному“.

8) Изъ 18-ой книги (всѣхъ книгъ 24), содержаніе которой слѣдующее: Телемакъ, увѣренный сновидѣніями, что отецъ его, Одиссей, не находится уже на землѣ, рѣшился искать его въ подземномъ царствѣ. Въ сопровожденіи двухъ критянъ, тайно выходитъ онъ изъ стана и достигаетъ храма, построеннаго близь пещеры, въ которую Ахеронъ вливалъ свои воды. Онъ вступаетъ въ пещеру и приходитъ на берегъ Стикса, откуда Харонъ перевозитъ его въ Тартаръ. Здѣсь Телемакъ видитъ мученія, которымъ подвергаются неблагодарные, клятвопреступники, лицемѣры и злые цари.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ:

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

XXIV.

ЛОМОНОСОВЪ.

А. ИЗЪ ОДЫ НА ВЗЯТІЕ ХОТИНА (1739) (1).

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ (2),
Ведетъ на верхъ горы высокой (а),
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ (б) молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку!
Пермесскимъ (в) жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды,
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ:
Къ россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, тьмы татаръ;
Скрываетъ небо конскій паръ.
Чтожъ въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся.

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ, гонитъ страхомъ:
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ, извившись, сильнымъ махомъ.

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ
И, съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ

а) Пиндъ.

б) Кастальскій источникъ.

в) Отъ рѣки Пермеса (въ Віотіи), воды которой вдохновляли поэтовъ.

И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы (а),
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябь,
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ, своихъ заграбь (б),
Что камни съ береговъ сдираетъ (в);
Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи—равенъ путь.
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ (г) тамъ полки орлины.

Пускай земля, какъ Понтъ, трясетъ,
Пускай вездѣ громады стонутъ,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонутъ;
Но вамъ не можетъ то вредить,
О Россы! васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для счастливой Анны.
Уже вашъ къ ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозь татаръ
И путь отворенъ вамъ пространный.

а) Агари (отсюда агаряне).

б) Т. е. грабь, Стамбулъ, за холмами, за Тигромъ.

в) Тигръ теченіемъ своимъ уноситъ съ береговъ камни.

г) Доступятъ.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взять купно свѣтъ и духъ татарамъ.
Изъ лывъ (д) густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ турецкій полкъ.
Иной, въ послѣдни видя зорю,
Закрой, кричитъ, багряной видъ
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ!
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю!

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце ноетъ?
Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь,
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны (е)?
И персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны (ж)?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ готскимъ (з) приплывалъ брегамъ,

д) Лыва—густой лѣсъ.

е) Стѣны Азова, взятаго Петромъ I.

ж) Походъ Петра въ Персію.

з) Шведскимъ.

Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ деннпцу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зрить на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?
Каспійски воды, сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ тутъ герой:
Нетщетно я съ тобой трудился,
Нетщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

Крутитъ рѣка татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечъ и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже, тряхнувшись, легкій листъ
Страшитъ его какъ ярый свистъ
Быстро (3) сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль росская ужасна сила.

Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;
Ярясь, волнами Турка льетъ,
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь.
И чаетъ, что уже теперь
Въ послѣдній разъ заноситъ ногу,
И что земля его носить
Не хочетъ, что (а) не могъ покрыть.
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотчасъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злился,
Какъ тигръ на россій полкъ скакалъ;

а) Которую.

Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

В. ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ІОВА (ГЛ. 38—41) (1).

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:
«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ (а)
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!
Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ?
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ?

а) Порядкѣ.

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный (б) вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?
Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ ли адовы уста?
Стѣсняя вихремъ облакъ (в) мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ (г)
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?
Твоей ли хитростью (д) взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ (е) видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и въ пропастяхъ глубокихъ

б) Попутный, благопріятный.
в) Цер. слав. муж. рода.
г) Стихъ звукоподражательный
д) Искусствомъ.
е) Отъ облаковъ.

Что я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты ль создалъ?
Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?
Ты можешь ли Левіаѳана (а)
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ,
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.
Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ:
Для крѣпости великихъ силъ,
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.
Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль, въ горнилѣ раскаленный;
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?
Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?
Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть;
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

а) Крокодилъ.

В. УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ. (1743).

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приблизившись воззрѣть:
Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.

О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, безсмертный Царь.

Г. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ (1743), (5).

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества
Тамъ равна (а) сила естества.
Но гдѣжъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ (б) странъ встаетъ заря (в)!
Не солнцель ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдистыль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ:
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,

а) Одинакова.
б) Сѣверныхъ.
в) Сѣверное сіяніе (Aurore boréale).

Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Д. НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ (1747) ([6]).

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ морѣ за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на троиъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно (а) тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
И ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ (б) пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:

а) Довольно.
б) Море.

Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами —
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная (а) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ (б) рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой гордости Парнасъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,

а) Недоумѣвающая.

б) Внявъ.

Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ;
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе (а) злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напаяетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.
Коль многи, смертнымъ неизвѣстны,
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону (б)
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.
Тамъ, тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ;
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ

а) Искусство.

б) Завѣсу.

Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва (а) ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ изъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на-единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

а) Минерва никогда не растворяла подземнаго убѣжища Плутонова. Это приписываютъ Нептуну. Вмѣсто Плутона слѣдовало бы поставить Плутуса (бога богатства и драгоцѣнныхъ металловъ).

Тебѣ, о милости источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

Е. ИЗЪ ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ (1749) (7).

1. *Приступъ.*

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о сладчайшемъ ея имени, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ея владычества и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы, коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующими видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ обильною жатвою благословенныхъ, при моряхъ

отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею самодержицею хвалятся! Тамъ, со благоговѣніемъ предстоя алтарю Господню, чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы; индѣ, по совершеніи жатвы при собранныхъ безмятежно рукоятѣхъ (а) ликуя, скачутъ земледѣльцы и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, достигая безопаснаго пристанища, въ радости волненіе воспоминаютъ и пестрые знаки празднества надъ колеблющимися водами распростираютъ; индѣ, по пространнымъ полямъ азійскимъ разъѣзжая, степные обитатели хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которые наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присутствіемъ всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое ея лице обращается и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе, примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи сіяющія видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія на-

а) Рукоять—снопъ.

укъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ ея великодушіемъ обновленное (а)? Начертаннаго въ душахъ нашихъ божественнаго ея зрака ни горы, ни лѣсы закрыть не могутъ. Обращаются предъ нами живо ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить, и очи человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, не щадя своихъ сокровищъ; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному предстателю изъ своихъ ближайшихъ (б) есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ и превознося великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ язъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день, пресвѣтлому ея тезоименитству посвященный, въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется? Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить монаршескія ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣяніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но, разсудивъ прилежно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскать краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе распространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой, щедротами ея ободренный, удобнѣе обращаться; когда голосъ мой, великодушіемъ ея укрѣпленный, громчае возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя ея достоинства? Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ или пестрымъ преложеніемъ рѣчей украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово; но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою кра-

---

а) Ак. Наукъ, получившая новый уставъ въ 1747 г.

б) Гр. К. Г. Разумовскому, президенту Ак. Наукъ.

соту отъ прекрасныхъ ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ ней искренніія ревности приметъ. Ибо приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради; приносится благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами ея преславныя побѣды; приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе ея злодѣевъ; приносится благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предпріемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія; приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой: свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость; приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество освобожденныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ кровію еще необагренный; приносится благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтельствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости и возстановленіе несчастіемъ разоренныхъ. Во пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны. Изо всѣхъ явствуетъ, коль благороденъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтельми виноградъ произрасши процвѣтаетъ. Изо всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были ея предки, которыми оживленная, возставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ отечеству не меньше надлежатъ къ похвалѣ ея величества, нежели кровь оныхъ къ ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила, для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго разоренные храмы, собирающаго расточенныхъ гражданъ, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго Алексѣя, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церковь истребле-

ніемъ ереси, простирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сармацію, и Россіи издревле принадлежащія великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я Петра, именемъ Великаго, дѣлами большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ героиню прекрасную августѣйшую Екатерину, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ непоколебиму духомъ, премудрому государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ его рукою и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла многотрудившагося россійскаго Геркулеса на рамена пріемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ истощитъ всю свою силу, не исчисляя подробно, но токмо знатнѣйшія представляя.

2. Польза наукъ.

Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, который бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ, поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы его престолъ взирать мысленно, и проповѣдывать его величество, премудрость и силу? къ сему отворяетъ Астрономія пространное рукъ его зданіе, весь видимый міръ сей, и чудныхъ дѣлъ его многообразную хитрость Физика показуетъ, подая обильную и богатую матерію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду къ взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? сіе ясно показуетъ Географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ героевъ? сіи приводитъ на память Исторія и Стихотворство, которое, прошед-

шія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ; обоими прехвальныя дѣла великихъ государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ непрелестный путь произволенію (а), укрощаетъ человѣческія страсти и естественные и гражданскіе законы утверждаетъ? сіе исполняетъ Философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? обои сіи Медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ махинъ, и знанія внутренняго вещей сложенія? сіе открываетъ Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ сіи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣянія въ Россіи умножатся, процвѣтутъ и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произрастетъ здѣсь насажденное Петромъ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго родителя дщери, прекрасное премудрости древо; возрастетъ и вѣтви свои распрострется по всей вселенной. Отверста богатою ея величества рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ, во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ, и въ новомъ великолѣпіи на нечаянной высотѣ, на самомъ верху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной ея величества державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій, гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ, великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верхахъ и въ нѣдрахъ горъ, выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ полныхъ дивными Божіими чудесами, подъ Елисаветиною державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимою ея силою огражденной? О коль великое благодѣяніе

а) Истинный путь волѣ.

отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространится! о коль вождѣленно благополучіе ваше, россійскіе юноши, которые, толикою милостію щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представьте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что августѣйшая императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: Обучайтесь прилежно: Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую желаю (а); поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Неописаны еще дѣла моихъ предковъ, и невоспѣта по достоинству Петрова великая слава: простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію и ревностно старайтесь заслужить мою милость. Сіе щедрое ея величества повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ. И вы, которымъ входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго ея дому, строящіе и управляющіе флотъ россійскій съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли и къ нимъ бы любовію склонялись.

а) Относится къ тому положенію новаго академическаго устава, по которому адъюнкты долженствовали быть всѣ изъ русскихъ.

Ж. ОДА БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ (1750). ([8]).

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верхъ Олимпа вознесенъ!
Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

Чтожъ се? Діанѣ я прекрасной
Уже послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
Уже и купно со денницей

Великолѣпной колесницей
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непонятно!
Благополученъ многократно,
Когда нетщетнымъ сномъ я льщусь!
Престань сомнѣньемъ колебаться,
Смятенный духъ мой, и повѣрь:
Неложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова дщерь
Къ наукамъ матерски снисходитъ,
Шедротою въ восторгъ приводитъ.
Ты, муза, лиру пріими,
И чтобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.
Гдѣ, древнимъ именемъ Славена (а)
Гордяся, пролились струи,
Тамъ, видя Нимфа изумленна
Украшены луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ,
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ.
Но, кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
То само небо созидаетъ,
Или Петровой дщери власть (б).
Рекла—и, влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пѣною въ травѣ.

а) Рѣка Славянка, впадающая въ Неву. Л—въ производитъ ея имя отъ Славена.

б) Елисавета, въ 1744 г., перестроила по новому плану Царское Село. Л—въ заставляетъ р. Славянку разсказывать Невѣ объ этомъ преобразованіи, объ украшеніи города садами и произведеніями искусствъ. Разсказъ заключается въ 9 строфахъ.

Во храмъ, сіяющій металломъ,
Предъ тронъ, украшенный кристалломъ,
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ (в), вѣщаетъ, облеченной,
Владычицѣ россійскихъ водъ:
«Рѣка, которой проливаютъ
Великія озера дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты счастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ красить новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій (г),
Который изъ рая течетъ.
Мои источники вѣнчаетъ
Едемской равна красота,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста;
Поля, гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошствуетъ природа,
Искусствомъ рукъ побуждена.
Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивится,
Увидѣвъ то, чѣмъ Индъ пестрится
Обильно при моихъ ключахъ.

в) Виссонъ—драгоцѣнная ткань.

г) Преданіе полагало истокъ Нила въ раю.

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день,
Отъ знойной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
Гдѣ вѣтви преклонясь зелены,
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Отводятъ жаркіе лучи.
Но коль великая отрада
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!
Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода
И орошать скаканьемъ поля;
Однако ежель оной воля
Охоту ободритъ мою,
Великой въ похвалу богинѣ
Я воды обращу къ вершинѣ,
Речетъ—и къ небу устремлю.
Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣшать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь (а).
Какъ если зданіемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число,
Созвѣздіемъ являться яснымъ
Достойно Сарское село.
Чудовища, что легковѣрнымъ
Стремленьемъ древность и безмѣрнымъ
Поднявъ на твердь, вмѣстила тамъ,
Укройтесь за предѣлы свѣта:
Се зиждетъ здѣсь Елисавета
Красу приличну небесамъ.
Великія Семирамиды
Разсыпана окружность стѣнъ,
И вы, о горды пирамиды,
Чѣмъ Нильскій брегъ отягощенъ,
Хотябы чувства вы имѣли
И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зрѣли,
Вамъ не было бы тяжко то,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ созидали человѣки,
Здѣсь зиждетъ само божество.
Великолѣпными верхами
Восходятъ храмы къ небесамъ,
Изъ нихъ пресвѣтлыми очами
Елисаветъ сіяетъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ страны взираетъ,
И на-единѣ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ свой.
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зритъ лежащи
Поля и грады подъ собой».
О коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
То чувствовалъ и нынѣ Парнассъ,
Какъ ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла матерски къ нему.
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу твоему!
Что дымъ и пепелъ отрыгая,

а) Описаніе охоты, которую любила Елисавета, почему въ началѣ она и сравнивается съ Діаной.

Мрачилъ вселенну Энцеладъ,
Реветъ подъ Этною рыдая
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаяньи трясется яромъ,
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрытъ горою,
Безъ пользы движется подъ тою
И тщетно силится возстать (а).
Такъ варварство твоимъ перуномъ
Уже повержено лежитъ,
Когда при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ музъ твой слухъ звучитъ.
Востокъ и западъ наполняетъ
Хвалой твоей и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы, счастливыя науки!
Прилежны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ.
Вездѣ изслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елисаветъ.
Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блата изсуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ дщери соверши.
Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И, что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой;
Отечества умножить славу
И вящше укрѣпить державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ (б);
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.
Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси посреди лучей
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо въ вѣчну славу Ей
Сіяла новая планета.
Россійскаго пространства свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села ею же блаженны,
Географія, покажи.
Наука легкихъ метеоровъ,
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй:
Чтобъ ратай могъ избрати время,
Когда землѣ повѣрить сѣмя,
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы, не боясь погоды,
Съ богатствомъ дальни шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.
А ты, возлюбленная Лира,
Правдивымъ счастьемъ веселись,
Къ блистающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись,

а) Въ борьбѣ съ гигантами, Юпитеръ на Энцелада навалилъ Этну.

б) Т. е. производи, силою своею, предметы въ томъ видѣ и цвѣтѣ, въ какихъ производитъ ихъ природа.

И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Ктобъ равенъ былъ Елисаветѣ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля и вѣтры и валы!

3. ИЗЪ ПРОГРАММЫ ФИЗИКИ (1750). ([9]).

Смотрѣть на роскошь преизобилующія натуры, когда она, въ пріятные дни наступающаго лѣта, поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ; когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды съ тихимъ журчаньемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность; слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ есть чудное и восхищающее увеселеніе. Ожидать плодородія отъ полей и садовъ, въ потѣ лица посѣянныхъ и насажденныхъ, взирать на зыблющіеся желтые класы и на плоды, обременившіе вѣтви и руку господина своего уже къ себѣ привлекающіе, есть сладчайшая и трудъ понесенный въ забвеніе приводящая надежда. Собирать полныя рукоятіи (а) благословенныя жатвы и зрѣлые плоды неповинною рукою, и тѣми наполнять гумна и житницы свои, вожделѣнное и безопасностію огражденное есть удовольствіе. Но высшее всего и сердце и умъ нашъ къ небу возводящее спасительное есть дѣло—представлять въ умѣ своемъ непостижимое величество и непонятную премудрость Всевышняго зиждителя, показавшаго намъ сіе толь дивное позорище, сложенное изъ различныхъ тварей, на увеселеніе и пользу нашу, и за сіе благодарить его щедротѣ.

Сіи суть истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимущества, которыми хвалятся древніе вѣки, успокоившіе первыхъ обитателей вселенныя, и которыми, можетъ быть, и нынѣ нѣкоторые, препровождая неповинную и безмятежную жизнь, услаждаются.

Но хотя они толь пріятны, вождѣленны, полезны и святы; однако могутъ приведены быть въ несравненно высшее достоинство, чего должно искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества происходятъ. Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и самую причину движенія, не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству и хвалитъ самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на

а) Снопы.

внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы; натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она почти умерщвленныя отъ зимняго хладу древа весною паки оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умаляетъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь ниспускаетъ, зажигаетъ молніи и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ и прочія удивительныя дѣйствія производитъ: коль вящшее увеселеніе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только на внѣшній видъ вещей смотритъ, и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ (а). Кто таковыя мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ, въ гражданскихъ или домостроительскихъ предпріятіяхъ, въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ оканчеваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительныя натуры въ произведеніи самихъ оныхъ вещей (б). Но кто притомъ представляетъ еще всесильнаго строителя и начальника натуры, взираетъ просвѣщеннымъ и проницающимъ окомъ въ сокровенныя внутренности многообразныхъ тварей, видитъ взаимнымъ союзомъ соединенныя и стройнымъ чиномъ расположенныя ихъ части, таинства инымъ несвѣдомыя, въ которыхъ непостижимая Зиждителева премудрость тѣмъ великолѣпнѣе является, чѣмъ тончае есть оныхъ строеніе; тотъ не токмо легкими крылами благоговѣнія къ небу восхищается, но и самъ якобы въ нѣкое обоженіе приходитъ (в).

а) Пріятность, доставляемая наукой.

б) Практическая польза естествознанія.

в) Святость естественныхъ наукъ, согласіе знанія съ чувствомъ религіознымъ.

И. ИЗЪ СЛОВА О ПОЛЬЗѢ ХИМІИ (1751). (1°).

Вступленіе.

Разсуждая о благополучіи житія человѣческаго, слушатели, не нахожу того совершеннѣе, какъ ежели кто пріятными и безпорочными трудами пользу приноситъ. Ничто на земли смертному выше и благороднѣе дано быть не можетъ, какъ упражненіе, въ которомъ красота и важность, отнимая чувствіе тягостнаго труда, нѣкоторою сладостію ободряетъ; которое, никого не оскорбляя, увеселяетъ неповинное сердце; и умножая другихъ удовольствіе, благодарностію оныхъ возбуждаетъ совершенную радость. Такое прі-

ятное, безпорочное и полезное упражненіе гдѣ способнѣе, какъ въ ученіи сыскать можно? Въ немъ открывается красота многообразныхъ вещей и удивительная различность дѣйствій и свойствъ, чуднымъ искусствомъ и порядкомъ отъ Всевышняго устроенныхъ и расположенныхъ. Имъ обогащающійся никого не обидитъ: за тѣмъ что неистощимое и всѣмъ обще предлежащее сокровище себѣ пріобрѣтаетъ. Въ немъ труды свои полагающій не токмо себѣ, но и цѣлому обществу, а иногда и всему роду человѣческому пользою служитъ. Все сіе коль справедливо, и коль много ученіе остроуміемъ и трудами тщательныхъ людей блаженство житія нашего умножаетъ, ясно показываетъ состояніе европейскихъ жителей, снесенное (а) со скитающимися въ степяхъ американскихъ. Представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ. Представьте, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ: другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинство языкомъ изъясняетъ; но и чувствамъ нашимъ отнюдь неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетѣ происходить не умѣетъ: другой не токмо черезъ величину тягость безъ вѣсу, черезъ тягость величину безъ мѣры познаваетъ, не токмо на земли неприступныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ, но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекущее движеніе, и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своея жизни, или краткаго вѣку дѣтей своихъ показать не знаетъ: другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и почти безчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ, но и многія будущія точно предвозвѣщаетъ. Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею соединилось, страшнаго звѣря или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ: другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу. Поставьте человѣка, листвіемъ или сырою звѣриною кожею едва наготу свою прикрывающаго, при одѣянномъ златотканными одеждами и украшенномъ блистаніемъ драгоцѣнныхъ камней, поставьте поднимающаго съ земли случившійся камень или дерево, для своей отъ непріятеля обороны, при сnбадѣнномъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ, и мол-

а) Сличенное.

ніи и грому подражающими махинами. Поставьте за востроватымъ камнемъ тонкое дерево со многимъ пòтомъ едва претирающаго, при употребляющемъ сильныя и хитросложенныя махины къ движенію ужасныхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному измѣренію и раздѣленію величины, вѣсу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на пловущаго черезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ, и на стремящагося по морской пучинѣ на великомъ кораблѣ, надежными орудіями укрѣпленномъ, силою вѣтра противъ его же самого бѣгущемъ, и вмѣсто вождя камень по водамъ имѣющемъ: не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется, другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ? Толь великую приноситъ ученіе пользу, толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ, толь пріятно есть красоты его наслажденіе!

I. ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ШУВАЛОВУ О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА (1752). ([11]).

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той (а) съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь.
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ я, оное хваля, воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить.
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ и хляби затворилъ,
Въ которы океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,

а) Для пользы: извѣстно, что Л—въ завелъ фабрику разныхъ стеклянныхъ издѣлій.

И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса,
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этна въ правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ, отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.

———

Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть;
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть—
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?

———

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?

———

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,

Что Богъ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ, и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

К. ПИСЬМА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

1 (а).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, Ваше Превосходительство, мнѣ въ

а) Писано по поводу опасеній Шувалова, что Л—въ, получивъ въ награду имѣніе, станетъ меньше заниматься науками. Оно прекрасно выражаетъ врожденную любовь къ знанію, которой не могли заглушить никакія препятствія.

*

самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ (а), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти неопреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотриде, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожны, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнилибъ, что музы.... кого хотятъ, того и любятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боиля (б), который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа (в), который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана (г), въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлин-

а) Заиконоспасское училище въ Москвѣ.

б) Англійскій физикъ.

в) Философъ, у котораго Л—въ учился въ Марбургѣ.

г) Ирландскій медикъ.

говъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михаилъ Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга. Маія 10 дня 1753 года.

2 (а).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Полученное вчерашняго числа отъ 24 Маія письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнный знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ, оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакого знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину), имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами: для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы. Нынѣ, имѣя къ тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ? Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ

а) Отвѣтъ на письмо Шувалова, который удостовѣрился, что Л—въ наукъ не оставитъ. Л—въ, благодаря за эту увѣренность, представляетъ вмѣстѣ и отчетъ о своихъ занятіяхъ.

охота требуетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ: первый, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе, примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число тогоже мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюся. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію (a), то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и Исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Впрочемъ, удостовѣряясь многократно, коль охотно слушаете Ваше Превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ Вашего Превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электриче-

a) Ораторія (см. предисловіе къ Риторикѣ Л—ва).

скіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить Ваше Превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость, такъ что для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего дворца столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что всѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣла. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга Маія 31 дня 1753 года.

3 (а).

Милостивый Государъ Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ тоже самое время. Сего іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною спаривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобъ я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а притомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: профессора громомъ за-

---

а) Писано по случаю смерти профес. Рихмана. Въ томъ же году Л—въ сочинилъ «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ», въ которомъ упоминаетъ о несчастномъ событіи.

шибло. Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ, я увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лице того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена, и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно, однако на шестъ съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и Вашего Превосходительства всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ Михайла Ломоносова.

С.-Петербургъ 26 Іюля 1753 года.

4.

Милостивый Росударь Иванъ Ивановичъ!

Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Су-

мароковымъ! то есть сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другаго не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера (а) для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, не смотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ пользу отечеству; я по моему малому таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома, и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую, дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти: постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая

а) Таубергъ—совѣтникъ академической канцеляріи; Миллеръ—академикъ.

отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю

ВашегоВысокопревосходительства
униженный и покорный слуга
Михайло Ломоносовъ.

1761 года Января 19 дня.

Л. ИЗЪ ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ (1755) ([12]).

1. *Предложеніе предмета слова и раздѣленіе.*

Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображеніями; давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными восклицаніями; наипаче, когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ своея къ намъ божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ, оставивъ боязливое сомнѣніе и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить или паче истощить на похвалу нашего героя. Сіе предпринимая, откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оные явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неизсчетныхъ и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые, славою его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа пріиму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчис-

лить, если бы только исчислить возможно было (а).

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

2. *Устройство флота.*

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели: посмотримъ тамъ дѣла Господни и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

ПространнаяРоссійскаядержава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища, плаватель удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы россійской; индѣ другой Тифисъ (б) между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соеднинить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила россійскихъ флотовъ по толь многимъ морямъ въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія, нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюб-

а) Отъ словъ: «Того ради» подражаніе Плинію Младшему, написавшему похвальное слово Траяну.

б) Сынъ Нептуна, кормчій корабля Арго, на которомъ плыли Аргонавты.

ныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать: подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ и на морской глубинѣ показать Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего царскаго дома, при знатныхъ чинахъ россійскаго государства и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорнще предъ очами всего свѣта, когда съ начала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря, увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства и, сокрывъ величество своея особы между простыми работниками, въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать, но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ воз-

будилось, когда увѣдали, что не простой то былъ россіянинъ, но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ великій государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ. Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки; я къ вамъ обращаюсь, счастливые берега, освященные Петровыми стопами и пòтомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготовленные члены, нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотрѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, одобреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства раченіемъ его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутоми-

мой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!

3. *Дѣятельность Петра. — Заключеніе.*

За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ его путешествія или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь кораблей его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная (а), Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба (б), Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ (в) и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите: я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда, предъ другими велики, однако предъ Петромъ малы. Иной за-

а) Западная и Сѣверная.

б) Одеръ, Эльба.

в) Темза, Рейнъ.

воевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ Его и потекутъ воды; прикоснется горамъ—и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ. Божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю (а).

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ Отцемъ отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь, всемилостивѣйшую государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ, Боже, награди, Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наслѣдникъ; правнукъ по желанію нашему родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

М. Изъ слова о происхожденіи свѣта (1756) (б).

Испытаніе натуры трудно, слу-

а) Отъ словъ: «Иной завоевалъ...» подражаніе Плинію.

б) Это слово излагаетъ теорію свѣта, который, по мнѣнію Л-ва, происходитъ отъ колебательнаго движенія эѳира.

шатели, однако пріятно, полезно, свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый, общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ. Небеса повѣдаютъ славу Божію. Селеніе свое положилъ онъ въ солнцѣ; то есть, въ немъ сіяніе божества своего показалъ яснѣе, нежели въ другихъ тваряхъ. Оно, по неизмѣримой обширности всеміриаго строенія, за далечайшія планеты сіяетъ безпрестанно, распростирая, превосходящею мечтаніе человѣческое скоростію, непонятное лучей множество. Сіи безпрестанные и молній несравненно быстрѣйшіе, но краткіе и благопріятные вѣстники творческаго о прочихъ тваряхъ промысла, освѣщая, согрѣвая и оживляя оныя, не токмо въ человѣческомъ разумѣ, но и въ безсловесныхъ, кажется, животныхъ возбуждаютъ нѣкоторое божественное воображеніе. Что жъ о таковомъ безмѣрномъ свѣта океанѣ представлять себѣ тѣ должны, которые во внутреннее натуры святилище взираютъ любопытнымъ окомъ и посредствомъ того же свѣта большую часть другихъ естественныхъ таинствъ усердствуютъ постигнуть? Свидѣтельствуютъ многочисленныя ихъ сочиненія въ разныхъ народахъ, въ разные вѣки свѣту сообщенныя. Много препятствій неутомимые испытатели преодолѣли и слѣдующихъ по себѣ труды облегчили: разгнали мрачныя тучи и въ чистое небо далече проникли. Но какъ чувственное око прямо на солнце смотрѣть не можетъ, такъ и зрѣніе разсужденія притупляется, изслѣдуя причины происхожденія свѣта и раздѣленіе его на разные цвѣты. Чтожъ намъ оставить ли надежду? отступить ли отъ труда? отдаться ли въ отчаяніе о успѣхахъ? никакъ! развѣ явиться желаемъ нерадивыми и подвига толикихъ въ испытаніи натуры героевъ недостойными? Посмотримъ, коль великую громаду матерій на сіе дѣло они собрали, или, какъ о древнихъ сказываютъ исполинахъ, гору великую воздвигли, дерзая приближиться къ источнику толикаго сіянія, толикаго цвѣтовъ великолѣпія. Взойдемъ на высоту за ними безъ страха; наступимъ на сильныя ихъ плечи и, поднявшись выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей, устремимъ сколько возможно остроумія и разсужденія очи для испытанія причинъ происхожденія свѣта и раздѣленія его на разные цвѣты.

Н. ИЗЪ СЛОВА О РОЖДЕНІИ МЕТАЛЛОВЪ (1757) ([12]).

Когда ужасныя дѣла натуры въ

мысляхъ ни обращаю, слушатели, думать всегда принужденъ бываю, что нѣтъ ни единаго изъ нихъ толь страшнаго, нѣтъ ни единаго толь опаснаго и вреднаго, которое бы купно пользы и услажденія не приносило. Божественнымъ нѣкоторымъ промысломъ присовокуплены пріятнымъ вещамъ противныя быть кажутся, дабы мы, разсуждая о противныхъ, большее услажденіе чувствовали въ употребленіи пріятныхъ. Ужасаемся волнъ кипящаго моря; но вѣтры, которыми оное обуревается, нагруженные богатствомъ корабли къ желаемымъ берегамъ приносятъ. Несносна многимъ здѣшней зимы строгость и намъ самимъ не рѣдко тягостна; однако ею удерживаются зараженные повѣтріемъ куренія, ядовитые соки и угрызенія тупѣютъ. Хотя жъ часто сокровенны передъ нами бываютъ отъ противныхъ вещей происшедшія угодія, которыми пользуемся въ жизни нашей; однако они подлинны и велики. Такъ черезъ многіе вѣки трепетъ одинъ токмо наносили громы человѣческому роду и не иначе какъ токмо бичъ раздраженнаго Божества всѣхъ устрашали. Но счастливые новыми естественныхъ таинъ откровеніями дни наши сіе дали намъ недавно утѣшеніе, что мы большее изліяніе щедроты, нежели гнѣва небеснаго отъ оныхъ черезъ физику уразумѣли. Наги бы стояли поля и горы, древъ и травъ великолѣпія, красоты цвѣтовъ и плодовъ изобилія лишены; желтѣющія нивы движеніемъ класовъ не увѣряли бы сельскихъ людей надеждою полныхъ житницъ; всѣхъ бы сихъ довольствій намъ не доставало, когда бы громовою электрическою силою наполненныя тучи продолжительное растущихъ прозябеніе плодоносныкъ дождемъ и яко бы нѣкоторымъ одушевляющимъ дыханіемъ не оживляли. Истина сего дѣла (которое издревле престарѣлымъ земледѣльцамъ, хотя и не ясно, однако уже на мысль приходило) дѣйствіемъ электрической силы, рукою рачительныхъ натуры испытателей произведенной, чрезъ ускореніе ращенія травъ, такъ изъяснена и доказана, что нѣтъ больше мѣста ни единому сомнѣнію.

И такъ, когда откровеніемъ естественныхъ таинъ сіяетъ такое просвѣщеніе къ великому нашему утѣшенію и радости, а особливо, гдѣ прежде, чрезъ закрытіе происходящія пріятности, едино обращалось предъ нами противнаго изображеніе: того ради за весьма полезно быть разсудилось, чтобы новымъ доказательствомъ присовокупить по силѣ моей новую сей правдѣ важность.

Видѣли мы, слушатели, превеликое въ нѣдрахъ земныхъ огня множество и нужное къ его питанію сѣры изобиліе, довольное къ земному трясенію и къ произведенію перемѣнъ великихъ: бѣдственныхъ, но и полезныхъ; страш-

ныхъ, но и услажденіе приносящихъ. Уразумѣли мы, что поглощенныя животныхъ и прозябающихъ тѣлъ части служатъ къ рожденію металловъ, коихъ красоту къ великолѣпію, твердость къ долговѣчности, жестокость къ защищенію служащія себѣ представляемъ. Но обращается въ мысляхъ вашихъ ужасный видъ трясущагося лица земнаго! Отвратите, отвратите отъ того мысленныя очи ваши и сверхъ металловъ прилежно разсмотрите воздвигнутыя трясеніемъ гòры съ прохлаждающими и врачующими насъ источниками, изъ нихъ протекающими, собирающимися въ рѣки къ напоенію насъ и служащихъ намъ животныхъ, и къ сообщенію многоразличныхъ человѣческаго рода потребностей. Посмотрите на благословенное свое отечество и сравните съ другими странами. Увидите въ немъ умѣренное натуры подземнымъ огнемъ дѣйствіе. Не Альпійскими или Пиренейскими суровыми верхами къ вѣчной зимѣ, господствующей въ верхней атмосферѣ, возвышены; ниже глубокими пропастьми въ болотистую сырость унижены страны наши: но пологія восхожденія и наклоненія полей плодоносныхъ, не лишенныя притомъ металловъ, распростираются къ угодности нашей. Не разсѣлинами земными, ядовитые пары испускающими, растерзанное, но зеленѣющими лѣсами и пажитями украшенное пространство чувствуетъ благорастворенныхъ дыханіе вѣтровъ. Не колеблемся частыми земными трясеніями, которыя едва когда у насъ слыханы; но какъ земнаго нѣдра, такъ и всего общества внутреннимъ покоемъ наслаждаемся. О коль блаженна сими свойствами Россія!

О. СОГЛАСІЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ СЪ РЕЛИГІЕЮ (1761). ([14]).

Сіе рѣдко случающееся явленіе требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей, непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ, всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общему покою. Не рѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ о имени Астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе ничѣмъ какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе, за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много знаніемъ своимъ его

превышаетъ,—человѣка себѣ подобно сотвореннаго.

Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, естьли бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію.

Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты (a), скажетъ кто: подумать-де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря; произрастаютъ вездѣ разныя прозябенія; ими питаются животныя. И сіе-де подобно Коперниковой системѣ: противно-де закону.

Отъ таковыхъ размышленій происходитъ подобный споръ о движеніи и о стояніи земли. Богословы западныя церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, глава 10 стихъ 12, въ точномъ грамматическомъ разумѣ, и потому хотятъ доказать, что земля стоитъ.

Но сей споръ имѣетъ начало свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ христіанскихъ учителей. Древніе астрономы еще задолго до Рождества Христова, Никита Сиракузянецъ призналъ дневное земли около своей оси обращеніе; Филолай годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣе. Однако эллинскіе жрецы и суевѣры тому противились и правду на много вѣковъ погасили. Первый, Клеантъ нѣкто, доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движеніи земли дерзнулъ подвигнуть съ мѣста великую богиню Весту, всея земли содержательницу; дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ Нимфъ, боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли. И такъ идолопоклонническое суевѣріе держало астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ механикою и геометріею прекословящіе пути планетамъ: циклы и эпициклы (круги и побочные круги) (*).

a) Венеры.

(*) Жаль, что тогда не было такихъ остроумныхъ поваровъ, какъ слѣдующій:

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля, вертясь, вкругъ солнца ходитъ;
Другой, что сонце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ, что въ томъ Коперникъ правъ;
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ,

Коперникъ возобновилъ наконецъ солнечную систему, коя имя его нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе математики и астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земностоятельной системѣ отнюдь достигнуть невозможно.

Несказанная премудрость дѣлъ Божіихъ хотя изъ размышленія о всѣхъ тваряхъ явствуетъ, къ чему предводительствуетъ физическое ученіе; но величества и могущества его понятіе больше всѣхъ подаетъ астрономія, показывая порядокъ теченія свѣтилъ небесныхъ. Воображаемъ себѣ тѣмъ явственнѣе Создателя, чѣмъ точнѣе сходствуютъ наблюденія съ нашими предсказаніями; и чѣмъ больше постигаемъ новыхъ откровеній, тѣмъ громчае его прославляемъ.

Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть грамматическимъ, но не рѣдко и риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ святый Василій Великій, какъ оное съ натурою согласуетъ и въ бесѣдахъ своихъ на Шестодневникъ ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ библейскія слова толковать должно. Бесѣдуя о земли, обще пишетъ: «Аще когда во псалмѣхъ услышиши: «азъ утвердихъ столпы ея»; содержательную тоя силу столпы речены быти возмни» (бесѣда 1). Разсуждая слова и повелѣнія Божія въ міросозданіе: «и рече Богъ», и другія, слѣдующее объявляетъ: «Кая потреба слова могущимъ отъ самаго ума общити другъ другу совѣты?» (бесѣда 2). Явно изъявляя, что слова Божескія не требуютъ ни устъ, ни ушей, ни воздуха къ сообщенію взаимному своего благоволенія, но ума силою разглагольствуютъ. И въ иномъ мѣстѣ (бесѣда 3) тожъ о изъясненіи таковыхъ мѣстъ подтверждаетъ: «Въ проклятствѣ, Израилю, будетъ тебѣ, глаголетъ, небо мѣдяно. Что сіе глаголетъ? Всеконечную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ». Упоминающіяся часто въ Библіи Божія чувства толкуя, такъ пишетъ: «И видѣ Богъ яко добро: не само тое утѣшенное нѣкое зрѣніе моря слово показуетъ Богу явити. Не очима бо зритъ доброты зданія Творецъ, но неизглаголанною премудростію видитъ бывающая». Не довольно ли здѣсь великій и святый сей мужъ показалъ, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть несходственно.

Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного всевышняго Родителя; никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А бла-

Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

горазумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви, которому согласуясь, Дамаскинъ святый, глубокомысленный богословъ и высокій священный стихотворецъ (въ опасномъ изданіи Православныя вѣры, кн. 2, гл. 6); ибо, упомянувъ разныя мнѣнія о строеніи міра, сказалъ: «Обаче аще же тако, аще же инако, вся Божіимъ повелѣніемъ быша же и утвердишася», то есть: физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны. То же и въ слѣдующихъ утверждаетъ: «Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суще. Се два неба: и твердь бо назва Богъ небо. Обычно же священному писанію и воздухъ небомъ звати, за еже зрѣтися горѣ. Благословите бо, глаголетъ, вся птицы небесныя, воздушныя глаголя: воздухъ бо летательныхъ есть путь, а не небо. Се три небеса, яже божественный рече Апостолъ. Аще же и седмь поясы седмь небеса пріяти восхощеши, ничто же слову истины враждаетъ», то есть: хотя кто и древнія эллинскія мнѣнія о седми небесахъ приметъ, священному писанію и Павлову сказанію не вредно.

Василій Великій, о возможности многихъ міровъ разсуждая, пишетъ: «Яко бо скудельникъ, отъ того же художества тлѣнные создавъ сосуды, ниже художество, ниже силу изнури, тако и всего сего Содѣтель, не единому міру соумѣренную имѣя творительную силу, но на безконечногубое превосходящую, мгновеніемъ хотѣнія единѣмъ во еже быти приведе величества видимыхъ».

Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались: соединяя его снисканіе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О есть ли бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; естьли бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями, какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходимымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе!

Нѣкоторые спрашиваютъ, ежели де на планетахъ есть живущіе намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросный. Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные,

какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать, или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть по Евангельскому слову («не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла») туда пойдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть поѣдетъ для тогожъ и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ быть тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили, и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно. «Многи пути ко спасенію. Многи обители суть на небесѣхъ».

При всемъ семъ христіанская вѣра стоитъ непреложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ творенія Божія не вникаютъ.

Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобъ человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркуломъ. Таковъ же и богословія учитель, естьли онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи или химіи.

Толкователи и проповѣдники Священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изъискиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ими плевелы и раздоры.

Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примѣры не только изъ эллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ христіанскихъ первыхъ учителей.

Клавдіанъ (а) о паденіи Руфи-

а) Латинскій стихотворецъ въ царствованіе Өеодосія.

новѣ (а) объявляетъ, коль много служитъ вниманіе къ натурѣ, для познанія Божества:

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смотрѣнье,
Или по слѣпотѣ безъ ряду (б) все течетъ,
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ.
Однако, посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что божеской мы силой созданы.

Больше не остается, какъ только коротко сказать и повторить, что знаніе натуры, какое бы оно имя ни имѣло, христіанскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ, тотъ съ Василіемъ Великимъ согласится, коего словами сіе заключается (бесѣда 6 о бытіи свѣтилъ): «Аще симъ научимся: себе самыя познаемъ, Бога познаемъ, Создавшему поклонимся, Владыцѣ поработаемъ, Отца прославимъ, Питателя нашего возлюбимъ, Благодѣтеля почтимъ, Наčаловожду жизни нашея насущія и будущія поклоняющеся не престанемъ».

а) Министръ Ѳеодосія и Аркадія.

б) Порядку.

¹) „Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова, книга первая". Спб. 1751. Хотинъ сдался Миниху послѣ пораженія турокъ при мѣстечкѣ Ставучанахъ (28 августа 1739 г.). Ода начинается выраженіемъ восторга, внушаемаго важнымъ событіемъ; потомъ слѣдуетъ описаніе битвы русскихъ съ турками и татарами и пораженія враговъ нашихъ; далѣе представляются униженіе Порты и слава Россіи въ царствованіе Анны.

²) Обычное начало торжественныхъ одъ, состоящее въ искуственномъ выраженіи лирическаго восторга. У Буало, въ одѣ на взятіе Намура:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?

Тоже въ одѣ Тред—го на взятіе Гданска.

³) Сумароковъ, въ критическихъ замѣткахъ на оды Ломоносова, упрекалъ его въ перемѣнѣ ударенія (*быстрó* вм. *бы́стро*). Разсказываютъ, что Ломоносовъ отвѣчалъ Сумарокову на такое замѣчаніе: „бы́стро или быстрó, однако это ничуть не óстро и не острó".

⁴) „Собр. сочиненій, 1751 г.". Ломоносовъ не держался въ точности подлинника, но дозволялъ себѣ болѣе свободную передачу содержанія. Такъ переданы имъ не всѣ, а нѣкоторые только предметы природы, возвѣщающей всемогущество и премудрость Создателя: онъ опустилъ изображенія дикаго осла, страуса, коня. Первая и послѣдняя строфы прибавлены, какъ обращеніе къ человѣку, въ несчастіи ропщущему на Бога, и поученіе, ему же выведенное изъ рѣчи Божіей къ Іову. Средина, или главная часть стихотворенія, заключаетъ въ себѣ эту рѣчь, выражающую съ одной стороны всемогущество Бога, съ другой — ничтожество человѣка.

⁵) „Собр. сочин. 1751". Ода эта, сочиненная Лом—мъ въ 1743 г. и явившаяся въ его Риторикѣ (1748), есть лучшее его стихотвореніе. Содержаніе

ея имѣетъ тѣсную связь съ физическими занятіями автора, особенно съ его „Словомъ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ“ (1753 г.). Здѣсь онъ излагаетъ свою теорію сѣвернаго сіянія, по которой это явленіе происходитъ отъ электричества, возбуждаемаго въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющагося въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Шестая и седьмая строфы содержатъ поэтическое указаніе разныхъ гипотезъ о сѣверномъ сіяніи. Стихи:

Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

опровергаютъ особую гипотезу о сѣверномъ сіяніи и объясняются слѣдующимъ мѣстомъ „Слова“: „Всѣ сѣвернаго сіянія виды не могутъ быть пары или облака, какимъ. нибудь блистаніемъ освѣщенные“ (Соч. Лом., изд. Смирд., II, 91). Слово о явленіяхъ воздушныхъ цитуетъ „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ (ib. 89) подъ именемъ „Оды о сѣверномъ сіяніи“, въ доказательство того, что мнѣніе Ломоносова о причинѣ явленія составлено независимо отъ сочиненія Франклина (Писемъ его) и что оно относится еще къ 1743 г. Ломоносовъ въ дѣтствѣ многократно видалъ это великолѣпное явленіе на Сѣверномъ океанѣ, въ которомъ, по собственному его свидѣтельству, доходилъ до 70 градусовъ широты (ib. 70); потомъ часто наблюдалъ его, какъ ученый, въ Петербургѣ (ib. 91): слѣд. на этой одѣ отражаются и впечатлѣнія первоначальныхъ лѣтъ, и восторгъ, произведенный ученымъ разсматриваніемъ природы. Здѣсь кстати припомнить стихи Батюшкова о Ломоносовѣ (въ „Посланіи къ И. М. М. А.“):

Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ,
Какъ часто воспѣвалъ восторженный поэтъ
Дрожащій хладный блескъ полуночной Авроры!

[6]) Содержаніе оды: изображеніе благодатныхъ слѣдствій мира (Слово Елисавета означаетъ *миръ* или *тишину*). Ломоносовъ, для котораго науки составляли первое благо, славитъ миръ, видя въ немъ „питателя наукъ“. Онъ часто обращается къ нему и въ одахъ и въ ученыхъ словахъ своихъ. Первая строфа оды начинается также описаніемъ „возлюбленной тишины, отрады царей и царствъ“. Заботясь о русскомъ просвѣщеніи, Лом — въ желаетъ, чтобы науки изслѣдовали наше обширное отечество, богатое всякаго рода произведеніями; онъ увѣренъ, что онѣ дадутъ Россіи средство найти у себя всѣ произведенія природы, со многими издержками получаемыя изъ отдаленныхъ странъ, и что она способна рождать „собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ“. Похвала наукамъ выражена въ строфѣ: „Науки юношей питаютъ“, которая есть стихотворное переложеніе одного мѣста изъ Цицероновой рѣчи (pro Archia). Но Россія одолжена наукой Петру I-му: отсюда весьма естественныя похвалы монарху, наполняющія три строфы.

Строфа: „Толикое земель пространство“... относится къ горному дѣлу, которое должно открыть сокровища Россіи. Стихи:

Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ,

указываютъ на пользу науки при добываніи металловъ. Двѣ строфы: „Се мрачной вѣчности запону“.... и „Тамъ тьмою острововъ посѣянъ“.... предрекаютъ будущую славу отечественнаго мореплаванія. Извѣстенъ проэктъ Ломоносова „о проходѣ Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“, пред-

ставленный имъ в. к. Павлу Петровичу и напечатанный г. Соколовымъ въ 1854 подъ названіемъ: „Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова". Мысль о русскихъ Колумбахъ сильно интересовала Лом—ва: онъ выразилъ ее и въ поэмѣ „Петръ Великій", заставивъ своего героя говорить слѣдующее:

Колумбы русскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава.

[7]) Содержаніе Слова, произнесеннаго на праздникъ тезоименитства Государыни въ собраніи Ак. Н. 6 сентября 1749 г., заключается въ изображеніи добродѣтелей Елисаветы. „Приступъ" показываетъ веселіе обитателей Россіи, празднующихъ восшествіе на престолъ Императрицы. Академія также радуется и приноситъ августѣйшей покровительницѣ своей благодарность, состоящую въ прославленіи ея добродѣтелей („переходъ къ содержанію Слова"). „Раздѣленіе" кратко исчисляетъ тѣ добродѣтели, которыя ораторъ намѣренъ прославлять: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость. „Главная часть" говоритъ о каждой добродѣтели порознь: слѣдов. въ ней столько же частей, сколько исчислено добродѣтелей. Въ „заключеніи", обращаясь къ Императрицѣ, Лом—въ выражаетъ желаніе, чтобы она украшалась всѣми добродѣтелями, какъ великими дарами Вышняго, и увеселялась своими божественными благодѣяніями. Тоже слово произнесено было 26 ноября 1749 г. на день восшествія на престолъ Елисаветы (25 ноября), почему варіанты большею частію объясняются различіемъ обстоятельствъ, по которымъ говорилось Слово.

[8]) Императрица Елисавета, въ награду за похвальное ей Слово, подарила автору дачу Короволдай (Усть-Рудицы) на Финскомъ заливѣ. Покровительство наукѣ, въ лицѣ ея усерднаго служителя, внушаетъ стихотворцу похвалу наукамъ: онъ показываетъ пользу, которую готовятъ отечеству Механика, Химія, Астрономія, Географія, Физика, Поэзія. Сличи эти строфы съ раскрытіемъ пользы наукъ въ словѣ Елисаветѣ.

[9]) По уставу Петра Великаго, академики, кромѣ самостоятельныхъ изслѣдованій въ наукахъ, обязаны были читать лекціи молодымъ людямъ. Чтенія эти происходили на иностранныхъ языкахъ. Но когда въ Академію поступили нѣкоторые русскіе профессоры, то президентъ ея, графъ К. Г. Разумовскій, предписалъ Лом—ву открыть публичный курсъ опытной Физики по руководству Вольфа, съ объясненіями опытовъ на языкѣ отечественномъ. Въ слѣдствіе этого, Ломоносовъ началъ свои лекціи 20 іюня 1751 года. Программа физики, объясняющая пользу и важность этой науки, служила вмѣстѣ и приглашеніемъ любознательныхъ слушателей на ея уроки. Вѣрный своему взгляду на пользу знаній, особенно естествознанія, Лом—въ заключаетъ программу слѣдующимъ выводомъ: „блаженства человѣческія увеличены и въ высшее достоинство приведены быть могутъ яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, котораго источникъ есть натуральная философія, обще называемая Физика". Эти истинныя блаженства рода человѣческаго „пріятны," „полезны" и „святы". Тоже самое сказано Лом—мъ въ началѣ „Слова о происхожденіи свѣта": „испытаніе натуры пріятно, полезно, свято". Отрывокъ, помѣщенный въ Хрестоматіи, состоитъ изъ двухъ частей: первая показываетъ пріятность, пользу и святость разсматриванія природы, безсознательно испытываемыя

человѣкомъ; вторая излагаетъ важность тѣхъ же самыхъ предметовъ, когда человѣкъ безсознательное приводитъ въ сознаніе, возвышаетъ его достоинство наукою.

[10]) Содержаніе слова—польза Химіи. Вступленіе указываетъ выгоды ученія вообще и различіе между человѣкомъ образованнымъ и необразованнымъ. Такъ какъ знанія, пріобрѣтаемыя человѣкомъ, двоякаго рода: науки и художества; то главная часть разсматриваетъ пользу Химіи для наукъ (физики, медицины, металлургіи и проч.) и для художествъ. Въ заключеніи Ломоносовъ благодаритъ Всевышняго за дарованную человѣку способность познавать и Петра I за водвореніе наукъ въ Россіи: это своего рода похвальное слово преобразователю нашего отечества.

[11]) Случай, по которому явилось „Письмо о пользѣ стекла", разсказанъ г. П. К. въ Москвитянинѣ (1845, № 1): „Лом—въ, обѣдая однажды у И. И. Шувалова, былъ въ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда носили. Кто-то изъ гостей, петиметръ того времени, замѣтилъ, что стекляныя пуговицы давно уже не въ модѣ. Лом—въ со свойственною ему горячностію отвѣчалъ, что не слѣдуя модѣ, онъ предпочитаетъ ихъ металлическимъ и всякимъ другимъ и всегда будетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу. Въ слѣдъ за этимъ онъ началъ исчислять пользы, доставляемыя стекломъ въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ, наукахъ, и проч. Разсужденія Ломоносова показались такъ важны хозяину, что онъ просилъ своего гостя описать ихъ въ стихахъ. Слѣдствіемъ того было Посланіе „о пользѣ стекла". Начальные стихи:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,

показываютъ отношеніе къ бывшему спору о стеклѣ.

Содержаніе „Посланія" — изобрѣтеніе и многоразличная польза стекла: изъ него приготовляются сосуды для напитковъ, зеркала, стекла, бисеръ, очки, зрительныя трубы, барометръ, электрическая машина. Кромѣ того, есть эпизоды, имѣющіе отношеніе къ злодѣяніямъ испанцевъ въ Америкѣ, и опроверженіе суевѣрной мысли, считающей преступнымъ ученое изслѣдованіе природы. Послѣдній эпизодъ весьмаваженъ; онъ показываетъ, какъ разумѣлъ Ломоносовъ отношеніе науки къ религіи. Въ заключеніи похвала Елисаветѣ и Шувалову.

[12]) Въ этомъ словѣ Лом—въ прославляетъ подвиги просвѣтителя Россіи. Вѣнчаніе на царство Императрицы Елисаветы (по случаю чего произносилось Слово) столько же дивно, сколько дивно было ея рожденіе, ознаменованное Полтавскою побѣдою. Принявши скипетръ, она явилась истинною наслѣдницею дѣлъ Петровыхъ: слѣдов., похваляя Петра похвалимъ Елисавету. Развитіе этой мысли образуетъ „приступъ". Истинная похвала великимъ людямъ заключается въ вѣрномъ исчисленіи ихъ подвиговъ, — и потому ораторъ раздѣляетъ свое слово на три отдѣла: въ первомъ должно изобразить важнѣйшія дѣла Петра; во второмъ препятствія, имъ преодолѣнныя; въ третьемъ добродѣтели, которыя были необходимы для совершенія важныхъ подвиговъ (раздѣленіе).—Каждый отдѣлъ разсмотрѣнъ особенно въ „главной части слова". Къ дѣламъ Петровымъ принадлежатъ: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска, военные подвиги на сушѣ и моряхъ, гражданскія учрежденія. Къ преодолѣннымъ препятствіямъ относятся: опасности путешествія, внутренніе непріятели (стрѣльцы, раскольники, предательство ближнихъ), внѣшніе враги (шведы, поляки, крымскіе татары,

персіане, турки). Для побѣжденія трудностей необходимы были доблести или добродѣтели (переходъ къ третьему отдѣлу главной части), которыя суть: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе, снисходительность, трудолюбіе. Представивъ потомъ разнообразные труды Петровы въ одной картинѣ, Лом—въ оканчиваетъ Слово краснорѣчивымъ заключеніемъ, въ которомъ уподобляетъ великаго монарха божеству, называетъ его человѣкомъ богоподобнымъ.

[13]) Содержаніе „Слова": краткій обзоръ землетрясеній и разныхъ видовъ ихъ; дѣйствія, производимыя ими на земной поверхности; причины ихъ; мѣста, въ которыхъ находятся металлы; способъ рожденія металловъ. Приступъ выражаетъ мысль, что всѣ ужасныя явленія и дѣйствія натуры вмѣстѣ со вредомъ и опасностью приносятъ пользу и услажденіе. Къ числу этихъ ужасныхъ явленій принадлежитъ землетрясеніе. Поводомъ къ выбору такого предмета служили съ одной стороны занятія Лом—ва металлургіею, съ другой—„города недавно поверженные землетрясеніемъ, земли опустошенныя, цѣлые почти народы искорененные" (здѣсь разумѣется въ особенности разрушеніе Лиссабона, 1755 г.).

[14]) Изъ Прибавленія къ разсужденію: „Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.п.бургской И. Ак. Н мая 26 дня 1761 г.". Лом—въ наблюдалъ явленіе Венеры на солнцѣ съ физической стороны, тогда какъ адъюнктъ астрономіи Красильниковъ и поручикъ Кургановъ (подмастерье математическихъ и навигацкихъ наукъ) производили астрономическія наблюденія. Наблюденія Лом—ва привели его къ заключенію о существованіи атмосферы вокругъ Венеры. Къ краткому извѣщенію объ этомъ феноменѣ присоединено „Прибавленіе", назначенное для отстраненія мыслей, которыя бываютъ у малосвѣдущихъ людей относительно астрономическихъ явленій. Люди непосвященные, говоритъ Лом—въ, съ ужасомъ внимаютъ, что про различныя „небесныя явленія пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои во весь свой долгій вѣкъ и имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь". Такой страхъ легковѣрія достоинъ презрѣнія. Другое замѣчаніе Лом—въ относитъ къ грамотѣямъ, которые, превратно понимая нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, хотятъ осудить ученіе астрономіи, говоря:„ противно-де закону". Лом—въ объясняетъ словами Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, какъ и съ какимъ разумомъ должно читать и разумѣть Св. Писаніе.

XXV.

СУМАРОКОВЪ.

А. ИЗЪ ТРАГЕДІИ: ХОРЕВЪ (1747). ([1]).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 2.

Кій и Хоревъ.

Кій. О Князь, наслѣдникъ трона!
Жезлъ старости моей, страны сей оборона!
Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.

Вели въ трубы гласить и на врагов возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай, и побѣди, и возвратися славно,
Какъ съ скиѳскія войны подъ лаврами недавно.
Но кая темна мысль теперь твой взоръ мрачитъ?

Хоревъ. Никая, я готовъ куды мой князь велитъ.
Ты съ юности моей отцемъ мнѣ назывался
И въ милостяхъ прямыхъ родителемъ казался.
Въ наукѣ бранной ты мнѣ самъ наставникъ былъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно.
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала!
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцевъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ! колико душъ взялъ адъ!
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ—
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея—
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я;
А если безъ того возможно пребывати,
Почто, скажи, почто безъ нужды умирати?

Кій. Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Иного средства нѣтъ спокойство получить.

Хоревъ. Онъ дщери своея одной отъ насъ желаетъ,
А прочее намъ все безбранно оставляетъ,
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ:
Что сталося, что вдругъ ты мысль перемѣнилъ?

Кій. Нѣтъ, князь, нейтить на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь;
Я вижу мысль твою и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь, въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла.

Хоревъ. Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ въ спокойствіи, а ей въ свободѣ жить,—
Желаньемъ симъ могуль тебя я прогнѣвить?

Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ
И человѣчество въ герояхъ оставляетъ.
Или подобиться, во бранныхъ дѣйствахъ намъ,
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы біемъ
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство почитаемъ.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убивство и грабежъ геройствомъ назвала!
Мы брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ,
Чувствительны всегда, ненасытимы въ вѣкъ.
Каковъ вамъ кажется, о боги, человѣкъ?
Почто вы такова его природѣ дали?
Въ такомъ ли образѣ его вы созидали?
Ахъ! нѣтъ, не можетъ быть: конечно, божество
Иное тщилось въ немъ устроить естество;
Но нѣкая ему противящася сила
Толико мерзко насъ предъ нимъ преобразила.
Внемли, вѣтръ бурный, стонъ несчастливой души,
Оснельдинъ жалкій гласъ, и небесамъ внуши,
Воскликни истину въ селеніяхъ воздушныхъ
И жалобой трони боговъ великодушныхъ.

Кій. Она Завлоху дщерь, весь родъ ихъ истребленъ,
А ею можетъ быть опять возстановленъ.
Кто знаетъ, что она отмщеніе забудетъ?
И, можетъ быть, супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ иногда былъ ты трепещущимъ ордамъ,
Бѣгущимъ отъ тебя по блатамъ и лѣсамъ.

Хоревъ. Народъ нашъ наученъ надежно побѣждати;
Какой опасности отъ нихъ намъ ожидати?

Кій. Не внемлю ничего, въ сей часъ за градъ;
Какъ хочешь мечъ простри—напредъ или назадъ.
Коль хочешь измѣнять, такъ измѣняй скоряе,
Когда врагъ общества тебѣ всего миляе.

Хоревъ. Какая вышла рѣчь ко мнѣ изъ устъ твоихъ?
Я подозрѣніевъ достоинъ ли такихъ?
За что, любезный братъ, ты такъ мнѣ премѣнился?
Когда бывало то, чтобъ ты на мя озлился?
Не жди, о государь! Хоревовыхъ измѣнъ:

Которыя въ простыхъ словахъ хоть
необычны,
Но къ важности рѣчей потребны
и приличны
Для изъясненія разсудка и стра-
стей,
Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и
привлекать людей.
Намъ въономъ счастлива природа
путь являетъ,
И двери чтеніе къ искусству отвер-
заетъ.
Посемъ скажу, какой похваленъ
переводъ.
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе
народъ:
Что очень хорошо на языкѣ фран-
цузскомъ,
То можетъ въ точности быть ска-
редно на русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ
творцѣ готовъ:
Творецъ даруетъ мысль, но не
даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей его ты не
вдавайся
И свойственно себѣ словами укра-
шайся.
На что степень въ степень послѣ-
довать ему?
Ступай лишь тѣмъ путемъ и об-
ласть дай уму.
Ты симъ, какъ твой творецъ пись-
момъ своимъ ни славенъ,
Достигнешь до него и будешь самъ
съ нимъ равенъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда
лексиконъ,
Не мни, чтобъ помочь далъ тебѣ
велику онъ,
Коль рѣчи и слова поставишь безъ
порядка:
И будетъ переводъ твой нѣкая
загадка,
Которую никто не отгадаетъ въ
вѣкъ;
То даромъ, что слова всѣ точно
ты нарекъ.
Когда переводить захочешь без-
порочно—
Не то—творцовъ мнѣ духъ яви
и силу точно.
Языкъ нашъ сладокъ, чистъ, и
пышенъ, и богатъ,
Но скупо вносимъ мы въ него
хорошій складъ:
Такъ чтобъ незнаніемъ его намъ
не безславить,
Намъ должно весь свой складъ
хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, чтобы всѣмъ надъ
риемами потѣть,
А правильно писать потребно
всѣмъ умѣть.
Но льзя ли требовать отъ насъ
исправна слога?
Затворена къ нему въ ученіи до-
рога.
Лишь только ты склады немного
поучи,
Изволь писать Бову, Пѐтра златы
ключи (³).
Подьячій говоритъ: писаніе тутъ
нѣжно,
Ты будешь человѣкъ, учися лишь
прилежно.
И я то думаю, что будешь чело-
вѣкъ;
Однако грамотѣ не станешь знать
во-вѣкъ.
Хоть лучшимъ почеркомъ, съ подъ-
яческа совѣта,
Четыре литеры сплетай ты въ
слово «лѣта»,

И вычурно писать научишься «конецъ»:
Повѣрь, что никогда не будешь ты писецъ.
Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
Которыхъ тщаніе искуеству ревновало
И показало имъ, коль мысль сія дика,
Что не имѣемъ мы богатства языка.
Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пени:
Когда книгъ русскихъ нѣтъ, за кѣмъ идти въ степени?
Однако больше ты сердися на себя
Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя;
А еслибъ юность ты не прожилъ своевольно,
Ты бъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.
Трудолюбивая пчела себѣ беретъ
Отвсюду то, что ѐй потребно въ сладкій медъ,
И, посѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты—частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ:
Кто виненъ въ томъ, что ты Псалтыри не постигъ,
И, бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно,
Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно?
Коль *аще, точію* обычай истребилъ,
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
А что изъ старины понынѣ неотмѣнно,
То можетъ быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
Которы мы съ тобой нерусскими (¹) зовемъ:
Онъ тотъ же, а когда бъ онъ былъ иной, какъ мыслишь,
Лишь только отъ того, что ты его не смыслишь;
Такъ чтожъ осталось бы при русскомъ языкѣ?
Отъ правды мысль твоя гораздо вдалекѣ.
Не знай наукъ, когда не любишь ихъ, хоть вѣчно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

В. ЧЕТЫРЕ ОТВѢТА (1759).

Ты спрашиваешь меня, мой другъ, и задаешь четыре мнѣ вопроса: что̀ бы я дѣлалъ, 1) ежели бы я былъ малый человѣкъ и малый господинъ; 2) ежели бы я былъ великій человѣкъ и малый господинъ; 3) ежели бы я былъ великій человѣкъ и великій господинъ; 4) ежели бы я былъ малый человѣкъ и великій господинъ. На первый вопросъ я отвѣчаю: всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знатныхъ господъ и сильныхъ властію людей; не пропустилъ бы ни одного праздника, чтобъ не обѣжать города, разнося поздравленіе; ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпочкахъ и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ табакомъ; научился бы въ

карты играть во всѣ игры, ибо, играя въ карты, можно съ первымъ господиномъ сѣсть плечо о плечо, и вмѣсто, чтобъ говорить, весьма низко нагибаяся: доношу вашему Высокопревосходительству о такомъ и о такомъ дѣлѣ, сказать ему приободрившись: у васъ тринадцать, а у меня четырнадцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, всеконечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему свѣту, какъ тотъ и тотъ знатный господинъ со мною милостиво поговорилъ, а ежели бы когда не достало истины, такъ бы я дополнялъ ложью; да и ничто не украшаетъ такъ рѣчи, какъ ложь: стихотворцы тому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестію испросилъ бы я себѣ нажиточное мѣсто, а лучше всего поѣхалъ бы я на воеводство; ибо сія должность нажиточна, почтенна и легка. Нажиточна, что всѣ дарятъ; почтенна, что всѣ кланяются; легка, что очень мало дѣла, да и то обыкновенно исправляетъ секретарь или съ приписью подьячій, а они также люди присяжные и положиться на нихъ безо всякаго сумнѣнія можно. И подьячій отъ того же созданъ Бога, отъ котораго человѣкъ: такъ суемудренно сіе мнѣніе, что подьяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю, что между человѣка и между подьячаго разности мало, и гораздо меньше нежели между подьячаго и между другой какой твари.—Ежели бы я былъ великій человѣкъ и малый господинъ,—я бы, по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту услуги, никого бы никакою докукою не отягощалъ, и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги отечеству; а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума и былъ бы такой человѣкъ, какіе не только ничего не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ.—Ежели бы я былъ великій человѣкъ и великій господинъ,—я бы неусыпно старался о благополучіи моего отечества, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, о утоленіи пороковъ и о истребленіи беззаконія, о приращеніи наукъ, о умаленіи цѣны необходимыхъ жизни человѣческой вещей, о наблюденіи правосудія, о наказаніи за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменьшеніи лжи, лести, лицемѣрія и пьянства, о изгоненіи суевѣрія, о уменьшеніи ненадобнаго обществу великолѣпія, о уменьшеніи картежной игры, чтобъ она не отымала у людей полезнаго времени, о воспитаніи, о учрежденіи и порядкѣ училищей, о содержаніи исправнаго войска, о презрѣніи буянства, петиметерства и искорененіи тунеядства. А ежели бы я былъ малый человѣкъ и великій господинъ,—такъ бы жилъ великолѣпно: ибо такое великолѣпіе рѣдко великой душѣ

свойственно бываетъ; а чтобы я дѣлалъ, этого я не скажу.

Г. ПИСЬМО (1759).

Утѣсненная Истина пришла нѣкогда предъ Юпитера и, жалуяся на приказныхъ служителей, просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которые до взятокъ охотники, ради народнаго спокойства. Юпитеръ отрекался и говорилъ ей, сколько вдовъ и сиротъ останется, и сколько прольется слезъ, сколько нищихъ умножится ходящихъ по міру и просящихъ милостины. Нѣтъ, отвѣчала она, нищихъ будетъ меньше, ибо меньше грабительства будетъ; или развѣ тебѣ больше угодно, чтобъ невинныхъ людей, ими ограбленныхъ, жены, дѣти и они сами слезы проливали и по міру таскались? Сверхъ того рѣдко бываетъ, чтобы по мужней смерти жена, или по смерти отцовой сынъ или дочь послѣ приказнаго человѣка по міру ходили: всегда послѣ ихъ имѣнія остается довольно; развѣ покойникъ чаще бывалъ на кабакѣ, нежели въ приказѣ. По долгомъ ея прошеніи согласился наконецъ Юпитеръ ударити громомъ, но клялся Стиксомъ, что онъ того въ другой разъ не сдѣлаетъ: лучше, говорилъ онъ, ихъ исправлять, нежели истреблять. И хотя Истина и увѣряла его, что удобнѣе петиметра удержать отъ нарядовъ, нежели подъячаго отъ взятокъ; однакоЮпитеръсогласилсяоднажды только громомъ ударить и сказалъ: хотя бы я и не клялся,—я бы въ другой разъ не сдѣлалъ сего, убѣгая нареканія; беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ, и ежели по большеству голосовъ насъ обвинять станутъ, такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ, но политика тебя почтеннѣе: безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно, а безъ нея никакъ невозможно. Истина не имѣла большой нужды усиливать Юпитера о будущихъ послѣ истребленіяхъ, имѣя надежду, что, по единственномъ истребленіи приказнаго рода, такого грабительства уже не будетъ, и была обѣщаніемъ его довольна. Ударилъ Юпитеръ—повалилися подъячіе и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей осталися цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей! вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что это подъячіе! я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ! говорила она, отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ (а), дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ.

а) Чирики, чирки—коты, ботики.

*

Д. БАСНИ. (5).

1. *Протоколъ.*

Укралъ подъячій протоколъ;
А я не лицемѣрю,
Что этому не вѣрю.
Впадетъ ли въ таковой расколъ
Душа такого человѣка!
Подъячіе того не дѣлали въ вѣкъ вѣка.
И можетъ ли когда имѣть подъячій страсть,
Чтобъ сталъ онъ красть!
Нѣтъ, я не лицемѣрю,
Что этому не вѣрю:
Подъяческа душа
Гораздо хороша.
Да правда говоритъ гораздо красно рѣчно:
Увѣрила меня, что было то конечно;
У правды мало вракъ;
Не спорю: было такъ.
Судья того приказа
Былъ добрый человѣкъ;
Да лишь во весь онъ вѣкъ
Не выучилъ ни одного указа.
Однако осудилъ за протоколъ
Подъячаго на колъ.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.
Мнѣ жалко только то: подъячій мой
Оттоль не принесетъ полушечки домой.
Подъячій нѣсколько въ лицѣ перемѣнялся
И извинялся,
На милосердіе судью маня,
И говорилъ: попуталъ чортъ меня.
Судья на то: такъ онъ теперь и оправдался;
Я право этого, мой другъ, не дожидался—
За протоколъ
Его поймать и посадить на колъ.
Однако ты, судья, хоть городъ весь изрыщешь,
Не скоро чорта сыщешь;
Пожалуй, справокъ ты не умножай,
Да этого на колъ сажай.

2. *Совѣтъ боярскій.*

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни,
Доколѣ не былъ данъ
Россіи Іоаннъ,
Великолѣпныя въ Кремлѣ воздвигшій башни,
Въ Россіи не было спокойнаго часа:
Опустошались нивы
И были въ пламени лѣса;
Татары, бодрствуя, несясь подъ небеса,
Зря, сколь лѣнивы
Идти во праздности живущіе на брань,
И тѣ съ насъ брали дань,
Которые уже воззрѣть тогда не смѣютъ,
Какъ наши знамена явятся и возвѣютъ.
Они готовы нынѣ намъ,
Какъ мы имъ были, во услугу.
Не все на свѣтѣ быть единымъ временамъ.
Несутъ татара страхъ россійскимъ сторонамъ,
И разорили ужъ и Тулу и Калугу;
Предъ Россами они въ сіи дни грязь и прахъ,

Однако нанесли тогда Россіи страхъ,
Уже къ Москвѣ подходятъ,
И жителей Москвы ко трепету приводятъ.
Татара многажды съ успѣхами дрались.
Бояра собрались
Ко совѣщанію на разные отвѣты,
И дѣлаютъ совѣты;
Въ совѣтѣ томъ бояринъ нѣкій былъ:
Отъ старости сей мужъ, гдѣ Крымъ лежитъ, забылъ.
Бояра
Внимаютъ мужа стара;
А онъ спросилъ у нихъ: отколь идутъ татара?
Съ полудни, говорятъ.—Гдѣ полдень? я не знаю.—
Отъ Тулы ихъ походъ.—Я это вспоминаю:
Бывалъ я нѣкогда съ охотой псовой тамъ,
И много заяцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ.
Я вамъ вѣщаю
Въ отвѣтъ,
И мнѣніе свое вамъ ясно сообщаю:
Въ татарской мнѣ войнѣ ни малой нужды нѣтъ,
И больше ничего сказать не обѣщаю.
Меня татаринъ не сожжетъ
И мнѣ не сдѣлаетъ... увѣчья
Среди Замоскворѣчья.
Распоряжайте вы, а мой совѣтъ такой:
Мой домъ не за Москвой рѣкой.

3. Дѣтъ дочери подъячихъ.

Подъячій былъ, и былъ онъ добрый человѣкъ,
Чего не слыхано во-вѣкъ:
Умъ рѣзвый
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвый,
И сверхъ того еще писать умѣлъ.
Читатель этому конечно не повѣритъ
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ;
Что хамово то племя
И что крапивно сѣмя,
И что не возлетятъ ихъ души въ небесамъ,
И что наперсники подъячіе бѣсамъ—
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подъячаго вѣкъ минулъ,
Хотя подъячій сей работалъ день и ночь;
По смерти онъ покинулъ
Дочь,
И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
Что будетъ дочь его въ вѣкъ по міру таскаться.
Другой подъячій былъ и взятки бралъ,
Былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ;
Покинулъ дочь и тьму богатства онъ при смерти:
Взяла богатство дочь, а душу взяли черти.

Та дѣвка по міру таскается съ сумой,
А эта чванится въ каретѣ.
О Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!

Е. ХОРЪ КЪ ПРЕВРАТНОМУ СВѢТУ (1763). (⁶).

Прилетала на берегъ синица
Изъ за полночнаго моря,
Изъ за холодна Океяна.
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцевъ не просятъ;
За носъ тамъ судей писцы не водятъ;
Сахаръ подъячій покупаетъ;
За моремъ подъячіе честны;
За моремъ писать они умѣютъ,
За моремъ въ подрядахъ не врадутъ:
Откупы за моремъ не въ модѣ,
Чтобы не стонало государство.
Завтремъ тамъ истца не питаютъ,
За моремъ почетные люди
Шеи назадъ не загибаютъ,
Люди отъ нихъ не погибаютъ.
Въ землю денегъ за моремъ не прячутъ.
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ;
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
За моремъ старухи не брюзгливы;
Четокъ они хотя не носятъ,
Добрыхъ людей не злословятъ.
За моремъ противно указу
Росту заказнаго не емлютъ.
За моремъ пошлины не крадутъ.
Въ церкви за моремъ кокетки
Бредить, колобродить не ѣздятъ.
За моремъ бездѣльникъ не входитъ
Въ домы, гдѣ добрые люди.
За моремъ людей не смучаютъ,
Сору изъ избъ не выносятъ.
За моремъ ума не пропиваютъ;
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ;
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились.
Учатся за моремъ и дѣвки;
Тамъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи;
Только во презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ.
Вздору тамъ ораторы не мелютъ;
Стихотворцы вирши не кропаютъ;
Мысли у писателей тамъ ясны,
Рѣчи у слагателей согласны.
За моремъ невѣжа не пишетъ,

Критика злобой не дышетъ,
Ябеды за моремъ не знаютъ.
Лучше тамъ достоинство наука,
Лучше приказнаго крюка.
Хитрости свободны тамъ почтенняй,
Нежели невнятные экстракты.
Тамъ купецъ-купецъ, а не обманщикъ.
Гордости за моремъ не терпятъ,
Лести за моремъ не слышно,
Подлости за моремъ не видно,
Ложь тамъ велико беззаконье.
За моремъ нѣтъ тунеядцевъ:
Всѣ люди за моремъ трудятся,
Всѣ тамъ отечеству служатъ;
Лучше работящій тамъ крестьяиинъ,
Нежель господинъ тунеядецъ;
Лучше не расчесаны кудри,
Нежели парикъ на болванѣ.
За моремъ почтенняе свиньи,
Нежели безстыдны сребролюбцы
. . . .
Пьяные по улицамъ не ходятъ,
И людей на улицахъ не рѣжутъ.

Ж. ИЗЪ ТРАГЕДІИ ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ (1771). (7).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Георгій и Ксенія.

Георгій. Языкъ мой долженъ я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостнымъ лукавцамъ я подобенъ.
Вотъ поступь, если царь неправеденъ и злобенъ.
Ксенія. Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишь одни!
Георгій. О ты, печальный Кремль! сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низвержена съ престола добродѣтель.
Томящаясь Москва въ унынiи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ:
Дни свѣтлы кажутся густой темняе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ,
Намъ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ
И церкви нашея паденье возвѣщаетъ,
Которое она отъ Папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду
Мятежникамъ, врагамъ отеческому граду,
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ;
Пострaждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ.
Тамъ кровью землю всю написты обагрили,

Побили жителей, оставшихъ разорили,
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечь.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ Папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ (8).

Ксенія. Всѣ силы пагубны: Димитрій, Климентъ, адъ,
Изъ сердца моего тебя не истребятъ.
О небо, удали свирѣпство папской власти,
А съ нимъ и Ксеніи несносныя напасти,
Дабы свою главу Россія подняла,
А я бъ супругою любовниву была!
Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ—
Едино только то, чего желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На счастьи подданныхъ основаны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ тартара тебя Мегера позметала,
Кавказъ тебя родилъ, Ирканія питала (9).
Извержетъ еретикъ, толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ.
Въ Россіи имена ихъ вѣчно сокрушатся,
И домы Божіи въ Москвѣ опустошатся.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ!
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ!
Избавь отъ ярости себя непобѣдимой
И мужа украси достойна діадимой!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Димитрій (*одинъ*) (10). Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ,
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.
О устрашающи меня Кремлевы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ.
Гласятъ граждане: мы тобою разоренны;
А храмы вопіютъ: мы кровью обагренны.
Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста;
Во преисподнюю зрю мрачныя степени
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ гееннѣ я и въ пламени горю;
Воззрю на небеса—селенье райско зрю:

Тамъ добрые цари природы всей красою,
И ангели кропятъ ихъ райскою росою;
А мнѣ, отчаянну, на что надежда днесь!
Въ вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,
Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги, тиранъ, бѣги.... кого бѣжать?... себя?
Не вижу никого другаго предъ собою.
Бѣги!... куда бѣжать?... твой адъ вездѣ съ тобою.
Убійца здѣсь—бѣги!... но я убійца сей.
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу!... кому?... себѣ.... себя ль возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?... того не вижу.
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ.
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда;
А я здѣсь царствую — и мучуся всегда.
Терпи и погибай, восшедъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ; живи, умри тираномъ!

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ V.

Димитрій (*одинъ*). Блаженная душа идетъ въ объятье Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь—ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ.
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спѣшитъ на небеса,
И солнце, утомясь, нисходитъ за лѣса,
Дабы свѣжай себя природѣ возвратило....
Помедли въ небеси, горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишься всегда,
А мнѣ уже тебя не зрѣти никогда.

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

Димитрій (*одинъ*).

(Занавѣсъ подымается: Димитрій спящій сидитъ на креслахъ, возлѣ него столъ, на которомъ царскія утвари, и проснувся говоритъ):

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій:
Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей градъ.

И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.
(Слышенъ колоколъ).
Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина?
(Востаетъ).
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ.
Трепещетъ духъ во мнѣ.... сего не зналъ я прежде....
Объятъ отчаяньемъ—и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ....
О Боже!... но меня оставилъ вѣчно Богъ,
А люди моего гнушаются и виду....
Смотрю прибѣжища.... не зрю.... въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы;
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества....
Весь воздухъ восшумѣлъ: враги вооруженны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны;
А я безсильствую, ихъ наглости внемля....
Все, все противъ меня: и небо и земля....
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

[1]) „Хоревъ, трагедія Александра Сумарокова. Спб. 1747". Представлена, въ первый разъ, 1750 г., кадетами Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса. Дѣйствующія лица: Кій, русскій князь, Хоревъ, братъ его и наслѣдникъ, Завлохъ, бывшій кіевскій князь, Оснельда, дочь Завлохова, Сталверьхъ, первый кіевскій бояринъ, Велькаръ, наперсникъ Хоревовъ, Астрада, мамка Оснельдина. Дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ и состоитъ въ слѣдующемъ: Кій овладѣлъ Кіевомъ, разбивъ Завлоха и взявъ въ плѣнъ Оснельду. Завлохъ подступаетъ къ городу съ войскомъ. Кій хочетъ освободить плѣнницу и выдать ее отцу. Оснельда желаетъ и не желаетъ свободы: она влюблена въ Хорева, который также питаетъ къ ней взаимную страсть. Не смотря на то, онъ долженъ, по повелѣнію своего брата и государя, сражаться съ отцемъ ея. Сталверьхъ возбуждаетъ въ Кіи подозрѣнія на счетъ Хорева, разсказывая ему, что послѣдній любитъ дочь врага своего брата. Послѣ побѣды надъ Завлохомъ, Велькаръ освободилъ одного плѣнника изъ темницы и послалъ его съ письмомъ Оснельды въ непріятельскій станъ. Кій заключаетъ Оснельду въ оковы и рѣшается отравить ее. Велькаръ является къ Кію съ мечемъ Завлоха, взятаго въ плѣнъ: тогда Кій, увѣренный въ невинности брата, соглашается на бракъ его съ Оснельдой, но посланный къ ней съ извѣстіемъ объ этомъ согласіи находитъ ее уже мертвою. Наконецъ приходитъ Хоревъ съ Завлохомъ, который прежде запрещалъ дочери любить Хорева, но который теперь разрѣшаетъ запрещеніе. Сталверьхъ, видя свои замыслы открытыми, оканчива-

етъ жизнь самоубійствомъ. Хоревъ также закалывается, узнавъ о смерти Оснельды.

[2]) „Двѣ епистолы, Александра Сумарокова. Въ первой предлагается о русскомъ языкѣ, а во второй о стихотворствѣ". 1748 г. Спб. Другое изданіе епистолы: „Наставленіе хотящимъ быти писателями, отъ Александра Сумарокова" (1774). Въ совѣтахъ своихъ Сум—въ видимо хотѣлъ подражать Буало (l'art poëtique). Они были уважаемы стихотворцами; по крайней мѣрѣ Херасковъ, въ піесѣ своей: Поэтъ (1805), рекомендуетъ юнымъ писателямъ слѣдовать Горацію, имѣть въ памяти Буалову науку о стихахъ и не забывать правилъ Сумарокова.

[3]) Презрительный отзывъ о литературѣ народной. Писатели, воспитанные на французскихъ понятіяхъ объ искусствѣ, не могли оцѣнить ее и дать ей надлежащее мѣсто въ исторіи русской словесности.

[4]) „Т. е.: не русскими, а славянскими". Сумароковъ не различаетъ этихъ двухъ языковъ, какъ не различали ихъ многіе и до него, и послѣ него.

[5]) „Притчи Александра Сумарокова". 3 книги: 1-ая и 2-ая 1762 г., 3-ья 1769. Въ Полн. Собр. Сочиненій шесть книгъ басенъ (т. VII). Форма и самое содержаніе многихъ басенъ Сумарокова совершенно отходятъ отъ условій этого рода произведеній. Въ нихъ нѣтъ аллегоріи: это скорѣе сатиры и посланія, въ которыхъ авторъ, безъ всякаго покрова, выражаетъ какую нибудь мысль. Главный предметъ сатирическихъ нападокъ басни Сумарокова—ябеда, подъячіе-крючкотворцы, которыхъ онъ часто называлъ „крапивнымъ сѣменемъ".

[6]) Хоры къ разнымъ группамъ большаго маскарада, устроеннаго въ Москвѣ 1763 г. въ коронацію Екатерины II (Собр. Соч. VIII). Хоръ къ превратному свѣту — весьма удачная и злая сатира на общество, совершенно противоположное, но своимъ недостаткамъ, идеальному обществу, изображенному въ утопіи.

[7]) „Димитрій Самозванецъ, трагедія Александра Сумарокова. Представлена въ первый разъ въ 1771 году февраля 1 дня на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ. Печатано при Импер. Ак. Н.". Съ портретомъ Самозванца и надписью къ портрету:

Сей мужъ отечества смертельная былъ рана.
Зримъ въ образѣ его убійцу и тирана.
За варварство злодѣй утратилъ наконецъ
Безвременно жизнь, скипетръ и вѣнецъ.

За примѣчаніемъ касательно портрета слѣдуетъ характеристическое объясненіе слова: „публика" и особыхъ драматическихъ піесъ, „новаго и пакостнаго рода слезныхъ комедій" (comédie larmoyante). Оно написано по поводу перевода и представленія комедіи Бомарше: „Евгенія" (1770). Къ нему приложено отвѣтное письмо Вольтера къ Сумарокову, который жаловался фернейскому отшельнику на упадокъ вкуса въ драматическомъ искусствѣ. Вольтеръ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Сум—ва, что заставило послѣдняго сказать: „Не ужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели господину Вольтеру и мнѣ?" Переводчикъ Евгеніи названъ подъячимъ потому, что служилъ въ канцеляріи гр. Салтыкова, московскаго главнокомандующаго. Послѣ Вольтерова письма помѣщено „Разсмотрѣніе содержанія Евгеніи", выраженное грубо и насмѣшливо. Переводчикъ,

принадлежавшій къ лучшему московскому обществу, рѣшился отмстить критику. Случай къ мщенію скоро представился: Бельмонти, содержатель московскаго театра, не смотря на контрактъ съ Сумароковымъ—не играть трагедій безъ позволенія автора—далъ „Синава и Трувора", по приказанію гр. Салтыкова. Актеры и зрители уронили піесу: одни умышленно играли ее дурно, другіе умышленно шумѣли и грызли орѣхи. Въ страшной досадѣ, Сумароковъ послалъ энергическую жалобу Екатеринѣ II и получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Г. Сумароковъ! Чрезвычайно удивило меня письмо ваше отъ 20 генваря, а еще больше письмо отъ 1-го февраля. Какъ мнѣ кажется, и въ томъ и другомъ заключаются жалобы на Бельмонти, который однако только исполнилъ повелѣніе гр. Салтыкова, желавшаго видѣть представленіе одной изъ вашихъ трагедій. Это дѣлаетъ вамъ честь; вамъ бы слѣдовало сообразоваться съ желаніемъ перваго правительственнаго сановника въ Москвѣ. Но если ему заблагоразсудилось приказать, чтобы эта трагедія была играна, то надлежало исполнить его волю безпрекословно. Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженія достойны люди, служившіе со славою и убѣленные сѣдинами. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать подобныхъ преній. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимое для произведеній вашего пера; а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ". — Самозванецъ является въ трагедіи Сум—ва сверхъестественнымъ злодѣемъ. Онъ хочетъ жениться на Ксеніи, дочери Шуйскаго, хотя уже имѣетъ супругу, и въ оправданіе своего желанія говоритъ:

Закономъ та Римлянка:
Благочестивая потребна Россіянка.

Но Ксенія любитъ Георгія, князя галицкаго, котораго сперва заключаютъ въ оковы, а потомъ, по ходатайству Пармена, Димитріева наперсника, освобождаютъ. Боясь Димитріевой злобы, Шуйскій притворно уступаетъ; втайнѣ же возмущаетъ народъ. Лжедимитрій, въ отчаяніи, поражаетъ себя кинжаломъ.

[8]) Говорится о замыслахъ Димитрія и папы Климента VIII ввести въ Россію католическую вѣру. Самозванецъ признается въ нихъ Пармену (дѣйст. 1, явл. 1). Жестокое обращеніе христіанъ-европейцевъ съ дикарями-язычниками новаго свѣта возбуждало сильное негодованіе всѣхъ просвѣщенныхъ умовъ 18-го вѣка. Въ „Письмѣ Л—ва о пользѣ стекла" есть цѣлая тирада, осуждающая поведеніе испанцевъ въ Америкѣ.

[9]) Ксенія обращается къ Димитрію съ тѣми же укорами, какіе Дидона выговаривала Энею, въ 4-ой пѣснѣ Энеиды: „Кавказъ произвелъ тебя на свѣтъ въ своихъ скалахъ; тигрица гирканская кормила тебя молокомъ". Сличи также слова Дидоны въ трагедіи Княжина тогоже имени:

....Лютый тигръ тебѣ далъ видѣть свѣтъ;
Въ утробѣ ты зачатъ свирѣпѣйшія львицы.

[10]) Подражаніе монологу Ричарда III, въ трагедіи Шекспира того же имени (дѣйств. V, явл. 3).

XXVI.

АМВРОСІЙ ЮШКЕВИЧЪ (a).

ИЗЪ СЛОВА ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ (1741). ([1]).

Славитъ Писаніе Священное Іудиѳь прехрабрую за то, что она своею премудростію, а наипаче твердымъ на Бога упованіемъ, главному врагу Олоферну, вождю вавилонскому, сама одна голову отсѣкла и все воинство его преславно побѣдила. Воспоминаетъ Іаиль, жену также мужественную, которая князя моавитскаго Сисару умертвила. Прославляетъ народъ израильскій даже до сего дня Есѳирь пречудную за ея превеликое, въ крайней бѣдѣ, заступленіе, которое она весьма ревностно показала въ то время, когда намѣрено было весь народъ израильскій до единаго человѣка погубити; ибо она съ великимъ сокрушеніемъ сердца молила Господа: нынѣ, Господи Боже Царю, пощади люди твоя, яко зазираютъ намъ въ погибель и вожделѣша погубити наслѣдіе Твое. И хотя явственную смерть въ глазахъ видѣла, однакъ, любовію народа своего побѣждаемая, дерзнула внити предъ царя Артаксеркса и просить о избавленіи отъ погубленія людей своихъ, что и получить благополучно удостоилась.

Большія похвалы достойна наша всероссійская героиня: ибо оная народъ свой свободила отъ враговъ токмо внѣшнихъ и явныхъ; наша-же преславная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тяжчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше разоряли. И смотри, какую діаволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! Спроси жъ: за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобы вовся въ Россіи истребить священство православное и завесть свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о

---

a) Архіепископъ новгородскій и с.-петербургскій († 1745).

людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Незнающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть, и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что архитектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государева, о коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную (а) похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!

Сего ихъ обмана народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ крайнія вѣрности; а они такимъ-то безбожнымъ образомъ и такою-то завѣсою покровенные людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили, разоряли и вовся искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистину, что и говорить стыдно, однакъ то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь человѣкъ иностранный незнаемый (не говорю о честныхъ и знатныхъ порсонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такого, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче что ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штабы и жалованія опредѣлить многія тысячи. И такой-то совѣсти были оные внутренніе враги наши! такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ каза-

---

а) Тайная канцелярія.

юсь, что они вѣрно служатъ, воюютъ за церковь Христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, въ нищету и въ крайнее разореніе.

Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну турецкую (а): сколько они безъ всякой баталіи и сраженія старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколькожъ сотъ тысячъ церковниковъ([2]) и другихъ рекрутъ перебрали! а всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили; но тѣ все то дѣлали притворно, подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежелибы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали. Ктожъ имъ со Христомъ евангельскихъ словъ не воспишетъ: идѣже сокровище ваше, ту есть и сердце ваше? Ежели кто сему не хощетъ вѣровать: пойди въ Голландію, въ Англію—тамо лучше увѣдаетъ. И отъ таковыхъ-то тайныхъ разорителей отечества нашего чрезъ вторую Іудиѳь, Всемилостивѣйшую Государыню нашу, Господь Богъ свободилъ насъ. О коль премного должны мы благодарить ему за такое превеликое его благоутробіе, что Онъ не по дѣломъ нашимъ судилъ намъ и наказалъ насъ, но по своей неизреченной милости сотворилъ съ нами, и умилосердился надъ нами, и помиловалъ насъ, и даровалъ намъ нынѣ полное отъ помянутыхъ враговъ свобожденіе.

а) 1736—1839 гг., стоившая большихъ потерь людьми и деньгами. Русскимъ в[о]йскомъ командовалъ Минихъ.

[1]) Слово въ день рожденія Императрицы Елисаветы Петровны, декабря 18 дня 1741 года, развиваетъ мысль, что „Богъ, еще въ рожденіи Елисаветы, назначилъ и опредѣлилъ ей державу россійскаго престола“. Въ этомъ развитіи исчисляются дѣла Петра Великаго и Екатерины I, говорится о притѣсненіяхъ, испытанныхъ Елисаветою по смерти родителей, наконецъ прославляется вступленіе ея на престолъ и освобожденіе Россіи отъ враговъ внутреннихъ. Большая часть духовныхъ словъ, отъ вступленія Елисаветы на престолъ (25 ноября 1741 г.), въ теченіе почти цѣлаго десятилѣтія, имѣетъ предметомъ одну и туже тему — возстановленіе Петрова племени и освобожденіе Россіи отъ враговъ внутреннихъ, подъ которыми разумѣлась иностранная или, вѣрнѣе, нѣмецкая партія въ администраціи и при дворѣ, преимущественно Биронъ, Остерманъ и Минихъ. Время отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны имѣло для проповѣдниковъ значеніе печаль-

наго историческаго промежутка, неблагополучной школы отечества, наказанія его „бѣдами, перемѣнами, страхами, пожарами, ужасными войнами, тяжкими многотрудными гладами, напрасными смертями и прочими безчисленными бѣдствіями“. Духовенство считало себя особенно въ правѣ столько же радоваться перемѣнѣ царствованія, сколько оно огорчалось прежнимъ правленіемъ. Причины и огорченія и радости изложены ясно Дмитріемъ Сѣченовымъ въ Словѣ въ день Благовѣщенія, 1742 г. Между ними важное мѣсто занимаетъ запрещеніе книги Яворскаго: „Камень Вѣры“ и судъ надъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, одобрившимъ ее къ изданію. Въ дѣйствіяхъ Бирона по этому случаю справедливо видѣли покровительство лютеранству и униженіе православія. Елисавета освободила Ѳеофилакта изъ заключенія и сняла запрещеніе съ книги Яворскаго. Поэтому въ проповѣди на ея вшествіе въ Москву (28 февраля 1742 г.), Амвросій, между прочимъ, говоритъ: „Книгу Камень вѣры, во тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла.... Вѣдали они (*внутренніе непріятели*), что наша вѣра есть крѣпка и непобѣдимая, понеже стоитъ не на простомъ человѣкѣ, но на твердомъ краеугольномъ камени, т. е. на Христѣ, Сынѣ Бога живаго. Инако ея побѣдить невозможно, какъ только отнять у нея оборону, оружіе и мечъ духовный, т. е. Слово Божіе, вѣру хранящее и защищающее. И какъ задумали, такъ и сдѣлали: готовыя книги во тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили.... Не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли; и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненія надѣйся. Что же сдѣлалъ Господь милосердый? Услышалъ молитву вѣрныхъ рабовъ своихъ, призрѣлъ на слезы и воздыханія ихъ, и вдругъ всѣ ихъ замыслы, всѣ хитрости и коварства разрушилъ, уничтожилъ и въ прахъ развѣялъ. О радости всего православія! О торжества несказаннаго всея Церкви Христовой! Возрадовались о семъ ангели, небеса восторжествовали и вси святіи радостную пѣснь воскликнули: „нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего и область Христа его, яко низложенъ бысть сатана и вси аггели его съ нимъ“.

[2]) См. Указы 28 сентября 1736, 6 февраля и 7 сентября 1737 г. (Пол. Соб. Зак. №№ 7070, 7169, и 7364). Первымъ велѣно учинить перепись дѣтямъ лицъ духовнаго званія и малолѣтнихъ отдать въ школу, а другихъ опредѣлить въ службу „для нынѣшней нужды въ комплектованіи арміи и гарнизоновъ“, въ слѣдствіе чего и набрано 6557 человѣкъ. По второму указу церковнослужители, для освобожденія себя отъ военной службы, могли ставить вмѣсто себя рекрутовъ или вносить 200 руб.; при поставкѣ рекрута брали съ нихъ на жалованье ему, на мундиръ, ружье и аммуницію по 30 руб. Третій указъ строжайше подтверждалъ кончить перепись неположеннымъ въ подушный окладъ къ половинѣ октября и всѣхъ, отъ 15 до 40 лѣтъ, безъ разбора взять въ военную службу: для замѣщенія же церковныхъ чиновъ употреблять изъ малолѣтнихъ церковническихъ дѣтей, а равно изъ тѣхъ, кому свыше 40 лѣтъ.

XXVII.

ДИМИТРІЙ СѢЧЕНОВЪ (а).

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ЯВЛЕНІЯ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ КАЗАНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ (1742).

Осмотримся, какъ мы любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у мене въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы тайны крашениннымъ покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю; а въ церковь никогда и волошскаго галенка (б) не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и нощь - легко, нескучно; а Христу въ молитвахъ поблагодарствовать, въ церкви съ умиленіемъ и страхомъ Божіимъ постоять—право, въ суетахъ и помолиться некогда. Люблю Христа: друга, или патрона, или сродника за прошеніе или за пріятіе даровъ; надѣйся—дѣло твое готово, сегодня приговоръ закрѣпимъ, а заутра и указъ получишь. А бѣдный вопіетъ: сотвори милость Бога ради, Христа ради, Божія Матере ради—и смотрѣть не хощу, со гнѣвомъ отвѣтствую: не шуми, теперь не до тебя, много дѣлъ государственныхъ. Люблю Христа: свои именины какъ безъ торжества пропустить? три дни и нощи веселюся, піянствую; а пріидетъ праздникъ Христова Рождества или Воскресенія, главныя спасенія нашего вины, за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій, и въ церкви не былъ; скорбитъ, что кого дома не засталъ, а о томъ и печали нѣтъ—не успѣлъ, рано стали благовѣстить. Люблю Христа: словомъ надѣюсь на него, весь въ волю его предаюся, да будетъ, глаголю, воля твоя; а самою вещію чрезъ патроновъ, стряпчихъ, ябедниковъ, чрезъ деньги, ласкательства и другіе коварные способы желаемыхъ себѣ вещей проискиваемъ. Се ли воля Божія? Словомъ, въ противныхъ (в) случаяхъ на Бога уповаемъ, той намъ помощникъ въ скорбехъ; а дѣломъ противникомъ нашимъ

а) Митрополитъ новгородскій (1709—1767).

б) Волошское вино. *Галенокъ* (Gallon)—англійская мѣра вина.

в) Несчастныхъ.

грозимъ не на Бога уповающе: или не вѣси, онсица (а) сенаторъ, президентъ, губернаторъ, воевода, секретарь, такое знатное лице — мнѣ благодѣтель, сродникъ, другъ; узриши, что тебѣ будетъ. А сего не вѣмы, что́ утро патрона или чести лишатъ, или ко гробу понесутъ, и самъ себѣ помощи не возможетъ. О суетно упованіе и спасеніе человѣческо! православніи христіане есьмы, любимъ Бога; а мнози отъ насъ и Бога едва знаютъ, а праведнаго его суда и отмщенія ниже думаютъ. Иные, за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церквей не знаютъ, о покаяніи ниже помышляютъ, таинъ святыхъ не причащаются. Отче нашъ, Богородице Дѣво прочитать не умѣютъ, а другаго писанія ниже спрашивай; а у всякаго вмѣсто писанія во устѣхъ хула, клевета, сквернословіе, на языкѣ обманъ, сердце исполнено коварства, помышленій лукавыхъ, во очесѣхъ зависть, руцѣ грабленіемъ сляченны (б), нозѣ скоро шествуютъ на зло. Се ли любовь ко Богу? се ли христіанская должность?

А о любви ближняго и спрашивать нечего. Вся ваша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй; а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было, да и въ будущемъ бы вѣцѣ покою не обрѣсти. Словомъ обѣщаетъ: я твой истинный другъ, всегдашній любитель, вѣрный слуга, а дѣломъ враждую, ненавижду, злодѣйствую; и таковымъ лукавствомъ подъ образомъ любви души незлобивыя, благочестивыя, христіанскія, которыя коварства познать не могутъ, уловляются и въ ровъ погибели ввергаются. Люблю ближняго: а аще малымъ чимъ мене оскорбитъ или словомъ досадитъ — во вѣки злобствуемъ, во вѣки не примирительны, до гроба не забываемъ, готовы за едино слово погубить. А часто бываетъ, что ближній мой ничимъ меня оскорбилъ, благочестно живетъ, никого не обидитъ, должность свою изрядно правитъ; а мы завистію горимъ паче огня геенскаго, славу его терзаемъ, честь его поносимъ, криво о немъ толкуемъ; только вины, что славенъ, честенъ, Богъ его произвелъ; гдѣ бы радоватися и Бога хвалити, что братъ нашъ прославляется — тако сѣтуемъ, тоскуемъ, печалимся о чуждемъ добрѣ; ради бы, что бы имя его не помянулося: и симъ ядомъ наполненные, глаголю, завистію, самыхъ ядовитыхъ звѣрей лютѣйшіе, ибо самихъ себе снѣдаемъ, ни сродныхъ познаемъ, ни благодѣянія помнимъ, ни достойнаго почитаемъ, ни заслуженному честь воздаемъ, ни добродѣтельнаго хвалимъ, но всякаго добраго имя руганіемъ, клеветою терзаемъ, угрызаемъ, на словѣ

а) Такой-то.

б) Отъ слящати (сгибать, скорчивать) — согнуть.

убиваемъ, всегда чуждые пороковъ сучки ломаемъ, а своихъ беззаконій цѣлыхъ бревенъ не видимъ. Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иный конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимыхъ, защитить правду; сего и не мыслитъ, и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки Фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ, а сего не слышитъ—всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный: изсше трава и цвѣтъ ея отпаде. Правосудіе ли тамъ присмотрится? въ передней избѣ часовъ пятѣ постой, да заутра пріиди, больше не жди. Милости ли сыскать? съ ногъ до головы одерутъ: не срачицу, но и кожу готовы снять; а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь. А сего не помнитъ, что единаго естества, единаго Создателя дѣло, единыя вѣры, братъ нашъ, удъ (а) нашъ, единыя благодати удостоенъ, равно кровію Христовою искупленъ, но за муху вмѣняютъ. Какъ таковый со псаломникомъ возглаголетъ: милость и судъ воспою тебѣ, Господи? а ему уже судъ безъ милости, не сотворшему милости, готовится. Мечъ творящаго судъ обидимымъ надъ главою его виситъ. Но что еще постраждетъ въ день страшнаго суда, егда откроетъ праведный судія дѣянія, совѣты, помышленія, возопіютъ вси презрѣнніи, обижденніи, милости лишенніи: доколѣ, Владыко святый, не мстиши обиды нашея? О горѣ! о лютѣ! абіе (б) декретъ (в) оный изречется неключимому (г) рабу: свяжите руцѣ и нозѣ, и ввержите во тьму кромѣшную, идѣже будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ. Люблю ближняго: а богатство кому попадется—не знаетъ, что не его злато, не его серебро, но Божіе, онъ токмо строитель Божіяго имѣнія поставленъ, да помогаетъ въ нуждѣ сущимъ, и за сіе мзду экономства своего въ день судный воспріиметъ, и желаемый оный гласъ услышитъ: благій рабе и вѣрный, о малѣ ми былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа твоего. А онъ, какъ неключимый рабъ, такими стѣнами и замками оградитъ, не токмо кому подать, но и посмотрѣть никого не сподобитъ, рубля безъ процента не дастъ, полушки бѣдному въ руки не вложитъ, и самъ хлѣба въ сладость не вкуситъ, дрожитъ, ночи не спитъ, какъ бы утраты не сдѣлалося; а сего не слышитъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ? Православніи христіане, любимъ Бога,

а) Членъ.

б) Немедленно.

в) Приговоръ.

г) Недостойному.

*

любимъ ближняго; а колико между нами лихоимцевъ, грабителей, сребролюбцевъ, обидчиковъ, ябедниковъ, славолюбцевъ, ласкателей, воровъ, раскольниковъ, прелюбодѣевъ, волшебниковъ, костоводовъ (а), обманщиковъ, клеветниковъ, убійцевъ, гордыхъ, немилостивыхъ, лестцовъ, родителей не почитающихъ, еретиковъ, безбожниковъ! Таковіи вси противницы Богу и враждебницы ближнему, таковыхъ христіанъ довольно будетъ въ геенской безднѣ, довольно будетъ въ тартарскихъ мѣстахъ. Се ли христіанская должность! се ли Евангельская жизнь! се ли Апостольская проповѣдь! се ли святыхъ отецъ ученіе! Вси знаютъ, что Евангеліе гремитъ, пророческія книги вопіютъ, Апостольская посланія истинной христіанской жизни обучаютъ, отеческая писанія во нравѣхъ христіанскихъ утверждаютъ,—никто не слушаетъ, никто не внимаетъ. Добрѣ Христосъ Господь у Луки святаго глаголетъ: аще кто (Луки гл. 16) отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры. А я уже всуе простираю слова: аще Христу, Апостоломъ не вѣрятъ; а мнѣ, послѣдней спицѣ въ колесницѣ, а не проповѣднику, кто повѣритъ? Лучше молчать: кто меньше правды говоритъ, милѣе живетъ.

Но прошло уже, слышателіе, тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла, и Слово Божіе вязалося (б), и путь въ царствіе небесное заключался, истинные догматы, ведущіе въ жизнь вѣчную, не слышалися, а соблазны и блеванія на православную церковь въ погибель многимъ всюду прославлялися, пастыріе молчали, проповѣдницы боялися (в). А нынѣ златыя времена, времена Константина Великаго, времена Θеодосія царя благочестиваго, времена Пульхеріи и Ирины, царицъ защищающихъ благочестивую вѣру. Царствуетъ надъ нами благочестивѣйшая, самодержавнѣйшая, великая государыня императрица Елисавета Петровна, и дщерь и внука и правнука императоровъ благочестивыхъ, воистину греческаго исповѣданія. Только пріиде къ намъ, а съ нею пріидоша вся благая; пріиде къ намъ, абіе устраши развратниковъ вѣры православныя, утверди благочестіе, отверзе слово Божіе—уже теперь не вяжется, отверзе дверь проповѣди - всюду истинно глаголется, всюду правда не молчится. Кто нынѣ возгордится и облѣнится слышати слово Божіе и правду его, аще сама всепресвѣтлѣйшая монархиня, хотя правленіемъ всецѣлаго государства утружденна, всегда слово Божіе слышати желаетъ, и слушая не скучаетъ: вѣдаетъ, что словеса Господня—словеса чиста, сребро разженно,

---

а) Играющій въ кости.

б) Связывалось, лишалось средствъ дѣйствовать свободно.

в) Отношеніе къ предъидущему времени—господству нѣмецкихъ сановниковъ.

очищено земли, искушено (а) седмерицею; вѣдаетъ, что законъ устъ Господнихъ благъ есть паче тысящъ злата и сребра; вѣдаетъ, что глаголы Христовы—глаголы суть живота вѣчнаго; вѣдаетъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ будетъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Сіе мы видѣвши, что сама глава наша раченіе о словѣ Божіи, ревность ко правдѣ имать, въ сіе ли благополучное время умолчимъ? да не будетъ. Но аще мы умолчимъ, камени возопіютъ.

„Слово въ день явленія чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы въ градѣ Казани". Характеръ его рѣзко-обличительный, какъ и всѣхъ другихъ проповѣдей Сѣченова, о которыхъ еще Карамзинъ, въ Пантеонѣ рос. авторовъ, такъ отозвался: „Достоинство ихъ состоитъ не въ искусствѣ ораторскомъ, но въ чистомъ христіанскомъ ученіи и въ смѣломъ изображеніи мірскихъ пороковъ. Онъ въ присутствіи двора громогласно укорялъ льстецовъ и знатныхъ вельможъ, для которыхъ низкая и личная польза есть обожаемый идолъ". Содержаніе „Слова о появленіи иконы Божіей Матери въ Казани" Сѣченовъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ:

Еще начинается только второй лѣтній мѣсяцъ (слово произнесено 8-го іюля), а мы уже совершаемъ третье торжество Божіей Матери: первое происходило 23 іюня (Владимірская), второе 26 іюня (Тихвинская), третье происходитъ теперь, т. е. 8 іюля (Казанская). Достойно и праведно величати Ту, которая защищала русскихъ царей, была страхомъ для варваровъ и увеселеніемъ для христіанъ. Поэтому желалъ бы и я восхвалить и благодарить Ее, но въ умъ и сердце мое приходятъ недоумѣніе, страхъ и трепетъ: я слышу, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, разсуждая о неизреченныхъ добродѣтеляхъ Божіей Матери, восклицаетъ: „Любити убо намъ, яко безбѣдно страхомъ удобѣе молчаніе, любовію же, Дѣво, пѣсни ткати спротяженно сложенныя—неудобно есть". Если толикій всего міра свѣтильникъ, философіи и богословіи преславный кавалеръ, монашескихъ ликовъ генералъ, пустынныхъ жителей верхъ и доброта, ангелъ во плоти, неизреченныхъ таинъ истолкователь, Божія Матери особливый служитель, ужасается начиная ублажать ее, и совѣтуетъ любить молчаніе; то я ли скверный языкъ мой къ похвалѣ оныя простерти могу, весь къ земнымъ попеченіямъ привязанъ, всегда временныхъ ищу, всегда земная мудрствую, весь міра сего прелестьми ослѣпленъ, всю жизнь въ сластехъ и страстехъ, аки свинія въ блатѣ, валяюся, не монахъ, но соблазнъ, аки тьма отъ свѣта отъ такого свѣтильника разнствую, мерзкими нравами безсловесныхъ скотовъ, звѣрей превосхожду, не токмо говорити, но ниже помыслити о таковомъ превысокомъ дѣлѣ дерзаю. — Впрочемъ надобно понимать истинный смыслъ словъ Дамаскина: онъ не запрещаетъ прославлять Пречистую, а только совѣтуетъ осмотрѣться на немощь естества нашего, на недостоинство наше и совѣсть, грѣхами оскверненную, и потому говоритъ: „Яко одушевленному Божію кивоту, да никакоже коснется рука скверныхъ, но душами чистыми и нескверными устнами, пріидите — возвеличимъ Пречистую Матерь Еммануилеву". Разсмотримъ же, согласно ли Христову имени живемъ мы: такъ ли мы любимъ Бога и ближняго, какъ предписываетъ намъ Евангеліе? — Слѣдуетъ за симъ объясненіе истинной любви къ Богу и истинной любви къ ближнему (пер-

а) Испытано.

вый отдѣлъ главной части Слова). Эти толкованія христіанскихъ обязанностей, какъ общій элементъ проповѣди, прилагаются къ разсмотрѣнію нашей жизни, составляющему ея частный элементъ, Приложеніе, выражающее живое отношеніе Слова къ современности, по имени христіанской, по дѣламъ противохристіанской, и образующее второй отдѣлъ главной части, помѣщено въ Хрестоматію. Заключеніемъ Слова служитъ молитвенное обращеніе къ Божіей Матери и похвала Елисаветѣ.

XXVIII.

ГЕДЕОНЪ КРИНОВСКІЙ (1).

СЛОВО О СЛУЧИВШЕМСЯ 1755 ГОДУ ВЪ ЕВРОПѢ И АФРИКѢ УЖАСНОМЪ ТРЯСЕНІИ (2).

Днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ (*Псаломъ 94, ст. 7—8*).

Получаемыя со дня на день нами нынѣ иностранныя вѣдомости возбудили во мнѣ охоту нѣкоторыя сочинить теперь на нихъ нравоучительныяпримѣчанія,слышатели благочестивые. Вѣдомости сіи ничего почти добраго намъ не возвѣщаютъ. Богъ знаетъ, бывали ли когда непріятнѣйшіи паче нынѣшнихъ на земли случаи. Въ толь краткое время толь многія зло пострадали государства. Тамъ видимъ разверзающуюся и страшный съ шумомъ пламень изъ нѣдръ своихъ испущающую землю; тамъ море необычно разливающееся и поглощающее народа множество; тамъ прекрасные грады въ страшныя превращенны пустыни; тамъ превысокія горы въ глубокія рвы и долины сотворшіяся; тамъ многія тысящи человѣкъ живыхъ погребенныхъ; тамъ полумертвыхъ безъ пищи, безъ покрова ужасно воплящихъ. И чтожъ сіе, слышатели? Какого вы разсужденія о такихъ вѣдомостяхъ? Не хочете ли все то приписать натурѣ? Не думаете ли, что селитряныя и другія нѣкія сухія и легко загараемыя частицы, въ потаенныхъ земныхъ каналахъ собравшися и съ нѣкоторыми водяными частицами стираяся, горячесть, а потомъ и пламя произведши, и тѣмъ тончайшій, въ убѣгающихъ отъ очей нашихъ земныхъ трубахъ находящійся воздухъ въ возмущеніе приведши, потрясли такъ землю и воду? Пусть такъ будетъ; я сему не противлюсь: не надобно и естественныхъ совсѣмъ опровергать силъ, или ихъ испытателей порочить. Но для чегожъ, вопрошаю, не прежде, но въ сіе самое время, не въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура?

Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ? Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли; случаемъ Португалія, Гишпанія, Франція и многія Нѣмецкія и другія различныя земли подпали сему злу. А мы, напримѣръ, Россіаны ни труса земли, ни восхожденія необычнаго воды не чувствовали? Но гдѣ жъ (а) будетъ дѣвать оное слово Христово, что ни власъ главы нашей безъ воли Отца небеснаго не погибаетъ (Матѳ. X, 30; Лук. XII, 7), ежели случаемъ столько душъ пропало? Нѣтъ, слышатели! не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждяй зло, по писанію (Исаіи XLV, 7), главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною. Онъ естество содержитъ въ своемъ послушаніи и полагаетъ, какіе хочетъ, ему предѣлы; Онъ и сдѣлалъ нынѣ, чтобъ оно, оставя прежній свой порядокъ на сіе время, новый и ужасный видъ на себе приняло; Онъ, говорю, то есть который призираетъ на землю и творитъ ю трястися, по Псаломнику (Псал. CIII, 32), и котораго море и вѣтры послушаютъ, по Евангелію (Матѳ. VIII, 26), привелъ въ такое смущеніе обѣ сіи стихіи (³). А понеже Богъ и естество ничего напрасно не дѣлаютъ, какъ то и самые языческіе признали философы, то уже слѣдуетъ намъ помышлять, что непремѣнно и помянутыя печальныя руки Божіей дѣйствія нѣкоторую у себе имѣютъ причину. И въ семъ-то состоять будутъ сегодняшнія краткія мои примѣчанія (⁴). Впрочемъ я не намѣренъ пущаться въ глубину сію безъ разсужденія. Я не смѣю испытывать совершенно, что единому Богу извѣстно; но только хочу сказать, что все сіе сдѣлано ради того, чтобъ устрашить насъ грѣшныхъ и отвесть отъ беззаконій нашихъ, которыя такъ сильно укоренились и разумножились въ насъ, что, кажется, вси прошедшіе вѣки въ томъ уступить настоящимъ должны. Чего ради и въ заглавіи сей моей бесѣды заблаго разсудилось мнѣ положить оныи Давидовы слова: «Днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ»! Ежели бо толь громкій и грозный гласъ Божій, гласъ, говорю, сокрушающій каменіе и стрясающій горы, нечувствителенъ сердцамъ нашимъ сдѣлается; то уже конечно не можно будетъ насъ почитать за человѣковъ, но развѣ за нѣкоторую самыхъ нечувственныхъ вещей нечувственнѣйшую тварь.

Но надобно мнѣ напередъ васъ увѣрить, что грѣхи наши подали причину, чтобы такія зла навелъ Богъ на землю. А чѣмъ же бы я самъ увѣрилъ? Увѣряю живымъ и дѣйствительнымъ словомъ Божіимъ, то есть священнымъ писаніемъ. Посмотрите вы, въ книгѣ Второзаконія, въ гла-

---

а) Куда.

вѣ 30, что тамъ Богъ говоритъ чрезъ Моисея ко Израилю? Аще, говоритъ, послушаешь ты заповѣдей Господа Бога твоего, поживеши и умножишися, и благословитъ тя Господь; аще ли же не послушаете, возвѣщаю вамъ, яко погибелію погибнете. И въ книгѣ Левитской, въ главѣ 28, говоритъ: Аще не послушаете мене, положу вамъ небо аки желѣзно и землю яко мѣдяну, и во ничто будетъ вся крѣпость ваша. Чтожъ и Давидъ? Многи, говоритъ, раны грѣшному. Да и дѣйствительно, испытайте и виждьте, что навело страшный оный при Нои потопъ на вселенную: не грѣхи ли человѣческіе? Что Содому и Гомору попалило: не грѣхи ли? За что Даѳана и Авирона земля пожерла: не за грѣхи ли? За что Іерусалимъ невозвращаемому разоренію подпалъ? также не за грѣхи ли? И сіе я говорю о причинѣ золъ всякихъ вообще. Слышите жъ и что особливо о землетрясеніи сказалъ Златоустъ святый? Какъ однажды приключившееся во времена его землетрясеніе уже нрестало, вскорѣ онъ послѣ того имѣлъ къ народу прекрасную бесѣду о причинѣ зла сего, и въ ней между прочимъ сказалъ такъ: «Другіе вси ради землетрясенія страхомъ объяты были, а я ради вины землетрясенія. Они боялись, чтобъ градъ не палъ и не погиблъ; а я, что Богъ на насъ гнѣвался, содрогалъ. Вина бо землетрясенія есть Божій гнѣвъ, гнѣва же Божія вина суть грѣхи наши.» Вотъ что Златоустъ говоритъ! и требуемъ ли еще мы яснѣйшаго предложенной истинѣ свидѣтельства?

Но не подумалъ бы уже кто, послушая сего, что тѣ люди, которые погибли совсѣмъ или нѣкоторый хотя вредъ претерпѣли при помянутыхъ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ, одни грѣшныи были, а мы праведныи, что сохранились цѣлы отъ зла? Нельзя того заключать отсюды. Нельзя сказать, чтобъ тотъ пророкъ, котораго Богъ льву на растерзаніе отдалъ за одно то, что противъ приказа его совратился съ пути своего откушать хлѣба у другаго пророка (3 кн. Царствъ, XIII), или Оза, который за неподобающее прикосновеніе къ кивоту Божію палъ предъ всѣми внезапу мертвъ (2 Царствъ, VI), грѣшнѣйшіе были паче тѣхъ, которые повседневно преступаютъ заповѣди Божіи и касаются дерзновенно языкомъ своимъ завсегда не только вещей какихъ божественныхъ, но и самой чести Божіей, однакожъ не умираютъ того же самаго времени, ниже львы, исходя изъ пустыни, растерзаютъ ихъ. Такимъ образомъ не можно утвердить, и чтобъ несчастливыи оныи люди достойнѣйшіи паче насъ были такого наказанія Божія. Но думать намъ надобно, что, можетъ быть, для того здѣсь насъ Богъ не наказываетъ, понеже блюдетъ на вѣчное мученіе, по силѣ оныхъ словъ Петровыхъ: Вѣстъ Господь нече-

стивыя на день судный мучимы блюсти (2 Петр. II, 9), или что, можетъ быть, уже и подъ нами подводятся тѣ подкопы, которые подорвали бѣдныхъ тѣхъ жизнь или благополучіе? Можетъ быть уже и на насъ простерта страшная рука Божія, которую на себѣ почувствовали прочіе краи, но ждетъ еще, не устрашимся ли мы ихъ примѣромъ и не пробудимся ли отъ сна нашего стукомъ, которой потрясъ толь великую часть вселенныя.

Внемлемъ, что сказалъ Христосъ іудеемъ, когда они пришли къ нему и разсказывали о галилеанахъ (которыхъ побивши Пилатъ за нѣкоторое бунтовство, смѣсилъ кровь съ жертвами ихъ), какъ о достойныхъ такой казни грѣшникахъ. Не думайте, сказалъ, будто сіи галилеаны паче всѣхъ грѣшнѣйшіи были, что такъ пострадали; но знайте, что ежель и вы, смотря на нихъ, не покаетесь, вси такожде погибнете (Лук. XIII. 2—3). Тамъ же приводитъ онъ и другой еще имъ примѣръ. Какъ вы разсуждаете, говоритъ, и о тѣхъ осьмнадесяти человѣкахъ, которыхъ паденіемъ своимъ умертвилъ столпъ Силоамскій? Не мните ли, яко тіи должнѣйшіи бяху паче всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? ни, глаголю вамъ; но аще не покаетеся, вси такожде погибнете (Лук. XIII, 4—5). Которое мѣсто, толкуя нѣгдѣ, святый Златоустъ говоритъ такъ: Показываетъ вотъ здѣсь намъ Христосъ явственно, что оныи осьмнадесять человѣкъ уставлены были отъ Бога прочимъ въ примѣръ и устрашеніе! Наказывается бо (придаетъ) всякъ за свои собственныя беззаконія, но бываетъ то самое инымъ спасенія виною; то есть, чтобъ отъ наказанія другаго безумный премудрѣйшимъ сдѣлался. Понеже бо Богъ не всѣхъ здѣсь наказываетъ, но даетъ время на покаяніе; однакожъ не всѣхъ и до будущей казни блюдетъ, чтобъ многіи промысла Его не отметали. Видимъ убо мы здѣсь явственно, что и прочіи іудеи не лучшіи были отъ побитыхъ столпомъ тѣмъ; но хотѣлъ ихъ Богъ не вдругъ казнить, но по части для того, чтобъ до которыхъ еще казнь не дошла, устрашенны погибелію своихъ ближнихъ, могли обратиться къ нему, чего онъ единственно отъ всякаго грѣшника желаетъ, по оному: не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему. И коль же мы счастливы, примѣтьте отсюды, слышатели! что Богъ въ показаніе праведнаго своего суда избралъ сосуды иные, а не насъ; намъ еще оставилъ время, чтобъ могли ихъ примѣромъ пользоваться. Не моглъ ли бо онъ насъ на то употребить, чтобъ тѣхъ устрашилъ? какъ теперь съ ними поступилъ, чтобъ мы въ страхъ пришли—сами разсудите!

Но убо смотри жъ ты всякъ, ктобъ ты таковъ ни былъ, помилованный въ семъ случаѣ грѣшникъ! Не неради о такомъ бо-

гатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, показанномъ на тебѣ! Когда тебѣ Богъ столь прилежно зоветъ къ покаянію, не ожесточай день отъ дня сердца твоего, да не соберешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва, подобный собывшемуся на несчастливыхъ оныхъ, или и того еще ужаснѣйшій. Вѣдь то всякому, чаю, нимало не сумнительно, что мы вси равныи у Бога дѣти; равно Богъ печется о всѣхъ какъ о единомъ, говоритъ Августинъ. Ежели убо Богъ погибшихъ оныхъ людей не пощадѣлъ, конечно и наши беззаконія жесточайшею нѣкою казнію наказать во гнѣвѣ своемъ не преминетъ (Лук. XXI). Убойся убо, и паки я говорю: убойся, человѣкъ, праведнаго суда Божія! убойся тѣхъ казней, которыя на другихъ видишь, да не и на тебѣ тѣжде искусишь!

Буде ли жъ мало кому сего ко устрашенію нечувственной души его, то можетъ еще и иное на сіи вѣдомости сдѣлаться примѣчаніе, которое лишь только хочу я воспомянуть, страшусь сердцемъ, ужасаюся мыслію, трепещу всѣми удами. А что оно такое? А вотъ то, что сіи трусы и пагубы, о которыхъ теперь намъ рѣчь, еще суть явственнымъ знаменіемъ скораго на землю пришествія Христова. Тако бо сказалъ Христосъ во Евангеліи о своемъ пришествіи, когда спрашивали его ученики, какое предъ тѣмъ знаменіе будетъ. Будутъ, рече, тогда трусы велики по мѣстамъ, и глады, и пагубы; будутъ знаменія въ солнцѣ, и лунѣ, звѣздахъ и на земли туга (а) языкомъ отъ нечаяннаго шума морскаго и возмущенія (Матѳ. XXIV). Я разумѣю, что нѣкоторые теперь стали номышлять въ сердцахъ своихъ. Они хотятъ мнѣ противъ сего примѣчанія сказать, что и прежде сего трясенія земли и разлитія водъ морскихъ бывали; однакожъ Христосъ еще и доднесь не пришелъ. Но бывали, правда, трясенія и возмущенія морскія, да не таковыя. Смотрите теперь сколько селъ, сколько городовъ, сколько и цѣлыхъ островов или совсѣмъ погибло, или крайне повредилось въ толь краткомъ времени! Довольно ли того, что сами тѣ, которые, можетъ быть, о послѣднемъ разореніи міра сего никогда не думали, принуждены теперь признавать, будто вся натура пришла въ безпорядокъ, и слѣдовательно грозитъ паденіемъ и совершеннымъ своимъ разрушеніемъ? Впрочемъ, не можетъ никто за тѣмъ усумнѣваться о истинѣ евангельскаго предвозвѣщенія, что, напримѣръ, третій уже мѣсяцъ тому, какъ помянутыи начались въ Европѣ и Африкѣ трясенія, а Христова еще пришествія нѣтъ, понеже и самъ Христосъ не называетъ ихъ такими знаками, за которыми непосредственно слѣдуетъ кончина вѣка. Вся, рече, сія еще суть на-

---

а) Печаль.

чало болѣзнямъ, а не у (a) кончина. Но только говоритъ, что не укоснитъ уже послѣ сего судъ его. Отъ смоковницы, рече, научитеся притчи, егда уже вѣтвіе ея будетъ зелено и израститъ листвіе: знакъ есть, что близь есть жатва; тако и вы, егда сіи трусы и пагубы видите, вѣдите, яко близь есть при дверехъ день мой (Матѳ. XXIV, 32—33) ([5]). Памятуимъ мы сіе, слышатели, и поступаимъ, какъ требуютъ такія отъ насъ примѣчанія! Ежель кого не устрашаетъ первое, да устрашитъ второе! ежель не второе—первое! А болѣе ничего вамъ я теперь не скажу: только еще повторю, ради памяти, оныя пророческіи слова: Днесь аще гласъ Господа, зовущаго васъ на покаяніе, услышите, о люди, не ожесточите сердецъ вашихъ! И тѣмъ кончу днешную мою бесѣду ([6]). Аминь.

[1]) Гедеонъ Криновскій р. 1728 въ Казани, обучался въ тамошней семинаріи, а потомъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ своими проповѣдями обратилъ на себя вниманіе И. И. Шувалова. За произнесенную проповѣдь, 1754 г., въ присутствіи Императрицы Елисаветы, которая находилась тогда въ Москвѣ, былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1755 г. посвященъ въ архимандриты Саввина Сторожевскаго монастыря и пожалованъ членомъ Синода. Въ 1758-мъ переименованъ въ архимандриты Троицкой Сергіевской Лавры, но продолжалъ проповѣданіе при Дворѣ. Въ 1761 г. посвященъ въ епископа псковскаго, оставаясь присутствующимъ въ Синодѣ. Въ 1763 г. отправился въ свою епархію и, не доѣхавъ до Пскова, умеръ.

a) У (уже) съ предшествующимъ нарѣчіемъ отрицанія *не* означаетъ въ церк. слав. языкѣ *еще не* (еще не кончина).

[2]) „Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ при Высочайшемъ Дворѣ Ея Императорскаго Величества сказыванныхъ придворнымъ Ея Величества проповѣдникомъ іеромонахомъ Гедеономъ, 4 ч. Спб. 1755—1759“.

[3]) Въ „приступѣ“ Криновскій отвергаетъ мысль, которая въ его время сильно распространена была ученіемъ энциклопедистовъ: что всѣ явленія въ природѣ и жизни человѣческой имѣютъ источникомъ причины естественныя, естество, а не что-либо другое.

[4]) „Предложеніе“, тема слова: „виною различныхъ бѣдствій (землетрясеній, разрушенія городовъ, наводненій и пр.)—не естество, а грѣхи наши“. За этимъ слѣдуютъ „доказательства“ мысли (главная часть): „Но надобно напередъ васъ увѣрить“... и т. д.

[5]) Здѣсь кончена главная мысль — доказательство темы свидѣтельствами Св. Писанія и Златоуста. Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ перешелъ къ мысли о страшномъ судѣ, который, по его мнѣнію, возвѣщается страшными явленіями природы.

[6]) „Заключеніе“, призывающее слушателей къ очищенію жизни покаяніемъ.

XXIX.

ЗАПИСКИ КН. ШАХОВСКАГО.

Воспитаніе и начальная служба и отношенія къ Бирону.

Я родился въ 1705 году. По смерти отца моего остался при матери менѣе года. Мать моя чрезъ нѣсколько лѣтъ вышла за мужъ. Но какъ мой вотчимъ вскорѣ умеръ, а она вышла за другаго, который былъ къ матери моей, также и ко мнѣ неблагосклоненъ: того ради, на 9 году возраста моего, дядя мой родной, князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской (который тогда офицеръ гвардіи, а напослѣдокъ чрезъ многіе годы въ царствованіе государыни императрицы Анны Іоанновны сенаторомъ, въ конной гвардіи подполковникомъ, при ея императорскомъ величествѣ генералъ-адъютантомъ и ордена святаго Александра Невскаго кавалеромъ былъ), взялъ меня въ свой домъ, воспитывалъ при себѣ по тогдашнимъ обыкновеніямъ и любилъ во всю свою жизнь не менѣе какъ достойнаго сына.

Главнѣйшія жъ и частыя мнѣ были отъ сего втораго отца поученія, чтобы всякое дурно (а) дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодолѣнія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, притомъ тщиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшія дѣла похвальную память о себѣ оставившихъ, и научать себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать. Сіи-то, благосклонный читатель, въ молодости моей вкорененныя въ сердце и въ мысли мои поученія были при всѣхъ случаяхъ въ поведеніяхъ моихъ первѣйшими правилами.

Какъ достигъ я 14 лѣтъ возраста моего, то представилъ онъ меня въ службу лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, въ государствованіе императора Петра Великаго, въ 1709 году. Въ ономъ полку бывъ по нѣскольку времени солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ и сержантомъ, его жъ отеческими о мнѣ къ лучшему промыслами, не такъ какъ послѣ многіе молодые дворяне, дома живучи, всѣ унтеръ-офицерскія званія проносили (б), а по введеніи уже въ офицерскіе чины въ службу вступали, я, неотлучно при полку находясь, капральскую и всѣхъ

а) Дурное дѣло.

б) Проходили.

унтеръ-офицерскихъ чиновъ должность дѣйствительно отправлялъ.

Въ 1725 году въ царствованіе государыни императрицы Екатерины Алексѣевны между немногими прочими унтеръ-офицерами назначенъ, а потомъ въ государствованіе императора Петра II произведенъ изъ онаго полку въ новосоставленный тогда изъ бывшихъ въ драгунскихъ полкахъ дворянъ новый полкъ, именованной лейбъ-регаментомъ (а), поручикомъ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени произведенъ капитаномъ, и при переименованіи того полку въ 1730 году конною гвардіею, въ государствованіе императрицы Анны Іоанновны, съ повышеніемъ всѣхъ равными чинами съ пѣхотною гвардіею, между прочими изъ того полку прежними офицерами, оставленъ я былъ въ ономъ полку поручикомъ.

Между тѣмъ упомянутый дядя мой, тогда уже бывъ генералъ-маіоръ и гвардіи пѣхотный маіоръ, въ 1732 году опредѣленъ былъ въ оный лейбгвардіи полкъ подполковникомъ, а въ 1734 году отправленъ отъ государыни императрицы Анны Іоанновны въ Комиссію учрежденія слободскихъ (б) полковъ, куда и меня между прочими, для управленія по оной комиссіи, дѣлъ офицерами, взялъ съ собою и по особливой ко мнѣ милости, дѣлая меня въ услугамъ отечеству способнымъ, употреблялъ во всѣ по той комиссіи нужнѣйшія дѣла, и между прочимъ многажды посылалъ съ докладами къ ея императорскому величеству. Тогда-то оною комиссіею учреждено въ каждомъ слободскомъ казацкомъ полку по одной регулярной конной, равной драгунамъ ротѣ, а прочіе тѣхъ полковъ жители, яко то: мѣщане, владѣльческіе подданные и Черкасы (а), по уравнительному расположенію на содержаніе оныхъ ротъ и учрежденнаго тогда числа въ каждомъ полку для военной службы казаковъ, обложены денежнымъ въ казну платежемъ, такъ какъ и многіе инаковые въ тѣхъ слободскихъ полкахъ суды и обряды на ясныхъ къ лучшему доказательствахъ учреждены, которые и потомъ нѣсколько лѣтъ отъ правительства хвалимы были. Но послѣ, по пристрастіямъ и лакомству (б) могущихъ (в) господъ, въ первые годы царствованія государыни императрицы Елисаветы Петровны, оныя регулярныя роты поверстаны (г) въ казаки, а новоучрежденные внутрен-

---

а) Полкъ, учрежденный для образованія офицеровъ въ конницу и состоявшій изъ однихъ дворянъ.

б) Казачьи, а потомъ гусарскіе: острогожскій, ахтырскій, харьковскій и другіе, жившіе въ селеніяхъ или слободахъ харьковской губерніи, которая прежде называлась слободско-украинскою.

а) Малорусскіе казаки. Главный городъ ихъ былъ Черкаскъ.

б) Похлѣбство.

в) Сильный, знатный.

г) Отъ верстать — уравнивать: уравнены съ казаками, обращены въ казацкіе полки.

ніе безпорядки уничтожены, и тѣ слободскіе полки приведены паки на прежнее обыкновеніе.

Въ тожъ время, когда оная комиссія происходила, по смерти малороссійскаго гетмана Данилы, по прозванію Апостола, поручена оному дядѣ моему надъ всею Малороссіею и надъ учрежденными въ той судами главная команда, гдѣ и я при семъ нѣсколько времени находился и имѣлъ случай познавать тамошнихъ дѣлъ обряды и поведенія.

Въ 1735 году, въ пріѣздъ мой съ дядею моимъ по слободской комиссіи съ дѣлами въ Петербургъ, пожалованъ я секундъ-ротмистромъ, а вскорѣ въ тожъ время на убылое въ полку мѣсто именнымъ же ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ пожалованъ въ ротмистры и остался при полку въ службѣ. А дядя мой къ своей должности опять въ Малороссію поѣхалъ, оставя мнѣ повѣренность, чтобъ всѣ присылаемыя отъ него по дѣламъ изъ Малороссіи и по Слободской комиссіи ея императорскому величеству и въ кабинетъ представленія, также къ герцогу Бирону и къ прочимъ господамъ министрамъ, съ коими онъ корреспонденцію производилъ, письма отдавать и о получаемыхъ по тѣмъ свѣдѣніяхъ его увѣдомлять; чрезъ что я къ герцогу Бирону и къ прочимъ господамъ министрамъ въ лучшую знаемость (а) и ближайшій доступъ приходилъ, и часто имѣлъ случай съ герцогомъ Бирономъ по комиссіи Слободской и о малороссійскихъ дѣлахъ, яко уже нѣкоторое знаніе въ тѣхъ имѣющій, разговаривать. Въ такихъ обстоятельствахъ и въ приближеніи моемъ къ лучшимъ степенямъ, какъ бы нарочно, что бы мнѣ впредь остерегаться и отъ коварныхъ ухищреній омерзеніе имѣть, судьба подала мнѣ вскорѣ случай самыми дѣлами то узнать, какъ въ тогдашнее время въ отечествѣ нашемъ интриги и злобствующія зависти къ великимъ чинамъ часто привязывались, что для вашего, благосклонный читатель, любопытства нѣсколько описать я намѣренъ.

Дядя мой, поѣхавъ изъ Петербурга, испрося позволеніе для излеченія глазной болѣзни своей, нѣсколько недѣль въ Москвѣ находился; а получаемыя изъ Малороссіи отъ слободскихъ полковъ потребныя увѣдомленія, съ пристойными отъ себя мнѣ наставленіями, для подачи въ надлежащія мѣста ко мнѣ пересылая, между прочими прислалъ къ ея величеству рапортъ, а къ герцогу Бирону увѣдомленіе, что по тогдашнему наряду знатный малороссійскаго казацкаго войска корпусъ въ арміи, яко уже къ начавшейся съ турками и татарами войнѣ (а), подъ команду фельдмаршала графа Миниха, готовящагося итти въ Крымъ, во вся-

а) Извѣстность.

а) 1736—39 г.г.

кой исправности съ потребнымъ для марша снабженіемъ на рандеву (а) отправленъ; о чемъ онъ и ко мнѣ въ особливой цыдулкѣ писалъ, кто именно командующіе старшины и съ какими то войско довольными снабженіями отправлено, и чтобъ я при случаѣ, гдѣ потребно, о томъ удостовѣрялъ.

Но какъ я уже послѣ свѣдалъ, что фельдмаршалъ графъ Минихъ, который, къ дядѣ моему въ Монаршихъ повѣренностяхъ и въ порученныхъ ему надъ Малороссіею дѣлахъ имѣвъ зависть, не упускалъ удобныхъ случаевъ, гдѣбъ можно ему, прицѣпясь, дѣлать повреждения (ибо онъ, дядя мой, не состоявъ подъ его командою, но, главнымъ командиромъ въ Малороссіи будучи, многія въ защищеніяхъ оной несогласныя съ нимъ и спорныя переписки производилъ), въ тожъ самое время предускорилъ ея величеству донести и герцога Бирона увѣдомить, со описаніемъ, сколь оное казацкое войско во многомъ неисправно.

Въ одинъ тогда день герцогъ Биронъ вышелъ въ аудіенцъ-камеру, гдѣ уже много знатнѣйшихъ придворныхъ и прочихъ господъ находилось, и, подшедъ ко мнѣ, спрашивалъ: есть ли дядѣ моему отъ болѣзни легче и скоро ли онъ въ Малороссію къ своей должности изъ Москвы поѣдетъ?

Я, какъ и о немъ имѣлъ отъ дяди моего коммисію, чтобъ въ пристойномъ случаѣ еще на нѣсколько недѣль для лѣченія своего глаза въ Москвѣ ему пробыть, выпросить дозволенія и объяснительно увѣрить, что и въ отсутствіи его порученныя ему въ Малороссіи дѣла съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при немъ, происходить будутъ, представилъ о томъ его свѣтлости, но онъ, какъ уже я описалъ, отъ фельдмаршала Миниха будучи инако къ поврежденію дяди моего увѣдомленъ, нѣсколько суровымъ видомъ и вспыльчивыми рѣчьми на мою просьбу отвѣтствовалъ: что онъ уже знаетъ, что желаніе моего дяди пробыть еще въ Москвѣ для того только, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужныя и время не терпящія къ военнымъ подвигамъ, а особливо тамъ дѣла, нынѣ неисправно исполняемыя, свалить на отвѣты другихъ; вотъ-де и теперь малороссійское казацкое войско, къ арміи въ Крымъ идти готовящееся, больше похоже на маркитантовъ, нежели на военныхъ людей, вмѣсто того, чтобъ должно имъ быть коннымъ, съ довольнымъ еще числомъ въ запасъ заводныхъ (б) лошадей, по два и по три человѣка, и тѣ безъ исправнаго вооруженія на телѣгахъ, а командиры де надъ ними по большей части изъ накладныхъ (в) и военнаго искусства незнающихъ казаковъ присланы.

а) Присоединеніе къ главному корпусу въ назначенное время.

б) Достаточный, нужный.

в) Прибавочный, приставной.

Я, слѣдуя моимъ правиламъ, чтобы во всякихъ случаяхъ справедливость предпочитать всему, робкимъ быть за стыдъ почитая, на тѣ его свѣтлости рѣчи не запнувшись, съ твердымъ духомъ отвѣчалъ, что то донесено не справедливо.

На сіи мои слова герцогъ Биронъ осердясь, весьма вспыльчиво мнѣ сказалъ, что какъ я такъ отважно говорю. Ибо-де о семъ въ сихъ числахъ командующій войскомъ фельдмаршалъ графъ Минихъ государынѣ представлялъ; и можно ль-де кому подумать, чтобъ онъ то представилъ ея величеству ложно? Я ему на то отвѣтствовалъ, что, можетъ быть, фельдмаршалъ графъ Минихъ онаго войска самъ еще не видалъ, а кто ни есть изъ подчиненныхъ, дядѣ моему недоброжелателей, то худо ему рекомендовалъ; для лучшаго жъ о истинѣ удостовѣренія, счастливъ бы былъ мой дядя, когдабъ противъ такого увѣдомленія приказано было кому нибудь нарочно посланному оное казацкое войско освидѣтельствовать и сыскать, съ которой стороны и кѣмъ тѣ несправедливыя представленія монархинѣ учинены. Ибо когда персональные кредиты (а), а не существенныя доказательства дѣлъ во удостовѣреніяхъ преимущество брать будутъ, тогда наисправедливѣйшіе и радѣтельнѣйшіе, отъ ухищреній коварныхъ завистниковъ безопасными быть надежду потерявъ, лишатся своей крѣпости и негодными ко услугамъ монархинѣ и отечеству сдѣлаются.

Такая моя смѣлость наивящше разсердила его, и онъ въ великой запальчивости мнѣ сказалъ: вы, Русскіе, часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете! Сіи его свѣтлости рѣчи не столько въ робкое, какъ въ огорчительное смятеніе меня привели; на что я скоро ему съ печально-чувствительнымъ видомъ отвѣтствовалъ: сіе будетъ высочайшая милость и вскорѣ всеобщее благосостояніе умножится, когда коварность обманщиковъ истребляема, а добродѣтельныхъ невинность отъ притѣсненія защищаема будетъ; и когда дядя мой и я, въ какихъ несправедливыхъ ея величеству представленіяхъ найдемся, помилованія просить не будемъ. Въ такихъ я колкихъ и дерзкихъ съ его свѣтлостію разговорахъ находясь, увидѣлъ, что всѣ бывшіе въ той палатѣ господа, одинъ по одному, ретировались вонъ и оставили меня въ комнатѣ одного съ его свѣтлостію, который ходилъ по палатѣ, а я, во унылости предъ нимъ стоя, съ перерывкою продолжали объ оной матеріи рѣчи близь получаса, которыхъ подробно всѣхъ теперь описать не упомню, но послѣднее то было, что я увидѣлъ въ боковыхъ дверяхъ, за завѣшенымъ не весьма плотно сукномъ, стоящую и тѣ наши разговоры слушающую ея импе-

а) Личная довѣренность.

раторское величество, которая потомъ, открывъ скоро сукно, изволила позвать къ себѣ герцога; а я съ сей высокопочтенной акціи (а), съ худымъ выигрышемъ, съ поспѣшеніемъ домой ретировался.

И тутъ-то видѣлъ я отъ многихъ, тогда еще бывшихъ во дворцѣ въ другихъ палатахъ знатнѣйшихъ господъ, одинъ отъ другаго слышащихъ о тѣхъ моихъ съ его свѣтлостію бывшихъ разговорахъ, разные себѣ виды: одни изъ любопытства останавливали меня, спрашивали, чѣмъ кончились мои разговоры; другіе удивлялись моимъ дерзкимъ словамъ; а третьи, какъ бы какое худо изъ того мнѣ предвѣщая, отдалялись и не хотѣли на меня взглянуть! Я, пріѣхавъ домой, остатки того дня въ разныхъ размышленіяхъ и предпріятіяхъ къ моимъ поведеніямъ препроводилъ; а на другой день пріѣхалъ во дворецъ, и въ покояхъ герцога Бирона, не входя въ ту палату, куда я между прочими знатными персонами прежде ходилъ, въ другой, гдѣ маломощные и незнакомые бѣдняки ожидали своихъ жребіевъ, остановился, вѣдая, что его свѣтлость, отдѣляясь изъ окруженія знатныхъ господъ, и во оную палату на краткое время выходитъ и выслушиваетъ ихъ просьбы, а нѣкоторыхъ удостоиваетъ и своими разговорами, что вскорѣ и воспослѣдовало. Его свѣтлость, отворя дверь, глядѣлъ во оную палату, принимая нѣкоторыхъ поклоны, а другихъ просьбы, и видя меня, позади многихъ въ уныніи стоящаго, сказалъ мнѣ, для чего я тутъ стою и нейду далѣе сюда, указавъ мнѣ ту палату, гдѣ онъ съ окружающими его знатнѣйшими господами находился, куда я за нимъ немедленно и вошелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ его свѣтлость, подошедъ ко мнѣ, спрашивалъ меня благосклонно, не имѣю ль я отъ моего дяди какихъ новыхъ увѣдомленій. На что я отвѣтствовалъ, что я еще ничего отъ него не получилъ, а ежечасно ожидаю. А какъ тогда былъ почтовый день, то я о всѣхъ тѣхъ, бывшихъ съ герцогомъ разговорахъ, къ дядѣ моему писалъ.

Чрезъ нѣсколько потомъ дней получилъ я изъ Москвы отъ дяди моего въ кабинетъ ея величества и къ герцогу Бирону нѣкоторыя представленія со увѣдомленіемъ, что ему есть нѣсколько полегче и что онъ, для тогдашнихъ въ Малороссіи надобностей, изъ Москвы вскорѣ въ оную отправится; и притомъ прислалъ ко мнѣ по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ объ одномъ секретномъ дѣлѣ пакетъ, съ надписаніемъ къ герцогу Бирону для препровожденія до рукъ ея величества. Оный я его свѣтлости представить и не умедлилъ съ таковымъ, какъ дядя писалъ ко мнѣ, изъясненіемъ, что онъ желалъ для лучшаго его свѣтлости понятія писать на нѣмецкомъ языкѣ, но, не имѣя къ тому на-

а) Дѣйствіе.

дежнаго человѣка, писалъ по-русски; для того бъ я при подачѣ представилъ, чтобъ повелѣно было оный прочесть, кому онъ особливо ввѣриться изволитъ.

Его свѣтлость, принимая оный пакетъ и выслушавъ тѣ мои рѣчи, оставя прочихъ, пошелъ и мнѣ приказалъ идти за собою въ свой кабинетъ, гдѣ вынутыя изъ онаго къ нему письма приказалъ мнѣ прочесть; потомъ, являя мнѣ знаки своей благосклонности, долго о той матеріи со мною разговаривалъ.

Кн. Яковъ Петровичъ Шаховской (1705—1777) исправлялъ разныя должности: былъ оберъ-прокуроромъ Синода, генералъ-кригсъ-коммисаромъ и генералъ-прокуроромъ Сената. Записки его, доходящія до 1766 г., т. е. до выхода его изъ службы, изд. въ 2 ч. (1810 г.), подъ заглавіемъ: „Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, писанныя имъ самимъ". Второе изд. 1821 г. Въ началѣ ихъ приложены прошеніе и записка о службѣ, поданныя княземъ Екатеринѣ II. Третье и лучшее изданіе (по списку И. С. Ефимова) принадлежитъ М. И. Семевскому и вышло въ 1872 году, съ приложеніемъ различныхъ документовъ и писемъ Шаховскаго къ императрицамъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II и къ гр. А. Г. Разумовскому.

XXX.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

А. НАКАЗЪ КОММИССІИ О СОЧИНЕНІИ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ. (1).

1. *Глава V. О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ* (2).

32. Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ.

33. Надлежитъ, чтобы законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина.

34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

35. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

36. Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.

37. Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть

принужденну дѣлать то, чего хотѣть не должно.

38. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяють; и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

39. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію; и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ.

2. Глава X. О обрядѣ криминальнаго суда (3).

Вопросъ V. Какая мѣра великости преступленій?

205. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобъ мучити тварь чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить сограждан отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены со преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее, и въ то же самое время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ.

206. Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи столько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безсчастныхъ людей, которые оныя претерпѣвали и претерпѣваютъ, многажды обвиненные во преступленіяхъ, сбыться трудныхъ и немогущихъ, часто сплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія? Кто можетъ, говорю Я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими пріуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя.

207. Чтобъ наказаніе произвело желаемое дѣйствіе, довольно будетъ и того, когда зло, онымъ причиняемое, превосходитъ добро, ожиданное отъ преступленія, прилагая къ выкладкѣ, показывающей превосходство зла надъ добромъ, также и извѣстность наказанія несомнѣнную и потеряніе выгодъ, преступленіемъ пріобрѣтаемыхъ. Всякая строгость, преходящая сіи предѣлы, безполезна и слѣдовательно мучительская.

208. Естьли гдѣ законы были суровы, то они или перемѣнены или ненаказаніе злодѣйствъ ро-

дилось отъ самой суровости законовъ. Великость наказаній должна относима быть къ настоящему состоянію и къ обстоятельствамъ, въ которомъ какой народъ находится. По мѣрѣ какъ умы живущихъ въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается чувствительность каждаго особо гражданина; а когда во гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надобно, чтобъ строгость наказаній умалялася.

Вопросъ VIII. Какія средства самыя дѣйствительныя ко предупрежденію преступленій?

240. Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

241. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, естьли всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло.

242. Когда запретимъ многія дѣйствія, слывущія у нравоучителей средними, то тѣмъ не удержимъ преступленій, могущихъ отъ того воспослѣдовать, но произведемъ чрезъ то еще новыя.

243. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ (а), нежели всякому особо гражданину.

а) Сословіямъ.

244. Сдѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ и никого бы кромѣ ихъ не боялися.

245. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилося между людьми.

246. Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причинять зло себѣ подобнымъ.

247. Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

248. Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

3. *Глава XIV. О воспитаніи* (¹).

348. Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами.

249. Каждая особенная семья должна быть управляема по примѣру большой семьи, включающей въ себѣ всѣ частныя.

350. Невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ: и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ.

1.

351. Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ

начала всякаго цѣломудрія и вселяти въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи своемъ, и православная наша восточная греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

352. Также вперяти въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на земли.

2.

253. Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступокъ (а), и не дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры.

3.

354. Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку: ибо ложь изъ всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ.

355. Мы присовокупимъ здѣсь для наставленія всякому особо человѣку то, что уже напечатано, какъ служащее общимъ правиломъ отъ насъ уже установленнымъ и еще установляемымъ для воспитанія училищамъ и всему обществу.

356. «Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ: всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ» (5).

В. КОМЕДІЯ: О ВРЕМЯ! (1772) (6).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Непустовъ, Мавра.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я

а) Поступка (жен. р.).

сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо; однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужели она и день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ: иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе миней-четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней должники, требуютъ отъ ней за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одинождь въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. «Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены». Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться; странный весьма человѣкъ: иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолку и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ, и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы, по мнѣнію ея, дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дома его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама-жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для

того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали; и тому уже три недѣли, какъ, живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ и мы должны немедленно возвратиться. Что-то будетъ сегодня? Она обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите, а прежде этого времени она не охотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь, я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня басурманкою за то, что иногда читаю я Ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда (а).

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изъ всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ; лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому промыслили.

Непустовъ. Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы не поститесь? Вѣдь сегодни и день не постный.

Мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ барыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные;

а) Періодическое сочиненіе, издававшееся Миллеромъ. Клевеландъ—повѣсть.

къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была, чему уже теперь, благодатію Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ни чему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются (7).

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему это прародительскіе нравы? Это не что иное, какъ ничего незначащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ, по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи жъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ все это упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утренніе молитвы и акаѳистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *блаженъ, кто и скоты милуетъ!* А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволитъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то... а! Постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застали: вѣдь и

Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ. (*Отходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Вѣстникова, Ханжахина, Христина, Чудихина, Мавра.

Чудихина. Чѣмъ нынѣче позабавиться? вѣдь и такъ въ безконечной живемъ скукѣ и печали; таки нигдѣ радости-то нынѣче не увидишь! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-то горесть ужъ съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-то куда нибудь къ мѣсту! Николашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ.

Вѣстникова. Вѣдь время еще не ушло. Сынъ твой Николашка еще молодъ.

Чудихина. Осьмнадцать уже лѣтъ, матушка.

Вѣстникова. А собою очень хорошъ.

Чудихина. Хорошъ, по несчастью; ты не повѣришь, сколько и пригожество-то его мнѣ слезъ навело. Кто не увидитъ, всякъ ему дивится: куда какъ хорошъ, куда какъ пригожъ! всякій это и говоритъ; а онъ урочливъ (а), мой свѣтъ, такъ урочливъ, что нельзя больше. То и дѣло, и я, и мама поперемѣнно его слизываемъ... Только и то уже не помогаетъ. Не одну уже и огневую (б) онъ схватилъ отъ уроковъ и отъ пригляда.

Ханжахина. Да ты бъ лучше за нимъ смотрѣла, да не всюды бы пускала: такъ и онъ бы и лошадки-то бы здоровы были.

Чудихина. И такъ, кажется, какъ глазъ свой его берегу. Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ; а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю. Одинъ разъ какъ-то въ болѣзни ни вѣсть какъ захотѣлось ему тёши (в) съ кислыми щами: это любимое его кушанье, да еще тѣльное (г) также онъ любитъ; однако я не дала, хоть онъ не сердился. Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу! Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, что бы таки и ночьюбъ-то чего не причудилось. Больше никакъ уже смотрѣть нельзя; а онъ со всѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится. Вѣдь онъ здѣсь въ командѣ, такъ нападки на него великія.

Вѣстникова. Отъ кого нападки?

Чудихина. Отъ командировъ. Онъ въ Питерѣ-то не бывалъ, а все въ здѣшней командѣ числится; да не могу выпросить, чтобъ и капраломъ-то его сдѣлали. Ужъ я и даривала, кому надлежитъ, да все не помогаетъ: говорятъ,

---

а) Способный принимать изуроченіе, порчу отъ глазъ или отъ похвалы.

б) Горячка.

в) Теша, тешка—часть, вырѣзанная у красной рыбы и покрывающая брюхо.

г) Кушанье изъ рыбной мякоти.

что не грамотенъ; а онъ, мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ.

(Христина, закрываясь, смѣется, а Ханжахина говоритъ).

Ханжахина. Ты чему, матка моя, смѣешься?

Христина. Да какъ, бабушка сударыня, не смѣяться? восьмнадцати лѣтъ парень часовникъ учитъ; вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать.

Ханжахина. А ты бы этого не примѣчала. Перестань.

Чудихина. Кабы и у меня дочь была, меньше бы и я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... (а). Быть добру! А (*Христинѣ*) ты еще молоденька; тебѣ бъ и не надобно надъ нами старушками смѣяться; сама, мой свѣтъ, стара будешь... Эхъ, какъ я засидѣлась! а мнѣ пора ѣхать, нужда великая! Надобно мѣстахъ въ двухъ побывать, да кое о чемъ поговорить. Прощайте (*Поклонясь, уходитъ*).

Ханжахина (*въ слѣдъ*). Прости, Богъ съ тобой; не забудь, что услышишь, и намъ сказать.

а) Намекъ на воспитательныя заведенія для дѣвицъ.

В. СКАЗКА О ЦАРЕВИЧѢ ХЛОРѢ (1782). ([8]).

До временъ Кія, князя кіевскаго, жилъ да былъ въ Россіи царь добрый человѣкъ, который любилъ правду и желалъ всѣмъ людямъ добра; онъ часто объѣзжалъ свои области, чтобъ видѣть, каково жить людямъ, и вездѣ навѣдывался, дѣлаютъ ли правду.

У Царя была Царица. Царь и Царица жили согласно; Царица ѣзжала съ Царемъ и не любила быть съ нимъ въ разлукѣ.

Пріѣхалъ Царь съ Царицею въ одинъ городъ, построенный на высокой горѣ посреди лѣсу; тутъ родился Царю сынъ дивныя красоты, ему дали имя Хлоръ. Но посреди сей радости и тридневнаго празднества Царь получилъ непріятное извѣстіе, что сосѣди его неспокойно живутъ, въѣзжаютъ въ его землю и разныя обиды творятъ пограничнымъ жителямъ. Царь взялъ войска, кои въ близости въ лагерѣ стояли, и пошелъ съ полками для защиты границы; Царица поѣхала съ Царемъ; Царевичъ остался въ томъ городѣ и домѣ, гдѣ родился. Царь приставилъ къ нему семерыхъ нянь разумныхъ и въ дѣтскомъ воспитаніи искусныхъ. Городъ же Царь велѣлъ укрѣпить стѣною изъ дикаго камня, по угламъ съ башнями, по старинному обычаю; на башняхъ пушекъ не поставили: тогда еще нигдѣ не имѣли пушекъ; домъ, въ которомъ жить остался Царевичъ Хлоръ, хотя и

не построенъ былъ изъ сибирскаго мрамора и порфира, но весьма хорошъ и покойно расположенъ былъ; позади палатъ насажены были сады съ плодовитыми деревьями, возлѣ которыхъ выкопанны пруды съ рыбами украшали мѣстоположеніе; бесѣдки же разныхъ народовъ вкуса, откуда видъ далеко простирался въ округъ лежащихъ поляхъ и долинахъ, придавали пріятство тому обитанію.

Какъ Царевичъ сталъ выростать, кормилица и няни начали примѣчать, что сколь былъ красивъ, столь же былъ уменъ и живъ, и повсюду слухъ носился о красотѣ, умѣ и хорошихъ дарованіяхъ Царевича. Услышалъ о томъ какой-то Ханъ Киргизскій, на дикой степи кочующій съ кибитками, полюбопытствовалъ видѣть толь дивное дитя и, увидѣвъ, пожелалъ дитя увезти съ собою въ степь, зачалъ просить нянь, чтобъ поѣхали съ Царевичемъ къ нему въ степь; няни сказали со всякою учтивостію, что имъ того безъ дозволенія Царя дѣлать нельзя, что они не имѣютъ чести знать господина Хана и съ Царевичемъ не ѣздятъ къ незнакомымъ людямъ въ гости. Ханъ не былъ доволенъ тѣмъ учтивымъ отвѣтомъ, присталъ пуще прежняго, подобно какъ неѣвшій къ тѣсту, одно просилъ, чтобъ няни поѣхали къ нему съ дитятею въ степь, но, получивъ твердый отказъ, наконецъ понялъ, что просьбами не успѣетъ въ своемъ намѣреніи: прислалъ къ нимъ подарокъ; онѣ, поблагодаря, отослали дары обратно и велѣли сказать, что онѣ ни въ чемъ нужды не имѣютъ. Ханъ упрямъ былъ, пребывая въ своемъ намѣреніи; думалъ, какъ быть. Пришло ему на умъ: нарядился въ изодранную одежду и сѣлъ у воротъ сада, будто человѣкъ старый и больной, просилъ милостыни у мимоходящихъ. Царевичъ прогуливался въ тотъ день по саду; увидѣлъ, что у воротъ сидитъ какой-то старикъ; послалъ спросить, что за старикъ. Побѣжали, спросили, что за человѣкъ. Возвратились съ отвѣтомъ, что больной нищій. Хлоръ, какъ любопытное дитя, просился посмотрѣть больнаго нищаго; няни унимали Хлора, сказали, что смотрѣть нечего и чтобъ послалъ къ нему милостыню. Хлоръ захотѣлъ самъ отдать деньги, побѣжалъ впередъ; няни побѣжали за нимъ, но чѣмъ няни скорѣе побѣжали, то младенецъ шибче пустился бѣжать; побѣжавъ за вороты и подбѣжавъ къ мнимому нищему, зацѣпился ножкою за камышекъ и упалъ на личико; нищій вскочилъ, поднялъ дитя подъ руки и спустился съ нимъ подъ гору. Тутъ стояли вызолоченные роспуски, бархатомъ обитые; сѣлъ на роспуски и ускакалъ съ царевичемъ въ степь; няни, какъ добѣжали до воротъ, не нашли уже ни нищаго, ни дитяти, ни слѣда ихъ не видали и дороги тутъ не было, гдѣ Ханъ съ горы спустился. Сидя держалъ Царевича передъ собою одною ру-

кою, какъ будто курочку за крылышко, другою же рукою махнулъ шапкою чрезъ голову и кричалъ три раза ура. На сей голосъ няни прибѣжали къ косорогу, но поздно: догнать не могли. Ханъ благополучно Хлора довезъ до своего кочевья и вошелъ съ нимъ въ кибитку, гдѣ встрѣтили Хана его вельможи. Ханъ приставилъ къ Царевичу старшину лучшаго; сей взялъ Хлора на руки и отнесъ его въ богато украшенную кибитку, устланную китайскою красною камкою и персидскими коврами, дитя же посадилъ на парчевую подушку и началъ тѣшить его; но Хлоръ очень плакалъ и жалѣлъ, что отъ нянь шибко побѣжалъ впередъ, и непрестанно спрашивалъ, куда его везутъ, за чѣмъ, на что, гдѣ онъ. Старшина и съ нимъ находящіеся киргизцы насказали ему много басней: иной говорилъ, будто по теченію звѣздъ такъ опредѣлено; иной сказывалъ, будто тутъ лучше жить, нежели дома; всего насказали окромѣ правды, но, увидя, что ничто не унимало слезъ Хлора, вздумали его стращать небывальщиною, сказали: перестань плакать, или оборотимъ тебя летучею мышью или коршуномъ, а тамъ волкъ или лягушка тебя съѣстъ. Царевичъ небоязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости. Старшина, увидя, что дитя пересталъ плакать, приказалъ накрыть столъ: накрыли и кушанье принесли, Царевичъ покушалъ, потомъ подали варенья въ сахарѣ и разные плоды, какія имѣли, послѣ ужина раздѣли его и положили спать.

На другой день рано до свѣта Ханъ собралъ своихъ вельможъ и сказалъ имъ слѣдующее: извѣстно вамъ да будетъ, что я вчерашній день привезъ съ собой Царевича Хлора, дитя рѣдкой красоты и ума. Хотѣлось мнѣ заподлинно узнать, правда ли слышанное объ немъ; для узнанія же его дарованій употребить я намѣренъ разные способы.

Вельможи, услыша слова Ханскія поклонились въ поясъ; изъ нихъ ласкатели похвалили Ханскій поступокъ, что чужое и еще сосѣдняго Царя дитя увезъ; трусы потакали, говоря: такъ надежда Государь-Ханъ, какъ инако быть, какъ тебѣ на сердце пріидетъ? Нѣсколько изъ нихъ, кои прямо любили Хана, тѣ кивали головою, и когда Ханъ у нихъ спрашивалъ, для чего не говорятъ, сказали чистосердечно: дурно ты сотворилъ, что у сосѣдняго Царя увезъ сына, и бѣды намъ не миновать, буде не поправишь своего поступка. Ханъ же сказалъ: вотъ такъ всегда вы ропщете противу меня, и пошелъ мимо ихъ, и какъ Царевичъ проснулся, приказалъ принести его къ себѣ; дитя, увидя, что нести его хотятъ, сказалъ: не трудитесь, я ходить умѣю, я самъ пойду, и, вошедъ въ Ханскую кибитку, всѣмъ поклонился, во первыхъ Хану, потомъ около стоящимъ на право и на лѣво, послѣ чего сталъ предъ

Ханомъ съ почтительно учтивымъ и благопристойнымъ такимъ видомъ, что всѣхъ киргизцевъ и самого Хана въ удивленіе привелъ. Ханъ однако, опомнясь, рекъ тако: Царевичъ Хлоръ, про тебя сказываютъ, что ты дитя разумное; сыщи мнѣ пожалуй цвѣтокъ розу безъ шиповъ, что не колется. Дядька тебѣ покажетъ обширное поле, сроку же даю тебѣ трои сутки. Дитя паки поклонился Хану, сказалъ: слышу, и вышелъ изъ кибитки, пошелъ къ себѣ.

Дорогою попалась ему на встрѣчу дочь Ханская, которая была за мужемъ за Брюзгою Султаномъ; сей никогда не смѣялся и сердился на другихъ за улыбку. Ханша же была нрава веселаго и весьма любезна; увидя Хлора, сказала: здравствуй, Царевичъ, здорово ли живешь? куда изволишь идти? Царевичъ сказалъ, что по приказанію Хана, батюшки ея, идетъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханша Фелица, такъ ее звали, дивилась, что дитя посылаютъ искать таковой трудной вещи, и, возлюбя младенца въ сердцѣ своемъ, сказала: Царевичъ, подожди маленько, я съ тобою пойду искать розу безъ шиповъ, которая не колется, буде батюшка Ханъ позволитъ. Хлоръ пошелъ въ свою кибитку обѣдать, ибо часъ былъ обѣда, Ханша къ Хану просить позволенія идти съ Царевичемъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханъ не токмо не позволилъ, но и запретилъ ей накрѣпко, чтобъ не шла съ дитятею искать розу безъ шиповъ, которая не колется.

Фелица, вышедши отъ Хана, мужа своего Брюзгу Султана уговорила остаться при отцѣ ея Ханѣ, сама же пошла къ Царевичу; онъ обрадовался, какъ увидѣлъ ее, просилъ чтобъ сѣла возлѣ него, на что она согласилась и сказала ему: Ханъ мнѣ не велитъ идти съ тобою, Царевичъ, искать розу безъ шиповъ, которая не колется, но я тебѣ дамъ совѣтъ добрый, пожалуй не забудь, слышишь ли дитя, не забудь, что тебѣ скажу. Царевичъ обѣщалъ вспомнить. Отселѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, продолжала она, какъ пойдешь искать розу безъ шиповъ, которая не колется, встрѣтишься съ людьми весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебя уговорить идти съ ними, наскажутъ тебѣ веселій множество и что они-то провождаютъ время въ безчетныхъ забавахъ: не вѣрь имъ—лгутъ, веселія ихъ мнимыя и сопряжены со множествомъ скукъ. За симъ пріидутъ другіе, кои о томъ же еще сильнѣе тебя просить будутъ: откажи имъ съ твердостію, отстанутъ; потомъ пойдешь въ лѣсъ, тутъ найдешь льстивыхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути, но ты не забудь, что тебѣ единый цвѣтокъ—розу безъ шиповъ и которая не колется—искать надлежитъ. Я тебя люблю и для того я къ тебѣ

вышлю на встрѣчу сына моего, и онъ поможетъ тебѣ найти розу безъ шиповъ, что не колется. Хлоръ, выслушавъ рѣчь Фелицы, сказалъ: развѣ такъ трудно сыскать розу безъ шиповъ, что не колется? Нѣтъ, отвѣтствовала Ханша: не такъ чрезвычайно трудно, буде кто прямодушенъ и твердо пребываетъ въ добромъ намѣреніи. Хлоръ спросилъ, нашелъ ли уже кто тотъ цвѣтокъ.—Я видѣла, сказала Фелица, мѣщанъ и крестьянъ, кои въ томъ успѣвали не хуже вельможъ и царей и царицъ. Сказавъ сіе, Ханша простилась съ Царевичемъ; старшина же дядька отвелъ дитя искать розу безъ шиповъ, которая не колется, и для того пустилъ его сквозь калитку въ превеликій звѣринецъ. Тутъ увидѣлъ Хлоръ передъ собою множество дорогъ: иныя прямо лежащія, иныя съ кривизнами, иныя перепутанныя; дитя не зналъ сначала по которой идти, но, увидя юношу идущаго ему на встрѣчу поспѣшилъ къ нему спросить, кто онъ таковъ. Юноша отвѣтствовалъ: я Разсудокъ, сынъ Фелицынъ, меня мать моя прислала идти съ тобою искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Царевичъ, благодаря Фелицѣ сердцемъ и устами, взявъ его за руку, навѣдывался, по которой дорогѣ идти. Разсудокъ съ веселымъ и добрымъ видомъ сказалъ ему: не бойся, Царевичъ, пойдемъ по прямой дорогѣ, по которой не всѣ ходятъ, хотя она пригожѣе другихъ. Для чего же по ней не ходятъ? спросилъ Царевичъ; для того, сказалъ юноша, что на другихъ дорогахъ останавливаются или сбиваются. Идучи, юноша показалъ Хлору прекрасную дорожку, говоря: посмотри, Царевичъ, дорога сія называется благорасположенныхъ душъ младенчество; она хороша, да кратка.

Г. БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ (1783) (9).

Дѣдушка мой (10) говоритъ, будто въ молодости его люди лучше знали цѣну вещамъ и людямъ, нежели нынѣ знаютъ, и будто въ то время болѣе умными разговорами занимались и веселонравнѣе были. Въ третій день пріѣзда моего къ нему, онъ насъ, внучатъ своихъ (число 15 человѣкъ), собралъ и часа съ три о семъ велъ рѣчь. По счастію мы всѣ предъ нимъ (за неимѣніемъ въ той горницѣ стульевъ) стояли: сему только и приписываю, что мы отъ сей проповѣди не здремали, однакожъ глаза протирать часто нужду имѣли; зѣвалъ ли же кто, я точно не примѣтилъ, но всѣ шляпой, картузомъ или колпакомъ, у кого что въ рукахъ случилось, уста свои не рѣдко закрывали. Кончилъ дѣдушка разговоръ свой сравненіемъ, который, сокративъ для памяти, я записалъ: «Когда мы молоды были, говоритъ онъ, тогда праздность, въ конюховой одеждѣ закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почитали безчинствомъ. Сонъ

нашъ продолжался до полудни; оставшую часть дня провожали, сидя у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и долѣе; должность, въ которой невольно наряжены бывали, не много съ лѣнцою отправляли: но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленіи того-сего. Разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли: слѣдовательно громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, и горе, и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляются». Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, «будто мысли и умы, долго бывъ угнетенны подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи прорвались, а накопленная вода стекаетъ дотѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ». Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную: взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ креселъ своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: «припомните мои слова: всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе» ([11]). Проговоря сіе съ жаромъ, онъ паки сѣлъ, какъ будто отдыхать хотѣлъ, и углубился въ задумчивость. Мы думали, что онъ кончилъ рѣчь свою и хотѣли откланяться; но онъ, не примѣтя того и бывъ въ восхищеніи (Богъ вѣсть отъ чего), паки началъ говорить, но съ вельми степеннымъ видомъ и голосомъ тому виду приличнымъ: «ни чему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ ([12]). Маятникъ сей подаетъ о общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больнаго».

Господинъ писатель Былей и Небылицъ!

Недавно скончался братъ мой; онъ оставилъ на попеченіе мое шестерыхъ дѣтей, три сына и трехъ дочерей, но я не знаю, какъ мнѣ съ ними быть: примѣчаю въ нихъ необычайные нравы, какъ вы сами изъ слѣдующаго усмотрите. Трое изъ нихъ имѣютъ склонности много похожія на обезьянъ. Большой инаго ничего не дѣлаетъ, какъ только старается перенять что ни увидитъ, и для того цѣлый день бѣгаетъ по улицамъ и изъ дому въ домъ, двадцатью въ день голову перечесываетъ: то кудри очутятся въ верхъ растара-

щены, то въ низъ опущены, то поперекъ поставлены, то по лбу висящіе, а иногда сплететъ ихъ за уши назадъ. На сихъ дняхъ вздумалъ онъ гнушаться природнымъ своимъ языкомъ, и четыре дни мы кромѣ исковерканныхъ чужестранныхъ словъ и слоговъ не слыхали. Мы не знали съ женою, что ему сдѣлалось; наконецъ уже узнали, что заходилъ въ французскую комедію. Послѣ смерти отца своего началъ онъ мотать; множество подщипанныхъ кафтановъ себѣ нашилъ, назвалъ ихъ фраками; къ каждому жъ изъ нихъ сдѣлалъ короткіе бостроки; накупилъ себѣ разныхъ хлыстиковъ, и, что пуще всего, всякому цвѣту кафтановъ своихъ придаетъ имена, коихъ бы я при отцѣ своемъ, опасаясь оплеушины, громко назвать не смѣлъ. Когдажъ я его унимаю и браню, тогда говоритъ въ отвѣтъ: ахъ, дядюшка! вы не знаете, нынѣ цвѣтамъ имена даны по вашему пакостныя, а по нашему они модны. Всѣ тѣ фраки, какъ онъ их прозвалъ, сшилъ онъ въ долгъ, не платя ни купцу, ни портному. Я говорилъ ему, что это дурно, что изъ этого добраго не выдетъ, и что ему втрое платить достанется, отъ того что въ долгъ забираетъ; но въ отвѣтъ я получилъ паки: дядюшка! вы ничего не знаете, такъ водится. На сихъ дняхъ онъ за полночь часу въ четвертомъ домой пріѣхалъ, какъ будто недобрый его растеребилъ. Я на то время всталъ; обходивъ уже дворъ, шелъ изъ конюшни; а онъ на задній дворъ потайкомъ взъѣхалъ и бѣжитъ крадучись на крыльцо, и уже отъ людей его, кои ночь на дождѣ простояли, я свѣдалъ, что нелегкая его занесла въ трактиръ, гдѣ такъ промотался, что часы и отцовскую золотую табакерку оставилъ въ заклвдѣ, и то, чаю, для того единственно сдѣлалъ, что слышалъ, что кто-то другой тоже сдѣлалъ. Но полно про сію обезьяну говорить. Средній его братъ инаго совсѣмъ сложенія: тотъ цѣлый день провождаетъ на дворѣ, играетъ къ свайку, въ бабки, въ городки съ робятами; на немъ кафтана, окромѣ за обѣдомъ, не увидишь. Не могу его пріучить, чтобы къ чему нибудь иному прилежалъ, да и не очень ловко съ нимъ говорить: вспыльчивъ, за все про все споритъ, сердится, и какъ разгорячится, со всѣми дерется; онъ же мастеръ бороться и удалой боецъ; его, не мѣшкавъ, думаю записать въ какой нинаесть полкъ, пусть служитъ; о первомъ же не знаю что предпріять; опасаюсь, что никуды не поспѣетъ, развѣ какъ, перенявъ еще долѣе шалостей, свою судьбу самъ рѣщитъ и тѣмъ жребій свой додѣлаетъ. Сестры ихъ собою статны; старшая изъ нихъ главнымъ попеченіемъ имѣетъ наружностью своею быть похожей на выпачканную ея служанку, почему какъ встанетъ съ постели, такъ волосъ не причешетъ и платка не перевяжетъ. NB. Но здѣсь я моей женѣ перо уступаю... Она сама

желаетъ описать похожденіе третьегоднишняго дня.

Д. ИНСТРУКЦІЯ КН. Н. И. САЛТЫКОВУ (1784). (13).

1. Наставленіе касательно продолженія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру.

Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихій, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравятся; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе (14).

Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно,—кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества; и для того предписывается: твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилежаніемъ и раденіемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь, и никто ихъ не похвалитъ.

При всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать ихъ высочествамъ правила человѣколюбія и благоволенія ко всякой твари и поощрять ихъ къ тому похвалою за тѣ качества, въ людяхъ пріобрѣтаемою.

Когда въ чемъ который провинится и охужденъ будетъ, тогда никто да не дерзнетъ хвалить, дондеже провинившійся не будетъ просить прощенія, и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе; къ прощенію же не надлежитъ приступать вдругъ.

Заставлять воспитанниковъ дѣлать съ точностію и ласкою то во всякомъ случаѣ, что дѣлать имъ надлежитъ.

Приставникамъ не дѣлать при воспитанникахъ того, чего не желаютъ, чтобъ дѣти переняли, и вовсе отдалить отъ зрѣнія и слуха ихъ высочествъ дурные и порочные примѣры; да не повадятся они въ игрѣ и при оной быть несправедливы и да не употребятъ въ оной несправедливости, или обмана и неправды. Буде таковое примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло.

Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость.

2. *Въ чемъ главныя достоинства наставленія состоятъ.*

Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благородномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится.

Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основаниомъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ таудолюбіемъ.

Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ, и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпятся въ добродѣтели, тѣмъ болѣе готовятся къ познанію того, что отродію ихъ прилично.

Е. ПИСЬМА.

1. *Графу Петру Александровичу Румянцову* (*1763*) ([15]).

Господинъ Генералъ Румянцовъ! Я получила письмо ваше, въ которомъ пишете и просите объ отставкѣ. Я разсудила, что необходимо мнѣ пришло съ вами изъясниться и открыть вамъ мысли Мои, которыя, вижу, что совсѣмъ вамъ неизвѣстны. Вы судите Меня по стариннымъ поведеніямъ, когда персоналитетъ всегда превосходилъ качества и заслуги всякаго человѣка, и думаете, что бывшій вашъ фаверъ (а) нынѣ вамъ въ порокъ служить будетъ, непріятели же ваши тѣмъ подкрѣплять себя имѣютъ. Но позвольте сказать: вы мало Меня знаете. Пріѣзжайте сюда, если здоровье ваше вамъ то позволяетъ; вы приняты будете съ тою отмѣнностію, которую ваши отечеству заслуги и чинъ вашъ требуютъ. Не думайте же, чтобъ Я противъ желанія вашего хотѣла симъ принудить васъ къ службѣ: мысль Моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій россійскій дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ (б) о службѣ и отставкѣ своей, и не то, чтобъ Я убавить прерогативъ (в) оный хотѣла, оный паче при всякомъ случаѣ подкрѣплю;

а) При Петрѣ III.

б) Располагаетъ.

в) Преимущество.

а сіе единственно пишу, дабы Мы другъ друга разумѣли и вы моглибъ ясно видѣть Мое мнѣніе. Если тогда, какъ вамъ на смѣну другой былъ присланъ, обстоятельства казались и были дѣйствительно конфузны, что, можетъ быть, и вамъ поводомъ служило къ подозрѣнію о Моей къ вамъ недовѣрчивости, то оное приписать должно случаю тѣхъ временъ, кои уже миновались и которыхъ слѣду въ Моихъ мысляхъ не осталось. И такъ въ ожиданіи другаго отъ васъ письма, въ которомъ имѣете вы знать дать, исполните ли вы жадное желаніе всей вашей фамиліи видѣть васъ, или остаетеся ли вы при силѣ вашего послѣдняго письма, въ томъ и другомъ случаѣ Я неотмѣнно остаюсь вамъ доброжелательная.

Изъ Москвы, 13 Генваря 1763 года.

2. А. В. Олсуфьеву (1763) ([16]).

Адамъ Васильевичъ! я чаю—Ломоносовъ бѣденъ: сговоритесь съ Гетманомъ (а), не можно ли ему пенсіонъ дать, и скажи мнѣ отвѣтъ.

Въ Москвѣ, 28 апрѣля 1763.

3. Даламберу (1763) ([17]).

Господинъ Даламберъ,

Я только что прочла присланный вами господину Одару отвѣтъ, которымъ вы отказываетесь принять на себя воспитаніе моего сына. Я понимаю, что вамъ, какъ философу, ничего не стоитъ презирать такъ называемыя величія и почести сего міра; все это на ваши глаза пустая вещь, и я охотно раздѣляю ваше мнѣніе. Смотря на вещи съ этой точки зрѣнія, я нахожу неважнымъ поведеніе королевы Христины, которую такъ много хвалили и часто осуждали по справедливости; но быть рожденнымъ или призваннымъ на то, чтобы содѣйствовать благу и даже образованію цѣлаго народа, и отказаться отъ этого—значитъ, какъ мнѣ кажется, отказаться отъ возможности дѣлать добро, которое такъ вамъ по сердцу. Философія ваша основана на человѣколюбіи; позвольте сказать вамъ, что не соглашаться служить ему, когда служить можно—значитъ упускать изъ виду свою цѣль. Я такъ хорошо знаю васъ, какъ человѣка честнаго, что не могу приписать вашъ отказъ тщеславію; я знаю, что единственная его причина—любовь къ спокойствію, нужному для ученыхъ занятій, и дружба. Но что же мѣшаетъ? пріѣзжайте съ вашими друзьями: обѣщаю вамъ всѣ удовольствія и удобства жизни, какія только отъ меня зависятъ; можетъ быть вы найдете здѣсь болѣе покоя и свободы, нежели у васъ. Вы не склоняетесь на настойчивыя предложенія прусскаго короля и на благодарность, которою ему обязаны; но у него нѣтъ сына. Признаюсь, воспитаніе сы-

а) К. Г. Разумовскимъ, президентомъ Ак. Н.

на такъ дорого моему сердцу и вы мнѣ такъ необходимы, что, можетъ быть, я уже слишкомъ прошу васъ. Извините мою нескромность ради причины, и будьте увѣрены, что я заинтересована такъ сильно изъ уваженія къ вамъ.

P. S. Во всемъ этомъ письмѣ я выражала только тѣ чувства, которыя находила въ вашихъ твореніяхъ: вы не захотите противорѣчить себѣ.

4. А. В. *Олсуфьеву* (1765).

Адамъ Васильевичъ! вы имѣете сказать, а лучше написать моимъ именемъ къ Александру Петровичу Сумарокову, что какъ его сочиненія печатаются на счетъ Кабинетный,—онъ впредь воздержался бы соблазнительныхъ словъ для слабыхъ употреблять, какъ нынѣ въ его баснѣ, называемой о *двухъ поварахъ* (а); также и трогающихъ честь кого, какъ въ той же басни исторія его съ княземъ Шаховскимъ. Сей послѣдній, кажется, своимъ весьма умѣреннымъ поступкомъ противъ Сумарокова сіе не заслужилъ; я желаю, чтобъ остановлена была продажа сей піесы, а впредь предпишите, гдѣ его Сумарокова сочиненія на моемъ коштѣ печатаются, чтобъ безъ censure ихъ не печатали, понеже я не хочу, чтобъ подумали, что я дерзости противъ почтенія закона и благопристойности потакала; также почтенныхъ людей подъ моимъ покровительствомъ выдавала на непристойное ругательство. Mesurez bien vos termes dans cette lettre, car nous avons affaire à une tête chaude, qui commence perdre la tramontane si elle n'est pas deja perdue depuis longtemps. Mais enfin faites, qu'il retire ses sottises, ou retirez les vous même ([18]). При семъ прилагаю извѣстную піесу.

а) Басня «Два повара».

5. *Вольтеру* (1767) ([19]).

Я грозила вамъ письмомъ изъ какой нибудь азіятской деревушки, и вотъ держу теперь свое слово.

Мнѣ кажется, что сочинитель анекдота о Велисаріи ([20]) и письма о панегирикахъ ([21]) находится въ близкомъ родствѣ съ племянникомъ аббата Базеня ([22]). Однако же не лучше ли, государь мой, всѣ похвалы человѣкамъ отлагать до ихъ смерти, изъ опасенія, чтобъ они рано или поздно не сдѣлали оныя ложными, поелику всѣ человѣческія дѣла коловратны и непостоянны. Я не знаю, въ такомъ ли были уваженіи похвальныя слова Людовику XIV по отрѣшеніи Нантскаго указа, какъ прежде: по крайней мѣрѣ изгнанные протестанты были противнаго мнѣнія. И такъ прошу васъ, государь мой, употребить то благоволеніе, которое вамъ оказываетъ живущій въ предѣлахъ Кантона Урійскаго ученый мужъ (б), для убѣжденія его,

б) Такъ Вольтеръ иногда подписывался подъ своими сочиненіями.

чтобъ онъ не тратилъ напрасно своего времени на прославленіе меня прежде моей смерти.

Законы, о коихъ такъ много говорятъ, не совсѣмъ еще окончены (а). Но ахъ! кто можетъ ручаться за ихъ доброту? Конечно не намъ, но потомству предоставлено рѣшить сію задачу. Вообразите, что они должны служить для Европы и Азіи; какая жъ чрезвычайная разность въ климатѣ, народахъ, обычаяхъ и даже въ самомъ понятіи.

И такъ теперь я въ Азіи: я хотѣла видѣть ее собственными своими глазами. Въ семъ городѣ находится двадцать различныхъ народовъ, не имѣющихъ между собою ни малѣйшаго сходства. Надобно однакожъ дать имъ такое платье, которое бы всѣмъ пристало. Могутъ быть найдены общія правила; но естьли взять подробности, то едва ли можно сказать, что это столько же трудно, какъ сотворить міръ, устроить и сохранить; я не окончу, естьли обо всемъ говорить буду, однакожъ и безъ того довольно наговорено.

Естьли мои предпріятія не будутъ имѣть успѣха, то отрывки изъ моихъ писемъ, которые видѣла я въ недавно изданномъ сочиненіи, покажутся безпристрастнымъ читателямъ и моимъ завистникамъ тщеславіемъ или Богъ знаетъ чѣмъ. Притомъ письма мои внушаемы были мнѣ однимъ только къ вамъ уваженіемъ, и не могутъ быть хороши для печати. Правда, что для меня весьма лестно и много чести дѣлаетъ—видѣть, съ какимъ чувствомъ внесено сіе сочинителемъ письма о панегирикахъ; но Велизарій (б) говоритъ, что эта минута есть самая опаснѣйшая для людей моего состоянія. Велизарій о всемъ разсуждалъ справедливо, такъ и въ семъ мнѣніи конечно не ошибся. Сія книга уже преведена и будетъ напечатана. Чтобъ испытать, хорошъ ли переводъ, онъ читанъ былъ передъ двумя незнавшими подлинника. Одинъ изъ нихъ сказалъ: пусть мнѣ выколютъ глаза, только бы я былъ Велизаріемъ, я почту себя довольно награжденнымъ; другой отвѣтствовалъ: естьли бъ это сдѣлалось, то бы я позавидовалъ.

За тѣмъ свидѣтельствую вамъ, государь мой, признательность мою за всѣ оказываемыя мнѣ вами знаки дружбы; но избавьте, ежели можно, маранье мое отъ печати. Казань. 29 Мая.

7. Князю А. М. Голицыну (1780) (23).

Князь Александръ Михайловичъ! Увѣдомилась я, что дворянство санктпетербургской губерніи вздумало приносить мнѣ титулы и собирается сдѣлать ог-

а) Работы Комиссіи по составленію Новаго Уложенія.

б) Въ путешествіи своемъ Екатерина съ нѣкоторыми приближенными особами переводила Мармонтелева Велисарія.

ромныя встрѣчи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей моихъ, а потому и судить можете, коль излишнимъ и непристойнымъ все то почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій есть предметъ моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія отечеству и вознесенія славы и величія его; почему и не можетъ иное мнѣ пріятно и угодно быть, какъ повиновеніе моей волѣ и ревностное и тщательное каждымъ званія на него возложеннаго исполненіе, вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для меня не нужна. Чего ради я желаю, чтобъ собранныя деньги отданы были въ приказъ общественнаго призрѣнія, для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому (а), такъ какъ можете тоже сдѣлать и со всѣми другими, кои будутъ любопытствовать о семъ. Пребываю, впрочемъ, вамъ доброжелательна.

P. S. Сіе есть непремѣнная моя воля, которую выполнить вамъ предписываю.

8. *Доктору Циммерману* (*1785*) ([24]).

Государь мой! Я получила ваше письмо отъ 28 января, коимъ увѣдомляете меня о полученіи посылки, доставленной къ вамъ чрезъ моего министра въ Гамбургѣ ([25]). Вы даже и не думаете о благодарности, которою я вамъ должна. Сначала боялась было я раскрыть вашу книгу (о уединеніи), потому что, судя по ея названію, опасалась, чтобъ она не усилила во мнѣ ипохондрію, къ которой я и безъ того нѣсколько мѣсяцевъ чувствовала въ себѣ наклонность, но сія книга болѣе, нежели что другое, остановила и потомъ уменьшила дѣйствіе оныя. Въ сей книгѣ есть сила, и величіе, и красота души. Судя по дѣйствію на меня сей драгоцѣнной книги, думаю, что она можетъ быть лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ. Всякій хорошій докторъ долженъ бы вписать ее въ реестръ своихъ рецептовъ, и часто была бъ она полезнѣе многихъ лекарствъ, къ которымъ я нисколько не расположена, что можетъ вамъ подтвердить вашъ пріятель Вейкартъ ([26]), и годовой счетъ изъ аптеки собственно на мою особу рѣдко бываетъ больше тридцати шиллинговъ. Хотя газеты и пишутъ обо мнѣ, что я умерла, умираю, нахожусь при послѣднемъ концѣ жизни и хвора, однакожъ по сіе время ничего этого не бывало. И такъ когда я желала, чтобъ вы сюда пріѣхали, то сіе желаніе отнюдь не отъ того происходило, чтобы воспользоваться какими врачебными совѣтами, но чтобъ узнать человѣка разумнаго, одареннаго необыкновенными способностями и свѣдѣніями. Вотъ какого я объ васъ

а) Генералъ-прокурору.

мнѣнія, государь мой. Общій нашъ пріятель, покойный князь Орловъ ([27]), и многіе другіе не мало къ тому способствовали, а болѣе всего ваши сочиненія. Откровенность и чистосердечіе, плѣняющія въ вашихъ письмахъ, конечно, умножили бъ во мнѣ желаніе васъ видѣть поближе. Но какъ я вижу, что вы не можете отважиться на безпокойства столь долговременной ѣзды, не подвергнувъ опасности своего здоровья, а поѣздка моремъ могла бъ имѣть также свои слѣдствія, то и совѣщусь просить васъ о семъ еще, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, жизнь большей части вашихъ больныхъ зависитъ единственно отъ искусства вашихъ объ нихъ попеченій; да и здѣсь, хотя ни слова не скажу о медицинѣ, другіе не преминутъ докучать вамъ своими вопросами и слѣдовательно лишать васъ того благоденствія, въ которомъ я желала бы васъ видѣть. И такъ надежнѣйшее для васъ предпочитаю, хотя съ сожалѣніемъ, удовольствію васъ видѣть, государь мой, сколько бъ я того ни хотѣла. Будьте здоровы и наслаждайтесь въ полной мѣрѣ славою, пріобрѣтенною вашими талантами. Я же удовольствуюсь и тѣмъ, что буду писать къ вамъ отъ времени до времени, когда случай къ тому представится. Прощайте.

Петербургъ, 22 февраля 1785.

[1]) „Наказъ“ (т. е. наставленіе) служилъ основаніемъ комиссіи, которая состояла изъ 565 депутатовъ, собранныхъ отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, отъ дворянства, отъ городовъ, отъ сельскихъ обывателей и иновѣрцевъ, и которая должна была сочинить новое Уложеніе. Раздѣлялась она на общее собраніе, или большую комиссію, и отдѣльныя комиссіи. Открытіе ея послѣдовало въ Москвѣ 31 іюля 1767 г.; а 29 декабря общее ея собраніе распущено. Остались въ дѣйствіи однѣ отдѣльныя комиссіи, которыя, въ теченіе пяти лѣтъ, составили: а) такъ называемые планы, т. е. заглавія проэктовъ, содержащія въ себѣ одно означеніе предметовъ и главное ихъ раздѣленіе; б) сочиненныя по симъ планамъ части проэктовъ, въ видѣ опытовъ. Въ 1774 г. все учрежденіе упразднено (Обозрѣніе историч. свѣдѣній о сводѣ законовъ, 1837). — Наказъ, обнародованный 30 іюля 1767 г., состоитъ изъ вступленія, двадцати главъ и окончанія (всего 526 пунктовъ). Въ послѣдствіи, 28 февраля и 8 апрѣля 1768 г., прибавлены къ нему двѣ дополнительныя главы (21 и 22-я) и начертаніе о приведеніи къ окончанію вышеозначенной комиссіи. Первое изданіе его, безъ дополненій, въ Москвѣ 1767, а съ дополненіями въ Петербургѣ 1768. Изданій его на иностранныхъ языкахъ очень много; обозрѣніе тѣхъ, которыя находятся въ И. П. Б., см. въ 10 № Отеч. Зап. 1854 (статья: „Библіографическіе отрывки“). Главныя черты, такъ называемый „духъ“ Наказа, изображены Карамзинымъ, въ Похвал. Словѣ Екатеринѣ II. Въ П. С. З. онъ помѣщенъ подъ № 12949. Рукопись Наказа, состоящая изъ $128^1/_2$ листовъ и писанная собственною рукою Екатерины (за исключеніемъ 12 лист.), большею частію на франц. языкѣ, имѣетъ такое названіе: „Matériaux dont les traductions sont dans le Senat, et qui ont servi pour composer l'instruction de la commission etablie pour faire le projet

des lois". Она хранится въ Библ. Ак. Н. (Изв. по 2 отд., III, стр. 112).

²) Глава V показываетъ значеніе равенства и общественной, или государственной, свободы. Изъ опредѣленія этихъ предметовъ видно, что они тождественны съ законностью, т. е. съ исполненіемъ законовъ и твердымъ охраненіемъ граждань законами, дарующими всѣмъ и каждому возможность наслаждаться спокойствіемъ. Глава эта, равно какъ и многіе другіе пункты, заимствованы изъ книги Монтескье: Esprit des lois.

³) Вся эта глава заимствована изъ знаменитаго творенія Беккаріи: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ", положившаго новыя основанія уголовному судопроизводству. Особеннымъ гуманизмомъ проникнутая 15-ая глава: „объ умѣренности наказаній".

⁴) Пункты 348 и 349 взяты изъ Монтескье (кн. IV: „о законахъ воспитанія соотвѣтственно началамъ правленія", гл. I: „законы воспитанія"). Остальное принадлежитъ Императрицѣ, которая повторяетъ тѣ же мысли въ инструкціи кн. Н. И. Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ своихъ внуковъ, в. к. Александра и Константина.

⁵) Пунктъ 356 взятъ изъ доклада Бецкаго „о воспитаніи юношества обоего пола" (1764). Мысли, здѣсь выраженныя, принадлежатъ самой Екатеринѣ, такъ какъ Бецкій приводилъ только въ исполненіе ея педагогическія идеи.

⁶) Комедія „О Время" имѣла большой успѣхъ и возбудила къ себѣ горячее сочувствіе просвѣщенныхъ людей. Новиковъ посвятилъ журналъ свой „Живописецъ" Неизвѣстному сочинителю комедіи: „О время"! Въ посвященіи, между прочимъ сказано: „Государь мой! я не знаю, кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности... Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе". Въ отвѣтѣ своемъ, Екатерина II говоритъ: „Комедію мою сочинилъ я, живучи въ уединеніи, во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи,.слѣдов., не выходя изъ дому своего (*т. е. изъ Россіи*), нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю". Сюжетъ комедіи: „О Время" — самый обыкновенный, состоящій въ любви Молокососова къ Христинѣ, внучкѣ г-жи Ханжахиной, главнаго дѣйствующаго лица, въ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ его сватовствомъ, и въ устраненіи этихъ препятствій при содѣйствіи Непустова. Достоинство піесы не въ сюжетѣ, а въ осмѣяніи ханжества, суевѣрія и страсти къ вѣстямъ и сплетнямъ, изображенныхъ въ лицѣ трехъ женщинъ: Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Кромѣ того, Екатерина II выставила (въ разсказѣ служанки Мавры, дѣйст. I, явл. 12) недостатки тогдашняго воспитанія: съ одной стороны — строгое обращеніе съ дѣтьми и держаніе дѣвицъ въ полномъ невѣжествѣ, а съ другой безсмысленное, модное воспитаніе, изъ дѣвицъ образующее „новосвѣтскихъ госпожъ".

⁷) Неплатежъ долговъ принадлежалъ къ числу важнѣйшихъ недостатковъ дворянства въ эпоху Екатерины. „Какъ у Двора, такъ и въ столицѣ", говоритъ Фонъ-Визинъ въ „Придворной Грамматикѣ", „никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: быть должнымъ". Тотъ же Фонъ-Визинъ спра-

шивалъ Императрицу: „отъ чего всѣ въ долгахъ“? Ея сочиненія часто обличаютъ господъ, изучившихъ искусство обманывать своихъ кредиторовъ или обращаться съ ними безъ всякой церемоніи.

[8]) Въ инструкціи кн. Салтыкову исчислены „нарочитыя“ книжицы, написанныя Екатериною II для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина: Сказка о Царевичѣ Хлорѣ и Сказка о Царевичѣ Февеѣ (обѣ 1782 г.): изъ послѣдней составлена потомъ (1786) комическая опера, того же имени; Выборныя россійскія пословицы (1872); Записки первой части содержащія въ себѣ разсказы и разговоры (1783); Гражданское начальное ученіе, съ россійской азбукой (1783); Китайскія мысли о совѣсти (особаго изданія ихъ не было: онѣ вошли въ Гражданское ученіе) — Всѣ эти книжки, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ театральныхъ піесъ, образовали 9 томовъ, которые Екатерина называла „библіотекой своихъ внуковъ“ (Письмо къ Циммерману, 1788 октября 11). Сказка о царевичѣ Хлорѣ получила особую извѣстность тѣмъ, что подала Державину поводъ къ сочиненію оды: „Фелица“, гдѣ упоминаются и Брюзга-Султанъ и Лѣньтягъ-Мурза, подъ которыми Екатерина разумѣла кн. Вяземскаго и Потемкина. Достоинство ея, равно какъ и сказки о Февеѣ, заключается въ тѣсной связи съ Инструкціей, которая относится къ нимъ, какъ правила относятся къ образцамъ. Что въ инструкціи говорится о дѣтскихъ забавахъ, веселости нрава, учтивости, смѣлости, пустомъ страхѣ и опасеніи, добромъ примѣрѣ наставниковъ, то самое встрѣчаемъ при разсказѣ о Хлорѣ. Точно также въ разсказъ о воспитаніи, свойствахъ и дѣлахъ Февея вошли почти всѣ существенныя черты педагогическихъ правилъ Инструкціи. Содержаніе сказки о Хлорѣ состоитъ въ томъ, что Хлоръ ищетъ розы безъ шиповъ, т. е. добродѣтели, приносящей намъ полное, ничѣмъ неотравляемое наслажденіе. Въ этихъ поискахъ руководствуетъ его Фелица, давъ ему въ спутники своего сына, Разсудокъ. Съ помощью честности и правды, Царевичъ преодолѣлъ всѣ препятствія, и на вершинѣ горы нашелъ желанную розу. Смыслъ аллегоріи тотъ, что истинное счастіе пріобрѣтается только добродѣтелью, невозможною безъ разума.

[9]) Печатались въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова (1783—84), издававшемся отъ Россійской Академіи, директоромъ которой въ то время была кн. Е. Р. Дашкова.

[10]) Вымышленное лице, которому авторъ предоставляетъ говорить о недостаткахъ общества, прежнихъ и современныхъ, сравнивать прошлое съ настоящимъ, оцѣнивать пользу правительственныхъ учрежденій, разсуждать о дѣйствительныхъ потребностяхъ Россіи.

[11]) Въ воспитаніи Екатерина видѣла главнѣйшее средство къ искорененію преступленій (см. §§ 245 и 248 Наказа); воспитаніе же, по ея мнѣнію, должно было уничтожить пороки и другіе общественные недостатки.

[12]) Объ учрежденіи Совѣстнаго суда см. въ Учрежденіи о губерніяхъ, 7 ноября 1775 г. (П. С. З., № 14392, ст. 40). „Совѣстный судъ есть благотворный и святой судъ, учрежденный Императрицею для защиты угнетаемаго человѣчества. Ему предписаны осторожность, милосердіе, чтобъ ни чью судьбу не отягощать, доставить каждому принадлежащее, примирять, а не обвинять тяжущихся“ (Соч. Державина, изд. Смирд. I, 46—47).

[13]) Инструкція кн. Николаю Ивановичу Салтыкову, при назначеніи его воспитателемъ в. к. Александра и Константина, дана 13 марта 1784 г. Она начинается положеніемъ, что

воспитаніе должно соотвѣтствовать состоянію того лица, которому дается. Такъ какъ высокому рожденію великихъ князей предлежатъ два великіе пути: справедливость и любовь къ ближнему; то имъ необходимо имѣть точное понятіе о вещахъ, здравое тѣло и разсудокъ. Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе. Умонаклоненіе къ добру заключаетъ въ себѣ четыре предмета: добродѣтель, учтивость, доброе поведеніе и знаніе. Посему инструкція дѣлится на 6 отдѣловъ или наставленій: о здоровьѣ, объ умонаклоненіи къ добру, о добродѣтели, объ учтивости, о поведеніи, о знаніи. Седьмой отдѣлъ касается приставниковъ и обращенія ихъ съ воспитанниками. Каждое наставленіе излагаетъ правила по возрастамъ: младенчеству, отрочеству и юношеству. Инструкція весьма отчетливо разсмотрѣна г. Н. Лавровскимъ въ рѣчи его: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой.

[14]) Понятія Екатерины о наградахъ и наказаніяхъ дѣтей заимствованы изъ сочиненія Локка: О воспитаніи. Она отмѣняетъ строгія мѣры, видя въ нихъ незаконныя побужденія къ успѣхамъ. Единственными средствами направлять дѣтей къ добру и уклонять отъ зла признаетъ она, слѣдуя Локку, „честь“ и „стыдъ“, на томъ основаніи, что расположеніе или нерасположеніе ближнихъ, ихъ вниманіе или презрѣніе суть могущественнѣйшіе двигатели души.

[15]) Письма къ Румянцову съ 1763 по 1783 г. (всего 70) нап. въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. ч. 1, 2 и 3. Пять писемъ къ нему же, 1773—74 г., въ „Перепискѣ Императрицы Екатерины II съ гр. Румянцовымъ — Задунайскимъ“ (1805). Здѣсь же и рескриптъ (1773 г.) къ кн. Щербатову, автору Россійской Исторіи: „Князь Михайло Михайловичъ! Для будущихъ временъ сіи письма будутъ любопытны: велите ихъ вѣрною рукою списывать; оригиналы мнѣ возвратите, а копіи у себя сохраните. Вы увидите изъ оныхъ многое множество вещей, есть ли съ прилежаніемъ ихъ прочтете, и думаю, что не Моя сторона останется слабѣйшая“. Еще нѣсколько писемъ къ Румянцову въ „Перепискѣ Екатерины II съ разными особами“ (1807). При вступленіи Екатерины на престолъ, Румянцовъ, готовившійся начальствовать надъ арміею, назначенною (1762 г.) противъ Датчанъ, для возвращенія Шлезвига, былъ на время удаленъ и, почитая себя въ немилости, просилъ отставки.

[16]) Москвит. 1855 г., №№ 17 и 18. Какъ это, такъ и другое къ Олсуфьеву письмо, напеч. безъ соблюденія орѳографіи подлинника. Олсуфьевъ былъ кабинетъ-секретарь Екатерины II и переводчикъ съ итал. яз. оперъ: Евдокія вѣнчанная, Селевкъ, Митридатъ и Беллерофонтъ. Ему же, по мнѣнію кн. Вяземскаго, принадлежитъ „Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку“, хотя это сочиненіе приписывалось Фонъ-Визину.

[17]) Собственноручное, напечатанное въ Oeuvres posthumes de d'Alembert, 2 v., 1799 г., откуда и переведено. Приглашеніе Даламбера въ воспитатели в. к. Павлу Петровичу было сдѣлано въ 1762 г. чрезъ И. И. Шувалова. Въ тоже время Фридрихъ Великій предлагалъ ему мѣсто президента въ Берлинской Академіи. Въ письмѣ къ Вольтеру, 2 октября 1762 г., Даламберъ говоритъ о предложеніи Шувалова и о своемъ отказѣ, приводя тому и причину: „L'air doux qu'on respire en France me fait supporter l'air du fanatisme dont on voudrait l'infecter, et je pardonne au moral en faveur du physique“. См. еще Correspondance de Grimm et Diderot, 3-me partie, t. II, стр. 382, гдѣ сказано, что Даламберу назна-

чалось 100 тысячъ ливровъ ежегоднаго жалованья.

[18]) Взвѣсьте хорошенько ваши выраженія въ этомъ письмѣ, ибо мы имѣемъ дѣло съ горячей головой, которая начинаетъ сбиваться съ толку, если уже давно не сбилась. Однимъ словомъ, устройте такъ, чтобъ онъ удалялся отъ глупостей или удаляйте ихъ сами.

[19]) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ, съ 1763 по 1778 г., существуетъ у насъ въ четырехъ переводахъ. Подлинникъ былъ напечатанъ впервые Бомарше въ изданномъ имъ собраніи сочиненій Вольтера, но не вполнѣ, а съ нѣкоторыми исключеніями, какъ видно изъ книги Ломени: „Beaumarchais et son temps, 1856, ч. 2, стр. 224 — 225. Для сличенія письма Императрицы, помѣщеннаго въ Хрестоматіи, съ его оригиналомъ, мы пользовались изданіемъ сочиненій Вольтера, 1847 г., т. 10. Оно писано во время путешествія Екатерины по Волгѣ.

[20]) Относится къ „анекдоту о Велисаріи", гдѣ Вольтеръ восхваляетъ терпимость и человѣколюбіе Екатерины: „L'auguste imperatrice de Rusie vient d'établir la teérance dans deux mille lieues de pays. Elle a écrit de sa propre main: *malheur aux persecuteurs* и пр. (Facéties, т. VIII Сочиненій Вольтера, изд. 1847, стр. 650—652).

[21]) См. въ IX т. того же изданія: „Sur les panégyriques" (стр. 261—263): здѣсь Вольтеръ включилъ нѣкоторыя мѣста изъ писемъ къ нему Екатерины, что ей было непріятно.

[22]) Аббатъ Базенъ (Bazin) и племянникъ аббата Базена — псевдонимы Вольтера, который подъ первымъ именемъ издалъ: „La Philosophie de l'histoire", служащую введеніемъ къ „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations", а подъ вторымъ—„La défense de mon oncle", когда появилась критика на „Философію исторіи", подъ заглавіемъ: Supplement à la Philosophie de l'histoire.

[23]) Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ былъ с.п.бургскимъ главнокомандующимъ во время путешествія Екатерины II въ Бѣлоруссію. Дворянство с.п.бургской губерніи вручило ему, чрезъ губернскаго предводителя кн. Александра Борисовича Куракина, прошеніе о поднесеніи Императрицѣ титуловъ „Великой и Матери Отечества". Въ этомъ прошеніи между прочимъ сказано: Екатерина „славна своими побѣдами, славна своими законами, но славнѣе еще своими неутомимыми и тщательными трудами о спокойствіи, о порядкѣ, о возможнѣйшемъ благѣ отечества". Похвальное Слово Екатеринѣ, Карамзина, приняло тоже дѣленіе въ изображеніи ея дѣлъ: „Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями".

[24]) „Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II съ Докторомъ Циммерманомъ, съ 1783 по 1792 годъ. Спб. 1803 г." Переводчикъ—Иванъ Степановъ. Подлинникъ, на фр. яз., въ сочиненіи Маркарда: „Zimmrmanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard" (Бременъ, 1803). Онъ служитъ приложеніемъ къ книгѣ и содержитъ въ себѣ не всю переписку между Екатериной и Циммерманомъ, а только нѣкоторыя письма, показывающія отношенія между ними. Циммерманъ, родомъ швейцарецъ (р. 1728, у. 1795), вызванъ былъ, 1768 г., въ Ганноверъ и получилъ мѣсто лейбъ-медика при англійскомъ королѣ; пользовалъ также Фридриха II въ послѣдніе его годы, для чего и жилъ въ Берлинѣ; подъ конецъ своей жизни впалъ въ ипохондрію, разстроившую его умственныя способности. Изъ сочиненій его переведены на рус. яз.: О уединеніи; О народной

гордости (три перевода); Фридрихъ Великій при смерти.

[25]) Письмо это — отвѣтъ на письмо Циммермана, заключавшее въ себѣ благодарность за полученный, въ 1784 г., отъ Императрицы подарокъ— драгоцѣнный перстень и медаль съ ея портретомъ, при чемъ она написала собственноручно: „Королевско-Великабританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику господину Циммерману изъ благодарности за многіе хорошіе рецепты, прописанные имъ человѣчеству въ книгѣ его: О уединеніи".

[26]) Лейбъ-медикъ Екатерины II, бывшій потомъ частнымъ врачемъ въ Гейльбронѣ и выдавшій 1802 свою автобіографію: „Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte des Kayserlich Russischen Stats-Raths Weikard". Цѣль ея— уменьшить значеніе Циммермана и выставить его отношенія къ императрицѣ въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ. Книга Маркарда есть собственно апологія Циммермана.

[27]) Кн. Григорій Григорьевичъ, отправившійся въ Ганноверъ, съ больной женой своей, для совѣтовъ съ Циммерманомъ. Знакомство ихъ, начавшееся съ 1780 г., обратилось въ дружбу; этимъ объясняются слова: „общій нашъ пріятель".

XXXI.

КНЯГИНЯ Е. Р. ДАШКОВА ([1]).

ЗАПИСКИ ([2]).

Вступленіе кн. Дашковой въ должность Директора Академіи Наукъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (а) былъ при дворѣ балъ. Ея величество, обошедши обычный кругъ и удостоивъ своимъ разговоромъ нѣсколькихъ фрейлинъ и иностранныхъ министровъ, обратилась опять ко мнѣ: «Я должна сказать вамъ кое-что особенное, княгиня, но теперь, какъ вижу, неудобно». Потомъ она удалилась отъ меня и еще поговоривъ съ нѣкоторыми министрами на другомъ концѣ залы, вдругъ остановилась посреди небольшаго круга, образовавшагося между обѣими половинами собраннаго общества, и, кивнувъ головою, подозвала меня къ себѣ. Я приблизилась, и если бъ въ самомъ дѣлѣ упала съ облаковъ, то не могла бы почувствовать большаго изумленія, какъ когда Ея Величество предложила назначить меня Директоромъ Академіи Художествъ и Наукъ.

Мое молчаніе (я сначала не могла произнести ни слова въ отвѣтъ) заставило Ея Величество повторить предложеніе, которое она подкрѣпила множествомъ милостивыхъ и лестныхъ словъ.

«Нѣтъ, Государыня», отвѣчала я, собравшись съ силами, «не могу принять должности, для исполненія которой у меня вовсе

а) Въ декабрѣ, 1782 г.

нѣтъ нужныхъ качествъ, и еслибъ я не думала, что Вашему Величеству угодно шутить, я бы сказала, что хоть бы сама и не побоялась сдѣлаться смѣшною, однакожъ никогда бы не согласилась повредить славѣ Вашего Величества принятіемъ должности, къ которой я во всѣхъ отношеніяхъ неспособна».

Чтобы побѣдить мои опасенія, Императрица подала видъ, будто принимаетъ отказъ мой въ знакъ уменьшенія той преданности къ ней, какую я изъявляла. Конечно всякій, кто имѣлъ счастіе быть близкимъ къ ея особѣ, испыталъ болѣе или менѣе вліяніе того могучаго краснорѣчія, того искусства, которыя всегда были во власти ея, когда дѣло шло о убѣжденіи кого-нибудь.

Со мною государынѣ не нужно было употреблять ни того, ни другаго, потому что я, по чувству привержениости, столь же неизмѣнной, какъ и безкорыстной, во всякое время была готова повиноваться ея приказаніямъ. Но въ этомъ случаѣ власть ея оставалась безъ дѣйствія. «Назначьте меня», возразила я, директрисою прачекъ Вашего Величества, и вы увидите, съ какимъ усердіемъ я буду умѣть служить вамъ.

«Не я», замѣтила государыня, «а вы шутите, выпрашивая себѣ такое смѣшное званіе».

«Ваше Величество», сказала я, «изволите полагать, что хорошо знаете мой характеръ, и однакожъ отъ вниманія вашего скрылось, какъ много гордости въ моемъ вызовѣ. По моему мнѣнію, человѣкъ облагораживаетъ свое званіе, и еслибъ я по вашей волѣ сдѣлалась начальницею прачекъ, на меня бы смотрѣли какъ на лице, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ и самыхъ завидныхъ мѣстъ при дворѣ. Правда, я не посвящена въ искусство мыть бѣлье, но ошибки, какія проистекаютъ отъ незнанія въ этомъ дѣлѣ, не могутъ имѣть важныхъ послѣдствій, тогда какъ, напротивъ, всякій промахъ, сдѣланный директоромъ Академіи Наукъ, былъ бы не только унизителенъ для него самого, но бросалъ бы невыгодный свѣтъ и на виновницу его назначенія».

Ея Величество, не смотря на мои возраженія, настаивала, приводя мнѣ на память тѣхъ людей, которые прежде занимали эту должность, и заставляя сознаться, что они по способностямъ и качествамъ своимъ были ниже меня.

«Тѣмъ хуже для тѣхъ», отвѣчала я, «кто такъ мало себя уважаетъ, что принимается за дѣло, котораго можетъ не исполнить съ честію».

«Хорошо», сказала государыня, «пусть будетъ по вашему, хотя отказъ вашъ только утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что я никого не могу избрать достойнѣе васъ».

Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала окончанія бала, что-

бы тотчасъ, по возвращеніи домой, написать государынѣ и еще рѣшительнѣе изложить причины моего отказа. Пріѣхавъ къ себѣ, я тотчасъ сѣла писать письмо, въ которомъ между прочимъ сказала, что природа, создавъ меня женщиною, тѣмъ самымъ отказала мнѣ въ возможности управлять Академіею Наукъ, и что я, чувствуя ничтожество своихъ литературныхъ занятій, никогда не искала чести быть принятою въ какое бы ни было ученое общество, даже когда въ Римѣ имѣла случай купить это отличіе за нѣсколько червонцевъ.

Была почти полночь, когда я кончила письмо. Нельзя было послать его тогда же къ государынѣ. Но, не будучи въ состояніи цѣлую ночь терпѣливо ожидать рѣшенія этого дѣла, я поѣхала къ князю Потемкину, у котораго еще ни разу не была во всю мою жизнь, и велѣла доложить ему, что непремѣнно должна его видѣть, хотя бы онъ уже былъ въ постели.

Въ самомъ дѣлѣ онъ легъ уже. Я пересказала ему разговоръ мой съ императрицею въ тотъ вечеръ.

«Я уже слышалъ о томъ отъ Ея Величества», сказалъ онъ, «и знаю ея мнѣніе по этому предмету. Она твердо вознамѣрилась ввѣрить Академію Наукъ вашему попеченію».

«Мнѣ никакъ невозможно», прервала я, «принять такую должность вопреки всѣмъ обязанностямъ къ самой себѣ. Вотъ письмо, которое я написала къ Ея Величеству съ рѣшительнымъ моимъ отказомъ. Прочтите его, князь: тогда я его запечатаю и оставлю въ вашихъ рукахъ съ тѣмъ, чтобы вы потрудились передать его государынѣ поутру, какъ скоро она встанетъ».

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ письмо, изорвалъ его на мелкіе лоскутки. Въ крайнемъ удивленіи и гнѣвѣ я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать бумагу, назначенную мною для Ея Величества.

«Успокойтесь, княгиня», сказалъ онъ, «и выслушайте меня. Вы искренно преданы государынѣ; никто въ томъ не сомнѣвается. Зачѣмъ хотите вы огорчить ее по дѣлу, которое въ послѣдніе два дня исключительно занимало ея мысли и совершенно овладѣло ея сердцемъ? Если вы въ самомъ дѣлѣ неумолимы, вотъ вамъ перо, чернила и бумага — напишите письмо ваше сызнова; но повѣрьте, княгиня, что я, убѣждая васъ, только играю роль человѣка, желающаго вамъ добра. Я долженъ сверхъ того прибавить, что государыня, уговаривая васъ принять предлагаемое мѣсто, имѣла въ виду еще и другую цѣль. Она желаетъ упрочить ваше пребываніе въ Петербургѣ, чтобы чаще видѣться съ вами».

Гнѣвъ мой, который рѣдко бываетъ продолжителенъ, уже прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое камердинеръ мой долженъ былъ

отнести во дворецъ для доставленія императрицѣ при самомъ ея пробужденіи поутру. Я убѣдительно просила князя вмѣстѣ со мною стараться всѣми мѣрами отклонить Ея Величество отъ такого страннаго назначенія.

Только что я возвратилась домой, я начала новое письмо къ государынѣ. Событія вечера до того взволновали и разстроили меня, что я, продолжая писать, до самаго утра даже и не подумала скинуть платье, въ которомъ была при дворѣ. Въ семь часовъ отослала я свое письмо, и въ отвѣтъ получила отъ государыни записку, въ которой, послѣ замѣчанія, что я встаю ранѣе Ея Величества, помѣщено было множество лестныхъ и обязательныхъ выраженій, но не сказано ни слова о моемъ отказѣ, который какъ будто остался незамѣченъ.

Въ тотъ же день, подвечеръ, я получила письмо отъ графа Безбородки, и при немъ копію указа, уже препровожденнаго въ сенатъ, объ опредѣленіи меня Директоромъ Академіи Наукъ и упраздненія, вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссіи, которая въ послѣднее время завѣдывала дѣлами ея въ слѣдствіе жалобы всѣхъ профессоровъ и другихъ состоявшихъ при ней лицъ на поступки бывшаго директора, г. Домашнева.

Смущенная и отъ безпокойства едва помня себя, я приказала никого не принимать и стала ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, размышляя обо всѣхъ трудностяхъ и заботахъ, которымъ подвергнетъ меня новая должность. Въ числѣ самыхъ непріятныхъ послѣдствій ея представляла я себѣ и то, что она подастъ поводъ ко множеству недоразумѣній между государынею и мною.

Въ письмѣ графа Безбородки между прочимъ было сказано: «Ея Величество приказала мнѣ увѣдомить васъ, что вы можете, когда вамъ угодно, поутру или вечеромъ объясняться съ нею по всему, что относится къ подвѣдомственной вамъ части, и что она всегда будетъ готова устранить всякое затрудненіе или препятствіе, какое вамъ встрѣтится при исполненіи обязанностей вашихъ».

Положеніе мое точно было въ высшей степени затруднительно. Я вовсе не знала, какими основаніями мнѣ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Къ моему облегченію не было оставлено даже и комиссіи, о которой я сейчасъ говорила и которая, въ первое время, могла бы служить мнѣ существеннымъ пособіемъ.

Первымъ дѣломъ моимъ было— послать въ Академію списокъ указа съ требованіемъ, чтобы комиссія еще два дня оставалась въ дѣйствіи и чтобы мнѣ немедленно донесли объ устройствѣ всѣхъ частей заведенія и о ходѣ дѣлъ типографіи, доставивъ также имена библіотекарей и завѣдывающихъ различными кабинетами; наконецъ, чтобы въ слѣдующій день начальники по всѣмъ вѣтвямъ управленія доложили мнѣ о сво-

ихъ обязанностяхъ и о предметахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи каждаго. Въ то же время просила я членовъ комиссіи сообщить мнѣ всѣ подробности, какія они могли собрать, касательно должности и обязанностей директора, чтобы я могла составить себѣ общее понятіе о томъ, что мнѣ слѣдовало дѣлать прежде, нежели приступлю къ самому ничтожному дѣйствію; а въ заключеніе я просила этихъ господъ быть самимъ убѣжденными и увѣрить остальныхъ членовъ Академіи, что я первою и священнѣйшею обязанностію сама уже предписала себѣ ко всякому члену этого ученаго сословія хранить въ полной мѣрѣ то уваженіе и ту довѣренность, какихъ заслуживаютъ разнородныя ихъ достоинства.

Я надѣялась, что такимъ образомъ успѣю въ самомъ началѣ удалить всякій поводъ къ зависти и неудовольствію въ этомъ отношеніи.

На другое утро я была допущена къ императрицѣ при волочесаніи. Въ то же время всѣ секретари Ея Величества и управляющіе отдѣльными частями принимали высочайшія повелѣнія. Между ними я съ удивленіемъ увидѣла и г. Домашнева, который подошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ своихъ для наставленія меня на счетъ моей новой должности. Какъ ни была я поражена его храбростію, однако жъ вѣжливо отвѣчала ему, что, при охраненіи выгодъ и чести Академіи, я намѣрена неизмѣнно держаться одного правила, именно— дѣйствовать безпристрастно, и при раздачѣ наградъ ея и почестей не принимать въ уваженіе ничего инаго, кромѣ заслугъ; въ разсужденіи же всего прочаго, прибавила я, я нахожусь въ такомъ совершенномъ невѣдѣніи, что сбираюсь прибѣгнуть къ собственному руководству Ея Величества и къ помощи, которую она милостиво мнѣ обѣщала.

Онъ сбирался-было начать какое-то возраженіе, какъ вдругъ государыня отворила дверь. Замѣтивъ насъ, она въ ту же минуту заперла ее, позвонила и черезъ дежурнаго камеръ-лакея приказала мнѣ явиться въ комнату Ея Величества.

«Очень рада, что вижу васъ, княгиня», сказала императрица при входѣ моемъ. «Но скажите, какую надобность могъ до васъ имѣть этотъ..... Домашневъ»?

«Онъ хотѣлъ», отвѣчала я, «дать мнѣ нѣкоторыя наставленія на счетъ моихъ новыхъ обязанностей, при исполненіи которыхъ я въ добросовѣстности, можетъ быть, буду надежнѣе его, но въ учености, боюсь, должна ему уступить, и потому сравненіе съ нимъ будетъ для меня невыгодно. Я не знаю», продолжала я, «должно ли мнѣ благодарить Ваше Величество за этотъ знакъ добраго мнѣнія обо мнѣ, или, напротивъ, сѣтовать на странное и неслыханное опредѣленіе женщины Директоромъ Академіи Наукъ».

Государыня увѣрила меня, что она не только вполнѣ довольна сдѣланнымъ выборомъ, но даже гордится имъ.

«Это въ высшей степени лестно», сказала я; «но трудъ вести слѣпца скоро сдѣлается обременительнымъ для Вашего Величества».

«Довольно», возразила Екатерина, «прошу васъ, перестаньте смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной стороны и болѣе не говорите со мною такимъ образомъ».

Выйдя изъ комнаты, я встрѣтила оберъ-гофмаршала. Онъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ вечеромъ государыня велѣла ему пригласить меня сегодня къ обѣденному столу Ея Величества, за которымъ я и впредь всегда буду принимаема съ удовольствіемъ; что однакоже мнѣ предоставляется полная свобода сообразаться въ этомъ отношеніи болѣе съ собственнымъ моимъ удобствомъ и моею охотою, нежели съ желаніями Ея Величества.

Я услышала множество привѣтствій и поздравленій по случаю явнаго доказательства милости и довѣренности царской. Но нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, видя, что я вовсе не обрадована нежданымъ отличіемъ, были такъ догадливы, что избавили меня отъ выраженій, которыя могли только увеличить мое замѣшательство. Однакожъ вообще это назначеніе возбудило въ высшей публикѣ зависть. Всѣмъ казалось, что для столь почетнаго мѣста совсѣмъ не годится особа съ такими непридворными пріемами и нравомъ, какъ я.

На третій день послѣ моего назначенія (въ воскресенье), принимала я у себя профессоровъ и другихъ чиновниковъ Академіи. Я сказала имъ, что намѣреваюсь завтра посѣтить Академію, и просила ихъ помнить, что всегда, когда они пожелаютъ объясниться со мною по какому-нибудь дѣлу, домъ мой открытъ для нихъ.

[1]) Екатерина Романовна (р. 1743, у. 1810), дочь гр. Романа Иларіоновича Воронцова, статсъ-дама, директоръ Академіи Наукъ и предсѣдатель Россійской Академіи и членъ иностранныхъ академій, пользовалась многіе годы особеннымъ расположеніемъ и даже дружбою Екатерины II. Она совершила два путешествія по Европѣ: одно (1769—72) для поправленія своего здоровья, другое (1775—82) для воспитанія своего сына въ эдимбургскомъ университетѣ.

[2]) Записки кн. Дашковой, ею самою составленныя въ послѣднюю эпоху ея жизни, изданы въ Лондонѣ на англ. языкѣ, 1840 г. Издательница ихъ — г-жа Бредфордъ, которая въ 1803 г., бывъ еще дѣвицею (Miss Wilmot), пріѣхала въ Россію изъ родины своей, Ирландіи, чтобы провести нѣсколько лѣтъ въ домѣ кн. Дашковой. Въ XXI-омъ томѣ Архива князя Воронцова напечатаны записки Дашковой въ полномъ видѣ на французскомъ языкѣ по рукописи, писанной частію рукою г-жи Бредфордъ, частію рукою самой княгини. Русскій переводъ записокъ съ изданія 1840 г. вышелъ въ Лондонѣ, въ 1859 году, и переполненъ ошибками, искажающими смыслъ подлинника. Другой переводъ, принадлежащій Д. Л. Михайловскому, напечатанъ въ IX томѣ Русской Старины. Кромѣ того отрыв-

ки изъ записокъ Дашковой помѣщены въ 1 и 2 №№ Москвитянина 1842 г. и въ 37-мъ томѣ Современника, 1845 г., въ переводѣ Я. К. Грота, откуда и взятъ отрывокъ въ Хрестоматію. Нѣмецкій переводъ Записокъ вышелъ въ Гамбургѣ, 1857 г., а французскій въ Парижѣ, 1859 г.

XXXII.

ПОПОВСКІЙ (1).

А. ОПЫТЪ О ЧЕЛОВѢКѢ (1754). (2).

Познайте истину сію, о человѣки!
И будьте ею всѣ довольны вы вовѣки:
Что счаствіе ни въ чемъ не состоитъ другомъ,
Какъ въ добродѣтели и житіи честномъ.
Она насъ къ твердому ведетъ едина счастью,
И въ ней лишь вкусъ добра, несмѣшанный съ напастью;
Одна достойныя даетъ заслугамъ мзды
И постоянныя награды за труды.
Не меньше милостью живущихъ услаждаетъ,
Какъ благодѣтелей самихъ увеселяетъ.
Веселіямъ ея другихъ подобныхъ нѣтъ,
Когда все по ея желанію идетъ.
Но хоть желанія ея бъ не успѣвали,
Не производятъ въ ней великія печали.
Хотя она всегда довольствуется всѣмъ,
Но не гнушается, ни брезгуетъ ничѣмъ.
Въ чемъ болѣе она скудна, тѣмъ больше сыта,
И скудость ей сама отъ скудости защита,
Весьма пріятнѣе потоки горькихъ слезъ,
Изъ добродѣтельныхъ текущія очесъ,
Какъ глупый смѣхъ людей нечувственно безбожныхъ,
Что происходитъ въ нихъ отъ услажденій ложныхъ.
Разсыпано ея добро по всѣмъ вещамъ,
Находитъ счастіе свое по всѣмъ мѣстамъ.
Не устаетъ, хотя всегда она трудится,
И злоключеніемъ другаго не гордится,
Ни счастіемъ другихъ не падаетъ она,
Всегда сама себѣ подобна и равна.
Нѣтъ нужды ей ни въ чемъ, ни въ чемъ нѣтъ недостатку,
Всегда довольна всѣмъ безъ всякаго упадку.
Сверхъ добродѣтели еще другихъ хотѣть—

Есть то же самое, что ужъ давно имѣть.
То можетъ счастіемъ единно лишь назваться,
Что можетъ всякому отъ Вышней власти даться.
Намъ должно для того объ ономъ разсуждать,
Чтобъ наконецъ его дѣйствительно узнать,
И сладостью его для той причины льститься,
Чтобы дѣйствительно имъ. послѣ насладиться.
Злой—нищъ среди богатствъ, и слѣпъ, хоть философъ,
Не можетъ до его достигнуть въ вѣкъ плодовъ:
Но добрый безъ труда до счастья достигаетъ.

В. ПИСЬМО КЪ И. И. ШУВАЛОВУ О ПОЛЬЗѢ НАУКЪ И О ВОСПИТАНІИ (1756). (3).

Имѣемъ отъ младыхъ ногтей мы свѣтъ природный,
Который насъ ведетъ на путь блаженству сродный;
Имѣемъ сѣмена естественныхъ добротъ,
Которы дать моглибъ плоды своихъ красотъ:
Но вредные людей испорченныхъ примѣры
И въ ложныхъ мнѣніяхъ погрязши лицемѣры
Природу нѣжную младенческихъ умовъ,
Доброту красную естественныхъ даровъ
Въ противну сторону напрасно преклоняютъ;
Гдѣ былъ бы красный цвѣтъ, тамъ терніе взращаютъ.
Какъ взрытая земля, что влагой смягчена,
Удобно внутрь себя пріемлетъ сѣмена,
Такъ ложны мнѣнія, въ младый умъ впечатлѣнны,
Не трудно могутъ быть надолго вкорененны.
Когда же пустится ихъ корень въ глубину,
И отрасли свои распустить въ ширину,
Когда съ годами вдругъ чрезъ возрастъ укрѣпится:
То скоро ли тогда сіе искоренится?
Блаженъ, кто получилъ родителей честныхъ,
Воспитанъ въ строгости обычаевъ святыхъ,
Издѣтства наученъ знать хвально что, безчестно,
И къ честности кому теченіе извѣстно:
Сей радость есть отцевъ, надежда матерей,
Родства сей красота, и честь семьи своей!
Не игры на умѣ и не непостоянство,
Не вкусъ и щегольство, пирушки и убранство;
Но польза общества, потомства похвала,
Чтобъ вѣчность получить чрезъ славныя дѣла.
Таковъ былъ Александръ, въ свои младые годы,
Пока не покорилъ роскошные народы.
Побѣды славныя и тяжкіе труды,

Походы дальніе ученья суть плоды.
Таковъ былъ Сципіонъ для отчества любови:
Онъ въ жизни не жалѣлъ ни здравія, ни крови;
Но кто тому виной, что жизнь онъ презиралъ?
Родитель въ томъ его наставилъ, воспиталъ.
Опека добрая, прилежное ученье,
Примѣръ похвальныхъ дѣлъ, честное обхожденье,
Незараженное сообществомъ худымъ,
Все можетъ произвесть въ младенцахъ, что хотимъ.
Сіе и добрую природу утверждаетъ,
И склонную ко злу способно исправляетъ.
Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, продерзскими дѣлами
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты, деньгами обклавшися, дрожишь,
Полушки нищему одной не удѣлишь,
Надѣешься ль, чтобъ, сынъ не зналъ къ богатству страсти,
Чтобъ бѣдныхъ искупалъ изъ скудости, напасти?
Когда насильственно обидишь немощныхъ,
Безъ всякой жалости смотря на слезы ихъ;
Когда ихъ образомъ тѣснишь безчеловѣчнымъ:
То сынъ твой будетъ ли, то зря, мягкосердечнымъ?
Ты въ роскошахъ уснулъ, во сладостяхъ погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякій часъ:
А хочешь, чтобъ былъ сынъ воздерженъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ и въ словѣ былъ бы вѣренъ.
За то же ремесло, за кое и отецъ,
Примается и сынъ, смотря на образецъ:
Купеческій сынокъ смышляетъ какъ взять втрое,
Смекаетъ какъ продать за цѣлое — гнилое;
О картахъ и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ надъ оными сидитъ.
Какъ язва, такъ примѣръ пороковъ переходитъ
И, заразивъ отцевъ, дѣтямъ болѣзнь наводитъ.

[1]) Поповскій, Николай Никитичъ, (р. 1730, у. 1760), профессоръ краснорѣчія въ Москов. Университетѣ, получилъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, а потомъ въ Акад. Н., гдѣ слушалъ лекціи Ломоносова и былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ его. Сочиненія его: Зима, эклога; Опытъ о человѣкѣ, Попа, пер. съ фран. (нап. 1757 г.); Ода на восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы (1754 г.); Рѣчь о пользѣ учрежденія Москов. Университета (1755 г.); Рѣчь въ день коронованія Императрицы Елисаветы (1756); Письмо къ И. И. Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи въ оныхъ юношества (1756); О воспитаніи дѣтей (Локка, переводъ неполный съ франц. 1759 г.); Оды Гораціевы и письмо его

о стихотворствѣ, пер. съ лат. (нап. 1801 г.).

[2]) „Опытъ о человѣкѣ, господина Попія, переведенъ съ французскаго языка Академіи Наукъ конректоромъ Николаемъ Поповскимъ 1754 года, издано 1757". Изданіе 1791 г., напеч. въ Яссахъ, посвящено Потемкину. Переводъ Поповскаго пользовался въ свое время большимъ и совершенно-справедливымъ уваженіемъ, какъ видно изъ письма Лом—ва къ Шувалову (1753 августа 23), отзыва Новикова въ Опытѣ историческаго словаря о рос. писателяхъ, Чистосердечнаго признанія Фонъ-Визина и другихъ свидѣтельствъ. Нѣкоторые стихи въ переводѣ Поповскаго измѣнены архіепископомъ московскимъ, Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ, и отличены въ печати болѣе крупнымъ шрифтомъ. (См. ст. Пекарскаго въ 16 № Библ. Зап. 1858 г.: „Переписка по поводу изданія Опыта о человѣкѣ", стр. 489—491, и ст. Н. С. Тихонравова въ Р. Арх. 1872, №№ 7 и 8: „Исторія изданія Опыта о человѣкѣ"). „Опытъ о человѣкѣ", дидактическая поэма Попа, явившаяся въ 1733 г., состоитъ изъ 4-хъ частей, или писемъ, разсматривающихъ человѣка въ отношеніи ко вселенной, къ нему самому, къ его счастію и къ обществу. Она излагаетъ особое воззрѣніе на міръ, называемое оптимизмомъ. Цѣль ея доказать, что въ мірѣ все благо; что между страстями и разумомъ нѣтъ противорѣчія; что любовь къ ближнему нераздѣльно связана съ любовью къ самому себѣ; что главнѣйшая наука человѣка — самопознаніе, и что счастіе есть плодъ добродѣтели. (Подробности см. въ статьѣ моей: „Карамзинъ какъ оптимистъ", Отеч. Зап. 1858, № 1).

[3]) „Письмо о пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества къ И. И. Шувалову, при заведеніи Московскаго Университета. 1756 г." Напеч. уже по смерти Поповскаго, въ „Живописцѣ, еженедѣльномъ на 1772 г. сочиненіи (Новикова)". Поповскій, исчисляя разные роды суетной славы, видитъ истинную славу въ любви къ наукамъ и приложеніи ихъ къ русскому воспитанію; потомъ указываетъ на идеалъ семейнаго воспитанія и на пороки, которые чаще въ немъ встрѣчаются; наконецъ прославляетъ Шувалова за его заботливость о исправленіи небрежнаго родительскаго надзора надъ дѣтьми.

XXXIII.

САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769—74 ГГ. ([1]).

А. ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА (1769—70). ([2]).

Государь мой! Не болѣе года, какъ я, оставя деревню, въ которой родился и воспитанъ, сюда пріѣхалъ. Мѣсто, въ которомъ я взросъ и провождалъ первые лѣта мои, недалеко лежитъ отъ Епифани, и хотя не болѣе тридцати верстъ, однако я никогда въ семъ городѣ не бывалъ, да и никакого другаго города до нынѣшняго времени не видывалъ. Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ воспитанъ бабушкою, которая люби-

ла меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю моему (который былъ старый дьячекъ нашего прихода) жаловаться, то онъ ихъ отгонялъ плетью и бранилъ, что они осмѣливалися просить на своего боярина. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня. И такъ не удивительно, что учитель, не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ я ни на кого. Когда отецъ мой отважился меня бранить, то я, расплакавшись, бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ на него жаловаться, и они говорили мнѣ, гладя по головѣ и утирая слезы: плюнь на него, другъ мой! не слушай его; этакій отецъ! не стоишь ты имѣть такого сына.

Такимъ образомъ достигъ я тринадцатаго года, и хотя учитель мой, дьячекъ, былъ у меня четыре года, однако съ нуждою могъ я разбирать букварь и марать дурныя буквы. Совсѣмъ тѣмъ бабушка моя дивилась разуму моему и не могла довольно приписать похвалъ моему понятію. Въ то время отецъ мой предложилъ ей, чтобы взять для меня учителя француза, дабы я могъ показаться такъ, какъ должно благородному дворянину. Предложеніе сіе ей не полюбилось и она никогда не хотѣла согласиться отдать меня въ руки, какъ она сказывала, басурману. Но усиленныя просьбы отца моего убѣдили наконецъ ее склониться на его желаніе съ тѣмъ, когда я самъ на то соглашуся. Для сей причины призвали меня и спрашивали, имѣю ли къ тому охоту; но я, не обинуяся, сказалъ, что никогда тому не бывать, и немедленно убѣжалъ. Отвѣтъ мой подтвердилъ бабушку въ ея мнѣніи. И такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя съ слугами въ карты, къ которымъ съ малыхъ лѣтъ великую имѣлъ склонность. Между тѣмъ отецъ мой не преставалъ скучать ей, чтобы нанять для меня учителя; также и ласкалъ и меня, уговаривая склониться на то. Наконецъ разными обѣщаніями удалось ему преодолѣть мое упорство, и я самъ началъ о томъ бабушку просить. Отецъ мой не пропустилъ сего добраго случая и тотчась отписалъ въ Москву къ своимъ пріятелямъ прислати къ намъ одного, который чрезъ короткое время и пріѣхалъ. Онъ былъ французъ, родомъ изъ Коліура, французскаго города, въ графствѣ Руссиліонскомъ (a), человѣкъ лѣтъ сорока и изрядныхъ качествъ. Отецъ мой весьма радовался его пріѣзду;

a) Прежняя французская провинція, составляющая теперь часть департамента Верхнихъ Пиренеевъ, гдѣ и городъ Coelioure.

но бабушка, матушка и я не очень тѣмъ веселились. Скоро началъ онъ оказывать свое искусство, давъ мнѣ учить прежде азбуку. Два или три дни были мы съ нимъ добрые пріятели. Азбука стала мнѣ становиться скучна; а онъ, видя то, прежде мнѣ выговаривалъ, а потомъ началъ и принуждать. Поступокъ сей мнѣ не полюбился, и въ одинъ день, какъ онъ, не могши стерпѣть больше моего упрямства, ударилъ меня линейкой по рукѣ, закричалъ я такъ, какъ будто бы меня рѣзали. На крикъ мой сбѣжались бабушка, матушка и всѣ нянюшки, и спрашивали меня, что за причина моему крику. Я сказалъ имъ, что учитель хотѣлъ меня убить до смерти и переломилъ мнѣ линейкою руку. Желалъ бы я, чтобъ могъ изобразить ярость, овладѣвшую сими женщинами. Они бранили бѣднаго учителя всѣми ругательствами, какія только злоба ихъ могла выдумать; наконецъ бросились на него, и еслибъ онъ не ускорилъ спрятаться у моего отца, который всегда держалъ его сторону, то бъ конечно выцарапали ему глаза. Ахъ, проклятый, кричала бабушка, изувѣчилъ бѣдное дитя! Вонъ изъ моего дома! пора тебя и съ заступщикомъ твоимъ повѣсить. Потомъ принужденъ былъ отецъ мой, сколько о томъ ни жалѣлъ, отпустить его: ибо они ни на минуту ему покоя не давали, пока онъ на то не согласился (³).

Поѣхалъ я однажды къ другу моему и, не нашедъ его дома, вошелъ къ женѣ. Она на тотъ часъ сошла въ дѣтскую. Какъ я въ домѣ очень знакомъ, и я туда же пошелъ и увидѣлъ ее посреди четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ и, чтобъ его растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія притворялась, будто плачетъ; а мама приговаривала: хорошенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти досадила. Дитя же старался крѣпко ударить няню; и чѣмъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялося. Погодя, другое дитя упало; мать ему велѣла плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ спотыкнулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Богдановна, боишься ли Бога, что съ одной стороны дозволяешь мамѣ поваживать сына бить людей и смѣяться воплю, да лгать притомъ, будто няня досадила ему; въ самомъ же дѣлѣ его обманываютъ. Какое онъ можетъ получить воображеніе о справедливости? и не искореняетъ ли все сіе въ самой нѣжной молодости въ сынѣ твоемъ милосердія и основаній справедливости, когда съ другой стороны ты сама другаго сына учишь мщенію и велишь бить и топтать мѣсто, гдѣ онъ зацѣпился? Она мнѣ на это отвѣтствовала: ихъ, батька! ты всегда умничаешь; будто тоже и съ тобою и со мною не было.

Какъ же инако съ ребятами быть? Я старался ей доказать, что и она и я лучше бы были, если бы съ нами инако обходились, и что намъ весьма трудно было отстать отъ дурныхъ и суровыхъ привычекъ, а еще труднѣе основать свои ежедневные поступки на самой истинѣ. Окончa я сіи слова, услышалъ визгъ собаки. Я оглянулся и увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ щенка, а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку, бивъ рукою по клѣткѣ; птичка же бѣдненькая билася изъ угла въ уголъ. Я вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ матери: ты сдѣлаешь изъ дѣтей тирановъ, если ихъ не повадишь миловать ни людей, ни звѣрей; я, право, мужу скажу; и вышелъ вонъ, захлопнувъ дверью. Пришедши домой, я написалъ слѣдующее, дабы барыню отпугать отъ подобнаго воспитанія, показавъ ей слѣдствія, коимъ она по степенямъ дѣтей своихъ подвергаетъ. Суровость есть страсть безчеловѣчная, коя заключаетъ въ себѣ строгость, жестокость для другихъ, немилосердіе, мщеніе, скверное удовольствіе дѣлати зло съ безчувственнымъ сердцемъ или находить веселіе бѣса въ страданіи другаго. Сей омерзенія достойный порокъ происходитъ отъ привычки, коя производитъ подлость души и трусость; сія—тиранство съ истребленіемъ естественной чувствительности. Привычка видѣти ужасъ мученій и другихъ безчеловѣчныхъ позорищъ, повадка проливати кровь звѣрей, дурные примѣры другихъ производятъ наконецъ жестокосердіе, къ коему поваживаются съ ребячества уже, когда матери и хожатые таковы умны, какъ вышеписанная (4).

В. ТРУТЕНЬ (1769—1770) (5).

1. Рецептъ для Его Превосходительства г. Недоума.

Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за пять сотъ лѣтъ доказать не могутъ; а которые сдѣлалися дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднаго нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, который непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится, встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Вотъ для чего сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему свои лапы, сдѣлалъ домъ свой навсегда лѣтнею и зимнею для себя берлогою; или, лучше сказать, онъ сдѣлалъ домъ свой домомъ бѣшеныхъ, въ кото-

ромъ, отдавая себѣ справедливость, добровольно заключился. Затворникъ нашъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что предѣлила она его тѣмъ же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ, о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы, а многими были опорочены для того, что изобрѣтатель, для произведенія въ дѣйство своей выдумки, требовалъ напередъ трехъ сотъ милліоновъ рублей. Вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учася; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, не стоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва, едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ; короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилаго сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство. Однако г. Недоумъ о себѣ думаетъ противное, и по крайней мѣрѣ въ разумѣ великимъ человѣкомъ, а въ породѣ божкомъ себя почитаетъ; а чтобы и весь свѣтъ тому вѣрилъ, ради того онъ старается не чрезъ полезныя и славныя дѣла отъ другихъ быть отличнымъ, но чрезъ великолѣпные домы, экипажи и ливрею, не смотря что онъ для поддержанія своей глупости проживаетъ уже тѣ доходы, кои бы еще чрезъ десять лѣтъ проживать надлежало. Для излеченія г. Недоума отъ горячки

Рецептъ:

Надлежитъ больному довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что истребитъ изъ него пустую кичливость и высокомѣрное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами. Мнится, что похвальняе бѣднымъ быть дворяниномъ или мѣщаниномъ и полезнымъ государству членомъ, нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажамъ и ливреѣ.

2. Смѣющійся Демокритъ.

Ба! это тотъ въ изорванномъ идетъ лохмотьѣ скупяга, который

во весь свой вѣкъ собираетъ деньги и расточаетъ совѣсть, умираетъ съ голоду и холоду; который подчиненныхъ ему слугъ пріучаетъ ѣсть для жизни, то есть сколько потребно для удержанія души въ тѣлѣ; который беззаконнымъ лихоимствомъ вездѣ прославился; который наложилъ на себя и на прочую дворовую его скотину постъ во весь годъ; который зимою поодважды въ недѣлю топитъ печь въ своей лачугѣ; который радъ продать самого себя за гривну и который накопилъ сорокъ тысячъ рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить ихъ глупому племяннику, тому семнадцатилѣтнему скверпавцу, который скупостію и безсовѣстнымъ лихоимствомъ превзошелъ шестидесятилѣтняго своего дядю; который самъ у себя крадетъ деньги и беретъ съ самого себя за ту кражу штрафъ, и который во весь свой вѣкъ не хочетъ жениться для того только, чтобы на содержаніе жены и дѣтей не тратить излишняго дохода. О! они достойны, чтобы надъ ними посмѣяться. Ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно это Мотъ? такъ, онъ и есть. О! этотъ молодецъ не имѣетъ пороковъ своего батюшки, но вмѣсто того зараженъ другими не лучше тѣхъ. Батюшка его беззаконно собиралъ деньги, а сей безумно ихъ расточаетъ. Скупой его родитель съѣдалъ то въ мѣсяцъ, чтобы надлежало въ одинъ день скушать: напротивъ того Мотъ то въ день съѣдаетъ, чтобы въ годъ ему съѣсть надлежало; тотъ хаживалъ пѣшкомъ для того только, чтобъ не тратить денегъ на кормъ лошади: а сей держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ для того, чтобы не наскучило въ одномъ ѣздить экипажѣ. Тотъ двадцать лѣтъ таскалъ одинъ кафтанишка, а Моту и въ одинъ годъ двадцати паръ кажется мало. Короче сказать, отецъ всякими непозволенными средствами, лихоимствомъ, обидою ближнихъ и разореніемъ безпомощныхъ собралъ себѣ великія сокровища, а Мотъ, разоряя самого себя, другихъ надѣляетъ. Оба они дураки и обоимъ имъ посмѣюся. Ха! ха! ха! ха!

Вотъ еще кавалеръ, достойный смѣха. Это Надменъ. Онъ имѣетъ знатный чинъ, великій достатокъ и малый умъ; ему велѣно дѣлать людей блаженными, поелику можно, но онъ и послѣднее спокойство у нихъ отнимаетъ. Надменъ не говоритъ ни съ кѣмъ ласково за тѣмъ, что не хочетъ себя до того унизить. Милостей ни кому не дѣлаетъ, но иногда обѣщаетъ. Онъ хочетъ, чтобы всѣ его искали покровительства, но подъ оное никого почти не принимаетъ; а ежели бы и вздумалось ему сію милость кому сдѣлать, такъ тотъ ничего бы не выигралъ, ибо Надменъ кого больше любитъ, того больше и наказываетъ. Въ заклю-

ченіе, Надменъ всѣхъ глупяе; а думаетъ, что всѣ его глупяе. Какъ надъ нимъ не посмѣяться? Ха! ха! ха!

Это кто такъ прытко скачетъ? ба! Плохъ. Онъ спѣшитъ показать свою глупость въ какомъ ни наесть знатномъ домѣ. Плохъ тщеславится тѣмъ, что имѣетъ входъ къ знатнымъ господамъ, таскается къ нимъ сколько возможно чаще и дѣлаетъ въ угодность ихъ разныя дурачества, думая оказать другимъ свое у нихъ могущество. Вмѣшивается въ ихъ разговоры и, ничего не зная, думаетъ оказать себя разумнымъ; онъ читаетъ книги, но ничего не понимаетъ; ходитъ въ театръ, критикуетъ актеровъ и, по наслышкѣ затвердя, споритъ: этотъ актеръ хорошъ, а этотъ худъ. Знатнымъ господамъ разсказываетъ разныя небылицы и старается говорить острыя слова, но всегда не кстати: словомъ, Плохъ старается себя увѣрить, что поступки его разумны, однакожъ всѣ думаютъ, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступаетъ смиренно изъ церкви, раздаетъ по полушечкѣ бѣднымъ, его окружающимъ, и считаетъ оныя по четкамъ. Идучи, читаетъ молитвы; отъ женщинъ свой взоръ отвращаетъ, оберегая свои очи: ибо онъ говоритъ, чтобы конечно оба ихъ исткнулъ, ежели бы они его соблазнили. Ханжа грѣшитъ поминутно, но показываетъ себя праведникомъ, идущимъ по пути устланному терніемъ. Притворныя молитвы, набожность и посты не мѣшаютъ ему разорять и утѣснять сколько возможно подобныхъ себѣ. Ханжа грабилъ тысячами, а раздаетъ полушками. Такою наружностію онъ многихъ обманываетъ. Молодымъ людямъ ежечасно толкуетъ девять блаженствъ, но самъ въ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни ни однажды ни котораго не успѣлъ сдѣлать. Ханжа ходитъ всегда смиренно и не возводитъ никогда своихъ глазъ на небо, за тѣмъ что не надѣется обмануть тамъ живущихъ, но, смотря на землю, обманываетъ ея обитателей. Ха! ха! ха!

Я вижу двухъ человѣкъ: одинъ другаго увѣряетъ въ своей дружбѣ и обманываетъ; а другой притворяется, будто тому вѣритъ и будто онъ не знаетъ, какъ тотъ его поноситъ. Оба обманываютъ и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Вотъ г. Кривотолкъ: онъ торопится сдѣлать досаду одному бумагомарателю, перетолковавъ написанное имъ въ худо безъ малѣйшаго основанія. По несчастію онъ въ силахъ сіе исполнить, но я сему дурачеству посмѣюся. Ха! ха! ха!

B. ЖИВОПИСЕЦЪ (1772). (6).

1. Неизвѣстному Г. Сочинителю комедіи: О время! приписаніе (7).

Государь мой!

Я не знаю, кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія бла-

годарности. Ваша комедія: «О время!» троекратно представлена была на императорскомъ придворномъ театрѣ и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый, съ такимъ искусствомъ и остротою, заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе; и вы первый достойны по справедливости великой похвалы, во представленіи вашей комедіи оказанной. Продолжайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію разумныхъ единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Моліеровымъ. Слѣдуйте его примѣру, взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки: вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось. Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя, — имя всеобщія достойное благодарности? я никакой не нахожу къ тому причины. Не ужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда ко счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода владычествуетъ нами премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ. Чегожъ осталось вамъ страшиться? Но, можетъ быть, особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя? ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, онакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала, подъ названіемъ *Живописца*. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе отъ единоземца вашего. Вы

открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили (а) меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляють ваше сочиненіе. Естьли жъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи и естьли листы мои принесуть пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будуть одолжены: ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки; а я останусь навсегда

вашимъ почитателемъ,

С. Живописца (б).

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій; но опасаюсь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впрочемъ для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 12 дня, 1772 года.

2. *Изъ Письма Щеголихи* (в).

Mon coeur, Живописецъ!

Ты, радость, *безпримѣрный* авторъ. По *чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ*; читая твои листы (г), я *безподобно утѣшаюсь*, какъ все у тебя *славно*: слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщають*; *клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*. Да и не льзя не такъ: ты *не грустенъ*, *шутишь славно*, и твое перо *по бумагѣ бѣгаетъ безподобно*. *Ужесть*, *ужесть* какъ прекрасны твои листы! Но сказать, *вокругъ насъ*, ты много долженъ мнѣ: *уморить ли*, *радость*? Вѣть мнѣніе-то *Щеголихино* (д) ты у меня подтяпалъ: ха! ха! ха! *Клянусь*: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ—они тебѣ скажутъ, что я всегда это говаривала; но это ничего не значитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты *ластишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споришь*, а особливо когда говорилъ о наукахъ: ты это такъ *славно прокричалъ!* — Чортъ меня возьми! *какъ книга*. А притомъ ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію (е), одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ. — Куда какъ много онъ выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ *расхохочутся до смерти*: анъ, право, никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мужчинъ и не улыбнулся, а смѣялись только....

а) Поощрили.

б) Сочинитель Живописца.

в) Слова, напечатанныя курсивомъ, были въ ходу у тогдашнихъ щеголихъ.

г) Живописецъ выходилъ листами.

д) Помѣщено въ 4-мъ листѣ Живописца.

е) Именины г-жи Ворчалкиной, гдѣ выведена модная дѣвица Олимпіада.

Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужесть какъ славно* онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ*: совсѣмъ тѣмъ подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его Дремовъ (а) никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я этого автора, то *оттѣнила* бы сама его *безподобно*. Я *никакъ* на него не сердита: онъ меня *никакъ* не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я его *никакъ* не могу терпѣть. Въ первой его комедіи (б), я и сама *до смерти захохоталась*: *ужесть какъ славно шпетилъ* онъ нашихъ бабушекъ; и эта комедія такую сдѣлала *дистракцію* и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ на Именины* не ѣздить. Правда, ты и самъ *зацѣпился*, но это шуткою; а за шутки мы *никакъ* не сердимся: напротивъ того, ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ, да и *безпримѣрно*: *ужесть какъ славно* ты ихъ *развернулъ*, въ 5 листѣ твоего Живописца (в). Ты *уморилъ* меня: точь въ точь *высказалъ* ты дражайшаго моего *папахина*. Какой это несносный человѣкъ! *Ужесть, радость, какъ онъ не ловокъ выдѣланъ*: какой грубіянъ! Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были—брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: съ этакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла *ретироваться въ свѣтъ*. Бывало онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою*, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрные люди!* такихъ горячихъ супруговъ и въ *романахъ* не скоро *набрѣжешь*. *Ужесть какъ славны!* Суди, *душа моя*, по этому, въ какой была я школѣ: было чему научиться! По счастью скоро выдали меня за мужъ: я пріѣхала въ Петербургъ, *подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза* и *выкинула весь* тотъ *изъ головы вздоръ*, который *посадили* мнѣ мои родители; поправила *опрокинутое мое понятіе*, научилась говорить, познакомилась съ *щеголями и щеголихами*, и сдѣлалась человѣкомъ.

P. S. Услужи, *радость*, мнѣ: собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря*. Ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только *не умори, радость*, напечатай его маленькой книжкою и *дай ему видъ*; а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ его вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили* (г).

а) Лице къ той же комедіи, противоположное Фирлифюшкову.

б) «О время»!

в) Отрывокъ путешествія въ*** И*** ***.

г) «Опытъ моднаго Словаря щегольскаго нарѣчія» (въ 10-мъ листѣ) объ-

Сыну моему Ѳалалею (а).

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя, проклятаго, училъ и того ли отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать (б). Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ. Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣдь недалеко великій постъ, попоститься мнѣ не мудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять пріити ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынче время военное (в): неравно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись да самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ есть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть ды-

---

ясняетъ значеніе словъ: *ахъ! безподобно и безпримѣрно, болванчикъ.*

а) Всѣ три письма любопытны, какъ яркія изображенія той среды, гдѣ жили и дѣйствовали люди, подобные Простаковой, Простакову, Скотинину (въ Недорослѣ).

б) «Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну» (15-й листъ Живописца).

в) Первая турецкая война при Екатеринѣ II.

шать: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у иного голова, такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка неубогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нея ни синій порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой; тебѣ будетъ чѣмъ жить опричь невѣстина приданаго: я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна. То-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай. Да полно, что тебя учить: ты вѣдь уже не малый ребенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть не тоже ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! бывало животики надорвемъ со смѣха. Молись, мой другъ, Богу, ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка: у насъ нездорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту божьяго не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло розыскивать, и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да ктому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, какъ сошлетъ Богу по душу. Знать что, Ѳалалеюшко, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу! живы; авось таки, который нибудь удастся по матери; а мнѣ ужъ эдакой жены не нажить. Охти мнѣ, пропала моя головушка! Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовал-

ся, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшко, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ; тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ; какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну да какъ безъ этого? живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется: какъ безъ того! я крутъ больно, а она неуступчива: такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою: мы хоть и дрались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ; и мнѣ ее теперь право жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичъ!

Что ты это, другъ мой сердечный, накудесилъ? пропала бы твоя головушка; вѣдь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? ну кабы ты, бѣдненькій, попался ему въ руки: такъ вѣдь бы онъ тебя изуродовалъ пуще божьяго милосердія. Нечего, Ѳалалеюшка: норовокъ-атъ у него, прости Господи, чертовскій; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуролеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ! отдай письмо его напечатать! вѣдь ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцемъ ругается. Да полно вѣдь, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ? Богъ съ ними, у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты, мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что нибудь, вѣдь это не какой грѣхъ, не чужаго будешь обманывать; и всѣ дѣти неправедники: какъ передъ отцемъ не солгать? Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постелѣ; не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ; нечего, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣдь у меня одинъ одинехонекъ, какъ синій порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоимъ ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила: вѣдь для тебя же, мой свѣтъ; отецъ-атъ те-

бѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское: какъ не полакомиться, какъ не повеселиться? твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши; я это сдѣлала украдкою: кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-то всегда таковы: только что брюзжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое любезное, свѣтъ мой умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на кого я тебя покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты съ эдакимъ чортомъ, прости Господи, сдѣлаешь! Пріѣзжай, мой батька, къ намъ въ деревню, какъ таки можно, пріѣзжай: дай мнѣ на тебя насмотрѣться; сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости, мой батюшка, прости, свѣтъ мой: благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости, голубчикъ мой: не позабудь меня.

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкій поклонъ и великое челобитье; и желаю тебѣ многолѣтняго здравія и всякаго благополучія.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускѣ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожъ и батюшка твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки и ноги, а теперь чай ужъ и не говоритъ: и при мнѣ-то такъ ужъ черезъ мочь говорила. Она заочно благословила тебя твоимъ ангеломъ, да Фарсульской (а) Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тароватѣе стала! Оставила на поминъ души такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не эдакихъ: какъ жаръ вызолочены; а эта братъ Неопалима подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и

а) Корсунской.

умереть, такъ ужъ по-христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вѣдь уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ, на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать, что у нея многонько грѣшковъ-тс скопилось. Приводили и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели Ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти ее. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло. Ну, Ѳалалеюшка! вѣдь матушка твоя скончалась; поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстіе; отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ всегда бываетъ такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, а какъ умерла, такъ плачетъ. Пріѣзжай, другъ мой Ѳалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не надолго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подряднымъ либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удавалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремеевичѣ: хотя онъ недолго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ за мужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками три тысячи далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ таки разорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору.... Не житье имъ, масляница. Я быста и самъ не побрезгивалъ пойти въ этакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни все тѣже деньги, только умѣй концы хоронить. Я и нонынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? Кто передъ Царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ на-

чался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Не ужъ-то всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Я и самъ попался было одинождьи подъ судъ; однако дѣло-то шло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всемъ поговорили лучше на словахъ; а писать-то страховато: неровно кому попадется въ руки, такъ напляшешься до-сыта. При семъ въ ожиданіи тебя остаюсь дядя твой

Ермолай***

[1]) Русскіе журналы 1769 — 74 г. г. отличаются по преимуществу направленіемъ сатирическимъ. Предметъ и значеніе ихъ сатиры объяснены въ Ист. Рус. Слов. Здѣсь же исчислимъ главнѣйшія періодическія изданія, которыя состояли въ близкомъ соотношеніи съ современною имъ литературною дѣятельностью вообще и вмѣстѣ отражали въ себѣ то самое, на что обращено было вниманіе просвѣщенной правительственной среды. Съ 1769 по 1774 г. выходили слѣдующіе журналы: „Всякая Всячина“, издатель Григорій Козицкій (1769—70), „Трутень“, изд. Николай Новиковъ (1769—70), „Смѣсь“, изд. неизвѣстенъ (1769), „Адская Почта“, изд. Ѳедоръ Эминъ (1769), „Полезное съ пріятнымъ“, при Сухоп. шляхет. корпусѣ (1769), „И то и се“, изд. Михайло Чулковъ (1769), „Ни то ни се“, изд. Василій Рубанъ (1769), „Поденьщина“, изд. Василій Тузовъ (1769), „Парнасскій Щепетильникъ“, изд. М. Чулковъ (1770), „Пустомеля“, изд. неизвѣстенъ (1770), „Трудолюбивый Муравей“, изд. В. Рубанъ (1771), „Живописецъ“, изд. Н. Новиковъ (1772), „Вечера“, изд. неизвѣстенъ (1772—73), „Мешенина“, изд. неизвѣстенъ (1773), „Кошелекъ“, изд. Н. Новиковъ (1774). Сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя въ меньшей степени, въ „Разсказчикѣ забавныхъ басенъ“ (1781), „Собесѣдникѣ Любителей Рос. Слова“, (1783—84 г.), „Почтѣ духовъ“ (1789), „Зрителѣ“ (1792) и пр. Послѣдніе два журнала издавались И. Крыловымъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг., А. Н. Аѳанасьева, 1859; Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—82 гг., А. Н. Неустроева. 1874.

[2]) „Всякая Всячина“ издавалась Козицкимъ еженедѣльно листами. Первый листъ ея вышелъ съ такимъ объявленіемъ: „Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующіе впредь изволь покупать“. Въ обращеніи „къ читателю“ указаны характеръ и цѣль журнала: „Любезный читатель, предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится, безъ всякаго порядка. Иногда дамъ вамъ полезныя наставленія; иногда будете смѣяться; будутъ и такія времена, въ которыя ожидаю отъ васъ удивленія, также и попреканій“. Яснѣе раскрыта задача журнала въ „концѣ“ его (стр. 551): „Я хотѣлъ показать—первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе — открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ; и третье — говорить Русскимъ о Русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ, слѣдов. не могутъ найти забавы въ нихъ; а гдѣ забавы нѣтъ, тутъ обыкновенно скука недалеко, а гдѣ скука есть — тутъ для пріема наставле-

ній расположеніе не весьма способное. Я думаю, что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться сего третьяго правила, чтобъ Русскимъ представлять русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ: ибо маркизъ на русскомъ ѳеатрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться: незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые. Я нахожу вкусъ тетушкинъ со здравымъ разсудкомъ схожій, и для того съ нею согласенъ". Не смотря на всю законность этого правила, Всякая Всячина многое переводила изъ иностранныхъ періодическихъ изданій: Зрителя особенно, Новаго Ментора, Мизантропа и Болтуна. Объ издателѣ Всякой Всячины, который воспитывался въ Кіевской Академіи и потомъ путешествовалъ по Европѣ, Новиковъ, въ „Опытѣ истор. словаря о рос. писателяхъ", отзывается какъ о человѣкѣ съ здравымъ смысломъ, великаго просвѣщенія и совершенно искуснымъ въ славян., греч., лат., франц. и нѣм. языкахъ. Оставшіяся отъ 1769 г. статьи заставили Козицкаго продолжать и въ 1770 г. свое изданіе, которое онъ назвалъ „Барышекъ Всякія Всячины".

[3] и [4]) Вѣрное описаніе стариннаго воспитанія, художественно представленнаго въ Недорослѣ. Гр. Сологубъ, разсказывая о воспитаніи Василья Ивановича (въ Тарантасѣ), видимо подражалъ этой статьѣ Всякой Всячины.

[5]) „Трутень, еженедѣльное изданіе на 1869 г.", названное такъ въ противоположность Трудолюбивой Пчелѣ, Сумарокова. Издатель его, Новиковъ, объясняетъ въ Предисловіи назначеніе журнала: „Самъ я, кромѣ сего предисловія, писать буду очень мало, а буду издавать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма, сочиненія и переводы, въ прозѣ и стихахъ, а особливо сатирическія, критическія и прочія, ко исправленію нравовъ служащія; ибо таковыя сочиненія исправленіемъ нравовъ приносятъ великую пользу, а сіе-то и есть мое намѣреніе". Въ „Письмѣ къ Издателю" (ст. 225) сказано, что сатиры на порочныхъ есть зеркало всѣмъ достойнымъ осмѣянія лицамъ и что чтеніе такихъ сатиръ приноситъ удовольствіе добродѣтельнымъ гражданамъ: ибо они, видя порочныхъ критикуемыхъ, надъ оными превозносятся мысленно не пышными титлами и богатствомъ, но добродѣтельными поступками". Трутень имѣлъ большой успѣхъ, почему вслѣдъ за первымъ вышло второе его изданіе и многія статьи его перепечатаны впослѣдствіи въ „Живописцѣ". Третье изд., П. А. Ефремова, вышло въ 1865 г.

[6]) „Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе"—лучшій изъ сатирическихъ журналовъ 1769—74 г. г. какъ по важности предметовъ, подвергавшихся обличенію, такъ и по силѣ самаго обличенія. Онъ имѣлъ семь изданій; послѣднее въ 1864 г.

[7]) Вотъ полный отвѣтъ Екатерины II на это посвященіе: „Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія: „О время!" таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете; а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ мнѣ сдѣлали. Комедію мою сочинилъ я, живучи во уединеніи во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи слѣд., не выходя изъ дому своего нашелъ въ немъ одномъ, къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни жела-

ній не имѣю. Пишу я для собственной своей забавы, и если малыя сочиненія мои пріобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся, однакожъ выдавать ихъ болѣ не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедіи, что для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ томъ никому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. И такъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную „Именины г-жи Ворчалкиной". Дошло до меня, что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что г-нъ Фирлифюшковъ, за безстыдное словонесдержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что „какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою". Я не стану приводить здѣсь, бывало-ль такое гдѣ нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ г-на Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ гг. критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются. Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу просьбу. Вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія нибудь мои сочиненія. Сіе съ охотою впредь я исполню и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось: ибо я цѣлыя пять мѣсяцевъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на ѳеатръ, а прочія туда же въ походъ собираются. Я впрочемъ есмь, государь мой, вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи: „О Время!„ (Живописецъ, 40—51).

XXXIV.

КУРГАНОВЪ (1).

ПИСЬМОВНИКЪ (1769) (2).

А. КРАТКІЯ ЗАМЫСЛОВАТЫЯ ПОВѢСТИ.

Молодой звѣздочетъ, будучи въ бесѣдѣ, увѣрялъ, что солнце, а не земля обращается, и хотя выдти. Тогда одинъ шутникъ ему сказалъ: пожалуй, побудьте съ нами немного; я хочу доказать противное вашему мнѣнію. Знаете ли, что солнце оживотворяетъ, грѣетъ и печетъ все на земли. Правда, отвѣчалъ на то звѣздарь. Такъ видно, продолжалъ шутъ, что не солнце, а земля вертится; ибо когда жарятъ птицъ, тогда вертятъ ихъ, а не очагъ. Это правдѣ подобно, сказалъ дргугой, но весьма далеко отъ мнѣнія многихъ великихъ мужей и отъ истины, и я знаю многихъ писателей, кои разумно утверждаются на

томъ мнѣніи. Можетъ статься, отвѣчалъ шутъ. Да вѣришь ли, что правда въ винѣ?—Слыхалъ.— Хорошо, такъ напейся же до-пьяна, тогда увидишь, что земля, а не солнце вертится. Тоже доказано въ слѣдующихъ стихахъ:

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили между собою во жару.
Одинъ твердилъ: земля, вертясь кругъ солнца, ходитъ;
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ:
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ, что въ томъ Коперникъ правъ;
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простяка изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова? (а).

Велезрячій, идучи вмѣстѣ на охоту съ кривымъ, молвилъ оному: сказываютъ, что ты болѣе, нежели я, ловишь. Правда, отвѣчалъ кривой; понеже я больше тебя вижу. Нельзя статься, сказалъ другой. А кривой ему: о чемъ ты ни изволишь биться, я выиграю, потому что я у тебя вижу два глаза, а ты у меня одинъ.

Стряпчій, очень гнуснаго виду и весьма курносъ, не могъ почти окончать своимъ чтеніемъ одного дѣла въ судѣ. Тогда совѣтникъ, имѣющій сановитый носъ, сказалъ: нѣтъ ли у кого очковъ для сего господина? Но онъ, осердясь на то, отвѣчалъ: да пожалуйте, сударь, уже ссудите меня и вашимъ носомъ.

Въ нѣкоей бесѣдѣ говорили, что докторы ни къ чему годны. Тогда одинъ стряпчій сказалъ: неправда, они по крайней мѣрѣ надобны для убавки многолюдства. Но я, не защищая себя, скажу, врачъ молвилъ, что на меня никто не жалуется. Статься можетъ, повторилъ сутяга; ибо ты своихъ соперниковъ отправилъ на тотъ свѣтъ (б).

Старуха, хватя добрую чарку вина, пришла къ вечернѣ, и тамъ, задремавъ, всхрапнула; другіе толкнули ее, чтобъ проснулась; тогда она возгласила: подносите внучкѣ, а я болѣе не стану.

Трое, идучи за старикомъ, захотѣли ему посмѣяться; и такъ 1-й говорилъ: это праотецъ Авраамъ; 2-й, нѣтъ, это Исаакъ; 3-й, никакъ, это Іаковъ. Тогда старикъ сказалъ: всѣ вы меня не знаете; азъ есмь Саулъ, ищу ословъ отца моего и, нашедъ ихъ здѣсь, оставляю.

Подъячій, при допросѣ нѣкоего раскольника, говорилъ: буде у тебя совѣсть столь велика, какъ твоя борода, такъ сказывай правду. Государь мой, отвѣчалъ суе-

---

а) Стихи Лом—ова, изъ его «Разсужденія о явленіи Венеры на солнцѣ».

б) У И. Дмитріева есть эпиграмма на такого же лѣкаря: «Мнѣ лѣкарь говорилъ»...

вѣръ: ежели вы совѣсти бородами измѣряете, то видно вы безсовѣстны, для того что голобороды.

У умирающей жены спрашивалъ мужъ, на комъ онъ женится. Она отвѣчала: на чортовой матери. А онъ: нѣтъ, сіе противно закону, я теперь женатъ на ея дочери.

Одноглазый, вставъ рано, пошелъ въ поле и на пути встрѣтился съ горбатымъ, котораго онъ поздравя съ добрымъ утромъ, сказалъ насмѣхаясь: рано ты поднялся съ ношею. Правда, отвѣчалъ горбатый: я нагрузился прежде, нежели у тебя еще одно окно было отворено.

Во время обѣда нѣкто, захотя посмѣяться надъ шутомъ, стоящимъ по другую сторону стола, спросилъ его: какая есть разность между тобою и дуракомъ? Шутъ отвѣтствовалъ: только столъ.

Французъ, захотя посмѣяться Русаку, пріѣзжему въ Парижъ, спросилъ: что такое значитъ параболъ, фариболъ и оболъ? Но тотъ вскорѣ ему отвѣчалъ: параболъ есть то, что ты не разумѣешь; фариболъ то, что ты говоришь; а оболъ, чего ты стоишь (а).

Никакой народъ не получаетъ столько именъ при крещеніи, какъ испанцы. Случилось одному испанцу, пришедшему ночью въ сильный дождь, который его пробилъ до кожи, въ корчмѣ просить ночлега и стучаться у воротъ. Тогда хозяинъ, вставъ, спросилъ кто? А онъ отвѣчалъ: Донъ-Санхо, Альфонсъ, Рамиръ, Педро, Карлосъ, Францискъ, Доминикъ, Стунига и пр. Хозяинъ, имѣя у себя только одну порожнюю постелю, отвѣчалъ грубо, что у него для такой ватаги ночлега нѣтъ, и опять легъ спать, а тотъ глупецъ принужденъ брести до другой корчмы.

Попъ, на заутрени примѣтя одного, весьма дремлющаго богомольца и двухъ госпожъ, по близости его очень громко разговаривающихъ, сказалъ: боярыни, пожалуйста не разбудите сего господина.

Къ забавному бѣдняку пришли ночною порою воры; тогда онъ, ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ ничего не нахожу.

Шляхтичъ, собравшись ѣхать рано на охоту, приказалъ слугѣ разбудить себя въ 6 часовъ. Слуга, вставши за часъ, увидѣлъ боярина своего еще спящимъ и, разбудя его, сказалъ: извольте, сударь, поскорѣе выспаться, уже одинъ только часъ вамъ опочивать остался.

Матроса, идущаго на корабль, отправляющійся въ Остъ-Индію, спросилъ философъ: постой, братецъ, скажи мнѣ, гдѣ твой отецъ умеръ? Въ потопленіи корабля.... А дѣдъ? Потонулъ же, ловя рыбу въ бурную погоду.... А прадѣдъ? Также пропалъ съ кораблемъ....

а) Параболъ — притча; фариболъ — вздорная, пустая рѣчь; оболъ — мелкая монета.

Какъ же ты смѣешь вдаваться морю, вѣдая, что всѣ твои предки тамъ погибли? это признакъ безразсудной отваги. Г. мудрецъ, отвѣчалъ матросъ, какъ то ни есть, однако и я имѣю столько же причинъ: пожалуй скажите, какъ ваши предки преставились? «Весьма блаженно на своихъ перинахъ!» Ахъ! для чего же вы не боитесь ложиться на вашъ одръ?

Нѣкая госпожа, безпокойная въ своемъ болтаніи, спросила лѣкаря, отъ чего у ней зубы падаютъ. Онъ ей на то: отъ того, сударыня, что ты ихъ часто своимъ языкомъ колотить изволишь.

Талесъ мудрецъ, на вопросъ, сколько далеко отстоитъ правда отъ лжи, отвѣчалъ: какъ глаза отъ ушей, т. е. гораздо то вѣрнѣе, что видимъ, нежели что слышимъ.

Старикъ говорилъ: когда дѣти бываютъ остроумны въ юношествѣ, то подъ старость дѣлаются великими глупцами. А ему на то сказали: ежели это правда, то ты былъ младенцемъ превосходный разумникъ.

Нѣкто, насмѣхаясь одной госпожѣ, которая оказывалась ложною знатностію и высокорѣчіемъ, сказалъ при ней своему слугѣ: господинъ мой лакей! доложи господину моему кучеру, чтобъ онъ изволилъ господъ моихъ лошадей заложить въ госпожу мою карету.

Одинъ судья назвалъ своего секретаря: экой ты дуракъ. Тотъ, оборотясь, молвилъ: это правда, сударь, я тоже хочу сказать.

Курносый богачъ подалъ нищему полушку. Сохрани Богъ ваше зрѣніе, сказалъ бѣдный. Но скупецъ спросилъ его о причинѣ сея молитвы. Для того, отвѣчалъ онъ, когда притупѣютъ ваши глаза, то вамъ уже нельзя будетъ носить очковъ.

Портной, кроя себѣ платье и употребя сукна больше надлежащаго, сказалъ своей женѣ, вопрошающей о причинѣ, чтобъ не потерять доброй моей привычки въ надлежащемъ воровствѣ.

Одинъ мудрецъ, будучи вопрошенъ, для чего онъ не членомъ такого-то училища, отвѣчалъ: мнѣ, какъ Катону, сей вопросъ пріятенъ, котораго спросили, для чего ему не поставятъ статуй? отвѣчалъ: для меня сіе честнѣе, нежели спросили бы, для чего поставлены.

В. Достопамятныя рѣчи.

Четыре вещи лишаютъ человѣка разсужденія: любовь, сребролюбіе, гнѣвъ и пьянство.

Три вещи Богу и людямъ весьма ненавистныя: нищъ гордъ, богатъ скупъ и лживъ, старъ прелюбодѣй.

Четыре вещи человѣка приводятъ въ убожество: роскошь, лакомство, лѣность и вражда.

Четыре дѣйствія приличныя тиранамъ: добрыхъ разорять, убогихъ ненавидѣть, злыхъ возвышать и добродѣтель опровергать.

Четыре вещи скрыты быть не могутъ: любовь, кашель, огонь и печаль.

Знаки надменна человѣка: гордости и свирѣпства онъ сынъ, во

устахъ имѣетъ всегда угрозы и досады, косой взглядъ и нахмуренную бровь.

Три ласточки (звѣрька) живутъ собачій вѣкъ; три собаки лошадиный; три лошади человѣчій; три вѣка человѣчья равняются одному оленьему; трехъ оленей воронову; три ворона живутъ время несмѣтное.

Для сниканія мудрости, не надобно лишно ѣсть, ни лишно спать, ни лишно пить и ни лишно говорить. Притомъ должно признавать единаго Бога, обуздать свой языкъ, укрощать свой гнѣвъ, снискивать науки, быть тверду въ своемъ законѣ, знаться съ добрыми, сносить порокъ ближняго, вспомогать бѣднымъ и ожидать вѣчность въ награжденіе.

В. ОПРЕДѢЛЕНІЯ И СРАВНЕНІЯ ИЛИ УПОДОБЛЕНІЯ.

Душа и тѣло суть два неразлучные непріятеля, и два друга, всегда несогласные между собою. Великая фортуна есть великое порабощеніе. Молитвы праведныхъ подобны парамъ, кои, восходя къ небу, составляютъ облака и тамъ превращаются въ цѣлебную воду. Война есть искусство, показывающее намъ правила, какъ себя порядочно убивать. Зависть есть печаль о благополучіи другаго. Лѣность есть ржа разума. Храбрость есть бѣдственное ремесло: многіе люди для ея снисканія лишаются своей жизни. Лице есть нѣмой отголосокъ нашего сердца. Міръ есть великая книга, писана рукою Божіею; въ ней только три листа: небо, земля и море. Царскія дѣла подобны большимъ рѣкамъ, коихъ теченіе всякъ видитъ, а источника немногіе знаютъ. Загрубѣлость, или предувѣреніе, есть ядъ разсужденія. Въ высокой фортунѣ жить, какъ по стеклянному полу ходить. Привычка есть другая природа. Скупость есть бѣдность тюремная. Надежда есть сонъ бдящихъ людей. Совѣсть есть евангеліе сердца и гласъ благодати или зерцало суда Божія. Лесть, лицемѣріе есть ароматъ, увеселяющій всегда сердца, причиняя головную болѣзнь. Лошадь не бываетъ лучше отъ златой узды, ни дуракъ умнѣе отъ богатаго платья. Предусмотрѣніе есть мудрый душевный шпіонъ. Молчаніе есть маска невѣждества. Не знаю, что́ есть убѣжище невѣждества. Воинъ трусъ есть вооруженный мундиръ. Живопись и поэзія суть сестры: первая есть поэзія нѣмая, вторая есть живопись голосная. Не имѣть чтенія есть тщета разума, а излишество, какъ тѣла дебелость. Погрѣшности лѣкарскія суть ошибки смертельныя. Злаго хвала есть хула. Любовь есть солнце сердца и глупая страсть. Дружба есть красная добродѣтель. Своенравство есть причина любви. Красота есть маловременная лучезарность, скороминуемое мученіе, письмо одобрительное, писанное на челѣ, читаемое всѣми, но онаго кредитъ непроченъ. Разумъ подобенъ рѣкѣ, имѣющей свой покой въ движеніи. Сундукъ безъ замка —

знакъ, что нѣтъ въ немъ сокровища; всегда открытый ротъ значитъ пустой мозгъ. Докторъ есть имя за урядъ: часто при гнусномъ кабакѣ бываетъ хорошая вывѣска. Невѣжды подобны Самаритянкѣ, коя, будучи близь боевыхъ часовъ, а не знаетъ который часъ. Фортуна есть великіе господа, кои болѣе любятъ оказывать щедрость, нежели платить свои долги. Нашъ разумъ есть всевидящее око, кромѣ себя, развѣ чрезъ отраженіе въ зеркалѣ. Буря на морѣ есть наука мореплавателямъ, печаль есть школа отважностей. Слава по смерти, какъ добрый вѣтръ послѣ потопленія корабля. Секретъ есть сокровище, кое вполовину открыто, когда знаютъ, что оно скрыто. Слава человѣческая подобна его тѣни, коя бываетъ иногда больше, иногда меньше его росту. Поклоны суть пріятная мечта, бывающая средствомъ обмана. Наука есть ясное познаніе истины, просвѣщеніе разума, непорочное увеселеніе въ жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градовъ, полковъ крѣпость, утѣха въ несчастіи, въ счастіи украшеніе, вездѣ вѣрный и безотлучный спутникъ. Книга есть лучшій другъ: она не открываетъ нашихъ таинствъ и научаетъ мудрости.

Г. Хорошія мнѣнія.

Знатность больше отъ счастія, нежели отъ породы зависитъ. Нѣсть честенъ пророкъ во отечествѣ. Въ тщеславномъ человѣкѣ любовь и дружество непостоянны. Всякая вещь отъ рѣдкаго употребленія пріятна. Хорошая ложь бываетъ утѣшнѣе правды. Порода безъ достоинства мало сіятельна. Есть и на чорта громъ, который его убиваетъ. Обманъ и невѣжество нынѣ дорого покупаются. У гордаго вельможи и туфли чинъ имѣютъ. Довольство часто бываетъ препоною воздержанія. Добродѣтельнымъ сердцамъ трусость неприлична, а осторожность необходимо потребна. Глупостію бѣдный приводитъ въ смѣхъ, а сильный въ слезы. Бѣдный больше другимъ, нежели себѣ пользы приноситъ. Кто живетъ всего надѣясь, тотъ умираетъ ничего не имѣя. Хитрый ласкатель повелителемъ своимъ повелѣваетъ. Чѣмъ далѣ отъ Юпитера, тѣмъ далѣ отъ его грому. Притворство есть большая для добродѣтели опасность. Многіе люди дѣлаются часто злыми, полагаясь на наружность честнаго человѣка. Кто породою хвалится, тотъ чужимъ хвастаетъ. Счастіе мудрыхъ боится, глупыхъ угнетаетъ. Тѣ не такъ боятся, коимъ страхъ ближе. Кто противнаго природѣ желаетъ, тотъ на самого Бога ропщетъ. Кто двухъ сторонъ держится, тотъ ни одной невѣренъ. Трудно оправдаться, у кого истецъ самъ судья. Съ совѣту многихъ не можно того сдѣлать, что должно, но то, что можно. Фортуна такъ дѣлаетъ, что комаръ льва побѣждаетъ. Ежели хитраго обманщика похвалить, то и самый простякъ его обманетъ. Почитающій отца возвеселится о своихъ дѣтяхъ.

Къ юношескимъ разумамъ не перья и крючья, но свинецъ и гири должно привязывать. Мудрость состоитъ не въ наказаніи за зло, но въ предохраненіи отъ зла. Голода ни въ чемъ уговорить не можно. Воину должно вдесятеро быть умнѣе другаго, потому что въ семъ ремеслѣ вдесятеро чаще можно обмануться, нежели въ другомъ. Старое вино, старая монета, старые друзья берутъ преимущество. Исторія полезнѣе романцовъ, а особливо съ нравоученіемъ; ибо пчелы не могутъ брать соку съ нарисованныхъ цвѣтовъ. Подлѣйшіе (а) люди бываютъ великими у Бога, какъ звѣзды, кои намъ кажутся малы за дальностію ихъ въ небѣ. Душевное украшеніе несравненно полезнѣе тѣлеснаго. Другъ — неземной рай, гдѣ росли плоды безъ нашего призрѣнія. Порода, чинъ, пѣть, играть, плясать, разноязычно говорить суть дарованія нули, къ коимъ надобно числа, дабы они что значили, то есть потребны тому прочія качества, чтобъ быть честнымъ человѣкомъ. Не можно сыскать малыхъ погрѣшностей въ великихъ людяхъ: малѣйшія пятна суть велики, когда они видны на дорогихъ штофахъ. Иногда одно неосторожное слово все дѣло портитъ. Какъ дождь усмиряетъ вѣтръ, такъ слезы утишаютъ вздохи. Вельможи употребляютъ людей, какъ деньги, коихъ они цѣнятъ во что хотятъ; но мы принуждены принимать оныхъ по ихъ курсу, а не по истинной цѣнѣ. Честное убожество предпочтительно излишнему богатству. Правда сама собою побѣждаетъ, а мнѣніе черезъ другихъ. Великія библіотеки, какъ аптекарскія лавки, гдѣ есть ядъ и лѣкарство: добрыя и худыя книги. Укоряя порокъ, надобно стараться не озлобить порочнаго. Въ корысти пропадаютъ всѣ добродѣтели, какъ рѣки въ морѣ. Предпочитающіе глупцовъ разумнымъ людямъ должны меньше дивиться солнцу, нежели затменіямъ. Только чистая совѣсть о добрыхъ дѣлахъ человѣка умирающаго утѣшить можетъ.

а) Самаго низкаго званія.

Д. РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ КНИЖНИКОМЪ И МАЛЬЧИКОМЪ.

Юноша гулялъ по берегу рѣки и, встрѣтясь съ грамотеемъ, зѣло задумчивымъ, сказалъ ему: господинъ мудрецъ! отъ чего вы такъ задумчивы? Я думаю, отвѣчалъ книжникъ, о томъ, гдѣ можно найти новыхъ книгъ; ибо всѣ книги, сколько оныхъ ни есть, я прочелъ и знаю ихъ наизусть. М. Я хочу тебѣ предложить нѣсколько вопросовъ: и ежели вы мнѣ ихъ рѣшите исправно, то я вамъ отдамъ мой Катехизисъ, вѣдая, что вы его еще не читали и долго не прочтете. К., усмѣхнувшись, сказалъ ребенку: изволь спрашивать, мой другъ. Тогда М. началъ: г. философъ, скажите, какая есть лучшая вещь въ свѣтѣ? К. Вѣрный другъ. М. Нѣтъ. добрая совѣсть и того лучше. Какая есть первая Божія заповѣдь? К. Сія: да не будутъ тебѣ бози

иніи, развѣ Мене. М. Не та; ибо, во первыхъ, по сотвореніи Адама, запретилъ Богъ ему отъ древа добра и зла: не яждь. Кто ученѣйшій всѣхъ? К. Кто много читалъ книгъ и знаетъ свѣтское житіе. М. Неправда: но кто читалъ только одну книгу, и довольно знаетъ себя. М. Кто же глупѣе всѣхъ? К., смѣясь, сказалъ: кто ничего не разумѣетъ. М. Никакъ, Г. К., да тотъ, кто хвалится всѣми науками. М. Какое есть лучшее упражненіе въ свѣтѣ? К. Философа. М. А то христіанина. А какая есть славнѣйшая добродѣтель? К. Военная храбрость. М. Но твердость мирнаго союза ее превосходитъ. Какое есть труднѣйшее знаніе? К. Хорошо управлять худымъ народомъ. М. Нѣтъ, знаніе управлять самимъ собою и того трудняе. Кто былъ славнѣйшій богачъ? К. Крезусъ. М. Удовольствіе и того богатѣе. Кто свободнѣйшій изъ человѣкъ? К. Самодержавный царь и побѣдитель всѣхъ своихъ непріятелей. М. А я слыхалъ, что тотъ, кто не имѣетъ страха, ни желанія, но покоряется Богу и разуму. Скажи пожалуй, Г. Ф., какой есть свирѣпѣйшій звѣрь въ свѣтѣ? К. Левъ. М. Нѣтъ, черви, снѣдающіе льва и людей. Какое есть пребольшое зеркало въ свѣтѣ? К. Солнце. М. Не погнѣвайтесь, г. мудрецъ, это око человѣческое; ибо въ немъ представляется не только солнце и луна, но и вся вселенная. К. устыдясь и сталъ краснѣть, сказалъ: слушай мальчикъ! скажи мнѣ, кто тебя научилъ такой мудрости? М. Мой отецъ и мать. К. Какъ ихъ зовутъ? М. Отецъ мой называется правда, а мать простота.

Книжникъ, захотѣвъ его пристыдить самого, сказалъ: изрядно, другъ мой, и я тебя также хочу нѣчто спросить; и ежели ты въ состояніи будешь на то исправно отвѣчать, то я отдамъ тебѣ всѣ мои книги. Я готовъ, извольте, отвѣчалъ юноша. К. Сколь велика или какой величины вселенная? М. Она такъ велика, что Богъ можетъ обнять ее своею дланію. К. Пускай такъ; но скажи, мой другъ, земля на воздухѣ ли виситъ, или кто ее поддерживаетъ? М. Никакъ; ибо кто оную сотворилъ, тотъ и поддерживаетъ. К. Изрядно; слушай же, дружокъ, когда ты столько свѣдомъ о Богѣ, то скажи мнѣ, что Богъ дѣлалъ до сотворенія міра? М. Готовилъ адъ, чтобъ его населить тѣми, кто о семъ безполезно любопытствуетъ. К. Правда, сей вопросъ трудноватъ, я и самъ признаюсь; однако я тебя спрошу проще: скажи же, что то за животное, кое сперва на четырехъ, потомъ на двухъ, а напослѣдокъ на трехъ ногахъ ходитъ? М. Сказываютъ, что это человѣкъ, дожившій до глубокой старости, который сперва ползалъ, потомъ о себѣ, а послѣ о посохѣ ходитъ. К. подумалъ: что мнѣ дѣлать? онъ еще ребенокъ и меньше читалъ книгъ и ученъ, нежели я; однако я его могу еще поймать, и спросилъ

его: узнай, кто это, что бѣжитъ безъ ногъ, глядитъ безъ глазъ, поетъ безъ рта, стучитъ безъ рукъ и ѣздитъ безъ лошадей? М. Солнце и вѣтръ бѣгутъ безъ ногъ, портретъ или образъ глядитъ безъ глазъ, музыка поетъ безъ рта, часы и громъ стучатъ безъ рукъ, а корабли ѣздятъ безъ лошадей. К. Неспорно; скажи же теперь, какія есть четыре животныя, кои не для себя, но для другихъ трудятся? М. Скупые копятъ богатство; птицы вьютъ гнѣзды; коровы работаютъ; пчелы дѣлаютъ медъ; овцы носятъ шерсть не для себя, но для прочихъ животныхъ. К. Постой, я тебя спрошу помудренѣе: можешь ли мнѣ сказать, для чего мышь называется мышью, а вошь вошью? М. Ежели бы мышь называлась кошкою, то бы она не была мышью; а когда бы вошь могла прыгать, тогда бы ее называли блохою. Книжнику стало стыдно и началъ сердиться, и потому спросилъ со гнѣвомъ: чѣмъ правится приказное дѣло? М. Тридцатью одною буквою азбуки. К., осердясь больше, сказалъ: какимъ способомъ управляютъ народомъ? М. Мнѣніями. К., очень осердясь, спросилъ еще по латински: Dic mihi omnium doctorum subjectum? М. Наука. К. отошелъ съ великимъ стыдомъ, а М. кричалъ ему въ слѣдъ: г. философъ, мои книги! мои книги! Но книжникъ, не хотя о томъ и слышать, ушелъ.

[1]) Кургановъ Николай Гавриловичъ (1726 — 1796), сынъ унтеръ-офицера, обучался сначала въ Московской Навигацкой школѣ (на Сухаревой башнѣ, въ Москвѣ), потомъ въ Морской Академіи, въ Петербургѣ. Здѣсь въ 1746 г. произведенъ въ подмастерья математическихъ и навигацкихъ наукъ, въ 1764-мъ переименованъ въ учители, и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ профессоромъ, удостоенный этого званія по экзамену въ Академіи Наукъ. Въ 1771 г. исправлялъ обязанности инспектора классовъ, а въ 1792-мъ назначенъ инспекторомъ, въ которой должности и оставался до самой смерти. Около 50 лѣтъ занимаясь преподаваніемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Кургановъ частію сочинилъ и частію перевелъ цѣлую математическую и морскую учебную энциклопедію. Г. Веселаго, въ „Очеркѣ исторіи Морскаго кадетскаго корпуса“, говоритъ о Кургановѣ слѣдующее: „Кургановъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языкъ и могъ читать по своему предмету латинскія и англійскія книги. Науки математическія и морскія ему были извѣстны въ совершенствѣ, и множество сочиненій и переводовъ его по этой части доказываютъ, что онъ умѣлъ съ пользою употреблять свою ученую дѣятельность. Какъ писатель, Николай Гавриловичъ отличался необыкновенною добросовѣстностію и яснымъ взглядомъ на науки. Почти въ каждомъ его трудѣ, тѣ страницы, въ которыхъ говоритъ онъ отъ своего лица, дышатъ искреннимъ, теплымъ желаніемъ пользы читателю, отсутствіемъ мысли выказать самого себя и произвести эффектъ. Своей наивной, но безпощадной ироніей Кургановъ казнилъ современный ему педантизмъ и умышленную темноту науки, и самъ старался по возможности упрощать ее и передавать занимательно... Ученики любили и уважали его... Морской корпусъ долженъ гордиться Кургановымъ: въ темное время Морской Академіи, онъ умѣлъ

пріобрѣсти обширное современное образованіе, и относительно пользы принесенной корпусу, а чрезъ него и флоту, на ряду съ Кургановымъ можетъ стать развѣ только одинъ Гамалея" (Платонъ Яковлевичъ, инспекторъ классовъ съ 1795 по 1809 г.). О Кургановѣ см.: „Литературные дѣятели прежняго времени", Е. Колбасина 1859.

²) „Россійская Универсальная Грамматика, или всеобщее писмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей. Издано въ градѣ святаго Петра 1769 года". Съ латинскимъ эпиграммомъ: „Clericus es! legito hoec. Laicus! legito ista libenter. Crede mihi, invenies hic quod uterque voles" (D. Collis) (а). Подъ такимъ заглавіемъ явилось первое изданіе „Письмовника", Курганова, знаменитой популярной книги второй половины XVIII вѣка и первыхъ десятилѣтій XIX-го. Потомъ онъ перепечатывался многократно, съ нѣкоторыми дополненіями и перемѣнами, и съ раздѣленіемъ на двѣ части. „Очеркъ исторіи Морскаго корпуса (1852)" говоритъ, что онъ имѣлъ 18 изданій. Послѣднимъ изъ тѣхъ, которыя вышли при жизни автора, было шестое (1796). За тѣмъ онъ печатался съ присовокупленіемъ книги: „Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты Русскихъ". Чтобъ дать читателямъ понятіе о первомъ изданіи книги, ставшемъ большою рѣдкостью, выписываемъ его содержаніе.

На оборотѣ заглавія свидѣтельства св. Іоанна Дамаскина, Аристотеля, Виргилія Урбина, Ломоносова и Сумарокова о важности и пользѣ грамматики. „Приношеніе" благочестивому читателю, доброму человѣку. „Предисловіе", въ которомъ объясняется поводъ къ преобразованію прежде изданной Грамматики. Краткій повѣстной лѣтописецъ. Грамматика въ трехъ частяхъ (о произведеніи словъ, о сочиненіи словъ и рѣчей, о ороографіи или правописаніи). За Грамматикою семь присовокупленій. Первое: сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ. Второе: краткія замысловатыя повѣсти, различныя шутки, разномысленныя предложенія, достопамятныя рѣчи, опредѣленія и сравненія или уподобленія, хорошія мнѣнія, опись качествъ знатнѣйшихъ европейскихъ народовъ, загадки. Третье: древнія (исправленныя и умноженныя) апоѳегмы, Епиктетово нравоученіе. Четвертое: разные учебные разговоры (между книжникомъ и мальчикомъ, о употребленіи времени, о образѣ житія человѣческаго, о миѳологіи, о различіи изреченія и писанія). Пятое: сборъ разныхъ стиходѣйствъ. Шестое: обстоятельное изъясненіе порядка знаній человѣческихъ, или всеобщій чертежъ наукъ и художествъ (вступленіе, отдѣлъ первый: происхожденіе человѣческихъ знаній, отдѣлъ второй: о употребленіи наукъ). Седьмое: словарь разноязычный, или толкованіе еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ иноземныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ словъ (русскій словотолкъ); толкъ седмичнымъ днямъ, толкъ мѣсяцамъ; заключеніе или оговорка. О Письмовникѣ см. статью А. И. Кирпичникова, въ Историч. Вѣстникѣ.

Письмовникъ Курганова — не первая въ своемъ родѣ книга. За пять лѣтъ до его появленія, именно въ 1764 г., былъ напечатанъ, въ 2 ч., „Товарищъ разумный и замысловатый, или собраніе хорошихъ словъ,

а) Въ другихъ изданіяхъ эпиграфъ переложенъ въ русскіе стихи:

Духовной ли, мірской ли ты? прилежно се читай!
Все найдешь здѣсь тотъ и другой; но разумѣть смѣкай.

разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и нынѣшняго вѣковъ, переведенный съ французскаго и умноженный изъ разныхъ латинскихъ, къ сей же матеріи принадлежащихъ, писателей, какъ для пользы, такъ и для увеселенія общества, Петромъ Семеновымъ", съ эпиграфомъ изъ Горація: Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci, то есть: Тотъ всякому угождаетъ, кто вдругъ и полезное и пріятное предлагаетъ". Къ третьему изданію (1787), сынъ собирателя, Михайло Семеновъ, прибавилъ „нѣсколько непосредственно принадлежащихъ къ той же матеріи" и переведенныхъ съ франц. и нѣм. языковъ статей, которыя и составили третью часть „Товарища". Въ предисловіи къ этой новой части говорится, что „Товарищъ" имѣлъ счастіе понравиться публикѣ и что нѣкоторые, пріобыкшіе пользоваться чужими трудами, выдали его въ свѣтъ вторымъ тисненіемъ, въ Москвѣ, безъ вѣдома трудившагося и съ его обидою, но чаятельно и къ предосужденію самихъ себя. Кургановъ многое заимствовалъ изъ этого сборника въ отдѣлъ краткихъ замысловатыхъ повѣстей и достопамятныхъ рѣчей.

Ощутительная разница между „Товарищемъ" и „Письмовникомъ" состоитъ въ томъ, что послѣдній гораздо обширнѣе и разнообразнѣе, будучи и энциклопедіей наукъ, и сборникомъ статей, служащихъ для забавы читателей, тогда какъ Товарищъ удовлетворяетъ преимущественно второй цѣли, хотя и выбралъ себѣ эпиграфомъ правило Горація о соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Письмовникъ не только читали, но и учили; Товарищъ же былъ сборникомъ собственно для чтенія.

Въ 1790 г. явился „Старичекъ-весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были". Это также народная книга, хотя и низшаго разряда, сравнительно съ „Товарищемъ" и „Письмовникомъ", имѣвшая множество изданій. Неизвѣстный авторъ ея переложилъ въ стихи нѣсколько замысловатыхъ повѣстей, назвавъ ихъ былями.

XXXV.

ЗАПИСКИ ПОРОШИНА (1764—65). (1).

1764 Октября 29. Его высочество изволилъ встать въ осьмомъ часу. Сего утра госп. Клеретъ вырвалъ у него зубъ, который уже гнить было началъ. Великій князь долго не изволилъ допускать его, но потомъ скрѣпился и дозволилъ зубъ вырвать. Одѣвшись, изволилъ его высочество сѣсть учиться. Потомъ ходилъ инкогнито смотрѣть изъ парадной залы своей турецкаго посланника, который былъ у его превосходительства Никиты Ивановича (а) на аудіенціи. Пріемъ

а) Графа Панина, воспитателя в. кн. Павла Петровича.

такой же былъ ему, какъ и въ первый разъ. Но мнѣ отъ его высочества, какъ я пріѣхалъ, пріемъ не столько былъ ласковъ, чтобъ я имѣлъ причину быть имъ доволенъ. Въ изысканіе тому причины, особливо здѣсь, я входить не хочу. То примѣчу только, что часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого нибудь человѣка, такого человѣка, послѣ видя, его высочество склоненъ къ нему является; когда жъ, напротивъ того, говорятъ о комъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговорѣ мимоходомъ, то, такого государь великій князь послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется. Сѣли за столъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ у насъ не кушалъ. Стороннихъ былъ только гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Пострадалъ я сегодня за столомъ ужасно. И какъ не страдать, когда вотъ что преисходило: разговорились мы о государѣ Петрѣ Великомъ; *нѣкто*, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего монарха, о томъ только твердить разсудилъ за благо, что государь часто напивался до пьяна и билъ министровъ своихъ палкою; другой *нѣкто*, изъ неосмотрительнаго подражанія такому отнюдь непозволительному разговору въ присутствіи его высочества, прибавилъ къ тому, что какъ государь билъ палкой въ одно время нѣкоего своего генерала, нѣмца, то сей генералъ послѣ сказалъ изъ Библіи: *Рука Господня прикоснуся мя* и проч. Прежній *нѣкто* продолжалъ, что только-де и извѣстно государей-драчуновъ въ исторіи, что Петръ Первый, да покойный король прусскій (а), отецъ нынѣшняго короля. Потомъ какъ началъ онъ выхвалять Карла XII, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что Вольтеръ пишетъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи государя Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него его высочество: *не ужели это такъ?* На сіе говорилъ онъ его высочеству, что можетъ быть и написано, однако то крайнее ласкательство; наконецъ какъ я говорилъ о письмахъ государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ сюда къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи, надобно непремѣнно имѣть и тѣ письма; что я многія у себя имѣю и проч.: то первый *нѣкто* никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только, какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что государь въ нихъ писывалъ иногда: *Мипъ-Геръ адмиралъ*, и подписывалъ: *Питеръ*. Признаюсь, что такія рѣчи

а) Фридрихъ-Вильгельмъ I, отецъ Фридриха Великаго.

жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе, пристойно ли, чтобъ его императорское высочество, престола россійскаго наслѣдникъ и государя Петра Великаго родной правнукъ, такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Ксенофонтъ представилъ намъ въ Кирѣ (а) государя совершеннаго и правленіе его правленіемъ благополучнымъ, слѣдующихъ вѣковъ монархамъ для подражанія. Безтолковые историки опровергаютъ во многомъ исторію Ксенофонтову и стараются показать, какія герой его имѣлъ слабости. Но люди остроумные и прозорливые, мало заботясь о томъ, былъ ли таковъ Киръ, какимъ его Ксенофонтъ описываетъ, или былъ инаковъ, превозносятъ историка хвалами, что представилъ въ немъ совершенный образецъ для государей, и приводятъ въ примѣръ имъ мудрое его царствованіе. Приводятъ въ примѣръ и иныхъ многихъ монарховъ, которыхъ великія дѣла соблюла до временъ нашихъ исторія. Не необходимо-ли нужно представлять и его высочеству хвальныя дѣла именитыхъ героевъ, дабы разжечь въ немъ охоту и благородное рвеніе къ послѣдованію имъ? Это кажется очевидно и безсомнительно. Но чьи дѣла большее возбудить въ немъ вниманіе, сильнѣйшее произвесть въ немъ дѣйствіе, и для свѣдѣнія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла блаженныя памяти государя Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ россійскихъ устами. Государь великій князь, родной блаженныя памяти его величеству правнукъ, рожденъ въ томъ же народѣ и тогожъ народа Божіими судьбами будетъ въ свое время обладателемъ. Если бы не было никогда на россійскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, каковъ былъ его величества великій прадѣдъ; то бъ полезно было и вымыслить такого, его величеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго героя,—и что дѣлается? Я не говорю, чтобъ государь Петръ Великій совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ? Сколько ни извѣстно великихъ мужей по исторіи, всѣ подвержены были нѣкоторымъ слабостямъ. Но, представляя ихъ въ примѣръ, не о порокахъ ихъ проповѣдывать должно; надобно ихъ добродѣтели. Пороки могутъ или совсѣмъ быть умолчены, или и открыты, но мимоходомъ, съ такимъ напоминаніемъ, что представляемый въ образецъ государь всѣми силами старался отъ нихъ избавиться и побѣждалъ ихъ. И вмѣсто того что же?... За столомъ сказывалъ еще князь Барятинскій, что въ бытность его въ Швеціи слышалъ онъ, что короля

а) Въ сочиненіи своемъ «Киропедія».

Карла XII все платье, палашъ, сапоги и прочее хранится въ арсеналѣ. Я говорилъ на то, что и у насъ въ кунсткамерѣ хранится платье и прочее государя Петра Великаго; но что мы конечно болѣе имѣемъ причины все это сохранять, нежели шведы, потому что одинъ защитилъ государство свое и привелъ въ цвѣтущее состояніе, другой разорилъ свое такъ, что и донынѣ опамятоваться не можетъ; что конечно ни одинъ разумный шведъ имени короля Карла XII не помянетъ безъ отвращенія... Это подтверждалъ и князь Иванъ Сергѣичъ. По семъ разговорились о Кейслеровомъ путешествіи и послѣ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по-русски знали и переводили. Первый тотъ *нѣкто* сказалъ на то: «однако жъ они всѣ одной вѣдь смертью умерли, то есть спились». Тутъ, тотчасъ оборотясь ко мнѣ, изволилъ говорить великій князь: *вотъ слышишь ли, вѣдь это не ложь, я думаю?* Я отвѣчалъ, что коротко ихъ не зналъ и о кончинѣ ихъ не извѣстенъ, и что и того не знаю, почему и тотъ господинъ и такія подробности могъ вѣдать. Послѣ стола порѣзвясь, его высочество изволилъ сѣсть учиться. Потомъ пошли на маскарадъ со всѣмъ маленькимъ нашимъ приборомъ. Его превосходительства Никиты Ивановича не было: у братца былъ (а). Съ маскараду пришли мы въ девятомъ часу въ началѣ. Его высочество очень гнѣвнымъ изволилъ себя противъ меня оказывать. А поступки своей истинно никакой не знаю. Опочивать изволилъ лечь государь великій князь въ десятомъ часу въ началѣ.

а) Графа Петра Ивановича Панина.

Декабря 9. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Точить изволилъ и разговаривалъ съ токарнымъ мастеромъ Мюріелемъ о токарномъ дѣлѣ. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ посторонниxъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, графъ Иванъ Григорьичъ Чернышевъ, г. Сальдернъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и полковникъ князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой, который отъ полку своего изъ Лифляндіи пріѣхалъ. Разговаривали о битьѣ скотины: что у насъ бойни сдѣланы отовсюду открыто; что отъ вони нельзя къ нимъ приближиться; что мясники ходятъ всѣ перемараные, какъ палачи; что въ другихъ мѣстахъ скотину бьютъ на дворахъ и никто того не видитъ. Графъ Петръ Александровичъ говорилъ, что въ Данцигѣ великій въ этомъ порядокъ. Гр. Иванъ Григорьичъ сказывалъ, что и въ Ревелѣ также въ этомъ чистота великая: что въ мясномъ ряду разныя части мяса прицѣплены крючьями къ веревкѣ, которая ходитъ по блокамъ, такъ что, посмотря одну

часть, ежели она не полюбится, можно велѣть прицѣпить ее опять и по блоку передвинуть веревку: тогда снимутъ другую часть и такъ далѣе; что въ Парижѣ никто почти не печетъ въ домѣ хлѣбовъ: какой изволишь, можно во всякое время получить изъ харчевень; что часа за два передъ обѣдомъ можно заказать себѣ столъ человѣкъ на пятьдесятъ и прочее. «Что до опрятности и до чистоты касается, говорилъ я, такъ легко бы и у насъ ввесть то можно: зависитъ отъ полиціи». Его превосходительство Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ разсуждали тутъ о полиціи весьма разумно. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что генеральному директору полиціи нельзя никоимъ образомъ на всѣ случаи дать наставленія; что существо должности его такое, чтобъ самому умѣть при разныхъ обстоятельствахъ употреблять и хитрость, и строгость, и принадлежащіе къ соблюденію порядка способы. Графъ Иванъ Григорьевичъ сказывалъ особливый и весьма чудный примѣръ совершенной полиціи, случившійся во Франціи съ нѣкакимъ чужестранцемъ на дорогѣ отъ Ліона къ Парижу. Его же сіятельство сказывалъ, что въ Вѣнѣ положена смертная казнь, если кто съ двора украдетъ кошку или собаку; кто лошадь украдетъ, тому наказаніе тѣлесное. Сіе узаконеніе сдѣлано въ томъ разсужденіи, что лошадь, привязанную въ стойлѣ, отвязать и свесть не трудно; но что тотъ, кто уведетъ собаку или унесетъ кошку, конечно въ состояніи и другое что украсть; и если не укралъ, то за тѣмъ только, что украсть тутъ было нечего, для того, что много надобно злодѣйскаго искусства и отваги, чтобъ поймать и унести со двора сихъ животныхъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ и гр. Иванъ Григорьевичъ разсуждали, что если бы въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, тобъ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали: запираемъ ворота деревяннымъ запоромъ; дворъ огороженъ бездѣльнымъ бревенчатымъ оплотомъ, вмѣсто того, что въ другихъ земляхъ строятся замкомъ, и ворота всякую ночь запираютъ большими замками и желѣзными запорами, а и тутъ по срединѣ города воруютъ и разбойничаютъ. Причиною такой у насъ безопасности полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ сказалъ къ тому: «croyez-moi, que ce n'est que bêtise. Notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit». Его высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: *а что же, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ*

того только зависитъ, чтобъ тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ. Разговаривая о полиціймейстерахъ, какъ выше упомянулъ я, сказалъ графъ Александръ Сергѣичъ: «да гдѣжъ у насъ возьмешь такого человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ?» Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: *что жъ, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ?* Замолчалъ онъ тутъ. Разговорились о богатствѣ Строгонова, и графъ Иванъ Григорьевичъ, исчисляя, торговалъ шуткою пермскихъ его вотчинъ. Послѣ стола, отведши великаго князя, хвалилъ его графъ Иванъ Григорьевичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланный отвѣтъ графу Александру Сергѣичу. Ухвативъ меня за руку, говорилъ онъ великому князю: «Вотъ, ваше высочество, и Семенъ Андреичъ конечно это апробуетъ». Кто и не знаетъ меня, тотъ изъ этого журнала заключить можетъ, была-ли отъ меня въ семъ апробація.

[1]) „Семена Порошина Записки, служащія къ Исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника престола Россійскаго. Спб. 1784". Семенъ Андреевичъ Порошинъ, сынъ генералъ-поручика Андрея Ивановича Порошина, бывшаго главнымъ начальникомъ и преобразователемъ Колывано-воскресенскихъ заводовъ, род. 1741 г. и получилъ воспитаніе въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, очень много читалъ, былъ свѣдущъ въ исторіи древней и современной, и особливо въ математикѣ и въ военномъ искусствѣ. Еще будучи ученикомъ, занимался успѣшно литературою: нѣкоторые труды его напеч. въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ". По выходѣ изъ корпуса, находился короткое время флигель-адъютантомъ при Петрѣ III. Съ 1762 г. (имѣя отъ роду 23 года) былъ кавалеромъ при в. к. Павлѣ Петровичѣ, т. е. находился при немъ безотлучно, училъ его математикѣ и во вседневномъ обращеніи съ нимъ старался внушать ему благонравіе и любовь къ отечеству. Каждый вечеръ записывая для памяти все, что происходило днемъ у великаго князя, онъ намѣренъ былъ, съ помощію этого журнала, написать со временемъ полную и связную исторію своего Государя. Въ 1768 году Порошинъ назначенъ командиромъ старооскольскаго пѣхотнаго полка. Въ 1769 г., на походѣ въ Турцію умеръ и похороненъ въ Елисаветградской крѣпости. Записки его, съ 20 сентября 1764 г. по 13 января 1766, изданы его внукомъ, В. Порошинымъ, съ предисловіемъ и нѣкоторыми примѣчаніями. Второе, исправленное и дополненное изданіе Записокъ напеч. въ Рус. Старинѣ 1881 г., въ приложеніи къ XXX—XXXI томамъ.

XXXVI.

ЗАПИСКИ ДАНИЛОВА (1771). (1).

Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечами его, и казалось, что у него шеи не было; у него, въ тоже время, учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастый жилъ только одинъ съ своею женою, въ весьма малой избушкѣ; приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость. Явственнѣе можно усмотрѣть сію правду—принудить только ребенка играть сверхъ его воли: тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть,

или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастый; вымышлялъ иногда и я, отъ такого скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало (²).

Выучилъ я у Брудастаго азбуку—отецъ мой отвезъ меня близь города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ была за нашимъ свойственникомъ Аѳанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова: по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію. А какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться; однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро оканчалъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ: Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица: рѣдкій день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: «полно тебѣ шутить, Ванюшка», и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только, признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хоть одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь

батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился. Племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки. Она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво, причитая: «не обивай яблокъ съ яблони». Потомъ и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ обробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ: «что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего», а послѣ поцѣловавъ его, сказала: чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся голубчикъ, я тебя сѣчь не стану (³).

¹) „Записки артиллеріи маіора Михаила Васильевича Данилова, написанныя имъ въ 1771 году, Москва. 1842". Изданы П. Строевымъ. Перепечатаны во 2-ой книгѣ Рус. Архива за 1883 г. Даниловъ (род. 1722, ум. послѣ 1790 г.) обучался въ Артиллерійскомъ Училищѣ, откуда выпущенъ 1743 г. Изъ сочиненій его напечатаны: „Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи" (1762); „Довольное и ясное показаніе, по которому всякій самъ собою можетъ приготовлять и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи" (1779 и 1783); „Письма къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ" (1783); „Письмо о совѣсти изъ сочиненій рязанскаго дворянина М. Д." (1804).

²) Отрывокъ этотъ вѣрно знакомитъ съ характеромъ стариннаго ученія, состоявшаго въ механическомъ затверживаніи данныхъ уроковъ. Брудастый — одинъ изъ тысячи старинныхъ учителей.

³) Матрена Петровна — истинная Простакова; племянникъ ея воспитывался такъ же, какъ Митрофанъ. Художественная вѣрность лица въ „Недорослѣ" всего лучше объясняется такими данными, какъ мемуары.

XXXVII.

ХЕРАСКОВЪ.

А. РОССІЯДА (1779). (1).

1. Вступленіе (2).

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну (3),
Попранну власть татаръ и гордость побѣжденну,
Движенье древнихъ войскъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ временъ, спокойствія начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло (4).
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ пышной гордости льстецы не почитаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный стонъ и плачъ, гдѣ сильный власть забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность! мнѣ, да лирою моей
Вниманье услажду народовъ и царей.

2. Казанскій лѣсъ (5).

Въ тѣняхъ Казанскихъ горъ стоитъ дремучій лѣсъ.
Въ немъ рѣдко видимо сіяніе небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ;
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ.
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, біющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и топóли мастисты;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;

Источникъ со холма кремнистаго течетъ
И шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ;
Лѣсъ воетъ—адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

3. Зима (6).

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчные сводъ твердый составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ стужъ различны роды;
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Столпы, изъ свѣтлаго кристала сотворенны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда—громада льдовъ горитъ.
Тамъ воздухъ застуженъ; токъ водный каменѣетъ;
Стѣсненный мразомъ огнь и гаснетъ и блѣднѣетъ;
И будто въ зеркалѣ тамъ видны небеса;
Тамъ снѣжные цвѣты, кристальны древеса;
Тамъ зрится перлами усыпанное поле;
Тамъ жизнь не дѣйствуетъ, натура тамъ въ неволѣ;
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ:
Кудрявы иніи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Навислыхъ льдовъ слои подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышатъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ Зима порфиру простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ
И соки жизненны древесные сосетъ;

На хладныхъ крыліяхъ морозы
къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи
И солнцу отвращать велитъ чело
и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рощи
ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ
волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ
она наводитъ.

¹) „Россіяда, ироическая поема. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1779 года". Предметъ ея — покореніе Казани Іоанномъ Грознымъ. Названіе, слишкомъ обширное для предмета, объясняется взглядомъ автора на событіе: „Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ ордынскихъ, я имѣю въ виду успокоеніе, славу и торжественную побѣду „всего Россійскаго государства"; знаменитые подвиги не одного государя, но „всего россійскаго воинства"; и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но „всему отечеству": почему сіе твореніе и названо „Россіядой" (Историческое предисловіе къ Россіядѣ).

²) Вступленіе содержитъ въ себѣ указаніе предмета поэмы и воззваніе къ вѣчности (въ другихъ изданіяхъ этому воззванію предшествуетъ другое—къ Духу стихотворенья).

³) Критика справедливо замѣчала, что этотъ стихъ противорѣчитъ исторіи: Россія освободилась отъ татаръ не при Іоаннѣ Грозномъ, а при Іоаннѣ III. П. Строевъ, которому принадлежитъ первая справедливая оцѣнка Россіяды (Современный Наблюдатель Россійской Словесности 1815, №№ 1 и 3), говоритъ по сему случаю: „отъ какихъ варваровъ освободилась Россія? чью власть она попрала? почему именно началась въ Россіи заря спокойствія? Все это происходитъ отъ незнанія исторіи. Херасковъ взятіе Казани почиталъ освобожденіемъ Россіянъ отъ татарскаго ига. Казанское царство и Золотая Орда, по его мнѣнію, одно и тоже".

⁴) Этотъ стихъ, преувеличивающій событіе, подвергался критикѣ; но преувеличеніе объясняется вышеуказаннымъ взглядомъ Хераскова, который въ „Историческомъ предисловіи" выражаетъ ту мысль, что „только при Іоаннѣ Грозномъ, и именно съ покоренія Казани, Россія перешла изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство". „Горе Россіянину (говоритъ онъ во „Взглядѣ на эпическія поэмы", предпосланномъ Россіядѣ), который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства"!

⁵) Изъ 4-й пѣсни (всѣхъ пѣсенъ въ Россіядѣ 12). Она начинается описаніемъ дремучаго лѣса, близъ Казани, въ которомъ находилось кладбище съ гробницами Батыя, Сартака, Менгу-Темира, Нагая и другихъ. Въ этомъ описаніи Херасковъ подражалъ 13-ой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима", въ которой также изображается очарованный лѣсъ.

⁶) Описаніемъ „Зимы", начинается 12-ая пѣснь. Волшебникъ Нигринъ (созданный въ подобіе волшебнику Исмену, въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ") на драконахъ отправляется къ горѣ Кавказской и приводитъ съ собою въ Казань лютую Зиму.

XXXVIII.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

А. КОМЕДІЯ: БРИГАДИРЪ. (1764). (1).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ комнату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сынъ его, въ дезабилье, кобеняся, пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корнетѣ и, жеманяся, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ. Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбуръ.

Совѣтникъ (*смотря въ календарь*). Такъ ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не мѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (*указывая на Совѣтника*) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ? А чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака*). Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымѣщалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдушка, не грѣши, ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегіи президентомъ — вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна!

Бригадиръ. Премудра! Вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь; а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако, ей-ей, радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Сынъ. Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ! Батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ—голова головы лучше!

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ. Читать Артикулъ и Уставъ Военный; не худо прочесть также Инструкцію Межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки: лучше плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. О! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья. (*въ сторону*). Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходитъ.

Бригадиръ. О, это пройдетъ! У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда-нибудь была умнѣе.

Бригадирша. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя будетъ имѣть такую благоразумную свекровь.

Совѣтница (*вздыхаетъ*). Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне, мы всѣ равны.

Совѣтникъ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать (2). Я капабельна (3) съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить (4) станешь.

Совѣтникъ. Безъ власти Создателя и Святѣйшаго Синода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ. Нѣтъ, дорогой зять! Какъ мы, такъ и жены наши всѣ въ руцѣ Создателя. У него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы Его, мы и деньги считать лѣнимся, деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ на силу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ сочтены. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосъ не считаютъ, такъ у когоже и считать ихъ ему?

Бригадирша. Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся: или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, неизвѣстна будто наша табель о рангахъ? Стыдное дѣло!

Совѣтница. Оставьте такіе раз-

говоры. Развѣ нельзя о другомъ дискютировать (а)? Выбрали такую серьезную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, что бы...

Совѣтникъ. Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. (*Къ Совѣтницѣ*) Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ: застольное или деньгами? Свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленный?

Сынъ. C'est plus interessant.

Совѣтница. Шутишь, радость! Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ (*къ женѣ*). Не стыди меня, матушка Акулина Тимоѳеевна! Люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ амбары.

Совѣтникъ (*въ сторону*). Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ. Что ты это говоришь, сватъ? (*Въ сторону*). Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша. Да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ: такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. Слушай, жена! Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей, ей, будетъ худо!

Сынъ. Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Mon père! я говорю: не горячитесь.

Бригадиръ. Да перваго-то слова, чортъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха, ха, ха, ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по французски не знаете.

Бригадиръ. Экъ онъ горло-то распустилъ! Да ты, смысля по русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ!

а) Разсуждать.

Совѣтница. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушка говоритъ какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по-русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить? Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Совѣтникъ. Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотѣй у насъ развелось! И то-то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ее не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во-вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. На что, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать, а онъ, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, и не слыхивалъ о грамматикѣ.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь; а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница. Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты.

Сынъ. J'en suis d'accord: на что грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду, а мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu, ma reine, можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ I.

Бригадиръ. Слушай, Иванъ, я рѣдко смолоду краснѣлъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ-было.

Сынъ. Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: этакой оселъ!

Сынъ. Этакой оселъ! *(Въ сторону)* Il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Бригадиръ. Что это за манмокъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ, я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ.....

Бригадиръ. О, ежели бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ. Батюшка, вамъ все кажется, будто вы стоите передъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что-нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. Этакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю. Развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно всѣ, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣтъ? Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо. А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ; то

долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь въ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцемъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Этакой скосырь выѣхалъ!

явленіе 2.

Бригадирша. Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку? Не потерялъ ли ты чего-нибудь?

Бригадиръ. И очень много! Пропажа не мала.

Бригадирша (*запыхаясь*). Что за бѣда? Что такое?

Бригадиръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша (*отдыхая*). Тьфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что нибудь.

Бригадиръ. А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша. Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. Безъ него? А безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ: пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ? а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка, нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ (*зѣваетъ*). Quelle espèces!

Бригадиръ. Вотъ, говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ деретъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я.

B. Комедія Недоросль (1782).

дѣйствіе I, явленіе 1.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*осматривая кафтанъ на Митрофанѣ*). Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку (*Еремѣевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

явленіе 2.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова (*Тришкѣ*). А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; дру-

гое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься!

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другаго, другой у третьяго, да первый-то портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первый-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (*отъ робости запинаясь*). Мѣ...мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? за что? въ день моего сговора? Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У мена въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да чтожъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу.

Кафтанецъ, братъ, сшитъ изрядненонько.

Г-жа Простакова (*Тришкѣ*). Выди вонъ, скотъ. (*Еремѣевнѣ*). Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители придутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе, изволь смотрѣть!

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича: протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія? Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка, вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да—то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (*въ сторону*). Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ (*разнѣжась*). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова (*съ досадою*). Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе!

Скотининъ. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ, я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ.

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгут-ка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди порѣзвись, Митрофанушка. (*Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 7.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это было послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Придетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ (*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой: Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*). Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (*пишетъ*). Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ (*вычисляя шепчетъ*). Единожды три — три; единожды нуль — нуль; единожды нуль — нуль.

Г-жа Простакова. Что, что? До дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь, триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (*пишетъ*). Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколькожъ бы на годъ?

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*). Нуль, да нуль—нуль; одинъ да одинъ... (*задумался*).

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье, а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ— что считать? деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ, матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (*открываетъ Часословъ, Митрофанъ беретъ указку*). Начнемъ, благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ (*учебнымъ голосомъ*). А не человѣкъ.

Митрофанъ (*также*). А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни ..

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 8.

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Простакова, Простаковъ, Скотининъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*входя*). Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежелибъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своей (*Стародуму*). Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*) Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали,

чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Къ Правдину*) Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. Всему, мой отецъ.
Митрофанъ. Всему, чему изволишь. } (*Вмѣстѣ*).

Правдинъ (*Митрофану*). Чему жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ (*подаетъ ему книгу*). Вотъ грамматикѣ.

Правдинъ (*взявъ книгу*). Вижу, это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительное, да прилагательное...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя? существительное, или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшана: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово «дуракъ» прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще съизмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко-ли? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ.

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ, нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба за-

ставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (*тихо матери*). А я почемъ знаю!

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька; теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Какъ батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! да извощики-то на чтожъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда; свезутъ, куда изволишь (5). Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, что не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня; въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ. Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалалеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ. Чтожъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклонить-

ся — какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю въ похвямъ потылицею, и добрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился? а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (*Милону*). Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой, да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

В. ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНІЕ ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ (6).

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, то отецъ мой у Крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе; ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе и бывало, когда я стану читать бѣгло: «перестань молоть«, кричалъ онъ мнѣ, «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснить мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее

похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре. Удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны», говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія. И такъ», продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, «извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ бортищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію вспоминать университетъ: ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста.

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ (а) вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета (б) плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ

а) Въ 1758 г. — Директоръ университета Мелиссино.

б) И. И. Шувалову.

мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтнихъ отправились въ Петербургъ зимою. Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими, и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ роднаго дяди нашего. Онъ имѣетъ характеръ весьма кроткій, и можно съ достовѣрностію сказать, что во всю жизнь свою съ намѣреніемъ никого не только дѣломъ, ниже словомъ не обидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ. Онъ спросилъ меня: чему я учился? «По-латини», отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но Государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ Двора нашей Императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у Двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть Дворъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе Двора и слышать пріятную музыку; но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось мнѣ видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ писемъ былъ для меня пріятнѣйшій и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, Генрихъ и Пернилла. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: коме-

дію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ, и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ. Онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлися пріятельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ Сифа, царя египетскаго, но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его Альзиру. Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моея, но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ (а) и привезъ съ собою «Бригадира» и «Іосифа». Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ Государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить, ѣду ли я въ Петергофъ, и если

а) Въ 1764 г., послѣ временной поѣздки въ Москву.

ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію Бригадира. Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: Ея Величество приказала послѣ балу вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ. И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко Государя, признаюсь, что я началъ-было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ Монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: «слуга покорный», сказалъ мнѣ, «поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?» спросилъ онъ меня.—Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. «А мы завтра», сказалъ графъ; «я еще хочу, сударь», продолжалъ онъ, «попросить васъ: Его Высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше, и для того, по пріѣздѣ вашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ Великому Князю и вы можете прочитать ее намъ».—Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями Его Императорское Высочество и ваше сіятельство.— «Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще довольны», говорилъ графъ.—Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда ваше сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ, отвѣтствовалъ я. — «Мнѣ будетъ очень пріятно», сказалъ онъ, «если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ». Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что Его Высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ

меня очень милостиво». Я тотчасъ одѣнусь», сказалъ онъ мнѣ, «а ты посиди со мною». Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ Великому Князю и представилъ ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его Высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. «Да вотъ послѣ обѣда», сказалъ графъ, «Ваше Высочество ее услышите». Потомъ, подошедъ ко мнѣ: «Вы», сказалъ, извольте остаться при столѣ Его Высочества». Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и Его Высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми Двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу», сказалъ онъ мнѣ, «что вы очень хорошо нравы наши знаете: ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. «Это въ нашихъ нравахъ первая комедія», говорилъ онъ, «и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать. Я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія».

[1]) Узелъ комедіи — взаимная любовь Добролюбова и дочери Совѣтника Софьи, которую, противъ воли, положили выдать за Бригадирова сына Иванушку, и комическія отношенія Бригадира и сына его къ Совѣтницѣ, а Совѣтника къ Бригадиршѣ. Развязка — раскрытіе этихъ отношеній, въ слѣдствіе чего предполагаемый бракъ не состоялся и Софья становится невѣстой Добролюбова.

[2]) [3]) и [4]) Слова изъ лексикона молодыхъ барынь, надъ которыми такъ много издѣвались сатирическіе журналы и комедіи. Капабельна — способна.

[5]) Заимствованіе изъ повѣсти Вольтера: „Jeannot et Colin“. Маркизъ, отецъ „Jeannot, спрашиваетъ гувернера: ne pourrait-on pas lui montrer un peu de géographie“? Гувернеръ отвѣчаетъ: „A quoi cela lui—servira—il? quand monsieur le marquis ira dans ses terres, lés postillons ne sauront-ils pas les chemins“? Oeuvres de Voltaire. изд. 1746 г., т. VIII, стр. 420.

[6]) Книга первая и большая часть второй (всѣхъ книгъ три; изъ нихъ третья не кончена) напечатаны были въ іюльской и августовской книжкахъ С.-п.-бургскаго Журн. 1798 г.

XXXIX.

ПЕТРОВЪ.

На побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ (1770) (а).

О радость! торжество! о слава нашихъ дней,
Безмрачныхъ съ красотой сравнившася лучей!
Полночны Тифисы, защитники Россіи
Летятъ среди валовъ! гремящи въ облакахъ
Перуны въ ихъ рукахъ;
Послушны имъ стихіи!

Преходятъ морь стези, гдѣ кроется ихъ врагъ;
Очами ищутъ, гдѣ турецкій вѣетъ флагъ.
Нашли, обрадуясь пустились, полетѣли!
Всѣхъ руки на ударъ простерты, взнесены,
Всѣ гнѣвомъ разжены!
Настигли, загремѣли!

Я зрю пловущихъ Этнъ побѣдоносный строй,
Какъ ихъ ведетъ морямъ незнаемый герой (б).
Ихъ парусы крылѣ, ихъ мачты лѣсъ дремучій:
Вдругъ ступятъ, вдругъ блеснутъ, вновь грянутъ, вновь грозятъ!
И идутъ и разятъ,
Какъ громомъ тяжки тучи!

Іануарій (в) тамъ, и Святославъ (г) летитъ,
И вихремъ за собой и хлябь и дымъ крутитъ.
И горнихъ именемъ поборниковъ зовомый (д),
И Ростиславъ (е), и съ нимъ Европа (ж) межъ валовъ
Пускаютъ на враговъ
Безперерывны громы!

Евстаѳій (з) весь въ огнѣ, бросаетъ огнь и смерть,
Крутится, движется, колеблетъ понтъ и твердь!
Тамъ страшная гора, привязанна цѣпями,
Какъ разродившійся Везувій воздухъ рветъ (и),
Не престая реветъ
И борется съ горами!

Не молкнетъ трескъ снастей, желѣзныхъ свистъ шаровъ;
Густится дымъ, столбомъ всходя до облаковъ;
Стѣсненны межъ громадъ въ громады волны плещутъ;
И вѣтрилъ бѣлизна и дневныхъ свѣтъ лучей

а) При Чесмѣ, гдѣ 26 іюля 1770 г. сожженъ былъ турецкій флотъ.

б) Гр. А. Г. Орловъ, начальникъ флота.

в, г. е, ж, з) Названіе кораблей.

д) Корабль трехъ святителей.

и) Корабль, гдѣ находился гр. Орловъ.

Сокрылись отъ очей:
Одни перуны блещутъ!

О опытъ тягостный нетрепетныхъ сердецъ!
Ужасенъ взору бой, ужаснѣе конецъ.
Тамъ двѣ крылатыя, двѣ грозныя махины,
Какъ Этна съ Геклою (а), одна съ другой слетясь,
Всей тяжестью сразясь,
Вспылали средь пучины!

Ихъ звукомъ понтъ, брега и воздухъ потрясенъ;
И грекъ и туркъ вдали содрогся ужасенъ;
Недвижимъ Россъ стоитъ и смертью смерть срѣтаетъ.
Ахъ, горе! всѣмъ тонуть погибели въ рѣкѣ!
Съ корыстью онъ въ рукѣ,
Со флагомъ отлетаетъ.

О странно зрѣлище! среди валовъ пожаръ!
Побѣда къ намъ летитъ, однимъ врагамъ ударъ;
Горятъ, отъ дыма мрутъ, полусожженны тонутъ;
Герои Сѣвера, виновники сихъ бѣдъ,
Какъ претерпѣвши вредъ,
Какъ побѣжденны, стонутъ!

Кто тучу сей бѣды, о небо! имъ наслалъ?
Что вижу я? ихъ вождь полмертвъ межъ ними палъ!
Отъемлется отъ нихъ, кто больше всѣхъ имъ нуженъ.
Онъ палъ: здѣсь щитъ, тамъ мечъ, тамъ шлемъ его главы!
Печалію, увы,
Герой обезоруженъ!

Пришедъ въ себя и мракъ отъ мыслей отряся,
Онъ, руки на суда расторженны взнося,
«Мой братъ (б).... о небо! рекъ, плачевнѣйша утрата!
Воздвигнемъ паруса, о други! полетимъ,
Умремъ иль отомстимъ;
Въ Стамбулѣ взыщемъ брата»!

Летитъ.... смягчись, герой, судъ промысла правдивъ;
Твой братъ, твой храбрый братъ, и съ нимъ Спиридовъ живъ.
Не Дельфинъ (в) на хребтѣ, то небо ихъ спасаетъ,
Которое, твой духъ и подвиги любя,
Симъ страхомъ днесь тебя
Толь строго искушаетъ.

Исчезла, какъ туманъ, безвременна мечта;
Сіяетъ полная побѣды красота;
Тамъ гласомъ радости въ восторгѣ всѣ взываютъ;
Объемлютъ всѣ вождя и друга своего;
Лобзая, зракъ его
Слезами омываютъ!

а) Корабли адмирала Спиридова и Гассанъ-бея, командира турецкаго флота, взлетѣли на воздухъ.

б) Съ гр. А. Г. Орловымъ находился братъ его Ѳедоръ Григорьевичъ.

в) Корабль.

«Когда нашъ громъ, гласятъ, не вовсе истощенъ,
И небо насъ хранитъ: Россъ будетъ отомщенъ;
Мы живы — сопостатъ сторицею утратитъ;
Мы живы—вновь должна вострепетать земля;
Онъ гибель корабля
Всѣмъ флотомъ намъ заплатитъ».

Что тако озаренъ средь темной ночи понтъ?
Не Фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ?
Нѣтъ, вижду—мстятъ врагамъ разгнѣванные Россы!
Ихъ это, ихъ горятъ торжественны огни!
Секвана (а)! встань, взгляни,
Какъ гибнутъ чалмоносцы!

Тамъ портъ-вмѣстилище неизреченныхъ мукъ;
Тамъ сѣра, огнь, смола, смрадъ дыма, вопль и звукъ;
Реветъ, разинувъ тамъ рокъ челюсти не сыты,
Геенна носится по хладной быстринѣ,
Мятутся въ глубинѣ
Встревоженные киты;

Клокочетъ, какъ котелъ, вздымаясь, океанъ,
Багрѣетъ, аки кровь, весь трупами устланъ!
Ихъ жретъ, мутясь, волна, ихъ жретъ свирѣпый пламень!
Восхитивъ сѣрный прахъ въ воздушную страну,
Бросаетъ вдругъ ко дну,
Какъ олово, какъ камень!

О горькихъ сонмъ смертей! о грозный лютый часъ!
Тамъ всѣ стихіи вдругъ.... Прерви свой, муза, гласъ,
И страшный адъ, гдѣ твой и смертныхъ врагъ страдаетъ,
Скорѣй завѣсою молчанія закрой;
Я вижу—тамъ герой
Отъ жалости рыдаетъ!

Великій именемъ, великій дѣломъ Петръ!
Спустися съ высоты на низкость водныхъ нѣдръ;
Воззри на чудеса, твоимъ рожденны ботомъ!
Какъ въ собственномъ Махметъ пристанищѣ горитъ!
Надъ русскимъ какъ паритъ
Трубяща слава флотомъ!

Нептуна Бельту зрѣлъ тебя Копенгагенъ;
Теперь твой грозный флагъ близь Чесмскихъ вѣетъ стѣнъ,
Готовитъ ужасъ несть на понтъ несчастной Геллы (б).
Со страхомъ близкую внимающа напасть
Ужъ Смирна хочетъ пасть (в);
Трясутся Дарданеллы!

а) Сена.

б) Геллеспонтъ (Дарданельскій проливъ), названный по имени Гелы, которая утонула въ немъ, плывя на златорунномъ овнѣ.

в) Во время сраженія, въ Смирнѣ было землетрясеніе.

Крѣпи, и громомъ ихъ, сколь можешь, галлъ (а), снабжай,
Себѣ и своему студъ роду умножай,
Прапрадѣды твои въ непросвѣщенны лѣта
Въ слѣдъ римлянина шли въ далекій юга край (б);
Ты днесь воюешь втай
На Россовъ за Махмета!

Но гдѣ невинность, тамъ споспѣшество небесъ;
Екатерина гдѣ, тамъ будетъ перевѣсъ.
Когда подпора царствъ монарши суть доброты,
Намъ, намъ въ подсолнечной всѣхъ паче должно цвѣсть;
Завистна наша честь,
Недвижимы оплоты.

Еще, орелъ, еще воздвигнись, воскрились:
Не вѣетъ ли гдѣ флагъ турецкій, обозрись.
Чесменскій гаснетъ портъ—да новый воскурится;
Смущай пучину волнъ въ противничей крови,
Топи ихъ, жги и рви —
Да злоба усмирится.

Судьбой возставленъ ты отъ смертнаго одра
Для многихъ счастія, для общаго добра;
Судьбой внезапу сталъ вождь флота не постыденъ,
И безопасности чужой и нашей стражъ:
О римляне! намъ вашъ
Дуилій (в) не завиденъ.

Мы столбъ изъ мрамора воздвигнемъ къ небеси,
Со водъ средьземныхъ ты корысти къ намъ неси,
Пріобрѣтенные близь Хіоса трофеи;
То будетъ нашей знакъ побѣды межъ валовъ,
То честь тебѣ, Орловъ,
Содѣйственникъ Астреи!

О если бы мой духъ, тобой плѣненный духъ
Съ великостью твоихъ въ отечеству заслугъ,
Съ горящей ревностью души твоей сравнился:
Ты въ новыхъ бы стихахъ героемъ былъ моимъ;
Со Гамой бы своимъ
Камоэнсъ посрамился!

Подъ именемъ внести къ невѣждамъ свой законъ,
Съ избраннымъ воинствомъ, какъ дерзостный Язонъ,
Онъ шелъ злато руно въ чужой землѣ похитить:
Потрясшаго законъ ты идешь потрясти,
Отечество спасти
И Грецію защитить.

а) Франція дѣйствовала противъ Россія. Французскій агентъ при турецкомъ дворѣ, баронъ Тоттъ, укрѣпилъ Дарданеллы.

б) За Юліемъ Цесаремъ въ Александрію.

в) Консулъ римскій, одержавшій надъ кареагенянами большую побѣду.

Пускай воспѣть тебя я слабъ, недерзновенъ:
Но подвигъ твой во вѣкъ пребудетъ незабвенъ.
Героевъ смертныхъ родъ по долгу величаетъ,
Кто любитъ отчество, монархиню, себя,
Тотъ лаврами тебя
Отсутственна вѣнчаетъ.

Но если, обуздавъ неистовство врага,
На вѣкъ сломивъ Луны гордящейся рога,
Со славой Бельта ты пройдешь врата широки:
Кто, слыша вашъ поѣздъ и усмотря съ земли
Россійскій флагъ вдали,
Удержитъ слезъ потоки!

Я зрю текущій вамъ во срѣтенье народъ,
Отягощенный нашъ корыстьми юга флотъ:
Тамъ дѣвы, юноши и старцы поспѣшаютъ;
Тамъ дѣти, веселясь и перстомъ возводя
На храбраго вождя,
У рождшихъ вопрошаютъ:

«Не сей ли, что орломъ по безднѣ водъ леталъ,
Россійскіе огни въ турецкій флотъ металъ,
Багровилъ синій понтъ кровьми иноплеменныхъ?
Не онъ ли именемъ и ревностью Орловъ,
Кичливыхъ бичъ враговъ,
И слава современныхъ?»

«Онъ, онъ, являетъ то и взоръ его и станъ;
Онъ здѣсь, а тамъ еще дымится океанъ!
Се братъ его, что текъ въ кровавый первый бой!
Се грозный варварамъ, Спиридовъ, исполинъ!
Се Грейгъ (а) и съ нимъ Ильинъ (б)
Нетрепетны герои!»

Но что вѣщаю я, мечтаній лестныхъ полнъ?
Орлы мои еще среди азійскихъ волнъ!
Я мыслію одной на ихъ взираю слѣды
Чрезъ горы, чрезъ моря, чрезъ токи многихъ рѣкъ.
О громкій бранью вѣкъ!
Неслыханны побѣды!

И море и земля и высота небесъ
Екатерининыхъ свидѣтели чудесъ.
Балтійскихъ волнъ брегамъ власть Павлова не вмѣстна,
Въ немъ чтитъ Архипелагъ Нептуна своего;
Наслѣдіе его
Не сѣверъ—поднебесна!

а) и б) Грейгъ былъ въ то время капитанъ-командоромъ. — Ильинъ и Дугдаль вошли съ двумя брандерами въ средину турецкаго флота и зажгли его.

*

Петровъ, Василій Петровичъ (р. 1736, у. 1799), сынъ бѣднаго священника, обучался въ Московской Духовной Академіи, гдѣ, по окончаніи курса, въ 1760 г. преподавалъ піитику, реторику и греческій языкъ. Рекомендація Потемкина, съ которымъ онъ познакомился, вѣроятно, въ бытность свою студентомъ въ Москов. Университетѣ, доставила ему, въ 1760 г., мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца государыни; почему въ письмѣ своемъ къ государынѣ изъ Лондона 1774 г. онъ говоритъ: „я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ Вашего Величества стихотворцемъ“ (Библ. Зап. 1858, стр. 528). Въ 1772 г., Петровъ вмѣстѣ съ Г. И. Силовымъ, отправленъ въ Англію для образованія. Здѣсь выучился онъ англійскому языку и познакомился съ англійской литературой, которая, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія на его собственныя стихотворенія. Особенно нравился ему Аддисонъ, пріобрѣтшій славу трагедіею „Катонъ“. Въ посланіи къ Силову, Петровъ, желая, чтобы „лучъ британскихъ умовъ озарилъ росскую грудь“, упоминаетъ и о Катонѣ, монологи котораго, какъ выраженіе стоической морали, выучивались наизусть любителями стихотворства и преимущественно стихотворства дидактическаго, съ нравственными тенденціями:

Межъ сладкихъ твоего глаголовъ Аддисона,
Межъ истинъ грознаго добротою Катона,
Дай мѣсто симъ строкамъ....

По возвращеніи въ Петербургъ, опредѣленъ придворнымъ библіотекаремъ. Вышелъ въ отставку 1780 г. Сочиненія Петровы изданы сначала имъ самимъ, въ одномъ томѣ (1782), а потомъ его вдовою въ 3 ч. (1811 г.).

„Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ неблагопріятно отозвался о Петровѣ, какъ авторѣ торжественныхъ одъ: „Вообще о сочиненіяхъ его (Петрова) сказать можно, что онъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова); и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“. На эту замѣтку Петровъ отвѣчалъ сатирой, направленной противъ „Опыта“, въ формѣ посланія: „Къ *** изъ Лондона“. Петровъ имѣлъ сатирическій талантъ. Извѣстно, что онъ написалъ піесу: „Приключеніе Густава III, короля шведскаго (1788 іюля 6)“, которая дважды напечатана П. А. Ефремовымъ: 1867 г., отдѣльной брошюрой и въ XXIII т. Рус. старины. Между современниками Петровъ слылъ знатокомъ иностранныхъ литературъ. М. Н. Муравьевъ говоритъ о немъ: „Это тотъ изъ нашихъ стихотворцевъ, который знаетъ наибольшее число языковъ, ибо онъ читаетъ въ подлинникахъ Гомера, Виргилія, Мильтона, Вольтера, безъ сомнѣнія, Тасса и, помнится мнѣ, Клопштока“ (Соч., изд. 1856 г., т. II, стр. 343). Петрову принадлежитъ переводъ „Энеиды“ (1770 г.) и первыхъ трехъ пѣсенъ „Потеряннаго рая“ (1777 г.). О Петровѣ см. ст. И. А. Шляпкина — въ Историч. Вѣстникѣ 1885 г., № 11.

XL.

БОГДАНОВИЧЪ.

ДУШЕНЬКА (1775). (1).

1. Плаванie Венеры (2).

Богиня древній свой устроила парадъ
И, въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
Продерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ;
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Даетъ вездѣ приказы строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
О еслибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская къ верху водный ключъ.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ бывльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ;
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякій трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ, красотамъ дивясь,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.

Сама Өетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру могутъ лобызать.

2. Чертоги Душеньки (3).

...Душенька отъ сна не прежде пробудилмсь,
Какъ полдень ужъ прошелъ и послѣ полдня часъ.
Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе,
За тѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, Душенькину въ томъ послѣдуя уставу,
Сей домъ представить поспѣшу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.
Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла
И не оставила, тамъ бѣгая, угла,
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала;
Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, осматривая вкругъ,
Желала видѣть вдругъ
И, что смотрѣть, не знала;
Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала,
И Душенька бъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когда бъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.
Для отдыха она на время отъ трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ, вакъ память ихъ въ умахъ.
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Фринея
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,

Во всей красѣ, на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но по срединѣ ихъ въ началѣ,
На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ,
Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ
И паче красотой другіе превышалъ.
Смотря на образъ свой, она сама дивилась
И внѣ себя остановилась:
Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.
Тутъ долгобъ Душенька осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась,
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
Для новой глазъ ея забавы,
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.
Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной, Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ
И, сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ долинахъ;
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету,
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечьми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очьми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихій нравъ:
Полей не обагряетъ кровью
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.

А тамъ представлена она среди Утѣхъ,
Которы ей вездѣ предходятъ
И вымыслами игръ различныхъ производятъ
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ
И, можетъ быть, странясь отъ критикъ злокрамольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
А чтобъ, встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ:
Въ другихъ мѣстахъ ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.

3. *Змѣй-Горыничъ* (¹).

Не знаю, въ первый день иль лучше въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня, въ мщеніи, послала царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Исвѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Кто первую попьетъ—здоровье получаетъ,
Вторую кто попьетъ—здоровье потеряетъ;
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто счастливъ.
Пошла царева дочь тогда безъ дальня чина,
Какъ должно прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла на всѣ труды—
Искать такой воды.
Пошла куда? и кто съ ней будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Ей на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,

Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.
При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой
И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когда жъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздвинетъ,
И Душенька найдетъ себѣ свободный путь—
Живую ль, мертвую ль тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени царевна путь скончала,
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ
И, вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:
«О змѣй-Горыничъ Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена,
Ты ростомъ превзошелъ слона,
И видомъ краше ты верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
Широко разѣваешь пасть
И можешь всѣхъ давить когтями.
Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
Пусти ты Душеньку къ водамъ».
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Горыничъ пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,
Заснулъ и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ.
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды:
Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды,
И вдругъ здоровѣй стала.
Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь сопернице досадъ,
Съ водой она, явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;
Но просто случаемъ иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился
И умыслъ въ дѣло не годился.

4. Душенька въ аду (5).

Къ успѣху мщенія, пришло на умъ богинѣ
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во Адъ себѣ пути
И нѣкакій оттоль горшечекъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера приказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.

Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ;
Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка,
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ
И отведетъ ее въ кутокъ (a),
Въ куткѣ покажетъ въ низъ ступени,
По коимъ въ Адъ нисходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ,
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу;
И можетъ въ-послѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечекъ получить
И службу надлежащимъ рядомъ
Исправно совершить.
Послѣдуя сему закону,
Пошла царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный ходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во Адъ,
Явилась ко Плутону.
Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры:
Тризѣвны въ Тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять;
Замерзлый Тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ,
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ, начавши рѣчь запнулся,
И съ роду въ первый разъ
Въ то время улыбнулся.
Узрѣвъ толь сильную посольску полномочь,
Какую при письмѣ казала царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь,
И, по письму вручивъ горшечекъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.

a) Кутъ, кутокъ—задній уголъ въ избѣ.

[1]) Этотъ годъ сочиненія „Душеньки“ показанъ Карамзинымъ въ ст.: „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ“ (Вѣст. Европы 1803 г.). Первое полное изда-

ніе Душеньки принадлежитъ давнишнему пріятелю Богдановича, Алексѣю Андреевичу Ржевскому, автору многихъ стихотвореній и трагедіи „Смердій и Прелеста". Оно явилось въ Спб., 1783 г., подъ заглавіемъ: „Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ". Имъ руководствовались мы, при помѣщеніи отрывковъ въ Хрестоматію. Въ небольшомъ предисловіи, издатель исчисляетъ достоинства поэмы: „непринужденную вольность стиля, чистоту стиховъ, удачливый выборъ приличныхъ словъ, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній". Миѳическая исторія Психеи (Души) разсказана впервые Апулеемъ, платоническимъ философомъ, жившимъ въ Римѣ во 2-мъ в. по Р. Х. Она составляетъ эпизодъ романа его: „Превращенія" или „Золотой Оселъ" и помѣщена въ 4, 5 и 6 книгахъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Въ Греціи жили нѣкогда царь и царица. Изъ трехъ дочерей ея двѣ не отличались красотою, но младшая, Психея, такъ была прекрасна, что прослыла Венерой: ей воздавали божескія почести, приносили жертвы. Венера, раздраженная такимъ поклоненіемъ земнородной, повелѣла сыну своему строго наказать Психею. Но Купидонъ, при первомъ взглядѣ на красавицу, почувствовалъ къ ней любовь. Вскорѣ, по повелѣнію оракула, родители Психеи отводятъ ее на вершину одной горы, гдѣ живетъ таинственное существо, которому она обречена въ супруги. Едва они покинули дочь, какъ Зефиръ переноситъ ее въ богатый чертогъ, гдѣ Купидонъ посѣщаетъ ее только ночью и оставляетъ на утренней зарѣ. Психея, тронутая печалью сестеръ, которыя оплакиваютъ ея кончину, призываетъ ихъ, чрезъ Зефира, къ себѣ. Зависть наполняетъ сердца ихъ при видѣ счастія Психеи. Онѣ даютъ ей гибельный совѣтъ— умертвить супруга (предполагаемаго дракона) во время сна. Готовясь совершить убійство, Психея, при свѣтѣ лампады, увидѣла спящаго, поражена была небесной красотой его и въ волненіи пролила на него горячее масло. Пробужденный Купидонъ улетаетъ, упрекая свою супругу за роковое любопытство, Психея отправляется отыскивать Купидона. Когда она явилась къ Венерѣ, разгнѣванная богиня осуждаетъ ее на различныя испытанія. Психея счастливо преодолѣваетъ ихъ, даже послѣднее, состоявшее въ томъ, что она должна была сойти въ подземное царство и получить отъ Прозерпины ящикъ, наполненный благоуханіемъ красоты. Хотя ей и запрещено было открывать его, но она не могла воздержаться отъ любопытства: тогда смертоносное испареніе, вылетѣвшее изъ ящика, повергло ее на землю. Купидонъ, прикосновеніемъ стрѣлы, воззвалъ ее къ жизни. По волѣ Юпитера, Психея становится безсмертною и соединяется съ Купидономъ. Блистательный бракъ, плодомъ котораго было Наслажденіе, оканчиваетъ ея страданія.—Разсказу Апулея подражалъ Лафонтенъ въ своей повѣсти: „Les amours de Psyché et de Cupidon", а сему послѣднему Богдановичъ.

2) Изъ 1-й книги. Венера, принеся жалобу на Психею своему сыну, возвращается на островъ Цитеру, гдѣ находился ея храмъ. Отрывокъ представляетъ картину этого возвратнаго плаванія Венеры.

3) Изъ 2-ой книги. И. Дмитріевъ подражалъ этому описанію въ сказкѣ своей: „Причудница".

4) Изъ 3-ей книги. Желая погубить Душеньку, Венера посылаетъ ее принести живой и мертвой воды, которую сторожитъ страшный змѣй.

5) Послѣдняя служба, которую Венера заставила служить Душеньку, въ видахъ ея погибели.

XLI.

АБЛЕСИМОВЪ. ([1]).

МЕЛЬНИКЪ, КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА (1779). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, а съ другой стороны мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. Напереди жъ всего дерево.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Мельникъ (*одинъ*).

(Онъ, стругая доску, поетъ, только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ):

Какая бишь это пѣсня?... Да: «Какъ вечоръ у насъ со полуночи».... такъ.... (*начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая самъ свою работу*).

Какъ вечоръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта....

Какой проливной было-пошелъ дождикъ, да пересталъ скоро. (*Также поетъ и продолжаетъ работу*).

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца....

Ну, ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть-было и мельницу-то мою совсѣмъ не спрорушилъ; въ пень бы я сталъ, да спасибо хоть исковеркалъ, да немного, а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла (*Приноравливаетъ доску*). Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять за-ново. (*Подошедъ къ оркестру*) Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и ужъ-де мельникъ всякій не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у.нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ.... ха! ха! ха!... какой сумбуръ мелютъ? а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарѣлся на мельницѣ, а ни одного домоваго съ роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ.... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный!...

ЯВЛЕНІЕ 2.

Фидимонъ и прежній.

Мельникъ (*его увидя*). А! это ко мнѣ гость. На сей день бу-

деть поживка. (*Къ Филимону*) Путь-дорога доброму молодцу.

Филимонъ. Челомъ бью, старинушка.

Мельникъ. Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?

Филимонъ. Не пуще дальнее дѣло.

Мельникъ. Да волею, или неволею?

Филимонъ. Коней ищу: саврасько да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастились; а кони-то, кони-то какіе добрые были. (*Особливо*) Это онъ-то ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. (*Къ Мельнику*) Што, старинушка, хочу спросить тебя....

Мельникъ. О чемъ поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Филимонъ. Доброе дѣло! и мы вамъ плательщики. И такъ поворожи мнѣ: найдутся ли мои кони?

Мельникъ. Найдутся ли кони?

Филимонъ. Такъ, старинушка: мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

Мельникъ. А вотъ, эдакъ, напримѣръ, какъ будетъ ли отъ тебя што? (*подставливаетъ руку*).

Филимонъ. Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

Мельникъ (*отворачивается, сердится и начинаетъ пѣть*):

Угадать—
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платятъ торовато.

Филимонъ. Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду.

Мельникъ. На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

Филимонъ. Ни изъ чего не солгу, повѣрь пожалуй.

Мельникъ. Въ тотъ чередъ,
Напередъ,
Эти басни не подъ нужу,
Вынька мошну-то наружу,
И пустаго не болтай,
Да намъ денежки считай.

(*Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза*).

Филимонъ. Ну, коли такъ, изволь пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копѣекъ.

Мельникъ. Это только-то?

Филимонъ. Будетъ покамѣсть, чего больше?

Мельникъ. (*особо*). Ладно, ты безъ полтинки-то отъ меня не отъѣдешь.

Филимонъ. Што жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ. А какъ теперь на дворѣ—рано?

Филимонъ. Не больно еще поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

Мельникъ. Перевернись же три раза по солнцу.

Филимонъ. Што бы такъ?

Мельникъ. Што бы такъ! въ ворожбѣ это надо. Ну, дѣлай што велятъ!....

Филимонъ. Во твою угоду мы и повернемся. (*Вертится одинъ разъ*).

Мельникъ. Еще противъ солнца.

Филимонъ (*вертясь*). Еще таки и противъ солнца.

Мельникъ. Теперь стань вотъ къ этому дереву. (*Филимонъ хо-*

четъ идти, а Мельникъ говоритъ): Нѣтъ, нѣтъ, постой..... есть ли у тебя платъ?

Филимонъ (*вынимаетъ платокъ*). Есть, вотъ.

Мельникъ. Зажми-же глаза плотно, завяжи платомъ крѣпче... ну! ладно.... теперь слушай-же: стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и ни кому не аукайся; а я пойду къ старшому....

Филимонъ (*исполняя все, что Мельникъ ему ни приказывалъ*).

А буде кто безъ тебя во мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ-де ты стоишь такъ, добрый молодецъ, ясныя твои очи завязаны?

Мельникъ. Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимонъ. А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

Мельникъ. Всполошишь всѣхъ; не надо.

Филимонъ (*про себя*). Эдакая причина!

Мельникъ. Стой же плотно.

Филимонъ. Инъ добро быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается глаза немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходитъ крадучись и говоритъ съ сердцемъ).

Мельникъ. Тють!.... тють!.... што ты это чудесишь?... эдакой рахманный (а), вѣдь испужаешься.... (*взявъ его за руку*) поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево (*потомъ очерчиваетъ его мѣломъ*). Ну, стой-же, слышь ли ты, плотно; не тронься и за черту ни ногою, а то быть худу (*Отходитъ*).

а) Нерасторопный, небойкій.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Филимонъ (*одинъ*).

(Онъ, приклоняя голову въ ту сторону, куда Мельникъ ушелъ, слушаетъ).

Слышится, колдунъ ушелъ.... такъ, ушелъ теперь. Што-то онъ мнѣ скажетъ? Ну, да што ни будетъ, то будетъ! (*Открываетъ немного глаза*) Да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху какъ будто морозъ по кожѣ подираетъ... штожъ мнѣ дѣлать? ничего иного, какъ орать что есть мочи; нѣтъ! стану курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся,
Спою пѣсню; да какую жъ я спою?
А! любимую свою...

(Музыка начинаетъ, а въ это время какъ Филимонъ готовится пѣть)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы).

Филимонъ (продолжаетъ пѣть на голосъ:
(„Какъ ходилъ гулялъ молодчикъ").
Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ;
Ходилъ молодецъ на Прѣсню

Изъ Сесвяцкаго села (а),
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ;
Изъ Сесвяцкаго села,
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается).

Дѣвка.... ду.... ша.... тамъ хо.... ро.... ша.... (оканчиваетъ дикимъ голосомъ).

Мельникъ. Разступись вода!.... растворись мельница!.... явись ко мнѣ сѣдой демонъ!...
(вертитъ опять жерновомъ и производитъ шумъ).

Филимонъ (*дрожитъ*). Чуръ меня!... чуръ меня!... съ нами невидимая сила!...

Мельникъ (*подбѣгая къ Филимону*).
Ухватись, ухватись за дерево плотнѣе.

Филимонъ (*хватаясь за дерево, самъ дрожитъ*).

Мельникъ (*обходя его кругомъ*),
Будутъ кони?... будутъ кони?... таки будутъ?... (*сиповатымъ голосомъ*) нѣтъ, не будутъ (*обходитъ другой разъ*). Придутъ кони?... таки придутъ ли кони?... (*также сиповато*) нѣтъ, не придутъ. Што за дьявольщина! (*обходитъ третій разъ*) Найдутся ли кони?... да найдутся ли кони? (*притворнымъ голосомъ съ сердцемъ*) хоть найдутся, да не скоро... (*своимъ голосомъ*) Исчезни жъ, окаянный!....

(*самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оное; потомъ, подошедъ къ Филимону*) Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимонъ (*развязавъ глаза*). У!... (*дрожа поетъ*).
О, ты дѣдушка Ѳаддей,
И ты сильный ворожища!
Ты могучій чародѣй!

Мельникъ. Кабы ковшъ теперь пивища,
Я въ него бы поглядѣлъ;
То надѣлалъ бы ужъ дѣлъ.

Филимонъ. Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

Мельникъ (*особо*). Я тѣмъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Оба.

Фил. Ты, намъ дѣдушка, } помога.
Мел. Я вамъ, дѣтушки, }

Фил. } У кого { кручины } много.
Мел. } { есть денегъ }

Филимонъ. Итакъ, дѣдушка, пропали мои кони?

Мельникъ (*поетъ*). Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Што жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ (*поетъ*). Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Да вотъ, пожалуй, я и еще дамъ тебѣ денегъ, только отгадай мнѣ (*даетъ ему денегъ*).

Мельникъ (*заикаясь*). А!... а кармливалъ ты ихъ овсомъ?

Филимонъ. О, нѣтъ, они съ роду зерна не видали.

Мельникъ. Ну, такъ вѣкъ не найдутся.

Филимонъ. Эдакое мое горе!

а) Прѣсня—улица въ Москвѣ; Всесвятское—село въ 5 верстахъ отъ Москвы.

Мельникъ. Постой еще: подай-ка мнѣ свою руку! (**Филимонъ** кажетъ руку, а **Мельникъ** водитъ на ладони пальцемъ).

Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердцѣ кручина пала....

Филимонъ (*особливо*). Какъ сказали объ немъ, такъ и подлинно, што онъ все подноготное узнаваетъ!

Мельникъ. Погляди-ка сюда пряменько! што-то есть у тебя на мысли?

Филимонъ. Охъ! старинушка, есть.... да боюсь молвить.

Мельникъ. Не бось, не бось, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу: авось-либо въ чемъ и пособить можно.

Филимонъ. Нѣтъ, дѣдушка, кажется несбыточное дѣло, и статца-то этому не можно.

Мельникъ. Не болтай пустова.

Филимонъ (поетъ на голосъ: „Западала путь—дороженька моя").

Я повѣдую тоску печаль ему,
Отъ чего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильный ворожища,
И мнѣ стался быть дружища:
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю....

Мельникъ. Не утай, не утай ничего; а мы посмотримъ, какъ пособить будетъ можно.

Филимонъ. Ну, инъ быть такъ, правду молвить: я прибрелъ-было къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ. Я задумалъ добрый молодецъ жениться, и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя: отецъ и мать ея другъ съ другомъ несогласны; старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья, а выдана въ крестьянство по неволѣ; старикъ-атъ вѣдь и хочетъ дочку выдать за дѣтину-хлѣбопашца, старуха-хлопотунья за дворянскаго сыночка... и за то-то мужъ съ женою и хлопочутъ.

Мельникъ. О! о! это плевое дѣло; я смекнулъ какъ быть этому: дѣвка будетъ наша! что за работу?

Филимонъ. Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

Мельникъ. Ну-тка по рукамъ... ладно!...

(*Поетъ на голосъ «Вы рѣченьки, рѣченьки»*).

Не кручинься, молодецъ,
Горю сдѣлаемъ конецъ;
Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ;
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.
Филимонъ. О томъ, дѣдушка, ни слова,
Будетъ рожь тебѣ готова;
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.
Мельникъ. Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ въ-вѣкъ не буду!...
Филимонъ. Чудеса ты все творишь:
Какъ рублемъ меня даришь.
Мельникъ. Мы пойдемъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться.
Филимонъ. Пойдемъ къ дѣлу поспѣвать.
Мельникъ. Пойдемъ свадьбу затѣвать.

Фба. А чтобъ быть намъ посмѣ-
гѣя
И приттить повеселѣя,
Такъ зайдемъ мы въ кабачекъ:
Тяпнемъ тамъ винца крючекъ.

[1]) О жизни Александра Онисимовича Аблесимова (1742—1783), мало извѣстно. Служилъ онъ сначала въ лейбъ-компанской канцеляріи при А. П. Сумароковѣ, стихотворенія котораго часто переписывалъ на-бѣло, что возбудило въ немъ склонность къ стихотворству. Потомъ опредѣлился онъ въ Коммиссію проэкта новаго Уложенія, а отсюда перешелъ въ военную службу, дослужился до капитанскаго чина и былъ экзекуторомъ при московской управѣ благочинія. Въ 1781 г. Аблесимовъ издавалъ еженедѣльное изданіе: „Разскащикъ забавныхъ басенъ". Онъ сотрудничалъ въ Трудолюбивой пчелѣ, Всякой всячинѣ и Трутнѣ. Нѣкоторыя его произведенія встрѣчаются съ подписью Азазесъ Азазезовъ. (Слов. Евгенія, I; Энцикл. Лекс., I).

[2]) „Комическая опера Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ. Въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена А. Аблесимовымъ. Представлена въ первый разъ, на московскомъ театрѣ, генваря 20 дня 1779 года". Годъ изданія не означенъ. Вѣроятно, это первое, явившееся въ самый годъ представленія піесы. Содержаніе заключается въ томъ, что Мельникъ Ѳаддей устраиваетъ свадьбу крестьянской дочери Анюты и однодворца Филимона. Пользуясь народнымъ суевѣріемъ, онъ выдаетъ себя за колдуна, получаетъ за колдовство деньги и ловко примиряетъ желанія родителей Анюты, изъ которыхъ отецъ хотѣлъ непремѣнно выдать ее за крестьянина, а мать за дворянина, такъ какъ она сама дворянскаго происхожденія. Филимонъ—однодворецъ, а однодворецъ, по словамъ Мельника, и дворянинъ и крестьянинъ вмѣстѣ, что выражается имъ въ загадкѣ:

Еще што да таково,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ;
Самъ и пашетъ, и оретъ,
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

„Мельникъ„ пользовался большимъ успѣхомъ въ представленіи. „Сія піеса (сказано въ „Драматическомъ Словарѣ") столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и завсегда театръ наполнялся; а потомъ въ С.-Петербургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книпера была играна сряду 27 разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ спектатеровъ и плесканія". Успѣхъ объясняется тѣмъ, что „Мельникъ" написанъ въ русскихъ народныхъ нравахъ, что въ немъ есть элементъ дѣйствительно національный, тогда какъ другія комедіи переносили на нашу сцену вовсе не русскіе обычаи и нравы. Содержаніе ихъ чужеземное, хотя дѣйствующія лица назывались русскими именами и говорили русскимъ языкомъ. Комическія оперы являлись и до Аблесимова, но онѣ страдали искуственностью, въ ложномъ цвѣтѣ представляли дѣйствительность: такъ въ 1772 г. играна была „Анюта", Михайлы Попова, а въ 1777 г. „Перерожденіе", съ русскими пѣснями. Замѣчательно, что образованная публика, привыкшая къ такъ называемой „высшей комедіи", подозрительно и даже презрительно смотрѣла на комическія оперы, которыя выводили на сцену иную, болѣе простую и близкую къ намъ жизнь. „Прежде оперы „Перерожденіе",говоритъ „Драматическій словарь", никакихъ еще

оперъ на московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную рѣшились играть, какъ испросся у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ между большою комедіею и сею оперою". Въ какомъ отношеніи комическая опера находилась къ высокой комедіи, въ такомъ же отношеніи стояла ложно-классическія, героическая трагедія къ трагедіи мѣщанской или слезной комедіи": извѣстно, какъ Сумароковъ смотрѣлъ на переводъ „Евгенія", Бомарше. Но большинство зрителей врожденнымъ чувствомъ и здравымъ смысломъ цѣнило и „Евгенію" и „Мельника", какъ такія піесы, въ которыхъ природа беретъ верхъ надъ искуственностью. Напротивъ, образованное меньшинство склонялось на сторону искуственности, находя въ ней, по ученію господствовавшей тогда теоріи, облагороженіе, возвышеніе природы. — Талантливое сочиненіе производитъ всегда подражанія: за „Мельникомъ" слѣдовали: „Деревенская судьба", Прокудина-Горскаго (1782), „Выдуманный кладъ", Ивана Соколова (1782), „Сбитеньщикъ", Княжнина (1783), „Колдунъ, Ворожея и Сваха", Ивана Юкина (1789) и др.

Въ эпоху господства французскихъ воззрѣній на искусство, успѣхъ „Мельника" объяснился согласіемъ его съ законами ложно-классической драмы. Мерзляковъ никакъ не хотѣлъ приписать популярность піесы тому только, что она „сочинена въ русскихъ нравахъ". Онъ ищетъ другихъ, эстетическихъ причинъ и въ одномъ изъ своихъ чтеній (Вѣст. Евр. 1817, № 6) доказываетъ, что „Мельникъ", подобно всѣмъ лучшимъ трагедіямъ и комедіямъ, вполнѣ оправдываетъ законы Аристотеля, наставленія Горація и Буало, и вообще правила науки о вкусѣ. Доказательства его слѣдующія:

а) Комическая піеса тѣмъ продолжительнѣе дѣйствуетъ (Чтеніе Мерзлякова напечатано черезъ 38 лѣтъ послѣ появленія піесы, которая все еще прочно держалась на театрѣ), чѣмъ слабость, или предразсудокъ, въ ней осмѣиваемый, менѣе частный и временный, но болѣе общій и господствующій. Притомъ содержаніемъ комедіи должно быть смѣшное, пріятное или забавное, которое не унижало бы нашей природы или нашего о себѣ мнѣнія и льстило бы самолюбію нашему пріятнымъ времепровожденіемъ на счетъ другаго. Въ „Мельникѣ" все это имѣется: его басня — свадьба, устроенная хитростію. Когда же этого не было, нѣтъ и не будетъ?

б) Всѣ лица просты, но не глупы до отвратительности, не надуты сверхъ своего званія.

в) Завязка лежитъ въ характерахъ и въ существѣ басни; развязка происходитъ также изъ характеровъ званія самыхъ лицъ.

г) При хорошо выдержанныхъ характерахъ, при сохраненіи нравовъ и обычаевъ, соблюдена чистота и свобода слога. Пѣсни вообще хороши, забавны, пріятны. Слогъ разговора натуральный, простой, народный, но не низкій.

д) Ходъ дѣйствія нотураленъ и простъ. Всѣ приходятъ и уходятъ въ свое время и съ намѣреніемъ. Есть, кажется, недостатокъ въ сохраненіи единства времени.

XLII.

ВЕРЕВКИНЪ. (¹).

ТАКЪ И ДОЛЖНО, КОМЕДІЯ (1773). (²).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 3.

Маланья, Угаръ и Афросинья Сысоевна.

Афросинья Сысоевна. Къ чему, мать моя, эдакая люминація! Вѣдь еще почти бѣлый день: свѣтлымъ свѣтлехонько, а она дай свѣчи переводить. Ткни носокъ ко всякому дѣлу! эдакому песту можно бы и самой догадаться! А, да и ты, Угаръ, здѣсь? Объ немъ и не скажетъ негодная.

Угаръ. Михайла Николаичъ приказалъ поклониться и доложить вамъ, позволите ли ему, сударыня, теперь къ вамъ быть.

Афросинья Сысоевна. Добродескать, батюшка, пожаловать (*Угаръ, поклонясь, уходитъ*). А ты, повѣса, позови ко мнѣ Софьюшку.

Маланья. Слышу, сударыня (*Выходя, говоритъ сама съ собою*). Кабы за всякое бранное слово хотя бы по волосу у тебя рвать, такъ бы скоро мы тебя въ паричину нарядили.

Афросинья Сысоевна. Долго ли тебѣ бормотать-то? Что ей ни молви, нѣтъ таки того, чтобъ ей чего не проворчать. Добро, мой другъ, я тебя отъ этой болѣсти вылечу. Забудешь ты у меня по сорочьему-то щекотать. Ужъ нѣтъ ли тутъ какого подвоху? Я лишь было собралась къ стряпчему-то писать, анъ отъ него и брякъ ко мнѣ отписка съ почты... Что-то онъ въ ней размазываетъ, посмотримъ (*надѣваетъ очки и читаетъ*): «Государынѣ Афросиньѣ Сысоевнѣ, холопъ вашъ Тришка Анкудиновъ челомъ бьетъ. Вѣдомо тебѣ, государыня, буди, что въ московскомъ вашемъ, государыня, домѣ обстоитъ все благополучно, а что вы, государыня, поволили писать съ ходокомъ Филаткою, чтобъ я справился, гдѣ надлежитъ, всѣ ли по присланной, государыня, съ нимъ запискѣ вотчины состоятъ за господиномъ Доблестинымъ» (*остановясь и подумавъ, самъ съ собою говоритъ*): экая память! и позабудь, что ужъ къ нему объ этомъ писала! (*Продолжаетъ читать*). «И я, государыня, справлялся; только отъ имени его милости купчихъ, закладныхъ и векселей въ протестѣ нигдѣ не оказалось А на оное истрясъ господскихъ вашихъ денегъ полтора рубли» (*срывая очки съ носа, кропчется*): о своемъ ли ты умѣ? полтора рубли! будто это шутка! заглянуть въ книгу, да и полтора рубли! Изрядно, хорошо: какъ поживешь ты у меня безъ мѣсячины полгода мѣста, такъ и будетъ-те полтора рубли; да и ништо! станешь лучше беречь господскія денежки, благо

не ты ихъ наживаешь, и не спросишь, что у барыни отъ нихъ голова вкругъ вертится.... Да полно, что и на малаго-то пенять! попадись только крапивному-то сѣмени, такъ и животу не будешь рада. Ненасытная проклятая глотка! суй имъ, какъ въ адово дно; а они только тебя завтраками кормятъ. Узнала я васъ за грѣхи мои, злодѣевъ. Легко-то молвить, высосали они у меня однажды рублей право съ тридцать. А запасу-то, а вина-то сколько вытрескали! насилу-то на великую добилась отъ нихъ толку. Однако, слава Богу, что деревеньки у жениха-то не промахнуты. Во святой часъ! дѣвку взрослую сживай съ рукъ скорѣе: не домашній это товаръ. Женишки-то нынѣче въ сапожкахъ ходятъ, а дѣвками-то хоть прудъ пруди. Кто-то пріѣхалъ! Карета загремѣла... Дѣвка! дѣвка! Малашка! глухой чортъ! докличусь ли я тебя?

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и Маланья.

Маланья (*бѣжитъ изо всей мочи, запыхавшись*). Чего изволите, сударыня?

Афросинья Сысоевна. Чего изволите, сударыня! съ одного слова никогда, проклятая, не войдешь! посмотри, кто взъѣхалъ на дворъ.

Маланья (*смотря за кулисы*). Знать женихъ, сударыня, барышнинъ; вонъ и Угаръ принимаетъ кого-то изъ кареты. Ахъ, какой же красавецъ! какъ же разряженъ! какъ же распудренъ! таки леткомъ летитъ на крыльцо-то. Въ сорочкѣ ты, сударыня, родилась. Пойду, побѣгу, безъ памяти къ ней побѣгу, съ радошною вѣсточкою (*Софья выходитъ*). А, вотъ она сама. Ну, матушка, можно сказать, что молодецъ, хотя бы за нимъ душеньки-то христіанской не было! его одной души, право, съ васъ полно. То-то, что говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.

Афросинья Сысоевна. Вѣтреная мельница! похабница безстыдная! трещетка дьявольская! зажмешь ли ты, проклятая, поганый свой ротъ?

Маланья. Развѣ вы, сударыня, мнѣ его заприте замкомъ да и запечатайте.

Софья. Перестань, Маланья, вотъ онъ уже входитъ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 1.

Театръ представляетъ судейскую комнату. Протазанъ сидитъ за столомъ; между тѣмъ какъ Урывай читаетъ дѣло, начинаетъ скоро зѣвать, а потомъ и засыпаетъ.

Урывай. Почасту заслушиванному, но никогда не дослушанному вашимъ высокородіемъ отвѣту въ Провинціальную Канцелярію, не позволите ли окончательное учинить разсмотрѣніе?

Протазанъ. Ну, да вѣдь ты читалъ: коли ладно, такъ дѣло-то и въ шляпѣ.

Урывай. Однакожъ-де не худо бы и попрослушать со вниманіемъ.

Протазанъ. Инъ читай, коли-те хочется, да попроворь пожа-

луй: мнѣ еще къ ратману не опоздать бы на крестный пиръ; чай и ты туда же званъ.

Урывай. При милости, осударь, вашей и мы нижайшіе не преминемъ, аще что отъ Бога не зайдетъ. (*Надѣвъ очки, кашляетъ и, перекрестяся по раскольничьи, съ разстановкою и крѣпко начинаетъ читать*). Въ Провинціальную Канцелярію (*еще кашляетъ и утирается*) покорнѣйшее доношеніе: Понеже указомъ оныя Провинціальныя Канцеляріи, отъ тридесять перваго февраля мѣсяца тысяча седмь сотъ шестьдесятъ перваго года. А полученнымъ того же теченія въ первый день апрѣля повелѣно прислать въ самой скорѣйшей скорости отвѣтъ: 1) (*кашляетъ*) Чего ради не имѣется въ полученіи многократно требованныхъ именныхъ списковъ содержащимся колодникамъ, съ точнымъ показаніемъ, кто именно, съ котораго году, мѣсяца и числа, и по какимъ винамъ содержатся, и чего ради тѣ колодники задолжаются чрезъ многіе годы въ тюрьмѣ безъ всякаго рѣшенія ихъ дѣлъ? (*Снявъ очки, сморкаетъ носъ, и потомъ, ихъ надѣвъ, продолжаетъ*). 2) Чего ради реченной Канцеляріи съ приписью Урывай Алтынниковъ, въ противность указовъ, покупаетъ въ уѣздѣ правленія означенной Канцеляріи находящіяся между владѣльцами въ спорахъ земли и людей на вывозъ, какъ о томъ значится по учиненнымъ съ Крѣпостною Конторою справкамъ и въ поданныхъ о томъ прошеніяхъ? (*кашляетъ*). 3) Понеже многія знатныя особы приносили его превосходительству господину губернатору жалобы, да и самъ его превосходительство, въ нынѣшній его объѣздъ губерніи, частію самъ усмотрѣть и частію слышать изволилъ, что, по всѣмъ вѣдомства оной Канцеляріи мѣстамъ, большія дороги находятся въ крайнемъ запущеніи и почти нигдѣ нѣтъ надлежащихъ мостовъ и перевозовъ; что какъ въ городѣ, такъ и но торговымъ селамъ происходитъ обмѣръ вина и обвѣсъ соли, да и хлѣбъ покупается и продается не въ одну мѣру; что при платежѣ подушныхъ денегъ и всякихъ государственныхъ податей, а наипаче при наборахъ рекрутскихъ происходятъ великія плутовства, лакомства и безпорядки (*кашляетъ и вздыхаетъ*). 4) Что его превосходительство съ нарочнымъ подтвердилъ особливо смотрѣть за таковыми неустройствами часто упоминаемой Канцеляріи воеводѣ Протазану Безсчетному, но отъ него Безсчетнаго никакого репорта не имѣетъ, и обо всемъ ономъ прислалъ его превосходительство въ Провинціальную Канцелярію предложеніе съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ непремѣнно чрезъ одну недѣлю оною Воеводскою Канцеляріею присланъ былъ о вышеписанномъ упущеніи должности своей, для положенія штрафа, отвѣтъ, а при ономъ и приписаннаго тоя Канцеляріи Алтынникова

прислать же бы скованнаго за карауломъ. (*Урывай, положа бумагу на столъ, снимаетъ очки, и потомъ будитъ Протазана, подергивая его за полу*).

Урывай (*тихо*). Ваше высокородіе! (*погромче*) ваше высокородіе! (*очень громко*) ваше высокородіе! (*изо всей мочи*) ваше! ваше! ваше высокородіе!

Протазанъ. Ухъ! ухъ!... Что такое сдѣлалось! (*протираетъ глаза, потомъ потягивается и зѣваетъ*).

Урывай. Дѣло-то, сударь, плохонько. Надобѣ неукоснительно секретарю нашея провинціи Силуяну Кипріановичу его благородію Обиралову отдать поклонъ; а то хлопотно и вамъ милостивому отцу, да и мнѣ мизирному не пригоже быть можетъ. Заутрешняго числа имѣетъ отъ меня быть посланъ парень, куда надлежитъ, да и повытчики наши—спасетъ (*крестится*) ихъ Богъ!—посложилися, по силѣ помочи, малую толику. Не соизволили ли запамятовать и вы, осударь, объ иноходчикѣ-то? Такъ бы совокупно и отправили: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Протазанъ. Помню, братъ; какъ не помнить! да игренька-то лиха добра: разстаться-то мнѣ съ нею не по-нутру! (*зѣваетъ и потягивается*.)

Урывай. Наживное, осударь, дѣло: вѣдь не деньги платить.

Протазанъ. Нескоро, братъ, гдѣ эдакую (*зѣваетъ*) подцѣпишь. (*Урывай надѣваетъ очки и, покашлявъ, принимается за бумагу*). Полно, братъ, барабанить-то, подавай-ка сюда: я подмахну. Вѣдь ты подпишешь же: такъ что тебѣ, то и мнѣ; по нашей бы по драгунской совѣсти—сѣчь, рубить, жечь, потрошить, такъ то наше дѣло: а грамату-то мы по середнему знаемъ; ты чай и крещенъ въ чернилахъ-то, такъ тебя не объѣдутъ (*Подписываетъ не читавъ*).

Урывай. Инъ воля вашего высокородія: мы недѣльку другую жевали это дѣльце; кажется, написано на стать.

[1]) Веревкинъ, Михайло Ивановичъ (ум. 1795), воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ въ военную службу 1742 г.; при открытіи Московскаго Университета (1756) опредѣленъ въ него ассессоромъ; 1758 г. назначенъ въ Казань директоромъ учрежденной тамъ гимназіи, которую и открылъ 1759 г., а въ слѣдующемъ году (1760) губернаторскимъ товарищемъ. По доносу учителей на разные безпорядки, Шуваловъ отставилъ его отъ директорства (1761). Въ 1763 г. повелѣно ему быть при Кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на русскій языкъ книгъ. Во время Пугачевскаго бунта состоялъ директоромъ походной канцеляріи гр. П. И. Панина. Снова опредѣлился на службу, 1776 г., членомъ учрежденнаго при новгородской губернской канцеляріи департамента для рѣшенія старыхъ дѣлъ; отсюда, того же года, перешелъ совѣтникомъ въ тверское, а изъ Твери (1777) совѣтникомъ въ новгородское намѣстническое правленіе. Въ 1778 г. получилъ мѣсто предсѣдателя тверской гражданской палаты; вышелъ въ отставку 1781 г. Между бумагами Веревкина найдена роспись его лите-

ратурныхъ трудовъ, показывающая, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ переводчиковъ и сочинителей. Главнѣйшіе его переводы: Записки Сюлли 10 ч. (1770—76); Исторія о странствіяхъ вообще, сокращенная Лагарпомъ изъ Исторіи Прево, 22 ч. (1782—87); Записки о Китайцахъ, 6 ч. (1786—88); Миллотовы Исторіи: Англійская, 3 ч. (1786—88) и Французская, 3 ч. (1788); Исторія Турецкая, Миньота, 4 ч. (1790); Словарь географическій, Вожьеня, 5 ч. (1791); Наставникъ или всеобщая система воспитанія, 12 ч. 1789—92), и мн. др. Изъ сочиненій его извѣстнѣе всего комедіи: Такъ и должно (1773), Именинники (1774) и Точь въ точь (1785). (См. послужной списокъ Веревкина въ 12 № Москвит. 1842, стр. 398—402; Лѣтописи Рус. лит., Н. С. Тихонравова, т. 2, и ст. Петровскаго въ Рус. Бесѣдѣ, кн. 1).

[2]) „Такъ и должно". Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Печатана при И. Московскомъ Университетѣ, 1773 года. Посвящена князю Петру Ивановичу Репнину: „Удостоенъ будучи обхожденія вашего (говоритъ Веревкинъ въ посвященіи), съ неизреченнымъ услажденіемъ души моей я насмотрѣлся, что отличныя дѣйствія добродѣтели не токмо въ самыхъ ихъ существахъ, но даже и въ книгахъ описываемыя, и рукою искуснаго художника изображаемыя, приводятъ насъ въ пріятный восторгъ, а нерѣдко и самыя извлекаютъ слезы, толико вкусныя чувствительнымъ сердцамъ. Сіе первое мое драматическое покушеніе, хотя въ слабыхъ весьма чертахъ, но замыкаетъ однакоже въ себѣ сіи божественныя дѣйствія человѣковъ". Слова эти показываютъ, какъ замѣтилъ кн. Вяземскій, что Веревкинъ цѣнилъ болѣе драматическій интересъ своей піесы, чѣмъ комическій, т. е. что піеса его принадлежитъ къ такъ называемымъ слезнымъ драмамъ или слезнымъ комедіямъ, въ родѣ драмъ Лашоссе, Мариво, Дидро и другихъ. Дѣйствіе происходитъ, по словамъ самого автора, „въ одномъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ столицы городовъ". Молодой Доблестинъ влюбленъ въ Софью, внучку уѣздной дворянки Афросиньи Сысоевны, страшно недовольной настоящимъ временемъ, въ которомъ она видитъ только мотовъ, безбожниковъ, фармазоновъ. Софья также любитъ Доблестина, и къ свадьбѣ ихъ нѣтъ никакого препятствія; но Веревкинъ ввелъ въ піесу дядю Доблестина и сдѣлалъ изъ него лице мелодраматическое. Старый Доблестинъ, записанный въ службу еще въ 1704 г., былъ во всѣхъ шведскихъ и турецкихъ походахъ. Въ турецкую кампанію при Аннѣ (1739) попался онъ въ плѣнъ, былъ отведенъ въ Царьградъ и проданъ какому-то фанатику, который принуждалъ его перейти въ магометанство, подвергая за отказъ страшнымъ мучительствамъ. Сынъ фанатика отпустилъ его, и онъ, по 20-ти лѣтнемъ странствованіи, достигъ отечества при самомъ началѣ царствованія Екатерины II. Стыдясь нищеты, Доблестинъ хотѣлъ выпросить у правительства вознагражденіе за свои бѣдствія, чтобъ потомъ показаться къ родственникамъ въ приличномъ видѣ. Сь этою цѣлью явился онъ въ провинціальную канцелярію за надлежащимъ свидѣтельствомъ, но воевода ему не повѣрилъ, принялъ его за бродягу и посадилъ въ тюрьму, откуда выпускали его просить подаянія. Въ этомъ-то колодникѣ-нищемъ молодой Доблестинъ узналъ своего дядю, котораго уважалъ какъ отца, устроилъ его дѣло и пригласилъ жить къ себѣ. Софья совершенно раздѣляетъ благородныя чувства жениха. Афросинья Сысоевна остановилась было своимъ согласіемъ на бракъ, когда племянникъ хотѣлъ уступить дядѣ половину своего имѣнія; но упорство старой и

брюзгливой скопидомки побѣждается тѣмъ, что женихъ отказывается отъ приданаго Софьи. Многія мѣста комедіи доказываютъ въ Веревкинѣ живой и острый умъ и несомнѣнный драматическій талантъ. Вотъ какъ отзывается о ней кн. Вяземскій: „Разговоръ живъ и выразителенъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ декламаторскихъ амплификацій о добродѣтели, великодушіи и прочихъ театральныхъ пружинахъ. Нѣкоторыя изображенія вѣрны и довольно оригинальны: старуха Афросинья Сысоевна, воевода Протазанъ Безсчетный, Урывай Алтынниковъ, съ приписью подъячій, суть лица истинно комическія. Сцена, въ которой племянникъ узнаетъ въ колодникѣ дядю, сцены въ судейской комнатѣ, когда Урывай читаетъ дѣла, а воевода зѣваетъ и наконецъ засыпаетъ, или когда молодой Доблестинъ приходитъ требовать освобожденія дяди своего изъ беззаконнаго заточенія, должны производить сильное впечатлѣніе на зрителей: онѣ вообще наброшены живо и не безъ душевной теплоты. Тутъ есть Фока, домовый дуракъ; но характеръ его блѣдно назначенъ. Напрасно комики наши мало пользовались симъ лицемъ, принадлежностью барскаго дома въ старину: въ нашей старой комедіи домашніе дураки и дуры могли бы замѣнить французскихъ Фронтиновъ и Лизетъ, которыя у насъ совершенно не у мѣста“. (Фонъ-Визинъ).

XLIII.

ХЕМНИЦЕРЪ. (1).

1. *Два сосѣда* (*1778*). (2).

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоритъ,
И каждый день намъ тожъ примѣрами твердитъ,
Какъ можно не вплетаться въ споры;
А если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская въ даль, прервать сначала ихъ,
И лучше до суда хоть кой-какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрѣла,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла,
Въ саду бѣдъ пропасть накутила
И гряду цѣлую изрыла.
Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ:
Собакъ, собакъ сюда! домашніе кричали;

Изъ избъ всѣ люди побѣжали
И свинью ну травить,
Швырять въ нее, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой:
(Обычай на Руси такой).
Тутъ лай собакъ, и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой
Такую кашу заварили,
Что бъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили:
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой;
Непремиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба;
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой,
Другой, что свинью затравили;
И первый говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.
Другой же говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ.
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтобъ они другъ другу уступили?
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во чтобъ ни стало имъ, хотятъ искать суда,
И подлинно суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали:
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора.
Тогда судьи имъ говорили:
Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.

3. *Богачъ и бѣднякъ (1778).* (1).

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
Дѣтина будешь, какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;

Но каждый бѣднякувъотвѣтъ
Короткое: иль да, иль нѣтъ.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ
нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ
горестью отходитъ.
Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же
домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался;
Но только въ двери показался—
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачемъ,
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣ-
чаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ,
То тутъ, то тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кла-
дутъ
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ со-
сѣдомъ въ разсужденье.
За чѣмъ, онъ говоритъ ему,
Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочита-
етъ?—
Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякій занимаетъ.

3. *Мартышка, обойденная при произвожденіи (1778).*

Случилося у льва въ чины про-
извожденье.
За службу должно награждать;
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
«Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ
награжденья?»
Мартышка говоритъ,
На льва разсержена.
Обижена была она
И обойденною считалась:
«Передъ лицемъ служа, мартыш-
кой я осталась!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ курятникѣ рядить:
Случится же судью такъ кстати
посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они, или самихъ
ихъ били.
А я—
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,
Извѣстна служба льву моя;
Извѣстно, кто чего досто-
инъ»—
Да гдѣ жъ служила ты? барсукъ
ее спросилъ.—
«Передъ самимъ царемъ два года
съ половиной
Шутила всякій день, а онъ меня
сравнилъ
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала ни-
гдѣ».—
Шутила ты вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы
было должно.

Твой также трудъ не малъ,
Барсукъ ему сказалъ;
Но произвесть тебя но службѣ невозможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

4. Домовой (1781).

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!
Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ Домоваго
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то Домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такого,
Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладономъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ,
Ни двери, ни окна хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ чорта не поставилъ;
Но ни молитвой, нп крестомъ,
Онъ отъ нечистаго не могъ освободиться.
Случилось стихотворцу въ домъ
Къ хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить;
А чтобъ смѣлѣе быть,
Когда нечистый появится,
Зоветъ онъ автора съ нимъ вечеръ проводить,
И проситъ сдѣлать одолженье
Прочесть ему свое творенье.
И стихотворецъ въ угожденье
Одну изъ слезныхъ драмъ хозяину читалъ
(Однако имя ей комедія давалъ),
Которою хотя хозяинъ не прельщался,
Да сочинитель восхищался.
Нечистый духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждалъ одного:
По кожѣ подрало его,
Н стало не видать.—Хозяинъ догадался,
Что домовой чего-то не взлюбилъ.
Другаго вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ.
И онъ читаетъ....
Нечистый только лишь придетъ,
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.—
Постой-же! разсуждалъ хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ сатаною—
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!
На третью ночь одинъ хозяинъ нашъ остался.

Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ. Но чуть лишь только показался,
Эй, малый, поскорѣй! хозяинъ закричалъ:
Чтобъ стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ.
Услыша это, духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,
Чтобы слуга остался;
И словомъ, Домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.
Вотъ, еслибы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ:
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться.

5. *Лисица и Сорока.*

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить?
Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала.
Я чаю, есть что перенять,
Когда ты станешь разсуждать.—
Все, что я говорю, Сорока отвѣчала,
Относится къ тому, чтобъ, истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней;
И такъ большимъ моимъ стараньемъ предуспѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Отъ жука до орла,
Яснѣе всѣхъ ее изслѣдовать умѣла
И толкъ дала.
Большое, говоритъ Лисица, одолженье
Мнѣ было бы твое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла.
Какъ иногда педантъ глубоко-изученный,
Наукой и собой надутъ и зараженный,
Готовясь преподать спасительный урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры зашагаетъ
И важно въ носовой свой шелковый платокъ
Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно на суку Сорока повертясь
И поученіе подать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала;
Потомъ, принявъ ученый видъ,
Я рада, говоритъ,
Моимъ дѣлиться дарованьемъ;
Пусть пользуется всякъ, и малый и большой,

Открытымъ мнѣ познаньемъ.
Послушай! о тебѣ самой
Теперь я разсуждала:
Ты, вѣдь, четыре у себя
Ноги до этихъ поръ считала;
А не четыре ихъ! Хоть странно для тебя
Покажется; но знай, все, чтобъ я ни сказала,
Не доказавъ, не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда.
Примѣтила ли ты: когда
Ты ступишь, то всегда
Нога твоя въ движеньи;
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда.
Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
А слушай, что теперь я буду выводить.
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То все нога твоя не по землѣ-ль ступаетъ?
Примѣть же ты свой хвостъ: когда нога шагнетъ,
То съ нею тожъ и хвостъ подастся твой впередъ;
И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
То такъ точнехонько и хвостъ твой выступаетъ:
А изъ того теперь и нужно заключить,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, на чудное по видимости мнѣнье,
При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенье.—
Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,
Лисица, пятую поджавъ смиренно ногу,
Пошла и всю дорогу
Твердила: стало быть не межъ однихъ людей,
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

6. Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился,
Но сынъ глупѣе воротился:
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,
И малаго не научили,
А на-вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ по-просту болталъ:
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали:
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьѣ
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньѣ:
«Сыскать начало всѣхъ началъ»,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,—
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье...»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
Вотъ, говоритъ, тебѣ веревка, ухватися!
Я потащу тебя, держися!—
«Нѣтъ, погоди тащить! скажи мнѣ напередъ,»
Понесъ студентъ обычный бредъ:
«Веревка вещь какая?»—
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ.
Вопросъ ученый оставляя,
Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ, такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.—
«На этобъ выдумать орудіе другое!»
Ученый все свое несетъ:
«А это что такое!...
Веревка!.. вервіе простое!»—
Да время надобно, отецъ ему на те;
А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.
«Да время что?...»
А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди, сказалъ отецъ, пока приду опять.—
Что если бы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?....
Да яма надобна большая!

[1]) Самъ Хемницеръ (1745—1784) напечаталъ всего 68 басенъ, именно сперва (1779 г.) 33, которыя потомъ, въ изданіи 1782 г., составили 1-ю часть сборника, во 2-ую же вошли 35 новыхъ басенъ. По смерти автора, явилось 3-е изд. (1799), въ которомъ прибавлена еще часть (3-ья), содержащая 23 басни. Изданіе это принадлежитъ Н. А. Львову. Послѣ этого басни Хемницера издавались часто. Новѣйшее изданіе сдѣлано Я. К. Гротомъ въ его книгѣ: „Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и примѣчаніями (1873)“.

[2]) Изъ Геллерта, у котораго названа Тяжбой (Der Process). Хемницеръ во многомъ передѣлалъ ее по русскимъ нравамъ, почему и не указалъ заимствованія.

[3]) Тоже изъ Геллерта, которому Хемницеръ большею частію подражалъ.

[4]) Изъ Геллерта: „Das Gespenst". Въ подлинникѣ стихотворецъ читаетъ трагедію; Хемницеръ вывелъ его съ слезной комедіей, особымъ родомъ драмы, который въ то время входилъ въ моду.

[5]) Басня Геллерта: „Der Fuchs und die Elster", изображаетъ, подъ видомъ сороки, нѣмецкихъ педантовъ, зараженныхъ страстію къ софизмамъ и искусствомъ доказывать ихъ по правиламъ логики.

[6]) Противъ направленія современной Геллерту эпохи къ занятіямъ и изслѣдованіямъ метафизическимъ.

XLIV.

КНЯЖНИНЪ.

А. ДИДОНА, ТРАГЕДІЯ (1769). ([1]).

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ 4.

Дидона и Елиза.

Елиза. Причина твоего неукротима стона,
Любезный твой, письмо оставилъ здѣсь Эней.
Ты, можетъ быть, найдешь къ утѣхѣ что твоей....
Дидона. Подай.... подай!... чего теперь еще страшиться?
Почто мнѣ трепетать? онъ можетъ возвратиться....
Онъ хочетъ, можетъ быть, Дидону испытать....
Онъ, можетъ быть.... Прочтемъ, возможно ль все узнать?...
Лобзаю я черты, черты руки любезной,
И орошаетъ ихъ очей моихъ токъ слезной.
Страшусь читать, страшусь я все себѣ открыть....
Чего жъ страшиться мнѣ? могулъ несчастнѣй быть? (*Читаетъ*):
«Разгнѣванныхъ боговъ жестокіе законы
«Опредѣлили жизнь мою на вѣчны стоны;
«Опредѣлили мнѣ, тебя на вѣкъ лишась,
«Въ путь славы шествовать, во горести крушась.
«Дидона, покорись боговъ безсмертной волѣ,
«Храни дражайшу жизнь, подвергнись нашей долѣ.
«Коль хочешь ты, чтобъ твой на свѣтѣ жилъ Эней,
«Умѣрь тоску, живи для жизни ты моей!»
Живи!... Нѣтъ, я умру! ты жить повелѣваешь,
А самъ, жестокій, самъ меня ты убиваешь!...
Стремись, бѣги, скорѣй направити вели
Врагамъ бѣгущимъ вслѣдъ изъ града корабли!
Елиза. Но солнца лучъ еще земли не освѣщаетъ,
И ночь бѣгущихъ путь отъ нашихъ глазъ скрываетъ.
Дидона. О ночь! престрашна ночь! покровъ злодѣйскихъ дѣлъ,

Въ которую Эней въ невѣрности успѣлъ!
О льстивый сонъ! почто не сталъ ты сномъ мнѣ вѣчнымъ?
И вмѣсто, чтобъ манить спокойствіемъ сердечнымъ,
Почто призракомъ ты, внушить могущимъ страхъ,
Спокойства не прервавъ, въ ужаснѣйшихъ мечтахъ
Не предвѣщалъ ты мнѣ свершаемаго бѣдства?
Я, востревожена, еще нашла бы средства
Клятвопреступника жестока удержать;
Въ отчаяньи я все дерзнула бъ предпринять:
Я, грудь его пронзивъ, свою бы поразила
И смертію бъ себя съ невѣрнымъ съединила.
Елиза. Престань, терзаяся, царица, насъ крушить:
Страданіемъ нельзя утраты возвратить,
И всѣ стенанія твои уже напрасны.
Дидона. Сокройтесь отъ меня: мнѣ смертны всѣ ужасны!
Все полно кажется измѣною въ сей часъ.
Сокройтесь отъ меня, подите прочь отъ глазъ!
Елиза. Или виною мы твоей напасти были?
Дидона. Вы, боги и Эней, и всѣ мнѣ измѣнили!
Почто не знали вы, что сей пергамскій льстецъ
Коварствомъ мнѣ плететъ толь пагубный конецъ?
Вы видѣть то могли, но видѣть не хотѣли;
О счастьи вы своей царицы не радѣли.
Вы знали все, и какъ, увы! всего не знать?
Старался ль онъ свое намѣренье скрывать?
Злодѣйствія его всѣ были откровенны.
Давно ли корабли злодѣя сооруженны?
Въ которые часы ходилъ онъ ко брегамъ
Готовить смерть и все мое несчастье тамъ?
Въ срединѣ ль дня, или въ срединѣ темной ночи?
Что, ахъ! того мои не смѣли видѣть очи,
Не чудно то: я весь теряла разумъ въ немъ,
Казался богомъ мнѣ во сердцѣ онъ моемъ....
Сокройтесь отъ меня, несчастную оставьте
И мукъ моихъ своимъ отсутствіемъ убавьте.
Вы всѣ противны мнѣ, со мной Энея нѣтъ!

В. РОССЛАВЪ, ТРАГЕДІЯ. (1784). (²).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Росславъ, Зафира, Христіернъ (*съ воинами*).

Христіернъ. Ужели жалость въ томъ Зафирина успѣла,
Въ чемъ власть царя доднесь успѣха не имѣла?
Открыто ль таинство? могу ль, его познавъ,

Не быть жестокъ?

Росславъ. Или я больше не Росславъ?

Христіернъ. Оставимъ лютости: я оными скучаю,
И гнѣвъ, хоть праведный, однакожъ укрощаю.
Съ престола преклоню къ щедротѣ я себя;
Сокровища мои открыты для тебя;
Скажи, что знать хочу,—и можешь все имѣти.

Росславъ. Оставь твое сребро, сіи тирановъ сѣти,
Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца
Могущи уловлять лишь подлыя сердца;
Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищей владѣтель,
Возьми и жизнь, но мнѣ остави добродѣтель.

Христ. Когда бы ты былъ царь, несчастьемъ ввергженъ въ плѣнъ,
Твоею бъ дерзостью я не былъ удивленъ:
Царя бы чтилъ въ тебѣ, себя я уважая;
Но ты, въ плѣненіи противъ меня дерзая
И гнѣва моего не устрашаясь грозъ,
Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?

Росславъ. Я Россъ!

Христіернъ. Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!

Росславъ. Тотъ свободенъ,
Кто, смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.

Христіернъ. Внемли.... хочу тебя въ послѣдне пощадить
И дерзости твоей въ послѣдній разъ простить.
Хочу тебя спасти... зрю, что тебя смущаетъ
И тайны важной мнѣ открыть не допущаетъ:
Страхъ злобу заслужить отъ князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
Отъ твоего твой рокъ зависитъ произвола:
Чего желаешь ты, скажи?

Росславъ. Ниже престола.

Христіернъ. Умри, злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Росславъ. На себя.

Христіернъ. Во узахъ и въ моей стѣсненъ всевластной волѣ,
Оставленный отъ всѣхъ и въ самой жалкой долѣ,
Спасеніе во мнѣ одномъ могущій зрѣть,
Что можешь ты?

Росславъ. Могу тебя и смерть презрѣть.

Христіернъ. Увидь мученія: ужъ смерть тебѣ готова;
Когда велю терзать, откроешь все.

Росславъ. Ни слова.
Хотя бы, за предѣлъ простерти могши гнѣвъ,
Дышалъ ты муками, какъ ада страшный зѣвъ,
Хотя бы на землѣ ты тартаръ мнѣ устроилъ,—
Чтобъ сдѣлалъ тѣмъ? мою бъ лишь славу ты удвоилъ.

Христіернъ. Увидимъ... воины....
Росславъ. О Россы!
Зафира (*съ ужасомъ*). Государь!
Христіернъ (*съ яростію*). Зафира!
Зафира. Плѣнникъ онъ, а ты здѣсь сильный царь:
Во власти онъ твоей, не помрачай короны.
Христіернъ (*къ Зафирѣ*). Смятеніе твое, твой плачъ, твой ужасъ, стоны
Не для меня все то; и вижу ясно я,
Чѣмъ страждетъ днесь душа растерзанна твоя.
Зафира (*съ смятеніемъ*). Кто? я? я стражду? нѣтъ.... но ты невинность гонишь....
Но ты.... ахъ! ежели на жалость не преклонишь
Ты сердца твоего... когда Росславъ падетъ....
Когда... остави мнѣ...
Христіернъ. Умретъ мой врагъ, умретъ.
Ты плачешь!.. воины!...
Зафира. Не плачу... умираю (*упадаетъ*).
Христіернъ. А я ужаснѣйшу мнѣ тайну открываю!
Безсиленъ изъяснить, что въ сердцѣ я терплю;
Лютѣйшей казнію я вамъ сіе явлю;
Въ мученіяхъ своихъ познаете, какъ стражду:
Готовьтеся на смерть, я вашей крови жажду.

В. ЧУДАКИ, КОМЕДІЯ (1793) ([3]).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 2.

Лентягина, Улинька, Вѣтромахъ, Марина.

Вѣтромахъ. Ma charmante Улинька! ахъ, какъ же вы прелестны!
Tous ces gens, madame, какъ глупы, какъ безчестны,
Которы не найдутъ у васъ того въ глазахъ,
Что вижу я.
Улинька. А что изволите вы видѣть?
Вѣтромахъ. Friponne! будто бы не вѣдаешь того,
Что васъ, сударыня, не можно ненавидѣть,
Что вы прекраснѣе и неба самого!
(*Улинька присѣдаетъ*).
Вы присѣдаете! какое просвѣщенье!
Имѣть такую дочь какое утѣщенье!
(*Лентягиной*).
Неправда ли, maman?
Лентягина. Признаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду,
И, въ обращеніи имѣя всю свободу,
Какая дочери, рожденной мной, нужна,
Отъ низостей, сударь, она весьма далека;
И, крѣпко все храня, что такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что такое шить и плесть,

То все для чернаго оставя человѣка;
Танцуетъ какъ павлинъ, какъ соловей поетъ,
И, какъ француженка, умѣя по-французски,
Желала бы забыть совсѣмъ она по русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ,
Проводитъ два часа всегда у туалета.

Вѣтромахъ. Браво, мадамъ! вотъ все, что надобно для свѣта
И для людей—какъ бишь? pour les gens du haut ton.
Меня вы извинить, мадамъ, должны немного
Въ томъ, что и я, храня свою честь также строго,
Считаю нашъ языкъ за подлинный jargon,
И экспримировать на немъ всего не можно;
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
Но нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знать французскаго—я былъ бы дуракомъ.
Скажите, какъ бы мнѣ влюбиться было можно?
Je brule, je languis! мнѣ какъ бы то сказать
Прелестной Улинькѣ?—не ужъ то бы мычать:
Я млѣю, я горю—fi donc! мнѣ думать должно,
Что по-французски вы и также вашъ époux....

Лентягина (*скоропостижно*). Сомнѣнія въ томъ нѣтъ! comment vous portez-vous?

Вѣтромахъ. Браво, мадамъ!

Лентягина. Теперь немного поотстала,
А прежде никогда по-русски не болтала.

Вѣтромахъ. Вы не повѣрите, я сколько съ русскимъ бѣденъ!
По-русски разумъ мой какъ узокъ, невеликъ!
А по-французски: o, que le diable m'emporte!
Выходитъ разумъ мой par une grande porte.
Я разскажу о томъ, случилось что со мной.
Однажды я сидѣлъ у дамы молодой;
Французскихъ ни двухъ словъ она не разумѣла,
И отъ того ma tête horriblement болѣла,
Такъ что я цѣлый день былъ дома не одѣтъ.

Лентягина. Не думала бы я, чтобъ могъ такой быть вредъ:
Отъ нажимаціи конечно боль случилась.

Вѣтромахъ. Imagination хотѣли вы сказать?

Лентягина. Такъ точно. Видите ль, что я хотя и сбилась,
Но я могу еще французскимъ украшать
Прегрубый нашъ языкъ, который мнѣ противенъ.
Какъ мой époux мнѣ тѣмъ всегда казался дивенъ,

*

Что, по-французски онъ умѣя, какъ французъ,
Прелестнымъ языкомъ не хочетъ забавляться.

Вѣтромахъ. Тому, сударыня, я долженъ удивляться. И дворянинъ....

Лентягина. О! родъ его что въ картахъ тузъ,
И древностью никто не можетъ съ нимъ сравняться:
За тысячу онъ лѣтъ умѣетъ предковъ счесть.

Вѣтромахъ. И такъ теперь мнѣ нѣтъ нималаго препятства,
Ma charmante Улинька, тебя моей почесть! (*Улинька присѣдаетъ*).
И все у насъ равно: и грасы, и пріятства,
И умъ, je m'en flatte, и даже рода честь. (*Улинька присѣдаетъ*).
По чести выдумка прекрасна присѣданье:
Оно другой языкъ и можетъ сокращать
De discours frivoles, излишнее болтанье.
На все умѣетъ та прелестно отвѣчать
И съ скромностью казать нескромное желанье,
Подобно Улинькѣ умѣетъ кто присѣсть. (*Увидя мужа Лентягиной*)
Скажите, къ намъ какой медвѣдь изволитъ лѣзть?

Лентягина. Мой мужъ.

Вѣтромахъ. Вы шутите! не тотъ ли это предокъ,
Что лѣтъ за тысячу въ свѣтъ издалъ родъ его?

Лентягина. Наружность, знаете, не значитъ ничего.
На свѣтѣ вѣдь, сударь, такой примѣръ не рѣдко,
Что знатность скрытая обманываетъ глазъ;
Хоть не блеститъ въ корѣ алмазъ, но все алмазъ.
Онъ знатный дворянинъ, могу увѣрить смѣло,
Да, не прогнѣвайтесь, немного философъ.

Вѣтромахъ. Не стыдно ли себя поставить въ счетъ ословъ?
И философствовать дворянское ли дѣло?

Лентягина. (*Улинькѣ*). Теперь ты, Улинька, не можешь съ нами быть:
Намъ должно о тебѣ съ отцомъ поговорить.

(*Улинька, присѣвъ, уходитъ*).

Явленіе 3.

Лентягинъ, Лентягина, Вѣтромахъ.

Лентягина (*сама съ собою*). О небо! помоги окончить мнѣ все славно.
Дрожу, боюсь, что мужъ меня изобличитъ,
Что по-французски онъ никакъ не говоритъ
И что, къ несчастію, онъ дворянинъ недавно.
Какъ злополучна я! какъ то мнѣ можно снесть? (*Мужу*)
Вы видите того презнатна кавалера,
Который дѣлаетъ отмѣнную намъ честь.

Вѣтромахъ (*искривясь, щегольски кланяется*). Желая зятемъ быть, сударь....

Лентягинъ (*садясь*). Кто хочетъ сѣсть,
Тотъ сядетъ. Не люблю я вашего манера,

Чтобъ принуждать сидѣть. Ну,
знатный кавалеръ....
(*Вѣтромахъ также щегольски кланяется*).
Да перестань водить ты вензели
ногами.
Кудряво кланяясь, будь сказано
межъ нами,
Немного у меня найдешь себѣ ты
мѣръ.
Со всѣми этими козлиными прыжками
Мнѣ всякій кажется лишь съ
вѣтромъ безъ души.
Пожалуй же, въ умѣ ты это запиши,
Коль хочешь зятемъ быть.
Вѣтромахъ. Хочу ли я? о ciel!
Въ томъ только tous mes voeux!—
сама Agnès Sorel
Французскимъ королемъ такъ не
была любима,
Какъ мною ваша дочь. Je jurerai
toujours,
Что я могу сказать, не дѣлая ей
куръ,
И тѣмъ не сдѣлаю ни малаго я
крима:
Она—divinité!
Лентягинъ (*женѣ съ удивленіемъ*):
Гдѣ Богъ тебѣ послалъ,
О женушка моя, такого кавалера?
Вѣтромахъ. Beaucoup d'honneur,
monsieur! Такъ я угоденъ сталъ?
Я зналъ то напередъ. Не найдете примѣра
Другаго мнѣ, monsieur!
Лентягинъ. Опомниться мнѣ дай,
Мосье!.... изъ милости....
Вѣтромахъ. Но вы меня стыдите;
Вы флатируете, когда вы говорите,
Что будто отъ меня забылись.
Лентягинъ. Продолжай,
Мучитель!
Вѣтромахъ. Правда то, что есть
во мнѣ меритъ;
Безъ хвастовства, j'ose vous это
dire;
Однако, чтобъ онъ могъ васъ
привести въ délire,
Не чаю,—только свѣтъ весь это
говоритъ,
Что, кто бъ ни былъ, меня въ
талантахъ не объѣдетъ;
Qu'un homme tel que moi....
Лентягинъ. Не вѣрь, свѣтъ часто
бредитъ.
Вѣтромахъ. Comment?
Лентягинъ. Скажи-ка мнѣ, ты
русскій иль французъ?
Вѣтромахъ. Hélas! я не французъ!
Лентягинъ. О чемъ же ты стонаешь?
Вѣтромахъ (*съ жалостію*). Я русскій! у меня на сердцѣ это грузъ.
Лентягинъ. И такъ, ты русскимъ
быть обидой почитаешь?—
Вотъ знатный дворянинъ!
Вѣтромахъ. Я очень, очень радъ,
On ne peut plus, что вамъ, мосье,
попалъ я въ ладъ;
Que мысли vous avez со мною
одинаки.
И благородство чѣмъ мы можемъ
доказать?
По-русски не умѣть, все наше
презирать:
Вотъ это знатности veritables
признаки.
Лентягинъ. Хоть не могу тебя я
очень разумѣть,
Не зная словъ чужихъ, однакожъ
по примѣтамъ....

Вѣтромахъ. Vous vous moquez, monsieur. Изволите умѣть
Вы по-французски.
Лентягинъ (*съ сердцемъ*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Вѣтромахъ. По вашимъ лѣтамъ
Обманывать меня, monsieur, не должно бъ вамъ;
Вы точно какъ французъ, иль такъ же, какъ я самъ.
Лентягинъ (*съ нетерпѣніемъ*). Жена, увѣрь его и кончи эту вздорность.
Вѣтромахъ (*съ досадою*). Je ne le croirai point! какая жъ въ васъ упорность!
Лентягинъ (*съ сердцемъ*). Чтобъ чортъ....
Лентягина (*торопливо*). Душа моя, пожалуй, не сердись.
Лентягинъ (*съ запальчивостію*). Пожалуй съ нимъ, душа моя, ты провались!
Во-вѣкъ не видывалъ такого человѣка!
Лентягина. Ты философъ, и то ль, сударь, велитъ Сенека?
Лентягинъ (*съ хладнокровіемъ*). Готовъ скрѣпиться я, лишь-только бъ онъ болталъ
Со мной по-русски.
Вѣтромахъ. Какъ, вы очень знатна рода,
А пикируетесь!
Лентягинъ (*скоропостижно*). А кто тебѣ сказалъ?
Моя—мѣщанская, но добрая порода.
Вѣтромахъ. Уже лѣтъ тысячу, мосье, вы дворянинъ.
Лентягинъ. Вѣрь мнѣ, недавно я еще спеченый блинъ;
Но я жирнѣе тѣхъ, которы зачерствѣли.
Лентягина. Оставьте то....
Лентягинъ. Чтобъ мы другъ друга разумѣли,
Скажу я на отрѣзъ: покойный мой отецъ,
Запомнятъ это всѣ, пречестный былъ кузнецъ.
Вѣтромахъ. Qu'entends—je! (*уходитъ, запѣвъ французскую пѣсню*).
Лентягинъ. Прощай!
Лентягина (*упадая въ обморокъ*). Погибла я! охъ, тошно!
Лентягинъ. Какія дурости! тошнится отъ того,
Что по-французски я не знаю ничего,
Что мой отецъ—кузнецъ. Не должно бъ такъ оплошно,
Налгавши на меня, со мною поступать.
Нѣтъ, Улинькѣ моей за этимъ не бывать.

[1]) Собраніе сочиненій Якова Княжнина, 4 тома. Спб. (1787). Второе изданіе, въ 5 ч. (1802—1803); третье, въ 5 ч., съ краткой біографіей автора (1781 — 1818); четвертое въ Смирдин. изд. сочин. рус. авторовъ, 2 ч. (1847 — 1848). Въ Словарѣ свѣт. писателей, Евгенія, сказано, что Княжнину было 27 лѣтъ, когда онъ написалъ Дидону; а такъ какъ Княжнинъ род. въ 1742 г., то мы и относимъ ее къ 1769. — Исторія Дидоны, поэтически представленная въ 4-ой пѣснѣ Энеиды, послужила сюжетомъ для многихъ драматическихъ піесъ: „Оставленной Дидоны", Метастазія, „Дидоны", Лефрана Помпиньяна. Княжнинъ подражалъ Помпиньяну. Сцена 4-ая акта 5-го показываетъ душевное состояніе Дидоны, при отплытіи Энея въ Италію. Предавшись

отчаянію, она бросается въ огонь, охватившій чертоги. Вмѣсто сестры Анны (выведенной у Виргилія), Дидона Княжнина имѣетъ при себѣ двухъ наперсницъ: Елизу и Арсину. Соперникъ Энея въ любви, Ярбъ, царь гетульскій, предлагалъ руку Дидонѣ, которая отказала ему изъ памяти къ своему супругу Сихею. Онъ является снова, узнавъ объ отплытіи Энея, и становится свидѣтелемъ трагической смерти Дидоны.

[2]) „Росславъ, трагедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Въ первый разъ представлена въ Спб. 1784 г. февраля 8 дня. Спб., при Ак. Н., иждивеніемъ сочинителя 1784 г.“ Посвящена кн. Е. Р. Дашковой. Въ посвященіи замѣчателенъ открытый отзывъ Княжнина о благородномъ направленіи его авторства: „Никто меня низостью лести обвинить не можетъ:

Однѣ заслуги чтя, моя не подла Муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда».

Трагедія „Росславъ“ имѣла чрезвычайный успѣхъ по чувству патріотизма, одушевляющему героя, и по искусной игрѣ Дмитревскаго въ этой роли. Жаль только, что героизмъ Росслава не является въ дѣйствіи, а просто высказывается и притомъ имъ самимъ. Сюжетъ и характеры трагедіи не выдерживаютъ критики. Мерзляковъ произнесъ о томъ и другомъ строгое, но справедливое сужденіе (Вѣст. Евр. 1817, № 10). Дѣло въ томъ, что Христіернъ, страшный тиранъ, коварствомъ похитилъ шведскій престолъ. На защиту изгнаннаго законнаго наслѣдника, Густава, Россія послала войско подъ начальствомъ Росслава, который въ одномъ сраженіи попадается въ плѣнъ. Христіернъ предлагаетъ ему свободу, если онъ откроетъ ему убѣжище Густава. Росславъ съ гордостью отвергаетъ это условіе: храненію тайны приписываетъ онъ — впрочемъ безъ ясной причины — величайшую важность, какъ видно изъ словъ его:

...Ежели Густава я открою,
Россіи измѣню, и чести, и герою;
И если жизнь свою ничтожную спасу —
Два царства въ жертву я тирану принесу,

т. е. Швецію и Россію. Христіернъ заключаетъ Росслава въ оковы. Напрасно русскій посолъ Любомиръ предлагаетъ отдать Христіерну всѣ завоеванные города, только бы возвратили Росслава: Христіернъ не соглашается. Кромѣ упорнаго храненія тайны, Росславъ возбуждаетъ гнѣвъ датскаго короля еще тѣмъ, что любитъ княжну Зафиру, „остатокъ рода прежнихъ шведскихъ правителей“, и взаимно любимъ ею, тогда какъ бракъ съ нею есть единственное для Христіерна средство къ прочному обладанію похищеннымъ престоломъ. Въ припадкѣ ревности, Христіернъ хочетъ заколоть Зафиру, но, при появленіи Густава у городскихъ стѣнъ, народъ возмутился и освободилъ Росслава. Трагедія заключается смертію тирана и торжествомъ главнаго героя. Въ 3-мъ явленіи 3-го акта (помѣщенномъ въ Хрестоматіи), по остроумному замѣчанію Мерзлякова, Росславъ, какъ молотомъ, поражаетъ Христіерна высокими словами, заимствованными изъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера.

[3]) „Чудаки, комедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ, 1793 г.“ Оригиналъ ея—комедія Детуша: „L'homme singulier. Главная разница въ томъ, что Княжнинъ выставилъ цѣлую галерею чудаковъ: Лентягина, недавно вышедшаго во дворянство, весьма богатаго и по-своему философствующаго человѣка, Лентягину, женщину знатнаго рода, тщеславную и недалекую, Вѣтромаха, знатнаго, но бѣднаго галломана, Пріята, сентиментальнаго селадона, аркадскаго па-

ступка, влюбленнаго въ Улиньку (дочь Лентягиныхъ), Трусима, всемірнаго пріятеля, поставщика жениховъ для Улиньки, изъ которыхъ являются: судья и маіоръ, оба отставные, и два стихотворца: Тромпетинъ (одописецъ) и Свирѣлкинъ (идилликъ). На любви къ Улинькѣ, на желаніи получить руку богатой дѣвушки основано все дѣйствіе комедіи: Лентягинъ, чуждый всякихъ предразсудковъ, хочетъ выдать дочь свою за слугу Пріята, Пролаза, который овладѣлъ его полною довѣренностью, а Лентягина за Вѣтромаха. Улинька, „смиренная вѣтреница", влюблена въ Вѣтромаха и позабыла прежнюю любовь свою — Пріята, но потомъ, по внушеніямъ Пролаза, нарочно поступившаго къ ея отцу въ услуженіе, и служанки Мараны, вновь обратилась къ Пріяту, за котораго и выходитъ замужъ. Комедію заключаетъ Пролазъ такими стихами:

....Всякій, много ли, иль мало, но чудакъ,
И глупость, предстоя при каждаго рожденьѣ,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

(См. мою статью о сочиненіяхъ Княжнина, От. Зап. 1850, №№ 4, 8 и 12, отдѣлъ критики; также статьи г. Стоюнина: „Я. Б. Княжнинъ", въ 5, 6 и 7 №№ Библ. для Чтенія 1850, и въ Историч. Вѣстникѣ 1881, т. V; г. Лонгинова: „Княжнинъ", въ 4 № Рус. Вѣсти. 1860 г.).

XLV.

ДЕРЖАВИНЪ.

1. Ода на знатность (1774). ([1]).

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристалломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!
На стогнъ поставленъ, на позоръ (а),
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной!
Статуи—безъ достоинствъ—вы!
При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ,
Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ (б)?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышенъ цугъ?

а) На позорище, на показъ.

б) Говорится о конѣ Калигулы.

Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?
Творящъ въ Ареопагѣ судъ,
Подъ кровомъ злата и виссона,
Ѳемиды свято мѣсто тутъ:
Бѣги изъ-за зерцальна трона,
Коль ты неправеденъ, Катонъ!
На что и правосудье въ свѣтѣ,
Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что сталъ другой Шемякинъ онъ? (²).
Къ чему способности и умъ,
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужитъ вождя шумъ,
Когда не щитъ онъ государства?
Емелька (а) съ Катилиной змѣй;
Разбойникъ, расприенникъ, грабитель
И царь, невинныхъ утѣснитель,—
Равно вселенной всей злодѣй.
Въ тріумфѣ, въ славѣ, подъ вѣнцемъ,
Герой, Помпея побѣдитель,
Іюлій жаждущимъ мечемъ
Не сталъ ли Рима обагритель?
Славнѣй Екатериной быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ границамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.
О вы, верховныя главы,
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душею благородной,
Талантомъ, званьемъ и умомъ
Примѣры обществу даете,
И пользу оными ведете
Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.
Дворянства взводитъ на степень
Заслуга, честь и добродѣтель (³);
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истинна содѣтель:
Я князь, коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Болярйнъ, коль за всѣхъ болѣю
И всѣмъ усерденъ для услугъ.
Предъ нами древностью своей,
О князи міра! не гордитесь:
Каковъ Евгенъ (б), Тюренъ, мужей
Представьте, ими возноситесь;
Но въ россномъ множествѣ дворянъ
Герои славнѣе бывали,
И нынѣ царство подпирали;
Межъ прочихъ сей примѣръ вамъ данъ:
Отечеству Румянцевъ другъ
И прямо свѣта хвалъ достоинъ:
Великъ, что въ немъ геройскій духъ,
Но болѣ, что Востокъ спокоенъ
И Сѣверъ сталъ его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишь только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой.

2. Пѣснь Петру Великому (*1776*). (⁴).

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Хоръ. Неси на небо гласы, вѣтръ:

а) Пугачевъ.

б) Евгеній Савойскій.

Безсмертенъ ты, Великій Петръ! (а)
Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.
Какъ богъ, великимъ провидѣньемъ,
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все собою исполнялъ.
Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.
Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучать доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.
Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ;
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.
Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ,
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.
Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что дожны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.
Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ востокомъ западъ съединилъ.
Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны нравы
Ко благоденствію ведутъ.
Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?
О Россы, славой лучезарны!
О родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!

3. На смерть князя Мещерскаго (1779). ([5]).

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ ([6]),
Какъ молніей, косою блещетъ,

а) Это двустишіе образуетъ хоръ, повторяясь послѣ каждой строфы.

И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся,
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся (7).
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся (8),
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣжъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ? — Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ,—и на царей (9),
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,—
И точитъ лезвее косы.
Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.
Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.
Но такъ и мужество пройдетъ

И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою (10).
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ (11), должно намъ конечно:
Почтожъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

4. На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока (1779). (12).

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика:
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей,
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьи:
Знать родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство;
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство;
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;

Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!»
Всѣ крылами восплескали,
Каждый Геній восклицалъ:
«Се божественный», вѣщали,
Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!»
«Будетъ»—и Судьбы гласили—
Онъ монархамъ образецъ!»
Лѣсъ и горы повторили:
«Утѣшеніемъ сердецъ!»
Симъ Россія восхищенна,
Токи слезны пролила;
На колѣни преклоненна,
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста;
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ!
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ божествомъ!

5. *Фелица* (*1782*). ([13])

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ;
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай найти его совѣтъ.

Подай, Фелица ([14]), наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ ([15])
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра (а).

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь ([16]),
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь ([17]),
Не ходишь съ трона на востокъ ([18]):
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.

а) При дворѣ императрицы Елисаветы приближенныя къ ней дамы играли въ фараонъ съ утра до вечера и далеко за полночь.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ жизнь мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ (а).

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или великолѣпнымъ цугомъ (б)
Въ каретѣ англійской златой,
Съ собакой, шутомъ (в) или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ (г).

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами ([19])
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ (д);
Или, надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ ([20]).

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся;
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За библіей, зѣвая, сплю ([21]).

Таковъ, Фелица, я развратенъ! ([22]).
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь (е).
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой ([23]),
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ—но льзя ль не заблуждаться

а) Относится къ Потемкину.

б) Всякій, кто имѣлъ чинъ выше полковничьяго, долженъ былъ ѣздить въ каретѣ, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, съ бородатымъ кучеромъ въ кафтанѣ и двумя форейторами.

в) Были вельможи, которые, по старому обычаю, содержали при себѣ шутовъ-любимцевъ.

г) Эта строфа относится отчасти къ Потемкину, но болѣе къ гр. А. Г. Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ.

д) Гр. П. И. Панинъ любилъ псовую охоту.

е) Изреченіе изъ псалма 115, ст. 2.

Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти?
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣжъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ (24)?
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзовъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить (25).
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить (26).
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,

Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронитъ ([27]);
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ ([28]),
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ ([29]).
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго,
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь» ([30]).
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава бога,
Который брани усмирилъ ([31]);
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить ([32]);
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя (а)
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

а) Бешметь или бешметъ—татарское стеганое полукафтанье.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки!
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

6. *Видѣніе Мурзы* (*1783*). ([33]).

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна;
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ согласия,
«Блаженъ», воспѣлъ я, «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ, и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира ([34])
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ ([35]),
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ ([36]),
За розсказни, за растабары,
За виршн иль за что нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ ([37]) червонцы шлютъ!
Блаженъ!»—Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось;
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
([38]) Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась

Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный рагугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру (39).
Простертой на алтарь рукою
Не жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.—
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла (40)!—
«Мурза»! она вѣщала мнѣ:
Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепищи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ—тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели, не строй:
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ».
«Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица?»
Мечту стоящу я спросилъ.—
Она рекла мнѣ: «Я—Фелица!»
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась.
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
«Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей

Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ ([41])!
Иной отнесъ себѣ въ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ ([42]).
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю ([43])
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

7. *Богъ* (*1784*). ([44]).

О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ.

*

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкають,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?—
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ Тобой—ничто.

Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!

Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ,—я червь—я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!

Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей:
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

8. Изъ оды: Памятникъ Герою (1791). ([45]).

Прямой герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не приверженъ;
Сокровище его любезно—
Спокойный духъ и чиста совѣсть.
Въ терпѣньи твердъ и мудръ въ напасти,
Не рабствуетъ блестящей части;
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ;
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!
Вѣсами ль гдѣ, мечемъ ли правитъ—
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ;
Его царь — долгъ, его богъ — правда,
Лишь имъ онъ жертвуетъ собою;
Искусенъ, остороженъ, точенъ,
Рачителенъ, не быстръ ко славѣ.
Дѣлами исполнитель вѣры;
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ;
И Богъ его благословляетъ
Побѣдою почти безъ крови,
Которой миръ даруетъ царствамъ.
Такого мужа обелиски
Не тѣмъ славны, что къ небу близки,
Не мраморомъ, не мѣдью тверды;
Пускай ихъ разрушаетъ время,
Но вовсе истребить не можетъ:
Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

9. Вельможа (1794). ([46]).

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь Муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ.
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.
Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ
Ни счастіе не украшали,
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ граждан.
Кумиръ, поставленный въ позоръ
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?
Не перлы перскія (а) на васъ
И не бразильски звѣзды—ясны;

а) Отъ слова «Перу»

Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла ([47]).

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ ([48])
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что̀ наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно,
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній
Должны быть-польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія (а), мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ—
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ ([49])?

а) Мозаика.

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ:
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ.

. . . .

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,—
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь,
Она лишилася супруга (50);
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ, на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ, гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ!—ты спишь
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога»!—
Злодѣй, увы!.... И грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла!
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ,—
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться
Стоять—и правду говорить.

О россій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?—
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ;
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла ([51]),
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари—и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей,
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря.

10. *Приглашеніе къ обѣду* (*1795*). ([52]).

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола вкругъ ожидая,
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть (а).

Приди, мой благодѣтель давный,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра ([53])!
Приди—и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство—
Пріятный только вкусъ, опрятство
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ—одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, ангелъ мой, благотворитель!
Приди—и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;

а) Вторая жена Державина — Дарья Алексѣевна Дьякова.

Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ.
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?
Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда грустить и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!
И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,
По платью ноги протягать.
А если ты иль кто другіе
Изъ званыхъ милыхъ мнѣ гостей ([54]),
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать—
Извольте мой вы толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа;
Умѣренность есть лучшій пиръ.

11. Памятникъ (1796). ([55]).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

12. *Евгенію. Жизнь Званская.* (*1807*). (56).

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

За чѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ (а)
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змія мнѣ сердце угрызала,
О коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу розъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги.

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ (б) въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ (в) и коней ржанье.

а) Позорище, зрѣлище.
б) Барашекъ—бекасъ.
в) Желна—птица изъ породы дятловъ.

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурскій иль левантской (а),
Иду за круглый столъ: и тутъ-то растабаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы,—

Въ которой поутру, иль къ вечеру, порой,
Дивлюся въ Вѣстникѣ (б), въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;

Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ, и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скотень, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ—пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатой
Даютъ отчетъ казнѣ, и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой;

И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы—въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

а) Чай или кофе.
б) Журналъ Вѣстникъ Европы.

Оттуда прихожу въ святилище я музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу вознощусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Невидя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ—и драки человѣковъ.

«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бременю?
Творцемъ содержится вселенна.

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля».

Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ—
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ;
Я озрѣваю столъ, и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка (а) и черно-пѣнна пива

а) Липецъ—медъ, на подобіе вина приготовленный, желтаго цвѣта; воронокъ—тоже медъ, но черный, съ воскомъ варeный.

Запустимъ нѣсколько въ румяный
лобъ хмелинъ:
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но молча вдругъ встаемъ:
бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до
подвѣнечныхъ бревенъ (а):
За здравье съ громомъ пьемъ лю-
безнаго царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну
минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль
изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу
летокъ
И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристальныхъ водъ,
купаленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скром-
нымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь
плесканье дѣвъ
Съ душевнымъ нѣкимъ вос-
хищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картин-
ныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свит-
кахъ грады, царства,
Моря, лѣса—лежитъ вся міра
красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ
коварства.

Иль въ мрачномъ фонарѣ лю-
буюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ
стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню,
текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотримъ, какъ вода съ
плотины съ ревомъ льетъ
И, движа машину, древа на доски
дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ стол-
повъ на воздухъ бьетъ;
Клокоча, огнь толчетъ и
мелетъ.

Иль любопытны, какъ бумажны
руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, по-
добно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы
вдругъ веретенъ
Маріиной (б) рукой прядутся.

Иль какъ на ленъ, на шелкъ
цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ
поль царицы (в);
Сталь жесткая, глядимъ, какъ
мягкій, алый воскъ
Куется въ бердыши милицы (г).

И сельски ратники какъ, цар-
ства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй
во рыцарскомъ убранствѣ:
«За вѣру, за царя, мы»—гово-
рятъ—«помремъ,

а) Березовый или яблочный сокъ, приготовленный въ видѣ шампанскаго.

б) Вторая супруга Державина, которую онъ называлъ Миленою.

в) Флоры—царицы полей.

г) Въ это время набиралась милиція для защиты границъ отъ французовъ.

Чѣмъ у французовъ быть въ подданствѣ.

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ,—и, ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желто-зеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю степень
Къ холмамъ и рощамъ сине-темнымъ.

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Забавно, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.

Прекрасно, тихіе, отлогіе брега,
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны,
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ (а) народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ въ стрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.

Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

а) Отъ гамъ—шумъ.

Но скучитъ какъ сія забава
сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ
увеселеньемъ:
Велимъ талантами родныхъ сво-
ихъ дѣтямъ
Блистать—музыкой, пляской,
пѣньемъ.

Амурчиковъ, харитъ плетень
иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпси-
хоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ па-
стушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ
взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порыв-
ный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома (а) съ струнъ
смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ—и въ естествѣ согласія
во всемъ
Даютъ намъ чувствовать за-
коны.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ
будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя столповъ пе-
рильныхъ,
При гусляхъ, подъ вечеръ, челомъ
моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ
умильныхъ.

Чего въ мой дремлющій тогда
не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени
мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь
и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣжъ, ищу я вкругъ,
минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екате-
рины?
Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось
солнце—тѣнь!...
Кто вѣсть и впредь полетъ
орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Алек-
сандровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удо-
бенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ
спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ пе-
руны (б).

Умолкнутъ ли они?—Сіе лишь
знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ
правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ своимъ, какъ
строй какой, ведетъ,
Ко благу общему склоняя
мѣры.

Онъ корни помысловъ, Онъ
зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству чело-
вѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ по-
мрачаетъ свѣтъ
И днешнихъ и грядущихъ
вѣковъ.

а) Переводъ слова «фортепьяно».

б) Война съ французами за Пруссію.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ
Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсшъ-лау;
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ орла сѣдаго славу (а).

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей.
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
Увы! и даже прахъ спахнетъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный ([57]),
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный,

Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ,
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.

Такъ развѣ ты, отецъ, святымъ своимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны ([58]),
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь—блѣдну зависть—въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ, въ мракѣ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.

Ты слышалъ ихъ—и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близь сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ ([59]):
«Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы» ([60]).

а) Михаила Ѳедотовича Каменскаго, который, вскорѣ по прибытіи на театръ войны въ Польшу, сложилъ съ себя начальство и уѣхалъ въ Россію.

[1]) „Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 года". Изданы въ 1776 г. Гора Читалагай, по словамъ Державина, находится Саратовской губерніи въ колоніи Шафгаузенъ, которая лежала у верховья рѣки: „Малый Караманъ" (въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ Самар. губ.). Нѣмецкія колоніи, заведенныя въ 1764 г., расположены были на лѣвой сторонѣ Волги, въ той части Вольскаго уѣзда, которая нынѣ отошла къ Самарской губ. Въ колоніяхъ Державинъ, будучи подпоручикомъ преображенскаго полка, стоялъ нѣсколько времени съ военнымъ отрядомъ, командированный по поводу пугачевскаго бунта.—Всѣхъ одъ восемь. Первыя четыре переведены прозой изъ сочиненій Фридриха Великаго, написанныхъ на франц. языкѣ: на ласкательство (la flatterie), на порицаніе (la calomnie), на постоянство (la fermeté), къ Мовтерпію (т. е. къ Мопертюи), французскому астроному. Нѣкоторые германизмы показываютъ, что Державинъ переводилъ оды Фридриха не съ французскаго подлинника, а съ нѣмецкаго переложенья. Послѣднія четыре оды, въ стихахъ: на великость, на знатность, на смерть Бибикова и на рожденіе Екатерины II, суть оригинальныя піесы. „Читалагайскія оды, говоритъ Я. Гротъ, составляютъ едва ли не единственный образчикъ того, какъ Державинъ писалъ въ самый ранній періодъ своего поэтическаго поприща: правда, въ собраніи его стихотвореній есть піесы, отнесенныя имъ даже еще къ 70-му году, но онѣ въ первый разъ напечатаны были не прежде, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и, судя по языку ихъ, который гораздо новѣе и вообще лучше, нежели въ Читалагайскихъ одахъ, передъ тѣмъ были значительно исправлены. Оды эти замѣчательны и какъ любопытный матеріалъ для изученія исторіи литературнаго развития Державина: едва ли отыщется гдѣ-нибудь примѣръ другаго писателя, который тридцати одного года отъ роду былъ бы такъ нетвердъ въ употребленіи литературнаго языка, а въ послѣдствіи шагнулъ бы такъ далеко въ силѣ и яркости поэтическаго выраженія". Оду на знатность, написанную въ честь Румянцова, какъ славнѣйшаго дѣятеля въ турецкой войнѣ, сличи съ одой Вельможа (1794 г.), которой та послужила основаніемъ.

[2]) Къ этому стиху Державинъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Да не возьметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой счетъ: судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи".

[3]) Слова Наказа: *„Добродѣтель съ заслугою* возводитъ людей на степень дворянства" (§ 363). Добродѣтель и *честь* должны быть оному (*дворянству*) правилами (§ 364).

[4]) Въ „Объясненіяхъ на сочиненія Державина, имъ самимъ диктованныхъ родной его племянницѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой, въ 1809 г., и изданныхъ Ѳ. П. Львовымъ, въ 4 ч." (1834 г.), сказано: „Пѣснь эта была въ великомъ употребленіи въ масонскихъ ложахъ, въ которыя авторъ хотя и привлекаемъ былъ неоднократно, но никогда въ оныхъ не участвовалъ". Чѣмъ именно возбудила она сочувствіе масоновъ — неизвѣстно. По основной мысли, піеса Державина не разнится отъ надписи Ломоносова къ статуѣ Петра Великаго. Въ нѣкоторыхъ стихахъ Пѣсни, напр.:

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ...
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ....

повторяется сказанное Ломоносовымъ:

Рожденны къ скипетру простеръ въ
работу руки....

Послѣдній принялъ чинъ и, царствуя, служилъ....

Стихъ: „Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ“? выражаетъ также мысль Ломоносова, который нерѣдко уподоблялъ Петра I-го божеству и называлъ его богомъ Россіи.

[5]) Кн. Александръ Ивановичъ Мещерскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ, главный судья таможенной канцеляріи, былъ большой хлѣбосолъ и жилъ весьма роскошно, на что указываютъ стихи: „Гдѣ столъ былъ явствъ“, и пр. Ода Державина дѣлится на пять частей, или обращеній къ предметамъ, естественно представляющимся мысли нашей при видѣ смерти: къ бою часовъ (глаголъ временъ! металла звонъ!), напоминающему намъ постоянное приближеніе къ смерти; къ лицу, пораженному смертію (Мещерскому); къ смерти, которой могущество противополагается человѣческой ничтожности; къ себѣ самому, подлежащему общей участи смертныхъ; наконецъ къ другу покойнаго, болѣе другихъ огорченному его смертью.

[6]) и [7]) Подражаніе Галлеровымъ одамъ: „На вѣчность“ и „Солнце неподвижно между планетами“. Переводъ обѣихъ напеч. въ 1 и 2 №№ С.п.бургскаго журнала, Пнина (1798). Въ первой читаемъ: „Едва вчера изшелъ я изъ ничтожества, завтра половина моего существованія паки обратится въ ничто. Жизнь моя преходитъ аки сонъ“. Во второй:

«И только жить лишь начинаемъ,
Появимся и исчезаемъ,
Какъ прахъ, мгновенный блескъ лучей».

[8]) Стихи прекрасные въ поэтическомъ отношеніи, но они грѣшатъ противъ Астрономіи: солнцы суть также звѣзды.

[9]) Подражаніе Горацію (кн. I, ода 4): Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas regumque turres.“ Въ переводѣ Фета:

Смерть блѣдная равно стучитъ своей пятою
Въ лачуги бѣдняковъ и въ терема царей.

[10]) Эта и предъидущая строфы изображаютъ юность, мужество и старость. Характеръ первой — увлеченіе красотою, легкомысленность, чувство непосредственнаго счастія; характеръ втораго — желаніе почестей, стремленье къ славѣ; характеръ третьей — стяжаніе богатствъ.

[11]) Степанъ Васильевичъ, генералъ-маіоръ, другъ Мещерскаго, состоявшій при воспитаніи Павла I кавалеромъ.

[12]) Вся ода исполнена представленій чудеснаго: сначала олицетвореніе зимы, въ образѣ Борея; потомъ быстрый переходъ зимы къ веснѣ при рожденіи царственнаго отрока; далѣе появленіе геніевъ съ дарами; наконецъ олицетвореніе Россіи. Мысль піесы заключается въ словахъ послѣдняго генія: „Будь на тронѣ *человѣкъ*“! Человѣчность (гуманность) — наилучшій, божественный даръ каждаго, особенно владыки, имѣющаго великія средства проявлять его въ своихъ дѣйствіяхъ. Подъ именемъ „порфиророднаго отрока“ разумѣется в. к. Александръ Павловичъ, родившійся 12 декабря 1777 г., въ день поворота солнца съ зимы на лѣто.

[13]) Написана въ исходѣ 1782 г., напечатана въ I ч. Собесѣдника: „Ода къ премудрой киргизкасайцкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведено съ арабскаго языка 1782 г.“. Въ выноскѣ сказано: „Хотя имя сочинителя намъ и неизвѣстно; но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ“. Подъ видомъ Фелицы изображена Екатерина II. У

Державина были деревни въ Оренбургской губ., въ сосѣдствѣ Киргизской орды. Онъ называетъ себя мурзою, потому что родъ его происходитъ отъ Багрима мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой орды въ Россію при Василіи Темномъ. Вскорѣ послѣ „Фелицы" явилось нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору: одно подписано буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), другое принадлежитъ Кострову (10 кн. Собесѣдника). Въ „Письмѣ къ Ломоносову" (13 кн. того же журнала) говорится, что

Изъ новыхъ здѣсь творцовъ, послѣдователь твой
На верхъ Парнасса намъ *путь новый* проложилъ....
. . . . . . Кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть *иной хорошій родъ*.

„Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги: „Собесѣдникъ" замѣчаютъ, что оды, наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ, и что Фелица написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія не писались.

[14]) При этомъ въ „Собесѣд." выноска: „Подъ именемъ Фелицы разумѣется здѣсь премудрость, а сынъ ея—разсудокъ".

[15]) Въ то время императрица занималась сочиненіемъ Грамоты дворянства, Устава благочинія, и другими учрежденіями.

[16]) Екатерина не умѣла сочинять стиховъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру, напр. въ письмѣ отъ 20 мая 1771 г.: „De ma vie je n'ai su faire *ni vers, ni musique*". То и другое исключено было изъ ученія ея внуковъ: „Виршамъ и музыкѣ учить не для чего" (Инструкція кн. Салтыкову). Въ завѣщаніи Былей и Небылицъ сказано: „Стихотворческія изображенія и воображенія не употреблять, дабы не входить въ чужія межи". Стихи въ операхъ и сказкахъ Екатерины II сочинялись Елагинымъ, Храповицкимъ и другими.

[17]) Императрица не любила масоновъ и не ѣзжала въ ихъ ложи, подобно многимъ знатнымъ особамъ. Разсказывали, что масоны бесѣдуютъ съ духами.

[18]) Вѣроятно, авторъ разумѣлъ слѣдующее: „ты не мечтаешь о несбыточномъ завоеваніи Индіи и Персіи", что входило въ планы Потемкина.

[19]) Относится къ гр. А. Г. Орлову, любившему русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество.

[20]) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

[21]) Служа при генералъ-прокурорѣ въ сенатѣ, кн. Александрѣ Алексѣевичѣ Вяземскомъ, Державинъ читалъ ему разные романы, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Случалось, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

[22]) Державинъ, представляя себя однимъ изъ мурзъ или приближенныхъ киргизской царевны, предполагаетъ въ своемъ лицѣ соединеніе разныхъ недостатковъ, подмѣченныхъ имъ въ тогдашнихъ вельможахъ, и противопоставляетъ эти недостатки достоинствамъ Фелицы (т. е. Екатерины II).

[23]) Въ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ выведены мурза Лѣньтягъ, любившій покойную жизнь и нѣгу, и султанъ Брюзга, который никогда не смѣялся и сердился на другихъ за улыбку. Екатерина II разумѣла подъ ними кн. Потемкина и кн. Вяземскаго.

*

[24]) Относится къ сказкѣ о Царевичѣ Хлорѣ.

[25]) Императрица, подобно Траяну, была снисходительна къ злорѣчію на ея счетъ; можно много представить тому примѣровъ. Посвятивъ ей 1-ю часть своихъ стихотвореній, Державинъ беретъ въ эпиграфъ слѣдующія слова Тацита, какъ характеристику ея царствованія: „О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и говорить не воспрещалося; когда соединены были вещи несовмѣстимыя — владычество и свобода; когда при самомъ легкомъ правленіи общественная безопасность состояла не изъ одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго полученія прочнымъ образомъ желаемаго“. (Соч. Державина, ч. I, Спб. 1808 г.).

[26]) При императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему либо доносу попадали въ Тайную канцелярію. То же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому принимались за недоброжелателей ея.

[27]) Тоже считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что нибудь было подскоблено или поправлено. Только со временъ Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ титулъ изъ одной строки въ другую, а до тѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, нерѣдко наказывались плетьми. Горе было также тому, кто хотя ненарочно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ императрицы: клеветнику стоило только донесть, что такой-то бросилъ изображеніе лица ея. Обвиняемый былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отвозимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался.

[28]) Относится къ извѣстному ледяному дому, который былъ построенъ въ царствованіе Анны Іоанновны для шутовской свадьбы кн. Голицына.

[29]) Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутренніе свои покои, и кудахтали, какъ насѣдки, что, разумѣется, производило общій хохотъ.

[30]) Подобное поученіе есть дѣйствительно въ „Россійской азбукѣ“, составленной Екатериною для внуковъ ея, в. к. Александра и Константина, и напечатанной 1781 г. Во второй половинѣ этой азбуки (Гражданское начальное ученіе), состоящей изъ краткихъ наставленій, есть слѣдующій разсказъ: „У Діогена нѣкто спросилъ: какъ отомстить тому, кто его злословилъ? Діогенъ въ отвѣтъ сказалъ: не твори худо — злословника лжецомъ сотворишь.

[31]) Фелица написана по окончаніи первой турецкой войны (1774 г.), когда возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, въ томъ числѣ и публичныя больницы.

[32]) Екатерина II издала указъ о свободномъ промыслѣ пріисковъ золота и серебра во владѣніяхъ каждаго и предоставила ихъ въ собственность владѣльцу, тогда какъ прежде они должны были поступать въ казну; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ; разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ ма-

нуфактуръ-коллегіи нельзя было дѣлать.

[33]) Эту оду Державинъ написалъ для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводились на него за „Фелицу“, оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую зависть.

[34]) Такъ Державинъ называлъ въ стихотвореніяхъ первую свою супругу, урожденную Бастидонову.

[35]) Въ Царскомъ Селѣ находится донынѣ одна комната Екатерины II, убранная вся янтарями; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою; въ третьей были арабески изъ перламутра.

[36]) Екатерина показывала видъ, что не къ ней относилась ода къ Фелицѣ, и потому подарокъ автору (500 червонцевъ въ золотой, осыпанной бриліантами табакеркѣ) посланъ былъ безъ огласки.

[37]) Небольшіе ящички и коробки, въ которыхъ сохраняли разныя туалетныя мелочи (мушки, булавки и пр.).

[38]) Отсюда до стиха: „Держалъ какъ будто бы уснувъ“ — описаніе портрета Екатерины II, написаннаго Левицкимъ для гр. Безбородки, по изобрѣтенію Н. А. Львова, а теперь находящагося въ одной изъ залъ И. П. Библ.

[39]) Описаніе Владимірскаго ордена, который Екатерина, по написаніи ею Учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя въ награду за труды свои, объявивъ себя гроссмейстеромъ этого ордена.

[40]) Державинъ представленъ былъ Екатеринѣ въ воскресенье, въ кавалергардской комнатѣ, при многихъ особахъ. Подходя къ нему, императрица въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась, окинула его быстрымъ взоромъ и подала ему руку. Этого взора авторъ не могъ забыть никогда.

[41]) Авторъ даетъ чувствовать государынѣ, что и безъ ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ она подарила экземпляры Фелицы, подчеркнувъ то, что до каждаго изъ нихъ относится. Ода къ Фелицѣ произвела разные толки: одни говорили, что она слишкомъ льстиво, другіе, что слишкомъ смѣло писана; почему Державинъ и повторилъ нѣкоторые стихи изъ Фелицы, обративъ ихъ въ шутку надъ своими критиками: „иной отнесъ себѣ къ безчестью“, и пр.

[42]) Намекъ на Потемкина, который только тогда и былъ доволенъ, когда чего дожидался; а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ нарочныхъ за арбузами, за огурцами и т. п.

[43]) Древніе поэты героевъ своихъ помѣщали въ число созвѣздій и свѣтилъ небесныхъ.

[44]) Нѣкоторыя мѣста оды „Богъ“ заимствованы изъ стихотворенія Галлера: „Вѣчность“. Привожу выписки по переводу его въ 1 кн. С.-п.-бургскаго журнала, Пнина (1798):

„Я соединяю милліоны съ милліонами, совокупляю безчисленныя числа, сношу во-едино вѣки и міры, и когда съ сей ужасной высоты возвожу къ тебѣ смятенный взоръ свой — не составляютъ (они) малой частицы твоей неизмѣримости... У тебя всякое мгновеніе вѣчность“ (Держ.: „Въ воздушномъ океанѣ ономъ“.... и „Лишь мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ“....)

„Безпредѣльно - великое Существо! кто я, дабы равнятися съ тобою? Червь, зерно песка въ сей вселенной, которая сама, въ сравненіи съ тобою, одна пылинка“ (Держ.: „Какъ капля въ море опущенна“....)

Мысль о величіи человѣка, какъ подобія Божества („Ничто, но ты во мнѣ сіяешь“...), выражена также въ піесѣ: „Тоска души“, переведенной Державинымъ изъ Козегартена

Его подобіе есть ты (*человѣкъ*),

Его отсвѣтъ въ тебѣ блистаетъ:
Гордись, мой братъ, величьемъ симъ.

[45]) Написана въ честь кн. Н. В. Репнина, который одержалъ побѣду надъ турками при Мачинѣ.

[46]) Одна изъ лучшихъ сатиръ Державина. Первый видъ ея — „Ода на знатность".

[47]) Извѣстно, что Калигула далъ своей любимой лошади званіе консула.

[48]) Гжатскій купецъ, торговавшій въ Спб. пенькою. Пострадавъ отъ пожара, онъ объявилъ себя банкрутомъ и, для избѣжанія преслѣдованія отъ кредиторовъ, притворялся сумасшедшимъ: говорилъ, что марокская принцесса въ него влюблена и прислала ему ордена. Кромѣ того онъ получалъ отъ нѣкоторыхъ насмѣшниковъ медали и разноцвѣтныя ленты, которыя тоже носилъ на себѣ.

[49]) Предъидущія три строфы относятся къ Потемкину.

[50]) Полковникъ Костогоровъ оказывалъ многія услуги Потемкину и былъ изъ числа приближенныхъ къ нему людей. По непріятному стеченію обстоятельствъ, онъ, вступясь за начальника своего, былъ убитъ на дуели. Вдова его съ груднымъ ребенкомъ часто ходила къ Потемкину просить помощи.

[51]) Камиллъ, римскій консулъ и диктаторъ, когда отечество не имѣло въ немъ нужды, слагалъ съ себя это званіе и удалялся въ деревню. Державинъ сравниваетъ съ нимъ Румянцова - Задунайскаго, который хотя и носилъ въ это время званіе фельдмаршала, но по дѣйствіямъ своихъ недоброжелателей ничѣмъ не начальствовалъ и жилъ въ своихъ деревняхъ.

[52]) И. И. Шувалова и гр. Безбородко.

[53]) Относится къ Шувалову.

[54]) Кн. П. А. Зубовъ, обѣщавшій пріѣхать, но незадолго передъ обѣдомъ приславшій сказать, что не можетъ быть: послѣдняя строфа относится къ нему.

[55]) Подражаніе одѣ Горація: „Мельпоменѣ" (кн. III, ода 30). Многіе наши стихотворцы переводили ее. Пушкинъ также подражалъ ей, въ піесѣ „Памятникъ". Любопытно сличить эти три стихотворенія (Горація, Державина и Пушкина), чтобы видѣть, что именно каждый поэтъ признавалъ въ своей дѣятельности заслуживающимъ безсмертія. Горацій говоритъ о себѣ слѣдующее (по переводу Фета):

Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ народъ трудолюбивый —
Что изъ ничтожности былъ славой я избранъ
За то, что первый я на голосъ Эолійскій
Свелъ пѣснь Италіи.

„Ауфидъ" — рѣка въ Апуліи, родинѣ Горація, „Давнъ"—первый царь Апуліи; „Эолійскій голосъ" — Горацій первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.

[56]) Евгеній Болховитиновъ, митр. кіевскій, извѣстный своими историческими трудами, былъ съ 1804 по 1808 г. епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новогородскимъ. Онъ часто посѣщалъ Державина лѣтомъ, въ имѣніи его Званкѣ (Новг. губ.). Между ними велась переписка.

[57]) Въ Званкѣ, неподалеку отъ дома Державина, находился курганъ, подобный многимъ другимъ, въ тѣхъ мѣстахъ разсѣяннымъ. Курганы эти, по открываемымъ въ нихъ остаткамъ костей человѣческихъ, означаютъ могилы людей знаменитыхъ, витязей древнихъ битвъ. По преданію одинъ

изъ новгородскихъ вождей почитался волхвомъ, который имѣлъ способность превращаться въ крокодила и другихъ чудовищъ и губилъ людей, плывшихъ по рѣкѣ и по озеру Ильменю.

[58]) Евгеній извѣстенъ былъ своими историко - литературными трудами.

[59]) „Щипнешь", какъ тихій „громъ"— странное соединеніе двухъ дѣйствій.

[60]) Сознаніе поэтическаго своего достоинства, полнѣе выраженное въ „Памятникѣ".

XLVI.

КОСТРОВЪ. ([1]).

А. ИЛІАДА (1787). ([2]).

Единоборство Менелая съ Парисомъ.

(Изъ 3-й пѣсни).

Улиссъ со Гекторомъ измѣрить мѣсто тщатся,
Гдѣ два противника между собой сразятся;
По семъ, ихъ жребіи въ шлемъ мѣдный положивъ,
Трясутъ, дабы, изъявъ, увидѣть кто счастливъ,
Дабы ему врага копьемъ разити прежде;
Народы же межъ тѣмъ во страхѣ и надеждѣ,
Воздѣвши длани ввыспрь, мольбы ліютъ къ богамъ;
Единъ несется гласъ по воинскимъ рядамъ:
«О покланяемый на Идѣ Зевсъ державный,
Безсмертный, вѣчный царь, въ величествѣ преславный!
Да снидетъ въ мрачный адъ, противникомъ сраженъ,
Злодѣй, кѣмъ страшный огнь войны сея возженъ,
И кто низвергъ троянъ и грековъ въ бѣдства слезны,
А мы да заключимъ союзъ и миръ любезный».
Рекли—но Гекторъ шлемъ великій сотрясалъ,
Се братній жребій онъ, взирая вспять, изъялъ.
Тогда всѣ ратники въ строяхъ своихъ возсѣли,
Коней, оружія вблизи себя имѣли.
Еленинъ же супругъ, божественный Паридъ,
Уже оружіемъ покрыть себя спѣшитъ;
Вначалѣ сапоги на ноги надѣваетъ
И сребряными ихъ застежками скрѣпляетъ;
И Ликаоновой онъ братнею броней
Вооружаетъ грудь для крѣпости своей;

Она сразмѣрна, въ ней онъ, движась, испытуетъ,
Потомъ себя мечемъ драгимъ препоясуетъ,
Пріемлетъ въ шуйцу щитъ, преграду страшныхъ силъ,
Главу же лѣпую прекрѣпкій шлемъ покрылъ,
На коемъ конскій хвостъ колеблясь сотрясался:
Въ героѣ гордый видъ тѣмъ вящше умножался.
Десница тяжкое вращаетъ копіе,
Велико, но во всемъ способно для нея.
Подобно Менелай, вооруженъ ко брани,
Готовъ является вознесть геройски длани.

И се они текутъ двухъ воинствъ на среду,
Лія отъ взоровъ огнь и пламенну вражду;
Всѣхъ зрящихъ въ хладный страхъ и ужасъ приводили,
И въ мѣсто, къ подвигу назначенно, вступили;
Трясутся копья ихъ, въ очахъ же гнѣвъ горитъ.
Паридъ копье свое въ противну грудь стремитъ:
Летитъ оно во щитъ, щита не проницаетъ;
Мѣдь тверда остріе копейно отражаетъ.
Но Менелай, стремясь копьемъ разитъ его,
Вознесъ къ Зевесу гласъ моленія сего:
«Державный царь! мнѣ даждь низринуть въ адъ Парида!
Отмстится пусть мое безчестіе, обида,
Дабы и въ поздній родъ страшился всякъ дерзать
Гостепріимцу зло за дружбу воздавать».
Скончалъ—и копіе изъ рукъ его пустилось,
Пробивши крѣпкій щитъ, въ броню, жужжа, вонзилось,
Близь ребръ Паридовыхъ хитонъ разсѣкло бѣлъ;
Паридъ, уклоншися, пребылъ безвреденъ, цѣлъ;
Но Менелай, свой мечъ извлекши въ гнѣвѣ яромъ,
Вознесъ надъ шлемъ врага и мстительнымъ ударомъ
Разитъ, но мечъ, о шлемъ сокрусшись, въ части палъ;
Герой, на небо зря, вздыхая, вопіялъ:
«Зевесъ! нѣтъ божества, какъ ты, немилосерда:
Мнѣ злость врага карать была надежда тверда;
Но се мой грозный мечъ на части раздробленъ,
Се тщетно копіе, Паридъ несокрушенъ».

Онъ рекъ, и, устремясь поспѣшною стопою,
Схватилъ врага за шлемъ безтрепетной рукою,
Влечетъ къ своимъ полкамъ, не ослабляя длань,
Въ Паридѣ духъ тѣснитъ, и нѣжну жметъ гортань,
Искуснымъ швеніемъ блестящъ ремень жестокій,

Чѣмъ подъ браду скрѣпленъ былъ
шлемъ его высокій,
Влечетъ; не медля бы пріялъ без-
смертну честь,
Но дщерь царя боговъ, Венера,
видя месть,
Спѣшитъ къ наперснику и рветъ
ремень воловой;
Шлемъ праздный слѣдуетъ за дла-
нію суровой;
Герой его сотрясъ и ринулъ въ
дружню рать,
Клевреты же спѣшатъ корысть
сію поднять;
Онъ ринулъ, и летитъ, питая
гнѣвну злобу,
Да погрузитъ копье въ Паридову
утробу,
Но сей Венерою отъ смерти вмигъ
отъятъ,
Зане безсмертные преградъ ни въ
чемъ не зрятъ;
Она подъ мглой его ввела въ чер-
тогъ пріятный.

В. ОССІАНЪ, СЫНЪ ФИНГАЛОВЪ (1792). (3).

Бой Сварана съ Фингаломъ. Повѣсть о Локлинскомъ вождѣ Орлѣ.

(Изъ 5-й пѣсни).

Кто сей толико ужасный, толико стремительный въ теченіи своемъ ратоборецъ?

Кто, кромѣ сына Старнова, дерзнетъ летѣть во срѣтеніе владыкѣ Морвенскому? Взирай на противоборствіе сихъ вождей. Таковы сражаются на океанѣ два духа и спорятъ, кто изъ нихъ долженъ возвышать его волны. Звѣроловецъ, стоящъ на холмѣ, слышитъ звуки ихъ усилій; онъ видитъ, волны подъемлются и стремятся по брегамъ Арвена. Тако вѣщалъ Конналъ (а), когда два героя сближились посреди своихъ ратниковъ, упадающихъ на всѣ страны (б). Въ семъ ужасѣ, въ семъ кровопролитіи внемлются звуки паденія оружій и удвояемыхъ ударовъ. Ужасно противоборствіе двухъ вождей, ужасны очей ихъ взоры; щиты ихъ разрушаются, и сталь ихъ шлемовъ летитъ раздроблена въ мелкія части; они повергаютъ рукояти своихъ оружій, и каждый стремится схватиться за тѣло своего противника; жилистыя руки ихъ сплетаются; они объемлются, они влекутъ къ себѣ другъ друга, колеблясь на десную и на шуюю страну; въ сей кровопролитной борьбѣ твердыя ихъ жилы напрягаются и распростираются. Но когда уже пламенное свирѣпство ихъ воскрилило и напрягло всѣ ихъ силы и крѣпость, тогда колеблемый отъ ихъ усилій холмъ потрясся и встрепеталъ отъ основанія до высоты своей. Наконецъ Сваранъ изнемогаетъ: онъ палъ, и надменный Локлинскій владыка связуется узами.

Тако зрѣлъ я на высотѣ Коны (в), сей Коны, которыя очи

а) Другъ Кушуллина, владѣтель Тогормы (одного изъ Гебридскихъ острововъ).

б) De toutes parts.

в) Небольшая рѣка.

мои уже не видятъ, тако зрѣлъ я два холма оторженные отъ своихъ основаній наглостію бурнаго и стремительнаго источника: они, тяжестію своею склоняясь другъ ко другу, сближаются, древа ихъ касаются въ воздухѣ своими верхами; вдругъ оба они упадаютъ и, катясь, влекутъ съ собою свои древеса и камни; теченіе рѣкъ премѣняется, и багровыя развалины обрушенной ихъ земли издалече еще поражаютъ взоръ путешественника.

Чада владыки Морвенскаго, рекъ Фингалъ, стрегите вождя Локлинскаго, зане крѣпость его есть крѣпость тысящи разъяренныхъ волнъ; его мышца научена на брань; онъ облеченъ во все мужество древнихъ героевъ своего племени. Храбрый Галлъ, и ты, Оссіанъ, сопутствуйте брату Агандеки (а) и вселяйте радость въ унылую душу его. Но вы, Оскаръ, Филланъ и любезный Рино (б), вы стремитесь во слѣдъ разсѣянныхъ чадъ Локлинскихъ: да ни единъ ихъ корабль не дерзнетъ впередъ уничижать морей нашихъ. Онъ рекъ—они воздвинулись, и летятъ яко молнія. Фингалъ шествуетъ за ними тихими стопами, подобенъ облаку, несущему въ нѣдрахъ своихъ перуны, когда поля и долины безмолвствуютъ, опаляемы зноемъ лѣтнимъ. Его мечъ блистаетъ предъ его взоромъ. Онъ видитъ одного изъ вождей Локлинскихъ и вѣщаетъ ему: кто сей ратникъ, зримый мною и оперш йся о твердый камень? онъ не можетъ перескочить источника: его станъ и видъ являютъ въ немъ героя, щитъ его при немъ, и его копіе возвышается яко пустынное древо. Храбрый юноша, сподвижникъ ли ты мнѣ, или одинъ изъ сопостатъ Фингала?

—Я сынъ странъ Локлинскихъ, возопилъ воитель, и моя десница крѣпка. Супруга моя рыдаетъ въ моихъ чертогахъ; но мужественный Орла никогда въ нихъ не возвратится.

—Покоряешься ты власти моей, или хочешь противоборствовать? рекъ Фингалъ. Сопостаты не торжествуютъ предъ лицемъ моимъ, и (в) друзья мои прославляются въ моихъ чертогахъ. Юный пришлецъ, сопутствуй мнѣ, и гряди участвовать въ торжественныхъ моихъ пиршествахъ; гряди поражать быстротечныхъ сернъ въ моихъ пустыняхъ.

—Да не будетъ, вѣщаетъ герой, я защитникъ слабыхъ; моя крѣпость всегда готова на помощь изнемогающаго. Мечъ мой еще не срѣталъ себѣ равнаго: да уступитъ мнѣ владыка Морвена.

—Вѣдай, храбрый Орла, никогда Фингалъ, никогда не покорялся смертному. Извлеки твой мечъ, избирай себѣ сопостата изъ моихъ бранноносцевъ.

а) Сестра Сварана, дочь Старна.

б) Галлъ, Оскаръ, Филланъ, Рино вожди, пришедшіе съ Фингаломъ. Оссіанъ—сынъ его.

в) Но (et).

—Но владыка ихъ или не хочетъ противостать мнѣ? рекъ мужественный Орла; одинъ Фингалъ во всемъ племени своемъ, одинъ Фингалъ достоинъ противоборствовать Орлѣ.

Но внемли, сильный царь Морвена, если паду пораженъ тобою, зане и мужественный долженъ нѣкогда погибнуть, воздвигни мнѣ гробъ посреди Лены, возвысь его, да царствуетъ онъ надъ всѣми прочими. Мечъ Орлы возврати чрезъ пространство морей нѣжной его супругѣ, чтобъ, орошаема слезами, могла она показать его моему сыну и воспламенить въ сердцѣ его любовь ко брани.

— Несчастный юноша, рекъ Фингалъ, для чего печальною сею бесѣдою обновляешь ты мою горесть! Такъ, предписано время, чтобъ низвергались во гробъ и сильные, и чтобъ юныя чада ихъ взирали на праздное ихъ оружіе, висящее на стѣнахъ ихъ чертоговъ; но твои желанія, Орла, совершатся. Я возвышу тебѣ гробъ, мечъ твой будетъ орошенъ слезами нѣжной твоей супруги.

Они сражаются, но мышца Орлы уже изнемогла; мечъ Фингаловъ спускается и разсѣкаетъ на полы щитъ его. Раздробленная сталь летитъ и блистаетъ на земли, подобно лунѣ, сіяющей во время ночи надъ струями источника.

Владыка Морвена, рекъ герой, возвысь твой мечъ и пронзи грудь мою. Уязвленъ во брани, остался я здѣсь безсиленъ и забвенъ отъ всѣхъ друзей моихъ; скоро, скоро печальная вѣсть о смерти моей разнесется на брегахъ Лоды и притечетъ къ моей возлюбленной въ тѣ часы, когда, уединенна, странствуетъ она въ густыхъ рощахъ.

—Нѣтъ, отвѣчалъ Морвенскій владыка, ты никогда не будешь пронзенъ мечемъ моимъ: я хочу, да нѣжная твоя супруга еще увидитъ тебя на брегахъ Лоды, избѣгша отъ рукъ смертоносной брани; я хочу, да почтенный твой родитель, который старостью лишенъ уже, можетъ быть, зрѣнія, хотя услышитъ голосъ твой въ своемъ жилищѣ.... Онъ возстанетъ, исполненъ радости, и его заблуждающія руки будутъ искать Орлу, чтобъ осязать его съ веселіемъ.

—Они уже вѣчно его не осяжутъ, Фингалъ! я умру на поляхъ Лены; иноплеменные барды будутъ о мнѣ бесѣдовать; широкій мой поясъ скрываетъ глубокую и смертную язву; виждь, я его отторгаю отъ персей моихъ и повергаю на воздухъ.

Черная кровь, кипя и пѣнясь, стремится изъ ребръ его. Онъ истощается, блѣднѣетъ, упадаетъ, и Фингалъ, тронутый сожалѣніемъ, уклоняется къ умирающему герою. Онъ призываетъ своихъ юныхъ ратниковъ: Оскаръ, Филланъ, любезныя мои чада, воздвигните гробъ мужественному Орлѣ; онъ почіетъ на семъ полѣ, удаленъ отъ пріятнаго журчанія Бады, удаленъ отъ несчастной своей супруги; нѣкогда слабые ратники увидятъ лукъ его, вися-

щій въ его чертогахъ; они потщатся его напрягать, но тщетно; вѣрные псы его воютъ на холмахъ печально; дикіе звѣри, бѣжавшіе прежде отъ стрѣлъ его, радуются о его смерти: уже онъ бездыханенъ, уже безоружна сія крѣпкая мышца браней, первый изъ мужественныхъ уже въ объятіяхъ смерти!

[1]) Костровъ, Ермилъ Ивановичъ, сынъ государственнаго крестьянина Вятской губ., род. въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, учился сперва въ вятской семинаріи, потомъ въ московской славяно-греко-латинской академіи, наконецъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень баккалавра. Ум. 1796 г. Костровъ былъ привилегированнымъ, оффиціальнымъ поэтомъ москов. университета, отъ имени котораго писалъ стихотворенія на замѣчательныя событія. Сочиненія и переводы его имѣли два изданія, оба неполныя: первое—1802, въ 2 ч., второе 1849 (въ Смирд. изд. русскихъ авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Аблесимова). Главнѣйшіе переводы его, въ стихахъ — восемь съ половиною пѣсенъ Иліады, изъ которыхъ первыя шесть напечатаны особою книгою (1787 г.), а остальныя, найденныя по смерти переводчика, въ 14 и 15 №№ Вѣст. Евр. 1811 г.; въ прозѣ: Превращеніе или золотой оселъ, Апулея (1780—81), Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка: Гальскія стихотворенія (1792). (Подробности см. въ ст. моей о сочин. Кострова и Аблесимова, Отеч. Зап. 1851, № 9, и въ ст. П. О. Морозова: „Костровъ", въ Филологическихъ Запискахъ 1876 г. и отдѣльный оттискъ).

Оды Кострова, по направленію и формѣ, принадлежатъ къ отдѣлу Ломоносовской лирики. Если есть въ нихъ какое нибудь отличіе отъ однородныхъ піесъ Ломоносова, Сумарокова, Петрова и другихъ, то оно объясняется вліяніемъ Апулеева романа (особенно басни о Психеѣ) и Оссіановыхъ стихотвореній, и состоитъ въ томъ, что Костровъ по мѣстамъ вводилъ въ нихъ элементъ идиллическій или эротическій, на ряду съ величественными образами Юпитера, Нептуна, Минервы, Аполлона ставилъ образы нѣжныхъ миѳологическихъ существъ: Венеры, Зефировъ, Амура, Граціи, Нимфъ, Нереидъ и пр.

[2]) „Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ, 1787". Переводъ посвященъ Екатеринѣ II. Посвятительные стихи касаются видовъ ея на Грецію. Гомеръ, пишетъ Костровъ, еще въ древности изобразилъ торжество сѣвера надъ югомъ; въ наше время Россія увидѣла героевъ, устремившихся на Стамбулъ и Крымъ; русскій флагъ надъ Геллеспонтомъ есть ужасъ варварамъ, а грекамъ источникъ благъ. Въ концѣ обращеніе къ Гомеру:

О Россахъ истинно предчувствіе твое:
Въ Екатеринѣ зримъ его событіе.

[3]) „Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка: гальскія (иначе эрскія, или ирландскія) стихотворенія. Переведены съ французскаго Е. Костровымъ, 2 ч. (1792)" Второе изданіе — 1818. Вопросъ объ Оссіанѣ приведенъ теперь въ ясность: пѣсни его суть не что иное, какъ сочиненія англичанина Макферсона, который написалъ ихъ въ духѣ ирландскихъ сагъ и народныхъ пѣсенъ и выдалъ 1760 г. за открытые имъ поэтическіе памятники древняго барда. Французскій переводъ (1777) этихъ подложныхъ пѣсенъ принадлежитъ Летурнеру, познакомившему своихъ соотечественниковъ съ Шекспиромъ, Юнгомъ, Ричардсономъ и другими англійскими писателями

въ то время, когда еще господствовали стѣснительныя теоріи псевдоклассицизма. Этотъ-то переводъ передалъ Костровъ слишкомъ буквально, посвятивъ свой трудъ Суворову, который на стихотворное его посланіе отвѣчалъ также стихами. Суворовъ любилъ читать Оссіана, и Державинъ въ двухъ одахъ: „на переходъ чрезъ Альпійскія горы" и „на побѣды въ Италіи", старался подражать Оссіановскому тону. См. въ послѣдней піесѣ стихи:

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка, щитъ, и пр.

Другіе стихотворцы черпали нерѣдко сюжеты изъ того же источника: въ трагедіи Озерова „Фингалъ", многія пѣсни бардовъ взяты изъ Оссіана; Капнистъ переложилъ „Гимнъ къ солнцу слѣпаго старца Оссіана"; единоборство Мегмета-Кула съ Ермакомъ, И. Дмитріева (въ піесѣ „Ермакъ"), есть подражаніе единоборству Сварана, сына Старнова, съ Фингаломъ. Пѣсни Оссіана состоятъ изъ нѣсколькихъ поэмъ. Главный герой ихъ — Фингалъ, „Ахиллъ сѣверныхъ странъ". Первая поэма, называемая егоименемъ, заключаетъ въ себѣ шесть пѣсенъ. Дѣйствію ея предшествовали слѣдующія событія: Арто, царь ирландскій, умеръ въ дворцѣ своемъ Теморѣ, оставивъ по себѣ малолѣтняго сына Кормака. Племена собрались для выбора наслѣднику попечителя. Выборъ палъ на Кушуллина, сына самовладѣтеля Гебридскихъ острововъ. Едва вступилъ онъ въ управленіе, какъ получаетъ извѣстіе, что Сваранъ, царь локлинскій (въ Скандинавіи), угрожаетъ высадкой на берега Ирландіи. Кушуллинъ отправляетъ одного изъ вождей, Морана, просить помощи у Фингала, царствовавшаго надъ каледонянами, которые обитали въ сѣверо-западной части Шотландіи. Фингалъ отправляется на помощь; прежде его прибытія Сваранъ уже приближается къ ирландской провинціи Ульстеру. Кушуллинъ устраиваетъ въ боевой порядокъ лучшія войска свои подъ стѣнами Туры; сторожевые отряды его наблюдаютъ за непріятелемъ вдоль берега. Отсюда начинается дѣйствіе, которое продолжается пятеро сутокъ и происходитъ на поляхъ Лены, близъ горы Кромлы, на берегу Ульстера. Фингалъ, отецъ Оссіана и царь морвенскій (Морвена — цѣпь высокихъ горъ), есть герой поэмы.

XLVII.

В. И. МАЙКОВЪ. (1).

ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХЪ (1775). (2).

Разсказъ Елисея о битвѣ Зимогорцевъ съ Валдайцами за сѣнокосъ.

Уже мы подъ ячмень всю пашню запахали,
По сихъ трудахъ весь скотъ и мы всѣ отдыхали;
Ужъ хлѣбъ на полвершка посѣянный возросъ,
Настало время намъ идти на сѣнокосъ.
А наши пажити, какъ всѣмъ сіе извѣстно,

Сошлись съ валдайскими задами очень тѣсно;
Ихъ некому развесть опричь межевщика;
Снимала съ нихъ траву сильнѣйшая рука;
И такъ они у насъ всегда бывали въ спорѣ:
Вотъ вся вина была къ ужасной нашей ссорѣ!
Уже насталъ тотъ день, пошли мы на луга
И взяли молока, яицъ и творога,
Обременилися со квасомъ бураками,
Блинами сытными, виномъ, крупениками;
Съ снарядомъ таковымъ лишь мы явились въ лугъ,
Узрѣли предъ собой напасть свою мы вдругъ:
Стоятъ съ орудіемъ тамъ гордые Валдайцы.
Мы дрогнули и всѣ побѣгли яко зайцы,
Бѣжимъ и ищемъ имъ подобнаго ружья—
Жердей, тычинъ, шестовъ, осколковъ и дубья;
Другъ друга тутъ мы взять шесты предускоряемъ,
Другъ друга тутъ мы всѣ ко брани предваряемъ.
Начальникъ нашея ямскія слободы,
Предвидя изъ сего ужасныя бѣды,
Садится на коня и насъ всѣхъ собираетъ;
Лишь собралъ, взялъ перо, бумагу имъ мараетъ.
Хоть не былъ онъ французъ и не былъ также грекъ,
Онъ русскій былъ, но былъ приказный человѣкъ
И былъ коричневымъ одѣянъ онъ мундиромъ.
Не дай Богъ быть писцу военнымъ командиромъ!
Онъ, вынувши перо, и пишетъ имена,
Тогда какъ нашу боль ужъ чувствуетъ спина
Отъ ниспаденія къ намъ каменнаго града.
И можноль, чтобъ была при писарѣ Паллада?
Онъ пишетъ имена, а насъ Валдайцы бьютъ,
Старухи по избамъ на небо вопіютъ,
Ребята малыя, всѣ дѣвки, бабы, куры
Забились подъ печи и спрятались въ конуры.
Мы видимъ, что не быть письму его конца,
Не стали слушаться мы болѣе писца.
Какъ вихри ото всѣхъ сторонъ мы закрутились
И, сжавшись кучею, ко брани устремились.
Плетни ни отъ воды не могутъ насъ сдержать,
Валдайцамъ лишь одно спасеніе—бѣжать.
Однако противъ насъ стоятъ они упорно
И дѣйствуютъ своимъ дреколіемъ проворно;
Не можемъ разорвать мы ихъ порядка связь:
Летятъ съ обѣихъ странъ на насъ каменья, грязь,

Неистовыхъ людей военные снаряды;
Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады;
Но наши такъ стоятъ, какъ твердая стѣна.
Прости, что я теперь напомню имена,
Которыя сюда вносить хотя бъ не кстати,
Однакъ безъ нихъ нельзя бъ побѣды одержати;
Хотя бы нашъ писецъ еще мудрѣе былъ,
Но онъ бы лбомъ своимъ стѣны той не разбилъ,
Которую едва мы кольемъ раздробили.
Ужъ мы каменьями другъ друга больно били,
Какъ первый Степка нашъ, ужасный озарникъ
(Хотя не взраченъ онъ, но сильный былъ мужикъ),
Сей съ яростію въ бой ближайшій устремился
И въ кучу толстую къ Валдайцамъ проломился:
Біетъ уразиной (а), возсталъ межъ ними крикъ,
А Степка дѣйствуетъ надъ ними какъ мясникъ.
Потомъ тотчасъ его племянникъ, взявъ дубину,
Помчался, оробѣлъ и далъ имъ видѣть спину,
Гдѣ рѣзвый на него Валдаецъ наскочилъ
И верхъ надъ нашимъ сей героемъ получилъ,
Въ срединѣ самыя кровопролитной сѣчи
Вскочилъ ко нашему герою тотъ на плечи
И превознесся тѣмъ надъ всею онъ ордой:
Онъ началъ битвою, а кончилъ шахардой (б).
Но шутка такова окончилась бѣдою:
Валдаецъ не успѣлъ поздравить насъ съ ѣздою,
Племянникъ Степкинъ, взявъ Валдайца за кушакъ,
И тропнулъ о землю сего героя такъ,
Что носъ его разбилъ и сдѣлалъ какъ плющатку;
Съ тѣхъ поръ онъ на носъ свой кладетъ всегда заплатку.
И се увидѣли мы всѣ тогда вдали—
Несется человѣкъ замаранъ весь въ пыли;
Тó былъ прегордый самъ Валдайцевъ предводитель;
Сей скотъ былъ нашему подобный управитель;
Свирѣпствуя на насъ во внутреннемъ огнѣ,
Онъ скачетъ къ нашему герою на конѣ.
Всѣ мнили, что они ужасною борьбою
Окончатъ общій бой одни между собою;
Всѣ смотримъ, всѣ стоимъ, и всѣхъ насъ обнялъ страхъ.
Уже съѣзжаются герои на коняхъ;
Но вдругъ тутъ мысли въ нихъ совсѣмъ перемѣнились:

а) Орясина—толстая дубина.

б) Чихарда—простонародная игра.

Они не билися, но только побранились,
Оставя кончить бой единымъ только намъ;
Ихъ кони развезли обоихъ по домамъ.
Межъ тѣмъ ужъ солнышко, коль хочешь это вѣдать,
Сіяло такъ, что намъ пора бы и обѣдать;
И если бы не бой проклятый захватилъ,
Я, можетъ быть, куска бъ ужъ два-три проглотилъ:
Но въ обстоятельствѣ, въ какомъ была жизнь наша,
Не шли на умъ мнѣ щи, ниже крутая каша.
Когда начальниковъ лошадки развезли,
Тогда прямую мы войну произвели:
Не стало между всѣхъ порядка никакого,
И съ тѣмъ не стало вдругъ большаго ни меньшаго,
Смѣсилися мы всѣ и стали всѣ равны.
Вдругъ братъ мой въ помощь намъ, какъ ястребъ, налетѣлъ,
Смутилъ побоище, какъ брагу онъ въ ушатѣ.
Но не поставь мнѣ въ ложь, что я скажу о братѣ:
Имѣя толстую уразину въ рукахъ,
Наноситъ нашимъ всѣмъ врагамъ онъ ею страхъ;
Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
А гдѣ повернется, тамъ площадь становится.
Уже онъ близъ часа Валдайцевъ поражалъ
И словомъ, отъ него тамъ каждый прочь бѣжалъ,
Какъ вдругъ противъ его соперникъ появился;
Вдругъ подвигъ братнинъ тутъ совсѣмъ остановился;
Валдаецъ сей къ нему на шею вдругъ повисъ
И ухо правое у брата прочь отгрызъ.
И тако братецъ мой возлюбленный Илюха
Пришелъ на брань съ ушьми, а прочь пошелъ безъ уха;
Тащится какъ свинья, совсѣмъ окровавленъ,
Изъѣденъ, оборванъ, а пуще осрамленъ.
Какая же, суди, мнѣ сдѣлалась утрата:
Лишился уха онъ, а я лишился брата!
Съ тѣхъ поръ за брата я его не признаю.
Не мни, что я сказалъ напрасно рѣчь сію:
Когда онъ былъ еще съ обоими ушами,
Тогда онъ трогался несчастливыхъ словами;
А нынѣ эта дверь совсѣмъ затворена,
И слышитъ только онъ одно, кто молвитъ: «на!»
А «дай»—сего словца онъ нынѣ ужъ не внемлетъ
И лѣвымъ ухомъ просьбъ ни чьихъ онъ не пріемлетъ.
Въ пустомъ колодезѣ не скоро найдешь кладъ,
А мнѣ безъ этого не надобенъ и братъ.

[1]) Майковъ, Василій Ивановичъ (1726—1778), пріобрѣлъ извѣстность преимущественно комическими поэмами: „Игрокъ Ломбера", въ 3-хъ пѣсняхъ (1763), и „Елисей, или раздраженный Вакхъ", въ 5-ти пѣсняхъ (1775 г.). Полное собраніе его сочиненій и переводовъ, съ портретомъ автора, съ статьею о его жизни и сочиненіяхъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова, составляетъ одинъ томъ въ изданіи И. Глазунова: „Русскіе писатели XVIII и XIX ст.".

[2]) Герой этой поэмы—ямщикъ изъ Зимогорья—Елисей. Вакхъ, раздраженный на откупщиковъ за дороговизну вина, избираетъ Елисея орудіемъ своего мщенія; послѣ разныхъ побочныхъ похожденій, ямщикъ вводится Силеномъ, по приказанію Вакха, въ домъ самого откупщика, опустошаетъ, вмѣстѣ съ самимъ Вакхомъ, погребъ хозяина и потомъ принимается за разореніе другихъ откупщиковъ. Но эта дерзость приводитъ въ гнѣвъ Зевеса; онъ собираетъ боговъ и рѣшаетъ наказать Елисея отдачею его въ солдаты. Исполненіемъ этого приговора оканчивается поэма. — Майковъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности, которое замѣчается въ русской словесности Екатеринина вѣка. Онъ почерпалъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни. Поэтому и былъ онъ любимъ въ свое время какъ писатель: его читали и люди высшаго общества, и „средняго рода люди", что служитъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительной его популярности, которою въ XVIII вѣкѣ пользовались немногіе литераторы (См. указанную статью Л. Н. Майкова).

XLVIII.

М. Н. МУРАВЬЕВЪ. ([1]).

1. Посланіе къ И. П. Тургеневу (1774). ([2]).

Не тотъ еще, мой другъ, свободный человѣкъ,
Кто преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ
Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ дѣла,
Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
Подъ игомъ праздности стенящаго своей.
Напрасно въ свѣтѣ онъ разсѣянья желаетъ:
Свѣтъ, зримый всякій день, его не забавляетъ,
И между тѣмъ какъ все въ движеньи вкругъ его,
Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
Напрасно бы жезломъ какой всесильной феи
Онъ видѣлъ всѣ свои исполненны затѣи—
Онъ тысящи бы вновь желаній сплеталъ

И посреди воды былъ жажденъ
как Танталъ.
Того лишь, кто владѣть умѣетъ
самъ собою,
Зову свободнымъ я: не споритъ
онъ съ судьбою,
Но всюду слѣдуетъ призванію ея
И знаетъ, живучи, всю цѣну житія;
Безъ наслажденія минуты не про-
ходятъ,
Раскаянья онѣ и скуки не приво-
дятъ;
Любовью истины, любовью кра-
соты
Исполненъ духъ его, украшены
мечты.
Искусства! васъ къ себѣ онъ въ
помощь призываетъ,
Отъ зависти себя онъ въ вашу
сѣнь скрываетъ;
Безъ гордости великъ и важенъ
безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ
готовъ;
Онъ свято чтитъ родства священ-
ные союзы
И, чтобъ свободнымъ быть, прі-
емлетъ легки узы.
Внимательный супругъ и счастли-
вый отецъ,
Онъ властью облеченъ по выбору
сердецъ.
Счастливъ, кто можетъ быть се-
мейства благодѣтель!
Что нужды, домъ тому иль цѣлый
міръ свидѣтель!
Таковъ Эмилій былъ, равно до-
стоинъ хвалъ,
Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль
какъ при Каннахъ палъ.
Конечно жребій тѣхъ достоинъ
удивленья,
Кто поприще честей прошли безъ
умедленья:
Служить отечеству — верховный
душъ обѣтъ!
Нашъ долгъ туда спѣшить, куда
оно зоветъ.
Но если въ множествѣ ревнителей
ко славѣ
Мнѣ должно уступить: уже ли
буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой доса-
ждать?
Мнѣ—только что служить, отчиз-
нѣ—награждать.
Изъ трехъ сотъ праздныхъ мѣстъ
спартанскаго совѣта
Народъ ни на одно не избралъ
Педарета:
«Хвала богамъ!» сказалъ, народа
не виня,
«Есть триста человѣкъ достойнѣе
меня».
Полезнымъ можно быть, не бывши
знаменитымъ;
Срѣтаютъ счастіе и по тропин-
камъ скрытымъ.
Сей старецъ, коего Виргилій вос-
пѣвалъ,
Что близь Тарента макъ и розы
поливалъ
И, въ позднюю ночь подъ кровъ
склоняяся домашній,
Столы отягощалъ некупленными
брашны,
Онъ счастье въ хижинѣ конечно
находилъ
И пышныхъ богачей душой пре-
восходилъ.
Ахъ! можетъ ли привесть ко сча-
стію богатство?
Желанье собирать есть болѣе пре-
пятство,

Чѣмъ способъ къ счастію. «Ахъ, еслибъ къ кучѣ той
«Прибавить удалось еще мѣшокъ другой!»
Вотъ собирателя одно воображенье.
Для роскоши его отверстая душа,
Всечасно къ новому веселію спѣша,
Отъ коей прочь бѣжитъ, ту скуку покупаетъ
И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаетъ.
Богатъ, кто, знаючи своимъ достаткомъ жить,
Желаніямъ предѣлъ имѣетъ положить;
И, словомъ, счастливъ тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ,
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ;
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ
И скуку житія ученьемъ услаждаетъ.
Ты, юность подвигамъ военнымъ посвятивъ,
Въ училищѣ трудовъ дни нѣжны проводивъ,
Пріятны старости готовишь вспоминанья;
Съ тобою почерпать мы прежде тщились знанья,
Счастливы отроки, въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
Гдѣ, ліючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,
Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кристаловъ;
Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шуваловъ;
Гдѣ, Ломоносова пріемля лирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барсовъ сталъ по немъ ревнитель росска слова
И Шаденъ (3) истину являетъ безъ покрова:
Тамъ дружбы сладостной услышали мы гласъ—
Пускай и въ сѣдинахъ обрадуетъ онъ насъ.

2. *Предпочтеніе природнаго языка.* (4).

Не можно исчислить, сколь много способствуетъ къ сіянію, славѣ и просвѣщенію государства попеченіе, прилагаемое къ очищенію языка, и одобреніе превосходныхъ писателей. Чѣмъ болѣе вкусъ чтенія становится общимъ, тѣмъ болѣе число полезныхъ истинъ увеличивается, тѣмъ болѣе просвѣщеніе разливается во всѣхъ состояніяхъ народа. Немногіе пользуются выгодами тщательнаго воспитанія; но всѣ, привлекаемые прелестію чтенія, отлагаютъ нѣсколько минутъ отъ обыкновенныхъ упражненій своихъ или самаго отдохновенія на возобновленіе прежнихъ знаній или пріобрѣтеніе новыхъ. Писатели, въ новыхъ и пріятныхъ видахъ представляя общія истины нравоученія, наблюденія, учиненныя надъ

сердцемъ и разумомъ человѣческимъ, и важныя правила государственнаго благополучія, пріучаютъ нечувствительнымъ образомъ разсматривать съ большимъ вниманіемъ все, что происходитъ вокругъ насъ. Они даютъ цѣлому народу яснѣйшій взоръ на вещи, болѣе откровенія въ разумѣ, болѣе кротости во нравахъ. Въ различныхъ областяхъ одного народа примѣчаютъ великое противоположеніе въ общежитіи и поведеніи людей, по мѣрѣ какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется. Между тѣмъ какъ въ католицкихъ областяхъ нѣмецкой земли понятія народныя омрачены грубостію суевѣрія и невѣжества, протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія. Въ сихъ послѣднихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англійскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противоположить славнымъ именамъ Лессинга, Виланда и Клопштока. Перемѣна въ разсужденіи нѣмецкаго языка была столь быстра и внезапна, что Великій Фридрихъ, воспитанный во вредномъ предразсужденіи противъ своего природнаго языка, не могъ быть переувѣренъ въ томъ, что современные съ нимъ стихотворцы и писатели нѣмецкіе не имѣютъ уже ничего общаго съ педантами, которые имъ предшествовали. Напрасно славный министръ его, Герцбергъ, съ которымъ онъ иногда нисходилъ отъ государственныхъ дѣлъ къ предметамъ вкуса и умствованія, старался ему доказать, что презрѣніе его къ отечественному языку несправедливо: Фридрихъ Великій предпочиталъ французскій языкъ своему природному. Онъ не принималъ въ уваженіе, что и французскій языкъ достигъ сего сіянія въ столѣтіе Лудвига XIV по большой части помощію сильнаго покровительства, коего монархъ сей удостоивалъ великихъ писателей. Расинъ и Буало, принятые въ отборное его общество, послѣдовали ему въ блестящихъ его походахъ или увеселительныхъ путешествіяхъ. Корнель на одрѣ смерти чувствовалъ доказательства благоволенія его. Часто Мольеръ читывалъ ему еще неоконченныя свои комедіи, и между тѣмъ, какъ лицемѣріе и безразсудное мщеніе хотѣли похитить торжество его запрещеніемъ играть Тартюфа, оскорбленный живописецъ сердца посылалъ одного изъ товарищей своихъ во Фландрію, въ лагерь Лудвига Великаго, съ прошеніемъ защитить безсмертное его произведеніе. Монархъ-побѣдитель не считалъ за униженіе покровительствовать дарованіе, которое дѣлало честь вѣку его и, можетъ быть, будущимъ. Кромѣ сихъ великихъ писателей не было придворнаго человѣка, благородной женщины, которые не умѣли бы изъясняться съ пріятностію и не полагали въ числѣ

отличій своихъ преимущество хорошо говорить и писать на природномъ языкѣ. Многія дамы, украшеніе пола своего, вліяли природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, повидимому легкія и нетщательныя, но къ которымъ не можетъ поддѣлаться никакое искусство: госпожа Севинье, Лафаетъ и другія. Уединенный ученый не можетъ перенять сихъ нѣжныхъ оборотовъ языка, введенныхъ употребленіемъ общества. Прилежаніе и разсѣяніе попеременно способствовали къ обогащенію языка толь многими пріятностями, что онъ внесенъ почти въ число классическихъ языковъ Европы, не переставъ быть, какъ древніе, живымъ языкомъ народнымъ.

[1]) Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ (р. 1757, у. 1807), по административной дѣятельности относится къ царствованію Александра I, а по литературной ко времени Екатерины II. Воспитывался въ гимназіи при московскомъ университетѣ и въ самомъ университетѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Служа въ гвардіи, онъ посѣщалъ лекціи профессоровъ академіи наукъ. Образованіе Муравьева, по справедливому отзыву Батюшкова (письмо къ И. М. М. А. (*) о сочиненіяхъ г. Муравьева), было классическое и многостороннее: онъ зналъ латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, италіянскій и англійскій языки, имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ исторіи, словесности и математикѣ. Еще въ 1773 г., бывши каптенармусомъ измайловскаго полка, напечаталъ онъ „Басни въ стихахъ“ и „Переводныя стихотворенія“, между которыми есть переводы нѣсколькихъ одъ Горація и стихотвореній нѣмецкихъ поэтовъ. Въ 1775 г. изданы „Оды лейбъ-гвардіи измайловскаго полка сержанта Михаила Муравьева“. Нѣкоторыя стихотворенія помѣщены въ „Опытахъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“ (1774—78), и между прочими одно, написанное гексаметромъ: „Роща“ (ч. IV). Въ 1785 г. Екатерина опредѣлила Муравьева наставникомъ при в. к. Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ: онъ преподавалъ имъ русскую словесность, русскую исторію и нравоученіе. Для чтенія великимъ князьямъ писалъ онъ не большія піесы, преимущественно касавшіяся предметовъ его преподаванія; онѣ изданы въ 1796 г., подъ заглавіемъ: „Опыты исторіи, письменъ и нравоученія“. При вступленіи на престолъ Александра I, Муравьевъ назначенъ былъ сенаторомъ (1800), и вскорѣ (1801) повелѣно ему быть при особѣ государя, у принятія подаваемыхъ на высочайшее имя прошеній. Въ 1803 г., при учрежденіи министерствъ, Муравьевъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія (гр. П. В. Завадовскаго) и попечителемъ московскаго университета. Карамзинъ, многимъ обязанный его покровительству, издалъ его сочиненія, подъ названіемъ: „Опыты исторіи, словесности и нравоученія, 2 ч.“ (1810). Здѣсь въ 1 ч. содержатся небольшія піесы по тремъ предметамъ означеннымъ въ заглавіи, и „Разговоры мертвыхъ“, написанные въ подражаніе Фонтенелю; во 2-ой ч.: „Обитатель предмѣстія“, „повѣсть Оскольдъ“ и „Краткое начертаніе Россійской исторіи“. Въ небольшомъ предисловіи (отъ издателей), принадлежащемъ Карамзину, представлена слѣдующая характеристика Муравь-

(*) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ.

ева: „Мысли и правила автора изображают прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу. Каковъ онъ былъ въ мысляхъ и въ чувствованіяхъ, таковъ и въ дѣлахъ... Всѣ главныя произведенія разума человѣческаго, древніе и новые языки, науки историческія, умозрительныя и естественныя были ему извѣстны.... Онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одной хорошей книги, выходившей въ свѣтъ на какомъ-нибудь языкѣ европейскомъ. Страсть къ ученію равнялась въ немъ только съ страстію къ добродѣтели“. Обитатель предмѣстья вмѣстѣ съ продолженіемъ его: „Эмиліевы письма“ и небольшими прозаическими статьями, означенными названіемъ „Тетради для сочиненій“, изданы особо 1815 г. (здѣсь включено и вышеуказанное письмо Батюшкова къ И. М. М. А., содержащее въ себѣ разборъ сочиненій Муравьева). Второе изданіе сочиненій Муравьева напеч., въ 3-хъ ч. (1819—1820); послѣднее, полное собраніе издано 1856, въ 2 ч.

[2]) Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, род. 21-го іюня 1752 г. и воспитывался въ москов. университетской гимназіи въ одно время съ М. Н. Муравьевымъ, т. е. во второй половинѣ 1760-хъ годовъ. Съ этихъ поръ и началась ихъ дружба. Впослѣдствіи Тургеневъ сталъ ревностнымъ масономъ и сблизился съ Новиковымъ, въ семидесятыхъ годахъ, когда послѣдній жилъ еще въ Петербургѣ. Въ 1779 году Иванъ Петровичъ переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ Новиковымъ, Шварцемъ, кн. Н. Н. Трубецкимъ, М. М. Херасковымъ и другими лицами принялъ дѣятельное участіе въ образованіи Дружескаго ученаго Общества и дѣлалъ щедрыя пожертвованія на предпріятія его. Съ 1784 г. онъ былъ членомъ Типографической Компаніи. Въ это время Тургеневъ состоялъ генеральсъ-адъютантомъ при главнокомандующемъ, гр. З. Г. Чернышевѣ. Въ 1785 г., вышедши въ отставку, отправился въ Симбирскую губернію, гдѣ было у него имѣнье и, встрѣтивъ тамъ Карамзина, убѣдилъ его бросить свѣтскую жизнь, ѣхать въ Москву и посвятить себя литературѣ. Когда, въ 1792 г., началось преслѣдованіе мартинистовъ, Тургеневу приказано было отправиться на житье въ свои симбирскія помѣстья. Но по вступленіи на престолъ Павла I онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и назначенъ, 1797 г., директоромъ Москов. университета, которымъ и управлялъ по конецъ 1803 г., когда послѣдовало преобразованіе университета, и должность директора была уничтожена. Подъ руководствомъ Тургенева въ Москов. университет. пансіонѣ получили образованіе многія извѣстныя впослѣдствіи лица, въ томъ числѣ Жуковскій. Они относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, почитали какъ отца (Шевыревъ — Исторія Московскаго университета; Лонгиновъ—Новиковъ и московскіе мартинисты). М. И. Невзоровъ, принадлежавшій къ кругу московскихъ масоновъ, отзывается о Тургеневѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ былъ мой личный благодѣтель.... Онъ былъ другъ юношества, и многимъ молодымъ людямъ, особливо въ бытность свою директоромъ Московскаго университета, оказалъ благодѣянія, открывая возможные способы къ ученію, ободряя, награждая и даже по выходѣ изъ училищъ сыскивая разные пути къ должностямъ и благосостоянію жизни“ (Другъ Юношества 1809 г., январь, стр. 2). Въ собраніи стихотвореній Невзорова есть посланіе: „Его превосходительству И. П. Тургеневу выраженіе сердечныхъ чувствъ въ 24 день февраля 1800 г.“. Посланіе это, написанное еще въ Казани по случаю дня рожденія И. В. Лопухина, было прислано И. П. Тургеневу, какъ одному изъ ближайшихъ друзей послѣд-

няго. Оно перепечатано въ Другѣ Юношества 1810 г., февраль, стр. 95—101. Послѣдніе годы жизни Тургеневъ жилъ въ Москвѣ (Р. Арх. 1871 г., стр. 0148; С. П. Жихаревъ, Записки современника, стр. 37), но въ февралѣ 1807 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь проводилъ время преимущественно у М. Н. Муравьева (Жихаревъ, Дневникъ чиновника въ Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 140). Здѣсь Тургеневъ и умеръ 28-го февраля 1807 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ со своимъ старшимъ сыномъ Андреемъ (род. 1-го октября 1781 г., ум. 8-го іюля 1803 г.).

Въ литературѣ И. П. Тургеневъ извѣстенъ, какъ авторъ сочиненій: 1) „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ". И. В. Лопухинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что сочиненіе это было переведено на франц. языкъ и пущено въ продажу (Р. Арх. 1884 г., кн. I, стр. 29); на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Василія Протопопова, оно напеч. въ 1786 г. съ посвященіемъ Аѳанасію, епископу Коломенскому и Тульскому; 2) Нѣкоторое подражаніе пѣснямъ Давидовымъ. 1802. Подъ посвященіемъ „любезнѣйшему другу" выставленъ 1795 г. Перепечатано Невзоровымъ въ Другѣ Юношества 1809 г., январь, стр. 1—18, откуда и узнается авторъ „подражанія". Кромѣ того Тургеневу принадлежатъ переводы слѣдующихъ мистическихъ сочиненій: 1) Іоанна Масона, познаніе самого себя. 1783; изд. 2-е, 1786; изд. 3-е, 1800; 2) Апологія или защищеніе ордена В. К. М. 1784; 3) Іоанна Арндта о истинномъ христіанствѣ, 1784; изд. 2-е—1800—1801.

[3]) Шаденъ, профессоръ философіи въ москов. университетѣ, ум. 1797 г. Онъ пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ слушателей за свое преподаваніе. О немъ см. Словарь профессоровъ Москов. Университета.

[4]) „Опыты исторіи, словесности и нравоученія, 2 ч. (1810)". Они относятся ко времени нахожденія Муравьева наставникомъ при великихъ князьяхъ.

XLIX.

КАПНИСТЪ. ([1]).

ЯБЕДА, КОМЕДІЯ (1796). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 4.

Ѳекла, Софья, Анна, Кривосудовъ, Праволовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ, Паролькинъ, Хватайко, Кохтинъ и Наумычъ (выходятъ всѣ полупьяные).

Хватайко. Ну, столъ! ужъ прямо столъ! все вмѣстѣ: сытъ и пьянъ.
Паролькинъ. Десертъ!
Бульбулькинъ. Напиточки!
Атуевъ. Откудова что взято!
Кривосудовъ. Нѣтъ, что-то поваръ нашъ сегодня плоховато....
Ѳекла. Немного запился.
Бульбулькинъ. Да празднику кто радъ (*къ Хватайкѣ*),
Тотъ до свѣта ужъ пьянъ. А что? не правда-ль, братъ?
Хватайко. Пословица не лжетъ.

Праволовъ. А тотъ, кто время тратитъ,
Она-жъ вѣдь говоритъ, что дорого заплатитъ.
Хватайко. Къ чему словцо?
Праволовъ (*указывая на карты*).
Къ тому, что множество червей
Въ колодахъ сихъ давно свободы ждутъ своей.
Паролькинъ (*къ Кривосудову*). Онъ правъ: пора пустить ихъ по зелену полю.
Ну, прокуроръ, рѣши колодничью неволю:
Тебѣ вступиться долгъ.
Хватайко. Изволь, мой другъ, изволь!
Кто какъ?
Праволовъ (*раздаетъ карты*). Мы наберемъ: я съ вами въ рокамболь,
Совѣтникъ въ помощь вамъ. (*Указывая на Бульбулькина, который беретъ карту*).
Паролькинъ. А кто-жъ въ заповѣдную?
Я банка не мечу.
Праволовъ. Добро, и васъ обдую:
Я дѣлаю вамъ банкъ. Наумычъ! ты мечи (*даетъ ему ассигнаціи*)
Да, знаешь, пяль глаза и всячески щечи.
Ѳекла. А ктожъ со мной въ пикетъ?
Праволовъ. Сударыня, простите;
Вы нашу партію вѣдь окончать хотите.
Я къ вамъ (*Кривосудову*). А за себя, чтобъ васъ не разлучить,
Позвольте моего мнѣ друга посадить. (*Указывая на Кохтина*).
Кривосудовъ. По мнѣ вы какъ хотя.
Бульбулькинъ. А я и радъ размѣну.
Кривосудовъ. Какую жъ нашей мы игрѣ поставимъ цѣну?
Праволовъ. Я по пяти рублей, а меньше николи.
(*Къ Кохтину*) Садись, мой другъ, но лишь, пожалуй, не соли.
Бульбулькинъ. Да годовой окладъ съ насъ эдакъ сбрить изволишь
Въ три пули, ежели да намъ не помирволишь.
Кривосудовъ. Не горячись: а то и впрямь какъ разъ бобыль.
Бульбулькинъ. Я радъ бы, но когда пожалуетъ шпадиль—
Она не документъ: не выбросишь изъ дѣла.

(Всѣ садятся: по срединѣ въ ломберъ играющіе; на одной сторонѣ Ѳекла съ Праволовымъ, а на другой играющіе въ банкъ. Близь Ѳеклы на канапе Софья, которая потомъ, сыскавъ тутъ книжку, читаетъ).

Наумычъ. Да что же на столѣ наличнаго нѣтъ мѣла?
Хватайко. А много-ль въ банкѣ-то наличныхъ?
Наумычъ. Сотни три.
Праволовъ. Наумычъ! не ударь ты въ грязь лицемъ, смотри.
Паролькинъ. Какъ ни смотри, ни зги въ двѣ таліи не взвидитъ.
Атуевъ. А я боюсь, что онъ вельми насъ всѣхъ обидитъ.
Хватайко. Снимайте: полно вамъ пороть-то дребедень.
Ѳекла. А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнъ?
Праволовъ. Когда угодно вамъ.
Ѳекла. И также все съ рефетомъ?

Праволовъ. На что, сударыня, и спрашивать объ этомъ.
Кривосудовъ. Жена! рефетомъ ты не замори гостей.
Өекла. Ахъ, кстати-ль! Софьюшка! ну, встань, почародѣй,
И пуншикъ изготовь.
Софья. Ахъ, я вѣдь не умѣю.
Өекла. Какая ты и впрямь! (*Аннѣ*)
А ты что пялишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.
Хватайко. Нѣтъ, дама не везетъ.
Такъ атандѐ: авось мнѣ вывезетъ валетъ.
Тьфу пропасть! съ ôника: и этотъ вонъ изъ кона!
Кривосудовъ. Вотъ штрафъ за то, что ты идешь противъ закона,
И въ запрещенную игру...
Хватайко. Да, видно, намъ
Въ нее играть судьба, съ поры той, какъ Адамъ
Въ нее наслѣдное все проигралъ имѣнье.
Бульбулькинъ. Ха, ха, ха, экой вздоръ! какое заключенье!
Вотъ въ мнѣніяхъ твоихъ всегда подобный вздоръ
Ты предлагаешь намъ, почтенный прокуроръ!
Ну, отъ кого, скажи, наслѣдіе Адаму?
Хватайко. Да отъ кого нибудь, а надобно жъ...
Паролькинъ. Тьфу! даму
Я, слушая вашъ вздоръ, какъ олухъ прозѣвалъ.
Праволовъ. Позвольте, чтобы я за прокурора сталъ.
И я готовъ теперь представить вамъ урода,
Который безъ отца, безъ племени, безъ рода,
Наслѣдіе беретъ: а именно таковъ
Точь въ точь соперникъ мой, молодчикъ Прямиковъ.
Бульбулькинъ. Ну, докажи же намъ: то быть такъ, всѣмъ соборомъ
Пожалуемъ тебя мы нашимъ прокуроромъ.
Атуевъ (*въ полголоса*). Экъ онъ объѣхалъ слѣдъ!
Паролькинъ (*въ полголоса*). Ей, ей не безъ ума.
Хватайко (*въ полголоса*). Великій тутъ скачекъ, хоть линія пряма!
Радбынъ (*въ полголоса*). Отъ Пря-прямико-кова до-до-Ада-дама?
Паролькинъ. На силу наконецъ мнѣ выиграла дама.
Праволовъ (*оборачивается къ нимъ, а между тѣмъ Өекла подбираетъ карты*). Охотно, и на вашъ я посылаюсь судъ.
Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
Котораго ужъ нѣтъ: скора была кончина.
Гдѣ точно умеръ онъ, вамъ не могу сказать;
Сколь ни желалъ, того не предуспѣлъ узнать.
Но звался онъ Өедотъ: такъ вписанъ въ родословной,
И даже у отца такъ названъ и въ духовной.
Сей, напротивъ того, зовется ужъ Богданъ;

И такъ вы видите, что явный тутъ обманъ,
И что чрезъ хищное, неправедное средство
Ѳедотово къ себѣ Богданъ прибралъ наслѣдство.
Наумычъ (*Хватайкѣ*). Вы лишній уголокъ....
Бульбулькинъ (*Праволову*). Прямой ты прокуроръ!
Отдать я долженъ честь.
Хватайко (*Бульбулькину*). Кто? я? да я не воръ.
Бульбулькинъ (*Хватайкѣ*). Льнетъ развѣ и къ тебѣ?
Хватайко. Не гну и пальца даромъ.
Наумычъ (*Хватайкѣ*). Берете шутку вы съ такимъ, какъ правду, жаромъ.
Радбынъ. Ра-развѣ Бо-Богданъ не не Ѳе-Ѳе-Ѳедотъ?
Атуевъ. Ты видишь тутъ сбылось: Ѳедотъ-де, да не тотъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же.

Кривосудовъ. Что жъ пуншу?
Ѳекла. Анна! чтожъ? проворнѣй подноси,
И чаще и кругомъ; да милости проси.
Бульбулькинъ. Мы скоро у нея ужъ милости попросимъ.
Кривосудовъ. Когдабъ кто пѣсенку....
Паролькинъ. Да лучше карты бросимъ:
Не стала дама везть.
Атуевъ. Ты тяжело кладешь.
Кривосудовъ (*Хватайкѣ*). Любезный прокуроръ! ты хорошо поешь:
Запой намъ.
Хватайко. Радъ душой, да голоса-то нѣту.
Кривосудовъ. Ну, какъ нибудь.
Бульбулькинъ. Мы всѣ пристанемъ для комплекту.
Хватайко (*поетъ*).

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

(Всѣ повторяютъ: „брать, брать, брать". Софья, заткнувъ уши, уходитъ).

Кривосудовъ. Ей браво! хорошо!
Хватайко. Вѣдь самъ сложилъ словца.
Бульбулькинъ. Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца.
Хватайко (*поетъ*).

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

(*размахивая руками*).

(Всѣ повторяютъ: „брать, брать, брать". А Наумычъ: „и драть").

Хватайко. Вѣдь безъ указу намъ не стать
Пословицу ломать,
Котора говоритъ: что взято,
То свято!
(Всѣ повторяютъ. „То свято!)"

Кривосудовъ (*поетъ*).

Но надо, чтобъ уйти прижимки
И чтобъ не оплошать,
Перчатки невидимки
На мигъ не скидовать.
(Хватайко поетъ и всѣ акомпанирують: „Бери, большой тутъ нѣтъ науки", и прочая).

Кохтинъ. Но подъ шумокъ-атъ я
безъ бета, какъ безъ шляпы.
Паролькинъ (*Наумычу*). Да слышь,
укороти вотъ эти хищны лапы.
Ты доберешься такъ и до послѣд-
нихъ крохъ:
Ужъ въ проигрышѣ я почти что
сотъ до трехъ.
Наумычъ. Да наши деньги вѣдь
изъ вашего кармана.
Бульбулькинъ. Вы вспомните лишь
имъ Ѳедота иль Богдана,
То счастіе тотчасъ возьметъ къ
вамъ оборотъ.
Паролькинъ. Поди съ Ѳедотомъ
прочь: ему, слышь, не везетъ,
И хлапъ ужъ проигралъ. Такъ
къ дамѣ я пригнуся
Еще хоть разъ.
Атуевъ. Постой: а я такъ уцѣп-
люся
За хлапа.
Наумычъ (*по знаку Праволова дѣ-
лаетъ талію фоссъ*). Хлапа я что
хлопну, то убью.
Паролькинъ. Фальшива талія.—
Ну! заплати-жъ мою.
Атуевъ. Мнѣ двѣ пароли.
Хватайко. Мнѣ за туза съ тран-
спортомъ.
Радбынъ. И ба-ба-банкъ чи-чистъ.
Паролькинъ. На силу съ этимъ
чортомъ
Мы сладили.
Праволовъ. А что, схватили?
Паролькинъ. Наконецъ.

(Встаютъ и попиваютъ, Наумычъ
имъ подноситъ).

Кохтинъ. Такой же и моей игрѣ,
сударь, вѣнецъ:
Безчетно проигралъ.
Праволовъ. И такъ спустилъ я
много.
Но какъ быть? не всегда щечиться
изъ чужаго (*смѣется*).
Ѳекла. Не такъ-то много: вотъ
почти и ничего.
Праволовъ. Да такъ, сударыня,
четыреста всего. (*Встаетъ онъ и
Ѳекла*).
Ѳекла. Да что же, Анна, ты на
стѣны зазѣвалась?
Носи кругомъ; ужъ ты совсѣмъ
избаловалась.
Бульбулькинъ. Насилу вотъ и
мы послѣднее беремъ;
Конецъ (*встаютъ и они*).
Праволовъ. А сколько же считается
на немъ?
Бульбулькинъ. Почти что на тебѣ
весь счетецъ остается:
Мнѣ двадцать восемь призъ.
Кривосудовъ. Мнѣ сорокъ дове-
дется. (*Къ Бульбулькину*):
Съ васъ восемь.
Бульбулькинъ. Такъ.
Праволовъ. Ну! я довольно про-
солилъ. (*Платитъ Кривосудову и
Бульбулькину*).
Извольте-жъ проигрышъ.
Кривосудовъ. Да я бы погодилъ.
Праволовъ. Нѣтъ, я люблю пла-
тить: вѣдь денежка счетъ любитъ.
(Платя Бульбулькину, въ полголоса).
Мой проигрышъ никто, я чаю, не
раструбитъ.
Бульбулькинъ (*въ полголоса*). Ни-
кто, никто (*къ Кривосудову въ
слухъ*). А съ васъ по старымъ
сколько я?...
Кривосудовъ (*вынимая записную
книжку*). Сочтемъ тотчасъ; при
мнѣ записочка моя.

Праволовъ (*къ Атуеву*). Я въ дѣлѣ лишь на васъ надежду неизмѣнну....

Атуевъ (*насилу стоя на ногахъ*). Надѣйся на меня какъ на Кремлевску стѣну.

Праволовъ (*къ Паролькину*). Могу ли въ дѣлѣ я на васъ?...

Паролькинъ (*облизъ руку пуншемъ*) Хоть согрѣшу,
Пусть высохнетъ рука, коли не подпишу.

Праволовъ (*къ Радбыну*). На васъ надѣяться я какъ на друга стану.

Радбынъ (*указывая на товарищей, попивающихъ и поющихъ: «бери»*). Ужъ отъ-отъ-отъ-отъ нихъ я не от-от-от-стану (*выпиваетъ стаканъ*).

Праволовъ (*къ Бульбулькину*). Позволите-ль на васъ надежду въ дѣлѣ класть?

Бульбулькинъ. Скажи секретарю; а онъ что мнѣ подастъ....

(Кохтинъ подаетъ ему бокалъ, а онъ беретъ его и выпиваетъ)

То я хоть этими обѣими руками....

Праволовъ (*къ Хватайкѣ*). Я васъ межъ лучшими моими чту друзьями,
И вашей помощи всѣхъ болѣе ищу.

Хватайко. Свахляютъ пусть они; а я ужъ пропущу. (*Выпиваетъ стаканъ*).

Праволовъ (*къ Кривосудову*). На васъ я въ дѣлѣ ужъ....

Кривосудовъ. Да дѣло то худенько!
Вѣдь штрафъ пять сотъ рублей! такъ надо бережненько....

Праволовъ (*дѣлаетъ въ сторону знакъ неудовольствія. Ласково*). Когда случится что, я ихъ плачу за васъ,
Надежны будете.

Кривосудовъ. Такъ, но лучше бы въ запасъ...

(Дѣлаетъ будто деньги считаетъ).

Праволовъ. Такъ я ихъ по утру пришлю въ сохранность вашу.

Кривосудовъ (*указывая на членовъ, поющихъ «бери»...*). Инъ быть такъ: съ ними ужъ я не поразноглашу.

Праволовъ (*Кохтину*). У всѣхъ теперь ужъ я настроилъ дѣло въ ладъ:
Ты помощь окажи. А это на въ закладъ.
Могу-ль надѣяться? (*даетъ ассигнацію*).

Кохтинъ (*подставляя карманъ кафтанный*). Извольте положить-ся.

Праволовъ (*ко всѣмъ*). Однако не пора-ль съ хозяиномъ проститься?

Бульбулькинъ. Пора, покойна ночь!

Атуевъ. Прощайте, ужъ пора.

Хватайко. Слуга вамъ.

Паролькинъ. Сладка сна!

Радбынъ. Пора-ра насъ со двора (*гости уходятъ обнявшись и припѣвая: «бери, бери», а Ѳекла и Анна подъ руки отводятъ Кривосудова).*

[1]) Капнистъ, Василій Васильевичъ, род. въ 1757 г. въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ селѣ Обуховкѣ, которое, вмѣстѣ съ другими деревнями, было пожаловано въ 1743 г. императрицею Елизаветою отцу поэта за военную службу. Капнисты ведутъ свой родъ отъ венеціанскаго графа

Стомателло Капниссп, внукъ котораго выѣхалъ въ Россію съ острова Занта (А. М. Лазаревскій, Очерки малоросс. фамилій—Русск. Арх. 1876 г., кн. III). О дѣтствѣ В. В. Капниста мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Первоначальное образованіе онъ получилъ, вѣроятно, подъ наблюденіемъ матери. Въ 1771 г., по 15-му году, онъ уже находился въ Петербургѣ, посѣщалъ школу Измайловскаго полка и началъ въ немъ службу капраломъ; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики и въ фурьеры, а въ началѣ слѣдующаго года перешелъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и здѣсь въ 1775 г. пріобрѣлъ первый офицерскій чинъ. Въ это время онъ посвящалъ всѣ свободные часы наукамъ: знакомился съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, съ древними и новѣйшими классиками и не пренебрегалъ отечественными писателями — Ломоносовымъ, Петровымъ, Сумароковымъ. Вскорѣ послѣ производства Капнистъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика гвардіи. Въ началѣ 1782 г. онъ былъ избранъ въ предводители дворянства Миргородскаго уѣзда Кіевскаго намѣстничества, но въ августѣ того же года поступилъ подъ начальство кн. А. А. Безбородка, получивъ должность контролера главнаго почтоваго правленія; затѣмъ однако въ маѣ 1783 г. онъ бросилъ и эту службу и уѣхалъ на родину, гдѣ въ январѣ 1785 г. былъ избранъ кіевскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители. Въ 1787 г. Капнистъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ кіевскаго шелковичнаго завода (Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VIII, стр. 278). Въ 1797 г. находясь уже въ отставкѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу съ своимъ сосѣдомъ Тарновскимъ. Въ это время состоялось высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ столицы всѣхъ неслужащихъ дворянъ: тогда Капнистъ, чтобъ имѣть возможность продлить свое пребываніе въ столицѣ, обратился къ Л. А. Нарышкину съ просьбой о доставленіи ему службы (ibid., т. II, стр. 106). 31-го декабря 1799 г. онъ, съ чиномъ коллежскаго совѣтника, былъ причисленъ къ театральной дирекціи и получилъ въ завѣдываніе русскую труппу. Въ это время русскій театръ въ Петербургѣ былъ въ упадкѣ, и въ публикѣ замѣчалось явное охлажденіе къ нему; напротивъ, французская труппа обращала на себя общее вниманіе. Капнистъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ оживить русскую сцену, и съ этою цѣлію вызвалъ изъ Москвы извѣстныхъ артистовъ — Шушерина, Сахарова и Пономарева (Араповъ, Лѣт. русск. театра, стр. 138, 143). Капнистъ состоялъ при театральной дирекціи по 14-е августа 1801 г. и при увольненіи былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1802 году онъ былъ утвержденъ генеральнымъ судьею 1-го департамента Полтавскаго генеральнаго суда, а затѣмъ, съ 24-го марта 1812 г. по 19-е февраля 1818 г. числился при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Осенью 1819 г. Капнистъ посѣтилъ Тавриду и, возвратясь въ Обуховку, отправилъ 20-го декабря къ кн. Голицыну письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на необходимость принять мѣры къ охраненію тамошнихъ древностей отъ разрушенія и истребленія, а также на необходимость ученаго изслѣдованія Крыма и Тамани. Вслѣдствіе этого представленія, доведеннаго Голицынымъ до свѣдѣнія Императора, въ 1821 году академикъ Келеръ и архитекторъ Паскаль были отправлены въ Крымъ для ученыхъ изысканій. Въ 1822 г. Капнистъ былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители, а 28-го октября 1823 г. скончался въ своей любимой Обуховкѣ, которую изобразилъ въ особомъ стихотвореніи (Обуховка),

подражая Горацію (кн. II, ода 18) и Державину, описавшему Званку. Какъ писатель, Капнистъ принадлежалъ къ тому литературному кружку, душою котораго былъ извѣстный знатокъ искусства и литературы Н. А. Львовъ (1751—1803), а наиболѣе видными представителями—Хемницеръ, Богдановичъ, Державинъ и отчасти А. Н. Оленинъ (1763—1843). Со всѣми ими Капнистъ находился въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ, но особенно близки къ нему были Львовъ и Державинъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія Капнистъ примыкаетъ къ литературному кружку Оленина. Изъ друзей Оленинскаго дома Капнистъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ Гнѣдичемъ и первый подалъ ему мысль продолжать переводъ „Иліады". Первымъ сочиненіемъ его была ода на франц. яз., по случаю Кайнарджійскаго мира съ Турціею (1774); напечатанная особо 1775 г., она перепечатана потомъ въ августовской книжкѣ С.п.бургскаго Вѣстника, 1780 г. За нею слѣдовала „Сатира первая" (Спб. Вѣст. 1780, іюнь), передѣланная и помѣщенная въ 5 ч. Собесѣдника, 1783 г., подъ именемъ „Сатиры первой и послѣдней", и возбудившая полемику. Первое собраніе сочиненій Капниста вышло въ Спб. 1796: здѣсь находятся оды торжественныя (въ томъ числѣ на истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною Второю, 1786 г.), оды на разные случаи, лирическія мелочи, сатира первая и послѣдняя и эпиграммы. Въ „Лирическихъ сочиненіяхъ" его (Спб. 1806), посвященныхъ Александру I, оды раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: духовныя, торжественныя (въ которыя вошла и ода „На рабство", 1783 г., исключенная изъ изданій 1796 и Смирдинскаго 1849 г.), нравоучительныя и элегическія, гораціанскія и анакреонтическія. Смирдинское изданіе, удержавъ эти рубрики, пополнило ихъ новыми піесами, написанными послѣ 1806 г., и кромѣ того присоединило еще четыре отдѣла: драматическія піесы, посланія, смѣсь и проза.

[2]) „Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1798". Посвящена императору Павлу I. Посвятительные стихи указываютъ какъ предметъ піесы, такъ цѣль ея и благородное назначеніе литератора:

Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ:
Мздоимства, ябеды всю глупость обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта:
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но, бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ.
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именемъ твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

Поводомъ къ „Ябедѣ" послужилъ процессъ, веденный Капнистомъ съ помѣщикомъ Тарновскимъ. Главный предметъ комедіи Капниста — ябеда, какъ показываетъ самое ея названіе. Лице злаго ябедника Праволова рѣзкими чертами описывается въ первой сценѣ перваго акта. Чѣмъ страшенъ мой соперникъ? спрашиваетъ полковникъ Прямиковъ у повытчика Доброва, единственнаго честнаго человѣка изъ всѣхъ членовъ гражданской палаты. Что за вопросъ такой! отвѣчаетъ Добровъ: соперникъ вашъ-ябедникъ; этимъ все сказано. Въ другомъ мѣстѣ Добровъ говоритъ: противъ ябеды ничто не помогаетъ; ее-то надобно бояться. Другой предметъ комедіи — взяточничество, что узнаемъ изъ той же сцены, которая хотя знакомитъ зрителей съ обстоятельствами дѣйствія посредствомъ разговора между Добровымъ и Прямиковымъ, и слѣдов. составляетъ такъ называемую экспозицію, неумѣстную въ драмѣ,

однакожъ, при характеристикѣ членовъ палаты, исполнена мѣткихъ и сатирическихъ изображеній, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ сохранялись очень долго, какъ типическія поговорки, наприм.:

...Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.—
...Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать—существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зетитъ онъ далеко. —
А о секретарѣ дуракъ, кто слово тратитъ:
Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что нибудь да схватитъ. —
...Законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.

Двоякій предметъ піесы указанъ самимъ авторомъ въ посвященіи ея Павлу I (см. выше): „мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ". Соотвѣтственно двумъ предметамъ піесы, и нравственный выводъ ея относится во первыхъ къ ябедѣ, а потомъ къ лихоимству. Что ни говори, а дѣло плоховато! восклицаетъ судья Кривосудовъ, попавшій въ уголовную вмѣстѣ съ другими членами гражданской палаты. Въ чемъ состоитъ это плоховатое дѣло — объясняется словами служанки Анны: „Жить ябедой, и тѣмъ, что взято, то и свято". Сюжетъ комедіи простъ. По обычаю всѣхъ французскихъ комедій, она не обходится безъ любви и свадьбы. Праволовъ затѣялъ процессъ съ Прямиковымъ и хочетъ оттягать у него имѣніе, доставшееся ему по законному наслѣдству. Чтобы вѣрнѣе склонить на свою сторону предсѣдателя палаты Кривосудова, онъ сватается за его дочь Софью, въ которую давно влюбленъ Прямиковъ. Всѣ члены палаты: Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ и Паролькинъ, равно прокуроръ Хватайко и секретарь Кохтинъ, задаренные ябедникомъ и его повѣреннымъ Наумычемъ, рѣшаютъ дѣло въ его пользу. Сцена, въ которой всѣ они пируютъ у предсѣдателя, по случаю именинъ его жены Ѳеклы и сговора его дочери, ярко представляетъ ихъ безцеремонное обращеніе съ законами; и какъ пирушка доходитъ до оргіи, такъ ничѣмъ несдержанное самовысказываніе служителей Ѳемиды обращается въ цинизмъ. Но мѣра ябедничества и кривосудія наконецъ исполнилась: сенатъ, узнавъ многія беззаконныя дѣла Праволова, предписалъ посадить его въ тюрьму, а членовъ гражданской палаты предать суду уголовному. Піеса оканчивается свадьбой. Прямиковъ является въ минуту невзгоды, упавшей на отца Софьи, и предлагаетъ ей свою руку. Кромѣ того, отцу представляется въ перспективѣ и другое утѣшеніе, которое могло бы сдѣлаться предметомъ новой комедіи. „Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка", замѣчаетъ служанка Анна. Добровъ говоритъ на это:

Впрямь: мостъ, говорятъ вѣдь, руку-де рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частехонько живетъ запанибрата.
Не то при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ подвинутъ манифестъ.

Успѣхъ „Ябеды", первое представленіе которой состоялось 22 августа 1798 г., былъ чрезвычайный. Какъ публика приняла ее при постановкѣ на сцену, какое раздраженіе произвела она на людей, причастныхъ ябедѣ и подкупности, и какимъ опасностямъ подвергся было авторъ за свою сатирическую смѣлость, см. въ Библ. Зап. 1859 г., стр. 47 (анекдотъ изъ жизни Капниста). 20-го сентября назначалось уже пятое представленіе „Ябеды", но совершенно неожиданно послѣдовало высочайшее повелѣніе о запрещеніи піесы и изъятіи ея изъ продажи (Лѣтопись рус. театра, стр.

140; Р. Стар., т. VII, стр. 715). Даже по вступленіи на престолъ Александра I опала съ „Ябеды" была снята не тотчасъ (Соч. Держ., т. VI, стр. 156, 162). Возобновленіе ея на сценѣ послѣдовало лѣтомъ 1805 г., что видно изъ рецензіи, напечатанной въ Сѣверномъ Вѣстникѣ того же года, ч. VI, стр. 373. Изъ послѣдующихъ представленій „Ябеды" замѣчателенъ бенефисъ актера Щеникова, 2-го сентября 1814 г., когда комедія исполнялась по новой редакціи, съ поправками самого автора. Экземпляръ „Ябеды", принадлежавшій Щеникову и заключавшій въ себѣ отмѣченные имъ варіанты, подробно описанъ въ Р. Старинѣ 1873 г„ т. VII. „Ябеда" долго держалась на сценѣ, вытѣсненная только комедіями Грибоѣдова и Гоголя (Горе отъ ума и Ревизоръ). И теперь, конечно, представленіе ея, по язвительной сатирѣ многихъ мѣстъ, по вѣрности дѣйствій, въ ней изображенныхъ, наконецъ по сильнымъ стихамъ, не потерявшимъ своего достоинства, не было бы анахронизмомъ. Бантышъ - Каменскій разсказываетъ анекдотъ, которому онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ, во время представленія Ябеды, когда Хватайко запѣлъ: „Бери! большой тутъ нѣтъ науки", зрители начали рукоплескать, и многіе изъ нихъ, обратясь къ чиновнику, занимавшему мѣсто, соотвѣтственное должности прокурора, произнесли въ одинъ голосъ, называя его по имени: это вы! это вы! (Словарь, т. 2).

L.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ ВЪ РОССІИ.

(Русская Старина 1870 г., т. II).

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивиться, въ коль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Воистину могу я сказать, что если, вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, и намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людскости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда же гораздо съ вящшей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ не толь стали ста-

раться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіе-же, не зная и не стараяся познавать узаконенія, въ сужденіяхъ своихъ какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Нѣсть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открытно ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Нѣсть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостію отдаютъ воспитывать чужимъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ.... Нѣсть искренней любви между супруговъ, которые.... за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Нѣсть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ за ничто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Нѣсть дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ для пользы своея. Нѣсть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ—обманывать государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо всѣ почти служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества. И наконецъ нѣсть твердости духа, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя во первыхъ я потщуся открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое повреждение нравовъ, а однако главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе; ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего не щадитъ. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои охулительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіи, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единаго въ виду, можетъ ли онъ быть сострадателенъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы? А какъ государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе; то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностію, каковую бы долженъ подданный къ само-

держцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, т. е. чтобы угождать во всемъ государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія не рождаютъ твердости; ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ не достигнуть до своего предмету и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ?....

Отложа всѣ суровости, слѣдствія непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и неистребленныя, вліянныя природою въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны, и почти не слышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна: они за честь себѣ считаютъ не токмо безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна, ибо все что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобъ дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что нѣсть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакого желанія, клонящагося въ ущербъ другому, а къ пользѣ себѣ, имѣть не могутъ.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе; приступлю тапериче показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ одноземцевъ. Но дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ россіянъ до царствованія Петра Великаго.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую. Дворцы ихъ были не обширны, яко свидѣтельствуютъ оставшіяся древнія зданія. Семь или восемь, а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія государя. Оныя состояли: крестовая, она-же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали государя бояре и другіе сановники; столовая, гораздо небольшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у государя, а для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей предспальная; но, кажется, по расположенію старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня—и оныя были не разныя съ царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для дѣвушекъ царицыныхъ, и обыкновенно оная была одна и для малолѣтныхъ дѣтей царскихъ, которые по два и по три въ одной комнатѣ живали; когда-же возрастали, то давались имъ особ-

ливые покои, но и оные не больше состояли, какъ изъ трехъ комнатъ, то есть: крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній не имѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ; а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска, а если было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для царя и царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами не знали, но спали безъ занавѣсокъ; а уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату зототыми кожами, которую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я самъ помню, съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ; ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобъ государи кушивали не на серебрѣ, но потому, что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда государи кушивали на оловѣ, а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялися токмо въ торжественные дни. Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ-же было; хотя блюда были многочисленны но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индѣйскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поеныхъ телятъ и каплуновъ и не знали. Высочайшее-же великолѣпіе состояло, чтобъ кругъ жаренаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить, и подобное. Потомъ не знали ни каперцовъ, ни оливковъ, ни другихъ изготовленій для побужденія аппетиту, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконецъ за великолѣпіе уже считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣе мяснаго былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало, и не имѣли искусства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую живую рыбу привозить; да къ тому-же государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И тако въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обильство рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ-рѣкѣ и въ ближнихъ рѣкахъ ловили; а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ государевѣ, то сего ради какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили

рыбу про столъ государевъ; впрочемъ-же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли, и въ дань оная была положена, какъ мнѣ случилось самому видѣть въ Ростовѣ грамоты царскія о сей дани. А зимою привозили и изъ дальнихъ мѣстъ рыбу мерзлую и засольную, которая къ столу государей употреблялась.

Десертъ ихъ такой-же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, черносливъ и медовыя постилы составляли оный, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же особливо лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бобы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали, развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще виноградъ въ патокѣ, а свѣжаго и понятія не имѣли привозить; ибо оный уже на моей памяти въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны тщаніями Ивана Антоныча Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ немного бы освѣщенія надобно, но и тутъ не токмо не употребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты сальными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись.

Напитки состояли: квасъ, кислы щи, пиво и разные меды, изъ простаго вина сдѣланная водка; вина: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское—подъ симъ именемъ разумѣлся не токмо рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино; романея, то есть греческія сладкія вина, и аликантъ,—которые чужестранные напитки съ великою бережливостію употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскіе, потому что какъ первые оные, а паче греческіе получались чрезъ франковъ, а другіе знали, что изъ Францiи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ. Таковъ былъ столъ государевъ въ разсужденіи кушанья и напитковъ; посмотримъ, какіе были ихъ экипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣзжали всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ. И правда, что въ верховой ѣздѣ государской великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ, хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги сѣдлъ были съ каменьями, стремена золотыя или съ каменьями, мунштуки также драгоцѣнными камнями были покрыты; подушки бархатныя, шитыя или золотомъ или серебромъ, или и низанныя жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ камней; попоны, тому-

же великолѣпію подобныя, бархатныя или аксамитныя золотыя, съ шитьемъ, иль съ низаньемъ и съ каменьями. Но сіе азіятское великолѣпіе неубыточно было; ибо сдѣланные единожды таковые уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фургановъ, гдѣ не было ни мѣста, чтобъ сидѣть, ни окошекъ; но клали внутрь пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ — опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи онѣ всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобъ наружную кожу, мѣстами позолоченную и тисненную, употребить. Каретъ же не токмо не знали, но и воображенія о нихъ не имѣли; ибо уже и въ царствованіе Петра Великаго ближній мой свойственникъ, бояринъ князь Михайло Ивановичъ Лыковъ, человѣкъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую украшенную рѣзьбою карету съ точеными стеклами; по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась толь завидною и драгоцѣнной вещію, хотя и снова тысячи рублевъ не стоила, что К. М. (а) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которыя бы надлежало ему наслѣдовать послѣ супруги г. Лыкова.

Воззримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчугъ и каменья повсюду блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствіе, нежели великолѣпіе, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; а торжественныя столь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носильныя одежды и почитать не должно, но были онѣ яко какіе коронные сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; и если не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшенія ихъ, бывъ содѣланы изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и камней, изъ рода въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать, не было никакихъ ни изыскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей; но пять или шесть, а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особливой милости кому плеча (а) своего платье пожалуютъ.

Главный же роскошь въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоцѣнныхъ мѣ-

---

а) Князь Меньшиковъ?

а) Съ плеча.

хахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли; но мѣха сіи не купленные и не изъ чуждыхъ государствъ привезенные были, но дань, собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ, царицы имѣли обычай носить длинные тонкіе полотняные у сорочекъ рукава, которые на руку набирали, и сіи были иногда толь длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна въ нихъ употреблялось.

Се есть все, что я могъ собрать о родѣ житья, выѣзду и одежды царской; а сіе самое и показуетъ, коликая простота во всемъономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники по мѣрѣ ихъ состоянія подобную же жизнь вели, стараяся притомъ изъ почтенія къ царскому сану никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ; но что дѣды нашивали, то и внучата, не почитаясь староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя богатыя одѣянія, которыя просто золотами называли и не инако надѣвали, когда для какого торжественнаго случая повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться; а посему сіи одежды имъ надолго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдилися и сыновья по кончинѣ родителей своихъ тоже платье носить. Однако нѣсть никакого общества, куда бы великолѣпіе и роскошь не вкрадывались; то, колико кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей,—великолѣпіе, можетъ статься, до излишности доведенное, но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ: ибо бояре съ людьми своими хаживали на войну, и оные обще и воины государственные, и защитники въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре считали, когда ѣдетъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я, что и самыя боярыни не токмо куда въ знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣднѣ къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило. Давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье, а впрочемъ они содержались своимъ искусствомъ; дома носили сѣрые сермяжные кафтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи какой у кого получше кафтанъ сыщется, ибо тогда ливреи не знали; и я самъ запомню, что безъ гостей званыхъ во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употребленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кафтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что не было тогда ни единаго, ктобы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самые родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а по-

сторонніе инако не ѣзжали, какъ токмо званые, и могли сидѣть по утру до часа обѣденнаго, а ввечеру до ужина, не бывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякій по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія; ибо лучше никто и не зналъ. А къ тому же воспитаніе въ набожіи хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе, ипаче: въ вѣрѣ утверждаться. Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя понуждали вникнуть въ узаконенія государства; и за честь себѣ считали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ я въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что князь Дмитрій Өедоровичъ Щербатовъ хаживалъ не токмо по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ, и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину князь Өедору Өедоровичу Волконскому, что сей, хотя князь Щербатовъ, по причинѣ разоренія дома его купно съ убіеніемъ дѣда его князь Саввы.... Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человѣкъ весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ, и князь Иванъ Андреичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Цареградѣ и Англіи, а наконецъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и ордена святаго Александра Невскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножало еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ. Безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣлывало ихъ безопасность что твердое предпріять, а тогда же и налагало узду кому что недостойное имени своего содѣлать, ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе не токмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ. Князь Симской-Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ-Скуратову, съ твердостію отрекся, и когда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ осужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднюю милость себѣ просилъ, чтобъ прежде его два сына его были умерщвлены, яко, бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти чего недостойнаго роду своему не учинили. Князь Михай-

ло Петровичъ Репнинъ лучше восхотѣлъ претерпѣть гнѣвъ царя Іоанна Васильевича и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распутныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгій обычай царя Іоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтобъ, совокупясь многими родами, не просили у сего государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь, и бралися быть поруками впредь за поступки того, яко свидѣтельствуютъ сіе многія сохраненныя грамоты въ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписи есть. И дѣдъ мой князь Юрья Ѳедоровичъ Щербатовъ не устрашился у разгнѣваннаго государя Петра Великаго по царевичеву дѣлу за родственника своего, ведомаго на казнь, прощеніе просить, прося, что если не учинено будетъ милосердія, дабы его самого, въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да не увидятъ очи его безчестія роду и имени своего; и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые не токмо, бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обязаны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своихъ поступковъ, такъ какъ защитниковъ (а) во всякомъ случаѣ. Самые еще хотя мало остающіеся обычаи нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые въ молодости моей, помню, яко священные законы хранились, чтобъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ и чтобъ ближніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

а) И защитниковъ.

Самые самовластнѣйшіе государи принуждены иногда бываютъ послѣдовать умоначертанію своего народа: такъ наши государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, не токмо снисходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ, и мы находимъ въ родѣ князей Репниныхъ, что многіе изъ стольниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе, часто и младымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалося въ обиду другимъ; но сего не было; ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ: и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.

Въ возмездіе за такое снисхожденіе государей, получали они, что находили въ благородныхъ— вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщуся я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предло-

жить. Аѳанасій Нагой, бывъ посломъ въ Крыму и многое претерпѣвая отъ наглостей крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ ханомъ изъ Крыму,—чувствуя нужду его пребыванія въ семъ полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того не поѣдетъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣичъ Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ и винному родственнику своему пощаду живота испросилъ. Прозоровскій, во время трудныхъ обстоятельствъ начала шведскія войны, соблюлъ великое число казны, и государственныя вещи, повелѣнныя государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда государь самъ сожалѣлъ о истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія, возвратилъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ царевичевъ не подписалъ, говоря, что «онъ рожденъ служить своему государю, а не кровь его судить», и не устрашился гнѣву государева, который нѣсколько времени на него былъ, яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ многія дѣла, государемъ подписанныя, останавливалъ, дая ему всегда справедливые совѣты, и гнѣвъ государскій за частое его противоборство воли его на почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь обще и къ славѣ своего государя, и къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.

[1]) Князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ (р. 1733, у. 1790), получавшій отъ Екатерины II титулъ исторіографа, обучался дома, служилъ сначала въ военной службѣ, изъ которой вышелъ въ отставку 1762 г. Въ 1767 г. былъ избранъ отъ ярославскаго дворянства депутатомъ въ комиссію составленія новаго уложенія. Съ 1768 по 1771 г. занимался, по порученію императрицы, разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ кабинетнаго архива Петра Великаго. Важнѣйшій трудъ Щербатова: „Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ", 7 томовъ или 15 книгъ (1770—91), доведенная до 1610 г. Когда Болтинъ, въ Примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Россіи Леклерка, указалъ ошибки Щербатова, послѣдній писалъ „Письмо къ пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя скрытныя и явныя охуленія, учиненныя его Исторіи отъ Болтина (1789)". Болтинъ, въ томъ же 1789 г., издалъ „Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи". „Примѣчанія" Щербатова на этотъ отвѣтъ нап. уже по смерти его (1792 г.). Другія сочиненія кн. Щербатова: О старинныхъ степеняхъ чиновъ Россіи (1784); Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей россійскихъ, происходящихъ отъ в. к. Рюрика (1785); Размышленія утѣшительныя слезящаго отца о смерти любезнаго сына (1790). Изданія его: Царственная книга (1769) Журналъ, или поденная записка Петра В., 3 ч. (1770—72); Царственный лѣтописецъ (1772); Лѣтопись о многихъ мятежахъ (1773); Житіе Пет-

ра В., изданное въ Венеціи типографщикомъ Дмитріемъ Ѳеодози и перепечатанное въ Спб. съ поправками Щербатова и Троепольскаго (1774); Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ (1774); Тетради записныя всякимъ письмамъ и дѣламъ 1704, 1705 и 1706 г.г. (1774).

Кромѣ исчисленныхъ трудовъ, кн. Щербатовымъ написаны многія другія сочиненія, остававшіяся неизвѣстными до 1855 г., „Сочиненія эти (сказано въ 14 № Библіогр. Зап. 1859 г.) представляютъ весьма важный матеріалъ и для исторіи XVIII-го вѣка и для біографіи ихъ автора. Нравственный характеръ кн. Щербатова, степень его образованія, сила убѣжденія отразились въ нихъ отчетливо и ярко. Здѣсь онъ является читателю уже не историкомъ, а публицистомъ, который занятъ современными государственными политико-экономическими вопросами; патріотомъ, которому дорого благо его отечества; гражданиномъ, который смѣло высказываетъ свое искреннее мнѣніе о дѣйствіяхъ правительства“. Изъ этихъ любопытныхъ сочиненій слѣдующія напечатаны вполнѣ:

а) Статистика въ разсужденіи Россіи (Чтен. 1859, № 3).

б) Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго (Библ. Зап. 1859, № 12, и Чтен. 1860, кн. 1).

в) Отвѣтъ гражданина на рѣчь говоренную оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 сентября 5 (ib. № 13).

г) Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ (ib.).

д) Состояніе Россіи до Петра Великаго (Чтен. 1860, кн. 1).

е) Размышленіе о смертномъ часѣ (ib.).

ж) Разныя разсужденія о правленіи (ib.).

з) Прошеніе Москвы о забвеніи ея (ib.).

и) Размышленіе о смертной казни (ib.).

і) Отвѣтъ на вопросъ: что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденія нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію шведскія войны, и о прочемъ тому подобномъ. Писано 1788 г. (ib.).

к) Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи (ib.).

л) Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, при началѣ турецкой войны (1788 г. (ib.).

м) Размышленія о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры (ib.).

Нѣсколько краткихъ замѣтокъ о разныхъ предметахъ: а) турецкой войнѣ, 1769—74 г.г., б) не надлежитъ, чтобъ въ одномъ городѣ разныя неподчиненныя единое другому правительства были, в) о вотчинной коллегіи, г) примѣчанія для предбудущія турецкія войны, помѣщено въ 13 № Библ. Зап. 1858 г. Въ томъ же изданіи на 1859 г., №№ 14 и 15, сдѣланы выписки изъ неизданныхъ сочиненій кн. Щербатова, между которыми первое мѣсто принадлежитъ историческому мемуару: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи.“ Г. Ешевскій далъ основательный о немъ отчетъ въ 3 № Атенея, 1858 г. Политико-экономическія воззрѣнія Щербатова изложены М.Щепкинымъ въ ст.: „Экономическія понятія въ Россіи въ XVIII в.“ (Моск. Вѣд., 1859, №№ 142, 143, 154, 172 и 177).

LI.

БОЛТИНЪ. (1).

ПРИМѢЧАНІЯ НА ИСТОРІЮ РОССІИ, ЛЕКЛЕРКА (1788). (2).

О языкѣ русскомъ входитъ авторъ въ пространное разсужденіе, однакожъ весьма мало дѣльнаго и нужнаго представляетъ; но по большей части или блестящимъ суесловіемъ красуется, или разсказываніемъ о посторонныхъ вещахъ недостатокъ знанія своего въ настоящей предлежности закрыть тщится, или, потерявшися въ разнообразности мыслей, самъ себѣ противорѣчитъ.

«Языкъ русскій», говоритъ, «будучи прекрасенъ и богатъ самъ по себѣ, имѣетъ ту выгоду еще, что можетъ находить, въ случаѣ нужды, новыя богатства въ языкѣ славянскомъ».

Въ подтвержденіе сего называетъ языкъ русскій «богатымъ, весьма выражательнымъ, способнымъ какъ къ произведенію сочиненій трудныхъ, такъ равно издѣвочныхъ и смѣхотворныхъ». Но, чрезъ три страницы послѣ первыя рѣчи, говоритъ совсѣмъ противное тому: «почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей не подпадающихъ чувствамъ, не достаетъ въ русскомъ языкѣ реченій». Кажется сія рѣчь съ вышепрописанными никакого согласія не имѣетъ. Еслибы сіе было правда, то бы не могли быть переведены съ греческаго языка на славянскій столько твореній знаменитѣйшихъ отцевъ восточныя церкви, изъ коихъ вся красота, пышность, чистота и великолѣпіе еллинскаго витійства, и безъ заимства словъ чуждыхъ, пренесены въ языкъ славянскій, и на ономъ поднесь чтутся не съ меньшею ясностію, услажденіемъ и удивленіемъ, яко и на греческомъ. Русскій языкъ не столь богатъ какъ славянскій, однакожъ и на него многія книги важныхъ и глубокомысленныхъ творцовъ переведены безъ потери ясности и красоты. Я не скажу того, чтобы всѣхъ языковъ слова въ русскомъ языкѣ тождезначащія и равносильныя обрѣталися. Всякій языкъ имѣетъ нѣчто особенное и единое ему свойственное, и въ семъ разумѣ можно сказать, что и въ самомъ недостаточномъ найдутся такія слова, кои на самые изобильнѣйшіе однимъ словомъ не могутъ быть переведены. Правда и то, что въ русскомъ языкѣ недостаетъ многихъ словъ, относительныхъ до наукъ и художествъ, коихъ въ Россіи не было прежде. Но какой же языкъ можетъ тѣмъ похвалиться, чтобы, вводя новую науку или художество, не заимствовалъ или не вводилъ и

новыхъ реченій, употребляемыхъ въ той наукѣ или художествѣ? Но сіе есть явная клевета, якобы въ недостаткѣ реченій условныхъ, къ выраженію умоначертаній сложныхъ, принуждены были ввести въ языкъ природный безобразное смѣшеніе языковъ различныхъ. Всѣ, знающіе языкъ русскій хорошо, согласятся со мною, что въ реченіяхъ сказанныхъ недостатку мы не имѣемъ и что страннаго смѣшенія разныхъ нарѣчій въ языкѣ нашемъ никогда не бывало и нѣтъ. Авторъ слыхалъ, будучи въ Россіи, отъ русскихъ жалобу, что въ разговорахъ употребляютъ много словъ иностранныхъ безъ нужды, и, не понявъ того, отнесъ оную къ недостатку языка. Жалоба ихъ вотъ въ чемъ состояла: въ царствованіе императрицы Елисаветы введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ, не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ; но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія, тѣмъ съ большею удобностію, что чуждыя тѣ слова въ писаніе не были введены, понеже употребляли ихъ по большой части люди безграмотные. Не взирая, однакожъ, на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясниться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ французскихъ. Знающіе же природный свой языкъ, кромѣ необходимости, иностранныхъ словъ въ разговорахъ не употребляютъ, а на письмѣ и того меньше. Можетъ быть г. Леклерку случилося таковыхъ французо-русскихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ, какъ они. Однако не надлежало бы, кажется, о незнаемой вещи говорить такъ увѣрительно.

«Чтобъ познанія другихъ народовъ, ихъ науки и ихъ художества не могли проникнуть въ Россію, запрещено было ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ нее, а Русскимъ ѣздить къ нимъ для просвѣщенія своего.»

Запрещенія ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ Рссiю никогда не бывало, напротивъ старалися о приглашеніи ихъ; да и въ самой вещи многіе художники и ученые при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и прежде еще призываны были, что и самъ авторъ сими словами свидѣтельствуетъ: «Иванъ Васильевичъ II просвѣщаетъ свой народъ, учреждаетъ мудрѣйшіе законы, яко отецъ его и дѣдъ, покровительствуетъ ученыхъ и художниковъ», и проч.

Запрещено было Русскимъ выѣзжать изъ государства, не испрося дозволенія у правительства, дабы не всякій могъ безъ разбора

выѣзжать, а только тѣ, кои безъ опасности отпущаемы быть могли. Требовался къ сему зрѣлый разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и нравахъ. Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, не дозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями. Сіе самое послѣ сбылося. Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ, и проч.; и такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли и, ставъ непохожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія.

Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда познал Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются ко исправленію поврежденнаго благонадежнѣйшія средства, коихъ мудрое предрасположеніе подаетъ великую въ успѣхѣ надежду. Потомки наши увидятъ оныхъ плоды, восчувствуютъ благодарность къ виновницѣ учрежденія и постановленія ихъ, и познаютъ цѣну и важность сего великаго ея благодѣянія къ россійскому роду.

Неправда и то, чтобъ училища, служащія къ просвѣщенію разума, запрещены были. Училищъ завести несчастныхъ временъ обстоятельства, въ коихъ чрезъ нѣсколько вѣковъ погружена была Россія, не допускали; а едва только миновалися они, то и учреждены были оныя въ Москвѣ, но принести плода не успѣли: просвѣтить цѣлое государство потребны вѣки.

«По угодности Русскаго народа зима, хотя весьма жестокая, есть прекраснѣйшее время въ году. Сіи краткіе дни составляютъ счастіе для народа лѣниваго, который очень любитъ спать и спитъ когда хочетъ».

Зиму Русскіе не признаютъ за лучшую въ году пору, но за выгоднѣйшую для многихъ спосо-

бовъ, приносимыхъ ею въ разсужденіи домовыхъ ихъ работъ и отвоза въ дальнія стороны своихъ издѣлій. Зима есть такое время, въ которое крестьянинъ долженъ заплатить за весь годъ всѣ государственныя подати и помѣщичьи оброки; для себя и для своего семейства припасти платье и обувь; для домашняго быта всякую посуду, а для полевыхъ работъ всю сбрую, ибо лѣтомъ не останется ему время ни о чемъ другомъ помышлять, кромѣ земледѣлія. По сей причинѣ и государственныя подати лѣтомъ не собираются, чтобъ тѣмъ не сдѣлать земледѣльцамъ въ работахъ ихъ помѣшательства. Зимою женскъ полъ вообще, а изъ мужчинъ престарѣлые токмо и малолѣтніе остаются дома, для исправленія домашнихъ работъ и посмотра за скотиною; а прочіе всѣ ходятъ по дорогамъ, отвозя свой хлѣбъ и издѣлія на продажу въ города, или нанимаясь подъ извозъ разныхъ товаровъ къ портамъ, для отпуска оныхъ весною въ чужестранныя государства. Какіе переносятъ они труды въ продолженіи пути своего, многократно былъ я самовидцемъ. Стоятъ они на дворахъ въ сутки не болѣе осьми или девяти часовъ, въ кои должно имъ два раза поѣсть, два раза лошадей выпрячь и запрячь, два раза ихъ напоить и столько же разъ дать имъ сѣна и овса; а за исправленіемъ всѣхъ сихъ нуждъ, небольше какъ три, а много четыре часа останется имъ на сонъ и отдохновеніе. Достальные 15 или 16 часовъ должны они, каждый за возомъ своимъ, идти пѣши, да еще на косогорахъ, раскатахъ и въ выбояхъ придерживать возъ, чтобъ не упалъ; а при всемъ томъ сносить вѣтръ и морозъ, которые иногда столь бываютъ непомѣрны, что лишаютъ носовъ, ушей, перстовъ, а не рѣдко и жизни противоборствующихъ имъ. Тѣ, которые въ дороги не ходятъ, упражняются или въ ловлѣ звѣрей и рыбъ, или въ разныхъ ремеслахъ, или въ рубкѣ лѣсовъ и отвозѣ оныхъ на пристани для сплавки весною въ тѣ мѣста, гдѣ есть въ нихъ недостатокъ, сверхъ молотьбы хлѣба и прочихъ домашнихъ исправленій, и хотя меньше переносятъ трудовъ и не подвергаются такимъ опасностямъ, какъ находящіеся въ отсутствіи, но едвали больше ихъ имѣютъ покоя.

Впрочемъ отнюдь не есть то чудно, что народъ русскій, по словамъ нашего автора, тогда спитъ, когда хочетъ, ибо тожъ дѣлаютъ и всѣ народы; но то было бы удивительно, еслибъ тогда онъ спалъ, когда не хочетъ.

[1]) Болтинъ, Иванъ Никитичъ (1735—1792), генералъ-маіоръ, получилъ домашнее образованіе. Въ 1751 г. поступилъ на службу въ конную гвардію, гдѣ и сблизился съ Потемкинымъ; въ 1769-мъ назначенъ директоромъ Васильковской таможни, а въ 1779-мъ, по ходатайству Потемкина, переведенъ въ главную таможенную канцелярію; въ 1781 г., съ упраздненіемъ ея, опредѣленъ въ военную коллегію,

гдѣ и служилъ до самой смерти, исперва занимая должность прокурора, а впослѣдствіи члена коллегіи. Въ это же время Болтинъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Потемкина въ дѣлѣ устройства Крымскаго полуострова. При появленіи Русской Исторіи Леклерка, Болтинъ написалъ на нее критическія примѣчанія, которыя рѣшился напечатать по совѣту Потемкина. Они изданы по повелѣнію Екатерины; изданіе вышло въ 2 т., 1788 г., въ Спб. подъ заглавіемъ: „Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка". О полемикѣ Болтина съ кн. Щербатовымъ сказано выше, въ примѣчаніяхъ къ сему послѣднему. Сюда относятся два сочиненія: Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова (1789) и Критическія примѣчанія на исторію Щербатова, 2 т. (1793 — 94). Кромѣ того Болтинъ издалъ Правду Русскую, вмѣстѣ съ гр. А. И. Пушкинымъ (1792), и написалъ примѣчанія ко 2-му изд. (1792) Историч. представленія изъ жизни Рюрика. Ему же принадлежатъ „Хорографія Сарептскихъ цѣлительныхъ водъ (1782)". По званію члена Россійской Академіи, участвовалъ въ заготовленіи матеріаловъ для толковаго славяно-русскаго словаря, написавъ объясненія словъ, начинающихся съ буквы А. Между оставшимися послѣ него бумагами находился переводъ французской энциклопедіи до буквы К. О Болтинѣ см. Исторію Рос. Академіи, М. И. Сухомлинова, т. V.

²) Леклеркъ (Le Clerc Nicolas Gabriel), членъ академій петербургской, безансонской и руанской (1726—1798), пользовался въ свое время извѣстностью, какъ искусный медикъ. Ему многимъ было обязано правильное устройство госпитальной части. Въ 1759 г., вызванъ императрицею Елисаветою въ Россію и поступилъ домашнимъ врачемъ къ К. Г. Разумовскому, съ которымъ путешествовалъ по Европѣ. Потомъ возвратился во Францію, но въ 1769 г. снова прибылъ въ Россію и былъ назначенъ главнымъ медикомъ при наслѣдникѣ престола (Павлѣ I) и инспекторомъ Павловской больницы (въ Москвѣ). Сверхъ того, преподавалъ воспитанникамъ сухоп. кадет. корпуса физику, химію и натуральную исторію. Въ это вторичное пребываніе свое въ Россіи, Леклеркъ, по желанію Людовика XV, занялся собраніемъ матеріаловъ для русской исторіи, которую началъ писать, возвратясь въ свое отечество (1777), и напеч. 1783 — 94 гг. въ 6 т.: „Histoire de la Russie ancienne et moderne". (Biographie universelle). Леклерку служила большимъ пособіемъ Исторія Россіи, Левека (Pierre Charles Levesques, р. 1736, у. 1812), изд. въ Парижѣ 1782 — 83, въ 8 т., изъ коихъ первый перев. на рус. яз. и нап. 1787 г. По рекомендаціи Дидро, Екатерина II вызвала Левека, въ 1773 г., на каѳедру словесныхъ наукъ въ кадетскомъ корпусѣ, которую онъ и занималъ въ теченіе семи лѣтъ 1773—80). Въ 1780 г. воротился въ Парижъ и былъ членомъ Академіи Надписей. Здѣсь-то видѣлъ его Карамзинъ, въ 1790 г., изложившій свое мнѣніе объ его Исторіи, въ своихъ „Письмахъ рус. путешественника". Примѣчанія Болтина въ основаніи своемъ согласны со взглядомъ Екатерины какъ на исторію русскую вообще и понятія о ней иностранцевъ, такъ и на отношенія Петровой реформы къ новому періоду русскаго образованія. Въ предисловіи разсказанъ поводъ къ примѣчаніямъ, цѣль которыхъ—защищеніе правды и отечества:

„Прежде нежели началъ я читать сію книгу, многими причинами предубѣжденъ былъ въ ея пользу: десятилѣтнимъ пребываніемъ сочинителя въ Россіи, коего главное намѣреніе, какъ самъ онъ говоритъ, живучи здѣсь, состояло въ томъ, чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія къ сочиненію исторіи россійской, и въ чемъ

онъ, по егожъ словамъ, получилъ совершенный успѣхъ; знаніемъ и способностями, каковыхъ должно было чаять въ членѣ многихъ академій; сильными его увѣреніями о истинѣ, безпристрастіи и совершенномъ знаніи предлагаемаго имъ; огромнымъ и многообѣщавающимъ титуломъ сочиненія *(Исторія естественная, нравственная, гражданская и политическая древнія и нынѣшнія Россіи);* и наконецъ типографическимъ украшеніемъ, оное сопровождающимъ. Но, по прочтеніи нѣсколькихъ страницъ, разрушилося во мнѣ сіе пріятное предубѣжденіе, возбуждающее любопытство и охоту къ чтенію: ложь и клевета, съ коими сочинитель злословитъ вообще Россію; пристрастіе, съ коимъ переиначиваетъ онъ дѣла наиболѣе извѣстныя; наглость, съ которою рѣшительно говоритъ о вещахъ совершенно ему неизвѣстныхъ; нелѣпость разсужденій, пустота доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки (оставляя осмѣянія достойную надменность слога и образъ писанія странный и необыкновенный), заставили меня возъимѣть мнѣніе противное прежнему и о сочиненіи и о сочинителѣ.

„Подвигнутъ усердіемъ къ истинѣ и къ моему отечеству, предпріялъ я сдѣлать примѣчанія на сію книгу, чтобъ уличить и устыдить наглаго и лживаго ея сочинителя. По мѣрѣ чтенія ея, замѣчалъ я важнѣйшія въ ней ошибки и злоумышленныя отъ истинны устраненія, и, не ограничиваяся опроверженіемъ иныхъ, старался показать вещи, къ коимъ тѣ ошибки относятся, въ точномъ ихъ видѣ; отражая клевету и злословіе, безъ рвенія противопоставлялъ лжи истину, заблужденію исправленіе, не сущему сущее; справедливость моихъ доводовъ и безпристрастіе моихъ мнѣній и разсужденій подкрѣплялъ свидѣтельствомъ писателей достовѣрныхъ. Почему ласкаться смѣю, что труды мои будутъ удовлетворительнѣе тѣхъ, каковы суть полемическія сочиненія, имѣющія по большей части предметомъ своимъ не стоящія вниманія распри писателей“.

LII.

ЛОПУХИНЪ. (1).

ИЗЪ ЕГО ЗАПИСОКЪ. (2).

Въ началѣ 1782 года по просьбѣ моей, за болѣзньми, отставленъ я изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи, по новымъ учрежденіямъ, московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ уголовной палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинный не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія, но, по человѣколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ.

Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ пре-

ступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному или потерянію свободы.

Вѣроятно, никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни. Ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней. Но не находящійся еще въ такой степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ, ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ они ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва ли могутъ когда быть совершенныя и такія, что исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинный разумъ не можетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ. И по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, пріемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій весьма можетъ заводить въ погрѣшность одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобы ею прославиться, или которые во всякомъ, ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно добрыхъ судей, а такіе, по несчастію очень рѣдкіе, судьи и не послѣдуютъ, конечно, оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи

преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго? Иные мудрователи при семъ скажутъ: «что же? и такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу, и силъ разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, не надобно».— Нѣтъ: надобно ихъ употреблять наиприлежнѣйше; но тамъ, гдѣ они недостаточны, съ кротостью признавать ихъ слабость и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго, для того только, чтобъ его наказать, и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оный бы совершенно возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ ревеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самый видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, стольконсъ по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душою.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1795 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее пріѣзду отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми (3); въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность, много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и понынѣ называютъ Мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же называли его потому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье, въ своей Картинѣ Парижа, называлъ такъ Мартинистами нѣкоторое число людей, съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной кни-

ги: О *заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст. Мартенъ*, мужъ почтенный своими знаніями и добродѣтелями (4).

Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ, съ великою признательностію.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, твореній и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ книгѣ Премудрости (гл. VII, ст. 17—22) (5), содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,—науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена несомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина, и самый не христіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отвергающій и здравый имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной погрѣшности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: *вѣкъ живи, вѣкъ учись*, гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка, въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно бу-

детъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку ударившему по одной,—заповѣди, которой смыслъ есть, конечно, тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснить намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца, очищенныя божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божіимъ и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя. Безъ познанія же самого себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ мы живемъ. Всякій скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ: въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но еже-ли бъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились или убоялись и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ?

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оный святой навыкъ ощущенія вездѣприсутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ рождать страхъ Божій, который есть соль истинной добродѣтели и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ Него, а изъ любви къ Нему; подобно тому какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятся ихъ наказаній. Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но самыя наказанія Божіи въ

здѣшней жизни и по смерти суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіемъ порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насъ общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разные о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи, и проч.?

[1]) Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ (р. 1756, у. 1816), воспитывался дома. Образованіе его было неважное: „я прямой самоучка (говоритъ онъ въ своихъ „Запискахъ") и можно сказать, что, по грамматикѣ, аза въ глаза не знаю". Весьма часто сознается онъ въ невѣжествѣ, въ отсутствіи авторскаго таланта, хотя и не мало случилось ему написать на своемъ вѣку: „писалъ я всегда по нуждѣ или для препровожденія времени, для пріятелей, или то, что, по моему мнѣнію, могло принести пользу". Службу началъ онъ въ гвардіи и въ 1775 г. получилъ чинъ прапорщика преображенскаго полка. Шестилѣтняя болѣзнь, въ продолженіе которой онъ большею частью жилъ въ отпуску, занимаясь изученіемъ уголовныхъ законовъ, заставила его перейти изъ военной службы въ гражданскую. Изъ литературныхъ трудовъ его этого времени извѣстны: „Торжество вѣры надъ любовью, переводъ съ франц. изъ Юнга (1780)" и „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ, сочиненное Россіяниномъ (1780), по поводу Гольбаховой Системы природы (Système de la nature). Уволенный 1782 года изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи полковникомъ, Лопухинъ, въ томъ же году, при открытіи, по Учрежденіямъ о губерніяхъ, московской губерніи, получилъ мѣсто совѣтника уголовной палаты. Въ отправленіи этой должности онъ руководствовался врожденнымъ ему сильнымъ чувствомъ человѣколюбія, равно какъ идеями „Наказа" и Беккаріева трактата „О преступленіяхъ и наказаніяхъ". Черезъ три года (1785) вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. Періодъ времени съ 1785 по 1792 г.— самый замѣчательный въ жизни Лопухина: онъ принималъ ревностное участіе въ дѣлахъ „Дружескаго ученаго общества (основаннаго въ 1782 г.), вмѣстѣ съ Н. И. Новиковымъ, И. П. Тургеневымъ, кн. Н. Н. Трубецкимъ и другими членами. Общество было франмасонскимъ союзомъ, усвоившимъ преимущественно ученіе мистика Сенъ-Мартена, котораго книга:

„О заблужденіяхъ и истинѣ“ въ русскомъ переводѣ напеч. 1785 г. и послѣдователи котораго получили названіе „мартинистовъ“. „Цѣль Общества, по Запискамъ Лопухина, состояла въ изданіи книгъ духовныхъ и наставляющихъ въ нравственности истинно евангельской, въ переводѣ глубочайшихъ о семъ иностранныхъ писателей, въ содѣйствіи хорошему воспитанію, въ оказаніи пособій готовящимся на проповѣдь Слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать нужныя для того знанія и качества.... Члены его упражнялись въ познаніи самихъ себя, творенія и Творца, по правиламъ науки, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,— науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ натура вещей никогда истинно извѣстна быть не можетъ. Они имѣли предметомъ— добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства; система ихъ, въ противоположность французскому энциклопедизму, основывалась на твердомъ убѣжденіи, что Христосъ есть начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей“. Чтобы познакомить публику съ истиннымъ духомъ Общества и разсѣять возникшія противъ него предубѣжденія, иначе: чтобы представить въ краткихъ чертахъ начала его науки (догматики) и нравственности (нравоученія), Лопухинъ издалъ „Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Ф—къ М—въ (Франкъ-Масоновъ)“. Книжка эта, продававшаяся отдѣльно въ переводѣ на франц. яз., присоединена также къ двумъ другимъ сочиненіямъ Лопухина: „Духовный рыцарь, или ищущій премудрости (1791 г.)“ и „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели“ (написано 1789 г., напеч. 1798 г.). Въ послѣднемъ сочиненіи катихизисъ названъ „Краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанина, почерпнутымъ изъ Слова Божія и расположеннымъ по вопросамъ и отвѣтамъ.“

По уничтоженіи Дружескаго общества (1792 г.), до кончины Екатерины II Лопухинъ жилъ въ Москвѣ, занимаясь переводами и сочиненіями.

По вступленіи Павла I на престолъ, когда С. И. Плещеевъ, членъ Дружескаго Общества, и кн. Н. В. Репнинъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ такъ называемыхъ мартинистовъ, получили сильное значеніе при дворѣ, Лопухинъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятія мѣста статсъ-секретаря. Въ началѣ 1797 г. воротился въ Москву, пожалованный тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ: здѣсь онъ дѣйствовалъ также, какъ и въ уголовной палатѣ, т. е. заботился о смягченіи наказаній. Въ 1800 г., вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ, ревизовалъ губерніи казанскую, вятскую и оренбургскую; способъ ревизованія изложенъ имъ въ брошюрѣ: „Выписка наставленій и приказаній, данныхъ г.г. сенаторами при осмотрѣ вятской губ. въ мартѣ 1880 г. (1880 г.)“, представляющей первый опытъ печатной гласности по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Въ 1801 г. Александръ I предписалъ ему и Нелединскому-Мелецкому осмотрѣть слободско-украинскую губернію. Благодушный образъ дѣйствій Лопухина, особенно по вопросу о сектѣ духоборцевъ, поставленъ былъ въ примѣръ начальникамъ губерній высочайшимъ указомъ. По случаю толковъ объ этомъ Лопухинъ написалъ 1806 г., записку: „Гласъ искренности (напеч. 1817 г. въ декабрской книжкѣ Сіонскаго Вѣстника). Въ 1802 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крыму; уволен-

ный отъ этой должности, 1805 г., началъ попрежнему присутствовать въ сенатѣ. Для наблюденія за правильнымъ и скорѣйшимъ ходомъ учрежденія милиціи (1806 г.), былъ отправленъ въ губерніи тульскую, калужскую, владимірскую и рязанскую, за что пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1812 г. выѣхалъ изъ Москвы въ помѣстье свое, село Савинское (орлов. губ.), гдѣ и жилъ до самой кончины своей.

[2]) „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ". Двѣ части. Онѣ диктованы Лопухинымъ въ 1809 г. Напечатаны О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, 1860, и отдѣльно; другое изданіе — въ Рус. Архивѣ 1884, кн. I.

[3]) Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу: Système de la nature, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (Code de la nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣять его въ рукописяхъ. Но только что дописалъ первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, Разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: „О заблужденіяхъ и истинѣ", и Арндта „О истинномъ христіанствѣ." *Примѣч. Лопухина.*

[3]) Мерсье (1740—1814) извѣстенъ болѣе „Опытомъ о драматическомъ искусствѣ". Книга его: „Tableau de Paris" нап. 1781 г. — Сенъ-Мартенъ (1743—1803), теософъ, писавшій подъ именемъ „Неизвѣстнаго философа". Книга его: Des erreurs et de la verité вышла въ 1775 г.

[5]) Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра, и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣны, и измѣненія временъ, лѣтъ круги, и звѣздъ расположенія, естество животныхъ, и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе, и помышленія человѣковъ, разнство лѣтораслемъ, и силы кореній (Прем. Соломона, VII, 17—22).

LIII.

ГЕОРГІЙ КОНИСКІЙ.

Рѣчь Императрицѣ Екатеринѣ II —на прибытіе ея въ Мстиславль.

Пресвѣтлѣйшая Императрица!

Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше *солнце* вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ, тещи

путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты твоея!

Хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствіемъ, и не горькими хожденіями твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона; однако, солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое.

Тецы убо, о *солнце* наше! спѣшно; тецы исполинными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая къ небу, возопіемъ: стой, *солнце*, и не движись, дондеже вся, великимъ твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши!

Георгій Конискій, архіепископъ бѣлорусскій (р. 1717, у. 1795) обучался въ кіевской академіи, гдѣ потомъ исправлялъ должности ректора и профессора богословія, будучи притомъ архимандритомъ кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1755 г. былъ посвященъ въ бѣлорусскіе епископы. Православная церковь въ Бѣлоруссіи, находившаяся въ то время подъ владычествомъ Польши, терпѣла сильныя притѣсненія отъ духовенства латинскаго и уніатскаго. Управляя ею, Георгій выказалъ большую дѣятельность и энергію, не смотря на всѣ опасности и гоненія, которымъ подвергался. Первое свое вниманіе обратилъ онъ на устройство въ Могилевѣ семинаріи (1757 г.), чтобы поднять духовное образованіе, пришедшее въ крайній упадокъ. Тогда же завелъ при архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой напечаталъ Катихизисъ Ѳеофана Прокоповича, со многими своими дополненіями, и разослалъ его во всѣ православныя церкви своей епархіи. Кромѣ того, собраны имъ въ особый архивъ, учрежденный при архіерейской каѳедрѣ, значительное число разныхъ старинныхъ актовъ, послужившихъ любопытными матеріалами для исторіи бѣлорусскаго края. По вступленіи на престолъ Станислава-Августа (Понятовскаго), Георгій отправился (1765 г.) въ Варшаву и, вручивъ новому королю рекомендательную грамоту Екатерины II, произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ гоненія, терпимыя православными въ областяхъ польскихъ и литовскихъ. Не смотря на королевское обѣщаніе въ покровительствѣ законовъ, гоненія не прекращались. Диссиденты, какъ православные, такъ и протестанты, составили (1767 г.) конфедерацію въ Слуцкѣ, для разсужденія о средствахъ возстановить свои права и привилегіи; а поляки открыли особую противъ нихъ конфедерацію въ Барѣ. Для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между враждебными сторонами, учрежденъ былъ (1768 г.) въ Варшавѣ обосторонній судъ. Поступивъ въ члены этого суда, Георгій заботился о собраніи и объясненіи древнихъ грамотъ, привилегій, постановленій и другихъ актовъ, на которыхъ православные основывали неприкосновенность своихъ правъ и свободы. Когда Бѣлоруссія присоединена была къ Россіи (1773 г.), Георгій отправился въ Петербургъ и произнесъ Екатеринѣ II благодарственную рѣчь. Въ 1780 г. онъ встрѣчалъ ее въ Могилевѣ, при обозрѣніи ею новоприсоединеннаго края. Въ 1783 г., Конискій пожалованъ архіепископомъ и членомъ синода. Въ 1787 г. снова видѣлъ императрицу, въ путешествіи

ея въ Тавриду, при проѣздѣ черезъ городъ Мстиславль; тогда-то произнесъ онъ извѣстную рѣчь: „Оставимъ астрономамъ доказывать“, и пр. Сочиненія Конискаго: а) Нѣсколько драмъ духовнаго содержанія, которыя онъ, бывши учителемъ піитики въ кіевской академіи, написалъ по тогдашнему академическому обычаю для майскихъ прогулокъ (рекреацій); одна изъ этихъ драмъ: „Воскресеніе мертвыхъ“ (1747 г.) показана въ Опис. рук. Толстова (VI, 4); б) Полная система философіи, 1749 (рукоп. въ петербургской духовной академіи); в) Права и вольности жителей, грековосточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдующихъ вѣру, на пол. яз. (1767), г) Исторія Русовъ, или Малой Россіи; доведенная до 1769 г. (Чтен. 1846, № 1—4); д) Слова и рѣчи, грамоты, письма, мысли и силлабическія стихотворенія (въ Собраніи сочиненій, изданныхъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, въ 2 ч. Спб. 1835. Здѣсь же и Жизнь Конискаго, написанная издателемъ).

LIV.

ПЛАТОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ. ([1]).

1. СЛОВО О ВОСПИТАНІИ ([2]).

Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія Академія художествъ и сіе святаго храма основаніе довольную подаютъ къ словамъ матерію. Академія назначается, чтобъ быть мѣстомъ добродѣтели; а церковь освящается, чтобъ быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣетъ быть предуготовленіе сердецъ къ принятію всякаго добра; здѣсь Духъ Святый на предуготовленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя божественнаго слова. Тамъ будутъ подвиги и честные труды; здѣсь духовное успокоеніе и награжденіе. Разныя подлинно дѣйствія, но одинъ конецъ.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны бъ были всѣ наши предпріятія, ежелибъ они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама церковь не малой бы лишилася помощи, ежелибъ не было мѣстъ къ доброму воспитанію для тѣхъ, коихъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ. Напрасно, напримѣръ, церковь будетъ вопить, чтобъ тотъ вознесъ на небо сердце свое, который такъ воспитанъ, что кромѣ земнаго ни о чемъ не думаетъ. Напрасно будетъ увѣщевать она къ любви Божіей того, который не наставленъ, сколько Богъ есть превосходное добро. Не много также успѣетъ она, ежели будетъ предлагать тому ученіе добродѣтели, который отъ самаго младенчества привыкъ добродѣтель поставлять въ однихъ прибыткахъ или пріятностяхъ.

И для того кажется мнѣ, что

церковь родителямъ, учителямъ, приставникамъ и всѣмъ попечителямъ сими говоритъ словами: «горькая печаль сердце мое снѣдаетъ, что вижу приводимыхъ ко мнѣ дѣтей, къ высокому ученію моему не предуготовленныхъ. Избавьте меня скорби сей. Труды, которые я полагаю о пользѣ всѣхъ, раздѣлите со мною. Имѣю я подлинно спасительное сѣмя; но не давайте мнѣ тернія, не давайте каменія, но добрымъ воспитаніемъ ихъ сердца, яко благую землю, мнѣ представляйте». Сей умиленный церкви гласъ кого не возбудитъ, чтобъ не пренебрегать святую воспитанія должность? А наипаче, что, видится мнѣ, и самые младенцы слабыя свои намъ простираютъ руки и нѣмотствующимъ своимъ языкомъ къ намъ говорятъ: Богъ насъ произвелъ на свѣтъ животныхъ другихъ слабѣе, неотмѣнно съ тѣмъ, что онъ положился на ваше о насъ попеченіе. Такъ почитайте вы за священное сіе обязательство и увѣрьте себя, что, исполняя сіе дѣло, исполняете вы дѣло самого Бога.

Я уже оставляю то, что мы не можемъ инымъ чѣмъ заплатить долгъ своимъ родителямъ, какъ равнымъ о воспитаніи другихъ попеченіемъ.

Надобно знать, *въ чемъ состоитъ воспитаніе*. Изъ преждереченнаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли, а больше ничего. Не состоитъ воспитаніе въ семъ. А состоитъ оно, чтобъ взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего; на семъ незыблемомъ утвердясь основаніи, душу свою такъ пріуготовить, чтобъ снискать къ благочестію горячесть, къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; къ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалѣтельну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну. Въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила.

Но нѣтъ, думаю, столь малопросвѣщеннаго, который бы не зналъ того. А какимъ образомъ сіе производить въ дѣло, въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность причиною есть, что великіе бываютъ въ воспитаніи непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ. Онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ,

а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣютъ совершеннаго въ разсужденіи употребленія. Они управляются почти одними чувствами: и потому ежели что видятъ, ежели что слышатъ, тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣютъ въ памяти. Сіи укрѣпленныя въ младенчествѣ добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время служить имъ будутъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ; ибо чѣмъ новый сосудъ будетъ напоенъ, трудно, чтобъ тотъ запахъ онъ потерялъ когда. Ежели младенецъ имѣетъ родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живые благочестія знаки: неотмѣнно и младенецъ тѣмъ же напоенъ будетъ благочестія духомъ. Ежели же имѣетъ суевѣрныхъ или къ закону презрительныхъ: нельзя, чтобъ и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели малое дитя во всегдашнемъ домашнемъ обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или скупости, излишнее къ веселостямъ и другимъ наружностямъ пристрастіе: весьма трудно, чтобъ сія язва слабыхъ младенческихъ чувствъ не коснулася. Не хочешь, чтобъ младенецъ развращенъ былъ? не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть, но будь предъ нимъ зерцаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно.

Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе оной многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ, а сердце имѣть привязано къ страстямъ земнымъ? Что пользы знать развязывать хитросплетенныя слова, а не знать развязывать узлы сумнящіяся совѣсти? Что пользы человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, а душу свою отщетитъ? говоритъ Евангеліе (Марк. XIII, 36). Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели честностію дѣлъ не будутъ препровождаемы. Прибавить здѣсь надобно и то, что науки не могутъ имѣть своего дѣйствія, развѣ когда младенецъ въ нѣкоторый придетъ возрастъ; но что, ежели онъ въ самомъ началѣ своихъ дней, ежели въ самой почти колыбели приглядится къ такимъ примѣрамъ, которые его ни мало къ принятію добра не расположили? Тщетны тогда будутъ науки и безполезны. Да что, говорю, безполезны? не можетъ быть вреднѣе того человѣка, который бы имѣлъ науки, но не имѣлъ исправленной совѣсти. И потому несомнительно, что самая лучшая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ.

Сія наука есть евангельская, ибо свойственно есть христіанской мудрости, чтобъ не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе учитъ, что царствіе Божіе не въ словеси, но въ силѣ. Оно хочетъ, чтобъ его послѣдователь былъ яко свѣтило въ мірѣ: «Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ

человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ (Матѳ. V, 16)». Почему нельзя не признаться, чтобъ сей способъ, то есть добрый примѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій.

Сіе принявъ основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія, а вмѣсто того приставлять къ нимъ незазорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бъ не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но притомъ бы имѣли и духъ патріотическій.

При чемъ не безполезно помянуть и о томъ, чтò наипаче примѣрами вдыхать надобно въ нѣжныя младенческія сердца. Первѣе всего надлежитъ имъ внушать страхъ Божій: ибо начало премудрости страхъ Господень (Прит. I, 7). Симъ необузданный человѣкъ, трудно, чтобъ могъ удержать непристойныя склонности, которыя совсѣмъ тѣмъ непрестанно воюютъ на разумъ. Положимъ, что онъ откровенно и по наружности нѣкоторой будетъ притворять себѣ видъ честности, боясь наказанія отъ законовъ правительства; но притомъ, коли страха Божія нѣтъ, наполненъ будетъ непристойными мыслями и вредными намѣреніями, которыя при всякомъ скрытомъ случаѣ будетъ стараться производить въ дѣло. Но, связавъ уздою страха Божія худыя человѣческія хотѣнія, невозбранный чрезъ то отворится ко всякому честному дѣлу путь. Послѣ чего безпрепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ.

Полезны подлинно науки, но полезны и художества. Науки просвѣщаютъ мысль: художества не допускаютъ до душевнаго разслабленія. Науки показываютъ ко всякому добру путь: художества дѣйствительно тѣмъ пользуются. Науки наставляютъ, какъ избирать доброе житія состояніе: художества самымъ дѣломъ въ томъ состоятъ. Я могу прибавить въ похвалу художествъ и то, что науки легко употребить можно во зло, и злоупотребленныя—великій причиняютъ вредъ. А художества, не знаю, можно ли употребить во зло: и потому они полезны всегда. Честный художникъ съ кротостію сидитъ въ своемъ уединеніи при благословенномъ дѣлѣ и тѣмъ пользуетъ себя, пользуетъ общество и духомъ своимъ премудраго поетъ Творца.

Такъ ктожъ теперь не видитъ, что ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, несомнительно можемъ надѣяться, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдъ, пріятный това-

рищъ. Всего сего тѣмъ удобнѣе отъ дѣтей надѣяться можемъ, что ихъ и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть.

Но почто много говорить мнѣ о воспитаніи и слушателей моихъ утруждать рѣчію о томъ, чего они видятъ предъ своими очами самую вещь? Никто столь совершенно не понимаетъ пользу воспитанія, сколько Ваше Императорское Величество, дражайшая Всероссійская Матерь: ибо что мы говорили о воспитаніи словомъ, то Ваше Величество исполнили самымъ дѣломъ. Изъ многихъ Вашего Величества обществу преполезныхъ дѣлъ не знаемъ, которое изъ нихъ одно другому предпочесть: столь они превосходны всѣ!

Сія основанная Вашимъ Величествомъ Академія художествъ, трудно сказать, больше ли есть доказательствомъ милосердія Вашего къ подданнымъ, или мудрости въ изобрѣтеніи столь честнаго къ благополучію ихъ способа. Ваше Величество, воображая обширность своего владѣнія и пользу художествъ, которая втекаетъ во всѣ государственныя состоянія, сіе мѣсто исполненію сего спасительнаго намѣренія посвятили. Что все дабы было надежнѣе, и первую воспитанія должность въ уваженіе принять не оставили. За сіе высокоматернее попеченіе одолженными Вашему Величеству себя признаютъ церковь, отечество, юношество. И я сознаю себя слабымъ, чтобъ могъ довольно изъяснить ихъ благодарность. Церковь имѣетъ отсюду ожидать добрыхъ христіанъ, отечество—честныхъ гражданъ; а сами юноши, почитая себя одолженными своимъ родителямъ просто жизнію, Вашему Величеству будутъ одолжены доброю жизнію. Жалуются они на свою натуру, что не поспѣшила она дать имъ столько способности, чтобъ могли то изъяснить словомъ, что чувствуютъ они въ сердцѣ. Но недостатокъ ихъ, по возможности, дополняетъ отечество, желая Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія, должайшей и ненавѣтной жизни и спасенія души. При чемъ и мы всѣ молимъ премилосердаго Господа, дабы Онъ сіе благословенное Ваше тщаніе увѣнчалъ дѣйствительнымъ плодомъ. Аминь.

2. РѢЧЬ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, НА КОРОНОВАНІЕ ЕГО (1801). ([3]).

И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что жъ теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о россійстіи сынове? Возблагодаримъ ли Вышнему Царю царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Возслемъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ его всею вѣрою на-

шею. Принесемъ ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему и вручаемъ Ему. Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря и предъ лицемъ Бога и ангеловъ Его. Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О, забвена буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ! Молиться ли, да Богъ самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и одобряя сердце? О, прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія! Пасть ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да, находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою бреніе: сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь. Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь, сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша, но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой, но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность, но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе, но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя (1).

Бремя поистинѣ и подвигъ! Представнетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, каковую едвали когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши къ вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши имъ слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Представнетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои.

Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, простретъ она свои руки и, ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злый духъ суевѣрія.

Но съ ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки-бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ тобою желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои!

Се подвигъ твой, державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно, глаголемъ: ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе, нежели человѣческихъ. Почему, судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать! Но что же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ-ли оно въ одной наружности? составляетъ-ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ онъ былъ Богомъ въ цари Израилю и святымъ елеемъ помазанъ, Слово Божіе гласитъ: и ношашеся духъ Господенъ надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ Сіе Духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и отвятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея

Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь, тоже сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: и Давидъ красенъ, добръ очами и благъ взоромъ Господеви. Что само по себѣ не толикобъ было важно, ежелибъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечной.

И такъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися! Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнимъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се и еще подаетъ Тебѣ Богъ Своего о державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую Свою супругу, Ея Императорское Величество, сотворити участну Своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ Васъ во-едино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе же и добродѣтели Ея Величества оправдаютъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно, оправдитъ Она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду ограждена и укрѣплена Тебя, великій Государь, и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ и вознесе рогъ Христа своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его, и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: «аще корень святъ, то и вѣтви». Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня, живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачали мысль Твою: сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? И такъ, видя днесь, яко матерь Соломонова, сына Своего вѣнчанна

и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся! могущіи, покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

[1]) Платонъ (въ свѣтскомъ званіи Петръ Левшинъ), митрополитъ московскій (р. 1737, у. 1812), обучался въ московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ занимался не только предметами, составлявшими курсъ академическій, но и другими, которые не были преподаваемы. Черезъ два года по вступленіи въ богословскій классъ, онъ былъ опредѣленъ учителемъ піитики и катихизаторомъ: обязанность его состояла въ толкованіи катихизиса, по воскреснымъ днямъ. „Во всю жизнь мою не былъ я такъ счастливъ“, говоритъ Платонъ, какъ въ это время: стеченіе людей всякаго состоянія было столь велико, что подобнаго ему прежде не случалось. Міряниігъ и двадцатилѣтній юноша, я видѣлъ такое усердіе въ слушателяхъ, какого уже не встрѣчалъ послѣ, возведенный въ санъ архіерея“. Въ 1758 г., по приглашенію Гедеона Криновскаго, архимандрита Троицко-Сергіевой лавры, переведенъ въ лаврскую семинарію для преподаванія риторики и въ томъ же году принялъ монашество. Въ 1759 г., назначенный префектомъ и учителемъ философіи, а въ 1761-мъ — ректоромъ и учителемъ богословія, по вызову Гедеона, своего благодѣтеля, жилъ онъ нѣкоторое время въ Петербургѣ (1759 и 1760 г.г.), гдѣ познакомился съ гр. А. Г. Разумовскимъ и И. И. Шуваловымъ; послѣдній хотѣлъ его отправить въ Сорбонну для усовершенствованія въ наукахъ, но Гедеонъ на то не согласился. Въ 1763 г., сохраняя званіе ректора и богословскіе уроки, Платонъ опредѣленъ намѣстникомъ лавры. Того же года Екатерина II, отправляясь въ Ростовъ для переложенія мощей св. Димитрія Ростовскаго въ новую раку, посѣтила лавру. „Слово о благочестіи“, произнесенное при этомъ случаѣ Платономъ, обратило на него особенное вниманіе Императрицы, которая выбрала его въ законоучители наслѣднику престола. Въ Петербургѣ Платонъ провелъ десять лѣтъ (1763—73), до бракосочетанія великаго князя. Въ 1766 г. назначенъ архимандритомъ Троицкой лавры, а въ 1770-мъ, сохраняя это званіе — архіепископомъ тверскимъ. Въ 1773 г. избранъ въ законоучители гессенъ-дармштадтской принцессѣ Вильгельминѣ (Наталіи Алексѣевнѣ), невѣстѣ в. к. Павла Петровича. Въ 1775 г. переведенъ изъ Твери въ Москву архіепископомъ московскимъ и калужскимъ. Дѣла епархіи, которою въ теченіе трехъ лѣтъ управляли попеременно три епископа, находились въ совершенномъ разстройствѣ: духовенство, набранное послѣ моровой язвы (1771 г.), не имѣло ни просвѣщенія, ни качествъ, свойственныхъ его званію. Платонъ смѣнилъ недостойныхъ священнослужителей, уничтожилъ многія злоупотребленія, издалъ инструкцію для благочинныхъ іереевъ и протоіереевъ. Московская духовная академія начинаетъ со времени его управленія новый періодъ своего существованія. Платонъ былъ для нея тѣмъ же, чѣмъ Петръ Могила былъ для академіи кіевской: введеніемъ новыхъ предме-

товъ ученія, значительно распространилъ кругъ наукъ; ввелъ въ преподаваніе великорусскій элементъ, на мѣсто южнорусскаго, или кіевскаго, отличавшагося схоластицизмомъ; увеличилъ комплектъ воспитанниковъ и преподавателей; обратилъ вниманіе на нравственное образованіе питомцевъ, устроилъ для бѣднѣйшихъ учениковъ бурсу; издалъ подробное наставленіе учителямъ всѣхъ классовъ. Для приготовленія учениковъ въ академію, Платонъ основалъ училища на Перервѣ, въ Звенигородѣ и Дмитровѣ. Въ 1776 г., находясь въ Петербургѣ, преподавалъ Законъ Божій новой невѣстѣ наслѣдника престола, принцессѣ виртембергъ-штутгартской Софіи-Доротеѣ (впослѣдствіи Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ). Въ 1783 г. основалъ, близъ лавры, Виθанскій монастырь; 1787 г. пожалованъ митрополитомъ московскимъ. Съ 1792 г. Платонъ большею частію жилъ въ Троицкой лаврѣ и въ Виθаніи, поручивъ дѣла своему викарію. Въ 1801 г., при коронованіи Императора Александра, произнесъ одно изъ лучшихъ своихъ словъ. Въ 1804 г. совершилъ поѣздку въ Кіевъ, описаніе которой издано послѣ его смерти. Въ 1811 г. испросилъ себѣ увольненіе отъ епархіальныхъ дѣлъ. Умеръ и погребенъ въ Виθанскомъ монастырѣ.

Платонъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей русской церкви, снискавшій европейскую извѣстность и пользовавшійся уваженіемъ знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ. Сочиненія его относятся къ тремъ предметамъ: богословскому ученію и церковному управленію, духовному краснорѣчію, исторіи.

Главнѣйшія сочиненія его, кромѣ богословскихъ:

а) Поучительныя слова, съ 1763 по 1806, составляющія 16 томовъ въ Собраніи сочиненій (1779—1806).

б) Краткая церковная россійская исторія, 3 ч. (1805).

в) Записки о собственной жизни, писанныя имъ самимъ до 1807 г. и доведенныя Самуиломъ Запольскимъ, епископомъ костромскимъ, до 1812-го, въ сочиненіи г. Снегирева: Жизнь Платона, изд. 1856 г.

[2]) Произнесено 1765 г.; нап. въ 4 т. Поучит. словъ. Въ немъ развивается мысль о томъ, въ чемъ состоитъ воспитаніе: „Воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели". Этимъ положеніемъ слово примыкаетъ къ педагогическимъ воззрѣніямъ Екатерины, изложеннымъ въ „Наказѣ" и „Инструкціи кн. Салтыкову".

[3]) „Рѣчь Александру I по совершеніи коронованія (1801)". Въ ней четыре части: приступъ, предложеніе главная часть и заключеніе. Въ приступѣ исчисляются разныя чувства подданныхъ послѣ вѣнчанія царя ихъ на царство. Предложеніе выражаетъ мысль, что царствованіе для царя есть подвигъ и бремя, а для подданныхъ спокойствіе и утѣшеніе. Главная часть подраздѣляется на два отдѣла: въ первомъ представлены трудности царствованія, во второмъ средства преодолѣвать ихъ. Въ заключеніи проповѣдникъ обращается къ матери вѣнчаннаго царя, а потомъ ко всѣмъ россіянамъ, приглашая ихъ радоваться, веселиться и благодарить Господа.

[4]) Подражаніе Θеофану Прокоповичу, въ его Словѣ на коронованіе Анны Іоанновны: „Твой престолъ тебѣ безпокойство, а намъ покой подаетъ; держава твоя тебѣ тяготу, а намъ облегченіе дѣлаетъ; скипетръ твой тебѣ труды, а намъ безпечаліе приноситъ; корона твоя больше уязвляетъ, нежели украшаетъ главу твою, безчисленными наполняя попеченіи, но для чего? чтобъ главы подданныхъ твоихъ въ тишинѣ и веселіи пребывали".

То, что именно называется ора-

торствомъ, рѣдко представляютъ проповѣди Платона: рѣчь на коронованіе Александра I и нѣсколько другихъ словъ или мѣстъ въ словахъ служатъ какъ бы исключеніями. Проповѣданіе его отличалось простотою и ясностью— качествами, наиболѣе приличными тому роду духовнаго краснорѣчія, который означается именемъ „поученій". Эти качества явились не безсознательно, а какъ слѣдствіе точныхъ понятій проповѣдника о своемъ дѣлѣ. „Признаюсь", говоритъ Платонъ, „что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ. По симъ причинамъ, я все мое вниманіе и стараніе обращалъ на то, дабы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго, или сомнительнаго, или обоюдный разумъ имѣющаго; чтобы притомъ все было поставлено въ своемъ мѣстѣ, сходственно съ порядкомъ естественнымъ; доказательства на всякое предложеніе были бъ приличныя, убѣдительныя, неоспоримыя, и ничего бы таковаго между ими не было, что бы слушателю показалось сомнительнымъ или бы онъ на что возраженіе сдѣлать могъ. Къ сему единственно простиралось всегда мое вниманіе, и притомъ я всегда себя увѣрялъ, что если слово съ таковымъ духомъ будетъ сочинено и произнесено, болѣе можетъ подѣйствовать въ сердцѣ слушателя и больше къ его пользѣ послужитъ, нежели то, которое надымается одною разновидныхъ выраженій красотою и токмо производитъ одинъ громкій словъ шумъ, ни силы, ни духа не имѣющій". Особенно находилъ Платонъ неумѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго словолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ: „Витійство полезно, чтобъ истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишне, но и вредно. Излишне: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ истины побѣждаетъ, можетъ быть, не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только токомъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія.... Къ чему такой пышный и сладоточный словъ приборъ? Открой самую истину въ существенномъ видѣ ея. Она есть величественная жена: заставляетъ себя любить и почитать своею сановитостію, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренныя. Чѣмъ одержало верхъ и ложь посрамило Евангеліе? простотою слова. Ибо когда сокровенно оно отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открыто младенцамъ, доказываетъ сію святѣйшую ея (*истины*) простоту. Чѣмъ увѣрили міръ апостолы и вывели его изъ заблужденія? простотою слова" (Слово въ 1-ую недѣлю поста, въ 5 т. Поучит. словъ).

LV.

АНАСТАСІЙ БРАТАНОВСКІЙ. (¹).

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНІЕ И. И. ШУВАЛОВА (1797). (²).

И что бы значили тѣ воздыханія наши, коими безсмертный духъ, преселяющійся во страну небесную, сопровождаемъ? И что бы значили надъ гробомъ добродѣтельнаго проливаемыя слезы? Или сердце дружелюбное скорбитъ, что новый житель небесъ, лишаясь земли, лишается и благъ ея? Но о насъ, о насъ-то паче воздыхаютъ небожители, что мы, все имѣя, все пріобрѣтая на землѣ, ничего не имѣемъ. Или чувствительное сѣтуетъ сердце, что смерть на полѣ свѣта сего хищнымъ серпомъ равно пожинаетъ и плевелы и пшеницу, равно подсѣкаетъ и терніе и гроздіе винограда? Но добродѣтельная душа, исходя торжественно изъ смертнаго жилища, сѣтуетъ о насъ, о насъ, что мы многократно принуждены вопіять: окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Рим. VII, 24)? Гдѣ вѣра святая воздыхаетъ, гдѣ надежда евангельская проливаетъ слезу, тамо вздохъ есть сей Давидовъ гласъ: когда пріиду и явлюся лицу Твоему, Боже (Псал. XLII, 3)? Тамо слеза есть сей апостола Павла восторгъ: недостойны страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей славѣ явитися въ насъ (2 Кор. IV, 17).

Такъ христіанинъ умирающему послѣдователю евангельскихъ добродѣтелей съ воздыханіемъ закрывая вѣжди, радуется, что врата вѣчности блаженныя отверзаются для принятія странственника міра. Тако христіанинъ, проливая слезу надъ гробницею благочестиваго, веселится, что любитель закона увѣнчавается праведнымъ воздаяніемъ въ невечернемъ дни царствія Божія. И что будетъ вся слава, воздаваемая отъ человѣкъ добродѣтели? что будетъ тамо, гдѣ Богъ прославляющихъ Его прославляетъ? Нѣтъ для добродѣтельныхъ достойнѣе памятника на землѣ, какъ незабвенная память, что добродѣтель совершенное воздаяніе получаетъ токмо на небеси.

Судъ человѣческій положивъ на мѣрилѣ съ судомъ Божіимъ, могутъ ли смертныхъ помышленія столь же погрѣшительныя, какъ и кратковидныя, дать совѣтамъ, намѣреніямъ, дѣламъ ту цѣну, какову опредѣляетъ сердцевѣдецъ Богъ? Вотъ для чего апостолъ Павелъ не за велико почитаетъ, да истяжется отъ человѣкъ: востязуяй бо, говоритъ, меня есть Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты

сердечные (1 Кор. IV, 5). Добродѣтель если не имѣетъ корня въ сердцѣ человѣческомъ; если сердце человѣческое не утверждено на законѣ Господнемъ; если любовь къ закону не основана на любви Бога: то вся правота дѣлъ есть тогда одинъ токмо притворъ добродѣтели. Не на сей ли поверхности останавливаются почти обыкновенно и сужденіе, и воздаянія тѣмъ подвигамъ добрымъ, каковыми одинъ отличается отъ другаго? И вы, совѣсти непорочныя! вы, кои иногда колеблетесь, міръ грѣшниковъ зря (Псал. XII, 3), и вы блюдитесь, да не погрѣшите, заключая рѣшительно изъ внѣшности поступковъ о нечистой внутренности сердца. Сколь много есть тѣхъ мирныхъ, тѣхъ кроткихъ юдолей сердечныхъ, на кои взоръ суда человѣческаго никогда не проникаетъ! Ужели не видитъ оныхъ Богъ? И златая одежда должна быть покровомъ тѣмъ чистѣйшимъ добродѣтелей; и сквозь рубища тѣмъ удобнѣе должны мы прозрѣвать правоту души: но все сіе совершенно одинъ вѣдаетъ Богъ. Гдѣ же твоя, о добродѣтель! награда на землѣ, когда ты или по смиренію своему удаляешься отъ воздаяній, или не получаешь оныхъ по невѣдѣнію другихъ о тебѣ? Ужели благость Божія ограничивается только вѣдѣніемъ твоея истины и вмѣстѣ лишенія даровъ, восхищаемыхъ порокомъ?

Подлинно, и во времени на все счастіе земное имѣетъ право едина добродѣтель. Но кто откроетъ книгу судебъ промысла Божія и покажетъ вины, по коимъ десница Господня сего смиряетъ, того возноситъ, сего убожитъ, онаго богатитъ (I Царст. II, 3)? По сему невѣдомому намъ опредѣленію Божію можно токмо опредѣлительно заключить, что счастіе земное есть больше подвигъ и опытъ для добродѣтели, нежели воздаяніе. Чѣмъ преимущественнѣе кто предъ другими, тѣмъ разительнѣйшаго совершенствъ явленія требуетъ отъ него Богъ, отечество, ближній, знаменитость, чести, богатство, слава. Се суть оные таланты, въ коихъ расчетъ должно намъ нѣкогда отдать Богу! Таланты Богъ усугубляетъ талантами, но предполагая вѣрность (Матѳ. V, 16). Чтожъ сіе значитъ, какъ не то, что отъ одной степени счастія возводитъ Богъ на другую, да свѣтъ добродѣтелей вящше просвѣтится предъ человѣки (Лук. XIX, 17)? О вы, умаленные по состоянію, по выгодамъ, по могуществу! вы или въ напастѣхъ прибѣгая къ покровительству сильныхъ, или въ крайностяхъ ища помощи могущихъ, или, при истинѣ безгласной, требуя заступленія отъ правоправящихъ: вы силѣ ли сильныхъ, могуществу ли могущихъ, правовѣдству ли правящихъ удивляетесь? Или сердцемъ и устами благословите сихъ великихъ великія благотворенія? Если гдѣ гласъ народа есть гласъ Божій, то въ тѣхъ признательныхъ хва-

лахъ, коими униженные возносятъ добродѣтели превознесенныхъ. Гласъ народа, проповѣдуя благотворенія благотворящихъ, запечатлѣвается симъ гласомъ Божіимъ: понеже сотвористе единому сихъ братій меншихъ, Мнѣ сотвористе (Матѳ. XXV, 40). Мнѣ, ибо по намѣренію Моему употребисте данная вамъ отъ Меня блага земли; Мнѣ сотвористе: ибо униженные предъ вами были пробнымъ камнемъ, на коемъ Я испытывалъ вашу любовь къ человѣчеству, вашу любовь ко Мнѣ. Не можетъ любить Бога, кто ненавидитъ человѣковъ. Такъ счастіе земное есть яко огонь, искушаяй драгоцѣнность добродѣтели, а не мзда. Гдѣ кротость величественнѣе? Тамъ гдѣ воля можетъ быть закономъ для другихъ. Гдѣ смиреніе любезнѣе небесамъ? Тамъ, гдѣ достоинствъ и совершенствъ своихъ самолюбіе почти не примѣчаетъ. Гдѣ непристрастность къ видимостямъ преславнѣе? Тамъ, гдѣ все течетъ по желанію сердца. Гдѣ упованіе на промыслъ Божій уважительнѣе? Тамъ, гдѣ вся безпечность земная совѣщавается, какъ бы привязать сердце къ землѣ, отвратить отъ Неба. Гдѣ страхъ Божій священнѣе? Тамъ, гдѣ можетъ самонадѣяніе сказать: не убоюся, что мнѣ сотворитъ человѣкъ! Счастіе убо земное есть обязанность быть больше добродѣтельнымъ, а не добродѣтели награда.

Но пусть будетъ оно и наградою добродѣтели. Чѣмъ же накажется порокъ? На семъ-то превратѣ древле еще торжествовало нечестіе, дерзкими устами изрыгая хулу на промыслъ Божій, глаголя: «Самослучайно рождены есмы, и по семъ будемъ яко же не бывше! Пріидите убо, и насладимся настоящихъ благъ. Насиліе сотворимъ убогу праведному, не пощадимъ вдовицы, ниже старца устыдимся сѣдинъ многолѣтнихъ. Пусть блажатъ послѣдняя праведныхъ, пусть славятся отца имѣти Бога. Намъ Богъ да будетъ наше чрево. Увидимъ, чьи словеса суть истина (Прем. Солом. гл. III)?» Пусть счастіе земное будетъ и наградою добродѣтели: но если оно можетъ позлатить непорочныя рубища, то чѣмъ украситъ богоподобныхъ добродѣтелей порфиру? Если счастіе земное можетъ смиренную хижину превратить въ чертоги, то чертоги, сіе святилище правды, и истины, и суда, въ какое велелѣпіе больше уже облещи возможетъ? Если счастіе земное можетъ сотворити алчущую невинность, да къ тому не алчетъ, то чѣмъ оно напитаетъ того, кто съ человѣколюбивѣйшимъ сердцемъ питаетъ алчущихъ? Если счастіе земное можетъ облегчить благословенные труды орющаго въ свое время нивы, то чѣмъ оно возрадуетъ того, кто благовременно и безвременно печется о благосостояніи промыслу его врученныхъ? Если счастье земное можетъ бѣдственную жизнь премѣнить въ благоденственную, то что оно

воздастъ тому, кто за вѣру и вѣрность къ своему государю и отечеству полагаетъ душу свою, душу, коей цѣнѣ всѣ драгоцѣнности міра противовѣсить не могутъ? А та сокровенная вѣра во Евангеліе, то тайное усердіе и ревность къ истинѣ благочестія, то сердечное покореніе волѣ Божіей и Его закону, то внутреннее доброжелательство даже и врагамъ, тѣ безмолвно воспѣваемыя хвалы Богу ужели должны оставаться не посѣщаемыя счастіемъ земнымъ потому, что сіи добродѣтели сокровенны? Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа: окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы! коль многіе воскликнутъ съ апостоломъ Павломъ (1 Кор. XV, 19). Убо Богъ, Богъ праведный, совершенно наградитъ добродѣтель предоставилъ на небесѣхъ. Се конецъ Евангелія! се предметъ вѣры! се слава безсмертія!

Пусть же искусство человѣческое воздвигаетъ надъ добродѣтельными памятники для потомства; но родъ сей прейдетъ, камни распадутся, сей же глаголъ во вѣки не прейдетъ: праведный Богъ воздастъ коемуждо по терпѣнію дѣла благаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ, животъ вѣчный (Рим. II, 7). Пусть рука человѣческая начертываетъ на гробницѣ благочестивыхъ остатковъ надписанія; но время сотретъ оныя и изгладитъ. Сіе же духа Божія начертаніе пребудетъ неизгладимо: блаженны умирающіи о Господѣ: ей, да почіютъ отъ трудовъ своихъ (Апок. XIV, 13). Се тотъ памятникъ добродѣтели, столь же достойный ея, какъ и единственный для нея! Его водружаетъ Богъ, а не человѣкъ. Ободряйтесь убо въ подвигахъ вашихъ, о вы, истинные любители вѣры, закона, благочестія!

Совершенное добродѣтели воздаяніе—въ вѣчности, отъ Бога; но блаженъ, кто и временное счастіе пріобрѣтаетъ чрезъ добродѣтель. Вѣрный сему свидѣтель собственная совѣсть; а внѣшняя хвала есть дань, признательностію приносимая. Кто не почитаетъ добродѣтельныхъ, тотъ самую добродѣтель не уважаетъ.

Сей избранный мужъ, коего душа преселилась въ непремѣняемое блаженство, прежилъ на землѣ странствованія человѣческаго семьдесятъ лѣтъ. Время его жизни показываетъ, что Богъ хранилъ его для счастія многихъ. Теченіе его жизни растворено было желаніемъ, чтобъ благодѣтельствовать. Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, въ который имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ. О, сколько оплакиваютъ свою судьбу, которые лишились плодовъ его человѣколюбія! Вы, которые ввѣрены были его попеченію и правленію, можете ли воспомянуть безъ скорби о добродѣтеляхъ его?

Свидѣтели достоинствъ его суть вниманія монарховъ, которые его отличали, удостоивая довѣренно-

сти въ важныхъ дѣлахъ. Свидѣтели—державы, приносившія ему почести, отъ коихъ онъ, дабы не затмили его усердіе къ отечеству, отрекся. Свидѣтели Академія художествъ и Университетъ. О, если образуемое юношество можно наречи обновляющеюся юностію человѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщился не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступокъ благороднымъ учтивствомъ (3). Остается желать, дабы они совершили согласно Евангелію и закону доброе намѣреніе его. Удалился онъ на время изъ отечества, но сіе удаленіе умножило любовь его къ нему. Онъ первымъ долгомъ почиталъ споспѣшествовать благу его. Благочестивѣйшій нашъ Монархъ паче открылъ его заслуги наградами своими. Если можетъ быть сладчайшее утѣшеніе для сѣтующаго сердца о потерѣ столь же вѣрнаго друга, какъ и брата; то оно есть самыя слезы, проливаемыя облагодѣтельствованными отъ него: ибо онѣ не на землю упадаютъ, но, подобно утренней росѣ, восходятъ въ выспрь къ превѣчному солнцу, Богу.

Вы убо, которыхъ жизнь была подкрѣпляема его попеченіями и благотвореніями! вы со слезами воспшлите къ Содержащему въ рудѣ всѣхъ насъ моленія свои; излейте предъ Богомъ усердіе, да вчинитъ его въ жилищѣ святыхъ своихъ.

Боже, Спасителю нашъ, у Тебе воздаяніе вѣрнымъ, благочестивымъ, добродѣтельнымъ: увѣнчай душу раба Твоего, болярина Іоанна, вѣчнымъ блаженствомъ по Евангельскому обѣщанію Твоему! Аминь.

1) Анастасій Братановскій, архіепископъ астраханскій (р. 1761, у. 1806), обучался въ переяславской семинаріи. Въ 1790 г. принялъ монашество. Въ 1792 г. былъ архимандритомъ Зеленецкаго монастыря, откуда 1795 г. переведенъ въ Сергіеву пустынь, а 1796-го въ московскій новоспасскій монастырь и пожалованъ въ члены синода. Званіе епископа бѣлорусской епархіи получилъ 1797 г.; въ 1801-мъ пожалованъ архіепископомъ; въ 1805-мъ переведенъ въ Астрахань, гдѣ и скончался. Сочиненія его: Поучительныя слова съ 1792 по 1806 г., 4 ч. (1796—1807); Трактатъ о расположеніи проповѣдей, на лат. яз., 1806 г. (Tractatus de concionum dispositionibus). Переводы съ франц.: Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія (1794); Плачъ Іереміи пророка, поэма Арнода (1797); Истинный Мессія, или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ І. Х. и Его божествѣ (1801); Опытъ о совершенствѣ, Формея (1805). Въ 1801 г., въ бытность Павла I въ Москвѣ, Анастасію повелѣно было именнымъ указомъ разсмотрѣть и исправить книгу Гиббона: О паденіи римской имперіи.

2) Слово это, по содержанію и формѣ, имѣетъ много общаго съ Словомъ того же проповѣдника на погребеніе Бецкаго (1795 г.). Приступъ того и другаго заключаетъ въ себѣ рядъ вопросовъ, выражающихъ недостаточность земныхъ наградъ добродѣтельному мужу. Въ предложеніяхъ тоже значительное сходство: Слово на по-

гребеніе Бецкаго развиваетъ ту мысль, что „смерть добродѣтельныхъ есть доказательство безсмертія и блаженства добродѣтели въ будущей жизни"; Слово на погребеніе Шувалова выбрало своимъ предметомъ мысль, что „счастіе земное не можетъ служить наградою добродѣтели, которая получаетъ совершенное воздаяніе токмо на небеси". Оба слова не только доказываютъ справедливость выбранныхъ темъ, но и отвергаютъ темы противоположныя. Догматизмъ идетъ рядомъ съ полемикой, весьма понятной при тогдашнемъ вліяніи французскаго энциклопедизма.

[3]) „Здѣсь духовный ораторъ разумѣлъ не одну внѣшнюю учтивость, требуемую свѣтскими приличіями. Въ благородномъ учтивствѣ Шувалова отражалась внутренняя людскость, сознаніе человѣческаго значенія въ себѣ самомъ и другихъ. И здѣсь въ словѣ оратора, какъ въ сочиненіяхъ другихъ лучшихъ писателей времени, выставлено двойное требованіе отъ просвѣщеннаго человѣка, требованіе, чтобы въ немъ украшенному наукою уму соотвѣтствовали поступки, удовлетворяющіе нравственнымъ требованіямъ, нравственному достоинству человѣка" (Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ, рѣчь С. Соловьева въ собраніи Москов. университета 1855 г.).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ II.

(ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА).

Составилъ А. Галаховъ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ, и Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ какъ полезное пособіе при изученіи Русской Словесности въ духовныхъ семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская улица, д. № 8.
1891.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

I.

КАРАМЗИНЪ.

А. ИДИЛЛІЯ ГЕСНЕРА: ДЕРЕВЯННАЯ НОГА (1783). (1).

На горѣ, съ коей текущій источникъ своими струями орошалъ близь лежащую долину, пасъ молодой пастухъ своихъ козъ. Эхо его свирѣли распространялось по всей лощинѣ и производило пріятный шумъ. Тутъ увидѣлъ онъ стараго и сѣдинами украшеннаго человѣка, входящаго на поверхность горы, который, опираясь о свой посохъ, ибо одна его нога была деревянная, тихими шагами къ нему приближался и сѣлъ возлѣ его на одномъ камнѣ. Молодой пастухъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и устремилъ взоръ свой на его поддѣланную ногу. Юноша, сказалъ ему съ усмѣшкой старикъ, ты, конечно, думаешь, что я безразсудно поступаю, всходя на сію гору? Сіе путешествіе изъ долины дѣлаю я каждый годъ одинъ разъ. Нога, которую ты у меня видишь, приноситъ мнѣ болѣе чести, нежели иному двѣ цѣлыя; а почему? ты долженъ оное узнать.—Пусть оно почтительно, старичекъ, сказалъ пастухъ; но я объ закладъ бьюсь, что одно другаго лучше. Но ты, думаю, усталъ. Если хочешь, то я пойду и принесу тебѣ свѣжей воды изъ сей стремнины текущаго ручья.

Старикъ его обнялъ. Слава Всевышнему! и такъ я могу восплатить Его благодѣяніе на тебѣ! пойдемъ, сынъ, пойдемъ въ мое жилище; пусть другой будетъ пасти сихъ козъ. Они сошли въ долину, гдѣ было его обитаніе. Старикъ имѣлъ съ излишествомъ земли и стада, и прекрасная дочь была его одна наслѣдница. Тотъ человѣкъ, сказалъ онъ своей дочери, который избавилъ меня отъ смерти, былъ отецъ сего юноши. Будешь ли мнѣ послушна и дашь ли ему свою руку? Пастухъ былъ прекрасенъ: русые волосы извивались кругъ его румянаго лица, и жаромъ наполненные черные глаза въ ономъ блистали. Не отступая она отъ дѣвической кротости, размышляла о ономъ три дня; и третій день показался уже

ей долгъ. Они сочетались бракомъ; и старикъ, плача отъ радости, сказалъ: да будетъ завсегда на васъ благословеніе Вышняго! въ сію минуту, въ сію минуту я наисчастливѣйшій человѣкъ!

Б. ПОЭМА ГАЛЛЕРА: О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЗЛА (1786). (*).

Нѣжный зефиръ побудилъ меня нѣкогда остановиться между древами на уединенныхъ холмахъ. Изъ подошвы возвышеній сихъ истекаетъ тихая рѣка, коея воды составляетъ множество совокупившихся источниковъ. Внизу открывалася мнѣ пространная страна, ограниченная обширностію своею, которой око нигдѣ конца не обрѣтало, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Юрасъ (а) увѣнчаваетъ страну сію лазуревыми сѣнями. Пригорки покрываютъ зеленые лѣса, чрезъ кои съплѣняющимъ блескомъ проникаетъ пламенный видъ полей. Тамъ извивается по разнымъ мѣстамъ блистающее сіяніе прозрачной Аары (б); здѣсь покоится глава Нихтланда въ мирѣ и безстрашіи на буграхъ своихъ, до коихъ высоты никто не достигалъ еще. Вездѣ, что токмо око объемлетъ, царствуетъ спокойствіе и изобиліе; подъ самымъ соломеннымъ кровомъ мхомъ обросшихъ хижинъ сельскихъ терпима здѣсь свобода, и трудъ всегда наслажденіемъ сопровождаемъ бываетъ. Земля покрыта тамъ множествомъ разновидныхъ овецъ: онѣ блѣятъ и щиплютъ мураву; тучные же волы, возлежа на мягкомъ злакѣ, вкушаютъ сладость цвѣтущаго трилиственника. Быстрый и рѣзвый конь, никакими заботами не отягощенный, носится тамо по полямъ, вновь зеленію покрывшимся, по коимъ онъ часто влачилъ орало. Колико увеселяетъ видъ лѣса сего! Въ багряномъ сіяніи являются тамо до половины обнаруженныя буковыя древа, а здѣсь густая зелень соснъ осѣняетъ блѣдный мохъ. Въ мрачность зримыя сѣни, когда вѣяніе вѣтерка раздѣляетъ тѣсно соединенныя вѣтви древесъ, проницаетъ почасту лучь солнца и распространяетъ по ней свѣтъ трепещущій; зеленая нощь разновидно совокупляется тутъ со златозарнымъ днемъ.

а) Гора Юра.

б)Ааръ—притокъ Рейна.

В. ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРЕВОДУ ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА: ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ (1786). (*).

При изданіи сего Шекеспирова творенія почитаю почти за необходимость писать предисловіе. До сего времени еще ни одно изъ сочиненій знаменитаго сего автора не было передано на языкъ нашъ (в); слѣдственно и ни одинъ изъ соотчичей моихъ, не читавшій Шекеспира на другихъ языкахъ, не могъ имѣть достаточнаго о немъ понятія. Вообще сказать можно, что мы весьма незнакомы

в) Въ Спб. 1787 г. напечатана переведенная въ 1783 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ съ франц. трагедія Шекспира «Жизнь и смерть Ричарда III, короля англійскаго».

съ англійскою литературою. Говорить о причинѣ сего почитаю здѣсь не кстати. Доволенъ буду, если вниманіе читателей моихъ не отяготится и тѣмъ, что стану говорить собственно о Шекеспирѣ и его твореніяхъ.

Авторъ сей жилъ въ Англіи во времена королевы Елисаветы и былъ изъ тѣхъ великихъ духовъ(а), коими славятся вѣки. Сочиненія его суть сочиненія драматическія. Время, сей могущественный истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящности и величія Шекеспировыхъ твореній. Вся почти Англія согласна въ хвалѣ, приписываемой мужу сему. Пусть спросятъ упражнявшагося въ чтеніи англичанина: каковъ Шекеспиръ? Безъ всякаго сомнѣнія, будетъ онъ отвѣтствовать: Шекеспиръ великъ! Шекеспиръ неподражаемъ! Всѣ лучшіе англійскіе писатели, послѣ Шекеспира жившіе, съ виликимъ тщаніемъ вникали въ красоты его произведеній. Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ и прочіе прославившіеся творцы пользовалися многими его мыслями, различно ихъ украшая. Немногіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекеспиръ; немногіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей живописецъ. Всѣ великолѣпныя картины его непосрѣдственно натурѣ подражаютъ; всѣ оттѣнки картинъ сихъ въ изумленіе приводятъ внимательнаго разсматривателя. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Для каждой мысли находитъ онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Живописаніе его сильно и краски его блистательны, когда хочетъ онъ явить сіяніе добродѣтели; кисть его весьма льстива, когда изображаетъ онъ кроткое волненіе нѣжнѣйшихъ страстей: но самая же сія кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волненіе души.

Но и сей великій мужъ, подобно многимъ, не освобожденъ отъ колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ своихъ. Знаменитый софистъ, Волтеръ, силился доказать, что Шекеспиръ былъ весьма средственный авторъ, исполненный многихъ и великихъ недостатковъ. Онъ говорилъ: Шекеспиръ писалъ безъ правилъ; творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ; непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шу-

а) Геніевъ.

та достоинъ; они исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ бы и самъ Скарронъ (а) устыдился». Излишнимъ почитаю теперь опровергать пространно мнѣнія сіи, уменьшеніе славы Шекеспировой въ предметѣ имѣвшія. Скажу только, что всѣ тѣ, которые старались унизить достоинства его, не могли противъ воли своей не сказать, что въ немъ много и превосходнаго. Человѣкъ самолюбивъ: онъ страшится хвалить другихъ людей, дабы, по мнѣнію его, самому симъ не унизиться. Волтеръ лучшими мѣстами въ трагедіяхъ своихъ обязанъ Шекеспиру; но, не взирая на сіе, сравнивалъ его съ шутомъ и поставлялъ ниже Скаррона. Изъ сего бы можно было вывести весьма оскорбительное для памяти Волтеровой слѣдствіе; но я удерживаюсь отъ сего, вспомня, что человѣка сего нѣтъ ужъ въ мірѣ нашемъ.

Что Шекеспиръ не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искуствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многоразличія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ писателей.

Трагедія, мною переведенная, есть одно изъ превосходныхъ его твореній. Нѣкоторые недовольны тѣмъ, что Шекеспиръ, назвавъ трагедію сію Юліемъ Цесаремъ, послѣ смерти его продолжаетъ еще два дѣйствія; но неудовольствіе сіе окажется ложнымъ, если съ основательностію будетъ все разсмотрѣно. Цесарь умерщвленъ въ началѣ третьяго дѣйствія, но духъ его живъ еще: онъ одушевляетъ Октавія и Антонія, гонитъ убійцъ Цесаревыхъ и послѣ всѣхъ ихъ погубляетъ. Умерщвленіе Цесаря есть содержаніе трагедіи; на умерщвленіи семъ основаны всѣ дѣйствія.

Характеры, въ сей трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманіе читателей. Характеръ Брутовъ есть наилучшій. Французскіе пе-

а) Авторъ «Комическаго романа» и другихъ произведеній въ шутливомъ родѣ.

реводчики Шекеспировыхъ творенiй говорятъ объ ономъ такъ: «Брутъ есть самый рѣдкiй, самый важный и самый занимательный моральный характеръ. Антонiй сказалъ о Брутѣ: вотъ мужъ! а Шекеспиръ, изображавшiй его намъ, сказать могъ: вотъ характеръ! ибо онъ есть дѣйствительно изящнѣйшiй изъ всѣхъ характеровъ, когда либо въ драматическихъ сочиненiяхъ изображенныхъ».

Что касается до перевода моего, то я наиболѣе старался перевести вѣрно, стараясь при томъ избѣжать и противныхъ нашему языку выраженiй. Впрочемъ пусть разсуждаютъ о семъ могущiе разсуждать о семъ справедливо. Мыслей автора моего нигдѣ не перемѣнялъ я, почитая сiе для переводчика непозволеннымъ.

Если чтенiе перевода доставитъ россiйскимъ любителямъ литературы достаточное понятiе о Шекеспирѣ; если онъ принесетъ имъ удовольствiе: то переводчикъ будетъ награжденъ за трудъ его. Впрочемъ онъ приготовился и къ противному. Но одно не будетъ ли ему прiятнѣе другаго?—Можетъ быть.—Октября 15, 1786.

Г. ТРАГЕДIЯ ЛЕССИНГА: ЭМИЛIЯ ГАЛОТТИ (1788). (4).

ДѢЙСТВIЕ I, ЯВЛЕНIЕ 2.

Конти, Принцъ.

Принцъ. Здравствуй, Конти! Какъ поживаешь? Что твое художество?

Конти. Художество мое, принцъ? Только что меня кормитъ.

Принцъ. Нѣтъ, этому быть не должно. Въ небольшой области моей, конечно, не будетъ того, чтобы художникъ работалъ для своего прокормленiя; однакожъ ему должно любить работу.

Конти. Работу? Это его охота. Но должность работать много можетъ лишить его имени художника.

Принцъ. Не много, да много: я говорю, не много, да съ прилежностiю. Ты, вѣрно, пришелъ не съ пустыми руками, Конти?

Конти. Я принесъ тотъ портретъ, который вы мнѣ написать приказывали, милостивый государь. Я принесъ еще и другой, о которомъ вы мнѣ не говорили; но, какъ онъ достоинъ того, чтобы посмотрѣть...

Принцъ. Какой же первый портретъ? Если могу вспомнить...

Конти. Портретъ графини Орсины.

Принцъ. Да! да! я уже очень давно заказалъ его.

Конти. Съ красавицъ нашихъ не всегда можно списывать портреты. Въ три мѣсяца графиня согласилась посидѣть только одинъ разъ.

Принцъ. Гдѣ же портреты?

Конти. Въ передней: я тотчасъ ихъ принесу.

ЯВЛЕНIЕ 3.

Принцъ. Портретъ!.. пусть такъ!.. Пусть увижу портретъ ея, только бы не ее самое... Можетъ

быть, найду въ портретѣ опять то, чего уже въ ней не вижу... Но этого я не желаю. Досадный живописецъ! думаю, что она его подкупила. Какая же нужда? Если иной образъ, написанный другими красками, на другомъ грунтѣ, можетъ опять помѣстить ее въ моемъ сердцѣ, то, кажется, былъ бы я доволенъ. Когда ее любилъ, былъ всегда спокоенъ, веселъ, воленъ... Теперь я совершенно въ противномъ положеніи... Но нѣтъ, нѣтъ! Пріятнѣе или непріятнѣе, а мнѣ такъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Принцъ, Конти (входитъ съ картинами, изъ коихъ одну, оборотивъ, ставитъ къ стулу).

Конти (*устанавливая другую картину*). Покорнѣйше прошу вашу свѣтлость вспомнить границы художества нашего. Художникъ не можетъ изобразить многаго такого, что составляетъ въ красотѣ самое привлекательное. Извольте подойти такъ.

Принцъ (*посмотря нѣсколько*). Хорошо, Конти, совершенно хорошо! Это дѣлаетъ честь твоему искусству, твоей кисти. Но много лести, очень много лести, Конти.

Конти. Однакожъ оригиналъ, казалось, былъ другаго мнѣнія. Да и въ самомъ дѣлѣ лести тутъ не болѣе того, сколько искусство необходимо польстить должно. Искусство должно писать такъ, какъ образующая природа—буде есть она—образъ себѣ представляла, не смотря на то, что необходимо теряется отъ грубости вещества ни на то повреждение, которое въ образѣ производитъ время.

Принцъ. Размышляющій художникъ вдвое похвалы достоинъ. Но оригиналъ, говоришь ты, не взирая на то, нашелъ...

Конти. Простите мнѣ, ваша свѣтлость. Оригиналъ есть такая особа, къ которой долженъ я имѣть почтеніе. Я не думалъ сказать для нея ничего оскорбительнаго.

Принцъ. Говори все, что тебѣ угодно. Что же сказалъ оригиналъ?

Конти. Хорошо, сказала графиня, если я не дурнѣе этого.

Принцъ. Не дурнѣе? Подлинный оригиналъ!

Конти. И сказала это съ такою миною, какой, конечно, совсѣмъ нѣтъ въ портретѣ, какой по портрету и подозрѣвать нельзя.

Принцъ. Тоже думалъ и я. Въ томъ-то нахожу я и безмѣрную лесть. О! я знаю эту гордую, эту насмѣшливую мину, которая обезобразила бы лицо и самой Граціи. Не спорю, что прекрасный ротъ отъ нѣжной насмѣшки иногда вдвое прекраснѣе кажется; однако насмѣшка не должна походить на кривлянье, такъ какъ насмѣшки графинины. Надобно также, чтобы и глаза соотвѣтствовали насмѣшкѣ, — глаза, какихъ совсѣмъ нѣтъ у графини, какихъ даже нѣтъ и въ этомъ портретѣ.

Конти. Милостивый государь! я въ великомъ замѣшательствѣ...

Принцъ. Отъ чего? Все то, что искусство можетъ сдѣлать хороша-

го изъ большихъ, выпуклыхъ и неподвижныхъ Медузиныхъ глазъ графини нашей, все то сдѣлалъ ты, Конти, наилучшимъ образомъ... Наилучшимъ образомъ, говорю я? Нѣтъ, лучшебъ было, если бы ты не такъ хорошо написалъ портретъ. Ну, скажи самъ, Конти, можно ли по этому портрету сдѣлать справедливое заключеніе о свойствѣ самой особы? А этому бы такъ быть надлежало. Гордость превратилъ ты въ величественную осанку, насмѣшливость въ пріятную улыбку, готовность къ мрачному сумасбродству въ тихую задумчивость.

Конти (*съ нѣкоторою досадою*). Милостивый Государь, мы, живописцы, надѣемся, что при написаніи портрета любовникъ будетъ имѣть такую же страсть, съ какою его заказывалъ. Мы пишемъ глазами любви, и только глазамъ любви надлежало бы и судить насъ.

Принцъ. Да, Конти, для чего не принесъ ты портретъ мѣсяцемъ прежде? Поставь его въ сторону. Какая же у тебя другая картина?

Конти (*взявъ картину и еще не оборачивая ее*). Также женскій портретъ.

Принцъ. Такъ лучше бъ и совсѣмъ не смотрѣть. Тому образцу, который у меня здѣсь (*указывая пальцемъ на лобъ*) или, лучше сказать, здѣсь (*указывая на сердце*), не можетъ онъ быть подобенъ. Я желалъ бы, Конти, искусству твоему удивляться въ иныхъ предметахъ.

Конти. Искусство можетъ быть удивительнѣе; но, вѣрно, нѣтъ ничего удивительнѣе этого предмета.

Принцъ. Такъ я ручаюсь, Конти, что это собственная твоя любовница (*живописецъ оборачиваетъ портретъ*). Что я вижу? это произведеніе твоей кисти? или произведеніе моего воображенія?.. Эмилія Галотти!

Конти. Какъ! развѣ вы знаете этого ангела?

Принцъ (*стараясь придти въ себя, но не спуская глазъ съ картины*). Нѣсколько... только что могу узнать портретъ ея... За нѣсколько недѣль предъ симъ случилось мнѣ видѣть ее съ матерью въ одномъ собраніи... Послѣ я видалъ ее только въ церкви, гдѣ неприлично было смотрѣть на нее пристально. Я знаю и отца ея. Онъ болѣе всѣхъ противился требованіямъ моимъ на Сабіонетту. Старый драгунъ, гордый и суровый, а впрочемъ, честный и добрый человѣкъ.

Конти. То отецъ, а это дочь его.

Принцъ. Я вижу ее здѣсь въ зеркалѣ! (*Все еще смотря на картину*). Ты, конечно, знаешь, Конти, что тогда только совершенно хвалятъ художника, когда, занимаяся его работою, самого его хвалить забываютъ.

Конти. Однакожъ этою работою я еще очень недоволенъ. Но въ этомъ случаѣ доволенъ я своимъ неудовольствіемъ. О еслибы непосредственно можно было писать глазами! Сколько теряется отъ глазъ до руки и отъ руки до

кисти! Но зная, говорю я, что въ этомъ портретѣ потеряно, какъ потеряно и для чего должно быть потеряно, горжусь я такимъ знаніемъ столько же, да еще и болѣе нежели всѣмъ тѣмъ, чего я не потерялъ нимало. Это болѣе увѣряетъ меня, что я дѣйствительно великій живописецъ, но что рука моя только не всегда соотвѣтствуетъ моему искусству. Или вы думаете, ваша свѣтлость, что Рафаэль не былъ бы величайшимъ живописцемъ, если бы онъ, по несчастію, безъ рукъ родился? Неужели вы такъ думаете? (5).

Принцъ (*тогда только отводя глаза отъ картины*). Что ты говоришь, Конти? что ты спрашиваешь?

Конти. Ничего, ничего!... все пустое!... Кажется, что душа у васъ совсѣмъ въ глаза переселилась. Я люблю такія души и глаза.

Принцъ (*съ принужденною холодностью*). И такъ, Конти, ты дѣйствительно равняешь Эмилію Галотти съ лучшими красавицами въ городѣ нашемъ?

Конти. Какъ! равняю Эмилію съ лучшими красавицами въ городѣ нашемъ? Вы шутите надо мною, ваша свѣтлость. Или вы во все это время не только ничего не слышали, да еще ничего не видѣли.

Принцъ. Любезный Конти... (*опять оборачивая глаза на картину*) кто изъ насъ можетъ повѣрить глазамъ своимъ? Одинъ только живописецъ можетъ судить о красотѣ.

Конти. И такъ ощущеніе всякаго сердца должно ожидать рѣшенія отъ живописца?... Того въ монастырь запереть надобно, кто у насъ захочетъ узнать, что такое красота. Но, какъ живописецъ, скажу вамъ, что за величайшее благополучіе моей жизни почитаю то, что Эмилія Галотти позволила мнѣ списать съ себя. Эта голова, лице, лобъ, глаза, носъ, ротъ, подбородокъ, шея, грудь, ростъ, весь складъ будетъ отъ нынѣшняго времени для меня единственнымъ образцомъ красоты женской. Списокъ съ нея отосланъ къ ея отцу. А эта копія...

Принцъ (*съ торопливостію къ нему оборачиваясь*). Что? не ужели обѣщана кому?

Конти. Ваша, если вамъ она угодна.

Принцъ. Угодна? (*Улыбаясь*). Этотъ портретъ есть для тебя, Конти, образецъ женской красоты: не лучше ли всего будетъ, если сдѣлаю его образцомъ и для себя? А тотъ портретъ возьми съ собою; прикажи на него сдѣлать раму.

Конти. Очень хорошо.

Принцъ. Самую лучшую и дорогую, какъ только рѣщикъ сдѣлать можетъ. Онъ будетъ поставленъ въ галереѣ. А этотъ останется у меня. Образца такъ не украшаютъ; его не вѣшаютъ и на стѣну, а держатъ обыкновенно подлѣ себя. Благодарю тебя, Конти, очень благодарю. Художники, сказалъ я, не будутъ въ области моей трудиться для прокормленія своего, если я самъ нищимъ не буду. Пошли, Конти, къ казначею

моему и вели заплатить себѣ за оба портрета, сколько тебѣ угодно—сколько тебѣ угодно, Конти.

Конти. Не должно ли мнѣ подумать, что ваша свѣтлость скоро что нибудь и другое такъ же награждать будетъ,какъ художество?

Принцъ. О ревнивый художникъ, не бойся! слышишь ли, Конти? Вели себѣ заплатить, сколько тебѣ угодно.

Д. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.
(1785-89). (*).

Прогулка.

Никакое годовое время не бываетъ для меня такъ пріятно, какъ весна. Когда благотворное солнце, вступивъ въ знакъ Тельца, начинаетъ изливать на землю свѣтъ яснѣйшій; когда, мало по малу растопляя лучами своими снѣжныя громады, таинственнымъ магнитомъ извлекаетъ изъ земли нѣжную зелень: тогда во всемъ существѣ своемъ чувствую пріятную перемѣну. и тихая радость питаетъ сердце мое. Кажется, что лучи солнечные проницаютъ до самаго воображенія и разгорячаютъ его огнемъ своимъ; ибо въ сіе время бываетъ оно пламеннѣе, нежели въ другое. Я могу тогда лучше видѣть, слышать, чувствовать и мыслить.

Уже зеленые ковры украшали поверхность земли, уже многочисленныя стаи птицъ, возвратясь изъ отдаленныхъ странъ юга, давно воспѣвали хвалу прелестной веснѣ, какъ я, въ концѣ прекраснаго дня, взявъ въ руки своего Томсона, пошелъ за городъ прогуливаться. Я задумался, забылся, шелъ и не зналъ—куда. Между тѣмъ приближался вечеръ. Пришедши на берегъ рѣки и обративъ на нее глаза свои, увидалъ я въ чистыхъ водахъ ея образъ солнца. Вдругъ разсѣялись меланхолическія мысли мои, подобно какъ утренніе туманы разсѣеваются отъ перваго блеска яснаго дня. Облегченіе, свободность, веселіе вливались въ меня съ воздухомъ. Пріятности вечера вокругъ меня толпились. Величественное солнце, свершивъ кругъ дневнаго теченія своего, готовилось погрузиться въ бездны океана. Свѣтъ его не былъ уже ослѣпляющій свѣтъ, который въ часы полудня не позволяетъ оку человѣческому взирать на сего царя міра нашего: я безпрепятственно могъ его разсматривать. Укротивъ свое сіяніе, нимало не лишилось оно своего величества. Взирая на него нѣсколько времени, размышлялъ я: великолѣпное свѣтило сколько вѣковъ освѣщаешь ты міръ нашъ! сколько тысящелѣтій питаешь его животворными своими вліяніями! коликое число мудрыхъ, вѣдавшихъ таинственныя твои дѣйствія, отъ начала міра воспѣвали силу твою въ гимнахъ торжественныхъ! Индія и Аравія издревле были исполнены почитателей твоихъ: гдѣ же теперь всѣ сіи мудрецы? Но ты, постоянное свѣтило, не ослабѣваешь въ своемъ теченіи; свѣтя всегда съ равнымъ блескомъ, во всякомъ вѣкѣ находишь новыхъ

почитателей, новыхъ воспѣвателей чудесныхъ силъ твоихъ. Бывъ свидѣтелемъ тысячи перемѣнъ на землѣ нашей, ты ни въ чемъ не перемѣнилося. Въ сей день, въ сей часъ, въ сію минуту за пять или за шесть тысячъ лѣтъ предъ симъ, какой-нибудь мудрецъ, котораго память загладилась уже въ лѣтописяхъ нашихъ, павъ на колѣни, со благоговѣніемъ восклицалъ къ тебѣ: «солнце заходящее, величественный образъ величественнѣйшаго Творца своего! уже ты сокрываешься отъ насъ, кончивъ дневный путь свой; но завтра паки явишься на горизонтѣ возвѣщать славу Творца своего!» Тщетно ложные мудрецы стараются увѣрять, что ослабѣлъ жаръ твоего пламени! Неистощимъ источникъ, наполняющій тебя свѣтомъ; неистощимо и ты въ изліяніяхъ своихъ и пребудешь дотолѣ неистощимо, доколѣ поставившій тебя на тверди не воззоветъ къ тебѣ: сокройся!

Я размышлялъ и чувствовалъ. Мысль сцѣплялась съ мыслію, чувство сливалось съ чувствомъ. Глаза мои не совращались съ солнца, которое опустилось весьма низко на горизонтѣ. Уже начинало оно скрываться. Половина круга его зашла за горизонтъ, отбрасывая еще лучи свои на тонкія облака, по западу разсѣянныя, и украшая ихъ различными цвѣтами. Потомъ скрылось все солнце; но лучи его освѣщали еще вершины горъ, въ отдаленіи представлявшихся взору моему. Скоро и сей слабый свѣтъ сокрылся, и тонкія тѣни мгновенно покрыли небо. Куда же сокрылось ты, пышное свѣтило? Ахъ! почто не всегда освѣщаешь насъ? Безразсудное, но весьма естественное желаніе! Нѣтъ, ты довольно живило насъ свѣтомъ своимъ. Теки, теки, куда влекутъ тебя вѣчные законы твоего движенія! Теперь нужно твое присутствіе на другомъ краю міра нашего, гдѣ дикіе народы встрѣтятъ тебя съ радостію и на разныхъ языкахъ благословятъ твое пришествіе.

Вдругъ замолкли всѣ птицы, которыя до сей минуты пѣли въ орѣховомъ лѣсу и гармоніею пѣсней своихъ услаждали мое сердце: каждая пара искала себѣ покойнаго убѣжища на ночное время. Настала глубокая тишина, прерываемая однимъ журчаніемъ быстрой рѣки и ручьевъ, стремившихся по зеленому лугу. Тѣни вечера сгущались болѣе и болѣе. Наконецъ всѣ предметы сокрылись отъ глазъ моихъ; все для меня исчезло, все, кромѣ—меня самого. Священная тишина, ужасъ сердца порочнаго, стихія невинности, убѣжище мудрыхъ, святилище добродѣтели! да не трепещетъ сердце мое въ твоихъ объятіяхъ! или да будетъ трепетъ его высочайшимъ восторгомъ радости! Буди благословенна, тишина уединенія! и въ то время, какъ все видимое твореніе погружается въ глубокомъ снѣ, возбуждай меня къ священнымъ размышленіямъ, къ ближайшему собесѣдованію съ сердцемъ моимъ, и утишай въ немъ всякое волненіе,

производимое бурями общежитія. Да пробудятся всѣ духовныя силы мои, и да чувствую во глубинѣ души своей, что я существую!... И се растекается сіе животворное чувство по всей внутренности моей! Ощущаю живо, что я живу и есмь нѣчто отдѣленное отъ прочаго, есмь совершенное цѣлое. Чувство существованія, въ единомъ человѣкѣ на землѣ сей обитающее! колико ты для меня драгоцѣнно! сколь восхитительно для меня думать, что я вѣчно буду тобою наслаждаться!

Но только въ сіи же тихія, мрачныя, нощныя минуты могу представить себѣ и небытіе, хаосъ — то состояніе земли нашей, которое воспѣваетъ святый еврейскій бардъ въ началѣ историческихъ своихъ пѣсней: «земля была дика и пуста, и мракъ покрывалъ бездну». Все твореніе представляется мнѣ теперь мертвымъ тѣломъ: нѣтъ жизни, нѣтъ дыханія. Шумъ быстрыхъ водъ уподобляется шуму волнъ первобытнаго океана, поглощавшаго неустроенную землю—шумъ, утишенный гласомъ творческимъ:

Волны шумящи, молчите! бездна мятежна, спокойся!

Сія мрачность представляетъ мнѣ и будущее состояніе мое, когда меня, томящагося на одрѣ болѣзни, застигнетъ смертная ночь. Зайдетъ солнце жизни; издалека буду внимать шумящимъ волнамъ моря вѣчности.... Сердце бьется; ужасъ разливается по всѣмъ нервамъ. Но утѣшься! скоро гласъ Элогима воззоветъ къ солнцу вѣчной твоей жизни: явися! Взойдетъ оно, и свѣтъ его проникнетъ все существо твое.

Е. ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА (1788—1790). (7).

а) Тверь, 18 Мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался. Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами; а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія! Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія! не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ: на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои; на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись, въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце; на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы

ночные, — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, разстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятнымъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Птрв. (⁸) провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: «прости!» Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь! Ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; на послѣдней станціи въ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекеспиръ, «выплакать сердце свое». Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезвычайно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

б) Въ каретѣ дорогою (авг. 9).

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю (а). Счастливые швейцары! всякій-ли день, всякій-ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ пре-

а) «Тогда мнѣ было только 24 года», замѣчаетъ К—нъ въ 1-мъ изд. писемъ, гдѣ вм.: «готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю», стояло: «я въ восторгѣ цѣловалъ землю».

лестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу (а), не возмущаемую свирѣпыми страстями! Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы—чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей: и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда-нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптамъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

а) Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ миѳахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію вѣчно юнаго Аполлона, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности! *Кар.*

в) Парижъ, апрѣля... 1790.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. «Утопія» (б) будетъ всегда мечтою добраго сердца или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть провидѣнію: оно, конечно, имѣетъ свой планъ;

б) Или «царство счастія», Моруса. *К—нъ.*

въ его рукѣ сердца государей — и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ..... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное древо, говоря: «мы лучше сдѣлаемъ!»

Новые республиканцы съ порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго республиканца Катона, что «безначаліе хуже всякой власти!»

1) *О французской трагедіи* (а).

На такъ называемомъ Французскомъ театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства натуры — простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ «mes feux», «ma foi», вездѣ греки и римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностью приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями (situations), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою (б).

а) Сличи съ слѣдующимъ письмомъ о Шекспирѣ и съ предисловіемъ къ переводу Юлія Цезаря.

б) Я прошу знатоковъ французскаго театра найти мнѣ въ Корнелѣ или Расинѣ что нибудь подобное — напримѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое

Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны — красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій, и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

д) О Шекспирѣ.

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

царство, свою корону, свое величіе,— скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ:

«Шумите, вѣтры! свирѣпствуй, буря! Сѣрные, быстрые огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ, лейте пламя на бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣка, неблагодарнаго человѣка!... Не жалуюсь на вашу свирѣпость, разъяренныя стихіи! Я не отдавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми своими! И такъ, свирѣпствуйте по волѣ! Разите — се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный старецъ, отверженный отъ человѣчества!»

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?

Прим. К—на.

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ я не хочу и спорить. Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: какой смѣшной! какой чудакъ!

Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, откровеніе человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ,

гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

е) Кронштадтъ, 1790.

Берегъ, отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштадта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ такимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если только проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно—пусть для меня одного! Загляну и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... Почему знать? можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижину, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться китайскими тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

ж. БѢДНАЯ ЛИЗА (1792). (*).

Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли—куда глаза глядятъ—по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ или шумящая

подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ россійской имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени горевать вмѣстѣ съ природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили — печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклонившаго колѣни передъ распятіемъ и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ; ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ томнымъ взоромъ, смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха—видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ—и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся: тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятеля въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества—печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые татары и литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ

*

монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣднѣли. Лѣнивая рука наемника худо обработывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ — день ото дня становилась слабѣе и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ, одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь: ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабобіющемуся сердцу, называла божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. «Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки». Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ—ахъ! она помнила, что у нея былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. «На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я, вѣрно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня будетъ? на кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется добрый человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь и спокойно лягу въ сырую землю».

3. ЦВѢТОКЪ НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА (1793). (10).

Нѣтъ Агатона!... Нѣтъ моего друга! Читатель! ты не зналъ его—онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ—онъ былъ человѣкъ, благородный по душѣ своей, украшенный одними достоинствами, не чинами, не блескомъ роскоши, —и сіи достоинства таились подъ завѣсою скромности.

Но его уже нѣтъ! Горестная дружба можетъ теперь сказать, чего она лишилась, о чемъ проливаетъ слезы и вѣчно проливать будетъ!

Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почитаю сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ хладномъ сѣверномъ отечествѣ, гдѣ природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человѣкъ, котораго душа была бы украшеніемъ самой Греціи, отечества Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не можете разумѣть меня. Оставьте печальнаго! оставьте сіи безпорядочныя строки, орошаемыя моими слезами! Не для васъ изливаю горесть свою и не требую вашего одобренія. Когда сердце мое превратится въ камень; когда огнь чувства угаснетъ въ груди моей; когда, забывъ святую истину, паду ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденій: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвятится вашему удовольствію; тогда удостоите меня благопріятной улыбки своей. Теперь мы чужды другъ другу, и горесть моя не можетъ васъ тронуть.

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человѣчества, котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Что онъ полюбилъ во мнѣ, не знаю: можетъ быть пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего вообраafженія — человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія, который могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особливый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается—и время нашего знакомства, нашего дружества будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: ему еще болѣе, нежели мнѣ, но мы любили книги и не думали о свѣтѣ; имѣли немного, немногимъ были довольны и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе: ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались и нерѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ просиживали по-

ловину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, и часто заря утренняя красила восточное небо, когда я разставался съ Агатономъ и возвращался домой съ покойною душею, съ новыми знаніями или съ новыми идеями.

Если когда нибудь осмѣлюсь я слабымъ перомъ своимъ начертить исторію моихъ мыслей, тогда опишу, можетъ быть, и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; печать молчанія хранитъ ихъ теперь въ груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ пріобрѣлъ я и нѣкоторое эстетическое чувство, нужное для любителей литературы. Вѣрный вкусъ друга моего (отличавшій съ великою тонкостію посредственное отъ изящнаго, изящное отъ превосходнаго, выученное отъ природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ) былъ для меня свѣтильникомъ въ искусствѣ и поэзіи. Восхищенный красотою цвѣтовъ, растущихъ на семъ полѣ, дерзалъ я иногда младенческими руками образовывать нѣчто подобное онымъ и незрѣлыя свои мысли изливать на бумагу; онъ былъ первымъ моимъ судьею, и хотя замѣчалъ недостатки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жалѣю о томъ человѣкѣ, который занимается литературою и не имѣетъ знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агатонъ испытывать дарованій своихъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Тихій кругъ читателей нравился ему лучше, нежели заботливое состояніе автора, котораго спокойствіе нерѣдко зависитъ отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него передъ глазами. Надлежитъ или сравняться съ ними (думалъ онъ), или не выходить на сцену; первое казалось ему труднымъ, и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказываютъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души. Агатонъ и я любили одно, но любили различнымъ образомъ. Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельный философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ: но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія. Я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ: но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество,

Разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монотонія бываетъ утомительна— и два человѣка совершенно одинакихъ свойствъ всего скорѣе наскучатъ другъ другу (¹¹)

II. МЕЛОДОРЪ КЪ ФИЛАЛЕТУ (1794) (¹²).

Пять лѣтъ мы не видались: сколько времени! Сколько перемѣнъ въ свѣтѣ—и въ сердцахъ нашихъ!... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хотѣлъ бы вдругъ перелить ихъ въ твою душу, безъ помощи словъ, которыхъ искать надобно, хотѣлъ бы открыть тебѣ грудь мою, чтобы ты собственными глазами могъ читать въ ней сокровенную исторію друга твоего и видѣть—прости мнѣ смѣлое выраженіе—видѣть всѣ развалины надеждъ и плановъ, надъ которыми въ тихіе часы ночи сѣтуетъ нынѣ духъ мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, стовратныхъ Ѳивъ или великолѣпнаго греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и, проливая сладкія слезы, восклицали: «человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!» Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству. Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! Радость сіяла на лицахъ нашихъ—и свѣтлый ручеекъ, и зеленая травка, и алый цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества.

Кто болѣе насъ славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кроткость правленій, и проч., и проч.? Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества, но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ,— надежды: «все исчезнетъ, и царство общей мудрости настанетъ, рано или поздно настанетъ, и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума человѣческаго, успѣлъ хотя однимъ шагомъ приблизить людей къ источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ хотя единое плодоносное зерно добродѣтели вложить рукою

любви въ сердце чувствительныхъ, и такимъ образомъ ускорилъ ходъ всемірнаго совершенія!»

Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности и, подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система? она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ (а) мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на-вѣки!

Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать? Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ! Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ — фурій съ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, которыхъ мы любила? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія? Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя: въ крови и пламени не узнаю тебя, среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился къ ней духъ мой: но небесная красота исчезла — змѣя шипитъ на ея мѣстѣ! Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго: драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются — сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Мизософы (б) торжествуютъ. «Вотъ плоды вашего просвѣщенія!» говорятъ они: «вотъ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?...

а) То есть, другъ людей. *Прим. К—на.*

б) Ненавистники наукъ. *Прим. К—на.*

Да погибнетъ же ваша философія!» И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: да погибнетъ! И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: да погибнетъ! А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ общее мнѣніе: вообрази же слѣдствія!

Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно: я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечемъ, утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли и громы умолкнутъ; тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ тишина сія? Если мертвая хладная, мрачная?

I. ФИЛАЛЕТЪ КЪ МЕЛОДОРУ (1794).

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое страдаетъ, милыя надежды твои исчезли: ты ищешь на театрѣ міра — и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, которыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили, и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ.

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего новаго; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякій даръ любви, и всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часто самая простая мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсѣвающимъ густую, хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ, смотрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа.

Но неужели, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся навѣки отъ своего разума и погрузимся въ тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія, въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію, не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою

паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: «Ты благо и премудро; благо твореніе руки твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви божественной!»

Уничтожься навѣки мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель—чуждое растеніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ, пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣти случая, слѣпленіе атомовъ и болѣе ничего! Но гдѣ же тотъ безумный извергъ, который захотѣлъ бы увѣрить меня въ сихъ страшныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце и скажу атеисту: ты безумецъ!

Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть, единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Дай несвѣдущему творенія Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребильонову: онъ восхитится ею. Послѣдняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческій? Можетъ быть, то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для ангеловъ; можетъ быть, то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе (а). Сіи мысли ведутъ меня къ святилищу божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бренною плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное; упадаю во прахъ своего ничтожества и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы нельзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когда бъ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горятъ ихъ билліоны. Тотъ, кто великолѣпно прославилъ себя въ натурѣ, великолѣпно прославитъ себя и въ человѣчествѣ. Не будемъ требовать отъ вѣчной премудрости отчета въ темныхъ путяхъ ея; не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокой-

а) Ученіе оптимистовъ, изложенное К—мъ преимущественно въ «Разговорѣ о счастіи» (1797).

ствія! Знаешь ли, что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми стрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Питіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее (а). «Нѣтъ! я знаю моего друга: гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе». Мелодоръ! для чего къ провидѣнію не имѣть намъ той довѣренности, которую два человѣка могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и твою душу ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ, конечно, обратитъ все къ цѣли общаго блага.

К. ИЗЪ СМѢСИ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 г. ([13]).

а) Юношество и мужество.

Человѣкъ въ 40 лѣтъ, подобно юношѣ, гоняется еще за весельемъ, но болѣе по привычкѣ, нежели по охотѣ, воспоминаетъ прошедшія удовольствія, сравниваетъ ихъ съ настоящими, чувствуетъ разницу и вздыхаетъ. Къ тому же въ самое сіе время рождаются заботы, слѣдствіе избраннаго нами состоянія въ гражданской жизни; мы болѣе узнаемъ людей, терпимъ болѣе отъ ихъ несправедливости, отъ ихъ злобы; боимся презрѣнія, боимся ненависти, и душа отъ великаго напряженія ослабѣваетъ. Когда же опыты научатъ насъ менѣе уважать людское мнѣніе и болѣе любить свое внутреннее спокойствіе; когда человѣкъ скажетъ самому себѣ: зло въ свѣтѣ неминуемо; когда сердце, натерпѣвшись горести, сдѣлается уже не такъ чувствительно къ боли, какъ прежде: тогда начинаемъ мы на все смотрѣть равнодушно и теряемъ охоту къ дѣятельности. Слава, божество великихъ душъ, слава, которая вдали представлялась намъ лучезарною цѣлію и до которой мы старались достигнуть разными блестящими дѣйствіями, кажется тогда ничтожнымъ привидѣніемъ. Лѣность заступаетъ мѣсто честолюбія, лѣность, ведущая за собою скуку, отъ которой и самая мудрость не можетъ избавить умнаго, мыслящаго человѣка.

б) Разсужденіе философа, историка и гражданина.

Философъ. Счастье обитаетъ въ моемъ сердцѣ. Земля не принадлежитъ мнѣ; но я имѣю способность мыслить и могу управлять моими склонностями. Когда желаніе и потребности мои находятся въ счастливомъ согласіи, когда разумъ мой повелѣваетъ чувствами, тогда я существую нравственно. Гнушаясь сладострастіемъ, презирая суетное честолюбіе, живу въ спокойствіи духа и славословлю Всевышняго. Человѣкъ сотворенъ быть не ученымъ,

---

а) Дамонъ и Питіасъ—славные друзья въ древности. *Примѣч. К—на.*

а благоразумнымъ. Умъ есть фаросъ жизни его; умъ, который велитъ мнѣ сносить терпѣливо несправедливость людей, запрещаетъ мстить, усмиряетъ всякое сердечное волненіе и приводитъ страсти мои въ то пріятное равновѣсіе, которое называется добродѣтелію. Однимъ словомъ, философъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ не забываетъ своей мудрости, а въ мудрости помнитъ о своемъ человѣчествѣ.

Историкъ. Гордые мудрецы! вы хотите въ самихъ себѣ найти путь къ истинѣ? Нѣтъ, нѣтъ! не тамъ его искать должно! Поднимите смѣлою рукою завѣсу временъ прошедшихъ: тамъ, среди гибельныхъ заблужденій человѣчества; тамъ, среди развалинъ и запустѣнія, увидите малоизвѣстную стезю, ведущую къ великолѣпному храму истинной мудрости и счастливыхъ успѣховъ. Опытъ есть привратникъ его и немногими словами открываетъ важнѣйшія тайны тѣмъ героямъ, которые входятъ во внутренность храма. Философъ теряется въ системахъ, ораторъ излишне надѣется на суетный блескъ краснорѣчія. Историкъ напоминаетъ дѣянія... и умолкаетъ. Картины его полезны для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ народовъ, для всѣхъ состояній; злодѣй трепещетъ его пера и нерѣдко обращается на путь добродѣтели.

Гражданинъ. Служить отечеству любезному; быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцемъ; хранить, пріумножать стараніемъ и трудами наслѣдіе родительское— есть священный долгъ моего сердца, есть слава моя и добродѣтель. Богу не угодно было даровать мнѣ разума проницательнаго, мудрости глубокомысленной; но Онъ даровалъ мнѣ способность наслаждаться и быть полезнымъ. Когда жестокая буря опустошаетъ мои нивы, я не ищу въ умѣ своемъ тайной причины зла естественнаго, но говорю самъ себѣ: благость Всевышняя наградитъ меня за претерпѣніе! Работа, и въ самой нищетѣ, будетъ всегда моею надеждою, помощію, спасеніемъ.

Л. ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОЙ КНИЖКѢ АОНИДЪ (1797). [14].

Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое и безъ которой всякое стихотвореніе (не смотря даже на многія счастливыя фразы) похоже на странное существо, описанное Го-

раціемъ въ началѣ Эпистолы къ Пизонамъ ([15]). Молодому питомцу музъ лучше изображать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ натуры (а) и прочее въ семъ родѣ. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ, истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ піитическую сторону; его дѣло наводить на все живыя краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нѣжное чувство, или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выраженіемъ, показывать оттѣнки, которые укрываются отъ глазъ другихъ людей, находить непримѣтныя аналогіи, сходства, играть идеями и, подобно Юпитеру (какъ сказалъ объ немъ мудрецъ Езопъ), иногда «малое дѣлать великимъ», иногда «великое дѣлать малымъ». Одинъ бомбастъ, одинъ громъ словъ только-что оглушаетъ насъ и никогда до сердца не доходитъ: напротивъ того, нѣжная мысль, тонкая черта воображенія или чувства непосредственно дѣйствуетъ на душу читателя; умный стихъ врѣзывается въ память, громкій стихъ забывается

а) Къ издателю прислано было сочиненіе, подъ титуломъ: «Конецъ міровъ»; оно показалось ему слишкомъ ужасно для «Аонидъ». *К—нъ.*

Не надобно также безпрестанно говорить о слезахъ, прибирая къ нимъ разные эпитеты, называя ихъ блестящими и брилліантовыми — сей способъ трогать очень ненадеженъ: надобно описать разительно причину ихъ; означить горесть не только общими чертами, которыя, будучи слишкомъ обыкновенны, не могутъ производить сильнаго дѣйствія въ сердцѣ читателя, но особенными, имѣющими отношеніе къ характеру и обстоятельствамъ поэта. Сіи-то черты, сіи подробности и сія, такъ сказать, личность увѣряютъ насъ въ истинѣ описаній—и часто обманываютъ, но такой обманъ есть торжество искуства.

M. О ВОСПИТАНІИ. *(1802). ([16]).*

Можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патріотическое сердце! Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ рѣшительнымъ образомъ мыслей не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называютъ свѣтъ бурнымъ океаномъ: но счастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для счастія. Хорошо, если отецъ можетъ пору-

чить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми? по большой части свѣтская разсѣянность—дѣйствіе полупросвѣщенія въ людахъ и въ государствахъ. Взглянемъ на великихъ мужей, одаренныхъ превосходными талантами ума: всѣ они,—не знаю, будетъ ли исключеніе—всѣ они, говорю, любятъ семейственныя удовольствія. Взглянемъ и на самые народы: Англія есть, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣйшая земля въ Европѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются столько пріятностями тихой домашней жизни, какъ въ Англіи. Просвѣщеніе цѣнитъ удовольствія и выбираетъ лучшія; а могутъ ли ничтожныя свѣтскія забавы сравняться съ нѣжными чувствами супруга и родителя, который, давъ жизнь дѣтямъ, даетъ имъ и мысли и чувства, ежедневно видитъ развитіе души ихъ, веселится ими, какъ своею милою собственностью, и готовитъ свѣту украшенные нравственные образы самого себя? Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикій американецъ отъ скуки цѣлый день качается на вѣтвяхъ; европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому—играть въ карты! Дни летятъ, и онъ доволенъ; но съ ними летитъ жизнь: старость съ болѣзнію приходитъ къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ поселиться дома. Новыя привычки тягостны наканунѣ смерти. Нѣжный отецъ семейства не знаетъ, по крайней мѣрѣ, сей тягости; живя всегда дома, не имѣетъ нужды привыкать въ старости къ кабинету и на что ни взглянетъ вокругъ себя, вездѣ находитъ утѣшительныя воспоминанія; всякій бездушный предметъ есть для него старый другъ, пріятно бесѣдующій съ нимъ о минувшемъ времени. И сколь неравное право на любовь и благодарность дѣтей имѣютъ два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей! Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составятъ для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ немъ заранѣе!... Я говорилъ только о счастіи заниматься воспитаніемъ дѣтей; но съ другой стороны оно есть и долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Въ республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда и нѣжный сынъ отечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его. Наконецъ скажемъ, что безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы болѣе способовъ заниматься не только воспитаніемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствіе разсѣянной жизни, вредна для государства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ неморальнымъ: онъ скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и, питая гнусную алчность ростовщиковъ по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ; довѣренность истребляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы нерѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства. Ввечеру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихоринъ группы, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ! Хотятъ удивить иностранцевъ; хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи... Усердные любители отечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, отъ пятидесяти сюрпризовъ въ одинъ вечеръ, и даже отъ французскихъ куплетовъ; она требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, однѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія! Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину; это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей 100 рублей за ананасъ для десерта. «Но богатствомъ должно пользоваться». Безъ сомнѣнія. Во первыхъ, заплатите долги свои; во вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, если можно, въ лучшее состояніе: а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что-нибудь долговременное и полезное: учредите школу, госпиталь; будьте отцами бѣдныхъ и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ. Пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: «Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ!»

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Ѳемиды, но и съ лаврами Апполона, съ жезломъ бога ис-

кусствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и счастіе отечества должны быть имъ особенно драгоцѣнны; слава государствъ бываетъ различная, счастіе ихъ есть сложное. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству. Россіяне одарены отъ природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ мужествомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли—и, обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлію и нами скоро не будетъ уже ни одного европейскаго народа.

Не желаю быть мечтателемъ; но въ царствованіе Александра могутъ ли добрыя желанія и патріотическія надежды быть мечтами?

II. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНѢ II (1802). (17).

Екатерина-завоевательница стоитъ на ряду съ первыми героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ ея оружія: но Россія обожаетъ ея уставы, и воинская слава героини затмевается въ ней славою образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго счастія; и, находя множество героевъ въ исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія и которое всѣми другими изъясняется: означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни ея—сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ.

Она уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ: гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для

блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ; мы не боимся, ибо мы любимъ тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, тайнаго судилища; но подъ ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами (а). Хотя Великая предоставила августѣйшему ея внуку безсмертную славу искоренить навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда счастіе монарха и подданныхъ составляютъ единое и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ; но въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь сибирскихъ; для однихъ извергoвъ отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства: ибо она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо и что безъ нея жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ счастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству, долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ ея.

Россія имѣла многіе частные, мудрые законы, но не имѣла общаго уложенія, которое бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями: великіе хотятъ системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность сего предпріятія, она хотѣла раздѣлить славу свою съ подданными и признала ихъ достойными быть совѣтниками трона. Повелѣвъ собраться государственнымъ чинамъ или депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства, Великая говоритъ: «Наше

а) См. указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи въ 1762 году, октября 19.
Примѣч. К—на.

первое желаніе есть видѣть народъ россійскій столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться. Симъ учрежденіемъ даемъ ему опытъ Нашего чистосердечія, великія довѣренности и прямыя материнскія любви, ожидая со стороны любезныхъ подданныхъ благодарности и послушанія» (а). Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки славянъ-побѣдителей, нормановъ, ужасныхъ Европѣ, и финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ; мирные пастыри южной Россіи, лапландскіе ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе россійскихъ депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю монархини — и самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ (б)! Имъ торжественно вручили сей славный Наказъ Екатерины, писанный ею для избранной коммиссіи депутатовъ, переведенный на всѣ европейскіе языки, зерцало ея великаго ума и небеснаго человѣколюбія. Никогда еще монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людьми, о средствахъ народнаго счастія.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ: скажемъ, что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею! Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ генія. Сколько мудрости потребно законодателю? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія страстей, обратить къ добру ихъ бурное стремленіе или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общею; наконецъ—послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ Синайской, съ невидн-

а) Манифестъ о собраніи депутатовъ. *Прим. К—на.*

б) Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ. *Прим. К—на.*

мымъ Божествомъ сообщается — спуститься въ обыкновенную сферу людей и тончайшую метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго.

Но собраніе депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ ея благотворныхъ намѣреніяхъ, она рѣшилась сама быть законодательницею Россіи.

O. О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНІИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ (1803). ([18]).

24 января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. Сей счастливый императоръ— ибо дѣлать добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу его. Многіе государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едва ли кто-нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета—первый университетъ, Великая Екатерина—городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: «да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!» Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ—не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистью, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе—хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа патріотизма— не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и, однимъ словомъ, не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то-есть добродѣтельнаго монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко счастію ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, единственное средство

*

для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи его славныхъ и великихъ предшественниковъ. Имя Петра и Екатерины будутъ вѣчно сіять въ заглавіи исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ Александръ, который имѣетъ счастіе царствовать послѣ нихъ, и въ девятомъ-надесять вѣкѣ. Небо оставило ему славу и возможность увѣнчать ихъ безсмертныя творенія. Патріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ университеты, въ академіи, въ гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: «въ Россіи уже много просвѣщенія, но еще не довольно; въ неизмѣримыхъ странахъ ея мы находили милліоны жителей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; они еще не умнѣе своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ способовъ умножать свои идеи, научаться опытами, успѣвать въ искусствѣ жизни и благородныхъ наслажденій». Русскіе отвѣтствовали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли—и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и счастливо—тѣмъ счастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе (а); мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина, награждаемыхъ за прилежность къ ученью; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными, подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечества и собственной. Русскіе патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ—и добро-

---

а) Можно поставить въ примѣръ швейцарскихъ, многихъ нѣмецкихъ (особливо голштинскихъ) и англійскихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ библіотеки, сами работаютъ и богаты. *Прим. К—на.*

дѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души своей, исполнилъ ихъ желаніе. Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію: скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха, который во всѣхъ своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, всѣхъ равно любитъ и всѣхъ считаетъ людьми.

Теперь дворянство россійское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ отечеству; доказать, что мы достойны такого монарха и нашихъ предковъ, и что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ отчасти отъ патріотической ревности дворянъ: они, безъ сомнѣнія, изъявятъ ее всѣми возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель; мы желали бы возвысить ее названіемъ безкорыстной, но Небу угодно было во всемъ соединить съ нею награду, какъ въ морали, такъ и въ политикѣ. Дворянство никогда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага. Можемъ вспомнить нашу исторію: во времена бѣдствій Россіи, когда самозванцы и поляки терзали ея внутренность, народъ изъявлялъ удивительную привязанность къ русскимъ боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами — отъ того, что бояре трогательнымъ образомъ доказывали свою любовь къ отечеству, первые жертвовали имѣніемъ и жизнію, забывали самую фамильную вражду (которая была тогда во всей силѣ) и думали единственно о спасеніи Россіи. Нынѣ, благодаря провидѣнію, времена спокойны, и мы не въ печальной, но въ радостной одеждѣ можемъ служить отечеству или Александру (къ счастію, великія имена ихъ имѣютъ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду монарха, котораго человѣколюбивая политика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовлетворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великою мыслію, тотъ, безъ сомнѣнія, живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его несчастіи; но о комъ изъ истинныхъ дворянъ русскихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратить въ истину злословіе многихъ чужестранныхъ писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердіемъ

своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе морали простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской (а). Дерзну сказать, что сочиненіе нравственнаго катихизиса для приходскихъ училищъ достойно перваго генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни, наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія — и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше правительство соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ пастырей съ должностію сельскихъ учителей (б).

а) См. 32 статью Устава. *Прим. К—на.*

б) Статья 33. *Прим. К—на.*

II. О ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ РОССІИ (1811). (**).

(Рус. Архивъ, 1870).

Вообще царствованіе Романовыхъ: Михаила, Алексѣя, Ѳеодора способствовало сближенію Россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ правахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось

постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ единственное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напомнили Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ, но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства; онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли, достигъ—и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ европейскихъ. Потомство воздало усердную хвалу сему безмертному государю—и личнымъ его достоинствамъ, и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую, исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ, завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни, завелъ мануфактуры, училища, академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержавцевъ: дарованіе — употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избирать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди, и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ сенатѣ, въ кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя передъ глазами свою исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и—что не менѣе важно — учредили въ ней твердое правленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое; князья московскіе приготовили оныя. И, славя славное въ семъ монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки,

представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ, въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: «Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри; наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Въ семъ отношеніи государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ. Жизнь человѣческая кратка, а для учрежденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ отъ сохи до престола Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ; со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единодушія государственныхъ состояній.

Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мущинъ, и европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя; имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ: не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что дѣйствительно по-

рочно: однакожъ должно согласиться, что мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу непобѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *Святая Русь*—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными*, теперь называемъ *братьями*; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію—*невѣрнымъ* или *братьямъ*? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ, вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ навѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи.

Р. ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО (1803—1824).

а) *Исторія вообще и исторія русская въ частности.*

(Изъ Предисловія). (1815).

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общесто и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости,

которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ, и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане— въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что̀ въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ! Никогда Римъ въ своемъ величіи не

могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земля, раздѣленная вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ биткахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ-Невскій; герой-юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра—и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій и, за сонмомъ доблественныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во вьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексѣй, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественные горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ: въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

б) Осада и взятіе Кіева татарами.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо арабскіе историки и географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ,—высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ свидѣтельствовали грозную силу моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіявляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя местьтатаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава, какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ моголовъ; видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣ-

шился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ вождя искуснаго и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную бояриву Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами монгольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть: Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей китайскихъ, и Бастырь, завоеватель казанской Болгаріи и княженія суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачали воздухъ, копья трещали и ломались», мертвыхъ издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ; но татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ моголы отдыхали на развалинахъ стѣны; утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія

сказалъ воеводѣ россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезнымъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго. Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ область галицкую и владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо татары не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города, но взяли Владиміръ, Галичъ и множество иныхъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій, Димитрій находился съ Батыемъ и сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела есть не-

пріятель опасный и строитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный воевода россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясенія и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: «Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными, и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ». Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою имперіею отъ временъ Θеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

в) Обозрѣніе исторіи Новгорода. (20).

Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный

смѣлыми варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей и, будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной и, давъ бытіе, давъ государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судьею, ограничивъ власть княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ, еще въ XII посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири и, горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и вѣры христіанской; передавалъ Европѣ товары азіатскіе и византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла европейскаго, первыя открытія искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными новгородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе князей суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля ливонскія, гдѣ орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: «кто противъ Бога и Великаго Новагорода?» Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами моголовъ, какъ иные Россіяне; хотя и платили дань ордынскую, но великимъ князьямъ, не зная баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискуственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: «ты умертвилъ нашихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ.

Здѣсь посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечъ въ сердце, и велитъ нести себя больнаго на градскую площадь, да умретъ предъ глазами народа, если виновенъ, или будетъ спасенъ его защитою, если невиненъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни. Тутъ достойный архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани; возноситъ руку благословляющую, именуетъ новогородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга. Въ битвахъ съ врагами иноплеменными посадники, тысячскіе умирали впереди за Святую Софію. Святители новогородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался владычнимъ; будучи главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ и не боялись ни гнѣва митрополитовъ, ни мести государей московскихъ. Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: «новогородская честь», «новогородская душа», служило иногда вмѣсто клятвы. Республика держится добродѣтелію, и безъ нея упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя и почти свободный отъ ига моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые новогородцы стали откупаться серебромъ отъ князей московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе и манитъ къ себѣ властелина. Ополченія новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшитель-

ныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ государей, литовскаго или московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя новогородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими нѣмцами, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ россіянъ, униженныхъ тиранствомъ моголовъ: однакожъ исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта. Тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, государь московскій поставилъ одну грань своего царства на берегу Наровы, въ угрозу нѣмцамъ и шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная древность воображала источники богатства и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. Императоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею». Историкъ русскій, любя и человѣческія и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: «Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность новогородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи».

г) Митрополитъ Филиппъ.

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ—отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ, ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата; сдѣлалъ воздухъ

благорастворенние. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы. Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумалъ, мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ, возвести Филиппа на митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ царю: «Повинуюся твоей волѣ, но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ, отвѣтствовалъ тихо: «развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные пастыри церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ митрополита безъ всякаго условія, думать единствен-

но о благѣ церкви, не гнѣвить государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ святителя есть молиться и наставлять царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ царства. Нѣкоторые изъ святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея; другіе—именно: Пименъ новогородскій, Филоѳей рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ провидѣнію, которое властвуетъ надъ царями и не даетъ имъ выступать за черту его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія, мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «да будетъ, что угодно государю и церковнымъ пастырямъ!»

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступать въ опричнину государеву и не оставлять митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричнины, былъ немедленно возведенъ на митрополію, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ невооруженной любви, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную. Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ

надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Однажды въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ. Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый владыко! се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства.... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ— а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.. Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе—и между тѣмъ что дѣлалъ?

Убѣгая митрополита, царь однакожъ видалъ его въ церкви. Въ день св. апостоловъ Прохора и Никанора, 28 іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и царь съ опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ тафьѣ. Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился

и съ негодованіемъ сказалъ о томъ государю; но опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличитъ его во всемъ—и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ духовникомъ своимъ, благовѣщенскимъ протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправились въ Соловки епископъ суздальскій Пафнутій, архимандритъ андрониковскій Ѳеодосій и князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы царскіе то ласкали, то ужасали монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ глава, игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго; а царю: «Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ и страшитеся небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго». Онъ хотѣлъ удалиться: царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успѣнія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басма-

новъ велѣлъ читать бумагу; услышавъ, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту; слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости — царь велѣлъ отвести страдальца въ тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, Троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

д) Убіеніе Ляпунова.

Станъ московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! Одинъ россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые

раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы царскаго. Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу. 20 казаковъ, кинутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близь Угрѣшской обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Казаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того, убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ: возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ одинъ день и часъ. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ, увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища казаковъ, выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи»; свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостью; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами, ибо любилъ отечество, не хотѣлъ пережить такого убійства и великодушно пріялъ смерть отъ извергов—жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь героя своего времени, главѣ восстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ христіанскаго погребенія и служило пищею врагамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, до-

стойнаго стратига и властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійства возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярстихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ ляхами.... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый-городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными главами оставались тушинскій лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями.

[1]) «Деревянная нога, швейцарская идиллія гос. Геснера. Переведено съ нѣмецкаго Никол... Карамз... Спб. 1783». Содержаніе идиллія—разговоръ между молодымъ пастухомъ и старымъ воиномъ, который разсказываетъ, какъ онъ потерялъ ногу въ сраженія, происходившемъ 1388 г. при Нефельсѣ (въ кантонѣ Гларусѣ) между швейцарцами и герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ. Изъ разговора открывается, что человѣкъ, спасшій воина отъ смерти въ пылу битвы, былъ отецъ пастуха. Инвалидъ въ радости обнимаетъ сына своего избавителя и женитъ его на своей дочери. И. И. Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ, говоритъ, что первымъ литературнымъ опытомъ Карамзина былъ «Разговоръ Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой»; но мы не могли найти его.

[2]) «О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1786» Посвящено старшему брату Карамзина, Василью Михайловичу, котораго онъ особенно любилъ и уважалъ и съ которымъ часто переписывался. Письма его, съ 1799 по 1826, нап. въ Атенеѣ, 1858, №№ 19—28. Поэма состоитъ изъ трехъ пѣсенъ: первая доказываетъ, что истинное достоинство человѣка пріобрѣтается добровольнымъ пребываніемъ его въ добродѣтельной жизни; вторая описываетъ блаженное состояніе первыхъ человѣковъ; третья—ихъ паденіе. Карамзинъ занимался переводомъ въ эпоху своего знакомства съ Новиковымъ, подъ вліяніемъ стремленій къ теолого-философскимъ изслѣдованіямъ. Выборъ дидактической поэмы, которую самъ авторъ признавалъ наилучшимъ трудомъ своимъ, указываетъ на тогдашнее настроеніе переводчика, «благочестиваго ученика мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка», какъ выражается И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ, и кромѣ того говоритъ о связи его работы съ журналами серьезнаго, мистическаго направленія, издававшимися Новиковымъ: «Утренній свѣтъ (1777—1780), «Московское ежемѣсячное изданіе» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящійся трудолю-

бецъ» (1784—1785). Вопросъ о происхожденіи зла долгое время занималъ богослововъ и философовъ. Каждый изъ нихъ старался рѣшить его согласно съ характеромъ теологической догматики или съ воззрѣніями философскихъ системъ. Рѣшеніе Галлера принадлежитъ къ первой категоріи. Любопытны нѣкоторыя примѣчанія Карамзина. Одно изъ нихъ признаетъ справедливость основной мысли поэмы, что человѣку даны разумъ и воля для устройства его совершеннаго благополучія: «Свободная воля причинила паденіе человѣка, свободная воля токмо можетъ и паки возставить падшаго; она есть драгоцѣннѣйшій даръ Творца, сообщенный Имъ тварямъ избраннымъ». При словахъ Галлера о важности истинныхъ, духовныхъ потребностей, Карамзинъ замѣчаетъ: «Истина неопровергаемая и каждымъ человѣкомъ ощущаемая! Будешь окруженъ возлюбленными, будешь знатенъ, будешь богатъ, но все еще не будешь спокоенъ. Для чего? для того, что ты лишенъ *истинныхъ потребностей;* всѣ сіи блага суть для тебя блага чуждыя». Стихи подлинника объ альпійскихъ пастухахъ, какъ счастливѣйшихъ изъ смертныхъ, внушаютъ переводчику идиллическое мечтаніе: «Все слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи въ восхищеніе приводило меня. Размышленіе о сихъ счастливцахъ часто побуждало меня восклицать: «о смертные! почто уклонилися вы отъ начальной невинности своей? почто гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ»? Тѣмъ же идиллическимъ взглядомъ, хотя нѣсколько охладѣвшимъ, проникнуты письма Карамзина изъ Швейцаріи.

[3]) «Юлій Цезарь, трагедія, сочиненіе Вилліама Шекспира. Москва. 1787». Переведена 1786. Изъ англійскихъ писателей, Шекспиръ (или Шекеспеаръ и Шекеспиръ: такъ прежде называли его русскіе переводчики) особенно возбуждалъ удивленіе Карамзина, который говоритъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ «Писемъ». По своимъ понятіямъ о драмѣ Карамзинъ былъ выше современныхъ ему критиковъ, не исключая Мерзлякова, хотя послѣдній читалъ въ подлинникѣ творенія Эсхила, Софокла и Эврипида. Мнѣніе его о существенныхъ принадлежностяхъ трагедіи не поколебалось ни отъ авторитета Вольтера, ни отъ общаго стремленія къ французскому псевдо-классицизму. Восторженное сочувствіе къ англійскому трагику выражено въ стихотвореніи: «Поэзія», сочиненномъ въ 1787 г. и напечатанномъ, безъ имени автора, въ сентябрской книжкѣ Москов. Журн. на 1792 г. Оно, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Карамзину, который упоминаетъ здѣсь своихъ любимыхъ поэтовъ: Оссіана, Шекспира, Мильтона, Юнга, Томсона, Геснера, Клопштока:

Шекспиръ, натуры другъ! кто лучше твоего
Познальъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ къ великимъ тайнамъ рока,
И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные жизни!
«Всѣ башни, коихъ верхъ скрывается отъ глазъ
«Въ туманѣ облаковъ, огромные чертоги
«И всякій гордый храмъ исчезнутъ какъ мечта—
«Въ теченіи вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ»—
Но ты, великій мужъ, пребудешь незабвенъ.

«Юлій Цезарь» переведенъ съ французскаго. На это указываетъ самъ Карамзинъ, цитируя въ предисловіи Летурнеровъ переводъ Шекспира (1776—82): это обнаруживается

строеніемъ фразы. Летурнеру французы одолжены своимъ знакомствомъ со многими англійскими поэтами.

[4] и [5]) Эмилія Галотти, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная г. Лессингомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1788». Сначала Карамзинъ перевелъ ее для театра «поспѣшно и неисправно»; потомъ переводъ, назначенный для печати, былъ исправленъ. Если созданія Шекспира показали Карамзину ложность псевдо-классической Мельпомены, то къ тому же должны были привести его и драмы Лессинга († 1781), явившіяся, какъ противодѣйствіе французскому вкусу, какъ примѣненіе критическихъ началъ, которымъ слѣдовалъ преобразователь нѣмецкой литературы, глубоко изучившій Шекспира. Лессингъ самъ видѣлъ, что онъ, не имѣя истинно-поэтическаго генія, обязанъ критикѣ всѣмъ, что есть хорошаго въ его драмахъ. «Размышляющій художникъ вдвое похвалы достоинъ», говоритъ Принцъ живописцу въ Эмиліи Галотти. Это размышленіе, внушенное классическими образцами, сообщило Карамзину «живое чувство истины» при сравненіи французскихъ трагедій съ трагедіями англичанъ и нѣмцевъ. (Разборъ Эмиліи Галотти въ Москов. Журналѣ, 1791, январь). Здѣсь мы видимъ не начало мертваго подражанія природѣ, проповѣданное французской эстетикой, а вѣрное понятіе о творчествѣ, выраженное словами Конти: «искусство должно творить такъ, какъ образующая природа образъ себѣ представляла». Въ основаніе своей піесы, принадлежащей къ такъ называемымъ мѣщанскимъ трагедіямъ Лессингъ сначала думалъ положить извѣстную исторію римлянки Виргиніи, но потомъ перенесъ событіе въ новое время. Подобно Виргинію (отцу Виргиніи), честный, сурово-добродѣтельный Одоардо закалываетъ дочь свою Эмилію; что въ римской исторіи Аппій Клавдій, то здѣсь принцъ гвастальскій.

[6]) «Дѣтское чтеніе для сердца и разума, пер. съ нѣм. и франц. Николай Карамзинъ и А. П. (Александръ Петровъ). 20 частей. Москва. 1785—1789». Оно издавалось Новиковымъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ. Причина, цѣль и содержаніе изданія указаны въ посвященіи его «благородному россійскому юношеству». *Причина* заключалась въ томъ, что до того времени на русскомъ языкѣ не было ничего, чтобы служило собственно для дѣтскаго чтенія: дѣти, учащіяся по французски и по нѣмецки, читали французскія и нѣмецкія книги, а не знавшія иностранныхъ языковъ или вовсе не читали, или читали что-нибудь несоразмѣрное ихъ понятіямъ. Патріоту прискорбно видѣть дѣтей, которыя вмѣсто того, чтобы съ матернимъ молокомъ всасывать любовь къ отечеству, всасываютъ, питаютъ и укореняютъ въ себѣ разныя предубѣжденія противъ всего отечественнаго: поэтому издатели возымѣли *намѣреніе* доставить дѣтямъ чтеніе на природномъ языкѣ. *Содержаніе* журнала имѣло въ виду два предмета: во первыхъ—внушать дѣтямъ нравственность, наставлять ихъ въ обязанностяхъ къ Богу, государю, родителямъ, воспитателямъ, самимъ себѣ и всѣмъ людямъ вообще, во вторыхъ — обогощать дѣтскій умъ полезными и пріятными познаніями. Хотя Карамзинъ назвалъ свои переводы въ Дѣт. Чт. «ученическими», однакожъ они остались не безъ вліянія на послѣдующую за тѣмъ его литературную дѣятельность—и въ содержаніи, и въ выраженіи. Касательно выраженія, справедливо называютъ «Дѣтское Чтеніе» *дѣтскою школою* самого Карамзина (С. Шевыревъ, въ соч. своемъ «А. А. Прокоповичъ-Антонскій»). Относительно содержанія, сочиненія Карамзина представляютъ много мѣстъ, отразившихъ въ себѣ мысли и чувства, которыя онъ передавалъ читателямъ,

какъ переводчикъ статей для Дѣтск. Чтенія. Участіе его въ этомъ изданіи начинается съ 9-й части (1787). Ему принадлежатъ:

а) Деревенскіе вечера (переводъ соч. г-жи Жанлисъ: «Les veillés du château»). Здѣсь имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстъ переименованы въ русскія. Замѣчателенъ разсказъ: «Исправленная лѣность», въ которомъ говорится о путешествіи Доралисы по Швейцаріи. Путешественница посѣтила Геснера въ Цюрихѣ. Что она, или, лучше, Жанлисъ, говоритъ о достоинствѣ его идиллій, то самое встрѣчаемъ въ сочиненіи Карамзина: «Что нужно автору?» Чувствительность почитается существеннымъ качествомъ писателя, такъ что дурной человѣкъ и хорошій авторъ — понятія несовмѣстимыя. Въ другомъ разсказѣ: «Пустынникъ», любопытно сходство мыслей у англійскаго путешественника и швейцарскаго пустынника съ одной стороны и у Карамзина съ другой.

б) Нѣсколько статей изъ Боннетова «Созерцанія природы» (Contemplation de la nature).

в) Аркадскій памятникъ, сельская драма въ одномъ дѣйствіи (изъ Вейсе).

г) Весна, Лѣто, Осень и Зима, изъ поэмы англійскаго поэта Томсона: «Времена года», и заключительный гимнъ къ этой поэмѣ.

д) Прогулка, сочиненіе.

е) Вѣроятно, имъ же написана «русская старинная повѣсть: Евгеній и Юлія».

[7]) «Сочиненія Карамзина, изд. 3-е (1820), въ 9 ч.» Отдѣльное изданіе Писемъ нап. 1796—1801 гг. въ 6 ч., подъ заглавіемъ: «Письма Русскаго Путешественника», съ эпиграфомъ:

Кто въ мірѣ и въ любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Авторъ посвятилъ ихъ семейству друзей своихъ Плщвх. (Плещеевыхъ): «къ Вамъ писанное Вамъ же и посвящаю». Это семейство находилось въ числѣ короткихъ московскихъ знакомствъ Карамзина. Первая его супруга, Елизавета Ивановна Протасова, была сестра жены Плещеева. Предисловіе къ «Письмамъ» оправдываетъ внесеніе въ нихъ многихъ мелочей, пестроту и неровность слога:

«Я хотѣлъ при новомъ изданіи (а) многое перемѣнить въ сихъ письмахъ, и... не перемѣнилъ ничего. Какъ они были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются. Пестрота, неровность въ слогѣ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодаго, неопытнаго русскаго путешественника: онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ—и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось—дорогою, на лоскуткахъ, карандашемъ. Много неважнаго, мелочи—соглашаюсь; но если въ Ричардсоновыхъ, Фильдинговыхъ романахъ безъ скуки читаемъ мы, напримѣръ, что Грандисонъ всякій день пилъ два раза чай съ любезною миссъ Биронъ; что Томъ Джонесъ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ, то для чего же и путешественнику не простить нѣкоторыхъ бездѣльныхъ подробностей? Человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого-нибудь придворнаго или профессора, сидящаго въ шпанскомъ парикѣ на большихъ, ученыхъ креслахъ. А кто въ описаніи путешествій ищетъ одныхъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бюшингову Географію».

а) Первымъ изданіемъ Писемъ Карамзинъ называетъ помѣщеніе ихъ въ Москов. Журн. 1791—92 гг.

[8]) Петровъ, Александръ Андреевичъ, воспитанникъ моск. унив., другъ Карамзина, который изобразилъ его въ прозаической элегіи: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», и частію въ повѣсти: «Чувствительный и холодный», подъ именемъ Леонида. По свидѣтельству И. Дмитріева, Петровъ, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, былъ знакомъ съ древними и новыми языками, имѣлъ необыкновенный умъ и способность къ здравой критикѣ. Его эстетическому вкусу Карамзинъ былъ обязанъ развитіемъ своего чувства изящнаго. Вообще Карамзинъ смотрѣлъ на Петрова, какъ на руководителя при изученіи разныхъ предметовъ, какъ на старшаго себя по знаніямъ и благоразумію. Друзья долгое время жили въ Москвѣ вмѣстѣ, занимаясь переводами для журналовъ и другихъ изданій Новикова. Въ 1791 или 1792 г. Петровъ отправился на службу въ Петербургъ. Ум. въ 1793, и тогда-то явилась упомянутая элегія: «Цвѣтокъ на гробъ Агатона». Переводы Петрова печатались въ журналахъ: «Утренній Свѣтъ», 1780 г. «Дѣтское Чтеніе», «Моск. Журналъ». Другіе переводы указаны И. Дмитріевымъ: «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть» (1783) — мистическое сочиненіе; «Багуатъ — Гета, санскритская поэма, съ англ. (1788)» и «Учитель», 2 т. (статьи этого перевода помѣщались, вѣроятно, въ Дѣт. Чтеніи, которое издавали Карамзинъ и Петровъ). Письма Петрова, любопытныя для характеристики его занятій съ Карамзинымъ въ обществѣ Н. Новикова, нап. въ «Памятникѣ отечественныхъ музъ», альманахѣ, изд. Б. Θедоровымъ на 1827 г.; также въ Рус. Архивѣ 1866 г.

[9]) Соч. Карам. изд. 3. Въ 1-й разъ нап. въ Москов. Журн. на 1792 г. Особое изданіе, съ картинкою, представляющею Лизинъ прудъ, 1797 г. Повѣсть имѣла успѣхъ чрезвычайный. Симоновъ монастырь сдѣлался любимымъ мѣстомъ для прогулки сентиментальныхъ и мечтательныхъ душъ. Каменевъ, авторъ баллады Громвалъ, пріѣхавъ изъ Казани въ Москву, въ письмѣ, отъ 22 февраля 1799 г., къ своему пріятелю Москотильникову, переведшему въ прозѣ Освобожденный Іерусалимъ Тасса (1819), говоритъ слѣдующее: «третьяго дня день былъ ясный. Вздумалось мнѣ воспользоваться пріятною погодой и побывать въ томъ монастырѣ, въ окрестностяхъ коего жила нѣкогда бѣдная Лиза. Въ три часа за-полдня пріѣхалъ я къ нему. Монастырь построенъ на горѣ; видъ хорошъ, и окрестности расположены точно такъ, какъ г. Карамзинъ описываетъ. Съ правой стороны, верстахъ въ двухъ разстояніи, видна почти вся Москва. Шесть или семь древнихъ башенъ, покрытыхъ красноватою черепицею, возвышаются по угламъ его. Въ срединѣ двѣ пятиглавыя церкви, стариннаго вкуса, а подлѣ воротъ кельи въ два жилья, выкрашенныя желтою краскою. Высокія стѣны съ покрытыми переходами мрачностію подобны раифскимъ (a). Съ полуденной стороны подъ самыми стѣнами, растетъ густой кустарникъ, а въ саженяхъ въ 80-ти рощица. Видно, что та самая, близь коей Лиза жила съ матерью; только очень, очень не густа, и на перечетъ не болѣе пятидесяти деревъ, безъ порядка разсѣянныхъ. Посмотрѣвши внутренность монастыря, вышелъ я за ворота. Воздухъ былъ чистъ, видъ Москвы величественъ, солнце блистало ярко на позлащенныхъ главахъ церквей ея, а болѣе всего на главѣ высокой колокольни Новоспасскаго монастыря. Монахъ, опершись объ надолбы, глядѣлъ, отъ скуки, на городъ и дожидался вечерней молитвы. Било 4 часа. Зазвонили колокола московскіе; протяжный, заунывный звукъ

---

a) Раифская пустынь, верстахъ въ 40 отъ Казани.

ихъ разлился по воздуху; монахъ перекрестился, пошелъ въ монастырь, и начался благовѣстъ къ вечернѣ»...

[10]) «Аглая». 2 книжки (М. 1794), 2-ое изд. 1796. Такъ какъ Аглая есть имя одной изъ трехъ Грацій, то первая книжка открывается стихотвореніемъ (не вошедшимъ въ собраніе сочиненій Карамзина): «Приношеніе Граціямъ»:

Богини милыя! благословите сей
Свободный плодъ моихъ часовъ уединенныхъ,
Природѣ, тишинѣ и музамъ посвященныхъ!
. . . .
Примите малый даръ — клянуся васъ любить,
Богини милыя, доколѣ буду жить!

Въ Аглаѣ одни русскія сочиненія, говоритъ Карамзинъ; переводовъ нѣтъ. «Любезные читатели, любезныя читательницы! (такъ заключаются нѣсколько словъ «отъ сочинителя»): ваше удовольствіе, ваше одобреніе есть драгоцѣнный мой вѣнокъ—онъ снова расцвѣтетъ нѣкогда на могилѣ моей, орошенный слезами милаго сердца!» Посвященіе второй книжки «Другу моего сердца» (женѣ Плещеева) проникнуто еще большей меланхоліей и любопытно для характеристики сентиментализма:

«Тебѣ, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебѣ, единственному другу моего сердца!

Твоя нѣжная, великодушная, святая дружба составляетъ всю цѣну и счастіе моей жизни. Ты мой благодѣтельный геній, геній хранитель!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ; но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣна и благодари Вездѣсущаго!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, гдѣ часто страдаетъ невинность, гдѣ часто гибнетъ добродѣтель; но человѣкъ имѣетъ утѣшеніе—любить!

Сладкое утѣшеніе! любить друга, любить добродѣтель!... любить, и чувствовать, что мы любимъ!

Исчезли призраки моей юности; угасли пламенныя желанія въ моемъ сердцѣ; спокойно мое воображеніе.

Ничто не прельщаетъ меня въ свѣтѣ. Чего искать? къ чему стремиться?... къ новымъ горестямъ? онѣ сами найдутъ меня — и я безъ ропота буду лить новыя слезы.

Тамъ лежитъ страннический посохъ мой, и тлѣетъ во прахѣ!

Любезная! сіи двѣ слезы, которыя выкатились теперь изъ глазъ моихъ, тебѣ же посвящаю!»

Кромѣ потери друга, Петрова (о чемъ говорится въ «Приношеніи Граціямъ»), Карамзинъ имѣлъ и другую, общую со многими современниками причину горести, выраженную словами: «мы живемъ въ печальномъ мірѣ», и яснѣе раскрытую въ перепискѣ Мелодора съ Филалетомъ. Въ Аглаѣ, кромѣ «Цвѣтка на гробъ Агатона», помѣщены прозаическія статьи: «Что нужно автору?», «Нѣчто о наукахъ и искусствахъ». «Островъ Борнгольмъ», «Сіерра Морена», «Аѳинская жизнь», «Письма Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору», «Дремучій лѣсъ», два отрывка изъ Писемъ рус. путешественника, нѣсколько стихотвореній и сказка «Илья Муромецъ».

[11]) Сличи съ другимъ сочиненіемъ Карамзина: «Чувствительный и Холодный»: Въ первомъ (Эрастѣ) съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность; второй (Леонидъ), казалось, родился благоразумнымъ... Ихъ взаимная дружба казалась чудною: столь были они несходны характерами! Но сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла прелесть удивительнаго. Чувствительность одного требовала сообщенія; равнодушіе и холодность другаго искали занятія», и пр.

[12]) Соч. Кар., изд. 3, т. 7. Впервые нап. во 2 кн. Аглаи. Переписка Ме-

лодора съ Филалетомъ сочинена во время самаго разгара французской революціи. Карамзинъ, почитавшій, какъ онъ говоритъ, «конецъ 18-го вѣка концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества», временемъ, когда «законы чистаго разума начнутъ исполняться во всей ихъ точности», былъ потрясенъ въ своемъ убѣжденіи кровавыми событіями 1793 г. «Утѣшительная система его рушилась въ своемъ основаніи». Всего больше онъ боится торжества ненавистниковъ наукъ, того общественнаго мнѣнія, которое вооружится противъ просвѣщенія, находя въ немъ главную вину французскаго государственнаго переворота. Въ этой боязни ясно сказывается весь авторъ, какъ своими природными качествами, такъ и образомъ мыслей. Вездѣ онъ стоитъ за просвѣщеніе и литературу и всегда требуетъ мирнаго, постепеннаго прогресса обществъ, главнымъ средствомъ котораго служитъ просвѣщеніе. Посланіе къ Д*** (И. И. Дмитріеву), во 2-й кн. Аглаи, выражаетъ туже нравственную боль, которою страдалъ Мелодоръ. «Я желалъ не безполезно жить для людей», говоритъ Карамзинъ, «но время и опытъ разрушили воздушный замокъ юности:

Теперь иной я вижу свѣтъ,—
И вижу ясно, что съ Платономъ
Намъ тьмы въ умахъ не озаритъ,
Съ Питтакомъ, Өалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ—люди вѣчно...

Пока не наполнится водою сосудъ Данаидъ, до тѣхъ поръ истина будетъ опасна:

Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать.
И часто ядъ тому заплата,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья—
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ.

На Мелодора и Филалета надобно смотрѣть не какъ на двѣ разныя личности, а какъ на одного и того же человѣка въ двухъ послѣдовательныхъ состояніяхъ его духа: Мелодоръ—это Карамзинъ, потрясенный событіями французской революціи; Филалетъ—это Карамзинъ, успокоенный оптимизмомъ.

[13]) Перепечатана въ Москвитянинѣ 1854 г. (№№ 3, 4, 6, 7, 10, 11 и 12), съ предисловіемъ г. Шевырева. Оригинальный отрывокъ: «Юношество и мужество», сличи съ разсужденіемъ «О счастливѣйшемъ времени жизни» (Вѣстн. Европы, 1880, № 13), гдѣ Карамзинъ также отдаетъ предпочтеніе возмужалому возрасту, послѣдней степени физической зрѣлости. Карамзинъ въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ возвращается къ однѣмъ и тѣмъ же мыслямъ, которыя признавалъ онъ истинными и изъ которыхъ слагалась система его основныхъ понятій и убѣжденій.

[14]) Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній. Москва. Три книжки: первая—1796, вторая—1797, третья—1798-1799». Аониды—другое имя Музъ. Сборникъ Карамзина есть то самое, что въ другихъ европейскихъ литературахъ называлось Календаремъ или Альманахомъ Музъ. Аониды наполнялись піесами почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время стихотворцевъ: самого Карамзина, И. Дмитріева, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, В. Пушкина, Капниста, кн. Д. Горчакова, В. Измайлова, Кострова, Хераскова и жены его (Елизаветы), кн. Г. Хованскаго и другихъ. Предисловіе ко 2-й книжкѣ Аонидъ вызвано было вопросами публики, доходившими до издателя: «для чего между многими хорошими стихами помѣщаются въ Аонидахъ и нѣкоторые очень несовершенные, слабые?»

Издатель даетъ такой отвѣтъ: «Отчасти для ободренія незрѣлыхъ талантовъ, которые могутъ созрѣть и произвести со временемъ нѣчто совершенное; отчасти для того, чтобы справедливая критика публики заставила насъ писать съ большимъ стараніемъ, чтобы читатели имѣли удовольствіе видѣть, какъ молодые стихотворцы годъ отъ году очищаютъ свой вкусъ и слогъ; наконецъ и для того, чтобы не очень хорошее тѣмъ болѣе возвышало цѣну хорошаго». За тѣмъ Карамзинъ разсматриваетъ два недостатка нашихъ юныхъ музъ: излишнюю высокопарность и притворную слезливость. Предисловіе, не вошедшее въ собраніе его сочинeній, замѣчательно по своимъ здравымъ эстетическимъ понятіямъ.

[15]) Если бы женскую голову къ шеѣ коня—живописецъ
Вздумалъ приставить и, разные члены собравши отвсюду,
Перьями ихъ распестрилъ, чтобъ прекрасная женщина сверху
Кончилась снизу уродливой рыбой: смотря на такую
Выставку, други, могли ли бы вы удержаться отъ смѣха?
(Перев. М. Дмитріева).

[16]) Изъ статьи: «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» (Вѣст. Евр., 1802, № 12). Въ ней различаются три части: первая изображаетъ современное состояніе Европы, въ которой водворенъ былъ порядокъ, необходимый для политическаго и нравственнаго благоденствія народовъ; вторая разсматриваетъ внѣшнее и внутреннее состояніе Россіи: общее спокойствіе сердецъ, распространеніе просвѣщенія, видимое изъ того, что благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ, разумъ утверждаетъ права свои, духъ россіянъ возвышается; третья заявляетъ желанія въ будущемъ: полное собраніе законовъ, болѣе основательное воспитаніе, любовь къ семейной жизни и хозяйственнымъ занятіямъ, отсутствіе роскоши.

[17]) «Историческое похвальное слово Екатеринѣ Второй, сочиненное Николаемъ Карамзинымъ; М. 1802». Посвящено Александру I. Состоитъ изъ трехъ частей. Дѣленіе указано самимъ авторомъ, въ слѣдъ за приступомъ: «Сограждане! Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями; взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ трехъ путяхъ славы».

[18]) «Вѣст. Евр. 1803, № 5». Статья важная по образу мыслей Карамзина и по отношенію его литературной дѣятельности къ современнымъ правительственнымъ постановленіямъ. Онъ является здѣсь и какъ неизмѣнный ревнитель просвѣщенія, которымъ человѣчество направляется къ совершенству, и какъ писатель царствованія Александра I. Замѣтка о просвѣщенныхъ земледѣльцахъ (по поводу заведенія сельскихъ школъ) полнѣе выговорена въ апологической статьѣ: «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» (Аглая, кн. 1). Въ заключеніи этой статьи Карамзинъ обращается къ главной, постоянно руководившей его мысли: «Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ—просвѣщеніе!... Когда свѣтъ ученія озаритъ всю землю, тогда, можетъ быть, настанетъ златой вѣкъ поэтовъ, вѣкъ благонравія,—и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ». (Писано 1793 г.).

[19]) «О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ». Съ эпиграфомъ: «Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ» (Псал. 138, ст. 4). Записка эта сочинена въ началѣ 1811 г. по настоятельному желанію в. к. Екатерины Павловны, и ею вручена государю въ томъ же году.

Главный предметъ ея—первое десятилѣтіе царствованія Александра I. Исторія Россіи до начала XIX вѣка изложена въ краткомъ, но рѣзкомъ очеркѣ, сколько было нужно для сужденія о главномъ предметѣ. «Настоящее бываетъслѣдствіемъ прошедшаго» (такъ приступаетъ авторъ къ своему изложенію): «чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется, и въ связи представляется мыслямъ яснѣе». Г. Корфъ, въ Біографіи Сперанскаго, опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ значеніе второй, главной части Записки: «Записка Карамзина имѣетъ для насъ, потомковъ, болѣе историческую цѣну, вовсе не по внутреннему ея достоинству и не по краснорѣчивому изложенію въ ней индивидуальныхъ его мыслей, но какъ искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя. Карамзинъ, гораздо болѣе литераторъ, нежели человѣкъ государственный или вообще политическій, говорилъ здѣсь, разумѣется не одно свое. Если современная ему публика нашла въ его Запискѣ свое собственное темное неудовольствіе, облеченное въ форму изящной рѣчи, то нѣтъ сомнѣнія, что, взаимно, и та среда, въ которой онъ жилъ, не могла остаться безъ широкаго на него вліянія. Въ этомъ смыслѣ «Записка» представляетъ собою общій, такъ сказать, итогъ тогдашней консервативной оппозиціи и тѣхъ массъ, которыя, обветшавъ, требовали обновленія». Мнѣніе Записки о Петрѣ не только отступаетъ отъ прежнихъ взглядовъ Карамзина на реформу Россіи, высказанныхъ въ Письмахъ рус. путеш. (Соч. Кар., изд. Смирдина, 1848, т. 2, стр. 512 — 516), но становится въ совершенную съ ними противоположность. Оно сходится съ понятіями Болтина, Екатерины II и кн. Дашковой. Въ разговорѣ съ Кауницемъ, Дашкова оспаривала мнѣніе этого австрійскаго министра, будто Россія обязана единственно Петру I своимъ политическимъ бытіемъ.

[20]) Въ Вѣст. Евр., 1803 г., №№ 1, 2, 3, помѣщена историческая повѣсть Карамзина: «Мароа Посадница или покореніе Новагорода». Взглядъ на событіе, выраженное въ предисловіи, любопытно сопоставить съ разсужденіями историка: «Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область новогородскую къ своей державѣ: хвала ему! Однакожъ сопротивленіе новогородцевъ не есть бунтъ какихъ нибудь якобинцевъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими великими князьями, напримѣръ Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы... Кажется, что старинный авторъ сей повѣсти (а) и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь новогородская явно играетъ въ немъ». Въ параллель съ этимъ мѣстомъ идутъ слова историка: »Хотя сердцу человѣческому свойственно», и пр. Сентенція: «Республика держится добродѣтелію и безъ нея упадаетъ», повторяетъ слова Монтескье изъ его Духа законовъ (кн. 3: Des principes des gouvernements).

а) «Случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и сказокъ». *Прим. К—на.*

II.

И. И. ДМИТРІЕВЪ (1).

А. ПѢСНИ.

а) Стонетъ сизый голубочекъ... (1792).

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ... на-вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ—
Но... увы, прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

б) Ахъ! когда бъ я прежде знала.. (1792) (2).

Ахъ! когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды:
Веселясь бы не встрѣчала
Полуночныя звѣзды!
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотаго я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра (а)
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила...
Научите не любить.

в) Всѣхъ цвѣточковъ болѣ (1792).

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

а) Эта пѣсня есть точное подражаніе старинной простонародной пѣснѣ.
Дмитріевъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла—
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ!...

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

В. РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА (1795) (а).

Гремитъ!.... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми (б) съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И... исчезаю предъ Тобой!
Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу!

Ты дхнешь, и двигнешь океаны!
Речешь, и вспять они текутъ!
А мы... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

а) Подражаніе стихотворенію Гете: «Границы человѣчества» (Die Grenze der Menschheit).

б) Выраженіе, взятое изъ пророка Даніила (VII, 9).

В. САТИРА: ЧУЖОЙ ТОЛКЪ (1795) (*).

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку (в), Рамлеру (г) и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь—

а) Горацій Флаккъ.

в) Нѣмец. стихотворецъ († 1798), переводчикъ Гораціевыхъ одъ и самъ писавшій оды.

*

Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ (4)!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды (5),
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда,—короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: «зари багряны персты»,
И «райскій кринъ», и «Фебъ», и «небеса отверсты»!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ».

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,—
Какой-то аристархъ съ нимъ началъ разговоръ.

«На это», онъ сказалъ, «есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.

Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—лейбгвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ, — народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ—било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону (а),
А тутъ и ночь... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На-завтра, лишь глаза откроетъ—ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю (б),
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!
Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не съ-высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю—и, право, не солгу—
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,

а) Бывшій содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскарадовъ.

б) Петербургскій портной.

Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель (а),
И книжный магазинъ и лавочки(6) полны.
«Мы съ риөмами на свѣтъ», онъ мыслилъ, «рождены:
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться—
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосөенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не учась, ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риөмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: «Ода!»
Потомъ въ одинъ присѣстъ: «такого дня и года!»
Тутъ какъ?... «Пою!». Иль нѣтъ, ужъ это старина!
Нелучше ль: «Даждь мнѣ, Фебъ»!...
Иль такъ: «Не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!»
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риөму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
Съ Румянцевымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ—
Неловко что-то все. Да просто напишу:
«Ликуй, герой! ликуй, герой, ты!» возглашу.
Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надобенъ восторгъ(7)!
Скажу: «Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горнія свѣта
И то, и то»... А тамъ?... извѣстно: «многи лѣта!»
Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ (б).

а) Петербургскіе журналы.

б) Подражаніе 1-й сатирѣ Персія на плохихъ писателей. Латинскій сатирикъ также говоритъ о сочиненіяхъ, кото-

Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою Екатеринин вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ не поэтъ!»
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ. Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

Г. СКАЗКА: ПРИЧУДНИЦА. (1795). ([a]).

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна—
Не знаю подлинно, при коемъ государѣ,
А только слышалъ я, что русскіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но, слѣдуя нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ,
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Съ домашнимъ другомъ, иль одна,
И на качеляхъ быть въ день свѣтла воскресенья,
И въ кукольный театръ отъ скуки завернуть—
И въ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть—
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрана процвѣтала.
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой, тесовый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она—однакожъ меньше знали.
Вѣтрана куколкой всегда разряжена
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,

рымъ суждено служить оберткой рыбы-макрели.

То дугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна Вѣтрана лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляска, ни забавы,
Ни самая любовь—вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы!—
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
«Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ ужасть (a) неразлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива».
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ:
Родня и другъ ее забылъ;
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже,рѣже;
Осталась наконецъ лишь съ гордостью одной.
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,

a) Слово употребительное и понынѣ въ губерніяхъ. *Дмитріевъ.*

Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ Вѣтрана съ ней сначала ну зѣвать,
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью;—а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки.
О если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку, мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи:
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня?
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!

Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ какъ вкопаный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь.... еще тому не вѣрилъ.
О если бы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску...
Но, ахъ, тебя ужъ нѣтъ, и быль идетъ за сказку.
Простите! виноватъ! немного отступилъ,
Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
Однако я клянусь моимъ пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ.
И такъ дослушайте жъ. Однажды вечеркомъ
Сидитъ, облокотясь, Вѣтрана подъ окномъ
И, возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Грустить и думаетъ: «Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ,
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ, если бы она хоть глазки показала!»
И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда ей предстала.
Здорово, дитятко! Вѣтранѣ говоритъ:
Какъ поживаешь ты?... Но что твой кажетъ видъ?
Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И,бывши розою,какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся...—«Матушка», отвѣтсвуетъ она:
«Я жизнь мою во скукѣ трачу:
Настанетъ день,—тоскую,плачу,
Покроетъ ночь—опять грущу,
И все чего-то я ищу.»
—Чего же, свѣтикъ мой? или ты нездорова?—
«О! нѣтъ, грѣшно сказать».—Иль домъ вашъ небогатъ?—
«Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ».—
Иль мужъ обычая лихаго?—
«Напротивъ, врядъ найти другаго,
Который бы жену столь горячо любилъ».—
Иль онъ не нравится?—«Нѣтъ, онъ довольно милъ».—
Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна?—

«Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна».
Чего же, глупенька, тебѣ недостаетъ?—
«Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтобъ какъ нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель;
Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ,
Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ былъ, какъ небылицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!»
Старуха хитрая, кивая головой,
Что̀ дѣлать, мыслила, мнѣ съ просьбою такой?
Желанье дерзко, безразсудно,
То правда, но его исполнить мнѣ нетрудно;
Зачѣмъ же дурочку отказомъ огорчить!...
Къ тому жъ, я тѣмъ могу ее и поучить.
Изрядно! наконецъ сказала:
Исполнится, какъ ты желала.—
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный!
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ или янтарны, иль топазны.
Каковъ же феинъ былъ дворецъ—признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы
(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ),
Изъ коихъ феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ—лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристалъ,
Жемчугъ и лалъ.
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты русски оды;
А садъ—повѣрите ль?—не только описать
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать.
Пожалуй, выдумать нетрудно:
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много-много что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Сарское село себѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше этотъ трудъ оставить
И далѣ продолжать. Вѣтрана, николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,

Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней играетъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ лучами,
Которые бъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей слѣпитъ Вѣтранинъ взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней или фарфоръ...
Ахти! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
Но быть ужъ такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоритъ: не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,
Даю во власть твою: сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время—
Вѣдь у меня заботъ беремя—
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда—въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану.—
Тутъ коврикъ-самолетъ она подостлала,
Ступила, свистнула, и вмигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная Вѣтрана,
Какъ новая Діана,
Осталась между нимфъ, исполненныхъ заразъ;
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали и за столъ роскошный посадили,
Какого и видомъ не видано у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты... мила,
Поджавши руки, вкругъ стола
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ, она едва задумала вставать,
Вдругъ — дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ, изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычекъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;

Смычекъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтраною уснулъ.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,
Слiянный съ сладостнымъ журчанiемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: «проснись, проснись, счастливая Вѣтрана!»
Она проснулася — и спальная ужъ садъ,
Жилище райское веселiй и прохладъ!
Повсюду чудеса Вѣтрана обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза расцвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубые
Со эхомъ въ запуски твердятъ:
«Вѣтрана! насыщай свой взглядъ?»
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина,
И съ сводомъ въ видѣ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такою жъ пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ Вѣтраной очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать
И пѣнiе, какимъ гордился бъ Амфiонъ,
Тѣхъ нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
«По-чести, это рай! Ну, если бы теперь»,
Вѣтрана думаетъ, «подкрался въ эту дверь....»
И, слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула—
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не кстати;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечернiй столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращенiй
И новыхъ восхищенiй;
А на другой день тожъ.—«Но что это за мiръ?»
Вѣтрана говоритъ, гармонiи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ:

«Все этакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу!
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь».
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная Вѣтрана,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ—
И гдѣ жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждать, когда луны забрежжетъ блѣдный свѣтъ?
Но это часъ воровъ! И такъ она рѣшилась,
Не мѣшкая, идти; и такъ перекрестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: «куку»!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
То слышится «ау»; то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конскій топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы отдавалъ;
Не даромъ и Вѣтрана плачетъ.
Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ иль неволѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ!...
Кто ты? нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ.

Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку
И поперекъ кладетъ сѣдла,
А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, исполненный отваги,
И, Клязьмы доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ словъ;
Вѣтрана жъ: ахъ!... и пробудилась.—
Представьте, какъ она, взглянувши, удивилась!
Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходскій попъ молился и читалъ,
Въ другомъ углу колдунъ досужій бормоталъ (а);
У шкафа жъ за столомъ, вощанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ нѣмчинъ,
Который по Москвѣ считался знаменитымъ,
За тѣмъ что былъ одинъ.
И все собраніе, Вѣтраны съ первымъ взоромъ:
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась!—и весь дворъ
Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!
Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь!
А въ эту самую тревогу
Вошла Всевѣда въ дверь
И бросилась къ Вѣтранѣ.
«Ахъ, бабушка! зачѣмъ явилась ты не ранѣ?»
Вѣтрана говоритъ! «гдѣ это я была?
И что я видѣла?... страхъ... ужасъ!»—Ты спала,
А видѣла лишь бредъ, Всевѣда отвѣчаетъ:
Прости! развеселясь, старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
А для того, когда ты съ просьбой приступила,
Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы всегда, чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и счастлива.—
Съ симъ словомъ бросилась Вѣтрана обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую Всевѣду;

а) Въ старину ихъ называли досужими. См. Ядро рос. исторіи, кн. Хилкова. *Дмитріевъ.*

Потомъ всѣ сродники приглашены
къ обѣду:
Наѣхали, нашли и сѣли пировать.
Ужъ липецъ зашипѣлъ: все стало
веселѣе,
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь
на бокалъ:
«Что матушки Москвы и краше и
милѣе?»
На силу досказалъ.

Д. БАСНИ.

а) *Мышь, удалившаяся отъ свѣта* (а).

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда
у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ
И скрылась отъ него въ глубокую
пещеру—
Въ голландскій сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая
вѣру.
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами (б)
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ
запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь
трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче: на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды предъ нее явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ
дворовъ
Противу кошачья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ
держалъ.
«Всеобща бѣдность и невзгода»—
Посольство говоритъ—«причиною,
что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ: и для того
посмѣли
Зайти къ тебѣ и бить челомъ
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ».
Затворница на то, съ душевнымъ
состраданьемъ,
И лапки положа на грудь свою
крестомъ:
Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала,
Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и
день и ночь
Молить Его за васъ готова.—
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе
ни слова.

а) Изъ Лафонтена: Le Rat qui s'est retiré du monde.

б) Этотъ стихъ съ предъидущимъ (*ногами*) составляетъ, по настоящему, одинъ ямбическій трехстопный стихъ.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на
эту Мышь?
Монахъ? — Избави Богъ и думать?... Нѣтъ, дервишъ.

б) Лиса проповѣдница (а).

Разбитая параличемъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая
умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ
мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла
И проповѣдывать въ пустыню перешла.
Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью,
правотѣ,
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій, и всего на проповѣдь
сбиралось
Пять-шесть на перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да
Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей,
безъ подпоръ:
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но Лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и
Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Что жъ? слушателей тьма стекласяся,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самаго царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы Львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною
скотиной
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.
«Послушаемъ Лису»! Левъ молвилъ: «что за диво?»
За словомъ въ слѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели нелживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена и проповѣдь сказала.
Какую жъ проповѣдь? Изъ кожи
лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала;
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ
бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко
говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что царь Лису изволилъ
похвалить.
Какъ новость, иногда и правда
намъ по нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ
честь и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
«Тобой я истину познала
И болѣ прежняго гнушаться сталъ
пороковъ;

а) Изъ Флоріановыхъ басенъ: Le Renard qui prêche.

Чего жъ ты требуешь во мзду
твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и
стыда:
Я твой должникъ». Лиса, глядь,
глядь; туда-сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя
улику:
Всещедрый царь-отецъ!
Отвѣтствовала Льву съ запинкой
наконецъ:
Индѣекъ... малую толику.

[1]) Сочиненія и переводы Ивана Ивановича Дмитріева (1760 — 1837) имѣли шесть изданій. Первое, подъ названіемъ: «И мои бездѣлки» (а), съ эпиграфомъ изъ Лафонтена: «C'est là tout mon talent, je ne sais s'il suffit» нап. 1795 г. Второе: «Сочиненія и переводы И. Дмитріева», 3 ч., съ эпиграфомъ: «il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri», вышло 1803—1805 г. (б); третье, въ 4 ч., 1810; четвертое, въ 3 ч., 1814; пятое, исправленное и *умноженное*, въ 3 ч., 1818; шестое, исправленное и *уменьшенное*, въ 2 ч., 1823, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ «отъ автора» и «Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева» соч. кн. П. А. Вяземскаго (в). «Приступая на старости лѣтъ къ новому изданію стиховъ моихъ (говоритъ авторъ), я могъ думать, что оно будетъ послѣднимъ при моей жизни. Эта мысль рѣшила меня перечитать все, мною изданное, съ возможнымъ хладнокровіемъ, потомъ многое исключить изъ новаго изданія, въ томъ числѣ и 19 басенъ. Изъ прочихъ же стиховъ старался нѣкоторые, сколько умѣлъ, исправить, и такимъ образомъ прежніе три тома приведены въ два томика». Съ исторической точки зрѣнія надобно пожалѣть о такомъ строгомъ пуризмѣ: полное собраніе сочиненій Дмитріева, бывшаго въ свое время «первымъ версификаторомъ», дало бы вѣрное понятіе о движеніи нашего стихотворства въ теченіе 20 лѣтъ (1790—1810). По немъ въ особенности было бы можно судить о характерѣ такъ называемой легкой поэзіи, заимствованной нами у французовъ, которые называютъ этотъ родъ стихотвореній—poésies fugitives. Дмитріевъ написалъ много подобныхъ піесъ.

[2]) Въ Моск. Журн. 1792, № 9, эта піеса названа: «Бабушкина пѣсня», а въ Бездѣлкахъ: «Старинная пѣсня». Дмитріевъ заблуждался, говоря, что она есть точное подражаніе простонародной пѣснѣ. Слова «ярый воскъ» не доказываютъ еще народности, у которой есть, кромѣ особеннаго способа выраженія, свой образъ мыслей и чувствъ, чего піеса Дмитріева вовсе не представляетъ. Впрочемъ, не смотря на отсутствіе народнаго содержанія, языка и тона, пѣсни Дмитріева имѣли въ свое время чрезвычайный успѣхъ.

[3]) Одна изъ лучшихъ сатиръ, направленная противъ торжественныхъ одъ, которыя расплодились въ нашей

а) Въ подражаніе Карамзину, который издалъ «Мои бездѣлки (1794)—сборникъ его стихотвореній, помѣщенныхъ въ Московскомъ Журналѣ.

б) Въ выходномъ листѣ не означено изданія, но П. Макаровъ, въ разборѣ сочиненій Дмитріева, ясно говоритъ: нынѣ (1803 г.) таже книга (т. е. «И мои бездѣлки») напечатана съ прибавленіемъ новыхъ піесъ (Москов. Меркурій, 1803 г.).

в) Кн. Вяземскій ошибся, сказавъ, въ «Извѣстіи», что отъ 1795 до 1818 разошлось *шесть* изданій стихотвореній Дмитріева. Не шесть, а пять. Шестое вышло въ 1823 г.

литературѣ со времень Ломоносова и давно уже подвергались насмѣшкамъ. Авторъ назвалъ ее «Чужимъ толкомъ», т. е. такимъ сужденіемъ, которое произноситъ не онъ самъ, а старикъ и какой-то аристархъ.

[4]) Ложно-классическая піитика опредѣляла съ точностію, какъ сочинять оду: сколько въ ней должно быть частей, съ чего ее начинать, чѣмъ оканчивать. Одѣ вмѣнялось въ обязанность имѣть приступъ, предложеніе, уклоненія и отступленія, такъ называемый лирическій безпорядокъ, заключеніе... Написанная по условнымъ правиламъ, она выходила искусственною и безжизненною, обращалась какъ бы въ разсужденіе или проповѣдь.

[5]) При этомъ стихѣ Дмитріевъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Строгій старикъ, конечно, имѣлъ въ виду не всѣ, а нѣкоторыя только оды; но читатели и безъ сего замѣчанія должны быть увѣрены, что произведенія Хераскова, Державина, Петрова не въ числѣ оныхъ». Впрочемъ, нѣкоторыя оды Петрова подходятъ подъ замѣчанія строгаго старика. Что Дмитріевъ называлъ реляціей въ стихахъ, тому примѣры представляются сплошь и рядомъ. Такъ въ Одѣ Екатеринѣ II на заключеніе мира съ Швеціею 1790 г. исчислены различные образы смертей:

Иной, какъ бомба, къ верху вскинутъ
(Различны образы тамъ тратъ);
Другой съ вершины вихремъ сринутъ
На мель, на камень, въ водовратъ;
Одни, въ подобьи вранья стада,
Ища сквозь зѣвъ прорваться ада,
Падутъ въ лету ко тѣнямъ въ мракъ;
Другіе, близки мщенья жертвы,
Пловутъ въ ладьѣ, какъ въ гробѣ мертвы:
Отъ страха искаженъ ихъ зракъ.

Здѣсь же читатель встрѣчаетъ выраженіе обычнаго восторга: «я вижу небеса отверсты». «Творенія» Иринарха Завалишина, капитана сухопутнаго кадетскаго корпуса, а потомъ подполковника фанагорійскаго гренадерскаго полка: «Героида-поэма (1795)» и «Сувороида» (1796) исполнены реляціонныхъ мѣстъ. Авторъ удерживаетъ даже военные термины, которые долженъ былъ объяснять въ примѣчаніяхъ; наприм.:

Владыки гордые, народы, всѣ внемлите,
Вы участь Прагскую, бой Бржестскій вспомяните.
. . . .
Противъ Суворова побѣдъ не ожидайте:
Оплоты, крѣпости, полки предъ нимъ всѣ тлѣнъ.
На твердость уповать брегитесь толстыхъ стѣнъ.
Ни рвы глубокіе, ни остры *палисады*,
Ниже усыпаны *штурмфалами* ограды,
Ни самый подъ землей *въ фугасахъ* скрытый ядъ
Не можетъ удержать полночныхъ грозныхъ чадъ.

[6]) Большая часть стихотвореній въ журналахъ: «Зритель», И. Крылова (1792) и «С. п. бургскій Меркурій», И. Крылова и А. Клушина (1793), принадлежатъ Клушину, И. Мартынову и А. Бухарскому. Двое первыхъ писали не въ томъ родѣ, который осмѣивается «Чужимъ толкомъ», и потому слова Дмитріева предположительно отношу къ послѣднему. Въ числѣ многихъ сочиненій Бухарскаго есть торжественныя оды, которыя не обходятся безъ «казенныхъ лирическихъ выраженій». Одна изъ нихъ, по случаю тезоименитства Екатерины II (24 ноября 1788), содержитъ въ себѣ слѣдующіе стихи:

Какимъ я жаромъ воспалился!
Отверзлись умны очеса:
Се вѣчности храмъ растворился,
Въ немъ міра вижду чудеса, и пр.

Другая «на взятіе Очакова» (1788) начинается такимъ образомъ:

Какій восторгъ мой духъ объемлетъ!
Какій ліется въ мысли свѣтъ!

Какіе громы слухъ мой внемлетъ?
Что музу къ подвигу влечетъ?

⁷) Какъ плодъ вдохновенія, ода не можетъ подчиняться строго-логическому порядку; движеніе чувства совершается по особеннымъ законамъ, имѣетъ свою собственную логику. Изъ непонятаго различія между развитіемъ мысли и движеніями сердца произошло ученіе о такъ называемомъ «лирическомъ безпорядкѣ», который состоялъ въ намѣренномъ разрывѣ цѣпи ощущеній, въ искусственныхъ переходахъ отъ одного предмета къ другому, выражаемыхъ по преимуществу фигурами вопрошенія и восклицанія, на прим.: «но что я зрю!» «какое зрѣлище предстало?» и т. п. Фигуры эти обратились въ общія мѣста, равно какъ и поэтическіе образы греческой миѳологіи, посредствомъ которыхъ многоразличные предметы являлись въ одномъ и томъ же образѣ, конкретное становилось отвлеченностью, противоположною существу поэзіи.

⁸) «Предваряю читателя (замѣчаетъ здѣсь авторъ въ выноскѣ), что эта сказка родилась отъ Вольтеровой сказки: La Bégueule. Лучше признаться, пока не уличили». Дмитріевъ передѣлалъ ее на русскій ладъ, вставивъ въ свою передѣлку даже нѣсколько народныхъ словъ: ужасть, за тридевять земель, иль въ сказкѣ разсказать, коврикъ-самолетъ, видомъ не видано, досужій колдунъ. Замѣчательно, что эти слова напечатаны курсивомъ, какъ нѣчто особенное или случайно зашедшее въ піесу, и что въ послѣднемъ изданіи сочиненій нѣкоторыя черты народности или сглажены, или совсѣмъ исключены. Описывая дворецъ, садъ и другія чудеса столицы волшебницы Всевѣды, Дмитріевъ подражалъ «Душенькѣ».

III.

КАМЕНЕВЪ (¹).

А. ГРОМВАЛЪ, БАЛЛАДА (1802). (²).

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность временъ,
Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы калены въ колчанѣ звучатъ;
Онъ по чистому полю несется какъ вихрь,
Въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьемъ.

Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ;
Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.

*

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится съ закату на черныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дубрава шумитъ,
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещатъ.

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя:
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозь вѣтви деревъ,
То блеснетъ, то померкнетъ вдали огонекъ.

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
Ѣхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь пріѣзжаетъ на берегъ ручья,
И вдругъ — видитъ онъ замокъ вблизи предъ собой.

Синее пламя изъ замка блеститъ,
Свѣтъ отражая съ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ и впередъ;
Завыванія, стоны въ немъ глухо ревутъ.

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой,
Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьемъ,
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутрь замка огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;
Завыванія, стоны утихли, молчатъ,
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
Рушится твердость желѣзныхъ воротъ:
Отлетѣли запоры, скрипятъ вереи,
И во внутренность входитъ безстрашный Громвалъ.

Мечъ обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо онъ въ замокъ идетъ.
Тишина распростерта и мрачность вездѣ,
Лишь сквозь окна и щели вихрь бурный свиститъ.

Витязь въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
«Хищный волшебникъ, коварный Зломаръ!
Ты Громвала принудилъ по свѣту бродить,
Ты похитилъ Рогнеду, подругу его!

Многія царства и земли прошелъ,
Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
Великановъ сразилъ я могучей рукой;
Но Рогнеды любезной еще не нашелъ!

Гдѣ обитаешь ты, лютый Зломаръ?
Въ дебряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ, въ лѣсахъ,
Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинѣ ль морской
Укрываешь ее ты отъ взоровъ моихъ?

Если найду я жилище твое,
Злобный волшебникъ, лихой чародѣй,
Извлеку изъ неволи Рогнеду мою,

Вырву черное сердце изъ груди твоей!»

Витязь, умолкнувъ, почувствовалъ сонъ;
Одръ ему стелютъ усталость и ночь.
Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ, въ шишакѣ
Прикорнувъ, засыпаетъ глубокимъ онъ сномъ.

Тучи промчались и вихрь замолчалъ,
Звѣзды потухли, алѣетъ востокъ;
Пробудилась денница, Зимцерла цвѣтетъ
Какъ румяная роза — Громвалъ еще спитъ.

Катится солнце по своду небесъ,
Блещетъ съ полудня каленымъ лучемъ,
И по соснамъ слезится смола сквозь кору;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночи предтеча со смуглымъ челомъ
Смотритъ съ востока на лѣсъ, на луга,
Окропляетъ изъ урны росой мураву;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночь, съ кипариснымъ вѣнкомъ на главѣ,
Въ ризѣ, сотканной изъ мрака и звѣздъ,
По ступенямъ, нахмурясь, на тронъ свой идетъ;
А Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводѣ небесъ,
Мрачность густѣетъ, настала полночь:
Богатырь, воспрянувши отъ крѣпкаго сна,
Изумился, не видя румяной зари!

Вдругъ затрещало по замку какъ громъ,
Стѣны трясутся, окошки звенятъ,
И, какъ молнія быстро блистаетъ во тьмѣ,
Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

Громко всѣ двери стучатъ, отворясь:
Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,
Появляются тѣни—за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили гробъ,
Крышка слетѣла мгновенно съ него,
И волшебникъ Зломаръ—ужасающій видъ!—
Бездыханенъ лежалъ въ немъ, открывши глаза.

Полъ разступился, и адскій огонь
Съ вихремъ трескучимъ и съ громомъ летитъ,
Охвативъ гробъ желѣзный, какъ жаръ раскалилъ;
Застоналъ стономъ тяжкимъ геенны Зломаръ.

Въ дикихъ, свирѣпыхъ, кровавыхъ глазахъ
Ужасъ начертанъ, отчаянье, скорбь;

Изо рта пѣна черная клубомъ кипитъ:
Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ, чародѣй.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркаютъ, воютъ, хохочутъ, свистятъ;
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуясь, они
Пляшутъ адскую пляску вкругъ гроба его.

Въ страшныхъ забавахъ проходитъ полночь:
Вопли ихъ, клики ужаснѣй гремятъ.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
Исчезаютъ вмигъ духи, скелеты и гробъ.

Тьма, какъ въ могилѣ, повсюду покой!
Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
Удивляется чуду смущенный Громвалъ;
Изумившись, не вѣритъ себѣ самому.

Вдругъ раздалася волшебна свирѣль,
Арфы внезапный послышался звукъ,
Растворился сводъ залы, и розовый лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ паровъ
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
И въ поднебесьѣ лебедь спокойно плыла,
Опускается тихо волшебница въ залъ.

Чище лилеи одежда ея,
Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горитъ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ веселость сіяетъ у ней во очахъ.

Гласомъ пріятнымъ Добрада рекла:
«Рыцарь печальный, покорствуй судьбѣ!
Знай: Зломара не стало; судьба навсегда
Ужъ очистила свѣтъ отъ злодѣя сего.

Въ адскую пропасть низверженъ на-вѣкъ,
Челюсть геенны его пожрала;
Съ клокотаніемъ лавы и съ ревомъ огня,
Вой и стонъ его бездна лишь будемъ внимать.

Смерть, преступивши природы законъ,
Чувствъ не лишила волшебниковъ трупъ:
Развращенныхъ имъ тѣни погибшихъ людей
Каждоночно здѣсь въ замкѣ терзаютъ его.

Рыцарь! спѣши ты къ Рогнедѣ своей:
Къ югу за лѣсомъ, въ песчанныхъ степяхъ,

Тамъ Зломарова замка въ темницѣ стальной
Два крылатыхъ Зиланта ее стерегутъ.

Рогъ сей волшебный прими отъ меня,
Челюсть чудовищъ онъ силенъ сомкнуть;
Но внимай! ты не можешь Рогнеду спасти,
Не проливъ ея крови: судьбы такъ велятъ».

Струны волшебны вторично звучатъ,
Облако къ верху съ Добрадой летитъ;
Пораженный сей рѣчью Громвалъ внѣ себя,
Истукану подобенъ, въ слѣдъ смотритъ за ней.

Рогъ изумрудный держащій въ рукѣ,
Съ горькой досадой вскричалъ богатырь:
«Вѣроломной волшебницы пагубный даръ!
Ты убійствомъ Рогнеды мнѣ счастье сулишь!

«Нѣтъ! трепещу я отъ мысли одной,—
Сердце изъ груди ей въ жертву летитъ;
Но, Громвалъ, повинуйся глаголу судьбы,
Чародѣйство Зломара спѣши истребить.

Если не можешь Рогнеду спасти,
Замокъ разрушить, Зилантовъ сразить, —
Богатырскую кровь ты пролей за нее
И геройскою смертью любовь увѣнчай?»

Красное утро блестящимъ лучемъ
Сосенъ столѣтнихъ верхи золотитъ;
Обращая на полдень коня своего,
Оставляетъ нашъ витязь и замокъ и лѣсъ.

Дебри, утесы, стремнины, хребты
Стонутъ отъ тяжкихъ ударовъ копытъ:
Пыль, густая какъ туча, крутяся столбомъ,
По поднебесью вьется, гдѣ скачетъ Громвалъ.

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
Выѣхалъ рыцарь въ обширную степь:
Открывается взорамъ песка океанъ,
Вдали будто бы съ небомъ сливается онъ.

Вѣтръ не волнуетъ сыпучую зыбь,
Дышитъ тлетворнымъ дыханіемъ зной.
Ни кусты не шумятъ, не журчатъ ручейки,
Какъ въ полночь на кладбищѣ, все ноетъ, молчитъ.

Въ дикой пустынѣ, въ сихъ страшныхъ поляхъ
Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ.
Лишь къ востоку примѣтна крутая гора,
И на ней крѣпкій замокъ чернѣетъ въ дали:

Съ жаждой и зноемъ сражаясь три дня,
Смерти препоны расторгъ богатырь;
На конѣ утомленномъ, въ кровавомъ поту,
Подъѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ горы.

Въ скользкихъ стремнинахъ нависнувшихъ скалъ,
Страшно грозящихъ низринуться въ долъ,
Обрываясь надъ бездной по узкой тропѣ,
Достигаетъ вершины и замка Громвалъ.

Силой геенны и адскихъ духовъ
Мрачный сей замокъ построилъ Зломаръ.
Взгроможденныя башни на черныхъ скалахъ
Предвѣщаютъ погибель и лютую смерть.

Въ сердцѣ съ Рогнедой, съ геройствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣпой подобный, Громвалъ
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ вереи,
Въ замокъ страшный вступаетъ съ булатнымъ мечемъ.

Грозно идетъ онъ,—подъ крѣпкой пятой
Мертвыя кости, черепья хрустятъ;
Враны, птицы ночныя и нетопыри
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ стѣнъ.

Облакомъ вьются надъ замкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасный ихъ крикъ;
И Зиланты, послышавъ Громваловъ приходъ,
Испускаютъ вой, свисты и крыльями бьютъ,

Челюсть разинувъ, летятъ на него:
Копьями жала торчатъ изъ пастей;
Чешуею брянчатъ, извивая хвосты,
Выпускаютъ погибельны когти изъ лапъ.

Въ рогъ изумрудный трубитъ богатырь,
Звукъ оглушилъ ихъ: какъ камни падутъ;
Подсѣкаются крылья, сомкнулся ихъ зѣвъ:
Погрузившись въ сонъ смертный, горами лежатъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнять;
Но огромная дверь растворяется вдругъ.—
И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ исполинъ.

Грозные взгляды—кометы во тьмѣ;
Мѣдь на немъ—панцырь, свинецъ—булава.
Сѣрый мохъ по болоту—брада у него,
Черный лѣсъ послѣ бури—власы на челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
Прямо въ Громвала пустилъ исполинъ,

Поражаетъ его по буйной головѣ;
Содрогается эхо, по замку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ куски,
Сыплются искры изъ темныхъ очей,
Булава отъ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ, какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ заблисталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разитъ:
Разлетѣлась бы крѣпкая въ дребезги мѣдь,
Но скользитъ лезвіе по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомъ реветъ великанъ,
Пламенемъ пышетъ, отъ злости дрожитъ;
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ когтяхъ задушить.

Смерть неизбѣжна, погибель близка,
Страшныя длани касаются латъ;
Но Громвалъ, ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потряхнувши, повергъ, опрокинулъ его.

Башнѣ подобно громыхнулъ гигантъ,
Звукомъ ужаснымъ весь замокъ потрясъ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы;
Онъ упалъ и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Громвалъ,
По булату зубами скрипитъ великанъ,
Возревѣлъ, застоналъ и въ изгибы свился.

Черная пѣна, багровая кровь
Хлещетъ, клубится изъ пасти его;
Разъяренный мученьемъ, со смертью борясь,
Роетъ землю ногами, трепещетъ, хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
Пучится, бродитъ гигантова кровь;
Поднявшись облачкомъ, легкій паръ отъ нея
Образуетъ Рогнеды прекрасной черты:

Розы въ ланитахъ и прелесть въ очахъ,
Алыя губы манятъ поцѣлуй;
По плечамъ разстилаясь какъ бархатъ, власы
Осѣняютъ ея лебединую грудь.

Чуду такому дивится Громвалъ:
Призракъ ли видитъ, или существо?
Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
Не мечту, но Рогнеду онъ къ персямъ прижалъ.

Страстнымъ восторгомъ исполнясь, Громвалъ,
Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщалъ:
Долго, долго искалъ я, Рогнеда, тебя

И по бѣлому свѣту скиталася, какъ тѣнь!»

Тяжко вздохнувши, сказала она:
«Лютый волшебникъ, коварный Зломаръ,
Раздраженный презрѣнною страстью своей,
Въ чародѣйскій сей замокъ меня перенесъ.

Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
Памяти чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,
Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была».

За руку взявши Рогнеду, Громвалъ
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши ее на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Замокъ объемлетъ глубокая тьма;
Громы во мракѣ свирѣпо ревутъ;
Бурны вихри завыли, сорвавшись съ цѣпей;
Затрещали кремнистыя ребра горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля;
Рухнули башни въ бездонную пасть;
Ниспроверглись Зиланты, темница, гигантъ:
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громвалъ.

Б. ПИСЬМА.

1800, октября 10.

Въ прошедшемъ письмѣ я обѣщалъ сообщить подробности визита моего у г. Карамзина. Вотъ онѣ. Въ половинѣ 12-го часа, съ старшимъ сыномъ (а) г. Тургенева поѣхали мы на Никольскую улицу и вошли въ нижній этажъ зелененькаго домика, гдѣ г. Карамзинъ нанимаетъ квартиру. Мы застали его съ Дмитріевымъ, читающаго 5-ю и 6-ю части его Путешествія, которыя теперь въ петербургской цензурѣ и скоро, вмѣстѣ съ Московскимъ Журналомъ, будутъ напечатаны. Увидѣвши насъ, Карамзинъ всталъ изъ волтеровскихъ креселъ, обитыхъ алымъ сафьяномъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и сказалъ, что Иванъ Владиміровичъ давно ему обо мнѣ говорилъ, что онъ любитъ знакомиться съ молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мнѣ ни слова вымолвить, спросилъ, не я ли присылалъ ему переводъ изъ Казани, и напечатанъ ли онъ. Я отвѣчалъ и на то, и на другое какъ можно короче. Послѣ сего начался разговоръ о книгахъ, и оба сочинителя спрашивали меня наперерывъ: какіе языки мнѣ извѣстны? гдѣ я учился? сколько времени? что переводилъ? что читалъ? и не писалъ ли чего стихами? Я отвѣчалъ, что перевелъ оду изъ

а) Андреемъ Ивановичемъ, другомъ Жуковскаго.

Клейста (а). Г. Дмитріевъ требовалъ наступательно, чтобы я нѣсколько строфъ прочелъ ему, утверждая, что онъ послѣднюю піесу, которую сочинялъ, всегда помнитъ наизусть. Но я имѣлъ на тотъ разъ такое отсутствіе духа, что не выговорилъ бы порядочно ни одного слова, и чѣмъ болѣе приступали, тѣмъ менѣе чувствовалъ въ себѣ способности ихъ удовольствовать (хотя всю оду наизусть помню), и наконецъ отказался слабостію памяти. Карамзинъ спросилъ Тургенева, перевелъ ли переписку Юнга съ Фонтенелемъ изъ Философіи природы, и начали говорить о сей книгѣ, которой сочинителя онъ не любитъ. Вотъ слова его: «Этотъ авторъ можетъ только нравится тому, кто имѣетъ *темную* любовь къ литературѣ. Опровергая мнѣніе другихъ, самъ не говоритъ ничего сноснаго; ожидаешь много, приготовишься,—и выйдетъ вздоръ. Нѣтъ плавности въ стилѣ, нѣтъ *зернистыхъ* мыслей, многое слабо, иное *плоско*, и онъ ничѣмъ не *брильируетъ*». Карамзинъ употребляетъ французскихъ словъ очень много: въ десяти русскихъ вѣрно есть одно французское. *Имажинація*, *сентименты*, *ourment*, *énergie*, *épithète*, *экспрессія*, *экселлировать*, и пр. повторяетъ очень часто. Стихи съ риѳмами называетъ *побѣжденною трудностію*; стихи бѣлые ему нравятся, но говоритъ, что если начнетъ писать, то заставитъ всѣхъ подражать себѣ. По его мнѣнію, русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи, а особливо съ риѳмами; что окончаніе стиховъ на глаголы ослабляетъ экспрессію. Перебирая людей, имѣющихъ въ Казани свои библіотеки, о васъ упомянулъ я и сказалъ, что вы трудитесь въ переводѣ Тасса. Да не стихами ли? спросилъ Дмитріевъ. Я отвѣчалъ, что прозою, съ перевода Лебрюнова (б), — и Карамзинъ призналъ этотъ переводъ за самый лучшій. Дмитріевъ хвалилъ Фонъ-Визина, Богдановича, но Карамзинъ былъ противнаго мнѣнія, и когда первый читалъ нѣсколько стиховъ изъ Поэмы на разрушеніе Лиссабона, переведенные, какъ онъ говоритъ, Богдановичемъ, то онъ критиковалъ стихи:

Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья...,

называя ихъ слабыми и пр. Онъ росту болѣе, нежели средняго, черноглазъ, носъ довольно великъ, румянецъ неровный и бакенбартъ густой. Говоритъ скоро, съ жаромъ, и перебираетъ всѣхъ строго. Сожалѣетъ, что не умѣлъ воспользоваться отъ своихъ сочиненій и называетъ ихъ своею *деревенькою*. Дмитріевъ росту высокаго, волосовъ на головѣ мало, косъ и худощавъ. Они живутъ очень дружно и обращаются про-

а) Вѣроятно «Желаніе спокойствія» въ 7-й ч. «Иппокрены» (1800).

б) Lebrun († 1824), переведшій прозою Освобожденный Іерусалимъ и Иліаду.

сто, хотя одинъ поручикъ, а другой генералъ-поручикъ. Прощаясь со мной, просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ.

Того же года и мѣсяца.

Третьяго дня я сдѣлалъ второй визитъ г. Карамзину и принятъ имъ столь же хорошо, какъ и въ первый. Сѣвши въ волтеровскія свои кресла, просилъ онъ меня, что бы я сѣлъ на диванъ, возвышенный не болѣе шести вершковъ отъ полу, гдѣ, какъ карла передъ гигантомъ, въ уничижительнѣйшемъ положеніи, имѣлъ удовольствіе съ часъ говорить съ нимъ. Г. Карамзинъ былъ въ совершенномъ дезабилье: бѣлый байковый сюртукъ, на распашку, и медвѣжьи большіе сапоги составляли его одежду. Говоря о новыхъ французскихъ авторахъ (которыхъ я очень мало знаю), совѣтовалъ мнѣ читать новѣйшіе романы, утверждая, что ничѣмъ не можно столь себя усовершенствовать въ истинѣ, какъ прилежнымъ чтеніемъ оныхъ. Совѣтовалъ мнѣ сочинять что-нибудь въ нынѣшнемъ вкусѣ и признавался, что, до изданія Московскаго Журнала, много бумаги имъ перемарано, и что не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо или посредственно. Журналъ его скоро выйдетъ новымъ тисненіемъ. — Комнаты его очень хорошо убраны, и на стѣнахъ много портретовъ французскихъ и италіянскихъ писателей: между ними замѣтилъ я Тасса, Метастазія, Франклина, Буфлёра, Дю-Пати и другихъ беллетристовъ. Сколь онъ ни добръ, сколь характеръ его ни кротокъ, но имѣетъ многихъ непріятелей, которые, изъ зависти, ему вредить стараются. Нѣкто сочинилъ на него слѣдующую глупую эпиграмму:

Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ,
Спесью сталъ выше, разумомъ ниже.

А на «Бездѣлки» его также кто-то сдѣлалъ стихи:

Собравъ свои творенья мелки,
Французъ, изъ Русскихъ, написалъ:
«Мои бездѣлки»,
А умъ, прочтя, сказалъ:
Немного дива,
Лишь надпись справедлива.

Г. Дмитріевъ, почитатель и другъ Карамзина, думая, что послѣдніе стихи сочинены Шатровымъ (а), отвѣчалъ на нихъ:

Коль разумъ чтить должны мы въ образѣ Шатрова,
Насъ, Боже, упаси отъ разума такова.

Того же года въ ноябрѣ.

На вопросъ мой г. Карамзину, гдѣ и какимъ образомъ усовершенствовалъ онъ себя въ россійскомъ языкѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующее: «Родившись въ деревнѣ, воспитывался я въ Симбирскѣ, ходилъ въ пансіонъ и читалъ много книгъ русскихъ. Пріѣхавши въ Москву, учился въ домѣ профессора Шадена нѣмецкому и фран-

а) Извѣстнымъ въ свое время перелагателемъ псалмовъ.

цузскому языкамъ. Началъ переводить, сочинять и, къ счастію, познакомился съ Петровымъ (молодымъ человѣкомъ, котораго подъ именемъ Агатона оплакивалъ). Онъ имѣлъ вкусъ моего свѣжѣе и чище; поправлялъ мои маранья, показывалъ красоты авторовъ, и я началъ чувствовать силу и нѣжность выраженій. Вознамѣрясь выдти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить стиль его *дикій*, *варварскій*, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ письмахъ Измайлова (а) замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно: онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ «Моихъ бездѣлокъ».

[1]) Каменевъ, Гаврила Петровичъ (1772—1803), сынъ купца, род. въ Казани, гдѣ получилъ образованіе въ частномъ пансіонѣ. Узнавъ основательно нѣмец. и франц. языки, посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ, хотя и служилъ нѣкоторое время по выборамъ купечества. По дѣламъ своимъ ѣздилъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Москву, гдѣ, какъ писатель, познакомился съ И. И. Тургеневымъ и его сыновьями (Андреемъ и Александромъ), Карамзинымъ и И. Дмитріевымъ. «Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ)», пишетъ онъ отъ 25 сентября 1800 г. къ своему другу, С. А. Москотильникову, «рекомендовалъ меня г. Тургеневу, подъ именемъ казанскаго негосіанта и литератора. Я принятъ былъ очень благосклонно, и г. директоръ университета (Тургеневъ) сказалъ мнѣ, что онъ за удовольствіе поставляетъ знать меня лично, хотя уже я, какъ ему, такъ и дѣтямъ его, давно по переводамъ извѣстенъ. Потомъ спросилъ меня въ шуткахъ, былъ ли я у «старосты россійской литературы» (т. е. у Хераскова), и на отвѣтъ Ив. Вл., что онъ меня съ нимъ еще не познакомилъ, препоручилъ онъ старшему сыну своему съѣздить со мною и рекомендовать меня «десятнику литературы», г. Карамзину, который боленъ и никуда не выѣзжаетъ. Потомъ сѣли за столъ, въ продолженіе коего говорилъ я съ дѣтьми его о нѣмецкихъ авторахъ. Старшій (Андрей) любитъ страстно Гете, Коцебу, Шиллера и Шписа; онъ много переводилъ изъ нихъ. а особенно изъ Коцебу». — Литературные труды Каменева ограничиваются нѣсколькими стихотвореніями, мелкими прозаическими статьями и переводами. Нѣкоторые изъ нихъ напеч. въ журналахъ: Пріятное и полезное препровожденіе времени (1794—1799), Муза (1796), Ипокрена, или утѣхи любословія (1799—1801), Новости русской литературы (1802—1805) и Періодическое изданіе Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ (1804). Изъ переводовъ Каменева напеч. отдѣльно: Софія, или

а) Владиміра, автора «Путешествія въ полуденную Россію».

сумасшедшая отъ любви, повѣсть Шписа (1801), Гробница на холмѣ, повѣсть Коцебу (1802), Счастіе одного бываетъ несчастіемъ другому, повѣсть Коцебу (1806).—Г. П. Каменевъ, ст. Второва въ 1-й кн. литературнаго сборника графа Соллогуба: «Вчера и сегодня» (1845).

²) Громвалъ помѣщенъ впервые въ «Періодическомъ изданіи Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (1804), основаннаго 1801 г. Каменевъ поступилъ въ его члены 1802 г. О двухъ піесахъ его: «Графъ Глейхенъ» (не напеч.) и «Громвалъ» въ отчетѣ общества замѣчено, что первая изъ нихъ переведена съ нѣм. русскимъ размѣромъ (т. е. хореями съ дактилическимъ окончаніемъ въ подражаніе Ильѣ Муромцу, Карамзина), а вторая написана особымъ дактилическимъ размѣромъ (точнѣе: первые два стиха строфы дактили, послѣдніе два — анапесты), и что обѣ онѣ заслуживаютъ вниманіе по плавности слога. Но это только внѣшнее ихъ отличіе, которое въ то время имѣло свою цѣну: анапестъ, называвшійся въ шутку «пестомъ», по своему тяжелому ходу, почитался непріятнымъ метромъ, прежде чѣмъ стихотворенія Жуковскаго узаконили ему мѣсто въ русской версификаціи. Главное значеніе Громвала заключается въ элементѣ романтическомъ. Оно указано А. Пушкинымъ: «Каменевъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма; мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти». Кромѣ врожденной наклонности къ романтизму, Каменевъ знакомился съ нимъ изъ нѣмецкой литературы (См. критическую статью Н. Тихонравова: «Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева», Отеч. Зап. 1855 № 1).

IV.

ПОДШИВАЛОВЪ (1).

А. КЪ СЕРДЦУ (1794) (2).

Тихія колебанія сердца! электризуйте перо мое, да прославитъ оно чистый, неизсякаемый источникъ вашъ, источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей!

О ты, противъ коего ополчаются хладныя и тусклыя души и сравниваютъ тебя въ чернотѣ съ арапомъ и въ пятнахъ съ рысью; о ты, въ которомъ таинственные лжеумники находятъ множество ущелинъ и вертеповъ и вовсе хотятъ заглушить тебя; о ты, вещь незнаемая и непонятная для людей обыкновенныхъ! доброе и благодѣтельное сердце, не пробуждайся въ нихъ, щади мнимое ихъ благополучіе, не наказывай ихъ упорства и незнанія, бейся только для своихъ любимцевъ!

Пусть твои гонители въ пространныхъ владѣніяхъ твоихъ находятъ одни пороки и пусть при-

писываютъ ихъ не себѣ, но Богу, коего изображаютъ они Богомъ проклятій: ты можешь безпрепятственно изливать свои щедроты на немногихъ, чувствующихъ цѣну свою, можешь и изъ камня извлекать для нихъ пищу, можешь и въ пустынѣ, въ нѣдрахъ натуры дѣлать ихъ счастливыми!

Чувствительное сердце! благословляю тебя. Благословляю твою волшебную силу, утѣшающую родъ человѣческій, возвышающую наши радости, услаждающую наши прискорбія. Гдѣ только дѣйствуешь ты, тамъ не слышенъ ропотъ на всещедраго Бога; тамъ цвѣтетъ, величественная натура и упоеваетъ чувства нектаромъ простоты, непринужденности, легкой и сладостной жизни; тамъ и самыя горести превращаются въ источникъ утѣхъ. Несчастливъ братъ мой, сердце мое рвется: но, стремясь помочь ему, утѣшить его, ощущаетъ неизъяснимое веселіе. Несчастливъ я самъ, сердце мое вздымается противъ утѣснителей, но я невиненъ, я отношу ихъ притѣсненія на счетъ властолюбія или зависти, что они не могутъ наслаждаться тѣми жъ удовольствіями, которыми я наслаждаюсь, и сія мысль извлекаетъ болѣзненный вздохъ изъ груди моей; а на вздохъ мой нисходитъ любимая дщерь небеснаго Отца, кроткая надежда и, усыпляя мои мученія, манитъ возвратиться къ внутреннимъ радостямъ, которыхъ никто у меня похитить не можетъ. Я люблю — чувствительнымъ сердцамъ любить сродно—и пламенная любовь моя переселяетъ меня въ край благодѣтельныхъ фей, учитъ таинствамъ грацій, готовитъ среди самыхъ терзаній пріятныя для предбудущихъ временъ воспоминанія. Чувствительное сердце, о, сколь драгоцѣнно ты! Въ самое то время, когда мы, кажется, отъ тебя злополучны, ты устрояешь наше счастіе. Горе нечувствительнымъ! горе управляемымъ силою одного механизма!

Мягкое сердце! Ты еще менѣе находишь поборниковъ. Сколько считаютъ невыгодъ, отъ тебя происходящихъ! Но развѣ лучше, когда подобный намъ, не имѣя тебя, равнодушно смотритъ на злополучія, насъ обременяющія; когда сильный, не имѣя тебя, давитъ слабаго, со стономъ передъ нимъ извивающагося; когда тигръ-воинъ, не имѣя тебя, терзаетъ съ лютостью непріятели, молящаго о пощадѣ? Развѣ лучше, когда безчеловѣчный судья мыслитъ токмо о своей корысти и умножаетъ строгость законовъ; когда лихоимецъ грабитъ ближняго, у него просить помощи принужденнаго? Развѣ лучше обманывать, нежели быть обмануту?—Горе жестокосердымъ!

Доброе сердце! руководствуй всегда мною. Ахъ! я чувствовалъ небесное наслажденіе, съ твоими изліяніями сопряженное; а чувствовавъ его, могу ли самовольно отказаться отъ твоихъ прелестей? Несчастливъ, кто ихъ не знаетъ, кто неспособенъ слѣдовать твоимъ внушеніямъ! Согласившись одинъ

только часъ быть добрымъ человѣкомъ, легко всякій увѣрится, что нѣтъ ничего пріятнѣе въ свѣтѣ, какъ быть всегда таковымъ. Доброе сердце! руководствуй моими мыслями и дѣлами. Пусть всѣ мои знакомые, всѣ приближенные будутъ довольны мною и, сколько можно, чрезъ меня счастливы.

Простосердечіе, чистосердечіе! надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена; но ты, любезный К**, иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!

Виновникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! для чего ученые, ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ свой разумъ? для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя? Какой можетъ быть проповѣдникъ, какой писатель, когда нѣтъ сердца, нѣтъ чувства? Какой человѣкъ будетъ безъ нихъ счастливъ?

Тихія колебанія сердца! вы электризовали перо мое, и похвала чистому, неиэсякаемому источнику вашему, источнику драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей, понравится душамъ добрымъ.

В. МОИМЪ ДѢТЯМЪ (1813) (*).

а) *Наша фамилія.*

Начало фамиліи нашей теряется во мракѣ временъ; думаю однакожъ, что и мы, подобно другимъ людямъ, произошли отъ Адама, а что дѣйствительно Русскіе, безъ всякой примѣси со стороны Кипчакской или Золотой орды, въ томъ свидѣтельствуютъ русые волосы, общіе всѣмъ однофамильцамъ нашимъ. Не углубляясь въ происхожденіе русскихъ отъ троянъ, скиѳовъ, даковъ, мидянъ и проч. и проч., что не принадлежитъ къ фамиліи нашей, довольно сказать, что былъ шутливый крестьянинъ (это мой дѣдушка), котораго сосѣди за остроту, можетъ быть съ излишествомъ иногда расточаемую, прозвали моимъ именемъ. Такъ по крайней мѣрѣ покойная мать мнѣ пересказывала; но я съ своей стороны имѣю причины думать, что фамилія наша гораздо древнѣе... Я и самъ, проѣзжая чрезъ Клинъ, собственными глазами видѣлъ многихъ однофамильцевъ нашихъ, хотя родствомъ съ ними никакъ счесться не могъ; но пожертвованія, дѣланныя въ пользу милиціи въ послѣднюю войну съ французами, открыли въ Твери и Орлѣ еще болѣе зажиточныхъ однофамильныхъ съ нами купцовъ, изъ коихъ одинъ и головою въ Орлѣ. Наконецъ неподалеку отъ Петербурга есть цѣлая деревня нашего имени. И такъ вотъ сколько причинъ древности нашей фамиліи вѣрить, и вамъ, дѣти мои, оною гордиться!

б) *Деревня Романова.*

Какъ я ее помню, бывъ тамъ въ младенчествѣ и потомъ для

сладкихъ воспоминаній въ юношескихъ лѣтахъ! Она принадлежитъ къ селу Турбичеву, верстахъ въ 60 отъ Москвы, и положеніе имѣетъ романтическое. Впереди кустарникъ, куда я ходилъ иногда за грибами, позади болото и верстахъ въ двухъ небольшой прудъ, изъ котораго довольствуются водою скотъ и люди.

У крестьянина Василья были три сына: Мартынъ, Илья и Сергѣй. Мартынъ, какъ старшій, наслѣдовалъ послѣ отца домоводство, прилежно пахалъ землю, разводилъ пчелъ, ѣдалъ ихъ соты и яблоки. У него также были три сына: Игнатій, Егоръ и Иванъ; но, по тогдашнему ихъ малолѣтству, въ домашнемъ быту больше всего помогалъ ему братъ Илья, человѣкъ равномѣрно женатый. Сергѣй, младшій изъ всѣхъ, занимался работою, которая была полегче; между тѣмъ онъ росъ и выросъ руманъ и пригожъ.

Крестьяне и крестьянки сосѣдней деревни Малышной — и ее помню я живо, какъ бывало, пекъ тамъ, на крутомъ берегу ручья, при подошвѣ стараго дуба, большую Дмитровскую рѣпу; какъ любовался на противоположномъ берегу деревнями Селивановымъ и Моговиловымъ, а позади Есминымъ, чуть виднымъ на высокой горѣ, съ которой поспѣвающій хлѣбъ волновался — и такъ крестьяне и крестьянки Малышеские были прихожане къ Турбической же церкви. Марья, прекрасная молодая дѣвушка, дочь Ивана Забѣлина, увидѣла тамъ пригожаго Сергѣя, Сергѣй увидѣлъ прекрасную Марью, и оба воспылали другъ къ другу первою, неугасаемою любовію. Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались они воскресенья или праздника, чтобы опять увидѣться! Какъ выискивали случая видѣться чаще на лугу въ кустарникахъ, на сѣнокосѣ! Наконецъ, (говоря высокимъ слогомъ) они объяснились, и какъ со стороны обѣихъ фамилій никакого препятствія не было, то и поклялись предъ алтаремъ Господнимъ вѣчно любить другъ друга.

О любовь! сколько горести твои мучительны, сколько удовольствія сладки! Сергѣй утопалъ въ морѣ блаженствъ. Марья отвѣтствовала его восторгамъ. Но когда счастіе человѣческое бываетъ продолжительно? Уже шумятъ издалека врановы крылья грозной тучи; уже приближается она, уже виситъ надъ головами счастливцевъ. Объявленъ рекрутскій наборъ. Старики ѣдутъ къ чудотворному образу Спаса Цѣлителя на Ведерницы молить Его объ отвращеніи громоваго удара отъ ихъ семействъ. Молодежь разсыпается. Одни себя увѣчатъ, другіе кроются по лѣсамъ. Сергѣй также скрылся. Первый жаръ любви, слезы, ласки и убѣжденія Марьи увлекли его. Кто не подверженъ слабости! Между тѣмъ изъ Борисо-Глѣбскаго монастыря, къ которому приписана была Турбичевская волость, пріѣзжаетъ для набора ужасный служка. Старшіе братья ищутъ Сергѣя, находятъ

его, кидаются предъ нимъ на колѣни. Мартынъ, котораго уважалъ онъ, какъ отца, и котораго горячо любилъ (Иванъ былъ тутъ же), всхлипывая, говорилъ ему: «братецъ, помилуй! жеребій палъ на нашу семью. Ты знаешь, какъ давно мы женаты и сколько у насъ дѣтей! не дай въ конецъ разориться!» Сергѣй взглядываетъ на Марью; Марья стоитъ, сложа руки, какъ окаменѣлая. Слезы прошибаютъ его. Онъ обращается къ братьямъ и любимцу Мартыну, долго молчитъ, блѣднѣетъ, наконецъ твердымъ голосомъ произноситъ: «иду! — И вотъ Сергѣй рекрутъ.

в) Дальнѣйшія приключенія Сергѣя и Марьи.

Я для того такъ ими занимаюсь, что Сергѣй и Марья были въ послѣдствіи отецъ и мать мои. Съ какою, бывало, жадностію, дѣти, слушалъ я повѣствованіе вашей бабушки, неоднократно повторяемое! съ какою горестію мысленно странствовалъ съ нею, какъ съ матерью, по чужимъ сторонамъ, по краямъ незнаемымъ!

«Другъ ты мой, я отъ тебя не отстану!» сказала Марья Сергѣю, когда началъ сѣдѣть туманъ, ихъ окружавшій. Произнесла и сдержала слово. Они отправлены въ Москву, а оттуда въ новый корпусъ, который тогда—это было въ царствованіе блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны — противъ прусаковъ набирался. Фельдмаршалъ, графъ Ферморъ, командовалъ россійскимъ войскомъ; но онъ имѣлъ дѣло съ опытнымъ, искуснымъ полководцемъ—извѣстнымъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ (а). Имѣя больше людей, графъ Ферморъ рѣшился окружить прусскую армію; а Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ это время, когда наши вытягивали полукругомъ, ударилъ на лѣвое наше крыло, гдѣ новый корпусъ находился, и давай колоть и рубить. Марья не упомнитъ мѣста, при которомъ происходило это побоище, да и я не намѣренъ справляться о немъ съ исторіею; ибо не военные подвиги графа Фермора описываю, а приключенія Сергѣя и Марьи.

Ну! новый корпусъ разбитъ, такъ что немного изъ него уцѣлѣло, хотя говорятъ, что онъ изъ 10 тысячъ человѣкъ былъ составленъ. Остатки размѣщены по другимъ полкамъ, а тяжело раненые—разумѣется, когда не умирали, а выздоравливали—разосланы по гарнизонамъ. И Сергѣй, какъ раненый, отправленъ въ Казань. Марья съ нимъ.

Не стану разсказывать, какъ они плыли по Волгѣ, какъ бурлаки умышляли на жизнь Сергѣеву, дабы овладѣть прекрасною Марьей, и какъ ихъ, подъ самою Казанью, чуть было волной не захлеснуло. Словомъ, они прибыли въ Казань благополучно.

Служба гарнизонная извѣстна.

а) Фридрихомъ Великимъ.

Сергѣй служилъ и—тужилъ, потому что дѣлать было нечего. Онъ задумалъ объ отставкѣ, но не смѣлъ открыться въ томъ командиру. Марья, участница всѣхъ его таинъ, была уже столько смѣтлива, чтобъ поднести лѣкарю кусокъ холстины и чрезъ то получить отъ него свидѣтельство о мнимо-неизлечимыхъ болѣзняхъ Сергѣя. И такъ, вотъ онъ—опять на свободѣ.

Изъ путешествія ихъ отъ Казани до Москвы слабая память моя удержала только то, что они ѣхали на одной лошадкѣ и много потерпѣли дорожнаго горя. Наконецъ они прибыли въ Москву бѣлокаменну съ золотыми маковками.

Здѣсь надлежало рѣшиться, какъ жить да быть, да добра наживать; ибо на родину ѣхать послѣ службы царской казалось имъ уже стыдно. Думать надобно, что у Сергѣя голова была романическая (я его помню: ростъ средній, станъ прямой и крѣпкій, волосы русые, лобъ открытый, глаза сѣро-голубые, цвѣтъ свѣжій), ибо первая мысль ему пришла извозничать. Сколько разныхъ сѣдоковъ, сколько разныхъ разсказовъ! сколько новыхъ домовъ, улицъ и лицъ! Признаюсь, что и я, во время пѣшеходства, нѣсколько лѣтъ занимался тѣмъ, чтобъ смотрѣть въ глаза прохожимъ и изъ тѣлодвиженій ихъ угадывать, каковъ кто, куда спѣшитъ, чѣмъ занятъ. Но послѣ того, какъ онъ везъ опальное имѣніе и съ нимъ попалъ въ полицію, откуда его Марья выручила, пробудилась въ немъ прежняя любовь къ природѣ и ея произведеніямъ. Сергѣй снялъ огородъ. Продажа зелени и овощей съ избыткомъ наградила труды его.

г) Никола въ Новой слободѣ.

Тутъ я родился въ деревянномъ домѣ секретаря Ключарева, у котораго отецъ мой нанималъ вышеупомянутый огородъ; а это случилось 2-го марта 1765 года на солнечномъ восходѣ, какъ мнѣ послѣ мать пересказывала. У отца и матери было насъ осьмеро: четыре сына, Григорій, Левъ, Имярекъ, я, и четыре дочери: Имя рекъ именемъ (а), Елисавета и Аграфена. Я былъ предпослѣдній, и одинъ остался на свѣтѣ; а безъ того не было бы исторіографа нашей славной фамиліи.

Есть люди, которые утверждаютъ, что со втораго или третьяго года жизни своей всѣхъ и все уже помнятъ. Я, къ стыду моему, признаться долженъ, что въ то время память моя спала еще глубокимъ сномъ, и того даже не упомнитъ, какъ глаза мои закрылись — отъ золотухи, или чего другаго, не знаю. Около полутора года слѣпотствовалъ я, какъ вдругъ сестра Елисавета радостно воскликнула: «маменька! Ясенька проглянулъ!» Съ тѣхъ поръ и гляжу я; а еже-ли бы навсегда слѣпымъ остался, то много не увидѣлъ бы на свѣтѣ!

а) Это значитъ, что я имена ихъ запамятовалъ.

*

Съ шестаго года началъ помнить я себя, да и то болѣзненнымъ образомъ. Отецъ мой произведеніе огорода своего баживалъ для продажи на Моховую. Однажды вздумалось ему, по укладкѣ зелени посадить и меня въ телѣжку, которую онъ самъ возилъ. У Тверскихъ воротъ пошелъ дождь; отецъ прикрылъ меня рогожкой. Но на Моховой дождь усилился, пробилъ насквозь рогожку и меня, соннаго, до костей, и я началъ плакать. «Экой братецъ ты какой!» напустили другіе огородники: «вѣдь убьешь малаго!» и батюшка, не продавши ничего, воротился домой, гдѣ еще ему отъ матушки досталось.

Что я былъ баловень у отца съ матерью, то можно заключить изъ моего наряда, въ какомъ я хаживалъ по праздникамъ и воскресеньямъ. На мнѣ бывалъ тогда китайчатый озямъ, бархатный камзолъ съ золотымъ позументомъ, на площади купленный, и на головѣ корабликъ съ шерстянымъ вязаннымъ околышемъ. Къ тому жъ, какъ ни свято мои родители наблюдали посты, меня однако не строго къ нимъ придерживали, и я, даже до обѣдни, въ Рождество Христово могъ выпросить у матушки мяса.

Отецъ мой поразжился и вздумалъ купить свой домишка,—что и дѣйствительно исполнилъ. Домъ нашъ находился позади Вязковъ, на ямскихъ концахъ, предпослѣдній къ полю, и при немъ былъ постоялый дворъ съ большимъ огородомъ, который оканчивался длиннымъ прудомъ. Какъ мнѣ жаль было разставаться съ домомъ Ключарева, котораго сынъ Алексѣй, мой крестный батюшка, часто лакомилъ меня! А однажды объ масляницѣ, въ прощальное воскресенье, когда я и матушка принесли ему большой круглый пряникъ да кусокъ мыла, подарилъ мнѣ шелковый кошелечекъ, въ которомъ лежали два серебряные гривенника. Какое торжество, какая радость! У меня никогда еще въ рукахъ денегъ не бывало.

На новосельѣ познакомился я съ Жереховымъ, коего отецъ слылъ важнымъ человѣкомъ въ околодкѣ, ибо имѣлъ домъ, обитый тесомъ и выкрашенный зеленою краскою пополамъ съ бѣлой. При томъ же онъ былъ сержантъ и счетчикъ при монетномъ дворѣ. Его-то сынъ, который годами двумя былъ меня старше, преподавалъ мнѣ первые уроки, какъ играть въ кляпы и бабки. Но кляпы скоро мнѣ надоѣли, ибо я всегда, почти даже и въ грязь осенью, долженъ былъ извѣстное разстояніе проскакать на одной ногѣ, при чемъ сзади многіе голоса кричали: «а, кисель, кисель! ноги подъѣлъ». Отъ того у меня нерѣдко бывали цыпки. Въ бабки онъ меня также обыгрывалъ, и я часто, чтобъ намѣнять бабокъ, тихонько бралъ у бабушки изъ за лавки свѣжія яица... (Виноватъ! и позабылъ объ ней. Ее звали Степанидой, отечество не упомню; она была мать моей матери, любила меня безъ памяти

и жила болѣе осьмидесяти лѣтъ). Но въ бабки я со временемъ сдѣлался такой мастеръ играть, что когда идешь, бывало, по Арбату, то со всѣхъ сторонъ кричать: «лихой, лихой идетъ»!

Съ Жереховымъ странствовали мы по ямскому полю (гдѣ теперь острогъ), чтобы рвать щавель, а особливо столбцы, также и дягель, кои, облупливая, съ удовольствіемъ ѣли. Съ тѣмъ же намѣреніемъ, перешедъ дорогу и пустясь въ противную сторону, мы дошли было разъ до Лазарева кладбища, какъ на берегу пруда увидѣли нагую женщину, которая расчесывала себѣ длинные черные волосы. Оба обмерли, оба вскричали: русалка, русалка! и безъ чувствъ пустились бѣжать къ М—ой (а) заставѣ.

Съ Жереховымъ же однажды забрались мы въ чужой садъ. Онъ успѣлъ набить яблоками карманъ, а я только что два или три сорвалъ, какъ увидѣлъ насъ сторожъ. Жереховъ ушелъ. Я какъ куръ во щи. Безчеловѣчный сторожъ высѣкъ меня свѣжею крапивой. И теперь больно, какъ вспомнишь! Сколько на свѣтѣ грабителей и воровъ, которые и не яблоки крадутъ, а ихъ не сѣкутъ свѣжею крапивой!

Шесть лѣтъ минуло, и меня отвели къ Казанской въ Сущовѣ къ курносому дьячку учиться грамотѣ. Грамота мнѣ далась, и я ужъ бѣгло читалъ подъ титлами: азъ—ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, буки—Богъ, Божество, Богородица, блаженъ, благословенъ и проч., какъ наступила страшная эпоха.

а) Міусской.

d) Моръ и бунтъ.

Ахъ, два вдругъ, и какіе жъ два ужасные бича для рода человѣческаго!... узы родства, узы крови сами по себѣ расторгнуты; съ другой стороны невольно течетъ кровь черными рѣками. Стонетъ въ домахъ и по стогнамъ умирающій; вопіетъ громогласно пьяно-неистовый; или привидѣнія, или страшилища; смерть осклабляется, видя вездѣ и во множествѣ жертвы, ей угодныя. Рушился порядокъ, хаосъ владычествуетъ. И блѣдныя, и рдяныя лица равно прахъ земной лобызаютъ. Небо безпрерывно плачетъ.

Я самъ видѣлъ—и волосы подымались дыбомъ—какъ фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ — воплощенные діаволы—длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе подымали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ оные прежде похоронялись и гдѣ уже запрещено было хоронить ихъ. У кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и, обезображенная, безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телѣгу.

Я самъ слышалъ—и кровь леденѣла въ жилахъ: — «батюшки, рѣжутъ!» Голосъ часъ отъ часу

слабѣлъ; на другой день въ самомъ дѣлѣ зарѣзаннаго находили. Слышалъ, какъ всюду били въ набатъ! и взволновавшаяся чернь за 30 верстъ отъ Москвы и кругомъ ея бѣжала съ яростію и въ ночное время била дубинами въ ставни, крича: «постойте за домъ Божій, постойте за Мать Пресвятую Богородицу!»

Это было начало мора и бунта, и въ это-то время меня отпустили, меня увезли въ деревню. Не помогло ношенье чесноку въ карманахъ, ни куренье можжевельникомъ и прыганье черезъ огонь. Моръ разлился, какъ быстрое пламя, гонимое вихремъ. Отецъ мой заразился — я это послѣ услышалъ—сначала показались на тѣлѣ прыщики съ острыми головками, позеленѣли, почернѣли: отецъ мой умеръ. У матушки открылась рана, гноилась долго, прорвалась и затянулась: матушка выздоровѣла. Напротивъ, бабушка и сестра Елисавета не устояли. Самая Аграфена зачахла; она черезъ годъ за ними послѣдовала. И вотъ— мы одни съ матерью!...

Причиной мора была шерсть, привезенная изъ Константинополя на суконную фабрику у каменнаго моста...

[1]) Подшиваловъ, Василій Сергѣевичъ (1765—1813), сынъ отставнаго солдата, жившаго въ Москвѣ, получилъ образованіе въ университетской гимназіи, откуда, въ 1782 году, вышелъ съ званіемъ студента и былъ назначенъ учителемъ «россійскаго стиля» и логики. Какъ ревностный членъ «Собранія университетскихъ питомцевъ», основаннаго въ 1781 году, онъ участвовалъ въ періодическихъ изданіяхъ Новикова, который любилъ окружать себя даровитыми молодыми людьми, кончившими курсъ въ университетѣ: статьи Подшивалова есть въ «Вечерней Зарѣ (1782 г.)» и въ «Покоящемся Трудолюбцѣ(1784—85)». Въ тоже время Подшиваловъ, занимая должность надзирателя въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, преподавалъ его воспитанникамъ стилистику. Для распространенія между ними вкуса къ русской словесности, онъ занималъ ихъ въ засѣданіяхъ «Собранія», открытаго по примѣру Собранія воспитанниковъ университета, практикой словеснаго искусства: разбиралъ ихъ собственные опыты и произведенія классическихъ писателей. Съ 1785 году Подшиваловъ оставилъ ученую службу и поступилъ въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сначала получилъ мѣсто актуаріуса, а потомъ переводчика. Но съ новою должностію не прекратились его литературные труды. Въ Москов. Журналѣ обоихъ годовъ (1791 и 1792) помѣщено нѣсколько его статей оригинальныхъ и переводныхъ: «Нравственное удовольствіе». «Мысли въ день моего рожденія», «Титъ» и др. Въ это же время, именно съ 1791 г., онъ вмѣстѣ съ профессоромъ московскаго университета, Сохацкимъ, становится издателемъ журналовъ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія», 12 ч. (1791—1793), «Пріятное и полезное препровожденіе времени». 20 ч. (1794—1798), «Иппокрена, или утѣхи любословія», 11 ч. (1799—1801). Въ первомъ изъ нихъ напечатаны многіе его переводы изъ нѣмецкихъ авторовъ, особенно изъ Мейснера (Біанка Капелло и другія повѣсти), а равно переводъ Сенъ-Пьерова романа: «Павелъ и Виргинія», сдѣланный его первою супругою (другой переводъ

ея: «Индѣйская хижина», того же автора). Почти каждую часть втораго журнала Подшиваловъ открывалъ лирическою статьею въ прозѣ, напр: «Къ сердцу». «Къ жизни», «Покой», «Суеты» и пр.; первая изъ нихъ взята въ Христоматію. Въ этомъ же изданіи нап. его «Письмо къ дѣвицѣ Ф. о россійскомъ стопосложеніи». Въ 1795 г. Подшиваловъ перешелъ изъ архива въ моск. восп. домъ на должность цензора и помощника главнаго надзирателя; вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ инспекторомъ классовъ въ коммерческомъ училищѣ. При переводѣ училища въ Петербургъ (1800), былъ назначенъ его директоромъ, а въ 1810 опредѣленъ предсѣдателемъ гражданской палаты во Владимірѣ, гдѣ и скончался.

Отдѣльно изданные переводы и сочиненія Подшивалова:

а) Книга премудрости и добродѣтели, или состояніе человѣческой жизни. Индѣйское нравоученіе. Съ англійскаго на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное В. П. 3 ч. (1786). Подшиваловъ два раза переводилъ ее, такъ какъ первый переводъ былъ похищенъ. Введеніе къ ней заключаетъ въ себѣ два письма изъ Пекина, гдѣ будто бы сочиненіе было обнародовано, въ Лондонъ къ лорду Честерфильду. «Книга премудрости» имѣла нѣсколько русскихъ переводовъ: «Экономія жизни человѣческой» (1765), «Китайскій мудрецъ» (2-е изд. 1777), «Нравственная энциклопедія» (1804), «Мысли индѣйскаго философа» (1810), «Мысли о таинствѣ натуры» (1811). Многое въ ней—по замѣчанію г. Ешевскаго—совершенно сходно съ содержаніемъ книги, изданной Н. Новиковымъ въ 1783 году: «Карманная книжка для В.. К.. (*т. е. Вольныхъ Каменьщиковъ, или франманосовъ*) и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ, съ присовокупленіемъ: 1) изъ высочайшей философіи для размышленія и 2) поучительныхъ изреченій, раздѣленныхъ на три степени (см. «Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ: Новиковъ и Шварцъ», въ 21 кн. Русскаго Вѣстника 1857). Сочиненіе это, нѣкогда знаменитое и часто переводившееся на иностранные языки, приписывали и Честерфильду, и Боннету. Авторъ его — англичанинъ Додслей († 1764).

б) Двѣ книги Аполлодоровой библіотеки о богахъ (1787).

в) Краткая психологія, или ученіе о душѣ для дѣтей. Кампе, пер. съ нѣм. (1789).

г) Біанка Капелло, Мейснера, съ нѣм. (1803). (Сопиковъ указываетъ еще изданіе 1793).

д) Сокращенный курсъ россійскаго слога, изданный ученикомъ Подшивалова, Александромъ Скворцовымъ (1796).

е) Повѣсти и басни Мейснера, 10 ч. (1800—1807).

Кромѣ того, въ період. изданіяхъ: «Моимъ дѣтямъ» (начало автобіографіи), «Чтеніе и письмо, или азбука» (Труды Общ. люб. рос. слов. ч. V, 1816). Вмѣстѣ съ М. Снегиревымъ Подшиваловъ занимался редакціею сборника: «Распускающійся цвѣтокъ» (1787), содержащаго въ себѣ сочиненія и переводы воспитанниковъ благороднаго пансіона. (О жизни и сочиненіяхъ Подшивалова, статья ученика его, В. Измайлова, въ 13 № Вѣст. Евр. 1814 г.; Словарь Евгенія, II).

[1]) «Пріят. и полез. препровожденіе времени», ч. I. Одна изъ многихъ пьесъ того времени, увлеченнаго сентиментализмомъ Карамзина, къ которому Подшиваловъ обращается («любезный К***», и пр.). «Въ Письмѣ къ издателямъ», при посылкѣ стиховъ (ч. 2-я того же журнала) неизвѣстнаго автора, Карамзинъ называется «чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ *нашимъ Стерномъ*». Вотъ и стихи въ похвалу

ему, названные эпиграммой (въ смыслѣ надписи):

Кто въ прозѣ и стихахъ пріятностью блистаетъ?
Какъ Мармонтель, какъ Стернъ, сердца и умъ плѣняетъ?
Кто ихъ чувствительность вмѣстилъ въ себя одинъ?
Нашъ Путешественникъ россійскій Карамзинъ.

Что касается до Стерна, то онъ вызывалъ самые пламенные восторги. При отрывкахъ изъ Новаго Іорика, читается такая выноска: «Безподобный Стернъ! ты произвелъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что *тебѣ* подражали».

[3]) «Вѣст. Европы 1814, № 5». Въ примѣчаніи сказано: «Писано за нѣсколько недѣль до смерти въ самой жестокой болѣзни. Таже острота, которая всегда его отличала, видна и въ семъ отрывкѣ, къ сожалѣнію, неконченномъ».

V.

ШИШКОВЪ.

А. РАЗСУЖДЕНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА (1803) ([1]).

Всякъ, кто любитъ россійскую словесность и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неисцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ, развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ, съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ ([2]). Древній славянскій языкъ, отецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѳены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники ([3]). Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе, многими вѣками утвержденное, основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодоносной земли благоустроенный домъ свой переносить на безплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ говоритъ: «Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ россійскимъ отвратятся и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности

нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажають собственную красоту нашего языка, подвергають его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняють». Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза оная не была еще въ такой силѣ, и потому могъ онъ сказать: «вкрадываются къ намъ нечувствительно»; но нынѣ уже должно говорить: вломились къ намъ насильственно и наводняють языкъ нашъ, какъ потопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитать слѣдующее: «раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ *славяно-русскихъ* господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, называемая французами *élégance*» (4). Я долго размышлялъ, вподлинну ли сочинитель сихъ строкъ говорить сіе отъ чистаго сердца, или издѣвается и шутитъ: какъ? нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностію! совершенное безобразіе и порчу онаго—образованіемъ! Онъ именуетъ прежніе переводы славяно-русскими: что разумѣетъ онъ подъ симъ словомъ? Не ужъ ли презрѣніе къ источнику краснорѣчія нашего, славенскому языку? Не дивно: ненавидѣть свое и любить чужое почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ же назоветъ онъ нынѣшніе переводы и даже самыя сочиненія? безъ сомнѣнія, французско-русскими: и сіи-то переводы предпочитаетъ онъ славено-россійскимъ? Правда, ежели французское слово élégance перевесть по русски «чепуха», то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова (5)!

Отколѣ пришла намъ такая нелѣпая мысль, что должно коренный древній, богатый языкъ свой бросить и основать новый на правилахъ чуждаго, несвойственнаго намъ и бѣднаго языка французскаго? Поищемъ источниковъ сего крайняго ослѣпленія и грубаго заблужденія нашего.

Начало онаго происходитъ отъ образа воспитанія: ибо какое знатніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоин-

ствомъ хвастаютъ и величаютъ!

Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, который въ общихъ разговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искусство и свѣдѣніе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя наономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя: изъ нихъ научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи; пристойному употребленію оныхъ въ высокомъ, среднемъ и простомъ слогѣ; различію сихъ слоговъ; правильному писанію; краснорѣчивому смѣшенію славенскаго величаваго слога съ простымъ россійскимъ; свойственнымъ языку нашему изгибамъ и оборотамъ рѣчей, складному или нескладному расположенію ихъ; краткости выраженій; ясности и важности смысла; плавности, быстротѣ и силѣ словотеченія. Между тѣмъ какъ разумъ обогащается сими познаніями, слухъ нашъ привыкаетъ къ чистому выговору словъ, къ пріятному произношенію оныхъ, къ чувствованію согласнаго или несогласнаго сліянія буквъ, и, однимъ словомъ, ко всѣмъ сладкорѣчія прелестямъ. Отсюду природное дарованіе наше укрѣпляется искусствомъ; отсюду рождается въ насъ любовь къ писаніямъ и разумѣніе судить объ оныхъ. Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единственный путь, ведущій насъ во храмъ словесности. Но коль сей путь, толико трудный и требующій великаго вниманія и долговременнаго упражненія, долженъ быть еще несказанно труднѣйшимъ для тѣхъ, которые отъ самаго младенчества до совершеннаго юношества никогда по немъ не ходили! Когда, можетъ быть, изъ превеликаго множества нынѣшнихъ, худымъ складомъ писанныхъ книгъ, для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія, прочитали они пять или шесть, а въ церковныя и старинныя славенскія и славено-россійскія книги, отколѣ почерпается истинное знаніе языка и красота слога, вовсе не заглядывали (6)! Они читаютъ французскіе романы, комедіи, сказки и проч. Я уже не говорю, что молодому человѣку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормчаго, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе французскихъ книгъ, дабы чистоту нравовъ своихъ, въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ, не преткнуть о камень; но скажу токмо, разсуждая о словесности: какую пользу принесетъ имъ чтеніе иностранныхъ книгъ, когда не читаютъ они своихъ? Вольтеры, Жанъ-Жаки, Корнеліи, Расины, Моліеры не научатъ насъ писать по-русски. Выуча всѣхъ ихъ

наизусть и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на русскомъ языкѣ должны будемъ уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ совсѣмъ не имѣютъ той силы. Безъ знанія языка своего мы будемъ точно такимъ образомъ подражать имъ, какъ человѣку подражаютъ попугаи, или, иначе сказать, мы будемъ подобны такому павлину, который, не зная или пренебрегая красоту своихъ перьевъ, желаетъ для украшенія своего заимствовать оныя отъ птицъ несравненно меньше его прекрасныхъ, и столько ослѣпленъ симъ желаніемъ, что въ прельщающій око разноцвѣтный хвостъ свой готовъ натыкать перья изъ хвостовъ галокъ и воронъ. Отъ сего, можно сказать, безумнаго прилѣпленія нашего къ французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ отъ часу впадаемъ въ большее невѣжество и, забывая природный языкъ свой или по крайней мѣрѣ отвыкая отъ онаго, пріучаемъ понятіе свое къ ихъ выраженіямъ и слогу.

Прилежное чтеніе россійскихъ книгъ отниметъ у нынѣшнихъ писателей драгоцѣнное время читать французскія книги. Возможно ли, скажутъ они съ насмѣшкою и презрѣніемъ, возможно ли «трогательную» Заиру, «занимательнаго» Кандида, «милую» Орлеанскую дѣвку промѣнять на скучный прологъ, на непонятный Несторовъ Лѣтописецъ? Избѣгая сего труда, принимаются они за самый легкій способъ, а именно: одни изъ нихъ безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ, напримѣръ, какъ: *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *сцена*, *гармонія*, *акція*, *энтузіазмъ*, *катастрофа* и тому подобныхъ (7). Другіе изъ русскихъ словъ стараются дѣлать не русскія, какъ напримѣръ: вмѣсто будущее время говорятъ *будущность*; вмѣсто настоящее время *настоящность* и проч. (8). Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русскій языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣми жъ чинами на нашу службу, думая, что они въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ: influence переводятъ *вліяніе* и, не смотря на то, что, глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, *вливаетъ въ сердце ей любовь*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской грамматикѣ, ставя его, по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: faire l'influence sur les esprits, *дѣлать вліяніе на разумы* (9). Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*,

развитіе, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *занимательно*, и множество другихъ. Въ показанныхъ ниже сего примѣрахъ мы яснѣе увидимъ, какой нелѣпый слогъ рождается отъ сихъ русско-французскихъ словъ. Здѣсь же примѣтомъ токмо, что по сему новому правилу такъ легко съ иностранныхъ языковъ переводить всѣхъ славныхъ и глубокомысленныхъ писателей, какъ бы токмо списывать ихъ ([10]). Затрудненіе встрѣтится въ томъ единственно, что незнающій французскаго языка, сколько бы ни былъ силенъ въ россійскомъ, не будетъ разумѣть переводчика; но, благодаря презрѣнію къ природному языку своему, кто не знаетъ нынѣ по французски? Помнѣнію нынѣшнихъ писателей, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ*, не догадаться, что оное значитъ révolution, или по крайней мѣрѣ révolte. Такимъ же образомъ и до другихъ всѣхъ добраться можно: *развитіе*, développement; *утонченный*, raffiné; *сосредоточить*, concentrer; *трогательно*, touchant; *занимательно*, intéressant, и такъ далѣе. Вотъ бѣда для нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: *брашно*, *требище*, *рясна*, *зодчество*, *доблесть*, *прозябать*, *наитствовать* и тому подобныя, которыхъ они сроду не слыхивали, и потому о такомъ писателѣ съ гордымъ презрѣніемъ говорятъ: «онъ педантъ, провонялъ славянщиною и не знаетъ французскаго въ стилѣ элегансу».

Главная причина, къ какой многіе нынѣшніе писатели относятъ необходимость рабственнаго подражанія нхъ французамъ, состоитъ въ томъ, что они, читая французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такія слова, которымъ, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или точно соотвѣтствующихъ ([11]). Чтожъ до того? Неужели безъ знанія французскаго языка не позволено быть краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, которыхъ французы точно выразить не могутъ? *Милая*, *тусный*, *погода*, *пожалуй*, *благоутробіе*, *чадолюбіе* и множество сему подобныхъ, коимъ на французскомъ языкѣ, конечно, нѣтъ равносильныхъ; но меньше ли чрезъ то писатели ихъ знамениты? Гоняются ли они за нашими словами и говорятъ ли: mon petit pigeon, для того что мы говоримъ: *голубчикъ мой*? Стараются ли они глаголъ *пригомубить* выражать на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени pigeon, ради того, что онъ у насъ происходитъ отъ имени *голубь*? Силу нашихъ рѣчей, таковыхъ напримѣръ, какъ: *мнѣ было говорить*, *писать было тебѣ къ твоему отцу*, *быть писать*, *быть посему* и проч., выразятъ ли они на своемъ языкѣ, когда переведутъ ихъ изъ слова въ слово: à moi été parler, écrire à toi été, être écrire, être comme

cela etc.? Странно бы сіе было и смѣшно, и не было бы у нихъ ни Расиновъ, ни Буаловъ, еслибъ они такъ думали; но мы не то ли самое дѣлаемъ? Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *поддирать мнѣніе свое*, *двигать духами*, *черта злословія* и проч.? Не есть ли это рабственный переводъ съ французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire? Я думаю, скоро boire à longs traits станутъ переводить *пить долгими чертами*; il a épousé ma colère, *онъ женился на моемъ гнѣвѣ*. Наконецъ меньше ли странны слѣдующія и симъ подобныя рѣчи: *Имена мелкія цѣны*. *Принудился провождать скитающуюся жизнь*.— *Голова его образована для тайной связи съ невинностію*.—*Храбрость обоихъ оказывается самъ на самъ*.—*Законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы*, и проч.?

Между тѣмъ какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись. И такъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забиваются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ-то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая французами élégance.

Многіе нынѣ, почитая невѣжество свое глубокимъ знаніемъ и просвѣщеніемъ, презираютъ славенскій языкъ и думаютъ, что они весьма разумно разсуждаютъ, когда изо всей мочи кричатъ: неужли писать—*аще*, *точію*, *вскую*, *уне*, *поне*, *распудить* и проч.? Такихъ словъ, которыя обветшали уже, и мѣста ихъ заступили другія, толико же знаменательныя, конечно, нѣтъ никакой нужды употреблять; но дѣло въ томъ, что мы вмѣстѣ съ ними и отъ тѣхъ словъ и рѣчей отвыкаемъ, которыя составляютъ силу и красоту языка нашего. Какъ могутъ обветшать прекрасныя и многозначащія слова, таковыя напримѣръ, какъ: *дебелый*, *доблесть*, *присно*, и отъ нихъ происходящія: *одебелѣть*, *доблій*, *приснопамятный*, *приснотекущій* и тому подобныя? Должны ли слуху нашему быть дики прямыя и коренныя наши названія, таковыя, какъ: *любомудріе*, *умодѣліе*, *зодчество*, *багряница*, *вожделѣніе*, *велелѣпіе и* проч.? Чѣмъ меньше мы ихъ употреблять станемъ, тѣмъ бѣднѣе будетъ становиться языкъ нашъ и тѣмъ болѣе возрастать невѣжество наше; ибо вмѣсто природныхъ словъ своихъ и собственнаго слога мы будемъ объяснять-

ся чужими словами и чужимъ слогомъ. Отчего, напримѣръ, *благорастворенный воздухъ* есть выраженіе, всякому вразумительное, между тѣмъ какъ рѣчь: *царство, мудростію растворенное*, многимъ кажется непонятною? Оттого, что они не знаютъ всей силы и знаменованія глагола *растворять*... Премножество богатыхъ и сильныхъ выраженій, которыя прилежнымъ упражненіемъ и трудолюбіемъ могли бы возрости и умножиться, остаются въ зараженныхъ французскимъ языкомъ умахъ нашихъ безплодны, какъ сѣмена, ногами попранныя или на камень упавшія. Предосудительно, конечно, и нехорошо безобразить слогъ свой смѣшеніемъ высокихъ славенскихъ реченій съ простонародными и низкими выраженіями, но поставить знаменательное слово приличнымъ образомъ и кстати весьма похвально, хотя бы оно и не было обыкновенное.

Б. О ПРЕВОСХОДНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ НАШЕГО ЯЗЫКА. (1810). (¹²).

По истинѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и неразрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россіи православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно какъ бы его не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалтырь, Евангеліе, Іова, Премудрость Соломонову, Дѣянія апостоловъ, посланія, ирмосы, каноны, молитвы и многія другія творенія духовныя. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои, но мужемъ, поражающимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ силою руки. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его. Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется, какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго. Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея, или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ*, *трескъ*, *вихрь*. Надлежало ли составить нарѣчія; *далеко*, *близко*, *низко*, *глубоко*, *широко*, *высоко*, и проч., кажется, самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око* (то есть: простирай зрѣніе далѣе); *близь око* (не простирай оное вдаль); *низь око* (опускай внизъ); *глубь око* (углубляй); *ширь око* (расширяй); *высь око* (возвышай). Сличимъ оныя съ нарѣчіями другихъ языковъ. Говорятъ ли сіе французу слова его: loin, proche, pas, profond, large, haut? или нѣмцу слова его: weit, nahe, niedrig, tief, breit, hoch? Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ: *слухъ*, *зрѣніе*, *обоняніе* и проч., умъ искалъ въ

нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ. Въ словѣ *слухъ* (l'ouïe, франц.) помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо* (l'oreille, фр.) Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же свѣтъ означающими понятіями: *зареніе*, *заря*. Слово *обоняніе* (сокращенное изъ *обвоняніе*) составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ чувствованіе окрестнаго запаха. Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то, для составленія имени ея, выбиралъ и буквы, такой же образъ имѣющія: *око*. Потомъ отъ каждаго названія производилъ вѣтви такъ, чтобъ оныя, означая разныя вещи, сохраняли въ себѣ главное, отъ корня заимствованное понятіе. Отъ *грома* произвелъ: *громко*, *громогласно*, *громоздко*, *огромно*, *гремушка* и проч. Отъ *ока*: *около*, *околица*, *околичность*, *окно* и проч. Потомъ отъ сихъ вѣтвей пустилъ еще новыя отрасли: *коло*, или *колесо*, *коловратно*, *колесница*, *кольцо*, *колыхать*, *колыбель*, и такъ далѣе. Всѣ сіи вѣтви, подобно вѣтвямъ дерева, питаются отъ своего корня, то-есть сохраняютъ въ себѣ первоначальное понятіе о круглости: потому *коловратность*, что изображаетъ *вращеніе кола*, или *колеса*; потому *колыхать*, что движеніе сіе совершается не по прямой чертѣ, но по дугѣ, подобной *колу*, или *колесу*, и проч.

В. ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКІЙ И РУССКІЙ (1810). (⁴).

Отколѣ родилась неосновательная мысль сія, что славянскій и русскій языкъ различны между собою? Ежели мы слово «языкъ» возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то, конечно, можемъ утверждать сію разность: но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библія, Четиминеи, Несторова лѣтопись, Ѳеофановы проповѣди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, сочиненія Петрова, Богдановича и проч., суть книги, писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же славянскій, или русскій. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви, отъ нихъ происшедшія. Когда оные въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тагда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣ жъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойственнаго числа, не говоримъ: *ядоста*, *идоста*,

ногама, *рукама*; но говоримъ: *ѣдятъ*, *идутъ*, *руками*, *ногами*; мы у тѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойствъ языка. Скажутъ: мы много имѣемъ двоякихъ именъ, изъ которыхъ однѣ русскія, а другія славенскія; напримѣръ, по русски: *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *плечи*, а по славенски: *око*, *чело*, *ланиты*, *рамена*. Но чѣмъ докажутъ мнѣ, что *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *плечи* суть русскія, а не славянскія названія? Сошлются ли на то, что ихъ нѣтъ въ священныхъ писаніяхъ? Это не доказательство: 1) потому что, во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовательно и въ нашемъ быть должны; 2) что нѣкоторые изъ нихъ и въ священныхъ книгахъ попадаются, напримѣръ, индѣ сказано *рамена*, индѣ *плещи* или *плечи*; 3) священныя книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а потому хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще существованія оныхъ въ славенскомъ языкѣ, ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы: *калякать*, *кобениться*, *задориться*, *пригорюниться*, *ошеломить*, *треснуть въ рожу* и подобныя тому простыя или низкія слова? Весьма бы странно было признать ихъ не славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично. Возьмемъ Библію, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не существующихъ, но которымъ корни однакожъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сіи роды объемлющемъ. Мы, конечно, не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонія*, ни *воздоенія*, ни *добледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того, въ Библіи не найдемъ ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалаго добраго молодца*, однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленія ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова: *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація* и проч.; но сіи столько же не славенскія, сколько и не русскія, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чтожъ такое русскій языкъ отдѣльно отъ славенскаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семъ точно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу. Они не о томъ разсуждаютъ, что такое-то слово въ такомъ-то слогѣ высоко или низко: таковое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ,

они о каждомъ словѣ особенно, не въ составѣ рѣчи, говорятъ: это славенское, а это русское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основываютъ они на томъ мечтательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то русское, а которое не употребляется, такъ то славенское. Утверждаясь на семъ мнѣніи, проповѣдуютъ они, что всѣ славенскія слова надобно исключить изъ нынѣшняго языка и писать, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это утонченною литературою или новою эпохою языка, и все то, что до нихъ или не по ихъ писано, отвергаютъ, яко старое и обветшалое. Разсмотримъ, основательно ли сіе ихъ умствованіе.

Мы доказали, что славенскій и русскій языкъ есть одно и тоже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы они разнствовали между собою, не могутъ называться одно славенскимъ, а другое русскимъ; въ такомъ случаѣ предполагалос бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хотя и несвойственно, одно славенскимъ, а другое русскимъ нарѣчіемъ. Станемъ разумѣть подъ именемъ славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ русскаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не къ раздѣленіи оныхъ на славенскія и русскія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ: *воронъ*, *корова*, *воробей*, *молоко*, русскими словами, а *вранъ*, *крава*, *врабій*, *млеко*-славенскими; то зачѣмъ же говоримъ по-славенски: *нравъ*, *врагъ*, *владѣть*, *награда*, а не по-русски: *норовъ*, *ворогъ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота* есть славенское, а *красота* русское слово; то къ какому же языку причислимъ слово *великолѣпіе*? Буде къ славенскому, такъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчіи употреблять его не должно; а буде къ русскому, то какимъ образомъ, не знавъ, что̀ *лѣпота*, будемъ мы знать, что̀ великолѣпіе? Ежели скажемъ, что глаголъ *дѣлаю* есть русскій, а *дѣю* славенскій; такъ зачѣмъ же говоримъ: *злодѣяніе*, *злодѣй?* Таковыхъ затрудненій могъ бы я представить множество. Какимъ же образомъ въ составѣ языка разберемъ мы, что̀ славенское и что̀ русское? Обыкновенное противъ сего возраженіе людей, не читающихъ ничего твердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоитъ въ томъ, что когда они напишутъ десятка два бранныхъ противъ славенскаго языка стишковъ и въ простыя рѣчи некстати вставятъ нѣсколько высокихъ (называемыхъ славенскими) словъ, то и торжествуютъ, думая,

что они ясно доказали худость сего языка. Имъ до разбора свойствъ онаго, до первоначальныхъ основаній, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ нѣтъ никакой нужды. Они не изъ книгъ, писанныхъ учеными и знающими силу языка людьми, хотятъ учиться оному, но изъ простонародныхъ разговоровъ. По ихъ мнѣнію, говорящій нынѣшнимъ нарѣчіемъ староста церковный гораздо красноръчивѣе преосвященнаго Ѳеофана, говорившаго славенскимъ нарѣчіемъ. У нихъ только и вопросовъ: неужели намъ говорить: «аще бы ты не скоро возвратился, я бы, не дождавшись тебя, абіе ушелъ домой?» Имъ довольно поставить некстати *аще* и *абіе*, дабы возненавидѣть весь славенскій языкъ, какъ будто онъ и виноватъ въ томъ, что они употреблять его не умѣютъ. Поэтому ежели я скажу: «несомый быстрыми конями рыцарь внезапу низвергся съ колесницы и расквасилъ себѣ рожу», такъ будетъ русскій языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую нелѣпость? Нѣтъ, тутъ никакого языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умѣемъ прилично объясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худости языковъ есть судъ объ оныхъ самый невѣжественный. И такъ не славенскій языкъ, отдѣляя отъ русскаго, презирать; не слова онаго на славенскія и русскія раздѣлять: но какое слово какому слогу прилично, знать надлежитъ.

Г. Замѣчанія на критику Дашкова (1810). (14).

Что значитъ раздѣленіе языка нашего на славенскій и русскій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. И такъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На что жъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что, совлеченная единожды съ прямаго пути, она непремѣнно должна попасть въ оныя? Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей? Отсюда, можетъ быть, происходитъ, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаетъ у насъ многимъ и вооружаетъ противъ себя писателей, старающихся всячески помрачить оное. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ прямо,

какъ умѣютъ; другіе же лукавствуютъ и хотятъ настоящее намѣреніе свое прикрыть нѣкою благовидностію, но сіе намѣреніе еще болѣе видно изъ подъ худаго ихъ покрывала. Во множествѣ журналовъ нашихъ (исключая, можетъ быть, немногіе) находимъ подъ именемъ критикъ такія сужденія о языкѣ и словесности, которыя не только передъ цѣлымъ свѣтомъ, но и предъ двумя человѣками изъявлять надлежало бы стыдиться. Главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ стихами и прозою вопіять противъ славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло и въ чемъ состоитъ языкъ. Взявъ одно такое сочиненіе, могли бы мы въ каждой строкѣ, отъ первой до послѣдней, показать неосновательность за неосновательностію, незнаніе за незнаніемъ, неправду за неправдою, даже клевету (ибо часто господинъ или господа писатели сихъ нелѣпицъ, называемыхъ критиками, ссылаясь на страницу разсматриваемой ими книги, отъ того ли, что не поняли, или по надеждѣ, что не всякій станетъ справляться, говорятъ совсѣмъ не то, что на сей страницѣ сказано, и такимъ образомъ, выдавая свое за чужое, сами противъ себя возражаютъ); мы могли бы во многихъ подобныхъ сему ощутительныхъ неправдахъ ясно уличить, но такое подробное показаніе не стоитъ того, чтобъ терять на оное труды и время. Для того выпишемъ только нѣкоторыя мѣста и рѣчи, дабы мимоходомъ взглянуть, какимъ образомъ сіи безъименные критики (столько еще остается въ нихъ стыда, что они скрываютъ имена свои) толкуютъ о языкѣ и словесности. Вотъ какъ: «Россійскій языкъ происходитъ отъ славяскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго». (Неоспоримая правда! съ тою только разностію, что ни одинъ французъ, не обучась латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякій безграмотный мужикъ заставляетъ грамотнаго сына своего читать предъ нимъ прологъ, четію-минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ).— «Мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго». (Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать; ибо неужели онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, древняя Вивліоѳика, лѣтопись Несторова, Никонова, Сильвестрова, псалтырь, евангеліе и множес во духовныхъ книгъ, сочиненныхъ и переведенныхъ задолго до Петра Великаго? Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ, для того только, что не было журналовъ и комедій?). — «Языкъ, которымъ говорили мы (до Петра Великаго), давно уже отдѣлился отъ славянскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, со-

*

всѣмъ прежде неизвѣстныхъ». (Вотъ какое раздѣленіе полагаютъ и защищаютъ! нѣсколько словъ, вошедшихъ въ простонародное нарѣчіе, пріемлется за основаніе новаго языка! гдѣ же покажутъ мнѣ сіе множество татарскихъ словъ и выраженій въ Библіи, въ Ѳеофанѣ, въ Ломоносовѣ, въ Херасковѣ и проч.? Но положимъ, что чистота языка нашего и повредилась нѣсколько отъ принятія въ него иностранныхъ словъ, слѣдуетъ ли изъ того утверждать, что нечистый языкъ сталъ лучше чистаго?). — «Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непосредственно происходитъ отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? къ чему величаться названіемъ, намъ не принадлежащимъ?» (Вотъ какія умствованія! говорить, что мы люди, потомки нашихъ предковъ, и что имѣемъ свой языкъ, есть непринадлежащее намъ названіе! да чтожъ мы такое? и какое названіе намъ принадлежитъ?).— «Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми европейскими народами: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ, но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ славенскаго (выгода несравненная), съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. Еслижъ бы они оба составляли одно и тоже цѣлое, на что сіи предосторожности?» — (Что значатъ сіи слова: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ? какъ! нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? да что такое нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? гдѣ онъ? возьмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотя два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это славенское, а это русское? Ежели мы подъ славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, напримѣръ *вниду*, а подъ русскимъ простое, напримѣръ *войду*, то конечно, о разности ихъ разсуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ прилично важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *вниду* есть славенское, а *войду* русское, и дѣлать изъ того два разныхъ языка есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *въ* различенъ отъ предлога *въ*, и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*. Возьмемъ вышесказанную рѣчь: «нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе», и проч.; можно ли о мѣстоименіи *нашъ*, о словѣ *русскій*, о существительномъ имени *языкъ*, о мѣстоименіи *самъ*, о предлогѣ *по*, о мѣстоименіи *себѣ*, о нарѣчіи *гораздо*, о именахъ *богатѣе*, *великолѣпнѣе*, и такъ далѣе по порядку, сказать, что слова сіи суть русскія, а не

славенскія, или славенскія, а не русскія? Можно ли о Невѣ сказать, что она и безъ воды богата водою?)—«Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій (я говорю только о настоящемъ русскомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны многія нынѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходятъ?» (Въ подобныхъ сборищахъ словъ не должно искать мыслей, а еще меньше разума; ибо они совсѣмъ не съ тѣмъ пишутся, чтобы сказанное можно было доказать или разумѣть, но только съ тѣмъ, чтобъ оное написано и прочтено было. Здѣсь говорится о варварской смѣси, а въ чемъ она состоитъ, до того дѣла нѣтъ. Говорится, что большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій не токмо не принадлежитъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходитъ, а какъ и почему—этого прошу не спрашивать. Между тѣмъ варварская смѣсь, конечно, бываетъ, и еще двоякая, напримѣръ, ежели бы кто написалъ: «меня фрапировалъ колоритъ этой пьесы», рѣчь сія была бы варварское смѣшеніе своихъ двухъ мѣстоименій съ тремя чужими словами; или еели бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ: «мой малютка дѣлаетъ зубы» (вмѣсто: у моего малютки растутъ зубы), тотъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы варварское смѣшеніе, потому что русское выраженіе: «мой малютка», смѣшалъ бы съ выраженіемъ, взятымъ съ французскаго и которое въ нашемъ языкѣ не имѣетъ того значенія. И такъ варварская смѣсь состоитъ или въ принятіи многихъ чужихъ словъ, или въ буквальномъ переводѣ съ чужаго языка такихъ выраженій, которыя нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не то значатъ. Другой никакой варварской смѣси быть не можетъ. Но когда выраженія не принадлежатъ къ славенскому языку и не отъ него происходятъ, такъ откудажъ они взялися? какія же они, какъ не чужестранныя? и когда большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій такова, то какимъ же образомъ вмѣстѣ и вопіять противъ нихъ, называя варварскою смѣсью, и утверждать, что она-то и есть украшеніе нашего языка?). — «Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго; но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ, для подкрѣпленія живаго, не есть доказательство». (Что такое значитъ здѣсь слово *помощь?* не мудрено понять, когда скажутъ: человѣкъ помогаетъ человѣку; но какимъ образомъ представить себѣ, что языкъ помогаетъ языку? этого мало: мертвый помогаетъ живому! и этого мало: живой безъ мертваго существовать не можетъ! Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы смѣютъ являться въ видѣ разсужденій? и предъ кѣмъ? предъ лицемъ свѣта? О!... но воздер-

жимся отъ удивленія. Здѣсь языкъ славенскій называется мертвымъ. Что такое мертвый языкъ? тотъ, которымъ никакой народъ не говоритъ болѣе. Латинскій языкъ есть мертвый, ибо существуетъ въ однѣхъ только книгахъ и между учеными всѣхъ земель людьми. Эллинскій или древній греческій можетъ также назваться мертвымъ; потому что число нынѣшнихъ грековъ весьма не велико, состоитъ подъ владѣніемъ турецкимъ, и притомъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Въ томъ ли положеніи находится славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О!... но воздержимся отъ удивленія) (15).

—«Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ однакожъ быть русскимъ». (Евклидъ говоритъ: ежели опущенъ на прямую черту отвѣсъ, дѣлающій по одну сторону уголъ прямой, то и по другую сторону будетъ уголъ прямой же. Такъ-то и здѣсь: ежели языкъ нашъ, наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ быть русскимъ, такъ по той же причинѣ наполненный простотою русскаго не престаетъ быть славенскимъ. Евклиду надобно вѣрить, онъ учитъ разсуждать. Впрочемъ хорошіе писатели, конечно, не смѣшиваютъ славенскаго языка съ русскимъ; но подъ сими словами разумѣется различіе высокаго слога съ простонароднымъ. Напримѣръ можно сказать: «препояши чресла твоя и возьми жезлъ въ руцѣ твои», и можно также сказать: «подпояшься и возьми дубину въ руки»; то и другое, въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ, можетъ прилично быть, но, начавъ словами: «препояши чресла твоя», кончить: «и возьми дубину въ руки», было бы и смѣшно и странно. Вотъ что наблюдаютъ хорошіе писатели; а не то, чтобъ кричать: *чресла*, *жезлъ*, *препояши*, *безлучный*, *огнезарный*, *безлестный*, *всезлобный*, *плотоядный*, *возсоздать*, *бдѣніе*, *стыдѣніе*, *воздоенный* и проч... это славянскія—сохрани насъ Богъ отъ нихъ!—а *подпоясаться*, *дубина*, *горшокъ*, *лапша*, *кочерга*, *блины*, *помело*, *огурцы*, *квашня*: вотъ это наши русскія слова! Какъ можно такихъ писателей или судей называть хорошими? они языка не знаютъ; ничего путнаго и хорошаго не читали по-русски; не умѣютъ высокаго слога отличить отъ низкаго: какъ же имъ разсуждать о словесности?). — «При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть, по-просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора». (Прекрасное истолкованіе: «высокимъ слогомъ, то есть, по просту на славенскомъ языкѣ!»

да развѣ славенскій языкъ и высокій слогъ есть одно и тоже? Неужели всякая славенская рѣчь есть высокая? не ужъ ли:»хоцеши ли, дамъ ти подзатыльницу», есть такой же высокій языкъ, какъ: «трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася?» Ежели при Петрѣ Великомъ всякія книги безъ разбора писали высокимъ слогомъ, такъ поэтому всякая челобитная была поэма, всякій писарь Ломоносовъ? Лучше бы намъ быть въ началѣ нашего просвѣщенія, нежели подобными разсужденіями чрезъ сто лѣтъ показывать такіе худые успѣхи въ ономъ). — «А простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ съ точностію наблюдается по различію рода сочиненій». Потомъ, въ возраженіе на то, что многіе корни греческихъ и латинскихъ словъ примѣчаются въ славенскомъ языкѣ, сказано: «не зная по гречески, я не могу опровергнуть онаго; но можно ли подумать, чтобъ греки, народъ столь просвѣщенный, наслѣдовавшій самымъ богатымъ изъ всѣхъ языковъ, захотѣли пользоваться славенскимъ, который въ сравненіи съ греческимъ былъ грубъ и бѣденъ?» (Сблизимъ теперь всѣ вышесказанныя мѣста и посмотримъ на кучу скомканныхъ въ нихъ противорѣчій, не имѣющихъ между собою ни соображенія, ни слѣдствія, ни связи: «Славенское и русское нарѣчіе суть два языка различные между собою!—Славенскій языкъ есть высокій слогъ!—Славенскій мертвый языкъ великолѣпенъ, и русскій живой безъ помощи его существовать не можетъ! Славенскій языкъ въ сравненіи съ греческимъ (котораго сочинитель не знаетъ) грубъ и бѣденъ!—Славенскимъ языкомъ или высокимъ слогомъ до Петра Великаго писали всѣ книги безъ разбора, а русскимъ говорили!—Русскій языкъ давно отдѣлился отъ славенскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ!—Онъ есть испорченное изъ славенскаго нарѣчія, смѣшанное съ третьимъ чуждымъ!—Онъ непосредственно происходитъ отъ славенскаго языка, но большая часть нынѣшнихъ выраженій его не принадлежитъ къ славенскому языку, и даже не отъ него происходитъ!»—Какъ? это называется критикою? разсужденіемъ о языкѣ и словесности? на этомъ основываются доказательства, что мы должны славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него? Неужъ ли есть люди, которые сему повѣрятъ?

Д. О ВОСПИТАНІИ И ЯЗЫКѢ.
(1811) [16].

Воспитаніе должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ; но

не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ отечеству, точно также, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери. Онъ научитъ меня математикѣ, механикѣ, физикѣ, но и самый честный изъ нихъ и благонамѣренный не научитъ меня знать землю мою и любить народъ мой; ибо онъ самъ сего не знаетъ, не имѣетъ нужныхъ для меня чувствованій, и не можетъ ихъ имѣть: у него своя мать, свое гнѣздо, свое отечество. Любовь къ оному почерпается не изъ хладныхъ разсужденій, не изъ принужденной благовидности, нѣтъ! она должна пламенною рѣкою литься изъ души моего учителя въ мою, пылать въ его лицѣ, сверкать изъ его очей. Откуда иностранецъ возьметъ сіи чувствованія? Онъ научитъ меня своему языку, своимъ нравамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ; воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ: а мнѣ надобно любить свои. Двѣ любови не бываютъ совмѣстны между собою. Онъ покажетъ мнѣ славу своихъ единоземцевъ; а мои погребены будутъ во мракѣ забвенія. Онъ возбудитъ во мнѣ желаніе читать его писателей, пристрастить меня къ ихъ слогу, выраженіямъ, словамъ, а чрезъ то отвратитъ меня отъ чтенія собственныхъ моихъ книгъ, отъ познанія красотъ языка моего. Каждое слово его будетъ мнѣ казаться прелестнымъ, каждое слово мое грубымъ; ибо кто можетъ устоять противъ возбужденной съ малыхъ лѣтъ склонности и привычки? Онъ поведетъ меня по своимъ городамъ, полямъ, путямъ, вертоградамъ; натвердитъ мнѣ о своихъ забавахъ, играхъ, зрѣлищахъ, нарядахъ; распишетъ ихъ въ воображеніи моемъ своими красками; обольститъ, очаруетъ понятіе мое; родитъ во мнѣ благоговѣніе ко всѣмъ мелкимъ прелестямъ и къ самымъ порокамъ земли своей. Такимъ образомъ, даже нехотя, вложитъ въ меня все свое, истребитъ во мнѣ все мое и, сближа меня съ своими обычаями и нравами, удалитъ отъ моихъ. Я пойду за нимъ шагъ зъ шагомъ; и тогда, когда бы надлежало мнѣ съ молокомъ матери моей сосать любовь къ моему отечеству, пріобрѣтать съ каждымъ днемъ возраста новую къ ней привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствія принадлежать ему, новый предлогъ гордиться и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожденъ въ немъ,— тогда сдѣлаетъ онъ, что всѣ сіи священныя чувствованія умрутъ или охладѣютъ во мнѣ, и я только тѣломъ буду жить у себя въ родной странѣ моей, а сердцемъ и умомъ нечувствительно и по неволѣ переселюся въ чужую землю. Таковое превращеніе, больше или меньше сильное, произведетъ во мнѣ чужестранное воспитаніе безъ всякой вины воспитателя; ибо онъ невиноватъ, что любитъ землю свою больше моей. Чтожъ, если

положимъ еще въ немъ худые нравы, наклонность къ безвѣрію, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы? Тогда, для образованія моей наружности, при малѣйшемъ поползновеніи моемъ къ порокамъ, вложитъ онъ въ меня такую душу, отъ которой Богъ, вѣра и добродѣтель отвращаютъ свое зрѣніе. Народное воспитаніе есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрѣнія. Оно не дѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ счастіе или несчастіе предбудущихъ временъ, и призываетъ на главу нашу или благословеніе или клятву потомковъ. Оно медленно приноситъ плоды, но когда уже созрѣютъ оные, тогда нѣтъ возможности удержать ихъ отъ размноженія: должно будетъ вкусить сладость ихъ или горькость. Для посѣянія чистыхъ сѣмянъ благонравія надлежитъ, чтобъ санъ воспитателя былъ важенъ и почтенъ, не наружными почестями украшенъ, не тѣлесною ловкостію пріятенъ, но добрымъ именемъ и славою долговременно извѣстенъ. Лучше простой человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ и добрыми нравами, нежели ученый съ развращенными мыслями и худымъ сердцемъ; лучше грубоватъ и пасмуренъ лицемъ, нежели статенъ тѣломъ, блестящъ остроуміемъ, но мраченъ душою: ибо гораздо полезнѣе отечеству и всему роду человѣческому судія сострадательный, воинъ храбрый, земледѣлецъ трудолюбивый, нежели легкомысленный вертопрахъ или важный метафизикъ, разсуждающій о монадахъ и дѣлающій воспитанника своего монадою.

Языкъ есть душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія, неумолчный проповѣдникъ дѣлъ. Возвышается народъ, возвышается языкъ, благонравенъ народъ, благонравенъ языкъ. Никогда безбожникъ не можетъ говорить языкомъ Давида: слава небесъ не открывается ползающему въ землѣ червю. Никогда развратный не можетъ говорить языкомъ Соломона: свѣтъ мудрости не озаряетъ утопающаго въ страстяхъ и порокахъ. Писанія зловредныхъ умовъ не проникнутъ никогда въ храмъ славы: даръ краснорѣчія не спасаетъ отъ презрѣнія глаголы злочестивыхъ. Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія. Гдѣ нѣтъ любви къ отечеству, тамъ языкъ не изъявляетъ чувствъ отечественныхъ. Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ, языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ. Онъ не можетъ тамъ

цвѣсти, гдѣ умъ послушенъ сердцу, а сердце слѣпотѣ и заблужденію. Но гдѣ добродѣтель вкоренена въ душахъ людей, гдѣ всякому любезенъ языкъ правоты и чести, тамъ, не опасаясь стрѣлъ невѣжества и клеветы, растутъ и зрѣютъ только плоды наукъ и трудолюбія. Тогда раждаются и возникаютъ сіи отличные люди, которые силою расцвѣтающаго въ умахъ ихъ краснорѣчія приносятъ во всѣхъ родахъ познаній всеобщую пользу. Тогда воскриляются сіи великіе пѣснопѣвцы, которые въ твореніяхъ своихъ говорятъ языкомъ ироевъ, языкомъ боговъ. Симъ восхищаютъ, воспламеняютъ они воображеніе своихъ читателей; сообщаютъ имъ огонь свой; раждаютъ въ нихъ новый свѣтъ: отсюду храбрая душа воина воспаляется новою любовію къ славѣ; отсюду зодчій почерпаетъ мысль о великолѣпіи храма; отсюду живописецъ учится изображать величество Юпитера и силу Геркулеса; отсюду ваятель и камнесѣчецъ безчувственнымъ истуканамъ своимъ даютъ жизнь и прелесть. Тогда растутъ науки, цвѣтутъ художества, зеленѣютъ искусства, и древо просвѣщенія, пуская корни свои глубоко, возносится вершиною къ небесамъ. Таковы суть пользы языка.

[1]) «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (1803). Изд. 2-ое, безъ всякихъ перемѣнъ противъ перваго—1818 (У Соп. и Смирд. показано также 2-ое изд. — 1818 г., такъ что изд. 1818 г. должно считаться третьимъ, хотя на заглавномъ листѣ его и выставлено *второе*. Четвертое во 2 т. Собранія сочиненій и переводовъ Шишкова). Въ 1804 г. Шишковъ написалъ «Прибавленіе къ сочиненію, называемому Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ рос. языка, или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу, съ примѣчаніями на оныя» (Собр. сочин., т. 2).

[2]) Со времени перваго изданія сей книги по сіе время (чему прошло уже около 20 лѣтъ) не вижу я болѣе (или по крайней мѣрѣ гораздо меньше) тѣхъ странныхъ мыслей и выраженій, какія тогда попадались мнѣ во многихъ книгахъ. Обыкновенная участь таковыхъ сочиненій есть скорое ихъ исчезаніе. Вообще слогъ съ того времени поправился. Мы не чувствуемъ болѣе «жажды созерцать неподражаемые оттѣнки рисующихъ полей»; не слышимъ болѣе «печальной свиты галокъ, кои, каркая, сообщаютъ періодическій трауръ»; и, кажется, перестали «нѣжиться въ ароматическихъ испареніяхъ всевожделенныхъ близнецовъ». Все это, благодаря прехожденію заблужденій, кажется, стало становиться смѣшно и жалко. Однакожъ слѣдствія сихъ поврежденныхъ воображеній не скоро истребляются, Часто на мѣсто ихъ заступаютъ другія, едва ли лучшія. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, но замѣтимъ мимоходомъ, что доколѣ станемъ мы языку своему учиться изъ книгъ чужеязычныхъ, до тѣхъ поръ не попадемъ на правый путь.—*Примѣчаніе Шишкова въ 4 изд. Разсужденія (Собр. соч., т. 2. Спб. 1824).*

[3]) Всякій языкъ обогащается другимъ, но не заимствованіемъ изъ него словъ, а тѣмъ, что, размножая наши понятія, открываетъ намъ путь и даетъ разуму силу и знаніе извлекать изъ корней собственнаго языка своего дотолѣ неизвѣстныя и для раздробленія мыслей нашихъ нужныя вѣтви. *Прим. Шишкова въ 4 изд. (ib. стр. 2).*

[4]) Это—мнѣніе Карамзина, въ Панте-

одѣ россійскихъ авторовъ» (М. 1801) при характеристикѣ Кантемира. Въ нов. изд. слова: «называемая французами élégance», опущены.

*) Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и нынѣ есть писатели, достойно сочиненіями своими славящіеся; но ихъ такъ мало въ сравненіи съ другими, что умы младыхъ читателей гораздо меньше наставляются ихъ писаніями, нежели заражаются и портятся твореніями сихъ послѣднихъ. *Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд.*

Можетъ быть, любовь къ отечественному языку моему понудила меня здѣсь съ излишнимъ жаромъ ополчиться противу словъ, не заслуживающихъ столь строгаго осужденія. Я не извиняю сего излишества, но между тѣмъ не престаю и нынѣ думать, чтобъ подобныя мнѣнія не произвели въ умахъ неопытныхъ писателей тѣхъ слѣдствій, какія отъ презрѣнія къ *старому слогу* родились въ *новомъ*, довольно въ сей книгѣ показанномъ. Для справедливаго сужденія о вещахъ надлежитъ разсматривать ихъ съ двухъ сторонъ; иначе, смотря на одну и не видя другой, часто можемъ обманываться. Если бы сей *élégance*, или, скажемъ по своему, *благоязычіе, чисторѣчіе, краснословіе* почерпаемо было изъ источниковъ русскаго языка, такъ чтобы, не разрушая природныхъ свойствъ его и силы, придавало ему новый блескъ и чистоту, тогда могли бы мы гордиться успѣхами словесности. Симъ образомъ гордимся мы появленіемъ стиховъ Ломоносова предъ прежними, до него сочиняемыми стихами. Но когда сей *élégance* поставляется въ истребленіи старыхъ словъ, вводя на мѣсто оныхъ новопереводныя съ французскаго языка; когда русскимъ оборотамъ и словосочиненію предпочитаются словосочиненіе и обороты иностранные; когда силу языка своего думаютъ замѣнять силою чужихъ выраженій, ему несвойственныхъ; когда, по примѣру другихъ языковъ, не имѣющихъ толь великаго, какъ нашъ, изобилія и различія въ выборѣ словъ, хотятъ величавый языкъ поэмы или трагедіи сравнять съ простымъ языкомъ басни или оперы; когда, гоняясь за хитростями ума, удаляются отъ языка природы, и проч. и проч.,—тогда одинъ наборъ словъ для уха, не говорящій ничего разуму, часто противный здравому разсудку, есть для меня самый пустой *élégance*. Я люблю лучше старый, даже тяжелый и обветшалый слогъ, когда онъ ясенъ и силенъ, нежели новый, одною только легкостію и звучностію словъ щеголяющій. Въ языкѣ умъ велитъ иногда угождать уху, однако не велитъ разсуждать ушами. — *Прим. Ш—ва въ нов. изд. (Собр. соч. т. 2, стр. 4—6).*

*) Подъ именемъ славенскихъ, славено-россійскихъ и русскихъ книгъ можно разумѣть различныхъ временъ слоги, или языкъ въ смыслѣ слога, какъ то: слогъ Библіи, Патерика или Четьи-Миней, Слова о полку Игоревомъ, старинныхъ грамотъ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхъ оныхъ слогъ или образъ объясненія различенъ; но чтобъ славенскій и русскій языкъ были два языка, то есть, чтобъ можно было сказать: это славенское, а это русское слово, сего различія въ нихъ не существуетъ. Между тѣмъ многіе, безъ всякаго основанія, почитаютъ ихъ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводъ русскій языкъ подъ именемъ славенскаго презирать и тотъ же самый языкъ, унижая до просторѣчія и располагая оный по свойствамъ французскаго языка, называть русскимъ. Подъ симъ-то ни съ чѣмъ несообразнымъ раздѣленіемъ одного и того же языка на двѣ разныя части, изъ коихъ одна, важнѣйшая, познаваемая изъ чтенія книгъ, не читаемыхъ, приводится въ забвеніе, а другая, простѣйшая, навыкомъ изъ общихъ разговоровъ съ малолѣт-

ства затверживаемая, обвиняется неопредѣленностію словъ, обыкновенностію воображеній, малою игривостію ума, и все сіе поправляется тѣми, которые, меньше всего вникая въ происхожденіе, силу и свойства языка своего, проповѣдываютъ введеніе въ него новыхъ понятій, новой легкости, новой чистоты, новаго вкуса. *Прим. Ш—ва въ нов. изд. (Тѣ. стр. 8 и 9).*

[7]) Сіи суть самыя новомодныя слова, для того въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются они почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣются также и обветшалыя иностранныя слова, какъ напримѣръ: *авантажиться, манериться, компанію водить, куры строить, комедь играть* и проч. Сіи прогнаны уже изъ большаго свѣта и переселились къ купцамъ и купчихамъ. *Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Тѣ., ст. 25).* Подъ «Орлеанской дѣвкой» разумѣется сочиненіе Вольтера.

[8]) Сіи слова, нигдѣ прежде въ языкѣ нашемъ не существовавшія, произведены по подобію словъ: изящность, суетность, безопасность и пр. Нынѣ уже оныя пишутся и печатаются во многихъ книгахъ, а потому надѣяться должно, что словесность наша время отъ времени будетъ еще болѣе процвѣтать. Напримѣръ: вмѣсто прошедшее время станутъ писать *прошедшиность;* вмѣсто человѣческое жилище, по подобію съ голубятнею, *человѣчатня;* вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ телятиною, *березятина, дубовятина,* и такъ далѣе. О, мы становимся великими изобрѣтателями словъ!—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Тѣ., стр., 24).*

Подобныя слова, какъ *будущность,* хотя и скорѣе могутъ быть приняты, нежели рабственно переводимыя съ французскаго или инаго языка; однакожъ и они требуютъ основательнаго разбора. Изобрѣтая ихъ, то есть производя изъ корня съ симъ или инымъ окончаніемъ, надлежитъ строго разсматривать: *1-е)* подлинно ли сіе превращеніе прилагательныхъ именъ въ существительныя нужно для лучшаго выраженія мыслей; *2-е)* въ какомъ случаѣ не портитъ это языкъ. Напримѣръ, хорошо ли будетъ, когда мы вмѣсто: *перестанемъ толковать о будущемъ, станемъ говорить о настоящемъ времени,* скажемъ: *перестанемъ толковать о будущности, станемъ говорить о настоящности?* или, примѣчая, что языкъ позволяетъ изъ глаголовъ, *ходить, гулять, стрѣлять* и проч., составлять имена: *ходьба, гульба, стрѣльба,* начнемъ по сему правилу, противосвойственно языку, тожъ самое дѣлать и съ другими глаголами, какъ то: отъ *пить, сидѣть, грустить* и проч. производить имена: *питьба, сидьба, грустьба* и тому подобное? Изобрѣтеніе новыхъ словъ и отверженіе старыхъ равный принесутъ вредъ словесности, когда пріемлемы или отвергаемы будутъ безъ всякаго знанія силы и свойства языка.—*Прим. Ш—ва въ нов. изд. (Тѣ., стр. 24).*

[9]) Глаголъ *влить* есть не иное что, какъ глаголъ *лить,* соединенный съ предлогомъ *въ,* отъ котораго безгласная буква *ъ* отнята. Всѣ составленные подобнымъ образомъ глаголы соединяются съ тѣми жъ самыми предлогами, какъ напримѣръ: *набѣжать на камень, исторгнуться изъ напасти, отбиться отъ непріятеля, слетѣть съ дерева, войти въ церковь,* а когда надобно сказать: *на церковь,* тогда употребляется другой глаголъ *взойти.* По какому же правилу или примѣру говоримъ мы: *вліяніе на разумы?* по французскому? О, мы выбрали прекрасную дорогу для обогащенія языка своего! Въ священныхъ книгахъ находимъ мы: *Духъ Святый найдя на Тя,* и въ другомъ мѣстѣ: *Сохрани душу мою отъ нашествованія* страстей. Тако жъ и въ молитвѣ къ Богородицѣ: *Напастей ты прилоги отгоняеши и страстей находы,*

Дњво. Здѣсь *наитіе* или *наитствованіе* не иное что значитъ, какъ то самое понятіе, которое французы изображаютъ словомъ *influence*. Понятіе сіе и въ просторѣчіе введено; мы говоримъ: *на него дурь находитъ*, такъ какъ бы по нынѣшнему сказать: *безуміе имњетъ вліяніе на его разумъ*. Изъ сего видѣть можно, что если бы тотъ, кто первый слово *influence* перевелъ *вліяніемъ*, читалъ старинныя русскія книги, то бы онъ почерпалъ слова изъ нихъ, а не изъ французскихъ книгъ, и тогда не находили бы мы въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ таковыхъ нерусскихъ рѣчей, каковы суть слѣдующія: *Авторскою дњятельностью имњть вліяніе на современниковъ.— Несходство въ характерњ разума и авторства имњетъ вліяніе на судъ о человњкњ. — Находиться подъ вліяніемъ исключительной торговли.— Сіе приключеніе имњло вліяніе на ходъ политики*, и тому подобныя. Мнѣ случилось разговаривать съ однимъ изъ защитниковъ нынѣшнихъ писателей, и когда я сказалъ ему, что слово *influence* переведено *вліяніемъ* не потому, чтобъ въ языкѣ нашемъ не было соотвѣтствующаго ему названія, но потому, что переводчикъ не зналъ слова *наитствовать*, изображающаго тоже самое понятіе: тогда отвѣчалъ онъ мнѣ: *Я лучше дамъ себя высњчь, нежели когда нибудь соглашусь слово это употребить*. Сіе одно уже показываетъ, какъ много заражены мы любовію къ французскому и непавистію къ своему языку. Какая же надежда ожидать намъ знающихъ языкъ свой писателей, и мудрено ли, что у насъ ихъ мало?—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Тъ. стр. 25 и 26)*.

[10]) Напримѣръ: un des hommes de France qui a le plus d'esprit, qui a rempli avec succès de grandes places, et qui a écrit sur divers objets avec autant d'intérêt que d'élégance, a dit, dans des Considérations sur l'état de la France: «одинъ изъ людей Франціи, который имѣлъ наиболѣе разума, который наполнялъ съ успѣхомъ великія мѣста, и который писалъ на разные предметы съ такою занимательностію, какъ элегансомъ, сказалъ, въ «Разсужденіяхъ на состояніе Франціи». Сей переводъ весьма похожъ на многіе нынѣшніе.— *Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Тъ. стр. 26 и 27)*.

[11]) Иныхъ, можетъ быть, нѣтъ, а другія и есть, но мы, не читая книгъ своихъ, не можемъ ихъ знать. Виноватъ ли бы былъ языкъ, если бы кто слово *préface* перевелъ *предличіе*, не знавъ, что оно давно уже употребительно и называется *предисловіемъ*? Мы выше сего видѣли подобный сему переводъ слова *influence*.—*Примњч. Ш—ва къ 1-му изд. (Тъ. стр. 44—45)*.

[12]) «Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно», читанное въ годичное Россійской Академіи собраніе, 3 декабря 1810 (нап. 1811). Изд. 2-ое— 1825. Также въ IV т. Собр. сочиненій Шишкова. Сочиненіе это служитъ отвѣтомъ на двѣ задачи, предложенныя Академіею и выраженныя его заглавіемъ. Шишковъ соединилъ оба вопроса въ одинъ, находя между ними тѣсную и неразрывную связь.

[13]) «Разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія». Шишковъ упорно отстаивалъ тождество языковъ славянскаго и русскаго и часто обращался къ этому коренному началу своихъ мнѣній, стараясь разъяснить его всевозможными средствами. Тоже самое говорилъ онъ, черезъ 23 года, въ «Опытѣ словопроизводнаго словаря» (1833): «Необдуманное раздѣленіе языка на славенскій и русскій произошло отъ неопредѣленности слова *славенскій*. Мы даемъ сіе названіе языку по имени народа, называвшагося *Славянами*, но не ужъ ли народъ сей до принятія

сего имени былъ нѣмой, безъязычный? не ужъ ли съ того времени сталъ имѣть языкъ, или перемѣнилъ его на другой? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же языкомъ; не знаемъ, какъ его называли, но знаемъ, что по раздѣленіи сего народа на Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ, Иллиріянъ и проч., и языкъ сей сталъ называться по ихъ именамъ: русскій, польскій, чешскій, иллирійскій и проч. При всѣхъ сихъ именахъ онъ былъ и есть одинъ и тотъ же общій всѣмъ. Вотъ первое объ языкѣ понятіе. Второе: языкъ хотя одинъ и тотъ же, но у разныхъ народовъ больше или меньше измѣняется и получаетъ имя *нарѣчій*. Польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть нарѣчіе славенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія» ,и т. д. (стр. 8—10).

[14]) «Присовокупленіе» къ Разс. о крас. Св. П.—Въ 1808 г. Шишковъ напечаталъ «Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ своими примѣчаніями: а) сравненіе франц. языка съ древними языками, б) о краснорѣчіи» (Собр. соч., III). Дашковъ написалъ на него критику въ журналѣ «Цвѣтникъ» (1810, №№ 11 и 12). «Присовокупленіе» служитъ отвѣтомъ Дашкову, который послѣ того издалъ книжку «О легчайшемъ способѣ возражать на критики» (1811).

[15]) Приговорка Шишкова: «о... но воздержимся отъ удивленія!» дала поводъ А. Измайлову написать въ 1811 г. сказку: «Шутъ въ парикѣ» (Сочиненія А. Измайлова, изд. Смирдина, 1849, т. I, стр. 195—196).

Однажды въ маскерадѣ
Явился старый шутъ въ неслыханномъ нарядѣ:
Съ хрустальной запонкой и воротомъ косымъ
Изъ ткани пестрыя на немъ была срачица,
Да съ гульфикомъ большимъ
Атласна черна исподница.
Съ нагнутыхъ плечъ его висѣлъ
Замачканный тулупъ, но настоящій русскій;
На головѣ же онъ имѣлъ
Распудренный парикъ французскій.
За старымъ шутомъ въ слѣдъ шелъ молодой чудакъ,
Въ престранномъ тоже одѣяньѣ,
Въ какомъ-то шахматномъ, смѣшномъ полукафтаньѣ,
И съ колокольчикомъ торчалъ на немъ колпакъ.
Лишь въ залу чучелы вступили,
Всѣ бросилися къ нимъ, кругомъ ихъ обступили,
Никто не могъ свести съ нихъ глазъ.
Старикъ, пожавъ плечьми, воскликнулъ: «Вижу азъ,
Коликой степени достигли развращенья!
О!... но воздержимся еще отъ удивленья!
О буйно скопище безумцевъ и невѣждъ!
И мужескъ полъ и женскъ совлекся тѣхъ одеждъ,
Которыя дѣдовъ и бабокъ украшали.
Почто французскія вы моды переняли?
Воззрите на меня, на юношу сего,
Такъ иноземнаго не найдешь ничего.
Все русское на насъ, изящно все и лѣпо;
Мы любимъ старое, и вы любите слѣпо...»
Тутъ нѣкто старика прервалъ
И вѣжливо ему сказалъ:
«За что всѣхъ, дѣдушка, поносишь?
Ты самъ парикъ французскій носишь»
О если бы кто видѣлъ тутъ,
Какъ разозлился старый шутъ!
Сначала у него языкъ прильпѣ гортани;
Потомъ ужъ кое-какъ собрался съ силой онъ,
И полился изъ устъ его источникъ брани.
Безбожникъ! закричалъ: измѣнникъ! франмасонъ!
Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ!—
Что жъ это былъ за шутъ, никто не отгадаетъ.

Извѣстно, что Шишковъ вопросъ о языкѣ связывалъ съ вопросами о вѣ-

рѣ, нравственности и любви къ отечеству.

**) «Разсужденіе о любви къ отечеству». Читано въ «Бесѣдѣ любителей рус. слова» 1811 г., нап. въ 5 кн. «Чтенія въ Бесѣдѣ» и отдѣльно 1812 г. Въ письмѣ, отъ 27 декабря 1811 г., къ Якову Іевлевичу Бардовскому, переводчику сочиненій: Лагарпа—«Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII в. противъ христіанскаго благочестія» (1810), и Месона—«Разсужденіе о познаніи самого себя» (1820), Шишковъ пишетъ: «На сихъ дняхъ была у насъ «бесѣда», въ которой читалъ я «Разсужденіе о любви къ отечеству». Собраніе было многочисленное. Болѣе четырехъ сотъ посѣтителей едва вмѣстилось въ залу. Духовенство и знатнѣйшія особы обоего пола украшали оную. Признаюсь, что я приступилъ къ чтенію съ нѣкоторою робостію: казалось мнѣ, что не всѣ раздѣляютъ со мною мои чувствованія и, можетъ быть, многимъ нѣкоторыя истины покажутся слишкомъ смѣлыми: однакожъ я обманулся. Успѣхъ превзошелъ мое чаяніе, и тутъ увидѣлъ я, что какъ бы нравы ни были повреждены, однакожъ правда не престаетъ жить въ сердцахъ человѣческихъ. Кто даже и нейдетъ путемъ ея, тотъ самый, при гласѣ ея, просыпается и отворяетъ ему душу свою, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время». (Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала А. С. Шишкова. Спб. 1841). Патріотическія чувства, которыми проникнуто «Разсужденіе», доставили его автору мѣсто государственнаго секретаря: «Весною въ 1812 г. Государь призываетъ меня къ себѣ и говоритъ: «Я читалъ разсужденіе твое о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, ты можешь ему быть полезенъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ. Я бы желалъ, чтобы ты написалъ о томъ манифестъ». (Краткія записки адмирала А. Шишкова, веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Первомъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. 1831; изд. 2-ое—1832), «Собраніе манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ, приказовъ и разныхъ извѣщеній», написанныхъ Шишковымъ въ 1812 — 16 гг., нап. 1816 г. (Смирд., № 1677).

Пушкинъ отдалъ дань патріотизму Шишкова такою поэтической похвалой:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ
средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1754—1841), адмиралъ, занимавшій должности президента Россійской Академіи (съ 1813 по 1840 г.) и министра народнаго просвѣщенія (съ 1824 по 1828), писалъ очень много. «Собраніе сочиненій и переводовъ» его, въ 17 тт., изд. 1818 — 39 гг. Исчислимъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ языку и словесности, оставляя въ сторонѣ сочиненія по морскому искусству:

а) Дѣтская библіотека, Кампе, 1788 (Соп. III, 5014).

б) Разсужденіе о стар. и нов. слогѣ, 1803.

в) Собраніе дѣтскихъ повѣстей, 2 ч., 1806—1807 (исправленная и дополненная Дѣтская библіотека). Обѣ части составили потомъ, въ нов. изд., одну, которая вошла въ I т. Собр. соч.

г) Прибавленіе къ «Разс. о слогѣ». 1804. Оно содержитъ въ себѣ отвѣты на критики журналовъ: Московскій Меркурій 1801 и Сѣверный Вѣстникъ, того же года, издававшійся И. Мартыновымъ.

д) Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, 1808.

е) Разсужденіе о краснорѣчіи Свящ. Писанія, 1810.

ж) Разговоры о словесности, 1811 (Собр. соч., III).

з) Разсужд. о любви къ отечеству, 1811.

и) Прибавленіе къ Разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на эту книгу, 1812 (Собр. соч., III). Здѣсь Шишковъ полемизируетъ съ Каченовскимъ, котораго критика нап. въ 12 и 13 №№ Вѣст. Евр. 1811.

і) Краткія записки, 1831.—Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 т. (Берлинъ, 1870).

к) Опытъ словопроизводнаго Словаря, содержащій въ себѣ дерево, стоящее на корнѣ *мр*. Съ означеніемъ 24 колѣнъ и 920 вѣтвей. 1833.

Изслѣдованія Шишкова о языкѣ и слогѣ печатались въ изданіяхъ Россійской Академіи: «Извѣстія Рос. Академіи, 12 ч. (1815—28)», «Повременное изданіе Академіи, 4 ч. (1829—32)», «Краткія записки, 3 кн. (1834—35)», «Труды Рос. Академіи, 5 ч. (1840—42)». Отсюда перепечатаны они въ Собраніи его сочиненій. Живая характеристика Шишкова, какъ человѣка и писателя, начертана С. Аксаковымъ въ «Воспоминаніи объ А. С. Шишковѣ» (Семейная Хроника и Воспоминанія).

VI.

МАКАРОВЪ (1).

КРИТИКА НА КНИГУ ШИШКОВА: РАЗСУЖДЕНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА (1803) (2).

Нѣтъ вещи, нѣтъ и слова; нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому человѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей; чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не перемѣнился ли совершенно? Потомки Периклов, Фокіоновъ и Демосѳеновъ должны, какъ чужестранцы, учиться тому, которымъ предки ихъ гремѣли на каѳедрѣ аѳинской. Русская Правда однимъ ли слогомъ писана съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича? Всякій ли французъ можетъ нынѣ понимать Монтаня или Рабеле? и должно ли винить писателей вѣка Людовика XIV за то, что они не подражали писателямъ временъ Франциска I или Генриха IV? Должно ли винить Ѳеофана, Кантемира и Ломоносова, что они первые удалились отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ сочинитель Разсужденія о слогѣ предлагаетъ намъ теперь въ образецъ? Языкъ слѣдуетъ всегда за науками,

за художествами, за просвѣщеніемъ, за нравами, за обычаями. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ, подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ. Въ утѣшеніе писателю остается, что умъ и чувствованія не теряютъ своихъ пріятностей и достигаютъ до самаго отдаленнаго потомства. Красавицы двадцать третьяго вѣка не станутъ, можетъ быть, искать могилы Бѣдной Лизы, но въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ и оставилъ послѣ себя имя любезное отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненія Карамзина, всегда скажетъ: «онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце!»

Нынѣшніе писатели (мы говоримъ только о писателяхъ хорошихъ) приняли нѣсколько словъ чужестранныхъ, большею частію греческихъ и латинскихъ. Сочинитель жалуется на сію мнимую новость, и однакожъ говоритъ самъ, что языкъ славенскій «еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка». Почему же слова эллинскія, взятыя въ десятомъ или двѣнадцатомъ вѣкѣ, кажутся ему почтеннѣе взятыхъ изъ того же языка нынѣ? Мы изъяснимъ сію загадку: сочинитель Разсужденія о слогѣ почитаетъ греческія и латинскія (а) за французскія! Но почему и французскія не должны быть у насъ терпимы? Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. Римляне приняли много словъ отъ грековъ и передали много своихъ другимъ народамъ; французы приняли слова греческія, латинскія и даже италіанскія, для того что италіанцы прежде ихъ упражнялись въ наукахъ и художествахъ; англичане образовали свой языкъ изъ разныхъ языковъ древнихъ и новыхъ. Почему намъ однимъ не занимать? мы ли первые начали? Мы застали русскій языкъ, наполненный словами греческими, латинскими, татарскими, нѣмецкими: всѣ народы, съ которыми наши предки имѣли войну или связи торговыя, сообщили имъ слова. Безобразитъ ли теперь нашъ языкъ нѣмецкое слово «кучеръ?» какой поселянинъ не разумѣетъ его? или, лучше сказать, какого поселянина увѣришь, что оно не коренное русское? Нѣкоторыя чужестранныя слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (французское, арабское, нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно: двадцать грамматическихъ ошибокъ не подвергнутъ такому осмѣянію, какъ одно слово чужестранное, неудачно взятое. Напротивъ того, потерять счастливую мысль или выразить ее слабо, для нѣкоторой лишней чистоты языка, будетъ непростительное педанство. Науки и

а) Такія, какъ напримѣръ «фраза» и нѣсколько другихъ. *М—въ.*

художества требуютъ названій такихъ, въ которыхъ заключался бы смыслъ ясный и опредѣленный: переводомъ испортишь сіи названія. Сочинитель Разсужденія о слогѣ, запрещая чужестранныя слова, говоритъ самъ, что мы еще имѣемъ надобность въ нѣкоторыхъ техническихъ; самъ пишетъ: «единоцентренны», «метафорическій смыслъ», «прозаическія сочиненія», «текстъ». Чѣмъ же слово «проза», а особливо производное отъ него прилагательное, лучше слова «эпоха», которое онъ называетъ безобразіемъ языка? и если можно сказать «проза», то для чего не сказать: «періодъ, «тропъ?» для чего не писать: «гармонія», «монотонія»—техническихъ словъ музыки? Говорятъ, что никто не обязанъ разумѣть языковъ чужестранныхъ. Правда; однакожъ, гдѣ пишутъ «метафора» и «тропъ», такое сочиненіе, вѣроятно, назначается не для толпы безграмотной. Впрочемъ мы не хотимъ оправдывать дурныхъ писателей, которые, ссылаясь на хорошихъ, употребляющихъ иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ. Такихъ людей очень много: по счастію, никто не подражаетъ имъ.

Сочинитель Разсужденія о слогѣ не любитъ даже и настоящихъ русскихъ словъ, если нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ; не любитъ даже такихъ, которыя включены въ Словарь Академіи, приняты всѣми и употребительны равно въ слогѣ высокомъ и въ обыкновенномъ разговорѣ, напримѣръ: «трогательно», «утонченный». Слѣдующее замѣчаніе служитъ ему неоспоримымъ доказательствомъ: «если бы это свойственно было языку нашему, то давно бы уже оное введено было въ употребленіе». Вмѣсто «вліянія» онъ велитъ писать «наитствованіе», вмѣсто «развитія»—«прозябеніе» понятій. Не говоримъ уже, что писатель обязанъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ общему вкусу; но чѣмъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе? Кто знаетъ, не ошибались ли тогда болѣе нынѣшняго? Какая старинная грамматика рѣшитъ сей вопросъ? Сочинитель Разсужденія о слогѣ, утверждая, что каждый народъ въ составленіи языка своего умствовалъ по собственнымъ своимъ понятіямъ, весьма различнымъ отъ другаго народа (а), подаетъ оружіе на себя: ибо, въ отношеніи къ обычаямъ и понятіямъ, мы теперь совсѣмъ не тотъ народъ, который составляли наши предки;

а) «Мы, напримѣръ (говоритъ онъ) слово «сокровище» произвели отъ глагола «сокрывать», разсуждая, что чѣмъ драгоцѣннѣе какая вещь, тѣмъ рачительнѣе стараются сохранять или сокрывать оную. По сему понятію нашему всякое богатство или рѣдкую драгоцѣнную вещь называемъ мы сокровищемъ. Французы, напротивъ того, умствуя иначе, произвели названіе сіе отъ имени «or» (золото), сложа оное съ предлогомъ «très», соотвѣтствующимъ нашему предлогу «пре» или нарѣчію «весьма». И такъ по ихъ понятію «trésor», то есть сокровище, есть вещь превосходнѣйшая или дражайшая золота». *М—въ.*

слѣдственно хотимъ сочинять фразы и производить слова по своимъ понятіямъ, нынѣшнимъ, умствуя какъ французы, какъ нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы. Неужели сочинитель, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ?... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли; однакожъ что иное подумать, приводя всѣ его разсужденія въ систему? что подумать, читая: «народъ, который все перенимаетъ у другаго, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя и теряетъ собственное свое достоинство?»

[1]) Макаровъ, Петръ Ивановичъ (р. около 1765, ум. 1804), сынъ казанскаго помѣщика, служилъ въ артиллеріи. Получивъ чинъ поручика, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ лишился большей части своего имѣнія, чему причиною былъ дурной выборъ знакомыхъ. По выходѣ въ отставку маіоромъ, воротился въ Казань, продалъ остальное имѣніе роднымъ и въ 1795 путешествовалъ по Англіи, откуда писалъ письма къ друзьямъ своимъ. Не зная англійскаго языка и не имѣя достаточныхъ средствъ, путешественникъ обратился въ Лондонѣ къ русскому священнику, который помѣстилъ его въ пансіонъ», т. е. на хлѣбы къ содержателю школы. Хотя Макаровъ прожилъ въ Лондонѣ недолго, однакоже надѣлалъ долговъ и рѣшился бѣжать. Изъ Петербурга онъ выслалъ занятыя имъ деньги. Одна чувствительная для сердца утрата заставила его, по возвращеніи изъ Англіи, предаться литературѣ. Онъ перевелъ съ франц. (другихъ языковъ онъ не зналъ): а) »Графъ де Сенъ-Меранъ, или новыя заблужденія сердца и ума, 8 ч. (М. 1799—1800)»; б) «Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи съ прибавленіемъ разныхъ извѣстій о Египтѣ. Греческая рукопись, найденная въ Геркуланѣ и переведенная на фран. языкъ г-мъ Лантье, 3 т. (М. 1801 — 1802)». Сочиненіе Лантье († 1826) служитъ какъ бы дополненіемъ къ знаменитой нѣкогда книгѣ аббата Бартелеми († 1795): «Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи». — Въ 1803 г. Макаровъ издавалъ: «Московскій Меркурій», одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ, доставившій издателю почетное мѣсто въ ряду литераторовъ. Сочиненія и переводы Макарова имѣли два изданія: 1-е, въ 2 т., 1805 г.; 2-е, 2 т. или 4 ч., 1817, съ приложеніемъ статьи М. А. Дмитріева; «О Макаровѣ и его сочиненіяхъ».

[2]) «Москов. Меркурій, декабрьская книжка». Статья во многихъ отношеніяхъ дѣльная. Шишковъ отвѣчалъ на нее въ «Прибавл. къ Разсужд. о ст. и нов. слогѣ». Она доставила Макарову извѣстность знающаго и остроумнаго критика. Вообще современники признавали его талантливымъ литераторомъ, на пріятномъ и чистомъ слогѣ котораго очевидно вліяніе Карамзинской реформы. Статью свою о книгѣ Шишкова, обличавшаго неправильныя, часто дикія фразы бездарныхъ переводчиковъ и сочинителей, онъ заключилъ сознаніемъ своего авторскаго мастерства: «Должностію почитаемъ сказать своимъ читателямъ, что въ «Разсужденіи о ст. и нов. слогѣ рос. языка» мы не нашли ни одной фразы изъ нашего журнала». — Макаровъ извѣстенъ также своимъ уваженіемъ къ прекрасному полу, которое выражалось и сентиментальными чувствами, по духу того времени, и признаніемъ правъ женщины не только на занятія литературой, но и на высшее просвѣщеніе. Награда «ми-

*

лой» служила, по его мнѣнію, наилучшею оцѣнкой авторскихъ заслугъ мужчины: «Всякій ли можетъ посвятить тридцать лѣтъ цвѣтущаго времени своей жизни на чтеніе старинныхъ книгъ, чтобы при сѣдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ *ученыхъ?* Похвалы Аристарховъ пріятны самолюбію;но похвалы Делій несравненно милѣе сердцу. Лавры изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной всегда были почитаемы за драгоцѣннѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря, и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ» *(Критика на Разсужденіе Ш—ва)*. Полнѣе, по этому предмету, высказался Макаровъ въ примѣчаніяхъ къ «Критикѣ сочиненія Сегюра о женщинахъ» (пер. съ фр.) и въ «Нѣкоторыхъ мысляхъ издателей Меркурія». Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ второй статьи:

«Удивительно, непонятно, по какому странному несчастію изъ всѣхъ французскихъ модъ не перенимаютъ здѣсь только той, которая одна полезна. Француженки девятаго-надесять вѣка посѣщаютъ лицеи, смотрятъ музеумы, слушаютъ профессоровъ, читаютъ, переводятъ и сами сочиняютъ. У насъ нѣтъ ни лицеевъ, ни дружескихъ ученыхъ собраній; но все это было бы, если бы женщины захотѣли... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): я тебя умнѣе!.. И почему не быть женщинѣ столько же ученою, сколько и мужчинѣ? Способности ея превосходнѣе нашихъ и требуютъ только развитія... Женщины всегда были и будутъ первою (хоть иногда невидимою) пружиною человѣческихъ дѣяній, причиною всего изящнаго и великаго». (Моск. Мерк., № 1).

См. указанную ст. М. Дмитріева и ст. Г. Геннади: «П. И. Макаровъ и его журналъ: Московскій Меркурій» (Соврем. 1854, № 10).

VII.

ДАШКОВЪ (1).

А. О ПЕРЕВОДѢ ДВУХЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ЛАГАРПА (1810). (2).

Разсматривая сей переводъ почтеннаго сочинителя «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», совсѣмъ не намѣренъ я опровергать сильныхъ доказательствъ его противъ злоупотребленія, столь обыкновеннаго нынѣ, вводить въ языкъ нашъ несвойственныя оному выраженія и обороты. За великую честь поставлю себѣ, что въ семъ случаѣ мысли его сходны съ моими. Мнѣ кажется только, что онъ слишкомъ распространилъ заключенія свои и что между множествомъ весьма справедливыхъ замѣчаній у него вырываются иногда парадоксы, несовмѣстные съ красотою и свойствомъ россійскаго языка. Впрочемъ я отнюдь не хочу критиковать его, но представляю здѣсь ученика, предлагающаго сомнѣнія свои учителю на разрѣшеніе.

Я не буду разбирать Лагарпо-

ныхъ сужденій. Г. переводчикъ говоритъ самъ, что онъ «переводилъ обѣ статьи не съ начала оныхъ и не до конца, но съ тѣхъ мѣстъ, которыя ему наиболѣе для примѣчаній его нужны». Довольно ясно, что намѣреніе его было не примѣчанія дѣлать на Лагарповы слова, а самого Лагарпа перевести для своихъ примѣчаній, кои можно назвать дополненіемъ къ прежнимъ сочиненіямъ его о старомъ и новомъ слогѣ. Цѣль его вездѣ одинакова; благородное рвеніе возвратить языкъ нашъ къ первобытному его великолѣпію и чистотѣ вездѣ очевидно.

Въ предувѣдомленіи своемъ объясняетъ онъ причины, побудившія его къ сему переводу, и говоритъ между прочимъ, что «сличеніе, какое дѣлаетъ Лагарпъ между своимъ французскимъ и чужими, греческимъ и латинскимъ, языками, покажетъ намъ, къ которому изъ нихъ нашъ славенороссійскій языкъ свойствами своими подходитъ ближе». Для чего не просто «россійскій», также какъ г. переводчикъ назвалъ его въ своемъ Разсужденіи? Я не отвергаю, чтобъ языкъ нашъ не былъ весьма близокъ къ славенскому и чтобъ сей послѣдній не былъ главнымъ основаніемъ его; но не слишкомъ ли много смѣшивать сіи два языка и почитать ихъ за одинъ и тотъ же? Россійскій происходитъ отъ славенскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго, смѣшаннаго съ цельтскимъ, или вельхскимъ (³), съ тѣмъ только различіемъ, что французскій еще въ X вѣкѣ началъ отдѣляться отъ корня своего, а мы на нашемъ никакихъ не имѣли сочиненій до времени Петра Великаго; но языкъ, которымъ говорили мы, давно уже отдѣлился отъ славенскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстиыхъ. Г. переводчикъ, кажется, чувствовалъ силу сего возраженія и старался отклонить оное, говоря: «всѣ вещи, конечно, подвержены перемѣнамъ: нѣкоторыя слова и обороты ветшаютъ и выходятъ изъ обыкновенія; употребленіе даетъ силу словамъ и выраженіямъ: отъ новыхъ понятій раждаются новыя названія и новый образъ реченій; но все сіе тогда токмо вредитъ языку и потрясаетъ свойства онаго, когда не изъ собственныхъ его, но изъ чуждыхъ источниковъ почерпается». Но сіе можетъ ли служить достаточнымъ отвѣтомъ? Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно хотя непосредственно происходитъ отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? Къ чему величаться названіемъ, намъ не принадлежащимъ! Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми европейскими народами: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ славенскаго (выгода несравненная!), съ тѣмъ

однакожъ условіемъ, чтобъ выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. Если жъ бы они оба составляли одно и тоже цѣлое, на что сіи предосторожности? Для чего не пишемъ мы такимъ же точно языкомъ, какимъ писана Библія? Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій (я говорю только о настоящемъ русскомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны многія нынѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходятъ?... Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго; но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго не есть доказательство и притомъ требуетъ большой осторожности. Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не перестаетъ однакожъ быть русскимъ.

Французы несравненно менѣе насъ имѣютъ права почерпать изъ главнаго, кореннаго языка своего, однакоже иногда онымъ пользуются. Вольтеръ первый употребилъ въ своей «Китайской сиротѣ» латинское, съ греческаго языка взятое прилагательное hyperboreus, сдѣлавъ изъ него слово hyperboré (la horde hyperborée); и Лагарпъ, сей строгій, даже иногда несправедливый критикъ, хвалитъ эту смѣлость какъ услугу, оказанную французской поэзіи. Многіе другіе, особливо Расинъ, образецъ драматическихъ стихотворцевъ, еще прежде Вольтера брали съ латинскаго выраженія и обороты и, перенося ихъ въ свой языкъ, обогащали оный. Лагарпъ представляетъ многіе тому примѣры. И такъ для чего французы не называютъ языка своего «латиновельхо-французскимъ?» Они почерпаютъ, подобно намъ, хотя не такъ часто, изъ кореннаго языка своего, не переставая писать по-французски. Англичане еще болѣе имѣли бы права называть языкъ свой «французоанглійскимъ», ибо большая часть ихъ выраженій взята ими у сосѣдей своихъ.

Раздѣленіе г-мъ переводчикомъ мнимаго славеноросcійскаго языка на три слога: высокій, средній и низкій, изъ коихъ къ первому относитъ онъ чистый славенскій языкъ, а къ послѣднему простонародный, противно имъ самимъ предполагаемому совокупленію сихъ двухъ языковъ, и тогда названіе «славеноросcійскій» само собою уничтожается. При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора; а простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ съ

точностію наблюдается по различію рода сочиненій; но исключительное назначеніе получаемых нами отъ славенскаго пособій одному высокому слогу, а языка общенароднаго простому слогу, не существуетъ, да и существовать не можетъ. Примѣры объяснять намъ сіе гораздо лучше:

Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!

Вотъ высокій слогъ! подлинно высокій по предмету, мыслямъ и выраженіямъ. Славенскій языкъ доставилъ много пособій стихотворцу; но, не взирая на то, сіе не похоже на чистый славенскій языкъ, который здѣсь, такъ сказать, есть токмо вспомогательный. Стихотворецъ не употреблялъ ни славенскихъ оборотовъ, ни словосочиненія славенскаго. Возьмемъ теперь въ примѣръ басню, которой болѣе приличенъ простой слогъ:

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры и пр.

Нельзя сказать, чтобъ этотъ слогъ былъ слишкомъ высокъ для басни, но между тѣмъ «вступить въ разговоры» не есть выраженіе, свойственное общенародному языку; въ просторѣчіи сказали бы: «сталъ говорить». Трость, просто тростникъ, есть также славенское слово.

Господинъ переводчикъ охуждаетъ тѣхъ, «кои вмѣсто: *грядый*, *созерцаяй*, *грядущій*, *созерцающій*, хотятъ въ важныхъ и краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ писать: тотъ, который идетъ; тотъ, который поглядываетъ»; а потомъ отвергаетъ и окончанія на *щій*, какъ непріятныя для слуха. Признаюсь, что, не взирая на сію непріятность, я предпочитаю русское причастіе *созерцающій* славенскому *созерцаяй*, которое весьма рѣдко употребляется хорошими стихотворцами нашими, и то по необходимости, какъ наприм.:

Живый въ движеньи вещества.

Грядущій, *созерцающій*, конечно, болѣе приличны высокому слогу, нежели: тотъ, который идетъ, тотъ, который разсматриваетъ (ибо созерцать совсѣмъ не значитъ поглядывать): но зачѣмъ отнимать у стихотворца свободу употребить по произволу то или другое выраженіе, когда оба не противны свойству языка нашего? Если бы въ прекрасныхъ стихахъ:

Царямъ подвластенъ міръ, цари подвластны Богу,
Тому, кто съ облачныхъ высотъ
Гигантамъ въ адъ отверзъ дорогу,
Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ,

еслибы здѣсь вмѣсто: «тому, кто отверзъ, кто колеблетъ», поэтъ, непремѣнно долженъ былъ поставить: «отверзшему, колеблющему», то могли ли бы у него выдти стихи? Или:

Въ отвѣтъ на вздохъ мой—вѣтръ ревущій
И ключъ, въ гранитно дно біющій,
Шумятъ сквозь вѣтвія древесъ.

Въ этихъ стихахъ, конечно, *ревущій*, *біющій* гораздо лучше и удобнѣе для стихотворца, нежели: тотъ, который реветъ или бьетъ; но захотѣлъ ли бы онъ промѣнять сіи причастія на славенскія: *ревяй* и *біяй*, не смотря на неріятное окончаніе *щій?*

Сравненіе, дѣлаемое г-мъ переводчикомъ между красотами славенскаго языка, переносимыми въ словесность нашу, и введеніемъ въ оную французскихъ выраженій, съ дубовою рощею, которую хотятъ вырубить, дабы вмѣсто оной насадить молодыхъ ольхъ и осинъ, было бы очень кстати, если бъ онъ подъ французскими выраженіями разумѣлъ токмо тѣ, которыя противны свойству языка нашего. Я согласенъ съ нимъ, что лучше, когда бы всѣ даже учебныя выраженія, безъ коихъ мы теперь обойтиться не можемъ, были переведены настоящими русскими словами; довольно видно изъ всѣхъ трудовъ его, что онъ, поступая согласно съ правилами своими, переводитъ почти каждое иностранное учебное слово, по необходимости нами употребляемое. Но можно ли все вдругъ обдумать? Не лучше ли тамъ, гдѣ дубовъ совсѣмъ нѣтъ, насадить хотя ольхъ, дабы сколько нибудь имѣть тѣни? Я не защищаю тѣхъ, кои съ большимъ напряженіемъ силъ вырываютъ дубы, чтобъ на мѣсто ихъ насадить осинъ: самое дѣйствіе показываетъ безразсудность ихъ, и въ семъ смыслѣ сравненіе г. переводчика совершенно справедливо. Но тамъ, гдѣ нѣтъ дубовъ, нельзя никому поставить въ порокъ, что онъ сажаетъ осины, только бы сажалъ ихъ къ сторонѣ, и оныя не дѣлали бы никакой пестроты съ главною частію рощи.

Можно, безъ сомнѣнія, надѣяться, что со временемъ всѣ сіи иностранныя слова будутъ переведены равносильными русскими выраженіями: нашъ языкъ довольно для сего богатъ и гибокъ. Но хотѣть все вдругъ перемѣнить, хотѣть переводить всякое слово безъ разбора есть также погрѣшность: ибо вмѣсто извѣстнаго и значительнаго иностраннаго слова, вездѣ употребляемаго, мнѣ вбиваютъ въ голову другое славенорусское, или лучше сказать, славеноварварское, совсѣмъ того смысла не выражающее. Когда мнѣ скажутъ «актеръ», я тотчасъ пойму значеніе сего слова и буду употреблять оное, пока писатели наши не сыщутъ другаго, которое бы заключало въ себѣ точно такой же смыслъ. Когда же слышу «лицедѣй», то хотя и вижу, что оно составлено изъ двухъ словъ, порознь извѣстныхъ мнѣ, но не понимаю сложнаго ихъ значенія. Злодѣемъ называемъ мы того, кто дѣлаетъ зло; посему лицедѣй долженъ быть тотъ, кто дѣлаетъ лице: что это значитъ? Видна ли въ семъ переводѣ мысль, заключающаяся въ словѣ «актеръ»? Совсѣмъ нѣтъ, и вмѣсто лучшаго объясненія мнѣ только затемняютъ понятіе, само по себѣ очень явственное.

Лагарпъ говоритъ о сложныхъ греческихъ словахъ какъ человѣкъ, живущій въ бѣдности и удивляющійся чужому богатству. Г. переводчикъ примѣняетъ слова Лагарповы къ нашему языку. «Мы такихъ многознаменательныхъ словъ не меньше греческаго найдемъ въ языкѣ нашемъ». Конечно, сложныя прилагательныя: *свѣтоносный*, *лучезарный*, *искрометный*, весьма полезны стихотворцамъ и риторамъ нашимъ. Но г. переводчикъ, не остановясь на этомъ, продолжаетъ: «Мы говоримъ: древо *благосѣннолиственное*. Пусть во французскомъ языкѣ найдутъ мнѣ слово, заключающее въ себѣ три разныхъ понятія!» Кто говоритъ «благосѣннолиственное древо»? Не только у насъ; но, кажется, и во всей Библіи нѣтъ сего слова. Хорошо ли сказать: *благая* сѣнь дерева, вмѣсто благотворная, или пріятная? Не лучше ли замѣнить предлинное сіе слово двумя или тремя, въ коихъ смыслъ будетъ правильнѣе выраженъ, наприм.: древо, дающее пріятную тѣнь? Тутъ даже будетъ меньше буквъ нежели въ осьмисложномъ прилагательномъ г. переводчика. Развѣ трудно ковать такимъ образомъ новыя слова, соединяя въ одно три или четыре, имѣющія каждое особенный смыслъ? Развѣ трудно, переводя напримѣръ изъ Освобожденнаго Іерусалима прекрасную рѣчь сатаны и описывая его самого, сказать: *длинногустозакоптѣлая* брада по персямъ висѣла; или въ другомъ мѣстѣ: сія *Христогробопоклоняемая* страна ([4]); но къ чему такая варварская смѣсь? Хорошіе писатели наши часто совокупляютъ два слова, изъ коихъ одно дополняетъ или поясняетъ смыслъ другаго. Г. Державинъ очень хорошо сказалъ въ своемъ Памятникѣ:

«Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ
быстротечный»;

и сіе соединеніе придаетъ болѣе блеска его выраженію. Но въ предъидущемъ стихѣ:

«Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный,
вѣчный»,

для чего не сказалъ онъ: «чудесновѣчный»? Для того, что сіи двѣ мысли никакого не имѣютъ отношенія между собою и что, смѣшавъ ихъ, онъ не придалъ бы стиху своему никакой новой красоты.

В. О ЛЕГЧАЙШЕМЪ СПОСОБѢ ОТВѢЧАТЬ НА КРИТИКИ.
(1811). ([5]).

Въ 11-мъ и 12-мъ нумерахъ Цвѣтника 1810 года напечаталъ я «Разсмотрѣніе перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика.» Я осмѣлился замѣтить нѣсколько важныхъ ошибокъ противъ языка и смысла, которыя выбралъ изъ множества другихъ въ семъ переводѣ; осмѣлился иногда противорѣчить г-ну переводчику въ его странныхъ и несвязныхъ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сходства россійскаго языка съ славенскимъ, но вездѣ сохранилъ должную учтивость и уваженіе къ его лѣтамъ. Мнѣнія свои вездѣ

предлагалъ я въ видѣ скромныхъ, почтительныхъ представленій, показывалъ даже нѣкоторое сомнѣніе тамъ, гдѣ имѣлъ полное право говорить утвердительно и явно укорить г-на переводчика въ отступленіи отъ правилъ здравой логики, въ несоблюденіи смысла, заключающагося въ подлинникѣ. Полагаясь на его точныя слова, я совсѣмъ не думалъ оскорбить его своими замѣчаніями; я ожидалъ, что онъ, отвѣчая мнѣ, постарается оправдать свои ошибки и получше объяснить слова свои› часто весьма темныя для читателей. Сочиненіе мое раздѣлено было на двѣ части: въ одной особенно разсматривалъ я парадоксы касательно мнимаго славенороссійскаго языка; въ другой показывалъ мимоходомъ погрѣшности въ слогѣ перевода и невѣрность онаго.

Но къ величайшему моему удивленію и, думаю, къ удивленію всѣхъ просвѣщенныхъ любителей словесности, г. переводчикъ двухъ статей изъ Лагарпа, издавая въ свѣтъ «Разсужденіе свое о краснорѣчіи Св. Писанія» напечаталъ еще при ономъ какое-то «Присовокупленіе», въ которомъ, вмѣсто основательныхъ доказательствъ, отвѣчаетъ мнѣ одиѣми личностями и бранью.

Отвѣчать бранью на учтивую благонамѣренную критику значитъ признать себя торжественно не въ состояніи отвѣчать на оную доказательствами; но къ сужденіямъ о языкѣ примѣшивать нравственность и вѣру, въ неукротимой запальчивости называть противниковъ своихъ имѣющими поврежденное сердце и укорять ихъ въ мнимомъ намѣреніи ослабить благотворную власть вѣры, забывать права общественныя и должное уваженіе къ лицу всякаго гражданина — есть разительный примѣръ, сколь сильно дѣйствуетъ оскорбленное самолюбіе и желаніе властвовать въ республикѣ словесности. Вотъ послѣдствія страстей нашихъ! Человѣкъ, упражняющійся въ словесности, оставляетъ почтенное сіе занятіе, вступаетъ въ поприще ругательства, присвоиваетъ себѣ право обвинять своихъ согражданъ—и все сіе, дабы отмстить за то, что ему дерзнули противорѣчить, что смѣли показать его ошибки!

Оставимъ сіи прискорбныя для насъ размышленія: къ сожалѣнію нашему, во всѣ времена бывали примѣры подобной сему несправедливости. Кому неизвѣстны Буаловы стихи:

Qui méprise Cotin, n'estime point son roi,
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.
. . . .
Hé, mon Dieu, craignez tout d'un auteur en courroux.

Можно бы подумать, что Буало писалъ сіе въ наше время.

Я не буду подражать примѣру сочинителя Присовокупленія: я намѣренъ разобрать всѣ его сужденія и показать просвѣщеннымъ чита-

телямъ, такъ ли истолкованы слова мои и точно ли утверждено существованіе славенороссійскаго языка.

Но, скажутъ мнѣ, отрицать сіе варварское смѣшеніе, утверждать, что рускій языкъ есть языкъ отдѣльный, и не нарѣчіе или слогъ, но самъ корень многихъ мѣстныхъ нарѣчій: не значитъ ли сіе спорить единственно въ словахъ, и можетъ ли потерпѣть словесность наша отъ того, что русскій языкъ будутъ называть славенороссійскимъ, варягороссkимъ, или какъ бы то ни было?... Конечно нѣтъ, если бы г. переводчикъ Лагарпа и его послѣдователи довольствовались сими названіями и не выводили изъ оныхъ весьма пагубныхъ для языка послѣдствій. Отложимъ поверхностное о вещахъ сужденіе, посмотримъ со вниманіемъ, отъ чего у насъ многіе пишутъ такъ дурно послѣ образцовыхъ сочиненій Ломоносова, Хераскова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Карамзина и другихъ хорошихъ авторовъ нашихъ? отъ чего многіе молодые люди, впрочемъ не безъ дарованій, представляютъ намъ въ стихахъ своихъ живое подражаніе тяжелому и грубому слогу Тредіаковскаго? Отъ того, что они съ младенчества пріучились полагать истинную поэзію, достоинство слога въ нескладномъ сборищѣ славенскихъ выраженій, неупотребительныхъ въ русскомъ языкѣ и несвойственныхъ оному; привыкли думать, что ничему не должно учиться, кромѣ славенороссійскаго языка, и потому гнушаются чтеніемъ хорошихъ писателей, какъ своихъ, такъ и чужестранныхъ. Напротивъ того, другіе юноши, воспитанные въ правилахъ здраваго вкуса, просвѣтившіе умъ свой опытностію всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, видятъ, при вступленіи въ поприще словесности, расколъ сей столь усилившимся, что сами не смѣютъ даже свободно мыслить и часто зарываютъ талантъ свой въ землю, опасаясь вооружить противъ себя всѣхъ вкусоборцевъ. Вотъ къ чему ведетъ сіе ученіе, защищаемое нынѣ съ такимъ упорствомъ и основанное единственно на томъ, что большая часть русскихъ словъ происходитъ отъ славенскаго, какъ будто бы англичане не могли имѣть особеннаго языка потому только, что большая часть словъ ихъ заимствована ими отъ французовъ и нѣмцевъ!

Не трудно было бы опровергнуть столь слабое основаніе, если бы противники русскаго языка истинно хотѣли разсуждать о языкѣ и порядочно отвѣчали на всѣ возраженія; если бы, воздержавшись отъ личностей, они старались только убѣдить своихъ противниковъ, а не называли ихъ предателями отечества и вѣры за то, что они защищаютъ отечественный языкъ свой. Какое вліяніе споры о словесности могутъ имѣть на священную любовь къ отечеству, равно пылающую во всякой груди русской?.... Я самъ весьма почитаю славенскій языкъ, на кото-

ромъ предки наши передали намъ святую свою вѣру и богослуженіе; я самъ всегда любилъ слѣдовать совѣту Ломоносова, «дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги» (6). Но, утверждаясь на сихъ же словахъ Ломоносова и на здравомъ разсудкѣ, я всегда отвергалъ мнимое смѣшеніе славенскаго языка съ русскимъ, и мнѣ никогда не приходило въ голову называть сей послѣдній слогомъ. «Оставшійся въ книгахъ духовныхъ славенскій языкъ (говоритъ г. издатель Вѣстника Европы, 1811, № 12, стр. 293) отдѣленъ отъ нынѣшняго русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ и разностію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Безъ всякаго сомнѣнія, русскій языкъ есть отрасль славенскаго; но теперь онъ ужъ въ такомъ состояніи, что приличнѣе называть его языкомъ, а не нарѣчіемъ. На немъ издаются законы; на немъ написаны многія книги: какъ же можно сказать, что онъ не существуетъ, и какъ можно называть его нарѣчіемъ, тогда какъ самъ онъ уже имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій? Ежели такъ, то ни одинъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ не существуетъ, ибо всѣ они произошли отъ древнихъ и изъ нихъ составились. Было бы очень странно, когда бъ увѣрять стали, что у итальянцевъ и французовъ нѣтъ языка, и что тѣ и другіе говорятъ нарѣчіемъ или слогомъ» (7).

Что можно отвѣчать на толь справедливыя разсужденія? Но противники наши, непрестанно уклоняясь отъ отвѣта, прибѣгаютъ единственно къ брани или наполняютъ книги свои неумѣстнымъ наборомъ славенскихъ примѣровъ, которые совсѣмъ нейдутъ къ дѣлу и притомъ всякому давно знакомы. Въ ихъ книгахъ находимъ мы предлинныя разсужденія на многихъ страницахъ объ одномъ глаголѣ *доить*, хотя всякому извѣстны его значеніе и всѣ производныя отъ него слова, употребительныя и неупотребительныя (8). Такъ хотятъ увѣрить насъ, что мы непремѣнно должны употреблять славенское слово *доилица* и что мы совсѣмъ не знаемъ прилагательнаго *воздоенный*, между тѣмъ какъ всѣ говорятъ у насъ: «Юпитеръ, воздоенный на горѣ Идѣ», или въ стихахъ: «поэтъ, въ объятіяхъ фортуны воздоенный». Такимъ образомъ сіи господа, если только гдѣ нибудь прекращаютъ свои восклицанія, то стараются тотчасъ отклонить читателя отъ разсужденій безчисленными примѣрами изъ Библіи, которую всѣ не меньше ихъ читали и уважаютъ.

«Ни одинъ французъ (продолжаетъ онъ), не обучась латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякій безграмотный мужикъ заставляетъ грамотнаго сына своего читать предъ нимъ Прологъ, Четію-минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ». Въ этомъ г. сочинитель весьма ошибается; у насъ ни одинъ мужикъ, хотя бы и гра-

мотный, не пойметъ ничего изъ Пролога и Четіи-минеи, если не учился читать по Часослову и не затвердилъ начальныхъ правилъ славенскаго языка. Безграмотный мужикъ многаго не могъ бы даже понимать и въ обѣднѣ (не смотря на то, что въ оной ектеніи и большая часть молитвъ писаны самымъ простымъ слогомъ), если бы частое хожденіе въ церковь и всегдашнее толкованіе не замѣняли ему науки. Возьмемъ безграмотнаго мужика: что пойметъ онъ изъ приведенныхъ въ Разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія примѣровъ: «Ланиты его аки фіалыароматъ, прозябающыя благовоніе. Устнѣ его крины, каплющіи смирну полну. Лыста его столпи мармировы, основани на степенехъ златыхъ. Гортань его сладость, и весь желаніе»; или: «посѣченіе его прежде часа растлѣетъ, и лѣторасль его не облиственѣетъ?»—«Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать (что мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго); ибо неужели онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, Псалтирь, Евангеліе и проч. Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ для того только, что не было журналовъ и комедій?»... Мое выраженіе: «на нашемъ языкѣ», и по грамматикѣ, и по логикѣ, очевидно, относится къ нынѣшнему русскому: и я все право имѣлъ сказать, что до Петра Великаго не было на ономъ сочиненій, ибо почти до самаго того времени русскій языкъ существовалъ особо въ изустномъ токмо употребленіи, а книжный нашъ языкъ или совсѣмъ не существовалъ или только что еще мало по малу отдѣлялся отъ славенскаго, ибо въ старину всякія книги духовныя и свѣтскія писали языкомъ славенскимъ, болѣе или менѣе испорченнымъ. Развѣ Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ (коихъ у насъ не знающіе по-славенски безъ перевода читать не могутъ, даже и знающіе очень часто не понимаютъ), развѣ всѣ сіи книги писаны по русски? Можно ли называть русскими книгами Псалтырь и Евангеліе, хотя они въ новѣйшія времена переправлены? Пишетъ ли наконецъ самъ г. сочинитель такимъ же языкомъ, хотя впрочемъ и смѣшиваетъ неправо въ сужденіяхъ своихъ славенскій съ русскимъ?

Уклоняясь непрестанно отъ своего разсужденія, г. сочинитель старается доказать, что славенскій языкъ не мертвый, и сравниваетъ его съ древнимъ греческимъ: «число нынѣшнихъ грековъ весьма невелико и притомъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго». Слова сіи заслуживаютъ особен-

ное вниманіе: они показываютъ намъ, сколь упоренъ г. сочинитель въ систематическихъ своихъ заблужденіяхъ. Онъ самъ говоритъ, что нынѣшніе греки новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошли отъ языка своихъ предковъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Если это правда (ибо г. сочинитель въ своемъ переводѣ XVI пѣсни Иліады признается, что греческаго языка вовсе не знаетъ), то какъ же не называть сихъ двухъ нарѣчій различными языками, когда одно съ другимъ столь несходно? Скоро будутъ увѣрять, что нашъ языкъ и турецкій суть два нарѣчія (или слога) одного и того же языка, потому, что ни турки насъ, ни мы ихъ не понимаемъ.—«Въ такомъ ли положеніи находится славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О!... но воздержимся отъ удивленія!» Сколько словъ, столько ошибокъ. Откуда г. сочинитель взялъ, что пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ по-славенски? (первая ошибка противъ географіи). Если онъ здѣсь разумѣлъ Россію, то кромѣ множества народовъ иноплеменныхъ, подвластныхъ россійскому скипетру и входящихъ въ составленіе сей обширной имперіи, природные даже Россіяне не говорятъ уже по славенски, но по-русски, то есть языкомъ имѣющимъ многія мѣстныя нарѣчія и отдаленнымъ отъ славенскаго. Откуда г. сочинитель взялъ, что главная колыбель сего послѣдняго въ Россіи? (вторая ошибка противъ исторіи). Намъ извѣстно, что главное мѣстопребываніе Славянъ было на Дунаѣ; въ Моравіи изобрѣтены буквы наши: слѣдственно тамъ и главная колыбель славенскаго языка. Далѣе: могутъ ли вѣра и законы быть основаны на языкѣ? Святая вѣра наша основана на откровеніи, а законы на правосудіи и милосердіи монарховъ нашихъ. Притомъ Евангеліе и всѣ священныя книги Новаго Завѣта писаны на греческомъ языкѣ: и такъ лучше бы уже сказать, что на немъ-то основана христіанская вѣра, если только она можетъ быть основана на языкѣ (третья сочинителева ошибка противъ логики). Наконецъ я сказалъ, что славенскій языкъ есть мертвый для насъ—и сіе послѣднее выраженіе нарочно было напечатано косыми буквами для показанія, что у насъ мѣсто славенскаго языка заступилъ уже русскій; но впрочемъ есть многіе соплеменные намъ народы, коихъ языкъ, хотя также отмѣнившійся отъ древняго славенскаго, гораздо ближе нашего къ оному. Г-ну сочинителю угодно было въ своей выпискѣ напечатать все одинакими буквами и тѣмъ, ослабивъ мысль мою, отвратить вниманіе читателя отъ выраженія: «*для насъ*» (ошибка противъ точности, съ какою должно приводить изъ книгъ тѣ мѣста, на которыя ссылаются). Не успѣвъ опровергнуть сихъ моихъ словъ,

г. сочинитель привязывается къ послѣдующимъ. «Хорошіе писатели», говоритъ онъ, «конечно, не смѣшиваютъ славенскаго языка съ русскимъ (признаніе невольное, но справедливое!); но подъ сими словами разумѣется различіе высокаго слога съ простонароднымъ. Съ такими толкованіями скоро дойдемъ до того, что другъ друга понимать не будемъ; посему нельзя сказать дурному и скучному писателю: «ты весьма худо знаешь русскій языкъ», но «русскій слогъ».

«При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть, по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора»; такъ выписываетъ г. сочинитель слова мои, и потомъ возражаетъ: «Прекрасное истолкованіе! да развѣ славенскій языкъ и высокій слогъ есть одно и тоже?» Конечно нѣтъ, и я никогда не говорилъ, чтобъ они были одно и тоже. Слова мои довольно ясно означаютъ, что на русскомъ языкѣ, въ изустномъ употребленіи, давно уже отдѣлившемся отъ славенскаго, до Петра Великаго не было еще книгъ, ибо до него всѣ писали по-славенски, хотя говорили по-русски, подобно какъ нынѣ проповѣдникъ говоритъ на каѳедрѣ совсѣмъ особымъ языкомъ, нежели дома. Слѣдовательно до Петра Великаго въ русскомъ языкѣ не было высокаго слога: всѣ книги были писаны на славенскомъ языкѣ, болѣе или менѣе испорченномъ, и въ нихъ находимъ мы не одни высокія славенскія выраженія, но и множество низкихъ, которыя однакожъ въ разговорахъ не были употребляемы. — Потомъ г. сочинитель вопрошаетъ: »неужли всякая славенская рѣчь есть высокая? неужли: *хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу*, есть такой же высокій языкъ, какъ *трепетна бысть земля и основанге горъ смятошася?*» Не всякая славенская рѣчь есть высокая, но высокій слогъ нашъ безъ славенскихъ словъ, съ осторожностію употребляемыхъ, существовать не можетъ. Славенскія рѣчи бываютъ высокія и низкія (кто въ этомъ сомнѣвается?), и приведенный г-мъ сочинителемъ примѣръ: «хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу», конечно, не есть такой же высокій языкъ, какъ: «и абіе воздамъ ти сторицею»; послѣднее выраженіе несравненно сильнѣе.—Далѣе: «ежели при Петрѣ Великомъ (до Петра Великаго) всякія книги безъ разбора писали высокимъ слогомъ, такъ поэтому всякая челобитная была поэма, всякій писарь Ломоносовъ?» Можно ли такъ смѣшивать понятія и такъ криво толковать слова самыя простыя? Я говорилъ не о челобитныхъ и писаряхъ, но о книгахъ; онѣ тогда писаны были духовными людьми, которые, привыкнувъ къ высокому слогу, во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ безъ разбора употребляли оный, а притомъ не всегда умѣли по свойству матеріи избѣгать низкихъ славенскихъ выраженій. Г. сочинитель Присовоку-

пленія, всячески стараясь затемнить мысль мою, нимало не доказалъ, чтобы отъ нашествія татаръ до начала просвѣщенія нашего всѣ книги не были писаны высокимъ славенскимъ языкомъ, (повторю опять) болѣе или менѣе испорченнымъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ съ низкими выраженіями. Впрочемъ тотъ еще не есть Ломоносовъ, кто только пишетъ высокимъ слогомъ: мало ли мы видимъ такихъ изъ Гомера и Тасса переводовъ, которыхъ ни одинъ знающій человѣкъ не назоветъ хорошими, хотя слогъ въ нихъ самый высокій и преизобилуетъ славенскими словами и оборотами.

Разсматривая столь подробно сіе Присовокупленіе, я хотѣлъ удостовѣрить читателей въ неосновательности всѣхъ обвиненій и восклицаній г-на сочинителя; теперь, дабы показать, сколь заблуждается онъ въ своихъ системахъ, разберемъ со вниманіемъ начало его Разсужденія о краснорѣчіи Св. Писанія. Безпристрастные судіи вездѣ увидятъ однѣ догадки, и то чужія, не подкрѣпленныя никакими доказательствами, но защищаемыя съ отмѣннымъ упорствомъ. Сказавъ, что Императорская Россійская Академія предложила два *заданія*: «1-е—написать разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія; 2-е—показать, въ чемъ состоитъ богатство и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно»—г. сочинитель проситъ позволенія оба сіи вопроса соединить вмѣстѣ, «ибо (говоритъ онъ) я полагаю толь тѣсную и неразрывную между ними связь, что, мнѣ кажется, предложенные совокупно, могутъ они гораздо лучше освѣщать одинъ другой (по русски ли это?), нежели когда бы о каждомъ изъ нихъ разсуждаемо было порознь». Удовлетворяя симъ вопросамъ, приступаетъ онъ къ разсмотрѣнію превосходныхъ свойствъ нашего языка.

«По-истинѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и неразрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно какъ бы его не было». (Вѣроятно, въ такомъ же состояніи, какъ и языки вообще всѣхъ необразованныхъ народовъ).—«Ни одна книга не показываетъ намъ онаго».(Какъ же и быть книгамъ, когда славенскій букварь составленъ не прежде IX вѣка?).—«Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалтырь, Евангеліе, Іова, и проч. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои, но мужемъ, поражающимъ силою слова. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его». (Всѣ книги, наименованныя г-мъ сочинителемъ, переведены съ греческаго: и такъ могутъ ли въ нихъ мысли сколько нибудь принадлежать къ превосходнымъ свойствамъ

нашего языка?).—«Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется, какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго». (Сравнимъ сію напыщенную похвалу славенскаго языка со свидѣтельствомъ святѣйшаго синода въ предисловіи къ Библіи: «Ктому же и искусство грамматическое въ языцѣ славенскомъ едва каковое изящество тогда имѣ, и потому древніе слоги рѣчей стропотни и реченія грубы», и мы увидимъ, какъ мало г. сочинитель заботился объ исторической истинѣ въ своемъ Разсужденіи).—«Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ*, *трескъ*, *вихрь*». (Но лат. tonitru, фр. tonnerre, нѣм. Donner не лучше ли еще выражаютъ звукъ грома, а лат. strepitus, fragor и фр. tourbillon—трескъ и вихрь? Самые дикіе народы имѣютъ въ языкахъ своихъ еще болѣе нашего такихъ звукоподражательныхъ дѣйствіямъ природы словъ).—«Надлежало ли составить нарѣчія: *далеко*, *близко*, *низко*, *глубоко*, *широко*, *высоко*—кажется, самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око*, т. е. простирай зрѣніе далѣе, *близь око*, не простирай оное въ даль», и проч. (Въ сихъ словахъ окончанія: *еко, ко, око*, тоже самое означаютъ, что и въ словахъ: *жестоко*, *мягко*, *крѣпко*, *велико*, *елико*, *колико*, *только*, *двояко*, и проч. Сіе *к*, приложенное въ извѣстныхъ случаяхъ къ корнямъ словъ, вообще качество вещей или сказуемое (praedicatum) означающихъ: *даль*, *близь*, *ширь*, *глубь*, *вель*, *толь*, даетъ имъ опредѣленный видъ нарѣчія или прилагательнаго: перваго посредствомъ гласнаго окончанія *о*: *широко*, *низко*, *двояко*, а втораго посредствомъ окончаній: *ій*, *ая*, *ое* и *ъ*, *а*, *о*—*широкій*, *ая*, *ое*, *широкъ*, *а*, *о*, *низкій*, *низокъ*, и пр. Вставляемыя же между симъ значительнымъ *к* и кореннымъ слогомъ гласныя: *а*, *е*, *и*, *о*, никакой важности въ себѣ не заключаютъ и служатъ токмо для облегченія выговора; почему не во всѣхъ словахъ имѣютъ мѣсто и не во всѣхъ діалектахъ равно употребляются, на прим.: Русскій говоритъ *великій*, а Полякъ wielki, и такъ далѣе. Сходство сего окончанія со словомъ *око* есть совершенно случайное(⁹). Притомъ, говоря словами г-на издателя Вѣстника Европы, трудно согласиться, будто при составленіи языка славенинъ умѣлъ уже выразить понятія о глаголѣ *высить* и объ имени *око*, умѣлъ уже соединить оба сіи понятія, не знавши нарѣчія *высоко*!).—«Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ: *слухъ*, *зрѣніе*, *обоняніе* — умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ». (Признаюсь, что я рѣчь сію весьма худо понимаю; къ чему относятся мѣстоименія: *въ нихъ и*

оныхъ, и что значитъ: изобразить въ чувствахъ знаменованіе именъ или въ именахъ знаменованіе чувствъ?). — «Въ словѣ *слухъ*, l'ouie, помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо*, l'oreille«. (Точно также и въ латинскомъ языкѣ: auris—ухо, audire—слышать, auditus—слухъ; а слѣдовательно также и во французскомъ: ouir, oreille, съ тѣмъ только различіемъ, что мѣсто лат. двугласной *au* заступила буква *о*, какъ и во многихъ другихъ латинскихъ словахъ).—«Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же, свѣтъ означающими понятіями: *зареніе*, *заря*». (Но почему же слова: *день*, *солнце*, гораздо болѣе означающія понятіе свѣта, lux, нежели заря, и даже самое слово *свѣтъ*, ни мало не похожи на зрѣніе? и откуда г. сочинитель взялъ слово *зареніе?*).—«Слово *обоняніе*, сокращенное изъ *обвоняніе*, составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ чувствованіе окрестнаго запаха».(По лат. и по фр. точно также: запахъ, воня—odor, odeur, отъ сего odoratus, odorat. Чему тутъ дивиться,что въ каждомъ языкѣ слова, несомнѣнно одно отъ другаго происходящія и почти одинакое значеніе имѣющія, одно на другое похожи?и такими ли мелочами доказывать должно истинное превосходство русскаго языка предъ французскимъ?).—«Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то, для составленія имени ея выбиралъ и буквы, такой же образъ имѣющія: *око*». (Прекрасно! поэтому буква *о* есть несомнѣнный признакъ круглости во всѣхъ словахъ, гдѣ только она находится: отъ чего же нѣтъ ея въ названіяхъ *круга и шара*, фигуръ самыхъ круглѣйшихъ? Неужели славенинъ, умѣвшій столь искусно разсуждать при составленіи языка своего, забылъ при названіи сихъ образцовъ (prototypes) круглости любимую свою систему?... Хвала славенскому языку, составленному не цѣлымъ вообще народомъ,какъ всѣ прочіе языки, но токмо глубокомысленнымифилософами,оставившими намъ столь явственные слѣды своей мудрости!). — «Отъ *грома* произвелъ умъ: *громко*, *громогласно*, *громоздко*, *огромно*, *гремушка*..., отъ слова *лукъ* произошло *лука* и уменьш. *лучица*, заливецъ (и вложи отроча въ ковчежецъ, и положи его въ лучицѣ при рѣцѣ. Исх. 2, 3)». *Лучица* не значитъ заливецъ. Церковный Словарь П. Алексѣева, а за нимъ Словарь Рос. Академіи толкуютъ сіе слово *лучица* — поростъ въ водѣ. Лютеръ переводитъ оное Schilf—тростникъ: оно и въ славенскомъ, вѣроятно, означаетъ тростникъ, ибо по польски lacz, по краински *лочъ*, *лочье* — тростникъ. Чтожъ касается до словъ: *огромно*, означающее величину, и *громоздко*, отъ глагола *громоздить*, класть груду на груду: то они,

конечно никакого не имѣютъ отношенія къ *грому*, кромѣ случайнаго сходства въ немногихъ буквахъ. Такимъ-то образомъ страсть къ системамъ часто увлекаетъ насъ отъ умствованія къ умствованію, отъ софизма къ софизму, и наконецъ ввергаетъ въ очевидное заблужденіе!

[1]) Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ (1788—1839), воспитанникъ московскаго университетскаго благороднаго пансіона, въ послѣдствіи министръ юстиціи (съ 1833 по 1839 г.), членъ Госуд. Совѣта и предсѣдатель Департамента Законовъ. См. «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, П. Иванова. Спб. 1863.»

[2]) «Цвѣтникъ 1810 г., издававшійся А. Измайловымъ и П. Никольскимъ, №№ 11 и 12». Дашковъ самъ указалъ содержаніе своей статьи: «Сочиненіе мое раздѣлено на 2 части: въ одной разсматривалъ я парадоксы (Шишкова) касательно мнимаго славянороссійскаго языка; въ другой показывалъ мимоходомъ погрѣшности въ слогѣ перевода и невѣрность». Изъ всѣхъ критикъ на славянофильство Шишкова, написанныхъ послѣдователями Карамзина, эта, равно какъ и слѣдующая за нею были самыми замѣчательными. Послѣ мнѣній Дашкова и Каченовскаго, дѣло Шишкова не могло быть выиграннымъ.

[3]) Вольтеръ весьма справедливо доказываетъ, что слово Галлы есть испорченное римлянами изъ Вальховъ, или Вельховъ. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи французскаго языка: «La langue française ne commença à prendre quelque forme que vers le dixièm e siècle; elle naquit des ruines du latin et du celte, mêlées de quelqes mots tudesques. Ce langage etait d'abord le romanum rusticum, le romain rustique; etc.» (Dict. Philos., art. Français). *Прим. Дашкова.*

[4]) Могу увѣрить, что сіи слова точно я видѣлъ въ рукописномъ переводѣ Освобожденнаго Іерусалима г-на Б...ча, и не я одинъ видѣлъ ихъ. Не знаю, будетъ ли напечатанъ сей памятникъ безумія, въ какое худые переводчики наши впадаютъ часто, подражая однѣмъ ошибкамъ хорошихъ писателей, когда не могутъ подражать красотамъ ихъ. *Прим. Д—ва.*

[5]) «О легчайшемъ способѣ возражать на критики (Спб. 1811)».

[6]) Здѣсь Дашковъ выписываетъ изъ Разсужденія Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ, которое различаетъ языки русскій и церковнославянскій.

[7]) Я могъ бы еще подкрѣпить сіи доказательства мнѣніемъ многихъ извѣстныхъ въ словесности людей, и особенно мнѣніемъ достойныхъ гг. профессоровъ московскаго университета, коимъ ввѣрено попеченіе надъ учрежденнымъ при ономъ Благороднымъ пансіономъ, однимъ изъ лучшихъ въ Россіи заведеній для воспитанія юношества. Въ изданномъ на 1811 годъ объявленіи о семъ пансіонѣ на стр. 25-й между прочимъ сказано, что во 2-мъ классѣ русскаго языка «будутъ переводить на русскій лучшія мѣста съ славянскаго и другихъ языковъ». Сіи точныя слова почтенныхъ гг. издателей, согласныя притомъ со свидѣтельствомъ Ломоносова и другихъ, могутъ и одни достаточно опровергнуть ложныя умствованія г-на сочинителя. *Прим. Д—ва.*

[8]) Въ разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія (Соч. Ш—ва, IV, 76—84).

[9]) Всѣ сіи этимологическія догадки о словахъ: *высоко, глубоко* и проч., также о круглости буквъ въ словѣ *око*, предложены были въ первый разъ А. П. Сумароковымъ въ Трудолюбивой Пчелѣ (мѣс. февраль, статья о коренныхъ словахъ русскаго языка). Г-нъ сочинитель Разсужденія, подражая Сумарокову въ его страсти къ словопроизводству, давно уже занимается онымъ, хотя многіе почтеннѣйшіе люди неоднократно доказывали ему неосновательность его догадокъ. Наприм: въ своемъ славенскомъ словарѣ (Раз-

сужд. о стар. и нов. слогѣ, стр. 222) произвелъ онъ глаголъ *брашнать* отъ существительнаго имени *брашно*, и въ подтвержденіе того сослался на пророка Іеремію, гл. 14: «онагри сташа на каменіяхъ, брашна въ себѣ вѣтръ яко зміеве». На сіе возразили ему, что весьма не надежно объяснять тексты Св. Писанія безъ справокъ съ древними языками; что въ греческой и латинской Библіяхъ выраженія, соотвѣтствующія тексту: *брашна въ себѣ вѣтръ*, однознаменательны славенскому: *браша*, или *вбираша въ себѣ вѣтръ*, и потому надлежитъ читать не *брашна*, а *браша*: буква же *н* вкралась здѣсь отъ ошибки, и ее не токмо въ другихъ изданіяхъ Библіи, но въ самомъ острожскомъ нѣтъ. Притомъ, когда бы слово *брашна* въ самомъ дѣлѣ происходило отъ глагола *брашнать* и означало здѣсь третье лице; то вмѣсто *брашна* слѣдовало бы сказать *брашнаша* или *брашнаху*, потому что глаголы, оканчивающіеся на *ать*, въ третьемъ лицѣ множественнаго числа преходящаго и давнопрошедшаго времени всегда имѣютъ окончаніе на *аша* или *аху*, наприм. *вкушаху*, *зваша*, и проч. *Прим. Д—ва.*

VIII.

БЕНИТЦКІЙ (1).

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ, ИНДѢЙСКАЯ СКАЗКА (1809). (2).

Нарудъ, багарскій набабъ, воспитанный въ Бенаресѣ, въ святилищѣ брахмановъ, имѣлъ умъ, не зараженный предразсудками, познанія отличныя, но сердце отъ природы слишкомъ доброе, слѣдовательно и легковѣрное.

Ежели праздность справедливо почитается матерью всѣхъ пороковъ, то еще справедливѣе можно назвать легковѣріе матерью всѣхъ слабостей, а слабости государя — какъ говоритъ славный мудрецъ Беасъ-Муни, жившій за четыре тысячи лѣтъ до восшествія Наруда на престолъ — буде онъ ихъ не скроетъ отъ наблюдательнаго ока царедворцевъ, суть самое тяжелѣйшее иго для народа; ибо царедворцы не замедлятъ воспользоваться ими и назвать ихъ добродѣтелями.

Нарудъ зналъ это правило и крайне удивлялся, слыша ежечасно новыя похвалы своему добродушію. Разсматривая безпристрастно дѣла свои, находилъ онъ ихъ обыкновенными, отнюдь не такими, какими казались они придворнымъ и стихотворцамъ. Набабъ начиналъ догадываться, что ему говорили по меньшей мѣрѣ неправду; подозрѣвалъ, что если его еще не обманули, такъ вѣрно хотятъ обмануть: но отвратить зло, происходившее отъ излишней доброты его сердца, не умѣлъ, хотя и желалъ.

Прогуливаясь нѣкогда по улицамъ столицы своей Патны, ѣхалъ Нарудъ мимо пагода, стоящаго на берегу Ганга, и увидѣлъ вы-

ходящаго изъ него престарѣлаго саттриса (а) съ молодою прекрасною дѣвушкою. Она такъ пріятно посмотрѣла на набаба и въ такую счастливую для любви минуту, что взоры ея остались неизгладимы въ душѣ Наруда. Онъ забылъ, куда ѣхалъ, остановился и, самъ не зная для чего, спрашивалъ у окружавшихъ его найровъ (б): «давно ли построенъ пагодъ? какого рода деревья, коими онъ обсаженъ? сколько въ немъ браминовъ?»—а между тѣмъ не сводилъ глазъ съ красавицы.

Саттрисъ и дѣвушка, будучи не столь любопытны, ушли въ первый домъ противъ пагода. Нарудъ замѣтилъ ихъ жилище и поѣхалъ прочь отъ пагода, совсѣмъ уже не слушая обстоятельныхъ описаній о его построеніи, браминахъ и деревьяхъ, коими онъ обсаженъ; но чиновники, составлявшіе свиту набабову, не переставали говорить и разсказывать до самаго дворца.

Весь день думалъ Нарудъ о саттрисѣ и молодой дѣвушкѣ, или, лучше сказать, объ одной дѣвушкѣ; всю ночь снилась она ему. Набабъ собралъ по утру придворныхъ и спрашивалъ у нихъ совѣта, какъ поступить въ такомъ случаѣ, ежели любовь вкрадется въ сердце набаба.

«Это не наше дѣло!» отвѣчали они ему, лобызая зеленые каблуки желтыхъ его туфлей; «если бы касалось что-нибудь до твоихъ сокровищъ, то мы бы умѣли присовѣтовать: но любовь... любовь есть нѣчто для насъ вовсе почти незнакомое».

— Неужъли вы никого не любили и не любите?

«Напротивъ! мы любили, любимъ и клянемся многорукимъ, четыреглавымъ Брамою, что все потомство наше будетъ любить тебя, государь!»

— А кромѣ меня, никого?

«Чины, великолѣпіе, роскошь, праздники, доходы»...

— Но женщинъ, женщинъ?

«И женщинъ, буде онѣ имѣютъ значащія связи или богатое приданое».

—Кто же рѣшитъ вопросъ мой?

«Никто, исключая сѣдобородаго Саиба, главноначальствующаго надъ священными сословіями благочестивыхъ браминовъ и юродствующихъ факировъ».

Нарудъ послалъ за Саибомъ, но Саибъ прежде вечера не могъ придти, ибо оселъ, вбѣжавъ нечаянно на дворъ пагода, опрокинулъ корыто, изъ котораго пили телята. Брамины, нуждаясь въ деньгахъ, почли сіе дурнымъ предзнаменованіемъ, и для того, вымаравъ лице грязью и посыпавъ лысыя чела пепломъ, провели цѣлый день въ молитвахъ передъ кумиромъ Брамы, не вкушая ничего, кромѣ малабарскаго пшена, посыпаннаго цейлонскою корицею, тонкинскихъ ананасовъ, максудабадскихъ въ сахарѣ вареныхъ тамариндовъ и кохинхинскихъ финиковъ, банановъ и фигъ; цѣлый

а) Воинъ.

б) Дворяне.

день томились они жаждою, ибо пили аракъ безпрестанно. Весь городъ взволновался, видя жрецовъ, наблюдающихъ толь строгій постъ; каждый житель Патны принесъ по малой, а многіе по большой монетѣ для умилостивленія раздраженнаго Злаго Начала, изъявившаго злобу свою къ людямъ чрезъ осла надъ телятами.

Около вечера наполнился сундукъ пагода ѳаннами, лерами, рупіями, томанами, вгизами и всякими другими золотыми и серебряными монетами: ибо мѣдныя Брама не жалуетъ; по крайности такъ утверждаютъ факиры. Саибъ умылся розовою водою, замкнулъ монеты и, возвѣстя народу, что Доброе Начало превозмогло Злое, пошелъ къ Наруду.

Набабъ тотчасъ спросилъ его, что должно дѣлать въ такомъ случаѣ, когда набабу понравится красавица.

«Для разрѣшенія вопроса», отвѣтствовалъ Саибъ, устремя взоры свои къ верху, «потребно знать, чья она дочь».

— Кажется, что я этого самъ не знаю.

«Должно узнать; и если она дочь набаба же, или субаба, или по меньшей мѣрѣ знатнаго райя, то, повѣсивъ на шею истукана Брамы пару лучшихъ гидрабантскихъ алмазовъ и положа семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь золотыхъ, самаго крупнаго разбора монетъ въ сундукъ пагода, стоящаго на берегу Ганга...»

— Почему не въ сундукъ какого-нибудь другаго пагода? Развѣ не все равно?

«Великая и превеликая разница! въ какомъ-нибудь другомъ пагодѣ получаетъ Саибъ десятую часть вклада, а въ этомъ третью: причина, заслуживающая уваженіе всякаго благочестиваго брамина!»

— Не спорю: продолжай.

«Положа монеты, испросить позволеніе на бракъ у Бримга, Брамы и Бисгена (а) чрезъ главнаго брамина, то есть чрезъ меня; и когда они моими устами позволятъ, тогда насладись ея прелестями».

— Какое множество околичностей!

«Ихъ предписываетъ Брама».

— Вездѣ Брама! Саибъ! я думаю, что или ты, или онъ, или вы оба мѣшаетесь часто не въ свое дѣло и предписываете невозможное, наложивъ на мое сердце обязанность любить непремѣнно дочь набаба. Что же предписываетъ Брама, ежели дѣвушка дочь сатриса?

«Въ такомъ случаѣ велитъ Брама, и книга Веда, и книга Эзуръ-Веда (б), и я, и священныя сословія браминовъ — набабамъ не думать объ ней».

— Мудрено, что Брама, книги, ты и сословія браминовъ прика-

а) Три главныя свойства Бога, почитаемыя Индами, т. е. собственно Богъ, Премудрость Божія и Провидѣніе.

б) Ученіе браминовъ заключается въ книгѣ, именуемой Веда, а толкованіе на нее называется Эзуръ-Веда.

зываютъ не думать: ибо мысли не состоятъ въ нашей власти.

«Слова твои пагубны! ихъ нѣтъ ни въ которой изъ книгъ нашихъ; а все то, чего тамъ нѣтъ, предано сенассеями (а) проклятію».

— Такая жестокость не пристала смиренію сенассеевъ.

«Они жестоки къ простымъ беніанамъ: набабы свободны отъ ихъ проклятія».

— Слѣдовательно набабы имѣютъ свободу и мыслить какъ заблагоразсудится?

«Безъ всякаго сомнѣнія».

—А мои мысли заняты дѣвушкою?

«Старайся забыть ее».

— Это выше силъ моихъ!

«Стоитъ только единожды выкупаться предъ восхожденіемъ солнца въ Гангѣ, и она изгладится изъ твоихъ мыслей».

Нарудъ повѣрилъ, купался двѣнадцать разъ передъ восхожденіемъ и послѣ восхожденія солнца, и все думалъ о дѣвушкѣ.

Утомясь обливаться водою, призвалъ онъ къ себѣ Саиба и говорилъ, что дѣвушка не выходитъ изъ его мыслей. Саибъ вызлся и увѣрялъ, что она давно уже вышла.

Набабъ повелѣлъ предстать передъ себя факиру, котораго почитали за вдохновеннаго самимъ Брамою, ибо онъ, отвѣчая на вопросы, ему предлагаемыя, коверкался какъ лаоская обезьяна, ходилъ подпоясавшись желѣзными веригами, вколачивалъ въ пятки по девяти гвоздей, и кричалъ мимоходящимъ: «обожай корову!»

Нарудъ спросилъ у него, какъ надобно поступать, ежели набабу понравится красавица.

«Понравится? красавица? вскричалъ, факиръ, бѣснуясь: «пренебреги ею! все, что принадлежитъ къ наслажденію, удовольствію, радостямъ, веселію — все должно быть чуждо истинному человѣку; однѣ печали, одна корова, или хвостъ ея, суть предметы, достойные занимать душу, разумъ и чувства смертнаго!»

За удовлетворительный отвѣтъ факира приказалъ Нарудъ построить большой хлѣвъ подлѣ дома сумасшедшихъ, собралъ всѣхъ факировъ, шатавшихся по Багару, посадилъ ихъ въ него и далъ каждому по коровьему хвосту.

Избѣгшіе отъ поимки сенассеи разломали ночью двери и, выпустивъ факировъ, разгласили поутру, что Брама освободилъ ихъ своими собственными руками.

О чудо! кричали сенассеи; о чудо! восклицали праздные люди; о чудо! повторяли старухи и суевѣры.

Набабъ велѣлъ факировъ переловить опять, опять посадилъ ихъ въ большой хлѣвъ подлѣ дома сумасшедшихъ и приставилъ къ нимъ двѣ сотни носящихъ мечи при бедрѣ своемъ и пищали за раменами: они, снявъ вериги съ

а) Сенассеи, или просто называемые факиры, суть философы, провождающіе самую бѣдственную жизнь. Разныя жестокости, коими они себя произвольно мучатъ, снискиваютъ имъ уваженіе и довѣренность черни. Самое же слово факиръ значитъ бѣднякъ.

чреслъ факировъ, возложили имъ оныя на выи, руки и ноги.

Народъ ожидалъ чуда, толпами собирались смотрѣть его, ждали, глядѣли—но чуда на сей разъ не послѣдовало.

Нарудъ послалъ вопросъ свой въ бенаресскій университетъ. Какъ скоро его тамъ получили, то одна половина пундитовъ науки о числахъ доказала посредствомъ алгебраическаго сложенія и вычитанія невозможность рѣшенія, а другая половина рѣшила ариѳметическимъ умноженіемъ и дѣленіемъ, что они солгали.

Пундиты любомудрія утвердили единогласно, что такъ какъ любовь не есть дружба, а дружба не любовь, то и надобно, чтобы она была чувство, ощущаемое мужчиною къ женщинѣ или обратно.

Пундиты словесности сочинили восемь похвальныхъ словъ и восемьдесятъ торжественныхъ одъ, каждую въ восемьсотъ стиховъ, на санскритскомъ нарѣчіи, по случаю Нарудовой любви.

Всѣ сочиненія пундитовъ отправлены были къ набабу, который, прочитавъ ихъ, увидѣлъ, что ученые пишутъ иногда и о томъ, чего они вовсе не понимаютъ.

Наконецъ тотъ же вопросъ предложилъ Нарудъ Раару, врачу, коего слава гремѣла на сорока трехъ кладбищахъ. Рааръ совѣтовалъ принять полкапли извѣстнаго ему состава. Набабъ выпилъ и едва было черезъ четверть часа не умеръ. Рааръ предписалъ порошки, которые не подѣйствовали.

Нарудъ негодовалъ на врача; врачъ сердился на крѣпкое сложеніе Наруда.

«О Великій Бримгъ!» говорилъ набабъ: «всѣ увѣряютъ, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго, а я вижу, что для меня очень немногое возможно!

Размышляя такимъ образомъ, рѣшился онъ послѣдовать однимъ внушеніямъ сердца, вѣрить чувствамъ и совѣтоваться съ разсудкомъ, надѣлъ платье бенза (а) и пошелъ въ сумерки къ пагоду, стоящему на берегу Ганга.

Нарудъ сѣлъ подъ пальмовымъ деревомъ, устремилъ глаза на жилище красавицы, выдумывалъ способы увидѣть ее и объявить ей любовь свою, не взирая ни на запрещенія Брамы и Саиба, ни на проклятія книги Веды и книги Эзуръ-Веды.

Вдругъ показалась дѣвушка въ концѣ просади, ведущей къ пагоду: та самая, которая овладѣла сердцемъ набаба, и—одна. Нечаянность сія обрадовала Наруда болѣе, нежели Скандербека (б) покореніе всего міра. Набабъ всталъ и дожидался ее подлѣ воротъ.

— Прекрасная! сказалъ Нарудъ при ея приближеніи: дозволь обнаружить тайну, тягостную для моего сердца, дозволь открыть чувства, кои ты возбудила твоею красотою, выслушай незнакомца...

а) Купца.

б) Александръ Великій.

«Незнакомца? могу ли я не знать моего государя, славнаго набаба Патны, повелителя Багара!»

— Ты ошибаешься, любезная дѣвица, ты видишь...

«Веиза? нѣтъ, я очень хорошо знаю Нарудa: сія одежда не перемѣнила его лица».

— Случайное сходство....

«Если такъ, то сожалѣю и уйду».

— Остановись! ты узнала меня: я Нарудъ. Но да послужитъ тебѣ сей случай доказательствомъ моей горячности: я люблю тебя.

«Государь!»...

— Повергаю къ ногамъ твоимъ корону Багара, мои сокровища, власть мою! раздѣли со мною владычество царя, его славу и великолѣпіе! повелѣвай мною и люби только меня.

«Корона, сокровища, власть — на что они мнѣ? я счастлива и безъ нихъ: кто дерзнетъ ручаться, что буду счастливѣе съ ними? Государь, ты предлагаешь мнѣ все, чѣмъ судьба одарила тебя, и требуешь любви моей: но возмездіе любви есть любовь, а не титла и богатства; сердца, благороднаго сердца нельзя ни купить, ни покорить. Я не имѣю ничего, но вольности моей не продамъ за корону Багара; ты можешь мнѣ приказать быть твоею супругою— я могу не любить тебя».

— Увы! я въ отчаяніи.... ты любишь уже!

«Нѣтъ, сердце мое свободно, но свобода ему не наскучила. Оковы супружества—всегда оковы».

— Для тебя сплетутся онѣ изъ розъ весеннихъ.

«Этого не довольно; надобно, чтобы благоразуміе очистило съ розъ шипы, коими онѣ усыпаны».

— Красота твоя защититъ тебя отъ сего тернія.

«Красота прельщаетъ любовника: супругу нужно нѣчто болѣе; наслажденія любовника—минута, наслажденія супруга—вѣкъ; такъ говоритъ отецъ мой: опытность его заслуживаетъ довѣріе».

— Скажи мнѣ имя твое, прелестнѣйшая дщерь Индостана!

«Меня зовутъ Онидою».

— Онида, прекрасная Онида, что долженъ сдѣлать человѣкъ, который ищетъ любви твоей? что долженъ сдѣлать я, дабы снискать взаимную любовь Ониды?

«Подвергнуться испытанію».

— Я воскресаю? испытывай Наруда, и ты увидишь, можетъ быть, что онъ не недостоинъ нѣжности твоей.

«Испытаніе мое, государь, начну я на *другой день*.

Сказала—и быстрѣе бенгальской серны удалилась во внутренность пагода. Нарудъ горестно посмотрѣлъ въ слѣдъ за нею и пошелъ отъ воротъ, говоря съ глубокимъ вздохомъ: «Ахъ, какъ ничтожна власть набаба, и какъ велико могущество красоты! нѣтъ, теперь уже никто меня не увѣритъ, чтобы мнѣ все было возможно».

Ну другой день, въ то же самое время, пришелъ Нарудъ къ пагоду; вскорѣ послѣ него Онида.

О какъ я счастливъ! говорилъ онъ, ее встрѣчая; испытаніе мое начнется, и я поспѣшу доказать моей возлюбленной, сколь велика моя любовь къ ней! предписывай, повелѣвай, — Нарудъ горитъ нетерпѣніемъ исполнить все то, что повелитъ ему Онида.

«Онида проситъ Наруда придти *на другой день*: тогда она предложитъ свое испытаніе».

— На другой день! сказалъ Нарудъ печально.

«На другой день!» сказала Онида хладнокровно и ушла въ пагодъ.

Набабъ явился на другой день, равнымъ образомъ и Онида. Съ веселымъ видомъ подошелъ онъ къ ней и говорилъ: теперь я не оставлю тебя до тѣхъ поръ, пока ты однимъ своимъ словомъ не сдѣлаешь меня или навѣки счастливымъ, или навсегда несчастнымъ, теперь я непремѣнно хочу знать...

«И такъ Нарудъ, коего добродушіе прославляютъ брамины и найры, намѣренъ употребить насиліе?»

— Да поразитъ меня гнѣвъ Бримга, ежели я помышлялъ о насиліи! но ты хотѣла начать испытаніе.

«Начну его *на другой день*».

Въ третій разъ покинутый набабъ стоялъ въ недоумѣніи предъ воротами пагода. «На другой день! на другой день!» говорилъ онъ самъ себѣ съ нѣкоторою досадою: «на другой день! что это значитъ? ахъ! вѣрно, она меня не любитъ!— не любитъ!... истребись, ужасная мысль, исчезни! кто подозрѣваетъ, тотъ недостоинъ любви взаимной; одна безпредѣльная довѣренность имѣетъ право на нее, она одна есть вѣрнѣйшее средство снискать нѣжность женщины. Такъ, воля Ониды священна для меня! буду ей слѣпо повиноваться, и приду на другой день».

Нарудъ пришелъ и ушелъ, не видавъ Ониды. Насталъ еще день, и еще день—въ четвертый показалась Онида.

— Онида! воскликнулъ набабъ: жестокосердая! чѣмъ заслужилъ я сіи мученія? почто воздаешь ты сурово за любовь мою?

«Упреки твои, государь, столько же несправедливы, сколько лестны слова, коими ты ихъ выражаешь: но оправдаться передъ тобою не могу иначе, какъ *на другой день*».

— Еще на другой день? нѣтъ, Онида, нѣтъ...

Нарудъ, примѣтивъ ея намѣреніе бѣжать, хотѣлъ схватить за руку, но ему попалась голубая лента, которую было обвязано платье на груди Ониды: красавица вырвалась, оставя набабу свой поясъ.

Такъ восхищаются дѣти, видя разноцвѣтную радугу, какъ восхищался Нарудъ, смотря на голубую ленту Ониды.

— Счастливая ткань! говорилъ онъ: ты украшала прелестную, помрачающую всѣ украшенія! къ тебѣ прикасались иногда персты ея, тебя удостоивала она, можетъ быть, каждый день нѣсколькими взглядами.... впредь ты не будешь столь счастлива!—ахъ, ежели бы

ты имѣла глаза, то проливала бы горькія, вѣчныя слезы, разлучаясь съ Онидою! но ты не можешь плакать,—такъ я стану орошать тебя моими слезами, возвращу нѣкогда ей и скажу: вотъ повѣренная любви моей и горести, свидѣтельница тоски и сокрушенія! она покрыта поцѣлуями моими, она не осушалась отъ слезъ моихъ! Онида, Онида! кто исчислитъ слезы, кои проливалъ я, томясь надеждою? кто измѣритъ любовь мою къ тебѣ?

«Моя любовь»! сказала Онида, выступя изъ воротъ пагода: «довольно, Нарудъ; испытаніе твое скоро кончится. Приди сюда *на другой день*: я приведу съ собою отца моего; онъ исполнитъ, вмѣсто меня, мое обѣщаніе и, можетъ быть, позволитъ Онидѣ любить набаба Патны. Участь Наруда и Ониды рѣшена уже; *на другой день* рѣшится участь бѣдной подданной и владыки Багара».

— На другой день? жестокая! на что откладывать благополучіе мое до другаго дня, когда можно его совершить нынче? Никогда не раздѣлялъ я человѣка съ государемъ въ моей особѣ: Нарудъ и набабъ багарскій одно и то же; пойдемъ, сейчасъ пойдемъ къ отцу твоему: да будетъ онъ и моимъ отцемъ!

«Ахъ, государь! для тебя тягостно отложить свиданіе съ понравившеюся тебѣ дѣвушкою до другаго дня; суди же, какъ несносно должно казаться терпѣніе ожидающимъ правосудія, помысли, какъ мучительно откладывать и самую надежду до другаго дня, какъ горестно говорить самому себѣ: нынче ничего, а можетъ быть на другой день!»

— На другой день?

«Тысячи подвластныхъ тебѣ произносятъ это, обливаясь слезами: почему же и государю не извѣдать всей горечи непріятной отсрочки?»

— Я извѣдалъ все... знаю все...

«Тѣмъ лучше: слѣдовательно для тебя не новое проститься со мною до другаго дня».

— Нѣтъ, Онида, скорбь разлуки всегда будетъ новою язвою для моего сердца: можно ли привыкнуть къ печали? Взгляни: здѣсь, у ногъ твоихъ, прошу тебя не терзать разлученіемъ съ тобою души моей, умоляю тебя не упоминать болѣе ненавистнаго слова: *на другой день;* оно безконечно какъ вѣчность, мучительно какъ адъ; ахъ, или мало еще терпѣлъ я отъ него?

«Вѣрно менѣе, нежели я и несчастный отецъ мой!»

— Менѣе? несчастный? — ты плачешь? менѣе?

«Увы, мы много, слишкомъ много потерпѣли отъ сего ужаснаго слова!»

— Правосудный Бримгъ, что я слышу? объяснись, прекрасная; заклинаю тебя, объяснись!

«Буду откровенна передъ моимъ государемъ; не утаю ничего, ибо надѣюсь оказать услугу ему и всѣмъ его подданнымъ; надѣюсь, что, открывъ злоупотребленіе приближенныхъ его, закрою раны страждущаго человѣчества».

— О Нарудъ, Нарудъ! и такъ ты заблуждался, думая, что нѣтъ несчастныхъ въ твоемъ владѣніи!

«Отецъ мой служилъ въ войскахъ твоего родителя пятьдесятъ лѣтъ; старость и болѣзни принудили его покинуть знамена твои черезъ годъ по восшествіи твоемъ на престолъ. Заслуги позволяли ему надѣяться получить награду, опредѣленную законами, но исполнители законовъ предали забвенію долговременную его службу и славные подвиги; они извѣстны были одному покойному государю»....

— Имя отца твоего?

«Беккиръ».

— Знаменитый Беккиръ, коего мечъ усмирялъ дважды неспокойнаго сосѣда, набаба ногракутскаго, и которому Вагаръ обязанъ выгоднымъ миромъ! Беккиръ, отразившій нападеніе европейцевъ при устьѣ Ганга, куда отправилъ его родитель мой на помощь государю бенгальскому....Онида, ты несправедлива: подвиги Беккировы и мнѣ извѣстны; но я никогда не видалъ его въ моихъ чертогахъ.

«Ибо доступъ подданному къ тебѣ труднѣе, нежели грѣшнику ко вратамъ рая».

— И я слышу объ этомъ въ первый разъ? и найры не стыдятся прославлять мое милосердіе?

«Отецъ мой прибѣгнулъ къ твоему намѣстнику».

— Къ моему другу, Онида, къ моему истинному другу.

«Твой другъ и намѣстникъ отказалъ ему».

— Отказалъ!

«Но до отказа своего приказывалъ, просилъ приходить *на другой день* цѣлый годъ, межъ тѣмъ какъ мы часто не имѣли на другой день—пропитанія».

— Мой другъ это сдѣлалъ? намѣстникъ мой отказалъ заслуженному саттрису? обманывалъ Беккира, получая отъ меня каждый мѣсяцъ для раздачи вѣрнымъ сынамъ отечества по полубочкѣ золота!

«Изъ всѣхъ твоихъ бочекъ не удѣлилъ онъ отцу моему ни золотника».

Понимаю теперь, для чего найры прославляютъ мое добродушіе! разумѣю, для чего они съ такимъ удовольствіемъ превозносятъ щедроту мою!

«Намъ сказали, что Саибъ находится въ большомъ у тебя уваженіи, и потому возобновилъ отецъ мой просьбу свою предъ главноначальствующимъ надъ священными сословіями браминовъ»....

— Ѳтъ котораго и получилъ желаемое? Ахъ, какъ я досадую, что намѣстникъ мой лишилъ себя сладостнаго удовольствія исполнить обязанность государеву, лишилъ себя моей благодарности; и какъ я радъ, что Саибъ заплатилъ Беккиру мой долгъ! что онъ симъ поступкомъ заставляетъ меня перемѣнить дурное мое объ немъ мнѣніе! о какъ я радъ, что могу наконецъ сказать: у меня есть человѣкъ, на котораго смѣло можно положиться! отнынѣ Саибъ будетъ моимъ совѣтникомъ, наставникомъ, другомъ.

«Полтора года приказывалъ Саибъ приходить къ себѣ *на другой день* то отцу моему, то мнѣ: наконецъ сегодня отказалъ совершенно».

— Саибъ? сѣдобородый Саибъ, читающій Веду и Эзуръ-Веду?

«Онъ самый. Теперь только я была у него, онъ—увы, какъ тягостна бѣдность!—онъ дерзнулъ мнѣ, дочери добраго, честнаго воина, предложить за заслуженную награду отца моего мое....»

— Какъ, неужели и это повелѣваетъ Брама? въ моей области такое преступленіе? въ столицѣ добродушнаго Наруда продаютъ награду заслугъ, оскорбляютъ невинность, угнетаютъ слабыхъ? О какъ жестоко меня обманывали! Однако же, Онида, почему ты или Беккиръ не просили меня, когда я прогуливаюсь?

«Или государь забылъ свое повелѣніе, обнародованное въ тотъ самый день, когда праздновала Патна третій годъ твоего царствованія?»

— Сей день незабвененъ въ моей памяти! я помню очень хорошо, что повелѣлъ уничтожить варварскій законъ, отчуждающій несчастныхъ Гаррисовъ (а) отъ общества, и возобновить древнюю терпимость всѣхъ вѣръ въ моей области.

«И только?»

—Только; я подписалъ два сіи повелѣнія и нѣсколько еще благодарственныхъ листовъ къ отличившимся гражданскими подвигами начальникамъ».

«Но въ самый тотъ день объявлено было твое же повелѣніе, чтобы никто не дерзалъ безпокоить тебя просьбами во время твоихъ выѣздовъ».

—Что слышу?—безпокоить государя просьбами!

«Ослушнику назначена смертная казнь».

— И это дѣлали мои любимцы! друзья мои, сѣдобородые брамины и благовоспитанные наиры, восхвалявшіе добродушіе легковѣрнаго Наруда! Впредь будутъ прославлять правосудіе, а не добродушіе Нарудово, впредь станутъ лобызать зерцало истины, а не зеленые каблуки моихъ туфлей! Онида, благодарю тебя за открытіе моего заблужденія; если бы я не любилъ тебя, то сія услуга творитъ тебя достойною быть супругою повелителя Патны: пойдемъ къ отцу твоему. Не Саибово, но его благословеніе надобно мнѣ; онъ получитъ семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь золотыхъ монетъ крупнѣйшаго разбора, а не сундукъ пагода, стоящаго на берегу Ганга; не на истуканъ Брамы, а на шею милой Ониды повѣшу я все, всѣ гидрабантскіе алмазы, какіе только есть въ моихъ сокровищахъ!

а) Жители Индостана раздѣляются на нѣсколько поколѣній, изъ коихъ есть одно самое несчастнѣйшее, называемое Гаррисами, Паріями или Пуліатами. Они обязаны отправлять наиподлѣйшія работы, должны избѣгать встрѣчи со всякимъ индіаниномъ, и каждый, принадлежащій не къ ихъ поколѣнію, имѣетъ право убить Гарриса до смерти за ничто.

Едва озлатило солнце верхи зданій Патны, какъ уже Нарудъ ѣхалъ въ сопровожденіи двухъ полковъ отборныхъ меченосцевъ къ пагоду, стоящему на берегу Ганга; вся свита окружала его.

Весело играли музыканты передъ полками; меченосцы шли, улыбаясь, за набабомъ; народъ толпился около Наруда, привѣтствующаго ихъ ласково и дружелюбно. Радость сіяла на лицѣ у каждаго.

Одни найры, составлявшіе свиту набабову, поглядывали горестно другъ на друга; трепеща, ѣхалъ подлѣ Наруда его намѣстникъ, ибо Нарудъ, противъ своего обыкновенія, не говорилъ ни съ кѣмъ изъ нихъ ни слова и не объявилъ никому, зачѣмъ ѣдетъ къ пагоду. Всѣ предчувствовали бѣду, особливо намѣстникъ набаба. Отъ сотворенія придворныхъ никогда еще не бывало, чтобы предчувствіе кого-нибудь изъ нихъ обмануло!

Равнымъ образомъ изумился Саибъ и брамины, увидя внезапу Наруда. Еще болѣе перепугалось благочестивое сословіе, усмотрѣвъ съ нимъ два полка меченосцевъ. Саибъ отсчитывалъ въ сіе время третью часть вчерашняго сбора, но сколько ни любилъ онъ монеты, побѣжалъ однако же на встрѣчу къ набабу, имѣя въ рукахъ книгу Веду, Эзуръ-Веду и кадильницу съ аравійскими благовоніями, — побѣжалъ, не замкнувъ монеты.

Страхъ и ужасъ овладѣлъ Саибомъ, браминами, намѣстникомъ и найрами, когда Нарудъ, въѣхавъ на дворъ пагода, слѣзъ съ лошади и пошелъ не въ пагодъ, а къ возвышенію, сдѣланному посреди двора. Подобно ручьямъ сѣвера, останавливающимся отъ губительнаго дыханія хладныхъ вѣтровъ въ мѣсяцы Козерога, замерзла кровь въ ихъ жилахъ, когда набабъ, взошедъ на возвышеніе, обратился къ народу и началъ говорить слѣдующее:

«Дѣти мои! три года управляю я вами послѣ смерти моего родителя, три года коварные льстецы угнетали васъ моимъ именемъ; приближься, кто имѣетъ жалобу на намѣстника или на судей, поставленныхъ надъ вами!»

Всѣ пали на колѣни: тысячи вопіяли. Нарудъ далъ знакъ къ молчанію и продолжалъ говорить:

«Обѣщаю воздать должное каждому; обѣщаю разобрать всѣ жалобы, и удовлетворю справедливую. Отнынѣ васъ никто не разлучитъ со мною; дѣти могутъ видѣть отца своего во всякое время, когда имъ надобно. Нуждающійся и несчастливый, гонимый и беззащитный, сирый и вдовица не должны разбирать дня и часовъ, дабы обрѣсти себѣ отраду у престола государева, ибо владѣніе мое не обширно. Богъ пріемлетъ молитвы наши днемъ и нощію: днемъ и нощію да будутъ отверсты народу мои чертоги!» (*Оборачивается къ намѣстнику*). А ты, дерзнувшій употребить во зло довѣріе твоего владыки, будь съ

женою твоею и чадами твоими, ибо и они участвовали въ твоихъ преступленіяхъ, будь рабъ Беккира! пресмыкайся въ неволѣ у того, кто не получилъ отъ тебя заслуженной награды, кому ты цѣлый годъ обѣщалъ исполнить просьбу его *на другой день* и кому ты наконецъ отказалъ съ свирѣпостію, сродною жестокосердному корыстолюбцу!» — (*Къ Саибу*). Здѣсь, предъ полками защитниковъ вѣры и отечества, предъ лицемъ дѣтей моихъ, скажи, какъ должно поступать въ такомъ случаѣ, когда набабу понравится красавица?»

— Какъ ему угодно! отвѣчалъ Саибъ, уронивъ обѣ книги и кадильницу съ аравійскими благовоніями.

«Вѣроломный жрецъ!» говорилъ Нарудъ: «сей отвѣтъ не спасетъ тебя, не примиритъ съ раздраженнымъ правосудіемъ; я презираю его и вмѣсто онаго требую, что бы ты раскрылъ Веду и удовлетворилъ вопросу моему; хочу изобличить развратнаго мздоимца, прикрывающагося личиною смиренія. Повинуйся!»

Саибъ дрожащими руками раскрылъ Веду и читалъ:

«Не взирайте на сокровища, титла и красоту, когда желаете, чтобы дѣвица, избираемая вами въ супруги, любила васъ до конца жизни, когда желаете быть счастливы! красота увянетъ, титла можетъ отнять сильнѣйшій, сокровища подвержены тому же жребію. Одна истинная любовь, основанная на взаимномъ уваженіи, пребудетъ неизмѣнною вовѣки!» Саибъ умолкъ; Нарудъ продолжалъ:

«Ни слова о вкладахъ въ сундукъ пагода? ни слова о парѣ гидрабантскихъ алмазовъ? И такъ Саибъ оклеветалъ книгу Веду, обманулъ Бога, государя, народъ! Обманщикъ и клеветникъ недостоинъ жреческаго сана, котораго я тебя лишаю».

— Главноначальствующаго надъ священными сословіями браминовъ (сказалъ Саибъ прерывающимся голосомъ, простершись предъ Нарудомъ) никто, кромѣ браминовъ, не можетъ лишить сана: сіе написано въ Эзуръ-Ведѣ, въ шестой главѣ, на страницѣ пятнадцатой.

«Саттрисы!» воскликнулъ набабъ: «станьте вокругъ браминовъ; пусть они напишутъ сейчасъ въ Эзуръ-Ведѣ, въ первой главѣ, на первой страницѣ, что набабъ властенъ сжечь Эзуръ-Веду, ежели написанное въ ней будетъ противно истинѣ и здравому разсудку. Брамины написали книгу; брамины могутъ и переписать ее».

Бубны загремѣли, и саттрисы въ ладъ вынули мечи свои и ровнымъ шагомъ, весьма красиво построились около браминовъ. Книгу Эзуръ-Веду разогнули и повелѣніе Наруда вписали. Набабъ продолжалъ говорить:

«Клятвопреступника Саиба лишаю сана! да будетъ онъ со всѣми неправедно пріобрѣтенными богатствами рабъ Ониды, которую оскорбилъ вчера и отцу которой

обѣщалъ онъ помочь на другой день полтора года. (*Оборачивается къ найрамъ*). Возбраняю вамъ лобызать каблуки туфлей моихъ, а и того болѣе прославлять какое-либо дѣяніе набаба. Кто сдѣлалъ добро, тому собственное его сердце, сладостный голосъ совѣсти пріятнѣе похвалъ вашихъ и увѣрительнѣе всѣхъ санскритскихъ стиховъ. Народу запрещено становиться на колѣни предо мною; ибо если такимъ образомъ будутъ воздавать почтеніе набабамъ, то что уже останется Богу? Колѣнопреклоненіе есть почесть, принадлежащая Ему одному».

Рукоплесканія и крикъ Патнійцевъ заглушили слова Наруда. Когда восторгъ народный утихъ, тогда онъ началъ опять говорить:

«Отнынѣ, буде Брама благоволитъ учинить какое-либо откровеніе браминовъ, то да увѣдомятъ они о томъ напередъ меня, а я уже сообщу его моему народу».

Брамины посмотрѣли изъ подлобья на меченосцевъ и низко, низко поклонились набабу въ знакъ непринужденнаго согласія.

«Теперь, дѣти мои!» продолжалъ набабъ говорить къ народу: «представлю я вамъ того, кто показалъ мнѣ коварство намѣстника моего и Санба, кто открылъ ихъ злодѣйства и козни, и кто возвратилъ меня вамъ. Смотрите, вотъ моя и ваша благотворительница!»

Народъ и саттрисы раздались: Онида шла къ Наруду подлѣ отца своего, между рядовъ восклицающихъ Патнійцевъ. Набабъ взялъ ее за руку и, возведя на возвышеніе, съ котораго говорилъ, сказалъ:

«Вотъ показавшая мнѣ путь къ достиженію до существеннаго благоденствія Багара; она, кому я обязанъ спасительнымъ урокомъ самопознанія; словомъ, тотъ добрый духъ, который помогъ мнѣ положить начало къ устроенію вашего счастія! Народъ, чѣмъ заплатишь ты ей? чѣмъ заплачу я?»

Нѣкоторые изъ народа. Отдай половину твоихъ сокровищъ!

Другіе. Отдай всѣ: мы возвратимъ ихъ!

Другіе. Отдай всѣ!

Другіе. Награди ее, чѣмъ хочешь!

Нарудъ. Сокровища мои вамъ принадлежатъ: отдавъ ихъ, заплатилъ бы я только вашъ долгъ, не свой; но у меня есть моя собственность—сердце.

Нѣкоторые изъ народа. Да будетъ твоею супругою!

Другіе. И нашею матерью!

Всѣ. Да будетъ!

Нарудъ. Да будетъ! На другой день (въ послѣдній разъ произношу сіе слово) совершится мое бракосочетаніе, и дѣти мои пусть придутъ участвовать въ общей радости; проклятое же слово *на другой день* да искоренится на вѣки изъ языка индостанскаго!

Доколѣ царствовалъ Нарудъ, то никогда не было употребляемо слово *на другой день*, потому что всѣ просьбы доходили къ набабу или судіямъ испытанной честности и безкорыстія, и потому что всѣ

просьбы рѣшались въ тотъ же день.

Долго продолжалось благоденствіе Багарянъ, долго управлялъ ими Нарудъ, но онъ умеръ: съ нимъ умерло и счастіе его народа.

Хотя изъ уваженія къ памяти Нарудовой потомки его и гнушались виною многихъ золъ, словомъ *на другой день*, но они выпустили сперва факировъ, потомъ дозволили цѣловать каблуки у своихъ туфлей, а напослѣдокъ сняли запрещеніе и съ откровеній Брамы.

Брама, начавъ по прежнему бесѣдовать съ браминами, благоволилъ учинить нѣсколько чудесъ, между коими находилась буковая доска, приплывшая ночью вверхъ по рѣкѣ Гангу и остановившаяся прямо противъ пагода, гдѣ нѣкогда жилъ Саибъ. На доскѣ сей было начертаніе: *Завтра*. Никто не понималъ смысла сего таинственнаго слова, но Брама растолковалъ его браминамъ, которые извѣстили наировъ, что оно значитъ точь въ точь тоже, что и *на другой день*.

Первые приняли сіе слово брамины, потомъ внесено оно было съ великимъ торжествомъ въ словарь блюстителей правосудія, потомъ воспользовались имъ ростовщики, а наконецъ сдѣлалось оно столь употребительнымъ, что разнеслось по всему Багару, Индостану и востоку.

Дорого однако же стоило сіе чудо преемникамъ Наруда, ибо когда непріятели напали на предѣлы Багара, и набабъ, желая отразить ихъ, просилъ помощи у сосѣднихъ государей, то всѣ они обѣщали ему прислать ее—*завтра*.

Теперь Багаръ стенаетъ подъ ярмомъ своихъ непріятелей и, не взирая на продолжающіяся чудеса и толки браминовъ, вноситъ ежегодно въ сундукъ завоевателей изрядныя кучки золота и кучи серебра, для того что и враги ихъ, подобно Саибу, имѣютъ непреодолимое отвращеніе ко всѣмъ другимъ металламъ, которые неспособны вмѣщать въ немногомъ количествѣ многое.

И факиры, встрѣчаясь съ мимоходящими, вмѣсто прежняго привѣтствія: «обожай корову!» говорятъ: «о горе, горе намъ! когда возвратитъ Патна свою свободу?»

Завтра!...

[1]) Александръ Петровичъ Бенитцкій (1780—1809), или Бенитцки, какъ онъ самъ подписывалъ свою фамилію подъ нѣкоторыми статьями, воспитывался въ пансіонѣ профессора московскаго университета Шадена. Здѣсь онъ основательно выучился языкамъ французскому и нѣмецкому: послѣдній доставилъ ему возможность познакомиться съ поэзіей Клопштока и Шиллера, и чрезъ то избѣгнуть односторонности французскаго классицизма какъ въ сужденіяхъ объ искусствѣ, такъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ. На смерть Шиллера написалъ онъ элегію; изъ него же переведены имъ: «Мысли объ употребленіи въ искусствѣ обыкновеннаго и низкаго», повѣсть: «Преступникъ отъ безславія» и нѣсколько стихотвореній. По выходѣ изъ пансіона, Бенитцкій служилъ въ арміи съ небольшимъ четыре года, а потомъ находился при Коммисіи составленія за-

коновъ (въ Петербургѣ). Не смотря на свою молодость, онъ выказалъ замѣчательный литературный талантъ и славился въ свое время, какъ повѣствователь и рецензентъ. Повѣсти его (хотя онѣ вѣроятно переводныя или передѣлки иностранныхъ повѣстей) заслуживаютъ и теперь вниманіе по основной идеѣ, занимательному содержанію, живому, остроумному разсказу и чистому, пріятному языку. Начальные опыты его авторства явились въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, И. Мартынова (1804—1805), и въ Журналѣ Рос. Словесности, Н. Брусилова (1805). Въ первомъ изданіи напечатана «Комала, драматическая пѣснь Оссіана»—подраженіе нѣмецкому образцу; во второмъ помѣщены стихотворенія: «Гробница друга», «Къ Амуру», «Весна», «Развалины». «Вдова» (сказка), упомянутая элегія на кончину Шиллера, «Сентябрь» (идиллическій разговоръ) и нѣсколько басенъ. Въ 1807 г. Бенитцкій издалъ «Талію, или собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, кн. 1». Въ сборникѣ участвовали Батюшковъ и Гнѣдичъ. Самому издателю принадлежатъ двѣ повѣсти: «Ибрагимъ, или великодушный», и «Бедуинъ», и «Параллели» (женщина и драма, умный и дуракъ), 13 басенъ и нѣсколько другихъ стихотвореній. Вторая книжка Таліи, обѣщанная въ томъ же 1807 г. и уже отпечатанная, по какимъ-то обстоятельствамъ не вышла въ свѣтъ. Въ 1809 г. Бенитцкій вмѣстѣ съ А. Измайловымъ издавалъ журналъ Цвѣтникъ, который ему особенно обязанъ былъ своимъ интересомъ. Второй и послѣдній годъ Цвѣтника (1810), выходившаго подъ редакціей А. Измайлова и П. Никольскаго, не представляетъ прежняго разнообразія и живости. Къ важнѣйшимъ статьямъ Бенитцкаго въ обоихъ годахъ Цвѣтника относятся: повѣсть «На другой день», «Восточныя сказанія», «Похвальное слово чижику Пипинькѣ», разборы нѣкоторыхъ книгъ, басни. Есть также его переводы изъ Виланда, Клопштока и Шиллера. Какъ въ стихотворныхъ піесахъ Бенитцкаго большею частію выражается меланхолія—слѣдствіе душевныхъ страданій, ускорившихъ его смерть, такъ въ его повѣстяхъ, басняхъ и критическихъ разборахъ много здравыхъ понятій, остроумія и сатирическихъ замѣтокъ. Кромѣ того, остались послѣ Бенитцкаго въ рукописяхъ: «Неронъ», трагедія въ стихахъ (неоконченная), и нѣсколько другихъ піесъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Краткій некрологъ Бенитцкаго см. въ ноябрской книжкѣ Цвѣтника на 1809 г.

[2]) «Цвѣтникъ, 1809 г., № 1».

IX.

В. В. ИЗМАЙЛОВЪ ([1]).

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПОЛУДЕННУЮ РОССІЮ (1799). ([2]).

Сарепта, или Сарпинская колонія.

Торжество человѣческихъ обществъ есть, конечно, общество евангелическое, котораго братья поселились у насъ на берегахъ Сарпы.

Гуляю въ убѣжищѣ новыхъ евангелистовъ, собираю пріятныя впечатлѣнія и радуюсь на гражданскій и нравственный порядокъ

колоніи, которая присвоила себѣ, съ наукою добродѣтелей, художества нашего философическаго вѣка.

Вообразите себѣ посреди дикихъ пустынь веселый городокъ, украшенный не великолѣпными, но пріятными зданіями, съ малымъ числомъ людей, живущихъ безъ излишности изобилія, но безъ недостатковъ роскоши; счастливыхъ не блескомъ просвѣщенія, но простотою нравовъ; занятыхъ не важными науками, но полезными ремеслами. Вообразите себѣ уединенное убѣжище, гдѣ укрываются добродѣтели, изгнанныя въ мірѣ, гдѣ художества блестятъ на тронѣ, гдѣ семейство людей есть семейство братій: такова Сарепта!

Но воображеніе не представитъ себѣ никогда того, что глаза видятъ здѣсь. Не довольно читать самое вѣрное описаніе Сарепты: надобно видѣть ее. Колонія выстроена очень хорошо; домики въ два этажа, осѣненные цвѣтущими раинами (а), занимаютъ площадь, къ которой примыкаютъ улицы, украшенныя также рядами пріятныхъ зданій. Здѣсь домъ директорскій, не превышая другихъ кровлею, величается одною смиренностью; тамъ прикасаются къ облакамъ одни тѣ дома, гдѣ воспитывается юношество и покоится вдовство (б); далѣе, согласно съ бѣдностью жертвъ, приносимыхъ землею небу, стоитъ скромный храмъ молитвы; частныя жилища, фабрики, мастерскія улыбаются пріятно передъ глазами зрителя. Посреди площади, которая можетъ назваться средоточіемъ колоніи, вырытъ колодезь, изъ котораго вода проведена во всѣ кухни домовъ, чтобы быть всегда подъ рукою хозяина.

Подите по улицамъ, и вы встрѣтите на каждомъ шагу хозяйство трудолюбія и любовь къ порядку и тишинѣ. Спокойствіе въ домахъ, чистота даже на улицахъ, простота и опрятность въ одеждѣ каждаго человѣка, выраженіе сердца на всѣхъ лицахъ. Такимъ, какъ идетъ здѣсь каждый колонистъ въ темномъ фракѣ, съ кроткимъ видомъ и смѣлымъ шагомъ, надобно воображать себѣ истинно счастливаго человѣка, который, по мнѣнію Руссо, тихо наслаждается во глубинѣ своего сердца мирнымъ положеніемъ жизни. Такою, какъ видишь здѣсь каждую сестру за рукодѣльемъ, въ легкомъ корсетѣ, съ однимъ простымъ чепчикомъ на головѣ, подвязаннымъ ленточкою подъ шею, и съ ангельскимъ взглядомъ невинности, воображалъ я всегда ту женщину, съ которою хотѣлъ бы раздѣлить мое сердце, жизнь и уединеніе.

Вы можете въ нѣсколько минутъ замѣтить всѣ главныя черты ихъ гражданскаго учрежденія.

Первый изъ начальниковъ встрѣчается на улицѣ съ послѣднимъ изъ ремесленниковъ (в), и вы тро-

а) Peupliers. *И—въ.*

б) Домъ вдовій и домъ братскій— одни изъ лучшихъ, изъ огромнѣйшихъ въ колоніи. *И—въ.*

а) Я говорю по нашему, но нѣтъ

*

гаетесь до слезъ, видя ихъ братскую привѣтливость, ихъ взаимныя ласки, ихъ кроткое смиреніе, которое удаляетъ всякое первенство сана.

Вы видите въ окно огонь, пылающій на очагѣ. Войдите изъ любопытства. Сарептянка въ фартукѣ бѣломъ, подобно снѣгу, съ руками столь же бѣлыми, отправляетъ кухню такъ чисто, такъ хорошо, что сама Софія, столь гордая въ семъ случаѣ, полюбила бы кухню (а). Но ктожъ стряпаетъ? нанятая женщина, кухарка, служанка? Нѣтъ: сама хозяйка дома, мать многочисленнаго семейства и не послѣдняя въ обществѣ.

Остановитесь передъ окошкомъ чистаго домика, который манитъ васъ къ себѣ. Вамъ открывается прекрасная комната; нигдѣ не видно пылинки, все чисто и свѣтло; столы краснаго дерева; по стѣнамъ шкафы, и за стеклами лежатъ... что бы вы думали?... хлѣбы. Это калашня.

Но вотъ мельница. Мельникъ отработалъ и зоветъ васъ къ себѣ въ гости. Комната его убрана со вкусомъ; на столѣ лежатъ двѣ или три книжки; въ углу стоятъ клавикорды, и хозяинъ—тотъ, который за минуту передъ тѣмъ ссыпалъ муку на мельницѣ, прикасается легкими пальцами къ тушамъ инструмента и играетъ передъ вами симфоніи. Вы удивляетесь? но спросите всѣхъ тѣхъ, которые были въ Сарептѣ.

Насталъ часъ утра: братья и сестры въ молчаніи и въ смиреніи приближаются къ дому молитвы, котораго величество состоитъ въ простотѣ и все украшеніе въ одномъ образѣ Законодателя христіанъ. Мужчины садятся внизу, женщины вверху, въ особливомъ отдѣленіи, и одинъ изъ нихъ начинаетъ читать нравоучительныя главы изъ Библіи.

Съ первымъ словомъ, съ первымъ именемъ Бога, произнесеннымъ языкомъ проповѣдника, глубокое чувство воцаряется во всѣхъ сердцахъ, тишина въ храмѣ, благоговѣніе на лицахъ. Кажется, что Божество нисходитъ къ смертнымъ.

Стою во храмѣ, внимаю великимъ истинамъ, возвѣщаемымъ именемъ Бога, и самъ преклоняю колѣна. Между тѣмъ чтеніе пресѣкается; хоръ мужчинъ, вмѣстѣ съ нѣжными женскими голосами, поетъ небесные гимны, и ангельская гармонія переселяетъ, кажется, человѣка на небо.

Молитва кончится—и всѣ возвращаются въ дома свои къ рукодѣлью, работамъ и должностямъ. Надзиратель идетъ пещись объ общемъ порядкѣ, мать семейства приправлять чадолюбивою рукою обѣденное кушанье, ремесленникъ работать для удовольствія и для потребности: каждый платитъ долгъ

нужды сказывать, что въ Сарептѣ всѣ ремесла равны и всѣ одинаково уважаются. *И—въ.*

а) Руссо говоритъ въ своемъ Эмилѣ, что Софія чувствовала всегда отвращеніе заниматься кухнею. *И—въ.*

свой общежитію — трудиться и покупать пропитаніе трудами рукъ своихъ.

Послѣ обѣда снова занимаются, снова работаютъ. Въ сіи часы дня весь городокъ есть одна мастерская. Пятьсотъ рукъ (а) находятся въ движеніи. Дѣятельность есть душа міра. Кажется, что Сарепта тогда еще счастливѣе и веселѣе.

Ввечеру дружеская искренность соединяетъ людей, иногда однихъ родныхъ, иногда и чужихъ. Они живутъ для тихихъ удовольствій и тѣмъ наполняютъ разговоры; тихо наслаждаются и тихо бесѣдуютъ. Вечерняя молитва, подобно утренней, при новомъ соединеніи братій и сестеръ, и встрѣча безмятежнаго сна, въ покоѣ ночи и совѣсти, заключаютъ кругъ ихъ мирнаго дня.

Такъ гернгутеры проводятъ день свой; такъ они проводятъ и всю жизнь свою. Такъ хотѣлъ бы провести хоть нѣсколько минутъ живущій на театрѣ шумнаго свѣта и незнакомый иногда съ тѣми тихими движеніями, которыя посѣщаютъ сердца сихъ людей.

[1]) Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ (1773 — 1830), род. въ Москвѣ, гдѣ и получилъ образованіе въ родительскомъ домѣ. Онъ зналъ языки латин., франц., нѣм. и англійскій. Чувствуя наклонность къ умственному труду, онъ не долго оставался въ военной службѣ: вышедъ въ отставку, воротился на родину, гдѣ познакомился съ Карамзинымъ и И. Дмитріевымъ. Чтобы свободнѣе предаться литературѣ, Измайловъ поселился въ деревнѣ своей, недалеко отъ Москвы. Подражая Карамзину, онъ въ 1799 г. отправился путешествовать по южной Россіи. Описаніе этого путешествія издано имъ особою книгой, подъ названіемъ: «Путешествіе въ полуденную Россію». Въ 1804 г. онъ издавалъ журналъ для воспитанія: «Патріотъ» (4 ч. или 12 книжекъ). Передовая статья самого издателя, № 1, излагаетъ и настоятельную потребность педагогическаго журнала, и выбранныя имъ руководства:

«Никогда польза умственнаго образованія не могла быть такъ чувствительна, какъ нынѣ, когда свѣжи еще въ памяти бѣдствія полупросвѣщенія. Невѣдѣніе истинныхъ благъ было источникомъ золъ революціонныхъ. Монтескье замѣчаетъ, что обитатели новаго міра претерпѣли порабощеніе отъ того, что они не имѣли понятія о нѣкоторыхъ свойствахъ физики. Можно сказать, что Франція страдала безпримѣрнымъ образомъ отъ недостатка философіи. Сей великій примѣръ, вопреки врагамъ восьмагонадесять вѣка, оправдываетъ писателей-философовъ, которые хотѣли просвѣтить умы для великихъ должностей, прежде нежели даровать имъ великія права».

Главнымъ авторитетомъ для Измайлова служилъ Руссо, который, какъ сказано Измайловымъ въ послѣдствіи, «одинъ опередилъ своихъ современниковъ въ открытіи истинъ, относящихся къ тайнѣ воспитанія, первый задалъ высокую мысль творить въ гражданинѣ человѣка, способнаго ко всѣмъ состояніямъ общества, ко всѣмъ превратностямъ жизни и судьбы». Измайловъ во всѣ періоды своей жизни сохранилъ страстное почтеніе къ Руссо, котораго называлъ *своимъ любезнымъ Женевцемъ* потому, что ему

а) Колонія состоитъ изъ 500 членовъ. *И—в.*

былъ обязанъ первой обработкой вкуса, слога и ума.

Не довольствуясь теоріей воспитанія, Измайловъ задумалъ приложить ее къ своему дѣлу, и съ этой цѣлью завелъ пансіонъ, который впрочемъ существовалъ недолго. Императоръ Александръ I въ уваженіе того, что Измайловъ, первый изъ природныхъ дворянъ, посвятилъ себя воспитанію юношества, наградилъ его за это орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Мысль о важности воспитанія не оставляла Измайлова въ теченіе цѣлой жизни. Небрежность родителей, въ этомъ случаѣ, возбуждала въ немъ прискорбное недовольство. Статья Литературнаго Музеума (1827): «Русскій наблюдатель въ XIX вѣкѣ», исчисливъ важнѣйшіе педагогическіе труды, такъ отзывается о современномъ состояніи русскаго воспитанія:

«Нынѣ, когда видишь отцевъ и матерей, приведенныхъ небомъ и собственнымъ ихъ сердцемъ къ священной обязанности руководить дѣтей къ цѣли, указанной просвѣщеніемъ, предполагаешь въ родителяхъ свѣдѣнія, необходимыя для сего великаго дѣла. Когда видишь, съ другой стороны, младенцевъ, сихъ подрастающихъ сыновъ Россіи, кажется, будто ихъ взоръ и улыбка говорятъ: мы оправдаемъ высокія надежды отечества! Такъ думается; но что же въ самомъ дѣлѣ? Дѣти, какъ и прежде, ввѣряются наемныхъ и невѣжественнымъ рукамъ, неспособнымъ трудиться для вѣковъ; у родителей нѣтъ заботы о томъ, чтобы слѣдовать за развитіемъ юныхъ умовъ, заглядывать въ книги и почерпать въ нихъ способы воспитанія, согласнѣйшіе съ новыми потребностями человѣческаго духа и съ новыми измѣненіями человѣческихъ вещей».

²) «Путешествіе въ полуденную Россію, въ письмахъ, изданныхъ Владиміромъ Измайловымъ» (Москва, 1800—1802). Первая часть—1800 г.; третья и четвертая—1802 г. «Новое изданіе, вновь обработанное авторомъ» (т. е. второе), вышло подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Полуденную Россію Владиміра Измайлова» (Москва, 1805 года, 4 части). Оно значительно сокращено; многія письма исключены вовсе; нѣкоторыя иностранныя слова (параллель, канва романа) замѣнены русскими (сравненіе, основаніе романа); изліянія сентиментализма ослаблены. Несмотря на эти перемѣны, путешествіе осталось «чувствительнымъ». Въ 1815 г. Измайловъ издавалъ «Россійскій Музеумъ». Послѣ него остались «Записки», находившіяся у А. И. Тургенева, который собирался ихъ издать, но за смертію не успѣлъ.

X.

В. Л. ПУШКИНЪ ([1]).

А. ЭПИГРАММА (1798—99). (a).

Какой-то стихотворъ (довольно
их у насъ!)
Послалъ двѣ оды на Парнассъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу
природы, неба,
Цвѣтъ *розожелтый* облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ
спросилъ,
«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ
И оды громкія давно ли сочиняетъ».

a) Подражаніе француз. эпиграммѣ.

— Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.—
«Пятнадцать только лѣтъ?»—Не болѣе того!—
«Такъ розгами его!»

В. ПОСЛАНІЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ (1810).

Licuit semperque licebit
Signatum praesente nota producere nomen.
Ut silvae foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
Et, juvenum ritu, florent modo nata, vigentque.
Horat. Ars poët. (²).

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ томъ,
Что часто я тружусь день цѣлый надъ стихомъ?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логикѣ учусь и яснымъ быть желаю?
Какая слава мнѣ за тяжкіе труды?
Лишь только всякій часъ себѣ я жду бѣды:
Стихомарателей здѣсь скопище упрямо.
Не ставлю я нигдѣ ни *сѣмо*, ни *овамо;*
Я признаюсь, люблю Карамзина читать
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ
И на Парнасъ они поэта не ведутъ.
Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ (³).

Вотъ мнѣніе мое. Я въ немъ не ошибаюсь
И на Горація и Депрео ссылаюсь:
Они противъ враговъ мнѣ твердый будутъ щитъ,
Разсудокъ слѣдовать примѣрамъ ихъ велитъ.
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье;
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюетъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ (а) нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю,
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.
Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласенъ;
Но правду говорить безумцамъ—трудъ напрасенъ.

а) Синопсисъ или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ, Иннокентія Гизеля (1674). Степенная книга—изложеніе событій по степенямъ рода великихъ князей.

Я вижу весь соборъ безграмотныхъ славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно!
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ (а) велегласно:
«О братіе мои, зову на помощь васъ!
Ударимъ на него, и первый буду азъ.
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе! злодѣя истребить».

Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтенный,
Не бойся: мракъ исчезъ. Насталъ намъ вѣкъ блаженный!
Великій Петръ, потомъ Великая Жена,
Которой именемъ вселенная полна,
Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣнчали лаврами и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Гомеръ, Софоклъ и Еврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллустій, Ѳукидидъ
Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россовъ
Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ;
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ поэмѣ несравненной.
Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ:
Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ.
Вотъ чѣмъ всѣ Русскіе должны гордиться нынѣ.
Хвала Великому! хвала Екатеринѣ!
Пусть Клитъ рецензіи тисненью предаетъ:
Безумцу вопреки, поэтъ всегда поэтъ.

И такъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ:
Что нужды? толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ (б), а пагуба одна.
Въ славенскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.

а) Намекъ на Шишкова.

б) Тоже: Шишковъ перевелъ двѣ статьи изъ сочиненій Лагарпа.

Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.

B. ПОСЛАНІЕ КЪ ДАШКОВУ. (1811). (4).

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?
Boileau, sat. IX.

Что слышу я, Дашковъ? какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-Славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ—
Не любитъ русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ—сіяетъ свѣтъ наукъ!
Неужель отъ того моя постраждетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ я не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости нимало:
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печется о словахъ:
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто, согражданъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти и предразсудковъ злыхъ.
Квириты храбрые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ греки обучали.
Науки перешли въ Римъ гордый изъ Аѳинъ,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосѳену,
Виргилія училъ поэзіи Гомеръ,
Грядущимъ временамъ вѣкъ Августовъ примѣръ!

Такъ, сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ

И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ.
Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
О мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже *абіе* и *аще* не писать.
Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со мною;
И съ возвышенною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ, и Сены на брегахъ
Я пѣлъ любезное отечество въ стихахъ (а).
Не улицы однѣ, не площади и домы,
Сен-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился Русскимъ быть и Русскій былъ прямой.
Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнья—
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья:
Они то видѣли, что съ юныхъ дней моихъ
Познаній я искалъ не въ именахъ однихъ;
Что съ восхищеніемъ читалъ я Ѳукидида,
Тацита, Плинія — и, признаюсь, Кандида.
Но благочестію ученость не вредитъ.
За Бога, вѣру, честь мнѣ сердце говоритъ.
Родителей моихъ я помню наставленья;
Сынъ церкви долженъ быть и другомъ просвѣщенья,
Спасительный законъ ниспосланъ намъ съ небесъ,
Чтобъ быть подпорою средь счастія и слезъ.
Онъ благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожникъ и ханжа равно порочны оба.
Въ сужденьяхъ таковыхъ не вижу я вины:
За чтожъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
Зо то, что мы, любя словесность и науки,
Не вѣкъ надъ букваремъ твердили *азъ* и *буки*;
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить
И въ слогѣ варварскомъ ошибки находить;
За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по славенски знаемъ.
Что дѣлать? вотъ нашъ грѣхъ. Я каяться готовъ.
Я, напримѣръ, твержу, что скученъ Старословъ (б),
Что длинныя его, сухія поученья —
Морфея даръ благій для смертныхъ усыпленья;
И если вздоръ читать пришла моя чреда,
Не ужели заснуть надъ книгою бѣда?

а) Во время пребыванія въ Парижѣ.

б) Шишковъ.

Я каюсь, что въ рѣчахъ иныхъ (а) не вижу плана,
Что томовъ не пишу на древняго Бояна (б),
Что музъ и Феба я съ Парнаса не гоню,
Писателей дурныхъ, а не людей браню.
Нашествіе татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы;
Мы правду говоримъ — и слѣдственно неправы.

[1]) Пушкинъ, Василій Львовичъ (1770—1830), родной дядя А. С. Пушкина, род. въ Москвѣ, воспитывался въ родительскомъ домѣ, служилъ гвардіи въ измайловскомъ полку. Главнымъ предметомъ его воспитанія былъ франц. языкъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ; нѣмецкій, по его собственнымъ словамъ, зналъ плохо; англійскому выучился во время путешествія своего по Англіи. Кромѣ того онъ зналъ итал. и латин. языки. Выйдя въ отставку, Пушкинъ поселился въ Москвѣ и предался своимъ любимымъ занятіямъ: писалъ посланія, элегіи, басни, мадригалы, эпиграммы. Къ этому времени относится знакомство съ Кар—мъ и сотрудничество въ Аонидахъ. Въ 1803—1804 г. г. путешествовалъ по Европѣ и посѣтилъ Германію, Францію и Англію. Во время путешествія велъ переписку съ друзьями: два письма къ Кар—ну нап. въ В. Е. 1803 (№ 14 и 20). Въ Парижѣ Пушкинъ свелъ короткое знакомство съ современными литераторами: Дюси, Сикаромъ, Делилемъ, Сенъ-Пьеромъ, Легуве, Мишо и др. Чтобы познакомить ихъ съ нашею древнею поэзіею, онъ перевелъ на фр. яз. нѣсколько народныхъ русскихъ пѣсенъ и переводъ свой помѣстилъ въ журналѣ гр. Сегюра: «Archives littéraires» (в). Живучи въ Лондонѣ, занимался англійскимъ языкомъ и перевелъ нѣсколько отрывковъ изъ Томсоновой поэмы: «Четыре времени года». Сборы Пушкина за границу дали поводъ И. Дмитріеву сочинить шуточное стихотвореніе, подъ названіемъ: «Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дни до путешествія, въ 3-хъ ч.» (М. 1808); перепечатано въ Библіографическихъ Запискахъ М. Лонгинова (Современникъ 1856, № 8). Путешествіе указываетъ добродушный характеръ Пушкина и нѣкоторыя слабыя его стороны, наприм. страсть къ щегольству и чтенію стиховъ:

Я самъ готовъ, когда хотите,
Признаться въ слабостяхъ моихъ:
Я, напримѣръ, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять,
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добръ! и всей душою
Готовъ обнять, любить весь свѣтъ.

По возвращеніи въ отечество Пушкинъ писалъ для разныхъ петер. и москов. журналовъ, въ особенности для издававшихся его пріятелями: В. Измайловымъ, кн. Шаликовымъ. Пушкинъ принималъ живое участіе въ спорѣ защитниковъ стараго слога съ Карамзинистами, что видно изъ его посланій къ Жуковскому и Дашкову, направленныхъ противъ Шишкова. Война 1811 г. заставила его удалиться въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь онъ

а) Намекъ на разсужденія Шишкова о краснорѣчіи Св. Писанія.

б) Разумѣется Слово о полку Игоревѣ, переложенное Шишковымъ на русскій языкъ.

в) По другому указанію, въ Mercure de France.

приготовлялъ изданіе своихъ стихотвореній, которое однакожъ вышло гораздо позднѣе (1822). Изъ Нижняго Новгорода, по окончаніи военныхъ дѣйствій, въ 1815 или 1816 г., переѣхалъ въ Москву, гдѣ и провелъ остальные свои годы. Пушкинъ написалъ три главы стихотворной повѣсти: «Капитанъ Храбровъ», изъ которыхъ двѣ напечатаны 1829 г. въ Подснѣжникѣ и Сѣвер. Цвѣтахъ. Изъ этой повѣсти видно, что П—нъ не сочувствовалъ романтизму. Симпатіи свои къ старофранц. классицизму выражены имъ вполнѣ опредѣленно въ статьѣ: «Замѣчанія о людяхъ и обществѣ» (Литерат. музеумъ на 1827 г.).

В. Л. Пушкинъ принадлежалъ къ стихотворной школѣ, основанной Карамзинымъ и Дмитріевымъ. При несомнѣнномъ, хотя и небольшомъ, дарованіи, онъ отличался вкусомъ и любилъ признавать его главнымъ достоинствомъ своихъ сочиненій: «вкусъ варварскій гоню и ненавижу», «прямая цѣль наша — очищеніе вкуса», говоритъ онъ въ Посланіяхъ къ Жуковскому и Дашкову. Слогъ Пушкина пріятенъ, свободенъ и близокъ къ простотѣ разговорной рѣчи. Онъ обязанъ этими качествами сколько роду сочиненій (посланіямъ, сатирамъ, баснямъ, сказкамъ, эпиграммамъ), столько послѣдованію реформѣ, произведенной въ русскомъ стихосложеніи Дмитріевымъ, къ которому онъ, по характеру своего дарованія, стоялъ ближе, чѣмъ къ Карамзину. Въ піесахъ Пушкина больше остроумія, нежели сентиментализма. Не чувствуя никакой наклонности къ торжественной лирикѣ, онъ избѣгнулъ упрековъ въ риторикѣ, которая такъ часто заступала мѣсто поэтическаго выраженія чувствъ. Такъ называемая легкая поэзія: стихи на заданныя риѳмы, мадригалы, шарады—вотъ что было главнымъ предметомъ стихотворства Пушкина. Замѣтимъ, что талантъ его — какой бы онъ ни былъ—стѣснялся требованіями условной піитики. Однажды онъ освободился отъ нихъ и написалъ шутливое, прославившее его стихотвореніе: «Опасный Сосѣдъ» (1811), въ которомъ главное лице — Буяновъ, почему А. Пушкинъ и назвалъ своего дядю «замысловатымъ пѣвцомъ Буянова». Самъ авторъ призналъ «Опаснаго Сосѣда» лучшимъ, удачнѣйшимъ своимъ произведеніемъ. Оно отличается веселымъ, простодушно-шутливымъ тономъ, легкимъ и живымъ стихомъ, натуральнымъ изображеніемъ выбраннаго предмета. Въ немъ также затронуты славянофилы. Опасный Сосѣдъ имѣлъ 5 изданій: 1-ое, литографированное (1815); 2-ое нап. въ Лейпцигѣ, съ предисловіемъ С. Д. Полторацкаго; послѣдующія вышли въ Берлинѣ (1859, 1871, 1876).

²) «Всегда дозволялось, всегда будетъ дозволено вводить слова, носящія на себѣ печать современной эпохи. Съ теченіемъ годовъ лѣсъ мѣняетъ свои листья: изъ нихъ сначала падаютъ тѣ, которые прежде выросли. Такъ и слова обветшалыя приходятъ въ забвеніе; на ихъ мѣсто являются новыя и цвѣтутъ во всемъ блескѣ юности». Этимъ эпиграфомъ ясно показана мысль Посланія: оно смотритъ на языкъ, какъ на существо живое, подлежащее перемѣнамъ и обновленіямъ въ организмѣ.

³) Вѣроятно, намекъ на поэму: «Петръ Великій» (1810), кн. Сергѣя Шихматова, любившаго многосложныя слова, въ которыхъ онъ, подобно Шишкову, видѣлъ особенное преимущество рус. языка. Цвѣтникъ (1810, декабрь) выписалъ изъ этой поэмы многія выраженія, напр.: зложадная грудь, многосластная жизнь, достомужный образъ, присолнечные холмы, звиздающія эхидны, тартара отродъ, исподнѣйшія дрожди, безпищныя скалы, разбойство, Этна чревоболя пожарами, тріобоюдное остріе, удержавить землю, водостланная равнина,

солнцелучный полдень, піяный множествомъ кровей, и пр.

⁴) «Два Посланія» В. Пушкина (1811). Имъ предшествуетъ слѣдующее «Предувѣдомленіе»:

«Первое изъ сихъ Посланій (къ В. А. Жуковскому) напечатано въ 12 № Цвѣтника 1810 г. и было причиною происшествія, весьма страннаго въ нашей словесности. Всѣмъ извѣстна польза, проистекающая изъ сего рода дидактическихъ сочиненій: древніе и новые писатели употребляли оныя для исправленія пороковъ, или, переходя отъ общаго къ частному, для направленія на прямой путь къ словесности молодыхъ, неопытныхъ авторовъ. Важная и благородная цѣль сочиненій сихъ всегда была достойно уважаема: кто бы подумалъ, что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ, подражанія онымъ называть *модными посланіями* и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями? Въ одномъ *Присовокупленіи*, читанномъ, какъ увѣряютъ, въ Академіи (въ чемъ, однакожъ, я весьма сомнѣваюсь), г. сочинитель говоритъ слѣдующее: «Сіи судьи и стихотворцы «въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ «Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, «Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювена«ламъ, Саллюстіямъ, Ѳукидидамъ, за«твердя одни только имена ихъ и, «что всего удивительнѣе, научась «благочестію въ Кандидѣ и благо«нравію и знанію въ парижскихъ пе«реулкахъ, съ поврежденнымъ серд«цемъ и помраченнымъ умомъ во«піютъ противъ невѣжества и, обра«щаясь къ тѣнямъ великихъ людей, «толкуютъ о наукахъ и просвѣще«ніи!—Risum teneatis, amici!» И я, вмѣсто того, чтобы сердиться на такую нескладицу, хотѣлъ бы лучше самъ посмѣяться ей отъ добраго сердца; но обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя и, кажется, исполнилъ сіе во второмъ Посланіи—къ Д. В. Дашкову, равномѣрно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ».

Намъ уже извѣстно «Присовокупленіе», о которомъ говоритъ Пушкинъ. Приведенная изъ него тирада находится въ выноскѣ къ словамъ: *бдѣніе, стыдѣніе, воздоенный и пр.* Шишковъ говоритъ: «Читатель да не подумаетъ, что сіе собраніе словъ есть одно мое предположеніе: нѣтъ, мы найдемъ въ журналахъ вопіяніе противъ каждаго изъ оныхъ. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, какими лучшія наши творенія и высокій языкъ священныхъ книгъ преисполненъ; все то, что въ Академическій Словарь включено; все то, чѣмъ Лагарпы и другіе ученые люди превозносятъ единосвойственные нашимъ греческій и латинскій языки (а именно: подобнымъ нашему словосочиненіемъ, таковою же удобностію къ составленію словъ и свободою извращенія ихъ въ рѣчахъ), все то, говорю, сіи судьи и стихотворцы отмещутъ, и потомъ въ посланіяхъ своихъ», и т. д. — Шишковъ перечислилъ именно тѣхъ древнихъ писателей, которые приведены въ Посланіи Пушкина къ Жуковскому. Намекъ на парижскіе переулки относится къ пребыванію Пушкина въ Парижѣ, почему «Предувѣдомленіе» и называетъ слова выноски «непозволительными личностями».

Шишковъ назвалъ посланія «модным» родомъ стихотворства. Дѣйствительно, и во Франціи и позднѣе у насъ (съ начала XIX в.), они стали замѣнять оду, наскучившую читателямъ и потерпѣвшую сильные удары отъ «Чужаго толка» и другихъ сатиръ. «Разсужденіе объ одѣ», Даламбера (переведено въ майской книжкѣ С.-Петербургскаго Меркурія, 1793), показываетъ причины, почему посланіе болѣе отвѣтствовало духу и времени цѣлямъ поэтовъ. Главнѣй-

шая изъ нихъ—господство философіи, которая волею и неволею всюду вторгается: посланіе удобнѣе выражаетъ философическія мысли, допуская болѣе свободный планъ и болѣе свободные переходы изъ однихъ тоновъ въ другіе; притомъ оно скромнѣе по своей внѣшней отдѣлкѣ, не имѣя притязаній на столь пышное убранство, какое привыкли видѣть въ одѣ и какое противорѣчило вкусу публики, устремленной философами XVIII в. къ простотѣ и естественности; наконецъ, оно доступнѣе дарованіямъ всякаго размѣра, тогда какъ ода требуетъ сильнаго поэтическаго таланта. Вотъ почему стихотворное письмо сдѣлалось модною формою для нашихъ писателей, начиная съ Карамзина: они передавали въ немъ свои нравственныя и преимущественно литературныя понятія, свой взглядъ на интересы общества, свои личныя впечатлѣнія и мысли. О Пушкинѣ см. статью В. Авенаріуса въ «Историч. Вѣстникѣ» 1882 г., т. VII.

XI.

КНЯЗЬ ШАЛИКОВЪ (1).

А. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МАЛОРОССІЮ (1803). (2).

а) Сладкія воспоминанія.

«Здравствуй, любезная!» твердилъ я съ восхищеніемъ любовника, увидѣвъ *Малороссію*. Глаза мои не могли налюбоваться выбѣленными избами, опрятною одеждою обитателей ихъ, ласковымъ, милымъ взглядомъ прекрасныхъ здѣшнихъ женщинъ и проч.

Какъ пріятны сердцу нашему тѣ предметы, которые напоминаютъ намъ юность нашу; какъ любезны, сладки мыслямъ тѣ впечатлѣнія, которыя принимала душа наша при первыхъ развитіяхъ способностей своихъ! Растроганное мое воображеніе собирало каждое обстоятельство, по чему-нибудь милое воспоминанію; каждое чувство, оставшееся въ сердцѣ; каждую идею, оставшуюся въ душѣ; сбирало, составляло—что? назвать не умѣю, но что душѣ и сердцу было пріятнѣе всего на свѣтѣ.

Милая, безцѣнная Малороссія! подъ твоимъ кроткимъ, яснымъ небомъ питалась душа моя и сердце первыми сладостями любви и дружбы; съ твоимъ благодѣтельнымъ воздухомъ вливалась въ грудь мою чувствительность и страсти, страсти, которымъ человѣкъ обязанъ всѣмъ величіемъ своимъ, безъ которыхъ нѣтъ ни счастія, ни добродѣтели; твоя прекрасная природа воспламенила воображеніе мое, научила любить природу, научила быть съ самимъ собою, научила плѣняться прелестями ума, прелестями грацій, научила счастію!

Привѣтствую тебя, любезная! и сіи слезы, ліющіяся по лицу моему, есть дань благодарнаго сердца моего твоимъ благодѣяніямъ.

б) Фортепіано.

Въ тихія, нѣжныя минуты вечера, въ уединенной комнатѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, томные звуки фортепіано, производимые женщиною—въ слезахъ... ничего не знаю трогательнѣе этого! Ахъ! какія магическія чувства овладѣютъ душею и сердцемъ вашимъ! Образъ счастія и горести, надежды и отчаянія въ сліянныхъ чертахъ предстанетъ вашему воображенію. Напрасно будете стараться отдѣлить одно отъ другаго: нѣтъ возможности! Союзъ улыбки и слезы—доля человѣческая!—въ сіи минуты болѣе, нежели когда нибудь, покажется вамъ неразрывнымъ. Ежели вы любили; ежели узнали сію главную, необходимую бурю жизни: то вы еще чувствительнѣе, то вы еще болѣе находите себя въ очарованіи. О сердце! о любовь! благо ли вы, или мука? Кто можетъ сказать *да* или *нѣтъ* — сказать и не ошибиться! Гдѣ же блаженство наше? неужели *блаженство* пустое слово? Ахъ, нѣтъ! сердце и любовь... но роза *не могла* быть безъ тернія! Вздыхаю и простираю руки къ блаженству; лью слезы и объемлю его!...

Одной изъ дамъ моихъ обязанъ я сладостью теперешнихъ моихъ чувствъ и мыслей. Ея фортепіано и слезы—слезы женщины за фортепіаномъ—вообразите еще разъ! имѣли несказанную прелесть для души и сердца моего. Ахъ, можетъ быть собственная душа и сердце ея въ сіи минуты были счастливѣе, нежели въ другія!

В. ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ (1806).

Сегодня совершилось тридцать лѣтъ физическаго существованія моего и десять, по крайней мѣрѣ, моральной моей жизни!

Мечты, надежды воздушные замки! гдѣ вы? Быстрый потокъ времени умчалъ васъ подобно какъ Зефиръ уноситъ легкое перышко, легкую соломенку, которыя не оставляютъ и признака тамъ, гдѣ лежали!

Какъ много льстилось сердце мое достиженіемъ тридцатилѣтняго возраста! «Я буду въ состояніи исполнить священнѣйшія мои обязанности: возвращу попеченія и заботы тѣмъ, которыя пеклись и заботились обо мнѣ въ дѣтствѣ моемъ; старость ихъ будетъ подобна спокойной и счастливой моей юности; рука моя усыплетъ розами западъ ихъ жизни. Нѣжная, умная подруга, которую буду имѣть, и милыя малютки распространятъ тихія удовольствія ихъ!» говорилъ я самому себѣ въ пріятныхъ, восхитительныхъ мечтахъ моихъ, и слезы радости катились по лицу моему при воображеніи этой картины.

Увы! я не могу болѣе воображать ее въ такой полнотѣ преле-

стей! Черныя тѣни покрыли ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навѣки!

Для чего я жилъ до сихъ поръ? для чего буду жить впередъ? Какая польза въ томъ, что я занимаю мѣсто въ системѣ *эфемернаго* бытія? Зачѣмъ это чувствительное сердце въ груди моей? Зачѣмъ сіи мысли въ головѣ у меня? Грущу, тоскую, лью слезы о себѣ, о ближнемъ—и болѣе ничего! Думаю о человѣчествѣ, о странной судьбѣ его; о величіи и ничтожности, о суетности и заблужденіхъ, о счастіи и горестяхъ, о добродѣтели и порокахъ, объ успѣхахъ разума и слѣдствіяхъ страстей, разбираю, сравниваю, взвѣшиваю, вымѣриваю и... беру посохъ свой, иду въ поле съ тѣмъ чтобы облегчить голову и ни о чемъ не думать!

Къ чему же служатъ мнѣ моя чувствительность, мои разсужденія? Выигралъ ли я въ самомъ дѣлѣ что-нибудь стараніемъ пріобрѣсть нѣкоторыя сердечныя достоинства, украсить разумъ нѣкоторыми познаніями? Составляютъ ли что-нибудь слабыя мои дарованія, на которыхъ основываю все мое честолюбіе? Ахъ! не видалъ ли я тысячу разъ, какъ несмысленному Крезу или дерзкому пансофу (а) отдаютъ преимущество передъ скромными достоинствами? Наконецъ могу ли я ласкать себя какимъ-нибудь счастіемъ въ свѣтѣ, ежели ты, сынъ и другъ природы, нѣжный, добрый Руссо, испыталъ всю жестокость людей за небесныя свои дарованія? ежели ты, о Сократъ, слава и украшеніе рода человѣческаго, долженъ былъ прекратить поучительную жизнь свою страшнымъ ядомъ?

Ахъ! не смотря на отдаленность времени, въ которое жилъ мудрецъ Греціи; не смотря на новые успѣхи нравственнаго просвѣщенія, съ тѣхъ поръ какъ женевскій философъ закрылъ утомленные глаза свои навѣки,—люди такъ еще опасны для Сократовъ и Руссо! Корысть людей въ основаніи своемъ всегда одинакова; нѣкоторые только оттѣнки составляютъ все различіе.

И такъ — что прибыли въ существованіи моемъ? Дары своенравной фортуны не мой лотъ (б); дары матери-природы ничто для свѣта... зачѣмъ же скитаюсь въ немъ? зачѣмъ взошла еще для меня Аврора? Для чего вмѣстѣ съ закатомъ вчерашняго солнца не закатилось и солнце моей жизни?

Тридцатый годъ бытія моего! ты ознаменовался печальнѣйшею эпохою для моего сердца!

Я лишился одной изъ двухъ нѣжнѣйшихъ въ свѣтѣ матерей моихъ (в)! Увы! руки мои опустили въ хладную могилу ту, которая взяла меня въ пеленахъ еще на свои руки. Я видѣлъ, какъ хладѣло то сердце, которое пы-

а) Всезнающій. «Лучше бъ было, еслибъ онъ ничего «не зналъ», говоритъ Виландъ. *Изд. Москов. Зрителя.*

б) Жребій.

в) Одной изъ тетокъ, принявшихъ на себя воспитаніе автора, когда онъ лишился матери.

лало ко мнѣ любовію; видѣлъ, какъ смыкались навѣки тѣ уста, которыя учили меня добродѣтели!

Всемогущій! ежели дѣла слабыхъ смертныхъ значатъ что-нибудь передъ величіемъ Твоимъ; ежели Ты удостоиваешь ихъ своего вниманія: то благодѣтельница моя предпочтется, конечно, у трона Твоего многимъ изъ тѣхъ, которые разсыпаютъ щедрою рукою дары счастія, ими обладаемаго!

Тихая лира моя составляетъ нынѣ все мое утѣшеніе. Часто звуки ея бываютъ томны и унылы; часто жаркія слезы окропляютъ ее, не смотря на холодныя сатиры противъ чувствительности и меланхоліи!

[1]) Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768—1852), происхожденіемъ Грузинъ, служилъ въ гусарахъ. Черезъ восемь лѣтъ службы вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и предался литературнымъ занятіямъ, къ которымъ сохранилъ искреннюю любовь въ теченіе всей своей долголѣтней жизни. Карамзинъ и Дмитріевъ служили ему образцами. Уже по первымъ опытамъ Шаликова можно было видѣть, до какой крайности доведетъ онъ поклоненіе тогдашнему сентиментализму. Самыя заглавія его книгъ и статей, посвященія ихъ, эпиграфы, къ нимъ прибранные, характеристичны въ этомъ отношеніи. Восхищенный повѣстью Карамзина, онъ пишетъ «Къ праху Бѣдной Лизы». Сборникъ піесъ, которыя онъ написалъ до 1798 г., изданъ подъ названіемъ: «Плодъ свободныхъ *чувствованій*» (3 ч., 1798—1803). Первая часть вышла съ эпиграфомъ изъ Руссо: «La franchise et *la sensibilité* sont les sources de bonheur»; вторая съ эпиграфомъ изъ Грессе: «L'esprit n'est jamais las d'écrire, lorsque *le coeur* est de moitié; третья посвящена «праху моей милой». За первымъ сборникомъ послѣдовалъ другой, какъ его продолженіе: «Цвѣты грацій» (1802), посвященный «милымъ, искреннимъ друзьямъ». Письма Рус. Путешественника и Путешествіе въ Полуденную Россію заставили Шаликова вздыхать по «одномъ изъ живѣйшихъ, лучшихъ удовольствій жизни», котораго онъ еще не испыталъ. Вскорѣ исполнилось его душевное желаніе: онъ два раза ѣздилъ въ Малороссію—сначала безъ всякой дѣловой цѣли (Путешествіе въ Малороссію, 2 ч., 1803), а потомъ для полученія наслѣдства (Другое Путешествіе въ Малороссію, 1804). Описаніе третьей поѣздки его въ Кронштадтъ (1805) помѣщено въ Моск. Зрителѣ, который онъ издавалъ въ 1806 г. Послѣ Зрителя, Шаликовъ издавалъ Аглаю (1808—1812) и Дамскій журналъ (1823—1833). Кромѣ того онъ въ теченіе 25 лѣтъ былъ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей. При нашествіи Наполеона на Россію, онъ оставался въ Москвѣ и написалъ «Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ 1812 г.» (нап. 1813). Перо кн. Шаликова не знало усталости; одна книжка выходила въ слѣдъ за другою, и каждый почти годъ дарилъ онъ публику то сочиненіемъ, то какимъ-либо переводомъ.

Исторія русской литературы не можетъ обойти кн. Шаликова, какъ такого писателя, въ сочиненіяхъ котораго сентиментализмъ доведенъ до комическаго преувеличенія. Достаточно прочесть одну страницу, вышедшую изъ-подъ его пера, чтобы видѣть приторность, аффектацію чувствъ, получившую у французовъ особое названіе—sensiblerie. Иные предметы, обращавшіе на себя его вниманіе, были такъ мелки, что не стоили сердечныхъ движеній; а иные, не смотря

на свою важность, возбуждали въ немъ мелкія впечатлѣнія. Отсюда бѣдность содержанія, иногда полное его отсутствіе, вялость изложенія, не одушевляемаго никакимъ порывомъ ума или чувства, и однообразная постройка. Въ любой піесѣ кн. Шаликова читатель находитъ междометія горести; съ первыхъ строкъ являются слезы, безъ видимаго къ нимъ повода; пустая мечтательность сопровождаетъ каждое описаніе и каждый разсказъ. Ни одинъ литераторъ не подвергался такимъ насмѣшкамъ отъ своихъ товарищей по ремеслу, какъ Шаликовъ: тотъ называлъ его сладенькимъ и розовымъ, другой— Эрастомъ Чертополоховымъ, третій (Кн. Вяземскій)— Вздыхаловымъ, въ особой эпиграммѣ «Отъѣздъ Вздыхалова», направленной противъ его чувствительныхъ путешествій:

Съ собачкой, посошкомъ, съ лорнеткой
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И чуть съ звенящимъ кошелькомъ,
По свѣту бѣлому Вздыхаловъ
Пустился странствовать пѣшкомъ.
«Прости, жестокая Аглая!»
Онъ говоритъ въ послѣдній разъ,
И вздохъ за вздохомъ, грудь стѣсняя,
Его перерываетъ гласъ...
«Прости, Макаровъ, Фебомъ чтимый,
И ты, о Бланкъ (а) неистощимый,
Единственный читатель мой!
Вотъ вамъ мое благословенье:
Кроплю васъ тихою слезой».—
А прочной дружбы въ увѣренье,
Кольнувъ булавкой палецъ свой,
Онъ на бумажкѣ пишетъ кровью:
«Дышу до гроба къ вамъ любовью!
«До гроба, или я не Стернъ,
«Или по крайности не Вернъ (б)».

а) М. Н. Макаровъ и Бланкъ участвовали съ кн. Шаликовымъ въ изданіи Аглаи.

б) Авторъ чувствительнаго путешествія по Франціи.

Тутъ онъ вздохнулъ, перекрестился,
Еще вздохнулъ, еще.... и скрылся.

Другая на него эпиграмма нап. въ журналѣ А. Измайлова: «Благонамѣренный» (1823, № 11):

Дитя пастушеской натуры,
Писатель *Нуликовъ* такъ сладостно поетъ,
Что ужъ пора бъ ему назваться безъ хлопотъ
Кондитеромъ литературы.

Слѣдующіе стихи И. Дмитріева вѣрно передаютъ любовь Шаликова въ пасторальному идиллизму:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ,
Надъ печкой соловей, три Граціи въ картинѣ,
Вотъ все его добро, и счастливъ: онъ поэтъ!

Но, замѣчая смѣшныя стороны сентиментальнаго увлеченія, необходимо отдавать справедливость похвальнымъ чертамъ той литературной школы, къ которой принадлежалъ кн. Шаликовъ и которая считаетъ его въ числѣ своихъ неизмѣнныхъ послѣдователей. Карамзинъ служилъ ему образцомъ. «Сколько я обязанъ Аглаѣ!» (в), говоритъ онъ въ письмѣ къ Н. С. П. (Москов. Зритель, кн. 3); «она образовала вкусъ мой, развила чувства души моей, открыла въ ней способность и силу изливать сіи чувства въ нѣкоторой гармоніи, съ нѣкоторымъ искусствомъ». Дѣйствительно, прозаическія сочиненія кн. Шаликова написаны чистымъ, гладкимъ языкомъ; въ постройкѣ фразъ, между которыми попадаются галлицизмы, есть своего рода благозвучіе, хотя и монотонное. Какъ литераторъ, онъ не простиралъ своихъ претензій далеко. И современники его, смѣясь, говорили, что «издатель Дамскаго

в) Альманахъ Карамзина.

Журнала посвятилъ нравственное существо свое *легкому и пріятному*»; и онъ самъ, безъ ироніи надъ самимъ собой, а серьезно, отвѣчалъ С. Глинкѣ, издававшему Русскій Вѣстникъ: «Такъ, я служу граціямъ, ибо надобно и имъ служить; посвящаю труды мои одной *пріятности*, ибо въ этомъ состоитъ вся моя способность» (Аглая, 1808, Августъ). Его преданность литературѣ, уваженіе къ мысли и чувству могли бы служить во всякое время примѣромъ для подражанія. Наконецъ за смѣшными формами сентиментализма стоитъ очень почтенное дѣло — гуманность, подъ вліяніемъ который писатель не позволяетъ ни себѣ оскорблять въ ближнихъ человѣческаго достоинства, ни другимъ наступать себѣ на ногу. Таковъ и былъ кн. Шаликовъ. Сентиментальность противодѣйствовала грубости нравовъ. Какъ ни забавны и ни скучны мечтанія, вздохи и слезы чувствительнаго пастушка, но все же они сноснѣе похвальныхъ пѣсней татарской силѣ и безцеремонному обхожденію въ семьѣ и въ обществѣ.

2) «Путешествіе въ Малороссію, изданное Кн. П. Шаликовымъ». Эпиграфъ изъ Карамзина: «Кто еще не заперт въ клѣтку; кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь — тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть счастливъ, и долженъ быть счастливъ». Посвященіе. «Любезнымъ сердцу моему — Андрскму, Бнну, Тшву» (т. е. Андреевскому, Бунину, Таушеву). «Путешествіе мое», говоритъ здѣсь кн. Шаликовъ, «не напомнитъ вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова—большое разстояніе!—но вы найдете въ немъ вашего друга съ пламенною любовью къ вамъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми замѣчательными чувствами; можетъ быть, съ вами и другіе что-нибудь найдутъ въ немъ. Сердца, образованныя для чувствительности, находятъ подъ печатью ея самую бездѣлку пріятностію и на часъ забываютъ о талантѣ». Нѣсколько словъ «отъ издателя» даютъ знать о содержаніи книги: «Въ семъ путешествіи нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ описаній: одни впечатлѣнія путешественника описаны въ немъ... не блестящею кистію— нѣтъ! но скромнымъ карандашемъ. «На чтожъ издавать его?» Отвѣтъ на это почти уже есть: «сердца, образованныя для чувствительности», и проч.

XII.

ОЗЕРОВЪ (1).

А. ТРАГЕДІЯ: ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ (1804). (2).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ. Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона. Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ (*сѣвши на камень*). Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

Антигона. Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ. Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя!
Антигона. Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!
Эдипъ. Ахъ, я Эдипъ!
Антигона. Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!
Эдипъ. Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, осталися мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая, отвсюду я гонимъ!
Антигона. Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.
Эдипъ. Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!
Антигона. Почто возобновлять прошедшія печали?
Эдипъ. Я ихъ любилъ...
Антигона. Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ.
Эдипъ. Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ...
На злость, на пагубу дѣтей изъ велъ я въ свѣтъ!
Антигона. Ужели предъ тобой и я виновна?
Эдипъ. Нѣтъ:
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы.
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.
Антигона. Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищитой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою?
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ;
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;

Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь.
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

Эдипъ. Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ...
О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь,
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
О имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль!... приблизился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!

Антигона. Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.

Эдипъ. Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь.
Гдѣ мы?

Антигона. Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ виденъ Эвмениды.

Эдипъ. Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

Антигона. Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!

Эдипъ. Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель,
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?

Антигона (*упадая на колѣни*). Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!

Эдипъ. О сколько, фуріи, терзать меня вы строги!

Не вы ль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали;
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали;
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютости свои, о фуріи! смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите! (*Упадаетъ на камень*).

Антигона. Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!

Эдипъ (*не вставая и отталкивая ее*). Оставь, о Полиникъ! Меня отрекся ты;
Бѣги и не смущай моей минуты слезной!

Антигона. Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

Эдипъ (*пришедъ въ себя*). Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы къ ужасномъ снѣ!
Представились мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнутъ сихъ;
Пойдемъ (*встаетъ*), поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари — прибѣжище несчастнымъ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 4.

Эдипъ, Антигона и Полиникъ.

Полиникъ. И такъ я осужденъ на вѣчныя мученья?
И такъ не должно мнѣ надѣяться прощенья?
Нѣтъ, недостоинъ я, чтобъ ты когда простилъ:
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть, —
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстительно перемѣнить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миритъ,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротитъ?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосердымъ?

Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ (*бросается къ ногамъ Эдипа*).
Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ.
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, которы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ. (*По нѣкоторомъ молчаніи*).
Но ты молчишь... но ты чело свое скрываешь...
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона (*упадаетъ къ ногамъ Эдипа*). Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бъ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдипъ (*поднимая Антигону*).
Ты просишь за кого, любезна Антигона?
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зритъ,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся небесами,
Что безъ тебя его не тронулся бъ слезами.
Хотя бъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа моя не изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ хладная могила. (*Къ Полинику*):
Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

Полиникъ. Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ;
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.
Увы, днесь страждуще, растерзано оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно!
Ты даровалъ мнѣ жизнь: даруй ее мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучъ божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ престанетъ слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.

Родитель, убѣдись мольбою ты моей!
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство!
Ты согласись идти въ отеческу страну:
Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы воружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Ѳивъ стѣны гордыя должны предъ нами пасть;
И не изгнанника въ тебѣ увидятъ болѣ,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,
И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ.
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:
Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоить въ ночь
И такъ любить тебя, какъ любитъ Антигона.
Повѣрь, иного мы не будемъ чтить закона,
Какъ волю лишь твою и, твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукой,
Въ забвенье у тебя привесть мое злодѣйство.

Эдипъ. Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,
Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать ее на горесть и напасти?
Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцемъ, супругомъ нѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшій союзъ ты испровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело:
Тщеславіе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностію трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
Войну, подъятую противъ страны своей,
Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенье.

Полиникъ. Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ ѳивскій пріобрѣсть.
Эдипъ. Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ,
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись, изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить;
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла всѣ злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь, сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И домы подданныхъ твоихъ стерегущихъ псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь— семья и утѣшенье.

Б. ТРАГЕДІЯ: ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ (1807). (³).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Димитрій и прочіе россійскіе князья, бояре, военачальники (сидящіе и составляющіе совѣтъ).

Димитрій. Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы

И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близь двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близь двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки неиасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская орда, какъ исполинско бремя,
Лежала въ цѣлости на русскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ россійская страна
До разслабленія была доведена,
Пришли въ сію орду. Возникши новы ханы
Отторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивой,
Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, можетъ быть, сей ханъ
Съ зарею завтрашней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя россихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье;
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твердыми пребывъ въ намѣреньѣ геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый Россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ татаръ?
Тверскій. Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ васъ, князья, меня не можетъболѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,
И прахъ стонаетъ ихъ подъ властію орды.
Великій Россовъ князь, ты созвалъ насъ сюды

Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель ввѣрилъ мнѣ;
Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но древностію лѣтъ не въ силахъ выдти въ поле,
Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ
Или за вѣру пасть и лечь за русску землю.
Когда наградою я Ксенїю пріемлю,
Коль града Нижняго прелестная княжна
Отцемъ ея мнѣ быть супругой суждена:
На всѣ опасности отважиться я смѣю.
Я ждалъ ее во станъ; но съединюся съ нею,
Когда велитъ мнѣ Богъ съ сраженія сойти
И въ даръ ея отцу доспѣхъ врага нести.
Всѣ русскіе князья съ отважностію равной
Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славной:
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь татаръ быть искренней могла?
Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!

Бѣлозерскій. О сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверстый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна. *(Къ Димитрію)*:
Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель

Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани;
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль, лучше, имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебѣ ни льститъ,
Совѣтъ однакожъ мой: принять татаръ посольство,
И если можемъ мы возстановить спокойство,
Платя Мамаю дань... *(Всѣ князья изъявляютъ негодованіе).*
Димитрій. О Бѣлозерскій князь,
Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть признали ханску?
Бѣлозерскій. Чтобы щадили кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не съединились вновь для нашея бѣды;
Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый,
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собой ихъ хановъ раздѣляетъ.
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами право дали;
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, нестройствія прервутъ;
На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ.
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной.
Димитрій. Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ

Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О Сергій, пастырь душъ, кого сограждан͡ъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!
О ты, который намъ, священною рукой
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ россійскія сердца
Искать свободы здѣсь иль райскаго вѣнца!
Такъ лучше жить престать иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться.
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить,
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
Но ханскаго посла согласенъ я принять
И ввесть предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ;
Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,
Содрогся бъ и принесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

Смоленскій. Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

Димитрій. Посланникъ близь шатра рѣшенья ожидаетъ;
Ты, Бренскій, приведи прибывшихъ къ намъ татаръ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Русскіе князья (сидящіе), Посолъ Мамаевъ (сопровождаемый нѣсколькими татарами).

Посолъ. Россійскіе князья, непобѣдимый ханъ
Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею нанесть вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще ко благости простерть:
Остановляетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны татары;
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ князей,
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,

Чей мечъ ужаснѣе великой рати воевъ.
Противу нашихъ силъ вамъ можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,
Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю.
Я именемъ его вамъ милость обѣщаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить
И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить.
Димитрій. О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!
Обширность видѣлъ ты россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости татаръ!
Но жить еще кому — иль намъ, или Мамаю —
Оружіе рѣшитъ; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя приметъ Непрядву перейдетъ!
Посолъ. Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ!
Димитрій. Какою алчностью вы къ гибели ведомы!
Посолъ. По праву сильнаго, всѣ ваши земли, домы
И все имущество — стяжаніе татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ даръ.
Димитрій. Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.
Посолъ. Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?
Димитрій. Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.
Посолъ. Страшитесь раздражить Мамая непокорствомъ!
Димитрій (*встаетъ; за нимъ всѣ князья*). Татаринъ, я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но, чтя въ лицѣ посла народныя права,
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова.
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему и возвѣсти ему,

Что Богу русскій князь покоренъ одному.

Посолъ. Иду отсель. Но знай, о князь высокомѣрный,
Что будетъ надъ тобой Мамая гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не даетъ:
Для русскихъ всѣхъ князей на милость онъ склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится,
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренскій (*берется за мечъ*). Ордынецъ дерзостный!...

Димитрій (*останавливая Бренскаго*). Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично буйство.
(*Къ послу*). Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой.
(*Подаетъ знакъ, чтобъ татаръ вывели*).

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 2.

Димитрій и Московскіе Бояре.

Димитрій. Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтный духъ князей, лучи ихъ прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа гласъ:
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто справедливой!
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати злочестивой,
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ чрезъ Донъ?
Иль, мужества принявъ единственный законъ,
Не лучше ль, ни на шагъ предъ ней не отступая,
Съ отважностью идти во срѣтенье Мамая?

Бояринъ. Хоть прежде, государь, совѣтъ твоихъ бояръ
И предлагалъ тебѣ отъ ярости татаръ
Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона отъ природы,
Остановила бы стремленіе ихъ силъ;
Но плѣнникъ нашу мысль признаньемъ просвѣтилъ:
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться.

Димитрій. Какую жъ тайну вамъ Ордынецъ сей открылъ?

Бояринъ. Что ханъ посольскія угрозы подтвердилъ;
Что, русской смѣлости признавъ тебя душою,
Онъ обѣщался брань не прекращать съ Москвою,
Доколѣ не сорветъ съ главы твоей вѣнецъ,
Доколѣ сей главы не сокрушитъ въ конецъ,
И оной въ ярости, для трепета вселенной,

Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окровавленной.
Татаръ воспламенилъ свирѣпостью своей;
И, гордый силою, огромный Челубей
Мамаю поклялся словами алкорана
Димитрія главу повергнуть передъ хана.
Живымъ ли, государь, ту наглость намъ терпѣть?
Нѣтъ, лучше средь враговъ съ оружьемъ умереть!
Димитрій. Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похваляться ею!
И, Бога бранеи я на помощь намъ призвавъ,
Сражусь, и ницъ падетъ сей новый Голіаѳъ!
Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется мощь строптива,
И съ шумомъ память ихъ погибнетъ нечестива!
Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ,
И вашъ Ордынцамъ мечъ то доказать возмогъ,
Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
Тотъ самый съ нами Богъ, и мужество въ васъ тоже:
Такъ смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ кровавый путь,
Бояринъ. Побѣды, государь, для насъ надежда тщетна.
Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ рать враговъ несмѣтна,
И сборно воинство россійскихъ всѣхъ князей
Едва противостать могло бы нынѣ ей.
Но мы, оставленны большою войска частью,
Не устрашаемся грозящей намъ напастью;
На вѣрну смерть течемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
Гдѣ, благостью князей блаженствуя, народъ
Въ владыкахъ зритъ любовь отечественной славы,
Тамъ въ нихъ онъ признаетъ отцевъ священны нравы,
И подданные тамъ не такъ, какъ ихъ рабы,
Которы, отъ премѣнъ ждя лучшія судьбы,
Въ день брани преклоня и выи и колѣна,
О жизни молятъ лишь и не стыдятся плѣна;
Но такъ, какъ дѣти ихъ, Ордынцевъ презря мечъ,
За честь своихъ князей костьми готовы лечь:
На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.
Димитрій. Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не преживемъ, друзья, надежды лестной той
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ!
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и, въ память нашихъ дѣлъ,

Чтобы надгробный дернъ надъ
нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не
прикасались,
И праху мыслію потомки поклоня-
лись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ
насъ!
Судьями нашихъ дѣлъ я призы-
ваю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ
знаменитой.
И коль свободы днесь мы слабою
защитой,
Когда отечества не можемъ мы
спасти,
Хотимъ себя въ его паденьѣ по-
гребсти;
Но память пусть живетъ: въ при-
мѣръ ее почтите!
Бояре мудрые! вы къ воинамъ
идите,
Устройте ихъ ряды, и, какъ на-
ступитъ часъ,
Пусть битву возвѣститъ воинскій
трубный гласъ!

[1]) Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770—1816), род. въ тверской губ., воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ поручикомъ (1787). Онъ отправился въ южную армію, бывъ адъютантомъ у гр. А. Б. де-Бальмена, прежняго директора сухопутнаго корпуса и участвовалъ въ занятіи Бендеръ (1789); потомъ состоялъ адъютантомъ при директорѣ корпуса, графѣ Ангальтѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ военной службы, Озеровъ получилъ чинъ генералъ-маіора, перешелъ въ статскую и былъ членомъ лѣснаго департамента. Служа здѣсь, Озеровъ, по словамъ своего двоюроднаго брата, гр. Д. Н. Блудова, терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника, Ѳ. А. Голубцова, который управлялъ въ то время министерствомъ финансовъ. Въ 1808-мъ, Озеровъ подалъ въ отставку и уѣхалъ къ отцу, въ село Казанское, откуда велъ переписку съ другомъ своимъ А. Н. Оленинымъ (Рус. Архивъ 1869). Въ концѣ ноября того же года, переселился на житье въ свое имѣніе Красный Яръ (Чистопольскаго уѣзда Казан. губ.). Служебныя непріятности и интриги литературныхъ враговъ, во главѣ которыхъ стоялъ кн. А. А. Шаховской (Соч. кн. П. Вяземскаго, т. VII), сдѣлали то, что Озеровъ, уже и прежде страдавшій раздражительностью и наклонностью къ ипохондріи, лишился разсудка и умеръ на рукахъ престарѣлаго отца, который еще задолго до смерти перевезъ его въ свое казанское имѣнье. (Опытъ краткой исторіи литературы, Греча; Основаніе рус. театра, Н. Карабанова; О жизни и сочиненіяхъ Озерова, кн. Вяземскаго).

Сочиненія Озерова были издаваемы нѣсколько разъ: 1816, 1817 — 1819, 1824, 1827, 1828, 1846 и 1847, 1856.

Въ собраніи сочиненій Озерова (изд. Смирдина) помѣщены: Элоиза къ Абеларду, ироида, вольный переводъ изъ Колардо (первый опытъ Озерова въ стихахъ, какъ сказано имъ самимъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію ироиды, 1794 г.); трагедіи: Ярополкъ и Олегъ (1798), Эдипъ въ Аѳинахъ (1804), Фингалъ (1805), Димитрій Донской (1807), Поликсена (1809), и лирическія піесы (оды, басни и другія стихотворенія). Къ нѣкоторымъ изданіямъ Озерова приложены: Краткое разсужденіе объ Озеровѣ и краткое извѣстіе о его жизни, Греча; надгробіе Озерову, А. Измайлова; О жизни и сочиненіяхъ Озерова, кн. Вяземскаго; стихотворенія Державина, Капниста и Батюшкова въ честь Озерова, и выписка изъ письма, писаннаго Озеровымъ въ 1809 г. къ книгопродавцу Заикину.

[1]) Эдипъ въ Аѳинахъ, трагедія въ 5 д., въ стихахъ. Представлена въ 1-й разъ 1804. Озеровъ посвятилъ свою трагедію Державину, который отвѣчалъ на посвященіе слабыми стихами: «Витія, кому Мельпомена», и пр.

«Эдипъ въ Аѳинахъ» есть подражаніе оперѣ Саккини: Oedipe à Colon, и трагедіямъ французскаго трагика Дюси († 1816): «Oedipe chez Admète» и «Oedipe à Colon», заимствованной, съ передѣлками, изъ Эдипа Колонскаго, Софокла. Больше всего Озеровъ перевелъ изъ 2-й трагедіи Дюси: такъ переведены всѣ сцены, въ которыхъ является Антигона; первое явленіе II-го акта (помѣщенное въ Христ.)—лучшее мѣсто нашей трагедіи—есть не что иное, какъ лучшее мѣсто французскаго образца, близкое и хорошее его переложеніе; да и слѣдующія за тѣмъ сцены, до конца піесы, взяты у Дюси, съ тою разницей, что у Озерова умираетъ Креонъ, пораженный громомъ за свои злодѣянія, и оставленъ въ живыхъ Эдипъ, тогда какъ въ подлинникѣ умираетъ Эдипъ, а Креона нѣтъ вовсе. Любопытно сличить трагедіи французскую и русскую съ первымъ, греческимъ образцемъ ихъ, чтобы видѣть, какъ ихъ авторы, подъ вліяніемъ псевдоклассицизма, невыгодно уклонились отъ Софокла. Мерзляковъ далъ основательный отчетъ объ Эдипѣ въ Аѳинахъ, въ 8 и 9 №№ Вѣст. Евр. 1817.

[2]) Представлена въ 1-й разъ 1807 г. Нап. того же года. Посвящена императору Александру I. Посвященіе объясняетъ цѣль, которую имѣлъ Озеровъ, сочиняя эту трагедію: «Димитрій, поразивъ высокомѣрнаго Мамая на задонскихъ поляхъ, положилъ начало освобожденію Россіи отъ ига татарскаго. Ваше императорское величество возбудили мужество Россіянъ на защищеніе европейскихъ державъ. Будущіе вѣки благословятъ твердость и великодушіе монарха, принявшаго оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ отъ ига честолюбиваго завоевателя». Димитрій Донской представленъ былъ за нѣсколько дней до прейсишъ-эйлаускаго сраженія. Публика приняла его съ чрезвычайнымъ восторгомъ. Главная причина успѣха заключалась въ чувствѣ патріотизма, которымъ проникнута піеса, и въ примѣненіяхъ ея къ современнымъ обстоятельствамъ. Димитрій служилъ образомъ Александра, какъ Мамай образомъ Наполеона. «Дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана» представлялъ высокомѣріе французскихъ посланниковъ. Короче: трагедія Озерова для зрителей имѣла такое же значеніе, какое «Мысли въ слухъ» Растопчина имѣли для читателей. Она принадлежала къ явленіямъ «патріотической» литературы, которой голосъ сильно раздавался въ современныхъ журналахъ, стихотвореніяхъ и отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ. Кромѣ того, благородныя чувства патріотизма выражены прекраснымъ, по тому времени, стихомъ. Наконецъ успѣху піесы много содѣйствовала игра Семеновой, которая, по словамъ Пушкина, «дѣлила вмѣстѣ съ авторомъ невольную дань народныхъ слезъ и рукоплесканій».

XIII.

ГРАФЪ РАСТОПЧИНЪ ([1]).

А. МЫСЛИ ВЪ СЛУХЪ НА КРАСНОМЪ КРЫЛЬЦѢ (1807). ([2]).

Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненный на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ георгіевскій и владимірскій, отправился изъ села Зажитова, по случаю милиціи, въ Тулу для закупки ружей, и, узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе государя и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, по выходѣ, въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ бывъ великими происшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать въ слухъ тако:

Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: сгинь ты, дьявольское наважденіе! ступай въ адъ или въ свояси, все равно,—только не будь на Руси.

Прости Господи! ужъ ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ? Ее же бранятъ всѣ не на животъ, а на смерть. Пріѣдетъ французъ съ висѣлицы: всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачъ, за вѣрность и вѣру пострадалъ. А онъ, собака, холопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попъ разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспитанье, а иной и грамотѣ-то плохо знаетъ.

Боже мой! да какъ же предки наши жили безъ французскаго языка, а служили вѣрой и правдою государю и отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и царство небесное.

Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ! выговаривать чисто по французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда Русскихъ считаютъ за медвѣдей?

*

Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь— *Bon jour;* отецъ—*Monsieur*; старуха мать—*Maman*; холопъ—*Mon ami*; Москва—*Ridicule*; Россія—*Fi donc*. Сущія дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

Господи помилуй! только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ и бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ за мужъ за французовъ и гнушаются Русскими. Одѣты какъ мать наша Ева въ раю, сущія вывѣски торговой бани либо мяснаго ряду, Даже и чухонцы сказываются лифляндцами, а эти нѣмцами. Охъ, тяжело! дай, Боже, сто лѣтъ здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великаго: взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ. Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшный.

Прости Господи! все по-французски, все на ихъ манеръ; пора уняться. Чего лучше быть Русскимъ? не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ въ верхъ, есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ, да готовъ. Вѣдь что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а впрочемъ хоть иконы обдери: ей Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну, не смѣшно ли нашему дворянину покажется, если бы русскій языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ французскій; чтобъ псарь Климка, поваръ Абрамка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды!

Владыко мой! да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть или быть можетъ. Государь милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста. А какіе великіе люди въ ней были и есть! Воины: Шуйскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества—Пожарскій и Мининъ, Москвы—Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ермогенъ, Прокоповичъ и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ—Дашкова; министры: Панинъ, Шахов-

ской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединскій, Дмитріевъ и Богдановичъ. Всѣ они знали и знаютъ французкій языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше русскаго.

Царь небесный! мало этого, вотъ еще вамъ. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите—шесть сотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники? русскіе дворяне, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ каменной Москвой; милліоны посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Ледянаго моря до Чернаго, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! да что за народъ эти французы! копѣйки не стоитъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху; ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись—либо философъ, либо римлянинъ, а все наровитъ въ карманъ; труслив какъ заяцъ, шалостливъ какъ кошка; хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ. Да вотъ то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не исторію; а то бы увидѣла, что въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: «все хорошо, лишь бы удалось; что можно взять, то должно прибрать». Хоть немного по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили: законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали—то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть: опрокинулись къ сосѣдямъ и почали грабить и душить нѣмцевъ и венгерцевъ, италіянцевъ и гишпанцевъ, голландцевъ и швейцарцевъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушелъ изъ Египта, шикнулъ и все замолчало. Погналъ сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ

кричать: шабашъ, республика! давай Бонапарта короновать, а ему то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то есть: плакать и кряхтѣть; а онъ, какъ угорѣлая кошка, и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и досихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, цесарцевъ обдулъ, прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все—мало! весь міръ захотѣлъ покорить: что за Александръ Македонскій! Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ,—а онъ таки лѣзетъ впередъ на русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу, и стали бубноваго короля катать: подъ Пултускомъ по щекѣ, сталъ покашливать; подъ Эйлау по другой, и свѣта Божьяго не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить; а наши армейскіе такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

Слава тебѣ, россійское побѣдоносное христіанское воинство! Честь государю нашему и матушкѣ-Россіи! Слава вамъ, герои россійскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Дохторовъ, Волконскій, Долгорукій! Вѣчная память, юноша храбрый Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики воздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцемъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ твоей. Радуйся, царство русское! Всемірный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришелъ, какъ свирѣпый левъ, хотѣлъ все пожрать; теперь бѣжитъ, какъ голодный волкъ, только озирается и зубами пощелкиваетъ. Не щади звѣря лютаго: тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура, Русскіе, вы одни молодцы. Побѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами.

За симъ сила Андреичъ взвелъ съ восторгомъ глаза къ небу, слезы покатились изъ нихъ на землю и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали, пролитыми въ теченіе двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ сынами отечества; потомъ онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спасскія ворота домой.—Миръ съ тобой, Сила Андреичъ! многія тебѣ лѣта здравствовать!

В. АФИШИ (1812) (³).

Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить,—и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Бо-

томъ заступники: Божія Матерь и московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты христолюбивое воинство. А чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, а они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти—предъ вами; а отдыхать—за вами. Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ. А берегитесь одного—пьяницъ да дураковъ: они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана и государь изволилъ приказать беречь матушку Москву: а комужъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово! А я вѣрный слуга царскій, русскій баринъ и православный христіанинъ. Вотъ моя и молитва: «Господи, Царю Небесный! продли дни благочестиваго земнаго царя нашего! продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша».

Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дня у насъ еще прибудетъ 20,000; но наши войска русскія, единаго закона, единаго царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается: а что было вчера, не хорошо, и побранить есть за что. Два нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ ка-

тать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны; а для этого допросить должно: это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату, Русскому; и что за диковина ста человѣкамъ прибить костянаго француза, или въ парикѣ окурнаго нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ,—ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія Русскимъ; войска-то французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву; но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвый ляжетъ! горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!

[1]) Графъ Растопчинъ, Ѳедоръ Васильевичъ (1763—1826), до пятнадцатилѣтняго возраста жилъ при родителѣ, подъ надзоромъ иностранныхъ гувернеровъ, которые въ совершенствѣ выучили его французскому и нѣмецкому языкамъ. Онъ самъ говоритъ, что у него было «десятка съ три заморскихъ учителей, но (прибавляетъ онъ), помня поученія священника Петра и мамы Герасимовны, я остался Русскимъ». Подъ вліяніемъ этой мамы и другихъ окружавшихъ людей, онъ усвоилъ языкъ русскій, даже во всей чистотѣ его народнаго говора. Въ 1775 г. Растопчинъ былъ принятъ въ пажи, и даромъ замѣчать и представлять смѣшное обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины II, которая удостоивала его чести участвовать въ своемъ избранномъ обществѣ. Изъ пажей перешелъ въ гвардію, гдѣ оставался до 1784 г., а въ этотъ годъ отправился въ чужіе краи и прожилъ тамъ почти четыре года. Записки его о путешествіи по Пруссіи нап. въ Москвитянинѣ 1849 г. Воротясь въ отечество, отправился съ гр. Безбородко въ Турцію для мирныхъ переговоровъ, по окончаніи которыхъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ (1792). Въ этомъ званіи, Растопчина часто назначали къ наслѣднику престола, который приблизилъ его къ себѣ впослѣдствіи. Въ 1796 г. (ноября 15) онъ написалъ записку о кончинѣ Императрицы, подъ названіемъ: «Послѣдній день жизни Екатерины II и первый день царствованія Павла I»; она нап. въ 3-ей кн. Чтеній на 1860 г. Императоръ произвелъ его, при вступ-

леніи своемъ на престолъ, въ генералъ-маіоры и пожаловалъ ему другія важныя награды. Послѣ временнаго увольненія отъ службы въ 1798 г., Растопчинъ того же года снова былъ въ нее принятъ генералъ-лейтенантомъ, вскорѣ назначенъ третьимъ присутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а по смерти канцлера Безбородки (1799) первоприсутствующимъ. Къ этому времени относится его переписка съ Суворовымъ, предводителемъ русско-австрійской арміи, котораго онъ узналъ еще въ Турціи и къ которому питалъ великое уваженіе. Въ 1801 г. гр. Растопчинъ принужденъ былъ выдти въ отставку и отправился въ Москву; отсюда начинается новая его жизнь, спокойная и однообразная. Проживая попеременно то въ Москвѣ, то въ селѣ своемъ Вороновѣ, онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Г. Тихонравовъ (Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, Отеч. Зап. 1854, № 7) приписываетъ ему брошюру: «Плугъ и Соха» (1806), авторомъ которой другіе почитали кн. Е. Р. Дашкову. Цѣль брошюры—доказать превосходство сохи, или прежняго способа хлѣбопашества, предъ новымъ, англійскимъ, усвоеннымъ нѣкоторыми тогдашними агрономами. Со времени войны съ Наполеономъ (1806—1807), являются въ нашей литературѣ произведенія,выражающія чувство любви къ отечеству и ненависти къ французамъ. Первымъ изъ такихъ произведеній была брошюра гр. Растопчина: «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, 1807 г.». Затѣмъ слѣдовали нѣкоторыя его статьи въ Рус. Вѣстникѣ, который началъ издавать С. Глинка съ 1808 г. (Письмо къ издателямъ Устина Вѣникова, О Суворовѣ; Вѣсти, или убитый живой, ком. въ 1 д. (1807); Письмо Устина Ульяновича Вѣникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву и отвѣтъ Силы Андреевича Богатырева къ Устину Ульяновичу Вѣникову (1808). До 1812 г. Растопчинымъ написаны еще: а) Замѣчаніе на книгу гр. Валеріана Стройновскаго: «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», переведенную въ 1809 г. съ польскаго на русскій Анастасевичемъ (оно нап. во 2 кн. Чтеній 1860), и б) повѣсть: «Охъ, Французы» (Отеч. Зап., 1842 г., № 10). Цѣль ея таже, что и «Мыслей въ слухъ»: возбудить патріотизмъ, чувство собственнаго достоинства въ Русскихъ, отчужденныхъ иностраннымъ воспитаніемъ отъ отечества и зараженныхъ галломаніей. Въ 1810 г. гр. Растопчинъ получилъ званіе оберъ-камергера, но жилъ по прежнему въ Москвѣ. Въ 1812 г. онъ былъ переименованъ въ генерала отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Съ этого времени его имя становится историческимъ. Гр. Растопчину предстояло, въ трудную годину для Россіи, когда непріятель близился къ древней столицѣ, ободрять и успокоивать ея гражданъ, удовлетворять всеобщему любопытству извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ и сдерживать раздраженіе народа противъ иностранцевъ. Этой цѣли онъ достигалъ своими знаменитыми афишами, получившими названіе «растопчинскихъ». Ему приписывали сожженіе Москвы и смотрѣли на этотъ подвигъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. По крайней мѣрѣ онъ имѣлъ это намѣреніе. Въ запискахъ Вильсона (Рус. Вѣст. 1662, № 1) прямо говорится, что Растопчинъ горько жаловался на Кутузова за то, что онъ оставилъ Москву, не давъ ему условленнаго предувѣдомленія и тѣмъ лишивъ возможности начальство столицы явить «болѣе чѣмъ римскую—русскую доблесть» правильнымъ сожженіемъ столицы, прежде чѣмъ она была осквернена присутствіемъ хищника. Но если онъ не могъ обратить въ пепелъ столицу, то сдѣлалъ это съ своимъ домомъ въ имѣніи Вороновѣ, когда стали

подходить къ нему французы. Въ 1814 г. служебное поприще Растопчина кончилось: онъ получилъ увольненіе отъ должности и выѣхалъ изъ Россіи. Побывавъ въ Германіи, въ Англіи, гдѣ принимали его съ особеннымъ восторгомъ, онъ съ 1815 г. поселился въ Парижѣ, гдѣ въ 1823 г. издалъ книжку: La verité sur l'incendie de Moscou, переведенную того же года на русскій языкъ Волковымъ: «Правда о пожарѣ Москвы». Это сочиненіе изумило всѣхъ не въ одной Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, такъ какъ авторъ его отрекся отъ чести быть виновникомъ московскаго пожара, послѣ десятилѣтняго молчанія объ этомъ событіи. Друзья графа, дорожившіе его славою болѣе, чѣмъ онъ самъ, огорчились появленіемъ книжки, противорѣчившей давно составленному общему мнѣнію, письмамъ Растопчина къ Александру I и кн. Багратіону, разсказамъ историковъ о войнѣ 1812 г. и Слѣдственному дѣлу, приведенному въ статьѣ: «Историческія извѣстія о пожарѣ московскомъ 1812», которая нап. въ 27 № Москов. Телеграфа за 1829 г. Въ то же время Растопчинъ написалъ: «Mes mémoires, ou moi au naturel, ecrits en dix minutes», напечатанные уже въ 1835 г. въ газетѣ «Le Temps» и отдѣльно. Русскій переводъ ихъ подъ названіемъ: «Жизнь Растопчина, списанная съ натуры въ десять минутъ», не даетъ полнаго понятія ни объ остроуміи подлинника, ни объ его мастерскомъ языкѣ. Возвратясь въ отечество (1823), Растопчинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ званія оберъ-камергера. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Москвѣ (Словарь достопамятныхъ людей, Бантышъ-Каменскаго; Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, Тихонравова; критика его сочиненій въ 8 № Отеч. Зап. 1853; Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 г., А. А. Бестужева-Рюмина, во 2 кн. Чтеній 1859; Разсказъ Варнгагена фонъ-Энзе, въ Моск. Вѣд. 1852, № 234; О графѣ Ѳ. В. Растопчинѣ и о событіяхъ 1812 г. въ Москвѣ—въ 4 кн. Чтеній 1861). Новыя свѣдѣнія о дѣятельности гр. Растопчина и взглядъ на оную смотри въ статьяхъ А. Н. Попова: Москва въ 1812 г. (Рус. Арх. 1876) и Французы въ Москвѣ въ 1812 г. (ів. 1877). Смирдинское изд. сочиненій Растопчина (1853) неполно.

²) «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ. Съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ (Москва, 1807)». Цѣль сочиненія указана самимъ авторомъ: оно имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ французовъ, живщихъ въ Россіи, которые старались пріучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона (La verité sur l indencie de Moscou). Г. Тихонравовъ говоритъ о мысляхъ слѣдующее: «Богатыревъ—идеалъ, въ которомъ для Растопчина сосредоточились всѣ лучшія качества русскаго человѣка,—сѣтуетъ на слѣпое пристрастіе Русскихъ къ французамъ, на вредное нравственное вліяніе, производимое послѣдними. Авторъ обличаетъ воспитаніе, довѣряемое заѣзжимъ французамъ, моды, ими заносимыя къ намъ. Понятіямъ, которыя французы вкореняютъ молодому поколѣнію, ничтожнымъ ихъ достоинствамъ Растопчинъ противопоставляетъ великихъ людей родины какъ примѣръ для подражанія». Брошюра быстро разошлась въ 7000 экз.

³) Первое собраніе афишъ приложено къ сочиненію И. М. Снегирева: «Очерки жизни московскаго архіепископа Августина» (1841). Напеч. также въ Москвитянинѣ 1842 и 1843 г. г. Отсюда они перешли въ Смирдинское изданіе сочиненій Растопчина. Нѣкоторыя, бывшія неизвѣстными г. Снегиреву, помѣщены въ 2 № Библ. Зап. 1859 г. Послѣдняя, отъ 20 сен-

тября 1812 г., относилась не къ жителямъ Москвы, а къ крестьянамъ, похищавшимъ, что ни попадалось на пепелищѣ, и грабившимъ домы помѣщиковъ по деревнямъ. Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ 1812 г., издававшійся профессоромъ М Гавриловымъ, называетъ афиши бесѣдами градоначальника съ Москвичами, дружескими посланіями главнокомандующаго къ жителямъ. Дѣйствіе ихъ простиралось на всѣ концы государства: вездѣ, съ каждой почтой ожидали ихъ, читали съ довѣріемъ и жадностью, затверживали наизусть; по всѣмъ рукамъ ходили съ нихъ списки. Цѣлью ихъ было—ободрить робкіе и успокоить взволнованные умы, удовлетворять общему любопытству извѣстіями о военныхъ событіяхъ и обуздывать самоуправство толпы, при ея столкновеніяхъ съ иностранцами. Нужно было осторожно ладить съ народомъ, чтобъ онъ не освирѣпѣлъ на торопливо покидавшихъ городъ купцовъ, чиновниковъ съ женами и дѣтьми. Здѣсь приказъ и сила не имѣли бы такого значенія, какое имѣлъ убѣдительный голосъ градоначальника, возбуждавшій чувство вѣры, патріотизма и покорности, въ духѣ народныхъ понятій и складомъ народной рѣчи. И афиши достигли своей цѣли: народъ, готовый идти на смерть за Москву, оставался покоенъ и сдержанъ до той поры, пока не разнеслась вѣсть о скорой сдачѣ Москвы Наполеону (См.: О гр. Ѳ. В. Растопчинѣ, въ 4 кн. Чтеній 1861).

XVI.

С. Н. ГЛИНКА [1].

ЗАПИСКИ О 1812 Г. [2].

Іюля 11-го, 3 часа утра.

Въ достопамятный и бурный 1812 годъ жилъ я въ переулкѣ Тишинѣ близь Драгомиловскаго моста. 11 іюля на ранней зарѣ утренней разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: «мы пропали!» и подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6-го іюля изъ Полоцка. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: «Благодарите Бога, сударыня! Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу!».

Іюля 11-го, 5 часовъ утра.

Наскоро одѣвшись, полетѣлъ я въ Сокольники на дачу къ графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, поступившему вмѣсто графа Гудовича на чреду московскаго генералъ-губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, исполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ: тоже нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Изъ нѣдръ глу-

бокаго безмолвія вылетаетъ роковой ударъ грома; смотримъ: откуда онъ грянулъ? Слышимъ новые удары и теряемся въ недоумѣніи. Поэтъ сказалъ:

Кто дышитъ, не дремли!

Это теперь излилось изъ души моей. А тогда спѣшилъ я съ одною мыслію; съ мыслію—отдать себя отечеству за отечество. Къ графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ графа засталъ я тогдашняго губернскаго предводителя Василія Дмитріевича Арсеньева и Аркадія Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадію Павловичу, что мнѣ нужно видѣться съ графомъ. «Нельзя», отвѣчалъ онъ: «графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и съ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ» (а).—«Позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ оставить записку». Привѣтливо Аркадій Павловичъ подалъ мнѣ бумагу, перо, и я написалъ: «Хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья; хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ московскій, но гдѣ кого застала опасность отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники московскаго ополченія и на алтарь отечества возлагаю на триста рублей серебра».

Такимъ образомъ 1812-го года іюля 11-го мнѣ первому удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принесть первую жертву усердія.

Пишу объ этомъ не изъ тщеславія, но для сохраненія связи въ ходѣ обстоятельствъ моихъ. Самоотреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому значитъ уничижать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго.

Въ этотъ мигъ показалось мнѣ, что съ груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее съ 1808 года. Въ Сокольникахъ блеснуло солнце въ полномъ сіяніи на свѣтломъ лазурномъ небосклонѣ. «Какъ очаровательна природа и злобны люди!» говорилъ Жанъ Жакъ Руссо. И я въ юности моей, вспоминая о томъ, что съ оживленіемъ весенней природы загораются битвы кровопролитныя, сказалъ, обращаясь къ людямъ, вооруженнымъ противъ людей:

Иль кровь амвровія для васъ?

Мирите человѣчество съ человѣчествомъ, и менѣе будетъ злобныхъ и менѣе будетъ жажды къ крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я какъ будто бы забылъ, что въ то самое мгновеніе гремѣли битвы и за Днѣпромъ и у Днѣпра и на Двинѣ и за Двиною.

Іюля 11-го, 9 часовъ утра, въ Москвѣ.

Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не витали по стогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились ивездѣ

а) Тогдашнимъ начальникомъ кремлевской экспедиціи.

сговаривались идти и спѣшить на встрѣчу государя.

Лица граждань и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: «мы закидаемъ шапками; мы постоимъ за себя!» Довѣренность безмятежная обладала умами. Никакое слово ненависти и негодованія противъ враговъ не исторгалося изъ устъ. Всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви. Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнивъ крестомъ, добрые граждане говорили: «пойдемъ въ храмы Господни: помолимся за царя-государя, а оттуда за заставу». Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: «куда идешь?» И общій отвѣтъ: «на встрѣчу государя, за заставу!»

Іюля 11-го, 3 часа пополудни.

Народъ за Драгомиловскою заставою.

Около трехъ часовъ пополудни, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсняться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ Русскій Вѣстникъ.

Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла на встрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе. Духъ народный всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига. Въ часы грозной, въ часы явной опасности, народъ русскій подростаетъ душою и крѣпчаетъ мышцею отважною.

Размышляя о дивномъ полетѣ духа русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на Поклонной горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща. Земля какъ будто бы исчезала подъ сонмами народа: иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ передавали другъ другу мысли свои. Подъ шумомъ бурь исчезаетъ личность и сердца сродняются союзомъ общей опасности. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, самороднымъ изреченіямъ духа русскаго.

Порывъ духа народнаго.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго

посторонняго возбужденія и какъ будто бы сговорясь душами и мыслію, воскликнули: «не уступимъ! мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ». Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали: «а вы, ваше благородіе, ведите насъ!» Я провозгласилъ: ура! впередъ! И тысячи голосовъ повторили: ура! впередъ! Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ; шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (а) возвращался изъ Подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: Сергѣй Николаевичъ! куда идешь? — «Веду къ государю народъ», отвѣчалъ я. 1812 года іюля 11-го, порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и ура! не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: скоро ли будетъ государь? Наконецъ около десяти часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и графъ Растопчинъ.

Повѣстка моя въ московскую полицію.

Въ ту же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ, по собственному порыву душъ своихъ, двинулся на встрѣчу государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ. А потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать что-нибудь одобрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною присматривать. Но это не обезпокоило меня. Не отставая усердіемъ отъ общаго дѣла, я не забѣгалъ впередъ и не заботился о слухахъ. Идите на ряду съ необычайными обстоятельствами: они сами укажутъ вамъ мѣсто. Мелкіе происки и увертливыя искательства истощаютъ духъ. Берегите его для тѣхъ случаевъ, когда онъ можетъ дѣйствовать явно, не уклоняясь со стези, проложенной обстоятельствами, не вынужденными, а вызванными голосомъ времени и правительствомъ.

Полночь на 12-е іюля.
Первая встрѣча государю.

Все дремало и въ домахъ, и на улицахъ, и въ окрестностяхъ Москвы; но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государя, отправили двухъ гонцовъ въ село Перхушково, которые, быстро проскакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, перешедшаго въ родъ Нарышкиныхъ отъ царицы Натальи Кирилловны, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на ко-

а) Бывшій въ послѣдствіи директоромъ московскаго театра, авторъ и переводчикъ многихъ театральныхъ піесъ.

торомъ возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ ночь безлунную и беззвѣздную. Поровнявшись съ причетомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ пасхи возглашалъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

12 іюля Красная площадь.

Побѣда первая — побѣда надъ сердцами.

Іюля двѣнадцатаго, съ первымъ мельканіемъ зари утренней, народъ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли, матери съ грудными младенцами—все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ девять часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый; явился, какъ ангелъ Божій подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Со звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: ура! да здравствуетъ царь-государь! веди насъ, куда хочешь! веди насъ, нашъ отецъ! умремъ или побѣдимъ! такъ восклицало душевное ополченіе русскаго народа, и Александръ Первый однимъ мановеніемъ руки своей могъ бы двинуть съ Красной площади сотни тысячъ подъ знамена ратныя. Въ сердцѣ царства русскаго, въ стѣнахъ Москвы, іюля двѣнадцатаго, императоръ Александръ убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи; онъ видѣлъ, что, и подъ полетомъ вѣсти объ общей опасности, духъ русскій воскипѣлъ двухвѣковою жизнію завѣтныхъ временъ гражданина Минина и князя Пожарскаго. Въ день іюля двѣнадцатаго не утварью царскою, не блескомъ вѣнца, — Александръ украшался любовью народною, взиравшею на него очами сердца и души. То былъ въ полномъ смыслѣ именинный день Александра Перваго. На алтарь любви чистой, любви безкорыстной, любви пламенной, народъ и отечество радостно возлагали и достояніе и жизнь свою. И такъ приносимая тогда дань, говоря словами В. А. Жуковскаго, была:

«Не власти, не вѣнцу, а человѣку дань!»

Благовѣстъ продолжался. Государь двинулся съ Краснаго крыльца. Двинулось и общее усердіе. На каждой ступени, со всѣхъ сторонъ, сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами. Одни кричали: отецъ! отецъ нашъ! Дай намъ на тебя наглядѣться! Другіе восклицали: отецъ нашъ! ангелъ нашъ! А съ площади, отъ воротъ Спасскихъ до соборовъ, отъ прибрежнаго Кремлевскаго возвышенія до воротъ Троицкихъ, съ кровли арсенала, съ кровлей домовъ,

отовсюду, откуда казалось, что услышится голосъ душевный, неслись, летѣли клики: ура! да здравствуетъ царь-государь! Веди насъ, куда хочешь!

На ступеняхъ крыльца государь часъ отъ часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: «не троньте! не троньте ихъ! Я пройду!» И онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремѣли отклики: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!

Въ день іюля двѣнадцатаго, торжество любви народной сочеталось съ благодарнымъ молебствіемъ по случаю заключенія мира съ Турціей.

Звонъ колокольный продолжался, и когда государь сходилъ съ крыльца, народъ цѣловалъ его одежду и раздавались восклицанія: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Богъ!..

Въ дивный 1812 годъ миръ и война шли рядомъ.

13 и 14 іюля.

13 и 14 іюля быстрымъ пролетѣли мгновеніемъ. Казалось (повторяю еще), что народъ русскій подросъ душою, ополчившеюся за край родной, и усилился мышцею, торопившеюся къ оружію.

На Красномъ крыльцѣ, во время государева обѣда, происходилъ непрерывный приливъ и отливъ народа. Государь обращалъ взоры къ зрителямъ и дарилъ ихъ улыбкою привѣтливою. Іюля 13 Петръ Степановичъ Валуевъ, находясь въ числѣ приглашенныхъ къ обѣду и привыкнувъ говорить съ государемъ голосомъ сердечнымъ, сказалъ: «Государь, смотря на васъ и на народъ, взирающій на васъ, скажешь, что общій отецъ великаго семейства народа русскаго вкушаетъ хлѣбъ-соль среди радостной, родной своей семьи.»

Съ 14 на 15 повѣщено было въ бывшемъ Слободскомъ дворцѣ, сперва принадлежавшемъ графу канцлеру Безбородкѣ, собраніе дворянству и купечеству. Записавшись въ ратники по волѣ и охотѣ, я думалъ, «зачѣмъ пойду въ дворянское собраніе? да и въ правѣ ли я говорить о пожертвованіи и собственности, вовсе не имѣя никакой собственности?» Такіе упреки и прежде слышалъ я въ Смоленскѣ, при вступленіи моемъ въ земское войско; тоже откликнулось и въ Москвѣ 1812 года.

Но, обозрѣвая положеніе мое съ другой стороны и зная, что подпалъ подъ присмотръ, я рѣшился, для отстраненія предположеній и пересудовъ, явиться въ собраніе съ одною неотъемлемою собственностію: съ чистою совѣстію и съ самоотреченіемъ отъ жизни. Не было у меня ни милиціоннаго, ни губернскаго мундира. Послѣдній выпросилъ я у г. Васильева, роднаго брата хозяйки нанимаемаго мною дома. Невольно

улыбнулся я, взглянувъ въ зеркало и увидя себя въ необычайномъ нарядѣ. Улыбки знакомыхъ встрѣтили меня и при входѣ въ собраніе. Но — тутъ было не до смѣха.

15 іюля. Собраніе дворянское и купеческое.

Совѣщаніе въ дворянскомъ собраніи.

Между тѣмъ, когда часъ отъ часу болѣе наполнялись залы дворянскаго и купеческаго собранія, въ комнатѣ передъ залою дворянскою завязался жаркій разговоръ. Одинъ изъ чиновныхъ бояръ сказалъ: «мы должны спросить у государя, сколько у насъ войска и гдѣ наше войско». Степанъ Степановичъ Апраксинъ возразилъ: «еслибъ мы и въ правѣ были спросить объ этомъ у государя, то государь не могъ бы намъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Войска наши движутся сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ: такому же измѣненію подлежитъ и число войскъ». Вслѣдъ за этимъ, мужчина, лѣтъ въ сорокъ, высокій ростомъ, плечистый, статный, благовидный, рѣчистый въ русскомъ словѣ и въ мундирѣ безъ эполетовъ (слѣдственно отставной)—о имени его некогда было спросить — возвыся голосъ, сказалъ: «Теперь не время разсуждать, надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная: война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилы и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу; а эта борьба требуетъ и небывалой доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ; вооружимся, чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля; составимъ дружины конныя; будемъ вездѣ тревожить Наполеона; отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ Европѣ, что Россія возстаетъ за Россію!»

Въ пылу рвенія душевнаго раздался и мой голосъ; я воскликнулъ: «Адъ должно отражать адомъ. Я видѣлъ однажды младенца, который улыбался при блескѣ молніи и при раскатахъ грома; но то былъ младенецъ. Мы не младенцы: мы видимъ, мы понимаемъ опасность; мы должны противоборствовать опасности». Среди общаго безмолвія пламенѣла моя рѣчь. И меня часъ отъ часу болѣе вдвигали въ залу собранія, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стола, накрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло болѣе семидесяти чиновныхъ вельможъ въ лентахъ. Сжатый отовсюду, я принужденъ былъ остановиться за стульями къ стѣнѣ посреди задняго ряда. Не прерывая словъ моихъ или, лучше сказать, увлекаясь душою, я предлагалъ различныя мѣры ко внутренней безопасности и къ оборонѣ отечества. Наконецъ сказалъ: «мы не должны ужасаться, Москва будетъ сдана». Едва вырвалось изъ устъ моихъ это роковое слово, нѣкоторые изъ вельможъ и пре-

восходительныхъ привстали. Одни кричали: кто вамъ это сказалъ? Другіе спрашивали: почему вы это знаете? Не смущаясь духомъ, я продолжалъ. «Милостивые государи! во-первыхъ: отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искуственной обороны, достаточной къ остановленію сильнаго непріятеля. Во-вторыхъ: изъ всѣхъ отечественныхъ лѣтописей нашихъ явствуетъ, что Москва привыкла страдать за Россію. Въ-третьихъ (и дай Богъ, чтобъ сбылись мои слова): сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы».

Рѣчь мою, продолжавшуюся около часа съ различными поясненіями, требуемыми различными лицами, прервалъ входъ графа Растопчина. Всѣ обратились къ нему. Высвободясь изъ осады, я поспѣшилъ къ московскому градоначальнику. Указывая на залу купеческаго собранія, графъ сказалъ: «оттуда польются къ намъ милліоны; а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя».

Послѣ мгновеннаго совѣщанія, положено было выставить въ ратники десятаго.

Совѣщанія въ залѣ купеческаго собранія.

Между тѣмъ въ залѣ купеческой, по отпѣтіи молебствія готовились къ пожертвованіямъ. Государь началъ рѣчь и съ первымъ словомъ слезы брызнули изъ очей его. Жалостію сердечною закипѣли души русскаго купечества. Казалось, что въ каждомъ гражданинѣ воскресъ духъ Минина. Гремѣлъ общій голосъ: «Государь! возьми все—и имущество и жизнь нашу!» Вслѣдъ за удалявшимся государемъ летѣли тѣ же клики и души ревностныхъ гражданъ.

Входъ Государя въ залу дворянскаго собранія.

Слезы блистали еще на глазахъ государя, когда онъ вошелъ въ залу дворянскаго собранія. А лице его сіяло умиленіемъ довѣренности къ духу самоотреченія сыновъ Россіи. Мнѣ удалось помѣститься за графомъ, стоявшимъ подлѣ императора. Вотъ слова государя: «Никогда не сомнѣвался я въ усердіи русскаго дворянства; но въ этотъ день оно превзошло мое ожиданіе. Благодарю васъ отъ лица отечества. Господа! будемъ дѣйствовать: время всего дороже».

При выходѣ государя, Петръ Степановичъ Валуевъ схватилъ меня за руки и сказалъ: «Пойдемъ, Сергѣй Николаевичъ! я представлю васъ Государю». «Ваше высокопревосходительство!» отвѣчалъ я: «теперь не до меня». И съ этимъ словомъ, вырвавъ руку, я опрометью бросился съ крыльца. Предчувствуя, что до моего пріѣзда долетятъ разсказы стоустной молвы въ семейство мое, я поспѣшилъ домой. Сбылось мое предчувствіе. Застаю бѣдную жену мою въ страданіи и въ горькихъ слезахъ. Нѣкоторые изъ услужливыхъ моихъ знакомыхъ настра-

щали ее, что мнѣ за отважные мои возгласы въ собраніи не миновать бѣды. «Молись Богу, мой другъ!» сказалъ я плачущей женѣ моей: «знаю, что меня позовутъ; а потому на всякій случай заготовь бѣлый жилетъ и бѣлую косынку. Когда потребуютъ, то поѣду во фракѣ. Чужой губернскій мундиръ насмѣшилъ и меня и знакомыхъ моихъ». Неизъяснима была душевная пытка жены моей. Куда ни бросалась она для какой-нибудь отрадной вѣсти, вездѣ убѣждали ее ждать участи своей и укрѣпляться вѣрою: такъ напугалъ голосъ мой, раздавшійся въ собраніи дворянскомъ по одному порыву душевному.

Іюля 19. Москва по отбытіи Государя.

Восторги и порывы жителей московскихъ откликались только въ присутствіи Александра Перваго. Съ отбытіемъ его на берега Невы, въ ночь 19 іюля, полетъ душъ осѣкся: Москва смолкла въ Москвѣ. Вѣсть объ опасности отечества вызвала мгновенный порывъ самоотреченія. Казалось, что все это было и не было. Начали около себя оглядываться, думать, обдумывать: личность заполонила самоотреченіе. Не было страха, не было трепета, но была суетливость жизни и о жизни.

Не смущаясь духомъ, но томясь думою о жребіи отечества, для разсѣянія мыслей взялъ я съ собою въ утреннюю мою прогулку Ѳеофаново слово на битву полтавскую. Обходя тѣнистыя тропинки Преснинскаго пруда, я оживлялъ въ настоящемъ прошедшее. «Полтава», думалъ я, «отразила Карла: въ стѣнахъ Москвы затеряется нашествіе Наполеона». Отчего и въ глубокой думѣ о бѣдѣ отчизны таится такая сладость, какой не промѣняешь ни на какой вихрь утѣхъ? Не объясняю; но я тогда вполнѣ чувствовалъ эту сладость скорби.

Іюля 19. Первое свиданіе съ гр. Растопчинымъ.

Между тѣмъ часу въ одиннадцатомъ возвращаюсь съ прогулки. Жена моя почти безъ памяти сидѣла на софѣ. Увидя меня, она вскричала: «отъ графа Растопчина пріѣхалъ ординарецъ!» — «Я ожидалъ этого; а ты молись Богу и вели подать мнѣ косынку и бѣлый жилетъ». Переодѣвшись, поспѣшилъ я къ графу, находившемуся тогда въ Москвѣ, а не на дачѣ. Съ графомъ былъ только адъютантъ его Обрѣсковъ. Подбѣжавъ ко мнѣ, графъ сказалъ: «забудемъ прошедшее; теперь дѣло идетъ о судьбѣ отечества» (а).

Возложеніе особенныхъ препорученій на сочинителя Записокъ.

Взявъ со стола бумагу и орденъ, графъ продолжалъ: «государь жалуетъ васъ кавалеромъ четвертой степени Владиміра за

а) Съ декабря 1809 до этого времени мы были въ личной размолвкѣ съ графомъ. *Прим. Глинки.*

*

любовь вашу къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями вашими. Такъ изображено въ рескриптѣ за собственноручною подписью государя императора. Вотъ рескриптъ и орденъ».—Адъютантъ бросился улаживать въ петлицѣ орденъ, а графъ прибавилъ: «поздравляю васъ кавалеромъ». Съ этимъ словомъ поцѣловалъ онъ меня и продолжалъ: «священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною».

«Благодарю государя», отвѣчалъ я, «но позвольте мнѣ поспѣшить къ женѣ моей. У нея трое сутокъ отзывается въ ушахъ звонъ сибирскаго колокольчика».

Не стану описывать восторга жены моей. Минуло болѣе двадцати лѣтъ, но мигъ нашего свиданія все еще въ полной свѣжести живетъ въ душахъ нашихъ. Ожидая меня, она сидѣла у открытаго окна. Поровнявшись съ домомъ, я взмахнулъ длинною лентою ордена и сказалъ: «вотъ крестъ, а не бѣда!»

Особенныя порученія.

Немедленно приступилъ я къ тѣмъ особеннымъ порученіямъ, съ которыми нерѣдко и въ Москвѣ и внѣ стѣнъ ея сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была для меня послѣднимъ условіемъ. Я былъ счастливъ и подъ грозною тучею, быстро устремлявшеюся къ Москвѣ. Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ, успокоивать ихъ умы и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ московскихъ сроднило со мною взоры, мысли и сердце московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не прикасался рукою къ сотнямъ тысячамъ, ввѣреннымъ мнѣ вмѣстѣ съ свободою развязанныхъ устъ. Однажды только, по запискѣ моей, препровождены были въ село Крылацкое кушакъ и шапка крестьянину Никифору, благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ. Деньги хороши какъ средство къ оборотамъ потребностей быта общественнаго; но бѣда, гдѣ онѣ заполонятъ общество человѣческое, бѣда, гдѣ, говоря словами нашего девятнадцатаго столѣтія, онѣ дѣлаются представителями всѣхъ наслажденій и приманкою страстей! При возстаніи душъ дѣйствуйте на нихъ силою нравственною, уравнивающею духъ народный съ величіемъ необычайныхъ обстоятельствъ.

[1]) Глинка, Сергѣй Николаевичъ (1776 — 1847), на седьмомъ году поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, куда былъ записанъ самою императрицею Екатериною II, которая, во время путешествія въ Бѣлоруссію (1781), удостоила посѣщеніемъ его родителей, имѣвшихъ помѣстье въ

Смоленской губ. Духовщинскаго уѣзда. Вышедъ изъ корпуса съ чиномъ поручика (1795), онъ поступилъ адъютантомъ къ кн. Ю. В. Долгорукому, въ Москву. По кончинѣ отца, вышелъ въ отставку маіоромъ (1800), отказался, въ пользу сестры, отъ своей части наслѣдства и отправился въ Украйну, гдѣ пробылъ три года учителемъ. Потомъ снова поселился въ Москвѣ, получивъ при театрѣ мѣсто сочинителя и переводчика. Для сцены перевелъ онъ нѣсколько оперъ: «Тайна (1800)», «Странная предпріимчивость (1800)», и др. и сочинилъ: «Наталья, боярская дочь, героическая драма въ 4 д. (1806)». Тоже лице послужило ему предметомъ стихотворной повѣсти, въ 10 пѣсняхъ: «Царица Наталья Кириловна (1809) и «Сумбека, или паденіе казанскаго царства, трагедія въ 5 д. 1806». Въ 1803 г. Глинка издалъ переводъ въ стихахъ 4-хъ Юнговыхъ ночей, или вѣрнѣе подраженіе имъ, потому что не зналъ англ. языка (всѣ 12 пѣсенъ нап. 1806 года). Въ 1806 г. поступилъ въ смоленское ополченіе. Послѣ Тильзитскаго мира основавшись въ Москвѣ, приступилъ, съ 1808 г., къ изданію Русскаго Вѣстника, но не забылъ и театра, для котораго были имъ написаны: «Михаилъ кн. черниговскій, траг. въ 5 д. (1808)»; «Ольга прекрасная, героич. опера въ 2 д. (1808)»; «Боянъ, прологъ на открытіе новаго Петровскаго театра въ Москвѣ (1808)»; «Мининъ, отечественная драма въ 3 д. (1808)». Кромѣ того сочинилъ: «Пожарскій и Мининъ, или пожертвованія Россіянъ, поэма въ стихахъ (1807)» и «Зеркало новаго Парижа, отъ 1789 до 1809 г. (1809)». Срочная работа по журналу не мѣшала ему, отъ времени до времени, являться съ переводами или сочиненіями. Съ 1812 издатель Русскаго Вѣстника становится общественнымъ дѣятелемъ: онъ первый записался ратникомъ въ московское ополченіе, получилъ отъ императора Александра орденъ св. Владиміра 4-й степени, «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями», и 300,000 руб. экстраординарной суммы, которою могъ распоряжаться по усмотрѣнію. Государь возложилъ на него особыя порученія, по которымъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ московскимъ главнокомандующимъ, гр. Растопчинымъ. Эти порученія состояли въ томъ, чтобы успокоивать умы московскихъ жителей, внушать имъ единомысліе и осторожность, предостерегать отъ смятенія и робости. Образъ дѣйствій Глинки описанъ имъ въ «Запискахъ о 1812 г. (1836)», изъ которыхъ любопытные отрывки приведены выше, и въ «Запискахъ о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 г. до половины 1815 г. (1837)». Для характеристики ихъ автора достаточно сказать, что триста тысячъ руб. остались въ казнѣ сполна: Глинка не прикасался до ввѣренной ему суммы, убѣдясь, что для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души. Единственная трата, которую онъ позволилъ себѣ сдѣлать, была покупка шапки и кушака одному крестьянину, который привелъ въ ополченіе троихъ сыновей. Примѣрно безкорыстный, онъ старался помогать изъ собственныхъ средствъ такъ, заложивъ драгоцѣнныя вещи жены своей, онъ снарядилъ до 20 человѣкъ ополченцевъ; между ними находились нѣсколько студентовъ, и въ томъ числѣ К. Ѳ. Калайдовичъ, извѣстный трудами по русской исторіи. Въ 1825 г. Глинка прекратилъ изданіе своего журнала. Въ 1827 г. помѣщенъ цензоромъ въ московскій цензурный комитетъ и при увольненіи получилъ пенсію. Послѣ этого времени онъ продолжалъ также издавать разныя сочиненія, такъ что литературная его дѣятельность продолжалась болѣе полустолѣтія (Пятидесятилѣтіе литературной жизни С.

Н. Глинки, въ XVI т. Маяка, 1844 № 5).

Глинка принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ писателей. Труды его составляютъ болѣе ста книгъ, а съ присоединеніемъ Русскаго Вѣстника—болѣе 150. Собранія его сочиненій, написанныхъ до 1820 г., издано въ 12 ч. (1817 — 1820). Изъ послѣднихъ трудовъ Глинки обращаютъ на себя вниманіе: «Очерки жизни и избранныя сочиненія А. Сумарокова. 3 ч. (1841)» и «Русское чтеніе», 2 ч. (1845).

[2]) «Записки о 1812 г. Сергѣя Глинки, перваго ратника московскаго ополченія (Спб. 1836)» Другія записки его, имѣющія автобіографическое и историко-литературное значеніе печатались отрывками въ Репертуарѣ русск. театра 1841 г; Русск. Вѣстникѣ (1841 г., 1863 г. № 4; 1865 г. № 7; 1866 г. №№ 1, 2, 3, 5, 7; 1867 г. № 12); въ Русск. Словѣ 1861 г. № 4; Современникѣ 1865 г. № 9; Вѣстн. Европы 1872 г. № 9. Кромѣ того въ Литер. Прибавленіяхъ къ Журналу Мин. Нар. Просв. 1843 г. напечатаны «Корпусныя воспоминанія», а въ 1846 г. вышло отдѣльною брошюрой «Воспоминаніе. Изъ записокъ издателя Русскаго Чтенія».

XV.

КРЫЛОВЪ [1].

А. ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ ВЪ ПАМЯТЬ МОЕМУ ДѢДУШКѢ (1792). [2].

Любезные слушатели!

Въ сей день проходитъ точно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ сей точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другаго; а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалить? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и наконецъ умерли одинаково славною смертью.

Совсѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его; ибо хотя многіе говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что, послѣ нея, покойникъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ. Но хотя бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, какъ память дворянина, ко-

торый служитъ примѣромъ всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ его примѣромъ въ одной охотѣ; нѣтъ, это было одно изъ послѣднихъ его дарованій. Кромѣ сего, имѣлъ онъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ знаменитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью; глядя на всякаго изъ нихъ, заключали мы, что на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы,—но, какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ изъ ничего созидалъ великолѣпные свои пиры. Но я не примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядку, который я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни нашего героя: симъ средствомъ не потеряемъ мы ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцамъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто столь человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели: если это правда, то это не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата дворянина; это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! и если бы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда, какъ самому

послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря па всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности въ изобрѣтеніи,— тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ отъ мужика, и не прибавила намъ ни однаго пальца, въ знакъ нашего преимущества предъ крестьяниномъ. Неужели же же она болѣе печется о бабочкахъ, неужели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ, мы нашли средство поправлять ея недостатки и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одного роду съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству—вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ его отъ черни и отъ простаго народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а симъ-то и отличается герой, которому дерзаю я соплетать достойныя похвалы: ибо болѣе трехъ сотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ столь много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до нынѣшняго времени пробавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконецъ появился нашъ герой Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда, восхищаясь, его отецъ: онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что онъ благородной крови. И старикъ сей часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну его нуженъ товарищъ; хотя и много было въ околодкѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще несноснѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ

помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отчего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣй, нежели съ послѣдними. Звениголовъ, привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первыхъ часахъ вцѣпился ему въ уши; но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя свои обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Сколь сердце въ немъ ни кипѣло, совсѣмъ тѣмъ боялся отвѣдать сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ его товарищемъ. «Другъ мой!» сказалъ безпримѣрный его родитель, «развѣ мало вкругъ тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака вѣдь не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа; ее нельзя унять и принудить терпѣть, не разѣвая рта, какъ разумную тварь».

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодаго героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, къ коимъ подавало оно ему поводъ; изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и сдѣлать ихъ столь же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, искалъ причинъ, отчего первыя имѣютъ дерзости болѣе огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что его крестьяне ниже его дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивый отецъ, примѣтя, что дитя его начинаетъ думать, заключилъ, что время начать его воспитаніе и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ въ-запуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устрашили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому-то послѣднею страницею букваря кончилъ его курсъ словесныхъ наукъ. «Этой грамоты для тебя полно», говорилъ онъ ему: «стыдись знать болѣе; ты у меня будешь баринъ знатный, такъ непристойно тебѣ читать книги».

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги любить какъ моровую язву. Ни одна книга не имѣла до него доступа; я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ: вотъ одно твореніе, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, онъ и

его не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего камина. «Прочти только это», говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки: «прочти это; и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума нежели въ моей гнѣдой лошади. О, Руссо—великій человѣкъ!» продолжалъ онъ, и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ его сочиненіи: это было величайшее его снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ только одному сочинителю Новой Элоизы.

Время наконецъ наступило записывать его въ службу, и рѣдкій родитель его, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе: «Помни, любезный сынъ», говорилъ онъ ему, «что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, что ты старинный дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ; и такъ береги себя: не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службѣ тратить здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжалovану, а о достальномъ не пекись. Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ, чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, то есть: не выходи изъ передней знатныхъ; болѣе всего берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась. Наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколь ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень его глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ», и послѣ сего наградилъ онъ его своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни послѣ его отъѣзду, кончилъ свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаденъ былъ нашъ герой пользоваться наставленіями, совсѣмъ тѣмъ благородная его душа неохотно приняла сіи послѣднія, или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, то есть, послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ онъ служить, но не хотѣлъ также состарѣться въ переднихъ: эти два правила поссорили его съ двумя его дядюшками и со службою и сдѣлали философомъ. Суеты большаго свѣта скоро ему наскучили: онъ видѣлъ, что куда онъ ни приходилъ, то или онъ зѣвалъ, или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность,—сіи два любезныя качества видны въ немъ были съ самаго пріѣзда его въ столицу. Честолюбивый, на его мѣстѣ, имѣя столь знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы выѣзду въ первые домы; но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ

трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто, подъ вечерокъ, изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Онъ не былъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ: терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы честолюбивый, на его мѣстѣ, повторяю я, былъ соблазненъ примѣрами большаго свѣта и увлеченъ его суетами, но онъ равнодушно слушалъ вѣсти, что такой-то его сверстникъ пожалованъ, что тому дано мѣсто, другому награжденіе; всѣмъ этимъ не тронута была великая его душа, и онъ, зѣвая, стоически слушалъ такія новости: «Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется», говаривалъ онъ; «полно и того, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околодкѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто. Все суета суетъ!» такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ того, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

Посему можете вы заключить, милостивые государи, что общества его были хотя не пышныя, но весьма веселыя. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество; но это не было скучное дружество, заведенное лѣтъ на пять: нѣтъ, это было вольное и благородное дружество, такое, что часто, не конча еще взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской его жизни! Онъ, не гоняясь за счастіемъ, искалъ однихъ удовольствій; онъ не ѣздилъ, по этикету, зѣвать въ большіе домы, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всего свѣта: ему довольно было и того, что имя его знали наизусть во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума; нѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣрѣнностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе

и оставили нашего философа полунагимъ, не смотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ не удобенъ къ цинической философіи.

Всякій бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, всякій бы пришелъ въ отчаяніе; но онъ не поколебался нимало и, сидя дома, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ заимодавцы поведутъ его въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію. «Что будетъ, то будетъ!» говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила его къ ней довѣренность. Тогда какъ казалось, что онъ оставленъ отъ всего свѣта; когда всѣ ворота были для него заперты, выключая воротъ городской тюрьмы; когда въ кухнѣ его, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы и, что всего бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у него разбила испостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ черствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говорю я, всѣ сіи несчастія собрались вокругъ него: тогда родной его дядя—славный своею экономіею, которую храня, 20 лѣтъ онъ уже не ужиналъ, вздумалъ наконецъ и не обѣдать — оставя въ наслѣдство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаате вы, что это сдѣлало его надменнымъ; нимало: въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у него ночь на голомъ, кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастія; получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣревался удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомя ни одного своего заимодавца. Можетъ быть, по скромности его, нравился ему также французскій обычай уходить не простясь; ибо свидѣтельствуютъ достовѣрнѣйшіе маркеры, что, когда только могъ, уходилъ онъ по-французски изъ трактировъ, сколь ни убѣдительно они ему за то пеняли.

Наконецъ удалился онъ отъ городскаго шума и вступилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Едва появился онъ здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ и набралъ многочисленную армію псовъ; наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ онъ истребить весь заячій родъ — и сдержалъ

свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они бы лучше хотѣли кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунеядливую шайку охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ: но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь сихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ римлянамъ. А чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать поля. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ! Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. «Скажи», спрашивалъ у него нѣкто, «не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшонъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?»—Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой; я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечего, но еще лѣтъ пять и зайцы позабудутъ мои земли; они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной степи, а тутъ-то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе.

Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечемъ чрезъ многія государства, побилъ и разорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ проливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но всѣ эти намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ. Но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! любезные мои слушатели заснули со умиленіемъ; почтенныя головы ихъ лежатъ какъ прекрасныя бухарскія дыни вокругъ пуншевой чаши! Торжествуй, покойный мой другъ! твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на

своихъ веселыхъ вечеринкахъ, съ половину окунутымъ въ ендову носомъ. Увернись, если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ подпола на твоихъ друзей, потомъ разскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти; и пусть покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Аполлона привилегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

В. УРОКЪ ДОЧКАМЪ, КОМЕДІЯ (1807). (3).

ЯВЛЕНІЕ 1.

Даша, Семенъ и потомъ Лиза.

Семенъ. Ну, думалъ ли я, скакавъ по почтѣ, какъ угорѣлый, 700 верстъ отъ Москвы наѣхать дорогую мою Дашу?

Даша. Ну, чаяла ли я увидѣться такъ скоро съ любезнымъ моимъ Семеномъ?

Семенъ. Да какъ тебя занесло въ такую глушь?

Даша. Да тебя куда это нелегкая мчитъ?

Семенъ. Какъ ты здѣсь?

Даша. Что ты здѣсь?

Семенъ. Вѣдь ты оставалась въ Москвѣ?

Даша. Вѣдь ты поѣхалъ-было въ Петербургъ?...

Семенъ. Гдѣ жъ ты послѣ была?

Даша. Что съ тобою сдѣлалось?

Семенъ. Постой, постой, Даша, постой: мы этакъ ничего не узнаемъ до-завтра; надобно, чтобъ сперва изъ насъ одинъ, а тамъ другой разсказалъ свое похожденіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы съ тобой въ Москвѣ разочли, что намъ, не смотря на то, что мы, кажется, люди вольные и промышленные, а нечѣмъ жениться, и пустились каждый въ свою сторону добывать денегъ,—мы увидимъ, кто изъ насъ былъ проворнѣе, а потомъ посмотримъ, тянутъ ли наши кошельки столько, чтобъ намъ возможно было вступить въ почтенное супружеское состояніе. И такъ, если хочешь, я начну.

Даша. Пожалуй, хоть я сперва тебѣ разскажу. Я въ Москвѣ...

Семенъ. Ты чудеса услышишь—я изъ Москвы...

Даша. То-то ты удивишься—я въ Москвѣ ..

Семенъ. Постой же, ужъ я кончу. Выѣхавши изъ Москвы...

Даша. Да выслушай меня. Оставшись въ Москвѣ...

Семенъ. Мнѣ очень хочется подробно...

Даша. Ну вотъ такъ и горю, какъ на огнѣ, разсказать тебѣ...

Семенъ. Тьфу пропасть! Даша, у тебя во рту не языкъ, а маятникъ, не дашь слова выговорить. Ну, разсказывай, коли ужъ тебѣ не терпится.

Даша. Вотъ еще какой! да пожалуй, болтай себѣ, коли охота пришла...

Семенъ. Охъ! зачинай, пожалуй-ста, я слушаю.

Даша. Самъ начинай... видишь, какой!

Семенъ. Ну, ну! полно гнѣваться, мой ангелъ, неужели тебѣ это слаще, нежели говорить?

Даша. Я не гнѣваюсь. Говори.

Семенъ. Ладно; такъ слушай же обоими ушами. Ты ахнешь, какъ поразскажу я тебѣ всѣ чудеса...

Лиза (выглядывая изъ другой комнаты). Даша! Даша! господа идутъ съ гулянья.

Даша. Ну вотъ дѣльно! Много мы съ тобой узнали!

Семенъ. Кто жъ виноватъ?

Даша. Послушай, по этой лѣстницѣ...

Лиза (показываясь). Даша, господа поворотили на птичій дворъ.

Даша. Не прогляди жъ, какъ они воротятся.

Лиза. Не бойся, развѣ это въ первой?... (Уходитъ).

Семенъ (почесывая лобъ). Такъ это не въ первой у тебя отводные-то караулы разставлены! Даша, что это значитъ?

Даша. То, что ты глупъ. Мы опять потеряемъ время попустому: они тотчасъ воротятся. Ну, разсказывай свое похожденіе.

Семенъ. Ты знаешь, что я, нанявшись въ Москвѣ къ Честону, поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Тамъ любовь и карты выцѣдили кошелекъ его до дна, и мы, благодаря имъ, теперь на самомъ легкомъ ходу ѣдемъ въ армію бить басурмановъ. Здѣсь остановились-было перемѣнить лошадей, но баринъ съ дороги нѣсколько занемогъ и едва ль не останется до-завтра. Онъ легъ заснуть, а я, ходя по деревнѣ, увидѣлъ тебя подъ окномъ и бросился сюда— вотъ и все тутъ!

Даша. Только всего и чудесъ?

Семенъ. А развѣ это не чудо, Дашенька, что меня на всемъ скаку соннаго сбрасывало съ облучка разъ десять и я еще ни руки, ни ноги себѣ не вывихнулъ! Ну-тка, что ты лучше разскажешь?

Даша. Послѣ твоего отъѣзда, принялась я къ теперешнимъ своимъ господамъ Велькаровымъ, и мы поѣхали въ эту деревню — вотъ и все тутъ!

Семенъ. Даша! коли тебя съ облучка не сбрасывало, такъ у тебя чудесъ-то еще меньше моего. Да обрадуй меня хоть однимъ чудомъ. Есть ли у тебя деньги?

Даша. А у тебя?

Семенъ. Въ моихъ карманахъ хоть выспись—такой просторъ.

Даша. Ну, Семенушка, и мнѣ не болѣе твоего посчастливилось, —такъ свадьба наша опять затянулась. Горе да и все тутъ: сколько золотыхъ дней потеряно!

Семенъ. Эхъ, Дашенька, дни-то бы ничего, да и ты неизворотлива; вѣдь люди богатѣютъ же какъ-нибудь.

Даша. Да неужели таки такой баринъ...

Семенъ. Мой баринъ? его теперь хоть въ жомъ, такъ рубля

изъ него не выдавишь. А твои господа?

Даша. О! въ городѣ мои барышни были бы кладъ; онѣ съ утра до вечера разъѣзжаютъ по моднымъ лавкамъ: то закупаютъ, другое заказываютъ; что день, то новая шляпка; что балъ, то новое платье; а какъ меня часто за уборами посылаютъ, то мнѣ бы отъ нихъ и отъ мадамовъ что-нибудь перепало...

Семенъ. Что-нибудь? шутишь, ты Даша! да такія барышни для расторопной горничной подлинно кладъ. Дождись только зимы, и коли будешь умна, такъ мы будущею же весною домкомъ заживемъ.

Даша. Охъ, Семенушка, то-то и бѣды, что чуть ли намъ здѣсь не зимовать!

Семенъ. Какъ?

Даша. Да такъ! Видишь ли что? барышни мои были воспитаны у ихъ тетки на послѣдній манеръ. Отецъ ихъ со службы пріѣхалъ наконецъ въ Москву и захотѣлъ взять къ себѣ дочекъ, чтобъ до замужества ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика! Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ: всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками, Баринъ не знаетъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ не-Русей, между которыхъ бѣдный старикъ шатался какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что говорятъ и чему хохочутъ. Вышедши наконецъ изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ сюда на покаяніе — и отгадай, какъ вздумалъ наказать ихъ за всѣ грубости, непочтеніе и досади, которыя въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ?

Семенъ. Ахти! никакъ заставилъ модницъ учиться деревенскому хозяйству?

Даша. Хуже.

Семенъ. Чтожъ? посадилъ за книги да за пяльцы?

Даша. Хуже.

Семенъ. Тьфу пропасть? неужели вздумалъ изнурять ихъ модную плоть хлѣбомъ да водою?

Даша. И того хуже.

Семенъ. Ахъ онъ варваръ! неужели!... (*Дѣлаетъ знакъ, будто хочетъ дать пощечину*).

Даша. И это бы легче; а то гораздо хуже.

Семенъ. Чертъ же знаетъ, Даша, я ужъ хуже побой ничего не придумаю.

Даша. Онъ запретилъ имъ говорить по-французски. (*Семенъ хохочетъ*). Смѣйся, смѣйся, а бѣдныя барышни безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба, сохнутъ. Да этого мало: немилосердый старикъ сдѣлалъ въ своемъ домѣ законъ, чтобъ здѣсь никто, даже и гости, иначе не говорили, какъ по-русски; а такъ какъ онъ въ уѣздѣ всѣхъ богаче и старѣе, то и не мудрено ему поставить на своемъ.

Семенъ. Бѣдныя барышни!

Даша. Это еще не конецъ. Чтобъ и между собой не говорили онѣ иначе, какъ по-русски, то приставилъ къ нимъ старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать; а если заупрямятся, то докладывать ему. Онѣ было сперва этимъ пошутили, да какъ няня Василиса доложила, то увидѣли, что старикъ до шутокъ не охотникъ. И теперь куда ни пойдутъ, а няня Василиса съ ними; что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ-что отъ няни Василисы приходитъ хоть въ петлю.

Семенъ. Да неужели въ нихъ такая страсть къ иностранному?

Даша. А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза.

Семенъ. Да щедры ли твои барышни? скажитка; вотъ, какъ бы тебя спросить: легко ли ихъ разжалобить?

Даша. Легко, только не русскими слезами. Въ Москвѣ у нихъ иностранцы пропасть денегъ выманиваютъ.

Семенъ (*въ задумчивости*). Деньги—палки, палки — деньги: какъ-будто вижу и то и другое. Чортъ знаетъ, какъ быть: и надежда манитъ и страхъ беретъ.

Даша. Семенъ, что ты за горячку несешь?

Семенъ. Славно! божественно! прекрасно! Даша, жизнь моя!...

Даша. Семенъ! Семенъ! съ ума ты сошелъ?

Семенъ. Послушай, какъ скоро барышни воротятся...

Лиза (*показываясь*). Даша! Даша! господа идутъ, ужъ на крыльцѣ... (*Уходитъ*).

Даша. Сбѣги по этой лѣстницѣ.

Семенъ. Прости, сокровище! прости, жизненокъ! прости, ангелъ! ты будешь моя! Жди меня черезъ пять минутъ. (*Убѣгаетъ*).

Даша. Ну, право, онъ въ умѣ помѣшался. (*Садится за шитье*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ѳекла, Лукерья, Даша и няня Василиса, которая становитъ стулъ и, на немъ сидя, вяжетъ чулокъ, вслушиваясь въ разговоры барышень.

Ѳекла. Да отвяжешься ли ты отъ насъ, няня Василиса?

Лукерья. Няня Василиса, да провались ты сквозь землю!

Василиса. Съ нами Богъ, матушки! Вѣдь я господскую волю исполняю. Да и вы, красавицы мои, барышни, что вамъ за прибыль батюшку гнѣвить? Неужли у васъ язычекъ болитъ говорить по-русски?

Лукерья. Это несносно! сестрица, я выхожу изъ терпѣнія.

Ѳекла. Мучительно! убійственно! Оторвать насъ отъ всего, что есть милаго, любезнаго, занимательнаго, и завести въ деревню, въ пустыню...

Лукерья. Будто мы на то воспитаны, чтобъ знать, какъ хлѣбъ сѣютъ.

Даша (*особо*). Не бось для того, чтобъ знать, какъ его ѣдятъ.

Лукерья. Что ты бормочешь, Даша?

Даша. Не угодно ль вамъ взглянуть на платье?

Ѳекла (*подходя*). Сестрица миленькая, не правда ли, что оно будетъ очень хорошо?

Лукерья. И, мой ангелъ! будто оно можетъ быть сносно!... Мы ужъ три мѣсяца какъ изъ Москвы, а тамъ еще при насъ понемножку стали грудь и спину открывать.

Ѳекла. Ахъ, это правда! Ну вотъ, есть ли способъ намъ здѣсь по-людски одѣться? Въ три мѣсяца, Богъ знаетъ, какъ низко выкройка спустилась. Нѣтъ, нѣтъ, Даша, поди, кинь это платье. Я до Москвы ничего дѣлать себѣ не намѣрена.

Даша (*уходя особо*). Я приберу его для себя въ приданое.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Ѳекла, Лукерья и няня Василиса.

Лукерья. Eh bien, ma sœur...

Василиса. Матушка Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гнѣваться будетъ.

Лукерья. Чтобъ тебѣ оглохнуть, няня Василиса!

Ѳекла. Я думаю, право, если бъ мы попались въ полонъ къ туркамъ, и тѣ съ нами бъ поступали вѣжливѣе батюшки, и они бы не стали столько принуждать насъ русскому языку.

Лукерья. Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ! Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ—какая райская жизнь! Поутру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учители: танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ; ну, словомъ: ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ; и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ: тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ, подмѣтишь тысячу свиданій; на недѣлю будетъ, что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой — и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; для забавы, давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока, а онѣ-то морщатся, онѣ-то

ворчать... ну, умереть надо со смѣху! (*Хохочетъ*). Танцуешь какъ полоумная; и когда случиться въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ; словомъ, не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты, полумертвая, ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши... ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства; такъ зла, такъ зла, что... ah! si jamais je suis ..

Василиса. Матушка Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски!

Лукерья. Да исчезнешь ли ты отъ насъ, старая колдунья?

Өекла. Не убійственно ли это, миленькая сестрица? не видать здѣсь ни одного человѣческаго лица, кромѣ русскаго, не слышать человѣческаго голоса, кромѣ русскаго?... Ахъ, я бы истерзалась, я бы умерла съ тоски, еслибъ не утѣшалъ меня Жако, нашъ попугай, котораго одного во всемъ домѣ слушаю я съ удовольствіемъ. Милый попенька! какъ чисто говоритъ онъ мнѣ всякій разъ: Vous êtes une sotte. А няня Василиса тутъ, какъ тутъ, такъ-что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ахъ, если бы ты чувствовала всю мою печаль! Ah, ma chère amie!

Василиса. Матушка Өекла Ивановна, извольте печалиться по-русски; ну, право, батюшка гнѣваться будетъ.

Өекла. Надоѣла, няня Василиса!

Василиса. Ахъ, мои золотыя! ахъ, мои жемчужныя! злодѣйка ли я? У меня у самой, на васъ глядя, сердце надорвалось; да какъ же быть?—воля барская! Вѣдь вы знаете, каково прогнѣвить батюшку. Да неужели, мои красавицы, по-французскому-то говорить слаще? Кабы я не боялась барина, такъ послушала бы васъ, чтой-то за нарѣчье.

Өекла. Ты не повѣришь, няня Василиса, какъ говорится все на немъ чувствительно, ловко и умно.

Василиса. Кабы да не страхъ обуялъ, право бы послушала, какъ имъ говорятъ.

Өекла. Ну да вѣдь ты слышала, какъ говоритъ нашъ попугай Жако?

Василиса. Охъ вы, мои затѣйщицы! А ужъ какъ онъ, окаянный, рѣчисто выговариваетъ—только я ничего-то не понимаю.

Өекла. Вообрази жъ, миленькая няня, что мы въ Москвѣ, когда съѣзжаемся, то говоримъ точно такъ, какъ Жако.

Василиса. Такое дѣло, мои красавицы! Ученье свѣтъ, а неученье тма. Да вотъ погодите, дождетесь своей вольки, какъ выйдете за-мужъ.

Лукерья. За кого? за здѣшнихъ жениховъ? сохрани Богъ! мы ужъ ихъ дюжины отбоярили добрымъ порядкомъ; да и съ Хопровымъ и съ Танинымъ, которыхъ теперь намъ батюшка прочитъ, не лучше поступимъ. Куда онъ забавенъ, если думаетъ, что

здѣсь кто-нибудь можетъ быть на нашъ вкусъ.

B. БАСНИ. (4).

а) Дубъ и Трость (1806). (5).

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— «По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»,
Сказалъ онъ: «воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ-тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою я твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей— мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой, —
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
— «Ты очень жалостливъ», сказала Трость въ отвѣтъ;
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ,
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ.
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но—подождемъ конца!»
Едва-лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится,—къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

б) Разборчивая Невѣста (1806).

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха —
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спесива,
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ — кто можетъ все имѣть?

Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ,
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль—карманы пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
«Какіе простаки!»
Твердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста.
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ!
Какъ-будто бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ:
Еще минулъ годокъ; еще уплылъ годъ цѣлой;
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ)
Та замужемъ давно, другую сговорили,

Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ-будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;

Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спесивица перемѣняетъ тонъ:
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться;
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужщинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

в) Лягушка и Волъ (*1808*). (6).

Лягушка на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться—
Она завистлива была—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
—«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»—
«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко...
Ну, каково?
Пополнилась ли я?»—«Почти-что ничего».
— «Ну, какъ, теперь?» — «Все тожъ». Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

г) Слонъ и Моська (*1808*).

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на-показъ—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей шавка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
—«Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,

Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

д) Квартетъ (1811). (7).

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ,
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прямо сяду противъ вторы:
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та-
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Квартетъ,
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ Оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ,
А все таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
«Пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть.
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!» —
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

е) Листы и корни (1811). (8).

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудраво,
Раскидисто и величаво?
Чтобъ было въ немъ безъ насъ?
Ну, право,

Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ!
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами».
—«Промолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— «Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.»

ж) *Ворона и Курица* (*1812*). (9).

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
—«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.»
—«Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ, ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ.

За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался какъ ворона въ супъ!

з) Любопытный (1812). (10).

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»
—«Въ кунсткамерѣ, мой другъ!
Часа тамъ три ходилъ:
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа torовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки»
- «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?
— «Да развѣ тамъ онъ?» — «Тамъ».—
«Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ».

и) Лжецъ (1815). (11).

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ-быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилагалъ.
«Нѣтъ», говоритъ: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо,
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А еслибъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
— «Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами, вотъ, теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,

И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ;
До половины не дойдетъ —
Провалится, и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
— «А какова у васъ рѣка?»
— «Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?
—«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ».
— «Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо».
—«Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть;
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы:
Что тамъ за домы!
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!»
—Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...»
—«Послушай-ка, тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду».—

і) *Кукушка и Горлинка*(*1816*).(12).

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты такъ грустна?»
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала:
Или о томъ, что миновала
У насъ весна,
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?»
— «Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать!»
Кукушка говоритъ, «будь ты сама судьею:

Любила счастливо я нынѣшней весною
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать.
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утята,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыплята:
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость, не знаю».
—«Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ;
Скажи жъ—такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала, да летала».
—«Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней
Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла:
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала?»
—«Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?»
Ей Горлинка на то сказала.—

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь—всегда порокъ.
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

к) *Ворона* (*1825*).

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ:
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.—
Утыкавши себѣ павлиньимъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ Павами пошла гулять спесиво
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что Павамъ всѣмъ она сестра
что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что Павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она-было назадъ къ своимъ, но тѣ совсѣмъ
Заклеванной вороны не узнали,

Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ Воронъ она отстала,
А къ Павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась,
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

л) *Пушки и Паруса* (*1828*). ([13]).

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О Боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь!
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спесиво грудь,
Какъ-будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану,
И только чванятся; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами:
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могущій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался—летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса,
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ: утихла непогода,
Но чтожъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой, недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ:

И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.—
Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

м) Бритвы (1828).

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю?—Пріятель мой въ тревогѣ.
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю—пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый!...Я надѣюсь,
Не боленъ ты».—«Охъ, ничего: я брѣюсь».
«Какъ! только?» тутъ я всталъ—гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ-будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
«Что дива?» я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы, косари;
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь».
— «Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы,
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.»
«А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй;
Умѣй владѣть лишь ею».
Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей—боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

н) Вельможа (1835). ([14]).

Какой-то, въ древности, Вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе: умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: «Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
«Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ-какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ».
—«Что жъ дѣлалъ ты?»—Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ».
— «Скорѣй же въ рай его!—
Какъ! гдѣ же справедливость?—

Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— «Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ—былъ дуракъ!
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался».

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю.

[1]) Сочиненія Крылова, Ивана Андреевича (1768—1844):

Кофейница, опера (сочинена на 15-мъ году, слѣд. въ 1783, и напечатана въ VI т. Сборника 2-го Отд. Ак. Наукъ).

Клеопатра, траг. (1784 г.), не напечатанная.

Филомела, траг. въ 5 д. въ стихахъ (1786). Нап. въ Рос. Ѳеатрѣ и въ Полн. собр. соч.

Бѣшеная семья, ком. оп. въ 3 д. (1793). Ib.

Проказники, ком. въ 5 д. (1793). Ib.

Сочинитель въ прихожей, ком. въ 3 д. (1794). Ib.

Лѣнтяй (1800?), ком. въ 2 д., въ стихахъ (Сборникъ Ак. Наукъ).

Пирогъ (1802), ком. въ 1 д. (тамъ же).

Трумфъ, траг. въ 2 д., въ стихахъ, шутка—карриккатура (соч. 1801 или 1802 г., нап. въ Берлинѣ 1859 и въ 3-мъ т. Русской Старины).

Модная лавка, ком. въ 1 д (1807; 2-ое изд.—1816).

Урокъ дочкамъ, ком. въ 1 д. (1807; 2-ое изд.—1816).

Илья богатырь, волшебная оп. въ 4 д. (1807).

Басни.

Полное собраніе сочиненій Крылова имѣло два изданія, каждое въ 3 ч: первое — 1847, второе — 1859. Содержаніе 1-й ч: Жизнь и сочиненія И. А. Крылова (ст. П. А. Плетнева); статьи, извлеченныя изъ журналовъ: Почта духовъ (1789), Зритель (1792) и Спб. Меркурій (1793). Во 2-й ч. помѣщены стихотворенія, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ при жизни автора; стихотворенія, найденныя по кончинѣ автора въ рукописи и нигдѣ не напечатанныя; басни, по изданію 1843 г. Третья часть содержитъ въ себѣ драматическія сочиненія.

[2]) «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, говоренная его другомъ въ присутствіи его пріятелей за чашею пуншу». Напеч. въ сентябрской книжкѣ журнала: Зритель, ежемѣсячное изданіе (1792 г. (Спб.)», издававшагося Крыловымъ и Клушинымъ. Въ Полн. собр. сочиненій Крылова, неизвѣстно почему, много отмѣнъ противъ Зрителя, хоть въ выноскѣ и сказано, что рѣчь перепечатана изъ этого журнала.

[3]) «Урокъ дочкамъ. Комедія въ одномъ дѣйстіи И. Крылова. Спб. 1807». Главныя дѣйствующія лица: дворянинъ Велькаровъ, дочери его: Ѳекла и Лукерья, ихъ горничная Даша и няня Василиса, Семенъ (слуга Честона). Піеса осмѣиваетъ слѣпое пристрастіе Русскихъ къ французамъ, и въ особенности къ ихъ языку. Дочери Велькарова были воспитаны их теткой на иностранный манеръ. Воротясь со службы въ Москву, онъ взялъ ихъ къ себѣ, но модныя дѣвицы поставили домъ вверхъ дномъ: родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками, и завели новыя знакомства, все съ иностранцами.

Старикъ-отецъ вышелъ изъ терпѣнія: увезъ дочерей въ деревню, запретилъ имъ говорить по-французски и приставилъ къ нимъ няню, которая должна была строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ его приказа. Всѣ эти обстоятельства узнаетъ отъ горничной Семенъ, остановившійся съ своимъ бариномъ въ имѣніи Велькарова для перемѣны лошадей проѣздомъ изъ Петербурга въ армію. И у Честона, и у слуги его карманы пусты. Надобно было во чтобы ни стало добыть денегъ. Ловкій слуга, узнавъ слабую сторону барышенъ, помѣшанныхъ на всемъ французскомъ, прикинулся заѣзжимъ французомъ, будто бы ограбленнымъ ворами на дорогѣ, назвался маркизомъ Глаголемъ (взявъ это имя изъ перевода Елагина: «Приключенія Маркиза Г...») и проситъ у Велькарова гостепріимства и помощи. Велькаровъ обѣщаетъ ему и то и другое, только съ условіемъ, чтобы онъ ни слова не говорилъ съ дочерьми по французски. Лжемаркизъ согласился, такъ какъ онъ, по его словамъ, довольно долго жилъ въ Россіи и могъ объясняться по-русски. Лукерья и Ѳекла осаждаютъ Семена любезностями. Наконецъ продѣлка обнаруживается. Ѳекла, пристыженная тѣмъ, что принимала слугу за знатнаго парижанина, восклицаетъ: «Ah! quelle leçon!»

[4]) Отдѣльныя изданія басенъ Крылова: первое въ одной книжкѣ, 1809 (всего 23 басни); второе 1811 (тѣ же басни, «вновь исправленныя»); Новыя басни, 1811 (числомъ 21): въ 5 ч., 1815 — 16 (первыя 3 части посвящены императору Александру 1-му; 4 и 5-ая содержатъ новыя басни); въ 6 ч. (1818); въ 7 книгахъ, новое исправленное и пополненное изданіе съ портретомъ автора и картинами (1825); въ 8 кн., или двухъ частяхъ съ картинами (1834); въ 9 кн., третье полное изд., съ краткой біографіей автора и характеристикой его произведеній подъ заглавіемъ: И. А. Крыловъ, 1848 (издатели: Юнгмейстеръ и Веймарнъ); тоже, пятое полное изданіе съ біографіей Крылова, написанной П. А. Плетневымъ (1852); тоже, шестое полное изданіе (1854 и 1856); тоже, седьмое полное изданіе (1860); тоже, восьмое полное изданіе, безъ біографіи Крылова (1861). Въ основу басенъ, выбранныхъ для Хрестоматіи, положено изданіе 1843—послѣднее изъ напечатанныхъ самимъ авторомъ и вошедшее въ Полн. собр. его сочиненій. О басняхъ Крылова см. въ «Библіографическихъ и историческихъ примѣчаніяхъ. В. Кеневича» (1869).

[5]) Г. Плетневъ свидѣтельствуетъ, что стихи въ басняхъ не легко доставались Крылову и что особенно пришлось ему помучиться надъ баснею «Дубъ и Трость», главною причиною чего былъ превосходный образецъ Дмитріева (Жизнь и сочиненія Крылова). Дѣйствительно, сличеніе обоихъ переводовъ показываетъ, что Крыловъ старался избѣгать тѣхъ словъ и выраженій, которыя были употреблены его предшественникомъ. Помѣщаемъ сполна всю басню, какъ она впервые вышла изъ подъ пера Крылова: это дастъ возможность судить о перемѣнахъ, которымъ подвергались сочиненія нашего баснописца въ позднѣйшей ихъ отдѣлкѣ.

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь
С ъ ней разговоръ завесть.
«Куда тебя обидѣла природа!»
Онъ началъ: «вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мелкой рябью ужъ погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо...
Не такъ, какъ я!... Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,

Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце засланяю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь;
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихійныя войны....
Какъ разно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Моею тѣнію покрытой:
Отъ вѣтровъ и отъ бурь я бъ былъ тебѣ защитой!
Но васъ природа разнесла
По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья:
Конечно въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья!»—
Ты очень жалостливъ, сказала Трость въ отвѣтъ;
Однакожъ не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ,
Не за себя я вихрей опасаюсь...
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
А ты еще во вѣкъ не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывыихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны,
Но подождемъ конца.—
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій аквилонъ:
Уперся Дубъ, — къ землѣ Тростиночка припала;
Бунтуетъ вѣтръ,—удвоилъ силы онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

[6] Послѣдніе четыре стиха, заключающіе въ себѣ такъ называемое нравоученіе, прабавлены послѣ: ихъ не было ни въ Драмат. Вѣстникѣ, ни въ первыхъ изданіяхъ басенъ (1809 и 1811). У Лафонтена говорится о мѣщанахъ которые тянутся за вельможами (tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs); Крыловъ примѣнилъ свой переводъ къ нашимъ мѣщанамъ и мелкопомѣстнымъ дворянамъ.

[7]) Остроумною баснью «Квартетъ», говоритъ баронъ Корфъ въ «жизни гр. Сперанскаго», мы обязаны продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ разсадить предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, учрежденнаго въ 1809 г., и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ.

[8]) Подъ листами разумѣются высшіе классы народа, подъ корнями —простонародье. Въ этой баснѣ, говоритъ Плетневъ, опредѣляются законныя отношенія между сословіями (Жизнь и сочиненія Крылова).

[9]) Нап. въ Сынѣ Отечества, 1812, № 8, подъ заглавіемъ «Ворона», а во 2-мъ изд. того же журнала подъ заглавіемъ: «Вороній супъ». Эта басня, вмѣстѣ съ двумя другими: «Волкъ на псарнѣ» (С. О., 1812, № 2) и «Обозъ» (ib., № 7), написаны по поводу событій въ нашествіе Наполеона. Впрочемъ, мораль басни: «Ворона и Курица» имѣетъ общее значеніе, хотя и извлечена изъ случая, бывшаго въ извѣстное время.

[10]) С. О., 1814, № 40. Крыловъ осмѣялъ въ этой баснѣ легкомысленность и пустоту тѣхъ людей, которые за мелочами не видятъ важнаго, за несущественнымъ существеннаго.

[11]) Басни Крылова, изд. Оленина (1815—16). Въ изданіяхъ басенъ Крылова, переводныя или подражательныя басни означены звѣздочкой. Такой звѣздочки нѣтъ при баснѣ Лжецъ ни въ одномъ изданіи, а между тѣмъ она — подражаніе Геллерту, который самъ подражалъ старинному баснописцу Вальдису, въ его баснѣ: «Лгунъ-юноша», и нашелъ себѣ подражателя во французскомъ писателѣ Эмберѣ (Imbert).

[12]) Предметъ этой басни — вредъ иноземнаго воспитанія, представлен-

ній также въ баснѣ «Крестьянинъ и Змѣя».

[13]) Въ объясненіе происхожденія этой и слѣдующей басни приводимъ слова Гоголя изъ ст.: «Въ чемъ существо русской поэзіи» (Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями): «Когда нѣкоторые черезъ-чуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники статскіе начали въ свою очередь подтрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія,— Крыловъ написалъ знаменитый споръ Пушекъ съ Парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ законныя границы. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недальнозоркихъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые ихъ нихъ были когда-то умны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: «Бритвы».

[14]) Крыловъ читалъ ее Государю и Государынѣ въ маскарадѣ, бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ онъ былъ одѣтъ кравчимъ, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанной сѣдой бородою» (Жизнь и соч. Крылова).

Содержаніе Трумфа подробно изложено въ статьѣ М. Лобанова: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова» (Сынъ Отечества, 1847, кн. 1). Привожу нѣсколько мѣстъ изъ этой піесы по берлинскому изданію. Дѣйствіе открывается разговоромъ Подщипы (дочери царя Вакулы) съ ея дѣвкой Чернявкой:

Чернявка. Престанете-ль, княжна, крушиться столько вы
И молодость губить?

Подщипа. Увы! увы! увы!

Чернявка. Ахъ, сжальтесь надъ собой! Итакъ ужъ вы какъ спичка,
И съ горя въ неглиже одѣты какъ чумичка,
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни ѣсть,
Склонитесь наконецъ, княжна, меня послушать,
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа. Чернявка милая! петиту нѣтъ совсѣмъ.
Ну что за прибыль ѣсть, коль я безъ вкуса ѣмъ!
Сегодня поутру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насилу съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.
Ахъ, въ горести моей до пищи-ль мнѣ теперь!
Ломаетъ грусть меня, какъ агнца лютый звѣрь.

Въ 3-мъ явленіи 1-го акта является Трумфъ, нѣмецкій принцъ, который предложилъ руку свою Подщипѣ, но, получивъ отказъ, пошелъ войною на ея отца и овладѣлъ его городомъ.

Трумфъ. Старофа, анкель мой! прелестный мой князшонъ!
Для блаполушна шасъ, когда мой будешь шонъ,
Мой ноши всѣ не спи и серсе польно пьется;
Прелестна твой фигуръ на мой душа шивется.
Курить ли трупка мой—изъ трупка твой пихтитъ,
Или мой кофе пиль—твой въ шашечка сидитъ.
Вездѣ мой видитъ твой — на полѣ и на пушка...

Подщипа. Конечно, государь, мнѣ много было-бъ славы;
Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;

Противны слизни вамъ — а я ихъ смерть люблю.
Привыкъ ты на войнѣ сносить и жаръ и холодъ,
И къ пищѣ всякій тамъ тебѣ приводитъ голодъ,
А я лишь выборный вездѣ люблю кусокъ:
Пѣтушьи гребешки, у курочки пуповъ;
Ты радъ дрянь всяку ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
А я у матушки взросла лишь на ватрушкахъ;
Ты храбръ, но съ нѣжностью и вкусомъ незнакомъ,
И за версту, о князь! ты пахнешь табакомъ.
Помысли-жъ: каково твоею быть женою!
Подумай, государь, и сжалься надо мною.

Трумфъ. Фуй! што тутъ шалиться! намъ будетъ шить утѣшна!
Когда на свѣтѣ насъ любовь сопряшетъ вѣшна.
Изъ крушечка одна ми будемъ пиво пить,
Изъ трубошка одна табакъ съ тобой курить;
Не будетъ мало твой ни садикъ, ни палатка,
Ни платьиса богатъ, ни сани, ни лошатка.
Все это будетъ твой! Не тушь, мой трукъ, не тушь!
Шесной пароль тебѣ: мой будетъ добра мушъ.

Раздраженный отказомъ царевны и узнавъ ея любовь къ князю Слюняю (трусу и картавому), Трумфъ уходитъ съ гнѣвомъ и угрозами. Въ-слѣдъ за нимъ является Слюняй.

Слюняй. Княжна! усой-и онъ? Ну, бьятъ, какой сейдитый!
Онъ съядитъ хоть бы съ кѣмъ, хоть съ куцеіомъ Никитой.
Пьеестная! какъ я боялся за тебя!
Усь такъ за двейю тамъ езсмъ и зай себя.
Ну, такъ и думаю, убьетъ ее до смейти!
На сию побьяи его отсюда цейти!

Подщипа. Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй. Ну, такъ бы и завый:
Безъ миенькой княжны куда бъ я годенъ бый!

Подщипа. Ужели симъ мечемъ ты-бъ не сразилъ злодѣя!
Скажи, любезный князь: утѣшь меня скорѣе!

Слюняй. Да, да, подсунься-ка къ его ты паясу;
Вѣдь деевянную я спагу-то носу.

Чернявка. Возможно-ль, государь?

Слюняй. А какъ бы ты хотѣя?
Мнѣ матуска носить зеѣзной не веѣя.

Чернявка. Но если, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто?

Подщипа. Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй. А ноги-то на сто?
Не бось, какъ дамъ стьецка, такъ поминай какъ звали!

Подщипа. Увы, безцѣнный князь! съ тобою мы пропали.

Слюняй. Ой! какъ мнѣ быть, какъ ты съ дьюгимъ пойдесь къ вѣнцу!
Я такъ тебя юбью... нупусьцееденцу.
Ты знаесь, миля, моей венкость стьясти;
Подумай, какъ бы намъ спастися отъ напасти.
Кой выйдесь за него — не быть во мнѣ добью;
Отъ мазинаціи одной лись и умью!

А. Е. ИЗМАЙЛОВЪ. (1).

XVI.

БАСНИ И СКАЗКИ.

а) *Пьяница (1817)* (2).

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ, попался.
«Мое почтеніе»—А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ; да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
Еще обѣденъ нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ!—
«Ахъ, виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь *съ горя* мой отецъ!»—Такъ съ горя-то и пить?—
Да какъ же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего, всѣ дѣти босикомъ,
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я, несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ;
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся».
—Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.—
«Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;
Господь порукою!..»—Ну, полно, не божися;
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.—
«Отецъ!... дай ручку!...»—Ну, поди домой, проспися,
Да чуръ, смотри, впередъ не пей.—
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги.
Летитъ... домой?—О нѣтъ!—Неужели въ кабакъ?—
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ, зашелъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна,
Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что—и самъ того не зналъ,

*

На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
—Что? вѣрно съ *горя* ты, бѣднякъ, опять напился?—
«За здравіе твое отъ *радости* я пилъ!»
У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть.
Закается лишь только пить—
Да и напьется вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ.

б) Приказные синонимы (1822).

Какой-то человѣкъ имѣлъ въ приказѣ дѣло.
Онъ правъ былъ и богатъ; и такъ, взявъ денегъ, смѣло
Къ секретарю ранехонько идетъ,
Челомъ ему, а самъ мошонку вынимаетъ
И передъ нимъ на столъ крестовики кладетъ.
Тотъ, бросивши перо, просителя сажаетъ,
Но съ денегъ самъ не сводитъ глазъ.
Вчерашняго числа въ приказъ
Я подалъ, батюшка, прошенье.»
—Читалъ его, ты правъ! все знаю.—«А рѣшенье
Когда послѣдуетъ? осмѣлюся спросить».
—Да стоитъ только *доложить*...
А тамъ и въ городъ свой ты можешь убираться,
Чѣмъ здѣсь напрасно проживаться.—
Счастливо жъ оставаться!»
Проситель черезъ день пришелъ опять въ приказъ.
«Чтожъ, батюшка, указъ
По дѣлу моему? когда бъ сегодня можно...»
—Вѣдь я сказалъ тебѣ, что *доложить* мнѣ должно.—
Проситель принужденъ былъ съ мѣсяцъ тутъ прожить
И слышалъ тожъ, да то: *лишь только доложить*:—
Не зналъ что дѣлать челобитчикъ;
Но сжалился надъ нимъ повытчикъ:
«Ну полно, не тужи»,
Шепнулъ онъ такъ ему: «всю правду мнѣ скажи,
Что далъ секретарю?—Да двадцать пять пѣлковыхъ.—
«Ну такъ десяточекъ еще ты доложи,
Да мнѣ пять рубликовъ. Учи васъ, безтолковыхъ!
Не смыслите, что *доложить*
Все тоже, что и *приложить*.
Фунтъ чаю взять еще съ тебя за объясненье!—»
Истецъ исполнилъ все тотчасъ,
И на другой же день какъ разъ,

Поспѣлъ экстрактъ, опредѣленье
И выдали ему указъ.

в) Смѣтливый экономъ (*1823*).

Хемницеръ говоритъ: *гдѣ сборы,*
Тутъ и воры!
А я скажу: гдѣ есть расходъ,
Тамъ вѣрно и доходъ
Всегда тому бываетъ,
Кто деньги выдаетъ или что закупаетъ.—
Былъ у меня одинъ пріятель экономъ,
Который въ пять-шесть лѣтъ себѣ построилъ домъ
По крайней мѣрѣ тысячъ во сто:
А жалованья бралъ въ годъ триста девяносто
И шесть рублей—за вычетомъ на госпиталь.
Покойникъ умеръ. Очень жаль!
Мы часто въ шашки съ нимъ играли
И пуншъ пивали;
На свадьбѣ дочери его попировали
И славно подгуляли—
Шампанскимъ запоилъ!
«А что, Климъ Сидорычъ, я у него спросилъ,
Воруешь ты? Скажи всю правду—матку;
Скажи пожалуй-ста» — На что тебѣ? Ха, ха!
Самъ знаешь, кто же безъ грѣха?—
«А много ль въ годъ?»—Ну тысячъ до десятку,
А можетъ быть и слишкомъ два.—
«Вотъ ты купилъ теперь дрова...
По чемъ?»—По десяти, и то едва, едва
Знакомый уступилъ; за то дрова какія!
Здоровыя, сухія;
Осины нѣтъ, все березнякъ!—
«Какую жъ цѣну въ счетъ поставишь ты? двѣнадцать?»
— Избави Господи! да что я за дуракъ.—
«Неужели тринадцать?»
—Смѣшонъ ты право мнѣ!—«Четырнадцать? пятнадцать?—
—Да, какъ тебѣ не такъ!
По десяти купилъ, по десяти поставлю;
Знай, никогда въ цѣнѣ полушки не прибавлю,
Но сажень сотъ пятокъ я у себя оставлю.

г) Лгунъ (*1842*). ([3]).

Павлушка *мѣдный лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... ахъ, его лукавый побери!...
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный.
«Представьте—говоритъ—какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? нѣтъ, мало!

А дѣлалъ кто его? — Мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь—
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я *срисовалъ*—хотите? покажу...
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою —
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинною бородою,
Какъ хватитъ топоромъ—
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ,—
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable! vive Napoleon!
Bravo, monsieur Sophron!
Шаръ выше, выше все — и за звѣздами скрылся.
А знаете ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да, опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ,
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичекъ *Куликъ*?
— Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ,
Сказалъ одинъ старикъ:
Ну, Павелъ, исполать! какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ?—
«Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь!
Въ объемѣ будетъ съ полверсты».
—Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что ль насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный-лобъ*! Ни крошки нѣтъ стыда!—
«Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда*».

д) *Канарейка и Соловей* (*1830*).

Въ красивой клѣткѣ у окна
Въ Саду висѣла Канарейка,
И пѣла цѣлый день она;
Вдали жъ, гдѣ изъ березъ однѣхъ была аллейка,
Къ смородиннымъ, малиновымъ кустамъ,
Въ уединеньи тамъ
Пѣлъ Соловей всю ночь и рано по утрамъ.
И человѣкъ, и звѣрь и птица,
И все, что ни имѣетъ кровь,

Весною чувствуетъ всесильную любовь.
Вотъ познакомилась съ пѣвцомъ пѣвица.
Для Соловья забытъ бездѣльникъ попугай
Въ зеленомъ щегольскомъ мундирѣ;
Всѣхъ птицъ милѣе, лучше въ мірѣ
Пѣвицѣ Соловей: какъ запоетъ, такъ рай!
И Соловей, любимецъ розы,
Нерѣдко ночью покидалъ
Свои душистыя березы,
У дома подъ окномъ по цвѣтнику порхалъ
И въ чаяньи награды
Въ сиреневыхъ кустахъ давалъ ей серенады.
Онъ Канареечку всѣмъ сердцемъ полюбилъ.
Сначала, какъ артистъ, неловокъ, робокъ былъ,
Но наконецъ рѣшился
И въ страсти пламенной, вздыхая, объяснился.
Чувствительная жъ дщерь Канарскихъ острововъ,
Желтѣй соломы и лимона,
Зажмуряся, въ полтона
Пропѣла, что и ей милъ лучшій изъ пѣвцовъ.
Любовники уговорились
Въ лѣсъ дальній улетѣть
(Забыли клѣтку запереть);
Женихъ съ невѣстою пустились,
При покровительствѣ небесъ,
Въ желанный лѣсъ.
Летѣли долго—прилетѣли
Ужъ къ вечеру, въ густой кустъ сѣли,
Поцѣловались и запѣли...
А съ самаго утра не ѣли.
Вотъ новобрачная супругу говоритъ:
«Какъ весело тебя мнѣ слушать!...
Однако же нельзя ль чего нибудь покушать?»
— Сейчасъ, о ангелъ мой!—И Соловей летитъ,
Какъ-бы отъ ястреба пустился,
Черезъ минуту воротился:
— О другъ моей души!
Вотъ мураши,
И очень хороши!
Вотъ муравьиныя яички...—
«Не для воспитанной, сударь, въ столицѣ птички.
Бисквитовъ принеси, конфетъ!»
— Увы, въ лѣсу ихъ нѣтъ! —
«Нѣтъ? Что же, съ голоду мнѣ умереть здѣсь должно?»
— Пожалуй, сѣмячекъ найти на полѣ можно.—
«Да! стану сѣмя я клевать!»
И ну тутъ милаго ругать,
Ужасно разсердилась
И къ попугаю въ садъ опять переселилась.—

Неопытные женихи!
Когда плѣнитеся *воспитанной* дѣвицей,
Не разлучавшейся съ роскошною столицей,—
Прочтите вмѣстѣ съ ней мои стихи:

Коль кушать согласится
Изъ *незабудокъ супъ* — совѣтую жениться.

*) Измайловъ, Александръ Ефимовичъ (1779—1831), воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. По

окончаніи курса наукъ (1797), ему слѣдовало явиться въ преображенскій полкъ, куда онъ былъ записанъ еще съ малолѣтства, по тогдашнему обычаю; но, чувствуя себя неспособнымъ къ военному знанію, онъ получилъ отъ него увольненіе и опредѣлился къ статскимъ дѣламъ по министерству финансовъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 33-хъ лѣтъ, онъ не перемѣнялъ рода своей службы и почти все ея время провелъ въ Петербургѣ. Только два раза оставлялъ онъ столицу, и то на короткое время: въ 1826 г. онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь, откуда въ 1828 г. переведенъ также вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, гдѣ оставался около года. Служба не мѣшала Измайлову постоянно заниматься словесностью, которую онъ любилъ искренно и горячо. Первое его стихотвореніе: «Смерть» (переводъ изъ Малерба) напечатано въ мартовской книжкѣ «С.п.бургскаго журнала» (1798), а первое сочиненіе въ прозѣ: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества», вышло въ 1799 г. (а). Его стараніемъ и подъ его руководствомъ, вмѣстѣ съ Попугаевымъ, Востоковымъ и Борномъ, образовалось «Общество любителей словесности, наукъ и художествъ» (1801). Съ цѣлію дать обществу постоянный органъ для заявленія своей дѣятельности, Измайловъ, бывшій его предсѣдателемъ, основалъ журналъ «Благонамѣренный», существованіе котораго продолжалось десять лѣтъ (съ 1818 по 1827). Еще прежде этого, онъ два года занимался редакціею журнала «Цвѣтникъ»: въ 1809 г. вмѣстѣ съ Бенитцкимъ, а по смерти Бенитцкаго съ Павломъ Никольскимъ (1810). Первое изданіе его басенъ и сказокъ явилось 1814 г. Въ 1817 г., онъ временно завѣдывалъ редакціею «Сына Отечества», издатель котораго, Гречъ, уѣзжалъ за границу. Кромѣ того имъ изданы двѣ книжки альманаха: «Календарь Музъ» на 1826 и 1827 гг. Въ концѣ 1830 г., Измайловъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ службы. Въ отставкѣ онъ короткое время преподавалъ русскую словесность воспитанникамъ пажескаго корпуса.

Скудныя біографическія извѣстія, собранныя по смерти Измайлова, дополняются его собственными указаніями въ сочиненіяхъ и журналѣ «Благонамѣренный». По нимъ легко видѣть не только литературныя, но даже служебныя и семейныя его обстоятельства. Различныя черты его портрета, набросанныя имъ самимъ, даютъ возможность представить личность нашего баснописца—внѣшнюю и внутреннюю,—личность по преимуществу добрую, откровенную, простодушную, правдивую. Измайловъ былъ честный человѣкъ и благонамѣренный литераторъ, который никому не враждовалъ и котораго любилъ каждый, кто зналъ его хорошо. На «Благонамѣреннаго» сердиться невозможно, говаривалъ издатель «Дамскаго журнала» (кн. Шаликовъ). Эти слова, сказанныя въ чувствѣ литературной досады, могли говорить не только знакомые Измайлова, но даже подписчики на его журналъ, неисправно издававшійся. Въ кругу современныхъ ему писателей онъ оставилъ по себѣ доброе воспоминаніе (Сѣверная Пчела, 1848 г., ст. Булгарина о Смирд. изд. Сочиненій Измайлова; Біографическій очеркъ Измайлова въ Иллюстраціи 1846 г., т. 2; Письма Измайлова къ Грамматину, въ 13 и 14 №№ Библ. Зап. 1859 г.; см. также мои критическія статьи о сочиненіяхъ Измайлова, въ Современникѣ 1849 г. № 12, и 1851, №№ 10 и 11).

а) Измайловъ написалъ эту повѣсть вскорѣ по выходѣ изъ корпуса, какъ видно изъ его собственныхъ словъ:

Осьмнадцати, не больше лѣтъ,
Урода этого я произвелъ на свѣтъ.

Смирдинское изданіе сочиненій Измайлова (1849) состоитъ изъ 2-хъ томовъ (въ 1-мъ проза, во 2-мъ стихотворенія)· Въ XIV т. Рус. Старины напечатаны неизданныя до сего времени стихотворенія А. Измайлова.

«Благонамѣренный» издавался сначала ежемѣсячно, потомъ два раза въ мѣсяцъ и наконецъ каждую недѣлю, почему Измайловъ въ шутку называлъ его *недѣльнымъ*. Книжки выходили неисправно, въ чемъ издатель комически оправдывался; такъ въ 1820 г., по случаю запоздалаго появленія нумера на масляницѣ, онъ сознался въ винѣ своей передъ читателями:

Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

За нѣкоторые годы книжки не додавались подписчикамъ.

[2]) «Новыя басни и сказки А. Измайлова (3-ье изд., 1817). Это одна изъ лучшихъ басенъ, наиболѣе характеризующихъ свойство его таланта. Нѣкоторые стихи сдѣлались какъ бы классическими. Особенно нравилось читателямъ изображеніе будочниковъ:

Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.

Послѣдніе два стиха въ нравоученіи очень мѣтки.

[3]) Въ этой баснѣ, восхищавшей современныхъ читателей, осмѣяна слабая сторона одного изъ литераторовъ — *Павла* Петровича Свиньина, редактора Отечеств. Записокъ (съ 1820 по 1828) и автора «Опыта живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ» (1815) и «Ежедневныхъ Записокъ въ Лондонѣ» (1817). О немъ говорили, что онъ дѣйствительно *сочиняетъ* путешествія». Пріятели, шутя надъ его слабостью, совѣтовали ему вести «исходящую», т. е., для избѣжанія противорѣчій самому себѣ, записывать въ особой книгѣ все, что имъ ни говорится. Имя «Куликъ» указываетъ на сочиненіе Свиньина: »Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія (1819)».

XVII.

НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ[1].

1. Пѣсня: «Выду я на рѣченьку» ([2]).

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю—
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая:

Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что̀ душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ;
Взглядъ его—мой весь законъ;
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье—
Жертва другу моему;
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю.
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мышлю, кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ:
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если жъ то найдешь возможнымъ
Силу чувствъ моихъ измѣрь;
Словомъ ласковымъ, хоть ложнымъ
Адъ души моей умѣрь.

2. Пѣсня: «У кого душевны силы»

У кого душевны силы
Истощилися тоской;
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнетъ въ послѣдній разъ.

Ты, кѣмъ жизнь во мнѣ хранится!
Казнь—и благо дней моихъ!
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Душу что во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

Нѣтъ, нельзя тому быть мертву,
Что дышало божествомъ.
Отъ меня ты примешь жертву
И въ семъ мірѣ и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить,
Окружать тебя собою,
Вхдохъ твой, взоры, мысль ловить,

Насладиться, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей.
Еслижъ будешь хоть случайно
Близь гробницы ты моей:
Самый прахъ мой содрогнется,
Твой приходъ въ немъ жизнь родитъ,
И тотъ камень потрясется,
Подъ которымъ буду скрытъ.

3. Стихи на заданныя риемы (3).

Бывалъ я молодецъ: сталъ мокрая *тряпица*.
Что преждебыло медъ, теперь мнѣ то *горчица*.

Бывало поясомъ свой сдѣлавши *платокъ*,
Пуститься въ плясуны и въ зубы взять *свистокъ*
Довольно, чтобъ забыть большое *огорченье*;
А нынѣ! грусть пришла... и тщетно все *раченье*.
Ко счастью человѣкъ ползетъ какъ будто *ракъ*:
Ему бы все впередъ—онъ пятится *дуракъ*!
Играетъ съ-молоду, какъ въ чистой рѣчкѣ *щука*,
А съ лѣтами придутъ заботы, грусть и *скука*.

[1]) Нелединскій — Мелецкій, Юрій Александровичъ (р. 1752, у. 1829), обучался дома, а потомъ въ Страсбургскомъ университетѣ. По окончаніи наукъ поступилъ въ военную службу. Послѣ турецкой войны при Екатеринѣ II, кончившейся Кайнарджійскимъ миромъ (1774 года), состоялъ кавалеромъ посольства въ Константинополѣ при князѣ Репнинѣ. За тѣмъ поступилъ въ корпусъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, и въ 1786 г. вышелъ въ отставку. Вновь поступилъ на службу при Павлѣ I (1796), статсъ—секретаремъ при принятіи прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя. Въ 1800 г. пожалованъ въ сенаторы. Кромѣ того Нелединскій былъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Нелединскій особенно славился пѣснями и романсами, заслужившими ему названіе «русскаго Шолье». (См. стихотвореніе «Погребъ» въ Вѣст. Евр. 1816, №№ 17 и 18, стр. 11). Стихотворенія его изданы вмѣстѣ съ сочиненіями Дельвига (1850). Новое, пополненное и исправленное, изданіе въ 1876 г. О Нелединскомъ—Мелецкомъ см. еще «Хронику недавней старины» Спб. 1876.

[2]) Эта пѣсня пользовалась долгое время общею извѣстностью, на ряду съ пѣснями: «Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ» (Богдановича), «Стонетъ сизый голубочекъ» (И. Дмитріева), «Вечеркомъ въ румяну зорю» (Николева), «Кто могъ любить такъ страстно» (Карамзина). Другія пѣсни и романсы Нелединскаго: «У кого душевны силы», «Ты велишь мнѣ равнодушнымъ», имѣли, для своего времени, такое же значеніе, какое въ послѣдствіи пріобрѣли пѣсни Мерзлякова и Дельвига (Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева).

[3]) Буриме (bouts-rimés) — стихотворная игрушка, бывшая въ большой модѣ во Франціи (XVII и XVIII в.), а оттуда пришедшая и къ намъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы данныя слова помѣстить на концахъ стиховъ. Чѣмъ меньше соотношенія между данными словами, тѣмъ, конечно, труднѣе пристроить ихъ такъ, чтобъ въ піесѣ была выражена извѣстная мысль.

XVIII.

КНЯЗЬ И. М. ДОЛГОРУКІЙ ([1]).

1 Каминъ въ Пензѣ (1794). ([2]).

Каминъ, товарищъ мой любезный,
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.

Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ
Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть сужденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучъ въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора:
За то ты грѣешь, тотъ давитъ.

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко
И дня прогонитъ бѣлый свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко—
Въ моемъ быту затѣевъ нѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю
Ни знатныхъ угольевъ, ни дулъ(а):
Дубовыми топлю дровами,
Своими попросту руками
И самъ расклалъ и самъ раздулъ.

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится,
Смотря на быстрый бѣгъ дымовъ,
Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ, изсыхая, влага стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ
Дрова трещатъ, а онъ пылаетъ,
И что ни встрѣтитъ — мигомъ жжетъ.

а) Раздувальные мѣхи.

Одинъ въ потьмахъ, нога на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю понемножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпански строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ,
Царей даю смятеннымъ градамъ,
Гоню морей предѣлы вспять.

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ шлемъ,
Гонясь за новой суетою,
Спѣшу, въ мечтаніи моемъ,
Судей, корыстью обольщенныхъ,
Судейскихъ чучелъ изумленныхъ
Поганы гнѣзда разорить;
Злыхъ ябедъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

Или, намыкавшись по свѣту,
Надѣлавъ пропасть славныхъ дѣлъ,
Опять къ любезному предмету
Несу убогій свой удѣлъ:
Каминъ полѣньями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И, грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

«Чего ты хочешь, горделивый?»
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
«Ко счастью мужъ несправедливый,
Чего не достаетъ тебѣ?
Ты хлѣбъ свой съ прихотью съѣдаешь,

Жену прекрасную лобзаешь,
Дѣтей любезныхъ тормошишь;
Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
И въ нѣгѣ, сколько хочешь, спишь.

«Ты всуе молишь провидѣнье,
Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;
Сребро и злато—обольщенье:
Бѣднякъ покойнѣе стократъ.
Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
Тотъ сколько золота ни сплавитъ,
Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
Кто, по прибаскѣ русской, ножки
Тянуть умѣетъ по одежкѣ
И мѣдный грошъ цѣнить рублемъ.

«Напрасно и о томъ скучаешь,
Что не живешь въ иномъ краю.
Не ужъ ли ты воображаешь,
Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
Ахъ, нѣтъ! во всѣ года и вѣки
Вездѣ тѣжъ были человѣки;
Богъ міру далъ все пополамъ;
Нигдѣ нѣтъ яснаго блаженства;
Нигдѣ нѣтъ благъ всѣхъ совершенства;
Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ».

Такъ думу думалъ и, вздыхая,
Воображалъ нашъ кратвій вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
«Не прахъ ли», мнилъ я, «человѣкъ?
Постигнетъ и его кончина
Такъ точно, какъ среди камина
Теперь огонь щепы палитъ.
Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
Въ лѣсу ни съ кѣмъ онъ не былъ равенъ:
Сегодня срубленъ—и горитъ.

«Колико мы ни нарохтимся
Одинъ другаго выше стать,
Напрасно, право, суетимся:
Хоть титло въ листъ, а умирать!
Рожденья мигъ есть шагъ къ могилѣ,
Нельзя противиться намъ силѣ
Законовъ вѣчныхъ естества;
Конца достигнетъ вся вселенна,
И скотъ и тварь одушевленна
Въ свой часъ лишатся существа».

И такъ-то бредя въ кабинетѣ
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,
Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ:
То рубль одинъ мильономъ множилъ,
То всю Сибирь на франкахъ прожилъ,
То пиръ Лукулліевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простясь съ гостившею душею,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

Каминъ, къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великій другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокія волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь,
Со всякимъ вздоромъ вмигъ поспѣешь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ
Тебѣ стопами я дарилъ;
Не рѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты
Съ лучиной вмѣстѣ зажигалъ;
Огонь физическій съ моральнымъ,
Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякой скромностью вѣнчалъ.

О сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны:
Вамъ царство радостей дано.
Стократъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждый день!
Все въ мірѣ лживо насъ плѣняетъ.
Гдѣ жъ правда?... въ небѣ обитаетъ;
Внизу—ея лишь только тѣнь.

Учитесь, смертные, учитесь
Во всемъ средину познавать,
И, буи міра, умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?
Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всѣмъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ тѣмъ винися всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сижу и грѣюсь:
Каминъ мой дворъ, при немъ я царь.

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенный пожаръ:
Не такъ ли царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ?
Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ:
Спросилъ, да влилъ—погасъ каминъ.

2. Авось (1798). (3).

Хочу стихи писать отъ скуки—
Отъ скуки, точно для себя.
Беру перо теперь я въ руки,
О ближній мой! не для тебя.
Да что писать? Ей, ей, не знаю.
Предметовъ много я встрѣчаю,
Но было писано про все;
За мысль чужую ухватиться—
По мнѣ такъ это не годится:
Нѣтъ! лучше выдумать свое.

Съ чего жъ начать свою мнѣ оду,
Покамѣсть жаръ мой не простылъ,
Чтобы попасться ею въ моду,
Чтобъ всѣ кричали: какъ онъ милъ?
Съ чего?—Или кто милъ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ тотъ трафилъ вѣрно?
Нѣтъ, также, чаю, на авось.
Авось! что лучше сей обновки?
Твои я стану пѣть уловки;
Какъ браво, кстати ты пришлось!
О слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхвалю!
Словцо ты русское, прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно!

Ты кратко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь:
Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда-же ракъ ползкомъ тащится,
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Исчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какія строишь ты, Авось!
Скажу—и это, чай, не ложно —
Что безъ тебя весь умъ хоть брось.
Трудись, потѣй, слагая темы,
Исчерпай естества системы,—
И все ты съ мѣста никуда;
А тотъ, кто за Авось возьмется,
Ни думавъ, ни гадавъ, плетется,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

Со мной не хочешь-ли поспорить,
Высокомудрый философъ?
Напрасно станешь умъ задорить:
На правду-матку мало словъ.
Пожалуй разводи бобами,
Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
Красны они лишь на письмѣ;
А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
Къ царю свою ладью придвинуть—
Такъ тутъ у всѣхъ Авось въ умѣ.

На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ и такъ, и сякъ:
Пойдешь Авось—вездѣ отлого,
Пойдешь съ умомъ—все буеракъ.
Удача—матушка ты наша;
Земля такая нынѣ каша,
Что безъ тебя все наплевать.
Наперекоръ разсудку смѣло
Ломай, коверкай всяко дѣло:
Коль тутъ Авось—все тишь, да гладь.

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
Удача богъ была земной!
Прочтите древныхъ книгъ беремя;
Давно сей сякиетъ ключъ дрянной.
Взгляните вы на римлянъ, грековъ,
На бѣлыхъ, черныхъ человѣковъ:
Откуда что у нихъ взялось?
Что былъ бы Ромулъ, витязь бравый,
Сей римлянъ царь превеличавый,
Что былъ бы, еслибъ не Авось?

Коснусь ли здѣсь я, для примѣра,
Вина непьющихъ мусульманъ?
Взгляните тамъ на изувѣра,
Алтарь низвергша христіанъ.
Что Магометъ богохулитель,
Востока вредный обольститель?
Что Александръ, весь свѣтъ плѣня?
Чтобъ были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что безъ Авось? Точно-въ-точь, что я!

Колико нѣжныхъ сибаритовъ,
Блестящихъ златомъ и сребромъ,
Дающихъ дань толпѣ піитовъ,
Чтобъ зла ихъ тонкость звать добромъ!
Когда бѣднякъ потъ крови точитъ,
Слезами каждый грошъ промочитъ—
По лѣстницѣ тотъ благъ летитъ;
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ:
И гдѣ не сѣялъ—пожинаетъ,
Что восхотѣлъ—то и творитъ.

Вѣщайте, мудрецы, вѣщайте,
Дѣля на классы школьный бредъ!
Птенцамъ его преподавайте;

А тотъ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то, а свѣтъ твердитъ иное;
Хотя и мнится, что пустое,
Да вѣдь его не стать учить.
Не къ намъ обычай примѣнится,
А намъ съ нимъ надо согласиться:
Съ волками надо волчьи выть.

Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда сшалитъ,
По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая:
Авось она не разглядитъ;
Растетъ—тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,
Что съ рукъ Авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

Скупой свою шкатулку прячетъ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячитъ;
Приказный крадетъ, что есть силъ;
А всякій самъ себѣ смекаетъ:
Авось никто-де не узнаетъ.
Чтъ я проказу сгородилъ.

Старикъ, одной ногою въ гробѣ
Мечтаетъ годъ прожить еще;
Онъ, чая жизни новой въ небѣ,
Здѣсь любитъ суеты вотще;
По склонности своей природной,
Въ часокъ, отъ помощи свободной,
Карабкается мыслью вверхъ:
Авось-дескать я знатенъ буду
И денегъ наживу я груду!
Меня чѣмъ лучше сей извергъ?

За что зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру, смыслитъ управлять?
Чужое благо насъ тревожитъ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его Авось вѣдь удается:
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути.

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣевъ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мірѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
Затѣмъ ни въ шахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой—правда, Богъ—мой щитъ!

И такъ, тебѣ хвалу воздавши
Словцо языка моего,
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чьимъ въ подсолнечной неравномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А если я подъ часъ рехнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся:
Не посрами меня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,
Отъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
Задумаетъ мнѣ яму рыть,
Но, средствъ на то честныхъ незная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станетъ гнуть меня въ дугу:

Ты съ нимъ, пожалуй, не якшайся,
Въ оврагъ спихнуть его старайся,
Вступясь за вѣрнаго слугу.

О часъ досуга вожделѣнна!
Прошелъ и въ вѣчность канулъ ты!
Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенна
Исчезли пылкія мечты!
Но плодъ сей незабвенъ пребудетъ,
Въ бюро моемъ храниться будетъ,
Доколѣ жить мнѣ довелось;
Созрѣй ты тамъ возлѣ Камина! (а)!
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль съ нимъ?... Авось!

3. Изъ стихотворенія: Нѣчто для весельчаковъ (1815). (4).

Скажи, пожалуй, мнѣ, любезный мой пріятель,
Обрядовъ календарь и модъ образователь,
Кто выдумалъ законъ, который всѣ такъ чтутъ
И пышнымъ титломъ здѣсь *приличія* зовутъ?
Не читывалъ о немъ въ уставахъ я церковныхъ,
Ни въ правахъ у римлянъ, ни въ книгахъ баснословныхъ,
И думаю, что онъ уставленъ для людей,
Наскучившихъ другимъ свободою своей.
Охотно дань платить готовъ связямъ сердечнымъ,
Обязанностямъ всѣхъ народовъ вѣковѣчнымъ,
Безъ коихъ намъ нельзя между собою жить,
Ни людямъ, ни властямъ, ни Небу угодить.
Позволь однако мнѣ обычаямъ смѣяться
И явно противъ тѣхъ изъ нихъ вооружаться,
Которые людей безъ пользы тяготятъ
И часто старику мальчишкой быть велятъ.

Любить велѣлъ намъ Богъ отъ чиста сердца ближнихъ,
Покорствовать властямъ и миловати нижнихъ,
Сносить свою судьбу, какая намъ дана,
И совѣсть уберечь отъ всякаго пятна,
Простой душею чтить родства священны узы,
На чести основать житейскіе союзы,
Чужаго ничего себѣ не присвоять,
Убожество снабдить, несчастью сострадать
И, словомъ, такъ собой управить осторожно,
Чтобъ счастья въ тишинѣ достигнуть было можно.
Законъ сей сколько разъ и въ книгахъ я читалъ,
И въ школахъ натвердилъ, отъ батюшки слыхалъ;
Морали долгъ прямой я очень понимаю,
Совѣтъ ея цѣню, восторги ощущаю:

а) Піеса: Каминъ въ Пензѣ.

Но что съ обрядомъ въ ней есть
общаго, скажи,
Коль можешь, растолкуй,—коль
мастеръ, докажи?

Я знаю тьму людей воспитан-
ныхъ прекрасно,
Обширнаго ума, хваленыхъ всѣми
гласно,
Которые проказъ своихъ теряютъ
счетъ,
А весь обрядовъ листъ у нихъ
наперечетъ;
Иные же совсѣмъ обычаевъ не
знаютъ,
Различныхъ сихъ причудъ оковы
низлагаютъ
И, чистое добро за правило при-
нявъ,
По немъ кроятъ и мысль и об-
разуютъ нравъ.

Приличіе въ глазахъ моихъ не
что иное,
Какъ модныхъ сорванцевъ условіе
пустое.
Шагни лишь чуть не такъ, какъ
всѣ они хотятъ,—
Не принято, бѣда—тотчасъ и за-
кричатъ.
Не принято! да кѣмъ? Господь
ихъ право знаетъ,—
И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно
досаждаетъ.
Будь честенъ, добръ, уменъ; но
ежели не такъ
Живешь, какъ всѣ,—прощай, на-
вѣки сталъ чудакъ!
Какъ-будто, чтобъ имѣть отраду
наслажденья,
Я мученикомъ быть сужденъ пре-
дубѣжденья.

Не смѣй надѣть кафтанъ, такимъ
покроемъ сшитъ,
Который въ декабрѣ отъ стужи
защититъ;
Какъ мальчикъ въ двадцать лѣтъ,
издрогни на диванѣ
И вѣтеръ пропусти сквозь десять
дыръ въ кафтанѣ;
Не смѣй купить сукна, коль лю-
бишь яркій цвѣтъ:
Чтобъ теменъ былъ твой фракъ,
еще темнѣй жилетъ;
Чтобъ воротъ былъ похожъ на
выкройку такого,
И будь одѣтъ на вкусъ совсѣмъ
не свой—другаго.
На балъ ли позовутъ,—не ѣзди
въ семъ часовъ:
Какая старина! нашъ вѣкъ ужъ
не таковъ!
Старайся трафить такъ, чтобъ,
около полночи
Пріѣхавши, торчать до бѣла дня
сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ за-
утренямъ народъ,
Ступай назадъ домой и спи хоть
цѣлый годъ;
Хворай, лежи, умри,—знакомства
не бываю,
Пріѣхать навѣстить не вздумаютъ
ни мало.
Общественный законъ ни въ чемъ
не порони.
Обѣдать въ два часа—Владыко
сохрани!
А голодъ коль пройметъ — ему
вѣдь нѣтъ уставу,—
Съ бифштексомъ заказавъ хоро-
шеньку приправу,
Тарелочку спроси, безъ лишнихъ
прихотей

Пожуй минуть пятокъ, да водочкой запей;
Потомъ, какъ позовутъ къ вечернямъ преподобныхъ (а),
Въ карету—и качай искать обѣдовъ сдобныхъ;
Хоть кушай, хоть не ѣшь, да только не молчи,
Сентенціями плюй и въ горло хохочи.
Такъ въ свѣтѣ жить большомъ уставщикъ превосходной
По конституціи приказываетъ модной;
И Боже упаси, опомнясь какъ-нибудь,
Къ забавамъ захотѣть другой назначить путь.
Да только ли нарядъ, иль суточное время
Такое выносить обязываютъ бремя?
Нѣтъ, цѣлу жизнь хотятъ по-своему вертѣть
И дома не дадутъ спокойно усидѣть.
Ты какъ бы поскромнѣй подъ крышку запереться—
Двѣ трети года снѣгъ, вѣдь надобно погрѣться—
А наши молодцы одно свое несутъ:
Не принято! не такъ! и весь догматъ ихъ тутъ;
Руби вѣнцы насквозь, тяни во всю палату
Гостинныхъ цѣлый рядъ—что нужды до климату?
Рукъ сотню вдругъ заставь ударить въ топоры,
Окошкамъ свѣту дай сажени полторы,

а) Православныхъ.

Чтобъ вѣтеръ въ ноябрѣ взывалъ какъ на паромѣ,
А баринъ бы не зналъ, куда дѣваться въ домѣ:
Въ Италіи-де такъ вѣками введено!
Злодѣи! тамъ печетъ, тамъ можетъ быть оно;
А здѣсь, когда мятель съ полей траву всю сдернетъ,
Не только въ жилахъ кровь,—и ртуть на стѣнкахъ мерзнетъ.
Пожалуй имъ толкуй: что негру рожу мыть,
Такъ точно ихъ на ладъ другой переучить.
А болѣе всего меня визитъ замучитъ:
Кому сей площадной обычай не наскучитъ!
Изъ края въ край гоняй безъ пользы, безъ утѣхъ,
Чтобъ только показать пріязни видъ на смѣхъ.
Не ѣхать—зашумятъ: да жить онъ не умѣетъ,
Почтенья къ старикамъ и къ роду не имѣетъ!
Хоть вовсе не люби, да лишь въ завѣтный день
Толкнися къ нимъ присѣсть на полчаса какъ пень.
Или—еще того забавнѣе затѣя—
Отправь по всѣмъ домамъ съ каретою лакея:
Онъ съ именемъ твоимъ колоду картъ (а) возьметъ,

а) Для визитныхъ карточекъ разрѣзывали на нѣсколько частей игральныя карты (тузы, двойки, тройки, четверки) и на каждой части писали имя, отчество и фамилію.

Въ знакъ дружбы къ господамъ швейцарамъ ихъ свезетъ.
За вздоръ готовы стать врагами человѣки:
Визиту не отдай—поссоришься навѣки;
При нуждѣ бросятъ всѣ, и бабушка, и дѣдъ,
Травою заростетъ къ твоимъ хоромамъ слѣдъ.
Не смѣй объ Рождествѣ и на Святой недѣли
Кататься на горахъ, явиться подъ качели,
А къ нимъ не завернуть—хоть не за чѣмъ, да такъ,—
Прощенія себѣ не ожидай никакъ,
На память приведутъ старинное знакомство,
И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство.
За что, скажи, всѣмъ тѣмъ пріязнью долженъ я,
Которы какъ-то мнѣ случилися родня?
Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подъ ложнымъ недосугомъ,
Копейку раздѣлю; а это кто сказалъ,
Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ
И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки
Тому, о комъ слыхалъ отъ мамы вмѣсто сказки,
Что дѣдушку его, когда Петръ Первый жилъ,
Съ моимъ въ одну купель приходскій попъ грузилъ?
Роднымъ зову того, кто мыслитъ благонравно,
Во счастьи твердый другъ, въ несчастіи подавно;
А тѣмъ отнюдь нельзя въ душѣ согрѣть любовь,
Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь.
Намедни на пиру, не помню гдѣ-то, званомъ,
Нечаянно попалъ я съ моднымъ истуканомъ
На этотъ же предметъ. Онъ много говорилъ,
Ѣлъ плотно ветчину, прилежно пиво пилъ,
Да хвастался еще, что можетъ по французски
Свободнѣй говорить гораздо, чѣмъ по-русски;
Охотникъ всякій споръ пословицей рѣшить,
И тотчасъ отпустилъ: съ волками надо выть;
Еще что?—въ монастырь чужой, какъ говорится,
Съ своимъ уставомъ вамъ мѣшаться не годится.
Конечно! я и быть отнюдь не хлопочу
Уставщикомъ нигдѣ, не этого хочу:
Весь свѣтъ перемудрить мечтаютъ лишь уроды;
Я только самому себѣ прошу свободы.
Не вамъ законъ пишу, а вы, напротивъ, мнѣ
Препятствуете жить съ разсудкомъ наравнѣ:
Хотите, чтобы я и ѣлъ, и спать ложился,

И нюхалъ, и дышалъ, и Богу бы молился
Такъ точно какъ и вы, и въ тотъ же самый часъ,
Когда нашлется мнѣ обычая указъ.
Нѣтъ, слишкомъ тяжело! Живите какъ угодно,
Да волю чайте жить другимъ, кому какъ сходно.
Но кто жъ вамъ не велитъ? ударилъ какъ въ набатъ,
Подслушавъ нашу рѣчь, душистый отоматъ (а),
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки.
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ,
Поношенъ какъ букварь и старъ какъ этикетъ;
Лишь чуть пахнетъ зефиръ, перхота не умолкнетъ,
И съ кашлемъ васъ въ глаза послѣднимъ зубомъ щелкнетъ:
Да кто же вамъ велитъ, твердитъ мой молодецъ,
Снимать съ другихъ для васъ противный образецъ?—
Какъ кто, сударь? какъ кто? приличіе проклято,
Которое, Богъ вѣсть, откуда въ жизни взято!
Насмѣшки попрыгушъ и страшный судъ повѣсъ,
Въ которыхъ, на бѣду, вселился модный бѣсъ,
Такой трезвонъ дадутъ и фраку и жилету,
Что завтра жъ попадешь, какъ чучело, въ газету.—

а) Automate (автоматъ).

Сидите дома.—Ахъ! душею бы я радъ,
Да хвостъ великъ, нельзя—ребята тормошатъ:
Имъ хочется вездѣ на праздникахъ болтаться,
И я за ними въ слѣдъ повиненъ тамъ шататься.
Сто разъ бы лучше звалъ къ себѣ гостей содомъ,—
По милости Творца, большой имѣю домъ,—
Умѣлъ бы кое-какъ еще пирушку сладить,
Разсохшій въ залѣ полъ велѣлъ бы стругомъ сгладить,
И были по зимѣ рога (б) у насъ въ торгу—
Бѣда! такихъ потѣхъ сносить я не могу:
Попросишь въ семь часовъ, ждешь въ восемь,—ошибешься;
Устанешь, отдохнешь, задремлешь и проснешься,
А милые мои голубчики точь-въ точь,
Ни ранѣй, ни позднѣй, какъ въ самую полночь,
Аравою къ тебѣ какъ шавочки нагрянутъ,
Поклонятся едва и по ранжиру станутъ.
Начнется толкотня и—не подстереги
Лихаго слова врагъ — хоть со двора бѣги,
Хоть тресни параличъ, не жди себѣ покою,
Пока бурливый вальсъ не выпуститъ изъ строю.

б) Инструменты для музыки (роговой), бывшей въ модѣ.

И сколько прихотей приложится къ тому!
Посмѣшище за все, не рады ничему.
На что встрѣчать гостей и требовать поклона?
Учтивость такова худаго признакъ тона.
Зачѣмъ горятъ свѣчи? стократъ милѣй кинкетъ;
Къ чему огроменъ столъ, какъ свадебный банкетъ?
Не лучше ли вкругъ дамъ, взявъ вилку на удачу,
Съ тарелокъ ихъ ловить пріятную подачу
И въ страшныхъ торопяхъ, какъ будто сводъ летитъ,
У стѣнки прислонясь, потѣшить аппетитъ?
Короче, если ихъ уважить предложенья,
Откажешься, ей, ей, отъ вотчинъ, отъ имѣнья,
Или за каждый балъ схлебнешь горячекъ пять.
И вся потѣха въ томъ, чтобъ нагло осмѣять!
Повѣрьте, имъ нейдетъ на разумъ веселиться,
Лишь только бъ язычкомъ на счетъ другихъ остриться.
И такъ-то нынѣ всѣ, въ народѣ егозя,
Мечтаютъ, что живутъ; а прямо жить нельзя.
Въ отвѣтъ ко мнѣ тотчасъ на проповѣдь жестоку
Пословица летитъ: не всяко лыко въ строку.

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ вознесла.
Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла
Искусство на себя принять добра личину
И, грѣшниковъ щадя, любить грѣха причину;
Живой роднѣ помочь не тронется ногой:
По мертвымъ то и знай, что правитъ упокой;
Нижайшая раба, какъ скоро зазритъ ленты,
И даже на медаль особы комплименты.
Помилуйте! рекла, прихохлившись, она:
Не лѣвой ли ногой воздвиглись вы отъ сна,
Или, какой-нибудь въ угодность Дульцинеи,
Хотите расплодить Жанъ-Жаковы идеи?
Когда изъ пустяковъ такъ желчь у васъ кипитъ,
Зачѣмъ живете здѣсь? бѣгите лучше въ скитъ;
Съ медвѣдями вы тамъ попробуете силы,
Докажете имъ вѣсъ чудесной русской вилы;
А ель, береза, дубъ въ награду за труды
Листами зашумятъ—бесѣда хоть куды!

Насмѣшки слышать мнѣ, сударыня, не въ диво,
Отвѣтствовалъ я ей довольно терпѣливо.
Когда бы жить въ лѣсахъ съ дубинами хотѣлъ,

Товарищей такихъ и здѣсь бы я нашелъ.
Къ чему вы объ Руссо теперь напоминали?
Я самъ его читалъ; вы, можетъ быть, слыхали.
Вселенная надъ нимъ произнесла свой судъ:
Средину потерявъ, испортилъ онъ свой трудъ.
На четверенькахъ ползть нимало не забавно,
Да и зачѣмъ? когда на двухъ ногахъ исправно
Иной такъ мастерски въ глазахъ у насъ ползетъ,
Что самый гнусный червь того не перейметъ.
Мнѣ сходбища людей нимало не постылы;
Напротивъ, безъ вреда и сплетни даже милы.
Люблю ходить въ театръ, охотно я пляшу
И чувство всѣхъ забавъ въ груди своей ношу.
Въ деревнѣ жить одинъ не чувствуя отваги,
Скрываться не привыкъ во мрачные овраги
И паче всѣхъ твержу, и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Что смерть сама красна бываетъ на людяхъ.
Веселью не злодѣй—кляну лишь принужденье:
Обряды ваши мнѣ Танталово мученье!
И сколько я люблю въ свободѣ суету,
Столь ненавижу модъ ужасну тяготу.

———

Воротимся къ тебѣ, всѣхъ тоновъ провозвѣстникъ,
Судилищъ ихъ органъ, державы ихъ намѣстникъ,
И слѣдующій здѣсь опредѣлимъ конецъ:
Чему не учитъ насъ небесный нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны.
Доколѣ будутъ насъ поддѣльные друзья
Водить на помочахъ—не будетъ здѣсь житья.
Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ нечего страшиться;
Въ чемъ нѣтъ стыда, того напрасно и стыдиться.

Таковъ мой приговоръ—внесите въ свой журналъ.
Піитъ одинъ давно въ побасочкѣ сказалъ:
«Когда мы будемъ всѣ чужія слушать рѣчи,
Придется намъ осла взвалить себѣ на плечи».
Идею ту же здѣсь хотѣлъ я намекнуть,
И полно! ужъ пора дать пальцамъ отдохнуть.

[1]) Кн. Иванъ Михайловичъ Долгорукій (1764—1823), внукъ Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, обучался сначала дома, а потомъ (1777—80 г.) въ москов. университетѣ. Первымъ опытомъ его литературныхъ трудовъ былъ переводъ книги Мерсье «Les songes philosophiques» (1780—81), посвященный И. И. Шувалову. По выходѣ изъ университета, поступилъ

въ военную службу, въ которой оставался до 1791 г. Въ 1793 г. назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу, гдѣ началъ дѣятельно заниматься литературою и гдѣ написалъ стихотвореніе «Каминъ въ Пензѣ». Къ поэзіи прибѣгалъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ, счастливыхъ и несчастныхъ. «Стихотворство (говоритъ онъ) я почитаю цѣлителемъ моего унынія, товарищемъ въ скукѣ, способомъ наиріятнѣйшимъ коротать нечувствительно время, когда досады и злоключенія изъ минутъ дѣлаютъ намъ годы». «Я писалъ не для образованія системы новаго вкуса, а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится; я никого не ненавидаю, никому не даю уроковъ, не ищу прозелитовъ. Читать и писать всегда были мои стихіи, и ими я живу морально, такъ какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству». Изъ Пензы кн. Долгорукій былъ перемѣщенъ въ Москву въ Главную Соляную Контору. Въ 1802 г. опредѣленъ губернаторомъ во Владиміръ. Первое изданіе сочиненій кн. Долгорукаго, посвященное прекрасному полу, подъ названіемъ «Бытіе сердца моего», и съ эпиграфомъ:

Угоденъ—пусть меня читаютъ;
Противенъ—пусть въ огонь бросаютъ;
Трубы похвальной не ищу,

нап. 1802 г. Названіе книги объяснено самимъ авторомъ въ предисловіи: она служитъ выраженіемъ всего моральнаго бытія его. «Въ стихахъ моихъ хотѣлъ я сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей, ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и постепенное развитіе малыхъ моихъ способностей. Всякій стихъ напоминаетъ мнѣ какое-либо или происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя находить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ совершеннымъ и наконецъ старикомъ, и видѣть, какою ниткою разсудокъ мой отъ 15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ пути къ счастью въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, что анатомисты назвали сердцемъ. Вотъ ключъ той оригинальности, которую моимъ сочиненіямъ изволятъ многіе приписывать». По выходѣ въ отставку (1812 г.), кн. Долгорукій жилъ въ Москвѣ, гдѣ и ум. 1823 г. (См. Кн. И. М. Долгорукій и его сочиненія, соч. М. Дмитріева, изд. 2-ое, 1863).

[2]) «Каминъ» нѣсколько разъ былъ издаваемъ отдѣльно. Успѣхъ этой піесы былъ чрезвычайный: она прославила имя автора, котораго стали съ того времени называть «пѣвцемъ Камина». Ее не только читали наперерывъ, но и знали наизусть. Любители стиховъ переписывали ее въ сборники отборныхъ, всѣмъ нравящихся стихотвореній, вмѣстѣ съ лучшими піесами Державина. Успѣхъ ея доказывается и тѣмъ, что самъ авторъ написалъ еще двѣ подобныя піесы: «Каминъ въ Москвѣ» и «Война Каминовъ».

[3]) Этой піесой, не вполнѣ здѣсь помѣщенной, возвысилась и утвердилась извѣстность Долгорукаго: дѣйствительно, она вѣрно знакомитъ съ оригинальнымъ характеромъ его поэтическаго таланта

[4]) Напеч. въ 5 и 6 №№ Вѣст. Евр. на 1815, съ значительными исключеніями, почему и помѣщена въ Хрестоматію по позднѣйшей редакціи. Это одна изъ лучшихъ нашихъ сатиръ. Предметъ ея—такъ называемое приличіе (обычаи моднаго свѣта), которому весьма часто приносятся въ жертву здравый смыслъ и уставъ природы. Значеніе и цѣль ея весьма ясно указаны заключительными стихами. Ж. Ж. Руссо, упоминаемый въ піесѣ, былъ любимымъ писателемъ

Долгорукаго, именно по своему стремленію обратить человѣка, удалившагося отъ природы, къ познанію ея законовъ и къ устройству жизни согласно этимъ законамъ. Противоположность между естественнымъ бытомъ человѣка, какъ истиною, и бытомъ общества искуственнымъ, какъ порчею и ложью, выставлена также въ «Хижинѣ на Рпѣни» (рѣчка, недалеко отъ Шуи, въ деревнѣ кн. Долгорукаго) и многихъ другихъ піесахъ. Изъ посмертныхъ прозаическихъ сочиненій кн. Долгорукаго напеч. въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей слѣдующія: 1) Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 г. (1870); 2) Путешествіе изъ Москвы въ Нижній 1813 г. (1870); 3) Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 г. (1870); 4) Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни (1874).

XIX.

КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ (1).

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ КНЯЗЮ С. Н. ДОЛГОРУКОВУ. (2).

(по рукописи).

Воскресни, Ювеналъ, воскресни, правды другъ,
Вручи свою мнѣ кисть, вперн въ меня свой духъ,
Чтобъ смѣлою рукой, презря эхидно жало,
Съ злодѣйства, съ глупости я сорвалъ покрывало;
Чтобъ въ сихъ моихъ стихахъ твой ѣдкій, рѣзкій слогъ
Постыдныя дѣла карать достойно могъ!
«Опять съ сатирою!» я слышу, мнѣ пеняютъ:
Опять стихи о томъ, о чемъ давно всѣ знаютъ!
Людскія каверзы у всѣхъ на перечетъ;
Напрасно желчь твоя, сатирикъ, потечетъ,
И что ни скажешь ты, ужъ все обыкновенно!»

Какъ! подъ предлогомъ симъ, открыто, дерзновенно,
Подъявъ съ безстрашіемъ надменное чело
И языки связавъ, восторжествуетъ зло?
И мнѣ велятъ молчать затѣмъ, что все не диво?
Быть можетъ, еслибъ я сказалъ, что племя лживо
Издавна завистью на истину кипитъ,
Что блескомъ золота дуракъ толпу слѣпитъ,
Что по приданому лишь цѣнится невѣста,
Что ходитъ человѣкъ съ способностью безъ мѣста,
А съ покровительствомъ у должности глупецъ,

Что деньгами досталъ асессорство купецъ,
Что Сусликовъ себѣ лишь въ пуншѣ зритъ отраду...
Признаться, о такихъ писать мірскихъ грѣхахъ
И въ прозѣ не по что, не только что въ стихахъ.
Уже изъ давнихъ лѣтъ все это между нами
Обыкновенными считается дѣлами;
Но, къ вящшему всегда стремяся, человѣкъ,
Намъ новыя явилъ неистовства въ нашъ вѣкъ.

Не ужъ ли кажется то вещь обыкновенна,
Когда въ числѣ честныхъ, средь общества почтенна,
Безъ затрудненія Щечинъ себя вмѣстилъ,
Хоть банкомъ сто семействъ онъ по міру пустилъ?
Разбойникъ вѣжливый, неся безстыдну рожу,
Алкая холодно со всякаго драть кожу,
Тѣмъ развѣ сдѣлался на честнаго похожъ,
Что выдумалъ изъ картъ на ближнихъ сдѣлать ножъ?
Что нужды! Честенъ онъ, коль всюду безъ простою,
Лишь только проигралъ, всѣмъ платить чистотою.
Всѣ знаютъ, что онъ воръ, но принятъ потому,
Что, конча партію, не долженъ никому,
А что онъ кралъ, такъ то онъ банкъ металъ счастливо!

А это, напримѣръ, ужъ ли не чтить за диво,
Когда, губернію Подлягинъ разоря,
И ужъ отмѣченный (3) указомъ отъ царя,
Другой родъ службы взялъ и, ко вреду (4) законовъ,
Въ распоряженіе вступая милліоновъ,
Мнитъ такъ: пускай гражданъ мѣшаютъ грабить мнѣ,—
Убытокъ вымещу я этотъ на казнѣ (5)?
Иль, жаркой мы когда бывъ заняты войной,
Заграбинъ и Хапковъ, въ подрядъ вступя съ казной,
Одинъ невыставкой припасовъ и доспѣховъ
Ко славѣ препиналъ путь войскамъ средь успѣховъ;
Другой—на раненныхъ свершилъ въ госпиталяхъ
Смерть, недоконченну на Марсовыхъ поляхъ:
Корыстолюбія всѣмъ жертвуя кумиру,
Готовы подписать за грошь погибель міру.
Хоть сдѣлались они, рождая бѣдствій тьмы,
Солдатамъ пагубнѣй картечей и чумы;
Но, покровительство доставъ себѣ изъ платы,
Великолѣпныя воздвигнули палаты,
Даютъ и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы вспѣваютъ имъ хвалы.

Искусствомъ повара заглядя преступленьи,
Средь пиршествъ жизнь ведутъ въ пріятномъ усыпленьи;
А воинъ между тѣмъ, пришедшій на клюкѣ
И черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подъ окнами изстрѣленну десницу,
За счастье чтитъ достать отъ нихъ стола крупицу.
Посмотримъ на сего теперь откупщика!
Въ карманъ къ нему течетъ серебряна рѣка;
Презрѣвши скромные отца въ лаптяхъ примѣры,
Въ дворяне вышелъ онъ, и даже въ кавалеры,
И столько сдѣлался своей казною дюжъ,
Что тысячъ нѣсколько теперь имѣетъ душъ.
А началъ онъ съ чего? Какъ былъ еще купчишко,
Онъ кое-какъ тогда досталъ себѣ чинишко;
Но, встрѣтя къ откупамъ преграду чрезъ него,
Безстыдно отперся отъ имя своего;
Вдругъ сталъ опять купцомъ,—и вновь вступилъ въ дворяне,
Какъ туго у него ужъ сдѣлалось въ карманѣ.
Какихъ не принималъ къ обогащенью мѣръ
Сей изъ подносчиковъ возникшій кавалеръ!
Не удовольствуясь, что пьянствомъ портилъ нравы,
Онъ пакостилъ вино, клалъ вредныя приправы
И часто, превратя народну радость въ плачъ,
На откупъ имъ взятыхъ губерній былъ палачъ.

Но кинемъ сихъ злодѣйствъ мерзительный соборъ!
На глупость, на порокъ простремъ усталый взоръ:
Посмотримъ, меньше ль мы у нихъ въ порабощеньѣ,
И сильны ли у насъ успѣхи въ просвѣщеньи.
Первѣйшимъ долгомъ всѣ считаютъ межъ людей
О воспитаніи пещись своихъ дѣтей,
Къ ихъ свѣдѣнью довесть науки и искусства,
Любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать ихъ духъ,
Чтобъ сынъ отечества былъ вмѣстѣ людямъ другъ.
Вотъ сладкіе плоды трудовъ, отцамъ пріятныхъ!
Разсмотримъ же теперь своихъ *Невѣроятныхъ* (a):
Имѣютъ ли сіи отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знанія, чѣмъ ихъ умы набиты,
Намъ могутъ ли служить для пользы иль защиты?
И съ полнымъ свѣдѣньемъ о всѣхъ земляхъ чужихъ,
Хоть сокращенное о нашей—есть ли въ нихъ?

a) Incroyables.

Какой къ отечеству ихъ жаръ, къ служенью рвенье
И къ праху праотцевъ въ душѣ благоговѣнье?..
Я тщетно русскаго найти межъ ними льщусь:
Всякъ англичанинъ въ нихъ, иль нѣмецъ, иль французъ;
Презрѣнье къ своему, къ чужому почитанье
Имъ иностранное внушило воспитанье.
Тамъ *Вральманъ*, тутъ *Годдемъ*, а здѣсь училъ *Аббе*,—
И всякъ образовалъ питомца по себѣ!
Дивиться должно ли, что сихъ людей уроки
Къ природнымъ привили и ихъ земель пороки?
Коль собственный развратъ умножили чужимъ,
Когда отечествомъ своимъ не дорожимъ,
Такъ дивно ль, что, имѣвъ забавы тщетны цѣлью,
Тамъ посвящаютъ дни виновному бездѣлью?
Что, съ помочей сойдя, мальчишка, въ двадцать лѣтъ,
Уже съ прелестницей открыто жизнь ведетъ?
Что тотъ, кто рожею сѣсть къ ставцу не умѣетъ,
Судить религію, судить правленье смѣетъ
И, на губахъ не давъ обсохнуть молоку,
Предѣловъ не кладетъ болтливу языку?
По модѣ—врагъ дворянъ, по модѣ—другъ народа,
Свободою плѣненъ, не зная, что свобода,
И въ клубѣ англійскомъ прехрабрый молодецъ!
Но въ полѣ чести, тамъ, гдѣ палъ его отецъ,
Безстрашно защищавъ отечество любезно,
Онъ ни ногой туда — и было бъ безполезно:
Наукамъ, кои знать дворянства есть удѣлъ,
Учиться онъ въ свой вѣкъ не могъ и не хотѣлъ
И, къ моднымъ знаніямъ стремя дары натуры,
Онъ мастеръ рисовать однѣ каррикатуры.
Чтожъ въ войскахъ сдѣлалъ бы присутствіемъ своимъ?
Помѣху бы иль вредъ нанесъ невѣжда имъ.
Влачи всю жизнь свою въ потьмахъ, Невѣроятный,
И къ гробу, пляшучи, спѣши стезей развратной!

Предавши въ сихъ стихахъ, не льстя, изъ рода въ родъ,
Вкушаемый теперь отъ воспитанья плодъ,
Къ словесности на часъ мы нашей обратимся:
Произведеньями ея не восхитимся.
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,

Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлёръ
Гордится, выпустя сентиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ;
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышетъ;
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье (6),
Курсивомъ прописавъ змѣѣ свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ иль малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ затмился жаръ;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной (7).
Орелъ поэзіи, честь лиры, слава Россовъ,
Къ тебѣ я обращусь, великій Ломоносовъ,
Къ тебѣ, котораго съ стихахъ безсмертный даръ
Въ тьмѣ подражателей родилъ напрасный жаръ!
Сколь путь шероховатъ къ Парнасу ихъ ватагѣ!
Надѣются, прыгнутъ, споткнулись и—въ оврагѣ!
Я часто одн ихъ, читая, хохочу,
Бросаю и съ тобой бесѣдовать хочу.

Но, можетъ быть, театръ здѣсь славой россіянамъ
И двѣ на немъ сестры къ намъ смотрятъ не Касьяномъ (8)?
Заглянемъ на него, заглянемъ на успѣхъ
Искусства—въ насъ раждать иль слезы или смѣхъ.
Какія, общаго достойны удивленья,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковинны явленья?
И, скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?...
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ (а)!
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца (9):
Одинъ лишь «Сынъ любви» здѣсь трогаетъ сердца!
«Гусситы», «Попугай» предпочтены Соренѣ

а) Англичане, а болѣе нѣмцы, обыкновенно смѣшатъ въ комедіяхъ глупостями выведенныхъ на сцену пошлыхъ дураковъ или сумасшедшихъ. Изобрѣтеніе сего способа, избавляющаго автора отъ трудной обязанности быть умнымъ, должно заслуживать отъ многихъ нынѣшнихъ писателей общую благодарность.

И Коцебятина ([10]) одна теперь на сценѣ.

О, скольнобъ былъ еще благословенъ сей часъ,
Когдабъ въ однихъ стихахъ лишь порча завелась
И въ драматическихъ писаньяхъ здѣсь встрѣчалась!
Когда бы нравственность у насъ не развращалась;
Когда бы въ юношахъ свободы вредна страсть
Къ презрѣнью не вела у нихъ священну власть;
Когда бъ учители, возникшіе изъ грязи,
Софизмомъ родственны не разрывали связи;
Когда бы цѣлою всякъ частью чтя себя,
Совлекся самости, отечество любя,
И, ревностью къ его служенью воспаленный,
Гордился русскимъ быть передъ лицемъ вселенной!
Но тщетно ждать сего отъ нашихъ молодцовъ:
Прошедшей славы громъ, примѣры ихъ отцовъ
Безсильны тронуть въ нихъ собою полны души,
И долга общій гласъ вотще разитъ имъ въ уши.

Прочетши все сіе, еще ли скажутъ мнѣ:
Всегда бывало такъ на нашей сторонѣ!
Отъ вопля моего еще ли не проснутся!
Отъ слѣдствій пагубныхъ еще ль не содрогнутся!
Вотъ что мнѣ сердце рветъ въ отечествѣ моемъ.
Къ несчастью, бывъ не слѣпъ, ищу я тщетно въ немъ
Болѣзненной душѣ хоть въ чемъ-нибудь утѣхи.
Часъ мрака наступилъ; сокрылись игры, смѣхи;
Совсѣмъ лишились мы знакомства милыхъ музъ;
И если съ кѣмъ еще хранятъ онѣ союзъ,
То, ревомъ буйныя ватаги отстраненны,
Въ бесѣдахъ дружныхъ лишь возносятъ гласъ смиренный,
Межъ тѣмъ какъ дерзкаго невѣжства мутный илъ
Со всѣхъ сторонъ Парнасъ безстыдно наводнилъ.
На глупость, на развратъ глядѣть уставши въ мірѣ,
Я скрылся, чтобъ брящать свободнѣе на лирѣ,
Чтобъ волю въ сихъ стихахъ дать чувству моему,
Ихъ дружбѣ посвятить и зрѣлому уму,
И льстяся, что они тягчить не будутъ скукой,
Тебѣ сей даръ принесть, любезный Долгорукой!
Прими его, прими, колико онъ ни малъ;
Еще неконченну, ему ты восплескалъ.

[1]) Князь Горчаковъ, Дмитрій Петровичъ (1756—1824), членъ Академіи Россійской, получивъ домашнее образованіе, вступилъ въ военную

службу: былъ сначала адъютантомъ кн. П. С. Гагарина, потомъ капитаномъ въ корпусѣ войскъ на Кубани, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Суворова. Въ 1780 г. вышелъ въ отставку и занимался домоводствомъ. Когда началась при Екатеринѣ II вторая турецкая война, онъ снова явился къ Суворову и при взятіи Измаила (1790) получилъ тяжелую рану. Послѣ того занималъ должности: таврическаго губернскаго прокурора, правителя дѣлъ въ молдавской арміи при главнокомандующемъ кн. М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ и вице-губернатора въ Костромѣ (1813 г.). Съ 1816 г. по самую кончину жилъ въ Москвѣ частнымъ человѣкомъ. Зная франц. и нѣм. языки, Горчаковъ предпочиталъ классическія произведенія французовъ всѣмъ другимъ литературамъ. Вольтеръ, по его мнѣнію, былъ верхомъ совершенства въ трагическомъ родѣ. Вмѣстѣ съ Шишковымъ и другими писателями его школы, кн. Горчаковъ участвовалъ въ учрежденіи Бесѣды Любителей русскаго слова (Сѣверная Пчела, 1825, № 12). Сочиненія его:

а) Калифъ на часъ, комич. опера въ 4 д. (1786).

б) Счастливая тоня, ком. въ 4 д. (1786).

в) Баба-Яга, опера въ 3 д. (Калуга, 1788).

г) Пламиръ и Раида, россійская повѣсть (1796).

д) Сатира: «Совѣтъ Пустону» (С.п.-бургскій Меркурій, 1793, августъ, и Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 г., изд. Б. Ѳедоровымъ).

е) Письмо къ пріятелю, или безпристрастный зритель, сатира, 1794 (Памятникъ отечественныхъ музъ на 1828 г., изд. Б. Ѳедоровымъ).

ж) Сатира: «Онъ и я» (отрывки изъ нея въ Памят. от. музъ на 1827).

з) «Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукому, россійскому министру въ Голландіи», сатира (рукописная, см. ниже прим. 2).

и) «Святки», сатира (рукон.):

> Спасителя рожденье
> Встревожилъ весь народъ и пр.

к) Безпечный, ком. въ 5 д., въ стихахъ. (Отрывки изъ нея въ Памят. от. музъ на 1828 г.).

л) Бесѣда о суетности, въ стихахъ (Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей рус. слова, кн. VII).

м) Бесѣда объ уединеніи, въ стихахъ (ib., кн. XI).

Нѣсколько другихъ стихотвореній разсѣяны по журналамъ. Кн. Горчаковъ прославился сатирами, которыя были въ большомъ почетѣ у членовъ Бесѣды любителей русскаго слова. Онѣ дѣйствительно принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей сатирической поэзіи по рѣзкости обличенія, по силѣ негодующаго, часто одушевленнаго тона. Литературныя и нравственныя стремленія ихъ автора склоняли его на сторону Шишкова: онъ также нападалъ на иностранное воспитаніе русскихъ и на преобразованія Карамзина, называя его школу «французско-русскимъ ликомъ» писателей. Но разница въ томъ, что кн. Горчаковъ имѣлъ несомнѣнный талантъ, не въ примѣръ большинству членовъ Бесѣды, соединившей въ себѣ современныхъ ему славянофиловъ. Сатиры его не подходили подъ разрядъ тѣхъ стиховъ, которые и В. Пушкинъ и Батюшковъ называли «варяго-россками».

[2]) Часть этой сатиры нап. въ Памятникѣ отеч. музъ на 1827 г., подъ названіемъ: «Невѣроятные». Кн. Сергѣй Николаевичъ Долгорукій (1770—1829) служилъ комендантомъ с.п.бургской петропавловской крѣпости, потомъ посланникомъ въ Гагѣ при Людовикѣ Бонапартѣ и въ Неаполѣ при Іоахимѣ Мюратѣ. Онъ собралъ «Хронику Россійской Императорской арміи» (1799).

[3]) Въ другой рукописи: «обруганный».

[4]) Вар.: «ко стыду».

[5]) Въ другой рук. прибавлено:

И, шествуя стезей воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою избавлюсь отъ веревки.

[6]) Нападки на послѣдователей Карамзина.

[7]) Два классическіе стиха, ставшіе поговоркой.

[8]) Т. е. не такъ рѣдко (Праздникъ Касьяна, 29 февраля, приходится только въ високосные годы). Можно толковать и другимъ образомъ, т. е.: трагедія и комедія смотрятъ ли на насъ прямо, открыто, или какъ косоглазый заяцъ, который поэтому въ простомъ народѣ называется Касьяномъ.

[9]) Здѣсь ясно виденъ приверженецъ ложно-классической трагедіи, недовольный ни драмами въ родѣ Лашоссе, Детуша и Дидро (такъ называемыми comédies larmoyantes), ни піесами нѣм. и англ. трагиковъ.

[10]) Сынъ Любви, Гусситы, Попугай— драм. піесы Коцебу († 1819), который сталъ входить у насъ въ моду преимущественно съ послѣднихъ лѣтъ прошлаго вѣка. Отсюда и «Коцебятина». Сорена—трагедія Николева (1758—1815), возбуждавшая сочувствіе зрителей.

XX.

НАХИМОВЪ (1).

А. ЭЛЕГІЯ-САТИРА (1809).

Восплачь канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій (а) всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падетъ подъячихъ родъ;
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ

а) Взятокъ.

Расправился или переломился крюкъ.
О солнце, не лишай ты филиновъ затменья:
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!
Но что! гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю.
О чинъ ассесорскій, толико вожделѣнный,
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ!
Быть можетъ — навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!
Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Со отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ — должно ли ворамъ дремать?

В. ПѢСНЬ ЛУЖѢ.

Пускай иной, потѣя годы,
Съ надсадой трубитъ страшны оды
Ручьямъ, озерамъ и морямъ:
Не море, Лужу воспѣваю;
Грязь въ жемчугъ я преобращаю,
Ударивъ лиры по струнамъ.

Судебъ благоугодно волѣ,
Чтобъ, Лужа, ты, въ несчастной долѣ,
Была другихъ всѣхъ ниже водъ:
Ручьи насъ веселятъ струями,
Моря приводятъ въ страхъ волнами,
А Лужей брезгуетъ народъ.

Но насѣкомы неисчетны,
Для гордыхъ взоровъ непримѣтны,
Зрятъ въ Лужѣ дивный океанъ
И въ подлыхъ жабахъ — страшныхъ китовъ;
Четвероногихъ сибаритовъ
Ты вмѣстѣ ванна и диванъ.

Паши, украшенны щетиной,
Презрѣнною твоею тиной
Не промѣняются на пухъ:
За бархатъ грязь они считаютъ
И въ роскоши такой не чаютъ,
Что ихъ готовятъ подъ обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику, въ несносный жаръ,
Вода твоя въ степи ливійской,
Или въ пустынѣ аравійской —
Небесный кажется нектаръ.

Пространствомъ море пусть гордится,
Шумитъ волнами и стремится
Достигнуть грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой,
Однимъ Всесильнымъ обозримой,
И море—лужа, какъ и ты.

Хотя бъ на днѣ его лежали
Блестящій бисеръ и кораллы,

Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но что жъ? предъ мудрыми очами,
Столь почитаемые нами
Кораллъ и бисеръ—таже грязь.

Нѣтъ! Лужи я не презираю,
Я въ Лужѣ пользу обрѣтаю,
Наставникъ Лужа для меня,
Читаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которымъ опыты согласны,
Сію намъ истину гласяя:

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ томъ мысль и чувствіе сердечно—
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду,
Плодятся, множатся всегда.

В. ЭПИГРАММЫ.

а) Кутейкину, который, кончившія въ семинаріи поэзію, посвященъ въ пономари.

Прошедъ поэзію, крылатаго Пегаса
Кутейникъ осѣдлалъ;
Онъ думалъ залетѣть на верхъ горы Парнаса,
Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

б) Франту, причесанному à la coq.

Съ забавнымъ встрѣтился сегодня я дѣтиной;
За диво можно бы показывать его:
Пѣтушій гребень у него
На головѣ ослиной.

в) Виртуозу Антипу (2).

На лирѣ золотой когда Орфей игралъ,
То горы и лѣса и тартаръ подвигалъ;
А ты, Антипъ, когда на скрипкѣ заиграешь,
Смычекъ лишь подвигаешь.

г) Чортъ и Смерть.

«Куда, курносая?»—Иду я за душою.—
«Къ кому?»—Къ секретарю: такъ велѣно судьбою.—
«Ахъ, какъ проста судьба! живетъ она въ глуши:
Какой въ секретарѣ, какой искать души!
Но если бъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купить успѣютъ черти».

[1]) Нахимовъ Акимъ Николаевичъ (1782—1815), уроженецъ харьковской губерніи, первое образованіе получилъ въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. По выходѣ изъ него, короткое время состоялъ въ военной службѣ, а потомъ опредѣлился къ статскимъ дѣламъ въ Петербургѣ. Здѣсь, по неопытности и пылкости, подвергся онъ увлеченіямъ столичной жизни, память о которыхъ сохранилась въ баснѣ «Молодой орелъ», оконченной такимъ нравоучительнымъ выводомъ:

О пылкій юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

Нахимовъ воротился на родину вскорѣ по открытіи Харьковскаго универ-

ситета (1805) и, желая восполнить недостатокъ начальнаго образованія, поступилъ въ него студентомъ, на 24-мъ году своего возраста. Окончивъ курсъ по словесному факультету, онъ былъ удостоенъ степени кандидата. Когда явился знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины (коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника), Нахимовъ написалъ элегію-сатиру (1809), которая сдѣлала извѣстнымъ его имя не въ одной Малороссіи, но и между всѣми русскими читателями: она всюду переписывалась и заучивалась наизусть. Сатирикъ жилъ тогда въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, въ 50 верстахъ отъ Харькова: къ этому времени относится большая часть всего, имъ сочиненнаго. Изъ деревни, разъ въ недѣлю, онъ ѣздилъ въ Харьковъ преподавать грамматику гражданскимъ чиновникамъ, для которыхъ, въ силу означеннаго указа, учрежденъ былъ при университетѣ двухгодичный курсъ. Онъ открылъ свои уроки чтеніемъ стиховъ: «Предисловіе къ Россійской Грамматикѣ» (1810):

Блаженъ, кто въ жизни сей, съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* (а) прилежно углублялся, и пр.

Каждую почти лекцію слушатели Нахимова (говоритъ одинъ изъ его біографовъ) получали отъ него нѣсколько строчекъ. Онъ заставлялъ однихъ писать на доскѣ «Похвалу гусиному перу», передъ которымъ подъячіе, въ знакъ благодарности, должны преклонять свою главу, или басню «Дьякъ и Нищій» (б); другихъ—исправлять орѳографическія ошибки товарищей; третьихъ—склонять имена «сучекъ» и «крючекъ», или спрягать глаголы «брать» и «драть». Иногда сатирическіе намеки преподавателя выходили изъ границъ; важность занимаемаго имъ мѣста требовала строгой пристойности: однакожъ слушатели признавались, что чтенія его были полезны и удобны для легкаго уразумѣнія; въ нихъ не находили они той сухости, какою подчивали ихъ другіе педагоги.»—Нахимовъ прекратилъ свои лекціи въ половинѣ 1811 г., не докончивъ курса, чему причиною были домашнія обстоятельства и неудобства поѣздки (почти за 50 верстъ, для одной лекціи): «Стихи на пути изъ города въ деревню» показываютъ, съ какою радостію возвращался онъ изъ города, гдѣ «пыль и кирпичей громада», къ «прелестнымъ полямъ». Съ этого времени Нахимовъ рѣдко оставлялъ деревню, гдѣ велъ тихую и беззаботную жизнь, занимаясь сочиненіемъ басенъ и другихъ піесъ, преимущественно сатирическихъ. Быстро слѣдовавшія другъ за другомъ семейныя огорченія (онъ лишился отца, любимой сестры и сына) подѣйствовали на его здоровье и сократили его жизнь. (Память о харьковскомъ стихотворцѣ А. Н. Нахимовѣ, сочиненіе В. Масловича, 1818 г.; другая біографія, приложенная къ 3-му

а) Намекъ на глаголы: *брать* и *драть*.

б) Эта басня не вошла въ собраніе сочиненій Нахимова:

Придрался къ нищему старинный, пьяный Дьякъ:
Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ,
И если на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,
По Уложенью ты проститься долженъ съ носомъ;
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку,
Отдай котомку мнѣ, лохмотье и клюку.

*

изд. сочиненій Нахимова, написана издателемъ ихъ, г. Борзенковымъ).

Сочиненія Нахимова имѣли нѣсколько изданій. Первыя два (1815 и 1816) были нап. въ Харьковѣ; послѣднее вышло въ Полномъ собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина, вмѣстѣ съ сочиненіями Милонова и Судовщикова. Всѣ они неполны.

[2]) Нахимовъ часто смѣялся надъ этимъ виртуозомъ (вѣроятно, невымышленнымъ), выведя его въ трехъ эпиграммахъ и четырехъ эпитафіяхъ: Стихотвореніе «Саранча» описываетъ какихъ-то харьковскихъ орфеевъ, избавившихъ страну отъ этого бича; упорство саранчи уступило ихъ оркестру, за тѣмъ что

Къ спасенью ей лишь два пути:
Оглохнуть должно, иль уйти!

XXI.

МИЛОНОВЪ ([1]).

А. КЪ РУБЕЛЛІЮ (1810). ([2]).

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!
Почту ль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я.
Что твой минутный блескъ? что санъ твой горделивый?
Стыдъ смертнымъ и укоръ судьбѣ несправедливой!
Стать лучше на ряду послѣднихъ плебеянъ,
Чѣмъ выситься на смѣхъ, позоръ своихъ гражданъ;
Пусть скроюсь, пусть навѣкъ бѣгу отъ ихъ собора,
Чѣмъ выставлю свой стыдъ для строгаго ихъ взора;
Когда величіемъ прямымъ не одаренъ,
Что пользы, что судьбой я буду вознесенъ?
Безцѣненъ лавръ простой, вѣнчая ликъ героя;
Священъ лишь на царѣ владычества вѣнецъ:
Но коль на поприщѣ, устроенномъ для боя,
Неравный силами, уродливый боецъ,
Гдѣ славу зрѣть стеклись безчисленны народы,
Явитъ убожество, посмѣшище природы,
И съ низкой дерзостью героевъ станетъ въ рядъ,—

Ужель не обличенъ онъ наглымъ ослѣпленьемъ
И менѣ на него уставленъ взоръ съ презрѣньемъ?
Тамъ всѣ его шаги о немъ заговорятъ.
Безславный тѣмъ подлѣй, чѣмъ больше ищетъ славы.
Что въ томъ, что ты въ честяхъ, въ кругу льстецовъ лукавыхъ,
Вельможи на себя пріемлешь гордый видъ,
Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшитъ?
Рубеллій! титла лишь съ достоинствомъ почтенны,
Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ однимъ.
Заставятъ ли меня дѣла твои презрѣнны
Неправо освящать хваленіемъ моимъ?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой:
Минутою одной пріятенъ лести гласъ;
Но нужны доблести для жизни намъ счастливой:
Онѣ насъ усладятъ, онѣ возвысятъ насъ.
Гордися, окруженъ ласкателей соборомъ;
Но знай, что предо мной, предъ мудрыхъ строгимъ взоромъ,
Равно презрѣнъ и лесть внимающій, и льстецъ.
Наемная хвала — безславія вѣнецъ!
Кто чтитъ достоинства и чувства въ насъ не знаетъ,
Въ неистовствѣ своемъ тѣснитъ и гонитъ ихъ, —
Повѣрь мнѣ, лишь себя жестоко осрамляетъ:
Унизимъ ли мы то, что выше насъ самихъ?
Когда презрѣніе питать къ себѣ я смѣю —
Я силенъ, и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гублю,
Но лестію твоихъ сокровищъ не куплю.
Мнѣ ль думать, мнѣ ль скрывать для обща посмѣянья
Убожество души богатствомъ одѣянья?
Мнѣ ль ползать предъ тобой въ толпѣ твоихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзелай—но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра
Въ мракъ гроба? но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!

[1]) Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ (1792 — 1821), родился воронежской губ. въ Задонскомъ уѣздѣ. Обучался въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ. Службу свою началъ (1809) въ бывшемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ главномъ правленіи мануфактуръ, откуда перешелъ (1811) въ департаментъ министерства юстиціи, подъ начальство И. И. Дмитріева, управлявшаго этимъ министерствомъ съ 1810 по 1813 г. Когда Дмитріевъ назначенъ былъ предсѣдателемъ временной ком-

миссіи (1813) для пособія тѣмъ жителямъ Москвы, которые пострадали отъ нашествія непріятеля, — Милоновъ поступилъ въ нее правителемъ канцеляріи. Черезъ два года (1815) онъ оставилъ службу, а въ 1819 г. опредѣленъ въ провіантскій департаментъ и состоялъ при генералъ-провіантмейстерѣ чиновникомъ для особыхъ порученій. По словамъ рѣчи, произнесенной въ память его А. Княжевичемъ, онъ имѣлъ отличныя дарованія, доброе сердце и пылкія страсти, бывшія причиною преждевременной его смерти. Другой литераторъ (О. Сомовъ), разбирая стихотвореніе покойнаго: «Бѣдный поэтъ» (подражаніе Жильберу), говоритъ, что нѣкоторыя печальныя обстоятельства въ жизни Милонова охладили его къ людямъ и свѣту и наложили печать меланхоліи на его стихотворенія. «Мой геній подавленъ подъ бременемъ утратъ«: такимъ признаніемъ заканчивается «Посланіе» Милонова къ его другу, Фовицкому (1818). «Посланіе къ сестрѣ» (1812) также сѣтуетъ на отрадныя мечты, прогнанныя грознымъ опытомъ, и воспоминаетъ какую-то борьбу съ бѣдами и судьбою. Поэтому А. Измайловъ, въ эпитафіи Милонову, назвалъ его «бѣднымъ поэтомъ». Письма Милонова къ А. Ѳ. и Н. Ѳ. Грамматинымъ (Библ. Записки, 1859, № 10) разъясняютъ нѣсколько дѣло. Цѣлью желаній Милонова были «совершенная независимость, свобода, покой, дружество»; онъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на службу, а между тѣмъ долженъ былъ служить, и по волѣ отца и по нуждѣ, «этому ужасному бичу». Къ должности ходилъ онъ съ большимъ принужденіемъ и называлъ счастливыми тѣ рѣдкіе дни, въ которые удавалось ему освобождаться отъ нея. «Меня выбираютъ членомъ общества любителей наукъ и словесности» (писалъ онъ въ 1810 г.): «хотя оно и пустое, но все лучше быть его членомъ, нежели засѣдателемъ какого—нибудь нижняго суда». Какъ онъ завидуетъ Грамматину, жившему тогда въ деревнѣ! какъ онъ ждалъ-не-дождался того времени, когда, подобно ему, могъ бы заключиться въ тѣсномъ уголкѣ своемъ! Впослѣдствіи, Милоновъ какъ будто иначе начинаетъ смотрѣть на свое положеніе: «съ службою своею я помирился, потому что пересталъ искать въ ней химерныхъ отличій, а долженъ нести ее, какъ вещь полезную и нужную въ обществѣ; нѣкоторыя неудовольствія и непріятности, въ ней встрѣчаемыя, переношу съ возможнымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, почитая сіи качества настоящею мудростію жизни, въ которой необходимы должны быть разнообразія». Но это было временное самообольщеніе. Вскорѣ снова являются жалобы и страданія: «непріятности и нездоровье вскружили мнѣ голову... я часъ отъ часу деревенѣю. За всякій вздоръ оглушаются уши отъ брани. Что дѣлать? Если уже судьба не даетъ *жить*, то *доживать* надобно». Наконецъ терпѣніе его кончилось и онъ, перемѣнивъ мѣсто служенія, излилъ на письмѣ свое негодованіе: «Послѣ долгаго боренія и непріятностей по службѣ со многими мерзавцами, изъ коихъ я не пощадилъ, по крайней мѣрѣ въ стихахъ моихъ, ни одного, начиная отъ перваго Ру—ва и до послѣдняго Тур—ва, съ которымъ къ несчастію продолжалъ мою послѣднюю службу, надѣясь на ложныя обнадеживанія сихъ мечтательныхъ и ничтожныхъ благодѣтелей, теперь служу при генералъ-провіантмейстерѣ (Абакумовѣ). Человѣкъ простой и добрый, безъ дальнихъ обѣщаній сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ всѣ прежніе мои начальники, покровители, меценаты словесности, не исключая и высокопревосходительнаго И. И. Дмитріева». Безпорядочный ходъ жизни и внутреннія досады сокрушили здоровье

Милонова, онъ положительно говоритъ, что крѣпкая натура его потрясена въ основаніи отъ увлеченій и соблазновъ, особенно отъ излишняго служенія Вакху», котораго и сдѣлался онъ жертвою.

Милоновъ умеръ на 29 г. своей жизни. (Некрологъ Милонова, составленный А. Измайловымъ, въ 17 и 18 №№ Благонамѣреннаго на 1821 г. Декабрская книжка, №№ 23 и 24, того же журнала и на тотъ же годъ вся посвящена памяти Мил—ва. См. также, въ 1-мъ № Соревнователя просвѣщенія на 1822 г., разборъ стихотвореній Милонова, соч. П. Плетнева).

[2]) Цвѣтникъ на 1810 г., октябрская книжка. Хотя въ заглавіи и сказано, что это сатира Персіева, но между сохранившимися шестью сатирами латинскаго поэта нѣтъ ни одной, которую можно было бы почесть подлинникомъ стихотворенія Милонова. Имя Персія только прикрываетъ цѣль нашего стихотворца, который по преданію, мѣтилъ своей сатирой въ Аракчеева.

XXII.

В. И. ПАНАЕВЪ. [1]

А. ПРОИСХОЖДЕНІЕ СВИРѢЛИ, ИДИЛЛІЯ (1811). [2]

Однажды стоя надъ рѣкою,
Подъ ивою густою,
Такъ пастушокъ Миртилъ
Безсмертныхъ въ горести молилъ:
«Умилосердитесь, о боги, надо мною!
Внемлите жалобамъ моимъ,
Невольному сердечну стону!
Вотъ двѣ уже весны, какъ я люблю Клеону,
Но ею не любимъ!
Я молодъ, я пригожъ собою:
То каждый ручеекъ Миртилу говоритъ;
Не бѣденъ—сто овецъ гоняю къ водопою:
За чтожъ бы кажется Миртила не любить?
За то, ну сами разсудите
И горю пособите,
За то, что не умѣю пѣть!
Она жъ, упрямица, она велитъ умѣть!
Знакъ, правда, не худой, но какъ ни принуждаю
Суровый голосъ мой—ей пуще досаждаю.
О боги добрые! лишите стадъ меня,
Все у меня возьмите,
Лишь только научите,
Чтобъ какъ нибудь умѣлъ Клеонѣ вторить я!
Вѣдь всякій пастушокъ поетъ съ своей любезной».
Едва Миртилъ умолкъ, вдругъ легкій вѣтерокъ
Повѣялъ на тростникъ, обсѣвшій бережокъ,
И звукъ пріятный нѣжной
Достигъ его ушей. Онъ къ камышу бѣжитъ,

Прилежно слушаетъ, туда-сюда глядитъ
И видитъ наконецъ, что, скрывшись межъ листами,
Малюточка Зофиръ въ источенну червями,
Сухую дуетъ трость. Трепещущей рукой
Онъ вмигъ ее срываетъ,
Самъ дуетъ въ тросточку, лады перебираетъ,—
И тросточка играетъ.
Миртилъ въ восторгѣ самъ не свой.
«Вотъ что, онъ думаетъ, замѣнитъ голосъ мой!»
Тогда, какъ говорятъ, предсталъ ему внезапно,
Съ зеленымъ плющевымъ вѣнкомъ вокругъ роговъ,
Богъ, покровитель пастуховъ;
Въ минуту изъяснилъ искусство непонятно,
Владѣть свирѣлью научилъ.
Миртилъ, внушенный имъ, любовью вдохновенный,
Съ зарею каждою въ мѣста уединенны
Украдкой уходилъ
И тамъ свирѣли нѣжны тоны
Старался подъ голосъ подлаживать Клеоны,
Любимы пѣсенки пастушкины твердилъ.
Далеко сладкій звукъ по рощамъ разносился,
Всякъ слушалъ и дивился;
А онъ часъ отъ часу межъ тѣмъ
Игралъ все лучше и складнѣе,
Все становился веселѣе.
О радость! наконецъ постигъ уже совсѣмъ
Искусство, данно вышней силой,
И вотъ, надежды полнъ, идетъ къ суровой милой.
«Спой пѣсню», говоритъ ей ласково:—поетъ;
Пастухъ къ устамъ свирѣль кладетъ, играетъ;
Клеона слушаетъ и, млѣя, умолкаетъ,
Съ сихъ поръ утѣшенный Миртилъ
Клеонѣ сталъ любезенъ, милъ;
И чѣмъ пріятнѣе свирѣль его играла,
Тѣмъ больше ласкъ она счастливцу расточала.
Онъ вскорѣ всѣхъ игрой плѣнилъ:
Всѣ шли внимать ему,—онъ каждаго училъ.

Б. СНОВИДѢНІЕ, ИДИЛЛІЯ (1819).

Меналкъ. Ты кажешься грустнымъ, любезный Миконъ?
Скажи, что случилось съ тобою?
Миконъ. Меня потревожилъ сегоднишній сонъ:
Посмѣйся, Меналкъ, надо мною.
Меналкъ. О, вѣрно ты видѣлъ подземныхъ боговъ?
Миконъ. Напротивъ. Послушай: мнѣ снилось,
Что будто десятокъ, иль больше, годовъ
Съ меня непримѣтно свалилось...
Меналкъ. Увы! это только во снѣ на-бѣду.
Миконъ. Что будто, ставъ юношей снова,

Въ какомъ-то обширномъ, прекрасномъ саду,
Подъ тѣнію мирта густова
Лежалъ я на мягкой душистой травѣ;
Въ кустахъ соловьи распѣвали;
Зефиры жъ, скрываясь въ цвѣтахъ, муравѣ,
Прохладой въ лице мнѣ дышали;
А шумъ водопада въ сосѣднемъ лѣсу,
Сквозь чащу деревъ проникая,
Все больше и больше склонялъ отъ часу
Къ дремотѣ....

Меналкъ. И ты, засыпая....

Миконъ. Я не спалъ. Вдругъ, вижу, подходитъ ко мнѣ
Пастушка—осанкой богинѣ,
Цвѣтущей красою подобясь веснѣ—
(Взоръ дѣвы, склоненный къ корзинѣ,
Глубокую сердца печаль выражалъ);
Приблизилась, стала, взглянула,—
И что же? кого я въ пастушкѣ узналъ?....
Дориду!

Меналкъ. Дочь старца Эввула?

Миконъ. Дориду, подругу младенческихъ лѣтъ,
Которой любовь озарила
Блаженствомъ Миконовой жизни разсвѣтъ,
Завидную участь сулила!
Которую воля всесильныхъ боговъ
Діаниной жрицей назвала
Въ то время, какъ нѣжность счастливыхъ отцевъ
Намъ брачный вѣнокъ сплетала!....
Прельщенъ, очарованъ видѣньемъ такимъ,
Я бросился къ милой, но прежде,
Чѣмъ обнялъ, видѣнье исчезло какъ дымъ—
Лишь руки коснулись къ одеждѣ —
И я, пожалѣй, пробудился отъ сна.

Меналкъ. Такъ это тебя возмущаетъ?
Не дважды въ теченіе года весна
Цвѣтами поля убираетъ;
Не дважды, товарищъ, намъ быть молодымъ.
Ты за тридцать за пять считаешь,
Слывешь въ околодкѣ разумнымъ такимъ,
Самъ твердо увѣренъ и знаешь,
Что прошлаго снова нельзя воротить;
А хочешь (какъ другъ, попеняю),
Ребенокъ, бѣгущую тѣнь изловить!

Миконъ. О, слишкомъ увѣренъ и знаю,
И завтра охотно готовъ надъ собой
Съ тобою же вмѣстѣ смѣяться;
Но нынѣ съ прелестной о прошломъ мечтой,
Повѣрь мнѣ, не въ силахъ разстаться!
Какъ осенью солнце внезапно блеснетъ,
Прощаясь съ унылой природой,
И птичка весеннюю пѣсню поетъ,
Обманута ясной погодой:
Такъ я, обольщенный сегоднишнимъ сномъ,

Хотѣлъ бы на время забыться;
Иль лучше, хотѣлъ бы увѣриться въ томъ,
Что онъ на-яву продолжится!

[1]) Отецъ Панаева, Владиміра Ивановича (1792—1859), принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ тогдашними литераторами, изъ которыхъ Державинъ приходился ему родственникомъ. Молодой Панаевъ обучался въ казанской гимназіи, а потомъ въ казанскомъ университетѣ, откуда вышелъ кандидатомъ словесныхъ наукъ (1814). Первоначальное воспитаніе, мирная семейная жизнь и частое пребываніе въ деревнѣ въ періодъ юности сообщили его характеру идиллическое направленіе и внушили ему намѣреніе испытать свои способности въ пастушеской поэзіи.

Державинъ, первый, принялъ участіе въ литературныхъ опытахъ своего родственника. Онъ прочелъ въ рукописи пять его идиллій, отозвался о нихъ благосклонно и совѣтовалъ автору взять за образецъ древнихъ, если знаетъ греческій и латинскій языки; если же нѣтъ, то Геснера, сочиненія котораго (писалъ онъ Панаеву) могутъ служить достаточнымъ примѣромъ въ описаніи природы и невинныхъ нравовъ. «Хотя климатъ нашъ суровъ», прибавляетъ онъ, «но и въ немъ можно найти красоты и въ жизни и въ морали, которыя трогаютъ сердце; безъ нихъ же все будетъ сухо и пусторѣчіе». Швейцарскій идилликъ, дѣйствительно, сдѣлался любимцемъ и образцемъ Панаева, который вездѣ старался подражать ему. Повинуясь волѣ своего дяди, заступившаго ему мѣсто отца, Панаевъ отправился въ Петербургъ для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Началъ онъ свою службу въ департаментѣ министерства юстиціи, а кончилъ директоромъ канцеляріи министерства императорскаго двора. (Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Панаева сообщаются его «Воспоминаніями, напечатанными въ В. Европы 1867, т. 3; см. еще: В. И. Панаевъ. Воспоминаніе, съ обозрѣніемъ его идиллій. Соч. Б. Ѳедорова).

[2]) Идилліи (Спб. 1820). «Разсужденіе о пастушеской поэзіи», служащее предисловіемъ къ «Идилліямъ», перепечатано, съ поправками и дополненіями, изъ 10 № Благонам. на 1818 г.

XXIII.

НАРѢЖНЫЙ ([1]).

А. ИЗЪ РОМАНА «БУРСАКЪ» (1824). ([2]).

Есть многіе сельскіе и иногородные отцы, кои, охотно желая видѣть сыновей своихъ учеными, по бѣдности не въ силахъ содержать ихъ въ городѣ, гдѣ понадобилось бы платить за квартиру и за пищу. Чтобы и таковымъ доставить посильные способы къ образованію, то, помощію вкладовъ щедрыхъ обывателей и по распоряженію монастырей, при каждой семинаріи устроены просторныя

избы съ печью или и двумя, окруженныя внутри широкими лавками: на счетъ также монастыря снабжаются онѣ отопленіемъ, и болѣе ничѣмъ. Сіи-то избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники—бурсаками. Старшій изъ студентовъ, по волѣ ректора, управляетъ другими, неся величественное имя консула, въ томъ предположеніи, что и начальный Римъ былъ не что иное, какъ бурса.

Варухъ и Варулъ ввели меня торжественно въ сей вертевъ премудрости и отрекомендовали консулу и будущимъ совоителямъ; а чтобъ я милостивѣе былъ принятъ, то отецъ мой вручилъ консулу полтину денегъ, прося приготовить праздничный ужинъ. Послѣ чего, снабдя меня соломеннымъ мѣшкомъ и какою-то латинскою книгою на польскомъ языкѣ, и благословя гривною денегъ, сказалъ: «Неонъ, не печалься, другъ мой! Я оставляю тебя въ надежномъ пристанищѣ. Бойся Бога, чти старшихъ и слушайся, не лги и не крадь, — тогда ты угоденъ будешь и Богу и людямъ. Учись прилежно, когда хочешь быть благополученъ. Каждый мѣсяцъ ты меня увидишь, или по крайней мѣрѣ обо мнѣ услышишь. Другъ мой Варулъ не оставитъ тебя своею милостію. Прощай».

Обнявъ меня, оба друга удалились. Стоя у дверей бурсы, я провожалъ ихъ слезящими глазами; когда же скрылись, то я вздумалъ осмотрѣть кругомъ новое мое обиталище. Это былъ сарай, состроенный изъ плетня, обмазаннаго изнутри и снаружи желтою глиною; крыша была соломенная; двери и четыре круглыя окна освѣщали сіе зданіе. Впереди имѣло оно обширный пустырь, поросшій высокимъ бурьяномъ, однако торчало на ономъ съ десятокъ полуизсохшихъ шелковичныхъ деревьевъ; съ задней стороны примыкалось къ высокому берегу рѣки Десны; правая боковая сторона граничила съ заборомъ огромнаго сада, принадлежащаго монастырю, въ коемъ помѣщена и семинарія; лѣвая съ чьимъ-то пространнымъ огородомъ, на углу коего стоялъ шинокъ.

Осмотрѣвъ сіе плѣнительное мѣсто, я вошелъ въ бурсу и усѣлся въ углу на лавкѣ на своемъ ложѣ. Консулъ—это былъ высокій, дородный, смуглый мущина съ большими черными усами—лежалъ на войлокѣ, склонивъ голову на связку травы и держа въ рукахъ претолстую тетрадь. Изъ двадцати пяти моихъ товарищей, кои всѣ были гораздо возрастнѣе меня, человѣка четыре уже усланы для закупки вещей, нужныхъ къ ужину, а остальные заняты были различнымъ образомъ. Иной басилъ ужаснымъ голосомъ духовную пѣсню; другой брянчалъ на балалайкѣ, подъ звукъ коей человѣка два-три скакали въ присядку; нѣкоторые боролись или бились на кулачкахъ, словомъ, всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, при всемъ томъ одинъ другому не мѣшая.

Солнце клонилось къ западу; купчины возвратились, принесши съ собою полбарана, мѣшокъ со пшеномъ и деревянную баклагу съ пѣнникомъ. Консулъ сей-часъ вскочилъ и, овладѣвъ баклагою, отвѣдалъ и, похваля напитокъ, пошелъ съ нею на берегъ Десны, куда и я, по данному знаку, вмѣстѣ со всѣми ему послѣдовалъ. Три кашевара развели огонь, утвердили треножный таганъ, разсѣкли баранину на куски, по числу братіи, и начали стряпню. Между тѣмъ консулъ, отдѣлившись съ шестью товарищами, сѣлъ на берегу и началъ цѣловаться съ баклагою, не забывая своихъ собесѣдниковъ; прочіе, позади коихъ былъ и я, разлегшись на травѣ, точили балы, разсказывали сказки и присказки и производили самыя чудныя тѣлодвиженія. Видя, что консулъ не дѣлалъ ихъ участниками въ осушиваніи баклаги, я у сосѣда своего спросилъ тому причину. «Мы еще не имѣемъ на то права», отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ: «ибо мы всѣ только этимологи, поэты и риторы, и отъ того-то не смѣемъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, пить вино, курить табакъ и отращивать усы. А какъ консулъ Далматъ и его товарищи всѣ философы, то они на сіи преимущества имѣютъ всякое законное право». Не понимая, что значатъ сіи неслыханныя мною слова, я замолчалъ и продолжалъ внимательно смотрѣть и слушать. Каша поспѣла и котелъ поставленъ на лужайкѣ. Консулъ съ своими товарищами сѣли около него, а прочіе составили второй кругъ; всякій вытащилъ изъ кармана длинную ложку и началъ упражнять свои челюсти, сколько было силы. Хотя отецъ мой и забылъ снабдить меня ложкою, но консулъ приказалъ младшему изъ бурсаковъ дѣлиться со мною своею. Котелъ опорожненъ; всѣ удалились въ бурсу и полегли на лавкахъ. Я также растянулся на своемъ мѣшкѣ и скоро уснулъ крѣпко.

На слѣдующее утро консулъ, сопровождаемый своими подчиненными, отправился въ семинарію и представилъ меня префекту. Это былъ преважный протопопъ и составлялъ второе лице послѣ ректора. Меня отвели въ надлежащій классъ, гдѣ и начали преподавать латинскую, польскую и русскую азбуку. Менѣе, нежели въ часъ, прозорливый учитель, католицкій монахъ, догадался, что я церковныя книги читалъ столько же проворно и внятно, какъ стихарный дьячекъ; а посему дальнѣйшее въ семъ упражненіе признано излишнимъ, а совѣтовали мнѣ всѣми силами налечь на изученіе языковъ латинскаго и польскаго. Передъ полуднемъ раздался на дворѣ семинарскомъ звонъ колокола; учитель и ученики поднялись съ мѣстъ, и первый далъ мнѣ знакъ приближиться къ нему и протянуть обѣ руки, распрямя ладони. Я исполнилъ, и наставникъ съ улыбкою удовольствія

влѣпилъ въ каждую ладонь по полудюжинѣ рѣзкихъ ударовъ деревянною лопаткою. Послѣ сего пропѣта торжественно молитва, и всякій пошелъ домой, а я въ бурсу. Дорогою нагналъ меня одинъ изъ моихъ товарищей, по имени Касторъ, которому со слезами разсказалъ я о наказаніи, невинно полученномъ отъ учителя. «Другъ мой», сказалъ онъ засмѣявшись, «ты еще новъ и неопытенъ. Дюжина добрыхъ ударовъ, тобою полученныхъ, совсѣмъ не есть знакъ учительскаго гнѣва, а напротивъ доказательство особеннаго благоволенія. Здѣсь теперь такое заведеніе, чтобы всякаго ученика, вступающаго въ сей храмъ мудрости, пріучать къ кротости и терпѣнію. Хотя обыкновеніе сіе почти ни одному новику не нравится, но къ нему привыкаютъ, а особливо зная, что количество полученныхъ ударовъ приближаетъ каждаго къ лестной цѣли быть скорѣе діакономъ, или и попомъ.» — Но — говорилъ я, подумавши, — отецъ мой сказывалъ, что въ семинаріи обучается много дворянскихъ и купеческихъ сыновей, которые никогда не думаютъ быть ни діаконами, ни попами.—«О», сказалъ товарищъ, «на таковыхъ наше начальство не обращаетъ никакого вниманія. Впрочемъ, замѣть, Неонъ, я по дружбѣ тебѣ это открою: если ты будешь терпѣливъ, послушенъ и совершенно преданъ волѣ учителя, то испытаніе сіе продлится недолго; въ противномъ случаѣ, оно будетъ безконечно, и ты въ тридцать лѣтъ будешь не что другое, какъ сельскій дьячекъ, сколько бы ученъ ни былъ. Обладая же помянутыми мною добродѣтелями, ты скоро получишь выгодное мѣсто.»

Привыкши у отца никогда желудокъ не доводить до ропота, я крайне запечалился, не видя и слѣда обѣда; но вспомня, что у меня въ карманѣ цѣлая гривна, я тотчасъ сдѣлалъ планъ къ удовлетворенію алчбы и, вышедъ изъ бурсы, опрометью бросился къ площади, граничащей съ семинаріею, гдѣ поутру еще мелькомъ замѣтилъ множество торговокъ съ хлѣбомъ разнаго званія. Я купилъ за цѣлую копѣйку большую булку и принялся насыщать себя съ великимъ удовольствіемъ; еще добрый ломоть оставался въ рукѣ моей, когда вступилъ я въ свою обитель. Не мало испугался я, взглянувъ на консула. Онъ ходилъ по сараю большими шагами и, оборотясь ко мнѣ, спросилъ свирѣпымъ голосомъ: «Гдѣ былъ ты, негодница?»—Съ трепетомъ показалъ я остатокъ булки и не могъ промолвить ни одного слова, сколько отъ испуга, столько и отъ того, что ротъ былъ полонъ. «Понимаю» вскричалъ онъ: «сей бунтовщикъ, никому не сказавшись, ходилъ на рынокъ. Ликторы! сейчасъ нарѣжьте два пука крапивы и накажите виновнаго!»

Двое изъ бурсаковъ, которыхъ называли риторами, бросились въ

бурьянъ и въ мигъ возвратились съ пучками зрѣлой крапивы; двое другихъ кинулись на меня, повалили на полъ и разоблачили, а первые двое начали хлестать весьма исправно. Я кричалъ, какъ отчаянный; но они не прежде выпустили меня изъ рукъ, пока не увидѣли, что крапива измочалилась.—Уединясь въ темный уголъ, я плакалъ неутѣшно. Если такими средствами, думалъ я, пріобрѣтается премудрость, столько прославляемая отцемъ моимъ, то пропадай она негодная. Въ тысячу разъ лучше оставить всю надежду быть когда либо діакономъ, чѣмъ безпрестанно пробовать на себѣ дѣйствіе лопатокъ учительскихъ или крапивныхъ прутьевъ отъ какихъ-то ликторовъ.

Быть-можетъ я и надолго остался бы въ такомъ пасмурномъ расположеніи, если бы не разсѣялъ меня вошедшій бурсакъ Касторъ, котораго за веселый нравъ полюбилъ я съ перваго еще раза.—«Что это значитъ, Неонъ», спросилъ пріятель, «что ты и до сихъ поръ печалишься о бездѣлицѣ? Повѣрь, другъ мой, что такія происшествія не заслуживаютъ вниманія.»—Вмѣсто отвѣта я показалъ ему спину. — «Да,» продолжалъ онъ съ важностію, «ты изрядно исписанъ; но это пройдетъ и не замѣтишь, какъ пройдетъ.»

Когда я жаловался, что консулъ во зло употребляетъ возрастъ свой, силу и право пить вино, курить табакъ и носить усы, Касторъ сказалъ мнѣ: «Напрасно такъ думаешь, пріятель, и видно не знаешь нашихъ постановленій. Послушай же: почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; поэты называются целерами, или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ, или чернь —простой народъ. Видишь, какъ все это прекрасно устроено. Если бы консулъ сдѣлалъ какое позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него величественный санъ и, наказавъ, по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожьемъ, обращаетъ въ званіе сенатора. За то и консулъ имѣетъ свои выгоды и преимущества. Именно: если кто провинится изъ насъ, но немного, какъ напримѣръ сегодня ты, то онъ одинъ своею властію опредѣляетъ мѣру наказанія; въ случаѣ же вины важной, онъ созываетъ сенатъ и съ нимъ вмѣстѣ разсуждаетъ о дѣлѣ и произноситъ кару. Кромѣ одежды и обуви, у насъ все общее и хранится въ каморкѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула. Главный промыселъ нашъ состоитъ въ пѣніи подъ окнами міврянъ церковныхъ

пѣсней, или — если кто столько смышленъ—въ проворствѣ рукъ. Мы получаемъ мукою, свинымъ саломъ, птицами, зеленью разнаго рода и отчасти деньгами, которыя обыкновенно переходятъ отъ насъ въ руки шинкарки Мастридіи, торгующей вблизи отъ насъ. По симъ основаніямъ самыми злыми преступленіями почитаются у насъ, если кто изобличенъ будетъ въ утайкѣ хотя одной добытой копѣйки, или попадется въ сѣти на ручномъ промыслѣ!.»

Такъ повѣдалъ Касторъ о законахъ сего малаго Рима, какъ прибѣжалъ целеръ съ объявленіемъ, что каша готова. «Инъ пойдемъ, Неонъ», сказалъ Касторъ, вытаскивая изъ кармана ложку.— Спасибо за ласку, отвѣчалъ я: пропадайте вы всѣ и съ кашею; мнѣ ѣсть не хочется. — «Упаси тебя угодникъ Божій, соименитый тебѣ Неонъ, нейти со мною! Развѣ тебѣ хочется еще разъ быть сѣчену?»—А за что?—«За то, что не хочешь съ ними ѣсть каши; это значило бы противиться уставамъ общества, о чемъ ужасно и помыслить».

Нечего было дѣлать: я участвовалъ въ общей трапезѣ, а послѣ въ купаньѣ и отдыхѣ. Но лишь только раздался звонъ колокола на семинарской колокольнѣ, какъ и въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула: «ребята! на работу!» Тотчасъ четыре философа, взявъ на плеча по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другаго. Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другаго изъ прочей ватаги, и въ мигъ къ каждому мѣшконосцу присоединилось по нѣскольку риторовъ, поэтовъ и инфимовъ. Я попалъ подъ команду Сарвила, философа веселаго, смѣлаго, собою дороднаго и сильнаго, но весьма вспыльчиваго, такъ что, кромѣ сенаторовъ, всѣ въ бурсѣ его трепетали. Отряды сіи двинулись въ молчаніи, и младшіе шли впереди, за ними старшіе, а ходъ заключался философомъ. Какъ скоро прошли мы свой пустырь, то раздѣлились на четыре части, и каждая небольшая шайка сія пошла по особой улицѣ. Мы пошли тихо, а философъ, нашъ вождь, мѣрными шагами и съ великою важностію повертывая голову направо и налѣво. По приказанію его, мы остановились подъ окнами одного виднаго дома, и онъ, подозвавъ меня, сказалъ: «Это домъ зажиточнаго купца: поди, спроси!» Опрометью устремился я къ воротамъ, отворилъ калитку и вошелъ на большой дворъ. У самаго входа въ домъ стоялъ большой столъ, за коимъ сидѣли: хозяинъ—судя по платью,—жена его и дѣти, и всѣ полдничали. Снявъ бриль, съ робостію подошелъ я къ столу и трепещущимъ голосомъ сказалъ хозяину: тебя приказано спросить. —«О чемъ и кто?» — Философъ Сарвилъ, а о чемъ не знаю!— Купецъ и жена его улыбнулись, а дѣти захохотали. «Твой философъ», сказалъ хозяинъ, «пови-

димому, не весьма разумный человѣкъ, что посылаетъ спросить у меня, не сказавши о чемъ. Гдѣ этотъ философъ?»—За воротами? —«Такъ поди же ты, спроси, чего онъ отъ меня хочетъ.»—Я выбѣжалъ на улицу, и на вопросъ: что сказалъ хозяинъ? отвѣчалъ съ потупленными глазами: онъ сказалъ, что ты, повидимому, не весьма разумный человѣкъ, когда послалъ меня спросить у него, не сказавши о чемъ.—Философъ заскрипѣлъ зубами. «Ахъ, ты проклятый!» вскричалъ онъ, и такую отвѣсилъ мнѣ пощечину, что у меня глаза ушли подъ лобъ и я опрокинулся на землю. «Поди ты, сказалъ онъ другому бурсаку, и спроси». Сей бросился какъ стрѣла, въ одинъ мигъ возвратился и возвалъ громогласно: дозволяется!—Скинувъ бремя, вступили мы на дворъ и стали полукругомъ около стола сажени за двѣ. Тутъ раздался ужасный ревъ Сарвила, такъ что всѣ вздрогнули, прочіе ему подтянули, и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ обнялъ меня. Представь себѣ, кто хочетъ, высокаго чернаго мужчину, съ разинутою пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами.—Трепеща всѣмъ тѣломъ, я вообразилъ: что будетъ со мною, если сей ужасный философъ дастъ другую пощечину? Я погибъ невозвратно!—Тутъ не могъ я удержать слезъ и утиралъ ихъ кулаками.

Концертъ конченъ. Сарвилъ, подошедъ къ самимъ хозяевамъ, протянулъ руку и проговорилъ рѣчь, которую кончилъ желавіемъ хозяину и хозяйкѣ съ чадами и домочадцами счастія и многолѣтія. Едва замолкъ онъ, какъ вся ватага воскликнула многая лѣта.

Когда все утихло, то ласковый хозяинъ поднесъ философу большую чарку водки и сунулъ въ руку сколько-то денегъ; по приказанію доброй хозяйки, въ нашъ мѣшокъ высыпана мѣрка гороха, впущена часть свинины и оставшійся отъ полдника большой кусъ жаркой говядины.

На другой день явился я въ классѣ. Помня вчерашніе Касторовы разсказы, что здѣсь бьютъ по рукамъ лопатками за излишнее вниманіе и прилежность, я рѣшился избѣжать сей лестной награды и началъ безпрестанно вертѣться на скамейкѣ, толкать товарищей, безъ нужды кашлять, чихать и дѣлать всякія непотребства. Учитель только смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. Когда урочное время прошло, то онъ по прежнему подозвалъ меня къ себѣ, велѣлъ протянуть руки и разнять ладони; послѣ чего влѣпилъ въ каждую по дюжинѣ уже ударовъ лопаткою. По пропѣтіи молитвы всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

Что за диковинная вещь! говорилъ я со слезами, потирая горящія ладони: за прилежаніе бьютъ и за лѣность бьютъ! Видно, то-

варищъ мой Касторъ самъ ничего не знаетъ. Нечего уже у него болѣе и спрашивать, кромѣ развѣ объ уставахъ бурсы.

Точно такъ прошли остальные три дни въ недѣлѣ; но какъ я — сколько малолѣтенъ ни былъ — догадался, что если уже необходимо должно мнѣ быть биту, то пусть лучше бьютъ за прилежаніе и успѣхи, нежели за лѣность и невѣжество: почему знать, думалъ я, можетъ быть за это скоро удостоенъ буду въ діаконы!

На семъ основаніи я сдѣлался столько прилеженъ, внимателенъ и рачителенъ ко всему преподаваемому въ классѣ, что не могъ бы уже увеличить сихъ качествъ, хотя бы отбили лопатками обѣ руки по самые локти; но, къ великому моему удивленію и горести, удары каждый день увеличивались, такъ что къ субботѣ ладони мои распухли какъ подушки. Въ сей роковой день, по окончаніи классного ученія, двое сторожей внесли скамейку и поставили по серединѣ комнаты, другіе двое явились съ пуками лозъ. Помановенію наставника, они схватили меня, разложили на скамьѣ и начали оказывать удальство свое. Нѣтъ! это уже не крапивные удары въ бурсѣ.

Разумѣется, что я вопіялъ, сколько силъ доставало, призывалъ всѣхъ святыхъ во свидѣтели своей невинности; тщетно: удары сыпались градомъ, и вскорѣ я не могъ уже кричать. Истязаніе прекращено, я снятъ со скамьи и, одѣтый, поведенъ къ наставнику, но какъ не могъ держаться на ногахъ, то два сторожа меня поддерживали. По данному знаку, всѣ школьники удалились, и тогда учитель взглянулъ на меня съ милостивою улыбкою, произнеся: «Я тобою весьма доволенъ, Неонъ Хлопотинскій! Ты учился весьма прилежно, велъ себя скромно и въ теченіе всей седьмицы доказалъ примѣрное терпѣніе и послушаніе — добродѣтели, необходимыя для всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, а особливо для готовящаго себя въ духовное званіе. Сей день есть послѣдній день твоего испытанія. Продолжай учиться съ возможнымъ раченіемъ, веди себя скромно и честно, повинуйся установленнымъ надъ тобою властямъ, и ты будешь счастливъ. Я уже наказалъ твоемъ консулу, чтобы онъ имѣлъ особенное за тобою наблюденіе. Вотъ тебѣ злотый (а). Употреби его на сродныя лѣтамъ твоимъ лакомства. Я буду имѣть особенное къ счастію твоему вниманіе. Прощай и иди съ миромъ. Я поцѣловалъ руку сего пастыря, всталъ, вышелъ и въ одинъ мигъ выбѣжалъ за монастырскія ворота. Вертясь на незабвенной скамейкѣ, я думалъ, что не скоро въ силахъ буду и ползать; а теперь сдѣлался столь твердъ на ногахъ и крѣпокъ во всемъ тѣлѣ, что могъ скакать, какъ жеребенокъ. На рынкѣ купилъ я двѣ булки, одну для себя,

а) 15 копѣекъ серебромъ, польская монета..

а другую для Кастора, ибо въ продолженіе цѣлой недѣли онъ болѣе всѣхъ оказывалъ мнѣ доброходства.

B. ИЗЪ РОМАНА: ДВА ИВАНА ИЛИ СТРАСТЬ КЪ ТЯЖБАМЪ (1825). (3).

День клонился къ окончанію, но веселье въ домѣ гостепріимнаго хозяина (а) не уменьшалось. Великое множество посѣтителей не было ему въ тягость. Онъ угощалъ мущинъ, жена его женщинъ. Панъ Харитонъ водилъ гостей по саду, хотя сентябрскіе вѣтры побили уже половину древесныхъ листьевъ; по гумну, гдѣ вычислялъ, сколько каждый стогъ ржи дастъ ему пѣннику; по скотному двору, гдѣ имѣлъ случай похвалиться быками и коровами, козлами и баранами. Его супруга изъ окна показывала пріятельницамъ толпы куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, повѣствуя о нравѣ и привычкахъ каждаго пѣтуха и каждой курицы. Не утѣшно ли это?

Когда всѣ собрались опять въ комнату, гдѣ столъ уставленъ былъ корчагами съ дымащеюся варенухою и гости и хозяинъ поставили, гдѣ попало, свои кубки, услышали на дворѣ стукъ колесъ и лошадиный топотъ, и вскорѣ является въ собраніи человѣчекъ низменный, лѣтъ въ пятьдесятъ, но за то довольно пространный въ чревѣ и широкій въ раменахъ. Лысина его свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. Кто же былъ этотъ гость? Писецъ сотенной канцеляріи, панъ Анурій. Всѣ изъ почтенія привстали, а хозяинъ, ласково обнявъ его, усадилъ на своемъ мѣстѣ и предложилъ свой кубокъ съ варенухою. Всѣ глядѣли ему въ глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупецъ улыбался своимъ выдумкамъ. Когда три кубка перелились въ его утробу, то онъ, избоченясь, произнесъ: «что дашь, панъ Харитонъ, за добрыя вѣсти, привезенныя мною изъ города? Самъ сотникъ, отдавая мнѣ сей свертокъ бумагъ, сказалъ: поѣзжай, дружище, и бумаги сіи отдай самолично пану Харитону. Изъ сего заключаю», продолжалъ Анурій, «что онѣ благопріятны, ибо въ заключеніяхъ никогда не обманываюсь». — Понимаю, понимаю! сказалъ панъ Харитонъ, и съ улыбкою вышелъ. Едва успѣлъ панъ Анурій управиться съ четвертымъ кубкомъ, какъ панъ Харитонъ явился съ дарами и предложилъ ему новую шляпу изъ лучшей коровьей шерсти, новые сапоги, напитанные самымъ чистымъ дегтемъ, и глиняную трубку работы перваго гончара въ Полтавѣ. Панъ Анурій принялъ благосклонно подносимое и бросился къ своей одноколкѣ для укладки; послѣ чего, вошедъ въ собраніе съ большимъ запечатаннымъ сверткомъ бумагъ, учтиво подалъ оный пану Харитону и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ. Панъ Харитонъ, просмотрѣвъ бѣгло каждый листъ, сказалъ: у меня послѣ случившихся

а) Харитона Занозы.

тревогъ глаза что-то мутны; потрудись, панъ Анурій, самъ прочесть. Опредѣленіе сотенной канцеляріи не есть тайна.—Панъ Анурій съ важностію взялъ бумаги, вынулъ опредѣленіе, надѣлъ очки и началъ читать:

«Панъ Харитонъ Занова жалуется, что паны Иваны Зубарь и Хтара сожгли у него голубятню и съ голубями, коихъ было болѣе двухъ сотъ; а паны Иваны доказываютъ, что у старшаго изъ нихъ истреблена пасѣка, въ коей было не менѣе пятидесяти ульевъ.

«Сотенная канцелярія, по долгу своему вникнувъ въ сіи обстоятельства, опредѣляетъ:

1. Предположа, что у пана Харитона при сгорѣніи голубятни погибли всѣ голуби, коихъ было счетомъ болѣе двухъ сотъ, т. е. двѣсти одинъ, то, назнача высшую цѣну за каждаго по полушкѣ, выйдетъ убытку на пятьдесятъ копѣекъ съ полушкою. Но какъ паны Иваны клятвенно увѣряютъ, что въ пищу употребили только двадцать птицъ, слѣдовательно настоящаго чистаго убытку принесли на пять копѣекъ; прочіе же голуби частію разлетѣлись, частію сгорѣли. А какъ никто ни одному голубю не связывалъ и не обрѣзывалъ крыльевъ, то и прочіе могли улетѣть: и такъ они изжарились по доброй волѣ.

2. У пана Ивана старшаго истреблено пятьдесятъ ульевъ и, по теперешней порѣ, наполненныхъ сотами. По справочнымъ цѣнамъ каждый таковой улей стоитъ шестьдесятъ копѣекъ: и такъ всего убытку выйдетъ на тридцать рублей. Исключа изъ сей суммы пять копѣекъ, панъ Харитонъ причинилъ пану Ивану старшему истиннаго убытку на двадцать девять рублей девяносто пять копѣекъ, каковыя деньги въ теченіе трехъ дней и долженъ непремѣнно выдать писцу Анурію. Для необходимыхъ расходовъ сотенной канцеляріи удержится двадцать восемь рублей девяносто пять копѣекъ; за тѣмъ остающійся цѣлый рубль имѣетъ быть выданъ пану Ивану старшему съ роспискою».

Кто опишетъ бѣшенство пана Харитона! Онъ ломалъ на рукахъ пальцы, стучалъ въ полъ ногами и страшно поводилъ глазами. Наконецъ вскочилъ какъ отчаянный, подбѣжалъ къ изумленному писцу, выхватилъ роковое опредѣленіе, изорвалъ въ лоскутки и кинулъ въ глаза послу сотенной канцеляріи. Со всѣхъ сторонъ раздался шумъ и ропотъ. Панъ Харитонъ ничему не внималъ; онъ вопіялъ, оборотясь къ писцу: Зачѣмъ же вы разъѣзжали на лошадяхъ моихъ? а? Зачѣмъ орали землю моими волами и засѣвали ее моими сѣменами? а? Зачѣмъ пожирали моихъ овецъ и барановъ и изъ шкуръ ихъ дѣлали себѣ шубы? а? Зачѣмъ брали у меня деньги, душегубцы, бездѣльники, разбойники? Зачѣмъ выманивали у меня деньги, говорю я, когда не хотѣли держать мою сторону? а?

Съ симъ словомъ—къ ужасу всѣхъ гостей и семействъ ихъ,

ибо на громоподобный ревъ пана Харитона сбѣжались всѣ жены и дочери собесѣдниковъ—онъ поволокъ пана Анурія за воротъ, вытащилъ на дворъ, схватилъ въ охапку, стукнулъ въ одноколку, подалъ вожжи въ руки сидящему и, давъ двѣ добрыя поватыльщины, схватилъ съ земли березовый сукъ и началъ поражать имъ то лошадь, то Анурія. Бѣдное животное, сколько было въ немъ силы, бросилось со двора на улицу, а панъ Харитонъ, туда же выскоча, кричалъ вслѣдъ писцу: «скажи дураку сотнику и бездѣльникамъ членамъ сотенной канцеляріи, что они беззаконники и что я завтра же ѣду въ Полтаву позываться съ ними въ полковой канцеляріи!»

Одержавъ столь знаменитую побѣду надъ злѣйшимъ врагомъ своимъ по дѣлу о сожженной голубятнѣ и истребленной пасѣкѣ, паны Иваны съ торжествомъ ѣхали изъ города въ свою обитель, какъ на серединѣ дороги у стоявшей корчмы увидѣли они одноколку и тотчасъ узнали, кому принадлежитъ оная. «Вотъ кстати», сказалъ Иванъ старшій: «возьмемъ у Анурія принадлежащій намъ рубль и хорошенько его попотчуемъ».

Вошедъ въ сборную комнату, они и подлинно увидѣли пана Анурія за столомъ сидящаго у сулеи въ самомъ пасмурномъ положеніи. «Что такое, панъ Анурій?» вскричалъ Иванъ старшій: «сулея у самаго рта и печальный видъ—это что-то не клеится. Жидъ! подай-ка еще двѣ сулеи, съ чѣмъ хочешь, только бы съ самыми лучшими душами! Право, ты, панъ Анурій, великій дѣлецъ и весьма проворенъ! Возможно ли только въ такое короткое время управиться съ такою буйною головою, какова у негоднаго Занозы!»—И подлинно управился! сказалъ Анурій, съ горькою улыбкою и, наливъ кубокъ, пилъ изъ него съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Паны Иваны диковину сію замѣтили съ удивленіемъ, приступили съ разспросами, и Анурій разсказалъ все подробно. Выслушавъ съ подобающимъ вниманіемъ о семъ приключеніи, отъ существованія Малороссіи неслыханномъ, паны Иваны сердечно обрадовались, и старшій восплескалъ руками. Анурій показалъ весьма недовольный видъ и спросилъ:—Не ужели вы, коихъ я считалъ моими друзьями, можете радоваться, что затылку моему достались оплеушины, а спинѣ полновѣсные удары дубиною?—«Никакъ», отвѣчалъ Иванъ старшій: «мы радуемся и веселимся не тому, что именно тебѣ, нашему другу и ходатаю, достались славные побои, но тому, что они даны именитому писцу сотенной канцеляріи дерзвою рукою злобнаго Занозы. Мы надѣемся, что сіе злодѣяніе скорѣе его доконаетъ, чѣмъ застрѣленные кролики, перебитые гуси, утки, овцы и наконецъ истребленная пасѣка! Шутка ли только! Пану Анурію, мужу, посѣдѣвшему и оплѣшивѣв-

шему среди бумаги, чернилъ и перьевъ, надавать позатыльщинъ и разъ десять огрѣть орясиной!»— Ровно двѣнадцать разъ огрѣлъ онъ, отвѣчалъ надмѣнно панъ Анурій, а въ тринадцатый замахнулся и хотя сдѣлалъ промахъ, но все его должно счесть за ударъ. Притомъ же, при безчисленномъ множествѣ шляхтичей и шляхтянокъ онъ поносилъ самыми безчестными ругательствами сотника и всю сотенную канцелярію; волокъ меня черезъ всю комнату,— что все равно, какъ черезъ весь домъ; — за воротъ, которой достаетъ, какъ видите, до затылка,— а потому все равно, какъ бы волокъ за чубъ. О паны Иваны! если вы тому радуетесь, что Харитону Занозѣ достанется за сіе богопротивное дѣло съ лихвою, то мнѣ это любо! О, если бы у него было и вдвое имѣнія болѣе, нежели сколько онъ имѣетъ, то и его было бы недостаточно заплатить мнѣ за безчестье и увѣчье. Нѣтъ! надобно будетъ ему познакомиться съ городскою тюрьмою и отвѣдать, какой вкусъ имѣетъ черствый хлѣбъ и прѣсная вода. Вотъ вамъ рука моя, что это сбудется и притомъ скоро!

[1]) Василій Трофимовичъ Нарѣжный род. 1780 г., Полтавской губерніи въ Миргородскомъ уѣздѣ. Находясь при своихъ родителяхъ до одиннадцатилѣтняго возраста, онъ обучался подъ руководствомъ своего дяди, Андріевскаго-Нарѣжнаго, который въ 1792 г. помѣстилъ его въ дворянскую гимназію при москов. университетѣ. Въ 1798 г. Нарѣжный произведенъ въ студенты, а въ слѣдующемъ переведенъ въ университетъ. Въ 1801 г., при выпускѣ изъ университета, награжденъ серебряной медалью и офицерскимъ чиномъ. Того же 1801 г. поступилъ на службу чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ правителю Грузіи, Коваленскому, а потомъ опредѣленъ секретаремъ въ Лорійскую управу, гдѣ и находился до 1804 г. Отсюда онъ поступилъ въ экспедицію государственнаго хозяйства (по министерству внутреннихъ дѣлъ); произведенный 1806 г. въ титулярные совѣтники, назначенъ кабинета Его Величества въ горную экспедицію помощникомъ экспедитора. Въ 1811 г. получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а въ 1813 г. вышелъ въ отставку и женился. Въ это-то время написалъ онъ романъ «Россійскій Жильблазъ», котораго первыя три части были напечатаны, а остальныя три запрещены. Это обстоятельство крайне огорчило Нарѣжнаго и даже было причиною, что онъ почти оставилъ авторство и началъ думать о поступленіи вновь на службу. Черезъ два года послѣ отставки, онъ былъ опредѣленъ, въ 1815 г , въ инспекторскій департаментъ главнаго штаба Е. И. В.; въ 1816-мъ, за быстрое приведеніе запущенныхъ дѣлъ въ порядокъ, награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени, съ назначеніемъ исправлять должность начальника отдѣленія; въ 1818-мъ, произведенъ въ надворные совѣтники. Съ этого времени до 1821 г. онъ утро посвящалъ службѣ, а вечера исключительно литературѣ. Сидячая жизнь при напряженномъ трудѣ оказала гибельное вліяніе на его здоровье и сократила его жизнь. Онъ умеръ 1825 г., сорока пяти лѣтъ отъ роду. Отличительными его свойствами были простота, непринужденное обращеніе со всѣми, веселый и шутливый нравъ. Онъ чрезвычайно лю-

билъ дружескія бесѣды, которыя оживлялъ чтеніемъ собственныхъ произведеній или юмористическими разсказами. Изъ языковъ онъ зналъ лат., франц. и нѣм.

Сочиненія:

Димитрій Самозванецъ, траг. въ 5 д. (сочин. 1800 г., нап. 1804).

Россійскій Жильблазъ, или похожденія князя Гаврилы Семеновича Чистякова (1814). Напечатаны только три части; остальныя три части не были допущены къ печатанію и хранятся въ рукописи у сына автора.

Славенскіе вечера, книжка 1-ая (1809). Второе изданіе, съ прибавленіемъ 2-ой книжки, 1826 г.

Аристіонъ, или перевоспитаніе. Справедливая повѣсть, 2 ч. (1822).

Бурсакъ, малороссійская повѣсть. 4 ч. (1824). Другое изд. 1860 г.

Новыя повѣсти, 3 ч. (1824).

Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ, 3 ч. (1825).

Черный годъ или Горскіе князья, 4 ч. (1829).

Второе изданіе сочиненій Нарѣжнаго, подъ названіемъ «Романы и повѣсти», вышло въ 10 ч. (1836).

[2]) Въ этой повѣсти главное дѣйствующее лицо (Неонъ) разсказываетъ свои похожденія: изъ мнимаго сына дьячка Варуха онъ, подъ конецъ разсказа, оказывается внукомъ малорусскаго гетмана. Варулъ—пріятель Варуха, келейникъ ректора переяславской семинаріи, куда поступилъ Неонъ.

[3]) Содержаніе романа видно изъ его заглавія: это страсть къ тяжбамъ. Два друга шляхтича, Иванъ старшій и Иванъ младшій, поссорились за пустяки съ сосѣдомъ, шляхтичемъ Харитономъ Занозой, и начали съ нимъ процессъ, который, послѣ многихъ лѣтъ, кончился миролюбивой сдѣлкой: сыновья двухъ Ивановъ, Коронатъ и Никаноръ, воспитанники полтавской семинаріи, женились на дочеряхъ Занозы.

XXIV.

МЕРЗЛЯКОВЪ. ([1]).

А. НА РАЗРУШЕНІЕ ВАВИЛОНА (1805). ([2]).

Свершилось! нѣтъ его! — сей градъ,
Гроза и трепетъ для вселенной,
Величья памятникъ надменной,
Упалъ!.. еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмертвой!
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличъ!
Яремъ позорный прекратился,
Желѣзный скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!

Таковъ Егова, царь побѣдъ!
Таковъ предвѣчный правды мститель!
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель!
Изсякло море нашихъ бѣдъ!
Воскресла радость, миръ блаженный;
Подвигнулся Ливанъ священный,
Главу подъемлетъ къ небесамъ;
Въ восторгѣ кедры встрепетали:
Ты умеръ наконецъ! вѣщали,—
Теперь чего страшиться намъ!

Трясется адъ, сомнѣнья полнъ,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни;
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнъ!
Цари, герои царствъ прошедшихъ
Встаютъ съ престоловъ потемнѣвшихъ
Чудовище земли узрѣть:
«Какъ! ты, равнявшійся съ богами,
И ты теперь сравнялся съ нами,
Не думавъ вѣчно умереть!»
Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность не дерзаетъ?
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надменность звукъ побѣдъ!
Ты не взялъ ничего съ собою;
Какъ тѣнь, исчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ, свѣтлыхъ дней.
Ты въ жизнь копилъ себѣ мученье;
Твой домъ есть ночь, твой одръ—гніенье,
Покровъ—кипящій рой червей!
Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало,
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло:
Сегодня смотришь—блескъ исчезъ.
Вчера смирялъ народы въ страхѣ:
Смиренъ сегодня, тлѣешь въ прахѣ.
Вчера мечталъ съ собою ты:
«Вознесусь, пойду надъ облаками,
«Поставлю тронъ между звѣздами,
«Попру Сіона высоты!
«Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
«Устрою небеса чертогомъ
«И буду въ немъ всесильнымъ Богомъ!»...
Изрекъ—и превратился въ прахъ.
Идетъ сегодня путникъ бѣдный
И зритъ въ пустынѣ трупъ твой блѣдный,
На пищу брошенный звѣрямъ:
Стоитъ, не вѣритъ въ изумленьи,
Потомъ въ сердечномъ сокрушеньи
Возводитъ взоръ свой къ небесамъ.
Не се ли ужасъ нашихъ дней?
Не се ли варварской десницей
Содѣлалъ цѣлый міръ темницей,
Жилищемъ глада, бѣдъ, скорбей?..
Никто предъ смертію не станетъ;
Но память добрыхъ не увянетъ:
Ихъ прахъ святится отъ сыновъ.
Благою вѣрой огражденный,
Слезами бѣдныхъ оживленный,
Онъ спитъ въ обители отцовъ!
Одинъ твой трупъ, въ позоръ и срамъ,
Лежитъ на грозномъ полѣ брани;
Земля послѣдней бѣдной дани
Не хочетъ дать твоимъ костямъ;
Своей земли опустошитель,
Народа своего гонитель,
Лежишь межъ трупами враговъ,
Лишенный чести погребенья:
А тамъ — летитъ духъ бурный мщенья
Противъ сыновъ твоихъ сыновъ!
Рази, губи, карай злой родъ,
Прокляты вѣтви корни злова!
Въ нихъ скрыта язва, гибель нова,
Въ нихъ новый плѣнъ для насъ растетъ.
Всесильный рекъ: «Я самъ возстану,
Приду, одѣнусь въ бури, гряну,
И истреблю все племя злыхъ!
Въ градахъ ихъ звѣри поселятся,
Ихъ земли моремъ поглотятся,
Погибнетъ съ шумомъ память ихъ!»
Изрекъ — и святъ Его обѣтъ,

И вѣчно нерушимо слово!
Изрекъ—событіе готово!
Израиль! лести въ Богѣ нѣтъ...
Егова сломитъ рогъ тиранства
И узы тягостныя рабства
Огнемъ и кровію сожжетъ;
Подниметъ руку надъ вселенной...
Кто громъ удержитъ разъяренной?
Кто съ Богомъ брани въ брань пойдетъ?

Б. ВЕЛИЗАРІЙ, РОМАНСЪ (1806). (³).

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,—
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.
Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готѳовъ, вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей,—
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!
Несчастный,—за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,—
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!
Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарью благодѣтель!...»

В. ИЗЪ ПОСЛАНІЯ О СТИХОТВОРСТВѢ (1808).

Когда маляръ, въ жару, потѣя надъ картиной,
Напишетъ женскій ликъ на шеѣ лошадиной,
Все тѣло перьями и шерстью распестритъ,
И части всѣхъ родовъ въ урода помѣститъ:
Начавъ красавицей чудесное творенье,
Окончитъ рыбою, себѣ на прославленье...
Пизоны! можете-ль, скрѣпя свои сердца,
Не осмѣять сего безумнаго творца?
Повѣрьте мнѣ, друзья, съ такимъ малярствомъ сходны
И проза, и стихи, гдѣ мысли разнородны,
Какъ грезы соннаго или больнаго бредъ
Безъ толку смѣшаны на собственной свой вредъ:
Съ ногами голова въ мучительномъ расколѣ.
Вы скажете: «Поэтъ и живописецъ въ волѣ,
Что могутъ—выдумать, что въ умъ придетъ—писать!»

Кто спорить? Кто дерзнетъ права сіи отнять?
Съ охотой ихъ даемъ, и смѣло просимъ сами:
Но только съ тѣмъ, чтобъ лугъ украшенъ былъ цвѣтами
Весной, а не зимой; чтобъ въ вымыслахъ пѣвца
Съ мышами не жилъ котъ, а съ тиграми овца.
Начала пышныя нерѣдко обольщаютъ:
Ждемъ важнаго—и что жъ? На рубищѣ мелькаютъ
Кое-гдѣ пурпуры блестящей лоскутки:
По бархатнымъ лугамъ струятся ручейки;
Тамъ стонетъ мрачный лѣсъ; тамъ башня смотритъ въ волны;
Тамъ радужный чертогъ; тамъ Реинъ думы полный!...
Къ чему сей громкій вздоръ? Я дѣло знать спѣшилъ.
Положимъ: кипарисъ ты кистью оживилъ,—
Прелестно! Да за чѣмъ онъ въ страшной сей картинѣ,
Гдѣ буря, гдѣ корабль? Хозяинъ самъ въ пучинѣ
Тонулъ и вышелъ вонъ... чтобъ дать тебѣ за трудъ?
Положимъ: на-заказъ работаешь сосудъ—
Мнѣ страшной бочкою казался онъ сначала;
Но ты вертѣлъ, вертѣлъ: изъ бочки кружка стала!
Намъ правило дано природою самой:
Да царствуетъ вездѣ *единство съ простотой*!

Такъ! Часто мы, пѣвцы, не истиной единой,
Плѣняемся красотъ обманчивой личиной:
Я краткость сохранилъ—нельзя понять меня:
Пріятность, легкость есть—нѣтъ силы и огня;
Желая воспарить—въ безсмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть—и въ прахѣ пресмыкаюсь;
Я въ вымыслахъ богатъ — но что-жъ въ моихъ стихахъ?
Гуляетъ китъ въ лѣсу, играетъ вепрь въ волнахъ!
Спасаясь отъ бѣды, въ другую вязну болѣ.
Одинъ изъ хитрецовъ, въ Эмиліевой школѣ,
На бронзѣ изражалъ, въ диковинку, людей,
И мягкость волосовъ, и нѣжный видъ ногтей:
Искусство жалкое! Что пользы въ немъ для свѣта,
Когда не можетъ дать намъ цѣлаго предмета?
Нѣтъ! съ умникомъ такимъ стоять мнѣ на ряду
Есть то же, что имѣть отъ бога на роду
Кривой, нескладный носъ съ прекрасными глазами
И губки алыя съ отвислыми ушами!
Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ.
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ;
Какъ съ берега пловецъ объемлетъ путь пространный,

Вникайте въ свой предметъ и будьте постоянны.
Кто выбралъ хорошо и осмотрѣлъ свой трудъ,
Къ тому порядокъ, связь и мысли притекутъ.
Богатый, чѣмъ начать, чѣмъ кончить, угадаетъ,
Всему число, и часъ, и мѣсто назначаетъ.
Что лишнее—долой; что нужно—то въ запасъ;
Что должно говорить — то говоритъ сей часъ;
Что можно отложить—до времени оставитъ!...
Разборчивъ, точенъ, строгъ, самимъ собою правитъ.
Онъ знаетъ силу словъ, умѣетъ соглашать
И связью хитрою имъ новый видъ давать.

Исправность въ правилахъ не дастъ еще вѣнца;
Искусство намъ блеститъ, но хладными лучами;
Лишь чувство ихъ живитъ, лишь чувство правитъ нами.
По взгляду въ ближнемъ мы участіе беремъ:
Съ веселымъ—веселы, съ печальнымъ слезы льемъ.
Умѣй свои бѣды бѣдами намъ представить;
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!
Ты скученъ, слабъ: я сплю, или кляну тебя!
Ты въ горѣ—въ мракъ одѣнь и стихъ свой и себя;
Ты въ гнѣвѣ—поражай грозящими устами;
Ты гордъ—повелѣвай; шутливъ—рѣзвися съ нами.
Природа хитрая сердца своихъ дѣтей
Устроила для всѣхъ способными страстей:
Теперь мы радостны, но мигъ—трепещемъ въ страхѣ;
Съ надеждой въ небесахъ, съ отчаяньемъ во прахѣ.
Языкъ—органъ души, толковникъ думъ нѣмыхъ,
Языкъ равно течетъ съ движеньемъ чувствъ моихъ.
Слова, съ твоей судьбой и званіемъ несходны,
Наскучатъ знатокамъ, возбудятъ смѣхъ народный.
Мнѣ скажетъ разговоръ, кто рабъ, кто дворянинъ,
Гдѣ сѣтуетъ отецъ, гдѣ споритъ пылкій сынъ,
Гдѣ мать въ кругу дѣтей и гдѣ она съ гостями.
Поселянинъ, купецъ, бывалый за морями,
Аргивянинъ, халдей, колхидецъ, скиѳъ простой,
Всѣ въ добромъ и худомъ отмѣнны межъ собой.
Послѣдуй мнѣнію, или молвѣ народа,
Будь самъ зиждителемъ и дѣйствуй, какъ природа.
Согласное въ частяхъ одѣнь въ приличный видъ.
Ахиллъ передъ тобой пусть яростный грозитъ,
Жестокъ, неумолимъ, которому законы

Даютъ война и честь, и въ свѣтѣ нѣтъ препоны;
Пускай Медея адъ громами клятвъ трясетъ,
Пусть Іо странствуетъ, дщерь Кадма слезы льетъ,
Орестъ задумчивый готовитъ убіенье,
И строитъ Иксіонъ на святость покушенье!—

Г. ПѢСНЯ: «СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ» (1811).

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдетъ ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ-ли погодушка: кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близь него,
Ни кустики зеленые не вьются вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву рости!
Ахъ, горько, горько молодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много сребра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей: но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми: поклонъ, да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь-ли съ прохожими: поклонъ да пара словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня:
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ,
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь!
Возьмите-же все золото, всѣ почести назадъ:
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ!

Д. ПѢСНЯ: «Я НЕ ДУМАЛА НИ О ЧЕМЪ ВЪ СВѢТѢ ТУЖИТЬ».

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить:
Пришло время, начало сердце крушить.
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело!
То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло:
Полюбя дружка, отъ горести изныть,
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?
Злые люди всѣ украдкою глядять,
Меня дѣвушку заочно всѣ бранятъ....
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой!

Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со мной;
Было время и на васъ была бѣда;
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по себѣ,
А не всякій погорюетъ обо мнѣ!
Что же дѣлать съ горемышной головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него;
Людямъ нужды нѣтъ до сердца моего!...
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горючими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить.

Е. ПѢСНЯ: «ЧЕРНОБРОВЫЙ, ЧЕРНОГЛАЗЫЙ».

Чернобровый, черноглазый,
Молодецъ удалый,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя седцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью.
Для того ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того ли сердце любитъ,
Что бы горе мыкать?
Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ-скукѣ
Ретиваго сердца!
Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой;
Покажу ему платочекъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ,
Иссуши горючи слезы
На бѣлой ты груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими...

Воетъ сыръ боръ за горою,
Мятелица въ полѣ:
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ;
Не увидишь дорогова,
Ни прежняго счастья!
Не ходить-бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать-было глазами
Пригожихъ, удалыхъ!
Не любить-бы красной дѣвкѣ
Молодаго парня;
Поберечь-бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

Ж. РАЗБОРЪ ТРАГЕДІИ СУМАРОКОВА; «ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ» (1817 (4).

Дмитрій Самозванецъ въ 1771 году въ первый разъ представленъ въ императорскомъ театрѣ въ Петербургѣ. Сія трагедія, кажется, была счастливѣе всѣхъ трагедій Сумарокова, чему, безъ сомнѣнія, весьма много способствовалъ выборъ содержанія, какъ

ближайшаго къ тому вѣку, всѣмъ знакомаго и занимательнаго; потомъ не мало помогло самое искусство актеровъ, уже достигшихъ до весьма важной степени совершенства. Въ это время составлена была довольно полная труппа, главою и красотою которой былъ почтенный Дмитревскій, окруженный знаменитыми сотрудниками, Волковымъ и Крутицкимъ (5). Не почитаю нужнымъ разсказывать здѣсь содержаніе трагедіи Самозванца: оно всѣмъ извѣстно, ибо ни одна трагедія, не только Сумарокова, но и другихъ счастливыхъ его послѣдователей, безъ сомнѣнія, не имѣла столько представленій, сколько Дмитрій Самозванецъ. Должно признаться, правда, что и стихотворство въ сей трагедіи болѣе обработано, нежели въ другихъ піесахъ возстановителя нашего театра. Есть монологи, которые по крайней мѣрѣ въ представленіи производили и будутъ еще производить весьма сильное дѣйствіе; даже набатный колоколъ въ этой піесѣ, какъ нѣчто напоминающее, можетъ быть, о вѣчевомъ, играетъ довольно важную роль; мѣсто дѣйствія — Кремль, Москва; потомъ бояра русскіе и время, въ исторіи нашей столько важное, какъ переходъ отъ несчастнаго положенія Россіи къ самому счастливѣйшему; низверженіе злобнаго тирана, котораго память проклинается и церковію и обществомъ: все это вмѣстѣ весьма много способствовало тому, чтобы піеса была одною изъ занимательнѣйшихъ для публики россійской.

Вся трагедія заключаетъ въ себѣ послѣдній день низверженія тирана, изъ ничтожнаго состоянія вышедшаго, жестоко-лютаго, ненавистнаго, въ отчаянномъ положеніи находящагося. Вотъ съ какой точки зрѣнія должны мы судить о піесѣ. Чего требуетъ такое положеніе? Дѣятельности чрезвычайной во всѣхъ лицахъ враждебныхъ, дружественныхъ и особенно въ самомъ главномъ характерѣ. Кажется, это неоспоримо. Назовемъ всѣхъ дѣйствующихъ въ трагедіи: Димитрій Самозванецъ, Парменъ, наперсникъ его, князь Шуйскій, Георгій, Ксевія, военачальникъ и стража.

Я сказалъ уже, что сія трагедія въ продолженіе многихъ лѣтъ была, такъ сказать, царствующая въ нашемъ театрѣ, ее всѣ учили наизусть. Однако я смѣю сказать прямо, что она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія сего же автора. Вычислите всѣ необходимыя качества драмы: они всѣ нарушены, или пренебрежены. Вотъ непонятная странность въ уклоненіяхъ всеобщаго вкуса! Драма не можетъ быть безъ дѣйствія, которое составляетъ ея душу. Какое дѣйствіе въ Димитріи Самозванцѣ? Во всѣхъ пяти актахъ нѣтъ никакого. Димитрій грозитъ муками, смертію; себя обрекаетъ вѣчно жертвою гееннѣ; ни онъ не дѣйствуетъ, ни противъ него не дѣйствуютъ: ибо изъ разсказа на-

чальника стражи, три раза на сцену приходящаго, только знаемъ, что чернь бунтуетъ, приближается къ Красному крыльцу, входитъ въ государевы комнаты; но никто не отражаетъ ее. Кажется, будто хотѣлъ Димитрій между прочимъ жениться на Ксеніи и отравить свою супругу; но не видимъ, чтобъ сіе намѣреніе произведено было въ дѣйство какимъ-либо образомъ: онъ погибаетъ не отъ другихъ, но самъ собою. И такъ содержаніе сей трагедіи слѣдующее: *тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя*. Это могъ бы онъ сдѣлать и въ первомъ дѣйствіи и даже въ первомъ явленіи,—все бы было равно. Драма должна имѣть единство дѣйствія: какого требовать единства, гдѣ нѣтъ ничего? Далѣе, должны быть сохранены еще единства времени и мѣста. Въ разсужденіи времени, кажется, дѣйствіе началось по утру и оканчивается въ полночь, когда самозванецъ въ самыхъ ужасахъ бунта заснулъ и пробужденъ былъ мечтами грозными, а особливо набатнымъ колоколомъ, возвѣстившимъ послѣдній часъ его. Судя по сему, можно бы сказать, что единство времени соблюдено, если бы только что-нибудь дѣйствовало; но, говоря о сей трагедіи, надобно сказать, что оно *потрачено* и, соотвѣтственно правилу Аристотелеву, точно *потрачено не болѣе одного дня*: въ этомъ правъ Сумароковъ болѣе, нежели въ разсужденіи *мѣста*. Въ цѣлой піесѣ одна декорація, одна зала. Авторъ конечно такимъ образомъ весьма много услуживаетъ содержателямъ театра, избавляя ихъ отъ издержекъ, но нѣсколько обижаетъ наше честолюбіе: онъ думалъ, что мы столько незамѣчательны, столь легковѣрны и просты, что можемъ повѣрить тому, чего никакъ быть не могло; наприм. будто мы повѣримъ, чтобы разговоръ Самозванца съ Парменомъ, пріемная зала, тронная, опочивальная царская, кабинетъ, гдѣ совѣщаетъ онъ о тайныхъ дѣлахъ государственныхъ, и комната, гдѣ Ксенія видится съ своимъ Георгіемъ, съ Димитріемъ и Шуйскимъ, однимъ словомъ, гдѣ она живетъ и отправляетъ свой туалетъ, гдѣ начинается противъ Самозванца заговоръ и гдѣ сидитъ она подъ стражею,—чтобы все это происходило въ продолженіе столь критическаго времени не только въ одномъ дворцѣ, но и въ одной и той же залѣ. Прибавьте къ тому неизвѣстность мучительную, откуда и какъ кто являлся, и почему выходилъ на сцену или уходилъ съ нея. Особенно очень странно видѣть Ксенію одну, даже безъ наперсницы, въ чертогахъ столь развратнаго и свирѣпаго тирана, видѣть ее вмѣстѣ съ Георгіемъ, изъясняющихся весьма нѣжно въ своей страсти, и Шуйскаго, опаснѣйшаго врага Самозванцу, въ его комнатѣ, въ его, такъ сказать, глазахъ разглагольствующаго о существующемъ заговорѣ, дающаго совѣ-

ты Ксеніи и Георгію, объявляющаго скорую гибель тирану. Всѣ лица похожи на китайскія тѣни, переходящія, переносимыя совершенно безвинно изъ одной кулисы за другую, по мановенію деспотическаго прутика стихотворца, который освободилъ себя отъ всякой, даже малѣйшей отвѣтственности природѣ и строгому разсудку.

Дѣйствіе трагедіи должно быть *героическое*: цѣль важная, усилія необыкновенныя, страсти высокія, способности душевныя блистательныя, добродѣтели или пороки въ значительной степени великости. Какая цѣль у героевъ сей трагедіи? Не знаю. Шуйскій нигдѣ не говоритъ о намѣреніи своемъ пріобрѣсть тронъ; Димитрій не боится потерять его и, нимало не удерживаясь отъ злодѣйствъ, кажется, для забавы бесѣдуетъ объ адѣ и геєннѣ. Никто ничего не дѣлаетъ и не знаетъ, для чего не дѣлаетъ; страстей также нѣтъ: ибо если бы точно любилъ Димитрій или юную Ксенію, или самого себя, то бы видно было, что онъ стремится къ цѣли, то есть или къ обладанію княжной, или къ сохраненію трона. Какой характеръ Самозванца? Золъ ли онъ? Правда, что онъ такъ о себѣ сказываетъ; но, по моему, онъ весьма добръ, ибо переноситъ равнодушно всѣ грубыя личныя оскорбленія Георгія и Ксеніи, никому не мститъ, а только грозитъ. Такой человѣкъ весьма неопасенъ; онъ глупъ просто. И такъ нѣтъ дѣйствія героическаго; а изъ того слѣдуетъ, что нѣтъ и характеровъ героическихъ. Еще вопросъ: есть ли по крайней мѣрѣ *какіе-нибудь* характеры? Когда подъ характеромъ разумѣть должно особенныя отличительныя черты одного человѣка, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно показать различія между лицами сей трагедіи: Димитрій не похожъ на Георгія, на Шуйскаго, на Пармена, и каждое лице также. Но когда подъ характеромъ разумѣть то, что всего важнѣе—постоянный образъ дѣйствованія, мыслей, поступковъ, однимъ словомъ поведеніе героя трагическаго; то сія піеса не имѣетъ почти ни одного характера.

Что такое Парменъ? Не знаю. Надобно думать, что онъ весьма приближенный человѣкъ къ Самозванцу, ибо говоритъ ему всегда открыто и смѣло, и тотъ слушаетъ терпѣливо его укоры. Между тѣмъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ-бы онъ показалъ ему свое настоящее усердіе и вѣрность; равномѣрно нѣтъ также ни одного признака и измѣны его или приверженности къ противной сторонѣ. Онъ уговариваетъ Димитрія часто, ободряетъ надеждою на милосердіе Божіе, совѣтуетъ, философствуетъ, но безъ всякаго дѣйствія противъ него иль за него. Кажется, втайнѣ онъ самъ желалъ и низверженія тирана. Онъ не выставленъ нигдѣ и патріотомъ русскимъ. Шуйскій ему не довѣряетъ, и онъ не имѣлъ уча-

стія въ заговорѣ. Пойдемъ далѣе. Шуйскій — скрытный непріятель Димитрія. Онъ притворяется предъ нимъ каждую минуту и къ тому же принуждаетъ Ксенію и Георгія. Въ однѣхъ и тѣхъ же царскихъ палатахъ онъ и ругаетъ Самозванца и льститъ ему, но впрочемъ не видно ни одногопредпріятія, ни одного движенія, ни одной мысли къ низверженію тирана; даже намъ ничего неизвѣстно до самаго третьяго акта, гдѣ, по отшествіи Пармена, говоритъ самъ съ собою Шуйскій:

Лукавствуй ты, иль нѣтъ, Димитрій мной увянетъ и пр.

До сего времени онъ былъ истинно загадкою. Теперь мы его знаемъ, но все не видимъ никакого дѣйствія. Льстивость и угодливость его предъ тираномъ даже до излишества простерты: онъ такъ явно и дерзко обманываетъ Лжедимитрія, что хитрость его перестаетъ быть хитростію или политическимъ средствомъ; онъ такъ унижается, что нарушаетъ приличія сана своего.

Дѣятельность каждаго лица имѣетъ два средства показать себя: слова и поступки. Шуйскій не сказываетъ и не объясняетъ поступковъ ни своихъ собственныхъ, ни своихъ соучастниковъ: что же можетъ быть въ развязкѣ занимательнаго для зрителя? Не знаю и его характера, ибо не вижу, какъ онъ дѣйствуетъ, не вижу ума, ловкости, силы, вліянія его на общее мнѣніе: вообще нѣтъ ничего особеннаго, важнаго, чѣмъ отличалось бы сіе главное дѣйствующее лице; тѣмъ болѣе жаль этого, что, кажется, Димитрій его боялся. Въ немъ виденъ только человѣкъ, который ожидалъ, что другіе сдѣлаютъ въ его пользу, а самъ пребывалъ въ покоѣ. Въ одномъ этомъ характерѣ онъ выдержанъ *точно* отъ начала до конца: вездѣ ровенъ, то есть вездѣ незанимателенъ.

Ксенія и Георгій—дѣти, водимыя на помочахъ. По молодости своей они иногда спотыкались, падали и убивали себя. Тотъ и другая, по вольности, позволенной дѣтямъ, говорятъ ужасныя грубости и ругательства тирану *милосердому*; иногда философствуютъ, иногда сердятся, ласкаютъ другъ друга, но всегда остаются при своемъ: вся отъ нихъ польза не для зрителей, но для автора та, что они милымъ пастушескимъ или ребяческимъ своимъ болтаньемъ наполняютъ пять актовъ. Должно впрочемъ замѣтить и то, что эпизодъ любви Ксеніи и Георгія, занимающій почти всю трагедію отъ начала до конца, вставленный, кажется, съ намѣреніемъ для произведенія завязки и развязки, совсѣмъ не имѣетъ вліянія на главное дѣйствіе. Надобно было показать, что прежняя супруга дѣйствительно отослана отъ двора или умерщвлена тираномъ; что первый вельможа и князь Шуйскій оскорбленъ былъ требованіемъ дочери своей въ супруги Лжедимитрію, или что, не въ си-

лахъ будучи противиться тирану, онъ выжидалъ случая. Впрочемъ и эти способы не трагическіе, а комическіе. Что теперь трагедія Димитрій Самозванецъ? Анюта и Степанъ, дочери богатаго крестьянина, любятъ другъ друга. Бурмистръ сластолюбивый, сильный и глупый, полюбилъ дѣвушку; онъ требуетъ руки ея у отца и угрожаетъ солдатствомъ и пытками любовнику, отцу и дѣвушкѣ. Но кстати случилось: крестьяне озлобленные, безъ всякаго со стороны обиженныхъ внушенія, ожесточились и довели его до того, что онъ самъ себя зарѣзалъ, не дождавшись законами положенной казни. Сколько оперъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, изъ которыхъ, кажется, взялъ свое содержаніе Сумароковъ для Димитрія Самозванца! Инаго источника не нашелъ онъ. Я говорю: *точно* взялъ, ибо исторія не представляетъ намъ Ксеніи, дочери Шуйскаго; но Ксенія была, по свидѣтельству историковъ, дочь Годунова, прелестная, одаренная всѣми достоинствами тѣлесными и душевными. Не знаю, для чего Сумароковъ выдумалъ сію Ксенію? Пусть бы для того, чтобы Шуйскому посредствомъ брака пріобрѣсть способъ приближиться къ трону, чему видимъ мы весьма многіе примѣры въ честолюбивыхъ вельможахъ. Здѣсь совсѣмъ противное. Шуйскій не хотѣлъ выдать своей дочери за Лжедимитрія и не употреблялъ въ этомъ переворотѣ дочь свою орудіемъ къ достиженію своей цѣли, ибо все дѣлалось за кулисами и не зависѣло нимало отъ сей любви; и кончился сей заговоръ съ успѣхомъ совершенно по другимъ причинамъ, для насъ сокрытымъ. Вы читаете довольно странный стихъ Ксеніи: *избавь Россію мной, о небо правосудно!* Милостивые государи, видѣвшіе и читавшіе сію піесу, скажите: какимъ образомъ спасла Россію Ксенія и какъ любовь ея способствовала спасенію царства въ лицѣ отца и въ ней самой? Послѣ того еще спрашивается: для чего же любовь сія? Но отнимите ее,—что останется въ трагедіи?

Сколько сіи роли ни слабы, ни уродливы, ни малозначительны, однако всѣ онѣ безъ всякаго сомнѣнія лучше роли Димитрія, котораго, признаюсь, описать я силы не имѣю. Не знаю, что хотѣлъ представить въ немъ авторъ; недоумѣваю, какое чувство къ нему хотѣлъ возбудить въ зрителяхъ. Въ немъ все склеено несообразное и противоположное въ природѣ. Явная ненависть и удивительно снисходительное терпѣніе, подозрительность и безпечность, могущество и безсиліе, раскаяніе и стремленіе къ новымъ злодѣяніямъ, алчба къ пролитію крови и нерѣшимость, какая-то набожность, кажется, чувствующая всю черноту души своей, и готовность злодѣйствовать вновь; сластолюбіе и холодность самая бездѣйственная, пылкость и спокойствіе удивительное, ярость и равноду-

шіе, гордость и терпѣніе ругательствъ и озлобленій чувствительнѣйшихъ,—все это одѣто въ глупость, тупоуміе, фанфаронство, въ безсиліе, въ характеръ послѣдняго слѣпотствующаго человѣка: вотъ летаргическій, нескладный составъ Димитрія душевно и тѣлесно. Онъ любитъ поляковъ, какъ своихъ защитниковъ и друзей, и между тѣмъ нѣтъ при немъ ни одного поляка въ самой крайности его положенія. Онъ сердился и грозилъ только, пока наконецъ самъ собою отправился на тотъ свѣтъ. Въ немъ есть что-то хаосное, безъ намѣренія, безъ движенія, безъ силъ, безъ жизни. Желалъ бы я весьма угадать мысль Сумарокова при составленіи сего чудовища, но догадки мои останутся тщетными. Иногда,кажется, онъ хотѣлъ сдѣлать его презрительнымъ, но этого мало для трагедіи: презрительное лице не есть трагическое; но ненависть возбуждается не словами, а поступками, а въ цѣлой трагедіи онъ не сдѣлалъ ни шагу ни тайно, ни явно. Иногда, кажется, хотѣлъ показать оттѣнки его прежняго званія и привычекъ, не могущихъ сокрыться и подъ царственною, похищенною имъ порфирою: онъ безпрестанно говоритъ о небѣ, гееннѣ, мукахъ, о гнѣвѣ Божіемъ, о томъ, что онъ лишенъ всякаго помилованія въ семъ и будущемъ вѣкѣ; но что значатъ сіи слова сами по себѣ? Безсовѣстный ростовщикъ, крестясь и молясь, меня грабитъ, но такъ и быть—по крайней мѣрѣ уже грабитъ. Димитрій ничего не дѣлаетъ. Онъ хочетъ подъ окнами своими вѣшать Шуйскаго и Георгія, а въ его чертогахъ уже бунтъ! Онъ въ изступленіи кричитъ стражѣ:

Бѣги! куда бѣжать?

Онъ самъ себѣ говоритъ:

Люблю себя—за что, того не вижу.

И сіе изступленіе угасло вмѣстѣ съ словами! Въ первомъ еще актѣ догадывался онъ, что *мятежъ отъ Шуйскаго*, а не принялъ никакихъ мѣръ: онъ спалъ въ самый тотъ часъ, когда уже весь Кремль былъ въ движеніи и въ комнаты его вторгался народъ, справедливо негодующій.

Ради Бога, объясните мнѣ, какой имѣетъ характеръ Димитрій, или паче увѣрьте меня, что его можно было выставить на сцену. Надобно думать, Сумароковъ чувствовалъ и самъ, что сіе лице или совсѣмъ не представительное, или такое, которое показывается съ особымъ намѣреніемъ: непосредственно и прямо для возбужденія отвращенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ представлять злодѣя отринутаго, проклинаемаго церковію и народомъ,—представлять на сценѣ, удовольствію сладостному посвященной? Такія лица не принадлежатъ драмѣ. Представивъ Лжедимитрія въ лучшемъ видѣ, авторъ погрѣшилъ бы противъ общаго мнѣнія; представивъ такимъ, каковъ онъ теперь, непростительно погрѣшилъ трагикъ про-

тивъ правилъ поэзіи. Въ томъ и другомъ случаѣ содержаніе сіе неспособно для трагедіи.

[1]) Мерзляковъ, Алексѣй Өедоровичъ (1778 — 1830), сынъ небогатаго купца Пермской губ., получилъ начальныя основанія въ наукахъ въ пермскомъ главномъ народномъ училищѣ при директорѣ онаго Ив. Иван. Панаевѣ. Тринадцати лѣтъ написалъ онъ «Оду на заключеніе мира со шведами», которая была отправлена къ главному начальнику народныхъ училищъ, гр. П. В. Завадовскому, и чрезъ него представлена императрицѣ Екатеринѣ II. Государыня приказала напечатать это сочиненіе въ издававшемся тогда при Академіи журналѣ и нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя. Сверхъ того повелѣно было Мерзлякова, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, отправить на казенный счетъ въ Петербургъ или Москву для продолженія наукъ. Въ 1793 г. Мерзляковъ прибылъ въ Москву и порученъ куратору университета Хераскову, который помѣстилъ его въ гимназію. Отсюда (1798) онъ перешелъ студентомъ въ университетъ. Къ этому періоду занятій относятся первые опыты его стихотвореній, помѣщенныя въ изданіи Подшивалова: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794 — 1798). Въ тоже время онъ сблизился съ Жуковскимъ и его другомъ, Андреемъ Тургеневымъ, однимъ изъ сыновей директора университета, И. П. Тургенева. Труды воспитанниковъ благороднаго пансіона выходили съ 1800 по 1808 г. (всего 6 книжекъ). Здѣсь, изъ стихотвореній Мерзлякова, особенно замѣчательны: «Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря», «Утро (для дѣтей)» и Гораціева «Наука стихотворная». Въ 1804 г. Мерзляковъ произведенъ въ магистры; того же года, по преобразованіи московскаго университета, занялъ въ немъ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи; въ слѣдующій за тѣмъ годъ (1805) получилъ степень доктора и званіе адъюнкта; въ 1807 г., избранъ въ экстраординарные профессоры, а въ 1810-мъ утвержденъ профессоромъ ординарнымъ. Онъ зналъ древніе и нѣсколько новыхъ языковъ: французскій, нѣмецкій и италіанскій. Съ послѣдняго онъ переводилъ очень много. Тассъ, Метастазій и Алфіери были его любимыми писателями.

За два года до нашествія непріятеля, кн. Борисъ Владиміровичъ Голицынъ предложилъ Мерзлякову въ домѣ его открыть публичный курсъ словесности. Бесѣды начались въ 1812 г. и имѣли предметомъ теорію изящнаго. Война съ Наполеономъ и смерть князя отъ ранъ, полученныхъ на Бородинскомъ полѣ, воспрепятствовали продолженію чтеній. Въ 1815 г. Мерзляковъ издавалъ Амфіонъ (12 книжекъ). Здѣсь напечатаны многія его стихотворенія и переводы изъ древнихъ, также изъ Тасса, и цѣлый почти годъ тянулся разборъ «Россіады», написанный въ формѣ письма къ другу (Жуковскому). Въ 1816 г. возобновились публичныя чтенія о словесности. Курсъ состоялъ изъ 20 лекцій и обнималъ сначала общія правила о краснорѣчіи и поэзіи, потомъ изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій, и наконецъ чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей. Такимъ образомъ была достигнута цѣль профессора образовать изъ своихъ чтеній нѣкоторый родъ курса словесности, котораго первая часть заключала бы въ себѣ теорію, а другая критику (Біограф. словарь профессоровъ моск. университета, ч. 2).

Переводы и сочиненія Мерзлякова:
Эклоги Виргилія Марона (1807).
Идилліи Дезульеръ (1807).
Краткая риторика, или правила,

*

относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ, выдержавшая 4 изданія: 1809, 1817, 1821, 1828.

Краткое начертаніе Теоріи изящной словесности, 2 ч. (1821—1822). Переводъ изъ Эшенбурга.

Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, съ разсужденіемъ о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ, 2 ч. (1825—1826).

Освобожденный Іерусалимъ, Тасса, пер. съ итал., 2 ч. (1828).

Краткое руководство къ эстетикѣ, пер. изъ Эшенбурга (1829).

Пѣсни и романсы (1830).

Стихотворенія изданы въ 1867 г. Обществомъ любителей Рос. словесности въ Москвѣ.

[2]) Ода, выбранная изъ пророка Исаіи (гл. XIV, ст. 5—28)».Эта ода, вмѣстѣ съ другимъ опытомъ религіозной лирики Мерзлякова: «Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря» почитались лучшими переложеніями изъ Св. Писанія послѣ переложенія Ломоносова изъ книги Іова.

[3]) Этотъ романсъ долгое время пользовался извѣстностью въ образованномъ кругу.

[4]) Это одинъ изъ лучшихъ критическихъ разборовъ, написанныхъ Мерзляковымъ. Печатая его, мы исключили стихи, которые критикъ приводилъ изъ трагедіи въ подкрѣпленіе своего объ ней сужденія.

[5]) Здѣсь Мерзляковъ ошибся. Трагедія Димитрій Самозванецъ была представлена черезъ восемь лѣтъ по смерти Волкова († 1763).

XXV.

ЖУКОВСКІЙ ([1]).

А. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ. (1802). ([2]).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ

Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крика пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ;
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тмѣ убогаго дѣламъ.

На всѣхъ ярится смерть—царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная… и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперстники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами:
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Уже ль смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,

Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ.
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ—

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять
И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей...

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся

И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

«Нерѣдко къ вечеру, скитаясь межъ кустами—
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить.

«Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ— не находилъ.

«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить.»

Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;

Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ міръ семъ;
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ — чъмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всъхъ земныхъ тревогъ,
Здъсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

В. ЛЮДМИЛА (1808). (²).

«Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?»
Такъ Людмила, пріунывъ,
персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
«Возвратится ль онъ—мечтала—
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію славянъ?»
Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчится шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!»...
А Людмила?... Ждетъ — подождетъ....
«Тамъ дружину онъ ведетъ!»
«Сладкій часъ соединенья!»...
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй..
Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ;
Томну голову склонила:
«Разступись, моя могила!
Гробъ откройся! полно жить;
Дважды сердцу не любить».
«Что съ тобой, моя Людмила?»
Мать со страхомъ возопила.
«О, спокой тебя Творецъ!»
— Милый другъ! всему конецъ;
Что прошло—невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ...
Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣ жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое провидѣнье?
Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости! всему конецъ!—
«О Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ».
— Ахъ! родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?

Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей.
Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?—
«Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ;
Кратко жизни сей страданье;
Рай—смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ.»
— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай;
Съ милымъ розно—райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала...
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!... полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ...
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
Вдругъ... идетъ... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихимъ шопотомъ сказали...
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
— Спитъ иль нѣтъ, моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ.—
«Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?»
— Близь Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ—
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя; моею будь!...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ.—
«Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ.»
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;

Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.—
«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колоколъ гудитъ.»
—Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится.—
«Гдѣ жъ, скажи, твой тѣсный домъ?»
—Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.—
Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ:
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.
«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?»
—Что до мертвыхъ! что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
«Чу! въ лѣсу потрясся листъ,
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ.»
—Близко ль, милый?—«Путь далекъ.»—
Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ;
Будто плещетъ ручеекъ.
«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?»
—Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
«Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣе мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ.»
— Близко ль, милый?—«Вотъ примчались!»
Слышутъ: сосны зашатались;
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди нихъ—Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ, чуть слышный шопотъ—

Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.
Что же чудится Людмилѣ?
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ—глухой подземный громъ,
Страшно доски затрещали,
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ;
Тихо, тихо вскрылся гробъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?...
Ахъ невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ; женихъ — мертвецъ.
Видитъ: трупъ оцѣпенѣлый,
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ.
Страшенъ милый прежде видъ:
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манитъ перстомъ...
«Конченъ путь: ко мнѣ Людмила!
Намъ постель — темна могила;
Завѣсъ— саванъ гробовой;
Сладко спать въ землѣ сырой.»
Что жъ Людмила?... Каменѣетъ,
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ;
Визгъ и скрежетъ подъ землею;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
«Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ;
Твой услышалъ стонъ Творецъ:
Часъ твой билъ, насталъ конецъ.

В. ИЗЪ ПОВѢСТИ: ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ (1811). (*)

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ его дремучій боръ;
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой
И думаетъ онъ думу:
«Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть!
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
А мнѣ—сума награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды....
Усталъ я! въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды.»

Готовъ онъ прянуть съ крутизны...
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье—
Старикъ съ шершавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами,
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою.

И тотъ, какъ вкопаный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

—Куда? невѣдомый спросилъ.—
«Въ волнахъ скончать мученья.»
—Почто жъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья?—
«Кто ты?» воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя·
—Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея.—
«Творецъ небесный!» —Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ ограды;
Забудь о Богѣ—мнѣ молись:
Мои вѣрнѣй награды.

—Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю;
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ—
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

—Клянусь... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу.—
Невольно вздрогнулъ Громобой
По членамъ хладъ стремится,
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
—О чемъ задумался, глупецъ?—
«Страшусь мученій ада.»
—Но рано ль, поздно ль.... наконецъ
Все адъ твоя награда.

—Тебѣ на свѣтѣ жить—бѣда;
Покинуть свѣтъ—другая;
Останься здѣсь, поди туда—
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ—бредни: веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

—Тебѣ я теремъ пышный дамъ
И тьму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ—
Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ—вздумалъ, загадалъ,
И все передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ—не болѣ—срокъ
Тебѣ такъ жить богато.

—Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою,—
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою.—
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье;

Лукавый принялъ и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

Но вотъ... настал десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ:
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны селы.
Не зритъ лишь онъ златой весны:
Его померкли взоры,
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ —
«Прости, гласитъ, денница!»
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ—
«Прости, весны пѣвица!...
Прости—и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя!»
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: они Творца смягчатъ,
Невиннымъ Богъ внимаетъ.

И вотъ... настал послѣдній день;
Ужъ солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокій на полахъ,
И близокъ часъ полночи...

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю.
«Увы! молитесь!—(вопіялъ)
Молитесь, погибаю!»
Младенца внятенъ небу стонъ;
Невинныя молились;
Но вдругъ.... на нихъ находитъ сонъ...
Замолкли... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ:
Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ,
Вотъ... стая псовъ завыла.
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы! послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише.... смолкъ... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

—Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою;
Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ;
Пришелъ я за тобою.—
«О дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ.»
—Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ.—
«Минуту!»—Слышишь? Цѣпь звучитъ.—
«О страшный часъ! помилуй»!

— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужъ могилу.

—Заутра день взойдетъ во мглѣ:
Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья;
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
Навѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій, миръ съ тобою!

—И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время.... идутъ... часъ приспѣлъ...
Внимай ихъ завыванье;
Сошлись.... призывный слышу кличъ....
Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ .... свищетъ бичъ...
Оковы разжигаютъ.—
«Спаситель-Царь, вонми слезамъ!»
Напрасное моленье!—
«Увы, позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье!»

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ—
Сверкнули страшно очи!
—Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи....
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.—
И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:

—Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сей часъ
На скорби и мученья.

—Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ по милости своей,
На каждую по году.—
«Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!»
Ты медлишь? приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!—
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тьма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ,
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: «страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!»
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ...
Онъ пишетъ ихъ рукою...
О страхъ! свершилось!... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

г. ИЗЪ ПѢВЦА ВЪ СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ (1812). (*).

Пѣвецъ. На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;

Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино—
Веселіе героя!
Воины. Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино
Веселіе героя!
Пѣвецъ. Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ.
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ,
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ:
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите: въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами!
О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ!
Се твой полетъ орлиной!
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной!
И ты, невѣрнымъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца—снѣдь мечей!
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о хищникъ! пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ—костей громады!
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой,
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи!
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ!
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе, горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый.
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!...
За гибель — гибель, брань за брань,
И казнь тебѣ, губитель!
Воины. Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, Вѣчный Мститель!...
За гибель — гибель! брань — за брань!
И казнь тебѣ, губитель!
Пѣвецъ. Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Тамъ все—тамъ родшихъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы, прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!
Воины. За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!
Пѣвецъ. Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти твоя держава!
Священный тронъ твой—намъ алтарь!
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава!
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О Царь! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ — славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный.

Д. СВѢТЛАНА (1818). (*).

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана;
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?

Вымолви словечко!
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
«Скуй мнѣ злать и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое;
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ!

—Какъ могу, подружки, пѣть!
Милый другъ далеко!
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышитъ.
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью:
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель!—

Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою».

Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ, кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лiетъ сiянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь;
Страшно ей назадъ взглянуть;
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ;
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ.
Вотъ—легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами,
Занялся отъ страха духъ;
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихiй, легкiй шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась—милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами!»—
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкiй дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли—кони съ мѣста въ разъ;
  Пышутъ дымъ ноздрями,
От копытъ ихъ поднялась
  Вьюга надъ санями.
Скачутъ—пусто все вокругъ,
  Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
  Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
  «Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
  Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
  Топчутъ снѣгъ глубокій;
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
  Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
  Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
  Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
  «Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
  Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ;
  Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
  Вьется надъ санями.
Воронъ каркаетъ: печаль!
  Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
  Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ —
  Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
  Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися—и вмигъ
  Изъ очей пропали;
Кони, сани и женихъ
  Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ,
  Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
  Вкругъ мятель и вьюга;
Возвратиться—слѣду нѣтъ.
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
  Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ;
Дверь шатнулася, скрипитъ,
Тихо растворилась.

Чтожъ? Въ избушкѣ гробъ накрытъ
  Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
  Свѣчка предъ иконой!
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
  Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
  Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
  Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
  Робко притаилась.

Все утихло—вьюги нѣтъ;
  Слабо свѣчка тлится:
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
  То опять затмится;
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
  Страшное молчанье!...
Чу, Свѣтлана! въ тишинѣ
  Легкое журчанье!
Вотъ глядитъ: къ ней въ уголокъ

Бѣлоснѣжный голубокъ
  Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
  Обнялъ ихъ крылами!

Смолкло все опять кругомъ.
  Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
  Мертвый шевелится;
Сорвался покровъ; мертвецъ—
  (Ликъ мрачнѣе ночи)
  Виденъ весь: на лбу вѣнецъ,
  Затворенны очи.
Вдругъ въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
  Руки охладѣлы.
Что же дѣвица? дрожитъ,
Гибель близко... но не спитъ
  Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ,
  Легкія онъ крилы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
  Всей лишенный силы,
Восстенавъ, заскрежеталъ
  Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
  Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
  Смерть изобразилась!
Глядь, Свѣтлана—о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
  Ахъ!—и пробудилась.

Гдѣ жъ? У зеркала, одна
  Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
  Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
  День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
  Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ.
Не добро вѣщаетъ онъ—
  Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей—
  Радость иль кручину?»

Сѣла—тяжко ноетъ грудь—
  Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
  Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
  Паръ алѣетъ тонкій...
Чу! въ дали пустой гремитъ
  Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
  Сани кони рьяны;
Ближе.... вотъ ужъ у воротъ....
Статный гость на дворъ идетъ....
  Кто? женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
  Прорицатель муки?
Другъ съ тобой: все тотъ же онъ
  Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ,
  Тѣжъ пріятны взоры,
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
  Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
  Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
  Пойте: многи лѣты!

———

*

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы:
Слава—насъ учили—дымъ;
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ;
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.»

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!

Е. ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ (1815). (7).

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ,
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни.
Давно улетѣвшая младость.

Все тѣжъ берега, и поля, и холмы,
И тоже прекрасное небо;
Но гдѣжъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ:
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ невдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море...
Вдругъ видитъ Эсхина—и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина,

И взглядъ на него любопытный вперилъ:
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ:
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

—Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда—лукавый предатель!

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?—

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
«Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна!

«О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

«Вотъ счастье, о другъ мой, оно не мечта!
Эсхинъ, я любилъ, и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала!

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

«Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотщели столь были прелестны?

«О, нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:

Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же—все ею онъ полонъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни:
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ авроры.

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою!

«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой! онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

«Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь;
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О другъ мой! искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ.
Дай руку! близь вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись:
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

«Все Небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу — Зевесу!»

Ж. ПРОЩАНІЕ ІОАННЫ Д'АРКЪ СЪ РОДИНОЮ (1818). (*).

Простите вы, холмы, поля родныя!
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться;
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстроточной,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя,—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя...
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя,
Цвѣтущаго младенца не ласкать...
Но въ битвахъ Я главу твою прославлю:
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ,
Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь надѣть корону.»

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье:
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье

Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками
стали!
Взвились кони, и трубы зазвучали!

3. ПЕРИ И АНГЕЛЪ (1821). (*).

Однажды Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ.
Ей слышалось: въ той сторонѣ,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи,
И неба райскаго лучи
Лились въ полуотверсты двери
На крылья одинокой Пери.
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена:
«Тамъ духи свѣта обитаютъ!
Для нихъ цвѣты благоухаютъ
Въ неувядаемыхъ садахъ!
И на землѣ, и на водахъ,
И на свѣтилахъ поднебесныхъ,
Есть много мнѣ цвѣтовъ прелест-
ныхъ,—
Но я чужда ихъ красоты:
Они не райскіе цвѣты!
Обитель роскоши и міра,
Свѣжа долина Кашемира:
Тамъ свѣтлы озера струи,
Тамъ сладкогласные ручьи,—
Но что ихъ блескъ передъ бли-
станьемъ,
Что сладкій гласъ ихъ предъ жур-
чаньемъ
Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ!
Направь стремительный полетъ
Къ безчисленнымъ звѣздамъ со-
зданья,
Среди ихъ пышнаго блистанья
Неизмѣримость пролети,
Всѣ ихъ блаженства изочти,
И каждое пусть вѣчность длится...
И вся ихъ вѣчность не сравнится
Съ одной минутою небесъ!»
И быстрые потоки слезъ
Бѣжали по ланитамъ Пери.
НоАнгелъ,стражъ Эдемской двери,
Ее, прискорбную, узрѣлъ;
Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ,
Онъ вслушался въ ея стенанья,
И ангельскаго состраданья
Слезой блеснули очеса:
Такъ чистой каплею роса
Въ сіяньи райскаго востока,
Такъ капля райскаго потока
Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
Который дышитъ лишь въ одномъ
Саду небесъ (гласитъ преданье).
И онъ сказалъ ей: «упованье!
Узнай, что небомъ рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земнаго края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
Лети—найди—судьба проститъ:
Впускать утѣшно примиренныхъ!»

Быстрѣй кометъ воспламенен-
ныхъ,
Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей,
Которые во тьмѣ ночей
Въ десницѣ ангеловъ блистаютъ,
Когда съ небесъ они свергаютъ
Духовъ, противныхъ небесамъ,—
По свѣтлоголубымъ полямъ
Эѳирнымъ Пери устремилась,
И скоро Пери очутилась
Съ лучемъ денницы молодой
Надъ пробужденною землей.
«Но гдѣ искать святаго дара?
Я знаю тайны Хильминара:
Столпы тамъ гордые стоятъ;

Подъ ними скрытые, горятъ
Въ сосудахъ геніевъ рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близь Аравійской стороны
Во глубинѣ погребены
Тамъ острова благоуханій.
Знакомъ мнѣ край очарованій:
Воды исполненный живой,
Сосудъ Ямхидовъ золотой
Таится тамъ, хранимъ духами...
Но съ сими ль въ рай войти дарами?
Сіи дары не для небесъ!
Что камней блескъ въ виду чудесъ,
Престолу Аллы предстоящихъ?
Что капля водъ животворящихъ
Предъ вѣчной бездной бытія!»
Такъ думая, она въ края
Святаго Инда низлетала:
Тамъ воздухъ сладокъ; цвѣтъ коралла,
Жемчугъ и злато янтарей
Тамъ украшаютъ дно морей;
Тамъ горы зноемъ пламенѣютъ
И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣютъ;
И рѣки, въ брачномъ блескѣ тамъ,
Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
Тѣснясь, приносятъ дани злата;
И долы, полны аромата,
И древъ сандальныхъ ѳиміамъ,
И купы розъ могли бы тамъ
Для Пери быть прекраснымъ раемъ...
Но что же?... Кровью обагряемъ
Потокъ увидѣла она:
Въ лугахъ прекрасная весна;
А люди-братья братій жертвы,
Обезображены и мертвы,
На вешней красотѣ луговъ
Дыханье чистое цвѣтовъ
Дыханьемъ смерти заражали!
О, чьи стопы тебя попрали
Благословенный солнцемъ край?
Твоихъ садовъ тѣнистый рай,
Твоихъ боговъ святые лики,
Твоя народы и владыки—
Какой рукой истреблены?
Свирѣпый Газна, вихрь войны,
Протекъ по Индіи бѣдою;
Свой путь усыпалъ за собою
Онъ прахомъ отнятыхъ коронъ;
На псовъ своихъ навѣсилъ онъ
Любимацъ царскихъ ожерелья;
Обитель чистую веселья,
Зенаны дѣвъ онъ осквернилъ:
Жрецовъ во храмахъ умертвилъ
И золотыя ихъ пагоды
Въ священныя обрушилъ воды!...
Но видитъ Пери съ вышины:
На полѣ страха и войны
Боецъ въ крови, но съ бодрымъ окомъ,
Передъ отеческимъ потокомъ
Стоитъ одинъ, и за спиной
Колчанъ съ послѣднею стрѣлой;
Кругомъ товарищи сраженны...
Лицемъ безстрашнаго плѣненный,
«Живи!» тиранъ ему сказалъ;
Но воинъ, молча, указалъ
На обагренны кровью воды
И истребителю свободы..
Послалъ отвѣтъ своей стрѣлой.
По твердой бронѣ боевой
Стрѣла скользнула—живъ губитель,
На трупы братій палъ ихъ мститель,
И вдалѣ помчался шумный бой!...
Все тихо! воинъ молодой
Ужъ умиралъ, и кровь скудѣла...
И Пери къ юношѣ слетѣла
Въ сіяньи утреннихъ лучей,
Чтобъ вѣжды гаснущихъ очей
Ему смежить рукой любови

И, въ смертный мигъ, священной
крови
Оставшуюся каплю взять.
Взяла... и на небо опять
Ее помчало упованье!
«Богамъ угодное даянье
(Она сказала) я нашла:
Пролита кровь сія была
Во искупленіе свободы;
Чистѣйшія Эдемски воды
Съ ней не сравнятся чистотой.
Такъ, если есть въ странѣ земной
Достойное небесъ воззрѣнья,
То чтожъ достойнѣй приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившаго бытіе
За дѣло чести и свободу!»
И къ райскому стремится входу
Она съ добычею земной.
—О Пери! даръ прекрасенъ твой
(Сказалъ ей стражъ прекрасный
рая,
Привѣтно очи къ ней склоняя);
Угоденъ смѣлый для небесъ,
Который родинѣ принесъ
На жертву жизнь... но видишь,
Пери,
Кристальныя спокойны двери!
Не растворяется Эдемъ!...
Иной желаютъ дани въ немъ!

II. ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ (1829). (10).

Палъ Пріамовъ градъ священный!
Грудой пепла сталъ Пергамъ!
И, побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить
И въ желанную отчизну
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной!
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣсней дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады-зиждущей Палладѣ
И губящей онъ воззвалъ;
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ;
И носящему Горгону,
Богу смертныхъ и боговъ.

Судъ оконченъ, споръ рѣшился,
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился!

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Въ слѣдъ за нимъ на брегъ
Сигея
Много, много ихъ пришло...
И внезапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали!
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ!

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей!
Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей.

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительной измѣны!
Ею самъ измѣнникъ палъ.
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ:
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ!

Злому злой конецъ бываетъ!
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ—
Оилеевъ сынъ сказалъ—
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ!
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла—
Живъ презрительный Терситъ!

Смертный! царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ!
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь!
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
Возгласилъ Неоптолемъ:
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ!
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли!
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна!
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна;
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ,
Діомедъ провозгласилъ:
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,

Великодушно пролилъ кровь!
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ,
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы!

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье,
Добрый Вакховъ даръ вино!
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные—въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ:

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ!
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ!

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!

I. ЕЯ И. В. ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВНѢ (1843). (11).

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
Я видѣлъ сонъ. Казалось, будто я
Цвѣтущею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины—
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ небеса
Вечернія спокойно отражая—
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и въ дали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало;
Лишь изрѣдка надъ головой моей
Сіяя, голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики.
И вижу я: отъ запада идетъ

Блестящій ходъ; змѣею безконечной
Въ долину вьется онъ. И вдругъ, я слышу,
Играютъ маршъ торжественный: и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
На высотѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ
Увидѣлъ я Царевну молодую,
Невѣсту Сѣвера; и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все... Когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день: я чувствовалъ, что въ ней
Свершилося какъ будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лице сліяннаго.—И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ Царевомъ домѣ, и лицемъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни.—И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ, на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ, спящимъ на рукахъ, стояла...
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью... и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего;
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
«Да не смущается твоя душа»,
Онъ говоритъ мнѣ, «вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня». Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ, могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука

Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.
И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселитъ.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два; и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ,
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ,
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей отвечерѣвшей жизни.

К. ИЗЪ ОДИССЕИ (1849) ([12]).

...... Златотронная Эосъ явилась
На небѣ; въ домъ свой богиня (а) пошла, разлучившись со мною.
Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ не медля
Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежный попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтноречивою, свѣтлокудрявой богиней.

а) Цирцея, описавшая Одиссею опасности, которыя предстояли ему на пути.

Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать
То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.
Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сиренъ и отъ луга
Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться велѣла богиня;
Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтобы былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
Узы—двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.
Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
Къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ
Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
На морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
Я же, не медля, медвянаго воску укругъ изрубивши
Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони
Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ: его благосклонно
Геліосъ, богъ жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоносным.
Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же
Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.
Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.
Съ брегомъ онъ ихъ поравнялся; они звонкогласно запѣли:
Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися;
Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцесладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ;
Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится».
Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый

Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ не медля
Узы мои разрѣшили: они же удвоенной силой
Начали грестъ; а ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сиренъ бѣдоносныхъ,
Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
Уши я имъ залѣпилъ, и меня отвязали отъ мачты.
Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
Выпали весла изъ рукъ у гребцевъ устрашенныхъ; повиснувъ
Праздно, онѣ по волнамъ, колыхавшимъ ихъ, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшія къ бѣгу.
Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказалъ я:
Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣе постигшей
Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой Циклопа.
Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
Всѣхъ васъ избавилъ: о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагѣ зыбучей
Острыми веслами бейте; быть можетъ, Зевесъ покровитель
Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.
Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю—ты правишь кормой корабельной:
Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма,
Видимыхъ близко; держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться
Въ бокъ по стремленью — иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.
Такъ я сказалъ: все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
Весла бъ они побросали отъ страха и, грестъ переставши,
Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
Славныя латы на плечи накинулъ и, два мѣдноострыхъ
Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похититъ.
Тщетно искалъ я очами ее: утомилъ лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;

Скилла грозила съ одной стороны, а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча и буровясь, и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
Волны соленаго моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,
Въ трепетѣ очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой съ корабля шестерыхъ отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя ихъ, похнтила Скилла;
Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, успѣлъ я
Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою
Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ призывающимъ гласомъ
Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію сердца.
Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинно-согбенной
Удой кидающій въ воду коварную рыбамъ приманку,
Рогомъ быка лугового ихъ ловитъ; потомъ, изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалко трепещущихъ быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой
Такъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ, кричащихъ
Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лютомъ терзаньи.
Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ
Зрѣть никогда въ продолженіи странствій моихъ не случалось.

[1]) Отдѣльныя изданія сочиненій и переводовъ Жуковскаго, Василія Андреевича (1783—1852):

Мальчикъ у ручья, или постоянная любовь, повѣсть Коцебу, пер. съ нѣм., 4 ч. (1801).

Вильгельмъ Тель, поэма, и Розальба повѣсть Флоріана (1802).

Донъ Кишотъ ла Манхскій, соч. Сервантеса, пер. съ франц. Флоріанова перевода, 6 ч. (1805).

Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей. Посвящается неустрашимымъ защитникамъ отечества (1807).

Слова ораторіи: Четыре времени года (1809).

Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ (1813).

Князю Смоленскому (1813).

Императору Александру (1815).

Пѣвецъ въ Кремлѣ (1816).

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, старинная повѣсть (1817).

Für Wenige. Для немногихъ (1818).

Е. И. В. Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1818).

На кончину королевы Виртембергской (1819).

Подробный отчетъ о лунѣ, представленный Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 1820 іюня 18, въ Павловскѣ (1820).

Шильонскій узникъ, пер. изъ Байрона (1822).

Пустынникъ, Ангелъ и Пѣвецъ (1824).

Чувства предъ гробомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ ночи наканунѣ погребенія тѣла Ея Величества (1828).

На взятіе Варшавы. Три стихотворенія (одно В. Жуковскаго и два А. Пушкина). 1831.

Русская слава. Стихотвореніе(1831).

Русская пѣснь (1832).

Народный гимнъ (1832).

Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну (1833).

Братоубійца, баллада (1834).

Народная пѣсня (1834).

Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 г. (1834).

Ундина, старинная повѣсть, разсказанная на нѣм. яз. въ прозѣ барономъ Ламотъ-Фуке, на русскомъ въ стихахъ В. Жуковскимъ (1837).

Бородинская годовщина (1839).

Наль и Дамаянти, индійская повѣсть (1844).

Письмо къ кн. П. А. Вяземскому объ его стихотвореніи: «Святая Русь» (1848).

Письмо графу С. С. Уварову объ Одиссеѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Уварова (изъ 4-го выпуска 1-го тома Извѣстій 2-го отд. Ак. Н.).

Письмо къ А. Я. Булгакову (1858).

Вѣра и умъ. Истина. Статьи изъ ненапечатанныхъ сочиненій (1859).

Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ (1859).

Собраніе сочиненій Жуковскаго, 8-е изд. 1885, въ 6 т.

Кромѣ того баллады и повѣсти имѣли отдѣльное изданіе (2 ч., 1831).

Переводы въ прозѣ, 5 ч. (1816—1817; 2-е изд., въ 3 ч., 1827).

[2]) Вѣст. Евр. 1802, № 24. Переводъ элегіи англійскаго поэта Грея († 1771), посвященный Андрею Тургеневу, Жуковскій называетъ своимъ *первымъ напечатаннымъ* стихотвореніемъ. Эти слова надобно понимать такъ, что «Сельское кладбище» было *первымъ* произведеніемъ, которое авторъ призналъ достойнымъ занять мѣсто въ собраніи его сочиненій. Оно замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: имъ открывается, въ нашей поэзіи, господство элегическаго рода, смѣнившаго оду, и съ него же начался новый періодъ въ образованіи нашего стиха — періодъ стиха мелодическаго, свойственнаго романтизму.

Находясь, въ 1839 г., въ Виндзорѣ, Жуковскій посѣтилъ кладбище, подавшее Грею поводъ написать его элегію (оно находится неподалеку отъ Виндзора), перечиталъ ее и снова перевелъ какъ можно ближе къ подлиннику.

[3]) Людмила, русская баллада. Подражаніе Бюргеровой Ленорѣ» (В. Евр. 1808, № 9).

Успѣхъ Людмилы почти равнялся успѣху Бѣдной Лизы, Карамзина: оба сочиненія производили на современныхъ читателей такое впечатлѣніе, какое мы теперь съ трудомъ можемъ себѣ представить. Самъ авторъ любилъ это стихотвореніе, отъ котораго баллада ведетъ свое начало въ нашей поэзіи («Громвалъ» Каменева не нашелъ подражаній). Позднѣе (1829) онъ перевелъ Ленору безъ измѣненій.

[4]) В. Евр. 1811, № 4. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», русская баллада Ал. Ан. Прот...вой (Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, въ послѣдствіи Воейковой).

Старинная повѣсть: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», состоитъ изъ двухъ балладъ—«Громобоя» и Вадима». Содержаніе первой баллады: Громобой, продавъ свою душу Асмодею за десять лѣтъ роскошной жизни, получаетъ отсрочку на двѣнадцать лѣтъ за души двѣнадцати дочерей. Послѣ того онъ началъ вести благочестивую жизнь и въ раскаяньи нашелъ спасенье. Святой угодникъ, котораго ликъ онъ чтилъ въ построенномъ имъ храмѣ, спасаетъ своимъ заступничествомъ и его и невинныхъ дѣвъ. По слову ангела—мстителя, отецъ умираетъ, а дѣвы погружаются въ безпробудный сонъ и переносятся въ чудесно-воздвигнутую обитель, огражденную гранитной стѣной. Искупителемъ имъ будетъ чистый душой.

Кто ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель.

Этотъ искупитель — новгородскій юноша Вадимъ, плѣнявшій всѣхъ красотою, мужествомъ и простосердечіемъ. Онъ есть герой второй баллады, посвященной авторомъ Д. Н. Блудову.

Вадимъ изданъ въ 1817 г., вмѣстѣ съ первой половиной повѣсти. Переносясь мыслію за шесть или за семь лѣтъ назадъ, ко времени появленія Громобоя, поэтъ предпослалъ изданію превосходное стихотвореніе, въ которомъ самымъ задушевнымъ образомъ выражена «тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ». Вотъ эта элегія вполнѣ:

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, въ душѣ моей...
Приди-жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могучій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Элегія Жуковскаго—не оригинальная піеса, а вольное переложеніе «посвященія», которое Гете написалъ передъ Фаустомъ, когда кончилъ вторую часть этой драмы. Жуковскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что между началомъ и окончаніемъ баллады его также очутился значительный промежутокъ времени, какъ у Гете между 1-ою и 2-ою ч. Фауста. Прилагаемъ стихи нѣмецкаго поэта въ переводѣ Губера (Сочиненія Э. И. Губера, 1859, т. 2):

Со мной опять воздушный рой видѣній!
Ихъ образы я снова познаю!
Но удержу-ль таинственныя тѣни,
Приму-ли вновь ихъ на душу мою?
Вотъ ближе онъ, мой давній, милый геній!
Отъ грустныхъ думъ я снова возстаю;
Какъ прежде, грудь живымъ огнемъ согрѣта
Отъ дивнаго волшебнаго привѣта!

О прежнихъ дняхъ ко мнѣ мечта нисходитъ,
И милыя я вижу тѣни вновь;
На память мнѣ, какъ будто сонъ, приходитъ
И первый другъ, и первая любовь;
И снова грусть въ сѣдую даль уводитъ,
Былые дни напоминаетъ вновь,
И въ счастіи обманутыхъ могилой
Моихъ друзей сзываетъ образъ милый.

Они не слышатъ новыхъ пѣснопѣній,
Кто первыхъ пѣсенъ принялъ робкій звукъ;
Замолкъ привѣтъ сердечныхъ одобреній,
Моихъ друзей разсѣянъ тѣсный кругъ.
Чужой народъ—свидѣтель огорченій,
И страшенъ мнѣ вѣнецъ изъ этихъ рукъ!
Кто мнѣ внималъ, кто радовался лирѣ—
Въ чужихъ странахъ, въ иномъ блуждаетъ мірѣ.

И я стремлюсь невѣдомой мечтою
Въ туманный край невидимыхъ духовъ;
И въ робкій звукъ надъ трепетной струною

*

Слилася пѣснь; я полонъ смутныхъ сновъ;
Слеза въ очахъ смѣняется слезою;
Для новыхъ чувствъ уста не имутъ словъ;
Все близкое въ туманѣ исчезаетъ,
Все прежнее яснѣе оживаетъ.

[5]) «В. Евр. 1812, № 23 и 24. Писано послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ». Отдѣльныя изданія этого стихотворенія: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ (1818)», безъ примѣчаній. — Второе, исправленное изданіе (1818). Съ примѣчаніями и съ описаніемъ виньета и кашки (т. е. заставки, выпечатываемой при концѣ главы иль всей книги для украшенія). Примѣчанія написаны Д. Д. (Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ), а описаніе принадлежитъ А. О. (Алексѣю Николаевичу Оленину). Но ни виньетки, ни заставки нѣтъ.—Другое изданіе того же, съ виньеткой и заставкой (1813). Виньетка представляетъ ночь. При лунномъ сіяніи видно широкое поле, и на немъ вдали расположенъ станъ русскихъ воиновъ. Ближній планъ занятъ могильными холмами. На одномъ изъ нихъ отдыхающій земледѣлецъ оставилъ до другаго утра свою соху и заступъ, подлѣ которыхъ лежитъ заржавѣлый шлемъ, вырытый нечаянно этими мирными орудіями. Надъ станомъ, въ высотѣ мчатся тѣни великихъ мужей нашихъ—Святослава, Донскаго, Петра.

[6]) «В. Евр. 1813, № 1 и 2 (Ал. Ан. Пр...вой)».

[7]) В. Евр. 1815, № 15. Одна изъ лучшихъ оригинальныхъ элегій Жуковскаго. Здѣсь ясно изображены неизмѣнныя чувства поэта. Это какъ бы сердечная его исповѣдь, которая неоднократно высказывалась имъ и прежде, и послѣ того. Сличи съ нею то мѣсто изъ разсужденія: «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ» (1808), гдѣ предложены утѣшенія въ семейныхъ горестяхъ, и еще начало XVI-ой главы Ундины (1837).

[8]) «Für Wenige. Для немногихъ», № 6-ой, іюнь (вновь напеч. въ Полярной звѣздѣ на 1823 г.). Вотъ что говоритъ П. А. Плетневъ о книжкахъ, выходившихъ подъ этимъ названіемъ: «Въ 1817 г. Жуковскій былъ избранъ для преподаванія уроковъ русскаго языка государынѣ великой княгинѣ (въ послѣдствіи императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Августѣйшая слушательница его помнила наизусть лучшія небольшія стихотворенія изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Жуковскій началъ переводить эти перлы поэзіи. Переводы съ приложеніемъ подлинниковъ (texte en regard) печатались въ Москвѣ (1818), гдѣ въ то время находился дворъ. Всего вышло шесть небольшихъ книжечекъ, за шесть мѣсяцевъ, съ января по іюль. Въ продажѣ ихъ никогда не было: переводчикъ раздавалъ ихъ «немногимъ» особамъ, что и внушило А. Пушкину особое къ нему посланіе, гдѣ, между прочимъ, читаемъ:

Ты правъ, творишь ты для *немногихъ*:
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.

[9]) «Сынъ Отеч., 1821, № 20». Ангелъ и Пери есть одинъ ихъ четырехъ разсказовъ въ поэмѣ англійскаго поэта Томаса Мура: «Лалла-Рукъ». Другіе разсказы: «Закрытый пророкъ Хорасана», «Свѣтъ Гарема», «Поклонники огня».

[10]) Сѣверные Цвѣты на 1829 г. Переводъ Шиллеровой піесы: «Das Siegesfest».

[11]) «Наль и Дамаянти». Индѣйская повѣсть (1844).

[12]) Одиссея. Отрывокъ взятъ изъ 12 пѣсни и содержитъ въ себѣ описаніе встрѣчи Одиссея съ Сиренами и плаваніе его между утесовъ Сциллы и Харибды.

XXVI.

БАТЮШКОВЪ. (1).

А. ПОСЛАНІЕ КЪ Д. В. ДАШКОВУ (1812). (2).

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!...
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей—
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь (3),
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

В. МОИ ПЕНАТЫ (4).

Отечески Пенаты,
О пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ васъ, на новосельи,
Смиренно здѣсь и тамъ
Расставилъ по угламъ;
Гдѣ странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскалъ себѣ пріютъ.
О боги! будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный ѳиміамъ
Поэтъ приноситъ вамъ;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихій жаръ
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ.
О Лары! уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!

Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечъ прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель—
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель.
Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей.
Отеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ ввѣкъ дороги
Богатство съ суетой,
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупель и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!

Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто, въ мирной сѣни,
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
(Когда страстей волненье
Уснетъ, и свѣтлый умъ,
Летая въ поднебесной

Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры Музъ)
Небесно вдохновенье!
За чѣмъ летишь стрѣлой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ,
Изъ области эѳирной
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирной
Бесѣдовать со мной!
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ!
Что вижу? ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ,
Пѣвецъ героевъ, славы,
Вслѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый
Плывешь по небесамъ.
Въ толпѣ и Музъ и Грацій
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
Сливаетъ голосъ свой;
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ;
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владиміра временъ,
И въ колыбели славы
Рожденіе Славянъ.
За ними Сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ Харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!
Съ Эротами играя,
Философъ и піитъ,
Близъ Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями,
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники-піиты,
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ
И въ радости взываю:
О музы, я піитъ!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И нѣгу и покой!
Фортуна! прочь съ дарами
Блистательныхъ суетъ!

Спокойными очами
Смотрю на твой полетъ:
Я въ пристань отъ ненастья
Челнокъ мой проводилъ
И васъ, любимцы счастья,
Навѣки позабылъ.
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ Музъ,
Безпечные счастливцы,
Философы-лѣнивцы,
Враги придворныхъ узъ,
Друзья мои сердечны!
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить—
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе—стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротомъ оживить.
О Вяземскій! цвѣтами
Друзей твоихъ вѣнчай;
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ—наливай!
Питомецъ Музъ надежный,
О Аристипповъ внукъ (5),
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и прохлады
На ужинахъ твоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ:
И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ и блажь
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь.
О, дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой!
И мы... потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ! скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ:
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы
И лѣнью—жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ—
Товарищи любезны,
Не сѣтуйте о насъ!
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?... но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитись—и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листами повиликъ,
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливцевъ молодыхъ!

В. ТѢНЬ ДРУГА (1814). (⁶).

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propert. El. VIII.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,—
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостныхъ отеческой земли;
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейсскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты-ль это?» милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
«Ты-ль это?» я вскричалъ, «о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ,
Твою съ любовію сжимаетъ!...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистый полуночи,
Исчезъ,—и сонъ покинулъ очи.

Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла—
Тебя, о милый братъ, о лучшій изъ друзей!

Г. УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ (1816).

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зиблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь поздніе награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
«Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище,
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый!

Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной.
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы, съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзались подо мной, и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простаго,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...

Друзья? но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Феррара... Фуріи... и зависти змія!
Куда? куда, убійцы дарованья?
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья...

И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился;
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Годфредъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель;
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ
Тріумъ святой, побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны;
Онъ пѣлъ—ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою музъ и славы соплетенный.

Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!...»—

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.

Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
— «Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ...
Ужъ ангелъ предо мной, вожатый оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ...
Молитеся съ надеждой и слезами!...
Земное гибнетъ все... и слава и вѣнецъ...
Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Такъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ... о счастіе!.. средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ:
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій,

Д. ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГІИ (1817—1818). (7).

а) *Въ обители ничтожества унылой...*

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;

Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать-земля! съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и успокой въ гостепріимной сѣни.

б) Свидѣтели любви и горести моей...

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите, вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится—пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ,
А вы, цвѣты, благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

в) Яворъ къ прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь,—
Завялъ — но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

г) Сѣтованіе Нереидъ на развалинахъ Коринѳа.

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золъ твоихъ?
Гдѣ стогны шумныя и граждане счастливы?
Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,
Мусія, золото, сіяющія въ нихъ?
Увы! погибъ на вѣкъ Коринѳъ столповѣнчанный!
И самый пепелъ твой разсѣянъ по полямъ!
Все пусто: мы однѣ взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ въ дали туманной

Е. ИЗРЕЧЕНІЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА (1823). (8).

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
За чѣмъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

[1]) Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ (1787—1855), род. въ Вологдѣ, откуда еще въ дѣтствѣ былъ приве-

зенъ въ Петербургъ и отданъ въ частный пансіонъ Жакино, гдѣ, пробывъ около четырехъ лѣтъ, выучился франц. и итал. языкамъ. Съ послѣднимъ онъ познакомился въ послѣдствіи короче, и это дало ему возможность читать въ подлинникѣ Аріоста, Петрарку, Тасса. Изъ пансіона Жакино поступилъ къ учителю Морскаго училища, Триполи: здѣсь къ первымъ двумъ языкамъ прибавился еще нѣмецкій, подъ руководствомъ его дяди М. Н. Муравьева, который вообще слѣдилъ за его образованіемъ. Служба Батюшкова началась съ 1802 г. въ канцеляріи гр. Завадовскаго, перваго министра народнаго просвѣщенія; а потомъ Муравьевъ, товарищъ министра и кураторъ московскаго университета, опредѣлилъ его къ себѣ въ письмоводители. Начальные литературные опыты Батюшкова относятся къ 1803 г., слѣд. къ самому первому времени по окончаніи элементарнаго образованія; къ тому же году относится и начало его дружбы съ Гнѣдичемъ. Въ 1806 г., онъ поступилъ въ баталіонъ стрѣлковъ петербургской милиціи. Здѣсь онъ подружился съ Петинымъ, воспитанникомъ московскаго университетскаго пансіона, помѣщавшимъ въ Утренней Зарѣ свои ученическія стихотворенія, преимущественно басни. Дружба эта продолжалась до самой смерти Петина, убитаго, въ 1813 г., въ Лейпцигскомъ сраженіи. Нравственныя качества его, патріотизмъ, доброе и благородное сердце, любовь къ нему товарищей изображены Батюшковымъ въ «Воспоминаніи мѣстъ и сраженій» (Москвитян., 1851, № 5). Въ 1807 г. Батюшковъ оставилъ столицу и пошелъ въ походъ; онъ участвовалъ въ сраженіяхъ на берегу Пассарги и Гейльсбергскомъ, которыя описалъ въ «Воспоминаніи» (В. Евр. 1809, № 21). При Гейльсбергѣ онъ былъ раненъ; рана оказалась опасною и принудила его воротиться въ Петербургъ. Оправившись отъ болѣзни, онъ перешелъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Въ 1808 г. баталіонъ этого полка былъ отряженъ въ Финляндію, и Батюшкову снова пришлось дѣлить ратные труды съ своимъ другомъ: «Посланіе къ Петину» воспоминаетъ Индесальмское дѣло. Природа Финляндіи и ея преданія произвели сильное впечатлѣніе на поэта, какъ доказывается «отрывкомъ изъ писемъ о Финляндіи» (В. Евр. 1810, № 8). По заключеніи мира, Батюшковъ жилъ частію въ своей деревнѣ, въ Череповскомъ уѣздѣ Новгород. губерніи, частію въ Москвѣ, гдѣ познакомился съ Карамзинымъ, В. Пушкинымъ, Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ и особенно подружился съ двумя послѣдними. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1808—1811) онъ написалъ много стихотвореній, которыя печатались въ Цвѣтникѣ и Вѣст. Европы. Въ началѣ 1812 г. Батюшковъ пріѣхалъ въ Петербургъ и сошелся здѣсь съ А. И. Тургеневымъ, Д. Н. Блудовымъ Д. В. Дашковымъ и Д. Северинымъ. «Сколько пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами, даютъ мнѣ право на ваше воспоминаніе!» такъ онъ писалъ къ первому (изъ Парижа 1814 г.). Въ жизни своей я былъ обманутъ во многомъ, кромѣ дружбы: ею могу еще гордиться; она примиряетъ меня съ жизнью, часто печальною, и съ миромъ, который покрытъ развалинами, гробами и страшными воспоминаніями». Въ томъ же 1812 г., Батюшковъ получилъ мѣсто библіотекаря въ И. П. Библіотекѣ. Передъ нашествіемъ французовъ, онъ былъ въ Москвѣ, оттуда уѣхалъ въ Нижній, гдѣ въ началѣ 1813 г. опредѣлился адъютантомъ къ генералу Бахметеву, который лишился ноги на Бородинскомъ полѣ. Въ это-то время написалъ онъ столь извѣстное посланіе къ Дашкову. Онъ надѣялся отправиться на войну, но дѣло затяну-

лось, за болѣзнію Бахметева, который наконецъ отпустилъ его одного. Только въ половинѣ 1813 г. Батюшковъ отправился за арміею и уже въ Германіи нагналъ генерала Раевскаго, при которомъ состоялъ неотлучно до самаго вступленія въ Парижъ. Посреди военныхъ трудовъ Батюшковъ находилъ время заниматься литературою: онъ выучился говорить по-нѣмецки и читалъ нѣмецкія книги. Въ 1814 г. написаны имъ: «Переходъ черезъ Рейнъ», «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Плѣнный», «Письмо къ Дашкову о замкѣ Сирей», принадлежавшемъ Вольтеру. Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, описывая свое времепровожденіе, онъ называетъ себя «маленькимъ Тибулломъ»: намекъ на небольшой ростъ свой и на переводъ элегій римскаго поэта или на собственныя элегическія піесы. Изъ Парижа Батюшковъ вмѣстѣ съ Сѣверинымъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ недолго и откуда уѣхалъ въ Швецію. Картина отплытія изъ Лондона представлена имъ въ элегіи: «Тѣнь друга», а морское путешествіе до Готенбурга описано въ письмѣ къ Сѣверину (19 іюня 1814 г.). По возвращеніи въ Петербургъ, онъ, за усердную службу свою, былъ переведенъ въ измайловскій полкъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора, а потомъ (1816 г.) былъ назначенъ почетнымъ библіотекаремъ И. П. Библіотеки. По этому случаю онъ говоритъ въ посланіи къ В. Л. Пушкину (1817):

...... я не поэтъ;
Я не ученый, не профессоръ;
Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
Я... отставной ассесоръ.

Періодъ времени, съ увольненія отъ службы по 1818 г., прошелъ для Батюшкова въ занятіяхъ поэзіей. Онъ былъ членомъ литературнаго кружка «Арзамасъ», гдѣ получилъ шутливое прозвище «Ахиллъ», въ противоположность своему небольшому росту и слабому здоровью; членомъ Московскаго общества любителей рос. словесности, при вступленіи въ которое читалъ рѣчь «о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» (Труды общества, 1816, ч. 6); участвовалъ въ литературныхъ вечерахъ у С. Д. Пономаревой, одно-характерныхъ своимъ направленіемъ съ бесѣдами «Арзамасцевъ». Сатирическій талантъ его обнаружился въ это время двумя стихотвореніями: «Видѣніемъ на берегахъ Леты» (Библ. Зап. 1861, № 20) и «Пѣвцомъ въ Бесѣдѣ Славяноросcовъ». Но, не смотря на покойную жизнь, пріятныя дружескія связи и громкую извѣстность, Батюшковъ былъ недоволенъ своею судьбою. Онъ страдалъ и физически и нравственно: нравственная болѣзнь заключалась въ борьбѣ поэтическаго призванія съ честолюбіемъ, которое не находило удовлетворенія въ одной литературной славѣ. Поэтому онъ охладѣлъ къ литературѣ. «Меня здѣсь (въ Спб.) ласкаютъ добрые люди», писалъ онъ своей сестрѣ; «я на розахъ, какъ авторъ, и на шипахъ, какъ человѣкъ. Успѣхи въ словесности ни къ чему не ведутъ, и ими восхищаться не должно. Тѣ, которые хвалятъ, завтра бранить будутъ. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ 400 руб. доходу». Тоже настроеніе мысли высказываютъ и приведенные выше стихи, изъ письма къ Пушкину. Одолѣваемый болѣзнію, Батюшковъ такъ повѣрялъ свою горесть А. И. Тургеневу (1818): «Сижу больной, въ колпакѣ и шлафорѣ, и часто думаю о васъ, часто грущу какъ звѣрокъ Лафонтена, cet animal est triste et le chagrin le ronge. Но чаще смѣюсь отъ добраго сердца. Вы столько разъ были мнѣ полезны и дѣломъ и совѣтомъ, что я имѣю право на ваше дружество. Этотъ силлогизмъ не такъ дуренъ, какъ вамъ съ перваго взгляду покажется. Обнимаю васъ отъ

всей души и прошу любить вашего *Ахилла*, который ворчитъ про себя: *Ахъ! химъ!* (а) и впрямь болеяъ простудой, насморкомъ, головою: но не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину; не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому». Разстроенное здоровье заставило Батюшкова отправиться въ Одессу, гдѣ онъ пользовался морскими купальнями и откуда (1818 іюня 30) написалъ письмо А. И. Тургеневу, чрезъ ходатайство котораго былъ причисленъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника, къ неаполитанской миссіи. Пріѣхавъ изъ Одессы въ Петербургъ проститься съ друзьями, онъ отправился потомъ къ мѣсту своего назначенія. Изъ Неаполя писалъ онъ (въ 1819 г.) къ А. И. Тургеневу и С. С. Уварову, а съ острова Искія—къ Жуковскому. Но Италія не помогла Батюшкову. «Здоровье мое (говоритъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому) ветшаетъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діета, ничто его не можетъ исправить; оно, кажется, для меня погибло невозвратно; и грудь моя, которая меня до сихъ поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказывается. Италія мнѣ не помогаетъ: здѣсь умираю отъ холода: что же со мною будетъ на сѣверѣ? не смѣю и думать о возвращеніи». Въ бытность его за границей, была издана 1820 г. книжка: «О Греческой Антологіи» гдѣ появились почти послѣднія его стихотворенія. За границей онъ писалъ очень мало, равно какъ и по пріѣздѣ оттуда, 1821-го г., въ отечество. Въ 1823 г. былъ въ Симферополѣ, уже въ психической болѣзни (умственномъ разстройствѣ), какъ показываетъ письмо Жуковскаго, принимавшаго въ немъ участіе (Живоп. Сбор., т. 3-ій, 1852 г., стр. 370). Послѣ безуспѣшнаго леченія въ Петербургѣ, за границей и въ Москвѣ, родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и провелъ все остальное время жизни, свыше тридцати лѣтъ. Пожизненная пенсія отъ Государя обезпечивала матеріальную судьбу его. Болѣзненное состояніе его, сначала тревожное, перешло потомъ въ болѣе спокойное и неопасное ни для кого. Профессоръ Шевыревъ видѣлъ его въ 1847 г. (Поѣздка въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, ч. I, стр. 109—115). Умственное просвѣтленіе поэта случалось чрезвычайно рѣдко; только послѣдній годъ жизни онъ провелъ въ нормальномъ состояніи. Позднѣйшимъ изъ его сочиненій было, кажется, изреченіе Мельхиседека. См. дополненія въ моей И. Р. Слов., т. 2.

Сочиненія Батюшкова изданы братомъ его П. Н. Батюшковымъ въ 3-хъ томахъ (1885—87).

[2]) Спб. Вѣстникъ, 1812, № 10.

[3]) Генераломъ А. Н. Бахметевымъ. Въ 1814 г. Бахметевъ былъ назначенъ подольскимъ военнымъ губернаторомъ. Батюшковъ провелъ при немъ нѣсколько времени въ Каменецъ—Подольскѣ, въ званіи адъютанта. Здѣсь-то написалъ онъ «Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій» и «Воспоминаніе о Петинѣ».

[4]) Въ первый разъ нап. въ Пантеонѣ рос. словесности, Никольскаго, ч. 1-ая, но написано раньше.

[5]) Т. е. послѣдователь философа Аристиппа, полагавшаго истинную мудрость и счастіе въ разумныхъ наслажденіяхъ.

[6]) Вѣстн. Евр. 1816, № 17. Эпиграфъ взятъ изъ Проперція (кн. 4, элегія 8: Тѣнь Цинтіи): «Души усопшихъ не призракъ: смертію не все оканчивается, загробная тѣнь избѣгаетъ костра».

[7]) «О Греческой Антологіи (1820)».

Каламбуръ.

Въ предисловіи сказано: «Сію рукопись получили мы изъ Арзамаса слѣдующимъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ жили тамъ два пріятеля, оба любящіе страстно литературу. Во время, свободное отъ хозяйственныхъ занятій, читали они вмѣстѣ поэтовъ древнихъ и новыхъ и не рѣдко старались имъ подражать для собственнаго наслажденія: не для публики, которая ихъ не знала и о коей они не помышляли. По стеченію обстоятельствъ были они принуждены прекратить дружескія бесѣды свои: одинъ изъ нихъ былъ избранъ въ земскіе засѣдатели; другой поступилъ во внутреннюю стражу, и бумаги ихъ остались въ рукахъ арзамасскаго трактирщика, отъ котораго мы оныя получили. Въ томъ числѣ находилась статья, которую мы рѣшились напечатать. Она, конечно, не можетъ удовлетворить совершенно справедливое требованіе знатоковъ: бездѣлки двухъ безпечныхъ провинціаловъ могутъ ли не оскорбить невольно утонченный вкусъ столицы? Впрочемъ передаемъ мы ихъ на общій судъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; статья была подписана такъ: «С... и А...». Эти подписи означаютъ: «Старушка» и «Ахиллъ». Первое названіе дано было, въ обществѣ Арзамасъ, гр. С. С. Уварову, второе—Батюшкову. Издателемъ брошюры былъ, вѣроятно, Д. В. Дашковъ. Переводъ греческихъ антологическихъ піесъ на французскій языкъ принадлежитъ Уварову, а съ французскаго на русскій переводилъ Батюшковъ.

[8]) Библіотека для чтенія, 1834, № 2. Стихотвореніе было записано со словъ гр. Д. Н. Блудова.

XXVII.

ГНѢДИЧЪ.

ИЗЪ ИЛІАДЫ: ЕДИНОБОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА (ПѢСНЬ 7).

.... И восхитился Гекторъ услышанной рѣчью,
Вышелъ одинъ на средину и, взявши копье по срединѣ,
Спнулъ фаланги троянскія: всѣ, успокоясь, возсѣли.
Царь Агамемнонъ равно удержалъ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Тою порой Аѳина Паллада и Фебъ сребролукій,
Оба, вознесшися, словно какъ ястребы, хищныя птицы,
Сѣли на дубѣ высокомъ отца молненоснаго Зевса,
Ратями вмѣстѣ любуясь: ряды ихъ сидѣли густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острыя копья вздымая.
Словно какъ Зефиръ порывистый по морю зыбь разливаетъ,
Если онъ вдругъ подымается; море чернѣетъ подъ нею:
Ратей ряды таковы и Троянъ и безстрашныхъ Данаевъ
Въ полѣ сидѣли, и Гекторъ вѣщалъ, между ратями стоя:
«Трои сыны и Ахеяне храбрые, слухъ приклоните;

Я вамъ повѣдаю, что мнѣ велитъ благородное сердце:
Нашихъ условій высокоцарящій Кронидъ не исполнилъ,
Но, бѣды совѣщающій, намъ обоюдно готовитъ
Битвы, покуда иль вы крѣпкобашенный градъ нашъ возьмете,
Или падете отъ насъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ.
Здѣсь, о Ахеяне, съ вами храбрѣйшіе ваши герои.
Тотъ, у котораго сердце со мною сразиться пылаетъ,
Пусть изойдетъ изъ божественнымъ Гекторомъ станетъ на битву.
Такъ говорю я, и Зевсъ уговора свидѣтель намъ будетъ:
Если противникъ меня поразитъ сокрушительной мѣдью,
Снявъ онъ оружія, пусть отнесетъ къ кораблямъ мореходнымъ;
Тѣло-же пусть возвратитъ, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.
Если же я поражу, и меня Луконосецъ прославитъ,
Взявши доспѣхи его, внесу въ Иліонъ ихъ священный
И повѣшу во храмѣ метателя стрѣлъ Аполлона;
Тѣло жъ назадъ возвращу къ кораблямъ обоюдувесельнымъ:
Пусть похоронятъ его кудреглавые мужи Ахейцы
И на брегу Геллеспонта широкаго холмъ да насыплютъ.
Нѣкогда, видя его кто нибудь и отъ позднихъ потомковъ,
Скажетъ, плывя въ кораблѣ многовесломъ по черному Понту:
Вотъ ратоборца могила, умершаго въ древніе вѣки!
Въ браняхъ его знаменитаго свергнулъ божественный Гекторъ!
Такъ нерожденные скажутъ, и слава моя не погибнетъ.»

Рекъ—и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили;
Вызовъ стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдругъ возсталъ Менелай и вѣщалъ между сонма Ахеянъ,
Всѣхъ упрекая жестоко и горестно сердцемъ стеная:

«Горе мнѣ! о самохвалы! Ахеянки вы, не Ахейцы!
Срамъ для ахейскихъ мужей имъ ужаснѣйшій будетъ,
Если отъ нихъ ни одинъ не посмѣетъ на Гектора выдти!
Но погибните всѣ вы, разсыпьтесь водою и прахомъ,
Вы, сидящіе здѣсь, какъ народъ безъ души и безъ чести!
Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребій побѣды находится въ волѣ боговъ всемогущихъ.»

Такъ говоря, покрывался поспѣшно оружіемъ пышнымъ;
И тогда, Менелай, ты разстался-бы съ сладкой жизнью
Въ мощныхъ рукахъ Пріамида, далеко сильнѣйшаго мужа,
Если-бъ тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Самъ повелитель мужей, Агамемнонъ пространнодержавный

За руку брата схватилъ, называлъ и вѣщалъ убѣждая:

«Ты изступленъ, Менелай благородный! такое безумство
Вовсе тебя недостойно: смири огорченное сердце;
Въ ревности гордой съ сильнѣйшимъ тебя не дерзай состязаться,
Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама: его и другіе трепещутъ!
Съ нимъ и Пелидъ быстроногій на славныхъ мужамъ ратоборствахъ
Съ страхомъ встрѣчается, воинъ тебя несравненно храбрѣйшій!
Сядь при дружинѣ своей, успокойся, питомецъ Зевеса.
Мы отъ Ахеянъ ему единоборца другаго возбудимъ:
Сколь онъ ни будетъ безстрашенъ и боя кроваваго жаденъ,
Съ радостью вѣрно колѣна преклонитъ, когда лишь безвреденъ
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства!»

Такъ говорящій герой отвратилъ помышленіе брата,
Правду ему говоря; покорился Атридъ, и клевреты
Весело съ плечъ Менелая оружія свѣтлыя сняли.
Несторъ отъ сонма Ахеянъ возсталъ и вѣщалъ имъ печальный:

«Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
Истинно горько восплачетъ Пелей, сѣдой конеборецъ,
Славный мужей Мирмидонскихъ витія и мудрый совѣтникъ.
Онъ восхищался, когда, вопрошая меня въ своемъ домѣ,
Каждаго порознь Ахейца развѣдывалъ родъ и потомство;
Нынѣ-жъ, когда онъ услышитъ, что всѣхъ ужасаетъ ихъ Гекторъ,
Вѣрно не разъ къ небожителямъ руки простретъ, да скорѣе
Духъ сокрушенный его погрузится въ обитель Аида!
Если-бы нынѣ, о Зевсъ, Аполлонъ и Паллада—Аѳина,
Молодъ я былъ, какъ въ тѣ годы, когда у гремучаго брега
Билася рать Иліянъ и Аркадянъ, копейщиковъ славныхъ,
Около Фейскихъ твердынь, недалеко отъ струй Іордана!
Въ воинствѣ ихъ впереди Эревѳаліонъ, богу подобный,
Первый стоялъ, ополченный оружіемъ Арейѳоя,
Славнаго Арейѳоя, прозваніемъ палиценосца,
Даннымъ ему отъ мужей и отъ женъ опоясаньемъ красныхъ;
Мощный, не лукомъ тугимъ, не копьемъ длиннотѣннымъ сражался:
Онъ булавою желѣзной ряды разрывалъ сопротивныхъ.
Онаго храбрый Ликургъ одолѣлъ, но не силой—коварствомъ,
Въ тѣсномъ проходѣ; не могъ онъ себя булавой и желѣзной
Спасть отъ смерти: Ликургъ, на дорогѣ его упредивши,
Въ чрево копьемъ поразилъ, и объ долъ онъ ударился тыломъ.
Снялъ побѣдитель оружія, даръ душегубца Арея;
Послѣ и самъ онъ носилъ, выходя на Ареевы споры.

Но когда обезсилѣлъ герой, состарѣвшійся въ домѣ,
Отдалъ тяжелый доспѣхъ Эревѳальону, ратному другу:
Сими доспѣхами гордый, выкликивалъ всѣхъ онъ храбрѣйшихъ;
Всѣ трепетали, страшились, никто не отважился выдти.
Вспыхнуло сердце во мнѣ, на свою уповая отвагу,
Съ гордымъ сразиться, хотя между сверстниковъ былъ я и младшій.
Я съ нимъ сразился, и мнѣ торжество даровала Аѳина:
Большаго всѣхъ и сильнѣйшаго всѣхъ я убилъ человѣка!
Въ прахѣ лежалъ онъ огромный, сюда и туда распростертый.
Если-бы такъ я былъ младъ и не чувствовалъ немощи въ силахъ,
Скоро противника встрѣтилъ-бы шлемомъ сверкающій Гекторъ!
Въ нашемъ-жъ воинствѣ сколько ни есть храбрѣйшихъ Данаевъ,
Сердцемъ никто не пылаетъ противникомъ Гектору выдти!»

Такъ ихъ старецъ стыдилъ, и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ;
Послѣ воспрянулъ Тидитъ Діомедъ, воеватель могучій;
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственникъ грозный,
Вождь Меріонъ, человѣковъ губитель, равный Арею;
Послѣ герой Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемона;
Въ слѣдъ Андремонидъ Ѳоасъ, и за нимъ Одиссей знаменитый.
Столько возстало ихъ жаждущихъ съ Гекторомъ славнымъ сразиться.
Слово опять обратилъ къ нимъ Несторъ, конникъ Геренскій:

«Жребій бросимъ, друзья, и котораго жребій назначитъ,
Тотъ несомнѣнно, я вѣрю, возрадуетъ души Ахеянъ,
И не менѣе радостенъ будетъ и самъ, коль спасенный
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства.»

Такъ произнесъ онъ, и каждый, намѣтивши собственный жребій,
Бросилъ въ мѣдный шеломъ Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани къ безсмертнымъ горѣ воздѣвали;
Такъ не одинъ говорилъ, на пространное небо взирая:
«Даруй, о Зевсъ! да падетъ на Аякса, или Діомеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены Атрида.»

Такъ говорили, а Несторъ шеломъ сотрясалъ предъ собраньемъ;
Вылетѣлъ жребій изъ шлема, Данаями всѣми желанный,
Жребій Аякса: и вѣстникъ, понесши кругомъ по собранью,
Всѣмъ, отъ десной стороны, показалъ воеводамъ Ахейскимъ:
Знакъ никто не призналъ, отрекался отъ жребія каждый.
Вѣстникъ предсталъ и къ тому, по собранію окрестъ носящій,
Кто и означилъ и въ шлемъ положилъ; Теламонидъ великій
Къ вѣстнику руку простеръ, и вѣстникъ, приближася, подалъ;

Жребій увидѣвши, знакъ свой узналъ, и въ восторгѣ сердечномъ
На землю бросилъ его и къ Ахеямъ вскричалъ Теламонидъ:

«Жребій, Ахеяне, мой: веселюся и самъ я сердечно!
Такъ, надъ божественнымъ Гекторомъ льщусь одержать я побѣду.
Други, пока я въ рядахъ боевые доспѣхи надѣну,
Вы молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
Между собою, безмолвно, да васъ не услышатъ Трояне,
Или молитеся громко,—мы никого не страшимся!
Кто-бъ ни желалъ, противъ воли меня не подвигнетъ онъ съ поля
Силой, ни ратнымъ искусствомъ; и я не невѣждой, надѣюсь,
Самъ у отца моего въ Саламинѣ рожденъ и воспитанъ!»

Такъ говорилъ, а Данаи молили могущаго Зевса.
Такъ не одинъ возглашалъ, на пространное небо взирая:

«Зевсъ отецъ, обладающій съ Иды, преславный, великій,
Дай ты Аяксу обрѣсть и побѣду и свѣтлую славу!
Если-жъ и Гектора любишь, когда и объ немъ помышляешь,
Равныя имъ обоимъ и могущество даруй и славу!»
Такъ говорили. Аяксъ покрывался блистательной мѣдью;
И какъ скоро одѣялся весь въ боевые доспѣхи,
Началъ впередъ выступать, какъ Арей выступаетъ огромный,
Если онъ шествуетъ въ брани народовъ, которыхъ Кроніонъ
Духомъ вражды сердцегложущей свелъ на кровавую битву:
Вышелъ таковъ Теламонидъ огромный, твердыня Данаевъ,
Грознымъ лицемъ осклаблялсь; и звучными сильными стопами
Шелъ, широко выступая, копьемъ длиннотѣннымъ колебля.
Всѣ Аргивяне, смотря на него, восхищалися духомъ;
Трепетъ невольный объялъ у Троянина каждаго члены;
Даже у Гектора сердце въ могучей груди задрожало.
Но ни врага избѣжать, ни въ толпы ополченій укрыться
Не было болѣ возможности: самъ на сраженіе вызвалъ.
Быстро Аяксъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Мѣданый щитъ, семикожный, который художникъ составилъ,
Тихій, усмарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обителью жившій:
Онъ сей щитъ сотворилъ легкодвижный, семь сочетавши
Кожъ изъ тучнѣйшихъ воловъ и восьмую изъ мѣди поверхность.
Щитъ сей неся передъ грудью, Аяксъ Теламонидъ могучій
Сталъ противъ Гектора близко и голосомъ грознымъ воскликнулъ:

«Гекторъ, теперь ты узнаешь, одинъ на одинъ подвизаясь,
Въ рати Ахейской земли каковы и другіе герои

Есть безъ Пелида, фалангъ разрывателя, съ львиной душою!
Онъ у своихъ кораблей, при дружинахъ своихъ Мирмидонскихъ,
Празденъ лежитъ, на царя Агамемнона злобу питая.
Насъ-же Ахеянъ, которые выдти съ тобою готовы,
Много такихъ! начинай, Пріамидъ, поединокъ и битву!»

Но ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, какъ будто ребенка, испытывать хочешь,
Или какъ дѣву, которая дѣлъ ратоборныхъ не знаетъ.
Знаю довольно я брань и кровавое мужеубійство!
Щитъ мой умѣю на-право, умѣю на-лѣво метать я
Жесткую тяжесть, и съ нею могу неусталый сражаться;
Пѣшій, умѣю ходить я подъ грозные звуки Арея;
Конный, умѣю скача, съ кобылицъ быстроногихъ сражаться,
Но не хочу нападать на такого какъ ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умѣчу».

Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику
И поразилъ Теламонида въ выпуклый щитъ семикожный,
Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала!
Шесть въ немъ полосъ пробѣжала разсѣкши бурная пика,
Въ кожѣ седьмой увязла. Тогда Теламонидъ великій,
Мощный Аяксъ, размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику
И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
Броню насквозь, украшеньемъ изящную, быстро пронзила,
И на чревѣ, подъ ребрами, самый хитонъ растерзала
Бурная: Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
Оба исторгнули вновь длиннотѣнныя копья, и разомъ
Сшиблися вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
Или какъ звѣри лѣсовъ, не легко одолимые вепри.
Гекторъ копьемъ въ средину щита Теламонида грянулъ,
Но щита не прорвалъ: на мѣди изогнулося жало.
Въ щитъ, налетѣвши, ударилъ Аяксъ, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшаго Гектора вспять отразило,
Вскользъ пробѣжало по выѣ, и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервалъ шлемоблещущій, пламенный Гекторъ,
Но, назадъ онъ подавшися, камень рукою могучей
Сорвалъ, средь поля лежавшій, черный, жестокій, огромный:
Махомъ повергъ, и Аяксовъ блистательный щитъ семикожный
Глыбой въ средину ударилъ: взревѣла вся мѣдь щитовая.
Быстро Аяксъ подхватилъ несравненно огромнѣйшій камень;

Ринулъ его, размахавъ и, напрягши безмѣрную силу.
Въ щитъ угодилъ и насквозь проломилъ его камнемъ жерновымъ,
Ранилъ колѣна врагу. На хребетъ опрокинулся Гекторъ,
Сверху натиснутъ щитомъ, но внезапно воздвигъ Пріамида
Фебъ: и тогда рукопашно мечами-бъ они изрубились,
Если-бъ къ героямъ глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ,
Вдругъ не предстали, одинъ отъ Троянъ, а другой отъ Ахеянъ
Вѣстникъ Идей и Талфибій, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рекъ имъ
Вѣстникъ троянскій Идей, исполненный мудрыхъ совѣтовъ:

«Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье;
Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу;
Оба храбрѣйшіе воины: въ томъ убѣдилися всѣ мы.
Но приближается ночь: покориться и ночи пріятно.»

Быстро, къ нему обратясь, отвѣчалъ Теламонидъ великій:
«Вѣстникъ, что ты произнесъ, повели произнесть Пріамиду;
Онъ вызывалъ на сраженіе нашихъ храбрѣйшихъ героевъ;
Онъ и начни: покориться готовъ я, коль онъ пожелаетъ.»

И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Такъ, Теламонидъ, тебѣ и величкость, и силу, и разумъ
Богъ даровалъ; межъ Ахеями ты копьеборецъ славнѣйшій.
Кончимъ на нынѣшній день и борьбу и сраженіе наше;
Послѣ сойдемся и будемъ сражаться, пока уже Демонъ
Насъ не разлучитъ, изъ двухъ одному даровавши побѣду.
Нынѣ приблизилась ночь: покориться и ночи пріятно.
Шествуй и предъ кораблями всѣхъ Аргивянъ ты обрадуй,
Болѣе-жъ друговъ любезныхъ, и ближнихъ, какихъ ты имѣешь;
Я же въ Пріамовомъ градѣ великомъ, обрадую въ Троѣ
Сердце Троянъ и длинныя ризы влачащихъ Троянокъ,
Кои молиться о мнѣ соберутся въ божественномъ храмѣ.
Сынъ Теламоновъ! почтимъ мы другъ друга дарами на память.
Нѣкогда пусть говорятъ и Троады сыны и Геллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной.»

Гекторъ, слово окончивши, мечъ подаетъ сребргвоздный
Вмѣстѣ съ ножнами его и красивымъ ремнемъ перевѣснымъ;
Сынъ Теламона вручаетъ блистающій пурпуромъ поясъ.
Такъ разлучася герои, одинъ къ ополченьямъ ахейскимъ
Шествовалъ; къ сонмамъ троянскимъ другой поспѣшалъ, и Трояне,

Радуясь сердцемъ, смотрѣли, что
шествуетъ здравъ и безвреденъ
Гекторъ, Аяксовой силы и рукъ
необорныхъ избѣгшій;
Въ градъ повели Пріамида не-
ждавшіе видѣть живаго.
Такъ и Аякса красивононожные
мужи Данаи
Къ сыну Атрея вели, восхищен-
наго славой побѣды.

[1]) Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ (1784—1833), род. въ Полтавѣ и начальное образованіе получилъ въ тамошней семинаріи; по уничтоженіи ея, перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ, а съ 1800 воспитывался въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и находился по 30 Декабря 1802 г. Здѣсь обнаружилась его любовь къ сценическому искусству: на университетскомъ театрѣ, въ кругу товарищей, онъ представлялъ нѣкоторыя трагическія роли и своею игрою заслуживалъ похвалы. Первыми литературными его опытами были переводы трагедій Дюси «Абюфаръ» (1802) и Шиллера «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» 1803). Къ тому же времени относится оригинальный его романъ: «Донъ-Коррадо де Геррера, или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ», 2 ч. (1803). 1-го марта 1803 г. Гнѣдичъ поступилъ на службу въ Департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Съ этого года, его сочиненія являются въ петербургскихъ журналахъ. Въ 1805 г. онъ посѣтилъ Полтаву. «Пѣснь при гробѣ матери», написанная въ этомъ году, но напечатанная позднѣе (Цвѣтникъ, 1809, № 12), передаетъ намъ благоговѣйныя чувства сына, который «отъ колыбели остался сиротой и былъ усыновленъ суровой мачихой-судьбою». Небольшое имѣнье, оставшееся ему отъ отца, онъ передалъ своей сестрѣ. огда же она умерла, вся его нѣжн ть пе ı а ея дочь — «единс енную вѣтвь родной крови, послѣднюю привязанность земную». Но и эта привязанность подъ конецъ измѣнила ему: элегія «на смерть дочери покойной сестры» (1826) раскрываетъ тоскующую душу человѣка, опустошенную двумя утратами. Одиночество было неисцѣлимою болью его сердца, причиною неизмѣнно печальнаго его настроенія. Съ 1807 г. начинается знакомство Гнѣдича съ трагической актрисой Семеновой, которое продолжалось 18 лѣтъ. Его просвѣщенной дружбѣ и постоянному участію въ изученіи съ нею драматическихъ характеровъ, эта артистка одолжена частію той славы, которою она блистала въ роляхъ Клитемнестры, Медеи, Меропы, Моины, Аменаиды, Ксеніи. Гнѣдичъ и самъ не оставлялъ тѣхъ занятій, которыми онъ дебютировалъ въ литературѣ: въ 1808 г. онъ напечаталъ переводъ Шекспировой трагедіи «Леаръ», а въ 1816-мъ переводъ трагедіи Вольтера «Танкредъ», первое представленіе которой состоялось еще въ 1809 г. Обѣ эти піесы, особенно вторая, имѣли большой успѣхъ въ представленіи. Важнѣйшимъ подвигомъ Гнѣдича, доставившимъ ему почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности, былъ переводъ Иліады. Сначала онъ хотѣлъ продолжать и кончить трудъ Кострова (первыя 6 пѣсенъ, напечатанныя въ 1787 г.), почему и перевелъ 7, 8, 9, 10 и начало 11-ой пѣсни Гомеровой поэмы александрійскими стихами: изъ нихъ 7-ая пѣснь издана отдѣльно (1809), а 8-ая помѣщена въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова (1812, кн. 5). Екатерина Павловна, принцесса ольденбургская (въ послѣдствіи королева виртембергская), оцѣнила намѣреніе Гнѣдича и, желая оказать ему пособіе, назначила ему 1000 руб. ежегодной пенсіи, выдача которой продолжалась и ея сыномъ, принцемъ Петромъ Георгіевичемъ, по самую смерть переводчика. Въ 1811 г. отыскалось продолженіе перевода Кострова, именно пѣсни 7, 8 и

половина 9-ой (нап. въ Вѣстникѣ Европы 1811, №№ 14 и 15). Это открытіе не остановило Гнѣдича, но онъ уже ясно сознавалъ бѣдность выбраннаго имъ стихотворнаго метра и невозможность передать имъ въ точности красоты подлинника, хотя и не осмѣливался еще прибѣгнуть къ гексаметру, считая его несвойственнымъ русскому языку послѣ несчастнаго опыта Тредьяковскаго. Сомнѣнія Гнѣдича были разрѣшены С. С. Уваровымъ, по убѣжденію котораго онъ рѣшился замѣнить однообразный шестистопный ямбъ эпическимъ стихомъ Грековъ. Письмо Уварова къ Гнѣдичу по этому предмету нап. въ 13 книжкѣ «Чтеній», 1813 г. Гнѣдичъ, въ отвѣтѣ своемъ, изложилъ формы измѣненій гексаметрическихъ и представилъ опытъ перевода гексаметрами изъ 6-ой пѣсни (ib.). Съ этого времени онъ неослабно предался выполненію принятой имъ на себя задачи, употребивъ на это болѣе 20 лѣтъ: переводъ Иліады вышелъ въ 1829 г. Въ теченіе главной работы являлись и другія сочиненія, напримѣръ: «Рожденіе Гомера, лирическая поэма въ двухъ пѣсняхъ» (1817), идиллія «Рыбаки» (1821), «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ» (1825). Служба Гнѣдича въ Департаментѣ продолжалась до 1817 г. Кромѣ того въ 1811 г. онъ занялъ должность библіотекаря въ И. П. Библіотекѣ, директоры которой, гр. А. С. Строгоновъ и А. Н. Оленинъ, много способствовали ему въ его предпріятіи. Они, по словамъ Лобанова, біографа Гнѣдича, требовали отъ него не столько службы, сколько Иліады, зная, что перенести подобное твореніе въ отечественную словесность есть служба тому же отечеству, но такая, для совершенія которой и въ цѣлыя столѣтія не всегда представляются достойные сподвижники. Не пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ отъ природы, Гнѣдичъ еще болѣе ослабилъ его трудолюбивою, сидячею жизнію. Къ физическимъ болѣзнямъ присоединилась еще и душевная — тоска человѣка одинокого. Это грустное одиночество выражено имъ въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній «Дума» (1832):

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одиноко его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю;
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Гнѣдичу не суждено было испытать счастія супружества, котораго онъ пламенно желалъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ:

«Долго испытывая, что такое счастіе или, лучше сказать, на чемъ бы хотѣлъ я основать мое счастіе, нахожу, что постоянство и однообразіе жизни, спокойствіе духа и свобода, образованность сердца и раздѣленіе чувствъ его,—вотъ источники счастія, мною воображаемаго... Только воображаемаго... Какъ я бѣденъ!

«Главный предметъ моихъ желаній — домашнее счастіе.—Моихъ... Едва ли это не цѣль и конецъ, къ которымъ стремятся предпріятія и труды каждаго человѣка. Но увы! я бездоменъ, я безроденъ. Кругъ семейственный есть благо, котораго я никогда не вѣдалъ. Чуждый всего, что могло бы меня развеселить, ободрить, я ничего не находилъ въ пустотѣ домашней, кромѣ хлопотъ, усталости, унынія. Меня обременяли всѣ заботы жизни домашней безъ всякаго изъ ея наслажденій».

Въ 1825 г , по совѣту врачей, Гнѣдичъ пользовался кавказскими минеральными водами, но безъ успѣха. Въ 1827 г. онъ отправился въ Одессу, откуда возвратился въ 1828 г.

значительно поправивъ свое здоровье. Въ 1830 г. припадки болѣзни возобновились. Облегченіе, принесенное искуственными минеральными водами въ Москвѣ (1831), было только временное. Гнѣдичъ уже чувствовалъ приближеніе смерти. Это предчувствіе, обратившееся въ увѣренность, выражено двустишіемъ при погребеніи Дельвига (1831):

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслаждусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить.

Гнѣдичъ похороненъ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Невскаго монастыря. Надгробный памятникъ поставленъ ему друзьями и пріятелями, съ надписью:

"Гнѣдичу,"
обогатившему
Русскую Словесность
переводомъ Омира.
Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися.
(Иліада, пѣснь 1, стихъ 249).

Въ отвѣтъ на посланіе гр. Хвостова, относящееся къ 1810 г., Гнѣдичъ изобразилъ свою личность, начиная съ внѣшняго вида и оканчивая внутренними свойствами. Здѣсь между прочимъ, читаемъ:

Мой духъ лишь воспаренъ любовію къ наукамъ,
Къ священной истинѣ, златыя лиры къ звукамъ:...
Они отрада мнѣ въ прискорбныхъ дняхъ моихъ.

(Жизнь и сочиненія Н. И. Гнѣдича, статья М. Лобанова, въ 5 ч. Трудовъ Рос. Академіи, 1842; также въ Сынѣ Отеч., 1842 № XI.—Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ, П. Н. Тихонова, 1885.).

Сочиненія Гнѣдича изданы три раза: а) Стихотворенія (1832); б) Сочиненія, 1854 (въ Полн. собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина, вмѣстѣ съ сочиненіями Хемницера). Піесы, пропущенныя въ этихъ изданіяхъ, исчислены г. Лонгиновымъ (Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Гнѣдича." Русскій Архивъ 1863 г., вып. 11 и 12); в) Сочиненія, изд. товарищества М. О. Вольфъ, 3 т. (1884). Изданіе это крайне неудовлетворительно и хотя названо полнымъ, но не заключаетъ въ себѣ ни одной прозаической статьи Гнѣдича.

Критическій обзоръ всѣхъ 5-ти изданій «Иліады» сдѣланъ С. И. Пономаревымъ въ его изслѣдованіи «Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.« С.-ПБ. 1886.

XXVIII.

ВОЕЙКОВЪ. (1).

А. ПОСЛАНІЕ КЪ СПЕРАНСКОМУ ОБЪ ИСТИННОМЪ БЛАГОРОДСТВѢ (1806). (2).

Сперанскій, другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость.
Ты свой возвысилъ родъ: твой гербъ, твои чины
И слава—собственно тобой сотворены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ потомки
Любовь къ отечеству, не титлы только громки.
Однакоже нельзя дворянство вздоромъ счесть,
Когда, съ заслугами соединяя честь,

Почтенный дворянинъ, блистая орденами,
Быть хочетъ, такъ какъ ты, полезенъ намъ дѣлами;
Дворянство помнитъ онъ лишь только для того,
Чтобы достойнымъ быть отличія сего:
Заслуги праотцевъ своими умножаетъ—
И честь ихъ имени еще свѣтлѣй сіяетъ.
Напротивъ, не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцевъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль, предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ поревнованья;
Когда безъ славныхъ дѣлъ, тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ.
А между тѣмъ сей князь, бояринъ этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
Какъ будто съ Минихомъ дѣлилъ труды и славу,
Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву.
Не ужъ ли вѣчно мнѣ глупца сего щадить?
Однажды навсегда хочу его спросить:
Скажи, о дивный мужъ, отличное творенье!
Какія у людей животныя въ почтеньѣ?
Мы дорого цѣнимъ ретиваго коня
За то, что статенъ онъ, горячъ, какъ пыль огня;
За то, что никогда въ бѣгу не утомлялся
И на ристалищѣ стократно отличался:
Но будь Алфановъ онъ или Баярдовъ внукъ,
Да кляча по себѣ, тотчасъ сбываютъ съ рукъ,—
Прощай почтеніе и къ племени и къ роду!
Ня немъ тащатъ дрова или привозятъ воду.
За чѣмъ же хочешь ты слѣпить насъ мишурой?
Родня великимъ ты — примѣры предъ тобой:
Румянцевъ и Орловъ среди громовыхъ звуковъ,
Въ посольствѣ князь Репнинъ, въ сенатѣ Долгоруковъ;

Спаситель Еропкинъ отъ язвы, отъ враговъ;
Любители наукъ—Шуваловъ, Муравьевъ;
Херасковъ, нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани;
Поэтовъ красота, вельможей образецъ,
Державинъ—славныхъ битвъ, любви, боговъ пѣвецъ:
Онъ движетъ въ насъ сердца, златыя движа струны;
Онъ нѣженъ, какъ любовь, и звученъ, какъ перуны.
Къ заслугамъ и честямъ премножество дорогъ.
Наслѣдникъ бабушкинъ и маменькинъ сынокъ,
Не на однихъ словахъ, будь бариномъ самымъ дѣломъ,
Великихъ сихъ мужей поставь себѣ примѣромъ:
Будь честенъ, какъ они—и княжествомъ хвались,
Полезенъ обществу—и предками гордись.
Пусть бабушка твоя отъ крови будетъ царской,
А дѣдушкой роднымъ князь Курбскій иль Пожарской:
Хоть ты не внучекъ ихъ, но можешь внучкомъ слыть;
Кто смѣетъ Минина породой укорить?
Но знай, что кто въ дѣдахъ считаетъ Геркулеса,
Не долженъ быть ни трусъ, ни глупая повѣса.
Но ты не внемлешь мнѣ! — ты вѣчное пятно,
Безчестье праотцевъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благородный,
Отъ корня добраго гнилой сучекъ негодный...

Притомъ, какъ русскому, вамъ должно быть извѣстно,
Что мѣстничество здѣсь нимало несовмѣстно;
Подъ скиптромъ благости для всѣхъ права даны:
Полезные сыны отечеству равны,
И самый древній родъ, богатое наслѣдство,
Не есть отличное для службы царской средство.
Но если какъ нибудь ошибкой, или такъ,
И выдетъ въ знатный чинъ лѣнивецъ и дуракъ,—
Почтенія къ нему ни мало не прибудетъ:
Онъ изъ простыхъ глупцовъ глупцомъ чиновнымъ будетъ.
Отечество мое, ты будешь ввѣкъ цвѣсти!
Для всѣхъ сыновъ твоихъ отверстые пути
Ко смерти на бою, къ трофеямъ послѣ боя!
Изъ бѣднаго слуги содѣлалъ Петръ героя,
Который не родствомъ, а самъ собой блисталъ—
И выборъ мудраго заслугой оправдалъ.
Пускай же мальчики болтаютъ и танцуютъ,
Потомки воиновъ всю жизнь провальсируютъ;

Пусть эти гордецы, безъ чести, безъ заслугъ,
Стараются набрать толпу большую слугъ,
Лакеевъ отличить ливрейными цвѣтами
И съ ногъ до головы обшить ихъ галунами:
Невѣжѣ (а) нужно быть отличну отъ людей
Кафтановъ пестротой и статью лошадей;
Но горькіе плоды ихъ старость ожидаютъ,
Презрѣніе и смѣхъ на балъ сопровождаютъ.
Межъ тѣмъ, Сперанскій, ты, трудясь, какъ муравей,
Чинъ знатный заслужилъ прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится:
Осмѣлится ль съ тобой дворянскій сынъ сравниться,
Который газы лишь и фейерверки жжетъ,
Или на псарнѣ жизнь прекрасную ведетъ?
Сперанскій! ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защититель;
Ты духомъ дворянинъ; трудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюлліемъ, за Кольбертомъ ступай;
Не орденской звѣздой, сіяй ты намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душею, не чинами;

а) Невѣждѣ.

Монарху славному со славою служи;
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ.

В. ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ (1814). (³).

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ.
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.
Вечеромъ, разставшись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ!
Изъ Омира по сю-пору
Недописанныхъ стиховъ.
Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
Но въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ желтый домъ.
Отъ любови сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ,
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ,
О Каверинъ (⁴)! долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;

Но, сказавъ «прости» обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ.
Ахъ, и я... но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленье
Я чиннехонько вхожу:
Тутъ одинъ желаетъ трона,
А другой владѣть луной,
И портретъ Наполеона
Намалеванъ какъ живой.
Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ
И увидѣлъ надъ дверями
Очень четко: «Сей отдѣлъ
Прозаистамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторамъ;
Не по чину, не по лѣтамъ—
Здѣсь мѣста по нумерамъ.»
Двери настежъ надзиратель,
Отворя мнѣ, говоритъ:
«Нумеръ первый—вашъ пріятель
Каченовскій (5) здѣсь сидитъ;
Букву *э* на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поетъ.
То ковыки созерцаетъ;
То, обнюхивая гниль,
Духу розъ предпочитаетъ;
То стряхаетъ съ книжицъ пыль,
И, въ восторгѣ восклицая,
Набиваетъ ею ротъ:
«Соръ славянскій, пыль родная!
Слаще ты, чѣмъ медъ изъ сотъ!»
Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ (6) въ слезахъ,
Разрумяненный, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ.
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.
Нумеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка (7) возсѣдитъ,
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ;
Книга Кормчая отверста,
И уста отворены;
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены:
«О Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ:
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гоѳолію укралъ!
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота!»
Ты ль, Хвостовъ (8)? къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я. Тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ... — не сумасшедшій:
Не съ чего тебѣ сходить.
«Въ Буало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина обезславилъ»...
Быстро онъ проговорилъ,
И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицемъ печальнымъ,—
Буквъ славянскихъ красоту,—
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутою *ѳиту*.
И на утвари повсюду
Коронованныя *кси*,
Старовѣрскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ *юсъ* и *пси*.
Томъ, въ сафьянъ переплетенный,
Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумленный—

И узналъ, что то Шишковъ.
Вотъ Сладковскій (9) восклицаетъ:
«Се, се Россы! се самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ сіяетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ,
И чрезъ Ворсклу при преправѣ,
Градовъ на сушѣ творецъ
Съ дерзостью пошелъ ко славѣ,
И поэмѣ сей конецъ!»
Вотъ Жуковскій! въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ,
То глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ.
Вотъ Кутузовъ (10): онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.
Вотъ Станевичъ (11). Въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
«Міръ! потомство! за меня
Злому критику отмстите;
Мой изъ бронзы вылитъ ликъ,
Монументъ соорудите!
Я великъ, великъ, великъ!»
Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ (12) сидитъ
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ онъ сладкогласно:
«Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно—ужасной
Крокодилъ на немъ лежитъ!»
Вотъ Измайловъ—авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ (а);
Мой предметъ—носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!»
Вотъ Грузинцевъ (13): онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь,
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ греческій букварь.
—Вѣрно ваше сочиненье?
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
—Нѣтъ, Софоклово творенье!
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.
И бѣгомъ безъ дальнихъ сборовъ....
—Вотъ еще!—сказала мнѣ.
Я смотрю: Максимъ Невзоровъ (14)
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
«Еслибъ такъ, какъ на Вольтера,
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала бъ горько вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ!»
Отъ досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать потѣху;
Но смотритель доложилъ:
«Рады вы или не рады,
Но указъ ужъ полученъ;
Вамъ отсель нельзя ни пяди!»

а) Забавное этого стиха состоитъ въ томъ, что Измайловъ, напротивъ, претендовалъ на званіе «дамскаго писателя».

И указъ тотчасъ прочтенъ:
«Тотъ Воейковъ (15), что Делиля
Столь безбожно исказилъ,
Истерзать хотѣлъ «Эмиля»
И Виргилію грозилъ,—
Долженъ быть, какъ сумасшедшій,
Вовсе запертъ въ желтый домъ:
Темя все обрить поспѣшнѣй
И тереть почаще льдомъ!»
Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И, проснувшись, не очнулся,
И не вѣрилъ самъ, что спалъ...
Други! вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать—не жить поэту!
А писать начать—боюсь!

[1]) Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ, род. въ 1778 г. Обучался въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (1791 — 1795) и считался однимъ изъ лучшихъ его воспитанниковъ: имя его написано было на золотой доскѣ, на ряду съ именемъ Жуковскаго. Здѣсь-же, вѣроятно, возникла и развилась въ немъ любовь къ литературѣ. Чтеніе книгъ, преимущественно и, можно сказать, исключительно французскихъ, обогатило его разнообразными, хотя и поверхностными знаніями. Онъ имѣлъ несомнѣнное, хотя и не серьезно направленное дарованіе; нельзя также отрицать въ немъ начитанности и энциклопедическихъ свѣдѣній, которыми онъ могъ хвалиться передъ многими современными ему авторами. Этимъ обстоятельствамъ, равно какъ и тому, что онъ былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, объясняются его связи съ лучшими тогдашними людьми: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Дашковымъ, Батюшковымъ, Гнѣдичемъ, Тургеневыми, Перовскими. Нѣкоторое время онъ даже раздѣлялъ славу съ Жуковскимъ и Батюшковымъ. М. А. Дмитріевъ, въ своихъ «Мелочахъ», пишетъ, что когда приводили имена лучшихъ литераторовъ того времени, то говорили: Жуковскій, Батюшковъ и Воейковъ. Извѣстность свою, какъ литератора, Воейковъ положилъ «Посланіемъ къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ» (1806 г.). Послѣ того онъ перевелъ Вольтерову «Исторію царствованія Людовика XIV и Людовика XV» (4 ч., 1809). За тѣмъ онъ издалъ «Образцовыя сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей» (5 ч., 1811). До войны 1812 г. Воейковъ жилъ въ Москвѣ, переводилъ Делилеву поэму «Сады» и былъ постояннымъ членомъ кружка московскихъ литераторовъ—Мерзлякова, Кокошкина, Ѳ. Иванова (автора многихъ драматическихъ піесъ), Смирнова (переводчика трагедіи Шиллера: «Коварство и любовь»). Въ 1812 г. поступилъ въ военную службу, которую оставилъ по изгнаніи французовъ. На свободѣ отъ должностныхъ занятій, онъ путешествовалъ по Россіи; а возвратясь, снова поселился въ Москвѣ. Къ этому времени (1814) относится первая редакція знаменитаго его стихотворенія: «Домъ сумасшедшихъ». Въ 1815 году, женившись на Протасовой, онъ переѣхалъ въ Дерптъ, куда назначенъ былъ въ университетъ профессоромъ русской словесности. Каѳедру свою онъ занималъ до 1820 г., а въ этомъ году переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу сначала въ департаментъ духовныхъ дѣлъ, а потомъ (1821) инспекторомъ классовъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ также преподавалъ русскую словесность. Въ періодъ времени, съ 1815 по 1826, онъ издалъ три «Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ»: первое, вмѣстѣ съ

А. Тургеневымъ и Жуковскимъ, въ 12 ч., 1815—1817; второе, одинъ, подъ названіемъ: «Новое собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 г.» (4 ч., 1821—1822); третье, также одинъ: «Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1825 г.» (4 ч., 1824—1826). Съ 1821 г. Воейковъ сдѣлался журналистомъ. Болѣе года (съ 1821 по мартъ 1822) онъ раздѣлялъ труды съ Гречемъ по Сыну Отечества. Получивъ редакцію «Инвалида», въ 1822 г., велъ ее до 1828 г. Кромѣ того онъ издавалъ: «Новости русской литературы (съ 1822 по 1825 съ И. Козловымъ, а на 1825 и 1826 одинъ), «Славянинъ» (1827—1830) и «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» (1831 — 1836). Послѣдніе годы своей жизни Воейковъ проводилъ въ постоянномъ недовольствѣ судьбою и желчномъ раздраженіи. Въ его положеніи, литературномъ и общественномъ, произошелъ переворотъ. «Мы вдругъ потеряли всѣхъ земныхъ покровителей (пишетъ онъ кн. Волконской въ 1827 г.): императора Александра, императрицу Елисавету, Карамзина... Тутъ открылось пространное поле для моихъ враговъ личныхъ, для завистниковъ моего благосостоянія, которые и по кончинѣ Александра I не могли простить намъ его неизреченныхъ милостей... Можетъ быть, нѣсколько колкихъ эпиграммъ, нѣсколько добавочныхъ строфъ къ «Дому сумасшедшихъ» возбудили мщеніе посредственности». Литературная его извѣстность, блестящая въ прежнее время, затмилась; радакція «Инвалида», доставлявшая ему значительный доходъ, была передана генералу Пезаровіусу; къ этому присоединились долги, слѣдствіе расточительности и хозяйственнаго безпорядка. Вину всѣхъ этихъ невзгодъ Воейковъ сваливалъ на другихъ, а себя выгораживалъ изъ-подъ отвѣтственности: напрасное самооправданіе тамъ, гдѣ корень зла лежитъ въ собственномъ характерѣ и неразуміи. Умеръ онъ 1839 г. (А. Ѳ. Воейковъ. Библіограф. замѣтка А. Лазаревскаго, въ 1-мъ вып. «Сборника, изд. студентами спб. университета»; Литературные дѣятели прежняго времени, Е. Колбасина; Письма Воейкова къ кн. Волконской, въ Библ. Зап. 1868, № 6).

[2]) Вѣст. Евр. 1806, № 19. Сатира имѣетъ форму посланія къ Сперанскому, въ которомъ родовое дворянство не хотѣло видѣть себѣ ровни.

[3]) «Домъ сумасшедшихъ. Сатира А. Ѳ. Воейкова». Мы приняли первую редакцію, нап. въ 1 вып. Сборника, изданнаго студентами спб. университета, выправивъ ее по указаніямъ Сына Отеч. 1857, № 45. Послѣдняя (третья) редакція относится къ 1838 г. Эпиграфомъ къ сатирѣ взяты два французскіе стиха:

La vie de l'homme n'est qu'un songe;
Un songe agréable est préférable à une triste realité.

Она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ одномъ изображены лица, извѣстныя по своей администраціи; второй посвященъ собственно литераторамъ. О первомъ отдѣлѣ въ первой редакціи сказано какъ бы мимоходомъ, только четырьмя стихами (Тутъ одинъ желаетъ трона, и пр.), но онъ значительно расширенъ въ двухъ позднѣйшихъ редакціяхъ. Равнымъ образомъ добавленъ и второй отдѣлъ. «Домъ сумасшедшихъ» напечатанъ по нѣсколькимъ спискамъ въ Рус. Старинѣ 1874 (т. 9.). и по списку, писанному рукою самого Воейкова, тамъ же, 1875 (т. 12).

[4]) Каверинъ—тотъ самый, которому Пушкинъ написалъ посланіе (Соч. Пушкина. изд. Анненкова, II, 174).

[5]) Каченовскій, профессоръ моск. университета, почитавшій букву э

лишнею въ русской азбукѣ, и потому замѣнявшій ее буквою *е*. «По крюкамъ стихи поетъ» — скандуетъ, дѣлитъ стихъ на такты, или стопы. «Крюки»—старинный нотный знакъ.

[6]) «Размазню безъ масла ѣсть» — намекъ на бѣдное состояніе кн. Шаликова.

[7]) Сергѣй Николаевичъ.

[8]) Гр. Дмитрій Ивановичъ—плодовитый писатель, снискавшій себѣ извѣстность необычайною страстію къ стихотворству. Его-то Измайловъ выводилъ въ своихъ басняхъ, подъ именемъ Графова.

[9]) Сладковскій — авторъ поэмы «Петръ Великій» (1803). Отсюда взяты стихи, отмѣченные вноснымъ знакомъ.

[10]) Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ, бывшій попечителемъ Моск. университета и переводчикъ Сафо, Гезіода, Өеокрита, Пиндара. Письмо его (1810) къ министру народ. просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскому, о сочиненіяхъ Карамзина нап. во 2 кн. «Чтеній въ Моск. обществѣ исторіи на 1858 г.». Карамзинъ выставляется здѣсь опаснымъ авторомъ; сочиненія его—исполненными вольнодумческаго и якобиническаго яда.

[11]) Станевичъ — жаркій приверженецъ Шишкова. Стихи его и проза, ч. I, изд. въ 1805 г, Другое сочиненіе его: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» (1818) было запрещено, но потомъ, по представленію Шишкова, запрещеніе снято и книга вышла 2-мъ изд. (1825).

[12]) Эти стихи Батюшкова взяты изъ его піесы: «Счастливецъ», подражаніе Касти (1810).

[13]) Авторъ трагедій: «Эдипъ царь», «Электра и Орестъ» и другихъ.

[14]) Невзоровъ издавалъ съ 1807 по 1815 г. журналъ: «Другъ юношества».

[15]) Воейковъ переводилъ изъ Георгикъ и думалъ переводить «Эмиля, или о воспитаніи», Ж. Ж. Руссо. Сады или искусство украшать сельскіе виды, сочиненіе Делиля. Перевелъ Александръ Воейковъ. Спб. 1816

XXIX.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ. ([1]).

А. КЪ ПОРТРЕТУ ВЫСПРЕННЯГО ПОЭТА (1810). ([2]).

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ-бо никто его не разумѣлъ.

Б. ОБЪЯСНЕННОЕ СОМНѢНІЕ (1822). ([3]).

Смѣяться вы властны, а я клянуся вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.
—Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты... ворамъ.

В. ПОСЛАНІЕ КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ, ПРИСЛАВШЕМУ МНѢ СВОИ СОЧИНЕНІЯ (1823). ([4]).

Я получилъ сей даръ, наперсникъ Аполлона,

Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнасскаго закона,
Вниманья твоего сей драгоцѣнный даръ.
Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ,
И въ сердцѣ пасмурномъ, добычѣ мертвой скуки,
Поэзіи твоей плѣнительные звуки,
Раздавшись, дозвались отвѣта бытія:
Поэтъ напомнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я.
Но на чужихъ брегахъ, среди толпы холодной,
Гдѣ жадная душа души не зритъ ей сродной,
Гдѣ жизнь—издержка дней и съ временемъ расчетъ,
Гдѣ равнодушіе, какъ всемертвящій ледъ,
Сжимаетъ и тѣснитъ къ изящному усилья—
Что мыслямъ смѣлость дастъ, а вдохновенью крылья?
Въ бездѣйствіи тупомъ ослабѣваетъ умъ;
Безъ поощренья — спитъ отвага пылкихъ думъ.
Поэзія должна не хладнымъ быть искусствомъ,
Но чувства языкомъ иль, лучше, самымъ чувствомъ.
Стихъ прибирать къ стиху есть тоже ремесло;
Поэтовъ цеховыхъ размножилось число.
Поэзія въ иномъ слѣпое рукодѣлье:
На сердцѣ есть печаль, а онъ поетъ веселье;
Онъ пишетъ оттого, что чешется рука;
Восторга своего онъ ждетъ не свысока,
За вдохновеніемъ является къ вельможѣ
И часто къ небесамъ летаетъ изъ прихожей;
Иль утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
На скуку вечеромъ сзываетъ городъ онъ;
Кривляется безъ слезъ, вздыхаетъ не въ попадъ
И чувства по рукамъ сбираетъ на прокатъ;
Онъ на чужомъ огнѣ любовь разогрѣваетъ
И *вѣрно съ подлиннымъ* грустить и умираетъ.
Такой уловки я отъ неба не снискалъ:
Поется мнѣ, пою—вотъ что поэтъ сказалъ,
И вотъ піитикъ всѣхъ первѣйшее условье!
Въ обдуманномъ пылу хранящій хладнокровье,
Ѳирсъ любитъ трудности упрямствомъ побѣждать
И вопреки себѣ, а намъ на зло писать.
Зачѣмъ-же нѣтъ? Легко идетъ въ единоборство
Съ упорствомъ риѳмачей читателей упорство.
Что не читается? Пусть именной указъ
Къ печати глупостямъ путь заградитъ у насъ,—
Бурунъ отмстить готовъ сей мѣрѣ ненавистной
И промышлять пойдетъ онъ скукой рукописной.

Есть родъ стократъ глупѣй писателей глупцовъ—
Глупцы читатели. Обильный Глазуновъ
Не можетъ напастись на нихъ своимъ товаромъ.
Иной божиться радъ, что Мевій (а) пишетъ съ жаромъ.
Въ жару? согласенъ я: но этотъ лютый жаръ—
Болѣзнь и Божій гнѣвъ, а не священный даръ.
Еще могу простить чтецамъ симъ угомоннымъ,
Кумира своего жрецамъ низкопоклоннымъ,
Для коихъ таинствомъ есть всякая печать,
И вольнодумецъ тотъ, кто смѣетъ разсуждать;
Но что несноснѣе тѣхъ умниковъ спесивыхъ,
Нелѣпыхъ знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,
Которыхъ всѣ права — надменность, пренья—шумъ,
А глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ!
Въ слѣпомъ невѣжествѣ ихъ трибуналъ всемірной,
За карточнымъ столомъ иль кулебякой жирной,
Вѣнчаетъ на-обумъ и на-обумъ казнитъ;
Ихъ осужденье—честь, рукоплесканье—стыдъ.
Бѣда тому, кто могъ языкомъ благороднымъ,
Предубѣжденій врагъ, другъ истинамъ свободнымъ,
Встревожить невзначай ихъ рабо-лѣпный сонъ
И смѣло вслухъ вѣщать, что смѣло мыслилъ онъ!
Труды писателей, наставниковъ отчизны,
На нихъ, на нихъ дѣла живыя укоризны;
Имъ не по росту быть вмѣняется въ вину,
И жалуютъ они посредственность одну.
За то какая смѣсь предъ тусклымъ ихъ зерцаломъ!
Тотъ драмой бьетъ челомъ иль рѣчью; сей журналомъ,
Въ которомъ, сторожъ тьмы взялся онъ на подрядъ,
Гдѣ-бъ мысль ни вспыхнула иль слава, бить въ набатъ.
Подъ сѣнью мрачною сего ареопага
Родится и растетъ марателей отвага,
Судъ здравый заглушенъ уродливымъ судомъ,
И на одинъ талантъ мы сто вралей сочтемъ.
Какъ мало, Дмитріевъ, твой правый «толкъ» постигли,
Иль крылья многіе себѣ бы здѣсь подстригли!
Но истины языкъ не внятенъ для ушей:
Гласъ самолюбія доходнѣй и вѣрнѣй.
Какъ сладко подъ его напѣвомъ дремлетъ Бавій (б)!

а) Плохой латинскій стихотворецъ.

б) Тоже плохой латинскій стихотворецъ, думавшій соперничать съ Виргиліемъ.

Онъ въ людяхъ славенъ сталъ числомъ своихъ безславій;
Но, счастливый слѣпецъ, онъ всѣ ихъ перенесъ:
Чѣмъ ниже упадетъ, тѣмъ выше вздернетъ носъ.
Чтò для иного трудъ, то для него есть шутка.
Отвергнувъ правилъ цѣпь, сложивъ ярмо разсудка,
Онъ бѣгу своему не вѣдаетъ границъ.
Да развѣ онъ одинъ? нѣтъ, много сходныхъ лицъ
Я легкимъ абрисомъ въ лицѣ его представилъ
И подлинниковъ рядъ еще большой оставилъ.
Когда, читателей моихъ почтивъ корысть,
Княжнинъ-бы отдалъ мнѣ затѣйливую кисть,
Которой чудаковъ (а) онъ намъ являетъ въ лицахъ —
Какая-бъ жатва мнѣ созрѣла въ двухъ столицахъ!
Сихъ новыхъ чудаковъ забавныя черты,
Украсили-бъ мои нельстивые листы:
Разставя по чинамъ, по званью и примѣтамъ,
Безъ надписей бы далъ я голосъ ихъ портретамъ.
Но страхомъ робкая окована рука:
Въ учителѣ боюсь явить ученика.
Тебѣ, о смѣлый бичъ дурачествъ и пороковъ,
Примѣрнымъ опытомъ и голосомъ уроковъ
Означившій у насъ гражданамъ и пѣвцамъ,
Какъ съ честью пролагать блестящій путь къ честямъ,
Тебѣ, о Дмитріевъ, сулитъ успѣхи новы
Свѣтъ, съ прежней жадностью внимать тебѣ готовый.
Что медлишь? на тобой оставленномъ пути
Явись и скипетръ вновь ты первенства схвати!
О Дмитріевъ! рази невѣжества вражду
И, снова пристрастясь къ полезному труду,
Согражданамъ своимъ яви примѣръ высокій
И въ новыхъ образцахъ — дай новые уроки!

Г. СТАНЦІЯ (1828). (5).

Досадно слышать: Sta, viator (б)!
Иль, изъясняяся простѣй:
«Извольте ждать, нѣтъ лошадей»,
Когда губернскій регистраторъ,
Почтовый станціи диктаторъ
(Ему типунъ бы на языкъ!)
Сей рѣчью ставитъ васъ въ тупикъ.
Отъ этого-то русскимъ трактомъ
Ѣзда не слишкомъ веселитъ:
Какъ ѣдешь, дѣйствіе кипитъ;
Пріѣдешь — стынетъ за антрактомъ.
Да и скакать—дождись пути.
Замѣтить должно мнѣ въ прибавку,
Чтобы точнѣй въ журналъ ввести

а) Въ ком. Чудаки.

б) Изъ латинской эпитафіи.

Топографическую справку:
Дороги наши—садъ для глазъ,
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проѣзда нѣтъ подъ-часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша:
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стихъ: «для проходящихъ» (а)!
Свободна русская ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда—
Нашъ Макъ-Адамъ (б) или Макъ-Ева —
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ;
Или когда поля пройметъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.
Чтожъ дѣлать? время есть всему!
Гражданству, роскоши, уму
Рукой степенной ходъ размѣренъ:
Итогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣренъ,
Пождемъ—и возрастетъ итогъ.
Давноль могучій Петръ природу,
Судьбу и смертныхъ перемогъ,
Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огнь и воду,
И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
Давно ли вдоль и поперекъ
Протоптана его Россія?
Исполнятся судьбы благія —

а) Изъ басни Дмитріева: «Прохожій».

б) Особенное устройство дороги, такъ называемое по имени изобрѣтателя, англійскаго инженера.

И мы не будемъ безъ дорогъ.
За то военную дорогу
Прокладывать умѣемъ мы:
Въ Парижѣ были, слава Богу,
И можетъ, не боясь чумы,
Ни Магомета стражи райской,
За славной тѣнью Задунайской,
За тѣнью Царственной жены
Мы доберемся до луны:
За грековъ молвимъ рѣчь въ Стамбулѣ
И межъ собой, безъ дальнихъ ссоръ,
Миролюбиво кончимъ споръ,
Когда-то жаркій при Кагулѣ.

«Такъ лошадей мнѣ нѣтъ у васъ?»
—Смотрите въ книгѣ: счетъ тутъ ясенъ. —
«Ихъ въ книгѣ нѣтъ, я въ томъ согласенъ;
Въ конюшнѣ нѣтъ ли?»—Тройка съ часъ
Послѣдняя съ курьеромъ вышла;
Двѣ клячи на дворѣ и есть,
Да ихъ хоть выбылыми счесть:
Не ходитъ ни одна у дышла.—
«А долго ли прикажешь мнѣ,
Платя въ избѣ терпѣнью дани,
Исторіи «тьму-таракани»
Учиться по твоей стѣнѣ?»
— Да къ ночи кони придутъ, нѣтъ ли,
Тутъ ихъ покормимъ часъ, иль два.
Ей, ей, кружится голова;
Приходитъ жутко, хоть до петли!
И днемъ и ночью все разгонъ,
А всего на всего пять троекъ;
Тутъ, какъ ни будь смышленъ и боекъ,
А полѣзай изъ кожи вонъ!—

«Стой, путникъ, стой! чтожъ молвить больше,
Когда подвинуться нельзя?

¹) Князь Вяземскій, Петръ Андреевичъ, род. въ 1792 г., ум. 1878 г. Отецъ его, умирая, ввѣрилъ попеченіе о своемъ малолѣтнемъ сынѣ Карамзину. Молодой князь, связанный съ нимъ родствомъ, нашелъ въ немъ опытнаго наставника, а въ послѣдствіи вѣрнаго друга. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ часто говоритъ о Карамзинѣ съ любовью и благоговѣніемъ. Такъ, наприм., читаемъ въ отрывкѣ изъ стихотворенія: «Деревня» (Памятникъ отечественныхъ Музъ, 1827):

О Карамзинъ! ты здѣсь (а) съ любимыми творцами,
Въ душѣ твой образъ слитъ съ священными мечтами:
Родитель, на одрѣ болѣзни роковой,
Тебѣ ввѣрялъ меня хладѣющей рукой
И мыслью отдыхалъ въ страданіяхъ недуга,
Что сынъ его найдетъ въ тебѣ отца и друга.
О, какъ исполнилъ ты сей дружества завѣтъ!
Ты юности моей взлелѣялъ сирый цвѣтъ.
О мой второй отецъ! Любовью, дѣломъ, словомъ,
Ты былъ мнѣ отческимъ примѣромъ и покровомъ.

Первою школою молодаго князя былъ іезуитскій пансіонъ въ Петербургѣ, о чемъ онъ воспоминаетъ въ «Посланіи къ Д. П. Северину (1861)», своему соученику и старинному другу:

Тамъ жизни внутренней разсвѣтъ нашъ и начало,
Тамъ оперилась мысль, чутье тамъ чувствомъ стало.
Изъ просвѣщенныхъ рукъ наставниковъ-друзей
Запали въ нашу грудь, на жатву позднихъ дней,
Зародыши добра и любознанья сѣмя.

Потомъ онъ продолжалъ ученіе въ Москвѣ, въ домѣ профессора Рейса, и пользовался лекціями другихъ профессоровъ Московскаго университета. Знаніемъ русскаго языка онъ былъ обязанъ учителю въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, П. И. Богданову. На службу поступилъ въ Межевую канцелярію юнкеромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1807). Начало его служебной карьеры совпадаетъ съ началомъ карьеры литературной: въ 1807 г. сочинилъ онъ первое стихотвореніе «Посланіе къ*** въ деревню» (Вѣст. Евр. 1807, ч. 41). Кн. Вяземскій началъ писать стихи съ самаго дѣтства, вопреки желанію отца, который безуспѣшно старался поселить въ немъ охоту къ наукамъ математическимъ. Любовь къ словесности усилилась въ немъ послѣ того какъ онъ, по смерти отца, перешелъ подъ руководство Карамзина; но строгость сужденій попечителя пугала его самолюбіе, и онъ боялся показывать ему опыты своего таланта. Тѣсная дружеская связь, въ юношескихъ лѣтахъ, съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, закрѣпила въ душѣ кн. Вяземскаго наклонность къ литературѣ вообще и къ поэзіи въ частности, которыя считаютъ его имя въ числѣ своихъ искреннихъ, даровитыхъ и образованныхъ ревнителей. Въ 1812 г., съ дозволенія начальника своего, директора Межевой канцеляріи Обрѣзкова, князь поступилъ въ Московское ополченіе, въ полкъ, сформированный гр. Мамоновымъ, и находился при Милорадовичѣ въ битвѣ при Бородинѣ, гдѣ подъ нимъ были убиты

а) Въ Остафьевѣ, подмосковномъ селѣ, родовомъ имѣніи кн. Вяземскаго, который провелъ въ немъ свое дѣтство. Карамзинъ иногда живалъ тамъ лѣтомъ и писалъ первые томы своей Исторіи. Оно описано въ стихотвореніи кн. Вяземскаго: «Остафьево» (1857).

двѣ лошади. Стихи: «Русскіе проселки (1841)» воспоминають этотъ день, знаменитый въ исторіи отечественной войны:

Былъ Бородинскій день—день жаркій,
боевой.
Французское ядро визжало надо мной,
И если мирнаго поэта пожалѣло,
За то хоть двухъ коней оно подъ нимъ
заѣло.

Уволенный по прошенію, изъ вѣдомства Межевой канцеляріи, 1817 г., онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ къ тайному совѣтнику Новосильцеву, въ Варшаву, и состоялъ при немъ до 1821 г. Черезъ девять лѣтъ послѣ того началась его новая служба, по министерству финансовъ, чиновникомъ особыхъ порученій и вскорѣ членомъ общаго присутствія департамента внѣшней торговли (1830). Въ 1833 г. онъ занялъ должность вице-директора этого департамента, въ 1846-мъ — управляющаго заемнымъ банкомъ, откуда вышелъ въ 1853-мъ, получивъ мѣсто члена въ совѣтѣ министра финансовъ. Въ 1855 году назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и сенаторомъ. Въ 1858 г. уволенъ по прошенію отъ этой должности, сохранивъ званіе сенатора. Въ 1861 г. пожалованъ въ гофмейстеры, съ назначеніемъ состоять при государынѣ Императрицѣ.

Пятидесятилѣтній юбилей кн. Вяземскаго, какъ литератора (1807 — 1857), былъ празднованъ, по случаю поѣздки его за границу, не въ 1857, а въ 1861 г. въ Петербургѣ (см. «Юбилей пятидесятилѣтній литературной дѣятельности академика князя П. А. Вяземскаго»). Небольшая часть его стихотвореній собраны въ книгѣ: «Въ дорогѣ и дома (1862)». Къ этому сборнику приложена по возможности полная и вездѣ почти вѣрно составленная библіографія сочиненій автора, въ стихахъ и прозѣ. Полное собраніе сочиненій издается гр. С. Д. Шереметевымъ. Вышло 11-ть томовъ. Имя кн. Вяземскаго, какъ замѣчательнаго сатирика и критика, навсегда останется въ исторіи нашей словесности. По праву своего таланта и образованности, онъ занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ (своимъ названнымъ братомъ), Батюшковымъ, Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ «лучшими» людьми онъ, во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранилъ горячую преданность просвѣщенію и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія для успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства.

²) Собраніе рус. стихотвореній, изданное Жуковскимъ (1811, ч. 5). Библисъ—Бобровъ, авторъ поэмы «Херсонида» и другихъ сочиненій, написанныхъ высокопарнымъ языкомъ.

³) Ib.

⁴) Полярная звѣзда, 1823 г.

⁵) «Глава изъ путешествія въ стихахъ; писана 1825 г.» (альманахъ «Подснѣжникъ» 1829).

XXX.

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ. (1).

А. УРОКЪ КОКЕТКАМЪ ИЛИ ЛИПЕЦКІЯ ВОДЫ (1815). (2).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 5.

Саша, Баронъ, Графиня, Угаровъ и Фіалкинъ. Графиня, показавшись въ аллеѣ окруженная обожателями, съ ними раскланивается. Всѣ уходятъ; остаются: Баронъ, несущій шаль, Угаровъ и Фіалкинъ съ парасолемъ и гитарою за плечами.

Графиня. Я признаюся вамъ, что Липецкъ-рай земной!
Любезность жителей и прелести природы
Мнѣ здѣсь полезнѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ воды.
Нѣтъ! я вообразить безъ грусти не могу,
Что должно въ Петербургъ мнѣ будетъ возвратиться
И важной знатности въ блистательномъ кругу
О Липецкѣ вздыхать и скукою томиться.
И что найду я тамъ? несносный этикетъ,
Обѣды званые и праздники нарядны,
Гдѣ съ скукой пополамъ кружится въ вальсахъ свѣтъ,
И ахъ! концерты тѣ, гдѣ голоса нескладны
И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей
Безъ милосердія терзаютъ слухъ гостей;
Театры душные, въ которыхъ, для уморы
Несчастныхъ зрителей, злодѣи аматеры
Пищатъ, коверкаютъ французскіе стихи.
А если попадусь я за мои грѣхи
Въ собранье важныхъ дамъ, на тетушку похожихъ,
Которыя, отъ лѣтъ ударясь въ ханжество,
Въ разсказахъ не щадя ни дружбу, ни родство,
Бранятъ безъ милости проѣзжихъ и прохожихъ —
Тогда пропала я! Что можетъ быть скучнѣй
Злословья, клеветы, и сплетней, и вѣстей,
Которыхъ никогда такъ много не бывало,
Какъ нынче? Если же и этого все мало,
Чтобъ насъ морить тоской, политика сама

Въ минуту явится съ лганьемъ и новостями,
Засядетъ вкругъ стола и громкими словами
Начнетъ витійствовать безъ толку, безъ ума,
И споры тѣмъ рѣшитъ, что съ болью головною
Пріѣдутъ всѣ домой.—Вотъ жизнію какою
Мнѣ должно мучиться; а здѣсь, а съ вами я
Привыкла къ счастію... Ахъ! я цѣнить умѣю
Таланты, вкусъ и умъ.

Угаровъ (*въ сторону*). Острѣе быть нельзя.

Фіалкинъ (*въ сторону*). Наивность райская!

Баронъ (*въ сторону*). Я отъ восторговъ млѣю!

Графиня (*взявъ шаль отъ Барона*). Благодарю, баронъ!

Баронъ. Ахъ! благодарнымъ быть
Тотъ долженъ, кто возмогъ хоть мало вамъ служить.

Графиня (*Барону*). Къ несчастью, мы теперь встрѣчаемъ рѣдко въ свѣтѣ
Такую вѣжливость, — парижскій старый тонъ.

Баронъ. И рѣдко кто найдетъ въ прелестномъ семъ отвѣтѣ
Сокровища души.

Угаровъ. Поберегись, баронъ:
Такъ сильно шаркая, подагру разбередишь.

Графиня (*улыбаясь Угарову*). Какъ вы язвительны!

Баронъ (*тихо Графинѣ*). Несносный сорванецъ.

Фіалкинъ (*отдавая парасолъ Графинѣ*). Отъ солнца этотъ щитъ,— отъ васъ же для сердецъ,
Увы! защиты нѣтъ.

Угаровъ (*отдерживая Фіалкина*).
Куда, любезникъ, лѣзешь?
Поди вздыхать въ шалашъ.

Фіалкинъ. Но и шалашъ тотъ храмъ,
Гдѣ божеству души курится ѳиміамъ!

Графиня (*Фіалкину*). Вездѣ поэзія.

Баронъ (*Угарову, который было зацѣпилъ шпорами Графинино платье*). Васъ предварить позвольте,
Чтобъ отъ оружія воинскихъ вашихъ ногъ
Здѣсь случай бѣдственный произойти не могъ,
Невыгодный ея сіятельству.

Угаровъ. Увольте
Отъ воспитанія.

Баронъ. Ахъ, нѣтъ!...

Угаровъ. Не такъ я простъ:
Насмѣшка не всегда со мною удается.

Саша. А вѣрно не одинъ на этихъ шпорахъ хвостъ
Изъ вальсовъ вынесли.

Угаровъ. Нашъ грѣхъ.

Баронъ. И признается!
О вѣкъ! о времена!

Графиня. Баронъ, который часъ?

Баронъ. Ахъ! скоро два часа.

Графиня. Какъ время пролетаетъ!
(*Отдавая шаль Сашѣ*).
Избавлюсь ли отъ нихъ?

Фіалкинъ. Гдѣ роза расцвѣтаетъ,
Тамъ время мигъ одинъ.

Баронъ. Когдабъ оно для насъ
Остановилося и крылья потеряло!

Угаровъ. Да, если разъ-другой
оно крыломъ махнетъ,
Такъ и прощай, баронъ — тебя
какъ не бывало.
Графиня (*Угарову*). Ахъ! полноте шутить: мнѣ смѣхъ на умъ
нейдетъ.
(*Сашѣ*). Вошла-ли тетушка?
Саша. Давно.
Графиня. А князь?
Саша. Онъ съ нею.
Графиня (*понизя голосъ*). И
Пронской?
Саша. Съ ними же.
Графиня. Я, право, не успѣю
Окончить какъ нибудь къ обѣду
туалетъ.
Вотъ случай тетушкѣ бранить.
Баронъ. Кто знаетъ свѣтъ,
Тотъ удаляется.
Саша (*въ сторону*). Хоть этотъ
догадался.
Графиня (*барону*). Ужъ вы
уходите?
Баронъ. Себя могу ли льстить,
Что въ часъ гулянья вы...
Графиня. Надѣюсь съ вами
быть.
Баронъ (*цѣлуетъ руку и отходя въ сторону*). Вотъ
прелестей соборъ!
Графиня (*въ сторону*). Насилу
отвязался!
Угаровъ. Прощайте!
Графиня. Какъ! и вы?
Угаровъ. Готовъ, хоть и не
радъ.
Графиня. На долго ль?
Угаровъ. На лихихъ какъ разъ
примчусь назадъ.
(*Уходя*). Не женщина—соколъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

Графиня, Саша и Фіалкинъ (вздыхая издали).

Графиня. Ушли? Ахъ, какъ я
рада!
Саша. Поэтъ не отвздыхалъ.
Графиня. Отправь его скорѣй.
Саша (*Фіалкину*). Придите къ
намъ ужо съ гитарою своей
Попозже.
Фіалкинъ. Внушена мнѣ геніемъ баллада,
И посвятить хочу графинѣ сердца
плодъ.
(*Графинѣ*). Примите....
Графиня. Что, сударь?
Фіалкинъ. Творенье небольшое,
Но есть въ немъ кое-что. Я выбралъ модный родъ
Балладъ.
Графиня. Я ихъ люблю.
Саша. А прозвище какое?
Фіалкинъ. Омиръ или Омеръ.
Еще не рѣшено,
Какъ должно звать его, и для
того я *или*
Поставилъ, чтобъ меня журналы
не бранили.
Саша. Да дѣло въ чемъ? а *ме*
иль *ми*, намъ все равно.
Фіалкинъ. Поэтъ безсмертный, кѣмъ была воспѣта Троя,
Лишенный глазъ, любви талантъ
свой посвятилъ.
Графиня. Гомеръ влюбился!
Фіалкинъ. Ахъ! кто пѣлъ и
не любилъ?
Ахилла славилъ онъ, чтобъ улыбнулась Хлоя.
Графиня. Вотъ это новое!

Ф і а л к и н ъ. Не думаете ль вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенія, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго? — Ахъ нѣтъ, нѣтъ! этого все мало.
Г р а ф и н я. И даже прочаго! — Что жъ нужно для него?
Ф і а л к и н ъ. Въ немъ сердце быть должно, которо бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ, какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ...
С а ш а (*въ сторону*). Гдѣ тонко, тамъ и рвется.
Ф і а л к и н ъ. Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ;
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ;
Чтобъ онъ любилъ... какъ я!...
Г р а ф и н я. Намъ времени осталось
Немного, такъ прошу...
Ф і а л к и н ъ. Увы! когдабъ я могъ
Баллады пѣніемъ тотъ выразить восторгъ,
Которымъ вспламененъ Омеръ, пѣвецъ всесвѣтный.
Г р а ф и н я (*въ сторону*). Въ пѣньѣ сноснѣе вздоръ. (*Ему*) Пропойте.
Ф і а л к и н ъ (*настраивая гитару*). Я готовъ.

БАЛЛАДА.

Пѣлъ безсмертный славну Трою;
Пѣлъ родныхъ Пріама чадъ;
Пѣлъ Ахилла, жадна къ бою;
Пѣлъ Елены милый взглядъ!
Но чувствительность слезами
Излила глаза пѣвца.
Ахъ! мы любимъ не глазами:
Для любви у насъ сердца,
И безсмертный подъ сѣтями
У безсмертнаго слѣпца.

Я мысли освѣжить хотѣлъ игрою словъ:
Поймалъ подъ сѣть свою Амуръ, слѣпецъ безсмертный,
Безсмертнаго слѣпца Омера.
Г р а ф и н я (*въ сторону*). Что за вздоръ!
С а ш а. Слѣпецъ слѣпца ведетъ — прекрасно!
Ф і а л к и н ъ. Ахъ! вашъ взоръ
Рѣшитъ судьбу слѣпца!
Г р а ф и н я. Онъ очень милъ!
С а ш а. А сколько
Куплетовъ всѣхъ?
Ф і а л к и н ъ. Всего ихъ сорокъ восемь.
С а ш а. Только!
Ф і а л к и н ъ. Не больше.
Г р а ф и н я (*Сашѣ*). Ахъ, спаси!
С а ш а (*Фіалкину*). Бездѣлица, да насъ
Ждетъ туалетъ, а вамъ не время ль на Парнасъ?
Ф і а л к и н ъ. Баллада въ чтеніи такъ милой быть не можетъ.
С а ш а. И одѣваться намъ баллада не поможетъ.

Графиня (*Сашѣ*). Какъ неучтива ты!
Фіалкинъ (*Графинѣ*). Эстетики въ ней нѣтъ.
Графиня. Чтобъ наказать ее, не пойте жъ.
Фіалкинъ. Весь эффектъ
Пропалъ безъ музыки.
Графиня. Могуль я быть въ надеждѣ,
Что нынче въ вечеру услышу...
Фіалкинъ. А не прежде?
Графиня. Не прежде; но прошу, скажите мнѣ пова
Сюжетъ.
Фіалкинъ. Омеръ сидитъ въ лѣсу у ручейка
И къ Хлоѣ страсть поетъ...
Саша. Покуда перестанетъ.
Фіалкинъ. Нѣтъ, ошибаетесь! покуда громъ не грянетъ,
Покуда бурями чреваты небеса
Не хлынутъ океанъ на землю!...
Саша. Ахъ, ужасно!
Какъ въ голову придутъ такія чудеса?
Фіалкинъ. Я почерпнулъ изъ глазъ прелестныхъ...
Графиня. Вотъ прекрасно!
Всѣ эти бури вы въ моихъ глазахъ нашли?
Фіалкинъ. Что дивно въ небеси, что мило на земли,
Величіе боговъ, наивность, умъ чудесной,
Усредоточили вы все въ душѣ небесной!
Саша. Постойте-ка, сударь, да этотъ комплиментъ
Для молодой княжны былъ, кажется, пропѣтъ?
Графиня. Ага, сударь! такъ вы...
Фіалкинъ. Я не стыжусь нимало
Признаться. Оленька здѣсь прелестью своей
Плѣняла какъ луна, но солнце возсіяло —
И свѣтъ луны погасъ.
Графиня. Не можетъ быть лестнѣй!
Да вы всѣмъ женщинамъ поете точно тоже.
Фіалкинъ. Ахъ, вы единственны! что въ мірѣ съ вами схоже?
Саша. А барышня моя?
Фіалкинъ. Конечно хороша:
Всѣ хвалятъ въ ней глаза.
Графиня (*въ сторону*). Да гдѣ же въ нихъ душа?
Какъ фонари безъ свѣчъ.
Саша. Лице ея прекрасно,
Твердили вы въ стихахъ.
Графиня. Лице бѣло и красно,
И точно херувимъ на вербѣ восковой.
Саша. Чтожъ, отопретесь ли?
Фіалкинъ. Во-вѣкъ не отопрусь
Отъ тѣхъ моихъ стиховъ, что были всей Москвой
Съ восторгомъ читаны. На васъ самихъ пошлюся,
Графиня, что они....
Графиня (*съ досадою*). Я не читала ихъ.
Фіалкинъ. Угодноль, я прочту.
Графиня (*съ досадою*). Вы, кажется, забыли,
Что здѣсь обѣдаютъ. (*Въ сторону*) Какой несносный вралы!
Стихи преплоскіе. (*Ему*) Мнѣ, право, очень жаль,
Что не могу теперь...

Фіалкинъ. Дослушайте...
Графиня. Прощайте.
Фіалкинъ. Въ минуту кончу все.
Графиня (*Сашѣ*). Съ тобой поговорить
Хотѣла я, но мнѣ поэта съ рукъ не сжить. (*Идетъ къ дому*).
Фіалкинъ (*бѣжа за нею*). Баллада вамъ...
Графиня. Ее вы Олинькѣ читайте. (*Уходитъ*).
Фіалкинъ. Бѣжитъ!... И ахъ! за что прогнѣваться могла,
Не понимаю я.
Саша. А кажется понятно,
Что прелестямъ чужимъ воспѣтая хвала
Для женщинъ никогда не можетъ быть пріятна.
Фіалкинъ. Что слышу? я погибъ! Да какъ же не прочесть
Прекрасные стихи, что дѣлаютъ мнѣ честь?
И кто бы вытерпѣлъ?...
Саша. Не плачьте безполезно,
Я горю вашему надѣюся помочь.
Попозже, какъ совсѣмъ глухая будетъ ночь,
Придите вы сюда съ гитарою.
Фіалкинъ. Прелестно!
Саша. И, къ счастью, завтра день рожденія.
Фіалкинъ. Чьего?
Саша. Графини.
Фіалкинъ. Райска вѣсть! Въ минуту для него
Поспѣетъ новая баллада.
Саша. Ну же съ Богомъ
Проворнѣй на Парнасъ.
Фіалкинъ. Лечу!
Саша. Лети скорѣй,
Да ночью прилетай и пой какъ соловей.
Фіалкинъ. Я трону гордую души моей восторгомъ!

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ 2.

Семенъ и Фіалкинъ, въ темномъ плащѣ, съ гитарою, робко крадется.

Семенъ (*идетъ къ Фіалкину*). Кто крадется сюда?
Фіалкинъ (*встрѣтясь съ Семеномъ, вскрикиваетъ*). О страхъ!
Семенъ (*испугавшись, отскакиваетъ*). Что сдѣлалось? Чего вы испугались?
Фіалкинъ. Насилу я дышу! Ахъ! вы мнѣ показались
Тѣмъ мертвецомъ, что въ гробъ невѣсту....
Семенъ. Вся бѣда
Отъ старыхъ мамушекъ.
Фіалкинъ. Я мамушекъ не знаю.
Семенъ. Такъ мертвецами гдѣжъ напуганы?
Фіалкинъ. Въ стихахъ,
Въ балладахъ: ими я свой нѣжный вкусъ питаю;
И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу!... Все страшно въ нихъ; но милымъ все пріятно,
Все восхитительно, хотя невѣроятно.
Семенъ. И въ сказкахъ таже гиль. Бывало, цѣлый день
Я слушать былъ готовъ о шестиглавомъ змѣѣ,
О вѣдьмахъ кіевскихъ, Полканѣ и Кащеѣ;
За то всю ночь дрожу...

Фіалкинъ. Я вздрагиваю самъ
Въ просонкахъ иногда. Но то извѣстноль вамъ,
Что серенаду дать мнѣ Саша приказала?
Семенъ. Да страхомъ вышибли вы все изъ головы.
Отъ Саши вамъ приказъ, чтобъ спряталися вы
И ждали отъ нея иль отъ меня сигнала.
Фіалкинъ. Да гдѣжъ мнѣ спрятаться?
Семенъ. Въ лѣсу у ручейка;
А чтобы вамъ меня смѣлѣе дожидаться,
Такъ пойте: мертвецы на смерть стиховъ боятся.
Фіалкинъ. Прекрасно вздумано: средь темнаго лѣска
Я буду повѣрять мои страданья ночи.
Прощайте!
Семенъ. Добрый путь.
Фіалкинъ (*возвращаясь*). Найдетель вы?
Семенъ. Найду.
Фіалкинъ (*возвращаясь*). Могуль надѣяться?
Семенъ. Надѣйтесь.
Фіалкинъ. Я иду.
Семенъ. Идите.
Фіалкинъ (*возвращаясь*). Скоро ли?
Семенъ. Прескоро, — только мочи
Нѣтъ съ вами толковать.
Фіалкинъ. Я нѣсколько смущенъ
Мечтаніемъ; иду...

В. ПУСТОДОМЫ (*).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 1.

Ѳома (*одинъ выходитъ потихоньку*). И въ залѣ ни души... Ой, ой! житье плохое
Здѣсь въ домѣ господамъ: не служитъ имъ никто;
Людей тьма тьмущая, а поглядишь—на что?
Чтобъ изъ порожняго переливать въ пустое,
Тащить все у господъ, да ихъ же и ругать;
А всѣ такъ чванятся, что не сведешь знакомства.
Ахъ, батюшка нашъ князь, такого пустодомства,
Какое у тебя, подъ солнцемъ не сыскать!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ѳома и Радимовъ.

Радимовъ (*входя*). Все настежь!—Дѣло! такъ! ужъ видно по порядку,
Что домъ племянниковъ.
Ѳома (*оглядывая*). Кто это!—Ба!
Радимовъ. Ѳома!
Ѳома. Ахъ, Глѣбъ Романовичъ!
Радимовъ. Что скажешь?
Ѳома. Правду матку
Сказать, такъ я еще не приложу ума,
Ты-ль это, государь, и какъ ты очутился?
Радимовъ. Да вздумалося мнѣ увѣриться во всемъ,
Что про племянника писали; я простился
Съ женой и прискакалъ въ вашъ петербургскій домъ,

Гдѣ, слишкомъ полчаса бродивши на удачу,
Наткнулся наконецъ на пьянаго слугу
И по словамъ его отправился на дачу;
Пробрался черезъ садъ, и радъ, что здѣсь могу
Съ тобой поговорить. Меня пугнула новость,
Что продадутъ село, въ которомъ сестринъ прахъ.
Ну, что ты видѣлъ?
Ѳома. Охъ!
Радимовъ. Что говорятъ здѣсь?
Ѳома. Ахъ!
Радимовъ. Какъ принялъ князь тебя? Ну чтожъ?
Ѳома. Ахти!
Радимовъ. Тьфу пропасть!
Да полно охать; ну, что онъ сказалъ тогда,
Какъ прочиталъ письмо?
Ѳома (*въ сторону*). Ну, вотъ тебѣ бѣда!
Радимовъ. Да что-же онъ сказалъ?
Ѳома. Не вымолвилъ ни слова.
Радимовъ. Ни слова; стало онъ письма не прочиталъ?
Шалунъ! — вотъ далъ мнѣ Богъ племянника какова!
Но я...
Ѳома. Нѣтъ, онъ прочелъ, да съ глазъ меня прогналъ.
Радимовъ. За что?
Ѳома. Охъ, видно я не въ добрый часъ явился.
Радимовъ А! у такихъ людей, какъ онъ, короткій судъ.
Когда расхохриться они изволятъ, тутъ
Кто первый пирь въ глаза, такъ тотъ и провинился.
(*Увидя Инквартуса*).
Что это за чудакъ?
Ѳома. Мусье Инквартусъ.
Радимовъ. Онъ Хорошъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Инквартусъ.

Инквартусъ (*кладя бумаги на столъ*). Нѣтъ мѣста здѣсь порядочно заняться:
И тамъ пришла Княжна,
(*Садится за столъ*).
Радимовъ. Онъ можетъ быть ученъ;
Но въ эту голову нельзя уму забраться.
Посмотримъ. (*Подходитъ*). Господинъ.
Инквартусъ, смѣю-ль я...
Инквартусъ. А! что угодно вамъ?
Радимовъ. Знакомства съ вами.
Инквартусъ. Ясно.
Радимовъ. Вы такъ ученостью прославили себя,
Что должностью я счелъ...
Инквартусъ. Въ учтивостяхъ напрасно
Не станемъ тратить словъ. Вы вѣрно изъ числа
Любителей наукъ?
Радимовъ. Да, я люблю науки.
Инквартусъ. Учились стало быть?
Радимовъ. Учился, нотъ скуки
Все занимаюся.
Инквартусъ. Похвальныя дѣла!

Такъ я имѣю честь съ собратомъ быть....
Покорнѣйше прошу.
(*Сажаетъ его на свое мѣсто*).
Вы не пришли-ль урокъ
Дать князю?
Радимовъ. Да... почти; но будетъ-ли въ немъ прокъ?
Моей науки князь захочетъ-ли учиться?
Инквартусъ. Чтожъ вы преподавать изволите?
Радимовъ. А то,
Чему не учится у насъ почти никто
И безъ чего во всѣхъ наукахъ толку мало.
Инквартусъ. Конечно Логикѣ: она всего яснѣй?
Радимовъ. Нѣтъ.
Инквартусъ. Филологіи, Эстетикѣ?...
Радимовъ. Богъ съ ней!
Инквартусъ. А! Психологіи навѣрно?
Радимовъ. Нѣтъ.
Инквартусъ. Антропологіи... Монадологіи...
Радимовъ. Нѣтъ!
А Правдологія.
Инквартусъ. Сказали вы невнятно.
Что?
Радимовъ. Правдологіи.
Инквартусъ. Вотъ что невѣроятно!
Я не слыхалъ о ней, учася тридцать лѣтъ.
Радимовъ. Для васъ же хуже.
Инквартусъ. Такъ, позвольте, понимаю.
Подъ именемъ другимъ ее, быть можетъ, знаю.
Въ чемъ состоитъ она, коль смѣю васъ спросить?
Или яснѣй: чему возможно научиться
Изъ Правдологіи?
Радимовъ. По правдѣ въ свѣтѣ жить,
Отъ правды не линять, за правду не сердиться;
Въ душѣ, на языкѣ всегда ее имѣть
И, если надобно, за правду умереть.
Инквартусъ. Позвольте, знаю все. Цѣль нашего ученья
Есть правда; спорить въ томъ не можете никакъ:
А правда съ истиной сослови суть, и такъ
Цѣль Правдологіи есть къ истинѣ стремленье.
А Философія не есть ли точно тожъ?
Не всѣ-ль философы отъ Канта до Сократа
Стремились къ истинѣ и отвергали ложь?
Хоть Философія системами богата,
Но цѣль одна. Примѣръ: Зенона стоицизмъ,
Пиррона скептицизмъ, Спинози реализмъ,
И Фихтовъ ихтеизмъ съ Берклея идеизмомъ,
Сократо-платонизмъ съ антропофилеизмомъ,
Суперъ-натурализмъ, перипатетизмъ,
Доризмъ, пнеизмъ, критицизмъ, физисизмъ и фатализмъ;
Такъ безъ софизмовъ я все кончу силлогизмомъ,

Что правды ригоризмъ вы греко-
руссицизмомъ
Хотѣли выразить,—и я васъ угадалъ.
Радимовъ. Да изъ какихъ земель васъ князю Богъ послалъ?
И этихъ измовъ всѣхъ откуда ты набрался?
Инквартусъ. Я родомъ съ Эзеля, но въ Галлѣ просвѣщался
И человѣкомъ сталъ!...
Радимовъ. Скажите-жъ, человѣкъ,
Что съ княземъ путнаго надѣлали вы въ свѣтѣ?
Инквартусъ. Учились, учимся, учиться будемъ въ вѣкъ
И...
Радимовъ. Только?—хорошо!
Инквартусъ. Неправда-ль, въ семъ отвѣтѣ
Я лаконически три истины сказалъ?
Радимовъ. И сочиняете вы также?
Инквартусъ. Безъ сомнѣнья.
Въ столѣ и на столѣ найдете сто началъ
О ста матеріяхъ.
Радимовъ (*перебирая тетради*). Такъ это сочиненья
Княжія...
Инквартусъ. И мои.
Радимовъ. Ага—Ба! это что? (*Беретъ письмо*).
Инквартусъ. Письмо отъ дядюшки.
Радимовъ (*съ досадою*). Оно.
Ѳома. Ай, ай, попался!
Радимовъ (*съ большею досадою*). И запечатано!
Инквартусъ. Князь дѣломъ занимался,
Когда ему письмо принесъ сегодня...
Радимовъ. Кто?
Инквартусъ. Прикащикъ этотъ.
Ѳома. Охъ!
Радимовъ (*съ сердцемъ*). Что завздыхалъ ты снова?
Такъ онъ прочелъ письмо?—Ну, чтожъ молчишь?
Ѳома. Ахти!
Радимовъ. Не хныкай, а скажи глупцу отъ слова въ слово,
Что онъ шалунъ, педантъ безъ толку, безъ пути;
Чтобъ онъ себя губилъ, дурачился срамился,
Но чтобъ не зналъ меня.—Домой, скорѣй домой! (*Уходитъ*).
Ѳома (*бѣжитъ за нимъ*). Ну, вотъ-те бабушка и Юрьевъ день!..
Инквартусъ (*Ѳомѣ*). Постой!..
Бѣжитъ...
А! Правдологъ, какъ видно, разсердился;
Но гнѣвъ сей отъ чего, кѣмъ возбужденъ, за что?
Тутъ есть загадочность; однако я узнаю.
Положимъ, что... но нѣтъ... иль лучше такъ... не то...
Что больше думаю, то меньше понимаю.

[1]) Князь Шаховской, Александръ Александровичъ (1776—1846), воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, куда его отдали на восьмомъ году (1784). Шеснадт-
*

цати лѣтъ (1798) поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, котораго офицерамъ — какъ онъ самъ говоритъ—былъ много обязанъ своимъ образованіемъ. Не смотря на служебныя обязанности и общественныя развлеченія, онъ продолжалъ учиться и въ особенности пристрастился къ французской драмѣ. Изъ гвардіи кн. Шаховской перешелъ въ театральную дирекцію (1801) членомъ по репертуарной части. На русскій театръ тогда обращали небольшое вниманіе. Дирекція заботилась почти единственно объ иностранныхъ труппахъ, потому что онѣ служили къ забавѣ и развлеченію высшаго общества. А какъ въ это время, для пополненія французской труппы, оказалась надобность въ нѣкоторыхъ первостепенныхъ артистахъ, то директоръ театра, А. Л. Нарышкинъ, для ангажированія ихъ, отправилъ кн. Шаховскаго за границу (1801). Больше года провелъ онъ въ чужихъ краяхъ и воротился въ 1803 г., исполнивъ порученіе успѣшнымъ образомъ. Путешествіе развило его способности, какъ драматическаго писателя. Въ Парижѣ онъ видѣлъ сценическія преобразованія, сдѣланныя трагическимъ актеромъ Тальмою, и старался перенести ихъ на петербургскіе театры, въ особенности на русскій. Задумавъ улучшить сценическое искусство, онъ прежде всего приступилъ къ образованію театральной школы. Школа уже давно существовала, но больше для балета и оперы; драматическая часть была въ упадкѣ, по недостатку учителей. Надобно было все устраивать вновь: рвеніе кн. Шаховскаго и его искренняя любовь къ искусству преодолѣли многія препятствія. Къ числу полезныхъ идей его театральнаго управленія принадлежитъ формированіе русской «молодой труппы». Онъ понималъ, что молодые артисты, постоянно играя съ старыми, будутъ медленно совершенствоваться, такъ какъ нельзя лицамъ, только что выступающимъ на сцену, давать первыя роли, когда для этихъ ролей есть первоклассные сюжеты. Вслѣдствіе этого молодому артисту приходилось лучшее время своей жизни оставаться при второстепенныхъ роляхъ, безъ возможности занять когда-либо первыя. Чтобы устранить такое неудобство, кн. Шаховской придумалъ образовать изъ юныхъ артистовъ особую молодую труппу, которая бы сама по себѣ, независимо отъ главной труппы, давала представленія на другомъ театрѣ. Въ этихъ представленіяхъ развились многіе сценическіе таланты.—Въ 1812 г. кн. Шаховской вступилъ въ военную службу. Имѣя небольшое помѣстье въ Тверской губерніи, онъ былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка, сформированнаго изъ ратниковъ тверскаго ополченія, и находился при отрядѣ генералъ-адъютанта Винценгероде, съ которымъ вошелъ въ Москву, оставленную непріятелемъ. Въ то время, какъ русская армія преслѣдовала французовъ, онъ прибылъ съ своимъ полкомъ и поступилъ подъ начальство маркиза Паулуччи, который отправилъ его съ особыми порученіями въ Самогитію. По успѣшномъ выполненіи ихъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему было сформировать въ Ригѣ запасную дивизію, съ которою онъ и былъ посланъ въ резервную армію, стоявшую въ Польшѣ. Этимъ кончились его военные труды. Ни въ 1813, ни въ 1814 г. онъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; по распущеніи ополченій, воротился въ Петербургъ и занялъ прежнюю свою должность при театральной дирекціи. Въ 1818 г. вышелъ въ отставку, когда директоромъ театра былъ назначенъ князь Тюфякинъ. Новый затѣмъ директоръ

Майковъ приступилъ къ особеннымъ мѣрамъ для устройства финансовыхъ дѣлъ дирекціи. По представленію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, гр. Милорадовича, образованъ былъ комитетъ, подъ названіемъ «комитета главной дирекціи» (1824). Князь Шаховской поступилъ въ число его членовъ. Онъ составилъ новый штатъ, высочайше утвержденный. По кончинѣ Милорадовича, старшимъ членомъ комитета былъ назначенъ кн. Долгоруковъ, и кн. Шаховской получилъ увольненіе отъ службы (1826). Остальные 20 лѣтъ своей жизни провелъ онъ въ Москвѣ, принимая живое участіе въ постановкѣ новыхъ піесъ на сцену, давая полезные совѣты артистамъ, за которые ему были благодарны не только новички въ театральномъ искусствѣ, но и такіе первоклассные таланты, какъ Мочаловъ, Щепкинъ, Рязанцевъ. Директоры московскаго театра, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и М. Н. Загоскинъ, дорожили его опытностью и умѣли уважать его постоянную любовь къ драмѣ (Матеріалы для исторіи русскаго театра. Кн. А. А. Шаховской. Ст. Р. Зотова, въ 4-й кн. Пантеона 1846 г. См. также Гаршина: одинъ изъ забытыхъ писателей, въ Истор. Вѣстникѣ 1883, т. XIII).

Главнѣйшія сочиненія:

Новый Стернъ, ком. въ 1 д. (1807).

Казакъ-стихотворецъ, анекдотическая опера-водевиль въ 1 д. 1815. Водевиль имѣлъ большой успѣхъ, благодаря сюжету и особенно мотивамъ малорусскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку Кавосомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ долгое время были въ общемъ употребленіи и вошли въ пѣсенники, назначенные для средняго и низшаго классовъ грамотныхъ людей. Впрочемъ, въ піесѣ нѣтъ ничего малорусскаго, какъ уже давно замѣтила критика (см. «Отрывки изъ моего журнала» въ 13 № Благонамѣреннаго на 1823 г.).

Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды, ком. въ 5 д. 1815. См. ниже прим. 2.

Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ, опера-водевиль въ 3 д. (1816). Сюжетъ заимствованъ изъ жизни Ломоносова, который, возвращаясь изъ Марбурга на родину, попалъ было въ руки прусскихъ вербовщиковъ.

Своя семья, или замужняя невѣста, ком. въ 3 д. (1818). Два явленія этой комедіи написаны Хмѣльницкимъ и Грибоѣдовымъ.

Пустодомы, ком. въ 5 д. (1820). См. ниже, прим. 3.

Аристофанъ или всадники, ком. въ 3 д. (1828). Сюжетомъ послужило первое представленіе комедіи Аристофана: «Всадники».

Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь, романтическая драма (1836).

Чурова долина, или сонъ на яву, волшебная оп. въ 3 д. (1844).

Неизданныя піесы:

Полубарскія затѣи, ком. въ 5 д. Она осмѣиваетъ страсть нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ домашнимъ театрамъ,

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, др. въ 3 д. (главное лице-основатель русскаго театра въ Ярославлѣ).

Чванство Транжирина (подражаніе Полубарскимъ затѣямъ).

Езопъ у Ксанѳа, вод. (здѣсь вставлены цѣликомъ многія басни Дмитріева и Крылова).

Прим. Здѣсь исчислены не всѣ піесы, число которыхъ доходитъ до ста.

Кромѣ того имъ написаны: сатиры и нѣсколько другихъ стихотвореній для Драматическаго Вѣстника (1808) г.); Расхищенныя шубы, ком. поэма въ 4 д. (Чтенія въ Бесѣдѣ любителей рус. слова 1811). Шаховской писалъ и по исторіи русскаго театра. Таковы его статьи: 1) Лѣтопись русскаго театра (Репертуаръ русск. театра на 1840 г., т. I и II); 2) Обзоръ русской драм. словесности (Реперт. и Пантеонъ на

1842 г., кн. 1, 2 и 3); 3) Театральныя воспоминанія (ibib., кн. 5). Существуютъ также его воспоминанія о 1812 годѣ (Военный Сборн. 1864 г., кн. 5; Рус. Арх. 1886, кн. II). Нѣсколько замѣтокъ о томъ же времени находится и въ книжкѣ его: Москва и Парижъ въ 1814 году (М. 1830). Въ концѣ 1816 г. Шаховской путешествовалъ по Италіи. Письма его изъ Флоренціи Рима и Неаполя къ Н. М. Синягину напечатаны въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. XXXIV, № 46; 1817 г., ч. XXXV, № 6; ч. XXXVI, № 7 и заключаютъ въ себѣ описаніе различныхъ художественныхъ памятниковъ Италіи.

[2]) Главное лице піесы, заимствованной изъ французской «La coquette» — графиня Лелева. На Липецкихъ водахъ, куда она пріѣхала не лѣчиться, а блистать своею красотою и столичной модой, ее окружаетъ толпа влюбленныхъ чудаковъ—Барона, Угарова, Фіалкина. Но предметъ ея кокетства—полковникъ Пронскій, участвовавшій въ войнахъ 12, 13 и 14 годовъ. Она искусно отвлекаетъ его отъ своей двоюродной сестры, Оленьки Холмской, къ которой онъ чувствуетъ истинную привязанность и братъ которой (князь Холмскій) ему другъ и бывшій товарищъ по службѣ. Горничная Оленьки, Саша, управляетъ всѣмъ ходомъ піесы, съ помощью Семена, смотрителя за ваннами. Узнавъ, что Лелева назначила свиданіе Ольгину (двоюродному брату Пронскаго), прежнему своему поклоннику, случайно заѣхавшему на воды, она даетъ о томъ знать Пронскому, который изъ ихъ разговора узнаетъ все лукавство кокетки. День свиданія былъ вмѣстѣ и днемъ рожденія Лелевой. Поклонники ея устроили иллюминацію: огни должны были зажечься разомъ, какъ только заиграетъ оркестръ. На бѣду Лелевой, Фіалкинъ пришелъ также въ это мѣсто съ гитарой, чтобы пропѣть новорожденной балладу. Не вытерпѣвъ долгаго ожиданія, онъ заигралъ: слуги, принявъ игру за сигналъ, мгновенно освѣтили садъ, гдѣ Ольгинъ стоялъ на колѣнахъ передъ Лелевой. Это и названо урокомъ кокеткѣ, которая въ смущеніи и гнѣвѣ оставляетъ Липецкъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы снова явиться, раскаявшейся и исправленной, въ другой комедіи: «Какаду, или слѣдствіе Урока кокеткамъ».

«Липецкія воды» имѣли успѣхъ, объясняемый, между прочимъ, и тѣмъ, что авторъ воспользовался недавноминувшими политическими событіями: дѣйствующія лица его произносятъ патріотическіе монологи, въ которыхъ воспоминаютъ о Лейпцигѣ, Кульмѣ, Парижѣ. Но піеса имѣла и другой современный интересъ: въ лицѣ Фіалкина задѣтъ балладникъ. А какъ баллады писалъ въ то время Жуковскій, то разладъ между друзьями послѣдняго и кн. Шаховскимъ усилился. «Липецкія воды» послужили поводомъ къ основанію литературнаго общества: «Арзамасъ».

[3]) Главныя лица комедіи Пустодомы: князь Радугинъ, педантъ, не знающій нисколько русской жизни, и жена его, ведущая непосѣдную жизнь и мотовствомъ разоряющая свое имѣніе. Слабостями того и другаго пользуются горничная Маша и Цаплинъ, стряпчій и управитель дома. Радугинъ все дѣлаетъ по книгамъ и совѣтамъ своего библіотекаря Инквартуса. Онъ затѣваетъ проэкты, одинъ другаго непрактичнѣе, не занимается дѣтьми и входитъ въ долги. Живущая при немъ сестра его, княжна Наталья, отдаетъ въ закладъ свое наслѣдство, чтобы поправить его разстроенныя дѣла. Радимовъ, дядя Радугиныхъ, узнавъ о пустодомской ихъ жизни, пріѣзжаетъ въ городъ, выкупаетъ ихъ имѣніе и самихъ увозитъ въ деревню; но, говоритъ онъ князю:

...Я не дамъ тебѣ на вздоры разоряться.

Педантовъ не велю пускать къ тебѣ на дворъ
И мучить мужиковъ напрасно не дозволю.
На благодарность племянника онъ замѣчаетъ: «и, братъ, своя семья: сочтемся». Наташа выходитъ замужъ за графа Вельскаго, сына Вельской, у которой она воспитывалась. — Замѣтимъ, что педантъ Инквартусъ очень напоминаетъ другаго педанта—«Синекдохоса» въ ком. Княжнина: «Неудачный примиритель».

XXXI.

КОКОШКИНЪ. ([1]).

ВОСПИТАНІЕ, ИЛИ ВОТЪ ПРИДАНОЕ, КОМЕДІЯ (1824). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ I.

Въ правой сторонѣ театра Панфилъ навеселѣ и Даша сидятъ за ломбернымъ столомъ и обѣдаютъ. Слуги изъ столовой приносятъ имъ кушанье на тарелкахъ и потомъ Панфилу бокалъ шампанскаго.

Панфилъ (*держа бокалъ поетъ*).

Vive le vin! vive l'amour!
Amant et buveur tour à tour...

(*Выпивъ нѣсколько*). Да, что жъ ты, милая, меня не угощаешь?
Даша. Не нужно,—безъ того ты блюдами глотаешь;
Бутылку цѣлую мадеры осушилъ.
Панфилъ. Здоровье жениховъ съ невѣстами я пилъ:
Такъ водится, мой другъ, въ большомъ, межъ нами, свѣтѣ.
Двѣ свадьбы вдругъ—charmant!
Не худо бы и третьей.
Послушай (*наливаетъ*), я твое здоровье, Даша, пью;
Ну, выпей за мое и ручку дай свою.
Какъ два голубчика мы проживемъ съ тобою.
Даша. Ужъ камердинера я сдѣлаюсь женою!
Нѣтъ, счастіемъ такимъ себя, дружокъ, не льсти:
Ты скоро, можетъ быть, и въ славѣ и въ чести
Меня увидишь, такъ что кланяться мнѣ станешь.
Панфилъ. Вотъ что! и на меня несчастнаго не взглянешь?
Ужъ не въ актрисы ли опять? Тѣмъ лучше: я
Ужаснѣйшій актеръ! Театръ есть страсть моя:
Люблю на сценѣ громъ, пальбу, а пуще—драку.
Въ трагедіи, я съѣлъ, какъ говорятъ, собаку;
Игра моя страшна, какъ рукопашный бой:
Что стихъ, то жестовъ пять; реву, стучу ногой;
Отстану ль?—жестами мой стихъ я догоняю;
Дрожу—и зрителей дрожать я заставляю!
(*Вскакиваетъ вдругъ со стула и декламируетъ съ смѣшнымъ жаромъ, махая руками и топая ногой*).
«Раскаянье въ душѣ! Ахъ! что я говорю?
«Оно въ крови моей! снѣдаемъ имъ, горю!
«И фурій мстительныхъ терзающія руки,

«Ихъ змѣи, ихъ бичи, ничто противъ сей муки;
«Ничто въ сравненіи и весь ужасный адъ!» —
Тутъ всякъ захлопаетъ, хоть радъ, или не радъ,
Любимцу публики тотчасъ въ ладоши грянутъ
И вызывать меня съ начала пьесы станутъ.

Даша. Ты пьянъ, голубчикъ мой!

Панфилъ. И, вздоръ! совсѣмъ не пьянъ,
А веселъ, какъ французъ; въ игрѣ горячъ и рьянъ,
Такъ точно какъ въ любви; ну, самъ не понимаю,
Что сдѣлалось со мной: я таю, я сгараю!
И отъ чего тобой я вдвое страстенъ сталъ?

Даша (поднявъ пустую бутылку). Да вотъ мадера вся; шампанскаго бокалъ!

Панфилъ (на колѣняхъ трагически). Тронись, жестокая! свирѣпѣйшая львина!

Даша (вставая изъ-за стола).
Поди же прочь и знай: я буду откупщица!

Панфилъ (вскочивъ). Вотъ на!
Ведеркинъ нашъ знать женится на двухъ?

Даша. Все врешь!

Панфилъ. Эй, Дашенька, не ошибись, мой другъ.
Ведеркинъ за двумя вдругъ зайцами погнался;
А я боюсь, чтобъ онъ вѣкъ вдовымъ не остался.
Вѣрь мнѣ, вѣдь я Лафлешъ; а флешъ—смотри, стрѣла!

(*Слышно, что встають изъ-за стола*).

Даша. Чу! кофе подавать: встають изъ-за стола.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Лія и Флюгерова (въ полной радости), Ведеркинъ (примѣтно пьянъ), Князь (пилъ шампанское), Софья (уныла), Панфилъ (въ сторонѣ).

Флюгерова (*Панфилу*). Обѣдалъ ли, мой другъ Лафлешъ?

Панфилъ (*кланяясь*). Чрезъ чуръ доволенъ.

Ведеркинъ. А я, такъ сытъ...

Князь (*Ліи*). И пьянъ.

Ведеркинъ. Что право... будто боленъ.

Князь. Что жъ чувствуете вы?

Ведеркинъ. Кружится голова.
(*Подходитъ къ Софьѣ*). И сердце бьется—ахъ!

Лія. Вотъ нѣжныя слова!

Князь (*насмѣхаясь*). Ну, полноте—къ чему тутъ хитрость и коварство?
Вы больны отъ любви.

Ведеркинъ (*указывая на Софью*). И вотъ мое лѣкарство.

Князь. Прелестный комплиментъ!

Лія. Что можетъ быть страстнѣй!

Ведеркинъ. О! я всегда бывалъ большой галантерей:
Дѣвицамъ отпускать всегда моя охота.
Бывало, что скажу — и смѣхъ.

Князь (*Ліи, которая тихонько хохочетъ*). Или зѣвота.

Софья (*встаетъ и хочетъ идти*).

Флюгерова (*сурово*). Куда, сударыня?

Софья. Я—кофе разливать.
Вздыркинъ. Пусть, матушка, идетъ: мнѣ слаще попивать,
Чѣмъ съ ромомъ, изъ ея прекрасныхъ бѣлыхъ ручекъ.
Лія. Часъ отъ часу нѣжнѣй.
Князь (*Ліи*). Каковъ же Вакховъ внучекъ?
(*Вслухъ*). Невѣстинъ кофе все! ничто предъ нимъ и ромъ!
Мысль безподобная! замѣтно, что знакомъ
Племянникъ мой съ большимъ, какъ говорится, свѣтомъ
И даже могъ бы быть изящнѣйшимъ поэтомъ.
Ну, чтобъ вамъ, написавъ полсотни одъ, балладъ,
Словесность русскую взять также наподрядъ?
Или компаніей—для выгоды кармановъ—
Надѣлать сотню драмъ изъ сказокъ, изъ романовъ?
И тутъ, чтобъ барыша поболѣе нажить,
Кто помѣшаетъ вамъ водицей разводить,
Какъ крѣпкое вино, писанія чужія?
Я вижу въ васъ талантъ, способности большія.
Вздыркинъ. Да это что еще? Я былъ бы философъ,
Когда бы удалось мнѣ, съ будущихъ торговъ,
Снять откупъ въ Питерѣ: вѣдь тамъ мнѣ всѣ знакомы.
Князь. Я думаю, вамъ всѣ открыты были домы?
И вѣрно съ знатными со всѣми вы въ связи?
Вздыркинъ. А какъ же? золото блеститъ и на грязи:
Такъ что намъ знатные! подъ часъ, мы ихъ честуемъ;
А впрочемъ, будь хоть графъ, а мы и въ усъ не дуемъ.
Князь. Я эту спесь весьма приличной нахожу.
Вздыркинъ. Да вотъ, пять лѣтъ назадъ, формально вамъ скажу,
Я былъ откупщикомъ въ губерніи не здѣшней.
Графъ Звонкинъ въ городъ къ намъ порой пріѣхалъ вешней—
Такъ въ маѣ мѣсяцѣ: я съ нимъ давно знакомъ.
«Я буду-де къ тебѣ въ твой загородный домъ,»—
А я тогда купилъ съ аукціона дачу.
«Въ покупкѣ-де твоей хочу смотрѣть удачу.»
Пожалуй-молъ: большой диковинки въ томъ нѣтъ...
Велика важность—графъ! Чтожъ? ужинъ или обѣдъ?
«На ужинъ-де.» Ну, я за стерлядью почтовыхъ,
За ананасами, за винами, да новыхъ
Велѣлъ и мобелей три дюжины привезть,
Музыку, фейерверкъ,—не важная-молъ честь,
Что графъ пожалуетъ,—намъ это вѣдь не диво.
Князь. Что вамъ! (*Ліи*). Каковъ разсказъ?
Лія. Ахъ! какъ краснорѣчиво!
Вздыркинъ. Вотъ, день пришелъ, созвалъ гостей; а самъ сижу:
Мнѣ нужды нѣтъ—въ окно къ воротамъ все гляжу.
Такъ къ сумеркамъ, кричатъ: «ужъ графъ-де ѣдетъ близко».

Ну, чтожъ? сбѣжалъ съ крыльца, поклонъ ему прениэкой,
Подъ ручку на крыльцо, все дѣло чередомъ:
Музыка грянула, изъ пушекъ трескъ и громъ.
Графъ въ карты сѣлъ играть; а мнѣ-то что за дѣло?
Князь. Какая нужда вамъ!
Ведеркинъ. Глядь: солнышко ужъ сѣло;
Я въ садъ бѣгомъ; люблю потѣшные огни!
Самъ радъ сгорѣть. Ну, вотъ какъ на бѣду, все дни
Стояли красные, — вдругъ тучка набѣжала:
Повѣрите ль? душа вотъ такъ и задрожала.
Что дѣлать? фейерверкъ чтобъ мой не отсырѣлъ,
Пустить сигнальную ракету я велѣлъ:
Пошла голубушка! Вотъ жду я графа смѣло.
Идетъ сіятельный,—а мнѣ какое дѣло?
Большія кресла есть: пусть сядетъ безъ меня
Я суечусь вокругъ потѣшнаго огня.
Графъ сѣлъ и гости всѣ: пошла моя потѣха!
Князь. Ну, слава Богу!
Флюгерова (*князю*). Я умру, mon cher, отъ смѣха!
Лія. Да чѣмъ же кончилось?
Ведеркинъ (*вздохнувъ*). Ужъ и не помню какъ.
Сталъ нѣмецъ зажигать послѣдній ужъ буракъ;
А я до бураковъ охотникъ пресмертельный!
Ну, вспомнить не могу: буракъ-атъ—самый цѣльный!
Смотрю—бѣда! шипитъ; фитиль за фитилемъ—
Онъ все шипитъ. Вотъ, я и самъ къ нему съ огнемъ:
Ни тутъ-то было! Я надулся, да какъ дунулъ!
Какъ словно чортъ его мнѣ въ рожу сунулъ!
Не взвидѣлъ ничего! тутъ замертво упалъ.
Какъ графъ отправился... какъ... что... ужъ не слыхалъ!
Богъ съ нимъ! что онъ... что я... что сѣро, и что бѣло,
Не все ль равно? Онъ графъ! а мнѣ какое дѣло!
Князь (*съ важнымъ видомъ*). Что вамъ до этого? (*Ліи*). Безъ памяти лежалъ,
А то бы провожать къ воротамъ побѣжалъ.
(*Ведеркину*) Да какъ же раздувать буракъ хотѣли сами?
Какъ носъ вашъ уцѣлѣлъ? и какъ еще съ глазами?
И свѣжи такъ въ лицѣ?
(*Флюгерова и Лія, не въ силахъ будучи удерживаться, хохочутъ; Князь и самъ Ведеркинъ также*).
Ведеркинъ. Вотъ, барышнямъ-то смѣхъ!
Ну какъ быть! Часъ такой: попуталъ видно грѣхъ.
Какъ не ослѣпъ? и всѣ тому подивовались.
Вотъ знаки и теперь во лбу моемъ остались.
Вѣдь оттого-то я кажусь и старобразъ.—
Вы, Софья Дмитревна, мой слышали разсказъ?

Софья. Я слышала-съ...
Флюгерова (*сурово*). Поди, сядь здѣсь.
Софья. Сейчасъ я встану (*Садится близь тетки*)
Ведеркинъ. Вотъ такъ-то, матушка, и васъ я тѣшить стану.
Я радъ для васъ пиры и балы хоть давать,
Готовъ и бураки для васъ я...
Князь (*особо*). Раздувать.
Ведеркинъ. Пускать по вечерамъ на каждый лѣтній праздникъ.
Вѣдь я превесельчакъ, а часомъ и проказникъ.
Готовъ во всѣ игры—и въ жмурки, и въ жгуты.
Флюгерова. Чтожъ, Софья, жениху не отвѣчаешь ты?
Софья. Что отвѣчать-съ?
Флюгерова. Какъ что? не кстати ужъ сурова!
Софья. Простите, тетушка—я право не здорова. (*Хочетъ идти*).
Флюгерова. Все вздоръ! будь здѣсь.—Больна! лице какъ жаръ горитъ!
Ведеркинъ. Сіятельный, смекнулъ?—Вѣдь это говоритъ
Она мнѣ куплиментъ: я давича былъ боленъ,
Теперь она.
Князь. Да, да. (*Ліи*). Не многимъ же доволенъ.
Ведеркинъ. И, матушка, пройдетъ! кому жъ, коли не вамъ,
Здоровымъ быть? Всего вѣдь вдоволь будетъ намъ.
Богатыхъ солнышко, ей! грѣетъ и въ ненастье.
Софья. Богатство можетъ быть и составляетъ счастье:
Да кто богатъ? одинъ довольный, иль никто;
А безъ взаимныхъ чувствъ оно, сударь, ничто.
Флюгерова. (*Почти съ удовольствіемъ*).
Ага! романъ!
Софья. Ахъ! нѣтъ, наставницъ попеченьемъ,
Романовъ я никакъ не занималась чтеньемъ
И романическимъ не вѣрю я мечтамъ.
Прямая гдѣ любовь — почтенье вѣрно тамъ.
Она послѣдствіе достоинствъ, уваженья;
Она есть жизнь души,—не плодъ воображенья.
Князь (*особо*). Она умна!
Флюгерова. Вотъ чѣмъ ея набита голова.
Все непонятный вздоръ! пустыя все слова!
Почтенье, то, да се!—А если жить въ столицѣ?
Кому, сударыня, пріятнѣй?...
Ведеркинъ. Откупщицѣ,
Тутъ спорить нечего.
Флюгерова. Понятій никакихъ
О счастьѣ нѣтъ у ней.
Софья. Оно лишь въ насъ самихъ;
И счастье женщины въ кругу ея семейства.
Ведеркинъ. А наше, какъ беремъ сикурсъ изъ казначейства.
Софья. Позвольте же, сударь, мнѣ откровенной быть:
Не разъ слыхала я, чтобъ счастливо прожить,
Супругамъ должно быть и одинаквихъ мнѣній,

Богатство умножать—верхъ ваших наслажденій,
Чтобъ расточать потомъ въ дымъ ваше серебро;
По мнѣ, такъ счастье въ томъ, чтобъ дѣлать всѣмъ добро.
Лишеньемъ прихотей купить души блаженство
И нужное дѣлить съ лишенными всего—
Есть, признаюся вамъ, верхъ счастья моего!
Замѣтьте же, сударь, какъ думаемъ мы розно.
Флюгерова. Вѣдь экой взоръ?
Теперь, сударыня, ужъ поздно
Пустое говорить: не кстати вдругъ умна.
Мужъ долженъ думать тожъ, что думаетъ жена,
Когда она не такъ, какъ ты, ужъ безтолкова.
Не всякій вѣдь похожъ на чорта Пряникова,
Который всякаго не въ бровь, а въ самый глазъ
Радъ правдою колоть—хоть будь природный князь;
Который здѣсь за всѣхъ непрошенный ораторъ;
Кого избаловалъ нашъ добрый губернаторъ.
Видеркинъ. То правда, матушка: бывало, завсегда
У предводителя съ начальникомъ вражда;
А нынче, срамъ смотрѣть! одно его лишь слово:
Вотъ тамъ-де воровство,—и слѣдствіе готово.
И въ наши вѣдь дѣла уткнуть изволилъ носъ;
Ну... было кое-что... пронюхалъ и донесъ.
А защищаетъ все—добро бъ людей—нѣтъ, бѣдныхъ,
Опальныхъ, да сиротъ, незначущихъ и вредныхъ.
Я, право, звалъ его разъ десять на обѣдъ,—
Губернскій вѣдь, нельзя ужъ не позвать,—такъ нѣтъ,
Ни разу; а подъ часъ кормлю я городъ цѣлой!
Онъ предводитель здѣсь! а мнѣ какое дѣло?
Мы сами у себя, ктобъ ни былъ онъ таковъ.

[1]) Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, род. 1778 г., обучался въ московскомъ университетѣ. Сначала служилъ въ гвардіи, а потомъ перешелъ въ статскую службу. Въ министерство И. И. Дмитріева (1810—1813), онъ получилъ мѣсто губернскаго прокурора въ Москвѣ, но не долго занималъ его. Въ 1818 г. назначенъ членомъ театральной конторы по репертуарной части, при петербургскомъ театрѣ. Въ 1823 г., когда московскій театръ получилъ особое образованіе и особаго директора, Кокошкинъ поступилъ на эту должность, въ которой онъ принесъ много пользы. Онъ пригласилъ лучшихъ актеровъ: достаточно сказать, что Щепкинъ былъ вызванъ имъ на московскую сцену; давалъ полезные совѣты артистамъ, уже пріобрѣтшимъ прочную славу (въ томъ числѣ трагику Мочалову), образовалъ нѣсколько новыхъ сюжетовъ, обучалъ сценическому искусству воспитанниковъ театральной школы. Онъ былъ не простой начальникъ, но и знатокъ драматическаго искусства. Выборомъ лучшихъ піесъ, отчетливой ихъ постановкой, онъ старался сдѣлать изъ театра эстетическое удовольствіе для

публики и въ самихъ артистахъ развить любовь и уваженіе къ своему дѣлу. «Главнымъ призваніемъ Кокошкина», говоритъ М. А. Дмитріевъ (Мелочи изъ запаса моей памяти), и главною его страстію былъ театръ. Онъ и самъ, игравшій въ благородныхъ спектакляхъ, былъ хорошимъ актеромъ. Всѣ роли его были обдуманы, всѣ шаги разсчитаны; искусства было много, но натура иногда скрывалась за искуствомъ... Онъ былъ хорошій чтецъ и большой охотникъ до чтенія въ слухъ и декламаціи. Остроумный А. И. Писаревъ (авторъ ком. «Лукавинъ») говаривалъ даже, что онъ любитъ и литературу, какъ средство громко читать. Это было не совсѣмъ правда, а отчасти и такъ. Голосъ у него былъ звучный интонація обдуманная, но нѣсколько однообразнаа. Особенное свойство его голоса была необыкновенная гибкость; когда онъ игралъ на театрѣ, то у него были слышны даже и тихіе тоны: онъ умѣлъ какъ-то ихъ послать на далекое пространство. Но много вредила ему на сценѣ какая-то важность и торжественность, которая была въ немъ и въ обыкновенномъ обращеніи». Въ домѣ своемъ Кокошкинъ постоянно устраивалъ благородные спектакли и литературные вечера, на которые сбирались московскіе профессора и драматическіе писатели: Каченовскій, Мерзляковъ, Смирновъ, Ѳ. Ивановъ (авторъ многихъ драмъ), Н. Ильинъ (также сочинившій многія драматическія піесы). У него же Мерзляковъ читалъ публичныя лекціи о словесности. Кокошкинъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный и образованный, какъ литераторъ, какъ знаменитый декламаторъ, любитель и покровитель театральнаго искусства, какъ благородный артистъ и какъ гостепріимный хозяинъ. Ему много вредила какая-то натянутость, искусственная расчитанность обращенія, которая выказывалась во всемъ — въ голосѣ, манерахъ, даже въ одеждѣ, почему кн. Шаховской называлъ его накрахмаленнымъ галстукомъ, не умѣющимъ разинуть рта по-человѣчески. Впрочемъ эта внѣшняя искусственность, которая въ жизни его имѣла такое же значеніе, какъ французская, псевдо-классическая трагедія въ драматической поэзіи, или какъ игра французскихъ актеровъ прошлаго столѣтія въ сценическомъ искусствѣ, не была холодностью (см. Литературныя и театральныя воспоминанія С. Аксакова, въ 4-ой кн. Русской Бесѣды 1856 г.).

Главный драматическій трудъ Кокошкина: Мизантропъ, ком. въ 5 д., въ стихахъ, Мольера, пер. съ фр. 1816.

[2]) Въ концѣ предувѣдомленія къ комедіи, Кокошкинъ говоритъ слѣдующее: «Комедія моя, кромѣ 6-й сцены 1-го дѣйствія, которую подражательно взялъ изъ театра французскаго, точно моя, и оригинальная. Скажу болѣе: въ главныхъ характерахъ истина управляла перомъ моимъ. Находясь по службамъ моимъ въ провинціяхъ нашихъ, я былъ свидѣтелемъ неисчислимыхъ и вѣчно благотворныхъ плодовъ превосходнаго воспитанія подъ руководствомъ матери сирыхъ и безпомощныхъ (императрицы Маріи Ѳеодоровны). Повсюду видѣлъ я образцы примѣрныхъ супругъ и матерей, или дѣвицъ, украшающихъ собою общества, видѣлъ близко наблюдалъ различіе столько разнообразныхъ у насъ воспитаній и въ восторгѣ души повторяю: плоды благодѣяній государыни императрицы неисчислимы и вѣчны, ибо неминуемо должны имѣть вѣрное и быстрое вліяніе на нравственность цѣлаго народа».

Дѣйствующія лица: Флюгерова, сорокалѣтняя дѣвица; племянницы ея: Софья, воспитанная въ институтѣ, и Лія, воспитанная въ пансіонѣ париж-

ской фигурантки; князь Бирюлевъ, молодой повѣса, отданный подъ присмотръ губернскаго предводителя Прямикова, друга и сослуживца брата Флюгеровой; Славинъ, поручикъ, воспитанный у отца въ правилахъ строгой нравственности, женихъ Софьи; откупщикъ Ведеркинъ и неизбѣжные въ прежнихъ комедіяхъ слуга Панфилъ (подъ именемъ Лафлеша) и горничная Даша.

Содержаніе піесы. Флюгерова дала слово Прямикову выдать Софью за Славина. На бѣду институтки, въ нее влюбился откупщикъ Ведеркинъ. Съ помощью Даши онъ устраиваетъ дѣло такъ, что Флюгерова беретъ назадъ свое слово: Софья должна быть женою откупщика, который за это уступилъ князю долгъ (30 тысячъ руб.). Князь же, съ своей стороны, согласился жениться на влюбленной въ него Флюгеровой. Но онъ заинтересованъ не теткой, а ея племянницей Ліей. Устроивъ загородную прогулку, онъ Флюгерову оставляетъ въ полѣ, а Лію увозитъ въ село, гдѣ и обвѣнчивается съ нею. Не помня дурнаго съ собой обращенія, Софья проситъ Славина устроить жизнь тетки и хочетъ отдать ей свое отцовское наслѣдство. Прямиковъ по этому случаю говоритъ: «вотъ воспитанія божественнаго плодъ!» Поступокъ же Ліи, воспитанной совершенно другимъ образомъ, заставляетъ его сказать въ концѣ піесы:

От воспитанья здѣсь вся сдѣлалась бѣда;
А отъ развратныхъ слугъ не меньше жди вреда.

XXXII.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ. (1).

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ, КОМЕДІЯ. (1818). (2).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Аглаева. Ахъ, Боже мой! я васъ, застявя дожидаться,
Себя ничѣмъ почти не смѣю извинить.
Альнаскаровъ. Помилуйте, не вы, я долженъ васъ просить
Не гнѣваться, что васъ собою безпокою.
Аглаева. Напротивъ, видѣть васъ я рада всей душою.
Альнаскаровъ (*въ сторону*). Вѣдь надобно жъ, чтобъ такъ она была мила?
(Аглаевой).
Я ѣду въ Петербургъ, гдѣ ждутъ меня дѣла,
Какъ вдругъ у васъ моя ломается карета;
Но я не ожидалъ, чтобъ непріятность эта
Такимъ свиданіемъ была награждена.
Аглаева. И я вамъ точно-жъ тѣмъ равно одолжена.
(Тихо Сашѣ).
Ахъ, какъ онъ милъ! (*въ слухъ*).
Подай намъ стулья поскорѣе.
(Альнаскарову).
Я признаюсь, всего къ деревнѣ веселѣе,
Когда любезный гость пустынницъ посѣтитъ.

(Саша становитъ стулья).
Альнаскаровъ (*въ сторону*). Да это хоть кого, ей Богу, соблазнитъ!
Аглаева. Но сядемте, и мнѣ, пожалуйста скажите,
Что новаго у насъ.
Альнаскаровъ. Ахъ, вы меня простите,
Я самъ три мѣсяца не вижу ужъ газетъ.
Аглаева. Вы шутите! и въ васъ терпѣнья вѣрно нѣтъ
Читать извѣстія объ островѣ Еленѣ,
О буряхъ, о дождяхъ — не то, такъ объ измѣнѣ
Алжирцевъ...
Альнаскаровъ. Боже мой! Алжирцы все шалятъ!
Алжирцы! Это стыдъ: ихъ надобно унять;
Но, между тѣмъ, мое представьте положенье:
Я, напримѣръ, лечу въ ужасномъ нетерпѣньѣ
Изъ Крыма въ Петербургъ для самыхъ важныхъ дѣлъ,
Но только выѣхать оттуда я успѣлъ,
Какъ вдругъ болѣзнь моя всѣ планы разрушаетъ:
Три мѣсяца меня изъ рукъ не выпускаетъ,
И въ это время я не слышу ни о чемъ!
Но, бывши твердъ, идя рѣшительнымъ путемъ,
Опять я, наконецъ, къ моей стремлюся цѣли.
Быть можетъ, тьму вещей надѣлать ужъ успѣли,
Но я никакъ, нигдѣ не могъ объ нихъ узнать.
Аглаева (*смѣясь*). Такъ потрудитеся газеты прочитать;
Ихъ два раза ко мнѣ въ недѣлю присылаютъ.
Альнаскаровъ. Ахъ, съ радостью: меня газеты восхищаютъ!
Аглаева (*тихо Сашѣ*). Какъ все придумано! Что, Саша, каково?
Саша (*тихо Аглаевой*). О, мастерски! но мы ужъ проведемъ его.
Аглаева. Я примѣчаю въ васъ большое нетерпѣнье
Увидѣть Петербургъ.
Саша (*въ сторону, примѣтя, что Альнаскаровъ задумывается*). Опять за сочиненье!
Послушаемъ.
Альнаскаровъ. Скажу чистосердечно вамъ,
Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ и къ чинамъ,
Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.
Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ,
На Черномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить;
Но, признаюся вамъ, съ лѣтами, можетъ быть,
Мнѣ море Черное страхъ показалось тѣсно!
Въ два года все кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно;
А съ турками никакъ до дѣла не дойдетъ!
Куда ни поплывешь—все знаешь напередъ,
И изъ Кафы весь путь не дальше Дарданеловъ.

Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ!
Вдругъ слышу, наконецъ, что снова ужъ хотятъ
Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ фрегатъ:
Хвала ревнителямъ полезныхъ предпріятій!
И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
И экспедицію собою подкрѣпить,
Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья
И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья!

Аглаева. Объ этомъ, кажется, слухъ носится давно.

Альнаскаровъ. Да, съ полгода —но что-жъ? вѣдь это все равно;
Не подождать меня—ужъ это не возможно.

Аглаева. О! я увѣрена, и согласиться должно,
Что этакой вояжъ ужасно можетъ льстить;
Но, послужа, вѣдь вы устанете служить,
И наконецъ, когда вы лавры всѣ пожнете,
Въ отставку вышедши, что-жъ дѣлать вы начнете?

Альнаскаровъ. Тогда бъ... я кѣмъ нибудь былъ также побѣжденъ;
Ахъ, признаюсь, я разъ ужасно былъ влюбленъ!

Аглаева. Неужли не шутя?

Саша (*въ сторону*). А, а, проговорился!

Аглаева. Но чѣмъ же кончилось?

Альнаскаровъ. Другой на ней женился,
А я утѣшился и — воротился въ Крымъ.

Аглаева. Но хладнокровіемъ, клянуся вамъ, такимъ
Самъ ангелъ—такъ и тотъ насъ всѣхъ перепугаетъ.

Альнаскаровъ. Что-жъ дѣлать? иначе все служба потеряетъ:
Мы флотскіе — всегда отъ женщинъ далеки.

Саша (*тихо Аглаевой*). Его сіятельство васъ сердитъ мастерски!

Аглаева (*тихо Сашѣ*). Я слушать этого не въ силахъ равнодушно!....

(*Альнаскарову*).

Но если вамъ самимъ съ женою будетъ скучно,
Такъ скоро и женѣ такой наскучитъ мужъ.

Альнаскаровъ. Сомнительно; но вамъ однако почему-жъ
Такъ заключать? На все есть въ обществахъ законы:
Безъ насъ, для насъ, вездѣ женатыхъ милліоны!
Но сами геніи не терпятъ брачныхъ узъ.
Колумбъ, и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузъ,
Они, я думаю, всѣ не были женаты.

Аглаева. Я радуюсь, а то мы были бъ виноваты.
Но лучше этотъ намъ оставить разговоръ,
А то у васъ со мной престрашный выйдетъ споръ:

Я разсержусь и все нарочно изурочу
И даже, можетъ быть, на зло вамъ напророчу,
Что вамъ на этотъ разъ не ѣхать воевать.

Альнаскаровъ (*вскакивая со стула*). Не ѣхать? почему-жъ, позвольте мнѣ узнать?

Аглаева. Да, такъ, предчувствіе мнѣ что-то говорило,
Что вы...

Альнаскаровъ. Предчувствіе! вотъ это очень мило!

Аглаева. И сонъ...

Альнаскаровъ. И сонъ! а что-жъ вы видѣли во снѣ?

Аглаева. Да множество вещей.

Альнаскаровъ (*въ сторону*). Чего же больше мнѣ?
Одно свиданіе—и такъ влюбиться страстно!

Саша (*тихо Аглаевой*). Да полноте, а то ужъ будетъ слишкомъ ясно,
И лучше погодить нашъ открывать секретъ;
Онъ догадается.

Аглаева (*тихо Сашѣ*). Да почему-жъ?—о, нѣтъ! (*Альнаскарову*).
Но знаете, мнѣ жаль, мы время здѣсь теряемъ.
Пойдемъ-те лучше въ садъ; я напою васъ чаемъ,
И это вѣрно насъ съ пріятностью займетъ.

Альнаскаровъ. Ахъ, съ радостью! Но мнѣ позвольте напередъ
Здѣсь моему слугѣ отдать лишь приказанья.

Аглаева. А я васъ жду. Теперь прощайте, до свиданья. (*Въ сторону*).
Я влюблена! (*Аглаева и Саша уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Альнаскаровъ (*одинъ*). И такъ все случай довершилъ.
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться невозможно:
Судя по всѣмъ вещамъ я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ.... читалъ я анекдотъ прекрасной:
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ....
Онъ поселился тамъ—и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Альнаскаровъ, Викторъ (*входитъ и подслушиваетъ*).

Альнаскаровъ (*продолжая*).
Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!

Что если бъ?... почему жъ! на счастье нѣтъ закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ... построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами:
Устрою гавани, наполню ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, алжирцы, доберусь!
Смиритеся!—не то... пойду, вооружусь—
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду... прохода нѣтъ! всѣ ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій!...

Викторъ. Монархъ!

Альнаскаровъ (*въ жару мечтанья*). Что хочешь ты?... надѣйся и вѣщай!

Викторъ. Великій государь! васъ просятъ—кушать чай.

Альнаскаровъ. Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья—
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!

Викторъ. И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ!

Альнаскаровъ. Вѣдь надобно жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ....

Викторъ. Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ;
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять
И, распростившися, пуститься въ путь счастливо.

Альнаскаровъ. Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Викторъ (*одинъ*). Ну,—баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ царя... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ. — Но, что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро розыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!

Рискнулъ — и за билетъ внесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ, онѣ пришлись мнѣ по рукѣ.
Что если бъ мнѣ... хоть часть досталася на долю....
Что сдѣлаю?... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ.
Такъ, лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной
Сперва въ Полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной;
Обзаведусь и — самъ женюся наконецъ...
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ, вокругъ меня цыпляточки, малютки,
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьи проживу конечно до ста лѣтъ!...
Однако-жъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ?
(*Шаритъ въ карманахъ*)
Гдѣ жъ онъ? кой чортъ! не то все въ руки попадаетъ!
Билетъ! билетъ! — меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Викторъ, Саша.

Саша (*вбѣгая*). Сей-часъ васъ баринъ приказалъ
Позвать къ себѣ.
Викторъ. Я все билета не сыскалъ....
Безъ васъ, со мной ударъ убійственный случился!
Саша. Да что-же сдѣлалось?
Викторъ (*въ отчаяніи*). Супругъ вашъ разорился!
Что будетъ съ нашими несчастными дѣтьми! (*Убѣгаетъ*).

[1]) Хмѣльницкій (Николай Ивановичъ) род. 1791, ум. 1845 г. Отецъ его былъ однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ своего времени. Онъ получилъ званіе доктора кенигсбергскаго университета; въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ на 1726 г. напечатаны имъ диссертаціи на лат. языкѣ: «Объ основаніяхъ философіи» и «Возраженіе на Шлегеля»; кромѣ того онъ много переводилъ и писалъ на рус. яз.; импе-

ратрица Екатерина II оказала ему особенное вниманіе и въ награду за потерю родовыхъ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда роду Хмѣльницкихъ, дала ему средства выстроить въ Петербургѣ домъ. Сынъ его начальное образованіе получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ своего родственника, извѣстнаго литератора, Н. Ѳ. Эмина, а потомъ кончилъ курсъ наукъ въ Горномъ корпусѣ. Службу свою началъ онъ въ иностранной коллегіи переводчикомъ. Въ 1808 г. былъ откомандированъ, для иностранной переписки, къ главнокомандующему финляндской арміей гр. Буксгевдену; въ 1811-мъ перешелъ въ министерство юстиціи. Въ 1812-мъ поступилъ въ петербургское ополченіе и въ скоромъ времени былъ назначенъ адъютантомъ къ командующему ополченіемъ, Кутузову, а потомъ къ преемнику его, Меллеру-Закомельскому. Въ кампанію 1813 г. Хмѣльницкій состоялъ при генералѣ Опперманѣ, начальникѣ штаба одной изъ дѣйствующихъ армій, и кромѣ того былъ употребляемъ по дипломатической перепискѣ. Въ это время онъ имѣлъ случай познакомиться съ гр. Милорадовичемъ, который, оцѣнивъ его способности, предложилъ ему мѣсто правителя канцеляріи, когда, по окончаніи войны съ французами, былъ назначенъ с.п. бургскимъ генералъ-губернаторомъ. Литературное свое поприще Хмѣльницкій началъ, въ 1817 г., комедіей «Говорунъ», за которой, въ томъ же году, слѣдовала другая ком. «Шалости влюбленныхъ», а въ 1818-мъ ком. «Воздушные замки». Въ 1824 году онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1829 г. назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, откуда, въ 1837 г., переведенъ въ Архангельскъ; но здѣсь онъ оставался недолго: обстоятельства и разстроенное здоровье заставили его выдти въ отставку. Въ 1843 году, онъ ѣздилъ за границу; цѣлью его поѣздки было — взять курсъ на водахъ, полюбоваться живописною Швейцаріей и отогрѣться подъ небомъ Италіи. Умеръ въ Спб. (Нѣсколько словъ о Н. И. Хмѣльницкомъ, С. Дурова, въ 1 т. Соч. Хмѣльницкаго, въ Смирд. изданіи полнаго собранія сочиненій рус. авторовъ, 1849; кромѣ того см.: Пантеонъ, 1848, №№ 8 и 9, и Воспоминаніе о Хмѣльницкомъ, Аладьина).

Сочиненія и переводы Хмѣльницкаго имѣли два изданія: первое, въ 2-хъ ч., подъ названіемъ «Театръ Н. И. Хмѣльницкаго» (1829), а второе, вышеупомянутое, въ 3-хъ т. (1849).

[2]) Воздушные замки», комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Спб. 1818. Представленная въ томъ же году, имѣла большой успѣхъ, долго держалась на сценѣ и была любимою піесою въ благородныхъ спектакляхъ. Она передѣлана изъ пяти-актной комедіи Коленъ-д'Арлевиля (Les Châteaux en Espagne). Планъ моей комедіи совсѣмъ другой, говоритъ предисловіе автора; въ ней нѣтъ стиховъ переводныхъ, а удержаны только нѣкоторыя мысли французскаго автора. Главное лицо—мичманъ Альнаскаровъ, фамилія котораго произведена отъ имени Альнаскаръ (въ сказкѣ И. Дмитріева: «Воздушныя башни»). Онъ мечтаетъ объ адмиральскомъ чинѣ, объ открытіи земель и народовъ, даже о коронѣ на какомъ-нибудь новооткрытомъ островѣ, а слуга его Викторъ о богатомъ лотерейномъ выигрышѣ. Починка сломаннаго экипажа заставила его остановиться въ домѣ помѣщицы Аглаевой, молодой вдовы. Аглаева принимаетъ его за графа Лестова, который, увидавъ ея портретъ у тетки, влюбился въ нее и рѣшился подъ чужимъ именемъ пріѣхать къ ней въ деревню. Когда же ошибка открылась, Аглаева холодно разстается съ мичманомъ. Онъ хочетъ искать ста-

стія по сухопутной части и для того намѣренъ ѣхать въ Индію. Когда Викторъ горюетъ о томъ, что всѣ ихъ воздушные замки рушились:

Флотилія, престолъ, невѣста, мой билетъ—
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

Альнаскаровъ утѣшаетъ его новымъ замкомъ.

Утѣшься! Индія осталася за нами.

XXXIII.

ДУХОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ.

АВГУСТИНЪ ВИНОГРАДСКІЙ (¹).

СЛОВО ВЪ БОРОДИНСКУЮ ГОДОВЩИНУ (1813) (²).

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за вѣру, за царя, за отечество есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни, имъ почитаемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими, и *память его во благословеніихъ* (Іисуса сына Сирах. 45. 1).

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день россійскихъ воиновъ покрыла славою на поляхъ Бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достихъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица россійской державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ—и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. Но чтожъ? Посѣдѣвшій во бранѣхъ вождь противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. Засверкали мечи, загремѣли громы, восколебался воздухъ, потряслися сердца горъ: *крѣпкая Моавля пріятъ трепетъ*. Самый врагъ, который заставлялъ все трепетать предъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ: гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано-

ли, поздно-ли, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіаеа. Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы-ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить россійское царство и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями-ли злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отецъ нашихъ? *Тьмы темъ падоша иноплеменныхъ и сокрушишася оружія бранная* (2 кн. Царст. 1. 27).

Но ахъ! въ семъ, толь славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы сами! Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ! Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сея кровопролитныя брани! Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей! Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ.

Православные воины, положившіе животъ свой за вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? Какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? Защитники церкви и отечества, *возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животѣ своемъ: и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы и паче львовъ крѣпцы* (2 кн. Царст. 1. 23). Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко крове Авелевой, вовопіялъ отъ земли, умоляя Господа силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу; съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне и осквернилъ храмъ святый Его: но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству,—и вои его, колесницы, тристаты его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. *Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. 76. 14 и 15).

И такъ много потеряло отечество въ брани сей: но можно ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ познавъ, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна, покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы!—Но ахъ! нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ

дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ полей Бородинскихъ. Онъ тамъ—и дѣти твои сироты. Прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами. Онъ тамъ — да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ навѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ перешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, помазанникъ Господень призритъ на васъ окомъ своея всеобъемлющія благости и милостями своими усладитъ горести ваши. Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его, но вмѣстѣ и утѣшьтесь тою вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей, но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая церковь не перестанетъ молить Господа какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его, да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да проліетъ имъ источники блаженства небеснаго и увѣнчаетъ славою у Себе Самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. Аминь.

[1]) Августинъ Виноградскій (1766—1819), архіепископъ московскій, воспитанникъ московской духовной Академіи и потомъ ея ректоръ. Изъ епископа дмитровскаго, онъ въ 1811, по кончинѣ митрополита Платона, вступилъ въ управленіе московскою епархіей. Въ 1812 г. благословилъ московское ополченіе на священную брань и вручилъ ему хоругвь; сдѣлалъ всѣ распоряженія къ сохраненію святынь и драгоцѣнностей московскихъ церквей, отправилъ нужнѣйшія дѣла, патріаршую ризницу, синодальную библіотеку въ Вологду; своими поученіями утѣшалъ и ободрялъ народъ предъ нашествіемъ и по нашествіи французовъ. Біографія его написана И. Снегиревымъ (Очерки жизни московскаго архіепископа Августина, 1848). Сочиненія изданы въ 1856 г.

[2]) «Слово при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ». Произнесенное въ Срѣтенскомъ монастырѣ, произвело сильное дѣйствіе, какъ выраженіе общихъ чувствованій: «Церковь, полная народа, исполнилась рыданіемъ; самъ пастырь-утѣшитель плакалъ среди сиротъ и осиротѣвшихъ родителей, такъ что слезы прерывали слова его» Очерки жизни).

АМВРОСІЙ ПРОТАСОВЪ (¹).

СЛОВО НА СЛУЧАЙ ПРИСЯГИ ИЗБРАННЫХЪ ПО ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ СУДЕЙ (1815). (²).

Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга (Матѳ. 23. 11).

И почтожъ восходить на высоту честей въ чинѣ общества, и не желать быть у всѣхъ во уваженіи?—говоритъ самолюбіе. И почтожъ превозноситься надъ другими, и не обонять ѳиміамъ почтенія, воскуряемый предъ вознесенными земли?—говоритъ честолюбіе. И почтожъ искать мѣста, на которомъ разсыпаются дары счастія, и не наслаждаться ими?—говоритъ любостяжаніе. И почтожъ быть вождемъ народа, и не пользоваться отъ народа? судіею, и остаться только съ одною бѣдною правдою? пастыремъ, и отъ млека стада не ясть? бо̀льшимъ другихъ, и не требовать, чтобъ тысяща услужливыхъ рукъ и сердецъ раболѣпныхъ готовы были угождать волѣ моей?—говоритъ самоугодіе.

Но такъ говорятъ страсти, т. е. Послушаемъ, что глаголетъ Тотъ, Который *пришелъ, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. 20. 28). *Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга*, вѣщаетъ Владыка міра Христосъ!

Когда мудрая десница промысла возноситъ избранныхъ отъ людей своихъ, вѣнчаетъ ихъ славою и честію, препоясуетъ властію и отличаетъ именами правителей, вождей народа, повелителей, пастырей, яко отличіями благознаменитыми: то не для того-ли, да, облекшись правдою, яко бронею, препоясавшись истиною, яко мечемъ, покрывшись страхомъ Господнимъ, яко шлемомъ, облекутся они во уготованіе благотворити людямъ и благоугодни будутъ предъ Богомъ и человѣки?—Какъ! неужели сіи свѣтила водружены на тверди нравственнаго міра, да не разливаютъ они свѣта и теплоты окрестъ себя, и да вси, приближающіеся къ нимъ, не ощутятъ благотворныхъ лучей ихъ? Сіи свѣтильницы возжены на свѣщницѣ, да не свѣтятъ никому? Сіи грады поставлены верху горы, да не будутъ они прибѣжищемъ утомленному путнику жизни, покровомъ обуреваемому напастей бурею, оградою гонимому звѣрями дивіими, страстями хищными, алчностью ненасытимою, корыстолюбіемъ всепожирающимъ, неправдою неистощимою во изворотахъ лукавыхъ!

Или добродѣтель должна обитать точію въ смиренныхъ хижинахъ, а не въ чертогахъ; укрываться подъ рубищами, а не подъ сіяніемъ отличій знаменитыхъ; быть печатію низкихъ состояній, а не высокихъ? Неужели вознесенные предъ братіею своею и призванные пріяти честь или довѣріемъ общимъ, или властію предержащею, должны жить уже

точію для самихъ себя? Нѣтъ, п. м., вы призваны на почтенное дѣло служенія общаго не для того, *да послужатъ вамъ, но послужити*; вамъ даны отъ лица общества преимущества власти, отличія, уваженія, да кійждо въ кругѣ своемъ разливаете толико благъ, коль велика важность служенія, вамъ ввѣреннаго, коль велики достоинства ваши, коль велики преимущества. Сіе размышленіе да предшествуетъ вамъ въ поприщѣ служенія, въ которое вступаете нынѣ.

Быть въ обществѣ отличнымъ предъ другими или мѣстомъ возвышеннымъ, или чиномъ знаменитымъ, или уваженіемъ особеннымъ, значитъ быть полезнымъ обществу. Наружныя отличія суть или, по крайней мѣрѣ, быть долженствуютъ знаменіемъ внутреннихъ достоинствъ, добродѣтели, заслуги. Я вижу мечъ при бедрѣ твоемъ? Вижу—и мню, что ты или, яко воинъ, поражаешь имъ полчище противныхъ, возстающихъ низложить миръ, покой и благо страны твоея, да бѣжатъ отъ лица ея враги ея; или, яко судія, разгоняешь имъ сонмы лукавыхъ, кои, подъ кроткою личиною брата и гражданина, яко звѣри хищные подъ одеждою агнца, устремляются на расхищеніе сограждань твоихъ; разсѣкаешь имъ сѣти коварства, которыя поставляетъ ухищренная корысть простотѣ неопытной, и сокрушаешь всякій союзъ неправды. Я вижу сіяющія отличія на груди твоей? И вижу въ нихъ или сіяніе добродѣтелей твоихъ, или блескъ талантовъ полезныхъ, или лучи заслугъ знаменитыхъ. Я зрю повелительный жезлъ въ десницѣ твоей? И уразумѣваю, что пасешь ты люди Божія въ преподобіи и правдѣ, смиряешь вознесенный порокъ, ограждаешь притѣсненную добродѣтель. Я зрю тебя посажденна при ногу закона во святилищѣ правосудія? И вѣрую, что ты судишь людемъ въ правду, изъемлеши обидимаго изъ десницы сильнаго, избавляеши сираго отъ руки грѣшничи, спасаеши добродушную простоту отъ сѣтей корысти алчныя, твориши судъ царевъ, твориши судъ Божій.

На семъ залогѣ ввѣряетъ намъ или общество, или власть предержащая и силу, и могущество, и честь, и отличія, и поставляетъ насъ превыше другихъ.

Такъ свѣтило міра сіяетъ, яко исполинъ, на тверди небесной среди звѣздъ малосвѣтлыхъ, да разливаетъ животворные лучи свои отъ края небесе до края его! Такъ возносятся высокіе кедры надъ быліемъ сельнымъ, да закрываютъ оное отъ зноя палящаго и бурь ревущихъ! Такъ горы Божія возвышаютъ чело свое надъ смиренными долинами, да осѣняютъ ихъ главами своими отъ палящаго солнца и напояютъ пустыни жаждущія водами, на главахъ и въ нѣдрахъ ихъ собираемыми!

Желаніе отличиться предъ другими есть желаніе всеобщее. Червь сей грызетъ сердца и на престолѣ, и въ хижинѣ. Кто не хочетъ быть

почтенъ, уваженъ? Завоеватель опустошаетъ землю, разрушаетъ грады и превращаетъ все въ развалины безобразныя, дабы водрузить на нихъ величіе имени своего и трофеи побѣдъ своихъ; убогій, въ рубищѣ своемъ, по крайней мѣрѣ ищетъ отличить себя тѣмъ либо среди собратовъ своихъ, покрытыхъ подобными рубищами. Таково стремленіе сердца восходить выше и выше. Но чтобъ оправдать стремленіе сіе предъ Богомъ и человѣки, надлежитъ исполнить обязанности, къ коимъ призываетъ насъ промыслъ Божій, польза сочеловѣковъ, братій нашихъ, власть предержащая.

Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію: тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе, мечтами величія нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели.

Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ содѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобъ быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ овружать себя ласкателями раболѣпными, кои-бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, раскошествовать, веселиться. — А добродѣтель? О, вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели. А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О, когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта: быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опущать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе. А дѣла служенія общественнаго? О, ихъ можно утверждать именемъ власти и не читавши? А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни, или уваженія свѣта.

Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они: вопли ихъ можно заглушить силою власти. Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія — слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бъ намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство объиметъ наконецъ неправды твои и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея? Пусть требуетъ оно: можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ краскахъ, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣтами правды. Но совѣсть, яко

стражъ недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О, совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ! Но Богъ, предъ очами котораго *вся нага* и откровенна (Евр. 4. 13), Богъ, *къ которому не приселится лукавнующій* и предъ которымъ *не пребудетъ беззаконнующій* (Псал. 5. 5 и 6)? *О, не взыщетъ! (*Псал. 9. 25). Онъ милосердъ.

Согласимся, бр., что все сіе такъ будетъ: пусть *пути нечестиваго спѣются* и вкупѣ *оскверняются* во *всяко время* (Псал. 9. 26) в успѣхи вѣнчаютъ неправду; пусть все течетъ по теченію воли его и исполняются по желанію его сердца; пусть Господь коснитъ судъ Свой, люди полагаютъ перстъ на уста,— однакожъ собственная честь его не страдаетъ-ли? Что, ежели возлежитъ онъ на лонѣ безпечности, упоенный чашею утѣхъ, и спитъ сномъ крѣпкимъ, а корабль правленія его влается въ волнахъ и неправдъ, и безпорядковъ, и неустройствъ, и треволненій бури житейскія?

Учителю, или *не радиши, яко погибаемъ* (Марк. 4. 38)? вопіяли ученики Іисусовы, когда корабль, несшій ихъ по водамъ Гадаринскимъ, погружался среди сна Его; когда волны морскія, яко горы, готовы были низринуться на нихъ; когда глубина водная разверзалась поглотить ихъ.

Не сей ли же упрекъ могутъ рещи начальнику безпечному, или неправедному, сущіе подъ рукою его? *Наставниче! или не радиши, яко погибаемъ?* Ты утопаешь въ утѣхахъ—мы утопаемъ въ слезахъ; ты пресыщаешься — мы гибнемъ гладомъ; вѣтръ разсѣянія восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ, и сей вѣтръ разсѣянія твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣдъ и страданій! У тебя то столы, то собранія, то веселія, то праздность: а намъ столы твои стоятъ послѣднихъ крупицъ нашихъ; а веселія твои наполняютъ чашу жизни нашей и плачемъ, и стенаніемъ! Ты праздень, а приставники, поставленные тобою, или тобою управляемые, непраздны: они бдятъ, неусыпно бдятъ, еже восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои корыстію неправедною! *Востани! вскую спиши?* (Псал. 43, 14). Пробудись отъ сна твоего, стани на стражѣ твоей, сотвори судъ и милость, покрой щитомъ правды обидимаго, разрѣши узы невинности страждущія, разсѣки мечемъ истины сѣти, поставляемыя на судѣ крамолою хитрою и корыстію ненасытимою!—*Востани! вскую спиши?* Десница предержащая поставила тебя стражемъ покоя нашего, и мы мнили, что ты не даси очима своима сна и вѣждома дреманія, да мы въ мирѣ уснемъ и почіемъ; власть и могущество, которое видимъ въ рукахъ твоихъ, есть покровъ твердый, подъ которымъ мы должны наслаждаться покоемъ, яко

подъ покровомъ отеческимъ; сіяніе славы твоея есть тотъ благотворный свѣтъ, который долженъ согрѣвать насъ, яко лучъ солнца. *Востани! вскую спиши?* Но ахъ! мы вопіемъ и—ты спишь. Вопли страданія не расторгають глубокій сонъ, въ объятіяхъ коего покоишься ты; очи твои закрыты, и ты не видишь слезъ болѣзни, ліющихся окрестъ тебя; и неправда творится на судѣ, и притѣсняется невинность, и пріемлются лица грѣшниковъ, и алчная корысть собираетъ корысти неправедныя. Ахъ! доколѣ продолжится сонъ сей? Мы полагали въ тебѣ ангела-хранителя круга, ввѣреннаго промышленію твоему; мы полагали, что ты будешь *око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ* (Іов. 29. 15 и 16), *вразумиши безчинныя, утѣшиши малодушныя, заступиши немощныя* (1 Сол. 5, 14), будеши *всѣмъ вся* (1 Кор. 9. 22). Взирая на знаменія владычества, тебя окружающія, на отличія, на тебѣ сіяющія, на довѣріе царево, на уваженіе собратій твоихъ, мы вѣрили, что ты вѣстникъ мира,—ангелъ, весь день ополчающійся окрестъ людей Божіихъ, посланникъ отъ престола, имѣющій изглаголать намъ судъ и правду, пастырь по сердцу Божію, по сердцу цареву: и чтожъ должны мы рещи нынѣ? То, что нѣкогда Ааронъ о тельцѣ златомъ: *и ввергохъ злато въ огнь, и изліяся телецъ* (Исход. 32, 24).

Наша любовь текла во срѣтеніе тебѣ, наша готовность раздѣлять съ тобою дѣло служенія общаго была предъ очами твоими, наша раболѣпность не коснила, наши ѳиміамы готовы были куриться во знаменіе благодарности предъ тобою, наши уста разверсты были, дабы вѣщати хвалы и твоему служенію, и твоей добродѣтели, и твоей ревности во благо общее; одного точію ожидали мы отъ тебя, да *будеши Божій слуга всѣмъ во благое*: и что-же видимъ?.. Ахъ! съ прискорбіемъ должны рещи, яко же и Ааронъ: *ввергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ!*

Правительство мудрое возводило тебя по степенямъ заслугъ отъ чести къ чести, отъ славы къ славѣ, отъ отличія къ отличію, отъ воздаяній къ воздаяніямъ. Оно мнило, что ты будешь приставникъ въ дому царствія его ревностный, пастырь, пасущій стадо ввѣренное тебѣ, неусыпный, хранитель правды непорочный, блюститель закона неустрашимый, судія безкорыстный; что будеши тяжезлъ въ десницѣ его, наказующій неправды, уста его, глаголющія миръ людемъ, отблескъ благости его, сіяющія на благія; оно мнило, что всѣ сущіе въ предѣлахъ дѣятельности твоей, десницею скиптроносною тебѣ начертанныхъ, будутъ ублажать кребій свой, яко дѣти, возсѣдящіи окрестъ трапезы отеческія: и чтожъ испытываемъ мы? Ахъ, должны сознаться со Аарономъ, что всѣ надежды сіи повержены, *яко злато въ пещь, и изліяся телецъ.*

Общее избраніе согражданъ — собратовъ твоихъ — единодушно метнуло жребій свой: и жребій паде на тебя, да будешь ты предъ лицемъ ихъ, яко свѣтило озаряющее свѣтомъ закона темные и стропотные пути жизни, да совратиши съ распутій порока заблуждающаго, покажеши путь правый слѣпотствующему, отреши рукою состраданія слезу притѣсненнаго, смириши гордыню порока, вознесеши смиренную добродѣтель, разсудиши между правдою и лжею, между немощнымъ и сильнымъ, водвориши миръ и тишину въ семействахъ, спокойствіе во градѣхъ, безопасность въ смиренныхъ весяхъ. Речеши? и речеши устами закона. Повелиши? и повелиши гласомъ отчимъ, а не гласомъ властелина гордаго. Положиши дѣла ищущихъ суда на вѣсы? и вѣсы преклонятся на страну правды, и злато въ очахъ твоихъ будетъ яко перо предъ тяготою истины. Сего ожидаетъ отъ тебя сословіе собратовъ твоихъ, обувшее нозѣ твои во уготованіе благотворити людемъ и препоясавшее тебя мечемъ правосудія. Ахъ, ежели всѣ надежды сіи исчезнутъ, яко мечта! ахъ, ежели уготованный судити людемъ въ правду самъ обращается на странѣ неправды! ахъ, ежели свѣтъ будетъ тьма, и свѣтильникъ, поставленный свѣтити на пути добродѣтели, будетъ точію освѣщать стези неправды! не рекутъ ли тогда о немъ, яко-же и Ааронъ о тельцѣ своемъ: *повергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ?*

Неправда, стоящая на мѣстѣ высокомъ, мнитъ въ заблужденіи своемъ укрыть себя отъ стрѣлъ порицанія справедливаго и недреманнаго ока сужденія общаго или за щитомъ власти своея, которая возложитъ молчаніе на уста людей, или подъ великолѣпнымъ блескомъ наружности очаровательной, или подъ именами и титлами пышными, кои украшаютъ великихъ, или подъ сѣнію роскоши и забавъ, кои въ очахъ простоты недальновидной представляютъ его человѣкомъ, умѣющимъ жить въ свѣтѣ, и другомъ согражданъ его. Но какъ невѣренъ расчетъ сей! Закрывай себя, какъ угодно тебѣ; но не закроешь ничѣмъ тѣхъ пятенъ, кои омрачаютъ картину жизни твоей. Украшай цвѣтами добродѣтели терніе пороковъ твоихъ: терніе навсегда пребудетъ терніе и порокъ порокомъ. Нарицай гордость твою благороднымъ честолюбіемъ, лихоимство благодарностію судимыхъ тобою, роскошь услажденіемъ жизни, сребролюбіе бережливостію, игры утѣхою невинною, праздность отдохновеніемъ позволеннымъ: симъ не ослѣпишь очи свѣта. Сколь сердце человѣческое ни преклонно къ злу; однакожъ есть истина, которая противъ воли исторгаетъ у него презрѣніе къ тѣмъ, кои или не радятъ о дѣлахъ служенія своего, или употребляютъ оныя во зло. Возсѣдаютъ за столомъ пыш-

нымъ, на корысти неправедныя уготованнымъ, хвалятъ яствы избранныя, но гнушаются въ душѣ домовладыки неправеднаго. Ищутъ въ судѣ у блюстителей законокорыстныхъ защиты блескомъ злата, но клянутъ руку, пріемлющую злато. Богатый порокъ искупаетъ себѣ оправданіе мздою, но смѣется мздоимству, продающему совѣсть.

Нѣтъ! нѣтъ! никогда еще отъ сердца благоговѣйнаго не было приносимо кадило пороку; одна точію добродѣтель имѣетъ на него неотъемлемое право. Никогда не былъ воздвигаемъ жертвенникъ неправдѣ отъ любви удивленной, отъ души признательной; одной только истинѣ воскуряются ѳиміамы сердецъ! Человѣкъ! будь добродѣтеленъ, и тогда точію будешь почтенъ: се гласъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ. *Хощеши-ли не боятися власти*, мнѣнія общаго, гласа народнаго? *благое твори, и будеши имѣти похвалу* (Рим. 13. 3). Се гласъ самого Бога. Вождь народа! веди люди, ввѣреныe тебѣ, во храмъ блаженства, не уклоняясь ни на десно, ни на шуее съ пути правды, закона, совѣсти, чести: и благословенія тобою правимыхъ пребудутъ присно на главѣ твоей. Судія! суди судъ *правый, оправдай смиренна и нища, изми нища и убога изъ руки грѣшничи*! (Псал. 81. 3 и 4). Да будетъ корысть твоя правда, воздаяніе совѣсть, мѣрило дѣлъ твоихъ законъ: тогда любовь непритворная, благоговѣніе нелестное благословятъ входы и исходы твои на чредѣ служенія твоего. Гражданинъ мирный! исходи на дѣланія твои выну, яко предъ Богомъ, умывъ руцѣ въ неповинности и обязавъ сердце твое союзомъ любви братнія: тогда будеши почтенъ и безъ отличій наружныхъ. Почести на недостойномъ суть зрѣлищныя украшенія: только достойный украсить можетъ и самыя почести; и высокій санъ для мужа неразумнаго есть то высокое мѣсто, на которое поставляется онъ, яко истуканъ, облеченный въ утварь златую для того только, дабы свѣтъ узрѣлъ его и рекъ: се человѣкъ, иже очи имать, и не видитъ; уши имать, и не слышитъ; уста имать, и не речетъ ни суда, ни правды! Ахъ! не сама-ли истина должна рещи таковому вождю народа: брате! добро тебѣ будетъ отъити на село твое?... Тамъ неизвѣстность покроетъ завѣсою забвенія и имя и недостатки твои; здѣсь, стоя превыше другихъ, содѣлаешися притчею во языцѣ твоемъ...

Нѣтъ, п. м.! исходя предъ лицемъ Бога, предъ лицемъ отечества, предъ лицемъ сословія, избравшаго васъ понести бремя служенія вашего, вы не попустите, да подобный упрекъ падетъ на главу вашу, и, призванные братіею вашею пріяти честь, не снидете съ безчестіемъ съ поприща чести! Мы обозрѣваемъ васъ, и — се! зримъ среди васъ мужей, обра-

тившихъ къ себѣ во времена бурныя, постигшія насъ, и сердца и души не сословія точію вашего, но и всѣхъ, и безкорыстіемъ примѣрнымъ, и ревностію къ правдѣ неукоризненною, и любовію къ собратіи своей пламенною. Мы видѣли въ нихъ, въ предшествовавшемъ сему поприщу, защиту притѣсненному, бичъ на неправду, грозу ужасную корыстолюбію: како не увѣруемъ, что и они и всѣ избранные нынѣ едиными усты и единымъ сердцемъ возвѣстите судъ и милость прибѣгающимъ къ суду и защитѣ вашей? како не увѣруемъ, что будете вы слуги Божіи всѣмъ во благое, и *воздадите* яже *Кесарева Кесареви*, и яже *Божія Богови* (Матѳ. 22. 21), и яже ближнихъ вашихъ ближнимъ вашимъ?

Такъ, вамъ предлежатъ подвиги многотрудные; вамъ предстоятъ искушенія обольстительныя! Тамъ хитрая корысть выставитъ предъ вами сокровища свои, дабы ослѣпить очи ваши, еже не видѣти правды; здѣсь покровительство сильныхъ будетъ преклонять васъ на страну неправды. Тамъ лукавая ябеда сплететъ вамъ ухищренные узлы лжи и обмана, кои только неутомимою бодростію и безпристрастіемъ нелицепріемнымъ разсѣщи возможете; здѣсь лесть воскуритъ предъ вами жертвы свои, да омрачитъ души ваши ядовитыми парами самоугодія и померкнетъ предъ вами лучъ истины. Тамъ родство, дружба, пріязнь будутъ преклонять вѣсы правды въ десницѣ вашей въ пользу свою; здѣсь разверзетъ на васъ ядовитыя уста злословіе, да поне грызеніями своими совратить васъ съ пути праваго. Но бодрствуйте, стойте, сражайтеся, побѣждайте! поприще ваше есть для васъ какъ бы ратное поле. Надлежитъ или побѣдить и прославиться, или быть побѣждену и снити съ него, покрывшись безславіемъ.—И вы побѣдите, если подвигомъ добрымъ подвизатися будете, вѣру, вѣрность, законъ сохраните. Да будетъ для сего присно долгъ вашъ предъ очами вашими, честь сопутницею дѣлъ вашихъ, страхъ Господень наставникъ вашъ, истина препоясаніе, совѣсть руководждь, Богъ мздовоздатель: и тогда побѣдите и прославитесь у Бога и человѣкъ! Аминь.

[1]) Амвросій Протасовъ (1762—1831), воспитанникъ Перервинской семинаріи, а потомъ Троицкой Сергіевской, кончившій курсъ въ московской Славяно-греко-латинской Академіи, былъ въ послѣдствіи проповѣдникомъ и префектомъ въ этой Академіи, ректоромъ Александроневской Академіи, епископомъ тульскимъ (1803—1816), архіепископомъ казанскимъ (1816—1826) и тверскимъ (1826—1831). Слова и рѣчи его изд. въ Спб. 1856 г. О достоинствѣ ихъ митр. Платонъ отозвался такимъ образомъ: «если бы я писалъ такъ, какъ Амвросій, то вся Россія сходилась бы меня слушать». Филаретъ, во 2-ой кн. Обзора рус. духов. литературы, говоритъ, что слово его о пользѣ чтенія св. Писанія, переведенное на франц. языкъ въ Парижѣ, обратило на проповѣдника особенное вниманіе императора

Александра I. (Свѣдѣнія о жизни и служеніи преосвященнаго Амвросія, Е. Л—на, въ началѣ его «словъ и рѣчей»).

*) Поученія Амвросія къ тульской паствѣ почитаются лучшими изъ всѣхъ его проповѣдей, а между ними первое мѣсто занимаетъ слово, помѣщенное въ Христоматіи. Оно произнесено 17 января 1815 г. и содержитъ въ себѣ обличенія нѣкоторыхъ современныхъ Амвросію губернскихъ властей и злоупотребленій дворянскихъ выборовъ. Въ «Мелочахъ», М. Дмитріева, читаемъ: «Амвросій, будучи недоволенъ казанскимъ губернаторомъ, Н. И. Богдановымъ, каждый разъ обращался къ нему глазами и движеніемъ руки, когда произносилъ слова: «*и ввергохъ злато во огнь, и изыйде телецъ*». Словарь достопамятныхъ людей рус. земли, Бантышъ-Каменскаго, разсказываетъ, что Александръ I далъ это слово, какъ руководство управленія губерніей, одному губернатору, просившему себѣ инструкціи. Другія слова Амвросія на тотъ же предметъ были произнесены въ Твери: 18 и 23 декабря 1804 г., 11 января 1815-го, и въ Казани: 16 декабря 1823-го.

ІОАННЪ ЛЕВАНДА. (¹).

РѢЧЬ НА ПОГРЕБЕНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА САМУИЛА (1796). (²).

Пастырь успе! дѣлатель винограда Христова отъ трудовъ своихъ почилъ!... Но что за новое покоище его? Тутъ ли сонъ поспѣлъ, гдѣ мы видѣли его приступающаго къ престолу благодати, слушали славословящаго имя Божіе, окружали воздѣвающаго руки о насъ и низводящаго небесныя благословенія на насъ? Что за сонъ, страшный природѣ и сердцамъ! Утро не пробудило пастыря къ стаду своему. Солнце не взошло для дѣлъ званія его. Дни уклонились отъ пастыря навѣкъ. За вечеромъ жизни наступила безпредѣльная ночь. Гдѣ жъ Спаситель, который говорилъ: *иду и возбужду его*? Нѣтъ! послѣдняя уже труба, воскрешающая мертвыхъ, возбудитъ его. Спаситель недавно глашалъ пастыря по имени; пастырь, услышавъ гласъ Господа своего, поспѣшилъ къ Нему. Чтожъ намъ на дорогѣ въ гробъ приказалъ? Остаться сиротами. Перемѣна горькая! горесть извѣстная тому, кѣмъ овладѣла смерть —зло, выпущенное изъ нѣдръ адовыхъ на насъ. Сердце бѣдное оставлено себѣ. Прощаются съ сердцемъ нашимъ, когда оно, влекомое на крестъ, распинаемое положеніемъ печальнымъ, вопіетъ со Христомъ: *Боже мой! Боже мой! почто мя оставляеши*? Гласъ сѣтующія Матери церкви разитъ пораженныхъ. Она, собирая насъ, говоритъ: *пріидите чада*! отдайте *послѣднее цѣлованіе* нашему Отцу! Онъ послѣдній разъ являлъ вамъ лице и сердце отеческое, бесѣдовалъ, повелѣвалъ духомъ любви и кротости: сердце сіе теперь спѣшитъ съ нимъ во гробъ.

Пріидите, учащіеся сироты! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему руководителю, просвѣтителю, покровителю. Послѣдній разъ вы видѣли его усердіе, его милосердіе къ вамъ: мысли и попеченіе его о васъ скрываются съ нимъ во гробъ. Пріидите, нищіе, меньшая братія Христова! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему сострадателю, человѣколюбцу, милователю. Онъ въ послѣднее простиралъ руки свои на облегченіе вашего тягостнаго жребія: щедрота его вселяется съ нимъ во гробъ. Пріидите, невинные, оправданные на судѣ! отдайте послѣднее цѣлованіе вашей судьбы скорому рѣшителю, вашей невинности оправдателю, избавителю: готовность сія ко избавленію нисходитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите наслаждавшіеся въ паствѣ сей правленіемъ кроткимъ, немздоимнымъ, нелицепріятнымъ! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему пастырю. Кротость и благость сія познала западъ свой, удаляется съ пастыремъ во гробъ. Пріидите, вѣры поборники, истины Христовой ревнители, добродѣтелей Христовыхъ подражатели! отдайте послѣднее цѣлованіе сему рѣдкому любителю Христа, рачителю истины Его, вѣры, терпѣнія, благотворенія, правилъ Его послѣдователю: все сіе сокровище сердца его сокрывается отъ очей нашихъ въ сей мрачный гробъ. Свѣтильникъ, возженный для свѣта, горѣвшій и свѣтившій доселѣ, нынѣ для наведенія мрака полагается подъ спудъ. Остается имя любимое и память благъ пресѣкшихся съ жизнію. Отдайте долгъ послѣдній! Но чѣмъ, кромѣ слезъ, слезъ оправданныхъ тогда, когда Спаситель у гроба Лазарева прослезился, и сказано: *виждь, како любляше его* (Іоан. XI. 31)?

Просили ученики Христа: *облязи съ нама, яко къ вечеру есть и преклонился есть день*. Не хотѣлось имъ разлучаться со Христомъ тогда, когда ночь темная постигла ихъ; когда при собесѣдникѣ семъ *горѣло сердце ихъ, егда глаголаше съ нимъ на пути. Онъ же творяшеся далечайше идти*. Просили и мы того же пастыреначальника Христа, наградившаго насъ пастыремъ симъ, дабы онъ, взирая на сердце наше къ нему, не отзывалъ его отъ насъ. Но пастырь творится далечайше идти; далечайше: ибо въ вѣчность, гдѣ тонутъ вѣки и не оставляютъ къ измѣренію ея ни мгновенія одного, гдѣ входъ намъ неизбѣженъ, исходъ невозможенъ. Кажется, что любящая насъ душа его еще единожды остановилась въ человѣколюбивомъ его сердцѣ, оживотворяетъ оное и говоритъ: «сила любви и духъ благодарности съ нами есть. Любите и во гробѣ преданнаго вамъ. Сопутствуйте мнѣ сердцемъ ко Христу; но не лейте слезъ, яко *неимущіи упованія*. Мы скоро соединимся у Христа для торжества надъ смертію. Я *потщусь и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ память о сихъ творити* (2 Пет. 1, 15). Довлѣетъ помнить, кто

жизнію жертвовалъ вашимъ пользамъ, вашему вѣчному благу».

Бѣдное сердце для того ли счастливо таковыми отцами, плѣнено ихъ благотвореніями, любитъ ихъ дарованія, добродѣтель, совершенства, дабы лишаться и стенать? Горести, коими отягощается сердце въ цѣлой жизни, должны по закону тлѣнія довершиться разрушеніемъ бытія сердца самаго и любимыхъ ему. Есть ли убо что бѣднѣе того, кто рожденъ чувствовать?

Но посредѣ бѣдствій быть безсмертну—не новое ли и нестерпимѣйшее бѣдствіе есть? А посему неминуемо надобно, для безсмертія, другой и лучшей жизни быть. Се при горестяхъ нашихъ намѣреніе всеблагого Творца! Иначе правда и премудрость Его вѣчно не допустили бы столько зла на насъ; не позволили бы ни Христу на главѣ своей, ни намъ на сердцѣ терновый вѣнецъ носить.

Явись намъ, награжденная душа, изъ свѣтлостей святыхъ! Гдѣ, если не тутъ, застала ты исполненіе обѣтовъ Отца небеснаго, о коихъ въ жизни воздыхала къ Нему? Гдѣ остановилась вѣра твоя, какъ не тутъ, когда увидѣла ты откровенно славу вѣруемаго твоего? Гдѣ надежды твои, подвиги, терпѣнія увѣнчались, какъ не тутъ, куда недавно препроводилъ тебя Духъ Божій, укрѣплявшій тебя въ вѣрѣ и подвигахъ житія, утѣшавшій тебя въ часъ непостыдныя кончины? Тутъ увидѣла ты предшественниковъ, свѣтилъ церкви, великихъ Василіевъ, ревнительныхъ Григоріевъ, златословесныхъ Іоанновъ. Предстань ноне нашимъ очамъ! если печаль о лишеніи твоемъ отнятою быть не можетъ, растворена будетъ отрадою сею.

Но вѣра видитъ его ясно тутъ. На кого бы вѣры начальникъ и совершитель Іисусъ указываетъ намъ глаголя: *сей на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ?*

Боже жизни! у котораго мертвыхъ нѣтъ, вси бо нисходящіи во гробъ къ Тебѣ текутъ, у тебя собираются въ невидимомъ мірѣ, Тебѣ живи суть; котораго воля одна святая, одна благая и совершенная; ей повиноваться значитъ — блаженство! мы, увидѣвъ пастыря близь гроба, говорили къ Тебѣ, источнику живота: мимо неси чашу сію отъ насъ! *обаче не яко мы хощемъ, но яко же Ты*: буди воля Твоя! Се постигъ часъ воли Твоея! Ты Самъ возвалъ его съ небесъ, вторицею глаголя: *Самуиле!—Се азъ Господи!* онъ въ послѣднее то изрекъ, и успе, и уже нѣтъ его для насъ. Да водворяется убо онъ, да начинаетъ радость и торжество свое въ селеніяхъ Твоихъ предъ лицемъ Твоимъ! Но сира и вдову пріемляй, пошли благодать Твою, исцѣляющую наши сердца, съ любовію пріемли пастыря во славу твою; и помянувъ жалость, съ коею оставлялъ онъ насъ сиротами, покровительствуй насъ; положи на сердце царево, которое,

давно будучи въ руцѣ Твоей, народамъ благотворить, дать намъ пастыря,—болѣе желать не дерзаемъ,—подобнаго Самуилу. Тако милостей Твоихъ и любви возлюбленнаго пастыря будетъ вѣчная память.

¹) Леванда, Іоаннъ Васильевичъ (1736—1814), протоіерей кіевскаго софійскаго собора. Слова и рѣчи его изданы въ 3 ч. (Спб. 1821), но не всѣ; притомъ, по замѣчанію митр. Евгенія, неисправно и даже не вездѣ согласно съ подлинникомъ (Словарь духов. писателей).

²) Леванда пользовался громкою извѣстностію, какъ проповѣдникъ. Эта извѣстность отчасти объясняется внѣшними качествами оратора; онъ имѣлъ открытый благородный видъ и удивительную способность произносить. Слово на погребеніе Самуила было читаемо по всей Россіи и признано образцовымъ. Вигель, бывшій на похоронахъ архипастыря, говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго; но что со мною было, когда протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился ко гробу и началъ произносить рѣчь свою! Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои говорилъ онъ еще лучше, нежели писалъ. Въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа (Рус. Вѣст. 1864 № 1).

МИХАИЛЪ ДЕСНИЦКІЙ. (¹).

БЕСѢДА О ТОМЪ, ЧТО ЕСТЬ ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХЪ. (²).

Се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся. Вскорѣ, во мгновеніи ока въ послѣдней трубѣ; вострубитъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся (1 Кор. 15 — 51, 52).

Какъ ежегодно, по окончаніи жестокія зимы и при наступленіи пріятныя весны,—ежегодно привозвращеніи и приближеніи солнца къ нашей поверхности земнаго шара всегда великая бываетъ перемѣна; именно: силою сего приблизившагося къ землѣ великаго свѣтила вся низшая натура воскресаетъ, всѣ земныя вещи, и растенія, и нѣкоторыя животныя какъ-бы полумертвыя, а иногда и мертвыя оживаютъ и къ дѣйствованію новыя силы получаютъ, и при сихъ новыхъ силахъ новое растеніе, новое цвѣтеніе и новое плодотвореніе произносятъ: такимъ точно образомъ, и по прошествіи жестокой зимы послѣднихъ антихристовыхъ скорбей, и при вторичномъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Богочеловѣка, въ міръ сей, при возвращеніи великаго духовнаго Свѣтила, Солнца правды, въ полномъ сіяніи и свѣтѣ, въ неизреченномъ великолѣпіи и славѣ,—при возвращеніи, говорю, сего Свѣтила къ нашему земному кругу, всѣ разумныхъ тварей низшія части, всѣ человѣческія мерт-

*

вия тѣла сокровенною силою Его оживутъ, воскреснутъ, возстанутъ, новый видъ, новую жизнь и новыя дѣйствія получатъ.

Но что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ оно состоять будетъ,—сіе мы при благосклонномъ вашемъ вниманіи разсмотримъ въ настоящей бесѣдѣ.

Что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ будетъ состоять существенность его? На сіе мы не можемъ дать лучшаго разсужденія и имѣть яснѣйшаго свидѣтельства и достовѣрнѣйшаго доказательства, кромѣ примѣра воскресенія самого же Спасителя нашего Іисуса Христа. Онъ воскресеніемъ своимъ доказалъ, что и наше воскресеніе возможно, и безъ сомнѣнія будетъ; Онъ ученіемъ своимъ изъявилъ, когда оно будетъ; Его-же самого примѣръ можетъ научить насъ, чтò оно такое будетъ.

И такъ чтобы намъ узнать, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе, то разсмотримъ, въ чемъ состояло славное воскресеніе Христово.

Въ чемъ-же оно состояло?

Воскресеніе Христово въ томъ состояло, что Онъ, яко совершенный человѣкъ, будучи преданъ отъ Іуды, мученъ и распятъ отъ іудеевъ, умерши на крестѣ, снятъ со древа и положенъ во гробъ,—что Онъ послѣ своей смерти, бывши по Божеству со Отцемъ на небеси, человѣческою душею во адѣ, а мертвымъ тѣломъ во гробѣ, явилъ свою божественную силу,—что Онъ, паки вышедши душею изъ ада и выведши съ собою бывшихъ во адѣ и съ вѣрою ожидавшихъ Его, соединилъ душу свою съ тѣломъ своимъ, по трехъ днехъ оживилъ оное, возставилъ, воскресилъ силою Божества своего,—Онъ, воскресивъ плоть свою и соединивъ съ Божествомъ, паки явилъ себя истиннымъ Богочеловѣкомъ.

Возставилъ-же Онъ изъ гроба плоть свою уже не такою, какова Она была прежде, но гораздо благороднѣйшею и величественнѣйшею, возставилъ совсѣмъ въ отмѣнномъ видѣ. Плоть Его прежде, такъ какъ и прочихъ человѣковъ, была подвержена земной чувственности и земнымъ склонностямъ, хотя Онъ и не послѣдовалъ чувственности, но владѣлъ оною: послѣ-же смерти и послѣ воскресенія чувственность сія отпала, и земныя склонности существовать въ ней перестали и уничтожились. Плоть его прежде была видима, осязаема: въ воскресеніи-же учинилась невидимою, тончайшею, изъ земной и плотской тѣломъ небеснымъ, духовнымъ; кратко, такою, что могла и видима и осязаема быть отъ учениковъ, и невидима и неосязаема, грубыми тѣлами неодержима, всюду проходна; она имѣла видъ плоти и костей, когда Ѳома осязалъ, имѣла видъ и духа, когда пришелъ *Господь ко ученикамъ дверемъ затворeннымъ* (Іоан. 20.—19, 27). Плоть Его прежде была *немощна, душевна*, страда-

ніямъ и смерти подвержена: въ воскресеніи-же возстала *нетлѣнною*, *сильною*, *безсмертною*, *славною*, *духовною* (1 Кор. 15 —42, 43, 44), прославленною, въ божественный свѣтъ облеченною, словомъ, такою, которая совершенно способна была вознестися съ Божествомъ Сына на небеса, вступить въ ангельскія, безплотнымъ духамъ приличныя мѣста, и сѣсть одесную самого Небеснаго Отца.

Вотъ въ чемъ состояло воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа! А когда Его воскресеніе въ сихъ состояло дѣйствіяхъ, то весьма правильное можно сдѣлать изъ того заключеніе, что и наше воскресеніе будетъ состоять въ подобной перемѣнѣ и въ подобныхъ дѣйствіяхъ. И именно:

Когда паки возсіяетъ солнце правды на горизонтѣ сего видимаго міра; когда паки пріидетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на землю сдѣлать послѣднее въ разсужденіи человѣческаго состоянія рѣшеніе, пріидетъ или наградить, или наказать каждаго по дѣламъ его, пріидетъ и повелитъ святымъ ангеламъ трубнымъ гласомъ воззвати мертвыхъ: тогда, такъ какъ при началѣ міра по произнесеніи устами Божіими вседѣйствующаго слова сего, *да будетъ*, *да будетъ свѣтъ*, и всѣ вещи, все и *бысть* (Быт. 1. 3), всѣ вещи явились, всѣ изъ небытія въ бытіе произошли и существованіе получили, — тогда, говорю, послѣ ангельскаго трубнаго гласа силою всемогущаго Бога всѣ отъ начала міра умершихъ человѣковъ тѣла, землѣ преданныя, согнившія, на стихіи свои раздѣлившіяся, въ огонь, въ воду, въ воздухъ и въ землю преобратившіяся, тѣла въ водѣ потонувшія и въ огнѣ сгорѣвшія, всѣ мертвыя тѣла малыя и великія, мужскія и женскія, паки составятся изъ тѣхъ частей, которыя прежде имѣли и на которыя раздѣлились: отдадутъ бо стихіи взятыя отъ нихъ части, *огонь, и море, и смерть, и адъ отдадутъ мертвецы своя*, всѣ сухія кости получатъ жилы, облекутся плотію, оживотворятся духомъ, соединятся паки съ душами своими, съ которыми разлучились при смерти, соединятся и возстанутъ изъ гробовъ, воскреснутъ мертвіи, и изыдутъ, и станутъ предъ престоломъ нелицепріемнаго судіи, *воскреснутъ, и судъ пріимутъ отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ своимъ* (Апок. 20. 13).

Воскреснутъ мертвіи, возстанутъ умершихъ тѣла; но возстанутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ они находятся нынѣ отъ паденія. Нынѣ они грубы, тверды, тяжестны, тлѣнны, немощны, смертны, видимы, земны; но возстанутъ въ общее всѣхъ воскресеніе совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ видѣ отмѣнномъ отъ сего. Они вмѣсто грубыхъ будутъ утонченными, вмѣсто твердыхъ прозрачными и всюду проходными, вмѣсто тяжелыхъ легкими, скоро парящими, такъ что въ единое мгно-

веніе ока отъ всѣхъ странъ вселенныя яко жеорли соберутся предъ престолъ Божій. Они вмѣсто тлѣнныхъ будутъ нетлѣнными, вмѣсто немощныхъ сильными, вмѣсто смертныхъ безсмертными, вмѣсто видимыхъ тѣлеснымъ очамъ невидимыми, вмѣсто земныхъ и плотскихъ точно небесными и духовными.

Однакожъ при всей таковой перемѣнѣ своей они будутъ не привидѣніями какими или зракомъ, и не духами, но будутъ истинными тѣлами, виды тѣхъже человѣковъ имѣющими; а только будутъ они истинными тѣлами, духовными. Ибо апостолъ Павелъ, свидѣтельствуя о воскресеніи мертвыхъ, говоритъ: *сѣется теперь тѣло въ тлѣніе, востанетъ въ нетлѣніи; сѣется въ немощи, востанетъ въ силѣ; сѣется не въ честь, востанетъ въ славѣ; сѣется тѣло душевное*, плотское, *востанетъ тѣло духовное. Есть бо тѣло душевное, и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15—42, 43, 44).

Въ семъ-то будетъ состоять воскресеніе наше! Въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что тѣла наши изъ мертвыхъ воскреснутъ, оживутъ, востанутъ изъ гробовъ, изыдутъ изъ земли;—въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что они изъ грубыхъ, земныхъ, тлѣнныхъ, плотскихъ учинятся тончайшими, какъ-бы совершенно небесными, нетлѣнными, безсмертными, духовными; — въ сей перемѣнѣ будетъ состоять наше изъ мертвыхъ воскресеніе.

И въ сей перемѣнѣ будутъ участвовать не только мертвые, отъ начала міра и до того времени умершіе люди, но и самые живые, тѣ, которые живыми останутся въ сей послѣдній часъ, тѣ, которыхъ въ живыхъ постигнетъ страшный день Господень. Ибо живые, имѣющіе дожить и дождаться втораго славнаго пришествія Христова, уже не умрутъ въ то время: смерти бо наружной не будетъ къ тому. Но понеже невозможно имъ будетъ съ грубою плотію своею вступить въ духовное царство, то для сего вмѣсто наружной смерти воспослѣдуетъ въ наружномъ человѣкѣ ихъ сія всеобщая воскресенія перемѣна. То есть, когда живые также, какъ и мертвые, услышать трубный ангельскій гласъ, услышать громогласную послѣдняго часа вѣсть: тогда какъ мертвые яко отъ сна возстанутъ и увидятъ себя совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ образѣ духовныхъ существъ, такъ и живые, якобы отъ малаго сна воспрянувъ, увидятъ себя совершенно въ другомъ образѣ, въ другомъ положеніи и въ другихъ чувствованіяхъ. Понеже живые хотя въ то время уже и не умрутъ, однакоже измѣнятся; *вси таковые не успнутъ, вси же измѣнятся* (1 Кор. 15. 51), всѣ совершенно перемѣнятся.

Сіе грубое тѣло, яко толстая одежда, тогда какъ-бы спадетъ,

и плоть сдѣлается утонченною, чувственность вся отойдетъ, плотскія похоти уничтожатся, страстныя склонности дѣйствовать престанутъ; и тако живые безъ смерти увидятъ на себѣ смерть, не умерши узрятъ себя и по наружной части своей, по самому тѣлу, новыми человѣками, духовными тварями. Ибо тѣла, отложивъ плотскія склонности, скинувъ съ себя чувственность и тлѣніе, облекутся въ нетлѣніе; оставивъ мертвенность, воспріимутъ безсмертіе; такъ-же какъ и мертвыхъ тѣлеса учинятся духовными, всюду проходными и способными къ вѣчному пребыванію въ духовномъ царствѣ.

Въ какомъ удивленіи и изумленіи будутъ находиться тогда человѣки, увидѣвъ себя въ новомъ видѣ, въ новомъ положеніи и въ новомъ состояніи! Какимъ страхомъ объяты они тогда будутъ, ожидая себѣ послѣдняго Господняго рѣшенія, ожидая определительнаго отъ Господа повелѣнія, во что еще облещися, куда идти и гдѣ пребывать,—ожидая, говорю, во что Господь повелитъ еще облещися сему новому тѣлу, во свѣтъ или во тьму, въ честь или въ безчестіе, въ славу или въ поношеніе,—ожидая, куда Господь повелитъ идти, въ превыспренняя небеса или въ преисподняя мѣста, въ рай или во адъ, въ царство Божіе или во область сатаны,—ожидая, гдѣ Господь повелитъ пребывать, горѣ или долу, одесную себя или ошую, предъ престоломъ своимъ въ вѣчномъ благѣ или у человѣкоубійцы и мучителя діавола въ безконечномъ злѣ.

Поистинѣ великимъ страхомъ объяты будутъ всѣ тако измѣнившіеся человѣки, ожидая сего послѣдняго отъ Господа опредѣленія. Ибо всѣ вѣрующіе человѣки и нынѣ изъ Слова Божія знаютъ, что *иные воскреснутъ въ воскрешеніе живота, а другіе въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5. 29); *иные въ жизнь вѣчную, другіе же въ укоризну и въ стыдѣніе вѣчное* (Дан. 12. 2.); *иные просвѣтятся аки свѣтлость тверди, какъ звѣзды, или якоже самое солнце на вѣки* (Матѳ. 13. 43), а другіе помрачатся, какъ самая густая, черная тьма. А тогда еще гораздо яснѣе познаютъ, живѣе почувствуютъ и сильнѣе увѣрятся, что послѣдствіе за воскресеніемъ ихъ точно двоякое будетъ: одно славное, другое безчестное, одно во свѣтъ, другое во тьму, одно въ вѣчный животъ, другое въ безконечную смерть.

Всѣ, возставшіе и обновившіеся, человѣки объяты будутъ великимъ страхомъ, безъ всякаго сомнѣнія ожидая, что Господь Богъ, праведный судія, сказавъ послѣднее всѣмъ общее опредѣленіе, то есть праведнымъ: *пріидите ко Мнѣ благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ созданія міра;* грѣшнымъ-же: *отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и анге-*

ломъ его (Матѳ. 25 — 34, 41) — сказавъ, говорю, сіе, тотчасъ силою всемогущества своего первыхъ дѣйствительно во свѣтъ облечетъ, другихъ во тьму преобратитъ; первымъ свой образъ сообщитъ, другимъ видъ сатаны дастъ; первыхъ съ собою въ царство Божіе введетъ и пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ благословитъ, другихъ, связавъ узами мрака, ввержетъ во адъ и въ ономъ вѣчно мучиться назначитъ.

А наипаче страшно будетъ ожидать отъ Господа такого опредѣленія тѣмъ, которымъ совѣсть, внутренній судія, не будетъ подавать ни малѣйшаго оправданія предъ Богомъ, и посему не будетъ сообщать упованія на полученіе перваго, но станетъ только угрожать послѣднимъ. Таковые прежде еще Христова изреченія тьмою покроются и начнутъ адски мучиться. Какъ-же скоро изречетъ Господь опредѣленіе свое, тотчасъ уже, совершенно въ густѣйшій мракъ облекшися, *и идутъ сіи въ муку вѣчную*; *праведницы же*, одѣвшися во свѣтъ, идутъ *въ животъ вѣчный* (Матѳ. 25, 46) Аминь!

[1]) Михаилъ Десницкій (1761—1821), митрополитъ новгородскій и с. п. бургскій, обучался въ виѳанской семинаріи; съ 1782 г., поступилъ въ филологическую семинарію, устроенную «Дружескимъ ученымъ обществомъ», гдѣ слушалъ лекціи философіи и новыхъ языковъ (фран. и нѣм.); богословіе же слушалъ въ Московской Духовной Академіи. Съ 1785 г. былъ священникомъ въ московскомъ храмѣ Іоанна Воина и своими проповѣдями обратилъ на себя вниманіе любителей христіанскаго ученія. Въ 1796 г. вызванъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ число придворныхъ пресвитеровъ. Принялъ монашество 1799 г. Въ 1802 г. поставленъ въ епископа старорусскаго; въ 1803-мъ переведенъ въ черниговскую губернію и въ 1806 г. пожалованъ архіепископомъ; въ 1815-мъ управлялъ псковскою епархіей; съ 1818 г. митрополитъ. Сочиненія Михаила имѣли 3 изданія: первое, въ 10 т. (1817 — 1820); второе, въ 9 т. (1822 — 1824); третье, въ 16 т. (1854—1857).

[2]) Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ состоитъ изъ 4-хъ ч.: а) приступа (сравненіе воскресенія природы, по прошествіи зимы и при наступленіи весны, съ воскресеніемъ мертвыхъ тѣлъ, по прошествіи зимы антихристовыхъ скорбей и при вторичномъ пришествіи І. Х.); б) предложенія (что есть воскресеніе мертвыхъ? въ чемъ оно состоять будетъ?); в) изложенія (въ немъ двѣ части: первая— разсмотрѣніе того, въ чемъ состояло воскресеніе Христово, вторая—разсмотрѣніе того, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе); г) заключенія (изображеніе удивленія и страха людей, когда они увидятъ себя въ новемъ видѣ).

XXXIV.

ЛАБЗИНЪ. (1).

О ЧТЕНИИ КНИГЪ (2).

Когда упадаетъ религія, упадаютъ съ нею и науки; ибо разумъ сбивается тогда съ прямаго пути и вступаетъ на распутія, ловитъ тамо мечты и грезы, и выдаетъ ихъ за истины, которымъ и покланяются поклонники разума.

Разумъ нашъ, и самъ по себѣ, удобенъ запутываться въ странныя заблужденія, а заблужденія другихъ, разсѣваемыя въ многочисленныхъ книгахъ, разстилаютъ ему новыя сѣти. Кто не испыталъ на самомъ себѣ, сколько онъ понесъ вреда отъ того только, что читалъ, не имѣвъ еще способности дѣлать разборъ книгамъ! Мы не боимся выговорить сего слова; ибо способность сія не состоитъ въ природныхъ дарованіяхъ, но пріобрѣтается ученіемъ и навыкомъ, и—удобнѣе всего—руководствомъ опытныхъ людей. Вольтеровы софизмы, напримѣръ, легко разсыпаются предъ осторожнымъ умомъ, не увлекаемымъ прелестію новизны, блескомъ игривыхъ мыслей и красивыхъ словъ; а Гельвеціевы умствованія такъ приноровлены къ обыкновенному человѣческому разуму, что и самый разсудительный читатель обольститься иногда ими можетъ. При сихъ преткновеніяхъ, если они невольныя, удобно ощутишь, сколь нуженъ свѣтъ откровенія равно и для разума, какъ для сердца!

Еще сочинитель книжки, называемой «2440 годъ», замѣтилъ, что «науки въ книжномъ лабиринтѣ кружились только вокругъ и всегда возвращались къ прежней точкѣ, отъ которой пошли, и что богатство книжное служитъ только къ закрытію нищеты разума». А потому и совѣтуетъ онъ: всѣ книги, которыя найдутся или глупыми или вредными, или опасными, предать торжественно на всесожженіе въ умилостивительную жертву добродѣтели и истинѣ.

Мы не такіе охотники до auto da fe, какъ г. Мерсье, который и самъ послѣ на яву бредилъ; однакожъ признаемся, что когда посмотришь на множество выходящихъ въ свѣтъ книгъ, то иногда приходитъ искушеніе пожелать имъ чистилища.

До изобрѣтенія книгопечатанія, одни творенія великихъ умовъ, или особливыхъ геніевъ, разносились въ народѣ и сохранялись въ памяти, преданіяхъ и лѣтописяхъ: прочія же рѣдко пользовались сею честію. Тогда писалъ только тотъ, кто имѣлъ особенныя дарованія, и тогда книга была плодъ глубокаго размышленія и опыта, и была дѣйствительно подарокъ для человѣчества; чувство и истина были видны на каждомъ

листѣ ея: потому-то сіи книги пережили вѣки, не смотря на непостоянство разума человѣческаго, не смотря на политическія превратности, не смотря на разность обычаевъ и языковъ разныхъ народовѣ.

Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, знанія полились рѣкою во всѣ концы и быстрымъ своимъ потокомъ испровергли многія знанія ума, подмыли и подрыли самыя основанія долголѣтнихъ опытовъ и наводненіемъ своимъ иныя мѣста запрудили, другія опустошили. Мелочи всплыли на верхъ и скрыли подъ собою не мелочныя произведенія; люди стали ловить что всплывало, а что всплывало, то стало ловить людей; родилась страсть къ писанію, явились подражатели и кописты, явились подражанія подражаніямъ и копіи съ копій, а оригиналы исчезли, и творческій умъ какъ бы притиснутъ сталъ типографскимъ станкомъ.

Прежде, страсти и заблужденія имѣли свой предѣлъ; развратникъ и заблужденный могъ заражать только свой кругъ, свой вѣкъ, и пороки его исчезали и погребались вмѣстѣ съ нимъ во гробѣ; злоупотребленіе же книгопечатанія увѣковѣчило развратъ и глупости, посрамляющія человѣчество, и воздвигло имъ памятники. Все, что только исходитъ изъ разгоряченной головы какого либо бумагомарателя, все то печатается, обнародывается, разсылается и идетъ во всѣ страны свѣта заражать и будущее потомство отдаленныхъ краевъ. Одному вздумается испровергать вѣру, другой захочетъ потрясти столбы законовъ, третій передать свои грезы, четвертый порочныя ощущенія сердца, и все это читается, поглощается: читается слабыми умами, поглощается страстными сердцами. Повѣримъ ли, что самыя нелѣпости были уважаемы? что былъ писатель, который доказывалъ даже, что хлѣбъ есть самый ядъ для человѣка, и ядъ есть наилучшая его пища? И сей писатель былъ изъ высокоименитыхъ. Онъ такъ извѣстенъ, что называть его именемъ нѣтъ нужды (а). Каковы же мы, просвѣщающіеся отъ такихъ писателей? Чего мы ищемъ, дивяся таковой мудрости? И что собственно даетъ именитость и славу таковымъ писателямъ? Вольтеръ больше выигралъ тѣмъ, что смѣшилъ, нежели что училъ; что забавлялъ, а не что наставлялъ. Смѣяться и забавляться сколько охотниковъ! А разсуждать? а мыслить? Шуты и балагуры и между писателями пройдутъ далѣе, пройдутъ всюду: вотъ дверь къ счастью и писателя, буде кто такого счастья желаетъ!

Первыя сочиненія въ древности были піитическія. Хотя оныя состояли изъ простыхъ стиховъ, но сіи простенькія стихотворенія посвящены были Божеству и нравоученію; тогда поэзія была наука, а учителемъ ея сама натура; нынѣ

а) Лингетъ.

же и наука и натура стали романъ, вымышленное похожденіе. Таковыя науки и ихъ разсадники—библіотеки — задавили природный умъ въ человѣкѣ и нарядили его въ чужія дарованія, которыми онъ и тщеславится, какъ въ баснѣ ворона павлиными перьями. Великіе люди всякаго столѣтія выходили не изъ школъ и училищъ, а образовались сами. Гомеры не имѣли библіотекъ, а почерпали истину изъ натуры, изъ глубины сердца человѣческаго, и чрезъ то пріобрѣтали ту силу, которая сдѣлалась свѣтильникомъ другимъ умамъ. Минины, Пожарскіе были, когда не было воспитательныхъ институтовъ. Школы, училищныя и воспитательныя заведенія служатъ вспомогательными средствами умамъ и сердцамъ, а сила и крѣпость оныхъ должна заключаться въ нихъ самихъ. Потому и надлежало бы оберегать сіи силы отъ разслабленія. Но гордость нынѣшняго вѣка состоитъ въ томъ, чтобы все прочесть; и библіотеки, выкладывая свои товары на показъ, часто производятъ тоже бѣдствіе, что и роскошные столы, уставленные тысячами различныхъ яствъ, подъ разными приправами, для одного желудка. Всякій ли желудокъ въ состояніи порядочно переварить все, что человѣкъ съѣстъ? Всякій ли также разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ? И какъ не занемочь? какъ не прибѣгнуть къ рвотному? — Какія же дурныя мокроты пойдутъ тогда изъ желудка! Такія же дурныя матеріи пойдутъ въ такомъ же случаѣ и изъ головы и сердца.

Какъ умѣренная и здоровая пища содержитъ въ здоровьѣ тѣло, такъ умѣренное и разсудительное чтеніе содержитъ въ здравости умъ. Но какъ прожорливый ѣстъ не для того, чтобъ утолить голодъ: такъ и мы читаемъ не для того, чтобъ научиться, но изъ любопытства, или чтобъ прогнать скучное время и укротить длинные часы; а литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ стряпанье свое всякимъ снадобьемъ, чтобъ расщекотать притупѣвшій вкусъ читателей.

И книги измѣняются, какъ модные товары, и ученые также суетны: и тѣ и другіе хотятъ по модѣ убирать голову и наряжаться въ модные цвѣта и въ платье новаго покроя; стараются также по модѣ мыслить, по модѣ говорить, по модѣ умствовать.

Чтеніе по справедливости не можетъ имѣть иной цѣли, какъ только открывать истину; когда же мы въ чемъ обрѣли ее, то другія книги о томъ будутъ уже лишними. Истина есть та высокая цѣль, на которую ученые и писатели должны метить. Натура выставила ее для испытанія стрѣлковъ: каждый отваживается пустить въ цѣль свою стрѣлу; но изъ пущенныхъ стрѣлъ одна далеко не долетаетъ, другая отлетаетъ въ сторону, третья падаетъ

у самой цѣли. Но стрѣлкомъ почитается тотъ, кто попадетъ въ цѣль, и если я нашелъ такого, то что мнѣ нужды до тысячи другихъ стрѣлковъ, опоражнивающихъ свои колчаны по пустому?— Такъ и многое чтеніе есть иногда напрасная трата времени, значитъ малое уваженіе истины и малую склонность къ разсужденію; значитъ, что хотятъ не насыщаться, а пресыщаться и лакомиться: лакомство же и обжорство столь же вредно и для разума, какъ и для желудка, и разборъ въ пищѣ и того и другаго весьма полезенъ и нуженъ.

Мы сказали въ началѣ, что когда падаетъ религія, тогда упадаютъ и науки, и настаетъ варварство. Нужно ли на сіе доказательство? Во всѣхъ временахъ и у всѣхъ народовъ такъ бывало; новѣйшій же примѣръ намъ Франція. Когда отступничество отъ вѣры содѣлалось въ ней правомъ гражданскимъ, какіе наступили нравы, какое настало варварство и въ сердцахъ и умахъ! Академіи и университеты истреблялись такъ же, какъ церкви и парламенты; славный Лавуазье кончилъ жизнь такъ же на эшафотѣ, какъ и добродѣтельный Мальзербъ, какъ и многіе служители вѣры. Злонравному на что просвѣщеніе и науки? Онъ либо во зло употребитъ ихъ, либо вознерадитъ о нихъ. Добронравнымъ же безъ религіи никто быть не можетъ: религія должна быть въ человѣкѣ непремѣнно, и религія истинная — христіанская. Христіанская нація не можетъ уже обратиться въ языческую, такъ чтобы сохранила и добрые нравы, ибо переходъ сей будетъ паденіе, а не возстаніе: паденіе же не есть благополучіе. И такъ христіанская нація, упадая въ язычество, не можетъ быть ни благонравною, ни благополучною, по естественной причинѣ и по непреложному закону: точно такъ, какъ птица, летающая по воздуху, не можетъ жить въ водѣ, хотя рыба тамъ и живетъ спокойно. Чрезъ сіи наши замѣчанія мы хотимъ сказать, что чтеніе книгъ, подкапывающихъ вѣру и нравы, по истинѣ вредно; что ложное просвѣщеніе, проліявшееся всюду, есть та рѣка, которая стремится поглотить истину, хотящую породить намъ мужественное чадо и бѣгущую для того изъ градовъ въ пустыни и степи; наконецъ, что состояніе человѣчества, по нынѣшнему невѣрію, находится въ такомъ же отношеніи, въ какомъ было прежде по суевѣрію, и переломъ необходимо послѣдовать долженъ; и избавленіе какъ отъ невѣрія, такъ и отъ суевѣрія, безъ сомнѣнія добрымъ сердцамъ желательно.

Чтожъ изъ сего слѣдуетъ? — Каждому надлежитъ размыслить въ сердцѣ, поискать истиннаго блага и обратиться къ вѣрнѣйшему пути, Божественной религіи, которая даритъ человѣка истинною нравственностію. Нужны, при этомъ, полезныя книги.

Книги предъ словеснымъ объясненіемъ могутъ имѣть преиму-

щество то, что, во 1-хъ, въ нихъ матерія лучше можетъ быть выработана и объяснена, нежели на словахъ въ разговорѣ; во 2-хъ, что чрезъ книги можно говорить съ бо̀льшимъ числомъ людей, нежели чрезъ словесныя бесѣды, и можно быть полезнымъ пріятелю и непріятелю, знакомому и незнакомому, и отдаленному потомству; въ 3-хъ, чрезъ книги говорить можно прямѣе и слушать терпѣливѣе. Въ книгѣ можетъ меня наставлять и тотъ, кого бы гордость моя и слушать не стала, если бы онъ заговорилъ; и можно высказать и то, что житейскія приличія и разныя обстоятельства выговорить запрещали бы. Особливо, когда я точно не знаю автора, тогда я наиболѣе бываю безпристрастенъ, и пріемлю ли, отвергаю ли что у него, точно и пріемлю и отвергаю по чувству и по понятію моему; а безъ того я часто отвергаю истину потому только, что мнѣ говоритъ *такой-то*, или уважаю что нибудь потому только, что сказалъ то *такой-то*: но въ такой истинѣ прямой истины нѣтъ.—Вотъ преимущество чтенія предъ разговоромъ; но вотъ также и невыгоды его.

Слѣдовательно и въ выборѣ чтенія полезно было бы руководство старшаго опыта. Издатель имѣлъ счастіе, бывъ еще 15 лѣтъ, предостереженъ быть отъ такихъ преткновеній благодѣяніемъ одного просвѣщеннаго мужа, который въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгало изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ—казалось тогда—весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію, которую до того—если кто и не презиралъ вовсе—по крайней мѣрѣ почиталъ книгою, для церквей только потребною, для поповъ однихъ годною; а если кто и читалъ, то развѣ историческую только ея часть для любопытства, или много что для примѣра въ поведеніи; впрочемъ никто къ чтенію Библіи не увѣщевался, и никто не предполагалъ, что Библія служитъ даже и къ просвѣщенію разума; напро-

тивъ того самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей изъ набожности за то, что читалъ Библію и прелагалъ въ стихи плачъ Іереміинъ.

Направленіе, которое далъ умамъ и сердцамъ сей благодѣтельный мужъ, открылось въ силѣ и дѣйствіи. Вдругъ явились любители, стали искать духовныхъ книгъ и, по малому тогда числу у насъ оныхъ, стали искать людей, которые бы взялись переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ. Нашлись охотники трудиться, охотники жертвовать сему дѣлу своимъ имуществомъ. Я говорю *жертвовать*, въ точномъ смыслѣ сего слова: ибо число читающей публики было тогда такъ мало и число самыхъ предметовъ чтенія такъ ограниченно, что библіотеку каждаго, кто имѣлъ оную, легко было перечесть всю наизусть. Въ цѣлой Москвѣ существовала одна только университетская типографія, и та стояла почти безъ дѣла: книжныя—не лавки, но лавочки—были только на Спасскомъ мосту; новая книга была тогда рѣдкость, и наконецъ весь запасъ чтенія состоялъ изъ однихъ романовъ и нѣсколькихъ историческихъ книжекъ, такъ что предпріятіе печатанія книгъ духовнаго содержанія не только не представляло никакихъ выгодъ, но еще вело къ явнымъ убыткамъ, ибо надлежало родить прежде въ читателяхъ новый вкусъ. Я помню, какъ одинъ любитель чтенія, пришедши въ университетскую книжную лавку купить новенькихъ *хорошенькихъ* книжекъ и находя въ оной творенія Августина, Ѳомы Кемпійскаго и подобныя, съ досадою вышелъ вонъ и пошелъ къ содержателю типографіи съ выговоромъ: для чего нынѣ не печатаются хорошія книги?—Какія подъ симъ названіемъ вы разумѣете? спросилъ скромно хозяинъ гостя. «Напримѣръ: *Маркизъ Глаголь*, *Клевеландъ*, *Желѣзная Маска*, *Дѣвица Гарви*,» отвѣчалъ посѣтитель.—«Что дѣлать—отвѣчалъ смиренно содержатель типографіи — мы печатаемъ то, что переводчики намъ принесутъ, а нынѣ они такихъ книгъ намъ не приносятъ: но за неимѣніемъ такихъ, какихъ вы желаете, прошу принять отъ меня, какія есть,» и—отпустилъ его съ связкою духовныхъ книгъ. И такъ, кромѣ издержекъ на плату переводчикамъ и на печатаніе книгъ, надлежало еще дарить книгами и богатыхъ людей, чтобы пріучить ихъ къ чтенію оныхъ. Таковы выгоды представляло сіе предпріятіе, и однакожъ нашлись люди, которые для общаго блага согласились и на потери.

Предпріятіе сіе благословлено было свыше. Книги духовнаго содержанія стали выходить на нашемъ обыкновенномъ языкѣ одна за другою и, такъ сказать, пролились рѣкою; хотя по несовер-

шеству, сопряженному съ началомъ всякаго дѣла, по неимѣнію еще хорошихъ переводчиковъ и по самой поспѣшности изданія оныхъ, являлись они въ весьма неисправныхъ переводахъ (а). Сія скоропостижная перемѣна обратила на себя вниманіе всей публики и — какъ обыкновенно со всякою новостію бываетъ—сужденія пошли самыя пристрастныя, самыя непріязненныя. Извѣстно, что сіи люди, за дѣло сіе, потерпѣли не только хулы и порицанія, но и самые тяжкіе кресты— печать, коею ознаменовываются истинно христіанскіе подвиги по обреченію самого Господа (Іоан. XV. 19; Матѳ. X. 22).

Но дѣло самое подъ крестами созрѣвало: вкусъ образовался, охотники до сего чтенія, охотники трудиться надъ переводомъ таковыхъ книгъ размножались; и теперь, ежели кто читаетъ оныя,— хотя бы и на иностранныхъ языкахъ,—то симъ чтеніемъ и тѣмъ случаемъ, что онъ узналъ о таковыхъ книгахъ и что онѣ вошли въ Россію, по справедливости обязанъ онъ тому пламенному усердію и твердости духа, которые оказали въ началѣ предпринявшіе сіе дѣло во имя Божіе и въ упованіи на милость Его, для пользы братій своихъ.

Какая поразительная перемѣна произошла отъ того въ 30 лѣтъ! Вмѣсто одной академической типографіи здѣсь и университетской въ Москвѣ, сколько теперь имѣемъ мы типографій и въ другихъ городахъ, и сколько появилось книжныхъ лавокъ! Вмѣсто того, что святая Библія считалась за книгу, которую будто бы читать опасно и которую только въ церквахъ для формы предлагать можно— нынѣ всякому стараются доставить ее въ руки по цѣнамъ самымъ дешевымъ, или даже даромъ, такъ что въ пословицу вошло говорить, что *теперь нѣтъ ничего дешеваго кромѣ Библіи*. Нынѣ Новый Завѣтъ переводится на простой русскій языкъ. Какія важныя отъ того происходятъ и произойти еще могутъ послѣдствія, издатель во свидѣтельство того приведетъ нѣсколько строкъ изъ письма къ нему одного корреспондента его по Библейскому обществу, изъ такого отдѣленія, которое учредить было весьма трудно и въ которомъ теперь открывается совсѣмъ иное. Вотъ что сей корреспондентъ пишетъ:

«По письменнымъ и словеснымъ требованіямъ, и по усмотрѣннымъ надобностямъ, оказалось, что намъ нужно немедленно выписать 500 стереотипныхъ и 100 листовыхъ Библій. Слава Богу! Воля Его, Духомъ Святымъ о Христѣ, приводится въ дѣйствіе. Вмѣсто картъ и шашекъ, и другихъ, въ отвращеніе скуки, упражненій праздности, занимаются здѣсь и должностные, и торговые, и промыш-

---

а) Въ примѣръ искусства тогдашнихъ переводчиковъ приведу я одно то, что титулъ римскаго сената, patres conscripti, переводимъ тогда былъ: *отцы сонаписанные*.

шленные люди и заключенные въ тюрьмахъ и острогѣ, чтеніемъ и слышаніемъ Слова Божія. 130 экземпляровъ Московскаго изданія, присланные вами, расхвачены у насъ, какъ и первые; почему покорнѣйше прошу отправленіе требуемыхъ вновь привесть немедленно въ исполненіе.»

[1]) Лабзинъ, Александръ Θеодоровичъ (1766—1824), обучался въ Московскомъ университетѣ и съ молодыхъ лѣтъ принадлежалъ къ обществу Новикова. На шестнадцатомъ году (1782) онъ слушалъ приватныя лекціи профессора Шварца, произведшія на него сильное вліяніе, о которомъ онъ черезъ 35 лѣтъ воспоминалъ съ благодарностью, въ статьѣ: «О чтеніи книгъ» (Сіонскій Вѣстникъ, 1818, февраль). Того же 1782 г. Лабзинъ, вмѣстѣ съ другими питомцами университета, трудился по изданію «Вечерней Зари»—журнала, служившаго продолженіемъ «Утреннему Свѣту». Переводы свои онъ помѣчалъ буквами: *У. М.*, что значитъ «ученикъ масоновъ». Эта подпись была сохранена имъ и въ послѣдствіи (а). По окончаніи университетскаго курса, Лабзинъ поступилъ на службу переводчикомъ при московскомъ губернскомъ правленіи, потомъ служилъ при университетской конференціи и отсюда перешелъ въ секретную экспедицію петербургскаго почтамта. Въ 1799 г. былъ опредѣленъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ. Императоръ Павелъ I, принявъ на себя званіе гроссъ-мейстера Мальтійскихъ кавалеровъ, наименовалъ Лабзина исторіографомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и повелѣлъ ему составить полную его исторію. Она вышла въ 5 ч. (1799—1801), и послѣдняя часть посвящена Александру I. Занимая должность въ академіи, Лабзинъ въ 1804 г. былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и въ томъ же году получилъ мѣсто директора департамента въ министерствѣ морскихъ силъ. Въ 1806 году издавалъ ежемѣсячный христіанско-нравственный журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», который остановился было на четвертой (апрѣльской) книжкѣ, но покровительство и доброжелательство нѣкоторыхъ важныхъ особъ спасли его, какъ объявлялъ самъ издатель. Послѣ того вышло еще четыре книжки (съ мая по сентябрь), и журналъ былъ прекращенъ, по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ воли издателя зависѣвшимъ». Огорченный издатель писалъ къ знаменитому въ то время нѣмецкому мистику Штиллингу и получалъ отъ него утѣшенія и совѣты. Это мы узнаемъ отъ самаго Лабзина, въ 14-ой книжкѣ (1807) переведеннаго имъ Штиллингова сочиненія: «Угрозъ Свѣтовостоковъ». Авторъ, жалуясь на то, что профессорская каѳедра мѣшаетъ ему заниматься христіанскими сочиненіями, которыми онъ могъ бы приносить гораздо больше пользы, чѣмъ лекціями, и что справедливѣе было бы отказаться отъ профессорства и жалованья, говоритъ: «Но чѣмъ же платить долги? Какой государь станетъ кормить тунеядца, хотящаго служить только для царствія Божія,—человѣка, покрытаго поношеніемъ за имя Христово, который отъ просвѣщеннаго свѣта считается архимечтателемъ и сумасбродомъ?» (стр. 80 и 81). При этихъ словахъ, переводчикъ сдѣлалъ въ выноскѣ обращеніе къ Штиллингу: «любезный Штиллингъ! не одинъ ты пользуешься честію сего поношенія. И ты самъ ободрялъ меня къ тому же въ дружескомъ письмѣ тво-

---

а) Другія его подписи «Безъеровъ», такъ какъ онъ не писалъ *еровъ*, а въ Сіонскомъ Вѣстникѣ: «Θеопемтъ Мисаиловъ».

емъ, за что и благодарю тебя». Какія именно особы (или особа) оказывали благосклонное покровительство издателю Сіонскаго Вѣстника, мы сказать не можемъ; знаемъ только, по воспоминаніямъ С. Аксакова изъ петербургской жизни 1808 г., что Лабзинъ былъ «великій братъ и начальникъ секты мартинистовъ» и что между нимъ и Н. Н. Новосильцевымъ «шла секретная переписка о Сіонскомъ Вѣстникѣ, которую читалъ самъ Государь». Въ періодъ времени, отъ прекращенія Вѣстника до возобновленія его (1806 — 1817), Лабзинъ занимался переводами сочиненій Бема, Эккартсгаузена, Штиллинга и другихъ мистическихъ книгъ. За эти труды онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, какъ выражено въ грамотѣ при пожалованіи ему ордена. Возобновленный Сіонскій Вѣстникъ началъ издаваться въ 1817 г. съ апрѣля, также по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, и посвященъ имени Спасителя: «Господу Іисусу Христу, бывшему, сущему и грядущему, вѣчному возродителю и обновителю всяческихъ, о Его же имени всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, прахъ и пепелъ, чающій обновленія своего, со всѣми купно припадая и поклоняяся, въ недостоинствѣ своемъ, съ трепетнымъ благоговѣніемъ сей трудъ свой и самого себя посвятить дерзаетъ». Въ числѣ особъ, подписавшихся на журналъ, стоятъ, въ первой же книжкѣ, имена Государя Императора и цесаревича Константина Павловича. Сіонскій Вѣстникъ 1818 кончился іюльской книжкой, такъ что изданіе его за три года составляетъ 8 частей, или 24 книжки. Покончивъ съ журналомъ, Лабзинъ снова принялся за переводъ мистическихъ сочиненій. Въ 1818 г., изъ конференцъ-секретаря академіи художествъ онъ былъ назначенъ ея вице-президентомъ. Въ 1822 г. былъ отставленъ отъ службы и высланъ изъ столицы въ Симбирскъ. По этому случаю архимандритъ Фотій, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ мистико-масонскаго направленія, въ письмѣ къ Д. А. Д—ой, говоритъ: «Помяни, о святая душе, гдѣ гордый Лабзинъ, отецъ и ересіархъ? Яко трава, яко прахъ погибе: то будетъ и дѣткамъ его нечестивымъ и буйнымъ». (Рус. Архивъ, 1863, вып. 4). Вотъ какъ Лабзина изобразилъ С. Аксаковъ: «Лабзинъ былъ средняго роста и крѣпкаго сложенія; выразительныя черты лица, орлиный взглядъ темныхъ, глубоко-знаменательныхъ глазъ, и голосъ, въ которомъ слышна была привычка повелѣвать, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Въ обращеніи онъ былъ совершенно простъ и любилъ употреблять рѣзкія, такъ называемыя тривіальныя или простонародныя выраженія, какъ напримѣръ: выцарапать глаза, заткнуть за поясъ, разорвать глотку и т. п.... Сейчасъ можно было замѣтить, что А. Ѳ. Лабзинъ — человѣкъ необыкновенно умный, властолюбивый, пылкій по природѣ, но умѣющій владѣть собою. Въ разговорахъ, онъ ни однимъ словомъ не обнаружилъ своего исключительнаго, мистическаго направленія; онъ не касался никакихъ духовныхъ предметовъ, и очень весело, остроумно, не скупясь на эпиграммы, разсуждалъ о дѣлахъ общественныхъ и житейскихъ.... Въ обращеніи его съ «братьями» слышенъ былъ тонъ господина, и «братья» относились къ нему почтительно, какъ будто къ существу высшей природы (Встрѣча съ мартинистами). Дополненія см. во 2-мъ т. Исторіи Рус. Словесности. О Лабзинѣ статья П. А. Безсонова (Рус. Арх. 1866 г.) и Академ. изд. Сочиненій Державина. т. I.

Сочиненія и переводы:

Торжественная пѣснь Екатеринѣ II на прибытіе въ Москву изъ путешествія въ Тавриду (1787).

Фигарова женитьба, ком. въ 5 д., Бомарше (1787).

Путешествіе младаго Костиса отъ Востока къ полудню, соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1801).

Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца, твореніе Карла Эктартсгаузена, 2 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1803).

Наставленіе мудраго испытанному другу, изъ сочиненій Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1803).

Отрывки изъ сочиненій Эккартсгаузена, перев. съ нѣм. (Спб. 1803).

Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ, соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1804).

Ключъ къ таинствамъ натуры, соч. Эккартсгаузена, 4 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1804).

Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ, изъ сочиненій Эккартсгаузена (М. 1804).

Диѳирамбъ на безсмертіе души, Делиля (1804).

Краткія нравоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства, пер. съ нѣм. изъ сочиненій Штиллинга (1805).

Приключенія по смерти, соч. Штиллинга, 3 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1805).

Угрозъ Свѣтовостоковъ, сочиненіе Іоанна Генриха Юнга, называющагося иначе Генрихомъ Штиллингомъ, 8 частей или 30 книжекъ (Спб. 1806—1815).

Сіонскій Вѣстникъ на 1806, 1817 и 1818.

Просвѣщенный Пастухъ, или духовный разговоръ одного благочестиваго священника съ Пастухомъ, въ которомъ открываются дивныя тайны божественной и таинственной премудрости, являемой отъ Бога чистымъ и простымъ душамъ (Спб. 1806).

Пастырское посланіе (Спб. 1806).

О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости, Эккартсгаузена (1811).

Обстоятельное извѣстіе о чудесномъ спасеніи вдовы генералъ-маіорши Н. М. при нашествіи на Москву французовъ въ 1812 г. (1812).

Наука числъ, соч. Эккартсгаузена, 2 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Christosophia, или Путь ко Христу, въ 9 книгахъ, твореніе Іакова Бема, прозваннаго тевтоническимъ философомъ, пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Побѣдная пѣснь, соч. Штиллинга, пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Путеводитель къ совершенству жизни христіанской, 2 ч. (Спб. 1816). Часть 1: Брань духовная, или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками, пер. съ франц. Часть 2: О внутреннемъ мирѣ, Амвросія Ломбеза, пер. съ фр.

Жизнь Генриха Штиллинга, истинная повѣсть, пер. съ нѣм., 2 ч. (Спб. 1816).

Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ Св. К. Пер. съ нѣм. (1816).

Молитвы, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ, для христіанской души, изданныя Карломъ Эккартсгаузеномъ, пер. съ нѣм. (Спб. 1817).

Послѣдніе дни Юнга Штиллинга, или шестая книжка его жизни, начатая имъ самимъ, а оконченная внукомъ и зятемъ его (Спб. 1818).

Слова воспоминанія о усопшемъ, незабвенномъ другѣ Іоаннѣ Генрихѣ Юнгѣ, прозванномъ Штиллингомъ, отъ нѣкоторыхъ друзей его (Спб. 1818).

Зеркало внутренняго человѣка, въ которомъ каждый себя видѣть, состояніе души своей познавать и исправленіе свое потому располагать можетъ, въ десяти картинахъ представленное съ объясненіемъ оныхъ. Пер. съ нѣм. (Спб. 1819).

[2]) Сіон. Вѣстн., 1818, февраль. Просвѣщенный мужъ, о которомъ говорится въ этой статьѣ, — профессоръ московскаго университета Шварцъ. Онъ читалъ въ 1782—83 г. два курса: одинъ публичный — «о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ», а другой приватный, у себя на дому для студентовъ фило-

логической семинаріи, по исторіи философіи. Лабзинъ, вѣроятно, слушалъ послѣдній курсъ, содержаніе котораго, по отзыву г. Ешевскаго (см. Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, въ 8 № Рус. Вѣст. на 1864 г.), проникнуто направленіемъ, отличающимъ масонскія сочиненія, такъ что лекціи Шварца могли служить лучшимъ приготовленіемъ къ масонству.

XXXV.

Ѳ. Н. ГЛИНКА. (1).

А. ЗАВѢТНАЯ КНИГА. (1821). (2).

Въ пустынѣ далекой былъ старецъ сѣдой,
Пещера въ утесѣ—жилище его;
И дубъ устарѣлый и кленъ молодой
Укромную келью, шумя, осѣняли;
И теплилась тихо на сумрачномъ сводѣ
Лампада; въ срединѣ налой, и на немъ
Лежала, какъ тайна, «завѣтная книга»,
И къ ней только старецъ одинъ прикасался.
Три части вмѣщала та книга въ себѣ;
Три разныя ленты тѣ части дѣлили:
Какъ свѣжая роза, алѣла одна;
Другая, какъ небо, была голубая;
Но черная третья, какъ врана крыло.
И съ каждымъ разсвѣтомъ пустынникъ-мудрецъ
Съ почтеніемъ къ книгѣ завѣтной подходитъ
И листъ, но не болѣ, читаетъ одинъ.
И онъ ужъ за черной прочитывалъ лентой;
Немного ему оставалось читать.
Читаетъ—и книгу, со вздохомъ, закрывъ,
Идетъ онъ, склоненный въ глубокую думу,
Какъ будто прощаться съ природой. — Такъ мирно
И тихо въ немъ жизнь погасала, какъ день
На ясномъ безоблачномъ небѣ.— И вотъ
Пришелъ къ нему гость изъ мятежнаго свѣта:
То юноша свѣжій, какъ цвѣтъ молодой;
Румянецъ пылалъ на лилейныхъ щекахъ,
И свѣтлыя искры сіяли въ очахъ,
И кудри играли вкругъ шеи прямой.
«Отецъ! благодатью святой осѣни
Пришельца изъ бурнаго свѣта. Открой
Высокую тайну; скажи мнѣ, мудрецъ,
Какъ въ мірѣ мятежномъ безъ бури прожить?
И гдѣ обитаетъ блаженство? скажи:
Гдѣ съ пылкой душою я счастье найду?
Пусть мудрости хладной созрѣлый совѣтъ
Кипящую жажду въ груди уголитъ.
Напой меня свѣтомъ вѣщаній святыхъ;
Открой, благодатный, мнѣ тайны судьбы
И жизни науку».—И старецъ въ отвѣтъ:

*

«О, посланный сердцу наслѣдникъ младой!
Приди, мой желанный! и тайну прими,
Высокую тайну... Въ сей книгѣ она:
Вся жизни премудрость въ сей книгѣ святой,
Завѣтной. Ты каждый читай ее день,
И листъ, но не болѣ, для каждаго дня.
Не болѣе, помни!»... Съ симъ словомъ почилъ,
Какъ тихій младенецъ, столѣтній мудрецъ,
И было преданье, что ангелъ пустынь
Восхитилъ земные останки его.
Вотъ ночь протекаетъ, какъ вѣчность... Съ зарей
Къ завѣтной подходитъ пылающій чтецъ
И къ розовой лентѣ душою летитъ.
Читаетъ—и сердце весельемъ зажглось:
Все розовымъ свѣтомъ сіяетъ въ очахъ;
Всѣ жилы, какъ струны, дрожатъ, и ключемъ
Кипитъ молодая, румяная кровь;
Улыбка играетъ на свѣжемъ лицѣ;
Онъ, кажется, слышитъ надежды привѣтъ
И голосъ знакомыхъ мечтаній: онъ весь
Восторгъ и желанье... Ужъ листъ пробѣжалъ
И далѣ, все далѣ, какъ вспыхнувшій огнь
При вѣяньѣ вѣтра на полѣ сухомъ;
И вотъ въ упоеньѣ всю первую часть
Прочелъ, поглотилъ онъ—и розовый свѣтъ
Угасъ, и поблекла улыбка... Онъ стихъ,
Но слышитъ онъ новый заманчивый гласъ:
«Все далѣе, далѣ!» Эѳиръ голубой
Сіяетъ, какъ небо, въ завѣтныхъ листахъ;
И все постояннѣй, и все тамъ вѣрнѣй,
И счастья обѣты слышнѣе, и цѣль
Вдали, за туманомъ, яснѣе горитъ...
Спокойнѣе взоры чтеца, но унылъ
И пасмуренъ сталъ онъ, когда перешелъ
За черную ленту... Тамъ вялая жизнь,
Какъ сонныя воды въ пустынныхъ брегахъ...
Прочелъ—и со вздохомъ воспомнилъ завѣтъ,
И тихо побрелъ онъ къ родной сторонѣ.
Но тамъ не надолго онъ гость у друзей!
Онъ сохнетъ, онъ вянетъ отцвѣтшей душой,
Линяетъ румянецъ на впалыхъ щекахъ,
И жизнь догораетъ во взорахъ—и вотъ,
Унылый, онъ рано въ могилу сошелъ:
Постигнули тайну кончины его.
И братья и други, по лѣтамъ забавъ,
Вздыхая, жалѣли о пылкомъ чтецѣ,
Что книгу онъ жизни такъ рано прочелъ!

———

В. ГЛАСЪ (1827). (3).

Чей шопотъ въ душу проникаетъ?
Кто говоритъ мнѣ: «веселись!
«Година счастья наступаетъ,
Ужъ годы скорби пронеслись.
Уже грѣховъ истерлись цѣпи
И расклепались кандалы;
Одѣнутся дубравой степи
И жатвы взыдутъ на скалы.
Настанетъ новыхъ думъ порядокъ;
Свершится рядъ завѣтныхъ числъ;
И тайны вѣковыхъ загадокъ,
И прорицаній темныхъ смыслъ
Постигнутъ люди, — и мгновенно
Воспрянетъ всякъ, какъ пробужденный
Отъ тяжкихъ воспаленныхъ сновъ.
Пройдетъ піянство шумной злобы,
И въ пяти-чувственные гробы
Войдетъ вторая жизнь—любовь!
Повѣетъ сладкое прощенье
Надъ осужденною землей;
И потечетъ благословенье
На широту земныхъ полей;
И люди встрѣтятся какъ братья
И—дѣти предъ лицемъ Отца —
Другъ другу кинутся въ объятья
И сложатъ въ длань Его сердца».

В. КАРЕЛІЯ (1830). (4).

Рѣчи монаха (5).

Что вдругъ душа моя грустить
И пала въ думѣ боязливой,
Какъ птица робкая подъ нивой,
Когда орелъ надъ ней шумитъ?
Смутился умъ, прильнулъ языкъ,
Невольно движутся колѣни...
Но Ты послышалъ сердца крикъ—
И свѣтъ Твой вспыхнулъ въ смертной сѣни.
Ты озарилъ меня лучемъ —
И я, во тьмѣ, увидѣлъ ясно:
Съ Тобой нѣтъ бѣдъ нигдѣ, ни въ чемъ;
А безъ Тебя вездѣ опасно.

Такъ, есть таинственныя блага!
Ихъ взоръ не зритъ, не слышитъ слухъ,
Млека и меда слаще, влага
Изъ высшихъ кладязей въ нашъ духъ
Стезями тайными втекаетъ.
Но плоть груба: она не знаетъ
Сихъ невещественныхъ утѣхъ!
Какъ радостно нашъ духъ играетъ,
Когда къ нему нисходитъ миръ!
Тогда въ душѣ совсѣмъ иное, —
И что предъ тѣмъ инымъ земное?
И чувствій упоенныхъ пиръ,
И пылкіе порывы страсти,
И славы блескъ, и прелесть власти,—
Что ни сулитъ лукавый міръ...
И все ничто!... Хотя бъ я бездны
Вскрывалъ и словомъ закрывалъ;
Хотя бъ надсолнечныя звѣзды,
Какъ съ древъ плоды, рукой срывалъ:
Я не вкусилъ бы той отрады,
Которой жаждетъ такъ душа,
Когда небесностью дыша,
Летитъ, паритъ въ святые грады.
Какой тамъ міръ?... Но чей языкъ
Неизглаголанность разскажетъ?
Мнѣ скудость слова мысли вяжетъ.
Вамъ слышенъ-ли поющій ликъ?
Вамъ виденъ ли сей садъ чудесный?
Понятна ль эта тишина?

Какой, безъ вечера, прелестной
Она зарей освѣщена?
И этотъ воздухъ ароматный,
Который нѣжитъ и сладитъ,
И кровь и страсти холодитъ?
Но нѣтъ! я вижу, необъятны
Для мертвыхъ буквъ, для тѣсныхъ словъ
Блаженство съ радостью незримой.
Но что уму непостижимо,
То можетъ разгадать любовь.

Надъ Кивачемъ, на выси дальной,
Горитъ алмазная звѣзда:
Такъ и въ душѣ моей печальной
Звѣздится радость иногда.
Но скоро думъ докучныхъ тучи
Ложатся на минутный свѣтъ;
Вотъ подо мной песокъ зыбучій
И мнѣ въ земномъ опоры нѣтъ!
Подай съ небесъ, Отецъ, мнѣ руку,
Меня на скользкомъ укрѣпи;
Отвѣй, любви дыханьемъ, муку
И посвѣти въ глухой степи!
Я безъ пріюта, безъ вожатыхъ,
Въ потьмахъ, надъ бездной я стою!
Тутъ глубь, тамъ грома перекаты—
Я твой! храни главу мою!

Лѣсная ночь была темна,
Тѣней и ужасовъ полна,
Не смѣла выглянуть луна,
Какъ гробъ молчала глубина!
У нихъ въ рукахъ была страна:
Она во власть имъ отдана.
И вотъ съ арканомъ и ножемъ,
Въ краю, мнѣ страннику, чужомъ,
Ползя изгибистымъ ужомъ,
Мнѣ путь широкій залегли,
Меня, какъ птицу, стерегли...
Сердца ихъ злобою тряслись,
Глаза отвагою зажглись;
Ужъ сѣти цѣпкія плелись...
Въ пустынѣ движутся скалы,
Куютъ, при кликахъ, кандалы;
И ставятъ съ явствами столы,
Чтобъ пировать промежъ собой
Мою погибель, мой убой...
Я шагъ впередъ... остановился,
Припалъ съ тоской къ землѣ сырой
Какъ нищій, Богу помолился —
И страхъ съ души моей скатился
Огромной, черною горой.
Нашла моя молитва Бога,
Сошла къ молящему любовь—
И агнцу бѣдному прорѣзалась дорога
Сквозь стражу гладную волковъ!

Ужъ близокъ день, ужъ близокъ день
Твоей непотемнимой славы!
Пройдутъ какъ сонъ, пройдутъ какъ тѣнь
Земные, ветхіе уставы!
Увидимъ мы, узнаемъ мы,
Чего досель не знали,
Надъ чѣмъ ломалися умы,
Что дѣтскимъ сердцемъ постигали
Лишь нищіе умомъ. Пора!
Что быть имѣло—все сбылося,
И все протекшее слилося
Вь одно туманное вчера.

[1]) Глинка, Өедоръ Николаевичъ, родной братъ Сергѣя Николаевича, род. 1788 г., ум. въ 1880. Воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ офицеромъ (1803 г.). Въ 1805 — 1806 гг. находился въ походѣ противъ французовъ, состоя

адъютантомъ при генералѣ Милорадовичѣ. Событія этой войны описаны имъ въ «Письмахъ русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи». По окончаніи кампаніи, Глинка вышелъ въ отставку и удалился въ свою деревню (смоленской губ.), гдѣ оставался цѣлыхъ шесть лѣтъ, занимаясь науками и литературой. Необходимость упражнять умъ чтеніемъ и мышленіемъ для полезной дѣятельности въ жизни часто указываются Глинкою, и онъ любилъ вспоминать слова Сципіона: «я всего менѣе уединенъ, когда остаюсь въ совершенномъ уединеніи». Въ 1810 и 1811 г. онъ объѣхалъ нѣкоторыя мѣста губерній смоленской и тверской и посѣтилъ Кіевъ. Замѣчанія, мысли и разсужденія по поводу этой поѣздки вошли въ «Письма русскаго офицера» (изд. 1815—1816). Въ 1812 г., съ приближеніемъ непріятеля къ его деревнѣ, Глинка слѣдовалъ за арміей отъ Смоленска до Тарутина: здѣсь онъ снова поступилъ на службу и былъ адъютантомъ Милорадовича до конца кампаніи (1814 г.). Письма его о событіяхъ отечественной и заграничной войны составляютъ 6 томовъ. Въ 1815 г. переведенъ въ гвардію и находился при начальникѣ гвардейскаго штаба, генералъ-адъютантѣ Сипягинѣ. Въ домѣ штаба положено было основаніе библіотеки (1816), гдѣ офицеры могли свободно заниматься чтеніемъ отборныхъ и полезныхъ книгъ; вмѣстѣ съ библіотекой составилось, подъ Высочайшимъ покровительствомъ, «Общество военныхъ людей», которое положило издавать «Военный журналъ» и издавало его въ теченіе трехъ лѣтъ (1817—1819). Глинка принималъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ этого общества. Онъ написалъ «Краткое начертаніе (программу) Военнаго журнала»; помѣщалъ въ немъ многія прозаическія статьи; въ 1817 г., въ торжественномъ собраніи «Общества», читалъ «Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ». Съ 1818 г. Глинка состоялъ при с-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ Милорадовичѣ, бывшемъ командирѣ гвардейскаго корпуса, и занялъ впослѣдствіи должность правителя канцеляріи. Въ томъ же 1818 г., Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія, учрежденное въ 1816 г. и называвшееся потомъ «Вольнымъ обществомъ любителей россійской словесности», основало журналъ, подъ названіемъ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» (1817—1825). Доходы съ журнала назначались на пособіе тѣмъ лицамъ, которые, занимаясь науками и художествами, требуютъ подпоры и призрѣнія, равно ихъ вдовамъ и сиротамъ. Глинка былъ выбранъ въ вице-предсѣдатели общества, а потомъ и въ предсѣдатели. Многія его сочиненія помѣщались въ Соревнователѣ и другихъ журналахъ. Съ 1826 года онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ олонецкой губерніи, гдѣ сочинилъ описательную поэму «Карелія».

Главнѣйшія сочиненія и переводы:

Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ, въ 1805 и 1806 годахъ. 2 ч. (М. 1808).

Подвиги Милорадовича въ отечественную войну 1812 г. (1814).

Черты изъ жизни Костюшки (1815).

Письма къ другу, 3 ч. (1816—1817).

Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ Милорадовича (1818).

Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи, съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ въ 1805 и 1806 г., также отечественной и заграничной войны съ 1812 по 1815 г., съ присовокупленіемъ замѣчаній, мыслей и разсужденій во время поѣздки въ нѣкоторыя отечественныя губерніи. 8 частей (М. 1815—1816).

Плутархъ для молодыхъ дѣвицъ, или краткія жизнеописанія славныхъ женъ, съ объяснительными уроками о ихъ дѣяніяхъ и твореніяхъ, пер. съ фр. 4 ч. (1816).

Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ, по случаю новаго изданія книги: «Опытъ теоріи налоговъ». (И Тургенева). Спб. 1819.

Зиновій Богданъ Хмѣльницкій (1819).

Письма русскаго офицера о военныхъ происшествіяхъ 1812 г. (1821).

Опыты священной поэзіи (Спб. 1826).

Опыты аллегорій (Спб. 1826).

Карелія или заточеніе Мареы Іоанновны Романовой. Описательное стихотвореніе (Спб. 1830).

О древностяхъ въ тверской Кареліи (1836).

Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина (1837).

Духовныя стихотворенія (1839).

Сочиненія, т. 3 (Іовъ и Карелія. (1872.

Очерки Бородинскаго сраженія (воспоминанія о 1812 г.). 2 ч. М. 1839.

[2]) Опыты аллегорій.

[3]) Изъ псалма 50-го, ст. 10: «Слуху моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя».

[4]) «Карелія» (см. списокъ сочиненій).

Мареа Іоанновна Романова, мать Михаила Феодоровича, заточена была, по волѣ Бориса Годунова, на Выгоозерѣ, въ Обонежской пятинѣ (принадлежавшей Новгороду), въ Егорьевскомъ погостѣ, близь Толвуи и Чолмузи. Содержаніе разсказа изложено, во введеніи, самимъ авторомъ:

Знаменитая затворница обращаетъ на себя вниманіе окрестныхъ поселянъ. Одинъ изъ нихъ проникаетъ въ ея уединеніе. Добрый крестьянинъ (Никаноръ), стараясь разсѣять тоску одиночества заключенной, предлагаетъ ввести къ ней монаха для собесѣдованія. Монахъ разсказываетъ ей свою жизнь. Между тѣмъ Никаноръ отправляется въ Русь съ тайнымъ посланіемъ. Монахъ въ теремѣ, гдѣ жила Мареа, является въ другой разъ, доканчиваетъ разсказъ, заключая его духовною аллегоріею, и удаляется надолго. Въ теремъ, гдѣ жила Мареа, приходитъ Маша, дочь Никанора, и разсказываетъ ей карельскія сказки. Монахъ является въ третій разъ. Изъ рѣчей и поступковъ его видно, что онъ проходитъ то состояніе души, въ которомъ бореніе внутренняго со внѣшнимъ, ветхаго съ новымъ означается рѣзкими чертами. Послѣ этого третьяго появленія, онъ опять уходитъ въ свои лѣса. Спустя три дня возвращается и Никаноръ. Привезенный отвѣтъ рѣшаетъ судьбу матери Михаила: ея заточеніе оканчивается.

[5]) Эти рѣчи—слѣдствіе «духовнаго боя», выдержаннаго отшельникомъ въ пустынѣ. Авторъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Въ рѣчахъ отшельника, несвязныхъ, отрывистыхъ, виденъ лиризмъ: иначе и быть не можетъ; ибо вдохновеніе его (слѣдствіе развитія духовной жизни)—непритворное. Кромѣ дикой пустыни и внутренней распри, самое размышленіе о тогдашнемъ настоящемъ могло привести отшельника въ нѣкоторую тоскливую тревогу за человѣчество. Раскрывая исторію Карамзина, подъ годами 1601—1605 (т. XI), мы встрѣчаемъ рѣзкія черты въ мрачной картинѣ того времени».

XXXVI.

ГРИБОѢДОВЪ.

ГОРЕ ОТЪ УМА (1822—23).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 7.

Софья, Лиза и Чацкій.

Чацкій. Чуть свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(*Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку*).
Ну, поцѣлуйте-же. Не ждали? Говорите:
Чтожъ, рады! Нѣтъ? Въ лице мнѣ посмотрите:

Удивлены—и только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи-нѣтъ другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!
Софья. Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!
Чацкій. Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно: кто радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя.
Лиза. Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями:
Ей Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.
Софья. Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека:
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изчужа, издалека,
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ.
Чацкій. Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ, у васъ? Да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?...
Или: вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы, въ темномъ уголкѣ, и кажется что въ этомъ?
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь.
Софья. Ребячество!
Чацкій. Да-съ, а теперь—
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно;
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ.
Безъ думы, полноте смущаться...
Софья. Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ.
Чацкій. Помилуйте, не вамъ—чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣжъ стихи въ альбомахъ.
Софья. Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ?
Гдѣ жъ лучше?

Чацкій. Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго клуба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ—какъ его—онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ...
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься—тутъ какъ тутъ
Въ столовыхъ и гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ.
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: «театръ и маскарадъ»;
Домъ зеленью росписанъ въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда жъ постранствуешь, воротишься домой—
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!
Софья. Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.
Чацкій. А тетушка? Все дѣвушкой Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ.
Что, нынче такъ-же какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ менторъ... помните: колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женатъ еще?
Софья. На комъ?
Чацкій. Хоть на какой нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

Софья. Танцмейстеръ? Можно-ли!
Чацкій. Чтожъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ;
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на балахъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?
Софья. Смѣсь языковъ?
Чацкій. Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.
Лиза. Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!
Чацкій. По крайней мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? — Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: «пожалуйте списать!»
А впрочемъ онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.
Софья (*въ сторону*). Не человѣкъ—змѣя! (*громко*) Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою добро о комъ нибудь сказали—
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?
Чацкій. Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю—
Лице святѣйшей богомолки!...
А все таки я васъ безъ памяти люблю. (*Минутное молчаніе*).
Послушайте, уже ль слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу:
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.
Софья. Да, хорошо, сгорите... если-жъ нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и Фамусовъ.

Фамусовъ. Вотъ и другой.
Софья. Ахъ, батюшка, сонъ въ руку! (*Уходитъ съ Лизой*).
Фамусовъ. (*Ей въ слѣдъ въ полголоса*). Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Фамусовъ и Чацкій (смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла).

Фамусовъ. Ну, выкинулъ ты штуку!

Три года не писалъ двухъ словъ
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ (*обнимаются*).
Здорово, другъ; здорово, братъ, здорово,
Разсказывай: чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй (*садятся*).

Чацкій. Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ. Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!

Чацкій. Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ. «Сонъ въ руку!»— мнѣ она изволила шепнуть...
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій. Я? ничуть.

Фамусовъ. О комъ ей снилось? Что такое?

Чацкій. Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ. Не вѣрь ей: все пустое.

Чацкій. Я вѣрю собственнымъ глазамъ:
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Чтобъ было ей хоть нѣсколько подобно.

Фамусовъ. Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался сколько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій. Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли (*Встаетъ поспѣшно*).
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду.
Вамъ первымъ: вы потомъ разсказывайте всюду.
(*Въ дверяхъ*) Какъ хороша! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Фамусовъ (одинъ).

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ, какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полымя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ.
Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
(*уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Фамусовъ и Слуга.

Фамусовъ. Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достанька календарь.
Читай, смотри, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-же. На листѣ черкни на записномъ,

Противу будущей недѣли:
«Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели».
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ...
«Въ четвергъ я званъ на погребенье».
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть!
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный каммергеръ,
Съ ключемъ, — и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ—и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
«Максимъ Петровичъ! миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
«Я долженъ у вдовы, у докторши» крестить».
Она не родила, но, по расчету
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Фамусовъ, Слуга и Чацкій.

Фамусовъ. А, Александръ Андреичъ, просимъ,
Садитесь-ка.
Чацкій. Вы заняты?
Фамусовъ. (*слугѣ*). Поди (*слуга уходитъ*).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.
Чацкій. Вы что-то невеселы стали?
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.
Фамусовъ. Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.
Чацкій. Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?
Фамусовъ. Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже;
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?

Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?
Чацкій. А вамъ на что?
Фамусовъ. Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.
Чацкій. Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?
Фамусовъ. Сказалъ бы я, во первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное—поди-ка послужи.
Чацкій. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.
Фамусовъ. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ...
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя — что твой князь, что графъ!
Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не пришибъ...
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—
Изволили смѣяться... Что же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно — всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!... Да!... Вы, нынѣшніе—нутка!
Чацкій. И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,

Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спесь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха—
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха.
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фамусовъ. Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Чацкій. Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

Фамусовъ. Опасный человѣкъ!

Чацкій. Вольнѣе всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ. Что говоритъ!—и говоритъ какъ пишетъ.

Чацкій. У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ. Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій. Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ. Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій. Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ. Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій. Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ. Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій. Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ. И знать васъ не хочу: разврата не терплю!

Чацкій. Я досказалъ.

Фамусовъ. Добро, заткнулъ я уши.

Чацкій. На что жъ? я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ (*скороговоркою*).
Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!

Чацкій. Я пересталъ...

Фамусовъ. Пожалуй, пощади!

Чацкій. Длить споры не мое желанье...

Фамусовъ. Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже и Слуга.

Слуга. Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ (*ничего не видитъ и не слышитъ*). Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ! Какъ пить дадутъ.

Чацкій. Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ. Не слушаю: подъ судъ!

Чацкій. Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ. Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!

Чацкій. Да обернитесь, васъ зовутъ.

Фамусовъ (*оборачивается*).
А? бунтъ! Ну, такъ и жду содома!...

Слуга. Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ (*встаетъ*). Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! (*слуга уходитъ*).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько...
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать, ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ— власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! какую бы причину?...
А! знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину (*поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чацкій (одинъ).

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья?... нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужаго?
Какъ здѣсь бы ей не быть?...
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ

Прошу покорно, здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ;
Отдушничекъ отворимъ поскорѣе.
Скалозубъ (*басомъ*). Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?... Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ...
Фамусовъ. Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.
Скалозубъ. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(*Всѣ трое садятся*; *Чацкій поодаль*).
Фамусовъ. Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?
Скалозубъ. Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.
Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.
Скалозубъ. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.
Фамусовъ. Да, счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?
Скалозубъ. За третье августа; засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.
Фамусовъ. Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!
Скалозубъ. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему,—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.
Фамусовъ. Вотъ молодость!... читать... а послѣ хватъ!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.
Скалозубъ. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.
Фамусовъ. Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ, въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.
Фамусовъ. Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?
Скалозубъ. Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.
Фамусовъ. Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ
за вами далеко тянуться.
Скалозубъ. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.
Фамусовъ. И славно судите: дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ, — а тамъ
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести о генеральшѣ...
Скалозубъ. Жениться? Я ничуть не прочь.
Фамусовъ. Чтожъ? у кого сестра, племянница есть, дочь..
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?
Скалозубъ. Дистанція огромнаго размѣра.
Фамусовъ. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохонькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ, —
Пускай себѣ разумникомъ слыви,—
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это-ли одно?... возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать— изволь!
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ:
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь:
На юношей, сынковъ и внучатъ;
Журимъ мы ихъ, а если разберешь —
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово— приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ

И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и .. разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло;
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ: надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнія, — вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ,
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно: можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ, —
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!
Скалозубъ. По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Фамусовъ. Не поминайте намъ! ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все—на новый ладъ.
Чацкій. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.
Фамусовъ (*Чацкому*). Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать,—не велика услуга (*Скалозубу*).
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ,
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...
Чацкій. Нельзя-ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ

*

И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.
Фамусовъ. Не я одинъ—всѣ такъ- же осуждаютъ.
Чацкій. А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и туже,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ-ли, что грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя сооруля палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитятею возили на поклонъ,—
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
Онъ вымѣнялъ на нихъ борзыя три собаки!
Или вотъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ,
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ!... Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету...
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть:
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся,
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.
Фамусовъ (*про себя*). Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!
(*Громко*) Сѣргѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. (*Уходитъ*).

явленіе 6.

Скалозубъ и Чацкій.

Скалозубъ. Мнѣ нравится: при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.
Ихъ золоту, шитью дивятся, будто солнцамъ.
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски!

дѣйствіе III, явленіе 3.

Чацкій и Молчалинъ.

Чацкій. Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?
Молчалинъ. По прежнему-съ.
Чацкій. А прежде какъ живали?
Молчалинъ. День за-день, нынче какъ вчера.
Чацкій. Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?
Молчалинъ. По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.
Чацкій. Взманили почести и знатность?
Молчалинъ. Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ.
Чацкій. У васъ?
Молчалинъ. Два-съ:
Умѣренность и акуратность.
Чацкій. Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!
Молчалинъ. Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?
Чацкій. Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.
Молчалинъ. Какъ удивлялись мы...
Чацкій. Какое жъ диво тутъ?
Молчалинъ. Жалѣли васъ.
Чацкій. Напрасный трудъ.
Молчалинъ. Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,

Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...
Чацкій. Ей почему забота?
Молчалинъ. Татьянѣ Юрьевнѣ?
Чацкій. Я съ нею незнакомъ.
Молчалинъ. Съ Татьяной Юрьевной?
Чацкій. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...
Молчалинъ. Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!... извѣстная... притомъ
Чиновные и должностные—
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...
Чацкій. На что-же?
Молчалинъ. Такъ... Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не метимъ.
Чацкій. Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.
Молчалинъ. Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить.
Чацкій. Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ,—я не изъ ихъ числа.
Молчалинъ. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья;
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?
Чацкій. Ну что жъ?
Молчалинъ. При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.
Чацкій. Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ бестолковыхъ!
Молчалинъ. Какъ можно!
Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали вы?
Чацкій. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.
Молчалинъ. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...
Чацкій. И по всему замѣтно.
Молчалинъ. Не смѣю моего сужденья произнесть...
Чацкій. Зачѣмъ же такъ секретно?
Молчалинъ. Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.
Чацкій. Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?
Молчалинъ. Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.
Чацкій. Зачѣмъ же надобно?
Молчалинъ. Въ чинахъ мы небольшихъ.
Чацкій (*почти громко*). Съ такими чувствами, съ такой душою
Любимъ!... Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кромѣ двери въ спальню къ Софьѣ. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ; слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:

Эй, Филька! Ѳомка! ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетки и свѣчей.
(*Стучится къ Софьѣ въ дверь*).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ; и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета. (*Расходятся; остается одинъ Чацкій*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Наталья Дмитріевна.

Наталья Дмитріевна. Не ошибаюсь-ли?.... онъ точно по лицу!
Ахъ, Александръ Андреичъ, вы-ли?
Чацкій. Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы —
Неужто тамъ меня три года измѣнили?
Наталья Дмитріевна. Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно-ли?
Чацкій. Нынче лишь...
Наталья Дмитріевна. Надолго?
Чацкій. Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ,
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.
Наталья Дмитріевна. Я замужемъ.
Чацкій. Давно бы вы сказали.
Наталья Дмитріевна. Мой мужъ—прелестный мужъ, вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, хотите?
Чацкій. Прошу.
Наталья Дмитріевна. И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.
Чацкій. Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.
Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ-съ! не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Чацкій, Наталья Дмитріевна и Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна. Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!
Чацкій. Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы. Вотъ судьба!
Платонъ Михайловичъ. Здорово, Чацкій, братъ!
Чацкій. Платонъ любезный, славно!

Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

Платонъ Михайловичъ. Какъ видишь, братъ:

Московскій житель и женатъ.

Чацкій. Забыть шумъ лагерный, товарищи и братья?

Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ. Нѣтъ, есть таки занятья:

На флейтѣ я твержу дуэтъ

А-мольный...

Чацкій. Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?

Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Платонъ Михайловичъ. Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:

Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже

Чацкій. Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайличъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,

Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,

Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій. А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?

Въ полкъ! эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій. Здоровьемъ слабъ? Давно-ли?

Наталья Дмитріевна. Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій. Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край!

Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,

Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій. Москву и городъ!.. ты чудакъ,

А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ. Да, братъ, теперь не такъ!...

Наталья Дмитріевна. Ахъ, мой дружочекъ,

Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!

Ты распахнулся весь и растегнулъ жилетъ.

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Послушайся разочекъ,

Мой милый, застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ (*равнодушно*). Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна. Да отойди подальше отъ дверей:

Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Мой ангелъ, Бога ради,

Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ (*поднимая глаза къ небу*). Ахъ, матушка!

Чацкій. Ну, Богъ тебя суди:

Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!

Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,

Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро—ногу въ стремя

И носишься на борзомъ жеребцѣ;

Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ (*вздыхаетъ*). Эхъ, братецъ! славное тогда житье-то было!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ-же, князь Тугоуховскій и княгиня, съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна (*тоненькимъ голоскомъ*).
Князь Петръ Ильичъ, Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими! (*Громкія лобызанія: потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ*).

1-я княжна. Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна. Какія складочки!

1-я княжна. Обшито фалбарой.

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ, еслибъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна. Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна. Ахъ, да, барежевый!

5-я княжна. Ахъ, прелесть!

6-я княжна. Ахъ, какъ милъ!

Княгиня. Тсъ! Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

Наталья Дмитріевна. Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня. От-став-ной?

Наталья Дмитріевна. Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня. И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна. Да, не женатъ.

Княгиня. Князь, князь! сюда, живѣе!

Князь (*обращаетъ къ ней слуховую трубу*). О,хмъ!

Княгиня. Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго: вонъ онъ...

Князь. И—хмъ! (*Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ*).

Княгиня. Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ.
Танцовщики ужасно стали рѣдки!
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ.

Княгиня. Богатъ?

Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ!

Княгиня (*громко, что есть мочи*). Князь! князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ-же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка. Ахъ, grand'maman, ну кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя (*Пропадаетъ въ боковую комнату*).

Княгиня. Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ?
Зла: въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее проститъ!

Графиня внучка (*вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ*).
Мсье Чацкій, вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе?

Чацкій. На что мѣняться мнѣ?
Графиня внучка. Вернулись холостые?
Чацкій. На комъ жениться мнѣ!
Графиня внучка. Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.
Чацкій. Несчастные! должны упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣже и множество другихъ гостей. Между прочимъ Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софья выходитъ изъ своей комнаты. Всѣ къ ней на встрѣчу.

Наталья Дмитріевна. Eh, bon soir! vous voilà! jamais trop diligente!
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!
Загорѣцкій (*Софьѣ*). На завтрашній спектакль имѣете билетъ?
Софья. Нѣтъ.
Загорѣцкій. Позвольте вамъ вручить. Напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за то
Куда я не кидался?
Въ контору—все взято;
Къ директору — онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей, въ шестомъ часу: и кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ!
Къ тому, къ сему,—всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ накопецъ похитилъ уже силой
У одного—старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ:
Пусть дома проспдитъ въ покоѣ.
Софья. Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье—вдвое.
(*Являются еще кое-какіе; Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ*).
Загорѣцкій. Платонъ Михайлычъ!
Платонъ Михайловичъ. Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь;
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ (*Чацкому*), рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переноситъ гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!
Загорѣцкій. Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.
Чацкій. И оскорбляться вамъ смѣшно-бы.
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.
Платонъ Михайловичъ. Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ

Вездѣ, а всюду принимают (*Загорѣцкій мѣшается въ толпу*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣже и Хлестова.

Хлестова. Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница!... Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки, силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арабку-дѣвку да собачку;
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (*садятся*).
Ну, Софьюшка, мой другъ.
Какая у меня арабка для услугъ
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! Въ дѣвичьей она;
Позвать-ли?
Софья. Нѣтъ-съ, въ другое время.
Хлестова. Представь: ихъ какъ звѣрей вывозятъ на показъ.
Я слышала... тамъ.... городъ есть турецкій...
А знаешь-ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій
(*Онъ выставляется впередъ*).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ
(*Загорѣцкій исчезаетъ*);
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ,—чай, въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!
Чацкій (*съ хохотомъ Платону Михайловичу*).
Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ: пропалъ.
Хлестова. Кто этотъ весельчакъ? изъ званія какого?
Софья. Вотъ этотъ? Чацкій.
Хлестова. Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ!
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала;
Я за уши его дирала—только мало!

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣже и Фамусовъ.

Фамусовъ (*громогласно*). Ждемъ князь Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ! кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ,
Хлестова. Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Тѣже и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!

А мы васъ ждали, ждали, ждали! (*Подводитъ къ Хлестовой*).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова (*сидя*). Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

Скалозубъ (*басомъ*). Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Новоземлянскомъ мушкатерскомъ?

Хлестова. Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ. А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ. Пойдемте, батюшка; тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу!
Уводитъ съ собой Скалозуба и князя).

Хлестова (*Софьѣ*). Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли.
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ сажень удалецъ!
Знакомитъ, не спросясь, пріятно-ли намъ, нѣтъ-ли.

Молчалинъ (*подаетъ ей руку*).
Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

Хлестова. Спасибо, мой дружокъ (*встаетъ*).

Молчалинъ. Вашъ шпицъ — прелестный шпицъ! не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая шерстка!

Хлестова. Спасибо мой родной! (*Уходитъ; за нею Молчалинъ и многіе другіе*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Чацкій, Софья и нѣсколько посторонних, которые въ продолженіе сцены расходятся.

Чацкій. Ну, тучу разогналъ...

Софья. Нельзя-ль не продолжать?

Чацкій. Чѣмъ я васъ напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

Софья. А кончили-бы злостью.

Чацкій. Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ! кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ...
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Софья, потомъ г. N.

Софья (*про себя*). Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства.
Унизить радъ, кольнуть: завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N. (*подходитъ*). Вы въ размышленьи?

Софья. Объ Чацкомъ.

Г. N. Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья. Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N. Ужель съ ума сошелъ?

Софья (*помолчавъ*). Не то, чтобы совсѣмъ...
Г. N. Однако есть примѣты?
Софья (*смотритъ на него пристально*). Мнѣ кажется.
Г. N. Какъ можно, въ эти лѣта!
Софья. Какъ быть! (*въ сторону*). Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Вы никого не любите щадить:
Угодно-ль на себѣ примѣрить?
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Г. N., потомъ г. D.

Г. N. Съ ума сошелъ!... Ей кажется? Вотъ на!
Недаромъ, стало быть... съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?
Г. D. Что?
Г. N. Объ Чацкомъ.
Г. D. Что такое?
Г. N. Съ ума сошелъ!
Г. D. Пустое.
Г. N. Не я сказалъ, другіе говорятъ.
Г. D. А ты разславить это радъ?
Г. N. Пойду, освѣдомлюсь: чай кто нибудь да знаетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Г. D., потомъ Загорѣцкій.

Г. D. Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?
Загорѣцкій. Ну?
Г. D. Съ ума сошелъ!
Загорѣцкій. А, знаю, помню, слышалъ!
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ.
Его въ безумные упряталъ дядя-плутъ;
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.
Г. D. Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!
Загорѣцкій. Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили.
Г. D. Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17.

Загорѣцкій, потомъ Графиня-внучка.

Загорѣцкій. Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?
Графиня внучка. Объ комъ?
Загорѣцкій. Объ Чацкомъ... онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.
Графиня внучка. Знаю.
Я говорила съ нимъ.
Загорѣцкій. Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...
Графиня внучка. Что?...
Загорѣцкій. Да, онъ сошелъ съ ума.
Графиня внучка. Представьте! я замѣтила сама;
И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣже и Графиня бабушка.

Графиня внучка. Ахъ, grand' maman! Вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!
Графиня бабушка. Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче...
Графиня внучка. Время нѣтъ.
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду, спрошу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19.

Загорѣцкій и Графиня бабушка.

Графиня бабушка. Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?
Загорѣцкій. Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.
Графиня бабушка. Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?
Загорѣцкій. Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.
Графиня бабушка. Что? къ фармазонамъ въ клобъ
Пошелъ онъ? въ басурманы?
Загорѣцкій. Ее не вразумишь! (*Уходитъ*).
Графиня бабушка. Антонъ Антонычъ! Ахъ,
И онъ бѣжитъ! всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Графиня бабушка и Князь Тугоуховскій.

Графиня бабушка. Князь! князь! Охъ, этотъ князь!—по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь слышали?
Князь. А? хмъ!
Графиня бабушка. Онъ ничего не слышитъ!
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?
Князь. Э? хмъ!
Графиня бабушка. Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?
Князь. И? хмъ?
Графиня бабушка. Тесакъ ему да ранецъ?
Въ солдаты! —шутка-ли? перемѣнилъ законъ!
Князь. У? хмъ?
Графиня бабушка. Да!... въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный вольтерьянецъ!
Что? а? Глухъ, мой отецъ! Достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ 21.

Тѣже и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня внучка, Княгиня съ дочерьми. Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлестова. Съ ума сошелъ! прошу покорно!
Да невзначай, да какъ проворно!
Ты, Софья слышала?
Платонъ Михайловичъ. Кто первый разгласилъ?
Наталья Дмитріевна. Ахъ, другъ мой, всѣ!
Платонъ Михайловичъ. Ну, всѣ, такъ вѣришь по неволѣ;
А мнѣ сомнительно.
Фамусовъ (*входитъ*). О комъ? о Чацкомъ, что-ли?

Чего сомнительно? я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ!
Попробуй о властяхъ—и невѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хотя передъ какимъ ни есть лицомъ—
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!...
Хлестова. Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я, — онъ началъ хохотать.
Молчалинъ. Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.
Графиня внучка. Меня модисткою изволилъ величать!
Наталья Дмитріевна. А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!
Загорѣцкій. Безумный по всему!
Графиня внучка. Я видѣла изъ глазъ.
Фамусовъ. По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.
Хлестова. На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?
Княгиня. О, вѣрно!
Графиня внучка. Безъ сомнѣнья!
Хлестова. Шампанское стаканами тянулъ.
Наталья Дмитріевна. Бутылками-съ, и пребольшими!
Загорѣцкій (*съ жаромъ*). Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!
Фамусовъ. Ну, вотъ, великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній...
Хлестова. И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да-отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.
Княгиня. Нѣтъ, въ Петербургѣ, институтъ
Пе...да...го...ническій—такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился мой родня—
И вышелъ! хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи:
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.
Скалозубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій.
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два,—
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.
Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь,—
Собрать всѣ книги бы, да сжечь.

Хлестова. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно — отъ книгъ ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ, право жаль!
По христіански, такъ онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ. Четыре.

Хлестова. Три, сударь.

Фамусовъ. Четыреста.

Хлестова. Нѣтъ триста.

Фамусовъ. Въ моемъ календарѣ...

Хлестова. Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ. Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Хлестова. Нѣтъ, триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ. Четыреста, прошу понять.

Хлестова. Нѣтъ триста! триста! триста!

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣ же и Чацкій.

Наталья Дмитріевна. Вотъ онъ!

Графиня внучка. Штъ!

Всѣ. Штъ. (*Пятятся отъ него въ противную сторону*).

Хлестова. Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ. О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ! (*Опасливо*).
Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ! Дай пульсъ. —ты нездоровъ.

Чацкій. Да, мочи нѣтъ! мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ! (*Подходитъ къ Софьѣ*).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой!
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой!

Хлестова. Москва вишь виновата!

Фамусовъ. Подальше отъ него! (*Дѣлаетъ знаки Софьѣ*). Г-мъ! Софья! не глядитъ!

Софья (*Чацкому*), Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій. Въ той комнатѣ незначущая встрѣча.
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца:
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто-бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція! Посмотришь— вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой-же толкъ у дамъ, такіе же наряды:
Онъ радъ, но мы не рады.

Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ, Францiя! нѣтъ въ мiрѣ лучше края!»
Рѣшили двѣ княжны—сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ иль примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня объявятъ старовѣромъ —
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во-сто-кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихiямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
«Какъ европейское поставить въ параллель
Съ нацiональнымъ,—странно что-то!
Ну, какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите: тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ужасно!...»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россiи—то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,

И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,—
Глядь...
(*Оглядывается, всѣ вальсируютъ, старики усѣлись за карты*).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Ночь.

У Фамусова въ домѣ; парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей. Внизу, справа, выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на томъ же планѣ, комната Молчалина. Слабое освѣщеніе. Лакеи—иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Графиня, бабушка и внучка.

Лакей. Графини Хрюминой карета!
Графиня внучка (*пока ее укутываютъ*).
Ну, балъ! ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей созвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта!
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать!
Графиня бабушка. Поѣдемъ, матушка, мнѣ право не подъ силу.
Когда нибудь я съ бала да въ могилу. (*Обѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Горичевы. Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!
Наталья Дмитріевна. Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душенька! что смотришь такъ уныло?
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?
Платонъ Михайловичъ.
Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ;
А не противлюсь: твой работникъ!
Дежурю за полночь; подъ часъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ!
Наталья Дмитріевна. Ты притворяешься, и очень неискусно.
Охота смертная — прослыть за старика. (*Уходитъ съ лакеемъ*).
Платонъ Михайловичъ (*хладнокровно*). Балъ вещь хорошая-неволя-то горька!
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано-жъ иному на роду...
Лакей (*съ крыльца*). Въ каретѣ барыня-съ и гнѣваться изволитъ.
Платонъ Михайловичъ. Иду, иду! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Чацкій и его лакей впереди.

Чацкій. Кричи, чтобы скорѣе подавали! (*Лакей уходитъ*).
Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли.
Чего я ждалъ, что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ, радость, обнялись... Пустое!
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,

Все что-то видно впереди:
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху—ночлегъ; куда ни взглянешь—
Все таже степь и гладь, и пусто и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь! (*Лакей возвращается*).
Готово?....

Лакей. Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ.

Чацкій. Пошелъ, ищи: не ночевать же тутъ. (*Лакей уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чацкій и Репетиловъ.

Репетиловъ. (*вбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется*).
Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза. Откудова, пріятель?
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сей часъ... растолковать прошу:
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу...
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго—ей, ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

Чацкій. Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ. Не любишь ты меня! естественное дѣло!
Съ другими—я и такъ, и сякъ;
Съ тобою—говорю не смѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..

Чацкій. Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ. Брани меня, я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

Чацкій. Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ. Что, братецъ, балъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій. А ты читалъ?—задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ. Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;

Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да неодну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по десяти;
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру....
Чацкій. Послушай: ври, да знай же мѣру!
Есть отчего въ отчаянье придти!
Репетиловъ. Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ...
Чацкій. Вотъ нынче, напримѣръ?
Репетиловъ. Что ночь одна—не въ счетъ!
За то спроси, гдѣ былъ.
Чацкій. И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?
Репетиловъ. Въ англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста молчи,—я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!
Чацкій. Ахъ, братецъ, я боюсь.
Какъ? въ клубѣ?
Репетиловъ. Именно.
Чацкій. Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.
Репетиловъ. Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ.... ну, объ матерьяхъ важныхъ,—
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Александръ, у насъ тебя недоставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ,—мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми!—Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!
Чацкій. Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь?.... Домой—я спать хочу.
Репетиловъ. Э, брось! Кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... у насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ.
Чацкій. Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?
Ужъ вѣрно изъ какихъ нибудь да пустяковъ.
Репетиловъ. Шумимъ, братецъ, шумимъ!.....
Чацкій. Шумите вы—и только?

Репетиловъ. Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя же вдругъ.
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій,
Скажу тебѣ: во первыхъ — князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? О, познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ ла шьяръ ми, но-но-но!»
Еще у насъ два брата,
Леонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, чтò сказать;
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ «Взглядъ и нѣчто».
Объ чемъ бишь «нѣчто?»—Обо всемъ.
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ;
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!...
Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лице горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!»
Ну, между ними, я, конечно, за урядъ—
Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
Изъ—шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ....
Вратъ, смѣйся! а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру-простятъ....

Лакей (*у подъѣзда*). Карета Скалозуба!

Репетиловъ. Чья?

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже и Скалозубъ (*спускается съ лѣстницы*).

Репетиловъ. А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!...
(*Душитъ его въ объятіяхъ*).

Чацкій. Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(*Входитъ въ швейцарскую*).

Репетиловъ. Слухъ о тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился, на службу.
Знакомы вы? (*ищетъ глазами Чацкаго*). Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды.—Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ!
У князь-Григорія теперь народу тьма:
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Во первыхъ—напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ — такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ. Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ, а если хочешь,
Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
Апикните—такъмигомъуспокоитъ.

Репетиловъ. Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда!
И я въ чины бы влѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда.
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ на-прямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси;
Онъ на Фонтанкѣ жилъ,—я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный—сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его:
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ—ничего!
Тесть нѣмецъ,—а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми! да легче ль мнѣ?
Секретари его—все хамы, всѣ продажны
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны
Гляди-ка въ «Адресъ-календарь»
Тьфу! служба и чины, кресты - душѣ мытарства
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ

Что радикальныя потребны тутъ лѣкарства:
Желудокъ больше не варитъ.
Повѣрь, мой другъ, что скоро
Пойдетъ и наше дѣло споро.
Куда ни поглядимъ...
(*Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ*).
Пустое всѣ чины!... Найдемъ, чего хотимъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Репетиловъ и Загорѣцкій.

Загорѣцкій. Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ.
Я неудачи самъ встрѣчалъ,
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!
Репетиловъ (*съ досадою*). Всѣ врозь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ, — гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...
Загорѣцкій. Какъ думаете вы объ Чацкомъ?
Репетиловъ. Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣже вкусы.
Загорѣцкій. А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?
Репетиловъ. Какая чепуха!
Загорѣцкій. Объ немъ всѣ этой вѣры.
Репетиловъ. Вранье!
Загорѣцкій. Спросите всѣхъ.
Репетиловъ. Химеры!
Загорѣцкій. А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.
Репетиловъ. Дичь!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь Тугоуховскій, княгиня съ шестью дочерьми; немного погодя, Хлестова спускается съ парадной лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

Загорѣцкій. Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?
1 княжна. Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?
2 княжна. Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.
3 княжна. Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы...
4 княжна. Ахъ, вѣсти старыя! кому онѣ ужъ новы?
5 княжна. Кто сомнѣвается?
Загорѣцкій. Да вотъ не вѣритъ!
6 княжна. Вы?
Всѣ вмѣстѣ. М-сье Репетиловъ! Вы? М-сье Репетиловъ! что вы?
Да какъ вы? Можно-ль противъ всѣхъ?
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!
Репетиловъ (*затыкая уши*). Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня. Еще не гласно бы! съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора!
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ—
Вашъ Чацкій! Ѣдемте! Князь, ты вести бы могъ
Катишь или Зизи; мы сядемъ въ шестимѣстной.
Хлестова (*съ лѣстницы*). Княгиня, карточный должокъ?
Княгиня. За мною, матушка!
Всѣ другъ другу. Прощайте (*Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Репетиловъ, Хлестова и Молчалинъ.

Репетиловъ. Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ,
Что̀ нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?
Хлестова. Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полечатъ—вылечатъ авось.
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось!
Изволилъ во-время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы: поди, Господь съ тобой. (*Молчалинъ уходитъ къ себѣ*).
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься! (*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Репетиловъ (*съ своимъ лакеемъ*).

Репетиловъ. Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь. (*Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Чацкій (*выходитъ изъ швейцарской*). Что это? Слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство,
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ—какъ словно торжество,
Другіе—будто сострадаютъ!
О, еслибъ кто въ людей проникъ,
Что хуже въ нихъ: душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!

[1]) Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ (1795—1829), получилъ первоначальное воспитаніе въ Москвѣ, въ домѣ родителей, которые ревностно заботились о томъ, чтобы дать своему сыну основательное образованіе. Потомъ (1810) поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ, откуда, по экзамену, выпущенъ кандидатомъ правъ. Развитію его способностей наиболѣе способствовалъ профессоръ естественнаго права и теоріи изящныхъ искусствъ, Буле. При разнообразныхъ свѣдѣніяхъ, какими

не могли похвалиться многіе литераторы того времени, Грибоѣдовъ зналъ нѣсколько языковъ. Собственная его записка, относящаяся къ позднѣйшему времени (1820) показываетъ, что, кромѣ русскаго и славянскаго, ему были извѣстны франц., нѣм. и англ. языки. Изъ искусствъ онъ страстно любилъ музыку и отлично игралъ на фортепьяно. Въ 1812 г., Грибоѣдовъ вступилъ корнетомъ въ московскій гусарскій полкъ, сформированный гр. Салтыковымъ. По смерти графа и по распущеніи его полка, перешелъ въ иркутскій гусарскій полкъ. Эскадронъ, въ который онъ поступилъ, находился тогда въ Литвѣ, въ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ генерала Кологривова. Главная корпусная квартира была въ Брестѣ-Литовскомъ. Отсюда Грибоѣдовъ послалъ къ издателю Вѣстника Европы (Влад. Измайлову) описаніе праздника, даннаго офицерами Кологривову, по случаю полученія послѣднимъ ордена св. Владиміра первой степени (1814). Въ томъ же году онъ написалъ статью: «о кавалерійскихъ резервахъ». Ни родъ службы, ни мѣсто, ни обстоятельства не могли удовлетворить Грибоѣдова, стремившагося къ умственнымъ занятіямъ и соотвѣтственной его дарованіямъ дѣятельности. Онъ былъ крайне недоволенъ своимъ положеніемъ и сообществомъ, и съ горечью вспоминалъ о Брестъ-Литовскомъ житьѣ-бытьѣ, которое истрачивалось на пустое и вредное разсѣяніе. «Я въ этой дружинѣ всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ, какъ не могу попасть на путь истинный», писалъ онъ въ 1817 г. Дружба, говоритъ одинъ изъ его біографовъ (Булгаринъ), спасла его отъ сѣтей, въ которыя часто попадаютъ пылкіе и благородные, но неопытные юноши, въ началѣ свѣтскаго поприща. Грибоѣдовъ познакомился и подружился съ Степаномъ Никитичемъ Бѣгичевымъ, бывшимъ тогда адъютантомъ при Кологривовѣ, и нашелъ въ немъ не только преданнаго друга, но и благодѣтельнаго ментора. Нравственное вліяніе Бѣгичева было дѣйствительно велико, судя по собственнымъ признаніямъ Грибоѣдова, который часто упоминаетъ объ этомъ въ своихъ письмахъ. «Ты, мой другъ, поселилъ въ меня или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и—ей Богу—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь несравненно лучше, добрѣе»... «Я привыкъ тебя уважать; это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца... Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ моего почитателя». При обязанностяхъ службы, въ удаленіи отъ столицъ, Грибоѣдовъ не имѣлъ возможности ни продолжать своего образованія, важность котораго для службы отечеству онъ сознавалъ вполнѣ, ни слѣдить за успѣхами русской литературы, которую горячо любилъ,—и потому переѣхалъ въ Петербургъ въ 1815 г. Здѣсь, 29 сентября того же года, была играна его ком.: «Молодые супруги», написанная имъ въ мѣстѣ его служенія. Въ 1816 г. вышелъ въ отставку изъ военной службы и думалъ отправиться въ Дерптъ, вѣроятно для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ; однакожъ не отправился — какъ онъ выразился въ письмѣ къ Бѣгичеву—засѣлъ въ Петербургѣ, очень довольный своей

судьбой, искренно признаваясь другу, что онъ все такой же «пасынокъ здраваго разсудка», какимъ былъ и прежде. Кругъ его знакомства состоялъ преимущественно изъ драматическихъ писателей и артистовъ. Онъ постоянно находился въ обществѣ кн. Шаховскаго, котораго еще узналъ въ Литвѣ, до прiѣзда своего въ Петербургъ, Катенина, Жандра, Корсакова, Хмѣльницкаго и другихъ. Прiятельскими его отношенiями къ этимъ лицамъ объясняются его непрiязненныя отношенiя къ Карамзину, Жуковскому и нѣкоторымъ членамъ литературнаго общества «Арзамасъ». Онъ защищалъ кн. Шаховскаго отъ эпиграммъ и сатиръ, посыпавшихся на него за «Липецкiя воды» (стихотворенiе: «отъ Аполлона»), возражалъ Гнѣдичу на разборъ перевода Бюргеровой «Леноры», сдѣланнаго Катенинымъ, и вмѣстѣ указывалъ недостатки въ переводѣ той же баллады, Жуковскаго. Въ 1817 г. онъ познакомился съ А. Пушкинымъ. Связь съ драматическими литераторами заставила его трудиться общими силами для театра. Въ 1818 г. были представлены: переведенная имъ и Жандромъ ком.: «Притворная невѣрность» и ком. въ 3 д. кн. Шаховскаго: «Своя семья или замужняя невѣста», въ которой Грибоѣдову принадлежитъ нѣсколько сценъ 2-го акта, а Хмѣльницкому — сцена экзамена Наташи, главнаго лица пiесы. Когда Загоскинъ, также по своимъ литературнымъ понятiямъ примкнувшiй къ обществу Шаховскаго, выписалъ слабые стихи изъ комедiи: «Молодые супруги», которая давалась очень часто, и напечаталъ ихъ, съ своими примѣчанiями, въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» (1817, № 15), Грибоѣдовъ, въ отвѣтъ своему рецензенту, сочинилъ шуточное стихотворенiе: «Лубочный театръ». Впрочемъ, по словамъ Булгарина, Грибоѣдовъ не столько занимался литературою, сколько побуждала его къ тому врожденная склонность, и только малые урывки посвящалъ музамъ. Свѣтская жизнь была причиною непрiятныхъ съ нимъ случаевъ: такъ, въ 1817 г., онъ былъ секундантомъ у кавалергардскаго офицера Шереметева, на дуэли его съ гр. Завадовскимъ. Того же года поступилъ на службу въ коллегiю иностранныхъ дѣлъ, а въ 1818-мъ опредѣленъ секретаремъ персидскаго посольства и отправился въ Таврисъ. Жаль ему было разставаться съ Петербургомъ, гдѣ онъ «хотя и имѣлъ огорченiя, но иногда былъ и счастливъ». Горестныя предчувствiя осаждали его воображенiе; ничто веселое не шло ему на умъ. Въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Новгорода, въ день своихъ именинъ (30 августа 1818 г.), онъ вспоминаетъ, что благовѣрный князь Александръ Невскiй скончался на возвратномъ пути изъ Азiи: «можетъ быть», замѣчаетъ онъ, «и соименнаго ему секретаря посольства ожидаетъ таже участь». Москва, въ которую онъ прiѣхалъ 3-го октября, крайне ему не понравилась: «Въ Москвѣ все не по мнѣ—праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку: нынче и она въ пренебреженiи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному». Особенное негодованiе возбуждалъ въ немъ московскiй театръ и его посѣтители. Здѣшнiе готентоты ничему не апплодируютъ, какъ будто на перекоръ петербургскимъ, которые рады, что Богъ далъ имъ ужасныя ладони, и при всякомъ случаѣ готовы гремѣть; надобно однако согласиться, что тотъ, кто у васъ Льва играетъ,—Росцiй въ сравненiи съ первѣйшими здѣшними актерами. Ко времени этого перваго выѣзда Грибоѣдова изъ Россiи должно отнести стихотворенiе: «Прости, отечество!», представляющее рядъ печальныхъ, мрачныхъ размышленiй

Вотъ взглядъ автора на судьбу человѣка:

Не наслажденье—жизни цѣль,
Не утѣшенье—наша жизнь.—
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно.—
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.

Въ Тифлисѣ, куда онъ прибылъ въ сентябрѣ 1818 г., временемъ его завладѣли: дуэль, карты и болѣзнь. Такъ говоритъ онъ самъ въ путевыхъ запискахъ. Дуэль происходила между имъ и Якубовичемъ, бывшимъ секундантомъ у гр. Завадовскаго и находившимся въ это время также въ Тифлисѣ. Якубовичъ обвинялъ Грибоѣдова въ дуэли и смерти Шереметева, дрался съ нимъ и ранилъ въ лѣвую руку. Въ Тифлисѣ же Грибоѣдовъ познакомился съ А. П. Ермоловымъ, который оцѣнилъ и полюбилъ его. «Что это за славный человѣкъ,» писалъ онъ Бѣгичеву. »Мало того, что уменъ (ныньче всѣ умны), но совершенно по-русски; на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи—замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, да не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить, однако позволяетъ говорить другимъ. Иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ; однако и тогда, если не убѣдитъ, все-таки заставляетъ себя слушать». Послѣ четырехмѣсячной жизни въ Тифлисѣ, при Ермоловѣ, Грибоѣдовъ отправился къ своему посту, въ Персію, куда и прибылъ въ февралѣ 1819 г. На пути отъ Тифлиса до Тегерана, онъ велъ дорожныя замѣтки, въ формѣ писемъ къ Бѣгичеву, не назначая ихъ для печати: «Ни строчки моего путешествія не выдамъ въ свѣтъ, даромъ что Катенинъ жалѣетъ объ этомъ и поощряетъ меня дѣлать замѣчанія, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умѣю разбалтывать ученость; книги мои въ чемоданахъ и некогда ихъ разрывать; жмусь когда холодно, разстегиваюсь когда тепло; не справляюсь съ термометромъ и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается; не припадаю къ землѣ, чтобы распознать ея свойство; не придумываю по обнаженнымъ кустамъ, къ какому роду принадлежитъ ихъ зелень». Въ Персіи Грибоѣдовъ занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ, и въ скоромъ времени не только объяснялся свободно на первомъ изъ нихъ, но и понималъ персидскихъ поэтовъ. Онъ пріобрѣлъ особенную благосклонность наслѣдника престола принца Аббаса-Мирзы который полюбилъ его и находилъ удовольствіе въ его бесѣдѣ. Въ первый годъ своего посольства (1819), онъ убѣдилъ многихъ плѣнныхъ русскихъ, поселившихся въ Персіи и вступившихъ въ военную службу къ шаху, возвратиться въ отечество. Ему поручено было проводить этотъ отрядъ въ наши предѣлы, и онъ въ походѣ подвергался опасности лишиться жизни отъ озлобленныхъ персіанъ, которымъ непріятно было возвращеніе переселенцевъ. Можетъ быть съ этого времени персіане возъимѣли къ нему ненависть, которая впослѣдствіи разрѣшилась столь гибельною для него катастрофой. Грибоѣдовъ ровно три года пробылъ въ Персіи (1819—1822), изъ которой иногда уѣзжалъ къ Ермолову за совѣтами и наставленіями: такъ, въ сентябрѣ 1819 г., онъ находился при немъ въ Чечнѣ. Отдаленность отъ родины, откуда «извѣстія доходили, какъ лучи отъ Сиріуса», разлука со всѣмъ и всѣми, что дорого сердцу, жизнь въ странѣ, которую Грибоѣдовъ называлъ то печальною, то «дурацкою«, и въ которой онъ

какъ человѣкъ просвѣщенный, чувствовалъ себя совершенно одинокимъ, тяготили его, не давали ему покоя. Къ службѣ, имъ же самимъ выбранной, у него не лежало сердце, почему, въ одномъ письмѣ Катенину, онъ назвалъ себя «добровольнымъ изгнанникомъ». Онъ началъ рѣшительно думать о возвратѣ въ отечество, или, по крайней мѣрѣ, о перемѣнѣ мѣста. Сохранилась на франц. яз. его записка (1820), содержащая въ себѣ черновую просьбу объ увольненіи отъ службы. Начавъ съ того, что ему знакомы многіе иностранные языки, онъ продолжаетъ: «Но для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще недостаточно владѣть нѣсколькими словами для выраженія одной и той же мысли, какъ говоритъ Ривароль. Чѣмъ мы просвѣщеннѣе, тѣмъ можемъ быть полезнѣе отечеству. И для того-то именно, чтобы имѣть способъ къ пріобрѣтенію познаній, я прошу объ увольненіи отъ службы или объ отозваніи изъ печальной страны, гдѣ не только что ничему не научишься, но еще забудешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ — эти общія мѣста, которымъ никто уже не вѣритъ». Задушевное желаніе его исполнилось черезъ пятнадцать мѣсяцевъ. Въ 1822 г., получивъ за отличіе чинъ коллежскаго ассесора, онъ, по собственному желанію, въ февралѣ того же года, изъ персидской миссіи переведенъ къ главноуправлявшему въ Грузіи, Ермолову, для занятій при немъ по дипломатической части. Ермоловъ любилъ и отличалъ своею довѣренностію Грибоѣдова, который также былъ искренно привязанъ къ своему начальнику и даже сопутствовалъ ему въ военныхъ экспедиціяхъ. Между черновыми бумагами его сохранился, между прочимъ, путевой журналъ, веденный во время переходовъ черезъ горы. «При Алексѣѣ Петровичѣ», писалъ онъ Булгарину, «у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался». Въ Грузіи же (1822) написалъ онъ знаменитую комедію «Горе отъ ума», первая мысль о которой, по свидѣтельству Булгарина, относится ко времени пребыванія автора въ Персіи, и именно къ 1821 г. Задумавъ отправиться за границу для излеченія болѣзни, Грибоѣдовъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву въ мартѣ 1823 г., гдѣ пробылъ по іюнь слѣдующаго 1824 г. Здѣсь онъ докончилъ свою комедію, передѣлалъ нѣкоторыя сцены и написалъ вновь другія. Въ Петербургѣ онъ прожилъ почти ровно годъ, съ іюня 1824 г. до половины или конца мая 1825-го, все собираясь въ чужіе края. Но этой заграничной поѣздкѣ не было суждено осуществиться. Въ Петербургѣ Грибоѣдовъ преимущественно обращался въ кругу литераторовъ и артистовъ, читалъ имъ свою комедію и безуспѣшно хлопоталъ о ея пропускѣ цензурой. Піеса его приватнымъ образомъ была разъиграна въ театральной школѣ. Въ 1824 г. написалъ онъ стихотвореніе «Телешовой», исполнявшей роль Людмилы въ балетѣ «Русланъ и Людмила», и перевелъ «Прологъ къ Гетеву Фаусту». Письма Грибоѣдова къ Катенину и Бѣгичеву изъ Петербурга часто содержатъ въ себѣ ѣдкіе отзывы объ окружавшихъ его людяхъ, недовольство самимъ собою и тревожно-мрачное расположеніе души. Какъ прежде не щадилъ онъ Москвичей, такъ теперь достается отъ него петербургскимъ литераторамъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ Бѣгичеву (4 января,(1825): «Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненія и еиміамъ; но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ

ихъ душинекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ... Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя поищу прибѣжища не отъ бурей, не отъ угрожающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! кѣмъ населенъ! и какая дурацкая исторія!» А вотъ что онъ писалъ къ Катенину, высланному на житье въ костромскую деревню: «было бы о чемъ расписаться, но мелочи—главныя черты Петербурга и его глупцовъ—тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны... Милый другъ, не тужи: право не о чемъ и не объ комъ. Тебѣ грустить не должно: всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда я вырвусь изъ этого мертваго города? «Правда, бичуя другихъ, Грибоѣдовъ разоблачаетъ и свои собственные недостатки: «Мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно! (восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Симферополя, отъ 9 сентября 1825 г.). Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности». Иногда эта несносная грусть переходила даже вь отчаяніе: «Пора умирать! Не знаю, отъ чего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ: пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота... Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди» (письмо къ Бѣгичеву, изъ Ѳеодосіи, отъ 12 сентября 1825). А. Пушкинъ вѣрнѣе самого Грибоѣдова опредѣлилъ источникъ такого невыносимаго состоянія духа: не столько замыслы безпредѣльныя и ограниченныя способности, сколько отличныя, необыкновенныя дарованія и равное имъ честолюбіе — были тому причиною. Честолюбіе требовало дѣятельности, но эта дѣятельность выбиралась не по мѣрѣ и характеру способностей, не по сердечной потребности, а по заказу общественнаго положенія и другимъ соображеніямъ. Грибоѣдовъ былъ, такъ сказать, подъ гнетомъ постояннаго душевнаго насилія—или самъ навязывая на себя такія обязанности, къ которымъ не лежала его душа, или по волѣ, отъ него независимой, занимаясь тѣмъ, къ чему не чувствовалъ призванія, и откладывая въ сторону то, къ чему питалъ пристастіе и что въ его мнѣніи и по его наклонностямъ было самымъ важнымъ и самымъ пріятнымъ дѣломъ жизни. Онъ хотѣлъ учиться, а учиться было некогда; онъ хотѣлъ заниматься литературой, и не могъ заниматься ею, сколько бы того хотѣлось. Обыкновенная жизнь ,не представлявшая особенныхъ даровъ ни ума, ни чувства, равно какъ и обыкновенная канцелярская работа безъ особенно-важныхъ политическихъ или административныхъ дѣйствій—тяготили его, сердили, вызывали сарказмы, отъ которыхъ не избавлялись ни враги, ни пріятели, ни жалкая посредственность, ни люди въ сущности добрые и полезные. Отсюда озлобленный умъ, съ явственною и сильною наклонностью къ деспотизму; отсюда внутренній раздоръ съ самимъ собою, постоянное ношеніе самого себя, — это тревожное кочеваніе духа, ищущаго осѣдлости, но получающаго осѣдлость только временную, и то не въ привольныхъ мѣстахъ, а тамъ, гдѣ ему не думалось и не хотѣлось останавливаться. Отказавшись отъ намѣренія ѣхать за границу. Грибоѣдовъ рѣшился воротиться въ Грузію. На пути побывалъ онъ въ южной Россіи и въ Крыму, который давно желалъ видѣть. Путевыя замѣтки его о Крымѣ идутъ съ 24 іюня по 12-ое іюля. Пріѣхавъ осенью того же 1825 г. въ

Грузію, онъ былъ въ экспедиціи съ генераломъ Вельяминовымъ противъ горцевъ, и въ виду кавказскихъ горъ и непріятельскаго стана написалъ стихотвореніе «Хищники на Чегемѣ» (горной рѣкѣ, при сѣверномъ склонѣ Кавказа). Въ началѣ 1826 г. Грибоѣдовъ былъ отправленъ Ермоловымъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, представлялся Государю Императору и получилъ въ награду чинъ надворнаго совѣтника. Въ это время онъ жилъ съ Булгаринымъ, который пишетъ о немъ слѣдующее: Часто онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности: «время летитъ, въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться не только работать». Воротясь въ Грузію почти при самомъ началѣ войны съ Персіей, Грибоѣдовъ состоялъ сначала при Ермоловѣ, а потомъ (1827) при графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, своемъ родственникѣ, которому онъ былъ крайне полезенъ, какъ человѣкъ, хорошо знавшій персіанъ, ихъ языкъ и находившійся въ близкихъ связяхъ съ главнымъ тогдашнимъ военнымъ и политическимъ со стороны Персіи дѣятелемъ, Аббасомъ-Мирзою. Вотъ что писалъ онъ о своей службѣ къ Булгарину (16 апрѣля 1827 г.) «Не ожидай отъ меня стиховъ: горцы, персіане, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощаютъ все мое вниманіе—не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь, и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другаго поприща». Въ походъ 1827 г., Грибоѣдовъ велъ короткія замѣтки, съ 12-го мая по 1-ое іюля. По окончаніи кампаніи, награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника. За труды же при веденіи переговоровъ о мирѣ и заключеніи туркманчайскаго трактата былъ избранъ главнокомандующимъ поднести мирный трактатъ Государю. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ 1828 г. Государь пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазами, медаль за персидскую войну и 4000 червонныхъ. Въ апрѣлѣ того же года онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ персидскомъ. Грибоѣдовъ не предугадывалъ этого назначенія, разсказываетъ Булгаринъ: онъ намѣревался выйти въ отставку и посвятить себя наукамъ и словесности. Съ мрачнымъ предчувствіемъ воспоминалъ онъ о Персіи, часто повторяя: «тамъ моя могила! чувствую, что не увижу болѣе Россіи». Тѣ же предчувствія выражалъ онъ и передъ Пушкинымъ, который напрасно старался его успокоить: «Vous ne connaissez pas ces gens-là», сказалъ Грибоѣдовъ: «vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux». Въ этотъ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, Грибоѣдовъ читалъ своимъ друзьямъ отрывки изъ романтической трагедіи или драмы: «Грузинская ночь», планъ которой составленъ въ Грузіи, вѣроятно въ 1825—1826 гг. Еще въ 1824 г., занимаясь Шекспиромъ, онъ задумалъ сочинить трагедію, о чемъ и упоминаетъ въ письмѣ къ Бѣгичеву. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, Грибоѣдовъ предложилъ руку дочери генералъ-лейтенанта Чевчевадзе, княжнѣ Нинѣ Александровнѣ, на которой вскорѣ и женился, свидѣвшись прежде съ главнокомандующимъ и приведя къ нему небольшой отрядъ войска подъ крѣпость Ахалкалаки (тогда началась уже война съ турками въ Азіи). Казалось, счастіе поэта было полное: литературная слава, значительность общественнаго положенія.

радости семейной жизни—все соединилъ для него 1828 г. Однакожъ письма его въ эту, повидимому самую счастливую, эпоху жизни постоянно выражаютъ печальное настроеніе духа. Мрачныя предчувствія стѣсняли его сердце болѣе, нежели когда-нибудь, и онъ съ каждымъ днемъ становился грустнѣе, какъ будто зналъ, что приближается къ гробу. При отъѣздѣ изъ Тавриса въ Тегеранъ, нѣсколько разъ вырывались у него слова: «Я не ворочусь оттуда; не оставляйте костей моихъ въ Персіи, похороните въ Грузіи». Эти предчувствія сбылись: 30 января 1829 г., онъ былъ убитъ въ Тегеранѣ черніи, раздраженною тѣмъ, что въ домѣ посланника укрывались русскіе подданные, которыхъ хотѣли воротить на родину. Останки его перевезли изъ Тегерана въ Тифлисъ. А. С. Пушкинъ, во время путешествія своего въ Арзерумъ, встрѣтилъ ихъ на границѣ Персіи, у крѣпости Гергеры. Прахъ Грибоѣдова покоится въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, построенномъ на крутой горѣ, замыкающей городъ къ западу. Мѣстоположеніе всегда нравилось покойному, который называлъ его поэтическою принадлежностью Тифлиса и упоминаетъ о немъ въ «Грузинской ночи». Надъ могилою Грибоѣдова, супруга его воздвигла памятникъ, на пьедесталѣ котораго, съ одной стороны, подъ портретомъ, написано: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ 1826 г. января 30 дня», а на другой: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!» (Воспоминанія о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ, Ѳ. Булгарина, въ 1 № Сына Отеч. и Сѣвер. Архива, 1830 г. О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова, ст. К. Полеваго, при ком. «Горе отъ ума», 2-е изд., 1839; А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, изд. Е. Серчевскаго, 1858; Черновая тетрадь Грибоѣдова, двѣ статьи Д. Смирнова въ 4 и 5 №№ Рус. Слова, 1859 г.; Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому и письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву, 1860; статья А. Н. Веселовскаго: А. С. Грибоѣдовъ, въ русской библіотекѣ, изд. Стасюлевича, кн. V). Для знакомства съ личностью Грибоѣдова, представляемъ отзывы о ней А. Пушкина и К. Полеваго. Первый говоритъ: «Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества,—все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». К. А. Полевой такъ изображаетъ Грибоѣдова въ упомянутой статьѣ, приложенной ко 2-му изд. »Горе отъ ума»: «Его обращеніе всегда отличалось рѣдкимъ свойствомъ, какою-то искренностью, которая однакожъ не переходила свѣтскихъ формъ. Слушая Грибоѣдова, можно было вѣрить каждому слову его потому, что онъ не терпѣлъ преувеличеній и будто мыслилъ въ слухъ, не скрывая своихъ чувствъ. Образованность и свѣтскость придавали ему

характеръ обворожительный. Еще больше увидѣлъ я справедливость своихъ замѣчаній, встрѣтившись съ Грибоѣдовымъ у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Разговоры и сужденія Грибоѣдова были чрезвычайно замѣчательны. Между прочимъ рѣчь зашла о власти человѣка надъ самимъ собою. Грибоѣдовъ утверждалъ, что власть его ограничена только физическою невозможностью, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно и даже сдѣлать изъ себя все. «Говорю такъ потому (собственныя слова Грибоѣдова), что многое испыталъ надъ самимъ собою. Напримѣръ, въ послѣднюю персидскую кампанію, во время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи ударилось подлѣ князя, осыпало его землей, и въ первый мигъ я подумалъ, что онъ убитъ. Это разлило во мнѣ такое содроганіе, что я задрожалъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости». Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть я трусъ въ душѣ? Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшилъ, чего бы то ни стоило, вылечить себя отъ робости. Я хотѣлъ не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной самимъ число выстрѣловъ и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха — оно усилится и утвердится». Главными, отличительными его свойствами были большая сила воли и самостоятельность въ сужденіяхъ и образѣ жизни. Онъ не находилъ ничего невозможнаго для ума и воли; не хотѣлъ, чтобы человѣкъ робѣлъ передъ непріятельскою батареею, или, потворствуя лѣни, читалъ въ переводѣ то, что можетъ читать въ подлинникѣ. Блестящія обстоятельства не перемѣнили его образа жизни. Въ немъ также не было ни малѣйшаго признака несноснаго, приторнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, которое прививается ко многимъ отличнымъ людямъ. А между тѣмъ, онъ былъ и поэтъ и свѣтскій человѣкъ самой высшей степени. Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему неразрывною цѣпью уваженія; всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно».

Сочиненія Грибоѣдова въ хронологическомъ порядкѣ:

Письмо изъ-Брестъ-Литовска (Вѣст. Европы, 1814, № 15).

Молодые супруги, ком. въ 1 д., въ стихахъ (представлена 29 сентября 1815 г.; нап. въ томъ же году). Франц. подлинникъ этой пьесы, соч. Крёзе де Лессе, называется: Le secret de ménage.

Отъ Аполлона, стихотвореніе (Сынъ Отеч. 1814, № 45).

О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора (Ib. 1819, № 30).

Отрывокъ изъ ком.: «Своя семья или замужняя невѣста» (Ib. 1817, № 48).

Лубочный театръ, стихотвореніе, 1817 г, (Рус. Старина, т. X, стр. 159—160).

Притворная невѣрность, ком. въ 1 д., въ стихахъ (представлена 11 февраля 1818, нап. 1818). Передѣлка франц. піесы Барта: «Les fausse infidélités». Въ трудѣ Грибоѣдов принималъ участіе Жандръ.

«Прости, отечество!» стихотворені (черновая тетрадь Грибоѣдова, ст 2-ая, въ 5 № Рус. Слова, 1859). Ав торъ статьи, г. Д. Смирновъ, относитъ это стихотвореніе къ 1818 г.

Путевыя замѣтки изъ Тифлиса въ Тегеранъ, 1819 г. (Черн. тетрадь, ст. 1, въ 4 № Рус. Слова, 1859).

Путевыя замѣтки во время перехода черезъ горы, 1822 (Черн. тетрадь, ст. 2 въ 5 № Рус. Слова, 1859).

Горе отъ ума, ком. въ 4 д., въ стихахъ (1833).

Отрывокъ изъ Гете, переводъ втораго пролога изъ Фауста (Полярная звѣзда на 1825 г.).

Путевыя замѣтки о Крымѣ, 1825 (Черенов. тетрадь Грибоѣдова, Рус. Слово, 1859, № 5).

Хищники на Чегемѣ, стихотвореніе. Другое его названіе: «Дѣлежъ добычи» (Сѣв. Пчела 1826, № 143, и Чер. тетрадь, Рус. Слово, 1859, № 5).

Короткія замѣтки во время персидскаго похода, 1827 (Черн. тетрадь, Рус. Слово. 1859, № 5).

Сочиненіе неизвѣстнаго времени:

Отрывки изъ Грузинской ночи.

Объ этой трагедіи Булгаринъ пишетъ: «*Въ послѣднее пребываніе свое въ Грузіи,* Грибоѣдовъ сочинилъ планъ романтической трагедіи и нѣсколько сценъ. Трагедію назвалъ онъ «Грузинская ночь».

Изданія сочиненій Грибоѣдова:

Первое — Смирдинское: въ Полн. собраніи сочиненій русскихъ авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Крюковскаго (Сб. 1854).

Второе—Евграфа Серчевскаго «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія». Спб. 1856). Изданіе крайне небрежное.

Третье—Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Съ портретомъ автора и 5-ю картинами (Спб. 1860).

Четвертое—Сочиненія А. С. Грибоѣдова, первое полное изданіе съ примѣчаніями (Берлинъ) 1869.

Другія изд.: 1862, 1866, 1867, 1880.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.